

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07856195 2

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1888.

Стр.

I.—ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА.—Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго.—VIII. Тетенька Аифиса Порфирьевна.—И. Щедрина	5
II.—ПРЕВРАЩЕНІЯ.—Стих. А. М. Жемчужникова	49
III.—БАЙРОНИЗМЪ У ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА.—Изъ эпохи романтизма.—I. Байронизмъ Пушкина.—В. Д. Спасовича	50
IV.—НОВОЕ НА СТАРОЙ ПОДКЛАДКѢ.—Повѣсть изъ американскаго быта.—XXIII—XXXVI.—Пав. Каширина	87
V.—СРЕДИ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—Ф. Ф. Воропцова	148
VI.—НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА.—Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Марионъ Крофордъ. Съ англійскаго.—Часть первая.—XII—XVII.—А. Э.	180
VII.—ПИСЬМА ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА къ сыну, графу М. С. Воронцову. 179—1890 г.—А. Г. Брикиера	282
VIII.—РУССКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕВЧЕНКА.—А. П. Шыпина	246
IX.—РЕЛИГИОЗНЫЯ СМУТЫ И ГОНЕНІЯ, отъ V до XVII вѣка.—Гр. П. А. Валуева	287
X.—ХРОНИКА.—По поводу реформа земскихъ учреждений.—Близжайшія нужды мѣстнаго населенія, соч. бар. П. Л. Корфа.—К. К. Арсеньева	327
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—„Особое мнѣніе“ одного изъ предводителей дворянства о нѣкоторыхъ сторонахъ административной реформы.—Два противоположные вида соединенія властей.—Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1885 годъ.—Практическіе результаты закона 3 мая 1883 г.—Различныя формы борьбы съ расколомъ.—Въ вопросу о вѣротерпимости.—Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1-86 г.	352
XII.—ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.—Саратовъ.—Z.	373
XIII.—ОТВѢТЪ Г-ну ОРДИНУ.—Письмо въ редакцію.—Л. Мехелицъ	383
XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Австро-германскій договоръ и его значеніе.—Система вооруженнаго мира и ея особенности.—Рѣчь князя Бисмарка.—Дѣятельность германскаго парламента.—Политическое настроеніе Австро-Венгріи.—Англійскія и французскія дѣла.—Балканскія дѣла и правительственное сообщеніе 11-го февраля	391
XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Очерки изъ психологіи славянскаго племени: Славянофилы, М. Урлица.—Гердери, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма, перев. В. Невѣдомскій.—Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Исслѣдованіе И. И. Дубасова.—Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова.—А. П.—Вопросы и впечатлѣнія (Choses vues). Посмертныя записки Виктора Гюго. Переводъ Ю. Довпельмейеръ, съ предисловіемъ В. Гольцева.—А. К.	413
XVI.—ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.—I. Записка къ Жуковскому.—II. Новый автографъ „Моей Родословной“.—III. О послѣднихъ минутахъ Пушкина.—IV. Типографскія „проказы“.—В. П. Гаевского	431
XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Адресъ евангелическаго союза и отвѣтъ, данный союзу г. оберъ-прокуроромъ св. синода.—Вопросъ о вѣротерпимости на почвѣ исторіи и на почвѣ современности.—Новыя нападенія на судъ присяжныхъ, усложненныя вылазками въ область гражданскаго процесса.—Десятилѣтіе практики женщинъ-врачей.—Два слова о реакціонной печати	445
XVIII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сочиненія К. Н. Батюшкова.—Судебныя рѣчи, А. Ф. Кони.—Любовь, О. К. Нотовича.—Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ, Дѣдова.—Въ дебряхъ сѣвера, сост. Э. Гранстремъ.—Діететика духа, д-ра Шольца, перев. П. Ковалевскаго.—Брюхо Петербурга, А. Бахтиярова.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XX стр.

Съ перваго марта открывается подписка на 2-ую четверть года.
(См. объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ III. — ТОМЪ XXXIV. — 1/43 МАРТА, 1888.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

1295

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острове, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТШЕТЕРБУРГЪ

1888

15

5305-

JUN.
24
1894

(1404)

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и приключения Никанора Затрапезнаго.

VIII.—Тетенька Анфиса Порфирьевна *).

Тетенька Анфиса Порфирьевна была младшая изъ сестеръ отца (въ описываемое время ей было немногимъ больше пятидесяти лѣтъ), и жила отъ насъ недалеко.

Я не помню, впрочемъ, чтобъ, до покупки Заболотья, мы когда-нибудь ѣзжали въ ней, да и не помню, чтобы и она у насъ бывала, такъ что я совсѣмъ ея не зналъ. Уже въ семьѣ дѣдушки Порфирія Васильча, когда она еще была „въ дѣвкахъ“, ее не любили, и называли варваркой; впоследствии же, когда она вышла замужъ и стала жить на своей волѣ, репутація эта за ней окончательно утвердилась. Рассказывали почти чудовищные факты изъ ея помѣщицкой практики и нѣчто совсѣмъ фантастическое объ ея семейной жизни. Говорили, напримѣръ, что она, еще будучи въ дѣвушкахъ, защищала до смерти данную ей въ услуженіе дѣвчонку; что она находится замужемъ за покойникомъ и т. д. Отецъ избѣгалъ разговоръ о ней, но матушка, которая вообще любила повлословить, называла ее не иначе, какъ тиранкой и распутницей. Вообще, и родные, и помѣщичьи-сосѣди чуждались Савельцевыхъ (фамилія тетеньки по мужу), такъ что они жили совершенно одни, всѣми брошенные.

Рассказы эти передавались безъ малѣйшихъ прикрасъ и утаевъ, во всеуслышаніе, при дѣтяхъ, и, разумѣется, сильно дѣйствовали

*) См. выше: 1887 г., дек., 639 стр.

на дѣтское воображеніе. Я, напримѣръ, отъ роду не видавши тетеньки, представлялъ себѣ ее чѣмъ-то въ родѣ скелета (такую женщину я на картинкѣ въ книжкѣ видѣлъ), въ сѣро-пепельномъ хитонѣ, съ простертыми впередъ руками, концы которыхъ были вооружены острыми когтями вмѣсто пальцевъ, съ зияющими впадинами вмѣсто глазъ и съ вьющимися на головѣ змѣями вмѣсто волосъ.

Но съ покупкой Заболотья обстоятельства измѣнились. Дѣло въ томъ, что тетенькино имѣніе, Овсецово, лежало какъ разъ на полпути отъ Малиновца къ Заболотью. А такъ какъ пряжка въ сорокъ слишкомъ верстъ для непривычныхъ лошадей была утомительна, то необходимость заставляла кормить на половинѣ дороги. Обыкновенно мы дѣлали привалъ на постояломъ дворѣ, стоявшемъ на берегу рѣки Вопли, наискосокъ отъ Овсецова; но матушка, съ своей обычной расчетливостью, рѣшила, что чѣмъ изъясниться на постояломъ дворѣ ¹⁾, выгоднѣе будетъ часа два три посидѣть у сестрицы, которая, конечно, будетъ рада возобновленію родственныхъ отношеній и постарается 'удоволить дорогую гостью.

И вотъ, однажды—это было лѣтомъ—матушка собралась въ Заболотье и меня взяла съ собой. Это былъ нашъ первый (впрочемъ, и послѣдній) визитъ къ Савельцевымъ. Я помню, любопытство такъ сильно волновало меня, что мнѣ буквально не сидѣлось на мѣстѣ. Воображеніе работало, рисуя заранѣе уже созданный образъ фури, грозно выступающей намъ на-встрѣчу. Матушка тоже безпрестанно колебалась и переговаривалась съ горничной Агашей.

- Заѣзжать, что ли?
- Это какъ вамъ, сударыня, будетъ угодно.
- Еще не приметъ, пожалуй!
- Какъ не принять... помилуйте! даже съ радостью!

Матушка задумывалась на минуту въ нерѣшимости, и потомъ продолжала:

- Чай, и Оомбу своего покажетъ!

¹⁾ О томъ, какъ великъ былъ этотъ изъясъ, можно судить по слѣдующему расчету: пудъ сѣна лошадей (овесъ былъ свой)—20 коп.; завтракъ кучеру и лакею—30 коп.; самоваръ и кринка молока—30 коп. Господа кушали свое, домашнее, и я какъ сейчасъ вижу синюю бумагу, въ которой была завязана жареная курица, нѣсколько пшеничныхъ колобушекъ съ запеченными яйцами и половина ситнаго хлѣба. Горничная питалась остатками отъ барской трапезы. За „постоялое“ платилось только въ ненастье (около 20 коп.); въ ведро же матушка располагалась отдохнуть въ огородѣ. Итого, восемьдесятъ копѣекъ, и въ крайнемъ случаѣ рубль на ассигнаціи!

— Может, и посовѣстится. А впрочемъ, сказываютъ, онъ завсе съ барыней за однимъ столомъ обѣдаетъ...

— Ну, ладно, ѣдемъ!

Черезъ короткое время, однакожь, рѣшимость оставляла матушку, и разговоръ возобновлялся на противоположную тему.

— Нѣтъ ужъ, чтò срамиться,—говорила она, и, обращаясь къ кучеру, прибавляла:—ступай на постоянный дворъ!

Поэтому, сердце мое сильно забилося, когда, при поворотѣ въ Овсецово, матушка крикнула кучеру:

— Въ Овсецово!

Экипажь своротилъ съ большой дороги и покатился мягкимъ проселкомъ по направленію къ небольшому господскому дому, стоявшему въ глубинѣ двора, обнесеннаго тыномъ и обсаженнаго березками.

Дѣйствительно, насъ ожидало нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Дворъ былъ пустыненъ; рѣшетчатые ворота закрыты; за тыномъ не слышалось ни звука. Солнце палило такъ, что даже собака, привязанная у амбара, не залаяла, услышавъ насъ, а только лѣниво повернула морду въ нашу сторону.

Казалось, само Забвеніе поселилось здѣсь и покрыло своимъ пологомъ все живущее. Черезъ двѣ-три минуты, однакожь, изъ за угла дома вынырнула человѣческая фигура въ затрапезномъ спортуѣ, остановилась, приложила руку къ глазамъ и на окрикъ нашъ: — „Анфиса Порфирьевна дома?“—мгновенно скрылась. Потомъ, съ дѣвичьяго крыльца выбѣжала женщина въ рваномъ сарафанѣ, и тоже скрылась. Наконецъ, съвозъ рѣшетчатыхъ воротъ, мы увидѣли начавшееся въ домѣ движеніе, бѣготню. Отворилось парадное крыльцо, и изъ него выбѣжалъ босоногій подростокъ въ нанжовомъ казакинѣ, который и отворилъ намъ ворота.

Тетенька уже стояла на крыльцѣ, когда мы подъѣхали. Это была преждевременно одряхлѣвшая, вострявая и почти беззубая старуха съ морщинистымъ лицомъ и сѣдыми космами на головѣ, развѣвавшимися по вѣтру. Моему настроенному воображенію представилось, что въ этихъ космахъ шевелятся змѣи. Къ довершенію всего, на ней былъ надѣтъ старый-старый ситцевый балахонъ сѣро-пепельнаго цвѣта, точь-въ-точь какъ на картинѣ.

— Ахъ, родные мои! ахъ, благодѣтели! вспомнила-таки про старуху, сударушка! — дребезжащимъ голосомъ привѣтствовала она насъ, протягивая руки, чтобы обнять матушку:—чай, на полпути въ Заболотье... все-таки дешевле, чѣмъ на постояломъ кормиться... Слышала, сударушка, слышала! Купила ты едко съ едомъ... Ну, да и молодецъ же ты! Лѣгко ли дѣло, сама-одна

какое дѣло сварганила! Милости просимъ въ горницы! спасибо, сударка, что хоть ненарокомъ да вспомнила.

Покуда тетенька беспорядочно и не безъ ироніи произносила свое привѣтствіе, я со страхомъ ждалъ своей очереди.

— И мальчика съ собой привезла... ну, обрадовала! Это который?—обратилась она ко мнѣ и, взявъ меня за плечи, поцѣловала тонкими, запекшимися губами.

— Осьмой... да дома еще остался...

— Девятый... ай да молодець братъ Василій! Седьмой десятокъ, а поди еще какъ проказничаетъ! Того гляди, и десятый недалеко... Ну, дай тебѣ Богъ, сударыня, дай Богъ! Пстой-ка, пстой, душенька, дай посмотришь, на кого ты похожь! Ну, такъ и есть, на братца Василья Порфирьича, точка въ точку вылитый въ него!

Она поворачивала меня къ свѣту и осматривала со всѣхъ сторонъ.

Я долженъ сказать, что такого рода балагурство было мнѣ не въ дивовинку. И въ нашемъ домѣ, и у сосѣдей, въ женской чести относились не особенно осторожно. Сосѣди и сосѣдки клепали другъ на друга почти шута. Была ли хоть искра правдоподобія въ этихъ поклепахъ—объ этомъ никто не думалъ. Они составляли какъ бы круговую поруку и въ то же время были единственнымъ общедоступнымъ предметомъ собесѣдованій, которому и въ гостяхъ, и у семейнаго очага, съ одинаковой страстью посвящали свои досуги и кавалеры, и дамы, въ суровности же послѣднія. Я лично почти не понималъ, въ чемъ заключается суть этого балагурства, но слова уже настолько прислушались, что я не поражался ими.

Матушка, однакожь, поняла, что попала въ ловушку, и что ей не ускользнуть отъ подлыхъ намековъ въ продолженіе всѣхъ двухъ-трехъ часовъ, повуда будутъ кормиться лошади. Поэтому, она, еще не входя въ комнаты, начала уже торопиться, и приказала, чтобъ лошадей не откладывали. Но тетенька и слышать не хотѣла о скоромъ отъѣздѣ дорогихъ родныхъ.

— Ахъ-ахъ-ахъ! да никакъ ты на меня обидѣлась, сударка!—воскликнула она:—и не думай уѣзжать—не пушу! вѣдь я, мой другъ, ежели и сказала чтд, такъ спроста!.. Такъ вотъ... Проста я, куда какъ проста нынче стала! Иногда чего и на умѣ нѣтъ, а я все говорю, все говорю! Изволь-ка, изволь-ка въ горницы идти—безъ хлѣба-соли не отпущу, и не думай! А ты, малецъ,—обратилась она ко мнѣ:—погуляй, ягодожь въ ого-

родѣ пощипли, повуда мы съ маменькой побесѣдуемъ! Ахъ, родные мои! ахъ, благодѣтели! сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Дѣлать нечего, пришлось оставаться. Я, разумѣется, съ радостью воспользоваться даннымъ мнѣ отпускомъ, и въ нѣсколько прыжковъ ужъ очутился на дворѣ.

Дворъ былъ пустыневъ по-прежнему. Обнесенный кругомъ частоколомъ, онъ придавалъ усадьбѣ характеръ острога. Съ одного краю, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома, виднѣлись хозяйственные постройки: конюшни, скотный дворъ, людскія и проч., но и тамъ не слышно было никакого движенія, потому что скотъ былъ въ стадѣ, а дворовые на барщинѣ. Только вдали, за службами, бѣжалъ, по направленію къ полю, во всю прыть мальчишка, котораго, вѣроятно, послали на сѣнокося за прислугой.

Въ дѣтствѣ, я очень любилъ все, что относилось до хозяйства, а потому и въ настоящемъ случаѣ прежде всего отправился къ службамъ. Требовалось сравнить, все ли тутъ такъ же прочно, солидно и просторно, какъ у насъ, въ Малиновцѣ; какъ устроены стойла для лошадей, много ли стоитъ жеребцовъ, которыхъ въ стадо не гоняютъ, а держать постоянно на сухомъ корму; обширенъ ли скотный дворъ; похожа ли Савельцевская кухарка въ застольной на нашу кухарку Василису и т. д. Сверхъ того, я видѣлъ, что у воротъ коннаго двора стоитъ наша воляска съ поднятымъ фордекомъ, и около нея сидитъ нашъ кучеръ Алемпій, пускаетъ дымъ изъ трубки-носогрѣйки и разговариваетъ съ сторбленнымъ старикомъ въ синемъ, вылинявшемъ отъ употребленія, крашеняномъ сюртугѣ. Навѣрное, думалось мнѣ, они ведутъ рѣчь о лошадяхъ, и Алемпій хвалится нашимъ небольшимъ конскимъ заводомъ, который и меня всегда интересовалъ. Но по мѣрѣ того, какъ я приближался къ службамъ, до слуха моего доносились сдерживаемые стоны, которые сразу возстановили въ моемъ воображеніи всю послѣдовательность рассказовъ изъ тетенькиной ерѣвостной правтики. Черезъ нѣсколько секундъ я былъ уже на мѣстѣ.

Дѣйствительность, представившаяся моимъ глазамъ, была по истинѣ ужасна. Я съ дѣтства привыкъ къ грубымъ формамъ помѣщичьяго произвола, который выражался въ нашемъ домѣ въ формѣ севернословія, пощечинъ, зуботычинъ и т. д., привыкъ до того, что онѣ почти не трогали меня. Но до истязанія у насъ не доходило. Тутъ же я увидалъ картину такого возмутительнаго свойства, что на минуту остановился, какъ вкопанный, не вѣря глазамъ своимъ.

У конюшни, на еучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу,

стояла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и рвалась во всѣ стороны. Былъ уже часъ второй дня, солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое слезами и слюною лицо. По мѣстамъ образовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица. Дѣвочка терзалась, а тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ нея, преспокойно гуторили два старика, какъ будто ничего необыкновеннаго въ ихъ глазахъ не происходило.

Я самъ стоялъ въ нерѣшимости передъ смутнымъ ожиданіемъ отвѣтственности за непрошенное вмѣшательство,—до такой степени крѣпостная дисциплина смиряла даже въ дѣтахъ человѣческіе порывы. Однакожь, сердце мое не выдержало, я тихонько подерался къ столбу и протянулъ руки, чтобы развязать веревки.

— Не тронь... тетенька забранить... хуже будетъ!—остановила меня дѣвочка:—вотъ лицо фартукомъ оботри... Баринъ!.. миленькій!

И въ то же время сзади меня раздался старческій голосъ:

— Не суйся не въ свое дѣло, пащеночъ! И тебя къ столбу тетенька привяжетъ!

Это говорилъ Алемпьевъ собесѣдникъ. При этихъ словахъ во мнѣ совершилось нѣчто постыдное. Я мгновенно забылъ о дѣвочкѣ и съ поднятыми вулаками, съ словами: „молчать, подлый халуй!“—бросился къ старику. Я не помню, чтобы со мной случался когда-либо таковой припадокъ гнѣва, и чтобы онъ выражался въ такихъ формахъ, но очевидно, что крѣпостная практика уже свила во мнѣ прочное гнѣздо и ожидала только случая, чтобы всплыть наружу.

Старикъ, въ свою очередь, замахнулся на меня, и кто знаетъ, чтò бы тутъ произошло, еслибы Алемпій не вступился за меня.

— Чтò вы! чтò вы, сударь!—успокаивалъ онъ меня:—вѣдь это баринъ... Маменька гнѣваться будетъ...

А остервенившійся старикъ въ то же время кричалъ:

— Я не халуй, а твой дядя, вотъ я кто! Я тебя...

Не дослушавъ дальнѣйшихъ угрозъ, я опрометью побѣжалъ въ домъ. Дордогой, мнѣ казалось, что передо мной встало привидѣніе, и преслѣдовало меня по пятамъ.

Въ залѣ ужъ наврывали на столъ; въ гостиной добрыя родственницы дружелюбно бесѣдовали.

Безпорядочно, прерывая рассказъ слезами, я передалъ мои жалобы матушкѣ, упомянувъ и о несчастной дѣвочкѣ, привязанной къ столбу, и о какомъ-то лакеѣ, осмѣлившемся назвать себя моимъ

дадей, но, къ удивленію, матушка выслушала мой разсказъ морщась, а тетенька совершенно равнодушно сказала:

— Это онъ, видно, моего „повойничка“ видѣлъ! И затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавила: — а тебѣ, мой другъ, не слѣдовало не въ свое дѣло вмѣшиваться. Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходять. Дѣвчонка провинилась, и я ее наказала. Она моя, и я что хочу, то съ ней и дѣлаю. Таеъ-то.

А матушка прибавила:

— Разумѣется. Ты у тетеньки въ гостяхъ, и, стало-быть, долженъ вести себя прилично. Не слѣдъ тебѣ по конюшнямъ бѣгать. Сидѣлъ бы съ нами, или въ саду бы погулялъ, ничего бы и не было. И впередъ этого никогда не дѣлай. Тетенька слишкомъ добра, а я на ея мѣстѣ поставила бы тебя на колѣнки, и дѣло съ концомъ. И я бы не заступилась, а сказала бы: за дѣло!

Къ счастью, тетенька не только не поставила меня на колѣнки, но на этотъ разъ рѣшилась быть доброю, влинула дѣвку и приказала отпустить наказанную.

— Признаться сказать, я и забыла про Наташку,—сказала она.— Не слѣдовало бы дѣвчонку баловать, ну да ужъ, для дорогихъ гостей, таеъ и быть; пускай за племянничка Бога молитъ. Ахъ, трудно мнѣ съ ними, сестрица, справляться! Народъ все сорванецъ—долго ли до грѣха!

— Долго ли!—подтвердила и матушка:—Ну, а твой „повойничекъ“, сестрица... живъ и здоровъ?

— Что ему, псу несытому, дѣлается! Ёсть да пьеть, ёсть да пьеть! Только что онъ мнѣ однѣми взятками стоитъ... ахъ, распостылый! Весь земскій судъ, по его милости, на свой счетъ содержи... смерти на него нѣтъ! Умеръ бы, и дѣло бы съ концомъ!

— А не буйствуетъ онъ?

— Нѣтъ, смирился. Насчетъ этого пожаловаться не могу, благородно себя ведетъ. Ну, да вѣдь, мать моя, со мною не много поговорить. Я сейчасъ локти къ лопаткамъ, да и къ исправнику... Проявился, молъ, бродяга, мужемъ моимъ себя называетъ... Дѣлайте съ нимъ что хотите, а онъ мнѣ ненадобенъ!

— А отвѣчать не боишься?

— Отвѣчать-то? Да тутъ всѣ въ отвѣтъ, и не разберешь. Я и то иногда подумываю: одинъ конецъ! Возьму да сошлю его въ Сибирь... Онъ вѣдь, по ревизіи, въ дворовыхъ у меня числится, и будь хошь исправникъ, хошь раз-исправникъ, а долженъ будетъ сдѣлать по моему! Въ ту пору, у насъ, случилось, столяръ Потапка померъ, таеъ его подъ именемъ боларина Савельцева схо-

ронили, а моего-то совола, чтобъ солдатства миновать, дворовымъ человѣкомъ Потапомъ Семеновымъ окрестили. Стало-быть, я теперь что хочу, то съ нимъ и дѣлаю! Ахъ, да проста я нынче стала, куда проста! Подумаю, подумаю: ну, непременно, какъ святъ Богъ, его, поганца, сошлю! а потомъ и жалко станеть! Легко ли дѣло! Невступно двадцать лѣтъ подъячїе оболо меня вормятся, словно мушинный рой такъ и жужжать... Въ раззоръ разорили, хоть по міру ступай! И хозяйство не мило, потому, что ни продамъ, что ни получу, все на нихъ, каторжныхъ, уходитъ! Да не хочется ли тебѣ посмотрѣть на чулушку-то моего?..

— Нѣтъ, что ужъ! Христоръ съ нимъ.. А хорошенькое у тебя, сестрица, имѣннице, кругленькое... Ъхала я мимо озимаго... ахъ, хороша родилась рожь! Будешь съ хлѣбцемъ нынѣшній годъ!

Дальнѣйшій разговоръ свернулъ на хозяйственныя темы, которыя, вѣроятно, служили ему содержаніемъ и тогда, когда я своимъ неожиданнымъ появленіемъ прервалъ его. Я узналъ, что у тетеньки своихъ сорокъ душъ; да мужнинныхъ восемьдесятъ она какъ-то съумѣла на свое имя перевести. Имѣнїе мужа выгоднѣе, потому что тамъ люди поголовно поверстаны въ дворовые, работаютъ на барщинѣ ежедневно, а она своихъ крестьянъ не успѣла въ дворовые перечислить, предводитель попрепятствовалъ, угрозилъ дѣло завести. И земли у нея довольно, и лѣсокъ есть; всѣмъ было бы хорошо, кабы не донимали подъячїе.

— А все изъ-за него, изъ-за постылаго! Разорилъ меня подлый человѣкъ, не беретъ его смерть, да и вся недолга!—безпрестанно прибавляла тетенька, прерывая свой рассказъ.

Наконецъ, около половины третяго насъ позвали обѣдать. Войдя въ залу, мы застали тамъ громаднаго роста малаго, лѣтъ подѣ-тридцать, широкоплечаго, съ угреватымъ широкимъ лицомъ, маленькими, чуть-чуть видными глазами и густою гривой волосъ на головѣ. Онъ былъ одѣтъ въ свѣтло-зеленый казINETОВЫЙ казакинъ, на-глухо застегнутый на крючки, сквозь которые была продернута серебряная цѣпочка съ часами, которые онъ безпрестанно вынималъ. На заплывшемъ лицѣ его написано было тупое самодовольство и неизреченная животнейная плотоядность. Онъ ловко расшаркнулся передъ матушкой и подошелъ ей къ ручкѣ.

— А это мой Омушка! — рекомендовала его тетенька: — только онъ одинъ и помогаетъ мнѣ. Не знаю, какъ бы я и справилась безъ него съ здѣшной вольницей!

Матушка чуть-чуть сконфузилась, но не отняла руки, и даже поцѣловала Омушку въ лобъ, какъ этого требовалъ тогдашній этикетъ.

— Сестрица ржи наши хвалить, — обратилась тетенька къ Омушкѣ: — поблагодари ее! — Омушка снова распаркался. — Вотъ бы тебѣ, сударька, такого же Омушку найти! Ужъ такой слуга! такой слуга! на рѣдкость!

Я не помню, какъ прошелъ обѣдъ; помню только, что кушанья были сытныя и изготовленныя изъ свѣжей провизіи. Такъ какъ Савельцевы жили всѣми оброшенныя и никогда не ждали гостей, то у нихъ не хранилось на погребѣ парадныхъ блюдъ, захватанныхъ лакейскими пальцами, и обѣдъ всякій день готовился незатѣйливый, но свѣжій.

Тетенька, повидимому, была не скупа и усердно, даже съ нѣкоторою назойливостью, насъ потчивала.

— Кушай, кушай! — понуждала она меня: — ишь вѣдь ты какой худой! въ Малиновцѣ-то, видно, не слишкомъ подкармливаютъ. Знаю я ваши обычаи! Кушай на здоровье! будешь больше кушать, и наука пойдетъ спорѣ...

И затѣмъ, обращаясь къ матушкѣ, продолжала: — А ты, сударыня, чтѣ по сторонамъ смотришь... кушай! Заѣхала, такъ не накормивши не отпущу! Знаю я, какъ ты дома изъ третьеводнишнихъ остатковъ соусы выкраиваешь... слышала! Я хоть и въ углу сижу, а все знаю, чтѣ на свѣтѣ дѣлается! Вотъ я нагряну когда-нибудь къ вамъ, посмотрю, какъ вы тамъ живете... богатѣи! Чтѣ? испугалась!

Матушка, дѣйствительно, нѣсколько измѣнилась въ лицѣ при одной перспективѣ будущаго визита Анфисы Порфирьевны. Тутъ только, повидимому, она окончательно убѣдилась, какую сдѣлала ошибку, захавши въ Овсецово.

— Ну, ну... не пугайся! небось, не приѣду! Куда мнѣ, оглашенной, къ большимъ барамъ ѣздить... проживу и одна! — шутила тетенька, видя матушкино смущеніе: — живемъ мы здѣсь съ Омушкой въ уголку, тихохонько, смиренхонько, ничего намъ не надобно! Гостей не зовемъ, и сами въ гости не ѣздимъ... нѣкуда! А коли не варовомъ вспомнать добрые люди, милости просимъ! Вотъ только жеманницъ смерть не люблю, прошу извинить.

Но въ особенности понуждала она Омушку:

— Ышь, Омушка, ышь! Вишь ты какой кражъ выросъ! есть куда хлѣбъ-соль власть! Ышь!

На чтѣ Омушка неизмѣнно, слегка поглаживая себя по животу, отвѣчалъ:

— Наѣлся-съ; не въ моготу-съ!

И таинственнымъ урчаніемъ подтверждалъ свой отвѣтъ.

— Ыште, сударики, ыште! — не умолкала тетенька. — Ты бы,

сестрица, небось, на постояломъ курицу черствую глодала, такъ ужъ, по крайности, хоть то у тебя въ барышахъ, что прїѣдешь ужъ вечеромъ въ Заболотьѣ,—анъ курица-то на ужинъ пригодится!..

Тетушка задержала насъ до пятого часа. Напрасно отпрашивалась матушка, ссылаясь, что лошади давно уже стоятъ у крыльца; напрасно указывала она на черную полосу, выглянувшую на краю горизонта и обѣщавшую черную тучу прямо на встрѣчу намъ. Анфиса Порфирьевна упорно стояла на своемъ. Послѣ обѣда, который подавался чрезвычайно медлительно, послѣдоваль кофеи; потомъ надо было по родственному побесѣдовать—наѣлись, напились, да сейчасъ ужъ и ѣхать!—потомъ посидѣть на дорожку, потомъ Богу помолиться, перецѣловаться...

— И куда только ты торопишься!—уговаривала тетенька:—усиѣешь еще насидѣться въ своемъ ненаглядномъ Заболотьѣ! А знаешь ли что! кабы мое было это Заболотьѣ, ужъ я бы... Не посмотрѣла бы я, что тамъ мужики въ синихъ кафтанахъ ходятъ, а бабы въ штофныхъ тѣлогрѣяхъ... я бы... Вотъ землицы тамъ мало, нѣ у чего людей занять,—ну, да я бы нашла занятіе... А впрочемъ, что мнѣ тебя учить, ученаго учить—только портить. Догадаешься и сама. Малиновець-то, покуда братецъ съ сестрицами распорядились, грошъ давалъ, а теперь—золотое дно! Умница ты, это всякій скажетъ! Намеднишь, Аггей прїѣзжалъ, яйца скупать, тальки, полотна,—спрашиваю его: куда отсюда поѣдешь?—Къ „министеру“,—говорить. Это онъ тебя министеромъ называетъ. Да и подлинно—министеръ! Лѣгко ли дѣло! Какую махилицу купила задаромъ. Чай, оброки-то ужъ набавила?

— Нѣтъ еще повуда!

— Набавляй, сударка, набавляй! нечего на нихъ, на синикафтанниковъ, смотрѣть! Чѣмъ больше ихъ стрижешь, тѣмъ больше они обростають! Набавляй!

Насилу мы убрались. Версты двѣ ѣхала матушка молча, словно боялась, что тетенька услышитъ ея рѣчи, но, наконецъ, разговорилась.

— Оумву видѣла?—спросила она Агашу.

— Какъ же, сударыня! Въ дѣвичью передъ обѣдомъ приходилъ, посидѣлъ.

— Какова халда! За однимъ столомъ съ холопомъ обѣдать меня усадила! Да еще что!.. Вотъ, говорить, кабы и тебѣ такого же Оумушку... Нѣтъ ужъ, Анфиса Порфирьевна, покорно прошу извинить! калачомъ меня къ себѣ впередъ не заманите...

— Мнѣ что, сударыня, связывали. Сидитъ будто этотъ Оумка

за столомъ съ барыней, а стараго барина, покойника-то, у Ѳомки за стуломъ съ тарелкой заставить стоять...

— Неужто?

— Истинную правду говорю. А то начнутъ комедіи представлять. Поставятъ стараго барина на колѣни и заставить „барыню“ пѣть. Онъ: „сударыня барыня, пожалуйста ручку!“ а она: „прочь, прочь отойди, ручки не достойный!“ Да рукой-то въ зубы... А Ѳомка качается на стулѣ, разливается, хохочетъ...

— Вотъ такъ змѣя!

— Не хорошо у нихъ; даже мнѣ, рабѣ, страшно показалось. Ходить этотъ Ѳомка по двору, свѣрными словами ругается, кричить... А что, сударыня, слышала я, будто онъ ихній сынъ?

— Сынъ ли, другой ли кто—не разберешь. Только ужъ слуга покорная! По ночамъ въ Заболотье буду ѣздить, чтобъ не заглядывать къ этой вѣдьмѣ. Ну, а ты какую еще тамъ дѣвчонку у столба видѣла, сказывай!—обратилась матушка ко мнѣ.

Я рассказала; Агаша, съ своей стороны, подтвердила мой рассказъ.

— Прибѣжала она въ дѣвичью, какъ полоумная, схватила корку хлѣба... мѣста живого на лицѣ нѣтъ!

— Есть же на свѣтѣ...—молвила матушка, выслушавъ меня, и, не докончивъ фразы, задумалась.

Можетъ быть, въ памяти ея мелькнуло нѣчто подходящее изъ ея собственной помѣщичьей правтики. То-есть, не въ точномъ смыслѣ истязаніе, но нѣчто такое, что грубыми своими формами тоже нерѣдко переходило въ безчеловѣчность.

Но, помолчавъ немного, матушка слегка зѣвнула, перекрестила ротъ и успокоилась. Вѣроятно, ей вспомнилась мудрая пословица: не нами началось, не нами и кончится... И достаточно.

Цѣлыхъ шесть верстъ мы ѣхали волокомъ, зыбучими песками, между двухъ стѣнъ высокихъ сосенъ. По лѣсу гулко разносился трескъ, производимый колесами нашего грузнаго экипажа. Лошади, преслѣдуемые цѣлой тучей оводовъ, шли шагомъ, таща коляску въ упоръ, такъ что на переѣздъ этихъ шести верстъ потребовалось больше часа. Узкая полоса неба, видѣвшаяся сквозь лѣсную чащу, блестѣла яркою синевою, хотя вдали уже погромыхивалъ громъ. Несмотря на то, что было около шести часовъ, въ воздухѣ стояла невыносимая духота отъ зноя и пыли, вздымаемой копытами лошадей.

Но когда мы выѣхали изъ лѣсу, картина измѣнилась. Туча уже расплзлась, и черная, грозная, медленно двигалась прямо на насъ. Въ воздухѣ почуялась свѣжесть; по дорогѣ вились кру-

тящіяся вѣтерки, которые обыкновенно предшествуютъ грозѣ. Между тѣмъ до Заболотья оставалось еще не меньше двѣнадцати верстъ. Правда, что дорога тутъ шла твердымъ грунтомъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ небольшихъ болотцевъ съ проложенными по нимъ изуродованными гатями), но встарину помѣщики берегли лошадей и ѣздили медленно, не больше семи верстъ въ часъ, такъ что на переѣздъ предстояло не менѣе полутора часа. Матушка серьезно обезпokoилась.

— Погоняй! погоняй!—крикнула она кучеру.

— Все равно не миновать,—отвѣтилъ тотъ равнодушно.

— Нѣтъ, погоняй, погоняй!

Подняли у коляски фoрдежъ, и лошади побѣжали рысью. Мы миновали нѣсколько деревень, и матушка неоднократно покушалась остановиться, чтобы переждать грозу. Но всякій разъ надежда: авось пройдетъ! — ободряла ее. Сколько брани вылилось тутъ на голову тетеньки Анфисы Порфирьевны — этого ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать.

Но какъ ни усердствовалъ Алемпій, мы не миновали своей участи. Сначала раздались страшные удары грома, какъ будто прямо надъ нашими головами, сопровождаемые молніей, а за двѣ версты отъ Заболотья разразился настоящій ливень.

— Погоняй!—кричала матушка въ безотчетномъ страхѣ.

На этотъ разъ лошадей погнали вскачь, и минутъ черезъ десять мы уже были въ Заболотѣ. Оно предстало передъ нами въ видѣ беспорядочной черной кучи, задержанной дождевой сѣткою.

Тетенькины слова сбылись: жареная курица пригодилась на ужинъ. Мы уже успѣли настолько проголодаться, что я даже не знаю, досталось ли чтo Агашѣ, кромѣ черного хлѣба.

Здѣсь, я полагаю, будетъ умѣстно рассказать тетенькину исторію, чтобы объяснить тѣ загадочности, которыми полна была ея жизнь. Причемъ нелишнимъ считаю напомнить, что все описываемое ниже происходило еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, даже почти въ самомъ началѣ его.

Какъ я упомянулъ выше, Анфиса Порфирьевна была младшая изъ дочерей дѣдушки Порфирія Васильича и бабушки Надежды Гавриловны. Въ семьѣ она была нелюбима за свою обыкновенную злобность, такъ что ее называли не иначе, какъ „Фиска-змѣя“. Подъ этимъ названіемъ извѣстна она была и во всемъ околотеѣ. Благодаря этой репутаціи, она просидѣла въ дѣвкахъ до тридцати лѣтъ, несмотря на то, что отецъ и мать,

чтобъ сбыть ее съ рукъ, сулили за ней приданое, сравнительно, болѣе цѣнное, нежели за другими дочерьми. А именно то самое Овсцово, съ которымъ я только-что познакомилъ читателя.

Но, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, Богъ послалъ ей судьбу въ лицѣ штабсъ-капитана Николая Абрамыча Савельцева.

Усадьба Савельцевыхъ, Щучья Заводъ, находилась на берегу рѣки Вопли, какъ разъ напротивъ Овсцова. Имѣние было небольшое, всего восемьдесятъ душъ, и управлялъ имъ старикъ Абрамъ Семенычъ Савельцевъ, единственный сынъ котораго служилъ въ полку. Старикъ былъ скупъ, велъ уединенную жизнь, ни самъ ни къ кому не ѣздилъ, ни къ себѣ не принималъ. Жестокимъ его нельзя было назвать, но онъ былъ необыкновенно изобрѣтателенъ на выдумки по части отягощенія крестьянъ (про него говорили, что онъ не мучить, а тѣготить). Хотя земли у него было немного, всего десятинъ пятьсотъ (тутъ и лѣску, и болотца, и песочку), но онъ какъ-то ухитрился отыскивать „занятія“, такъ что крестьяне его почти не сходили съ барщины. За то земля была отлично обработана, и отъ осьмидесяти душъ старикъ жилъ безъ нужды и даже, по слухамъ, успѣлъ скопить хорошій капитадецъ.

Пользуясь безконтрольностью помѣщицъей власти, чтобъ „тѣготить“ крестьянъ, Абрамъ Семенычъ въ то же время былъ до омерзительности мелоченъ и блудливъ. Воровалъ по ночамъ у крестьянъ въ огородахъ овощи, загонялъ крестьянскихъ куръ, заставлялъ своихъ подручныхъ украдкой стричь крестьянскихъ овецъ, выдаивать коровъ и т. д. Случалось, что крестьяне ловили его съ поличнымъ, а ночью даже слегка бивали, но онъ на это не претендовалъ. Иногда, когда ужъ приставали черезъ-чуръ вплотную, возвращалъ похищенное — „ну, нѣ! жри! затѣни глотку“, — а на завтра опять принимался за прежнее. Полегоныку скапливалъ онъ сокровище, ничѣмъ не брезгуя и не обижаясь, что сосѣди гнушались имъ.

Но мало-по-малу отъ мелочей онъ перешелъ и къ крупнымъ затѣямъ. Воспользовавшись одною изъ народныхъ переписей, онъ всѣхъ крестьянъ перечислилъ въ дворовые. Затѣмъ, отобралъ у нихъ избы, скотъ и землю, выстроилъ о-бокъ съ усадьбой просторную казарму и поселилъ въ ней новоиспеченныхъ дворовыхъ. Все это совершилось исподтишка и такъ внезапно, что никто и не ахнулъ. Крестьяне вздумали-было жаловаться и даже отказывались работать, но очень скоро были усмирены простыми полицейскими мѣрами. Сосѣди не то иронически, не то съ завистью говорили: вотъ такъ молодецъ! вакую штуку удралъ! Но никто

пальцемъ объ палець не ударилъ, чтобъ помочь крестьянамъ, ссылаясь на то, что подобныя операціи закономъ не воспрещались.

Съ тѣхъ поръ, въ Щучьей Заводи началась настоящая каторга. Все время дворовыхъ, весь день, съ утра до ночи, безраздѣльно принадлежалъ барину. Даже въ праздники старикъ находилъ занятія около усадьбы, но зато кормилъ и одѣвалъ ихъ — какъ? это вопросъ особый — и заставлялъ по воскресеньямъ ходить къ обѣднѣ. На послѣднемъ онъ въ особенности настаивалъ, желая себя выказать, въ глазахъ начальства, христіаниномъ и благопопечительнымъ помѣщикомъ.

Хозяйство Савельцевыхъ окончательно процвѣло. Обездоливъ крестьянъ, старикъ обрабатывалъ уже значительное количество земли, и доходы его росли съ каждымъ годомъ. Смотри на него, и сосѣди стали задумываться, а многіе начали даже ѣздить къ нему подъ предлогомъ поучиться, а въ сущности, въ надеждѣ занять денегъ. Но Абрамъ Семенычъ, несмотря на предлагаемый высокій процентъ, на-отрѣзъ всѣмъ отказывалъ.

— Какіе, братиѣ-сударикѣ, у нищаго деньги! — не говорилъ, а словно хныкалъ онъ: — самъ еле-еле душу спасаю, да сына вотъ въ полеу содержу. И мужичковъ своихъ вынужденъ былъ въ дворовые наवरстать, а почему? — потому что нужда заставила, жить туго приходилось. Развѣ я не понимаю, что имъ, обѣдненькимъ, несладко, въ казармѣ запершисъ, сидѣтъ, да ничего не подѣлаешь. Своя рубашка къ тѣлу ближе: Теперь у меня и ржица залишняя есть, и овсеца найдется. Продамъ, — вотъ на чай съ сахаромъ и будетъ... Дворянинъ-съ; безъ чаю тоже стыдно! Таѣ-то, братиѣ-сударикѣ!

Въ довершеніе, Савельцевъ былъ сластолюбивъ и содержалъ у себя цѣлый гаремъ, во главѣ котораго состояла дебелая, кровь съ молокомъ, лѣтъ подѣ-тридцать экономка Улита, мужняя жена, которую старикъ оттягалъ у собственнаго мужа.

Улита домовничала въ Щучьей Заводи и имѣла на барина огромное вліяніе. Носились слухи, что и стариковы деньги, въ видѣ ломбардныхъ билетовъ, на имя неизвѣстнаго, переходятъ къ ней. Тѣмъ не менѣе, вольной онъ ей не давалъ — боялся, что она броситъ его, — а выпустилъ на волю двоихъ ея сыновей-подростковъ и помѣстил ихъ въ ученье въ Москву.

Съ сыномъ онъ жилъ не въ ладахъ и помогалъ ему очень скупю. Съ своей стороны, и сынъ отвѣчалъ ему полной холодностью и въ особенности точилъ зубы на Улиту.

— Придетъ и мое времячко, я изъ нея кровь выпью, жилы повытяну! — грозился онъ заранѣе.

Николай Савельцевъ пользовался въ полку нехорошей репутаціей. Онъ принадлежалъ къ той породѣ людей, про которыхъ говорятъ: звѣри! Былъ безъ мѣры жестокъ съ солдатами, и, что всего важнѣе, жестокость его не имѣла „воспитательнаго“ характера, а проявлялась совсѣмъ безпричинно. Въ то время, въ военной средѣ, суровое обращеніе не представлялось чѣмъ-нибудь ненормальнымъ; ручные побои, палка, шпицрутены таеъ и сыпались градомъ, но требовалось, чтобы эти карательно-воспитательныя мѣры предпринимались съ толкомъ и „за дѣло“. Савельцевъ же увѣчилъ *безъ пути*. Сверхъ того, онъ не имѣлъ понятія объ офицерской чести. Напивался пьянъ и въ пьяномъ видѣ дебоширствовалъ; завѣдуя ротнымъ хозяйствомъ, людей содержалъ дурно и былъ нечистъ на руку. Встрѣчались, конечно, и другіе, которые въ этомъ смыслѣ не клали окулки на руку, но опять-таки они дѣлали это умненько, съ толкомъ (такой образъ дѣйствія встарину назывался „благоразумной экономіей“), а не безъ пути, какъ Савельцевъ.

Однажды зимой, молодой Савельцевъ пріѣхалъ въ побывку къ отцу въ Щучью Заводъ. Осмотрѣлся съ недѣлку, и затѣмъ, узнавши, что по сосѣдству, въ семьѣ Затрапезныхъ имѣется дѣвица-невѣста, которой предназначено въ приданое Овсцово, явился и въ Малиновецъ.

Несмотря на зазорную репутацію, предшествовавшую молодому сосѣду, и дѣдушка, и бабушка приняли его радушно. Они чутьемъ догадались, что онъ пріѣхалъ свататься, но, вѣроятно, надѣялись, что Фиска-змѣя не дастъ себя въ обиду, и не особенно тревожились доходившими до нихъ слухами о свирѣпомъ нравѣ жениха. Дѣдушка даже счелъ приличнымъ предупредить молодого человѣка.

— Ты смотри въ оба!—сказалъ онъ:—ты, сказываютъ, лихъ, да и она у насъ нѣщечко!

На что Савельцевъ совершенно добродушно отвѣтилъ:

— Не безпокойтесь, будетъ шолковая!

А бабушка, съ своей стороны, въ томъ же духѣ предупреждала Фисочку:

— Смотри, Фиска! Ты лиха, а твой Николушка еще того лише. Какъ бы онъ подъ пьяную руку тебя не зарубилъ!

Но и Фисочка спокойно отвѣтила:

— Ничего, матушка, я на себя надѣюсь! упѣтается! по стрункѣ ходить будетъ!

Затѣмъ, поговоривши о томъ, кто кого лише, и кто кого прежде повѣдомъ съестъ, молодыхъ обручили, а мѣсяца черезъ

полтора и повѣнчали. Савельцевъ увезъ жену въ полкъ, и начали молодые жить да поживать.

Года четыре, до самой смерти отца, водилъ Николай Абрамычъ жену за полкомъ; и какъ ни злонравна была сама по себѣ Анфиса Порфирьевна, но тутъ она впервые узнала, до чего можетъ доходить настоящая человѣческая свирѣлость. Мужъ ея оказался не истязателемъ, а палачемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ утра пьяный и разъяренный, онъ способенъ былъ убить, засѣчь, зарыть живую въ могилу.

Въ качествѣ особы женскаго пола, она ждала совсѣмъ не того. Она думала, что дѣло ограничится шипцами, тычками и бранью, на которые она и сама съумѣла бы отвѣтить. Но вышло нѣчто посерьезнѣе: въ перспективѣ ежеминутно мелькало увѣче, а чего добраго и смерть. Къ тому же, до Савельцева дошло, что жена его еще въ дѣвушкахъ имѣла любовную исторію и даже будто бы родила сына. Это послужило исходнымъ пунктомъ для опредѣленія его будущихъ отношеній къ женѣ. Ни одинъ шагъ не проходилъ ей даромъ, ни одного дня не проходило безъ того, чтобы мужъ не билъ ее смертельнымъ боемъ. Случалось даже, что онъ призывалъ деньщика Семена, коренастаго и сильнаго инородца, и приказывалъ бить нагайкой полуобнаженную женщину. Не разъ Анфиса Порфирьевна, окровавленная, выбѣгала по ночамъ (когда, по преимуществу, производились экзекуціи надъ нею) на улицу, крича караулъ, но ротный штабъ, во главѣ котораго стоялъ Савельцевъ, квартировалъ въ глухой деревнѣ, и на крики ея никто не обращалъ вниманія. Ей сдѣлалось страшно. Впереди не видѣлось ни помощи, ни конца мученіямъ; она смирилась.

Разумѣется, смирилась наружно, запечатлѣвая въ своей памяти всякую нанесенную обиду и смутно на что-то надѣясь. Мало-по-малу, въ ея сердцѣ скопилась такая громадная жажда мести, которая, независимо отъ мужниныхъ истязаній, вконецъ измучила ее. Съ одной стороны, она сознавала зыбкость своихъ надеждъ; съ другой, воображеніе такъ живо рисовало картины пытокъ и истязаній, которыя она обѣщала себѣ осуществить надъ мужемъ, какъ только случай развяжетъ ей руки, что она забывала ужасную дѣйствительность и всѣмъ существомъ своимъ переносилась въ возжеланное будущее. Кто знаетъ, что можетъ случиться! Мужъ можетъ заболѣть; пьянство его можетъ кончиться параличемъ, который прикуетъ его къ одру, недвижимаго, беспомощнаго. Не разъ вѣдь бывало, что съ нимъ случались припадки, въ родѣ столбняка, изъ которыхъ, впрочемъ, выносливая его натура

постоянно выходила побѣдительницею. Но, можетъ быть, наступитъ минута, когда припадки разрѣшатся чѣмъ-нибудь и болѣе серьезнымъ. И вотъ тогда...

Во всякомъ случаѣ, Савельцевъ былъ правъ, удостовѣряя дѣдушку, что Фиска будетъ полковая. Она ужъ и не пыталась бороться съ мужемъ, а только старалась не попадаться ему на глаза, всячески угождая ему при случайныхъ встрѣчахъ и почти безвыходно проводя время на кухнѣ. Этимъ она, по крайней мѣрѣ, достигла того, что постепенно и мужъ началъ забывать о ней. Въ домѣ сдѣлалось тише, и сцены смертнаго боя повторялись рѣже. Быть можетъ, впрочемъ, Савельцевъ самъ струсиль, потому что слухи о его обращеніи съ женою дошли до полкового начальства, и ему угрожало отнятіе роты, а пожалуй и исключеніе изъ службы.

Анфиса Порфирьевна слегка оживилась. Но, по мѣрѣ того, какъ участь ея смягчалась, сердце все больше и больше разгоралось ненавистью. Сидя за обѣдомъ противъ мужа, она не спускала съ него глазъ и все думала и думала.

— Чтò ты на меня глаза таращишь, вѣдьма проклятая? — кричалъ на нее мужъ, уловивъ ея загадочный взглядъ.

— Гляжу на тебя, ненагляднаго, — отвѣчала она, тихо посмѣиваясь.

Не разъ она рѣшалась „обкормить“ мужа, но, какъ и всѣ злонаправные люди, трусила послѣдствій такого поступка. Вѣдь у всѣхъ ея жизнь была на виду, и, разумѣется, въ случаѣ внезапной смерти Савельцева, подозрѣнія прежде всего пали бы на нее.

— Изъ-за него, изъ-за постылаго, еще на каторгу, пожалуй, попадешь! — говорила она себѣ: — нѣтъ, нѣтъ! придетъ мой часъ, придетъ! Всякую нагайку, всякую плюху — все на немъ, злодѣй, вымещу!

Въ такомъ положеніи стояло дѣло, когда наступилъ конецъ скитаніямъ за полкомъ. Разладъ между отцомъ и сыномъ становился все глубже и глубже. Старикъ и прежде мало давалъ сыну денегъ, а подѣ-конецъ и вовсе прекратилъ всякую денежную помощь, ссылаясь на недостатки. Сыну, собственно говоря, не было особенной нужды въ этой помощи, потому что ротное хозяйство не только съ избыткомъ обеспечивало его существованіе, но и давало возможность дѣлать сбереженія. Но онъ былъ жаденъ и негодовалъ на отца.

— Восемьдесятъ душъ — это восемьдесятъ хрѣбовъ-съ! — говаривалъ онъ: — ежели ихъ умѣючи нагайкой пошевелить, такъ тутъ только огребай! А онъ, видите ли, не можетъ родному дѣтищу

удѣлить! Знаю я, знаю, куда мои кровныя денежки уплывають... Улита Савишна у старика постельничаетъ, такъ вотъ ей... Ну, да мое времячко придетъ! Я изъ нея все до послѣдней копѣечки выколочу!

Наконецъ, старикъ умеръ, и время Николая Савельцева пришло. Улита сейчасъ же послала гонца по мѣсту квартированія полка, въ одну изъ дальнихъ замосковныхъ губерній; но замѣчено было, что она наказала гонцу, проѣздомъ черезъ Москву, немедленно прислать въ Щучью Заводъ ея старшаго сына, которому было въ то время уже лѣтъ восемнадцать.

Сынъ дѣйствительно сейчасъ же пріѣхалъ, пробылъ у матери менѣе сутокъ и исчезъ обратно въ Москву. Этотъ эпизодъ, разумѣется, послужилъ подтвержденіемъ слуховъ о капиталахъ покойнаго Савельцева, будто бы переданныхъ Улитѣ.

Николай Абрамычъ тотчасъ же взялъ отпускъ и, какъ ураганъ, налетѣлъ на Щучью Заводъ, въ сопровожденіи своего наперсника, деньщика Семена. Выскочивъ изъ брички, онъ приказалъ встрѣтившей его на крыльцѣ Улитѣ подать самоваръ, и тотчасъ же распорядился, чтобъ созвали людей.

— А съ тобой, красавица, я раздѣляюсь!—прибавилъ онъ, обращаясь къ бывшей домоправительницѣ отца.

Улита стояла ни жива, ни мертва. Она чувала, что ее ждетъ что-то зловѣщее. За двѣ недѣли, прошедшія со времени смерти стараго барина, она изъ дебели и цвѣтущей барской барыни превратилась въ обрюзглую бабу. Лицо осунулось, щеки впали, глаза потухли, руки и ноги тряслись. Повидимому, она не поняла приказанія насчетъ самовара, и не двигалась...

— Чтò стала? Самоваръ! Живо! я тебя научу поворачиваться!—зарычалъ Савельцевъ, изрыгая цѣлый потокъ непечатныхъ ругательствъ, и затѣмъ вырвалъ изъ рукъ деньщика нагайку и хлестнулъ ею по груди Улиты.

— Это тебѣ задаточекъ!—крикнулъ онъ ей вдогонку.

Чай Николай Абрамычъ пилъ съ ромомъ, по особой, какъ онъ выражался, Савельцевской, системѣ. Сначала нальетъ три четверти стакана чаю, а остальное дольетъ ромомъ; затѣмъ, отпивая глотокъ за глоткомъ, онъ подливаетъ такое же количество рому, такъ что подъ-конецъ оказывался уже голый ямайскій напитокъ. Напившись такого чаю, Савельцевъ обыкновенно впадалъ въ полное бѣшенство.

Созвавши дворовыхъ, онъ потребовалъ, чтобъ ему указали, куда покойный отецъ пряталъ деньги. Но никто ничего не отвѣчалъ. Даже тѣ, которые ни мало не сомнѣвались, что стариковы

деньги перешли къ Улитѣ, не указали на нее. Тогда обшарили весь домъ и всѣ сундуки у дворовыхъ людей, даже навозъ на конномъ дворѣ перерыли, но денегъ не нашли; кромѣ двухъ-сотъ рублей, которые старикъ отложилъ въ особый пакетъ съ надписью: „на поминъ души“.

— Сказывайте добромъ, гдѣ деньги?— рычалъ разъяренный Савельцевъ, грозя нагайкой.

Дворовые, блѣдные, какъ смерть, стояли передъ нимъ и безмолвствовали.

— Что молчите? сказывайте, куда покойникъ, царство ему небесное, пряталъ деньги?—настаивалъ помѣщикъ.

Дворовые продолжали молчать. Улита, понимая, что это только прелюдія, и что, въ сущности, дальнѣйшее развитіе надвигающейся трагедіи, беспощадное и неумолимое, всецѣло обрушится на нее, пошатывалась на мѣстѣ, словно обезумѣвшая.

— Не знаете?.. и кому онъ деньги передавалъ, тоже не знаете?—продолжалъ домогаться Савельцевъ.—Ладно, я вамъ ужъ развяжу языки, а теперь я съ дороги усталъ, отдохнуть хочу!

Онъ, шатаясь, пошелъ съвозъ толпу народа въ крыльцу, раздавая направо и налево удары нагайкой, и, наконецъ, стоя уже на крыльцѣ, обратился къ Улитѣ:

— А ты, сударка, будь въ надеждѣ. Завтра тебѣ судь будетъ, а покуда ступай въ холодную.

На другой день, раннимъ утромъ, началась казнь. На дворѣ стояла уже глубокая осень, и Улиту, почти окостенѣвшую отъ ночи, проведенной въ „холодной“, поставили передъ крыльцомъ, на одномъ изъ приступковъ котораго сидѣлъ баринъ, на этотъ разъ еще трезвый, и курилъ трубку. Въ виду крыльца, на мокрой травѣ была разостлана рогожа.

— Гдѣ отцовы деньги?—допрашивалъ Улиту Савельцевъ:—сказывай! прощу!

— Не видала денегъ! что хотите дѣлайте... не видала!—чуть слышно, стуча зубами, отвѣчала Улита.

— Такъ не видала? Нагайками ее! двѣсти! триста!—крикнулъ Савельцевъ деньщику, постепенно свирѣпѣя.

Улиту раздѣли, и обнаженную, въ виду собраннаго народа, разложили на рогожѣ. Семень засучилъ рукава. Раздался первый взмахъ нагайки, за которымъ послѣдовалъ раздирающій душу крикъ.

Коренастый инородецъ, постепенно озлобляясь, сыпалъ ударъ за ударомъ мѣрно, медленно, отсчитывая: разъ-два... Савельцевъ безучастно выкуривалъ трубку за трубкой, пошучивая:

— Ишь мясь-то нагуляла! Вотъ я тебѣ восточки-то попарю... сахарница!

Или:

— Полумѣсяцемъ, Семень! полумѣсяцемъ разрисовывай! рубецъ возлѣ рубца укладывай... вотъ такъ! Скажетъ, подлая, скажетъ! до смерти запорю!

Но не дошло и до пятидесяти нагаебъ, какъ Улита совсѣмъ замолчала.

Улита лежала какъ пласть на рогожѣ даже тѣло ея не вдрагивало, когда нагайка, свистя, опускалась ей на спину.

Въ толпѣ слышался чей-то одиночный стонъ. Староста, стоявшій неподалеку отъ барина, испугался.

— Какъ бы не тово, Николай Абрамычъ! какъ бы въ отвѣтъ за нее не быть!—заякаясь отъ страха, предупреждалъ онъ.

— А? что?—вскрикнулъ на него Савельцевъ:—или и тебѣ того же хочется? У меня расправа короткая! Будетъ и тебѣ... всѣмъ будетъ! Кто тамъ еще закричалъ?.. запорю! И въ отвѣтъ не буду! У меня, братъ, собственная казнь есть! Хрѣбтомъ въ полку наживаль... Сыпнѣ денежками—всѣмъ рты замажу!

Однакожь, когда отсчитано было еще нѣсколько ударовъ, онъ одумался и спросилъ:—Сколько?

— Семьдесятъ,—отвѣтилъ палачъ-деньщикъ.

— Ну, до трехъ-сотъ далеконокъ. А впрочемъ, будетъ съ нею на нынѣшній день! У насъ въ полку такъ велось: какъ скоро солдатикъ не выдержитъ положенное число палокъ — въ больницу его на поправку. Тамъ подправятъ, спину заживятъ, и опять въ манежь... повуда свою порцію сполна не получить!

Улиту, въ одной рубашкѣ, снесли обратно въ чуланъ и заперли на ключъ, который баринъ взялъ къ себѣ. Вечеромъ, онъ не утерпѣлъ и пошелъ въ холодную, чтобы произвести новый допросъ Улитѣ, но нашелъ ее уже мертвою. Въ ту же ночь призвали попа, обвертѣли замученную женщину въ рогожу и свезли на погостъ.

Нѣтъ сомнѣннй, что Савельцевъ не остановился бы на одной этой казни, но на другое утро, за чаемъ, староста доложилъ, что за ночь половина двора разбѣжалась.

— А ты что меня не предупредилъ? За одно съ ними? а?—вскричалъ баринъ. —Палокъ!

Разъяренный, кинулся онъ въ казарму, но увидѣлъ, что и оставшіеся на-лицо дворовые какъ будто опомнились и смотрѣли мрачно. Савельцевъ заметался, какъ раненный звѣрь, но вынужденъ былъ отступить.

— Ладно, за мною не пропадетъ!—посулилъ онъ, не будучи въ состояніи вполне сдержать себя.

Наскоро велѣлъ онъ запретъ бричку и поватилъ въ городъ, чтобъ отрекомендоваться властямъ, просить о ввѣдѣніи въ владѣніе и въ то же время понюхать, чѣмъ пахнетъ вчерашняя кровавая расправа.

Тамъ онъ узналъ, что бѣжавшіе дворовые уже предупредили его и донесли. Исправникъ принялъ его, однакоже, радушно, и только полусхута прибавилъ:

— Крутеньки-таки вы, Николай Абрамычъ:—то же бы самое, да на другой манеръ... келейно бы...

Но, впрочемъ, обнадежилъ, посовѣтовалъ съѣздить въ уѣздному страпчему и въ лекарю, и въ заключеніе сказалъ:

— Только намъ придется погостить у васъ по этому случаю! ужъ не взыщите.

— Помилуйте! почту за честь,—отвѣтилъ Савельцевъ, подавая исправнику руку, въ глубинѣ ладони которой была спрятана крупная ассигнація.

Исправникъ слегка стѣснился и даже вздохнулъ, но принялъ...

Въ то время, дѣла такого рода считались между привязною челядью лакомымъ кускомъ. Въ Щучью Заводъ пріѣхало цѣлое временное отдѣленіе земскаго суда, подъ предсѣдательствомъ самого исправника. Началось слѣдствіе. Улитку вырыли изъ могилы, осмотрѣли рубцы на тѣлѣ, и нашли, что наказаніе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ, и что поломовъ костей и увѣчий не оказалось.

Затѣмъ, такъ какъ наступилъ уже „адмиральскій часъ“, господа чиновники отправились въ помѣщичью хлѣба-соли откупать. Всѣ тутъ, отъ предсѣдателя до послѣдняго писца, ѣли и пили, требуя кто чего хотѣлъ, а послѣ обѣда написали протоколъ, въ которомъ значилось, что раба Божія Іулита умерла отъ апоплексіи, хотя же и была передъ тѣмъ наказана на тѣлѣ, но слегка, отечески. Всю ночь послѣ того пировали чиновники въ господскомъ домѣ, округляя и облаживая дѣло, а Савельцевъ то-и-дѣло исчезалъ справляться въ кису, гдѣ хранились его кровныя денежки. Бѣжавшихъ дворовыхъ водворили и убѣдили новаго помѣщика не только простить ихъ за побѣгъ, но и всей дворнѣ отпустить ведро воды.

Въ результатѣ, ввѣдѣніе стоило Савельцеву половины береженій, сдѣланныхъ въ полку. Зато, онъ показалъ себя во всемъ блескѣ.

Дѣло, однакожь, получило большую огласку не только въ нашемъ околоткѣ, но и въ губерніи. Поэтому, оно кончилось и не такъ скоро, и не такъ благополучно, какъ о томъ мечталъ Савельцевъ. Мѣсяца черезъ четыре онъ былъ уже вынужденъ навѣдаться въ губернской городъ, а недолгѣ послѣ того на Щучью Заводъ произошелъ новый чиновничій наѣздъ. Приѣхалъ слѣдователь изъ губерніи. Улиту опять вырыли, но тѣло ея уже подверглось разложенію. Снова не нашли ни поломовъ, ни увѣчій, а изъ допросовъ убѣдились, что покойница была передъ смертью пьяна, и умерла отъ апоплексіи. Савельцевъ и на этотъ разъ вышелъ обѣленный, но, по завершеіи дополнительнаго слѣдствія, привезенной изъ полка капитанской кистъ послѣдовалъ скорый и немилостивый конецъ.

Въ разныхъ перипетіяхъ прошло дѣлныхъ четыре года. Дѣло переходило изъ инстанціи въ инстанцію и служило ябловомъ раздора между судебной и административной властями.

Сложилось два мнѣнія: одно утверждало, что поступокъ Савельцева представляетъ собою одинъ изъ видовъ превышенія помѣщичьей власти; другое—что дѣло это заключаетъ въ себѣ преступленіе, подвѣдомое общимъ уголовнымъ судамъ. Первое мнѣніе одержало верхъ.

Все это время Савельцевъ находился на свободѣ. Но онъ вскорѣ вынужденъ былъ заложить Щучью Заводъ, а потомъ, съ великодушнаго согласія Анфисы Порфирьевны, и Овсецово. Съ женою онъ совсѣмъ примирился, такъ какъ понялъ, что она не менѣе злонравна, нежели онъ, но въ то же время гораздо умнѣе его и умѣетъ хоронить концы. Даже свирѣпаго инородца-деньщика, въ угоду ей, отослалъ. Разъ навсегда, онъ сказалъ себѣ, что крупныя злодѣйства—не женскаго ума дѣло, что женщины не имѣютъ такого широкаго взгляда на дѣло, но что въ истязаніяхъ и мучительствахъ онѣ, пожалуй, будутъ повиртуознѣе мужчинъ.

Чувствуя себя связаннымъ непрерывнымъ чиновничьимъ надзоромъ, онъ лично вынужденъ былъ сдерживать себя, но ничего не имѣлъ противъ того, когда жена, становясь на молитву, ставила рядомъ съ собою горничную, и за каждымъ словомъ щипала ее, или когда она приказывала щекотать провинившуюся „дѣвкѣ“ до пѣны у рта, или гонять на кордѣ, какъ лошадь, подстѣгивая сзади арапникомъ. Подобныя истязанія возобновлялись въ Овсецовѣ (супруги, изъ страха, переѣхали на жительство туда) почти ежедневно, и сходили съ рукъ совершенно безнаказанно. Повидимому, фактъ кровавой расправы съ Улитой былъ до того уже

возмутителенъ, что подавлялъ собою дальнѣйшія мелочи, и отвлекалъ вниманіе отъ нихъ.

Тѣмъ не менѣе, тетенька не забывала прежнихъ обидъ, и по-прежнему продолжала загадочно посматривать на мужа, теперь уже положительно предчувствуя, что часъ ея наступить скоро.

Сравнительно, въ усадьбѣ Савельцевыхъ установилась тишина. И дворовые, и крестьяне прислушивались къ слухамъ о фазисахъ, черезъ которые проходило Улитино дѣло, но прислушивались безмолвно, терпѣли и не жаловались на новыя притѣсненія. Вѣроятно, они понимали, что ежели будутъ мозолить начальству глаза, то этимъ только заслужатъ репутацию непокойныхъ и дадутъ поводъ для оправданія подобныхъ неистовствъ.

Наконецъ, черезъ четыре-пять лѣтъ, дѣло кончилось, и кончилось совсѣмъ неожиданно. Перехода изъ инстанціи въ инстанцію, оно, за разногласіями и перемѣнами въ составѣ администраціи, дошло до высшихъ сферъ. Тамъ, несмотря на то, что послѣдняя губернская инстанція рѣшила ограничиться внушеніемъ Савельцеву быть впредь въ поступкахъ своихъ осмотрительнѣе, взглянули на дѣло иначе. Изъ Петербурга пришла резолюція: отставного капитана Савельцева, какъ недостойнаго дворянскаго званія, лишить чиновъ и дворянства и отдать безъ срока въ солдаты въ дальніе баталіоны. Приговоръ былъ безапелляціонный.

Разумѣется, уѣздная администрація и тутъ оказалась благоклонною. Не сразу исполнила рѣшеніе, но тайно предупредила осужденнаго и дала ему срокъ, чтобы сообразиться.

Цѣлую ночь Савельцевъ совѣщался съ женою, обдумывая, какъ ему поступить. Перспектива солдатства, какъ зіяющая бездна, наводила на него паническій ужасъ. Онъ слишкомъ живо помнилъ солдатскую жизнь и свои собственные подвиги надъ солдатиками—и дрожалъ, какъ листъ, при этихъ воспоминаніяхъ.

Шпицрутены, шпицрутены, шпицрутены... Увѣчья отъ руки фельдфебеля, увѣчья отъ любого изъ субалтернъ-офицеровъ, увѣчья отъ ротнаго командира. Перевернешься—бьютъ, не довернешься—бьютъ: вотъ правило. А сверхъ того, безконечный путь по этапу въ какую-нибудь изъ сибирскихъ крѣпостей, съ партией арестантовъ, съ мѣшкомъ за плечами, въ сопровожденіи конвоя... И, можетъ быть, кандалы! Нѣтъ, онъ не въ силахъ начать такую жизнь! Ему ужъ подъ-сорокъ; отъ постоянного пьянства организмъ его почти разрушился—гдѣ ему? И что всего страшнѣе,—между новыми товарищами-солдатами можетъ найтись свадѣтель его прежнихъ варварствъ—тогда что? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... лучше руки на себя наложить.

Но Анфиса Порфирьевна была изобрѣтательна и ловко воспользовалась его отчаяніемъ.

— Скажись мертвымъ! — посовѣтовала она, съумѣвъ отыскать въ своемъ дребезжащемъ голосѣ ласковыя ноты.

Онъ взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ, но, въ то же время, инстинктивно дрогнулъ.

— Что смотришь! скажись мертвымъ — только и всего! — повторила она. — Ублаготворимъ полицейскихъ, устроимъ съ пустымъ гробомъ похороны — вотъ и будешь потихоньку жить да поживать у себя въ Щучей Заводъ. А я здѣсь хозяйничать буду.

— А съ имѣніемъ какъ?

— Съ имѣніемъ надо ужъ проститься. На мое имя придется купчую крѣпость совершить...

Онъ смотрѣлъ на нее со страхомъ и думалъ крѣпкую думу.

— Убьешь ты меня! — наконецъ, вымолвилъ онъ.

— Вотъ тебѣ на! Прошлое, что ли, вспомнилъ! Таеъ я, мой другъ, давно ужъ все забыла. Вѣдь ты мой мужъ; чай, въ церквѣ обвинчаны... Былъ ты виноватъ передъ мною, крѣпко виноватъ — это точно; но въ послѣднее время, слава Богу, жили мы мирнѣхонько... Ни ты меня, ни я тебя... Не я ли тебѣ Овсецово заложить позволила... а? забылъ? И впередъ таеъ будетъ. Коли какая случится нужда — прикажу, и будетъ исполнено. Ну-ка, ну-ка, думай скорѣе!

— Убьешь, убьешь ты меня! — повторялъ онъ безсознательно.

Но думать было некогда, да и исхода другого не предстояло. На другой день, раннимъ утромъ, мужъ и жена отправились въ ближайшій губернской городъ, гдѣ живо совершили купчую крѣпость, которая навсегда передала Щучью Заводъ въ собственность Анфисы Порфирьевны. А по пріѣздѣ домой, какъ только наступила ночь, переправили Николая Абрамыча на жительство въ его бывшую усадьбу.

Тутъ же, совсѣмъ встати, умеръ старый дворовый Потапъ Матвѣевъ, таеъ что и въ пустомъ гробѣ надобности не оказалось. Потапа похоронили въ барскомъ гробѣ, пригласили благочиннаго, нѣсколькихъ сосѣднихъ поповъ, и дали знать подъ рукою исправнику, таеъ что когда послѣдній пріѣхалъ въ Овсецово, то засталъ уже похороны. Хоронили боярина Николая съ почестами и церемоніями, подобающими родовитому дворянину.

Донесено было, что приговоръ надъ отставнымъ капитаномъ Савельцевымъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, таеъ какъ осужденный волею Божіей помре. Покойный „бояринъ“ остался

въ своемъ родовомъ гнѣздѣ, и отнынѣ началъ влечить жалкое существованіе подъ именемъ двороваго Потапа Матвѣева.

На другой же день, Анфиса Порфирьевна облекла его въ снѣгій затрапезъ, оставшійся послѣ Потапа, отвела уголь въ казармѣ и велѣла нарядить на барщину, на-ряду съ прочими дворовыми. Когда же ей доложили, что баринъ стоитъ на крыльцѣ и просить доложить о себѣ, она рѣзко отвѣтила.

— Не надо. Пусть трудится, Богъ труды любитъ. Скажите ему, поганцу, что отъ его нагаекъ у меня и до сихъ поръ спину ломить. И не смѣть звать его бариномъ. Какой онъ баринъ! Онъ—столяръ Потапка и больше ничего.

Происшествіе это случилось у всѣхъ на знаті. И—странное дѣло! — тѣмъ же самымъ сосѣдамъ, которые, по поводу Улитиныхъ истязаній, кричали: „каторги на него, изверга, мало“!—вдругъ стало обидно за Николая Абрамыча.

— Ежели изъ-за каждой холопки да въ солдаты—чтожъ это будетъ!—говорили одни.

— Нѣтъ, вы вотъ о чемъ подумайте! Теперича эта исторія разошлась вездѣ, по всѣмъ уголкамъ... Всякій мужиченко намоталъ ее себѣ на усь... Какого же ждать повиновенія!—прибавляли другіе.

Словомъ сказать, пошли въ ходъ такія вольныя рѣчи, что предводитель насилу могъ унять недовольныхъ.

Прошло немного времени, и Николай Абрамычъ совсѣмъ погружился въ добровольно принятый имъ образъ столяра Потапа. Вмѣстѣ съ другими, онъ выполнялъ барщинскую страду, вмѣстѣ съ другими ѣлъ прокислое молоко, мякинный хлѣбъ и пустыя щи.

Тѣмъ не менѣе, программу истязаній, которую рисовало воображеніе тетеньки, ей удалось выполнить только отчасти.

Однажды вздумала она погонять мужа на бордѣ, но, въ первыхъ, полуразрушенный человекъ уже въ самомъ началѣ наказанія оказался неспособнымъ получить свою порцію сполна, а, во-вторыхъ, на другой день онъ исчезъ. Оказалось, что, съ отчаянія, онъ ушелъ въ городъ и объявился тамъ. Разумѣется, его даже не выслушали, и водворили обратно въ мѣстожительство; но вслѣдъ затѣмъ предводитель вызвалъ Анфису Порфирьевну и предупредилъ ее, чтобы она оставила мужа въ покоѣ, такъ какъ, въ случаѣ повторенія истязаній, онъ вынужденъ будетъ ходатайствовать о взятіи имѣнія ея въ опеку.

Потапа переселили въ Овсцово, отвели особую коморку во флигелѣ и стали держать во дворѣ вмѣсто шута. Вскорѣ Ан-

фиса Порфирьевна выписала Ѳомушку, и предоставила ему глумиться надъ мужемъ сколько душѣ угодно.

Ѳомушка упалъ словно снѣгъ на голову. Это была вполне таинственная личность, о которой никто до тѣхъ поръ не слышалъ. Говорили попоtomъ, что онъ тотъ самый сынъ, котораго барыня прижила еще въ дѣвushкахъ, но другіе утверждали, что это барынинъ любовникъ. Однакожъ, судя потому, что она не выказывала ни малѣйшей ревности въ виду его подвиговъ въ дѣвичьей, скорѣе можно было назвать справедливымъ первое предположеніе.

Это былъ халуй въ полномъ смыслѣ этого слова, нахальный, дерзкій на руку и не въ мѣру сластолюбивый. Любилъ щеголять, и мучился тѣмъ, что неоднократно пытался попасть въ общую помѣщичью семью, но каждый разъ, даже у мелкопомѣстныхъ, встрѣчалъ суровый отпоръ. Лѣнивый и ничего не смыслящій въ хозяйствѣ, онъ управлялъ имѣніемъ крайне плохо, и велъ праздную жизнь, забавляясь надъ „покойникомъ“, котораго заставлялъ плясать, пѣть пѣсни и т. д. Тетенька души въ немъ не чаяла, и втайнѣ обдумывала, какимъ бы образомъ передать ему имѣнье. Но такъ какъ, по тогдашнему времени, тутъ встрѣчались неодолимыя препятствія (Ѳомушка былъ записанъ въ мѣщане), то приходилось обезпечить дорогого сердцу человѣка заемными письмами. И дѣйствительно, документы были написаны заранѣе, но она не отдавала ему ихъ въ руки, а спрятала въ бюро, указавъ только на ящикъ, въ которомъ они были положены.

— Вотъ гдѣ—смотри! А ключъ — вотъ онъ, въ кошелькѣ, особнякомъ отъ другихъ ключей! Когда буду умирать—не плошай!

— Гдѣ ужъ тогда! во всѣ глаза на меня смотришь будутъ! Вы бы мнѣ, маменька, теперъ отдали.

— Шалишь!—знаю я вашу братью! Почувствуешь, что документъ въ рукахъ—„покорно благодарю!“ не скажешь, стречка дашь! Нѣтъ ужъ, пускай такъ! береженаго и Богъ бережетъ. Чего бояться! Чай, не вдругъ умру!

Такимъ образомъ, шли годы. Николай Абрамычъ успѣлъ состарѣться. На барщину его ужъ не гоняли; изрѣдка, по просьбѣ Ѳомушки, Анфиса Порфирьевна даже давала ему кусокъ съ барскаго стола и рюмку воды. Тогда онъ былъ счастливъ, называлъ жену „благодѣтельницей“ и благодарилъ, касаясь рукой земли. Цѣлые дни бродилъ онъ съ влюкой по двору, въ неизмѣнномъ синемъ затрапезѣ, которому, казалось, износу не было. Наблюдалъ, чтобы опредѣленные барыней наказанія выполнялись съ точностью, и по временамъ наушничалъ. Отъ времени до вре-

мени, впрочемъ, замѣчали, что онъ начинаетъ забываться, бормочетъ несладкицу и не узнаетъ людей. Онъ самъ, повидимому, сознавалъ, что конецъ недалеко, такъ что однажды, когда Анфиса Порфирьевна, отдавъ обычную дань (она все еще трусила, чтобы дѣло не всплыло наружу) чиновникамъ, укорила его: — смерти на тебя, постылаго, вѣтъ! — онъ смиренно отвѣчалъ:

— Скоро, благодѣтельница, скоро! Савельцевъ уже умеръ, и Потапа скоро умретъ!

Сосѣди позабыли объ этой исторіи, и только изрѣдка рассказывали наѣзжимъ гостямъ, какъ о диковинкѣ, о помѣщикѣ-покойникѣ, живущемъ въ Овсцовѣ, на глазахъ у властей. Иногда Николай Абрамычъ даже заживалъ къ ближайшимъ сосѣдямъ, которые были попроще (этотъ околотокъ былъ сплошь населенъ мелкопомѣстными). Придетъ, побродитъ по двору, увидитъ отворенное окошко, подойдет и постучитъ влюкую. На этотъ стукъ подходилъ къ окну сосѣдъ и разговаривалъ съ старикомъ, а иногда и высылалъ ему рюмку водки съ ломтемъ чернаго хлѣба. Но въ домъ его не впускали.

Наконецъ, пришла и желанная смерть. Для обѣихъ сторонъ она была вождедѣннымъ разрѣшеніемъ. Савельцевъ съ мѣсяцъ лежалъ на печи, томимый неизвѣстнымъ недугомъ и не получая врачебной помощи, такъ какъ Анфиса Порфирьевна на-отрѣзъ отказала позвать лебара. Умеръ онъ тихо, испустивъ глубокій вздохъ, какъ будто радуясь, что жизненные узы внезапно упали съ его плечъ. Съ своей стороны и тетенька не печалилась: смерть мужа освобождала отъ обязанности платить ежегодную дань чиновникамъ.

Похоронили Николая Абрамыча на томъ же погостѣ, гдѣ былъ схороненъ и столяръ Потапъ. На скромномъ крестѣ, который былъ поставленъ надъ его могилой, было написано:

„Здѣсь лежить тѣло раба Божія Потапа Матвѣева“.

Конецъ тетеньки Анфисы Порфирьевны былъ трагическій. Однажды, когда она укладывалась на ночь спать, любимая ея ключница (это, впрочемъ, не мѣшало тетенькѣ истязать ее наравнѣ съ прочими), которая всегда присутствовала при этомъ обрядѣ, отворила дверь спальни и кликнула:

— Чтѣ стали! идите!

По этому клику, въ спальню ворвалась толпа сѣнныхъ дѣвухъ и въ нѣсколько мгновеній задушила барыню подушками.

Такъ какъ это случилось ночью, то Оумушка ничего не слы-

халь, а потому и не успѣлъ воспользоваться хранившимися въ бюро документами.

Затѣмъ Овсецово, вмѣстѣ съ благопріобрѣтенною Щучько Заводью, досталось по наслѣдству отцу, какъ единственному представителю рода Затрапезныхъ въ мужскомъ колѣнѣ.

По этому случаю, матушка нѣсколько дней выжила въ Овсцовѣ, присутствуя при слѣдствіи и угобжая приказныхъ.

Омущка хотя и заявилъ ей о существованіи заемныхъ пи-семъ, которыя покойница будто бы предназначила ему, но матушка совершенно равнодушно отвѣтила:

— А гдѣ они? покажи!

И затѣмъ, указала ему путь на всѣ четыре стороны.

IX.—ЗАБОЛОТЬЕ.

Въ Заболотѣ матушка держала себя совсѣмъ иначе, нежели въ Малиновцѣ. Она замѣтно себя сдерживала. Не приказывала, не горячилась, а только „рекомендовала“, никого не звала презрительными уменьшительными именами (Агашу, несмотря на то, что она была изъ Малиновца, такъ и называла Агашей, да еще прибавляла: „милая“) и совсѣмъ забывала, что на свѣтѣ существуетъ ручная расправа. Можно было подумать, что она чего-то боится, чувствуетъ, что живетъ „на людяхъ“, и даже какъ бы сознаетъ, что ей, еще такъ недавно небогатой дворянкѣ, не совсѣмъ по зубамъ такой большой и лаеомый кусъ.

Заболотье было очень обширное село, считавшее не менѣе полутора тысячъ душъ, а съ деревнями, къ нему приписанными, числилось слишкомъ три тысячи душъ мужского пола. Оно принадлежало троемъ владѣльцамъ, изъ которыхъ матушка и князь Г. владѣли равными частями (приблизительно по тысячѣ-двѣсти душъ каждый), а графъ З.—меньшею частью, около шести сотъ душъ (впослѣдствіи, матушка, впрочемъ, скупила эту часть). Въ селѣ было до десяти улицъ, носившихъ особыя наименованія; по срединѣ раскинулась торговая площадь, обставленная торговыми помѣщеніями, но въ особенности село гордилось своими двумя обширными церквами, изъ которыхъ одна, съ пятисотъ-пудовымъ колоколомъ, стояла на площади, а другая, осѣнявшая сельское владѣніе, была выстроена нѣсколько поодаль отъ села. Не меньшую гордость крестьянъ составляло и нѣсколько каменныхъ домовъ, выдѣлявшихся по мѣстамъ изъ ряда обыкновенныхъ избъ, большею частью ветхихъ и черныхъ. Это были жилища богатѣевъ, которые все село держали въ своихъ рукахъ.

Школы въ селѣ не было, но большинство крестьянъ было грамотное или, лучше сказать, полуграмотное, такъ какъ между крестьянами преобладалъ трактирный промыселъ. Умѣли написать на клочекъ загаженной бумаги: „силѣтѣа адна, чаю порц: адна ище порц.: румка вотки двѣ румки три румки вычина“ и т. д. Далѣе этого мѣстное просвѣщеніе не шло.

Встарину Заболотье находилось въ полномъ составѣ въ однѣхъ рукахъ у князя Г., но по смерти его оно распалось между троиими сыновьями. Старшіе два взяли по равной части, а младшему удѣлили половинную часть, и вдобавокъ дали другое имѣніе въ дальней губерніи.

Наслѣдственные раздѣлы происходили въ то время очень своеобразно и безъ всякой предусмотрительности. Дѣлили не землю и даже не деревни, а дворы. Сначала шли дворы богатыхъ крестьянъ, потомъ среднихъ и, наконецъ, бѣдныхъ, хотя бы эти дворы находились въ отдаленіи другъ отъ друга. Случалось, напримѣръ, что три двора, выстроенные рядомъ, принадлежали троиимъ владѣльцамъ, состояли каждый на своемъ положеніи, платили разные оброки, и жильцы ихъ не могли родиться между собой иначе, какъ съ помощью особой процедуры, которая была обязательна для всѣхъ вообще разнопомѣстныхъ крестьянъ. Правда, что подобные раздѣлы большею частью происходили въ оброчныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ для помѣщика было безразлично, какъ и гдѣ устроилась та или другая платежная единица; но случалось, что такая же путаница допускалась и въ имѣніяхъ издѣльныхъ, въ особенности при выдѣлѣ седьмыхъ и четырнадцатыхъ частей.

Подобному же раздѣлу подверглось и Заболотье. Земельная череполосяца была чрезвычайная, но для матушки было всего важнѣе то, что она постоянно чувствовала себя стѣсненною въ своихъ распоряженіяхъ. Всюду ее преслѣдовалъ сосѣдскій глазъ и невольно заставлялъ сдерживаться. Несмотря на свою громадную память, она очень немногихъ изъ своихъ крестьянъ—преимущественно изъ богатыхъ—знала въ лицо. Такъ что когда мы въ первое время, въ свободные часы, гуляли по улицамъ Заболотья,—надо же было познакомиться съ купленнымъ имѣніемъ,—то за нами обыкновенно слѣдовала толпа мальчишекъ и кричала: — „Затрапезные! затрапезные!“—дѣлая такимъ образомъ изъ родовой дворянской фамиліи каламбуръ. Матушка, конечно, знала, что между этими мальчишками есть и „свой“, но ничего не могла подѣлать. Нерѣдко встрѣчались и взрослые, которые проходили мимо и не ломали шапокъ. И среди нихъ, быть можетъ, не мало

„своихъ“, но какъ ихъ угадать? Словомъ сказать, укуды для помѣщичьяго самолюбія встрѣчались на каждомъ шагу, хотя я долженъ сказать, что матушку не столько огорчали эти укуды, сколько безтолковая земельная череполосица, которая мѣшала приняться вплотную за управленіе.

Торговая площадь не была раздѣлена, и доходы съ нея дѣлились пропорціонально между совладѣльцами. Каждый годъ, съ общаго согласія, устанавливалась такса съ возовъ, лавокъ, трактировъ и кабака, причѣмъ торговать въ улицахъ и въ собственныхъ усадьбахъ хотя и дозволялось, но подѣ условіемъ особеннаго и усиленнаго налога. При этихъ совѣщаніяхъ, матушкѣ принадлежали двѣ пятыхъ голоса, а остальные три пятыхъ—прочимъ совладѣльцамъ. Очевидно, она всегда оставалась въ меньшинствѣ.

Это волновало ее до чрезвычайности. Почему-то она представляла себѣ, что торговая площадь, ежели приложить къ ней руки, сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ золотого дна. Попыталась-было она выстроить на своей усадебной землѣ собственный корпусъ лавокъ, фасомъ на площадь, но и тутъ встрѣтила отпоръ.

— Этакъ ты, пожалуй, весь торгъ къ себѣ въ усадьбу переведешь, — грубо говорили ей сосѣдніе бурмистры, и хотя она начала по этому поводу дѣло въ судѣ, но проиграла его, потому что вмѣшательство князя Г. пересилило ея скромныя денежныя приношенія.

Но этого мало: даже собственные крестьяне нѣкоторое время не допускали ее лично до распоряженій по торговой площади. До перехода въ ея владѣніе, они, точно такъ же, какъ и крестьяне другихъ частей, ежегодно посылали выборныхъ, которые сообщали и устанавливали на весь годъ площадный обиходъ. Сохраненія этого порядка они помогали и теперь, такъ что матушкѣ немалыхъ усилій стоило, чтобы одержать побѣду надъ крестьянской вольницей и осуществить свое помѣщичье право.

Во всякомъ случаѣ, какъ только осмотрѣлась матушка въ Заболотѣ, такъ тотчасъ же начала дѣло о размежеваніи, которое и вель однажды уже упомянутый Петръ Дормидонтычъ Могилицевъ. Но увы!—скажу здѣсь въ скобкахъ—ни она, ни наслѣдники ее не увидѣли окончанія этого дѣла, и только крестьянская реформа положила конецъ земельной сумятицѣ, соединивъ крестьянъ въ одну волость, съ общимъ управленіемъ, и давъ имъ возможность устроиться между собою по собственному разумію.

Только въ усадьбѣ матушки была вполнѣ дома. У прочихъ совладѣльцевъ усадебъ не было, а въ части, ею купленной, ока-

здесь довольно обширная площадь земли особняка (слишкомъ десять десятинъ) съ домомъ, большою рощей, пространномъ палисадникомъ, выходящимъ на площадь (д-богъ съ нимъ она и проектировала свой гостинный дворъ). Домъ былъ старый и неудобный, и какъ ни ухивала его матушка, всѣ старанія ея остались безуспѣшными. Лѣтомъ въ немъ жить еще можно было, но зиму, которую мы однажды провели въ Заболотьѣ (см. гл. VII) пришлось очень жестоко отъ холода, такъ что подъ-конецъ мы вынуждены были переселиться въ контору, и тамъ, въ двухъ комнатахъ, всей семьей тѣснились въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Роща была запущена; въ ней не существовало ни аллея, ни дорожекъ, и сосѣдство ея даже было неприятно, потому что верхушки березъ были усѣяны вороньими и грачевыми гнѣздами, и эти птицы съ утра до ночи поднимали такой неслыханный гвалтъ, что совершенно заглушали человѣческіе голоса. Палисадникъ былъ тоже запущенъ. Быть можетъ, когда-нибудь въ немъ были устроены клумбы съ цвѣтами, о чемъ свидѣтельствовали земляные горбы, разбѣянные по мѣстамъ, но на моей памяти въ немъ росла только трава, и матушка не считала нужнымъ восстанавливать прежнія затѣи.

Вообще, усадьба была заброшена, и все показывало, что владѣльцы наѣзжали туда лишь на короткое время. Не было ни прислуги, ни дворовыхъ людей, ни птицы, ни скота. Съ приходомъ матушки открывалось крыльцо, комнаты кой-какъ выметались; а какъ только она садилась въ экипажъ, въ обратный путь, крыльцо опять, на ея глазахъ, запиралось на ключъ. Случалось даже, въ особенности зимой, что матушка и совсѣмъ не заглядывала въ домъ, а останавливалась въ конторѣ, такъ какъ вообще была неприхотлива.

Заболотье славилось своими торгами, и каждую недѣлю по вторникамъ въ немъ собирался базаръ. Зимой базары бывали очень людные, но лѣтомъ очень часто случалось, что свѣзжались лишь нѣсколько телѣгъ. Встарину, торговые пункты устанавливались какъ-то своеобразно, и я теперь даже не могу объяснить, почему, на примѣръ, Заболотье стоявшее въ сторонѣ отъ большой дороги и притомъ въ лоцинѣ, сдѣлалось значительнымъ торговымъ мѣстечкомъ.

Въ околотеѣ существовало семь такихъ торговыхъ пунктовъ, по числу дней въ недѣлѣ, и торговцы ежедневно переѣзжали изъ одного въ другое. Торговали преимущественно холстами и кожами, но въ лавкахъ можно было найти всякій крестьянскій товаръ. Въ особенности же бойко шелъ трактирный торгъ, такъ

что, напримѣръ, въ Заболотѣ существовало не меньше десяти трактировъ.

Я уже упомянулъ, что въ селѣ считалось достаточное число богатѣевъ—они-то и сообщали селу характеръ зажиточности и даже щегольства. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлали обороты на десятки тысячъ, а иные даже имѣли лавки въ Москвѣ. Но большинство крестьянъ было бѣдное, существовало впроголодь, ютилось въ ветхихъ еле живыхъ, плетушвахъ и всецѣло находилось подъ пятой у богатѣевъ. Однаковъ, даже самая, что называется, гольтепа вытягивалась въ струну, чтобы форснуть, и пуще глаза хранила синіе кафтаны для мужчинъ и штофныя тѣлогрѣи для женщинъ. Въ праздникъ трудно было даже отличить богатаго отъ бѣднаго.

Главнымъ занятіемъ сельчанъ былъ трактирный промыселъ. Большинство молодыхъ людей почти съ отроческихъ лѣтъ покидало родной кровъ и нанималось въ услуженіе по трактирамъ въ городахъ и преимущественно въ Москвѣ.

Нерѣдко случалось мнѣ впослѣдствіи: зайдешь въ каковой-нибудь изъ московскихъ трактировъ и непременно услышишь:

— Ниваноръ Васильчъ! съ прїздомъ-съ! пожалуйте ручку!

Оказывалось, что это говорилъ заболотскій крестьянинъ, видѣвшій меня еще ребенкомъ, и какимъ-то родомъ спознавшій и теперь.

Въ побывку домой приходили отчасти лѣтомъ въ сѣновость, отчасти въ рождественскій мясоѣдъ, когда играютъ свадьбы. Дома оставались только старики и женскій полъ. Трактирная сутолока изнуряла и развращала молодыхъ людей. Рѣдко можно было встрѣтить между ними красивыхъ и сильныхъ; большинство было испитое, слабосильное, худосочное. Въ особенности поражали испорченные зубы („отъ чаевъ да отъ сахаровъ, да отъ трубочекъ!“—говорили старики), такъ что это нерѣдко даже служило препятствіемъ при отправленіи рекрутской повинности. Но промыселъ установился такъ прочно, что поправить дѣло не было возможности. Иначе остановились бы оброки.

То же самое происходило и въ деревняхъ, но въ мѣньшихъ размѣрахъ. Все-таки тамъ молодежь была посѣрѣе и посolidнѣе и не уходила поголовно вразбродъ, а старики даже любили землю; кромѣ своей, вортомили у сельчанъ ихъ земельные участки, и усердно работали. Тамъ и народъ былъ рослѣе, не такъ тщедушень. Но деревни были у села въ загонѣ; въ площадныхъ доходахъ, напримѣръ, не принимали участія; деревенскіе крестьяне

почти никогда не выбирались въ вотчинныя должности, и даже въ церкви, по праздникамъ, стояли позади, отгѣсняемые щеголеватымъ сельскимъ людомъ.

Зато сельскія женщины въ большинствѣ были красивы. Свободныя отъ тяжелыхъ крестьянскихъ работъ, дебелыя, рослыя, онѣ скорѣе напоминали собой городскихъ мѣщанокъ, нежели сельскихъ обывательницъ. Лица ихъ, впрочемъ, значительно портило употребленіе бѣлизъ и румянъ, а также совсѣмъ черныя зубы, въ подражаніе городскимъ купчихамъ, у которыхъ въ то время была такая мода. О цѣломудріи заболотскихъ женщинъ ходили неодобрительныя слухи, объясняемые, впрочемъ, постояннымъ отсутствіемъ мужей и любострастіемъ стариковъ, тоже проведшихъ молодость среди трагирной сутоловы и потому не особенно щеголивыхъ въ нравственномъ смыслѣ. Нерѣдко между отцами и сыновьями доходило до громкихъ ссоръ, кончавшихся, однакожъ, всегда одинаково: молодого человѣка призывали въ вотчинную контору и въ присутствіи отца стегали.

Праздники происходили въ Заболотѣ особенно нарядно. Съ первымъ ударомъ большого колокола, въ селѣ начиналось движеніе, и по площади проходили цѣлыя вереницы разряженныхъ прихожанъ по направленію къ церкви. Я любилъ смотрѣть на это зрѣлище и всегда подбѣгалъ къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей нашъ палисадникъ отъ площади. Сперва шли старики и вообще мужской полъ, въ синихъ праздничныхъ кафтанахъ; за ними, поодаль, слѣдовали женщины, въ малиновыхъ шолковыхъ сарафанахъ и тѣлогрѣяхъ. Около нихъ шныряли подростки. Въ церкви этотъ людъ располагался такъ: мужской полъ занималъ правую сторону; женскій — лѣвую. Мальчишки забирались впередъ, а дѣвочки загоняли назадъ.

Служба по праздникамъ совершалась съ особеннымъ благочиніемъ. Бывало двѣ обѣдни: ранняя въ кладбищенской церкви, поздняя — въ сельской, которую крестьяне называли соборомъ. Тутъ обѣдня служилась соборне двумя священниками и дьякономъ. Ризы и вся церковная утварь блестѣли золотомъ, мѣстные образа сияли въ богатыхъ серебро-позлащенныхъ оладахъ. На правомъ клиросѣ пѣли не особенно стройно, такъ какъ туда забирались богатѣи, которымъ нельзя было отказать, но на лѣвомъ пѣніе не заставляло желать ничего лучшаго. Священники поражали своимъ благообразіемъ и сытостью, что очень рѣдко можно было встрѣтить въ церквахъ, гдѣ прихожанами были барщинскіе крестьяне. Двое изъ нихъ произносили возгласы жеманно, „по-

московски“¹⁾, такъ что трудно было понять, и это особенно нравилось крестьянамъ. Дьяконъ хотя и не былъ особенно голосистъ, но, при нѣкоторой натугѣ, выкрикивалъ многолѣтне довольно прилично. Обѣдня длилась не меньше полутора часа.

Священниковъ было трое, и все „ученые“, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, не такъ какъ въ Малиновцѣ, гдѣ отецъ Иванъ вышелъ въ попы изъ причетниковъ. Кромѣ того, было два дьякона и шестеро причетниковъ. Всему причту была отведена подъ усадьбы, возлѣ церкви, особая слобода, которая такъ и называлась „Поповское“. Жили они чисто и зажиточно, никакой земледѣльской работой лично не занимались; нѣкоторые держали работниковъ, а большинство отдавало свои земельные участки въ кортому крестьянамъ. Доходъ съ прихожанъ вполне обеспечивалъ ихъ; къ тому же, у церкви былъ и довольно значительный капиталъ, проценты съ котораго тоже дѣлились между священно-церковно-служителями. Этого было настолько достаточно, что пособія отъ казны заболотскому причту не полагалось, какъ, напримѣръ, малиновецкому.

Тѣмъ не менѣе, попы часто между собой сварились и завидовали другъ другу, такъ какъ приходы никакъ нельзя было подѣлить съ математическою точностью. Обыкновенно и тутъ слѣдовали той же методѣ, какая существовала при раздѣлѣ имѣній вообще. Дѣлили сначала богатые дворы, потомъ средніе и, наконецъ, бѣдные, распространяя этотъ порядокъ не только на село, но и на деревни, такъ что во всякой деревнѣ у каждаго попа были свои прихожане. А такъ какъ деревни были по большей части мелкія, то иногда приходилось изъ-за одного или двоихъ прихожанъ идти пѣшкомъ за семь или болѣе верстъ. Несмотря, однакожъ, на всѣ старанія поравнять приходы, случалось, что одинъ богатѣй давалъ за славленіе четвертакъ, а соотвѣтствующій, въ приходѣ другого попа, за то же самое давалъ двугривенный. Вотъ это-то и служило ябломомъ раздора.

Вообще, я долженъ сказать, что алчность между заболотскимъ церковнымъ людомъ, несмотря на относительную обеспеченность, была развита гораздо сильнѣе, нежели въ Малиновцѣ. Причетники, впрочемъ, и въ Заболотѣ были довольно бѣдны и постоянно подозрѣвали поповъ въ утайкѣ общихъ доходовъ, особливо во время славленія. Плату, напримѣръ, за свадьбу, нельзя было

¹⁾ Какъ на примѣръ подобнаго жеманнаго произношенія, укажу на проповѣдь Іоанна Златоустаго, читаемую въ свѣтлую заутреню. Слова: „гдѣ твоя, аде, побѣда?“ произносились такъ: „ихтѣ твоя, атте, попѣтта“... И непременно на-раслѣвъ.

утаить, потому что размѣръ ея уславливался зараньше и гласно; но при славленіи монету клали въ руку священнику, который и опускалъ ее прямо въ карманъ. Это мучительно терзало причетническія сердца. Попъ могъ отлучиться на минуту и переложить деньги въ сапогъ — мало ли на какія хитрости можно подняться! Однажды былъ такой случай, что, выйдя изъ деревни, причетники и дьяконъ, давно подозрѣвавшіе попа въ утайкахъ, прямо потребовали, чтобы послѣдній выворотилъ карманы. И когда въ карманахъ, по ихъ мнѣнію, оказалось маловато, то они, не много задумываясь, повалили попа на землю, сняли съ него сапоги и произвели тщательный обыскъ. Къ сожалѣнію, они оказались правы, и въ наказаніе отняли у священника найденную въ сапогахъ сумму. Разумѣется, виноватый не жаловался.

Съ точки зрѣнія мѣстоположенія, Заболотье не представляло ничего замѣчательнаго. Расположенное въ низинѣ, оно, при продолжительномъ ненастьѣ, превращалась въ болото, и улицы его принимали видъ канавъ, переполненныхъ грязью. Только на выѣздѣ мѣстность повышалась и пересѣкалась глубокимъ оврагомъ, который былъ раздѣленъ на мелкіе клочки и эксплуатировался подъ огороды. Въ огородахъ этихъ, впрочемъ, ничего не сажалось, кромѣ капустной разсады, которая, повидимому, славилась въ околотеѣ, такъ какъ для покупки ея въ Заболотье пріѣзжали издалека. Доходъ съ огородовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ доходъ съ полосы, засѣянной льномъ, предоставляли крестьянскимъ дѣвущамъ, которыя, съ помощью этихъ денегъ, справляли свои наряды.

На меня лично Заболотье производило непріятное и даже гнетущее впечатлѣніе. Я привыкъ къ людной, полной чашѣ, какую представлялъ собою Малиновецъ. Меня занимали и хозяйственные работы, и безпрестанное мельзаніе людей около застольной, конюшенъ и скотнаго двора. Всякій уголокъ въ саду былъ мнѣ знакомъ, что-нибудь напоминалъ; не только всякаго двороваго я зналъ въ лицо, но и всякаго мужика. Я любилъ говорить, расспрашивать. Крѣпостное право, тяжелое и грубое въ своихъ формахъ, сближало меня съ подневольною массой. Это можетъ показаться страннымъ, но я и теперь еще сознаю, что крѣпостное право играло громадную роль въ моей жизни, и что только переживъ всѣ его фазисы — я могъ придти къ полному, сознательному и страстному отрицанію его.

Заболотье, напротивъ, представлялось въ моихъ глазахъ тѣмъ-то въ родѣ скучной пустыни, въ которой и пищи для дѣтской любознательности нельзя было отыскать. Въ будни и не-базарные

дни село словно замирало; люди скрывались по домамъ, — только изрѣдка проходилъ кто-нибудь мимо палисадника въ контору по дѣлу, да на противоположномъ краѣ площади, въ какой-нибудь изъ рѣдкихъ открытыхъ лавокъ можно было видѣть сидѣльцевъ, играющихъ въ шашки. День проходилъ въ несносной праздности, которая подъ-вонецъ переходила даже въ утомленіе. Къ несчастію, и съ Агашей я рѣдко могъ перемолвить слово, потому что она постоянно обязана была сидѣть возлѣ матушкиной комнаты и ожидать приказаній. Очень часто заходилъ къ ней и я, но не смѣлъ говорить громко, чтобы не помѣшать матушкѣ.

Скажу больше: даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, изрѣдка наѣзжая въ Заболотье, я не могъ свыкнуться съ его безхозяйственной жизнью.

Вотъ все, что я имѣлъ сказать о Заболотѣ. Если написанная картина вышла суха и недостаточно образна — прошу извинить. Мнѣ кажется, впрочемъ, что все-таки она не будетъ лишнею для возможно-полной характеристики „пошехонской старины“.

Итакъ, матушка чувствовала какъ бы инстинктивную потребность сдерживать себя въ новокупленномъ гнѣздѣ болѣе, нежели въ Малиновцѣ. Но заболотское дѣло настолько было ей по душѣ, что она смотрѣла тутъ и веселѣе, и бодрѣе.

Обычнымъ ея собесѣдникомъ былъ приказный мѣстнаго уѣзднаго суда, Петръ Дормидонтовичъ Могильцевъ.

Еще наканунѣ приѣзда матушки, за нимъ посылали въ городъ паровонную подводку, которая на другой день и привозила его. Могильцевъ былъ сынъ дьячка и родился въ селѣ, отстоявшемъ отъ Заболотья въ семи верстахъ. Приходъ былъ настолько бѣдный, что отецъ не въ состояніи былъ содержать сына въ семинаріи; поэтому Петръ еще мальчишомъ, прямо изъ уѣзднаго училища, опредѣлился въ уѣздный судъ писцомъ. Четырнадцать лѣтъ онъ тянулъ лямку, прежде нежели стяжалъ возделанный чинъ коллежскаго регистратора, но и послѣ того продолжалъ числиться тѣмъ же писцомъ, питая лишь смутную надежду на должность столоначальника, хотя, съ точки зрѣнія кляузы, способности его не оставляли желать ничего лучшаго. Въ описываемое время ему было уже подъ-тридцать, но онъ не унывалъ, сказавъ себѣ заранѣе, что министромъ ему не бывать. Службой въ судѣ онъ дорожилъ, не ради получаемаго нищенскаго жалованья, а ради того, что она давала ему извѣстное общественное положеніе и ставила его въ сношеніе съ клиентами. Главный источникъ жиз-

ненныхъ средствъ онъ почерпалъ не на службѣ, а въ частныхъ занятіяхъ, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Всѣ помѣщичи, не только своего уѣзда, но и сосѣднихъ, знали его какъ затѣйливаго борзописца и довѣряли ему ходатайство по дѣламъ, такъ что квартира его представляла собой нѣчто въ родѣ канцеляріи, въ которой, подъ его эгидою, работало двое писцовъ.

Въ Заболотѣ онъ, еще до появленія матушки, имѣлъ постоянныя дѣла. И вотчинныя власти, и богатые крестьяне обращались къ нему за совѣтомъ въ своихъ затрудненіяхъ, хотя знали, что совѣсть у него и направо, и налѣво гладить, и что онъ готовъ одновременно служить и вашимъ, и нашимъ. Онъ очень часто наѣзжалъ въ Заболотье и всѣ его завоулки знали какъ свои пять пальцевъ. Зналъ положеніе каждаго сколько-нибудь незауряднаго крестьянина, а о земельной неурядицѣ, опутывавшей совладѣльцевъ, имѣлъ гораздо болѣе ясное представленіе, нежели сами владѣльцы и ихъ вотчинные повѣренные.

Вообще, это былъ необыкновенно дѣятельный и увертливый человекъ, проникшій въ самую глубь князю, ни въ чемъ не сомнѣвавшійся и никакого вопроса не оставлявшій безъ немедленнаго отвѣта. Спросить, бывало, матушка:

— Ты мнѣ скажи, какъ по закону...

— По закону такъ-то и такъ-то.

— Да и *они* вѣдь (т.-е. противная сторона) то же самое „по закону“ говорятъ, только по ихнему выходитъ, что законъ-то не на нашей сторонѣ.

— А въ такомъ случаѣ можно и другой законъ подвести. Одинъ законъ не подходитъ, — другой подойдетъ. Въ „Полномъ Собраніи“ можно порыться, сенатскій указъ подыскать. Да вы, сударыня, не безпокойтесь, предоставьте мнѣ.

Матушка задумывалась. Долго она не могла привыкнуть къ этимъ быстрымъ и внезапнымъ отвѣтамъ, но, наконецъ, убѣдилась, что ежели существуютъ разные законы, да вдобавокъ къ нимъ еще сенатскіе указы издаются, то, стало-быть, это-то и составляетъ суть тяжёбнаго процесса. Кто кого „перепишетъ“, у кого больше законовъ найдется, тотъ и правъ.

— Ну, положимъ, — говорила она: — найдешь ты другой законъ, а они тебѣ третій встрѣчу отыщутъ.

— И на третій законъ можно объясненьице написать, или и такъ устроить, что прошенье съ третьимъ-то закономъ съ надписью возвратятъ. Былъ бы царь въ головѣ, да перо, да чернила, а прочее само собой придетъ. Главное дѣло, торопиться не надо, а вести дѣло потихоньку, чтобы только сроки не пропускать.

Увидить противникъ, что дѣло тянется безъ конца, а со временемъ, пожалуй, и самому дорожке будетъ стоить — ну, и спутается. Тогда изъ него хоть веревки вей. Либо срокъ пропустить, либо на сдѣлку пойдеть.

Словомъ связать, Могильцевъ не ходилъ за словомъ въ карманъ, и матушкѣ, съ теченіемъ времени, это даже понравилось. Но старикъ-бурмистръ, Герасимъ Терентьичъ, почти всегда присутствовавшій при этихъ совѣщаніяхъ, никакъ не могъ примириться съ изворотами Могильцева, и очень нерѣдко въ заключеніе говорилъ:

— Ну, ужъ и душа у тебя, Дормидонтычъ!.. подлинно можно связать: расколота на-двое!

Но Могильцевъ только хихикалъ въ отвѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, матушка зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ, потому что репутація „перемѣтной сумы“ утвердилась за нимъ едва ли даже не прочнѣе, нежели репутація искуснаго дѣльца.

Поэтому, мнѣ не разъ случалось слышать, какъ матушка, едва вставши съ постели, уже спрашивала Агашу:

— Сутяга всталъ?

— Давно ужъ. Въ конторѣ сидеть.

— Никуда не ходилъ?

— Кажется, никуда...

— Кажется! тебѣ все „кажется“! Нѣтъ-чтобы посмотрѣть! Поди въ контору, спроси, не видалъ ли кто?

Увы! отдавая свой приказъ, матушка съ болью сознавала, что если въ Заболотѣ и можно было сослѣдить за Могильцевымъ, то въ городѣ руки у него были совершенно развязаны.

Я не слѣдилъ, конечно, за сущностью этихъ дѣлъ, да и впоследствии узналъ объ нихъ только то, что большая часть была ведена безплодно и стоила матушкѣ не малыхъ расходовъ. Впрочемъ, сущность эта и не нужна здѣсь, потому что я упоминаю о дѣлахъ только потому, что они опредѣляли характеръ дня, который мы проводили въ Заболотѣ. Расскажу этотъ день по порядку.

Матушка, какъ и всегда, вставала рано, но дѣлала свой туалетъ нѣсколько тщательнѣе, нежели въ Малиновцѣ. Хозяйственныхъ распоряженій никакихъ не предстояло, даже обѣдъ соиздался какъ-то само собой. Обыкновенно, передъ прїѣздомъ господъ, отыскивали въ одномъ изъ трактировъ немудрящаго повара или даже прїѣхавшаго въ побывку трактирнаго полового и брали въ усадьбу на время пребыванія барыни. Затѣмъ, безъ

вѣдома матушки, являлась и провизія, какъ я узналъ послѣ, за-даромъ, приобретаемая на счетъ лавочниковъ. Матушка не была въ этомъ отношеніи сѣбѣсива, и не допытывалась, откуда и на какія средства появлялся на столѣ обѣдъ.

Кстати здѣсь сказать объ одномъ обычаѣ, державшемся въ Заболотѣ довольно долго. А именно: на другой день послѣ приѣзда, матушекъ докладывали, что пришли мужички на поклонъ. Когда она выходила въ залъ, то тамъ ужъ стояла толпа чело-вѣкъ въ пятнадцать, изъ которыхъ каждый держалъ въ рукахъ кулекъ. Это были гостинцы, которыми ей били челомъ заболотскіе торговцы. Гостинцы состояли изъ пряниковъ и орѣховъ всевозможныхъ сортовъ, изюма, чернослива, стручковъ и крестьянскихъ конфетъ. Но впереди непременно фигурировалъ громад-ный, въ сожалѣнію худо пропеченный, пряникъ, съ вытиснен-ными на верхней корѣ коньками, человѣчками и проч., укра-шенными сусальнымъ золотомъ.

Матушка садилась въ кресло и милостиво говорила:

— Напрасно трудились. Куда мнѣ такой ворохъ!

— Помилуйте, сударыня, намъ это за радость! Сами не скушаете, дѣточкамъ свезете! — отвѣчали мужички, и одинъ за другимъ клали гостинцы на круглый обѣденный столъ. Затѣмъ, перебивались еще нѣсколькими словами; матушка освѣдомля-лась, какъ идутъ торги; торговцы жаловались на худыя времена и увѣряли, что встарину торговали не въ примѣръ лучше. Иногда кто-нибудь посмѣлѣ прибавлялъ:

— Вотъ, сударыня, кабы вы остальные части купили, дѣло-то пошло бы у насъ по хорошему. И площадь въ настоящій видъ бы пришла, и гостинный дворъ настоящій бы выстроили! А то какой въ нашихъ лавчонкахъ торгъ... только маета одна!

— Именно только маета! — поддерживали хоромъ и прочіе.

Матушекъ очень нравились такіе разговоры, и она, быть мо-жетъ, серьезно въ это время думала:

— Вотъ оно! И всѣ добрые такъ говорятъ! всѣ ко мнѣ льнуть! Можетъ, и графскіе мужички по секрету загадываютъ: — „ахъ, хорошо, кабы Анна Павловна насъ купила! все бы у насъ пошло тогда по хорошему!“ — Ну, нѣтъ, дружки, погодите! дайте Аннѣ Павловнѣ прежде съ силами собраться! Вотъ ежели собе-рется она съ силами...

Черезъ четверть часа пріемъ кончался; матушка давала мнѣ по горсточкѣ орѣховъ и пряниковъ, и сѣвшила за работу.

Но продолжаю рассказъ матушкина дня.

Работала она въ спальнѣ, которая была устроена совершенно

такъ же, какъ и въ Малиновцѣ. Около восьми часовъ утра, въ спальню подавался чай, и матушка принимала вотчинныхъ начальниковъ: бурмистра и земскаго, человѣка грамотнаго, служившаго въ конторѣ писаремъ. Последнюю должность обыкновенно занималъ одинъ изъ причетниковъ, нанимавшійся на общественный счетъ. Впрочемъ, и бурмистру жалованье уплачивалось отъ общества, такъ что на матушку никакихъ расходовъ по управленію не падало.

Старого бурмистра матушка очень любила: по мнѣнію ея, это былъ единственный въ Заболотьѣ человѣкъ, на совѣсть котораго можно было вполне положиться. Называла она его не иначе, какъ „Герасимушкой“, никогда не заставляла стоять передъ собой и пила вмѣстѣ съ нимъ чай. Дѣйствительно, это былъ честный и бравый старикъ. Въ то время ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, и матушка не шути боялась, что вотъ-вотъ онъ умретъ.

— Чтѣ я тогда? Куда безъ него поспѣла? — загода печаловалась она:—я здѣсь безъ него какъ въ дремучемъ лѣсу. Хотя бы десять годковъ еще послужилъ!

Я какъ сейчасъ его передъ собой вижу. Высокій, прямой, съ опрокинутой назадъ головой, въ старой поярковой шляпѣ грешневикомъ, съ клюкою въ рукахъ, выступаетъ онъ, бывало, твердой и сановитой походкой, изъ воротъ, выходившихъ на площадь, по направленію къ конторѣ, и вся его фигура сіяетъ честностью и сразу внушаетъ довѣріе. Встрѣтившись со мною, онъ возьметъ меня за руку и спроситъ ласково:

— Чтѣ, грачи-то наши, видно, еще не надоѣли? Ничего, поживи у насъ, присматривайся. Можетъ, маменька Заболотье-то подъ твою державу отдастъ—вотъ и хорошо будетъ, какъ въ знакомомъ мѣстѣ придется жить. Тогда, небось, и грачи любы будутъ.

Съ матушкой онъ тоже обходился по душѣ, безъ церемоній.

— Слушайся меня, сударня, пока живъ! — говорилъ онъ ей:—умру, такъ и захотѣлось бы съ Герасимомъ посоветоваться —анъ его нѣтъ!

— Я и то слушаюсь, — шути отвѣчала матушка.

— То-то; я дурного не посоветую. Вотъ въ Поздѣевой пустоши влочки-то, объ которомъ намеднись я говорилъ,—встарину онъ нашъ былъ, а теперь имъ графскіе крестьяне ужъ десять лѣтъ владѣютъ. А земля тамъ хорошая, трава въ какая растетъ!

— Что же вы зѣвали, въ свое время не жаловались?

— Кому жаловаться? и кто бы за насъ заступился? А нынче, слышь ты, ужъ и давность прошла. Ты правды ищешь, а они тебѣ: нельзя, давность прошла,—это на правду-то!

— Ну, погоди, погоди! Можетъ быть, и оттягаемъ!

... Дай-то Богъ! Пошли тебѣ Царица Небесная!..

И т. д., и т. д.

Разговоры подобнаго рода возобновлялись часто и по поводу не одной Поздѣвки, но всегда келейно, чтобы не вынести изъ избы сору и не обнаружить матушкиныхъ замысловъ. Но нельзя было ихъ скрыть отъ Могильцева, безъ котораго нивагое дѣло не могло обойтись, и потому нерѣдко противная сторона довольно подробно узнавала о планахъ и предположеніяхъ матушки.

Обыкновенно докладъ вотчинныхъ властей былъ непродолжительнѣе и преимущественно состоялъ въ приѣмѣ оброчной суммы, которая въ Заболотьѣ собиралась круглый годъ и по мелочамъ. Матушка щелкала счетами, справлялась въ обкладной книгѣ и отиѣчала поступленіе. Затѣмъ подбирала синія ассигнаціи къ синимъ, красныя къ краснымъ и, отославъ земскаго, запирала сумму въ денежный ящикъ, который переѣзжалъ вмѣстѣ съ нею изъ имѣнья въ имѣнье.

Часовъ съ десяти столъ устигался планами генеральнаго межеванія, и начиналось настоящее дѣло. Въ совѣщаніяхъ главную роль игралъ Могильцевъ, но и Герасимушка почти всегда при нихъ присутствовалъ. Двери въ спальню затворялись плотно, и въ сосѣдней комнатѣ слышался только глухой гулъ... Меня матушка отсылала гулять.

— Ступай, голубчикъ, погуляй! — говорила она ласково: — по палисадничку поброди, по рожицѣ. Если увидишь бабъ-грибницу — гони!

Это было самое скучное для меня время. Книгъ мы съ собой не брали; въ контору ходить я не рѣшался; конюшни и каретный сарай запирались на замокъ, и кучеръ Алемпій, пользуясь полной свободой, либо благодумствовалъ въ трактиръ, гдѣ его даромъ поили чаемъ, либо присутствовалъ въ конторѣ при судьбищахъ. Единственный лакей, котораго мы брали изъ Малиновца, былъ по горло занятъ, и непрерывно шмыгалъ, съ посудой, ножами и проч., изъ кухни въ домъ и обратно. Я бродилъ безъ дѣла, и подъ-конецъ начиналъ чувствовать голодъ, потому что и здѣсь, какъ въ Малиновцѣ, до обѣда ѣсть не давали. Въ Малиновцѣ я тайкомъ забрался бы въ кухню или на погребъ, и тамъ чѣмъ-нибудь раздобылся бы; но здѣшній поваръ былъ мнѣ незнакомъ, и просить было совѣстно. Однимъ словомъ, праздность одолевала меня и располагала къ нездоровымъ мечтамъ. Единственное развлеченіе состояло въ томъ, что иногда попадался въ травѣ упавшій изъ гнѣзда вороненокъ, и я гонялся за нимъ,

но боялся взять въ руки: неравно ущипнуть. Боялся я тоже лягушекъ, которыхъ въ роцѣ было множество, и притомъ крупныя: а чтѣ, ежели она прыгнетъ да въ лицо вопьется! Вообще мы были воспитаны въ такомъ отчужденіи отъ всего живого, что всякихъ пугавокъ боялись. Эта боязнь осталась за мной и въ зрѣломъ возрастѣ; мышь, лягушка, ящерица и до сихъ поръ однимъ своимъ видомъ производятъ на мои нервы довольно сильное раздраженіе.

Наконецъ, до слуха моего доходило, что меня влечуть. Матушка выходила къ обѣду къ двумъ часамъ. Обѣдъ подавался изъ свѣжей провизіи, но изготовленный неумѣлыми руками, очень неаппетитно. Начатый прежде разговоръ продолжался и за обѣдомъ, но я, конечно, участія въ немъ не принималъ. Иногда матушка была весела, и это означало, что Могильцевъ ухитрился придумать какую-нибудь „штучку“.

— Вотъ-то глаза вытаращить!—говорила она оживленно:— да постой! и у меня въ головѣ штучка въ томъ же родѣ вертится, только надо ее обдумать. Ужд, можетъ быть, и расскажу.

— Случается, сударыня, такую бумажку напишешь, что и къ дѣлу она совсѣмъ не подходитъ—смотришь, анъ польза!—хвалился, съ своей стороны, Могильцевъ.—Вѣдь противникъ-то какъ въ лѣсу бродить. Читаетъ и думаетъ: „это не даромъ! навѣрное, онъ куда-нибудь далеко крючокъ закинулъ“.—И начнетъ паутину кругомъ себя путать. Путаешь-путаешь, да въ собственной путаницѣ и застрянетъ. А мы въ это время и еще загадку ему загадаемъ.

— Безподобно!

Но бывало, что матушка садилась за столъ недовольная. Очевидно, Могильцевъ на чемъ-нибудь не согласился съ нею, или она, съ свойственной ей мнительностью, заподозрила его. Тогда обѣдъ проходилъ молча. Напрасно Могильцевъ увѣрялъ:

— Да будьте безъ сомнѣнія, довѣрьтесь мнѣ, сударыня! сами послѣ увидите...

— Я и теперь вижу,—рѣзко возражала матушка:—вижу я, что ты богословъ да не однословъ... А ты чтѣ фордыбачишь!—придиралась она и ко мнѣ:—чтѣ надулся, не ѣшь! Здѣсь, голубчикъ, суфлеевъ да кремевъ не полагается. Ёшь чтѣ даютъ, а не то и изъ-за стола прогоню.

Затѣмъ, всѣ молчали, и обѣдъ живо приходилъ къ концу.

Послѣ обѣда, матушка удалялась въ спальню, а Могильцевъ—въ свою комнату, и въ домѣ наступало сонное царство. Агаша продолжала сидѣть на низенькой скамеечкѣ у дверей матушкиной комнаты и тоже дремала. Я, по прежнему, оставался одинъ, и

рѣшительно не зналъ, что съ собой дѣлать.—Чѣмъ лучше быть: генераломъ или архіереемъ?—мельзало у меня въ головѣ, но вопросъ этотъ уже безчисленное множество разъ разрѣшался мною то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ, а потомъ и онъ пересталъ интересоваться. Скука, скука, скука! Во сто разъ веселѣе вонъ тѣмъ сельскимъ мальчишкамъ, которые играютъ въ бабки среди опустѣлой площади, не зная, что значить на свѣтѣ одиночество...

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я отсчитывалъ интервалы (обѣдъ, вечерній чай, ужинъ), которые отдѣляли утро отъ ночи.

Вечеръ снова посвящался дѣламъ. Около вечерняго чая являлся поваръ за привазаніями на счетъ завтрашняго обѣда. Но матушка, зная, что въ Заболотѣ она, въ кулинарномъ отношеніи, зависитъ отъ случайности, неизмѣнно давала одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Что мнѣ привазывать, голубчикъ! Чѣмъ Богъ пошлетъ, тѣмъ и покормишь! Будемъ сыты—слава Богу!

— Говядинки сегодня не достали, такъ не угодно ли щи съ солониной привазать? Солонина хорошая.

— Ну, щецъ съ солониной свари.

— А на жареное—молодыхъ тетеревей принесли...

— Ну, вотъ и будетъ съ насъ. Щецъ похлебаемъ, жарковца поѣдимъ. И сытѣхоньки.

Замѣчательно, что хотя Уголокъ (бывшая усадьба тетенежь-сестриць) находился всего въ пяти верстахъ отъ Заболотья, и тамъ домашнее хозяйство шло своимъ чередомъ, но матушка никогда не посылала туда за провизіей, подъ тѣмъ предлогомъ, что разновременными требованіями она можетъ произвести путаницу въ отчетности. Поэтому, зерно и молочные скопы продавались на мѣстѣ прасоламъ, а живность зимой полностью перевозилась въ Малиновецъ.

Довольно часто по вечерамъ матушку приглашали богатые крестьяне чайку испить, заѣдочковъ покушать. Въ этихъ случаяхъ я былъ ея неизмѣннымъ спутникомъ. Матушка, такъ сказать, по природѣ льнула къ капиталу, и потому была очень ласкова съ заболотскими богатѣями. Нѣкоторымъ она даже давала деньги для оборотовъ, конечно, за высокіе проценты. Съ теченіемъ времени, когда она окончательно оперилась, это составило тоже значительную статью дохода.

Церемоніаль пріема въ крестьянскихъ домахъ былъ очень сложенъ. Встрѣчали матушку всѣмъ домоу у воротъ (при первомъ посѣщеніи хозяйинъ стоялъ впереди съ хлѣбомъ-солью); затѣмъ пропускали ее впередъ и усаживали подъ образа. Но изъ хозяевъ никто, даже старики, не садились, какъ ни настаивала матушка.

— Не купленные ноги-то — и стоимъ! — слышалось въ отвѣтъ. Комната, въ которой насъ принимали, была, конечно, самая просторная въ домѣ; ее заранѣе мыли и чистили и передъ образами затепляли лампы. Столъ, накрытый пестрою ярославскою скатертью, былъ уставленъ тарелками съ заѣдочками. Такъ назывались лавочныя лакомства, о которыхъ я говорилъ выше. Затѣмъ подавалось бѣлое вино въ рюмкахъ, иногда даже водка, и чай. Безпрестанно слышалось:

— Не обезсудьте!

— Не обидьте!

— Приневольтесь!

Разговоръ шелъ дѣловой: о торгахъ, о подрядахъ, о цѣнахъ на товары. Нѣкоторые изъ крестьянъ поставляли въ казну полдтна, кожи, солдатское сукно и проч., и рассказывали, на какіе нужно подниматься фортели, чтобы подрядъ исправно сошелъ съ рукъ. Время проходило довольно оживленно, только душно въ комнатѣ было, потому что вся семья хозяйская считала долгомъ присутствовать при приѣмѣ. Даже на улицѣ скоплялась передъ окнами значительная толпа любопытныхъ.

Къ десяти часамъ мы уже были дома, и я ложился спать, утомленный, почти разслабленный.

Такъ длилось три-четыре дня (матушка рѣдко приѣзжала на болѣе продолжительный срокъ); наконецъ, послѣ ранняго обѣда, въ крыльцу подѣзжала паровонная телѣга, въ которую усаживали Могильцева, а на другой день, съ разсвѣтомъ, покидали Заболотье и мы.

— Что, нравится тебѣ въ Заболотѣ? весело? — спрашивала меня матушка.

— Ахъ, маменька! — восклицала я въ отвѣтъ, стараясь изобразить на лицѣ восхищеніе ¹⁾.

Н. Щедринъ.

¹⁾ Кстати, приведу здѣсь любопытный фактъ, которому не нашлось мѣста въ рассказѣ. Въ числѣ крестьянъ Заболотской вотчины, перешедшихъ въ собственность матушки, былъ одинъ, по фамиліи Бодрцовъ, котораго называли „баринномъ“. Дѣйствительно, у него было собственныхъ пятьдесятъ душъ крестьянъ, купленныхъ на имя прежняго владѣльца. Помѣщикъ не вѣшивался въ его управленіе, несмотря на то, что на „барина“ постоянно приходили жалобы. На жалобахъ этихъ помѣщикъ писалъ: „сіи крестьяне суть собственность Бодрцова, а собственность для меня священна“. Когда имѣніе было куплено матушкой, она съ крестьянами Бодрцова поступила на законномъ основаніи, то-есть осуществила свое помѣщичье право на нихъ de facto.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Внушаетъ старость мнѣ почтеніе—неволью.
Не даромъ старъ я самъ. Но какъ, зато, мнѣ больно,
Когда приходится увидѣть старика
Еще здороваго, который даже въ силахъ
И тяжкій трудъ подъять, и пошадить слегка,
Но ужъ носителя и чувствъ, и мыслей хилыхъ!
По жизненной стезѣ осмысленно онъ шелъ;
Когда-то былъ уменъ, и съ сердцемъ былъ не черствымъ;
И различать умѣлъ причины благъ и золъ;
И правду защищалъ съ безтрепетнымъ упорствомъ...
Вдругъ—превращеніе. Великій въ жизни даръ,
Такъ свойственный тому, кто опытенъ и старъ,—
Даръ прозорливости смѣнился почему-то
Въ немъ дальновидностью дѣвицъ изъ института.
Отчизну возлюбивъ теперь еще сильнѣй,
Онъ духа доблести страшиться началъ въ ней.
Блеснетъ ли свѣта лучъ,—ручьемъ онъ слезы точить;
Гдѣ плавать надо бы,—онъ чуть-что не хохочетъ.
Онъ въ смерти видитъ жизнь; онъ въ камнѣ видитъ хлѣбъ...
Такъ сердцемъ онъ заглохъ! Такъ умственно ослѣпъ!
Онъ—чадо времени. Насъ злой какой-то геній
Дурачить зрѣлицемъ волшебныхъ превращеній,
И за людей нельзя ручаться въ наши дни.
Что, ежели и мнѣ... О, Боже сохрани!
И мнѣ, на старости, вдругъ станеть неизвѣстно:
Что глупо, что умно; что честно, что безчестно?!

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

БАЙРОНИЗМЪ

у

ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА

ИЗЪ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА.

I *).

Вайронизмъ Пушкина.

I.

Недавно, 10-го (22) января 1888 года, исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Джорджа Гордона Байрона. Громкую извѣстность приобрѣлъ онъ только въ 24 года отъ роду, когда, послѣ изданія первыхъ двухъ пѣсенъ „Чайльдъ-Гарольда“, отиѣтилъ, въ мартѣ 1812 г., въ своей записной книжкѣ: „Я проснулся разъ утромъ и узналъ, что я знаменитость“ (I awake one morning and found myself famous). Съ тѣхъ поръ, въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, слава его возрастала и достигла своего апогея въ минуту его кончины 19-го апрѣля 1824 г. въ Миссолунги. Современники не обратили вниманія на то, что погасъ человѣкъ уже изжившійся, искавшій только одной „могилы воина“ и писавшій въ стихѣ на 36-ю годовщину своего рожденія: „огонь, пожирающій мою грудь, какъ одинокій вулканической островъ, не

*) Публичныя лекціи 15, 19 и 22 января.

свѣточемъ онъ горить, но погребальнымъ костромъ“¹⁾.— Всѣхъ поразилъ героизмъ этой смерти, умѣніе дѣйствующаго лица устроить и обставить и жизнь, и кончину свою, поэтически. По смерти Байронъ былъ еще славнѣе, чѣмъ при жизни. Имя его раздавалось во всей Европѣ; онъ казался какимъ-то Наполеономъ въ области поэзіи; поэзія его возбуждала умы, иныхъ выводила изъ себя и раздражала, иныхъ поворала и увлекала, никого не оставляла равнодушнымъ. Талантливейшіе люди на материкѣ Европы, гдѣ вообще его чествовали больше, чѣмъ въ его отечествѣ, открыто признавали себя его поклонниками и послѣдователями. Начинаясь во Франціи свое поприще, плодовитый поэтъ Ламартинъ обращался къ нему (*Méditations poétiques*, 1820) такимъ образомъ: *Toi, dont le monde ignore le vrai nom — Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon!* — Почти въ томъ же духѣ выразился Пушкинъ въ „Онѣгинъ“: „Созданье ада, иль небесъ — Сей ангель, сей надменный бѣсъ — Кто жъ онъ?“ ...— Нынѣ, когда почти совершенно забыто политическое значеніе Байрона, какъ противника вѣнскихъ трактатовъ 1815 г. и религиозно-монархической реставраціи, какъ знаменосца либерализма, остается неоспоримымъ фактъ его колоссальнаго литературнаго вліянія на современниковъ и ближайшее за ними поколѣніе. Въ исторіи литературы ставится не вполне еще разработанный вопросъ объ отраженіяхъ поэзіи Байрона въ произведеніяхъ другихъ поэтовъ, о сдѣланныхъ ими заимствованіяхъ и о воспроизведеніяхъ его художественныхъ идей, хотя бы и въ иныхъ формахъ. Байронизмъ нашелъ многочисленныя отголоски въ восточно-европейскихъ литературахъ, русской и польской. Изслѣдованія о байронизмѣ въ Россіи производились систематически, начиная съ Бѣлинскаго; сырой матеріалъ собранъ почти весь, но предметъ далеко не исчерпанъ. Изслѣдованія не выходили большею частью изъ узкихъ рамокъ самой литературы. Сопоставляемъ былъ только поэтъ съ другимъ какимъ-либо поэтомъ въ ихъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ сила Байрона и его вліяніе заключались столько же въ его поэтическомъ дарованіи, сколько и въ самой его личности, и только потому байронизмъ, по вѣрному замѣчанію Аполлона Григорьева (Соч. I, 151), былъ своего рода „повѣтріемъ“ и пожиралъ страстныя натуры, такъ что, по словамъ того же критика, самъ Пушкинъ поддавался ему скорѣе не какъ художественному

¹⁾ The fire that on my bosom fires
Is lone as some volcanic isle
No torch is kindled at its blaze
A funeral pile.

образцу, а какъ великому историческому явленію, какъ „властитель думъ вѣка“, и видѣль въ немъ прежде всего стихійную, слѣпую силу, когда, уподобляя его морю, писалъ: „Онъ былъ, о, море! твой пѣвецъ... Твой образъ былъ на немъ означенъ,—Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ,—Какъ ты, могучъ, глубокъ и мраченъ,—Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ“...

Другой недостатокъ изслѣдованій о байронизмѣ заключается въ томъ, что служащая точкою отправленія поэзія Байрона обыкновенно рассматривается какъ нѣчто цѣльное, вполне законченное и неразлагающееся на свои составные элементы. Конечно, эта поэзія однообразна; виртуозность ея — односторонняя. Поэтъ одаренъ пламеннымъ чувствомъ, но воображеніе его ограничено. Ему недоставало того, что Тэнъ называетъ *l'esprit sympathique* — способности чувствовать за другихъ, или, по выраженію Достоевскаго, перевоплощаться въ другихъ. Всегда и неизмѣнно онъ носится только со своимъ могучимъ я, болѣзненно чувствительнымъ, адски горделивымъ, бунтующимъ и неугомоннымъ. Послѣ своего перехода отъ Байрона къ Шекспиру, Пушкинъ, по собственной ему мѣткости взгляда, сознавалъ эту ограниченность дарованія своего прежняго кумира — Байрона, по крайней мѣрѣ, въ области драмы (письмо къ Раевскому, сентябрь 1825, VII, 153): *Ce Byron n'a jamais conçu qu'un seul caractère (et c'est le sien). Ce Byron a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième, et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants*). Какъ ни цѣльна эта поэзія и какъ сильно ни запечатлѣна она въ каждомъ стихѣ индивидуальностью поэта, какъ ни рѣзки ея основныя черты, — все-таки этихъ чертъ было нѣсколько, и дѣйствіе ихъ было весьма разнообразное, смотря по темпераментамъ, которые оно увлекало. Въ поэзіи Байрона выразился прежде всего духъ вѣка и его преобладающее чувство, лучше сказать — его болѣзнь, мировая скорбь о бытіи, — то, чтѣ теперь обыкновенно называютъ *мессимизмомъ*, т.-е. пониманіе жизни какъ страданіе и бытія — какъ зло. Кромѣ того, эта поэзія содержала въ себѣ и борьбу съ этимъ зломъ; пріемъ противодействованія ему — прометеевскій, титаническій, а отношеніе къ нему — высокоумѣрное, презрительное. Наконецъ, что касается до технической стороны, то форма въ этой поэзіи была восхитительная. Поэтъ изображалъ въ совершенствѣ всѣ чувства необычайно воспримчивой души, отъ самыхъ нѣжныхъ до сильнѣйшихъ и мрачныхъ; образы его были пластичныя, лишенные всякихъ недосказовъ и туманности; изображать

онъ больше всего любилъ величавое, колоссальное, и писалъ онъ густыми красками и весьма ярко; въ живописаніи онъ былъ безподобный колористъ. Идеи, чувство, техника—таковы были средства дѣйствія Байрона, которыми онъ вліялъ весьма разнообразно на другихъ поэтовъ, такъ что натуры совсѣмъ несходныя, люди направленій самыхъ противоположныхъ, могли одновременно очутиться въ лагерь байронизма и стоять подъ однимъ знаменемъ. — Движеніе, извѣстное подъ именемъ байронизма, можно себѣ представить какъ полевой смерчъ, собирающій съ разныхъ полей вучу пылинокъ и заставляющій ихъ нѣкоторое время двигаться спирально снизу вверхъ. По быстротѣ движенія и направленію пылинокъ можно до извѣстной степени заключать о качествѣ и силѣ вѣтра, приводящаго въ движеніе пылинки. Подобное ретроспективное заключеніе по adeptамъ о самомъ Байронѣ могло бы пролить новый свѣтъ на само творчество Байрона и его эпоху. Задача слишкомъ обширна для одного лица, она предполагаетъ изученіе нѣсколькихъ десятековъ, а можетъ быть и болѣе писателей, но она заманчива и къ ней можно подходить исподоволь, дѣлая хотя бы нѣсколько шаговъ. Меня съ давнихъ поръ сильно увлекало желаніе начать сравнительное изученіе послѣдователей Байрона съ сопоставленія первоклассныхъ поэтовъ, принадлежащихъ къ двумъ родственнымъ, по племенному происхожденію, литературамъ—польской и русской, писателей одной и той же великой поэтической эпохи романтизма: Мицкевича и Пушкина, Словацкаго и Лермонтова. Задачу я исполнилъ только наполовину—у меня готовъ только русскій отдѣлъ, я могу передать только результаты моихъ наблюденій, извлеченные изъ произведеній Пушкина, котораго мы поминали столь недавно, почти годъ тому назадъ, и Лермонтова, котораго, если доживемъ, то, безъ сомнѣнія, помянемъ 15 іюля 1891 года. Перехожу прямо къ дѣлу—и начинаю съ Пушкина.

II.

Начало знакомства Пушкина съ поэзіею Байрона относятъ къ 1820 году, въ горахъ Кавказскимъ, Юрзуфу, Каменкѣ, къ бытности его въ средѣ Раевскихъ, въ семьѣ которыхъ онъ нашелъ нѣкоторое успокоеніе, послѣ испытанныхъ имъ въ то время огорченій. Постигшія его въ то время неприятели сильно предрасполагали его къ воспріятію чувствъ Байрона, общаго ихъ настроенія, протестующаго и гнѣвнаго, свойственнаго темпераменту Байрона.

Но Пушкинъ меньше всего былъ похожъ на идеаль, начертанный его другомъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, въ слѣдующихъ стихахъ, которые онъ хотѣлъ поставить эпиграфомъ къ „Кавказскому Пѣвнику“ (II, 300): „Подъ бурей рока—твердый камень;—Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ“.—Много разъ его спасало то, что и подъ „бурей рока“ онъ былъ легокъ и упругъ, что во всякому положенію онъ успѣвалъ приспособляться.—Но въ данномъ случаѣ Пушкинъ былъ на долгое время пришибленъ и выше мѣры раздраженъ—до озлобленія, до бѣшенства, не столько ссылкой на югъ, довольно льготною въ сравненіи съ предполагавшею первоначально отправкою его въ Соловецкій монастырь, сколько весьма распространенными и упорно державшимися ложными слухами, что за его литературныя „проказы“, за вольнолюбивыя мечты и эпиграммы онъ дѣйствительно лишился „нѣсколькихъ клочковъ шкуры“, какъ выразился въ официальномъ письмѣ 17 января 1824 г., по отношенію къ нему, генералъ-полицеймейстеръ 1-ой арміи, Свобелевъ („Русская Старина“, 1871, № 12, л. 673). Много времени спустя, въ 1825 г., въ Михайловскомъ, Пушкинъ писалъ: *Je délibérais, si je ne faisais pas bien de me suicider ou d'assassiner... Je résolu de mettre tant d'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligée de me traiter en criminel: j'aspirais la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation* (VII, 132). Въ письмѣ 1822 г., къ брату Льву (VII, 85), Пушкинъ говоритъ о *douloureuse expérience* и о *jours d'angoisse et de rage*¹⁾.—Этимъ ненормальнымъ и слишкомъ продолжительнымъ состояніемъ раздраженія объясняются многія черты въ жизни Пушкина во время его пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ: картѣжъ, скандальное волокитство, безобразія надъ молдаванскими боярами, дуэли, скитанія по степямъ съ цыганскимъ таборомъ.—Безобразія Байрона были совсѣмъ иного рода; онъ не проявлялъ себя ни картежникомъ, ни бреттеромъ.—Нѣтъ надобности объяснять безобразія Пушкина въ ту эпоху, какъ объясняетъ ихъ П. В. Анненковъ („Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, 1874, с. 149), тѣмъ, что то было байроническое настроеніе, которое выродилось, бывъ перенесено на русскую почву, и отгѣнилось своеобразными, свирѣпыми и анти-гуманными подробностями. Извѣстно, что эти припадки разгула, нѣсколько разъ повторявшіеся въ жизни Пушкина,

¹⁾ Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина (описаніе Якушкина, „Русская Старина“, 1884, № 12, с. 526, № 2384) сохранился слѣдующій отрывокъ: „И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства—И ненависть и грезы мести блѣдной,—Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ,—Святимъ прощенемъ осѣнила—Позвія, какъ ангелъ утѣшитель,—Спасла меня“.

не имѣли вреднаго вліянія на его дарованіе; что въ то самое время, когда всѣмъ казалось, что онъ погрязъ въ распутствѣ и чувственности, израсходовался на пустяки, — поэтъ взлеталъ опять на недосыгаемую высоту, не загрязнивъ своихъ крыльевъ; что, отрѣшившись отъ „безстыднаго бѣшенства желаній“, онъ сыпалъ изъ своего рога изобилія произведенія красивѣе и глубже предыдущихъ. — Чувственность сильна у каждаго художника; притомъ великіе поэты — странный народъ, къ которому только съ большими исключеніями приложимы правила обыденной культурной морали. Культура пріучаетъ людей быть всегда равными, жить не волнуясь, творить добро безъ напряженія, естественно, просто, почти автоматически; между тѣмъ какъ для поэта такая проза — смерть; онъ живетъ только волненіемъ и страстью, для него страсть — то же, что огонь для миеологической саламандры, то-есть — его настоящая стихія, потому что его творчество воспроизводитъ правдиво только то, что имъ прочувствовано и выстрадано. Исторія можетъ пересчитать по пальцамъ подобныхъ Шекспиру и составляющихъ рѣдчайшее исключеніе творцовъ по отгадѣ. По большей части настоящей поэтъ изображаетъ собою „Парусъ“ Лермонтова (1832): „Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури — Надъ нимъ лучъ солнца золотой; — А онъ, мятежный, проситъ бури, — Какъ будто въ буряхъ есть покой“.

Знакомство съ Байрономъ едва ли прибавило что-нибудь къ внѣшней бытовой сторонѣ жизни Пушкина въ его періодъ бунтованія (*Sturm und Drangperiode*); оно могло только усилить до извѣстной степени его одичалость, его пренебреженіе къ свѣтскимъ условіямъ и приличіямъ. Извѣстно, что впоследствии онъ остепенился, сдѣлался порядочнѣе и сталъ, женившись, твердить, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, слова Шатобріана (*Hélas! il n'y a du bonheur que dans les vies communes*). Но на само творчество Пушкина вліяніе Байрона было громадное. Пушкинъ нашелъ въ Байронѣ натуру себѣ, какъ ему показалось, родственную, поэзію по душѣ, а главное, онъ обрѣлъ въ Байронѣ опору для своего новаго, рѣзко отрицательнаго направленія, новую исходную точку и подходящую теоретическую основу для систематическаго отрицанія. Онъ ввусилъ отъ пессимизма Байрона, составляющаго самый корень байроновской поэзіи. Постигъ ли Пушкинъ Байрона въ этомъ отношеніи вполне, усвоилъ ли онъ себѣ этотъ мозгъ костей байроновскаго творчества? Таковы вопросы, которые прежде всего подлежатъ нашему разсмотрѣнію.

III.

Пессимизмъ есть недовольство жизнью, доведенное до зло-словія, до заключенія о тягости всякаго бытія вообще. Песси-мизмъ можетъ быть источникомъ поэзіи или системою философіи. Онъ появляется только изрѣдка, въ самыя мрачныя эпохи исторіи, и окрашенъ всегда особенностями того критическаго момента, въ которомъ онъ созрѣлъ и распространился въ видѣ повальной болѣзни. Въ чемъ состояли особенности пессимизма Байрона? Всѣ согласны, что, по своему міросозерцанію, Байронъ принадлежитъ цѣликомъ къ XVIII вѣку. Онъ — гуманистъ; онъ считаетъ, что че-ловѣкъ безобразно изуродованъ негнѣпными предрассудками и обще-ственными формами; онъ вѣруеть въ силу разума, въ необходи-мость возвращенія къ природѣ, въ свободу столь безусловную, что она теряетъ всякую границу, въ возможность устроить всеобщее счастье, законодательствуя и управляя людьми рачіонально. Опытъ былъ провзведенъ и кончился полнѣйшею неудачею, кровавою траги-комедіею великой французской революціи. Старое разбито на-повалъ и растоптано, но освобожденные люди бродили дикими звѣрями по колѣно въ грязи, въ лужахъ крови, среди раз-валинъ. Многіе извѣрились въ самую революцію, затѣянную во имя разума. Главное теченіе вѣка измѣнилось и пошло обратнымъ путемъ, возстановляя упраздненные алтари и престолы. Чтѣ пред-стояло теперь дѣлать людямъ, не соглашающимся подставлять шею подъ старое ярмо? Конечно, отстаивать по возможности свои прежнія убѣжденія при измѣнившихся обстоятельствахъ. Сторонникамъ гу-манизма, держащимся за задачу революціи, приходилось, вникая въ причины провала, признать, что сами революціонеры шли ненад-лежащими путями, и даже что цѣли движенія поставлены были фальшиво, что за велѣнія разума выдаваемы были невѣрные раз-счеты, запечатлѣнные явнымъ непониманіемъ природы челоувѣка и общества; иными словами, имъ приходилось стать почти на ту самую точку зрѣнія, на которой стоитъ нынѣ историческая наука по отношенію къ міровому событію конца прошлаго столѣтія. Впрочемъ, былъ еще и другой выходъ изъ затрудненія, который и былъ совершенъ Байрономъ. Аполлонъ Григорьевъ (Соч., I, 155: „О правдѣ и искренности въ искусствѣ“) утверждалъ, что поэзія Бай-рона характеризуется отсутствіемъ всякаго нравственнаго начала; что она — протестъ противъ неправды, но безъ сознанія правды; что такъ какъ эта поэзія открытаго эгоизма безъ маски не могла быть принята спокойно поэтической натурою Байрона, то она и

выразилась тоской и сатанинским смѣхомъ, окружившими поэтическимъ ореоломъ это обоготвореніе эгоизма. Такое опредѣленіе поэзіи Байрона считаю я неправильнымъ отъ начала до конца и діаметрально противоположнымъ истинѣ. Вѣрный сынъ XVIII вѣка, Байронъ не пожертвовалъ ни однимъ изъ идеаловъ этого вѣка, несмотря на измѣнившіяся обстоятельства; но такъ какъ они еще до него были втоптаны въ грязь и опошлены, то Байронъ вымещаетъ свое негодованіе за это оскверненіе идеаловъ на всемъ родѣ человѣческомъ, изъемя, конечно, себя и нѣсколько высшихъ натуръ, близкихъ ему по сердцу людей, которыхъ онъ умѣлъ любить глубоко и нѣжно. По темпераменту гордый и стойкій боецъ, Байронъ довелъ до виртуозности свое горделивое презрѣніе ко всему роду человѣческому. Эта нота звучитъ весьма сильно во всѣхъ его произведеніяхъ, начиная съ надгробной надписи нью-фоундлэндской собагѣ (1817, въ переводѣ Миллера: „О, слабый челоѣкъ, минутный гость земли, — Отъ рабства и властей затоптанный въ пыли, — Кто знаетъ, тотъ тебя съ презрѣньемъ покидаетъ... Предъ каждымъ звѣремъ ты поймешь стыда сознанье“¹⁾), — до послѣдней его сатиры *Донъ Жуанъ*, направленной противъ всего рода челоѣческаго. Тысячу разъ изображалъ онъ выходящія изъ ряда вонъ природы, которыя высятся надъ ненавистью стоящихъ подъ ними созданій (must look on the hate of those below. „Ch. H.“, III, 45). Идеаль люди опошлили, онъ уже не общечеловѣчскій, а только личный, свойственный высокимъ, избраннымъ натурамъ. Байронъ до того ему преданъ, что дѣйствительную, настоящую жизнь людскую, жизнь общества, съ его правами и законами, считаетъ поддѣльнымъ творчествомъ (Of its own beauty is the mind diseased — And fevers into false creation... „Ch. H.“, IV, 122), фальшью въ природѣ, дисгармонію („Жизнь наша — то же дерево янчаръ съ его смертоносною отравой и ядовитою росой“. „Ch. H.“, IV, 126). Въ этихъ положеніяхъ сквозитъ невѣрный, конечно, взглядъ, заимствованный отъ Жанъ-Жака Руссо о необходимости возвратиться въ состоянію природы, о необходимости страхнуть съ себя искусственную цивилизацію. Ошибка эта, впрочемъ, несущественна. Мы имѣемъ дѣло не столько съ мечтателемъ, вѣрующимъ въ блаженство людей въ состояніи природы, сколько съ идеалистомъ, для котораго весь смыслъ и вся цѣнность жизни — не въ наслажденіяхъ, доставляемыхъ благами сего міра, и не въ ожиданіи чего-то

¹⁾ Oh man! Thou feeble tenant of one hour—Debased by slavery or corrupt by power,—Who knows thee well must quit thee with disgust—Degraded mass of animated dust.

за гробомъ, а только въ метафизическихъ созданіяхъ, витающихъ въ сознаніи человѣка, выдѣляемыхъ душою изъ самой себя, въ добрѣ и красотѣ, въ произведеніяхъ ума и искусства, болѣе живыхъ, болѣе реальныхъ, нежели грубая и пошлая дѣйствительность („Ch. Н.“, III, 6; IV, 5). Эти порывы къ идеальному составляютъ и муку жизни, и ея красу. Въ 1-й пѣснѣ „Чайльдъ-Гарольда“, въ стихахъ къ Инесѣ, Байронъ, будучи еще весьма молодымъ человекомъ, жаловался на эту муку, на „ржавчину жизни“, на „демона мысли“ (The blight of life—the demon Thought). Много лѣтъ спустя, въ 3-ей и 4-ой пѣсняхъ того же „Чайльдъ-Гарольда“ онъ себя называлъ „скитающеюся жертвою своего мрачнаго ума“ (The wandering outlaw of his own dark mind. III, 3. — I have thought too long and darkly. III, 7). Въ „Онѣгинъ“ Пушкинъ говоритъ: „И Байронъ, мученикъ суровый“... — опредѣленіе невѣрное, неполное; къ Байрону примѣнимы были бы развѣ его же слова о Руссо: „самъ себя мучащій человѣкъ“ (III, 7: self torturing... но только не sophist). Тѣмъ не менѣе этотъ самомучитель идетъ на муки и терзанія добровольно, по долгу совѣсти, отвергая даже то средство, которое допускали употреблять древніе стоики—самоубійство („Ch. Н.“, V, 21: „Надо переносить бытіе. Глубоко водружены корнями жизнь и страданіе въ наше печальное нутро. Верблюдъ несетъ молча тяжелѣйшую ношу, волкъ издыхаетъ молча, животное выносить, а мы, высшія существа, не снесли бы того, что длится только какой-нибудь день“). Въ Байронѣ самымъ энергическимъ образомъ проявляется то чувство, которое выразилъ, вдохновенный духомъ этой мужественной поэзіи, Пушкинъ, въ словахъ: „Но не хочу, о, други! умирать,—Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“. Въ этихъ стихахъ слышится какъ бы отголосокъ дивной 127-й строфы IV-й пѣсни „Ч.-Гарольда“: „Давайте сильнѣе разсуждать; мы бы постыдно отступились отъ разума, еслибы отказались отъ права мыслить—послѣдняго и единственнаго убѣжища. Что бы тамъ ни было—это убѣжище мое!“ Итакъ, у Байрона есть несомнѣнно идеалъ; этотъ идеалъ пересталъ, въ нашъ жестокий вѣкъ, быть общественнымъ и сдѣлался личнымъ идеаломъ поэта, но, какъ у всякаго человѣка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ — и идеалъ его вѣка. Имъ увлекаются только немногія избранныя натуры. Байронъ изображаетъ все по собственному опыту, по какому-то роковому непреодолимому порыву; эти сильныя натуры совершаютъ свое теченіе, попирая все на своемъ пути. „Вихрь—ихъ дыханіе, а жизнь ихъ—штормъ“... „повой имъ страшнѣе ада“ (III, 42). Изображая огонь въ крови, пожирающій ихъ, горячку дѣйствія, которою они одержимы, Байронъ замѣ-

часть: „Это-то и дѣлаетъ сумасшедшими людей, которые и другихъ сводили съ ума, заражая ихъ собою, завоевателей и царей, учредителей сеетъ и системъ, да вдобавокъ софистовъ, бардовъ, государственныхъ людей... Имъ завидуютъ, но сколь напрасно!.. Раскройте одну такую грудь, и вы отобьете у рода человѣческаго охоту къ тому, чтобы блистать или господствовать“ („Ч. Г.“, IV, 43). Довершимъ характеристику, добавивъ, что, созидая новый родъ философіи исторіи—теорію высшихъ натуръ, роковыхъ великихъ людей, для которыхъ законъ не писанъ, потому что они сами себѣ законъ,—Байронъ не выдѣляетъ поэта, не отводитъ ему особаго привилегированнаго положенія и весьма далека отъ мысли, что поэтъ можетъ быть и слабъ, и малъ, и что онъ становится великимъ, когда на него внезапно нисходитъ вдохновеніе. Байронъ не анализировалъ—какъ это дѣлаетъ новѣйшая наука психологіи—корней творчества въ безсознательномъ; притомъ, онъ прежде всего былъ человѣкъ дѣла, а не писаній; онъ былъ просто человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный и между прочимъ занимавшійся писательствомъ. Таковъ въ главныхъ чертахъ образецъ и учитель. Какія же черты заимствовалъ отъ него ученикъ, который, по собственному его выраженію, нѣкоторое время „сходилъ отъ Байрона съ ума“?

IV.

Послѣ дней тоски и бѣшенства, наболѣвшее сердце Пушкина жадно усвоивало себѣ и, такъ сказать, всасывало одну особенность характера Байрона: презрѣніе къ роду человѣческому. Мертвящимъ холодомъ обдають насъ уроки злѣйшей мизантропической морали, преподаваемые 23-лѣтнимъ юношей изъ Кишинева (1822) младшему его брату Льву, распущенному юношѣ: „commencez par penser des hommes tout le mal imaginable... Méprisez-les le plus poliment qu'il vous sera possible. Soyez froid avec tout le monde. N'acceptez jamais des bienfaits, ils sont pour la plupart une perfidie. Point de protection, car elle asservit et dégrade... N'oubliez jamais les offenses. Moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir, mais cette jouissance est digne d'un vieux sarajou du XVIII siècle“ (VII, 43). Когда Пушкинъ писалъ эти наставленія, онъ былъ безъ сомнѣнія искрененъ; ихъ ѣдкая кислота и несходство вообще съ темпераментомъ Пушкина заставляютъ заключить, что чувства, ими выражаемая, были преходящія, что сама идейная подкладка написаннаго была не болѣе какъ

намежь. Извѣстно, что отъ частаго повторенія одной и той же эмоці мимическое ея выраженіе можетъ неподвижно застыть на лицѣ челоуѣка, превратиться въ несходящую морщину, въ исеривленіе, напрімѣръ, уголь рта отъ часто повторяющейся презрительной улыбки. У каждаго изъ насъ лицо есть родъ маски, образуемой изъ глубокихъ слѣдовъ всего пережитаго, которое исколесило это лицо по всѣмъ направленіямъ; за этими слѣдами скрывается недоступное наблюденію и только угадываемое психологическое я наблюдаемаго лица. Такимъ застывшимъ слѣдомъ на лицевой маскѣ Пушкина считаю я его, какъ я думаю, напускное презрѣніе къ роду челоуѣческому, которое, вслѣдствіе душевныхъ страданій, появилось у Пушкина и затѣмъ уже его не покидало, потому что сдѣлалось обыкновенною складкою его ума. „Кто жилъ и мыслялъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“, — сказано въ написанной, вѣроятно, еще въ 1822 году 46-ой строфѣ первой главы „Онѣгина“. Въ 22-й строфѣ главы VII изображень современный челоуѣкъ — „Съ его безнравственной душой, — Себялюбивой и сухой, — Мечтанью преданной безмѣрно, — Съ его озлобленнымъ умомъ, — Кипящимъ въ дѣйстви пустомъ“. Рядомъ съ этими стихами сопоставимъ два стиха явно байроновскаго пошиба изъ стихотворенія: „Полководецъ“ (т.-е. Барклай де-Толли), помѣченнаго 7-мъ апрѣля 1835 г., въ Свѣтлое Воскресеніе: „О, люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха! — Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!“

Коротко знавшій Пушкина, Мицкевичъ находилъ, что Пушкинъ самъ себя изобразилъ съ поразительнымъ сходствомъ въ стихахъ: „Мечтамъ невольная преданность, — Неподражательная странность, — И рѣзкій, охлажденный умъ“ („Онѣгинъ“, гл. I, строфа 45). Сама характеристика: „озлобленный“, или „охлажденный“ умъ, логически едва ли правильна: умъ всегда исправляетъ въ психической дѣятельности функцію холодильника. Очевидно, Пушкинъ старался этими словами выразить волевою привычку обуздывать всякій сочувствующій кому-либо порывъ, обязательно подсказываемымъ предположеніемъ, что вообще люди гадки, что всѣ они — бездушные эгоисты. Охлажденіе Пушкина произошло тогда, — и это можно опредѣлить по его произведеніямъ, — когда онъ утвердился въ своемъ анти-гуманномъ взглядѣ на людей. Можно съ достовѣрностью сказать, что его озлобленіе противъ людей не было вызвано, какъ у Байрона, созерцаніемъ тогдашней политической неурядицы въ Европѣ, потому что политическія убѣжденія Пушкина были весьма неустойчивы въ бурные годы молодости, и онъ продолжалъ еще питать самыя розовыя надежды. Въ своей „Де-

ревнѣ“ (1819) Пушкинъ до глубины души прогрессивный либералъ, но онъ и монархистъ („И рабство падшее по манію царя“...). Въ „Посланіи къ Чаадаеву („Люби, надежды, гордой славы“...) и въ „Вольности“ (1820), повлекшей за собою ссылку на югъ, преобладають общія конституціонныя идеи декабристовъ („...гдѣ крѣпко съ вольностью святою—Законовъ мощныхъ сочетанье“), идеи о вольности, какъ о чемъ-то небываломъ, вселяющемся не иначе, какъ внезапно и при революціонной обстановкѣ (1822—*Таврида*: „Гдѣ ты гроза? символъ свободы, промчись поверхъ невольныхъ водъ!..“). Къ первой половинѣ 1821 г. относится весьма извѣстный „Кинжалъ“ („Лемносскій богъ тебя своваль для рукъ безсмертной Немезиды“), котораго признанная революціонная нецензурность и ядовитость сильно выкупаются тѣмъ, что это стихотвореніе вовсе не оригинальное произведеніе, а близкое подражаніе другому, сверхъ Байрона, властителю думъ Пушкина въ то время, а именно Андрею Шенье (*Ode à Charlotte Corday*:.. „Et des choeurs sur ta tombe, en une sainte ivresse,—Chanteraient Némésis la tardive déesse — Qui frappe le méchant son trône endormi!.. O vertu! le poignard, seul espoir de la terre,—Est ton arme sacrée alors que le tonnerre—Laisse venger le crime et le rend à ses lois). Въ 1823 г. объявившій себя въ письмѣ къ брату эгоистомъ и мизантропомъ, Пушкинъ восклицаетъ (правда, слѣдуя по стопамъ перваго своего образца, Байрона): „Возстань, о, Греція! возстань!.. Страна героевъ и боговъ,—Расторгни рабскія вериги—При гнѣнѣ пламенныхъ стиховъ—Тиртея, Байрона и Риги“ (I, 298). Не успѣли, можно сказать, еще обсохнуть чернила на стихахъ, которыми Пушкинъ клеймилъ радость такъ-называемаго имъ милорда „Уронцова“ (М. В. Воронцовъ), при полученіи извѣстія о казни испанскаго революціонера Ріэго (ноябрь, 1823), какъ уже, по собственному признанію его же, Пушкина (Письмо къ Тургеневу 1 дек. 1823), у него уже прошелъ либеральный задоръ, и подъ вліяніемъ отрезвленія онъ писалъ: „Изыде съятель... Къ чему стадамъ дары свободы,—Ихъ должно рѣзать или стричь...“ До конца своей жизни Пушкинъ оставался однимъ и тѣмъ же безграничнымъ оппортунистомъ, надбющимся, что правительство послушается его совѣтовъ. И такъ, тоска и разочарованіе Пушкина произошли не отъ неудачъ и проваловъ въ русской и европейской общественности, которые Пушкинъ переносилъ вообще довольно спокойно и къ которымъ онъ относился не какъ къ своему главному дѣлу (февраль, 1825, VII, 110: *Tout qui est politique n'est fait que pour la canaille*). Это разочарованіе можно бы объяснить частными обстоятельствами жизни Пушкина, измѣнами въ дружбѣ, любви, подоб-

ными той, съ которой Альфредъ Мюссе начинает свои *Confessions d'un enfant du siècle*,—еслибы не было вполне удостоверено, что онъ влюблялся часто и не безъ взаимности, и что имѣлъ друзей добрыхъ, преданныхъ, которымъ вѣрилъ, и которые составляли лучшее, что только было въ тогдашнемъ обществѣ русскомъ. Остается возможность предположить, что Пушкинъ заразился разочарованіемъ отъ другого лица, отъ того Демона (1823, I, 292), который сталъ тайно навѣщать его и вливать въ душу тайный ядъ своими язвительными рѣчами. Это стихотвореніе до того заинтересовало въ свое время публику, что она стала доискиваться, какое подъ образомъ этого „Демона“ кроется живое лицо; стала догадываться, что этимъ „Демономъ“ былъ извѣстный скептикъ А. Н. Раевскій. Самъ Пушкинъ, когда ему передали эту догадку (строфа 12, глава III „Онѣгина“) готовился опровергать въ печати это предположеніе (черновые наброски, см. Анненкова: „Пушкинъ“, стр. 153), указывая на то, что онъ хотѣлъ только олицетворить сомнѣніе... „духа, отрицающаго (подобно Мефистофелю Гёте), съ его печальнымъ вліяніемъ на нравственность вѣка“, уничтожающимъ лучшіе поэтическіе предразсудки души“. Объясненіе Пушкина весьма похоже на правду; его „Демонъ“ едва ли былъ живой человекъ, во всякомъ случаѣ имъ не былъ Байронъ, *во-первыхъ*, потому, что въ огненной поэзіи Байрона нивакъ не идуть слова: „хладный ядъ“, „насмѣшникъ“, „клеветать на Провидѣніе“, „не вѣрить свободѣ...“; *во-вторыхъ*, потому, что посѣщенія этого бѣса отнесены ко днямъ отрочества, до начала знакомства Пушкина съ Байрономъ: „когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣнія бытія, и взоры дѣвъ, и шумъ дубровы“. Если перенесемъ мысленно къ отрочеству Пушкина, то откроемъ, что этотъ бѣсъ-насмѣшникъ, вѣроятно, помѣщался въ отцовской библиотекѣ, отсюда дитя-Пушкинъ таскалъ всякія французскія книги, обостряя свой умъ, но загрязняя воображеніе; что этотъ бѣсъ былъ неотлучно съ Пушкинымъ въ лицѣ, что этотъ бѣсъ очень походилъ на того, о комъ Пушкинъ писалъ: „Фернейскій злой крикунъ, поэтъ въ поѣтахъ первый... Онъ все вездѣ великъ,—Единственный старикъ“ (I, 40: Городокъ)... Послѣ знакомства съ цѣлою французскою литературою XVIII в., съ самыми пивантными ея произведеніями, едва-ли пришлось Пушкину брать новые уроки „чистаго аееизма въ Одессѣ у глухого философа-англичанина, который“ уничтожалъ будто бы у него мимоходомъ слабыя доказательства безсмертія души (Стокунинъ: „Пушкинъ“, стр. 209: Письмо, повліявшее на заточеніе Пушкина въ Михайловскомъ). Увоенный въ юности саркастическій нигилизмъ французскихъ

философовъ-матеріалистовъ не проникалъ, однако, въ глубь натуры Пушкина. Его предохраняло эстетическое чувство, о которомъ онъ выражался такимъ образомъ: „Иная, высшая награда была мнѣ рокомъ суждена, — Самолюбивыхъ душъ отрада, — Мечтанья неземного сна (1821 — Набросокъ: I, 265). Насмѣшникъ съ насмѣшниками, мечтатель самъ съ собою и въ стихахъ, Пушкинъ меньше всего способенъ былъ справляться съ вопросомъ: которому изъ этихъ двухъ воззрѣній соотвѣтствуетъ дѣйствительность. Испытанныя имъ страданія поставили вдругъ ребромъ неприятный вопросъ, и Пушкинъ долженъ былъ признать, что и выражено въ заключеніи рокового для него письма объ аеѣ: „система не столь угѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію больше всего правдоподобная“; иными словами, что жизнь вообще гадость, и что подходитъ къ ней слѣдуетъ съ ея задняго двора (одинъ изъ вариантовъ въ 45 строфѣ I-й главы „Онѣгина“: „Открылъ я жизни бѣдный кладъ, — Въ замѣну прежнихъ заблужденій, — Въ замѣну вѣры и надеждъ, — Для легкомысленныхъ невѣждъ“. Изд. Морозова, III, 252). Самъ Пушкинъ, въ замѣтѣхъ на толки публики о „Демонѣ“ поясняетъ: „сомнѣнія вызваны вѣчными противорѣчіями — чувство мучительное, хотя непродолжительное“. Оставимъ открытымъ вопросъ: уничтожилось ли у Пушкина сомнѣніе прежде, нежели исчезли „лучше поэтическіе предразсудки души“. Во всякомъ случаѣ, оно не служило достаточнымъ основаніемъ для того презрѣнія къ людямъ, которое непрерывно заявляетъ Пушкинъ. Байронизмъ не состоялъ вовсе въ томъ, чтобы копошиться вмѣстѣ съ другими въ грязи, хотя бы и признавая ничтожество бытія, но въ томъ, чтобы идти на бой со всѣмъ свѣтомъ, неся въ рукахъ свѣточъ своего личнаго идеала и утверждая его превосходство предъ пошлою дѣйствительностью. Только такая борьба оправдываетъ слова: „Гордая лира Альбіона“ (I-я глава „Онѣгина“), и даетъ бойцу право свысока смотрѣть на болѣе слабыя существа.

V.

Пушкинъ не могъ вполне себѣ усвоить пессимизмъ Байрона: темпераменты обоихъ поэтовъ — учителя и ученика — оказались несхожіе, неодинаково страдающіе, неравномѣрно отзывчивые на впечатлѣнія извнѣ и на уколы судьбы. Оба поэта страдали сильно, но организмъ у Пушкина былъ нѣжнѣе. Съ юныхъ лѣтъ раздается это страданіе унылымъ, протяжнымъ напѣвомъ, жалобною пѣсней, не сопровождаемою скрежетомъ зубовъ. Семнадцати-

лѣтній юноша (1816) уже глѣлъ въ лицѣ: „Моя стезя печальна и пуста... Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья“ (I, 130. Посл. къ Горчакову)... „Прервется ли души холодный сонъ,—Поэзіи зажжется-ль упоенье?—Бесплодное проходить вдохновенье“ (I, 150). То было только предугадываніе суровой дѣйствительности, гдѣ-нибудь вычитанное („Нась пылъ сердечный рано мучить,—Люби насъ не природа учить,—А Сталь или Шатобріанъ.—Мы хотимъ жизнь узнать заранѣ—И узнаемъ ее въ романѣ“ ... „Онѣгинъ“, гл. I, стр. 9). Пришли, наконецъ, испытанія; поэтъ не сломился, но былъ угнетенъ. „Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой“, онъ пишетъ о себѣ: „Для всѣхъ чужой—какъ сирота бездомный,—Подъ бурю главой поникъ я томной“ (19 окт. 1825, I, 355). Поэтъ пришибленъ, сомнѣвается самъ въ себѣ: „Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?—Понесу-ль на встрѣчу ей—Непреклонность и терпѣнье—Гордой юности моей?“ (1828—Предчувствіе, I, 39), то есть тѣ качества, которыя онъ за собою признавалъ, пока еще „не сталъ извѣстенъ межъ людей ...пламеннымъ волненьемъ,—И бурями души моей,—И жаждой воли и гоненьемъ“ (I, 265). Въ сознаніи его поселилась горькая печаль, но она стелется тонкою дымкою, точно туманъ, и не совсѣмъ уничтожаетъ яркость красокъ, присущую инымъ жизнерадостнымъ, здоровымъ впечатлѣніямъ. Само недовольство жизнью или собою—не похоже у Пушкина на пессимизмъ, оно — скоропреходящая тѣнь отъ набѣгающихъ на солнце облаковъ, оно—вспышка минутной досады. Въ октябрѣ 1825 г., въ день лицейской годовщины, Пушкинъ ищетъ „отрад-наго похмеля, минутнаго забвенья горькихъ мукъ“ — „пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ—Не стоитъ міръ“... Чувство недовольства существуетъ, но зато какъ оно граціозно и летуче даже въ самыхъ конфиденціальныхъ изліяніяхъ поэта: „Croyez m'en, chère M-me Ossipow, la vie, toute sùsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume, qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain tas de boue que le monde“ (VII, 385 г. 1835). „Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи и съ талантомъ! Весело, нечего сказать“ (последнее письмо къ женѣ, 18 мая 1836, VII, 404).—Большая часть страданій Байрона происходила отъ него самого, отъ нравственнаго *самоистязанія*, при размысленіяхъ надъ своимъ прошедшимъ, при вскрытіи остающихся свѣжими послѣ десятковъ лѣтъ своихъ воспоминаній. Ихъ сравнивалъ Байронъ („Ч. Г.“, IV, 23) съ жестокою болью отъ жала скорпіона; она постоянно возвращалась по всякому намеку, по малѣйшему, хотя бы пустому слову. Жизнь Пушкина доставляла много случаевъ для точно такихъ же тяжелыхъ моментовъ: „Потомокъ негровъ безобразный“,

признающій за собою „безстыдство бѣшенныхъ желаній“ (1818 г. I, 188), онъ писалъ: „И я, въ законъ себѣ вмѣняя—Страстей единый произволь“ („Онѣгинъ“, VIII гл., 3 стр.)... Онъ не могъ не ощущать порою, какъ горять „змѣи сердечной угрызенья“... когда воспоминаніе развивало свой длинный свитокъ и представляло ему его утраченные годы—въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы (Воспоминанія, 1828 г., I, 37). Но и эти угрызенія совѣсти лишены у Пушкина трагическаго элемента и сбиваются на элегію. Иногда поэтъ ставитъ колоссальные вопросы бытія и ставитъ ихъ по-байроновски, съ протестомъ противъ Творца: „Кто меня *враждебной* властью—Изъ ничтожества воззвалъ,—Душу мнѣ наполнилъ страстью,—Умъ сомнѣнъемъ взволновалъ“... (26 мая, 1826); но вслѣдъ за тѣмъ мысль мельчаетъ: „Цѣли нѣтъ передо мною,—Сердце пусто, празденъ умъ“;—однимъ словомъ, является то чувство, котораго выраженіе вложено въ уста Фаусту въ неудачной сценѣ (1826): „Мнѣ скучно, бѣсъ!“ (III, 103), или: „Остались мнѣ одни страданья,—Плоды сердечной пустоты“ (1821 г., I, 238). Я уже приводилъ стихъ, въ которомъ несомнѣнно выражена байроновская мысль: „Мой путь унылъ, сулитъ мнѣ трудъ и горе—Грядущаго волнуемое море.—Но не хочу, о, други! умирать,—Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“. Однако, вся сила впечатлѣнія ослабляется игривымъ анакреонтическимъ концомъ этой пьесы: „И можетъ быть на мой закатъ печальный—Блеснетъ любовь улыбкою прощальной“ (1830. Элегія, II, 101). Привожу еще одну выдержку. Нѣтъ мысли, которая бы сильнѣе отравляла счастье человѣка, какъ мысль о неизбежности смерти и о безучастіи къ судьбѣ живого лица самой безсердечной природы. Мысль эта мучила царя Сиддарту за шесть вѣковъ до Христа, когда, почувствовавъ тщету жизни при видѣ трупа, онъ бросилъ тронъ, жену, ушелъ въ пустыню и сдѣлался Буддою. Мысль эта навѣщала и больного Тургенева, когда онъ писалъ свои, вызывающія въ тѣлѣ дрожь, „стихотворенія въ прозѣ“. Она составляетъ главный узелъ въ наиболѣе пессимистическомъ и весьма глубокомъ произведеніи Байрона: „Каинъ“. Мысль эта тревожитъ также и Пушкина (1829 г., II, 77): „Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,—Вкушаю-ль сладостный покой,—Но мысль о смерти неизбежной—Всегда близка, всегда со мной“. Что можетъ быть мрачнѣе, по-видимому, этой тѣни Банко, сядящейся за столъ на царственномъ пиру? Между тѣмъ и этотъ мракъ разсѣвается у Пушкина золотистымъ лучомъ солнца, и плачь о неизбежной смерти переходитъ въ милѣйшую, но приторную идиллію: „И пусть у гробоваго входа—Младая будетъ жизнь играть,—И равнодушная природа

—Красою вѣчною сіять“. На палитрѣ Пушкина совсѣмъ почти нѣтъ тѣхъ темныхъ красокъ, которыми злоупотребляетъ иногда муза Байрона, но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что воображеніе Пушкина было несравненно живѣе и богаче; что оно дѣлало его настоящимъ „Протеемъ“ (такъ и называли его современники); что онъ былъ въ высокой степени способенъ выходить изъ себя, объективироваться и доходить до яснаго, величаваго спокойствія, присущаго античному искусству—напримѣръ, въ дивныхъ стихахъ его отрывка 1829 г., подъ которыми подписался бы и самъ олимпіецъ Гѣте: „Примите гимнъ, таинственныя силы!—Хоть долго былъ изгнаниемъ удаленъ—Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ изліаній,—Но васъ любить не преставалъ, о, боги!—...съ какимъ святымъ волненьемъ—Оставилъ я людское стадо наше,—Дабы стеречь вашъ огонь уединенный,—Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.—Часы неизъяснимыхъ наслажденій!—Они дають намъ знать сердечну глубь.—Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ—Они любить, желѣять научають—Несмертныя, таинственныя чувства,—И насъ они наукѣ первой учать—*Чтитъ самою себя!*“ (II, 85). Впослѣдствіи, когда увлеченіе Байрономъ прошло, самъ Пушкинъ весьма трезво и мѣтко указывалъ на односторонность его поэзіи, на ея слабыя стороны. „Се Байронъ—Феба образецъ!“—писалъ онъ въ шуточной одѣ къ Хвостову, въ 1824 г.—...„Великъ онъ, но единообразен“. Въ первой главѣ „Онѣгина“ (с. 56) Пушкинъ не желаетъ, чтобы подумали, что въ Онѣгинѣ... „намаралъ я свой портретъ—Какъ Байронъ, гордости поэтъ;—Какъ будто намъ ужъ невозможно—Писать поэмы о другомъ,—Какъ только о себѣ самомъ“.

VI.

Несмотря на коренное несходство двухъ натуръ—Байрона и Пушкина, случилось, однако, что на нѣкоторое время послѣдній былъ заполоненъ первымъ. По словамъ весьма компетентнаго судьи—Мицкевича, Пушкинъ „*tomba dans la sphère d'attraction de Byron et tournait autour de cet astre comme une planète éclairée par sa lumière. Dans les ouvrages de sa première manière tout est byronien, les sujets, les caractères, l'idée et la forme*“ (Некрологъ Пушкина, въ „Globe“, 25 мая 1837 г.). Но поэтъ, о которомъ самъ Мицкевичъ выражался такъ: „*si les compositions du poète anglais n'existaient pas, on aurait proclamé Pouschkine le premier poète de l'époque*“,—не могъ, конечно, быть простымъ подражателемъ. По словамъ Мицкевича, Пушкинъ

былъ собственно не байронистъ, а „байронствующій“ (byroniaque), то-есть одержимый (possédé) духомъ своего любимаго автора. По натурѣ, Пушкину легче было подражать своему образцу въ житейскихъ мелочахъ, въ причудахъ, въ высокомъ мнѣніи о превосходствѣ аристократической породы („...Нашъ лордъ—Не только былъ отменно гордъ—Великимъ даромъ гѣсногѣнья,—Но и случайно рожденья“,—вариантъ въ „Родословной моего героя“, III, 554), въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ напускной жадности къ деньгамъ, заработываемымъ перомъ, въ громкихъ заявленіяхъ, что онъ свою поэзію продаетъ и ради денегъ только пишетъ,—нежели подчинить Байрону свое творчество. Съ одной стороны, такъ какъ воображеніе его было богаче и дарованіе разнообразнѣе, то въ поэзію его входили многіе чуждые Байрону элементы; съ другой стороны, темпераментъ его былъ подвижнѣе, нѣжнѣе и мягче, и когда онъ пробовалъ чертить по-своему лицо въ родѣ „Корсара“, которому даетъ первое мѣсто въ ряду произведеній Байрона (V, 49; статья 1827 года), то, по его неспособности проникнуть во всѣ изгибы мрачной и суровой души, у него оказываются въ работѣ либо пятна, либо пробѣлы. По этимъ двумъ причинамъ, въ заимствованіяхъ изъ Байрона замѣтны у Пушкина—и въ содержаніи, и въ формѣ—недостатки, съ которыми приходится познакомиться при изученіи байроновскаго періода въ литературной дѣятельности Пушкина. Обзоръ нашъ дѣятельности поэта въ этотъ періодъ остановится на самыхъ главныхъ ея чертахъ.

VII.

Первыми въ ряду являются „Черная шаль“ и перенаряженный „Корсаръ“ со своею Гюльнурою во образѣ „Кавказскаго Пльнника“ и его черкешенки. Хотя „Черная шаль“ заимствована, по преданію, Пушкинымъ отъ трактирной гѣвицы молдаванки Мариулы въ Кишиневѣ, пѣвшей въ 1820 году эту балладу, но въ ней множество отголосковъ Байрона, подражаній его кровавымъ восточнымъ повѣстямъ; она напоминаетъ манеру Байрона во всѣхъ своихъ подробностяхъ убійства невѣрной любовницы и ея сообщника, утопленія убитыхъ въ волнахъ Дуная и душевныхъ терзаній убійцы-мстителя: „Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,—Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей,—Гляжу какъ безумный на черную шаль,—И хладную душу терзаетъ печаль“.—Что касается „Пльнника“, то самъ Пушкинъ относился въ послѣдствіи безпощадно къ этому произведенію, которое, однако,

онъ любилъ, самъ не зная почему: „въ немъ были,—пишетъ онъ,—стихи моего сердца“ (1821; VII, 30). „Плѣнникъ зеленъ (VII, 166; 1825), все это слабо, молодо, неполно“ (Путешествіе въ Арзерумъ, IV, 420). „Богатая обстановка изъ горъ и горцевъ есть собственно „hogs d'oeuvre“, географическая статья, отрывокъ изъ путешествія“ (VII, 30; 1822).—Но самъ „Плѣнникъ“? да и онъ только бѣлое, недомалеванное пятно. Надъ нимъ потѣшались потомъ самъ авторъ съ Раевскимъ. Характеръ его—предметъ, съ которымъ Пушкинъ „насилу сладилъ“ (V, 120) или, лучше сказать, совсѣмъ не сладилъ. Мы на слово должны вѣрить, что это прожженный человѣкъ, который... „бурной жизнью погубилъ—Надежду, радость и желанье“... заключивъ въ увядшемъ сердцѣ лучшихъ дней воспоминанье, отступникъ свѣта и т. д.; что онъ „невольникъ чести безпощадной“, — „На поединкахъ твердый, хладный—Встрѣчая гибельный свинецъ“, и т. д. Мы даже не знаемъ, были ли у него сильныя движенія сердца, коль скоро онъ ихъ хранилъ въ молчаніи глубоко, такъ что—„И на челѣ его высоко—Не измѣнялось ничего“. Непонятно, почему же и какъ могли дивиться черкесы „безпечной смѣлости“ плѣнника, когда онъ не проявилъ ни разу во всей поэмѣ ни смѣлости, ни великодушія. Г. Стоюнинъ замѣтилъ, что плѣнникъ становится неинтереснымъ и даже противнымъ, что есть въ немъ черты, оскорбляющія нравственное чувство, напримѣръ: „Я вижу образъ вѣчно милый, —Его зову, къ нему стремлюсь,—Тебѣ въ забвеньи предаюсь—И тайный призракъ обнимаю“. Хотя образъ черкешенки испорченъ вложенною въ него романтическою сантиментальностью, но въ авторѣ уже виденъ мастеръ, будущій живописецъ Татьяны. Черкешенка — настоящій герой поэмы (VII, 25; 1821: „Конечно, поэмѣ приличнѣе было бы назвать „Черкешенкой“, а объ этомъ не подумалъ“), а не плѣнникъ—размазня и плакса, совсѣмъ не изображающій того, что хотѣлъ представить Пушкинъ: „преждевременную старость души, отличительную черту молодежи XIX вѣка“ (VII, 25). Указывая на странность стиховъ: „Свобода, онъ одной тебя,—Одной искалъ въ подлунномъ мірѣ“, —г. Стоюнинъ не безъ основанія спрашиваетъ: зачѣмъ съ такимъ идеаломъ свободы лѣтъ въ далекой край, чтобы поработать свободный народъ?“—Много лѣтъ спустя, послѣ вторичной поѣздки на Кавказъ и изученія его не съ однихъ высотъ предгорья, не съ одной вершины Бешту, Пушкинъ осуществилъ свою идею о дикой свободѣ некультурныхъ племенъ въ ея противоположности съ цивилизаціею (1829—1833) въ дивномъ эпическомъ отрывкѣ изъ неоконченной, въ несчастію, поэмы: „Галубъ“, по истинѣ достойной того, чтобы

быть поставленною на-ряду если не съ лучшими страницами Иліады, то, по крайней мѣрѣ, съ таковыми же испанскаго Романсеро. Сынъ чеченскаго князя Галуба—Тазить, получившій своеобразное воспитаніе внѣ дома, являетъ черты характера христіанскія. Онъ не ограбилъ богатаго армянина на дорогѣ, когда могъ это сдѣлать безнаказанно; онъ не притащилъ въ аулъ на арканѣ бѣглаго раба и даже не умертвилъ убійцу своего брата, скалившись, такъ какъ убійца былъ раненъ и безоруженъ. Отъ Тазита отрекаются его родъ, его племя, но, отверженный, онъ является, однако, на родинѣ преобразователемъ-миссіонеромъ. Конечно, онъ дѣйствуетъ только моральными средствами, а не при содѣйствіи вражескихъ, по отношенію къ его родинѣ, барабановъ и штыковъ; онъ даже гибнетъ въ сраженіи съ русскими, какъ можно судить по уцѣлѣвшей программѣ поэмы. Замыселъ поэмы былъ колоссальный; въ сравненіи съ нимъ, „Кавказскій Пльнникъ“ оказывается только юношескимъ упражненіемъ, обнаруживающимъ лишь задатки таланта. Чтобы опредѣлить, съ какою неимоверною быстротою совершался ростъ таланта у Пушкина, слѣдуетъ сопоставить „Пльнника“ не съ „Бахчисарайскимъ Фонтаномъ“—граціозною бездѣлкою, съ ея гаремными сценками и мелкими силуэтами Маріи Потоцкой и Заремы, имѣющими только общее и далѣкое сходство съ происшествіями въ султанскомъ гаремѣ въ V-й пѣснѣ байроновскаго „Донъ-Жуана“ (султанша Гюльбейазъ), и не съ „Братьями-Разбойниками“, первообразомъ картинъ съ природы изъ осторожнаго и каторжнаго быта, —а съ „Цыганами“. Извѣстно, что „Цыгане“ писались въ декабрѣ 1823 г. на югѣ, и только послѣднюю отдѣлку получили въ Михайловскомъ. При своемъ появленіи поэма была принята съ столь единодушнымъ одобреніемъ, что поставила славу поэта у современной ей публики на высоту наибольшую изъ всего достигнутого имъ при жизни. Были позднѣе произведенія Пушкина глубже по замыслу и сложнѣе, но мнѣнія о нихъ дѣлились, такъ что Пушкинъ, по отношенію къ нимъ, находился въ положеніи сходномъ съ положеніемъ Гёте, возвратившагося изъ римскаго путешествія и обнаружившаго „Ифигенію въ Тавридѣ“ и „Тасса“—произведенія совершеннѣйшія въ художественномъ отношеніи, но мало симпатичныя для современниковъ. Поэту приходилось задумываться надъ охлажденіемъ къ нему публики, и только теперь, чрезъ пользу послѣ его смерти, настало время надлежащей оцѣнки того, что написалъ онъ наиболѣе цѣннаго. Но и въ настоящее время „Цыгане“ не утратили нисколько своей свѣжести, и оказываются они небольшимъ, но необычайно красивымъ алмазомъ съ

сильнѣйшею игрою свѣта. Теперь мы можемъ восхищаться только однѣми художественными красотами поэмы, но современниковъ она интересовала вдвойнѣ. Она была, *во-первыхъ*, вполне романтическое и весьма оригинальное произведеніе, — единственная насквозь-романтическая поэма Пушкина, взятая изъ живой дѣйствительности; *во-вторыхъ*, она ставила вопросъ объ отношеніи отдѣльнаго лица къ обществу и чертила какъ бы идеаль общества въ ходячей тогда формѣ возврата къ простотѣ первобытнаго состоянія людей. Мысль о блаженствѣ до-историческаго, докультурнаго состоянія людей не переставала вскружать умы и порождала издавна безчисленное множество пасторалей. Одна изъ прелестнѣйшихъ комедій Шекспира: „As you like it“, написана на эту тѣму. Въ XVIII вѣкѣ главнымъ апостоломъ возврата людей на лоно природы былъ Жанъ-Жакъ Руссо, въ духъ котораго воспитывались послѣдовательно многія поволѣнія вплоть до начала тридцатыхъ годовъ. Его идеями и чувствами питались въ молодости и Байронъ, и Пушкинъ. Многіе изъ мечтавшихъ о естественномъ состояніи ѣздили искать его за морями у гуроновъ или ирокезовъ; Пушкину удалось его открыть между Одессою и Измаиломъ, подъ шатрами цыганской кочевки. Людей того вѣка такъ и манилъ къ себѣ огонь костра въ степи, такъ и влекло ихъ туда желаніе „презрѣть оковы просвѣщенья“, подобно „птичкамъ беззаботнымъ, проснувшись, свой день весь отдавать на волю Бога“, бѣжать подальше отъ мѣстъ, гдѣ люди „любви стыдятся, мысли гоняютъ, — Торгуютъ волею своей, — Главы предъ идолами клонятъ — И просятъ денегъ и цѣпей“... Сама по себѣ тѣма была богатая. Еслибы въ Пушкинѣ было нѣсколько меньше поэтическаго чутья, то онъ бы ее и разработалъ въ дидактическомъ направленіи, — онъ бы непременно вставилъ въ произведеніе уже заготовленную пѣсню Алеко, убаюкивающего своего ребенка сына: „Не мѣняй простыхъ пороковъ — На образованный развратъ... — Пускай цыгана бѣдный внукъ — Не знаетъ суеты наукъ... Отъ общества, быть можетъ, я — Отъемлю нынѣ гражданина: — Чтѣ нужды? я спасаю сына“... Въ эту нетребовательную среду, въ этотъ мірокъ людей вольныхъ, какъ птицы, не знающихъ труда, какихъ бы то ни было стѣсненій, какихъ бы то ни было каръ, какой бы то ни было власти лица надъ лицомъ, вступилъ, по доброй волѣ, Алеко, то-есть самъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ печальный критическій моментъ его бурной молодости. Авторомъ употребленъ настоящій байроновскій приѣмъ: онъ изобразилъ самого себя и притомъ безъ самоукрашиванія на-черно, безъ рисовки, безъ предпосылки какихъ бы то ни

было мрачныхъ уголовщинъ, позирующихъ героя злодѣемъ. Онъ выведенъ только съ предвареніемъ, что онъ человѣкъ сознательно покаявшійся „измѣтъ волненье, предразсужденій приговоръ, толпы безумное гоненье“, и что, по натурѣ, онъ человѣкъ волнующійся и страстный, притомъ искренно рѣшившійся переродиться, измѣниться въ этомъ именно отношеніи, сдѣлаться беззаботнымъ и къ дѣланіямъ другихъ равнодушнымъ. Главный узловый вопросъ ставился такъ: выдержать ли онъ? „Давно-ль, надолго-ль усмирѣли“ (страсти въ его измученной груди)? „Онъ проснется: погоди“.

Онъ дѣйствительно проснулся роковымъ образомъ, и тѣмъ съ большою силою, чѣмъ продолжительнѣе было ихъ усыпленіе. Алеко къ одному не могъ привыкнуть въ новомъ быту—къ тому, чтобы его подруга, по вольному цыганскому браку, могла загулять съ другимъ мужчиною. Онъ не въ силахъ усвоить себѣ цыганскую философію: „Вольнѣ птицы младость,—Кто въ силахъ удержать любовь?—Чредою всѣмъ дается радость;—Что было, то не будетъ вновь“. Какъ ни искренно онъ припѣвалъ, убаюкивая сына: „не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,—Трепеща тайно жаждой мести“...; но въ данномъ случаѣ этотъ человѣкъ, который и любилъ иначе, чѣмъ цыгане, не „шутя“, а „горестно и трудно“, не въ силахъ преодолѣть себя: „Я не таковъ.—Нѣтъ, я не споря—Отъ правъ моихъ не откажусь“. Трагическая коллизія разсѣкается просто, дѣйствіемъ быстрымъ, двумя ударами кинжала, поражающими и соперника, и Земфиру, безстрашную даже и подъ ножомъ и пренебрегающую убійцею („Не боюсь тебя,—Твои угрозы проклинаю, Твое убійство презираю!—Умру любя!“). Замѣтимъ мимоходомъ, что переведшій „Цыганъ“ съ русскаго на французскій языкъ Просперъ Меримэ, въ своей собственной, очень извѣстной, повѣсти „Carmen“, изданной совмѣстно съ переводомъ „Цыганъ“ въ 1847 году, почти списалъ съ Пушкина ту же самую сцену, придавъ ей только то, что называется couleur locale: „Comme mon vom, tu as le droit de tuer la vom; mais Carmen sera toujours libre. Calli (цыганкою) elle est née, calli elle mourra. T'aimer encore, c'est impossible. Vivre avec toi—je ne le veux pas“. Надъ убійцею изрекаетъ у Пушкина приговоръ—исправляющій должность хора древней трагедіи старикъ-цыганъ: „Не нужно крови намъ, ни стоновъ.—Мы жить съ убійцей не хотимъ.—Ты не рожденъ для дивой доли;—Ты для себя лишь хочешь вали.—Прости! да будетъ миръ съ тобой!“ Комментаторы Пушкина усматриваютъ въ этомъ приговорѣ моральное осужденіе байронизма, какъ направленія, безопаздное развѣнчаніе Алеко и вступленіе Пушкина на

новый путь къ народности, или, лучше сказать, къ простонародію (Анненковъ, 241; Незеленовъ, 169). Я отрицаю подобный выводъ, превращающій созданіе Пушкина въ нравоученіе. Именно, по своему нежеланію явиться моралистомъ, Пушкинъ исключилъ изъ поэмы пѣсню Алеко надъ ребенкомъ. Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Жуковскому (VII, 131): „Ты спрашиваешь, какая цѣль у „Цыгановъ“? вотъ-на! цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не украсть этого)“. Анненковъ приводитъ, со словъ, слышанныхъ имъ отъ Плетнева: „Только съ „Цыганъ“ почувствовала я въ себѣ призваніе къ драмѣ“. Несомнѣнно, что, начиная съ „Цыганъ“, Пушкинъ проявилъ способность, приводившую въ восторгъ Меримэ и свойственную только великимъ драматургамъ: сосредоточивать бездну страсти въ наименьшемъ числѣ словъ: „je ne connais pas d'ouvrage plus tendre... pas un vers, pas un mot à retrancher, et cependant tout est simple, naturel (Сравн. *Faguet, Etudes littéraires dans le XIX siècle, 1887; p. 337*). Драма и есть тотъ особенный родъ творчества, въ которомъ, при происходящихъ роковыхъ столкновеніяхъ между дѣйствующими лицами, сердце зрителя дѣлится между сталкивающимися противниками; не знаешь, на чью сторону склониться, сочувствуешь герою, видишь его ошибки и миришься съ его паденіемъ,—въ виду непреложности мірового порядка, съ его неизмѣнными, понятными разуму законами. Ошибка комментаторовъ Пушкина заключается въ томъ, что, по ихъ понятіямъ, міровой порядокъ отождествляется въ сознаніи Пушкина съ цыганскою моралью, между тѣмъ какъ нравоученія старика-цыгана изображаютъ только бытовыя условія среды, въ которую вступилъ Алеко; они—только историческая подкладка и обстановка трагическаго дѣйствія. Вина Алеко—вовсе не въ томъ, что онъ окончательно не оцыганился до смѣшенія половъ; она заключается въ томъ, что, будучи культурнымъ человекомъ, онъ вступилъ въ невозможную для него среду, отрицающую и ярмо тяжелаго, ежедневнаго труда, и собственность, и осѣдность, и любовь, какъ нѣчто отличное отъ моментальнаго полового влеченія, и чистоту семейныхъ нравовъ. Никогда въ дѣйствительной жизни Пушкинъ не ставилъ себѣ идеаломъ цыганскій образъ жизни. Въ пѣснѣ Алеко онъ могъ помѣстить слова, относящіяся къ сыну: „Нѣтъ, не преклонить онъ колѣнъ предъ идоломъ безумной чести“..., но самъ онъ былъ крайнимъ послѣдователемъ до конца этого юльта чести, онъ жилъ и умеръ несправимымъ Алеко. Я готовъ согласиться съ Аполлономъ Григорьевымъ, что Пушкина сгубила отдѣлившаяся отъ него стихія Алеко (243), то-есть прирожденная страст-

ность его натуры, — но коренная идея „Цыганъ“ вовсе не та. Если въ человѣкѣ замерли всѣ страсти, если онъ, такъ сказать, выхолощенъ, то будь онъ похожъ на цыганъ: „мы робки и добры душою“, — но онъ уже не человѣкъ. Такое полное омертвѣніе страстей невозможно даже въ цыганскомъ быту, и я удивляюсь, какъ не было обращено должное вниманіе на самое заключеніе поэмы, устраняющее всякую надежду полнаго блаженства человѣка даже и въ состояніи природы, даже и въ до-культурномъ быту: „Но счастья нѣтъ и между вами, — Природы бѣдные сыны! — И подъ издранными шатрами — Живутъ мучительные сны! — И ваши сны вочевья — Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ. — И всюду страсти роковыя, — И отъ судьбы защиты нѣтъ!“ Пушкинъ началъ писать поэму изъ однихъ личныхъ воспоминаній, а неожиданно, негаданно, подъ рукою его выросла драма, о которой онъ отзывался въ 1825 г., въ письмѣ къ П. А. Вяземскому: „Я, кажется, писалъ, что мои „Цыгане“ никуда не годятся: не вѣрь, я совралъ; ты будешь ими очень доволенъ“. Эта драма знаменуетъ также и выходъ Пушкина изъ области байроновскаго вліянія, ибо у Байрона, какъ извѣстно, по субъективности его поэзіи, недоставало драматическаго дарованія, а въ драмѣ онъ воспроизводилъ только одно, и то — свое лицо. Обыкновенно, предѣльною чертою байроновскаго вліянія на Пушкина считаютъ отслуженную за упокой *болярина Георгія* панихиду въ Михайловскомъ, 7-го (19) апрѣля 1825 г., въ первую годовщину кончины поэта. Этотъ моментъ ознаменованъ былъ въ жизни Пушкина еще и увлеченіемъ, съ которымъ онъ погрузился въ изученіе Шекспира. Очень правдоподобно, что вліяніе Байрона продолжалось и послѣ того, хотя было слабѣе. Когда писался, въ 1825 году, осенью, въ деревнѣ „Графъ Нулинъ“, послѣ прочтенія шекспировской „Луcreці“, „Нулинъ“, составляющій пародію на этотъ историческій эпосъ, то передъ Пушкинымъ носились несомнѣнно и „Беппо“, и „Донъ-Жуанъ“, и онъ усваивалъ себѣ шуточную манеру Байрона въ этихъ поэмахъ. Есть еще, кромѣ того, одно произведеніе Пушкина — и самое крупное, которое не только исполнено воспоминаній о Байронѣ, но и зачато въ его духѣ: я говорю объ „Онѣгинѣ“. Къ этой поэмѣ я теперь и перейду.

VIII.

4-го ноября 1823 г., Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому (VII, 56): „Пишу романъ въ стихахъ, *въ родъ Донъ-Жуана*“. Въ предисловіи въ изданномъ въ 1825 г. началу поэмы, сказано, что первая глава напоминаетъ „Беппо—шуточное произведеніе мрачнаго Байрона“. По своей первоначальной идеѣ, романъ долженъ былъ походить и на „Донъ-Жуана“ не только по своей формѣ, но и по сатирическому содержанію: „я захлебываюсь желчью—двѣ пѣсни уже готовы“ (VII, 62; Тургенеу, 1 декабря 1823 г.). „Раевскій искалъ романтизма, а нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не расчулъ: это—лучшее мое произведеніе“ (VII, 70; брату Льву, январь 1824 г.). Годъ спустя, 21-го марта 1825 г. (письмо къ Бестужеву), Пушкина уже сердило усматриваемое всѣми подражаніе Байрону, и объ „Онѣгинѣ“ онъ уже твердилъ совершенно противное тому, что писалъ прежде: „Въ Донъ-Жуанѣ нѣтъ *ничего* общаго съ Онѣгинымъ. Гдѣ у меня сатира?—о ней нѣтъ и помина. У меня затрещала бы набережная отъ сатиры, еслибы я ея коснулся. Если сравнивать Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и граціознѣе, Татьяна или Юлія?“ Оба заявленія одинаково искренни и правдивы. „Беппо“ и „Донъ-Жуанъ“ породили въ Пушкинѣ мысль и охоту написать нѣчто подобное изъ русской жизни. Рамка „Донъ-Жуана“ широкая, раздвижная и вмѣстительная; она была весьма удобна именно потому, что ни въ чемъ не стѣсняла фантазію автора и даже не требовала никакого цѣльнаго замысла, никакого связнаго содержанія. Поэма могла окончиться на десятой главѣ, или на двадцатой, или дойти до сотой. Она разрасталась, какъ сосна или дубъ въ лѣсу, которые выдвигаются въ высоту, утолщаются и раскидываютъ вѣтви, по мѣрѣ того, какъ они живутъ, и измѣняютъ до неузнаваемости свой прежній видъ. Мы не можемъ даже и представить себѣ, во что бы обратился „Онѣгинъ“, еслибы поэтъ послѣдовалъ совѣтамъ Плетнева и безчисленныхъ друзей, твердившихъ въ одинъ голосъ: „Онъ живъ и не женатъ.—Итакъ, романъ еще не конченъ: это владъ!—Въ его свободную, вмѣстительную раму—Тыставишь рядъ картинъ, откроешь діораму“... (III, 422). Во всякомъ случаѣ, плодовитость проявилась бы въ ущербъ замыслу и основному плану, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ осуществленъ послѣ подведенія самимъ Пушкинымъ итога рабочему времени, ушедшему на поэму: 7 лѣтъ 4 мѣсяца и 17 дней (III, 42). Планъ этотъ крайне простой и даже

до убожества бѣдный: молодая провинціалка влюбляется въ прѣвѣжаго столичнаго льва, который осадилъ ее и прочелъ ей жестокую нотацію. Потомъ, когда она сдѣлалась блестящею велико-свѣтскою дамою, онъ же самъ влюбился въ нее до безумія, но получилъ отъ нея крупную сдачу съ процентами—урокъ еще болѣе чувствительный для его самолюбія. Промежь двухъ уроковъ проходитъ кровавою полоскою ненужный, глупый, безтолковый поединокъ изъ-за пустяговъ между двумя сердечными друзьями, не оправдываемый даже тѣмъ, что онъ произошелъ ради „идола безумной чести“. Мицкевичъ сдѣлалъ слѣдующій выводъ объ „Онѣгинѣ“, какъ мнѣ вѣжется, вполне основательный (Курсъ слав. литературы): „en écrivant les premiers chapitres Pouschkine n'avait pas probablement d'idée arrêtée sur le dénoûment, parce qu'il n'aurait pu écrire avec tant de tendresse, tant de naïveté et de force les amours des jeunes gens pour les terminer d'une manière aussi triste et aussi prosaïque“. вмѣсто имѣвшейся сначала въ *предметъ* (говоря слогомъ того времени, см. гл. I, стр. 27) сатиры нравовъ, мы получили не то *fabliau*, не то новеллу Боккачіо, не то *comédie* или *proverbe* изъ жизни російскаго *fashion* или *high life'a*,—во всякомъ случаѣ довольно пустой сюжетъ, великолѣпнѣйшимъ образомъ написанный, вещь интересную не по замыслу, а потому, что она представляетъ полную картину нравовъ извѣстной, въ даль отошедшей эпохи, родъ психологическаго склада, въ который поэтъ бросалъ безъ разбору и порядка все передуманное и пережитое въ теченіе семи съ половиною лѣтъ самаго богатаго, самаго могучаго творчества (1823—1831). „Собраніе пестрыхъ главъ, — Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ, — Простонародныхъ, *идеальныхъ*“ (противъ этого выраженія протестуетъ Honegger въ *Russische Litteratur und Cultur, Leipzig; 1880: „romantisch ist wohl die Dichtung, aber ideal in keinem Zuge“*), — Небрежный плодъ моихъ забавъ, — Безсонницъ, мелкихъ вдохновеній — Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ, — Ума холодныхъ наблюдений — И сердца горестныхъ замѣтъ“. Романъ сталъ, такимъ образомъ, автобіографіею, родомъ *confessions* для потомства, сочиненіемъ, въ которомъ Пушкинъ является не истолкователемъ чужихъ затѣй и причудъ, а „москвичемъ въ Гарольдовомъ плащѣ“ („Онѣгин“, VII, 24), который распахнулъ этотъ плащъ и стоитъ въ туфляхъ, бухарскомъ халатѣ и съ трубкою во рту. Само собою разумѣется, что въ такомъ видѣ Пушкинъ сдѣлался удобною мишенью для всѣхъ застрѣльщичьихъ литературы, для всѣхъ подростящихъ поколѣній — и того, которое онъ собственными глазами видѣлъ изъ уцѣлѣвшихъ послѣ 14-го декабря ревнителей гражданственности („Едва

опомнились младя повольты, — Жестокыхъ опытовъ собирая поздній плодъ; — Они торопятся съ расходомъ свести приходъ. — Имъ некогда шутить, объдать у Темиры, — Иль спорить о стихахъ... “ — Письмо къ вельможѣ Н. Б. Юсупову, 1830; II, 93), — и того, позднѣйшаго, которое въ шестидесятихъ годахъ жестоко осуждало своихъ предшественниковъ, людей сороковыхъ годовъ, за ихъ празднословіе и эстетику, за ихъ извѣженность и неспособность къ простой черной работѣ, къ практическому труду, требующему мозолистыхъ рукъ и выносливости. Эти осужденія высказывались у насъ, по обыкновенію, въ самой рѣзкой и безусловной формѣ; они не встрѣчались своевременно при своемъ появленіи у насъ, какъ обыкновенно бываетъ, ни отпора, ни опроверженія; они прошли почти безслѣдно, не омрачивъ славы Пушкина, которая сіяетъ болѣе сильнымъ, нежели при жизни поэта, блескомъ. Въ этомъ хуленіи „Онѣгина“ всѣхъ превзошелъ Писаревъ (3-я часть Сочиненій, изд. 1871, стр. 223), дошедшій до слѣдующихъ геркулесовыхъ столповъ прямолинейной критики въ духѣ утилитаризма: „Общій волоритъ поэзіи Пушкина — внутренняя красота человѣка, проводящаго жизнь въ праздности и посвящающаго досуги пищеваренію и созерцанію мраморныхъ боговъ, и лелѣющая душу гуманность въ отношеніи къ дѣтямъ небесъ, презирающимъ и топчущимъ въ грязь червей земли... Никто изъ русскихъ поэтовъ не можетъ внушить такого безпредѣльнаго равнодушія къ народнымъ страданіямъ, такого презрѣнія къ честной бѣдности и такого отвращенія къ честному труду, какъ Пушкинъ“. Болѣе сдержанно, но въ сущности также неодобрительно отзываясь объ „Онѣгинѣ“ весьма почтенный критикъ Водовозовъ (Новая Русская Литература, ст. 157 и слѣд.): „чтеніе Байрона и другихъ современныхъ писателей указало Пушкину какія-то новыя требованія жизни..., но, оторванный отъ своей среды, онъ не въ силахъ былъ освободиться отъ ея привычекъ; увлекаясь Байрономъ, онъ все-таки останавливался *на фразѣ*... Всѣ эти отрицанія были бы умѣстны, еслибы поэма имѣла направленіе, еслибы, по замыслу автора, поэма должна была изображать „требованія жизни“. Она отразила только эту жизнь, съ ея дремотою и лѣнью, съ ея пустотою, съ отсутствіемъ всякихъ серьезныхъ задачъ и интересовъ. Когда Онѣгинъ поутру... „отправлялся налегкѣ — Къ бѣгущей подъ гору рѣкѣ“, и — „Пѣвцу Гюльнаны подражая, — Сей Геллеспонтъ переплывалъ“, — то никакой вины его не было въ томъ, что его опыты плаванія происходили на мелкой рѣчонѣ; дайте ему Геллеспонтъ — онъ, можетъ быть, переплылъ бы и настоящій Геллеспонтъ. А жизнь тогдашняя въ Россіи не представляла собою никакихъ Геллеспонтонъ, — живого дѣла не предстояло,

само общество его чуждалось. Человѣкъ, предъявляющій особыя требованія, расшибъ бы себѣ лобъ объ стѣну, или бѣжалъ бы, какъ Чацкій, ища, „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“ — и прослылъ бы чудачкомъ и опаснымъ сумасшедшимъ. Людямъ не боевого темперамента приходилось по-неволѣ улаживать свое скучное существованіе „созерцаніемъ мраморныхъ боговъ“ и сохранять — въ этой, единственно-возможной по тому времени, формѣ служенія отвлеченной науцѣ и чистому искусству — связь съ общимъ движеніемъ европейской мысли и отзывчивость на міровыя событія и явленія. Невѣрно было то, въ чемъ обвинялъ Писаревъ Пушкина и его современниковъ (Ш, 239), будто, „погрузившись въ созерцаніе мелкихъ, личныхъ ощущеній, они сдѣлались неспособными анализировать и понимать общественные и философскіе вопросы вѣка“. Когда пришла пора реформъ, то явились и люди, способные рѣшать запутанные и сложные общественные вопросы. Долгое уединеніе отъ міра сего и пребываніе въ сферѣ отвлеченностей принесло, конечно, и вредныя послѣдствія. Реформаторы заскакивали на сто лѣтъ впередъ; учрежденія выкраивались шире, чѣмъ слѣдовало, не по росту субъекта. Мы чурались эстетики и чистаго искусства ради практическаго дѣла, ради реформъ, и стоимъ нынѣ въ раздумьѣ на перекресткѣ, не зная — куда направиться. Талантами мы сильно оскудѣли, нашъ умственный уровень пониманія простѣйшихъ общечеловѣческихъ вопросовъ жизни понизился; нѣтъ у насъ идеаловъ ни эстетическихъ, ни этическихъ. Царить одинъ голый и до цинизма откровенный эгоизмъ, все равно — личный ли онъ, или національный. По мѣрѣ того, какъ выяснялось въ сознаніи наше огрубѣніе, восстанавливается и репутація бывшихъ долгое время въ загонѣ людей сороковыхъ годовъ; надъ головами нашими вырастаютъ они съ Пушкинымъ во главѣ. Въ пользу Пушкина, очиплюющимъ его отъ злословія доказательствомъ служить то, что всѣ великіе писатели слѣдующаго за нимъ періода, уже не ограничивавшагося „созерцаніемъ мраморныхъ боговъ“, но посвященнаго настоящему дѣлу, начиная съ олимпійца Тургенева и до живописца нервныхъ страданій и истерики Достоевскаго, — происходятъ отъ Пушкина и провозглашаютъ его своимъ первоучителемъ. Что же касается до нареваній за эпикуреизмъ и квіетизмъ, то Пушкинъ подвергался этимъ нареканіямъ не одинъ, — та же самая судьба постигла и Гёте за его политическій индифферентизмъ. Курьезно то, что люди, поносящіе Пушкина за его сибаритство и неумѣніе стать на высотѣ Байрона въ уразумѣніи практическихъ требованій вѣка, попрекаютъ его и за тѣ его стихотворенія, въ которыхъ

онъ изображаетъ высокое назначеніе поэзіи и священный почти характеръ поэта, между тѣмъ какъ это обоготвореніе поэта Пушкинымъ есть не что иное, какъ воспроизведеніе въ нѣсколько измѣненной, согласно его личному темпераменту, формѣ основной байроновской идеи, составляющей дурную и въ значительной степени вредную сторону его поэзіи, а именно, байроновскаго культа великихъ, гениальныхъ людей, для которыхъ никакой законъ не писанъ, ни положительный, ни чисто нравственный. Намъ приходится теперь остановиться на понятіяхъ Пушкина о значеніи и назначеніи поэта.

IX.

Пушкинъ сталъ поэтомъ съ малолѣтства,—и по настоящему призванію, по воспримчивости къ поэтическимъ впечатлѣніямъ, и по наслажденію, испытываемому при созиданіи поэтическихъ образовъ. Съ самаго лица, его и не интересовало ничто, кромѣ одной поэзіи. На тысячу ладовъ провозглашалъ онъ:—Я поэтъ!.. „Въ пещерахъ Геликона—Я вѣкогда рожденъ...—Подъ кровомъ вѣшнихъ розъ—Поэтомъ я возросъ“ (1815; Батюшкову, I, 77). „Я мирныхъ звуковъ наслажденья—Младенцемъ чувствовать умѣлъ... И лира стала мой удѣлъ“ (1817; Дельвигу, I, 167); всего сильнѣе въ стихѣ Жуковскому (1817, I, 163): „Благослови, поэтъ!... Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ“. Пушкинъ все въ мірѣ отдалъ бы за поэтическую славу: „Ахъ, вѣдаетъ мой добрый гений,—Что предпочелъ бы я скорѣй—Безсмертію души моей—Безсмертіе моихъ твореній“... (1817; Иличевскому, I, 177). Собственно не сама слава влечетъ его неодолимо въ область поэзіи, а стремился онъ туда просто потому, что это была его естественная стихія: „Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,—Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ—Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ—И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей... И мысли въ головѣ волнуются въ отбавѣ“ (Осень, 1830; II, 105). Читая произведенія Пушкина, писанныя еще до катастрофы 1820 г., изумляешься, сколько въ нихъ страдальческихъ звуковъ, унылыхъ и печальныхъ, при преобладающемъ, однако, общемъ настроеніи рѣзвой веселости, — и какъ великъ навыкъ поэта уединяться, переполняться звуками и смятеніемъ и бѣжать „на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы“ (III, 21). Онъ прилѣплялся къ поэзіи, какъ къ единственному своему занятію, всѣми корнями души, какъ къ яворю, какъ къ сред-

ству, очищающему его отъ страстей и искупающему всякую сквернь: „Такъ сердце—жертва заблуждений—Среди порочныхъ упоений—Хранить одинъ святой залогъ,—Одно божественное чувство“ ... Онъ только и живетъ въ этомъ элизіумѣ, съ его условными символами, съ его языческою мифологіею, съ его излюбленными мѣстами и героями, и настолько имъ преданъ сердцемъ, что знать не хочетъ уничтожающей ихъ правды; онъ отворачивается отъ дѣйствительности, насколько она несхожа съ поэтической легендою. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилась уже эта анти-историческая черта въ поэтѣ. Еще въ лицѣ онъ такъ опредѣлялъ назначеніе поэзіи: „Гоните мрачную печаль,—Плѣняйте умъ обманомъ,—И милой жизни свѣтлу даль—Кажите за туманомъ“. Этому отношенію въ сухой, некрасивой дѣйствительности Пушкинъ былъ вѣренъ всю жизнь. Еще въ концѣ 1830 г. онъ писалъ въ „Героѣ“ (Наполеонѣ)—съ эпиграфомъ: „Что есть истина?“:— „Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,—Когда посредственности хладной,—Завистливой, въ соблазну жадной,—Онъ угождаетъ праздно. Нѣтъ!—Тѣмъ низкихъ истинъ мнѣ дороже—Насъ возвышающій обманъ“.

Съ молодыхъ лѣтъ и гораздо раньше катастрофы 1820 г., въ поэзію Пушкина—игривую, граціозную, по преимуществу эротическую, то-есть посвященную „наукѣ страсти нѣжной“, входятъ гражданскіе мотивы съ сильно-политическимъ, свойственнымъ тому времени отбѣнкомъ. На политическое воспитаніе поэта оказалъ, повидимому, громадное вліяніе Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ („единственный другъ“, „цѣлитель душевныхъ силъ“, „ты поддержалъ меня недремлющей рукой“ (Посланіе 1824 г., I, 241). „Подъ гнетомъ власти роковой—Отчизны внемлемъ призыванья!—Мы ждемъ, съ томленьемъ, ожиданья—Минуты вольности святой“ (1818 г.; I, 190),—конечно, въ видѣ громадно набѣгающаго откуда-то извнѣ шквала. На сихъ „младыхъ вечерахъ“, въ „пророческихъ спорахъ“, являлись вольнолюбивыя мечтанія и надежды, которыя помогъ Пушкину облекать въ поэтическую форму Андрей Шенье (Вольность: „Открой мнѣ благородный слѣдъ—Того возвышеннаго галла,—Кому сама среди славныхъ бѣдъ—Ты гимны смѣлые внушала“. Всѣ эти произведенія отзываются манерою Шенье,—они слегка ходульны и важно напыщенны. Замѣчательно, что эту политическую поэзію Пушкинъ до конца жизни ставилъ себѣ въ главную заслугу, и что въ первоначальномъ наброскѣ „Памятника“ (1835 г.; II, 19) онъ выразилъ, что тѣмъ-то именно и будетъ любезенъ онъ народу, что— „вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу (проповѣдывалъ освобожденіе крестьянъ) И милосердіе воспѣлъ“ (то-есть ходатайствовалъ за

декабристовъ). Затѣмъ послѣдовало изгнаніе, знакомство съ поэзіею Байрона и увлеченіе имъ. Есть въ черновыхъ Пушкина одинъ набросокъ, относимый къ 1830 г. (I, 115) и писанный дантовскими терцинами (вспомнимъ, что Данта онъ изучалъ во время эрверумскаго путешествія: „зрѣю бьютъ, изъ рукъ моихъ великій Данте выпадаетъ“), въ отрывкѣ изображены прельщавшіе когда-то поэта два бѣса: „Одинъ (дельфійскій идолъ) — былъ гнѣвъ, полонъ гордости ужасной, и весь дышалъ онъ силой неземной. Другой — женоподобный, сладострастный, сомнительный и лживый идеаль, волшебный демонъ — лживый, но прекрасный“. Со вторымъ идоломъ Пушкинъ знакомъ былъ съ малолѣтства; первымъ идоломъ сдѣлался, вѣроятно, въ бурный періодъ изгнанія, Байронъ, которымъ Пушкинъ увлекся ради волевой силы, обрѣтавшейся въ Байронѣ въ великомъ избыткѣ. Отъ Байрона перешелъ къ Пушкину и культъ героевъ, которые непремѣнно презираютъ людей и человѣчество въ своемъ сверхъестественномъ величїи, будь они Петръ Великій или Наполеонъ. Начальные стихи „Героя“ (1830) изображаютъ еще въ полномъ цвѣтѣ это поклоненіе; ихъ можно назвать родственными по духу лучшимъ строфамъ (36—45) третьей пѣсни „Ч.-Гарольда“: „Какъ огненный языкъ она (т.-е. слава) — По избраннымъ главамъ летаетъ, — Съ одной сегодня исчезаетъ — И на другой уже видна. — За новизной бѣжать смиренно — Народъ бессмысленный привыкъ, — Но намъ ужъ то чело священно, — Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ. — На тронѣ, на кровавомъ полѣ, — Межъ гражданъ на чредѣ иной, — Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ — Твоею властвуетъ душой?“ Когда писался этотъ стихъ, „Герою“ по преимуществу былъ не кто иной, какъ Наполеонъ: „Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный, — Предъ кѣмъ смирялися цари; — Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный, — Исчезнувшій какъ тѣнь зари!“ Этотъ герой изображается чертами, не измѣнившимися съ 1823 г. и прямо заимствованными изъ написаннаго въ этомъ году отрывка (I, 297): „Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари — Мятежной вольности наслѣдникъ и убійца, — Сей хладный кровопійца, — Сей царь, исчезнувшій, какъ сонъ, какъ тѣнь зари!“ Я не могу отнести поэтическое поклоненіе Пушкина Наполеону къ Байрону, какъ источнику сего поклоненія. Всѣ четыре славянскихъ поэта, которыхъ я изучаю — поклонники Наполеона, и въ этомъ отношенїи похожи на Байрона, но могли придти къ своему поклоненію совершенно различными путями, вслѣдствіе того, что жили въ эпохѣ, на которую падала тѣнь великаго историческаго лица, что великіе міровые политическіе дѣятели бывають закройщиками душъ и характеровъ чело-

вѣческихъ на многія послѣдующія поколѣнія. „Мы всё глядимъ въ Наполеоны,—писалъ Пушкинъ („Онѣгинъ“, II гл., стр. 14),—Двуногихъ тварей миллионы—Для насъ орудіе одно“. Не утверждаю, чтобы этотъ наполеонизмъ происходилъ отъ Байрона, хотя знакомство съ Байрономъ могло содѣйствовать его развитію (Ода „Наполеонъ“ писана въ іюль 1821 г., во время сильнѣйшаго увлеченія Байрономъ). Я полагаю, однако, что онъ не доходилъ въ Пушкинѣ до сознательнаго или бессознательнаго подражанія Наполеону. Между мною и лицомъ, которому я волею или неволею подражаю, должно быть извѣстное сходство въ натурахъ, совпаденіе моего метафизическаго „я“, того, какимъ бы мнѣ хотѣлось быть, съ идеальнымъ „я“ того моего образца, т.-е. съ образцомъ, какимъ онъ представляется въ сознаніи другихъ людей и моемъ. Въ Байронѣ современники усматривали, можетъ быть, безъ всякаго основанія, нѣкоторое сходство съ Наполеономъ, даже со стороны силы воли, энергичности характера, между тѣмъ какъ, при всей своей вспыльчивости и страстности, и при всѣми признаваемой геніальности,—Пушкинъ не импонировалъ никому; онъ былъ весьма горячо любимъ, но онъ считался человѣкомъ мягкимъ, добрымъ, легкимъ и подвижнымъ. Подобно Байрону, Пушкинъ не могъ не идеализировать самого себя, не могъ не претендовать на то, что онъ исключительно даровитая, избранная натура, что онъ не только поэтъ, но и общественный дѣятель, человѣкъ не только доставляющій эстетическія наслажденія, но и влияющій на народъ, движущій его, принимающій дѣятельное участіе въ его судьбахъ. Скорѣе всего Пушкинъ могъ себя идеализировать въ своемъ званіи поэта—и только поэта. Во всякомъ творчествѣ есть элементъ произвольнаго вдохновенія, того „тайнаго холода“, который „власы подѣсмлетъ на челѣ“ (I, 193; Жуковскому),—той невѣдомой силы, которая наполняетъ душу образами и звуками и заставляетъ ее потомъ изливаться въ стихахъ. Сотни разъ преклонялся Пушкинъ передъ тѣмъ-то, навѣщающимъ его, таинственнымъ и божественнымъ, передъ которымъ самъ онъ, какъ человѣкъ—ничто, и которому онъ покорный слуга и вѣрный жрецъ: „Какой-то демонъ обладалъ моими играми, досугомъ... мнѣ звуки дивные шепталъ“ (Разг. книгопродавца съ поэтомъ, 1826); или: „Пока не требуетъ поэта—Къ священной жертвѣ Аполлонъ“ (1827 г.; II, 21)... Въ вариантѣ къ „Родословной моего героя“ (1833 г.; III, 556) записано: „Зачѣмъ крутится вихрь въ оврагѣ“... „Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ—Летитъ орелъ угрюмъ и страшень?—Зачѣмъ арапа своего—Младая любитъ Дездемона?.. Зачѣмъ, что вѣтру и орлу,—И сердцу

дѣвы нѣтъ закона.—Гордись! таковъ и ты поэтъ,—И для тебя закона нѣтъ“.—Отыскивая основаніе для своего прирожденнаго избранничества, которое онъ въ себѣ сознавалъ, подобно Байрону, Пушкинъ находилъ его, по особенностямъ своего темперамента, въ произвольномъ, внезапно иногда навѣщающемъ его вдохновеніи, которое онъ и обоготворилъ, а самого себя, свое личное „я“ онъ считалъ только вмѣстилищемъ этого божества. Идя по этой стезѣ, онъ естественнымъ образомъ наталкивался и на античное представленіе о „sacer vates“, и на примѣры ветхозавѣтныхъ пророковъ. Извѣстно, что въ 1824 г. въ Михайловскомъ онъ былъ религіозно настроенъ и писалъ подражаніе Корану (I, 322); онъ домогался настойчиво присылки ему Библии, которую съ тѣхъ поръ не переставалъ изучать вплоть до 1834 г. (VII, 371), разумѣется, преимущественно съ ея поэтической стороны. Плодомъ этого усидчиваго чтенія Библии и явилась передѣлка 6-й главы книги пророка Исаи: „и посланъ бысть ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ рудѣ своей имяше уголь горящъ, его же клещами взять отъ алтаря“,—передѣлка, озаглавленная „Пророкъ“, о которой сложилась даже цѣлая легенда, и съ которою комментаторы Пушкина возятся, какъ—не только съ красивѣйшимъ, но и съ глубокомысленнѣйшимъ созданіемъ поэта, опредѣляющимъ задачи и высокое назначеніе поэзіи. Позволю себѣ оспорить и легенду, и самую критику.

Х.

Легенда гласитъ, что когда Пушкинъ привезенъ былъ 8-го сентября 1826 г. съ фельдгегеремъ прямо въ Чудовъ дворецъ къ государю, въ дорожномъ костюмѣ, то при немъ были опаснаго свойства стихи, которые онъ обронилъ случайно на лѣстницѣ, но нашель, возвращаясь по ней. Ходили слухи, что то было „Посланіе въ Сибирь къ декабристамъ“—но декабристы были въ то время еще только на пути въ Сибирь.—С. А. Соболевскій кому-то рассказывалъ (Ефремовъ, Жизнеописаніе Пушкина, въ „Р. Старицѣ“, 1880 г., № 1), и г. Пятковскій передаетъ со словъ умершаго сенатора Веневитинова, что оброненные стихи содержали „Пророка“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ появился въ 1828 г. въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, № 3, но съ прибавкою заключительной строфы, сохранившейся только въ изустномъ преданіи: „Возстанъ пророкъ, пророкъ Россіи!—Позорной ризой облекись—И съ вервьемъ вокругъ смиренной выи—

Къ (царю російскому) явись!" Подать эти стихи поэту не пришлось, потому что они были бы поданы только въ случаѣ неблагоприятнаго результата его представленія государю („Русская Старина“, 1880, № 3). Черновой „Пророка“ нѣтъ въ рукописяхъ Пушкина въ Румянцовскомъ Музеѣ (Описание рукописей Пушкина Якушкинымъ, „Р. Старина“, 1884 г.). Не имѣя права выѣзда изъ имѣнія, Пушкинъ не могъ и помышлять о томъ, что онъ вскорѣ предстанетъ передъ лицо государя. Увезенный фельдъегеремъ, онъ не могъ догадываться, что его повезутъ въ Чудовъ дворецъ. Строфа, сохранившаяся въ устномъ преданіи, не могла быть заключительною, такъ какъ она оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи, зачѣмъ имѣлъ явиться и что имѣлъ сказать этотъ съ вервьемъ на шеѣ человекъ въ своемъ, совсѣмъ необычномъ по нашему времени, костюмѣ, и съ своими, весьма мало понятными, библейскими рѣчами? Въ данныхъ условіяхъ его поступокъ сильно походилъ бы на выходку помѣшаннаго. Вспомнимъ еще, что либеральный бредъ прошелъ у Пушкина еще въ то время, когда онъ писалъ „Сѣятеля“, что въ январѣ 1826 г. онъ уже непримѣнно желалъ помириться съ правительствомъ (VII, 174). Онъ не былъ за-одно съ декабристами, — онъ только скорбѣлъ о нихъ. У него не могло быть въ запасѣ никакихъ „жгучихъ глаголовъ“, коль скоро отъ милостивыхъ словъ государя онъ мгновенно раскаялся и сдѣлался на остальную жизнь человекомъ, не противнымъ правительству.

Что касается до внутренняго смысла „Пророка“, то въ цѣломъ стихотвореніи нѣтъ никакого намека на то, чтобы подъ этимъ словомъ Пушкинъ подозрѣвалъ не пророка, а поэта. Мы имѣемъ передъ собою настоящаго пророка, но только немного преобразованнаго въ томъ смыслѣ, что ветхозавѣтный пророкъ, имѣющій видѣнія и отъ самого Бога получающій непосредственно приказы, не нуждался въ угадываніи, посредствомъ нѣкотораго рода ясновидѣнія, процессовъ жизни и законовъ природы, что онъ могъ и не ощущать и „неба содроганье—И горній ангеловъ полеть,—И гадъ морскихъ подводный ходъ—И дольной лозы прозябанье“. Я не нахожу, чтобы очень удачна была замѣна очищенія устъ стихіею огня—горящимъ углемъ, превращеніемъ языка въ жало змѣи, потому что жаломъ можно только жалить, а не жечь, притомъ жало считаемой особенно хитрою, а потому и мудрой змѣи—во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія міѳа, лукавѣе языка человѣческаго.—Не очень удачна и другая замѣна трепетнаго, то-есть чувствующаго сердца — пылающимъ огнемъ.—Нельзя, однако, не признать, что модулизованный

Пушкинымъ пророкъ, не пользующійся лицедрѣніемъ Господа, но одаренный широкимъ пониманіемъ природы и пламеннымъ сердцемъ, довольно близко подходитъ къ представленію о поэтѣ, съ тою разницею, что пророка проникаетъ масквозъ воля божества, что, ею полный, онъ обходитъ моря и земли, прожигая сердца людей, а на поэта нисходитъ иногда, невѣдомо какъ и откуда, въ видѣ вдохновенія тотъ же „божественный глаголъ“ (II, 21). Это сближеніе пророка и поэта—и этотъ въ поэтѣ священный характеръ жреца и помазанника вдохновенія—усиливаются постепенно въ Пушкинѣ, по мѣрѣ того, какъ публика охлаждѣваетъ къ нему, и какъ она отказывается признавать его своимъ руководителемъ и моральнымъ вождемъ, то-есть по мѣрѣ того, какъ онъ уединяется, уходя въ область чистаго и отвлеченнаго отъ жизни искусства, созидавая произведенія весьма ерасивыя и замѣчательныя по технике и формѣ, но не имѣющія никакого отношенія къ „злобѣ дня“, и потому мало интересующія публику. Пушкинъ дорожилъ популярностью, скорбѣлъ о томъ, что она отъ него ускользала. Съ гнѣвнымъ чувствомъ царя, негодующаго противъ своихъ отложившихся подданныхъ, онъ выстрѣлилъ въ нихъ своимъ негодующимъ „Ямбомъ“ или „Чернью“ (1828 г.; II, 49), въ которомъ ставится въ невозможной формѣ неразрѣшимая дилемма по вѣчно открытому и нескончаемому вопросу о тенденціозности въ искусствѣ: либо—мое безусловное право властвовать надъ умами въ силу того, что я великій поэтъ; либо—мое безусловное вамъ подчиненіе, мое рабство, мое угодничество всѣмъ вашимъ похотямъ и инстинктамъ. — Съ одной стороны толпа рошцетъ: „Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,—Зато какъ вѣтеръ и бесплодна... Свой даръ, божественный посланникъ,—Во благо намъ употребляй...—Ты можешь, ближняго любя,—Давать намъ смѣлыя уроки,—А мы послушаемъ тебя“.—Съ другой стороны, избранная натура, поэтъ, выходитъ изъ себя и не учитъ, а бранитъ: „Молчи, бессмысленный народъ,—Поденьщикъ, рабъ нужды, заботъ!..—Подите прочь, какое дѣло—Поэту мирному до васъ?—Для вашей глупости и злобы—Имѣли вы до сей поры—Бичи, темницы, топоры;—Довольно съ васъ—рабовъ бездушныхъ!..“ Поэтъ, очевидно, дѣлаетъ натяжку. Вопросъ имъ плохо поставленъ, потому что никто не понуждаетъ жрецовъ бросать алтари и жертвоприношеніе и идти мести соръ съ улицъ; но никто также не властенъ приневоливать толпу, чтобы она насильно участвовала въ таинствахъ и жертвоприношеніяхъ, нѣжила грубый слухъ нѣжными звуками или справляла жертвы, можетъ

быть, тому же самому лживому богу — финикийскому Адонису, о которомъ самъ Пушкинъ когда-то писалъ: „волшебный демонъ, лживый, но прекрасный“. — Если въ „Черни“ Пушкинъ изобразилъ изъ себя нѣкоторымъ образомъ короля Лира, сошедшаго съ престола и скитающагося по полю во время бури, — то, съ другой стороны, критики шестидесятыхъ годовъ, съ Писаревымъ во главѣ, представляютъ собою, въ своемъ пуританскомъ озлобленіи и утилитаризмѣ, родъ республиканскаго конвента, принявшагося судить новаго Людовика XVI, подводя Пушкина подъ свой общій для всѣхъ этической топоръ... Отъ своихъ высококомѣрныхъ требованій и гордыхъ словъ самъ Пушкинъ отступился въ 1830 г. (1 июля; II, 95), въ сонетѣ „Поэтъ“, въ которомъ онъ является уже не гнѣвнымъ королемъ Лиромъ, а смиреннымъ княземъ-изгнанникомъ, ушедшимъ, съ немногими оставшимися ему вѣрными придворными, въ Арденнскій лѣсъ, въ шекспировской комедіи: „As you like it“, или какъ успокоившійся Просперо на своемъ острову въ „Бурѣ“. — Поэтъ и толпа окончательно разведены; каждый остается самъ у себя и по себѣ. — Поэтъ! не дорожи любовью народной! — Ты царь... живи одинъ, усовершенствуя — Плоды любимыхъ думъ. — Ты самъ твой высшій судъ... пускай твой трудъ толпа бранитъ — И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ, — И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ!“

Но и сонетъ 1830 г. не представляетъ собою окончательно опредѣлившагося идеала поэта, то-есть собственно личнаго идеала, его собственнаго „я“. Бывали счастливыя минуты въ самыхъ послѣднихъ годахъ его существованія, въ которыхъ онъ слагалъ съ себя все извнѣ пришедшее, напускное, ходульное, разоблачался, позабывалъ совсѣмъ свой санъ, свое интеллектуальное избранничество, становился дѣтски простъ и естественъ, и бѣжалъ рѣзвиться или, какъ выражаются французы — *faisait l'école buissonnière*. Въ немъ не замѣчалось тогда никакихъ уже признаковъ важнаго жреца или помазанника поэзіи, но зато имъ достигалось было высочайшее благо человѣка: полная душевная свобода и независимость. Таковъ онъ былъ еще въ 1822 г. въ „Тавридѣ“ (I, 288): „Покойны чувства, ясенъ умъ, — Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ волненье... Вездѣ мнѣ слышенъ тайный голосъ — Давно затеряннаго счастья“. Таковъ онъ былъ и послѣ женитьбы, когда писалъ женѣ: „На свѣтѣ счастья нѣтъ, — а есть покой и воля“ (II, 193). Таковъ онъ въ дивномъ своемъ, оригинальномъ стихотвореніи, подложно имъ приписанномъ итальянскому поэту Пиндемонте: „Изъ VI Пиндемонте“ (II, 187), — одномъ изъ лучшихъ его произ-

веденій ¹⁾. — Въ этомъ послѣднемъ, по времени начертанія, идеалъ поэта — не скажу: наивысшемъ, но во всякомъ случаѣ наиболѣе подходящемъ къ темпераменту Пушкина — не видно уже ни малѣйшихъ признаковъ байронизма.

Сводя итоги сказанному по избранному мною предмету, я заключаю мое изслѣдованіе слѣдующими выводами. Несмотря на несходство натуръ Байрона и Пушкина, вліяніе Байрона было сильное, но переходящее, — подобное слѣду камня, брошеннаго въ воду, и представляющемуся въ видѣ расходящихся круговъ, теряющихъ явственность по мѣрѣ удаленія ихъ отъ центра. Всея глубины байроновскаго отрицанія Пушкинъ не постигъ, а нѣкоторыя внѣшніе приемы Байрона усвоилъ. Съ теченіемъ времени вліяніе Байрона на Пушкина перекрещивалось съ подобными же расходящимися кругообразно струйками на поверхности отъ Шекспира, отъ Данта, отъ другихъ поэтовъ и отъ событій. Въ концѣ концовъ, это вліяніе, въ совокупности съ этими, иного происхожденія, слѣдами, перешло въ легкую, трудно уловимую зыбь. Бывали времена, когда поэтъ отъ этого вліянія совсѣмъ освобождался, — и тогда онъ былъ вполне независимъ, своеобразенъ, какъ тѣ причудливыя созданія народной или шекспировской фантазіи — воздушный силфъ, игривый Пуэъ или — неподобный Ариель.

В. Спасовичъ.

¹⁾ „...Никому — Отчета не давать; себѣ лишь самому — Служить и угождать; для власти, для ливреи — Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи; — По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ, — Дивясь божественнымъ природы красотамъ, И предъ созданными искусствъ и вдохновенья — Безмолвно утонать въ восторгахъ умиленья — Вотъ счастье! вотъ права!“

НОВОЕ

НА

СТАРОЙ ПОДВЛАДЬБѢ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ АМЕРИКАНСКАГО ВЪТА.

XXIII *).

Бесѣда Гивса съ докторомъ продолжалась.

Абрамъ Гивсъ всегда досадовалъ на склонность доктора надо всѣмъ глумиться, все обращать въ шутку.

— Какъ это говорить: великихъ идей нѣтъ! Важныхъ вопросовъ нашему брату рѣшать не приходится, когда изо дня въ день, за цѣлые года, отовсюду сыплются извѣстія о томъ, что все идетъ веривъ и вѣось.

— Вольно же вамъ, Гивсъ, придавать значеніе всякому вздору, вѣрять всякому слуху, что репортеры изъ-за пятака за строчку раздуваютъ... — и докторъ даже зѣвнулъ, подумавъ про себя:—какъ скучно пережевывать всю эту старую матерію съязнова для людей, которые всякой печатной гили вѣрять готовы!

— Ну, возьмите вы теперь хоть рабочій, скажемъ, вопросъ, — продолжалъ свое Гивсъ, весь поглощенный вполне собственными мыслями:—вопросъ, который, вотъ уже которое поколѣніе, кошмаромъ стоитъ надъ всѣми имущими и неимущими?.. Сколько о немъ томовъ исписано! Сколько изъ-за него чернилъ изве-

) См. выше: февр., 615 стр.

дено!.. А все дѣло ни на шагъ, кажется, впередъ не подвинулось; всѣ эти рабочіе союзы, ордена, лиги, конвенты, вожаки, стачники, хозяева—всѣ бросаются изъ стороны въ сторону, какъ стадо шальныхъ барановъ, не видя себѣ ни пути, ни выхода. А социалисты, а эти анархисты теперь, что въ нашимъ рабочимъ примазаться хотятъ: неужели же и эти всѣ наплодились изъ-за того, что все обстоитъ благополучно — оттого, что нѣтъ вопросовъ, способныхъ волновать людей?!.. Помилуйте, да если оно такъ, такъ скоро придется со всей нашей хваленной свободой проститься, въ кабалу къ этимъ новымъ хозяевамъ записаться.

— Но вы, опять-таки, Гиксъ, слишкомъ обобщаете вопросъ, — вяло проронилъ докторъ, пожимая плечами при мысли о томъ, какое мѣсиво способны при случаѣ мѣсить даже и самые разумные изъ этихъ „самодѣльныхъ“ людей, нахватавшихся верховъ между дѣломъ и не видящихъ ни въ чемъ конца края: ему столько уже пришлось, въ свое время, наслушаться отъ такихъ людей разныхъ смѣлыхъ теорій насчетъ переустройства управленія всей вселенной—Ирландіи, Франціи, Болгаріи, Польши, Россіи, — столько гениальныхъ плановъ одновременнаго удовлетворенія и капиталистовъ, и социалистовъ, и нигилистовъ, и анархистовъ,—плановъ и теорій, не приходящихъ въ голову ни Бисмаркамъ, ни Гладстонамъ, по какому-то непонятному для янки скудоумію и слѣпотѣ, что въ докторѣ давно уже притупилась всякая къ такимъ празднымъ спорамъ чувствительность, и онъ со спокойною совѣстью пристроивался вздремнуть подъ покровомъ темноты, пока Гиксъ, въ свою очередь, станетъ развивать свои политико-экономическіе планы — точно, будто, вотъ-вотъ соберется и возьметъ на нихъ патентъ...

Но все же докторъ не рассчитывалъ замолчать, не давъ другу надлежащаго отпора:

— Я всегда говорю вамъ, Гиксъ, что вы слишкомъ обобщаете вопросы: нельзя же такъ рубить съ плеча, перетасовывая всѣ понятія. Вы со всего размаха забираетесь въ область, которая, по всей справедливости, подлежитъ вѣденію и упорядоченію совмѣстными усиліями политико-экономистовъ и государственныхъ людей, а никакъ не отдѣльныхъ лицъ, не героевъ, которые, замѣчу встать, готовятъ ходомъ исторіи.

Но Абрамъ Гиксъ, какъ случалось всегда, когда онъ, спокойный по природѣ человекъ, волновался — уже не слушалъ возраженій; не видя сочувствія въ докторѣ, онъ обратился теперь къ капитану Ригби.

— Ну, а что вы на то скажете, напрямѣръ, капитанъ,

Когда приходят ко мнѣ — скажу теперь въ примѣру — рабочіе съ моего чугунно-плавильнаго завода, говоря, что много, молъ, они мною довольны, а все же посадятъ меня на мель, и сами съ голода подохнуть, бросивъ работы въ самое нужное и для нихъ, и для меня время?..—Зачѣмъ? почему? съ какой, говорю, стати?...— „А потому, молъ, что приказъ-де такой отъ „союза“ вышелъ...“—Да чорта ли мнѣ, говорю, братцы, въ вашихъ союзахъ, когда срочный подрядъ выполнять приходится или платить крупную неустойку? — „Нѣтъ, говорятъ, невозможно никакъ: союзъ приказалъ“... и сейчасъ говоруна своего, профессиональнаго мутилу, выталкиваютъ впередъ. Тотъ мнѣ кучу, было, доводовъ различныхъ насказалъ; да я, признаться, повернулся спиною и слушать его не сталъ... Да и на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ? Я харчевни отерывать не собираюсь, и въ протекціи гулящихъ мутиль не нуждаюсь... никого я, кромѣ рабочихъ моихъ, знать не хочу. — Гиекъ снова отерь ватащійся со лба потъ, и какъ-то уже жалобно продолжалъ, будто въ раздумьѣ, значительно понизивъ голосъ: — И знаю вѣдь я всѣхъ нашихъ ребятъ въ лицо; знаю, что ни одинъ изъ нихъ мнѣ, въ сущности, зла не желаетъ, и не подумалъ бы меня притѣснять, еслибы не боялся ослушаться этого самаго „союза“.

— Такъ что-жь? такъ и забастовали?—съ видимымъ интересомъ спросилъ, подаваяся всѣмъ корпусомъ впередъ, капитанъ Ригби.

— Забастовали. Ничего подѣлать было нельзя. Пробовалъ и такъ, и сякъ—вспомнилъ, что было время, когда и самому, стоя особнякомъ, жутко порою приходилось; сознаться долженъ былъ, что и они по-свдему правы; что и за ними вѣдь одна всего и есть сила, что тянуть всѣмъ въ разъ со всего плеча, строго настаивая въ рядахъ своихъ на порядкѣ и на дисциплинѣ... Вотъ и говорю я имъ:—пришлите вы мнѣ для переговоровъ делегатовъ отъ себя!—самъ же, думаю, обсужу я хорошенько дѣло до той поры... Вотъ — приходятъ. Смотрю — люди мнѣ все знакомые, рабочіе трезвые, солидные: безъ пужды, знаю, и толкаться бы ко мнѣ они не стали... Что же? говорю. — „Да что? стоять — говорить—ребята на своемъ: союзъ приказалъ забастовать, чтобъ держать сторону честеревскихъ стачниковъ“... Такъ я ужъ не сталъ съ ними и словъ попусту тратить: вижу, что сами знаютъ, что лбомъ объ стѣну бьютъ, поступаютъ недѣло, а ослушаться приказа изъ этой самой „главной квартиры“ не смѣютъ. Что же! думаю: все одно убытокъ-то по неустойкѣ принимать мнѣ; куда ни шло, рискну гнѣвомъ своего брата, заводчика... Вотъ и пред-

лагаю имъ: такъ и такъ, дескать, говорю делегаціи, — я ужъ, такъ и быть, самъ доставлю вамъ предлогъ къ нарушенію резолюціи союза — платы подбавлю вамъ по двадцати сентовъ на день... Это ужъ, сами вы знаете, ребята, мнѣ въ прямой убытокъ; вы же сообщите „союзу“ о прибавкѣ платы и исходатайствуйте разрѣшеніе на новыя условія сдачи; мнѣ же, по совѣсти, представьте на словахъ право снова васъ впослѣдствіи вернуть на теперешній заработокъ, если не повышена будетъ къ тому времени плата до той же нормы и всѣми окольными заводчиками... Такъ что же вы думаете — приняли они мои условія? — спросилъ Гиксъ капитава, забывая уже, въ волненіи своемъ, о томъ, что самъ же передъ тѣмъ сообщилъ ему развязку: — нѣтъ, моль, сэръ!.. Переждали они день, списались съ союзомъ — и отказались! А теперь семьи ихъ на мѣстѣ съ голоду чуть не мрутъ: заводы всѣ кругомъ тоже позакрылись, а рабочіе сами куда глаза глядятъ разбрелись, вездѣ ища и нигдѣ не находя заработка — и, понятное дѣло, пьянствуя напропалую...

— Такъ что же, по вашему, дѣлать? — возвратилъ его на прежнее докторъ, которому все-таки не удалось вздремнуть подъ рѣчи пріятеля, что, конечно, не сдѣлало его болѣе покладистымъ: — вѣдь изъ вашихъ же словъ, опять-таки, видно, что тутъ не вопросъ, не идея становится на очередь, а цѣлая стихія поднялась... Съ ней въ единоборство развѣ что прямому маниаку впору вступать... Вотъ, видите, и приходится опять — какъ докладывалъ я вамъ — предоставлять дѣло на изслѣдованіе не героевъ, а людей науки, людей профессіи, на обсужденіе и рѣшеніе конгресса авторитетовъ народныхъ представителей.

— А рабочимъ моимъ, что-жъ, помирать пока прикажете?

— Нельзя же, другъ мой Гиксъ, каждый случай разбирать въ отдѣльности: все надо привести къ одному знаменателю — на все вѣдь есть система, — процѣдилъ опять съвозъ зубы докторъ.

— Нѣтъ ужъ извините, господа, — вступился капитанъ: — а я вамъ прямо скажу, что нѣтъ у меня никакого довѣрія къ вашимъ собраніямъ народныхъ представителей тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни, о благосостояніи цѣлыхъ милліоновъ людей... Это у насъ на то же нашло, что ваши патентованныя снадобья ото всѣхъ болѣзней... Только и дѣлаемъ мы, что измышляемъ планы разныхъ реформъ; сколачиваемъ изъ этихъ обѣщаній политическія „платформы“ на приманку неопытныхъ глупцовъ, не извѣрившихся еще въ эти вѣчныя обѣщанія реформъ, содержащимъ цѣлую ораву голодныхъ законовѣдовъ и присяжныхъ политиканъ — не во гнѣвъ доктору будь сказано, — все дѣло которыхъ въ

томъ и состоятъ, чтобъ воду въ рѣшетѣ таскать... И спичи одни чего стоятъ!.. Спичи, спичи и спичи на сценѣ у насъ при каждомъ и всякомъ, что ни на есть, случаѣ! За спичами и статистическими табличками мы скоро свѣта передъ собою не взвидимъ... Спичи у насъ какимъ-то національнымъ учрежденіемъ стали: мельницу построилъ человекъ — спичемъ ее открываютъ, благодѣтелемъ края его объявляютъ; почтить память какого-либо полезнаго дѣятеля предлагаютъ монументомъ — опять спичи о томъ, что каждый подписчикъ на четверть-доллара совершаетъ великое дѣло, проявляетъ себя достойнѣйшимъ гражданиномъ; умереть человекъ — спичами его провожаютъ; землетрясеніе городъ разрушить или лѣсные пожары тысячи акровъ до тла выжгутъ — опять у насъ пойдутъ собранія и спичи, спичи и чесанье языками безъ конца... И ниному-то изъ обойденныхъ и угнетенныхъ оттого ни на одну іоту не легче, хуже даже, можно съ увѣренностью сказать.

— Однако, капитанъ, вы то упускаете изъ вида, что гласное, всестороннее обсужденіе сообща требованій времени выясняетъ методы облегченія зла, является первою и необходимою ступенью къ организованной помощи, — уже оживленнѣе замѣтилъ докторъ, болѣе заинтересованный совсѣмъ юною пылкостью старика-капитана, нежели вспышкою давно, казалось ему, вдоль и поперекъ ему извѣстнаго Абрама Гивса.

Профессія политическаго заправила, вызывая доктора на пристальное наблюденіе людей, развила въ немъ до значительной степени чутье къ распознаванію чужихъ наклонностей и слабостей, обострило въ немъ память на факты и лица до той изумительной степени, которая надѣляетъ иногда опытныхъ политикановъ проницательностью близкой къ предвидѣнью: хотя бы, переходя на что-нибудь другое, онъ и отвертывался современемъ отъ людей, сослужившихъ ту службу, которая требовалась отъ нихъ въ данное время, истый политическій заправила все же никогда не преминетъ — не только выжать всю эссенцію изъ людей, съ которыми его сталкиваетъ судьба, но и не забудетъ никогда ихъ особенностей — главное же, слабостей — а также и того, на что эти люди въ свое время бывали годны. Капитанъ же Ригби несомнѣнно представлялъ собою интереснѣйшій матеріалъ для наблюденій такому артисту своего дѣла, какимъ былъ, при всей своей невозмутимой вѣжности, докторъ Кларкъ; и чтобы вызвать теперь капитана на разговоръ, онъ, по обыкновенію своему, пустился въ противорѣчія, подливая тѣмъ еще масла въ возбужденіе старика.

— Какъ можно, капитанъ! Спичи наши, говорите вы: да

это и есть естественный плодъ полной и долговременной свободы слова въ странѣ, естественнаго дара краснорѣчія, развиваемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе, все въ одномъ направленіи.

— Шу-шу-шу! все это докторъ прекрасно, — возразилъ, смѣясь, капитанъ: — я и самъ не прочь послушать, какъ ловко, напригѣрь, наши публичные ораторы, гоняясь за голосами избирателей, теребятъ за хвостъ долготерпѣливаго британскаго Льва; хотя и хотѣлось бы, признаться, видѣть побольше активной симпатіи къ законнымъ требованіямъ Ирландіи, напригѣрь, да поменьше ребяческаго стремленія потявкать на тяжеловѣснаго Джона Буля... А горько то, что болтовня-то у насъ людямъ отъ дѣла глаза отводить... Поглядить народъ на такое вопіющее зло—всю душу ему замутить... И чтѣ же, станетъ развѣ каждый по мѣрѣ силы и возможности содѣйствовать исправленію зла? Какъ же, сэръ, — дожидайтесь того!.. Разговоры пойдутъ — спичи: надо, видите, дѣйствовать систематично, да законность соблюсти, да конституцію; надо-де справиться со статутами штатовъ: какъ бы чьихъ правъ не задѣть, какъ бы кому на ногу не наступить, какъ бы оппонентовъ не насмѣшить, — да и о томъ подумать надо, какъ бы, за чужимъ дѣломъ, своей наживы не упустить... И никакихъ-то вы резонновъ въ спичахъ тѣхъ не ищите: на то они и заведены лишь, чтобъ народъ отъ дѣла отвлекать, чтобъ отвлечь въ сторону первые и всегда самые вѣрные импульсы симпатій толпы... Намыкается народъ, наслушается спичей до одуренія — вотъ и идетъ, куда его суютъ, вотъ и рѣшаетъ держаться конституціоннаго образа дѣйствія: посылаютъ въ конгрессъ присяжнаго говоруна... Пожалуй даже иногда и дѣльнаго человѣка пошлютъ — да въ чемъ же тутъ толезъ? Только народъ, возмущившійся — было несправедливостью, почіетъ на лаврахъ, передавъ живое дѣло вѣденію какой-то законодательной палаты и во всемъ умывая руки; а тамъ, въ палатѣ-то, благими биллями — хоть прудъ пруди: все равно и сотой части всѣхъ биллей за одну сессію разбирать времени не хватитъ, а въ другой — и другіе билли подоспѣютъ... И тѣ тоже — подъ суево...

— Да вы, капитанъ, я вижу, противъ самого конституціоннаго образа правленія возстаете?..

— Въ томъ-то и суть, господа, чтобы живыхъ, энергичныхъ людей въ конгрессъ посылать — такихъ, что противъ всѣхъ этихъ говоруновъ устоять смогли бы! — возбужденно было-вступилъ со своимъ заявленіемъ Абрамъ Гивсъ, нѣсколько разъ порывавшійся перебить капитана; но тотъ и теперь не далъ ему досказать, очевидно, направляя всю свою тяжелую артиллерію на доктора.

XXIV.

— Конституціонное правленіе! Чтò такое конституціонное правленіе, какъ не временная мѣра — не компромиссъ, на которомъ остановились люди, какъ на меньшемъ злѣ изъ цѣлой кучи золь, или — какъ вы ихъ тамъ зовете — различныхъ формъ правленія? Чтò-жъ, на худой конецъ и конституціонные методы въ пору придутся — не спору, но опять-таки — все въ границахъ... Хорошо вкусно поѣсть, да не слѣдуетъ же и до того обжираться, чтобъ всякій вкусъ во всему потерять и сидѣть истуканомъ за столомъ, пока не засунешь въ глотку палецъ, чтобъ снова мѣсто для новаго обѣда освободить... А на это одно у насъ и сводятся наши конституціонные методы. Чуть чтò — всякій загадитъ: я тутъ не причемъ!.. всякій радъ спрятаться за конституцію, лишь бы свою шкуру уберечь да наживы своей не упустить.

— Но того же вы, капитанъ, не станете отрицать, что конституція обезпечиваетъ мирное упроченіе цивилизаціи — началъ было докторъ, болѣе и болѣе приходя въ тому убѣжденію, что имѣетъ дѣло съ занимательнымъ, не совсѣмъ въ его практикѣ обычнымъ субъектомъ. Но капитанъ не далъ доктору докончить его аккуратно закругленную и, конечно, въ высшей степени просвѣщенную мысль:

— Упрочиваетъ!.. Чтò она — конституція ваша — упрочиваетъ, кромѣ общихъ словъ? — наступалъ онъ все ближе и ближе на доктора.

— Упрочиваетъ законность и порядокъ, — общою же фразой попытался отдѣлаться докторъ.

— Законность и порядокъ — вздоръ, сэръ! — рѣзко перебилъ его хозяинъ; интенсивность его исключала, впрочемъ, всякую мысль о грубости. — Чтò наше „Объявленіе Независимости“ говорить о задачахъ управленія страной?.. А то, сэръ, что первою де обязанностью должно являться обезпеченіе гражданамъ жизни, свободы и преслѣдованія личнаго счастья... Очевидно, стало-быть, сэръ, что конституція, допускающая и поощряющая насилие и хитрость среди гражданъ страны, не исполняетъ своего назначенія... Даже и затхлые учебники ваши говорятъ, что первичная задача государственнаго устройства рассчитана на нейтрализацію звѣрской силы и хитрости: стало-быть, если ужъ государство само безнаказанно допускаетъ хитрые подвохи со стороны одного класса населенія, допускаетъ безнаказанное со-

ставленіе многомилліонныхъ состояній хитрецами на счетъ благосостоянія менѣе бойкихъ и болѣе слабыхъ людей — значить и государство не соотвѣтствуетъ своему первичному назначенію, — само, значить, оно прокладываетъ путь къ насилію... А если такъ — такъ тутъ и капуть настанеть вашей хваленной конституціи.

— Но не станете же вы и впрямь рекомендовать грубую силу въ видѣ панацеи всѣхъ золъ, капитанъ? Это ужъ — извините меня — чистымъ окажется анархизмомъ, — перебилъ его докторъ, повертываясь всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ въ сторону капитана и уставляясь на него въ упоръ круглыми стеклами своихъ очковъ.

— Конечно, рекомендую; и стану силу рекомендовать вездѣ, гдѣ безъ насилія нельзя насадить равенства и правды — какою вы ключкою того, докторъ, ни зовите... Конституціонные методы! — съ невыразимымъ презрѣніемъ, медленно, будто смакуя слова, повторилъ капитанъ: — позорять, уродуютъ конституцію — и сами съ ней потомъ и носятъ. Насмотрѣлся я на эти конституціонные методы за время распространенія идей аболіціонистовъ. Наговорить человѣкъ съ три короба, испишетъ стопу бумаги, проноетъ о грустной долѣ раба-негра на всѣ лады, и — опочіетъ на лаврахъ, воображая, что порадишь по мѣрѣ силъ и возможности на пользу страждущаго человѣчества!.. Хороши всѣ эти фразы-спичи и тому подобное для людей слабосильныхъ, для нервныхъ джентльменовъ съ щепетильною совѣстью. Помяните слово мое: спичи эти насъ, американцевъ, заправскими нравственными калѣвками сдѣлають, — точно такъ же, какъ страсть къ чтенію газетъ грозитъ сдѣлать насъ идиотами, неспособными собственной мысли въ головѣ завести. Всѣ свои мнѣнія, всѣ свои взгляды, всю свою совѣсть черпаемъ мы изъ газетъ; даже книги мы читать перестали, а только просматриваемъ то, что объ этихъ книгахъ пишутъ... Прогрессъ — нечего сказать!

— Но чѣмъ же прибавите вы эти методы замѣнить? Тутъ хоть сбереженіе времени получается... Не ворочаться же намъ, и на самомъ дѣлѣ, къ аргументамъ грубой силы?

— Аргументы грубой силы! — съ очевидно уже желчностью повторилъ капитанъ слова доктора. — Дались вамъ эти аргументы грубой силы!.. Вотъ въ чемъ вся ваша загвоздка; вотъ опять одинъ изъ вашихъ патентованныхъ ярлычковъ, которыми вы сами, господа книжники и фарисеи, замедляете шествіе хваленнаго вашего прогресса!.. Навѣсите повсюду ярлычки — это-де аргументъ грубой силы; это-де воздѣйствіе затхлыхъ тенденцій Востока;

это-де—политическое самоубійство; это де—методы варварскаго деспотизма; — и чурается затѣмъ всякій заклеянныхъ вами путей... Грубая ли то сила — или деликатная какая еще выщется сила у васъ—а въ „аргументъ силы“ я всегда вѣрилъ, и пока живъ—не извѣрюсь... Вѣрилъ въ нее и Джонъ Браунъ, когда говорилъ: разъ рабство—преступленіе, то всякій путь къ искорененію рабства законенъ и почетенъ, хотя бы и состоялъ этотъ путь въ томъ, чтобы подбивать на бѣгство рабовъ или вооружать ихъ, или попросту воровать негровъ у хозяевъ ихъ...

— Но позвольте, капитанъ, если во всѣхъ случаяхъ такъ поступать и конституцію нарушать, такъ лучше прямо царство хаоса провозгласить—въ анархисты записаться...

— Вотъ и ярлычокъ у васъ опять, докторъ, готовъ, — что значитъ сила-то профессиональной привычки!—засмѣялся капитанъ, самъ дивясь неожиданно проявленной имъ искрѣ остроумія: — все-то вамъ надо свѣсить да по коробочкамъ разложить.

— Именно! именно! — обрадовался Гиксъ находчивости старика противъ своего хитроумнаго пріятеля доктора, съ которымъ самъ онъ давно отказался вступать въ словесныя единоборства, зная, что всегда выходилъ изъ нихъ ошипанный въ конецъ; изъ этого еще не слѣдуетъ, что результаты ихъ споровъ неизмѣнно оказывались въ пользу доктора: самъ докторъ говаривалъ, что если Абрамъ Гиксъ, при всей своей важущейся покладливости, затешетъ себѣ что въ голову, то добьется своего не мытьемъ, такъ катаньемъ—и когда вы того меньше всего ожидаете... Но пскра промелькнувшаго въ капитанѣ юмора тутъ же и изсякла: недостаточно гибка на то была его будто изъ цѣльной глыбы изсѣченная натура.

— Ярлыки эти,—продолжалъ онъ съ прежнею внушительною серьезностью,—ярлыки эти—сущіе кандалы нашей хваленной цивилизации: они все міросозерцаніе наше искажаютъ... Борьба съ рабовладѣльчествомъ какъ дважды два доказала это. Сами, я полагаю, помните,—каждый вѣдь соглашался, что рабство—зло... Такъ зачѣмъ же дѣло стало?—отчего не уничтожить это зло?.. „Ахъ, вѣтъ, какъ можно!“... въ голосъ загалдѣли фарисеи: „а конституція? а права штатовъ? а союзъ? а федеральные законы?“... Точно будто можно добиться добра, поддерживая вопіющее зло!..

— Но не легко же было и брать на себя отвѣтственность самопроизвольной ломки зданія, возведеннаго вѣками и признаннаго за благо самими отцами республики,—замѣтилъ докторъ, сознавая за собой въ этомъ щекотливомъ вопросѣ нелицепріязненность судьи справедливаго: иногда было и доктору весьма съ

руки припомнить свое иностранное происхождение, хотя въ обычное время едва ли самъ онъ, или кто другой, вспоминалъ о томъ, что онъ не природный гражданинъ страны, частицей дѣль которой онъ самъ такъ деспотично управляетъ.

— Легко ли то было или нѣтъ, а людямъ скоро открылись глаза на вопіющія безобразія рабства,—продолжалъ раскрывать передъ нимъ картину прошлаго капитанъ:—нашлись люди, которые жалѣли о существованіи этого зла; другіе, болѣе щепетильные, носы зажимали и глаза закрывали на это странное учрежденіе, надѣясь, что, авось, оно и само собой какъ-нибудь упразднится; находились и такіе мастера слова, какъ Гаррисонъ или Вендель Филлипсъ, что громко предавали рабство анаемѣ, а все же никто съ этимъ самымъ рабствомъ не вступалъ въ борьбу, пока не явился „пророкъ грубой силы“—Джонъ Браунъ... Онъ-то ужъ не сталъ чесать язычокъ о конституцію—не сталъ закрывать глаза на безобразіе рабства, зажимая себѣ носъ, когда станеть не втерпѣжь, а прямо бросился въ самую клоаку... Конечно, и на него благонамѣренные люди навѣсили ярлычокъ „безумнаго фанатика“,—иначе вѣдь оно и быть бы не могло.

— Но, капитанъ, не можете же вы и въ самомъ дѣлѣ приписывать рациональную систему дѣйствій такому маниаку идеи, какъ Джонъ Браунъ?.. Положимъ, онъ былъ герой и благороднѣйшій изъ смертныхъ,—положимъ, самопожертвованіе его...

— Джонъ Браунъ—маниакъ!.. Стыдно вамъ, докторъ, повторять затасканныя обвиненія враговъ этого великаго патріота... Хорошъ маниакъ! Я зналъ его—могу по совѣсти сказать—лучше кого другого, и, увѣряю васъ, голова его была свѣтлѣе всѣхъ нашихъ. Джонъ Браунъ глубоко въ томъ былъ убѣжденъ, что посланъ онъ къ рабамъ самимъ Творцомъ Небеснымъ,—какъ ветхозавѣтный Моисей въ Египеть,—на то, чтобы кратчайшимъ путемъ помочь беззащитнымъ... Вотъ онъ и шелъ напроломъ къ своей цѣли, не оглядываясь—и всякій сторонился, всякій давалъ дорогу Джону Брауну, сэръ... Конечно, его звали маниакомъ, еще бы!.. Ваши благонамѣренные люди, сэръ, боялись открыто возставать противъ рабства, оберегаемаго двумя львами рыкающими: союзомъ и конституціей... А другіе опять, видя, какія массы хлопеа изрыгаются пастью чудовища южнаго рабовладѣльчества, такъ умилялись на это зрѣлище, что и заглядывать въ ту клоаку, за тюками хлопеа, не хотѣли: кто былъ скованъ дипломатическими соображеніями, а кто и просто спутанъ былъ собственною нерѣшительностью; ни одного на серьезное дѣло борца не нашлось, пока не выступилъ впередъ маниакъ вашъ,

Джонъ Браунъ, попирая ногами несправедливые законы и конституціи, стоящіе между нимъ и его врагомъ—рабствомъ...

— Чтò же? самъ же Браунъ и палъ жертвою своей безумной попытки освободить рабовъ вооруженными усиліями горсти храбрецовъ.

— Паль-то Браунъ палъ, а все же разъ навсегда доказалъ, что колоссъ рабовладѣльчества—идолъ на глиняныхъ ногахъ, котораго не поддержать никакими драконовскими законами... Паль нашъ Браунъ, а кровь его оплодотворила почву для успѣшной эмансипаціи рабовъ.

— Чтò же вы, и другу нашему, Гиксу, посоветуете идти противъ всѣхъ законовъ, разъ ему суда не найти на произволь рабочихъ союзовъ?—не безъ насмѣшки освѣдомился докторъ.

Капитанъ не сразу сообразилъ, къ чему возвращается докторъ Кларкъ: старикъ, видимо, весь ушелъ въ воспоминанія своего кровопролитнаго прошлаго, и заботы настоящаго дня отзывались въ его ухахъ диссонансомъ.

— Ничего я другу Гиксу не совѣтую,—у самого, сдается, у него въ головѣ царь сыщется,—а того не могу вамъ, господа, не пожелать, чтобы меньше на все дурману напускалось спичами, да больше въ васъ готовности нашлось грудью прокладывать себѣ дорогу къ тому, чтò признаете вы полезнымъ...

Возвращеніе доктора къ первоначальной темѣ разговора произвело диверсію въ теченіи мыслей капитана, и онъ всталъ, заявляя, что засидѣлся ради гостей нѣсколькими часами позднѣе обычнаго.

И дѣйствительно: полный мѣсяцъ, заволоченный передъ тѣмъ тучами, во всемъ холодномъ блескѣ своемъ спускался теперь за вершины садовыхъ вязовъ, а виноградникъ, облитый тѣмъ же невѣрнымъ луннымъ свѣтомъ, стоялъ тутъ же, въ сторонѣ, посѣдѣлый какъ лунь, оглашаемый трескомъ мириадъ кузнечиковъ.

Одинъ докторъ продолжалъ сидѣть, невозмутимо затягиваясь своей сигарой. Гиксъ и хозяинъ спустились по досчатымъ ступенямъ на влажную траву и всею грудью вдыхали ночной воздухъ, въ которомъ носился пряный запахъ краснаго кедра. Будто заново проникаясь красотою своего обстроенаго, уютнаго гнѣзда, капитанъ поддался совсѣмъ иному настроенію. Львиная голова стараго „разбойника Ригби“, какимъ слылъ онъ въ свое время у южанъ, рѣзко выдѣлялась своей блестящей на лунномъ свѣтѣ сѣдиной, будто лучистымъ ореоломъ; глаза его уставились въ темную чащу, и голосъ его, смягченный лиственнымъ навѣсомъ, проникалъ въ душу настроенаго обстановкою на поэтической ладъ Абрама Гикса какъ завѣтъ всего отживающаго поколѣнія.

— Жили бы вы подальше отъ вашихъ большихъ городовъ, господа, сами бы вы отказались отъ нелѣпыхъ идей регулировать народную жизнь и народныя требованія разными вашими конгрессами да конституціями.

— Да вѣдь такъ пришлось бы идти противъ всѣхъ идей государственности, въ примитивное состояніе возвратиться, — продолжалъ настаивать на своемъ докторъ, нимало не поддавшійся влиянію минуты.

Но капитанъ, видимо, не замѣчалъ этого отсутствія симпатіи въ собесѣдникѣ, и тѣмъ же безыскусственнымъ тономъ продолжалъ:

— Плохо что-то вѣрится въ государственность вашу, когда здѣсь всякій камень, всякій голышъ, отшлифованный глыбами ледяного періода, всякій неизгладимый оттискъ нѣжнѣйшаго растенія или когда-то живого существа на гранитныхъ скалахъ и ископаемыхъ камняхъ вѣщаетъ мнѣ свою повѣсть индивидуальности, ложится новымъ звеномъ въ длинную цѣпь неизвратимыхъ, неизгладимыхъ фактовъ, входящихъ въ общій порядокъ бытія, не нарушающихъ симметрію вселенной, какія бы тамъ соціальныя системы люди ни придумывали... .Послѣдуйте благому примѣру, господа: упроститесь вы сердцемъ, не плодите вы спичей, не толките вы воды въ ступѣ... А пожелаете набраться мудрости вѣвовъ, не зарывайтесь въ ваши затхлые томы писанныхъ конституцій—всѣ они наполнены ложью на всѣ лады и на всѣ вкусы; а подите-ка лучше сюда, поройтесь сами въ землѣ, прочитайте исторію нерукотворенную, руками вѣвовъ отпечатанную на камняхъ, въ горахъ, въ нашихъ приморскихъ пещерахъ.

Повертываясь въ десятый разъ на шуршащемъ соломенномъ тюфякѣ, въ накаленной солнцемъ за день верхней низкой свѣтелкѣ, отведенной спальней приѣзжимъ мужчинамъ, докторъ Кларкъ, не надѣленный предприимчивостью Стивена, отправившагося спать на сѣноваль, не могъ спать, и высказывалъ Гиксу твердое свое убѣжденіе въ томъ, что хозяинъ полупомѣшанный, а подвернись къ тому случай—и опасный, пожалуй, оригиналь.—Да и вообще эти ваши сельскіе американцы, какъ и воздухъ морской, слишкомъ интенсивны для нашего брата, поверхностнаго человѣка, слишкомъ ужъ они неудобны для усталаго горожанина, который ищетъ только отдыха и развлеченія...

Конечно, докторъ былъ правъ. Но на этотъ предметъ у Абрама Гиеса давно составилось свое мнѣніе: не первый десятокъ лѣтъ зналъ онъ капитана Ригби, хотя, за множествомъ своихъ дѣлъ, рѣдко съ нимъ за послѣднее время видался; но въ словопренія съ докторомъ ему уже вступать не было охоты, и, зарядивъ щеку

новымъ кускомъ табаку, для освѣженія отуманенной долгимъ разговоромъ головы, Абрамъ Гиксъ завалился на хамакъ, навѣшанномъ на верхней верандѣ, и погрузился въ мысли, на которыя наталкивалъ его звучащій еще у него въ ухахъ вечерній разговоръ.

Какъ ни выше противъ себя ставилъ Гиксъ капитана по уму и по знаніямъ, однако неожиданный поворотъ капитана съ вызывающаго на страдательный тонъ полного бездѣйствія, слѣпота подчиненія стихіямъ, открылъ Абраму Гиксу глаза на то, что время дѣятельности для людей, подготовившихъ и на плечахъ своихъ вынесшихъ четырехлѣтнюю братоубійственную войну, прошло безвозвратно: какъ ни свѣтла еще была ихъ голова для обсуждения вопросовъ настоящаго, какъ ни ясенъ ихъ глазъ для общаго обзора положенія, дѣятелями должны уже вмѣсто нихъ выступить люди другіе, мышцы которыхъ крѣпче, руки которыхъ не опускаются подъ свинцовыми предубѣжденіями прошлаго.

Такимъ-то именно челоувѣкомъ почувствовалъ себя тутъ вдругъ и Абрамъ Гиксъ.

XXV.

Богатство Абрама Гикса далеко не подходило къ тому представленію, какое составилось по отношенію къ нему народною молвою; но ошибка по этому поводу возникла такъ постепенно, и установилась она безъ его участія до такой степени прочно, что Гиксу не представлялось уже и возможности въ деталяхъ опровергать ложные про себя слухи. Когда же ему и случалось поправлять заявленіе кого другого насчетъ своихъ дѣлъ, говоря, что въ томъ дѣлѣ у него, Гикса, положены не тысячи, а всего сотни долларовъ—собесѣдникъ либо впадалъ въ неловкое молчаніе недовѣрія, либо хитро подмигивалъ глазомъ, будто намекая на то, что говори онъ, Гиксъ, что хочетъ, а и самъ онъ не рукавомъ сморкается и не обязанъ всякое Гиксово слово на вѣру принимать... Скоро, впрочемъ, Абрамъ Гиксъ и самъ поотсталъ отъ наивной замашки опроверженій, раздуваемыхъ досужими людьми слуховъ о его милліонахъ; къ тому же, врожденная американская смѣтка подсказала ему, что репутація милліонера сама по себѣ представляетъ немаловажныя выгоды, не говоря уже о томъ, что упрочиваетъ его и безъ того хорошій кредитъ.

Въ сущности говоря, установившаяся иллюзія насчетъ Гиксова богатства была весьма понятна въ виду того разнообразія

предпріятій, которыя поддерживались Гиксовыми деньгами, направлялись его дальнзоркимъ въ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлахъ глазомъ, а нерѣдко, на первыхъ порахъ, и руководились его собственною твердою рукою: и корабельная верфь, и фабрика для упаковки консервовъ изъ фруктовъ и овощей, были у него въ родномъ его штатѣ, Нью-Джерси, и лѣсопильня на Верхнемъ Озерѣ, и бапмачная фабрика въ Коннектикутѣ, и большія паровыя кузницы въ Пенсильваніи—тамъ же, и чугунолитейный заводъ, и устричныя залежи въ приморскихъ проливахъ, и большіе лѣсные участки въ Мичиганѣ, откуда строевой лѣсъ и топливо сотнями барокъ сплавались весною внизъ по озерамъ, тогда какъ въ другой части того же лѣсистаго Мичигана, не надѣленнаго столь удобными сообщениями, весь порубленный на Гиксовыхъ лѣсныхъ дачахъ матеріалъ обжигался въ уголь и уже въ этомъ облегченномъ видѣ сплавался разными водяными сообщениями на востокъ, на югъ и на западъ.

Не было, казалось, того дѣла, которое было бы настолько мелко или незначительно на видъ, чтобы Гиксъ отказался къ нему приступить, если оно хоть какимъ ни на есть празднымъ рукамъ могло доставить заработокъ, а ему самому—прибыль. Не будучи ни отъявленнымъ эгоистомъ, ни присяжнымъ филантропомъ, но человѣкомъ по преимуществу практичнымъ, Гиксъ не вдавался ни въ какія крайности, навѣваемые личными чувствами; въ этомъ обстоятельствѣ, пожалуй, и слѣдовало искать разгадки, какъ успѣха его, такъ и повсемѣстной его среди рабочихъ популярности, несмотря на установившуюся за нимъ репутацію крупнаго капиталиста, то-есть,—выражаясь порядочно-таки затасканнымъ слогомъ присяжныхъ рабочихъ агитаторовъ всѣхъ промышленныхъ странъ,—„естественнѣйшаго, злѣйшаго врага всѣхъ рабочихъ интересовъ, вампира, присосавшагося къ мозолистымъ рукамъ честнаго труженника“...

А казалось бы, и съ самаго начала Гиксовой карьеры было полное основаніе подвести его подъ этотъ послѣдній разрядъ акулъ и вампировъ въ человѣческомъ образѣ. Хотя онъ и самъ былъ то, что принято называть „самодѣланнымъ человѣкомъ“—*a selfmade man*—ему отнюдь нельзя было претендовать на братство съ какимъ бы то ни было слоємъ рабочаго населенія страны: дѣло въ томъ, что руки Абрама Гикса никогда не знавали тяжелой работы, и на этотъ счетъ могли бы удовлетворить даже такую требовательную на бѣлоручекъ особу, какою была сама миссисъ Флоренсъ Моррисъ.

Но, съ другой стороны, едва ли даже настрожайшему педанту

въ дѣлѣ подраздѣленія всего человѣческаго рода на „напыщенныхъ вампировъ-капиталистовъ“ и „на благородныхъ рыцарей труда“ пришло бы на мысль, зная Гикса, причесть его къ лику „вампировъ-капиталистовъ“; всѣмъ было извѣстно, что Гиксъ не только не гонится, не переводя духа, за наживой, но и дѣла-то даже, до самаго послѣдняго времени, никогда самъ никакого по своей одной волѣ не начинаетъ; а что всегда какъ-то случается такъ, что дѣло само наклѣвывается — ему же, волей-неволей, приходится къ дѣлу тому пристать, собирая съ него крупные барыши.

И налаживались всѣ эти дѣла больше по врожденному въ Гиксѣ отвращенію къ незанятымъ рукамъ да къ крупнымъ его организаторскимъ талантамъ, во всемъ искавшимъ себѣ примѣненія: встрѣчаетъ ли онъ, бывало, изо дня въ день у порога сосѣдней харчевни праздныхъ бочаровъ, не находящихъ себѣ на мѣстѣ никакого дѣла за цѣлыхъ пять мѣсяцевъ въ году и потому исподоволь привывшихъ почитать эти прогульные мѣсяцы самимъ Творцомъ для нихъ отмежеваннымъ въ экономіи вселенной отдыхомъ, и тутъ же возгораются въ Абрамѣ Гиксѣ его инстинкты организатора... Онъ обходитъ бочаровъ, выпытываетъ отъ нихъ, каковъ ихъ обычный заработокъ, не гнушается, случалось, сыграть съ ними партію въ нокеръ или въ орлянку, или, за дѣльнымъ разговоромъ, выпить съ ними же по стакану пива, и, узнавъ, что они рады-рады бы были заработку въ какой-нибудь долларъ-полтора на день, бралъ на себя обязательство аккуратно выплачивать каждому изъ нихъ дневную плату; кромѣ того, онъ доставалъ имъ капиталъ на покупку нужнаго имъ матеріала, если только составятъ они между собою артель, работая изъ конца въ бонецъ года и сплавляя на его же плотяхъ внизъ по каналу бочки эти въ другія мѣста, гдѣ есть на нихъ спросъ постоянный, уплачивая Гиксу на ссуженныя имъ деньги законные проценты и съ нимъ же потомъ дѣла и барыши пополамъ. Съ такихъ-то пустяшныхъ начинаній возникли и корабельные доки Гикса, и башмачныя его фабрики, и широкая его устричная торговля: вездѣ сплочивалъ онъ воедино людей, тянувшихъ до того рабочую ляжку въ разбродъ и въ одиночку, ставилъ на ноги всякаго рода предпріятія — разомъ, порою обезпечивая себѣ съ нихъ большіе доходы на цѣлые года, но не кладя уже затѣмъ на дѣло ни одной минуты собственнаго труда.

И не только собственная совѣсть Гикса прекрасно съ такимъ положеніемъ дѣла мирилась, но и рабочіе его, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ водворившейся среди нихъ пропаганды отвлечен-

ныхъ и сложныхъ теорій касательно труда и капитала, признавали свои отношенія къ Гиксу вполне естественными; имъ и въ голову не приходило приравнивать этого смѣливаго, себѣ на умѣ чловѣка, своего брата янки, къ какому-нибудь Шейлоку, пауку или вампиру, присосавшемуся къ честнымъ труженикамъ. Спокойно, даже одобрительно, принято было и то, что Гиксъ, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать отъ такого „продукта напыщеннаго капитализма“ — до того, наконецъ, разлакомился своими широкими личными предпріятіями по части разныхъ лѣсопилокъ да сплавовъ лѣса огромными партіями съ далекаго сѣверо-запада, что сталь и на родномъ Атлантическомъ побережьѣ отставать отъ прежнихъ своихъ скромныхъ кооперативныхъ началъ, и отерыл сначала свой собственный стеклянный заводъ, а погода немного и гигантскіе чугунно-литейные заводы, обезпечивъ себѣ съ нихъ большіе доходы и доставивъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, заработокъ многимъ сотнямъ крѣпкихъ мѣстныхъ рабочихъ, которые не были въ силахъ до той поры снискать семьямъ своимъ даже самое скудное пропитаніе на тѣхъ горныхъ склонахъ, куда ихъ споконъ вѣка закинула судьба, и гдѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, жили или впроголодь, или въ полномъ довольствѣ, также и предки ихъ, такіе же, какъ и они, независимые американскіе самодержцы.

Въ сущности говоря, мѣстнымъ жителямъ лестно было возникновеніе среди нихъ крупныхъ мануфактурныхъ и коммерческихъ предпріятій, затѣянныхъ тѣмъ самымъ Абрамомъ Гиксомъ, который ребенкомъ еще бѣгалъ среди нихъ. Слухи о предпріятіяхъ этихъ привлекли на мѣсто цѣлую армію людей, не умѣвшихъ собственными усиліями пробить себѣ къ чему бы то ни было дорогу, но зато богатыхъ тѣми силами, которыя въ массѣ своей обезпечиваютъ успѣхъ въ постановкѣ крупнаго дѣла умѣлыми организаторами: бѣдная, мало заселенная горная мѣстность въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ обратилась въ дымный, свистящій, шумный центръ множества фабрикъ и паровыхъ наковаленъ — въ людный и со дня на день богатѣющій городъ Гиксвилль.

Все шло хорошо до паники 1883 года, когда разомъ сокращенъ былъ, болѣе чѣмъ на половину, штатъ рабочихъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ страны, и весь этотъ незанятый людъ, совмѣстно съ тѣмъ, что и изъ Европы продолжалъ привлекаться слухомъ о высокихъ американскихъ заработкахъ, разомъ обратился искать себѣ работы въ другихъ отрасляхъ труда.

Можно ли было отъ этого нашествія уберечься? Можно ли

даже было предвидѣть сопряженныя съ присоединеніемъ этого новаго элемента невыгоды?

XXVI.

Абрамъ Гиксъ не ломалъ себѣ головы надъ этими вопросами въ то время, когда появились по близости его благоустроенныхъ фабрикъ и заводовъ эти оборванные и чуждыя по виду и по духу рабочія толпы, уже и въ ту пору носившія на себѣ Каиново клеймо социальныхъ отщепенцевъ. Чисто-американскіе глаза Гикса не сразу всмотрѣлись въ сущность этого чуждаго типа, хотя и ему почудилось въ немъ что-то несродное: не тѣмъ отвлеченнымъ русломъ привыкли двигаться его практичныя мысли.

Толпы празднопатающагося рабочаго люда являлись въ его глазахъ лишь извѣстнымъ количествомъ матеріала, которому приходилось подыскать настоящее примѣненіе, съ тѣмъ, чтобы онъ давалъ какъ можно большій процентъ на затраченное на него время и капиталъ: Гиксъ — самъ того не подозревая — былъ своего рода Наполеономъ, и при всемъ своемъ естественномъ добродушіи несомнѣнно почиталъ челоувѣчество въ массахъ его, если и не *chair à saupon*, въ которой ему, при его мирныхъ инстинктахъ, не имѣлось и надобности, то всеконечно весьма и весьма подходящимъ для широкихъ промышленныхъ предпріятій матеріаломъ.

Новыя предпріятія Гикса, втянувшія въ себя скоро и этотъ пришлый элементъ, поглощали столько его времени, что ему по-неволѣ пришлось поотстать отъ своихъ прежнихъ сосѣдскихъ со своими рабочими сношеній: поослабѣлъ и присмотръ его за любимыми имъ, до того, кооперативными затѣями — и тѣмъ рѣзче сказалось въ немъ пробужденіе отъ этого временнаго эгоистическаго забытья, когда онъ разомъ увидѣлъ между собою и дорогимъ его организаторскому сердцу матеріаломъ — призракъ третьяго, несроднаго элемента, заговорившаго впервые непонятнымъ для него языкомъ присяжныхъ адептовъ сложныхъ иностранныхъ теорій труда и капитала.

Гиксу не сразу сталъ понятенъ навязываемый ему ярлыкъ „кровопивца“ въ экономіи страны; первые на то намеки показались ему даже весьма забавной шуткой, и онъ самъ посмѣивался исподтишка, припоминая притомъ ему одному да матери его извѣстныя тайныя мечты его о томъ, какое благое распоряженіе сдѣлаетъ онъ, Гиксъ, всѣми капиталами своими по смерти своей: какъ много оставить пожертвованій на дѣла обще-народ-

ной пользы и просвѣщенія, въ которомъ одномъ—послѣ возведенія имъ труда чуть ли не въ культъ — видѣлъ Абрамъ Гиксъ спасеніе и охрану страны отъ всѣхъ ему извѣстныхъ соціальныхъ и экономическихъ золъ.

Конечно, при жизни своей, онъ никакихъ суммъ на благотворительныя дѣла не пожертвовалъ: жаль было бы отрывать капиталы отъ хорошихъ, доходныхъ статей, путемъ которыхъ эти же самые капиталы увеличиваются, и сограждане его — будущіе наслѣдники Абрама Гикса—остаются все въ большемъ и большемъ выигрышѣ. И вдругъ — сознавая, такъ сказать, свою непрестанную работу на пользу человѣчества—быть занесеннымъ въ графу „кровопивцевъ“, вампировъ рабочаго человѣка!.. Не смѣшно ли было и на самомъ дѣлѣ серьезно отнестись къ такой нелѣпицѣ?

Присущая Гиксу безыскусственная простота взгляда на вещи не исключала, конечно, изъ ума его мыслей объ устройствѣ собственной жизни—о возможности женитьбы; но въ томъ же умѣ его какъ-то совсѣмъ не вязалась съ идеею о семьѣ мысль о необходимости оставить этой самой семьѣ всѣ свои капиталы или даже большую ихъ часть.

Гиксъ, какъ видѣли мы, спокойно дожилъ и до сорока лѣтъ, не спѣша женитьбой; и въ рѣдкихъ его на эту тему мечтахъ образъ будущей жены являлся и о сю пору образомъ весьма смутнымъ, хотя самъ онъ и сознавалъ, что этотъ неясный образъ, воплотясь въ живую женщину, по необходимости окажется поглотителемъ капитала, хотя производительность его и должна будетъ, въ свою очередь, съ годами сказаться поставкою цѣлаго ряда смѣтливыхъ сыновей. Въ умѣ Абрама Гикса почему-то не укладывалось вовсе представленіе о дочеряхъ; сыновья же были, въ мечтахъ его, лишь естественнымъ умноженіемъ на бѣломъ свѣтѣ его собственныхъ производительныхъ талантовъ: зачѣмъ же имъ оставлять деньги? Развѣ самъ онъ не началъ дѣла съ какой-нибудь сотней долларовъ, убереженныхъ имъ отъ заработка по перевозкѣ кладей и пассажировъ съ одной желѣзной дороги на другую, мимо одного изъ неподдававшихся инженерному искусству горныхъ ущелій дальняго Колорадо?

Конечно, неясный образъ жены, пробиравшійся порою въ мечты его о семьѣ, — воплотясь въ кровь и плоть живой женщины, — долженъ быть въ свою очередь щедро и на всю жизнь обезпеченъ, чтобы ни малѣйшая забота не коснулась этого хрупкаго созданія — женщины, передъ которымъ, въ отвлеченности, Абрамъ Гиксъ, вѣрный своимъ американскимъ инстинктамъ, тѣмъ

болѣе благоговѣль, что, кромѣ матери своей, совсѣмъ женщинѣ близко не знавалъ. Затѣмъ же, думалось ему, деньги всѣ могутъ быть обращены на устройство и украшеніе родной деревушки, уже давно, стараніями Гикса, разросшейся въ городъ Гиксвилль,—на парки, на школы, и главнымъ образомъ на ремесленную школу, по образцу сильно когда-то подѣйствовавшего на его воображеніе бостонскаго технологическаго института.

И вдругъ, ему кидаютъ въ лицо упрекъ въ „кровопивствѣ“ — изъ-за несправедливости другихъ хозяевъ, запрещаая и на него работать людямъ, которыхъ самъ же онъ и на ноги-то поставилъ! Чтѣ—въ ростъ, что ли, онъ деньги свои отдаетъ? или непроизводительно ихъ въ сундукахъ держитъ? Или, наконецъ, и впрямь, какъ акула, на биржѣ хапаетъ собственность всякаго мало-мальски заѣвавашагося ближняго, пожиная гдѣ не съялъ, собирая гдѣ не расточалъ?..

Мысли Гикса зачастую складывались библейскими текстами и изреченіями — не столько по какому-либо особенно ревностному благочестію, сколько въ силу ранней къ нимъ привычки въ родительской семьѣ, гдѣ тексты эти были такою же ходячею монетою, какъ въ иныхъ семьяхъ народныя поговорки.

Но Абрамъ Гиксъ, опять-таки, не изъ того матеріала — по выраженію капитана Ригби—былъ скроенъ, чтобы отводить долгое время мечтамъ или выискиванію коренныхъ причинъ того, чтѣ такъ или иначе привлекало его вниманіе; при случаѣ, онъ бывалъ внимательнымъ наблюдателемъ людей, но гадательныя способности были въ немъ весьма ограниченны. Удивленіе и даже смѣхъ, вызванные въ немъ, когда онъ впервые запримѣтилъ, что ему навязываютъ роль „эксплуататора честнаго труда“, не перешли въ немъ ни въ негодованье на черную неблагодарность къ нему людей—хотя бы пока тольео лишь мысленно имъ облагодѣтельствованныхъ—ни въ опасенія насчетъ неприкосновенности своихъ собственныхъ капиталовъ. Злоба, правда, разбирала его — и злоба весьма сильная—на то, что, вотъ, свои люди—настоящіе американцы—и тѣ оказываются, въ рукахъ искусныхъ дармоѣдовъ, заѣзжихъ агитаторовъ, такими же беспомощными баранами, какими представлялись его американскому воображенію порабощенные долгими вѣками угнетенія и приниженія рабочіе „затхлой“ Европы, быть которыхъ, въ сущности, казалось ему, такъ легко было улучшить: была бы на то лишь добрая воля, да подпали бы эти обездоленные слои челоуѣчества благотворному направленію хорошей американской организаторской руки...

Столеновеніе съ рабочимъ „союзомъ“ было первую невзгодою,

такъ сказать, моральнаго свойства, постигнуе Гикса съ самаго времени открытія его обильной разными перемѣнами карьеры; онъ не сразу распознать различіе, и, по установившейся давно привычкѣ, подвергъ и эту невзгуду обычному дѣловому методу воздѣйствія: не сталъ долго медлить надъ желчнымъ пережевываніемъ факта, неприятно выставлявшаго на видъ его собственную недалнозоркость, а прямо перешелъ къ взвѣшиванію наилучшихъ способовъ устраненія новаго, какъ казалось ему, зла, и произведенной имъ среди зажиточныхъ рабочихъ нищеты; все это представилось уму его еще съ болѣе рельефною ясностью съ тѣхъ поръ, какъ онъ разговорился о томъ съ капитаномъ Даномъ Ригби. Всѣ присущіе здраво-развитому человѣку инстинкты борьбы проснулись въ немъ съ небывалой силой при сознаніи этого нападенія изъ-за угла—на то, что онъ взростилъ и выхолитъ цѣною многолѣтней организаціи и труда, что стало ему тѣмъ болѣе дорого, чѣмъ ту же давался успѣхъ.

Удивительно ли, что, охваченный цѣлымъ роємъ мыслей касательно наилучшей системы „воздѣйствія“, Абрамъ Гиксъ не сразу поддался воспоминанію о томъ эпизодѣ, который—какъ сдавалось засыпавшей Магги Стромъ—долженъ бы былъ въ лихорадкѣ продержатъ его цѣлую ночь? Но капризная красавица, которую въ дѣлѣ съ Гиксомъ такъ интриговали и сердили неожиданныя шероховатости нрава этого „ours mal léché“, забывала, что Абраму Гиксу было не двадцать, а цѣлыхъ сорокъ лѣтъ—возрастъ, въ которомъ вѣчно занятый, неиспорченный роскошью человѣкъ по-неволѣ дичится слѣпыхъ экскурсій въ неизвѣданную область любви... И когда, посреди усердной работы мысли надъ выработкою путей къ урегулированію соскочившихъ было съ рельсовъ отношеній его съ рабочими,—когда вспомнилось тутъ Абраму Гиксу чуть не прямое объясненіе молодой дѣвушки въ любви къ нему, Гиксу, — онъ почувствовалъ себя до того не по себѣ, тщетно стараясь разгадать, смѣется ли она надъ нимъ, или обманываетъ самое себя, что онъ успѣшилъ возвратиться въ домъ и скоро, весьма скоро, обрѣлъ во снѣ забытые ото всѣхъ, заплонившихъ его за послѣднее время, несродныхъ ему тревоженій.

XXVII.

Давно не поднимался Абрамъ Гиксъ въ такомъ радужномъ настроеніи, какъ въ слѣдующее за этою ночью утро, а это значило весьма немало, если принять въ расчетъ то, что Гиксу,

несмотря на миллионы свои, удалось — и это безо всяких особыхъ съ его стороны ухищреній — сохранить прекрасное здоровье и перворазрядный аппетитъ. Непріученный смолоду къ плотоядному городскому режиму, онъ тѣмъ не менѣе всегда спѣшно одѣвался, прищипориваемый утреннимъ точащимъ червякомъ, и преисправно одолѣвалъ поставляемые ему каждодневно дома на завтракъ гречневые блины съ сиропомъ, овсяную кашу, варенные яблоки и кофе, забывая этотъ „нектаръ боговъ“ широчайшими ломтями тяжелова-таго домашняго хлѣба, густо намазаннаго поверхъ масла черничнымъ вареньемъ.

Въ это же утро Абрамъ Гиксъ вскочилъ съ постели какъ мальчишъ — лишь только зашуршала подъ нимъ въ деревянномъ мѣшкѣ-тюфякѣ кукурузная солома, когда онъ впервые повернулся, объятый на зарѣ, послѣ ночного зноя, свѣжимъ морскимъ вѣтеркомъ. Не успѣлъ онъ отъ сна опомниться — гдѣ онъ, какъ уже машинально спустилъ ноги на полосатый, домашняго тканья, коверъ и всѣмъ своимъ существомъ сразу почувствовалъ, что что-то рѣшено, что какая-то обуза у него свалилась съ плечъ, что передъ нимъ развернуть цѣлый планъ дѣйствія, — и Абрамъ Гиксъ съ наслажденіемъ втянулъ въ себя родной морской воздухъ всею своею широкою грудью, будто набираясь въ немъ добавочныхъ силъ на задуманное дѣло.

Не мѣшая долго за своимъ несложнымъ туалетомъ, онъ спустился съ лѣстницы во дворъ и, съ дѣтства знакомый съ привычками капитана Ригби, быстро шагая, направился къ хозяйской конторѣ.

Капитанъ дѣйствительно уже засѣдалъ въ берлогѣ своей, держа на колѣняхъ увѣсистый сводъ законовъ. Когда Гиксъ, войдя въ открытую дверь, заслонилъ своей широкой фигурой дневной свѣтъ, старикъ поднялъ въ его сторону глаза поверхъ очковъ въ тяжелой серебряной оправѣ — и лицо его просвѣтлѣло явнымъ удовольствіемъ.

— Вотъ что хорошо, такъ хорошо; не испортило, я вижу, васъ, братъ Абрамъ, и все ваше хваленое богатство: по прежнему — на ногахъ съ пѣтухами.

— Какъ же, капитанъ, какъ же... Да и вамъ-то, полагаю, завидовать нечему: сами всегда первымъ въ домѣ на ногахъ.

— Старь, братъ Абрамъ, становлюсь, чтобы отъ старыхъ привычекъ отставать, а этими годами рѣдкое утро позже трехъ встаю... И это самое, что ни на есть, мое привольное время, особливо зимою: сидишь это такъ передъ затопленнымъ каминномъ — тихо такъ все кругомъ передъ разсвѣтомъ, въ домѣ всѣ

спать, вотъ и возьмишь какую-нибудь изъ хорошихъ книгъ—Гёте ли своего, а не то и новаго вашего пророка, Генри Джорджа... Очень ужъ за живое заѣли меня его теории насчетъ земли: читаю я тутъ его „Прогрессъ и Бѣдность“—прислалъ мнѣ одинъ пріятель—и ногъ подъ собою не слышу, будто на облакахъ хожу, точно новое откровеніе меня осѣняетъ...

— Да чего добраго, капитанъ! пожалуй и вы борцомъ еще за Джорджевскія идеи выступите?—полушуткою намекнулъ ему Гиксъ.

— Нѣтъ, куда ужъ мнѣ—обсидѣлся, старъ, лѣнивъ сталъ... А читать его книги—такъ и вправду слѣдовало бы какъ притчи Соломона: по одному стиху на день, чтобы весь богатый смыслъ стиха врѣзался и въ умъ, и въ сердце... Вотъ вы меня въ борцы за Джорджевскія идеи, Абрамъ, прочтите; на хорошій бы я, поди, пріемъ у сосѣдей наткнулся, еслибы сталъ ихъ убѣждать поступиться своею собственностью на землю,—засмѣялся капитанъ:—меня, слышно, и то хотѣли-было прошлой зимой проучить—выкупать въ проруби за то, что я, видите, насадитель трезвости, отказываюсь продавать виноградъ свой на вино, и тѣмъ, значить, подаю дурной примѣръ, стремлюсь къ уничтоженію винныхъ заводовъ, благодаря которымъ наша земля здѣсь удвоилась въ цѣнѣ... Да что тутъ говорить,—мало ли что болтають, а подступить, все равно, ко мнѣ не посмѣють...

— А лѣтомъ-то, поди, у васъ совсѣмъ мало времени на занятія?—перевелъ разговоръ на другой предметъ Абрамъ Гиксъ, знавшій, какъ досаждаютъ этою порою окрестнымъ фермерамъ, и какъ строгіе взгляды капитана на вещи, а иногда и сильная его рука поднимается на защиту избитыхъ женщинъ и заброшенныхъ дѣтей.

— Когда и есть время, такъ, опять-таки, рано поутру: тутъ вотъ и досугъ есть—и почитаешь, и препараты свои обметешь,—отвѣчалъ капитанъ, вставая съ мѣста и бивая головой на длинныя полки, которыми обнесены были двѣ стѣны любезной его сердцу берлоги; на широкихъ некрапленыхъ доскахъ навалены были груды бумагъ, инструментовъ и книгъ въ такихъ основательныхъ переплетахъ, въ каковыхъ не появляются изданія скоротечной жизни. Нижнія полки всѣ заставлены были геологическими образцами, а также препарированными черепами птицъ, пресмыкающихся животныхъ и даже людей; въ этомъ послѣднемъ полкамъ, надо полагать, собственно и относились заботы хозяина по части обметанья пыли, такъ какъ верхніе ряды книгъ покрыты были густымъ слоемъ пыли и непроницаемой для глаза паутиной.

— Все по прежнему своей страсти въ камнямъ предаетесь, капитанъ?

— Все по прежнему, братъ Абрамъ, все по прежнему... Да и за френологіей я сталъ за послѣднее время опять слѣдить; удивительная у нихъ теперъ въ Нью-Йоркѣ система выработывается... Да вамъ, пожалуй, Абрамъ, выкупаться лучше хочется, чѣмъ бредни мои слушать?

— И то, выкупаться бы не худо,—согласился Гиксъ:—а вамъ, капитанъ, все же нехорошо меня такъ осаживать: положимъ, что я въ геологіяхъ и френологіяхъ вашихъ ни бельмеса не смыслю, а все же не такой ужъ и я невѣжда, чтобы занятія ваши за бредни почитать.

— Ладно, ладно, братецъ Абрамъ: не первый, кажись, годъ знаемъ мы другъ друга,—спѣшно отвѣчалъ, прокашливаясь, капитанъ, и стараясь заговорить просыпавшуюся въ немъ чувствительность:—ужъ въ васъ-то я, конечно, никакихъ издѣвательствъ надъ любимыми коньками моими не заподозрю... Ха! ха! ха! ха!.. Это я больше по привычкѣ остерегаюсь: какъ бы друзьямъ своими разговорами оскомину не набить... Дорогу-то къ заливу не забыли?

— Какое забыть? Мигомъ выкупаюсь—и назадъ.

— Такъ-то оно лучше, а то мнѣ съ вами идти недосугъ; да, признаться, мнѣ еще поприготовиться надо немного—подыскать тутъ статью одну,—добавилъ капитанъ, похлопывая по лежащему на столѣ толстому своду законовъ:—у меня сегодня разбирательство одного интереснаго дѣла назначено.

— Да, я слышалъ, что вы и судьей мировымъ состоите?

— Состою, другъ Абрамъ, состою,—хотя, признаться, и не по нраву мнѣ эта работа,—и старикъ насунилъ брови, будто и впрямь, при мысли этой, въ немъ отозвалось непріятное ощущение:—И все-то держусь этого судейства по одной, надо почитать, по гордынѣ своей: плата пустышная; больше изъ-за судейства этого по своему хозяйству упустишь.

— Чтò вы, капитанъ! какая же въ васъ, скажите, гордыня?

— А такая гордыня, братъ Абрамъ, что вижу я, что нѣтъ у насъ во всемъ олооткѣ человѣка, способнаго по совѣсти эту должность справлять—все или пьяницы отъявленные, или же такіе, что за одной наживой на свѣтѣ гонятся: вотъ и принялъ эту обузу на себя. Конечно, что-жъ это, какъ не гордыня?

— Пьяницы они у васъ тутъ или не-пьяницы,—замѣтилъ въ отвѣтъ Абрамъ Гиксъ,—а своего, видно, не упускаютъ: кто бы

вообразилъ, что васъ на второй срокъ въ судьи эти народы ваши выберутъ.

— А чтò вы думаете, Абрамъ,—и здѣсь вѣдь не все дураки живутъ: какъ имъ ни солонѣ моя непокладливость, а все же каждому свои интересы дороги, пожалуй; лучше же меня—извѣстное дѣло—имъ сторожевого пса не сыскать.

Гиксъ только весело усмѣхнулся въ отвѣтъ: такъ несообразно показалось ему это признаніе со внушительнымъ, чисто патріархальнымъ видомъ старика, который, не подозрѣвая того, что имъ и впрямь можно было залюбоваться, продолжалъ свои безхитростныя разсужденія:

— Да чтò, братъ Гиксъ: подысканье статьи меня бы не долго задержало, я и самъ охотно прошелся бы съ вами до залива, хоть я, признаться, сегодня уже поплавалъ спозаранку; да вотъ надо бы еще старую нашу кобылу, Кэтъ, попить, да кое-что по двору и сараямъ поприбрать, пока наши не поднялись,—одному Джимми не справиться. Опять же, вонъ, и султанша то въ шараварахъ на яйцахъ не сидитъ—никакъ въ корзину ее не загонишь,—добавилъ капитанъ, захватывая изъ угла палку и готовясь привести къ порядку беззаботно выхаживающую вокругъ рослаго пѣтуха вольнодумную „султаншу“.

— Ничего, не беспокойтесь обо мнѣ, капитанъ,—я и одинъ мигомъ съ купаньемъ справлюсь,—отвѣчалъ капитану уже на ходу Гиксъ, и быстро исчезъ въ знакомой чащѣ деревьевъ.

XXVIII.

Купанье, дѣйствительно, не взяло у него много времени, и вернувшись, освѣженный, голодный и веселый, на ферму, Абрамъ Гиксъ по прежнему засталъ на чистой половинѣ полную тишину — зналъ прямой, что гости еще не поднимались. Никогда не чувствуя въ себѣ особой склонности къ уединенію, Гиксъ и теперь не подумалъ предаваться—согласно всеобщему обычаю забравшихся въ деревню горожанъ — безцѣльному блужданію по сторонамъ, а прямо же садомъ направился къ кухнѣ и лѣтнимъ сѣнямъ при лѣвомъ крылѣ дома, зная, что застанетъ тамъ уже всѣхъ домашнихъ въ сборѣ.

Окликнувшій его молодой голосъ тутъ же показалъ, что въ расчетахъ своихъ Абрамъ Гиксъ не ошибся:—Хорошо ли за ночь отдохнули, кузень Гиксъ?

Круглое, свѣжее, но нѣсколько плоское — какъ и у отца—

лицо Хетти казалось весьма привлекательнымъ въ эту минуту, выглядывая изъ высоко въ сѣняхъ нарубленнаго одностворчатаго окна, густо задернутаго переплетенной листвою дикаго винограда, тянувагося вверхъ по бичевкамъ подъ самую досчатую крышу. Взглянувъ въ сторону знакомаго голоса, Абрамъ Гиксъ не распозналъ за зеленью дѣвушку, и направился къ стоявшимъ тутъ же при входѣ въ кухню хозяину съ хозяйкой и младшимъ сыномъ Джимми.

— Вотъ и я на лицо, капитанъ!.. Эй, Джимми!.. Или понедѣльникъ у насъ на дворѣ, миссисъ Ригби? — шутиливо обратился Абрамъ Гиксъ къ Руэи; счастливое, лоснящееся отъ усиленной работы лицо ея озарилось улыбкой, пока она отирала о фартукъ мыльную руку, чтобы подать ее гостю.

— Да, сэръ, — подтвердилъ, смѣясь, догадку Гикса капитанъ: — прейдутъ скорѣе, кажись, небо и земля, чѣмъ миссисъ Руэи Ригби согласится перенести домашнюю стирку съ понедѣльника на какой-нибудь другой день недѣли...

— О!.. не слушайте капитана, Абрамъ Гиксъ: онъ сегодня то-и-дѣло придирается ко всѣмъ; вовсе ужъ я не такъ педантична... Конечно, никто не любитъ безъ нужды перетасовывать заведенный въ домѣ порядокъ! — горячо протестовала миссисъ Ригби, съ уворизною взглянувъ на капитана; но тутъ же, спохватясь, продолжала: — Понятное дѣло, мнѣ бы хотѣлось сколько возможно больше пользоваться обществомъ привезенныхъ вами друзей, но у насъ вся стирка была бы до завтрака справлена, еслибы только Джорджъ сюда подоспѣлъ.

— Скажите! какова черная неблагодарность, братъ Абрамъ? Вотъ я стою тутъ, долблю ей ступою бѣлье въ кадкѣ — цѣлый часъ долблю безъ устали, пока Джемми, чтд есть силы, выжимаетъ бѣлье на прессѣ, — а вотъ миссисъ Ригби по Джорджу встосковалась, будто мы тутъ баклуши у нея только бьемъ!.. Такова-то наша горькая мужская доля, Абрамъ Гиксъ: и не довернись — бьютъ, и перевернись — бьютъ... Счастливы вы, другъ Абрамъ, что не тянетесь еще за цвѣтками семейнаго блаженства — за понедѣльниками домашняго обихода: не добрались еще до всей черноты женскаго криводушія...

Шутиливое, давно привычное, подшучиванье мужа возвратило миссисъ Ригби ея обычное самообладаніе: она тоже вдругъ почувствовала, что Абрамъ Гиксъ — свой, родной человекъ, и безо всякаго уже замѣшательства продолжала: — Нечего уже мнѣ передъ кузеномъ Абрамомъ душой кривить — онъ знаетъ, какъ я всегда рада и ему самому, и всѣмъ, кого бы онъ къ намъ ни

привезъ; а просто—правду сказать—жалъ мнѣ стало цѣлое утро терять и недѣлю ни изъ-за чего уродовать... Принимайся же за дѣло, капитанъ!.. Вы насъ, кузенъ Абрамъ, извините,—а до того времени, какъ поднимутся ваши городскіе друзья, у насъ все бѣлье уже будетъ развѣшано...

Трудненько, однако, было положить предѣлы шутивому подстрегательству расходившагося капитана, разъ уже онъ съ утра впадалъ въ эту злостную колею; но подъ энергичнымъ направлениемъ Руои работа, тѣмъ не менѣе, закипѣла во всю мочь. Самъ капитанъ усердно толочъ въ мыльной водѣ бѣлье, наложенное въ стоящей тутъ же, на сквознякѣ, при входѣ въ сѣни, кадкѣ: „свое изобрѣтеніе“, — кратко пояснилъ капитанъ Гиксу, внушительно взглядывая на того поверхъ очковъ и показывая ему вынутый на минуту изъ кадки шестъ, съ набитыми крестообразно на нижнемъ его концѣ узкими досками, которымъ онъ долбилъ бѣлье, чтобы избавить жену отъ труда оттирать его руками. Тутъ же въ деревянномъ чану стояла грудка уже сполоснутаго проворными руками Руои бѣлья, которое она теперь спѣшно перепускала выжимательнымъ прессомъ, а рукоятку его усердно вертѣлъ широкоплечій и высокій какъ отецъ, краснощекій какъ дѣвочка, двадцатилѣтній Джимми. Джимми упорно молчалъ, изрѣдка лишь поддавая еще силы и, по какой-то симпатической игрѣ мускуловъ, раздвигая ротъ въ еще болѣе обширную улыбку; вниманіе молодого Джимми было нераздѣльно сосредоточено на выжиманьѣ бѣлья; держалъ онъ себя, однако же, съ такимъ видомъ, какъ будто справлялъ не скучную домашнюю работу, а забавлялся неизвѣданною еще пробой силъ: жизнь, очевидно, о сю пору представлялась Джимми забавнѣйшей шуткой, и съ круглаго лица его даже и теперь не сходило такое выраженіе, будто ему только-что подъ строжайшимъ секретомъ довѣрили уморительную развязку разыгрывающейся передъ нимъ комедіи, и онъ, давъ зарокъ молчанья, съ хитроумнымъ самодовольствомъ слѣдитъ исподтишка за развертывающимся передъ нимъ дѣйствіемъ.

— Послушайте, кузенъ Гиксъ: или вы отъ старыхъ друзей отворачиваться стали?..—раздался снова изъ кухни свѣжій, нѣсколько рѣзкій голосъ Хетти, и шустрые, плутовскіе глаза дѣвушки насмѣшливымъ огонькомъ сверкнули изъ-за притоки наружной двери, тогда какъ руки ея продолжали свое дѣло за столомъ, котораго одинъ лишь уголъ виднѣлся снаружи.

— Скажите на милость! а мнѣ-то и не вдомѣкъ, кто это такимъ птичьимъ голоскомъ чирикаетъ... — весело откликнулся Гиксъ, съ напускнымъ удивленіемъ поднимая брови и мигая че-

резь груди бѣлья, наваленнаго на досчатомъ помостѣ при самыхъ дверяхъ.

— Не правду ли я, скажите, говорю, что вы загордились передъ старыми друзьями?—разсмѣялась своимъ тихимъ, короткимъ смѣхомъ Хетти:—Нѣтъ, нѣтъ! прежде заслужите мировую!—спѣшно добавила она, отталкивая обнаженнымъ локтемъ руку Гикса, —а мнѣ дайте замѣсить, какъ слѣдуетъ, булки; того и гляди, дамы сойдутъ къ завтраку.

— Такъ вы ужь, видно, не такая бѣлоручка, какъ прежде, миссъ Эсэиръ Ригби? Или за дѣло взялись — замужь собираетесь?

— Не безпокойтесь, кузень, я замужь не спѣшу—васъ все дожидаюсь; вотъ какъ вамъ года выйдутъ, такъ и я къ свадьбѣ готовиться стану...

— Будто и такъ? — съ товарищеской усмѣшкой отозвался Гиксъ, усаживаясь на простой высокой скамьѣ, спиною къ установленнымъ въ глубинѣ сѣней дровамъ: разомъ — будто лучъ солнечнаго свѣта, пробившійся въ закрытую ставню темной комнаты, осѣнило Абрама Гикса чувство давно неиспытанной свѣжести и силы; такъ и хлынула на него цѣлая гурьба воспоминаній изъ ранней его юности при этомъ первомъ непосредственномъ соприкосновеніи съ роднымъ будничнымъ фермерскимъ обиходомъ, и онъ, самъ того не замѣчая, откинулся всѣмъ грузомъ тѣла своего на заднія ножки скамьи, скрестивъ руки на груди и соблюдая равновѣсіе съ апломбомъ никогда не выѣзжавшаго за предѣлы родного штата американскаго фермера.

— Такъ-то, кузина меня, значить, все ждала... — протяжно повторилъ за дѣвухой Абрамъ Гиксъ—нѣсколько въ носъ, видимо замышляя произвести какой-нибудь особый эффектъ на свою задорную кузину:—радъ, душевно радъ слышать такіа пріятныя вѣсти, миссъ Хетти; ваше слово—сами знаете—свято для меня; я и не подумаю въ немъ сомнѣваться,—нѣсколько торжественно отчеканивая каждое слово, продолжалъ Гиксъ, тогда какъ едва лишь замѣтное движеніе глазъ выдавало его забаву надъ свергнувшимъ въ глазахъ Хетти безпокойствомъ и нервною скоростью, съ которой она, не глядя на него, скатывала на столъ булки, поджидая, что, вотъ, не въ пору довѣрчивый кузень поймаетъ ее на словѣ.

— А я-то, признаться, всю ночь проворочался на кровати; все мерещился мнѣ какой-то Альбертъ, имя котораго такъ и сверкало, такъ и переливалось вчера на медальѣ, навѣшенной на кузининъ браслетъ...

Заревомъ вспыхнуло лицо Хетти, и она расхохоталась неесте-

ственно громкимъ для нея смѣхомъ, будто выгадывая время на то, чтобы приготовить торжествующему кузену отвѣтъ. Своевременное появленіе миссисъ Альвы Флинтъ вывело ее, однако, изъ затрудненія:

— По всему дому ищутъ нашу музыкантшу—и не воображаю, что она здѣсь репетируетъ свою роль Сандрильоны.

— Скажите лучше: доброй феи, готовящейся утолять голодъ страдающаго человѣчества, миссисъ Альва Флинтъ, — поправилъ вошедшую Абрамъ Гиксъ, протягивая ей руку, но и не думая подняться дамба на-встрѣчу или же измѣнять свое искусно установленное равновѣсіе.

Но миссисъ Альва, вообще невзыскательная на мужскія манеры, надѣлена была слишкомъ большою дозою здраваго смысла, чтобы взять фальшивую ноту въ этомъ сельскомъ аккордѣ: напротивъ того, она разомъ, будто наитіемъ свыше, вошла въ тонъ всеобщаго настроенія.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ посовѣстилась, Абрамъ Гиксъ, начинать свой день съ выпрашиванья у хозяекъ лакомыхъ кусочковъ, въ ущербъ заспавшимся товарищамъ... А я спала всю ночь какъ убитая и чувствую себя такъ хорошо, что готова хоть сейчасъ на мѣсто Хетти стать—завтракъ вамъ готовить... Оно бы мнѣ и лучше пристало, чѣмъ вамъ, Хетти:стряпня совсѣмъ можетъ испортить руки для музыки...

— Это я только на сегодня, забавы ради, завтракомъ занялась, миссисъ Гольтъ, чтобы хозяйственные таланты свои цѣнителямъ показать, —задорливо добавила Хетти, которая, очевидно, успѣла вернуть все свое прежнее самообладаніе и бросила теперь лувавый взглядъ искоса на Гикса, не поворачивая, однако, въ его сторону головы.—Мама и то бережетъ мои руки какъ какое-нибудь сокровище,—добавила она, бросая кокетливо довольный взглядъ на свои длинные, тонкіе, обсыпанные мукою пальчики:—ни до стирки, ни до печенья хлѣбовъ меня не допускаютъ, хотя я и увѣрена, что все это можно дѣлать такъ, чтобы не дать и рукамъ загрубѣть...

Вкусный запахъ свѣжаго хлѣба, подоспѣвъ на подмогу дѣлу живительнаго приморскаго воздуха, привлекъ тѣмъ временемъ въ кухню и Стивена, и Магги, хотя эта молодая дѣвица, твердая въ кодексѣ городскихъ приличій, и сочла необходимымъ покрыть душой, объясняя всеобщее вторженіе въ кухонную область не голодомъ, а тѣмъ, что привлечены они туда были всеобщимъ хохотомъ.

Извиненія Магги никого, впрочемъ, не поразили неумѣстностью

— по той простой причинѣ, что никто ее, за всеобщимъ говоромъ, не слушалъ. Капитанъ лишь отеческимъ движеніемъ удержалъ на минуту въ обѣихъ своихъ жесткихъ огромныхъ рукахъ мягкую ручку молоденькой дѣвушки, заботливо разспрашивая ее, не слишкомъ ли рано потревожило ее воркованье горлицъ подъ крышей, — и всѣ затѣмъ гурьбой двинулись въ смежную съ кухней столовую, не замѣчая, какъ ловко выпроваживаетъ ихъ туда Хетти, по знаку матери, занявшей уже свое мѣсто у плиты.

XXIX.

Какъ и всегда почти бываетъ, — искреннее радушіе хозяйки отразилось и на гостяхъ: всѣ почувствовали себя на мѣстѣ, легко и свободно, занявшись непривычнымъ для городскихъ жителей наблюденіемъ приготовленій къ запоздавшему завтраку; даже Магги Стромъ, расположенная неожиданнымъ концертомъ предшествовавшего вечера къ болѣе снисходительному сужденію о „чернорабочихъ фермерахъ“, сошла внизъ въ твердой рѣшимости обращаться съ ними какъ съ равными, — и это рѣшеніе несомнѣнно сослужило бы ей полезную службу, еслибы не простодушное движеніе фермерской дочки, которая, въ отвѣтъ на любезное привѣтствіе Магги, ласково потрепала ее по щекѣ, говоря, что рада видѣть ее такой цвѣтущей и веселой!..

Отъ зоркихъ глазъ миссисъ Альвы Флинтъ не ускользнула внезапная краска, хлынувшая при этомъ въ лицо Магги — точно отъ полученной пощечины — и свѣжее, умное, искрающееся юморомъ лицо этой всѣмъ свѣтомъ и собой довольной лэди озарилось лукавой усмѣшкой, углы губъ передернулись, а тонкія брови задорнѣе обыкновеннаго приподнялись къ сторонѣ висковъ, будто еще разъ, для памяти, подчеркивая давно извѣстный ей фактъ непокладистости ея *protégée*. Скользя разсѣянными, казалось, взоромъ по всему окружающему и не переставая, прислонясь къ дверямъ, обсуждать съ хлопотавшею у плиты хозяйкой лучшей способъ сохраненія дрожжей, миссисъ Альва все принимала къ свѣденію и съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдила за Магги, которая дѣйствительно, въ забывчивости своей, представляла интересное зрѣлище.

Холодная чопорность свѣтской барышни, — которую Магги, надо сказать, напускала на себя весьма рѣдко, несмотря на то, что чопорность признавалась такими авторитетами, какъ Эльза и тетя Флора, за наилучшее проявленіе свѣтскихъ манеръ, — расплы-

валась на лицѣ Магги въ неподдѣльную растерянность, по мѣрѣ того, какъ безхитростный, при всей своей учености и житейской опытности, капитанъ, по исконному фермерскому обычаю, умылся тутъ же въ столовой, при всѣхъ, не прекращая разговора, исправно вытеръ загорѣлую шею и руки навѣшаннымъ на валикѣ у стѣны полотенцемъ, приглашая послѣдовать его примѣру и Гикса, тѣмъ временемъ какъ самъ выносилъ изъ чулана висѣвшее тамъ пальто, а безъ него онъ почелъ бы верхомъ невѣжливости сѣсть за столъ не только съ городскими дамами, но и въ присутствіи женщинъ собственной семьи.

Лукавымъ ожиданіямъ миссисъ Альвы не суждено было, однако, сбыться: Гиксъ не погубилъ себя безвозвратно въ глазахъ Магги — не послѣдовалъ примѣру капитана по части омовеній.

Что это было дѣломъ одной случайности съ его стороны, а не сознаниемъ неприличія подобной процедуры — очевидно было изъ того, что, въ жару разговора, рука Абрама Гикса уже потянулась-было къ семейному куску мыла, когда онъ, встати, по-видимому, вспомнилъ, что только-что купался,—и съ довольнымъ видомъ занялъ мѣсто за столомъ, не совершивъ на этотъ разъ моральнаго, на глаза Магги, самоубійства. Правда, раскраснѣвшійся за прессомъ Джими, какъ утка, полоскался въ тазу, осыпая брызгами платье стоявшей въ сторонѣ, съ остолбенѣлымъ видомъ мученицы, Магги; но та къ тому времени доведена была до такой степени изумленія, что въ ней начинала уже притупляться всякая чувствительность къ тому, что дѣлалось кругомъ.

— Жаль, Абрамъ не обремизился! — раздался надъ самымъ ея ухомъ прочувствованный шопотъ кузена Стивена: на него-то, какъ на громоотводъ, и обрушился теперь, понятно, не находившій себѣ исхода гнѣвъ прекрасной кузины.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, Стивенъ Моррисъ, поберегла цвѣточки своего жаргона для городскихъ полпивныхъ и для негритянскихъ вечеринокъ: для такихъ перловъ требуется и сочувственная публика!—И, выразивъ такимъ образомъ свои чувства, Магги Стромъ — съ оскорбленнымъ видомъ, но, тѣмъ не менѣе, съ облегченнымъ сердцемъ — съ достоинствомъ заняла свое мѣсто за столомъ и даже нашла въ себѣ силу улыбнуться старику-капитану, который любезно отставилъ и подаль ей стулъ. Стивенъ Моррисъ, съ вяющимъ смиреніемъ, принялъ заслуженный отъ кузины щелчокъ: онъ прекрасно зналъ, что кузина, проча себѣ Абрама — какъ звалъ онъ за глаза Гикса — въ мужа, закрѣпила за одной собою патентъ на безпрепятственное глумленье надъ этой отмѣченной жертвой... А все же не было для него луч-

шаго удовольствія, какъ пройтись насчетъ „сопатаго янки“ Абрама и поглядить строптивую кузину противъ шерстки.

Маленькая стычка кузеновъ прошла ни для кого незамѣтною, и завтракъ открылся превесело, подъ прикрытіемъ непрерывной болтовни миссисъ Альвы Флинтъ, которая чувствовала себя въ это утро въ особомъ ударѣ. Ъда, притомъ, шла преисправно, и никто не стѣснялся хлопотами несадившихся за столъ и служившихъ хозяекъ.

— Такъ отливъ, говорите вы, капитанъ, наступаетъ черезъ часъ, а тамъ нашему брату и скатертью дорожка?—освѣдомилась, наконецъ, и о дѣлѣ миссисъ Флинтъ, бросивъ вскользь Гивсу дружескій совѣтъ не слишкомъ, хотя бы изъ чувства самосохраненія, налегать на деревенскую живность.

— По мнѣ, такъ лучше не надо, какъ цѣлый мѣсяць васъ здѣсь продержатъ! — любезно заявилъ капитанъ, совсѣмъ, повидимому, „отошедшій“ отъ вчерашней сдержанности и усердно смѣясь послѣдней выходкѣ миссисъ Флинтъ:—я за годъ, кажется, столько не смѣялся; на обѣду мою, отливъ-то сегодня рано наступаетъ.

— Удивительное, право, дѣло, какъ сами стихіи благопріятствуютъ примѣрнымъ домохозяйкамъ: еслибы не отъѣздъ нашъ по отливу, такъ, глядя на аппетитъ мистера Гивса, я полагаю, миссисъ Ригби уже на обѣдъ цѣлую дюжину цыплятъ обрекла бы на закланіе.

— Если на то пошло, такъ и я, пожалуй, свою пару пеструшекъ пожертвую кузену Абраму,—поддержала миссисъ Альву и Хетти, наклоняясь со смѣхомъ надъ завѣшаннымъ салфеткою Гивсомъ и пододвигая ему на видъ избранный перль домашняго хозяйства—консервы изъ крупнѣйшихъ персиковъ-арабокъ.

— Я самъ, признаться, подивился прекрасному сельскому аппетиту мистера Гивса,—замѣтилъ со слабою попыткой на иронию докторъ Кларкъ, смотрѣвшій кисло и не поддававшійся общему оживленію.

— А пожалуй, позавидовали бы вдобавокъ и ясности его расположенія духа, докторъ?—винула ему черезъ столъ подвижная, какъ ртуть, миссисъ Альва:—удивительное дѣло, какъ различно сказывается на разныхъ мужскихъ натурахъ сознаніе того, что состояшь въ разрядѣ лавомѣйшихъ матримоніальныхъ кусочковъ!..

— А что, — развѣ и Абрамъ нашъ въ число обреченныхъ на закланіе попалъ?—живая на пріятеля головой, спросилъ, заранѣе готовясь смѣяться, капитанъ.

— А какъ же иначе?.. Впрочемъ, не безпокойтесь за вашего

друга, капитанъ: и онъ, и докторъ, давно занесены въ списки почетнѣйшихъ членовъ „Клуба Злостныхъ Холостяковъ“: одинъ состоитъ при комитетѣ „Ублагодворенія Пораненныхъ Сердецъ“, а другой—при комитетѣ „Незримой Самообороны“,—не задумываясь, отралпортовала миссисъ Флинтъ.

— А въ какомъ я комитетѣ числюсь, миссисъ Флинтъ? — прервалъ ее вопросомъ Стивенъ:—и что было бы, еслибъ меня представить къ комитету „Изысканія Средствъ во Взиманію Пошлинъ за Неисполненіе Гражданственнаго Долга Умноженія Народонаселенія?“..

— Нѣтъ, достойнѣйшій мой другъ,—изрекла съ непоколебимымъ авторитетомъ миссисъ Альва Флинтъ, мѣряя Стивена своимъ взглядомъ:—пока конгрессъ медлитъ установленіемъ этого справедливаго налога,—и комитета такого не будетъ; но, конечно, уже никто не посмѣетъ оспаривать у васъ мѣста при комитетѣ „Неоплатныхъ Долговъ“ или при комитетѣ „Истребленія Безбородыхъ Зубоскаловъ“.

— О, Альва! какой же мы съ вами богатый, значить, скоро трауръ по Стивенѣ Моррисѣ закажемъ! — въ восторгѣ воскликнула Магги и даже въ ладоши захопала: молодая дѣвица, очевидно, не упускала за общимъ весельемъ и уплаты по своимъ личнымъ счетамъ.

— Господа! Собратья холостяки! — возопилъ въ напускномъ отчаяніи Стивенъ:—это же за меня, наконецъ, вступится? Долго ли юную душу до отчаянія довести? Я уже и то на-дняхъ, послѣ одной изъ кузинныхъ головомоетъ, чуть-было себѣ правое ухо бритвой не снесъ!

— Что и было бы вполне въ порядкѣ вещей,—одобрительно кивнувъ головой, замѣтила миссисъ Альва.

— Это—ухо-то себѣ бритвой снести?

— Хотя бы и ухо, когда бороды еще нѣтъ,—съ спокойнымъ величіемъ заявила расходившаяся миссисъ Альва.—Такой пассажъ сразу бы, притомъ, положилъ конецъ сплетнямъ насчетъ того, что вы, Стивенъ — переодѣтая барышня. Нѣтъ, вѣдь, лучшаго для мужчины отличительнаго знака, какъ недочетъ пальца или уха... Вы смѣтаетесь, капитанъ?.. Что-жъ — смѣйтесь, когда хотите, а я все же сошлюсь на опытъ всей честной публики. Переберите вы хоть всѣхъ близкихъ каждому мужчинъ... Мнѣ самой за примѣрами недалеко ходить: братъ мой, Франкъ, носить почетный шрамъ отъ бутылки, которая какимъ-то путемъ затесалась ему въ болячку... Братъ Джимъ по глазу отмѣченъ искрой съ кузнечной наковальни... Мужъ мой — не хуже моего юнаго

друга Стивена — по горлу себя бритвой рѣзнуть... Нѣтъ, нѣтъ, докторъ: напрасно беспокоитесь!.. я прекрасно понимаю, что вы собираетесь сказать, но могу васъ увѣрить, что это не было мистеромъ Флинтотъ сдѣлано въ припадкѣ матримоніальной мизантропіи... Да зачѣмъ еще приводить примѣры? Я, съ своей стороны, вполне въ томъ увѣрена, что стоитъ только разобрать каждого изъ мужчинъ хорошенько—ни одного не отыщется безъ какого-нибудь изъяна.

— Жаль, капитанъ такой ретивый насадитель трезвости, — замѣтилъ докторъ, морщась исподтишка отъ слабого деревенскаго кофе:—а то бы какъ разъ впору теперь бутылочку распить за здоровье нашихъ безъизъянныхъ сограждановъ.

Ни возраженія, ни одобренія на это предложеніе не восплѣдовало ни откуда, такъ какъ обильный завтракъ пришелъ, наконецъ, къ концу, и всѣ поднимались съ мѣстъ своихъ. Разговорамъ, очевидно, не было больше мѣста, и послѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ стаднаго толченія на мѣстѣ, гостямъ предоставлена была, наконецъ, полная свобода, такъ какъ каждый изъ хозяевъ спѣшилъ къ своему болѣе или менѣе неотложному дѣлу.

Магги, отъ нечего-дѣлать, подумывала уже попытать еще разъ счастья—посмотрѣть, какъ этимъ утромъ влѣкутъ на удочку подлежащіе запретительному тарифу холостяки; но не успѣла она отвертѣться отъ не впору навязчиваго Стивена, какъ уже Абрамъ Гиксъ закурилъ на верандѣ сигару, готовясь слѣдовать въ садъ за пробиравшимся къ заливу докторомъ; Стивенъ, въ свою очередь, не замедлил пристать къ миссисъ Альвѣ Флинтъ, благодумствующей въ одиночествѣ на верандѣ; а такъ какъ разговоры ихъ нисколько уже не представлялись Магги интересными, то она скоро удалилась въ гостиную разсматривать капитанскія коллекціи, скучая невыносимо, но утѣшая себя мыслью, что „ученость вульгарныхъ фермеровъ“ дастъ ей возможность—по мѣткому, но не особенно изящному мысленному опредѣленію Магги—„затянуть тетѣ Флорѣ глотку“, когда та затянетъ старую канитель о „важности семейныхъ традицій“ и „превосходствѣ родовитыхъ семей“.

Какъ ни взыскательна была миссъ Магги на манеры тамъ, гдѣ имъ не придавалось никакого значенія, ничто, однако, не доставляло ей такого удовольствія, какъ процессъ подкапыванья подъ претензіи и скандализированья присяжныхъ носителей „аристократическихъ идей“, хотя бы они были ближайшими ей людьми; въ тому же у миссъ Магги не прошло еще сердце на бойкаго кузена, и она, конечно, неспособна была почтительно помышлять о его матушкѣ...

XXX.

Немного выигралъ, казалось, и Абрамъ Гиесъ, предпочтя общество доктора Кларка: сомнѣнья не было въ томъ, что тотъ былъ въ наисквернѣйшемъ расположеніи духа.

— Чортъ бы побралъ всѣ эти идиотскія проволочки! — ворчалъ докторъ, неистово раскуривая отсырѣвшую за ночь въ карманѣ сигару: — и подумать только, что вчера еще вечеромъ могли бы вернуться въ отель!..

Ночное ворочанье, въ душевной комнатѣ, на шуршащемъ тюфякѣ значительно подорвало философскую ровность духа доктора; не возстановилъ ее и непривычно тяжеловѣсный деревенскій завтракъ, и докторъ, кое-какъ подавивъ въ себѣ сердце за завтракомъ, тѣмъ съ большимъ облегченіемъ отводилъ теперь душу бранью, шагаль сибѣшными, не по росту мелкими шажками въ сторону, совершенно противоположную той, которую ему указалъ капитанъ, предлагая ему идти осмотрѣть только-что осмоленные невода.

Гиесъ едва поспѣвалъ за докторомъ, пропуская мимо ушей его брюзжанье и соображая, какъ бы завести съ нимъ разговоръ касательно обдуманнхъ имъ, Гиесомъ, за ночь плановъ.

Абрамъ Гиесъ любилъ приводить въ дѣйствіе обдуманные имъ наединѣ съ самимъ собою планы; но то были планы активныя, требовавшіе съ его стороны лишь открытой, быстрой распорядительности; теперь же весь планъ сводился пока на одни разговоры: едва ли удалось бы ему притомъ, въ случаѣ чего, и подобрать вѣскіе аргументы. Вся эта подготовка — Гиесъ это сознавалъ — расплывалась въ умѣ его невообразимымъ сумбуромъ при неожиданномъ направленіи, данномъ разговоръ докторомъ.

— И надо же было случиться такому дьявольскому навожденію — связаться съ бабами, когда на рукахъ неотложныя дѣла! — ворчалъ докторъ, не мало скандализируя такими рѣчами Гиеса, котораго, какъ истаго американца и въ тому же заворенѣлаго провинціала, даже и въ мужской компаніи воробила непочтительная ссылка на женщинъ. — Зналъ бы, что нарвусь на такое проклятое положеніе, вчера бы, ни на что не смотря, уѣхалъ въ городъ. Теперь же, раньше какъ черезъ часъ отсюда не убежусь, и — понятное дѣло — на полуденный поѣздъ опоздаешь.

— Добавочный захватите въ четыре часа, — равнодушно замѣтилъ Гиесъ; онъ не понималъ этой способности выпятиться изъ-за того, чего нельзя измѣнить, и въ то же время съ доса-

дою чувствовалъ, что самъ, будто по какому инстинкту противорѣчія, еще глубже уходитъ въ обычную свою раковину молчаливой сдержанности, которую ему такъ трудно бывало съ себя стряхнуть.

— Чорта ли мнѣ въ добавочномъ поѣздѣ, который ползеть черепашимъ шагомъ, когда послѣ шести часовъ ни души въ дѣловыхъ кварталахъ не сыщешь!

— Развѣ демократическій комитетъ не открытъ вечеромъ? — осязательно Гиксъ, не знаяшій за докторомъ иныхъ дѣлъ, кромѣ страпни на политической кухнѣ. Онъ давно звалъ доктора и не возмущался уже манерой того пересыпать свою рѣчь крѣпкими словами: хотя въ природномъ американцѣ онъ, конечно бы, того не потерпѣлъ. Гиксъ глубоко былъ убѣжденъ въ томъ, что крѣпкія слова составляютъ такую же неотъемлемую принадлежность каждаго иностранца, какъ и его индивидуальный носъ; что являются эти неподобныя рѣчи одною изъ многихъ особенностей, которыми, по самой природѣ вещей, надѣлены, какъ предохранительными клапанами, нервные, женоподобные организмы иностранцевъ, неспособныхъ, подобно американцу, за девятью замками, держать личныя разочарованія какъ въ области чувства, такъ и въ дѣлахъ.

— Не до комитета мнѣ въ городѣ дѣло, — отвѣчалъ тѣмъ временемъ докторъ: — надо еще множество всякаго люда повидать прежде, чѣмъ взвалить себѣ на плечи нашего носителя высшихъ традицій.

— Это вы про Мортонъ Ломакса опять?

— Про кого же еще мнѣ прикажете говорить? на что еще интереснѣе темы! — желчно, но не совсѣмъ логично отвѣчалъ докторъ. — Конвентъ — на носу; всѣ обѣщанія нѣмца-пивовара, насчетъ сдачи намъ съ рукъ на руки всѣхъ нѣмецкихъ избирательныхъ голосовъ, оказываются пуфомъ, а другого кандидата нѣтъ какъ нѣтъ!.. Съ Ломаксомъ, по крайней мѣрѣ, всѣ сѣверныя и южныя графства стѣной за насъ станутъ стоять. Одно имя его — хорошая кость на то, чтобы бросить ее, въ случаѣ чего, въ лагерь вашихъ „чистокровныхъ американцевъ“; а „невѣжественныхъ иностранцевъ“ — если вѣрить миссия Моррисъ — католическое духовенство подгонитъ въ-время въ строй, хоть и то надо сказать, что слова высокой покровительницы носителя фамильныхъ традицій требуютъ еще и сами по себѣ вѣскаго подтверждения... А въ городѣ бы я сегодня все съумѣлъ разузнать.

Хотя докторъ Кларкъ и презиралъ слегка Абрама Гикса за неповоротливость того въ дѣлѣ оцѣнки тонкихъ политическихъ

комбинацій, онъ все же зналъ, что далѣе Гивса во всякомъ случаѣ ни одно изъ его словъ не пойдетъ, и потому не стѣснялся говорить съ нимъ на-распашку.

— Дивитесь приходится, какъ это вы всякія пустыя бредни полоумной женщины въ расчетъ принимаете,—въ свою очередь, не безъ досады возразилъ Гивсъ.

— А какъ же иначе?—усмѣхнулся докторъ, чувствуя, какъ у него самого сердце отходитъ при видѣ досады флегматичнаго пріятеля: — на то мы, политическіе алхимики, и созданы, чтобы изъ пустыхъ рѣчей да толковыя дѣла учинять; да и то сказать — не на каждомъ шагу и у насъ попадаются такіе носители высокыхъ традицій.

Докторъ Кларъ за послѣдніе дни рѣшительно принялъ правиломъ съ торжественною важностью ссылаться на Ломакса какъ на „носителя высокыхъ традицій“; но при всемъ томъ было бы ошибочно предполагать, чтобы родословная Мортонна Ломакса, въ передачѣ миссисъ Флоренсъ Моррисъ, особенно повліяла на доктора. Онъ давно привыкъ выслушивать подобныя исторіи отъ старѣвшихся южанъ, цѣплявшихся обѣими руками за болѣе или менѣе сомнительныя фамиліныя преданія, не гнушаясь порою и дополнять ихъ тамъ, гдѣ они представлялись имъ недостаточно внушительными. И въ этомъ, какъ сдавалось доктору, руководились южане хотя и заглухавшей, но все еще тлѣющей въ нихъ искрой чисто американской сметки. Какъ часто говаривала миссисъ Моррисъ: „дайте вы этимъ пронырамъ-янки хоть мизинецъ рядомъ съ вами положить — они какъ разъ съ ногами къ вамъ на столъ залѣзутъ“... Что въ томъ была своя доля правды, съ тѣмъ не могъ не согласиться и докторъ, и потому онъ съ немалымъ, при случаѣ, интересомъ наблюдалъ, какъ пожилые южане, сознавая себя бессильными успѣшно состязаться съ сѣверянами на поприщѣ праектическихъ предпріятій и торговли, спѣшили взобраться на пьедесталь, хотя бы и заемный, но никакому состязанію не подлежащій; они инстинктивно чувствовали необходимость окруженія себя извѣстнымъ ореоломъ, лишь бы только сойти съ арены обычной жизненной борьбы, представлявшейся для нихъ непосильной, такъ какъ она обусловливала собою отрѣшеніе отъ взрощенныхъ многими поколѣніями предразсудковъ, отъ многихъ предвзятыхъ идей, возведенныхъ ими чуть ли не въ культъ. Отреченіе это еще было возможно для молодежи, поднявшейся со времени войны; въ старшихъ же оно представлялось чуть-чуть не вѣроотступничествомъ.

Критическое отношеніе въ этимъ претензіямъ южанъ тѣмъ

яче связывалось въ докторѣ Кларкѣ, что самъ онъ былъ происхожденія неоспоримо плебейскаго: не разъ рассказывалъ онъ и самой миссисъ Моррисъ о томъ, какъ бѣжалъ онъ, шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, изъ портняжной мастерской отца въ Эдинбургѣ, добрался въ штаты чуть ли не чистую сапогъ на океанскомъ пароходѣ, и много затѣмъ мѣсяцевъ проработалъ на нью-іоркскихъ и чарльстонскихъ довахъ, пока счастье не поблагоприятствовало ему выбраться изъ нужды и пробиться въ люди. Какой науки былъ онъ „докторомъ“, самъ Кларкъ никогда не упоминалъ, хотя никогда и не отказывался отъ навязаннаго ему временемъ и друзьями званія, обезоруживая любопытныхъ шуточнымъ завѣреніемъ того, что состоитъ докторомъ „трансцендентальнаго богословія“... Миссисъ Моррисъ почитала, однако же, болѣе умѣстнымъ вполне игнорировать довѣряемыя ей вульгарныя подробности дѣйствительнаго или легендарнаго прошлаго доктора, вѣчно прикидываясь, что забываетъ ихъ, и, принявъ давно за правило обращаться къ доктору Кларку, какъ къ единственному представителю въ ихъ кружкѣ класса англійскихъ патриціевъ, она полагала—и съ извѣстнымъ, надо сознаться, основаніемъ—что рѣдкій сынъ Великобританіи не польститса на шансъ пощеголять въ львиной шкурѣ родового аристократа; къ тому же ей и самой требовалось такого рода подставное лицо на амплу партнера для разыгрыванья безпрестанно ею измышляемыхъ партій, которыя всегда рассчитывались на моральное уничтоженіе „проходимцевъ-янки“ и на вещественныя демонстраціи ихъ полнѣйшей негодности.

XXXI.

Будь докторъ Кларкъ чистокровный шотландецъ, изъ тѣхъ, о которыхъ говорится, что имъ приходится „каждую шутку молотомъ въ голову вколачивать“, онъ, конечно, не оцѣнилъ бы юмора навязываемаго ему положенія „своего брата аристократа“. Но въ жилахъ доктора текла такая значительная доля ирландской крови, что онъ вполне поддавался соблазну извлекать изъ жизни столько забавы, сколько поставлялось обстоятельствами его сытой, богатой всякими пикантными эпизодами карьеры крупнаго политическаго заправилы. Потому-то онъ и не спѣшилъ теперь соглашаться съ пріятелемъ Гивсомъ, когда тотъ нетерпѣливо перебилъ его замѣчаніемъ, что лучше было бы для демократовъ страхнуть съ себя всѣхъ ихомъ поросшихъ южанъ и разъ навсегда спиной повернуться къ истасканнымъ распрямъ сѣвера и юга.

— Ну, нѣтъ, Гиксъ, этого не говорите: на этой дорогѣ еще много предстоитъ намъ богатыхъ призовъ, и республиканцы это прекрасно знаютъ; смотрите, какъ опытный политическій „вонъ боевой“, Шордэль, усердно подливаетъ масла въ огонь старыхъ распрей.

— Нельзя же брать Шордэла въ примѣръ: когда человѣку захочется въ президенты, онъ готовъ брата родного продать,—замѣтилъ Гиксъ, досадуя, что разговоръ все дальше отходитъ отъ цѣли.

— Кто же встрѣчалъ когда безкорыстіе въ политическихъ ходахъ и комбинаціяхъ? Личное честолюбіе не только вещь понятная сама по себѣ, но и вполне достойная: почему бы Грину, Грею, Брауну или вамъ хоть самимъ, наконецъ, не добиваться хотя бы и президентства, если припала охота на то?

Вотъ тотъ поворотъ, котораго съ самаго начала разговора добивался Гиксъ; онъ готовъ былъ ухватиться за случай и тутъ же сказать просившееся съ языка слово, но докторъ уклонился опять въ сторону.

— Въ томъ-то наша и бѣда, что мы готовы слушать всякую дрянъ, впадаемъ въ какую-то сантиментальность, ищемъ выдающихся людей; все это и связываетъ руки намъ—практичнымъ политиванамъ... Партія переросла отдѣльныхъ людей, ее теперь не согнуть на свой ладъ ни одному человѣку въ одиночку, вся сила въ организаціи... Чѣмъ—спрашиваю я васъ—тотъ же Ломаксъ не кандидатъ? Называя вещи по просту,—что намъ нужно, кромѣ вѣшалки, на которую бы навѣсить яркіе лоскутки годами освященныхъ „принциповъ“?

— Послушайте, Кларкъ: вы точно и не демократъ совсѣмъ; вѣдь это же нахальнѣйшій цинизмъ! въ толь у васъ не возьмешъ: дурачитесь вы, или нарочно топчете свою партію въ грязь.

— Зачѣмъ топтать въ грязь? Не для печати я теперь слова мудрости изрекаю. Съ принципами воскресныхъ школъ далеко не уѣдешь,—рѣшилъ Кларкъ, закуривая другую сигару и видимо возвращаясь къ обычному своему спокойствію, по мѣрѣ того, какъ онъ впадалъ въ любимую свою забаву—доказать то, что въ карманъ ему за словомъ не ходить, чтобъ разбить какой угодно доводъ, хотя бы самимъ имъ до той поры выдаваемый за непреложную истину.—Въ томъ-то и сила, Гиксъ, чтобъ пользоваться всѣмъ, что подъ руку ни подвернулось... Хорошо вамъ вести рѣчи о высочихъ принципахъ партіи, а на одной ногѣ принципы долго не простоишь...

— Право, послушать васъ, не зная васъ годами, подумаешь,

что вы и впрямь, Кларкъ, иностранецъ, который въ грошъ не ставитъ великихъ учреждений страны,—горячо возразилъ Гиксъ; его начинало положительно мутить отъ того, что онъ принималъ за фиглярство пріятеля, ему хотѣлось выбраться поскорѣе изъ болота, въ которое, казалось ему, тотъ его по уши окунулъ.

— А то какъ же? Понятно—иностранецъ: чѣмъ я не представитель европейской аристократіи?—отвѣчала докторъ съ обычной своей не то циничной, не то разсѣянной усмѣшкой, и добавилъ, безмятежно возвращаясь къ первоначальной своей темѣ:—Одного въ толкѣ не возьму: отчего это другой нашъ носитель фамильныхъ традицій, представитель великаго рода Ломаксовъ, такимъ идоломъ уродился... Казалось бы, и впрямь онъ изъ хорошаго рода.

— Съ которыхъ это поръ вы увѣровали въ качества людей хорошаго рода?—не безъ жолчи освѣдомился Гиксъ, вида, что разговоръ опять заходитъ въ непролазныя дебри.

— А какъ же не увѣровать? сама наука вѣдь о томъ гласитъ, что длинный рядъ сытыхъ, обеспеченныхъ, мало мыслящихъ, а потому вполне здоровыхъ предковъ, производитъ, соотвѣтственно тому, отборно-прекрасное потомство... Казалось бы, Ломаксы какъ разъ отвѣчаютъ этимъ требованіямъ: ихъ-то никакъ нельзя бы было заподозрить въ вульгарности—вѣдь они сюда что ни на есть въ избранномъ обществѣ переселились, чуть ли не намѣстниками королевскими числились.

— На что болѣе избраннаго общества: король Іаковъ чуть ли не съ 1619 года сталъ въ Виргинію преступниковъ изъ Англіи ссылатъ... Я самъ недавно читалъ.

— Конечно, вы не заподозрите, что и предки носителя...

— Время слишкомъ дорого, чтобъ надо всѣми слѣдствіе нарядать; а того, конечно, нельзя не признать, что довольно-таки у теперешняго Ломакса было предковъ, жившихъ паразитами невольничьяго труда и невольничьяго тѣла, какъ вѣрно говорить капитанъ, чтобъ выработать изъ этого потомка заправскаго скота и идіота...

Абрамъ Гиксъ не надѣленъ былъ талантомъ ошпыливать неприятныхъ ему лицъ окольными, цивилизованными путями, а это еще болѣе подстрекало доктора на забаву.

— Зачѣмъ же скота? зачѣмъ идіота? Въ этомъ вы, другъ Гиксъ, сознайтесь, слегка черезъ край хватили... Мортонъ Ломаксъ, позвольте вамъ доложить, далеко не идіотъ, а цѣнный, весьма даже цѣнный матеріалъ.

— Это въ смыслѣ политическаго строевого лѣса? — сквозь зубы процѣдилъ Гиксъ.

— А хотя бы и такъ?.. Всѣ эти бабы подвохи — въ сторону, — уже серьезно заговорилъ докторъ: — Ломаксъ все же былъ бы самымъ для насъ отличнымъ подставнымъ лицомъ; на немъ можно, хотя на время, примирить всѣ враждующія фракціи партіи: всякій вѣдь видный дѣятель почитаетъ себя ловчѣе Ломакса... Имъ и партизаны Карроля, и партизаны Уэйца будутъ удовлетворены; каждый станетъ собираться его руками жаръ загребать.

— Всѣмъ все равно не угодите: опять же всѣ перегрызутся.

— А какъ же иначе? тѣмъ политика и держится, что люди другъ другу, какъ собаки, изъ-за костей горло грызутъ, — замѣтилъ докторъ тономъ человѣка, изрекающаго вѣковѣчную истину: — да свалка когда-то еще настанетъ опять, а пока Ломаксъ извѣстенъ за рьянаго партизана, за демократа чистѣйшей воды; а это лучший у насъ теперь патентъ на популярность, съ той поры, какъ расплодилось столько политическихъ амфибій, фарисеевъ и клоуновъ... Знать только надо, какъ къ Ломаксу подступиться, а тамъ поручиться можно, что ни одного мѣста не останется за республиканцами: онъ ни на кого не посмотритъ, всѣхъ чисто вымететъ!.. Какъ насчетъ другого чего, а храбростью Ломакса Господь не обдѣлилъ: съ нимъ — губернаторомъ и духомъ политическихъ вертохвостовъ не запахнетъ... Избиратели это знаютъ, сэръ; знаютъ это и самоотверженные граждане, стремящіеся послужить отечеству на обогрѣтыхъ республиканцами мѣстечкахъ... а эти джентльмены, доложу вамъ, сэръ — лучшие у насъ работники, лучшія коленца въ нашемъ механизмѣ. Ха! ха! ха! ха!.. За Ломакса всѣ дружно работать стануть, зная, что за нимъ услуга не пропадетъ. Такъ-то, сэръ.

Гикса неприятно рѣзала эта непрощенная откровенность, будто на зло отбросившаго свою обычную профессиональную скрытность, пріятеля. Абраму Гиксу хотѣлось бы, вопреки всему, удержать свою вѣру въ то, что политическая „машина“ — лишь безвредное, времясберегательное приспособленіе, настоятельно требуемое ростомъ страны; ему не хотѣлось вѣрить въ то, что за дѣломъ „машины“ теряются дорогіе ему старыя демократическіе принципы: онъ готовъ былъ бѣжать отъ грязи, которую съ такою готовностью металъ передъ нимъ пріятель щедрыми комьями во всѣ стороны.

XXXII.

А докторъ тѣмъ временемъ все продолжалъ свои мечты вслухъ съ беззаботностью расщелавшейся канарейки.

— Посадить только Мортонъ Ломакса на красиваго коня, напустивъ на него передъ тѣмъ миссисъ Моррисъ, для вящаго возбужденія чувствъ—и Ломаксъ сойдетъ у насъ за первый сортъ... Особливо, если подстроить ему на первый разъ хорошенькую свацію, усыпать дорогу цвѣтами, подослать делегацію хорошенькихъ дѣвочекъ,—онъ и самъ себя скоро приметъ въ серьезъ... А увѣренность въ себѣ—сами знаете, Гиксъ—полпути къ побѣдѣ!.. Если обдѣлать дѣло какъ слѣдуетъ, такъ можно, пожалуй, самую его развинченность приписать его же трудамъ на пользу согражданъ.

Точно увлеченный блестящей картиной, нарисованной его фантазіей, докторъ остановился, спиною къ клену, и развелъ руками, чтобъ лучше представить триумфальное шествіе Ломакса; казалось, что при содѣйствіи послушнаго воображенія разгоралось и его рвеніе артиста по отношенію къ „субъекту“.

Но увлеченіе это лишено было, какъ видно, элемента заразительности: Гиксъ только презрительно опустилъ углы губъ книзу.

— Что же, въ добрый часъ: смѣлость, говорятъ, города беретъ.—Желчь, поднимаемая въ Гиксѣ профессиональными фантазіями пріятеля, наталкивала-было его на сарказмъ, но эта непривычная ломка себя тутъ же уступила въ немъ мѣсто неприкрашенному негодованію:

— Ну, а какъ вы, докторъ, полагаете—работя-то наши массы избирателей тоже поддадутся на вашу наслѣдственность пратцовскихъ доблестей и прочую выборную канитель? Какъ вы это на своихъ счетахъ владете: есть нашему голодному стачнику время или охота любоваться на гарцюющаго на конѣ сына знатныхъ родителей, котораго имъ прочать въ губернаторы?.. Хорошъ кандидатъ: дуракъ непроходимый!—Одна пуританская выдержка, казалось, удерживала Гикса отъ болѣе крѣпкаго слова:—чуть не ругавомъ человѣкъ сморкается, а его въ губернаторы штата прочать, гдѣ интересы сотенъ тысячъ людей изъ-за одного росчерка пера этого идиота могутъ затормозиться на цѣлые года!.. Понять я васъ, докторъ, порою не могу: подумать можно, эта безпутная миссисъ Моррисъ и васъ съ толку сбילה своею болтовнею о связяхъ съ родовитою знатію!..—И Гиксъ даже сплюнулъ въ сторону, не то что для облегченія набопившейся злости, а оттого, что, въ волненіи своемъ, неловко

распорядился зарядомъ табака за щекой, за что и приходилось расплачиваться.

— Всякому человѣку, другъ мой Гиксъ, лестно сопричислиться къ лику членовъ какого-нибудь герцогскаго дома, въ кузены махнуть въ какой-либо владѣтельной принцессѣ... Чего грѣха таить? — куда какъ человѣку это лестно!.. Не я ли вамъ только-что говорилъ: сама наука подтверждаетъ преимущества крови старѣйшихъ на свѣтѣ фамилій,—глазомъ не сморгнувъ, провозгласилъ Макфарланъ съ особымъ удареніемъ на словахъ: „сама наука“.

Но Абрамъ Гиксъ уже не слушалъ его: если докторъ задался цѣлью переполнить чашу Гиксова долготерпѣнья — все указывало на то, что цѣли достигъ онъ въ совершенствѣ. За послѣдніе дни непривычнаго для него отдыха въ деревнѣ Гиксъ принималъ такую дозу разговоровъ о „лучшихъ міра сего“, что теперь противъ этой пищи готова была возмутиться сама физическая натура его.

— Что же, чортъ побери, сэръ! — разразился онъ, наконецъ: — какъ полагаете вы, сэръ: нашъ-то братъ, американецъ, пробившійся въ люди своимъ честнымъ трудомъ, своею никакою ученой мудростью неначиненной башкою, ему то, что-жъ, такъ назадахъ и оставаться? Нашему-то брату, не забывшему родной кузницы, родного прилавка, ему такъ вы и прикажете, сложа руки, сидѣть, радуясь на то, какъ приплыли изъ-за моря невѣжественныя толпы законы намъ здѣсь свои предписываютъ, какъ своего же брага, голыша неоперившагося, разные говоруны вяжутъ, рѣжутъ, четвергуютъ да по фунтикамъ продаютъ, тогда какъ дѣлами завѣдуютъ идиоты стариннаго рода, играя въ руку тѣмъ же...

— Тѣмъ же политиканамъ, хотите вы сказать? — вполне равнодушно подсказалъ докторъ.

Но расходившагося Гикса не подрѣзала и эта податливость. Тяжелая на подъемъ кровь его, видимо, разыгралась не на шутку: рѣзко очерченныя ноздри правильнаго носа раздувались, небольшіе сѣрые глаза говорили сами за себя, угловатая скулы обозначились еще рѣзче обыкновеннаго, и все лицо, незамѣтное въ своей обычной невзрачности, преобразилось, — даже росту, казалось, Гиксу прибавилось, когда онъ подошелъ ближе къ прислонившемуся спиною къ дереву доктору и, ухвативъ его за петлицу его сѣраго пиджака и неистово грозясь, въ тактъ словамъ, прямоугольнымъ своимъ плоскимъ указательнымъ пальцемъ, заговорилъ, самъ уже не помня какъ.

— Политиканы тамъ или не-политиканы, а сущность дѣла

въ томъ, что мерзости такой никакъ допустить невозможно! Чѣмъ всей этой иностранной оравѣ выю подставлять, я скорѣе самъ выступлю кандидатомъ въ губернаторы, партію на-двое раскрою, а ужъ не допущу избранія вашего „сына родовитой фамиліи“... Такъ-то, сэръ: я хоть и простой Абрамъ Гиксъ—сынъ деревенскаго кузнеца и лавочника—пожалуй, что я и имени родного дѣда не знаю,—а все же почитаю себя не въ примѣръ лучше вашего представителя лучшихъ семей, и что болѣе того: не боюсь я въ томъ передъ всѣмъ свѣтомъ сознаться... — Самъ ли голосъ Гиксы оборвался, или сказать ему ужъ больше было нечего, но онъ остановился такъ же внезапно, какъ и наступилъ, и пытливо взглянулъ на политическаго „мага и чудодѣя“.

Но докторъ только брови поднялъ вверхъ, будто принимая чтò къ свѣденію, и протяжно просвисталъ въ отвѣтъ; онъ давно выработалъ въ себѣ талантъ не выдавать своихъ впечатлѣній иначе какъ по расчету, и шелъ теперь рядомъ съ пріятелемъ, выгадывая время, съ такимъ, однако же, видомъ, будто ничего особеннаго не произошло.

Мысль о кандидатурѣ самого Гиксы мелькнула въ чреватой планами головѣ политика, лишь только проявился въ томъ жаръ обсуждения не особенно его прежде занимавшаго политическаго положенія; направить Гиксы на рѣзкія заявленія не стоило, затѣмъ, доктору никакого труда, и теперь Абрамъ Гиксъ, перескочивъ на всемъ скаку на ту самую позицію, къ которой все утро подбирался, не переставая застѣнчиво ее избѣгать, мчался впередъ со стремительностью нравной лошади, закусившей удила.

— Конечно, васъ, докторъ, удивляютъ такія претензіи со стороны такого простаго человѣка, какъ я... Вы, можетъ быть, думаете, что Абрамъ Гиксъ это такъ, вотъ тутъ, на мѣстѣ вздумалъ, да и сбрухнулъ... Такъ нѣтъ же, сэръ! Абрамъ Гиксъ много объ этомъ думалъ, — торопливо настаивалъ Гиксъ, спѣша высказаться, будто для того, чтобъ сложить съ себя томительную, заплонившую его умъ, обузу: — Абрамъ Гиксъ усталъ смотрѣть на все это „процѣживанье людей“, усталъ слушать и рѣчи присяжныхъ шатуновъ; душу воротить ему оттого, какъ ваши премудрые законодатели проваливаютъ всѣ мало-мальски осмысленные билли; Абрамъ Гиксъ—американецъ, сэръ, и ему прискучило глядѣть, какъ распоряжаются у насъ эти грибы, взрощенные на европейскомъ навозѣ, отъ котораго вы сами бѣжите, позатынувъ носы,—вы, разные социалисты и анархисты, которые лѣзутъ учить природнаго американскаго рабочаго, а сами и мизинца его не стоятъ!.. Да, сэръ. Еще тогда, при пріемѣ той рабочей депутаціи,

больнуло меня въ самое сердце сознаніе того, что ничѣмъ-то нашъ братъ помочь имъ не можетъ... И въ чему же тогда всѣ наши деньги, коли ничего путнаго на нихъ подѣлать нельзя?

— Почему нельзя: вывалите хорошенькій кушъ на расходы по выборамъ—вотъ мы и понасадимъ своихъ людей, хорошихъ демократовъ, по всѣмъ мѣстамъ.

— Рѣшетомъ лучше воду, сэръ, носить, чѣмъ кровныя денежки на этотъ предметъ отдавать! Испробовали мы этихъ средствъ: правъ капитанъ—никакого толку отъ этого чесанья языкомъ въ законодательныхъ палатахъ не бываетъ... Повѣрьте мнѣ: сколько на то денегъ ни клади—все по прежнему останется... И въ чему, подумаешь, тогда было власть на работу столько силы? Къ чему было отказывать себѣ во всемъ, если самому же, наравнѣ съ остальными, червемъ придется на дорогѣ пресмыкаться, чтобъ топтала тебя какая-то приплая скотина, а не то и родовитый идиотъ, или проходимецъ какой, снюхавшійся съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобъ кожу драть съ того, кому времени нѣтъ брыкаться.

— Пожалуй, что и такъ—на то и деньги, чтобъ всего, что хочешь, ими добиваться, — какъ-то на-двое согласился докторъ. — А не насъ ли это изъ дома зовутъ? Мы съ вами и впрямь, Абрамъ Гиксъ, до чортиковъ договорились!—И докторъ спѣшно повернулъ къ дому, гдѣ дамы стояли на верандѣ уже въ шляпкахъ, готовые сѣсть въ экипажъ.

На виду у всѣхъ, понятно, нельзя было продолжать разговора, но не сожалѣлъ объ этомъ самъ Гиксъ. Онъ радъ теперь былъ, что высказался; но досадно было, что пришлось высказать свои завѣтныя мысли доктору Кларку послѣ всей циничной болтовни того о закулисныхъ соображеніяхъ политиванъ.

А между тѣмъ воспоминаніе объ этой самой циничной болтовнѣ не разъ побуждало доктора съ довольствомъ потирать свои бѣлыя, выхолонныя руки въ теченіе послѣдующихъ дней, когда „магъ и чудодѣй“ припоминалъ, какой сдѣлалъ онъ искусный ходъ этою самою праздною болтовнею.

Конечно, докторъ и мысли той не допускалъ, чтобъ детали его профессіи могли въ какомъ-нибудь разумномъ человѣкѣ возбуждать отвращеніе. Пріятель Гиксъ — не болливъ, а если станеть онъ потомъ отъ иныхъ вещей носъ воротить, —думалось практичному доктору, — то отойдетъ, какъ припомнить, каковы были шансы идиота Ломакса... Не будетъ и отговорокъ потомъ, что не зналъ младенецъ, въ какое болото затѣвъ...

Менѣ практичный политикъ испугался бы, пожалуй, включомъ бившей въ Гиксъ безыскусственной честности; другой отшатнулся

бы отъ стремленія Абрама ограждать во что бы то ни стало интересы трудового, близкаго ему люда; многіе, очень многіе, побоялись бы ожечься на такомъ ретивомъ кандидатѣ. Но докторъ Кларкъ давно привыкъ постановлять діагнозисъ подобнымъ острымъ патологическимъ уклоненіямъ въ тѣхъ живыхъ пѣшвахъ, которыми производилъ свои ходы на политической шахматной доскѣ, и зналъ, какъ не надолго хватаетъ этого юношескаго пыла, этого рвенія тамъ, гдѣ приходится не драконовъ одолѣвать, а отводить отъ себя ежеминутные булавочныя уколы.

XXXIII.

Обратный переѣздъ къ отелю состоялся безъ всякихъ приключеній, только Магги отказалась сѣсть на кѣзлы, — и такъ рѣшительно настаивала на томъ, будто она боится посвѣжѣвшаго вѣтра, что никто этой причинѣ не повѣрилъ. Впрочемъ, миссисъ Альва Флинтъ охотно заняла мѣсто, предложенное-было Магги рядомъ съ Гиссомъ: ей еще надо было разспросить своего новаго кузена о разныхъ деталяхъ, касательно эксплуатаціи въ западныхъ штатахъ артезіанскихъ колодцевъ, на которые Абрамъ Гиссъ когда-то скупилъ, по случаю, патентъ: дѣло это было слишкомъ вопотливое по связаннымъ съ нимъ многочисленнымъ мелкимъ тяжбамъ, и Гиссъ охотно предоставилъ свой патентъ въ пользованіе предприимчивой миссисъ Альвы, въ видѣ заслуженной дани ея энергіи и дѣловитости, которыя, надо сказать, Абрамъ Гиссъ высоко въ ней цѣнилъ.

Этой маленькой аферой съ артезіанскими колодцами миссисъ Альва рассчитывала поддержать себя приличнымъ образомъ — что по ея понятію означало вдоволь карманныхъ денегъ и элегантныхъ туалетовъ для продолжительныхъ посѣщеній домовъ богатыхъ и вліятельныхъ друзей, постоянно приглашавшихъ ее гостить у себя; ей нужно было поддержать себя до той поры, когда, по расчетамъ, до нея въ числѣ первыхъ дойдетъ черезъ Ломакса вѣрное извѣстіе о выходѣ изъ сената Магона, а только благодаря его политикѣ и держатся облигаціи Западной Виргиніи въ такой низкой цѣнѣ. При такомъ же извѣстіи, ей и какого-нибудь часа времени (думалось миссисъ Флинтъ) будетъ за глаза достаточно на то, чтобы скупить кипу обезцѣненныхъ бумагъ и перепродать ихъ, лишь только онѣ быстро стануть подниматься въ цѣнѣ при распространеніи извѣстій объ отставкѣ сенатора Магона — главной опоры партіи, отказавшейся платить долгъ штата, представляемый этими

бумагами. Планъ этотъ былъ весьма широкій, но въ ожиданіи богатства, которое тогда придется ей загрести въ одинъ день, практичная Альва Флинтъ не отворачивалась и отъ перспективы болѣе скромной наживы — путемъ артезіанскихъ колодезѣвъ.

По возвращеніи маленькаго общества въ отель, всѣ согласились, что миссисъ Флинтъ права, говоря, что повѣрить трудно, будто выѣхали они изъ него всего наканунѣ, и притомъ не имѣя въ виду ничего, кромѣ вечерняго недалежнаго катанья.

Слова отзывчивой на впечатлѣнія Альвы Флинтъ относились, конечно, лишь къ внѣшнему виду вещей, при вступленіи ихъ въ отель, оставленный всѣми заѣзжими мужчинами при первомъ признакѣ прохлады наступившаго хмураго дня: но тѣмъ временемъ и каждый изъ нихъ въ своемъ собственномъ „я“ сознавалъ, что только-что пережитые ими немногіе часы оставили на нихъ самихъ долговременный слѣдъ; каждый изъ нихъ — развѣ что за исключеніемъ самой миссисъ Альвы — ощущалъ наплывъ на себя новыхъ, непредвидѣнныхъ впечатлѣній: каждый — будто дочель листъ книги до конца, и спѣшилъ перевернуть страницу.

Да и въ самомъ отелѣ на все точно надвинулась тѣнь сѣренькаго денька, смѣнившаго собою жару прошлой ночи. Миссисъ Моррисъ любила звать себя барометромъ — и тѣмъ, разъ навсегда, утвердила за собою невозбранное право проявлять въ неприятную погоду сѣвернѣйшее расположеніе духа.

Не обманула бы и тетьа Флора ничѣмъ ожиданій на этотъ счетъ: въ это хмурое полуденное время, она, желтая, вся съезжившаяся, въ самомъ старомъ изъ своихъ старыхъ платьевъ и съ головой, повязанной старымъ синимъ вуалемъ, сидѣла въ углу верхней веранды и поспѣшила спустить вуаль на лицо при первомъ взглядѣ на коляску, беззвучно подвигавшуюся черепашьимъ шагомъ по зыбкому песку, повернувъ со взморья. На колѣняхъ ея лежала толстая переплетенная тетрадь — почти-что книга, рѣдкій листъ которой не носилъ на себѣ слѣда ножницъ и не былъ точно узорамъ вырѣзанъ и по срединѣ, и съ боковъ.

Цѣлое утро провела миссисъ Моррисъ въ перелистываніи своего стараго дневника, веденнаго ею во время захватившей ее въ Чарльстонѣ осады этого города федеральной арміей и флотомъ. Воспоминанія молодости, навѣяанныя на нее пересмотромъ этихъ замѣтокъ, набросанныхъ когда-то въ пылу сильныхъ ощущеній, подъ влияніемъ тяжелыхъ лишеній военнаго времени — когда и въ ней самой, по молодости, было болѣе мѣста отвлеченнымъ, а иногда и самоотверженнымъ интересамъ — пробудило въ ней острое сознаніе того, какъ чужды ей теперь прежнія

чувства, какъ много уже у нея годовъ и испытаній позади и на какую, сравнительно, малость приходится ей, по законамъ природы, рассчитывать впереди. Но не въ характерѣ тети Флоры было переворачивать себѣ въ сердцѣ ножъ сознанія невозвратимыхъ упущеній, невознаградимыхъ утратъ: подвижная природа наталкивала ее на какое ни на есть дѣло, за которымъ затерлись бы неприятно ярко выступавшіе изъ чтенія дневника выводы; и дѣло такое нашла она себѣ тутъ же на мѣстѣ, принявшись самымъ вандальскимъ образомъ вырѣзывать изъ цѣннаго по своей искренности дневника всѣ тѣ мѣста, которыми прямо или косвенно опровергалась давно ею сплетенная — для повседневнаго среди знакомыхъ обращенія — исторія ея прежняго богатства, аристократичности и всяческаго великолѣпія.

— И зачѣмъ, — разсуждала она, — было кому-нибудь знать, что претерпѣла она за тяжелое время осады, то выгадывая штанишки или чулки для своего маленькаго Стивена, изъ удѣлѣвшихъ еще своихъ обносковъ, то изоцряя всю свою дипломатичность, чтобы назваться на настоящей обѣдѣ къ главнокомандующему генералу Борегару, или же раздобыться провизіей и обувью, благодаря Бога послѣ каждой удачной фуражировки, хотя бы съ прекращеніемъ подвоза товаровъ приходилось за все платить неимовѣрныя деньги. Зачѣмъ кому знать — какую незначительную, въ сущности, роль играла она, по молодости своей, въ политическихъ интригахъ того времени; какъ мало, по глупости своей, пользовалась своимъ частымъ, за тѣ времена, общеніемъ съ видными дѣятелями той эпохи; какъ часто выносила оскорбленія отъ тѣхъ изъ своихъ же сестеръ-южанокъ, которыя почему-нибудь почитали себя выше ея; какъ часто обливалось, за эту тяжелую пору, кровью ея собственное сердце, то отъ собственной безотчетной ревности, то отъ дѣйствительныхъ измѣнъ и равнодушія къ ней любимаго мужа и прежнихъ друзей, на которыхъ, казалось бы, могла она понадѣяться?..

Правда, — тотъ же подробный дневникъ разомъ и навсегда опровергъ бы всѣ слухи, ходившіе касательно ея, будто бы, пикантныхъ сношеній съ лидерами южной конфедераціи и тѣхъ средствъ, которыми она, при красотѣ своей, умѣла, будто бы, заставлять ихъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ... На мѣсто этой пикантной картины болѣе или менѣе предосудительныхъ шалостей свѣтскихъ повѣсь съ водившей ихъ всѣхъ за носъ безсердечной кокеткой — дневникъ представилъ бы, пожалуй, старую-престарую, всѣмъ людскимъ обществамъ равно извѣстную исторію помятаго сердца, обманутаго довѣрія, разбитыхъ надеждъ...

— Какъ знать,—думалось теперь миссисъ Моррисъ:—кому могъ современемъ попасться этотъ предательскій дневникъ, столь явно свидѣтельствующій о томъ, какъ мало, въ сущности, выпадало на ея долю того баловства и ухаживанья среди конфедератовъ того самаго времени, на которое она со вздохомъ привыкла ссылаться вотъ уже десятка два лѣтъ, говоря, что неудивительно, если она капризна, неудивительно, если она прихотлива: ее такъ избаловали за время войны джентльмены-южане... Изъ дневника стало бы видно, сколько, напротивъ того, выпало на ея долю нравственныхъ пинковъ и осадокъ, какъ кратковременна была популярность, заслуженная ею тѣмъ эпизодомъ, когда она такъ хитро съумѣла заставить самихъ офицеровъ федеральной арміи пронести вслѣдъ за нею, черезъ кордонъ федеральныхъ аванпостовъ, провезенный ею контрабандою изъ Парижа, богато вышитый тамъ, на заказъ, флагъ для мятежной южной конфедераціи... Путемъ множества другихъ нежелательныхъ разоблаченій дневникъ этотъ, чего добраго, могъ бы установить за нею ренутацію женщины фактически даже нравственной, упрочить за нею славу сравнительной безупречности, то-есть вывести ее на самый порогъ мѣщанской посредственности!..

Какъ давно позабытые мертвецы въ саванахъ, потянулись передъ миссисъ Моррисъ цѣлыя вереницы навѣянныхъ дневникомъ благополучно позабытыхъ лицъ, запаматованныхъ неприглядныхъ происшествій, — и все быстрее и энергичнѣе работали въ ея рукахъ ножницы.

XXXIV.

— Послушайте, тетя Флора, не безобразіе ли такъ уродовать свои записки!.. Любой издатель далъ бы вамъ хорошій кушъ денегъ, чтобы напечатать ихъ теперь, когда наступила такая мода на всѣ эти мемуары изъ военнаго времени, — разсудительно замѣтила, наконецъ, между двумя зѣвками, Эльза Стромъ, давно наблюдавшая, поверхъ французскаго романа, который держала въ рукахъ, за странными дѣйствіями тетки.

— За кого же вы въ самомъ дѣлѣ меня принимаете! — чуть не съ крикомъ обрушилась на нее, въ отвѣтъ, тетя Флора, будто та и впрямь предлагала ей преступленіе: — удивительно, какъ сильна въ васъ струя отцовской торгашеской крови!.. Будьте увѣрены, миссъ Эльза, что я-то ужъ не стану у васъ справляться о томъ, что предписываетъ мнѣ долгъ... Было бы

чистымъ предательствомъ оставить эти записки въ ихъ настоящемъ видѣ: мнѣ слишкомъ многое довѣрвалось изъ тайныхъ плановъ южныхъ лидеров — было бы безчестно рисковать тѣмъ, чтобы сообщенія эти могли попасться на глаза предубѣжденнаго человѣка... Дневника этого было бы достаточно, чтобы измѣнить все, что писали эти тупые сѣверные историки объ южной арміи... Продать мой дневникъ! Этого еще недоставало!.. Я золотыхъ горъ не возьму, чтобы отдать его на поруганье этихъ плебеевъ янеи!

Приближеніе коляски положило конецъ разговору, начинавшему уже скользить по крутому обрыву на торную дорожку семейныхъ перебранокъ, хотя совсѣмъ не въ обычай было у тети Флоры ссориться съ собесѣдникомъ, когда никого не было другого подъ рукой, на кого можно бы, въ видѣ демонстраціи, перенести свои усугубленныя ласки и любезность: потому, будучи предоставлены самимъ себѣ, Эльза съ тетей Флорой обошлись за прошлыя сутки настолько гладко, насколько доступно то было ихъ непокладистымъ натурамъ. Уступки—надо, впрочемъ, замѣтить—всѣ шли со стороны тети Флоры, которая съ мужествомъ стойка выносила насмѣшки племянницы надъ тѣмъ, какъ „совалась“ тета Флора всюду за новостями, какъ „записалась въ сидѣлки въ презрѣнной милліонеркѣ Сноббсъ“, какъ сбила съ ногъ всю отельную прислугу, рассылая ее, съ рѣшительнымъ видомъ отвѣтственнаго полководца—кого за горчицей, кого—за льдомъ, а кого—и за сосѣдней негрятяжкой-знахаркой. Не стоитъ, понятно, и говорить, что послѣднее было сдѣлано не потому, чтобы вѣрила въ знахарокъ сама тета Флора—хотя и ей случалось порою, по старой привычкѣ, бросать черезъ плечо щепотку просыпанной соли—но единственно по настоянію этой необразованной старухи Сноббсъ.

Но если тета Флора молчаньемъ могла обходить дерзкія рѣчи Эльзы съ глазу на глазъ съ ней, она отнюдь не намѣрена была ей спускать того же въ присутствіи Магги. А съ рассказомъ своимъ о хлопотахъ тети Флоры съ миссисъ Сноббсъ Эльза выступила чуть ли не съ первыхъ словъ, при видѣ непривычно растеряннаго взгляда и утомленнаго личика Магги, лишь только та поднялась на веранду. Очевидно, что съ сестрой случилось что-то неладное: а отъ этого, думалось Эльзѣ, слѣдовало какъ можно скорѣе отвести глаза любопытной тети Флоры.

— Куда тамъ нашей Альзѣ! — расписывала Эльза дѣянія тетки передъ сестрой:—тета Флора ее совсѣмъ за поясъ заткнула, дѣлая припарки старой Сноббсъ и растирая ее вдоль и поперекъ...

— Совсѣмъ и не растирала, — наотрѣвъ было отказалась теть Флора. — А еслибы и такъ?

— Не стыдно ли вамъ, теть Флора? не васъ ли мы всѣ видѣли, какъ вы всю ночь блуждали по лѣстницѣ съ припарками.

— А хотя бы и растирала — тебѣ-то что до того? Захожу я — и негра стану растирать, не то что старую Сноббсъ... Не умирать же человѣку отъ недостатка ухода... А ужъ съ Альвой вашей просила бы васъ меня не ровнять: она поясницу старому грѣховоднику Роджерсу растираетъ, выпытывая у него биржевые секреты, и въ то же время съ Мортонемъ Ломаксомъ нѣжничаютъ, чтобы тотъ, растаявъ, вводилъ ее въ хорошіе дома.

Трудно было и предусмотрѣть, до какихъ скандальныхъ навітовъ могла теть Флора дойти въ потокѣ своихъ изобличеній ненавистной ей за послѣдніе дни Альвы Флинтъ, еслибы Эльза не поспѣшила увести сестру въ домъ, изъ опасенія того, чтобы языкъ тети Флоры не нажилъ и имѣ опаснаго врага въ Альвѣ Флинтъ. Что же касается до тети Флоры, то она ничѣй на свѣтѣ вражды не боялась, и рада была обрушиться на кого бы то ни было, лишь бы сорвать зло на неуязвимой Эльзѣ.

Несмотря на внушительную батгарекъ собранныхъ у ея постели бутылокъ подрѣшительныхъ и прохладительныхъ питей и всяческихъ „деликатессовъ“, миссисъ Сноббсъ все же не заполонила всецѣло сердца миссисъ Моррисъ, и это проявилось тутъ же на дѣлѣ, когда теть Флора съ ледянымъ равнодушіемъ замѣтила, что старая Сноббсъ обойдется и безъ ея помощи, если захочетъ по нѣсколькѣ дней валяться въ постели; а затѣмъ, припрятавъ на дно своего сундука свой завѣтный дневникъ, теть Флора быстро уложила всѣ свои пожитки и объявила, что возьметъ первый поѣздъ въ городъ, куда ее требуютъ по неотложному дѣлу письмомъ, которое ей только-что принесъ изъ конторы Стивенъ.

Настоятельнаго, въ сущности, въ письмѣ томъ — отъ Мортоня Ломакса — не было ровно ничего, если не принимать въ расчетъ общаго минорнаго его тона, не предвѣщавшаго со стороны полковника никакой энергіи въ направленіи своей выборной кампаніи. Конечно, миссисъ Моррисъ нимало въ томъ не сомнѣвалась, что, повидавъ друга Мортоня, она его мигомъ наэлектризуетъ собственнымъ энтузіазмомъ. Но, ставшая давно хроническою, пустота кошелья стала и ее исподоволь приучать къ экономіи, и теть Флора дважды бы привинула умомъ, прежде чѣмъ рѣшилась тратиться на поѣздку въ городъ, еслибы не сообразила, что, собравшись заодно съ увѣжавшими на четырехчасовомъ поѣздѣ

Гиссомъ и докторомъ, она не только прокатится даромъ, но и съумѣетъ, конечно, извлечь ту или другую выгоду и для своихъ видовъ изъ того или другого изъ своихъ спутниковъ. „Стоить лишь припереть ихъ къ стѣнѣ хорошенько“, — разсуждала теть Флора, опираясь на опытъ прежнихъ лѣтъ: — „изъ нихъ тогда хоть веревочки вей: все на свѣтѣ общать готовы!..“

Съ присущею ей часто птичьей легкомысленностью, расчеты миссисъ Моррисъ рѣдко заходили дальше благъ ближайшаго будущаго: любя искусство для искусства, она готова была „припереть къ стѣнѣ“, какъ выражалась она, самыхъ ей нужныхъ и дѣльныхъ людей изъ-за интересовъ перваго встрѣчнаго шалопаю, нимаю не принявъ того въ расчетъ, что, выгадывая пустяжную услугу, она отталкиваетъ при этомъ и отъ себя, и отъ сына, весьма полезныхъ и вліятельныхъ людей. Знать объ томъ и Стивенъ Моррисъ; но, конечно, и это неспособно было подорвать слѣпое его преклоненія передъ „геніальностью матери“, о которой наслушался онъ съ малыхъ лѣтъ.

XXXV.

Эльза Стромъ сама слышала, какъ отданъ былъ приказъ запрягать лошадей для уѣзжавшихъ. Стояла она на самомъ сѣвоникѣ, въ дверяхъ корридора, ведущаго на внутреннюю лѣстницу съ верхней веранды; но, несмотря на рискъ поплатиться грознымъ приступомъ стараго своего врага, невралгій, миссъ Эльза оставалась какъ солдатъ на часахъ — не трогаясь съ мѣста, не рѣшаясь даже себѣ въ комнату сбѣгать за теплой косынкой.

Чувство долга было чуть ли не основною чертою характера Эльзы Стромъ: а въ настоящую минуту она тѣмъ настойчивѣе ухватилась за исполненіе того, что почитала своимъ долгомъ по отношенію къ семьѣ, видя, что теперь долгъ этотъ усложнялся еще и другими обстоятельствами. Слишкомъ многимъ уже поступилась гордость миссъ Эльзы для того, чтобы закрѣпить за семьей долю миллионновъ Гисса, — а уступками и жертвами люди, извѣстное дѣло, связываютъ себя по рукамъ и ногамъ, лишаются послѣдняго остатка свободы воли, — словно кровью подписываютъ съ дьяволомъ уговоръ.

Магги, почти надрываясь рыданіями отъ жалости къ самой себѣ и досады на весь Божій міръ вообще, успѣла уже передать сестрѣ свою неудачную вылазку прошлаго вечера и чуть-чуть что не прямой отказъ Абрама надѣлать ее, Магги, именемъ „Гиссъ“ и

милліонами его. Магги передала сестрѣ все безъ утайки: вѣдь не опрометчивое увлеченіе вызвало ее на этотъ рѣшительный ходъ, а часть сообща ими выработаннаго, важнаго предпріятія. Но не всегда — особенно у дамъ — объясненія ведутъ къ уясненію вещей. На слѣдующемъ военномъ совѣтѣ сестеръ, понесенный Магги уронъ какими-то судьбами былъ приписанъ тупоумію Абрама Гикса, не взявшаго въ толкъ своего счастья, и рѣшено было теперь же попытать счастья еще разъ, такъ какъ отъѣздомъ Гиксъ не замедлитъ, а тамъ когда-то еще попадетъ онъ при такой удобной обстановкѣ.

Сама преданная Эльза вызвалась сторожить подходъ съ лѣстницы на веранду, въ углу которой стояла заплаканная Магги въ ожиданіи прохода мимо нея Абрама Гикса, довершавшаго свои сборы въ комнату, выходящей на эту самую сторону веранды. Эльза, съ своей стороны, готовилась задержать разговоръ всякаго, кто бы ни явился наверхъ, и дать тѣмъ временемъ сестрѣ случай подвести счеты свои съ Гиксомъ. Преданность Эльзы Стромъ до извѣстной степени вознаграждалась уже и тѣмъ, что — съ ея обсерваціоннаго пункта — если и не видно было сестры, зато не могло миновать ее ни единое ея слово.

— Магги! да вы простудитесь здѣсь! — обратился къ той Абрамъ Гиксъ, выходя, наконецъ, изъ своей комнаты и неся въ каждой рукѣ по тяжелому дорожному мѣшку: — у васъ даже и на плечахъ ничего нѣтъ; вѣтеръ не съ моря, а у насъ вѣдь не май, а ужъ октябрь на дворѣ.

— Мнѣ все равно, все равно!.. Ну, простужусь я, умру я — не все ли равно?.. Только мѣсто болѣе полезной особѣ очисти: хотя бы той же Далія Сноббсъ. Вѣдь я такое ничтожество, такая игрушка — никому вѣдь я пользы не приношу... никакихъ во мнѣ нѣтъ талантовъ!.. — страстнымъ порывомъ посыпались на Гикса градомъ, въ отвѣтъ, прерывающіяся слова Магги: она искренно сознавала себя въ эту минуту ни въ чемъ неповинной жертвой злостной судьбы.

— Полноте, Магги, зачѣмъ же такъ въ сердцу все принимать? Вы сами знаете, что я скорѣе себѣ руку отрублю, чѣмъ подумаю васъ оскорбить: конечно, вы игрушка — вамъ себя не передѣлать; да и передѣлывать васъ было бы безбожно; всегда вы и останетесь — красивая, милая, хрупкая игрушка; не всѣмъ же на свѣтѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ! не повторяйте вчерашняго, мистеръ Гиксъ!.. Довольно съ меня и одной дозы — не бойтесь, я все прекрасно запомнила; я никому на свѣтѣ не нужна, — никто меня любить

не может, и я никого любить не могу—да! я кокетка—бездушная кокетка... я...—И натянутые съ утра нервы Магги снова не выдержали напряженія: она — въ вѣщшемъ ужасу Абрама Гикса — залилась горькими слезами, закрывъ свое хорошенькое, хотя и до пятенъ уже наплаванное личико. Подъ вліяніемъ долгихъ, настойчивыхъ и готовыхъ теперь, казалось, туманомъ разлетѣться надеждъ, Магги въ эту минуту дѣйствительно представлялось, что она любитъ Абрама Гикса, а что онъ зло издѣвается надъ ея чувствами.

Не будь въ это время у Абрама Гикса по мѣшку въ каждой рукѣ — никакой ангель-хранитель не уберегъ бы его отъ искушенія обнять стройный станъ дѣвушки, вся красивая фигурка которой сотрясалась теперь страстными рыданьями. Но, поставивъ мѣшки на полъ, Абрамъ Гиксъ почувствовалъ, какъ отекли, одеревенѣли его руки: не вдругъ возвратилась къ нимъ обычная гибкость, а къ тому времени и рассудокъ успѣлъ взять верхъ надъ минутнымъ затмѣніемъ... „Смотрите—не наживите вы еще себѣ процесса объ убыткахъ по нарушенію обѣщанія жениться или по развитію дѣвичьяго сердца!“—припомнились ему тутъ, дразня его и отрезвляя, шутивно-насмѣшливыя слова миссисъ Флинтъ, сказанныя ему всего нѣсколько часовъ тому назадъ, когда эта лѣди, своею искусною панибратскою уловкою, вынудила у него сознаніе въ томъ, что онъ и не помышлялъ ухаживать за Магги или—что въ его глазахъ было то же—жениться на ней. Безтавтность Магги на фермѣ уже открыла миссисъ Альвѣ глаза на то, что той не словить миллионера Гикса, какъ она о томъ ни старайся: почему же ей самой не попытать счастья тамъ, гдѣ сорвалось у неопытной Магги Стромъ?..—конечно, не на матримоніальномъ поприщѣ: мистеръ Флинтъ былъ живъ и здоровъ, хотя и пилъ горькую, пропадая у жены изъ вида цѣлыми мѣсяцами и даже годами; правда, развода можно было легко добиться, съѣздить только и пожить немного въ Коннектикутѣ; но миссисъ Альва слишкомъ дорожила своей свободой и къ тому же полагала, что отъ Гикса какъ пріятеля, можно большимъ, пожалуй, поживиться, чѣмъ отъ Гикса какъ мужа, не поступаясь притомъ рѣшительно ничѣмъ съ своей стороны.

И мѣткія слова миссисъ Флинтъ—будто вскользь, со смѣхомъ брошенные новообрѣтенному ею „кузену“ — несомнѣнно упали на тучную почву. Не то чтобы Абрамъ Гиксъ былъ подозрителенъ по природѣ,—совершенно напротивъ того. Онъ искренно почиталъ Магги неспособной на интригу, но продолжалъ смотрѣть на нее какъ на ребенка, преувеличивалъ вліяніе на нее семьи,

а главное—ненавистой ему тетки Флоренсъ, которая, казалось Гиксу, не постоятъ за тѣмъ; чтобы сорвать круглый кушъ съ кого бы то ни было, нимало не смущаясь тѣмъ, какъ неблаго-видно долженъ подобный скандалъ отразиться на племянницѣ. Абрамъ Гиксъ вообще не надѣленъ былъ способностью читать въ сердцахъ ближнихъ; притомъ же, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые всецѣло готовы поддаться идеѣ, которая почему-нибудь сразу показалась имъ особенно вѣроятною. „Все это — интриги этой прониры-тетки“, думалось ему: иначе онъ, благоразумный Абрамъ Гиксъ, конечно, не попался бы въ то неловкое положеніе, въ которомъ, съ непривычки, приходилось ему такъ отчаянно барахтаться теперь. Онъ и тутъ ни на минуту не усомнился въ искренности слезъ Магги, хотя и приписывалъ ихъ тому, что вся ея молодая природа возмущалась тою ролью, которую ей навязываетъ неразборчивая на средства семья.

— Не плачьте... не плачьте же, Магги... дорогая моя миссъ! — утѣшалъ онъ ее, какъ могъ, не зная, что дѣлать со своими освободившимися отъ мѣшковъ руками, и въ то же время смертельно боясь до нея дотронуться: — не плачьте же! я, право, этого выносить не могу... Перестаньте, Магги... дорогая... а то я... я принужденъ буду бѣжать отъ васъ, куда глаза глядятъ... Я никогда, никогда слезъ не могъ выносить.

Какъ ни искренни были слезы у Магги, все же угроза Гикса бѣжать сейчасъ же сдѣлала свое дѣло: опасность была такъ настоятельна, что разомъ освѣжила въ ней всю ея практичную смысленность въ ущербъ нервной чувствительности и слезамъ.

— А я... я не такая, какъ вы: я не мучаю людей жалкими рѣчами. Я все, все готова сдѣлать, — если только повѣрю въ любовь человѣка! — проговорила, наконецъ, все еще прерывающимся отъ дѣтскихъ всхлипываній голосомъ Магги; ей и на самомъ дѣлѣ сдавалось, что она говоритъ правду, добавляя: — На всемъ свѣтѣ нѣтъ существа, которое бы меня любило!..

А воображаемая картина ея сиротства такъ рѣзнула Магги по самому сердцу, что слезы снова брызнули у нея изъ глазъ: но она успѣшила ихъ осушить, и тутъ же улыбнулась Гиксу, будто увѣряя его, что бѣжать ему не отъ чего.

— Какъ вамъ не стыдно, Магги, такъ разстраивать себя: вы сами же знаете... всегда знали... какъ вы мнѣ дороги, вы видѣли, какъ съ каждымъ днемъ вы мнѣ становитесь все дороже...

— Оттого, значить, и мучите вы такъ меня, что слишкомъ я вамъ дорога? — перебила его Магги, поднимая на него свои

глубокіе, довѣрчивыя, увлажненные еще слезами глаза, и—будто на мировую—поднимая его опущенную широкую руку и кладя ее себѣ на плечо.

— Но вы... вы дитя, Магги... Тутъ... не довѣріе, тутъ... не дружба. Вы сами не знаете, Магги, на что васъ наталкиваютъ... Я ужъ, конечно, съ своей стороны пальцемъ не двину, чтобы помочь имъ такъ жестоко васъ обойти: это было бы низко... безчестно... это... та же купля и продажа будетъ; это... это... О, Магги, да помогите же хоть вы мнѣ, наконецъ!—чуть не со злостью вырвалось, наконецъ, у Абрама Гикса.

И бѣдный Абрамъ Гиксъ, чувствуя, что не устоять ему дольше отъ искушенія, что—еще мгновенье—и онъ захватитъ въ свои неумѣлыя, медвѣжьи объятія вызывающе соблазнительную въ невиданной еще имъ роли подкупающей довѣрчивости Магги, бросился на стоявшій передъ ними стулъ и закрылъ лицо руками.

И Гиксъ, конечно, былъ правъ. Магги была не болѣе какъ ребенокъ, хотя и ребенокъ, несомнѣнно подававшій широкія надежды: болѣе опытная особа не преминула бы тутъ же сдѣлать рѣшительный ходъ — и выиграла бы партію. Магги же не только упустила минуту, но вдобавокъ взяла и фальшивую ноту.

— А сознайтесь, мистеръ Гиксъ, что тета Флора права, — замѣтила она, кокетливо пытаясь отвести отъ лица его руки:—вы просто-на-просто — педантичный, трусливый холостякъ: твердите, что души во мнѣ не слышите: „Магги, моя дорогая Магги, моя безцѣнная!“ — а пересудовъ боитесь пуще огня... Ужъ если я не боюсь обвиненія въ томъ, что вы меня... что вы... на мнѣ женились,—вамъ-то чего же бояться?

Но одно упоминовеніе имени тети Флоры разомъ вернуло Гиксу все его самообладаніе; притомъ, ему въ несвязныхъ словахъ Магги почудилось, что она дословно пересказываетъ слова ненавистной южанки — передаетъ послѣдніе выводы, до которыхъ додумался семейный совѣтъ. Человѣкъ, которому перешло за сорокъ лѣтъ, становится весьма чувствителенъ къ риску показаться смѣшнымъ — плясать по чужой дудкѣ; пылъ молодости хотя пробуждается и въ эту позднюю пору, зато быстро же и охладѣваетъ; а въ Абрамъ Гиксъ не было и слѣда игры раздраженнаго воображенія, способнаго сойти порою за чувство, а не то—и поддержать искусственное увлеченіе, не давая ему спасовать передъ напоромъ холоднаго разсудка.

— Это вліяніе тетки погубить васъ, Магги!.. Нѣтъ, нѣтъ, теперь я началъ—дайте же мнѣ и досказать!—и Гиксъ заговорилъ

съ поспѣшностью, все еще держа Магги за руку—будто это могло помѣшать ему упустить нить своихъ мыслей, потерять подъ собою почву. — Не вѣрьте вы ей, Магги: динизмомъ своимъ она все живое въ васъ задушить — ничего у нея нѣтъ завѣтнаго... Повѣрьте мнѣ — отвернитесь отъ нея, пока она не отравила всей вашей крови, не продала васъ первому встрѣчному, — не привила вамъ въ конецъ притворство, — пожалуй, наконецъ, — ложь... О, Магги! — страстнымъ шопотомъ продолжалъ Абрамъ Гиксъ, въ жару своемъ забывая всякую осмотрительность и охватывая дѣвушку крѣпкою рукой вокругъ плеча: — были бы вы только постарше...

— Постарше—что же тогда? — едва слышно прошептала обиженная Магги.

— Были бы вы только постарше опытностью, — продолжалъ Абрамъ Гиксъ, приводя руки свои въ обычное положеніе, — вы бы поняли тогда, чего мнѣ все это стоить... Какъ тяжело отказаться отъ васъ, — отказаться отъ того миража, который вы мнѣ выдаете за дѣйствительность! — Конечно, я не стану вамъ надождать, — не стану имъ давать предлога приставать къ вамъ; я постараюсь на глаза вамъ не попадаться. Мнѣ жаль, но не по эгоизму, — а потому, что придется упустить васъ изъ-подъ руки, придется отказаться отъ возможности слѣдить за вами — защитить, поддерживать васъ, если на васъ будетъ опять устроена облава.

— Такъ вотъ что вы называете любовью, мистеръ Гиксъ? такъ это-то та любовь, которой во мнѣ — вы говорите — нѣтъ? — и Магги еще крѣпче прижалась къ Абраму Гиксу, поворачиваясь такъ, что рука его, спокойно лежащая на ея плечѣ, охватила ее дѣйствительнымъ объятіемъ.

Это движеніе новымъ толчкомъ отразилось на Гиксѣ: кровь снова бросилась ему въ лицо; онъ тотчасъ же оттолкнулъ ее, точно обожженный.

— Нѣтъ, нѣтъ, Магги, только не это... только не это! Не искушайте меня, прощайте... прощайте надолго, моя дорогая! — и, крѣпко сжавъ ея руку въ своей — такъ, что всѣ суставы пальцевъ у нея захрустѣли, — Гиксъ быстрымъ движеніемъ поосвободилъ галстухъ, засунувъ за воротъ палецъ и проведя почему-то притомъ рукою по всему лицу; схвативъ оба мѣшка, онъ опрометью бросился къ двери на лѣстницу, чуть съ ногъ не сбивъ по дорогѣ вѣрную своей стражѣ Эльзу и ни слова не бросивъ ей на прощанье.

Пять минутъ спустя, Абрамъ Гиксъ, въ обществѣ доктора и миссисъ Моррисъ, уже катилъ на желѣзную дорогу.

— Это медвѣдь какой-то! — съ сердцемъ разразилась Эльза

на родномъ на этотъ разъ языкѣ, забывая прежній деликатно-французскій, полу-ласкательный эпитетъ: „ouïs mal léché“: явный знакъ, что миссъ Эльза утрачивала всякое самообладаніе: да и какъ могло оно быть иначе, когда ей весь разговоръ слышенъ былъ отъ слова до слова?

Но Магги въ эту пору было не до наблюденій: она продолжала стоять какъ истуканъ на томъ мѣстѣ, гдѣ повинулъ ее Гиксъ, глазъ не сводя съ проползавшей по столбу гусеницы, не вскрикнуть, не разжавъ даже смятую медвѣдемъ руку, слипшіяся еще пальцы. Она и не слыхала потока словъ обиженной Эльзы, которая, съ непривычною въ ней стремительностью, изливала передъ ней свою злобу.

— Я рада, отъ всего сердца рада, что ты не отдалась въ руки этого изверга, — заявила въ заключеніе Эльза, беря сестру за руку и разомъ съ головой уходя опять въ родную стихію радужнаго самообмана, и съ присущею ей удобною манерой упуская изъ вида то соображеніе, что невозможно же было сестрѣ отдаться въ руки, отказавшіяся ее брать.

Но Магги съ малыхъ лѣтъ не соглашалась сдаваться на приманки намалеванной луны, а тѣмъ менѣе могла поддаться на это теперь, когда все существо ея еще содрогалось отъ неприкрашенной, жестокой дѣйствительности.

— И все... все это ты, Эльза, со своими претензіями! Все это—тетя Флора со своимъ языкомъ!..—вспыльчиво набросилась она на сестру, сверкнувъ на нее злобными глазами, на которыхъ не было уже и слѣда слезъ; пробѣжавъ въ ихъ общую спальню, Магги хлопнула дверью и заперлась отъ преданной сестры на ключъ.

XXXVI.

Въ Нью-Бедфордѣ открывался демократическій конвентъ. Оживились пустынные, кривыя улицы,—то дѣпящіяся, какъ Богъ послалъ, по склонамъ оврага, то спускающіяся крутымъ уступомъ въ самому обрыву надъ сухой теперь, глинистой ложбиной рѣчного русла, черезъ которую перекинуть былъ мостъ съ подвижными, какъ клавиши, досками и густыя толпы народа то-и-дѣло сбивались вездѣ, гдѣ бы ни останавливалось двое-трое людей, имѣвшихъ видъ политическихъ заправилъ. Нечего и говорить, что главными пунктами оживленія были полпивная да пѣдъзды и крытая галерея мѣстной гостинницы; пустынные въ обычное

время залы ихъ и биллиардныя кипѣли теперь народомъ всякаго возраста и состоянія.

Конвентомъ несомнѣнно должна была открыться для Нью-Бедфорда новая эра; и горсть, въ нѣсколько сотъ жителей, составляющихъ населеніе этого центра — извѣстно вѣдь, что нѣтъ на всемъ пространствѣ штатовъ города, который не выискалъ бы какихъ-либо резонновъ на то, чтобы провозгласить себя того или другого рода центромъ — смѣло могла почитать себя цѣлой головой выше обитателей всей плеяды маленькихъ городовъ, разсыпанныхъ по гористой окрестной мѣстности, богатой какъ каменнымъ углемъ, такъ и желѣзной рудой.

И честью этой граждане Нью-Бедфорда были обязаны вовсе не собственной предприимчивости, не влиянію своему на совѣтахъ демократической партіи или же особымъ удобствамъ своего городка для помѣщенія и удовлетворенія той многотысячной толпы посѣтителей, которая обыкновенно стекается на конвенты въ этомъ исони богатомъ партизанами штатѣ. Граждане Нью-Бедфорда были — въ общей сложности — слишкомъ добропорядочными людьми, чтобы проявлять активное воздѣйствіе на совѣтахъ какой бы то ни было партіи — на совѣтахъ, гдѣ, какъ извѣстно, всѣ призы достаются наиболѣе дерзкимъ и наименѣе разборчивымъ на средства господамъ. Что же касается до предприимчивости, то она едва ли могла быть и въ поминѣ въ этомъ укромномъ городкѣ, гдѣ даже пастуха почиталось излишнимъ содержать, такъ какъ коровы могли самымъ безобиднымъ образомъ раздольно пастись подъ самыми окнами залы городского совѣта; гдѣ свиньи и гуси безпрепятственно монополизировали широкія, немощенныя улицы; гдѣ граждане мирно проводили досуги свои, сонливо соблюдая равновѣсіе, и, — откинувшись на заднія ножки стульевъ своихъ у дверей мѣстной табачной лавки, одновременно служившей и почтовой конторой, или у одной изъ харчевенъ, — неизмѣнно приходили въ возбужденіе при малѣйшемъ слухѣ о какомъ-нибудь нововведеніи, — будь то подвозъ новаго образца печей въ лавку мѣстнаго магната Смедлея, или яйца о трехъ желткахъ, снесеннаго насѣдой такого общепочитаемаго столпа мѣстнаго общества, какимъ неоспоримо, до этого происшествія, почитался диаконъ пресвитерьянскаго толка, Іосія Рутсъ.

Но граждане Нью-Бедфорда были люди хотя и не особенно подвижнаго ума, зато крайне обстоятельные и осмотрительные въ своихъ сужденіяхъ, притомъ и весьма добродушные: они сами признавали, что легкомысленное тяготѣніе къ модѣ дня и уклоненіе отъ торной стези правды и добра способны пороку прояв-

латься даже въ наилучше регулированныхъ и богобоязненныхъ общинахъ — какъ слѣдствіе неотразимыхъ и неисповѣдимыхъ предначертаній Провидѣнія; — вотъ потому, подумавъ хорошенько, они рѣшили отмѣнить сгоряча принятое рѣшеніе подвергнуть общественному остракизму молодую жену магната Смедлея, которая на цѣлыхъ было десять градусовъ голову подняла со времени установки въ ея домъ одной изъ новопривезенныхъ въ лавку модныхъ печей и уже поговаривала о выпискѣ изъ Балтимора ковра. Если мы говоримъ, что заносчивое легкомысліе этой леди какъ ножомъ по сердцу рѣзнуло всѣхъ мѣстныхъ старожиловъ, то едва ли мы передали бы ту мѣру горечи, которая поднята была ея поведеніемъ среди всей нью-бедфордской общины. Да и какъ могло оно быть иначе? Покупать на сторонѣ фабричный коверъ!.. Точно свѣтъ вдругъ краемъ сошелся и въ городъ не нашлось больше старыхъ обносковъ! Или старыя леди всѣ померли, такъ что рвать полосами и шивать эти обноски стало некому! Или же красить домашнимъ способомъ эти обноски разучились хозяйки! Или же, наконецъ, составилъ злостный заговоръ лишить заработка и уморить голодомъ одноглазого дядюшку Мерфри, споконъ вѣка тевашаго, по заказу добрыхъ домохозяекъ, ковры изъ этихъ самыхъ остатковъ, хитро выгадываемыхъ изъ семейныхъ обносковъ?

Не отлученъ былъ отъ церкви — несмотря на всѣ мрачныя предсказанія насчетъ многого — и діаконъ Іосія Рутсъ, такъ какъ на ежемѣсячномъ совѣтѣ именитыхъ и глубоко-консервативныхъ домохозяевъ, а равно и на экстренномъ засѣданіи тайнаго общества, въ которому діаконъ принадлежалъ, единогласно было подтверждено, что пути-де Господни неисповѣдимы, и что нельзя безъ дальнѣйшихъ указаній свыше притягивать ни въ чемъ дотолѣ не провинившагося діакона къ отвѣтственности за уклоненіе его насѣдки отъ установленнаго Творцомъ среди пернатыхъ метода постройки яицъ и размноженія себѣ подобныхъ.

Однимъ словомъ, не такого было покроя коренное, чисто-американское населеніе Нью-Бедфорда, чтобы самому добиваться, и притомъ успѣшно, открытія у себя политическаго конвента — честь и выгода, о которой всѣми силами хлопотали всѣ промышленные и предприимчивые городя штата. Но въ томъ-то — какъ указывалъ вполнѣдствіи не разъ въ спичахъ своихъ діаконъ Іосія — въ томъ-то и сказался тутъ перстъ Провидѣнія: богатые и вліятельные города, свыкшіеся со всѣми новѣйшими проявленіями духа вавилонскаго столпотворенія, до того перегрызлись изъ-за того, кому отсчитывать себѣ въ карманъ крупные

барыши и всячески стричь и обирать прїѣзжихъ делегатовъ и спутниковъ ихъ, стекающихся на конвентъ именно для того, чтобы хорошенько вспрыснуть назначеніе кандидатовъ, — что, въ концѣ концовъ, всё эти алчные города сообща рѣшили, наконецъ, что лучше уже пусть достанется конвентъ на долю маленькаго Нью-Бедфорда, чѣмъ котораго-нибудь изъ жадныхъ крупныхъ городовъ.

Но зато, когда свалилась имъ на голову такая неожиданная честь, граждане Нью-Бедфорда — безъ различія взглядовъ и партій — неоспоримо оказались на высотѣ опредѣленнаго имъ Провидѣніемъ положенія: они разомъ воспрянули отъ обычной своей безучастности, оцѣнили всю важность нравственной отвѣтственности своей и рѣшили грудью постоять за репутацію роднаго города.

Куда только дѣвалась спячка обывателей?! Глаза даже у прохожихъ, за эти знаменательные дни, блестяли, и походка становилась у всѣхъ какая-то спѣшная, дѣловая, эластическая. Немедля организованы были: комитетъ объ изысканіи средствъ и пособій, комитетъ объ украшеніи города соответственными случая транспарантами и флагами, комитетъ о снабженіи города временно усовершенствованными способами сообщенія, комитетъ о печати, комитетъ о приемѣ посѣтителей, комитетъ о размѣщеніи ихъ по квартирамъ, комитетъ о продовольствіи, комитетъ объ указаніи гостямъ мѣстныхъ достопримѣчательностей, комитетъ о... Но есть ли какая-либо возможность перечислить всѣ комитеты, организуемые добропорядочной, сытой общиной людей, проникнутыхъ присущею всѣмъ американцамъ гордою ревностью по отношенію къ красотѣ и репутаціи хлѣбосольства своего роднаго города?!

Достаточно будетъ сказать, что не было среди обывателей ни одного мало-мальски поднявшагося на ноги человѣка того или другаго пола, на груди котораго, наканунѣ и въ самый день конвента, не красовалось бы ленточнаго значка того или другаго комитета. Двери всѣхъ жилыхъ домовъ были открыты настежь для прїѣзжихъ — благо „бабѣ лѣто“ выдалось на славу; столы ломились отъ всякихъ жареныхъ, вареныхъ и пареныхъ яствъ, поставленныхъ женскимъ персоналомъ комитета о продовольствіи, на вящшій соблазнъ делегатскаго желудка, а ему уже самому — за плату „пятидесяти центовъ съ персоны“ — предоставлялось идти и наѣдаться всѣмъ до отвала у любого изъ этихъ гостепрїимно раскинутыхъ столовъ. Бѣлые досчатые домики поприкрыли за эти дни свою мѣщанскую вѣшность вѣнками зелени и длинными гирляндами полосатыхъ со звѣздами національныхъ флаговъ; транспа-

ранты съ девизами партіи навѣшаны были по срединѣ улицъ надъ головами слонявшейся безъ цѣли и безъ дѣла публики, скрадывая ихъ обычное однообразіе; но оно, впрочемъ, и безъ того, конечно, ступевалось бы отъ присутствія запружавшей эти улицы добродушной, покладистой толпы пріѣзжихъ, среди которыхъ выдавались торжественно серьезныя лица украшенныхъ значками мѣстныхъ гражданъ, преисполненныхъ трепетнымъ сознаниемъ величія дня и всей тяжести лежащей на нихъ отвѣтственности.

Пав. Каширинъ.

СРЕДИ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

Странствуя по нашему югу, забрался я, прошедшимъ лѣтомъ, въ Крымъ, гдѣ объѣздилъ значительную часть южной его половины. Не мало пришлось мнѣ тутъ составить разныхъ „путевыхъ замѣтокъ“, частью которыхъ я хочу теперь подѣлиться съ читателемъ. Только пусть не ждетъ мой читатель описанія какихъ-нибудь прелестей южнаго берега и другихъ крымскихъ красотъ, хотя мнѣ пришлось, между прочимъ, проѣхать южный берегъ отъ одного конца до другого, отъ Байдарскихъ воротъ до Алушты. Не эти красоты привлекали меня главнымъ образомъ, да къ тому же онѣ были описываемы уже много разъ искусною и неискусною рукою. Я не стану рассказывать объ Алушкѣ, Мисхорѣ, Ориандѣ, Ливадіи, Ялтѣ, Массандрѣ, Горзуфѣ; не буду изображать Татаръ-Дага, Ай-Петри, Демерджи или Аю-Дага, какъ ни сильны производимыя ими впечатлѣнія. Меня больше интересовали сухія эконоическія данныя, бытовныя наблюденія въ деревняхъ, главнымъ образомъ—сельское татарское населеніе.

Пріѣхавъ я въ Крымъ изъ Одессы, по морю, на пароходѣ „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“, и первымъ крымскимъ пунктомъ для меня былъ Севастополь, причемъ самое первое впечатлѣніе мое было не совсѣмъ пріятное. Какъ ни красивы кажутся издали, съ моря, крымскіе берега и очертанія крымскихъ горъ, но при приближеніи къ этимъ берегамъ на насъ повѣяло чѣмъ-то горячимъ, напоминавшимъ обычныя „вѣянія“ засухи. Берега,

склоны, горы, при приближеніи парохода къ Крыму, казались желтыми, сѣрыми, и вообще отъ крымской земли обдавало жаромъ, словно отъ печи. Пришлось ощутить прикосновеніе къ той крымской бѣдѣ, которую принесъ нынѣшній годъ, и о которой мнѣ было до того извѣстно лишь по слухамъ и печатнымъ сообщеніямъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ большая часть Россіи дожидалась, наконецъ, прекраснаго урожая, Крымъ былъ постигнутъ продолжительнымъ бездождіемъ. По рассказамъ мѣстныхъ людей, тамъ уже около трехъ мѣсяцевъ не было ни капли дождя. Рѣчки и ручьи иссохли. Историческая Альма въ верхнихъ частяхъ своихъ представляла или рядъ прерывающихся мелкихъ лужицъ, словно здѣсь кто-то пролилъ на землю нѣсколько ведеръ воды, или даже сухую ложбину; и только, печальной памяти, рѣчка Черная, при всей узкости и кажущейся ничтожности своей, продолжала протекать, возбуждая, однако, вопросъ удивленія: такъ этотъ-то ручей составляетъ знаменитую, когда-то обильно облитую кровью Черную рѣчку? Травы выгорѣли, придавъ лишь мѣстамъ своего произрастанія желто-сѣрый цвѣтъ, а сухіе остовы ихъ хрустѣли подъ ногою пѣшехода. Хлѣба также сильнѣйшимъ образомъ пострадали, какъ и табакъ, и виноградники.

Самъ Севастополь теперь производитъ уже впечатлѣніе значительно воскресшаго города, особенно приморская его часть. Это больной, поднявшійся на ноги, хотя съ незакрывшимися еще ранами. Не мало еще есть въ немъ развалинъ или полуразрушенныхъ домовъ, стоящихъ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оставила ихъ памятная крымская война. Вотъ ободранная каменная стѣна безъ крыши, среди которыхъ лишь высится полуразрушенная печь съ трубою; вотъ просто куча мусора, и т. д. Но зато очень многое уже восстановлено; вотъ длинный рядъ хорошо выстроенныхъ, чистенькихъ, давно обитаемыхъ домовъ; а тутъ хотя и развалины, но уже огороженные и обставленные массою подвезеннаго къ нимъ строительнаго матеріала. Громадная когда-то николаевская приморская батарея, гдѣ во время войны былъ перевязочный пунктъ, убрана, сглажена, и здѣсь устроены свѣрь и ресторанъ съ наружными галереями; сидишь себѣ здѣсь подъ открытымъ небомъ, въ тѣни, глядишь на красивое голубое море, обѣдаешь и невольно переносишь мыслью въ прошлое, когда здѣсь было мѣсто неописуемыхъ ужасовъ, когда тутъ безпрестанно слышались стоны, вопли и валялись груды мертвыхъ тѣлъ и ампутированныхъ человѣческихъ членовъ. А недалеко, на другую сторону большой бухты, видна громадная, но уже спо-

войная, давно молчащая константиновская батарея, помѣщенная у самаго входа въ севастопольскую бухту, гдѣ начиналась линія первыхъ затопленныхъ кораблей.

Впрочемъ, Севастополь мнѣ пришлось любоваться не долго. Наскоро осмотрѣвъ, до вечера, нѣкоторые изъ памятниковъ великаго и трагическаго прошлаго, я долженъ былъ слѣпить къ отъѣзду внутрь полуострова, по желѣзной дорогѣ. Начало этого пути тоже не чуждо эффектности. Подъ Севастополемъ желѣзная дорога проходитъ черезъ рядъ туннелей у Инкерманскихъ высотъ; эти туннели и высоты производятъ тоже большое впечатлѣніе. Всѣхъ туннелей шесть, и одна изъ нихъ, прозванная почему-то „Цыганскою“, очень длинна; поѣздъ идетъ по подъему вверхъ, а такъ какъ во время ѣзды всегда кажется, что не ты движешься, а, напротивъ, встрѣчные предметы бѣгутъ къ тебѣ,— то при вѣздѣ въ туннель, прорѣзанную съвозъ высокую каменную гору, пассажиру представляется, что это сама громадная гора на него быстро надвигается и поглощаетъ его... Инкерманскія горы, высокія, каменные, мѣстами отвѣсныя, тоже производятъ сильное впечатлѣніе, особенно когда отъ нихъ тянутся длинныя тѣни, производимыя луннымъ освѣщеніемъ. Рассказываютъ, что съ этихъ крупныхъ высотъ, во время инкерманскаго сраженія, въ октябрѣ 1854 года, былъ сброшенъ непріателемъ одинъ нашъ отрядъ, и люди разбились, свалившись съ высоты. Это говорили мнѣ еще матросы,— уцѣлѣвшіе свидѣтели сраженія. Мѣстами въ этихъ горахъ выбиты большія пещеры. Тутъ и каменоломни.

— Интересный народъ тутъ живетъ,—говоритъ мнѣ спутникъ по вагону, офицеръ, съ которымъ мы дѣлились впечатлѣніями.

— То-есть, гдѣ же живетъ?

— А вотъ въ этихъ самыхъ пещерахъ, въ этихъ камняхъ.

— Кому же здѣсь жить можно?

— Нѣтъ, не думайте такъ; тутъ есть свое особое населеніе.

Не такъ давно здѣсь вздумали устроить облаву, для розыска разнаго неблагонадежнаго народа. Случился и я здѣсь. И Боже мой, какихъ людей пришлось увидѣть! Вотъ ужъ, что называется, самый „последній“ человѣкъ, дошедшій до невѣроятной крайности. О такихъ и понятія себѣ не составишь заранѣе,—надо собственными глазами увидѣть. Оборванные, голые или съ какимъ-нибудь невозможнымъ клочкомъ одежды. Тутъ оказался и бѣглый запрещенный попъ, испившійся до послѣдней крайности отставной офицеръ, и давній бродяга, забывшій даже, откуда пришелъ и чѣмъ былъ прежде. У иныхъ почти исчезъ образъ человѣческій.

Имъ нѣтъ уже мѣста нигдѣ—вотъ они и укрылись сюда, въ пещеры. Нѣкоторые нашли себѣ занятіе въ ломѣвъ камня; этимъ, да разными сомнительными заработками, и существуютъ. Тутъ добровольная каторга, если только можно назвать подобное состояніе добровольнымъ. Послѣдній тутъ человѣкъ, да такой послѣдній, что подобнаго не придумаешь! Жизненное творчество превзойдетъ всякую выдумку.

— И что же, камень развѣ пропитываетъ ихъ?

— А если и придется поголодать—поголодають день-другой вмолчанку, потому что вѣдь такимъ человѣкомъ никто не поинтересуется; никто не освѣдомится—ѣлъ ли онъ сегодня, или уже умеръ съ голоду, да лежитъ гдѣ-нибудь въ пещерѣ. Спрашиваю одного голаго, какъ онъ перебивается въ холодную пору? А онъ отвѣчаетъ: „Э! наше дѣло такое, какъ возьмешь ломъ въ руки, да станешь камень крошить, то такъ нагрѣешься, что и рубашка становится тяжела. Куда способнѣе работать голому! А зима тутъ, слава Богу, недолгая; да если и замерзнешь—кому бѣда? Только и будетъ, что замерзѣть“. Вотъ какія вещи бываютъ среди горныхъ красотъ, которыми мы любуемся.

Миновали мы Черную рѣчку. Скоро море совсѣмъ исчезло изъ виду, и остались однѣ горы да долины съ тополями и татарскія деревушки. Понемногу раскрывалась внутренность Крымскаго полуострова. На пути попадаетъ татаринъ, въ своей черной бараньей шапкѣ; встрѣчались и другіе инородцы—греки, армяне и т. п. Приходилось въ иныхъ пунктахъ останавливаться и потомъ снова садиться въ вагонъ или повозку, для дальнѣйшаго слѣдованія. Мѣнялись встрѣчные люди, и изъ рассказовъ ихъ уже набирались первыя мѣстныя свѣденія о мѣстныхъ жителяхъ и порядкахъ и о положеніи дѣлъ въ данный моментъ. Общій тонъ былъ, впрочемъ, печальный; всякій, кто имѣлъ дѣло съ сельскимъ хозяйствомъ, табаководствомъ, садоводствомъ или виноградарствомъ, горько плакался: большая, моль, бѣда будетъ; сѣно уже теперь поднялось въ цѣнѣ до девяноста копѣекъ за пудъ, а что будетъ дальше? Винограду будетъ мало, табаку много выгорѣло, сады плохи и т. д. А на лицахъ татаръ видна спокойная, хотя угрюмая покорность судьбѣ; другой мужикъ расплакался бы при разсказахъ о такой бѣдѣ, а татаринъ только видитъ волю Аллаха, которой надо повиноваться безъ ропота.

Интересъ къ татарскимъ сельскимъ порядкамъ имѣетъ много основаній. Помимо того, что татары—отдѣльная этнографическая

группа, ихъ положеніе въ Крыму совсѣмъ особенное. Большая часть крымскихъ татаръ—безземельны. Они проживаютъ во владѣльческихъ имѣніяхъ, большею частію татарскихъ же муръвъ, и находятся въ полнѣйшей зависимости отъ владѣльцевъ. У безземельнаго татарина нѣтъ ни обеспеченнаго жилища, ни увѣренности въ томъ, чѣмъ онъ будетъ завтра хлѣбъ зарабатывать. Захочетъ владѣлецъ согнать цѣлую татарскую деревню—и согонитъ, и пойдутъ люди, куда глаза глядятъ. Не мало было уже подобныхъ примѣровъ. Такое положеніе—продуетъ своего рода „исторической“ работы. Во время присоединенія Крыма къ Россіи, у татарскихъ деревень было еще не мало своей земли; но когда явились въ Крымъ новые помѣщики, начались тѣжбы, которыя большею частію были татарами проигрываемы. Способы оттягиванія земли были здѣсь самыя разнообразныя, довольно примитивныя, и о нихъ осталось не мало некрасивыхъ преданій. Новый владѣлецъ бывалъ опаснымъ сосѣдомъ для татарской деревни, потому что онъ былъ силенъ, а каковы были суды и администрація стараго времени—всѣмъ извѣстно. Иныя тѣжбы длились и длятся по нѣскольку десятковъ лѣтъ, инымъ не очень далеко до столѣтняго юбилея. Часто даже вступавшаяся за татаръ администрація края оказывалась бессильною. Темный человѣкъ и теперь иногда беззащитенъ на судѣ, а чтó было при судѣ староформенномъ?! Для характеристики оставленныхъ имъ преданій, вотъ анекдотъ, слышанный мною отъ одного знающаго мѣстнаго человѣка. Сильный помѣщикъ оттягивалъ землю отъ татарской деревни; татары пробовали защищаться; началось судбище, потребовалось дознаніе на мѣстѣ, чтобы опредѣлить, кому принадлежала спорная земля въ прежнее время. Вызываютъ для показаній стариковъ понятыхъ; тѣ являютъся, но ихъ, прежде допроса, отводятъ въ помѣщичью контору, стоящую на землѣ, несомнѣнно принадлежащей противнику татаръ. Тамъ велѣтъ старикамъ снять башмаки, насыпаютъ въ эти башмаки землю и снова приказываютъ надѣть ихъ. Татары, ничего не понимая, повинуются. Затѣмъ слѣдуетъ допросъ подъ присягою; понятыхъ отводятъ на спорную землю, и тамъ ставятъ вопросы такъ: сважи правду, на чьей землѣ теперь стоишь? Татаринъ, сознавая, что въ башмакахъ у него чужая, сосѣдская земля, и боясь присяги, отвѣчаетъ: „на генеральской“. Подобныя же отвѣты даютъ другіе, все это записывается, и въ результатѣ выходитъ, что сами-де татары подъ присягою показали, что спорная земля принадлежала не имъ, а ихъ противнику, такому-то. Исходъ понятенъ. Но все это уже очень старыя грѣхи. Къ обезземеленію путемъ

тяжбѣ прибавилось въ послѣдствіи обезземеленіе въ слѣдствіе широкихъ татарскихъ выселеній изъ Крыма, совершившихся въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Многіе изъ татаръ попытались выселиться, потомъ вернулись обратно, но тогда не получили и того, что имѣли. Уже въ трудахъ извѣстной „Валуевской“ комиссіи 1872 года (по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства) обращали на себя вниманіе сильныя жалобы на положеніе массы безземельныхъ татаръ, показывавшія, что это крупный вопросъ края.

Отъ чего бы, однако, ни произошло обезземеленіе, тѣмъ или другимъ способомъ оно совершилось, теперь важно собственно то, что оно существуетъ; главный интересъ представляютъ размѣры его и возможные способы помощи. Что касается размѣровъ, то, по официальнымъ мѣстнымъ свѣденіямъ, оказывается слѣдующее: въ губерніи 140 тысячъ сельскаго татарскаго населенія обоюга пола; изъ нихъ, на земляхъ собственныхъ и надѣльныхъ проживаетъ 37.760 душъ мужскаго пола (слѣдовательно обоюга пола около 75 тысячъ); 4.747 мужскаго же пола — на землѣ заарендованной; остальные 28.812 мужчинъ — слѣдовательно около 60 тыс. обоюга пола — совсѣмъ безземельны. Но такъ какъ и аренды дѣло непрочное, зависящее отъ сровокъ, то выходитъ, что въ обезземеленномъ состояніи пребываетъ почти половина всего сельскаго татарскаго населенія. При слабой населенности Крыма, 70 тысячъ безземельныхъ — вопросъ крупный! Мѣстная администрація очень озабочена этимъ вопросомъ, и искидываетъ способы улучшенія быта безземельныхъ. Нѣкоторыя надежды возлагаются на земли „вачуфныя“ (принадлежація духовнымъ учрежденіямъ); но разборъ вачуфныхъ правъ — дѣло, во всякомъ случаѣ, затажное. Болѣе скорый выходъ можетъ представляться въ покупкѣ земли, хотя бы съ пособіемъ кредита; только и этотъ выходъ скоръ для тѣхъ, кто успѣлъ прискаты продажную, удобную и недорогую землю. Но и тутъ важнымъ представляется вопросъ убо умѣлости татаръ совершать подобныя покупки, о ихъ подвижности, способности организоваться въ группы, заводить и поддерживать у себя извѣстный общественный порядокъ, собирать платежи, вести отчетность и т. под. Важно знать — можно ли считать крымскаго татарина хорошимъ хозяиномъ и исправнымъ плательщикомъ? Въ этомъ отношеніи первыя разговорныя аттестаціи кажутся неблагопріятными, общающимися мало хорошаго. Но такъ какъ опытъ достаточно показываетъ, какъ легко у насъ иногда составляются ходячія мнѣнія и устанавливаются предразсудки, то и въ упомянутымъ аттестаціямъ

нельзя было не относиться съ большою осторожностью и недо-
вѣрiемъ; всего лучше въ подобныхъ случаяхъ—прямое, непосред-
ственное соприкосновенiе съ фактомъ, изученiе дѣла на мѣстѣ
и приведенiе къ цифрѣ всего того, что только можно привести
къ ней. Способность или неспособность татаръ справляться съ
поземельнымъ дѣломъ яснѣе могутъ опредѣлять фактическiе при-
мѣры ихъ распоряжковъ тамъ, гдѣ имъ удалось уже приобрести
себѣ землю и года два-три повладѣть ею.

Русскiе, да и не одни они, часто отзываются о татарахъ,
какъ о хозяевахъ, нѣсколько иронически. Какой, молъ, это зем-
ледѣлецъ—развѣ ему сработать такъ, какъ русскому или нѣмцу?
Онъ и лѣнивъ, и неповоротливъ, и очень любитъ кейфъ; си-
дѣть бы ему среди бабъ, вмолчанку глядѣть на свѣтъ божiй, со-
сать трубку да кофе попивать. Рассказывали и такой анекдотъ:
спросили развѣ „кацапа“ (великорусса), хохла (малорусса) и татарина,
что каждый изъ нихъ сдѣлалъ бы, еслибы дать ему тысячу рублей?
Кацапъ сказалъ, что открылъ бы лавку и сталъ торговать; хо-
холь—что купилъ бы двѣ пары воловъ да нѣсколько десятинъ
земли и началъ бы пахать; а татаринъ отвѣчалъ:— „Я бы взялъ
еще одну жену и дѣлалъ бы кейфъ до тѣхъ поръ, пока не
вышли бы всѣ деньги!“—Аттестациа—не очень лестная для тата-
рина, но трудно сказать, въ какой степени она справедлива. Зато
честность крымскаго татарина вошла въ поговорку. Онъ не по-
хожъ на соплеменника своего—приволжскаго татарина, о кото-
ромъ мало хорошаго случается слышать, напр., въ саратовской
или пензенской губерни. Волжскiй татаринъ, говорятъ, землю
обрабатывать не охочъ, любитъ больше торговать, хотя бы ка-
кою-нибудь дрянью, а конокрадъ искусный; гдѣ лежитъ татар-
ская деревня, тамъ сосѣди не наплачутся изъ-за конокрадства.
А крымскiй татаринъ—человѣкъ честный; не охотникъ онъ те-
рять свое, да зато чужого не тронетъ.

— Ну, теперешнiе татары совсѣмъ уже не такiе, какъ были
прежде,—рассказывалъ мнѣ одинъ грекъ.—Прежнiй татаринъ на
цѣлый свѣтъ славился честностью. За нимъ ничья копѣйка не
пропадала. У нихъ прежде было такъ заведено, что если тата-
ринъ умеръ и не заплатилъ долговъ, то его и хоронить нельзя.
Какъ умеръ татаринъ—такъ сейчасъ крикунъ бѣжить по ули-
цамъ и кричить: „Абдураманъ Сеитовъ померъ, идите въ его домъ
получать долги!“ И всѣ идутъ и получаютъ. Домашнiе сами, бы-
вало, просятъ скорѣе получать долги, чтобы можно было хоро-
нить и не позорилась память покойника. Бывало и такъ: одинъ
татаринъ долженъ другому деньги и долго не платитъ; вотъ кре-

диторъ посылаетъ за своимъ должникомъ и говоритъ ему: — „Абульгафаръ, сколько уже времени ты общаешь заплатитъ—и не отдаешь! Заплати сейчасъ, а не то вѣдь знаешь, чтѣ я сдѣлаю? Вотъ у меня въ книжкѣ записанъ твой долгъ,—возьму его, да и вычеркну, и будетъ тебѣ стыдно!“ — Абульгафаръ даже на колѣнки упадетъ и станетъ молить: — „Бога ради, потерпи, завтра принесу тебѣ часть долга и скоро отдамъ все, только не дѣлай мнѣ такого срама!“ — И что-жъ бы вы думали: въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, рассчитается до копѣйки! Вотъ какой человѣкъ былъ прежде крымскій татаринъ.

— Ну, а теперь?

— А теперь крѣпко испортился. Задолжаетъ и не думаетъ платить. Онъ, правда, не отрекается, хотя бы на долгъ не было росписки, только говоритъ такъ: — „это правда, что я тебѣ долженъ, а ты подожди: Богъ дастъ мнѣ—я и тебѣ отдамъ“.

— И чтѣ же, отдаетъ?

— Можетъ быть, и отдаетъ, когда самъ откуда получить, да только когда это будетъ? Извольте дожидаться! Нѣтъ, совсѣмъ опустился крымскій татаринъ. А когда-то это былъ здѣсь первый народъ. Кто только ни жилъ въ Крыму: и турки, и греки, и итальянцы, и армяне... а татаринъ — самый первый человѣкъ. Татарскій языкъ былъ здѣсь тоже, что въ другихъ мѣстахъ французскій. Соберутся грекъ съ итальянцемъ или армянинъ съ грекомъ, а разговариваютъ между собою по-татарски, потому—общій языкъ. Старики говорятъ, что въ прежнее время здѣсь даже христіанское богослуженіе отправлялось на татарскомъ языкѣ. Священныя книги писали по-татарски — чего-жъ еще больше?..

— Ну, можетъ быть, это только въ городахъ татаринъ испортился, а въ деревняхъ...

— Нѣтъ, не говорите, вездѣ уже совсѣмъ не то, чтѣ было. И деревенскій татаринъ опустился. Я уже не говорю про тѣхъ, что въ Ялтѣ, вотъ, что въ проводникахъ бывають; то ужъ совсѣмъ какіе-то отчаянные: ни совѣсти, ничего такого нѣтъ, только и знаютъ: „денга давай!“ Много ихъ попортили тѣ, что сюда изъ Россіи наѣзжаютъ. Сами родители отказываются отъ такихъ дѣтей. Былъ, говорятъ, нашъ Алій хорошій человѣкъ, повуда жилъ въ деревнѣ, а пошелъ промышлять въ Ялту и другія такія мѣста—сталъ совсѣмъ пропацій; привыкъ къ дешевому заработку, съ барынями познакомился, увидѣлъ большія деньги, научился щеголять, а совѣсти ужъ не спрашивай! Не нашъ это сынъ...

Таковы были первоначальныя аттестаціи татарамъ, которыхъ

пришлось мнѣ слышать наванутѣ болѣе близкаго знакомства съ татарининомъ.

Раннимъ утромъ приближался я къ одной, не очень большой, татарской деревнѣ, расположенной на пригорѣхъ, надъ неглубокою ложбиною. Деревня издали показалась мнѣ бѣлою красною, отъ бѣлыхъ стѣнъ и черепичныхъ крышъ; въ ней уже замѣчалось человѣческое движеніе. Толпа стояла у каменнаго колодца; тутъ были и мужчины, и женщины, и дѣти. Они набирали воду. При первой встрѣчѣ съ этою толпою, сейчасъ почувствовалось отличіе отъ волжской татарской деревни. Въ послѣдней татарка, при видѣ чужого человѣка, непременно, чѣмъ-нибудь прикроетъ свое лицо, но здѣсь татарки вовсе не обнаружили этого обычая и, оглядывая свободно прїѣзжаго, не прикрывались и сами. Какъ я убѣдился впоследствии, здѣсь стараго обычая придерживаются относительно немногія; большинство же успѣло въ этомъ отношеніи освободиться, не признавая нужнымъ этотъ чисто формальный, показной признакъ скромности. Татары здоровались или молча, или произнося: „съ прїѣздомъ“. Это самое распространенное у нихъ привѣтствіе въ отношеніи къ русскимъ; такимъ привѣтствіемъ они отвѣчаютъ иногда даже на обращенное къ нимъ національное ихъ: „селямъ-алекумъ“.

Деревня имѣла довольно чистенькій видъ, гораздо болѣе привлекательный, чѣмъ приволжское татарское селеніе. Въ этомъ послѣднемъ черныя, грязныя избы, а крымская деревня состоитъ изъ побѣленныхъ избушекъ, прикрытыхъ невысокими черепичными крышами. Стѣны больше каменные; крыши не плоскія, но состоящія, подобно русскимъ хатамъ, изъ двухъ же смыкающихся наклонныхъ плоскостей, только наклонныхъ очень слабо, такъ что тутъ трудно предположить возможность чего-либо въ родѣ чердака. Плоскія крыши встрѣчаются на южномъ берегу, и тамъ поверхность ихъ бываетъ земляная. Избушки свои татары называютъ „хатами“. Мечеть тоже мало отличается отъ хаты; все ея отличіе въ томъ, что она немного больше, да на крышѣ ея устроена небольшая башенка, съ луною наверху, для муэззина, призывающаго къ обычной молитвѣ. У приволжскихъ же татаръ мечеть—большая, черная, брусяная изба, имѣющая среди крыши деревянную каланчу, вверху сведенную конусомъ и завершенную тоже луною. Подѣхавъ къ избранной „хатѣ“, я скоро очутился среди значительной толпы собравшихся татаръ, и начались привѣтствія. Татаринъ не такъ привѣтствуетъ, какъ русскій мужикъ, а гораздо свободнѣе. Онъ не складаетъ

шапки, а просто скажетъ вамъ: „съ прїѣздомъ!“ или даже прямо протянетъ вамъ руку для пожатія: это знакъ его дружелюбія; когда же онъ хочетъ выразить вамъ особенное почтеніе, то, привѣтствуя, приложитъ еще руку къ головѣ или къ сердцу. Окружившая меня толпа не похожа была на представителей монгольской расы. Не видно было тѣхъ широкихъ, скуластыхъ лицъ съ узкими глазами, которыя вы постоянно встрѣчаете у татаръ вблизи Волги. Напротивъ, здѣсь больше продолговатыя лица, прямые, длинные носы и т. п., что напоминаетъ арійское племя. Вообще, лица тутъ имѣли болѣе красивый оттѣнокъ. Все это напоминало о массѣ племенныхъ смѣшеній. Кого только ни брали себѣ въ жены крымскіе татары! сколько плѣнницъ различныхъ племенъ участвовали въ выработкѣ того типа, который представляется теперь въ татарскомъ поселеніи Крыма! Тутъ были и гречанки, и малороссіянки, и армянки, и пр., и пр. Мудрено было уцѣлѣть старому монгольскому типу. Однако, мѣстами онъ все-таки прорывается, и предъ вами иногда вдругъ выступитъ широкая, скуластая фигура; значить, монгольскій типъ здѣсь успѣлъ-таки продержаться сквозъ всю массу скрещиваній. Одежды довольно разнообразны: одинъ татаринъ въ черной курткѣ и черныхъ же широкихъ шараварахъ и въ бѣлыхъ чулкахъ, другой—въ какомъ-то кафтанѣ сѣраго цвѣта и широкихъ же шараварахъ; у третьяго—ничто въ родѣ халата; обувь большею частію состоитъ изъ кожаныхъ и полотняныхъ обертокъ, напоминающихъ малороссійскіе „постолы“. На головѣ у каждаго или черная баранья шапка, или красная феска. Странно, казалось, какъ это люди не тяготеютъ теплою шапкою въ лѣтній жаръ. Однако, если обычай носить ихъ утвердился такъ прочно, значить тутъ есть какое-то удобство или выгода—солнце не такъ пропекаетъ.

Мы расположились на дворѣ одной хаты, выбравъ мѣстечко въ тѣни. Послѣ многихъ рукопожатій, у насъ началась бесѣда. Оказалось, что эти татары не безземельные; у нихъ было прежде десятинъ около 300 собственной земли, но, почувствовавъ тѣсноту, особенно для скотоводства, они прикупили еще десятинъ пятьсотъ. На покупку имъ почти не пришлось тратиться; всю цѣну они получили въ кредитъ изъ банка. Какъ же они распорядились землею: не было ли большихъ захватовъ отдѣльными лицами, не оказалось ли преобладанія немногихъ, болѣе богатыхъ? Другой интересный вопросъ—какого владѣнія придерживаются татары, общиннаго или подворнаго?

Долго я не могъ добиться ясныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Спрашивая о существующихъ у нихъ нормахъ владѣній, я полу-

чалъ въ отвѣтъ что-то сбивчивое, неопредѣленное. Мои собесѣдники какъ будто не понимали, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Значитъ, надо зайти съ другой стороны и, вмѣсто вопросовъ общаго характера, просто разспрашивать каждого въ отдѣльности о его хозяйствѣ. Тогда способы пользованія скажутся въ сравненіи чиселъ.

И точно оказалось, что этотъ приемъ удачливъ. Но зато результаты получились вовсе не такіе, какихъ можно было ожидать. Такъ какъ по количеству высѣваемаго зерна можно заключать о размѣрѣ земельныхъ участковъ, то наша бесѣда началась именно съ посѣвовъ.

— Ты сколько сѣялъ нынѣшній годъ?

— Я посѣялъ...—отвѣчаетъ, подумавъ, татаринъ:—одну четверть пшеницы, двѣ четверти ячменю, одну—жита (рожь).

— Больше ничего?

— Больше ничего.

И такъ, выходитъ четыре десятины посѣва. Переходимъ къ другому татарину, и тотъ отвѣчаетъ:

— Три четверти пшеницы, двѣ жита, одну овса.

Значитъ, шесть десятинъ посѣва, и т. д. Такъ дѣло начало понемногу выясняться. Каждый говоритъ за себя, а иной настолько знаетъ чужіе посѣвы, что отвѣчаетъ и за другихъ, особенно за такихъ, которые по-русски говорить не умѣютъ. Цифры получились много, опыты перекрестнаго допроса ихъ подтверждаютъ и дѣло видимо подвигается. Смущаетъ, однако, необыкновенное разнообразіе цифръ, какаго въ русскихъ селеніяхъ не видно. У одного 4 десятины, у другого—11, у третьяго—двѣ, у четвертаго—семь, и т. д. Ни къ какимъ нормамъ этихъ цифръ не приведешь; всякъ молодецъ выходитъ на свой образецъ. На вопросъ—чѣмъ объяснить такое разнообразіе?—татары отвѣчаютъ:—Мы земли не дѣлили.

— А какъ же?

— Всякій посѣялъ, сколько ему нужно.

— Но вѣдь тогда одинъ можетъ захватить слишкомъ много, и другіе будутъ обижены?

— Пускай сѣетъ, сколько ему Богъ далъ. Дай Богъ ему!

— Однако, твой сосѣдъ теперь посѣялъ пять десятинъ, а на будущій годъ, можетъ быть, захочетъ десять?

— Пускай сѣетъ десять, когда ему Богъ дастъ.

— А тебѣ не будетъ обидно?

На это отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ разомъ:—Мы никому

не мѣшаемъ сѣять; сколько Богъ далъ посѣять, столько и бери; мы никому не мѣшаемъ...

Вотъ вамъ и вопросъ объ общинномъ и подворномъ владѣніи! Ясно, что у татаръ — ни то, ни другое, а нѣчто своеобразное: паши, сколько тебѣ Богъ далъ! Оттого ли это происходитъ, что татары не чувствуютъ теперь недостатка въ просторѣ, или отъ другихъ причинъ, но фактъ этой своеобразной системы на-лицо. И при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы изъ нея исходило черезъ-чуръ большое неравенство. Самая большая доля посѣва оказалась 15 десятинъ, и такихъ только одна. Двое запахали десятинъ по 10, да шестеро — отъ 5 до 8 десятинъ каждый. Остальные пахали десятины по двѣ, по три. Но если завтра „Богъ дастъ“ малопашущему засѣять впятеро больше, а пятнадцатидесятиннику сойти на 3 десятины — такъ и будетъ.

Кромѣ земледѣлія, у этихъ татаръ оказался еще одинъ важный промыселъ — камень. Они добываютъ его на той самой землѣ, которую купили, и этотъ промыселъ отчасти отвлекаетъ нѣкоторыхъ отъ расширенія запашекъ.

Сведя итоги, пришлось заключить, что собственно посѣвами занято не болѣе четвертой части всей земли. Остальное пространство утилизируется какъ пастбище; и широкій размѣръ пастбища точно нуженъ, такъ какъ у татаръ много скота. Теперь возникъ вопросъ: если такъ своеобразно распредѣленіе земли, то какъ примѣнить къ нему раскладку платежей? Если обложить десятину, пай и т. под., то раскладку дѣлать очень легко, такъ какъ нормы готовы; но какъ поступить здѣсь? Вѣдь нельзя же предоставить каждому и платить сколько хочетъ, какъ позволяютъ пахать, сколько это сможетъ.

Вышло, что у татаръ и платежи распредѣляются хотя своеобразно, но довольно искусно. Въ ихъ системѣ господствуетъ не обложеніе размѣра „площади“, а обложеніе той „пользы“, которая изъ земли извлечена. На вопросъ: съ чего именно они собираютъ деньги? — татары прежде всего указали на скотъ, который пасется на подлежащей оплатѣ землѣ.

— У кого одна скотина — плати полтора рубля, а съ барашка 25 копѣекъ.

— Но вѣдь этого мало! — А на такое замѣчаніе и вступаетъ слѣдующая доходная статья — камень.

— Съ камня беремъ. Кто возитъ мелкій камень — давай три рубля съ мажары; а есть еще 10 человекъ, что рѣжутъ штучный камень — тѣ дають 50 рублей всего.

„Мажара“ — это длинная повозка особаго мѣстнаго типа. На

ней возять добываемый камень. Вышло, что у кого есть въ хозяйствѣ одна мажара для этой возки, тотъ, заплативъ 3 рубля, получаетъ право набирать на эту мажару камня сколько хочеть. А имѣющій двѣ мажары получаетъ такое же неограниченное право нагруженія двухъ мажаръ за 6 рублей, и т. д. Заплатить — добывай и вози сколько хочешь цѣлый годъ.

— Ну, а еще съ чего собираете?

— Съ хлѣба. Мы беремъ съ хлѣба двѣ десятины.

Послѣ разъясненій оказалось, что „десятиною“ называютъ не какое-либо земельное пространство, а десятую часть урожая. Кто собралъ десять копѣ хлѣба — давай двѣ копы на платежъ. Превращеніе копѣ въ деньги производится тутъ же, въ деревнѣ, путемъ продажи „одесятованныхъ“ копѣ съ аукціона: кто больше? Большею частію, копы покупаетъ самъ же хозяинъ ихъ, такъ что процедура учета копѣ обращается въ процессъ собиранія денегъ. Собралъ Джафаръ десять копѣ — у него возьмутъ двѣ; Джафаръ внесетъ за нихъ 5 или 6 рублей и получаетъ свои копы обратно. Какъ видно, у татарина живо преданіе о какой-то старинной „десятинѣ“; потому онъ и не говоритъ, что у него берутъ пятую часть урожая, а скажетъ: „двѣ десятины“. Какая это пятая часть? Это только двойная „десятина“.

Итакъ, мои татары облагаютъ не землю, не площадь ея, а виды извлекаемой изъ нея пользы. Отормился на землѣ скотъ — бери со скота; добыть изъ земли камень — бери съ камня. Выросъ на землѣ хлѣбъ — бери часть собраннаго хлѣба. И бери столько именно, сколько причтется съ фактически извлеченной изъ земли пользы. Если у тебя много земли, да мало на ней хлѣба собралъ — плати меньше; а другой на малой площади успѣлъ собрать много — больше и плати! Совсѣмъ своеобразная система. Теперь извольте рѣшить, чтд такое татары: общинники или подворники?

Почти всѣ татары эту систему одобряли, находя, что съ нею можно вести дѣло. Но вотъ, въ самомъ концѣ разговора, выступаетъ старикъ, въ халатѣ, съ совершенно бѣлою бородою, и скромно протестуетъ, говоря, что у нихъ въ деревнѣ не по правдѣ дѣйствуютъ. Какъ только онъ открылъ ротъ, большая часть татаръ устремила на него взглядъ неудовольствія.

— Не такъ у насъ дѣлають, какъ надо, — тихо заговорилъ старикъ.

— А какъ же бы слѣдовало по твоему?

— У насъ даютъ землю тому, кто съѣтъ хлѣбъ, а другимъ не даютъ.

— Но зачѣмъ же земля тому, кто не сѣять?

— Я самъ не сѣю; я бы и не сталъ сѣять. А когда-бъ по-дѣлили землю на всѣхъ—и мнѣ бы досталось. Я бы отдалъ землю въ аренду, изъ аренды отдалъ бы платежъ, а что осталось — мнѣ...

Тутъ сейчасъ же слышались сильныя возраженія:—Да это онъ хочетъ не работать и получать деньги! Есть у насъ такіе, что думаютъ дѣлать кейфъ, и брать деньги!—раздражительно заговорилъ десятокъ голосовъ—и старикъ ступевался. Его своеобразное возрѣніе, своего рода рентьерсвій инстинктъ—остался гласомъ вошющаго въ пустынь. Вотъ это-то и былъ представитель того татарскаго типа, о которомъ составилось ходячее мнѣніе, какъ о людяхъ, мечтающихъ проводить жизнь въ сповойномъ кейфѣ. Однако, онъ тутъ выступилъ лишь въ качествѣ исключенія.

Когда я сталъ подводить итоги сборамъ, причитающимся по объясненнымъ выше раскладкамъ, то оказалось, что получается значительно больше, чѣмъ татарамъ нужно платить. Но на замѣчаніе объ этомъ татары отвѣчали:—ничего, останутся деньги—пойдутъ на другое дѣло, а можетъ быть, на другой годъ пойдутъ.—Видно, что у нихъ не смѣта предшествовала раскладбъ; они плохо разверстываютъ опредѣленную заранѣе сумму и прямо начинаютъ со сборовъ, оттого и набираютъ лишнее. Какъ бы то ни было, недоимокъ нѣтъ—и есть денежные остатки!

Отправились мы съ татарами на поле; тутъ наглядно представились и тотъ камень, который служитъ довольно обильнымъ предметомъ обложенія, и тѣ копы хлѣба, съ которыхъ берутъ „десятину“. Однако, эти копы не похожи на русскія. Щедрый на трудъ татаринъ считаетъ излишнимъ вязать хлѣбъ въ снопы. Въмѣсто снопа онъ выдумалъ нѣчто другое. Онъ просто сжимаетъ руками хлѣбные стебли въ какіе-то комки, безъ всякой связи, и кладетъ изъ такихъ комковъ копы. Подобный комокъ называется „басиновъ“. Сколько ни показывали мнѣ татары свое искусство дѣлать „басинки“, я никакъ не могъ придти въ выгодному заключенію объ этомъ экономномъ способѣ складыванія хлѣба, ни даже понять, какимъ образомъ „басиновъ“ можетъ сохранить свою цѣльность и не растрепываться. Самъ бы я ни за что не сложилъ басинка.

За деревнею показалось татарское кладбище. Надъ могилами стоятъ однообразныя каменные столбики; если сверху изъ камня высѣчена фигура, претендующая на изображеніе чалмы — значитъ тутъ погребенъ татаринъ, а не татарка.

„Мажара“, на которой я ѣду, чувствительно поскрипываетъ.

Что это за оригинальный экипажъ! Представьте себѣ длинныя дроги на четырехъ колесахъ. На этихъ дрогахъ, съ обѣихъ боковъ, положены какія-то длинныя, деревянныя лѣстницы, внизу смыкающіяся своими боками подъ острымъ угломъ; спереди же и сзади мажара не замкнута ничѣмъ, такъ что и влѣзть въ нее, и слѣзть съ нея надо или сзади, или спереди. Внутри мажары наложена солома. Сидѣть тутъ неудобно, лучше—лежать. Длина же мажары просто невѣроятна; мы улеглись въ нее вдвоемъ, но не рядомъ, а головами въ средину, и ногами одинъ впередъ, другой назадъ. И все-таки осталось еще мѣсто для сидѣнья возницѣ. Подобныя мажары часто не знаютъ смазыванія осей, и оттого производятъ невообразимый скрипъ. Помню, какъ одинъ разъ, улегшись спать въ городѣ, я часа два не могъ заснуть отъ скрипа проѣзжавшей мажары. Она еще издали давала знать о своемъ приближеніи, потомъ, при проѣздѣ мимо обитаемаго мною дома, скрипъ ея дошелъ до апогея и затѣмъ очень медленно затихалъ, по мѣрѣ удаленія мажары. Невольно припоминалось лѣтописное сказаніе объ обложеніи Кіева Батыемъ: „и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его“. Что побуждаетъ татаръ воздерживаться отъ мазки колесъ—понять не могу. Однако, сами они придумали очень выгодное для себя объясненіе: „Зачѣмъ мазать колеса?—я честный человѣкъ, а не какой-нибудь воръ. Это вору надо подкрадываться тихо, чтобы его не слышали, а я честный человѣкъ, мнѣ прятаться не надо. Пускай моя мажара скрипитъ, пускай весь свѣтъ знаетъ, что Абдурѣфій ѣдетъ, потому—Абдурѣфій честный человѣкъ“...

Слѣдующее татарское поселеніе было иного типа. Тутъ были безземельные татары, купившіе землю и начавшіе на нее переселяться. Здѣсь съ покупкою земли соединялся вопросъ о превращеніи полукочевого, бездомнаго татарина въ осѣдлаго, въ собственника. Потому это поселеніе и представляло больше интереса, чѣмъ предыдущее.

Вѣхавъ въ новую деревню, я не могъ не удивиться. Дѣло въ томъ, что всѣхъ покупателейъ земли числилась цѣлая сотня, и самая покупка совершена была больше трехъ лѣтъ назадъ. Казалось бы, въ такой промежутокъ времени можно было уже всѣмъ переселиться и устроиться, тѣмъ болѣе, что покупщики жили вовсе не далеко отъ пріобрѣтенной земли, а по сосѣднимъ татарскимъ деревнямъ, носившимъ разныя названія, большею частію оканчивавшіяся на *кой* (кой—по-татарски значитъ: „де-

ревня“). Тутъ былъ сводъ татарскихъ группъ, прежде не жившихъ вмѣстѣ и, конечно, не знавшихъ другъ друга. Будь на мѣстѣ татаръ русскіе переселенцы, они давно бы уже обстроились, и здѣсь было бы, по крайней мѣрѣ, 60 или 70 новыхъ дворовъ. Но при вѣздѣ въ деревню, о которой идетъ рѣчь, въ ней видны были только старыя помѣщичьи постройки въ господской усадьбѣ и немного болѣе десятка разбросанныхъ татарскихъ хатъ, очевидно поставленныхъ вновь. Медленно же двигаются татары! —пришлось подумать при первомъ обзорѣ деревни. Вмѣсто большого новаго селенія — едва намѣченный „починокъ“ или „выселки“, по великорусскому выраженію.

Заѣхавъ въ бывшую помѣщичью усадьбу, гдѣ въ домѣ и старыхъ усадебныхъ постройкахъ уже помѣстилось около десятка татарскихъ семей, мы, въ ожиданіи сбора поселенцевъ, пошли гулять по деревнѣ, оглядывать ея мѣстоположеніе и начатыя постройки. Нѣсколько татаръ взялись быть проводниками. Обошли мы большой фруктовый садъ, и здѣсь оказалось изрядное запущеніе, впрочемъ начатое еще при прежнемъ владѣльцѣ. Фруктовыхъ деревьевъ не очень много, иныя устарѣли, и садъ даетъ дохода всего около полутора ста рублей. Въ саду появилось зато много огородныхъ грядъ; это завели уже татары. И живущіе въ домѣ, и дальніе получили тутъ по полоскѣ. Началась бесѣда о причинахъ запущенія; татары охотно признавались въ своемъ нерадѣніи и необходимости улучшить садъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе хозяйственный, сильно жаловался на безпечность большинства. — Да тутъ, — говорилъ онъ, — если каждый годъ подсаживать новыя деревья, можно довести до того, что садъ будетъ давать тысячу или двѣ тысячи дохода; прекрасное „поливное“ мѣсто; а чтѣ сдѣлаешь съ ними? — прибавилъ онъ, обращаясь къ прочимъ спутникамъ; — всякій говорить: надо, надо, а самъ ничего не дѣлаетъ. — Пристыженные татары стали обѣщать, что поправятъ дѣло. Одинъ сейчасъ вызвался самъ, на свою долю, посадить болѣе десятка новыхъ деревьевъ.

Пройдя дальше, мы увидѣли своеобразный способъ татарской молотбы хлѣба. Русскій мужикъ дѣйствуетъ цѣпами, не жалтя своихъ силъ, и когда молотить, только и слышно бываетъ безпрерывное — хлопъ, да хлопъ! А татаринъ придумалъ другой способъ, при которомъ больше работаетъ лошадь. Его молотильная машинка состоитъ изъ каменнаго ватка съ зубчатою поверхностью, который вращается на оси; къ этому ватку припрягаютъ лошадей. Гдѣ хотятъ молотить, тамъ въ землю вбить колъ, и вокругъ этого кола разложена солома, изъ которой надо выбить зерно.

Площадь, занятая соломой, имѣетъ форму круга. Молотильный снарядъ съ лошадей привязанъ веревкою къ центральному колу. Когда татаринъ погоняетъ лошадей, онѣ бѣгаютъ сначала по окружности круга. За ними движется вращающійся катокъ и при этомъ зубчатою поверхностью своею выколачиваетъ изъ соломы зерна. А такъ какъ веревка постепенно наматывается на центральный колъ, то лошади съ каткомъ описываютъ все меньшіе и меньшіе круги, доходя до центра. Катокъ описываетъ спираль, и дѣйствию его, такимъ образомъ, постепенно подвергается вся круговая площадь соломы. Затѣмъ татаринъ начинаетъ гнать обратно, веревка разматывается, круги описываются уже большіе, и опять солома выбивается у краевъ круга; дальше опять движеніе къ центру, потомъ снова къ окружности и т. д.; наконецъ, когда лошади съ каткомъ произведутъ достаточное количество движеній, татаринъ рѣшаетъ, что довольно. Послѣ этого солому убираютъ, и сгребаютъ съ земли выбитое зерно. Въ какой степени исправно выколачиваются зерна — не знаю, но татарину при этомъ остается только покрививать да помахивать.

Было жарко; вдали показался ручеекъ, возлѣ котораго что-то полоскала татарка. Мы пошли къ ручью, но какъ только приблизились къ нему, татарка повернулась къ намъ спиною и присѣла на корточки. Мы сначала не поняли этого движенія, но сопровождавшіе татары объяснили: это выраженіе скромности татарки. Не закрывая ничѣмъ своего лица, она все-таки не хочетъ показывать его людямъ постороннимъ, и потому сидитъ или стоитъ, обернувшись къ нимъ спиною и выжидая ихъ удаленія.

— А вотъ у насъ хата лучшаго хозяина! — произнесъ одинъ изъ татаръ, когда мы, проходя по деревнѣ, приблизились къ новой, чистенькой, бѣлой хатѣ подъ красною черепичною крышею. Едва мы поровнялись съ этою хатою, изъ нея вышелъ сѣдобородый татаринъ и что-то заговорилъ по-татарски.

— Это онъ приглашаетъ зайти къ нему, — объяснили наши проводники.

На любезное приглашеніе нельзя было отвѣтить отказомъ, и мы вошли. Послѣдовали обычные „съ прїѣздомъ“ и рукопожатія. Внутренность хаты представилась очень оригинальною. Чистенькія, бѣлыя стѣны. Весь полъ устланъ темными войлоками; у стѣнъ же приставлено множество подушекъ, довольно большихъ, но сплюснутыхъ, подобно блину. Значитъ, садись на войлокъ, прислонись спиною къ подушкѣ и дѣлай кейфъ! Стѣны увѣшаны почти сплошь небольшими бѣлыми, но красиво расшитыми разными узоромъ платочками. Этого мало: потолокъ состоитъ изъ досокъ,

не сдвинутыхъ плотно, но имѣющихъ между собою большіе промежутки, и эти доски тоже увѣшаны подобными платочками. По обѣимъ сторонамъ каждой доски длинными рядами свѣшиваются концы красивыхъ платковъ. Говорятъ, эти шитые платки составляютъ вывѣску трудолюбія женщинъ каждаго дома, даже своего рода аттестацию невѣсть. Вообще обстановка отличалась вполне своеобразною красотою. Снизу войлоки, окруженные подушками, а съ боковъ и сверху—масса красиваго шитья. Неудобство обнаружилось только въ томъ, какъ сѣсть прямо на полъ, — вѣдь не всякій это умѣетъ. Но сѣдой хозяинъ, замѣтивъ мои затрудненія по этой части, сейчасъ скомандовалъ что-то другому татарину, и вслѣдъ за этимъ на срединѣ хаты появился деревянный табуретъ, прикрытый сверху довольно полною подушкою. Такое парадное сѣдалище напоминало нѣчто въ родѣ амвона. Татары усѣлись противъ меня по-своему, на полу, поджавъ ноги.

Такъ мы посидѣли нѣсколько минутъ, дѣлая другъ другу лишь дружелюбныя улыбки. Разговоръ плохо вязался; приходилось даже прибѣгать къ помощи переводчика, потому что старикъ хозяинъ плохо знаетъ по-русски. Хозяинъ поднесъ табаку, и мы покурили, что было очень кстати при вялости бесѣды. Табакъ мѣстный, свѣжій, тутъ же его и кропать; возьметъ татаринъ два-три табачныхъ листа, скмкаетъ ихъ и тутъ же гдѣ-нибудь на порогѣ искусно накрошитъ обыкновеннымъ складнымъ ножомъ. И ничего, курить можно. Но одно табачное угощеніе показалось моему хозяину недостаточнымъ. Скоро татарченокъ принесъ откуда-то большой глиняный кувшинъ съ бѣловатою жидкостью и стеклянную кружку. Началъ наливать и подносить. Надо было отпить; оказалось нѣчто молочное, водянистое и очень кислое. Я едва могъ одолѣть полъ-кружки, но мой хозяинъ, спутникъ, и двое другихъ татаръ пили охотно и даже повторили. Этотъ напитокъ называется „язма“, и его находятъ имѣющимъ очень прохлаждающее свойство во время лѣтней жары. Послѣ я даже видѣлъ, какъ приготовляли язму: взялъ татаринъ кувшинъ съ окисшимъ овечьимъ молокомъ, собралъ сверху густую часть молока, подлил воды и сталъ размѣшивать ложкою. Получилась язма. Во всякомъ случаѣ, надо имѣть особый вкусъ къ подобному напитку.

Вернувшись къ бывшей помѣщицкѣй усадьбѣ, мы застали тутъ уже большую толпу татаръ, такъ что можно было начать обычную бесѣду. Перездоровавшись со стариками рукопожатіями, а съ прочими—кивками головы, мы вошли внутрь дома и остановились въ крытой галереѣ. У прежняго владѣльца тутъ была просто галерея, а теперь она превратилась въ настоящее та-

тарское жилище; на полу уже красовались войлоки, а возлѣ нихъ, у стѣнъ, подушки. Хозяинъ отыскалъ два или три стула, столъ, и мы могли усѣсться безъ неудобствъ. Столъ окружила группа татаръ; потомъ изъ нея повемногу начали выдѣляться старики и усаживаться на полу, прислоняясь къ подушкамъ; прочіе, болѣею частію, продолжали стоять. Типы лицъ были такіе же, какъ и въ предыдущей деревнѣ; но одинъ татаринъ съ навиннутою на плечи овчиною, казался чистѣйшимъ малороссомъ; снимите съ него татарскую баранью шапку—будетъ совсѣмъ хохоль; такъ и хотѣлось сказать ему: —и какъ это ты, Грицко, попалъ въ эту компанію?—должно быть, не одна хохлушка-плѣнница приходилась ему съ родни въ восходящей линіи. Обстановка наша приняла совсѣмъ оригинальный видъ: возлѣ стола—толпа разновозрастныхъ татаръ; у стѣнъ разсѣлась другая масса пожилыхъ; тутъ были длинныя и короткія сѣдыя бороды, круглыя, жирныя, и рядомъ съ ними—худощавыя лица; тамъ баранья шапка, здѣсь—нѣчто въ родѣ ермолки; тамъ черная куртка съ черными шараварами, здѣсь—очень легкій костюмъ, въ родѣ рубашки съ широкими шараварами, или свѣтло-сѣрый кафтанъ при черной шапкѣ, и т. д. Одни уже закурили трубки, другіе только достаютъ табакъ или крошатъ его; въ одномъ уголѣ идетъ оживленный споръ по-татарски, въ другомъ—спокойнѣйшее вниманіе направлено на наши объясненія съ стоящими впереди толпы. Среди такой обстановки входитъ новый татаринъ и несетъ подносъ съ четырьмя или пятью чашками чернаго кофе. Татаринъ не обойдется безъ угощенія. Чашки назначены мнѣ съ моимъ спутникомъ, затѣмъ хозяину и нѣкоторымъ, болѣе почетнымъ, представителямъ собравшейся толпы. Кофе былъ горькій, но хозяинъ немедленно принесъ намъ по куску сахару, который и сунулъ намъ въ руки безъ церемоніи, грязными пальцами.

Группа татаръ, купившая здѣсь землю для основанія на ней новаго поселенія, состояла изъ ста семействъ. Но когда дѣло дошло до повѣрки, то оказалось, что сорока хозяевъ уже нѣтъ. Они совсѣмъ отстали отъ дѣла, ни земли не берутъ, ни денегъ не платятъ, и продолжаютъ проживать въ разныхъ Бьюкъ-и Кучукъ-„бояхъ“. Вотъ первое крупное явленіе, на которое пришлось натолкнуться въ этой деревнѣ. Но не такъ легко было выяснитъ причины, почему часть безземельныхъ татаръ отказалась отъ возможности обезпечить себя землею. Правда, нѣкоторые изъ нихъ какъ разъ къ этому времени выиграли земельный процессъ на старомъ мѣстѣ и перестали нуждаться въ покупной землѣ; но остальные-то что? Наличные татары не дадутъ вполнѣ яснаго от-

бѣта. Одинъ говорить, что просто такъ себѣ отказались, раздумали; другой говорить — силы у нихъ нѣтъ. Одинъ изъ устроителей покупки объясняетъ, что, пока разговоръ шелъ о приобретении — всѣ покупать хотѣли, а какъ только дѣло дошло до расходовъ, — часть сейчасъ же стала отваливать: послѣ, молъ, дамъ, когда деньги будутъ! Татары и безъ того переселяются туго, а когда понадобились деньги еще прежде переселенія, болѣе слабые, менѣе предприимчивые, остались при прежнемъ положеніи.

Какъ бы то ни было, съ долями отказавшихся надобно было справиться. И наличные татары справились, не принявъ въ свою среду ни одного посторонняго человѣка, чѣмъ существенно отличились отъ русскихъ переселенцевъ, почти всегда припускающихъ къ себѣ новыхъ участниковъ. Какъ только стали выясняться размѣры земельного пользованія каждаго, обнаружилось, что хотя они и разнообразны, но въ нихъ ясно проглядываетъ нѣкоторое „кратное“ отношеніе. Одинъ хозяинъ говорить, что засѣялъ двѣ десятины пшеницы, три—житы (ржи), четыре овса, а двѣ подъ сѣновосомъ держать, — выходитъ, всего одиннадцать десятинъ; а у другого, по сложеніи итога, получается двадцать двѣ, у третьяго — сорокъ—четыре, т.-е. одна доля ровно вдвое, втрое или вчетверо больше другой.

— Что же это вы — по паямъ дѣлили, что ли?

— Онъ взялъ одну „пайку“, а я — три, потому что могу взять больше, — слѣдуетъ отвѣтъ.

Выходитъ, что даже и слово „пай“ здѣсь знакомо. Это уже не то, что мы видѣли въ предыдущихъ деревняхъ, гдѣ каждый беретъ сколько ему Богъ далъ. По сведеніи итоговъ вышло, что болѣе половины всѣхъ наличныхъ хозяевъ получили только по 1 пая, и болѣе трети — по 2 пая. Затѣмъ, человѣкъ восемь взяли больше, причемъ самая высшая доля — 5 павевъ. А размѣръ павевъ выводили по первоначальному числу покупателей. Но это не значитъ, чтобы земля была размежевана и каждому нарѣзанъ опредѣленный участокъ. Нѣтъ, каждый пользуется, гдѣ ему пришлось, и самая мѣра земли опредѣляется домашними способами.

Немного погодя, изъ споровъ и пререканій обнаружилось, что въ данномъ селеніи существуетъ нѣчто въ родѣ двухъ партій, или правильнѣе — двухъ тенденцій, раздѣлившихъ между собою самихъ устроителей покупки. Первую тенденцію представляетъ Куртъ Мамбетъ, человѣкъ бывалый, искусившійся уже въ сельскомъ начальствованіи, приглядѣвшійся къ канцелярскимъ и инымъ оффиціальнымъ порядкамъ, у котораго силенъ инстинктъ вѣрнаго порядка; другая же тенденція, болѣе подходящая къ

старому обычаю, ссызывается въ Умерѣ Адіевѣ, который хотя тоже человекъ умный, но жилъ почти исключительно въ деревнѣ и въ начальствованіи не искусился.

— Совсѣмъ не такъ у насъ сдѣлалось, какъ нужно было, — говоритъ Куртъ Мамбетъ. — Сколько разъ я училъ ихъ, какъ надо дѣлать, а имъ это не помогаетъ; оттого и порядка настоящаго нѣтъ.

Но Умерѣ Адіевъ на это только неодобрительно улыбается.

— Я говорилъ имъ такъ, — продолжаетъ Куртъ: — позовемъ землемѣра; пускай онъ всю землю перемеритъ и составитъ намъ планъ; пускай онъ каждому обозначитъ участки, чтобъ каждый зналъ свои границы, и на все это составить приговоръ; кто деньги не хочетъ исправно платить — у того землю взять и дать исправному; вотъ тогда порядокъ будетъ, и платежи будутъ. А садъ надо поддерживать общими силами; это мѣсто дорогое, поливное, общество можетъ большой доходъ получать; можетъ быть, половину всѣхъ платежей давалъ бы садъ. А они не слушаютъ.

Умерѣ Адіевъ только качаетъ головой; формальная межевка, наръзка, точныя границы не совсѣмъ отвѣчаютъ его взгляду на дѣло. Есть сторонники у Курта, есть сторонники у Адіева, а иные просто равнодушно относятся къ борьбѣ двухъ тенденцій. Оттого борьба не склонилась рѣшительно ни на ту, ни на другую сторону. Идея Курта отчасти осуществилась въ установленіи опредѣленныхъ земельныхъ паевъ; но до межевки дѣло не дошло, и посѣвы у каждаго на свой ладъ; одинъ сѣетъ много хлѣба и разводитъ картофель, другой большую часть своего пая держитъ подъ сѣнокосомъ и пастбищемъ или разводитъ бабшу. Наконецъ, человекъ три сдавали свой пай, вполнѣ или отчасти, другимъ татарамъ изъ доли урожая. Трудно было добиться, кому именно сочувствуетъ большинство, но въ толпѣ, однако, раздавались голоса противъ строгаго разграниченія.

— Когда бы такъ не дѣлили, — слышалось, — то, можетъ быть, и удержались бы у насъ тѣ, которые теперь вышли изъ нашего общества.

— Чего же имъ хотѣлось, чѣмъ они были недовольны?

— А они говорили такъ: я теперь пахать и сѣять не буду, а до времени буду отдавать землю въ аренду; послѣ, когда соберусь самъ хозяйничать, приѣду и буду пахать и сѣять. Имъ этого не позволяли — они и ушли. Вотъ земля и осталась однимъ тѣмъ, что сами хозяйство ведутъ.

— Гдѣ же ихъ дожидаться, пока они соберутся хозяйничать! Намъ землю надо брать и платить сейчасъ. Какой это бу-

дети порядковъ съ такими хозяевами!—отозвался представитель строгаго порядка.

Итакъ, отставшіе отъ земли, отчасти, напомнили того старика, который въ предыдущей деревнѣ высказывался за владѣніе землею безъ хозяйничанья на ней. Во всякомъ случаѣ это были представители меньшей подвижности, которые, пожалуй, и точно затрудняли бы главную массу общества въ платежахъ, а слѣдовательно и въ общемъ хозяйствѣ.

Обостренію внутренней борьбы въ обществѣ содѣйствовала еще личная ссора двухъ главныхъ вожаковъ. Куртъ незадолго передъ тѣмъ испыталъ большія неприятности и утратилъ прежнее начальственное положеніе. Его удалили отъ должности. Это такъ содѣйствовало на его самолюбивую натуру, что онъ началъ пить. — Я и самъ знаю, — говорилъ онъ, — что дѣлаю скверно: — питье до добра не доведетъ; только ужъ очень обидно мнѣ стало, я не выдержалъ и согрѣшилъ. — Адіевъ же, возмущенный поведеніемъ Курта, отправился къ нему съ обличеніемъ. Не мудрено, что въ результатѣ возникла перебранка, ссора, чуть ли не драка — вотъ и пошло дѣло плохо. Одинъ другому уступать не хотѣли. Каждый сталъ обвинять противника въ томъ, что онъ нехорошо ведетъ общественное дѣло; въ толпѣ же нашлись у каждаго сторонники, хотя большинство относилось къ борьбѣ съ безстрастнымъ спокойствіемъ.

— Вамъ бы лучше помириться, — ничего нѣтъ хорошаго въ ссорахъ; вотъ, сходили бы въ мечеть, взяли бы въ посредники муллу, что ли, — можетъ быть, онъ урезонилъ бы васъ.

— А что мнѣ къ муллѣ ходить, — рѣзко отозвался Куртъ, — когда мулла и самъ мошенникъ! Нѣтъ, ужъ кто слишеомъ часто ходитъ въ мечеть, — берегитесь такого человѣка. Я въ мечеть рѣдко хожу, а все-таки честный человѣкъ.

— Я ничего противъ Курта не имѣю, — заговорилъ не безъ лукавства Адіевъ. — Онъ хорошій человѣкъ, а что я говорилъ: ему не надо пить, такъ это я чистую правду ему сказалъ. За что-жъ онъ сердится?

— Да вѣдь вы же татары, — обратился я къ толпѣ: — вѣдь вамъ давно Магометъ запретилъ пить.

— Вино нельзя, водку можно, — отвѣтили изъ толпы.

Но какъ ни убѣждалъ Адіевъ, что признаетъ Курта хорошимъ человѣкомъ, у него уже изъ кармана торчалъ уголь отъ листа бумаги. Прошеніе было заранѣе заготовлено, и немного погодя послѣ бесѣды, Адіевъ таки-поймалъ меня въ саду, глазъ-на-глазъ, и далъ прочесть прошеніе; въ немъ была просьба разобратъ,

это изъ двухъ противниковъ правъ, и объявить это обществу. Подать прошеніе при всѣхъ Адіевъ стыдился; ну, а съ глазу на глазъ—ничего.

Раскладка платежей у этихъ татаръ тоже была отличная отъ предыдущаго селенія. Земля подѣлена на пай, значить—и платежи пропорціонально паямъ. Чтѣ слѣдовало собрать, за вычетомъ дохода отъ сада и нѣсколькихъ десятинъ, сданныхъ постороннимъ подъ табакъ, по 50 рублей за десятину,—распредѣлялось между паями, и кто взялъ земли больше, тотъ и платилъ больше. Раскладку пишетъ одинъ изъ грамотныхъ татаръ по-татарскъ, и грамоту эту могли разбирать только спеціалисты. Прошу грамотѣя прочитатъ и перевести мнѣ непонятныя каракули, выведенныя на нѣсколькихъ листахъ бумаги, и онъ не безъ труда началъ толковать: „Абдурефій... вотъ тутъ Абдурефій... съ Абдурефія четырнадцать рублей...“ Какъ бы то ни было, однако, вотъ уже три года платежи поступали довольно исправно, значить—дѣло вошло въ колею. Правда, очень жаль, что часть безземельныхъ татаръ, участвовавшихъ въ покупкѣ земли, осталась ни-при-чемъ, но если прочно устроилось и шестьдесятъ безземельныхъ—и то хорошо. Успѣхъ все-таки есть. Естественно, что болѣе предприимчивые, болѣе заботившіеся о своей участи, опередили косную массу. Татаринъ, вообще, туговатъ на подъемъ, медленъ въ дѣйствіяхъ, недостаточно энергиченъ; но раскрывшіеся примѣры все-таки показываютъ, что онъ можетъ устроить свое дѣло, слѣдовательно есть для него выходъ къ лучшему.

Подъ вечеръ выѣхали мы изъ татарской деревни, провожаемые добрыми пожеланіями ея хозяевъ. Дневной жаръ еще чувствовался. Мѣстность неровная, гористая,—то ѣдешь низомъ, то взбираешься на крутизну. Кругомъ тоже высятся болѣе или менѣе значительныя горы. Но надъ всѣми возвышенностями господствуетъ величественный, двухъ-этажный Чатырдагъ, вершина котораго имѣетъ видъ продолговатой палатки; верхъ палатки и одинъ бокъ ровные, а другой бокъ очерченъ зигзагами, словно палатка съ этой стороны разорвана. Проѣзжаешь десятки верстъ, но Чатырдагъ все предъ глазами, и кажется, что до него очень недалеко—версты двѣ-три, не больше. А спросишь—говорятъ, будетъ верстъ тридцать или сорокъ. Очень скрадывается пространство въ горной мѣстности. А куда какъ малы кажутся люди, когда смотришь на нихъ съ верху, съ большой возвышенности! Совсѣмъ какъ мелкія животныя, барашки или даже крысы.

Вотъ вдали, по дорогѣ, показалось что-то красное и движущееся. Сначала трудно было разобрать, что это такое. Но вдругъ

этотъ предметъ остановился и принялъ форму какого-то краснаго столба. Оказалось — татарка въ красной одеждѣ, обернувшись къ намъ спиною. Долго этотъ столбъ былъ неподвиженъ, выжидая нашего проѣзда; но когда мы приблизились, моему спутнику вздумалось послать невѣжливо обернувшейся татаркѣ привѣтствіе: — селямъ-алекумъ! — Съ минуту татарка помолчала, а затѣмъ произнесла какіе-то непонятныя намъ звуки. — Вѣрно выбрала насъ? — спрашиваю у возницы-татарина: — вѣдь у васъ, кажется, постороны не говорятъ съ женщинами. — Нѣтъ, — отвѣчалъ возница, — она сказала только „съ пріѣздомъ“; а это правда, — у насъ не годится заговаривать съ женщинами. — Итакъ, вѣжливость, видимо, дѣлаетъ успѣхи на счетъ старыхъ обычаевъ. Въ старину, навѣрное, татарка если и отвѣтила бы на неумѣстное привѣтствіе, то развѣ комплиментомъ иного рода.

Дня черезъ два попалъ я еще въ одну татарскую деревню; видъ ея отличался отъ описанныхъ выше тѣмъ, что деревня расположена въ долинѣ между большихъ скалъ; масса пробившихся сквозь почву камней замѣтна была уже при приближеніи къ деревнѣ, а по вѣздѣ въ нее скалы показались очень эффектными и по своей величинѣ, и по расположенію. Одинъ изъ лучшихъ домиковъ, къ которому мы подъѣхали, тоже бѣлый, съ черепичною крышею, находился у самаго подножія громадной скалы, не отвѣсной, а даже нависшей надъ частію деревни; верхъ скалы сильно выдавался впередъ, противъ основанія. Страшно было глядѣть на эту громаду: казалось, стоитъ этой скалѣ обрушиться, и она разожметъ большую часть деревни и засоритъ камнями всю остальную; обрушиться же ей не мудрено: въ такихъ мѣстностяхъ каменные обвалы не рѣдки. Эффектными памятниками ихъ являются, напримѣръ, попадающіяся на южномъ берегу цѣлыя кучи огромныхъ камней, разбросанныхъ въ самомъ прихотливомъ безпорядкѣ, получившія специальное названіе „хаосовъ“. Каждый „хаосъ“, очевидно, составляетъ послѣдствіе обвала крупной скалы, сорвавшейся съ мѣста и разбившейся при паденіи, или вслѣдствіе землетрясенія, или просто потому, что гдѣ-нибудь вода размыла связь между свалившеюся массою и уцѣлѣвшей частью скалы. Но татары, привыкшіе къ подобнымъ видамъ, не боятся нависшей скалы; они спокойно обитаютъ подъ ея навѣсомъ, не задумываясь объ опасности; этого мало: у самаго подножія скалы пробиты въ ней пещеры, еще болѣе подрывающія ея основаніе. Подобныя пещеры, какъ объяснилъ мнѣ мой спутникъ, очень

удобны для развѣшиванія въ нихъ листьевъ табаку, — вотъ татары и пользуются ими, и даже расширяютъ ихъ.

Татарскія хаты расположены на скалѣ, однѣ выше, другія ниже, словно на полкахъ, придавая деревнѣ очень оригинальный видъ. Хозяинъ хаты, къ которой мы подъѣхали, любезно пригласилъ насъ внутрь. Тутъ опять представились войлови, подушки, но окна въ хатѣ закрыты и чувствуется сильная духота. Мы попросились на свѣжій воздухъ и скоро расположились подъ большимъ навѣсомъ, гдѣ работница изъ русскихъ нанизывала на шнурки безконечное число табачныхъ листьевъ и вывѣшивала ихъ для вяленья. Принесли намъ коверъ, подушки, и мы улеглись отдыхать. Немного погодя, явился подносъ съ чашками кофе, а затѣмъ угощеніе табакомъ, который хозяинъ тутъ же крошилъ ножикомъ. Хозяинъ, Джелиль Кіамилевъ, занималъ насъ разсказами о своемъ недавнемъ путешествіи въ Малую Азію. Была у него родственница, давно когда-то вышедшая замужъ въ Бруссу. Теперь она овдовѣла и просила Джелиля увести ее обратно въ Крымъ. Джелиль это исполнилъ, причемъ встать побывалъ въ Стамбулѣ.

— Брусса—это тамъ, гдѣ большая гора, что называется Олимпъ?

— А ты отчего знаешь?—спросилъ въ отвѣтъ удивленный татаринъ.—Правда, есть тамъ большая гора. Я видѣлъ.

Изъ разсказа его, между прочимъ, выяснилось, что съѣздить въ Бруссу можно очень дешево: Джелиль пріѣхалъ туда одинъ, назадъ ѣхалъ съ бабой, успѣлъ налюбоваться красотами Стамбула, даже падишаха видѣлъ во время пріѣзда въ мечеть, и въ теченіе почти мѣсячной экскурсіи издержалъ на все про все, съ паспортами, около восьмидесяти рублей.

Пока мы бесѣдовали, прочіе татары деревни начинали понемногу собираться, возвращаясь съ поля, и къ солнечному закату предъ моими глазами была уже вся деревня.

Это была довольно зажиточная деревня, жители которой, кромѣ земледѣлія и табаководства, промышляли еще ломкою камня. Но камень тутъ крупнѣе и цѣннѣе, чѣмъ въ первой изъ описанныхъ деревень. Бѣда только, что источникъ промысла—въ чужихъ рукахъ. Каменоломни—на землѣ вакуфной и частновладѣльческой. Потому татары платятъ вакуфу и владѣльцу натуральную „десятину“. Купленная земля нужна была татарамъ не ради мало-земелья, а больше по ея удобству. Имъ нужно было пастбище и доступъ къ водѣ, за которые имъ приходилось отплачиваться деньгами. Купивъ землю, они засѣвали пшеницею, рожью, ячменемъ

и овсомъ едва шестую часть всего пространства, да, сверхъ того, десятинахъ на пятнадцать разводили табакъ. Въ покупкѣ былъ также лѣсъ. У знакомаго только съ русскими селеніями понятіе о табачной плантаціи соединяется съ понятіемъ низменнаго или удобреннаго мѣста, въ родѣ огорода. Но здѣсь она имѣла совсѣмъ иной видъ. На высовомъ мѣстѣ взрыта почва, состоящая изъ глины, камня и извести. Почва не разрыхлена, на ея поверхности крупныя желтыя куски перемѣшаны съ бѣлыми, а табакъ все-таки растетъ. Крымская природа не то, что малорусская: и на камнѣ мѣстами родить.

И здѣсь татары предоставляли каждому пахать и сѣять, сколько угодно. Одинъ засѣваетъ девять десятинъ, другой—только 4 или 3. Но раскладка платежей опять нѣсколько отличается отъ существующей въ первой, описанной выше, деревнѣ. Тамъ облагали полученный отъ земли продуктъ, а здѣсь „посѣвъ“. Кто засѣялъ десятину земли хлѣбомъ—подай пять рублей въ годъ; кто засѣялъ двѣ десятины—десять рублей, кто ничего не снялъ—ничего и не платить. А кто занялся табакомъ, тотъ отдай и двадцать рублей съ десятины, потому что продуктъ дорогой. И такой платежъ еще льготный. Его берутъ со *своихъ*, а при сдачѣ постороннимъ подъ табакъ получаютъ и по 40 рублей съ десятины. Такимъ образомъ, тутъ какъ бы система переходная отъ обложенія продукта къ обложенію земли. Но земля облагается только засѣваемая, а не участокъ, зачисленный за каждымъ. Спрашиваю: нѣтъ ли еще другихъ предметовъ обложенія, не облагали ли скотъ, какъ въ другихъ мѣстахъ?

— Прошлый годъ брали и со скота, а теперь не беремъ.

— Почему же?

— Деньги *остались* отъ прошлаго года. Зачѣмъ набирать больше, когда не нужно.

Вышло довольно наивное объясненіе. Люди все не выучиваются дѣлать разверстку смѣтной цифры и не отстаютъ отъ набиранія лишнихъ денегъ, такъ что единственнымъ исходомъ въ сведенію счетовъ является прекращеніе сборовъ съ того или другого предмета.

— И много вы набрали лишняго?

— Прошлый годъ уплатили въ банкъ 300 рублей, кромѣ того, что слѣдовало. Пускай долгъ будетъ меньше. Скорѣе выплатимся.

— Это дѣло; а на будущее время такъ ужъ и не станете собирать со скота?

— Какъ Богъ дастъ. Если нужны будутъ деньги, то опять соберемъ.

Коротко и ясно. Видно, что дѣло въ порядкѣ; всякій папешъ сколько ему Богъ далъ, платежи внесены и даже сдѣланы переплаты. Можно сидѣть спокойно.

Къ ночи мы выѣхали, какъ ни упрасивали насъ татары остаться еще поужинать, а къ ужину еще готовили хорошаго барашка. На этотъ разъ намъ достался новаго вида экипажъ: простыя дроги, на которыхъ надо сидѣть бокомъ, по обѣ стороны и свѣся ноги. Но зато этотъ чудной экипажъ вполне соответствовалъ характеру пути: нужно было проѣзжать лѣсомъ, среди густыхъ кустовъ, переѣзжать долины, овражки, ручьи.

Глубокою ночью мы перемѣнили этотъ экипажъ, пересѣвъ въ новый. Это былъ уже „делижанъ“: грубообразная повозка, по срединѣ которой, между задомъ и передомъ, поперечная, обитая кожею, скамейка, называемая „колыскою“. Это тотъ же заимствованный у колонистовъ экипажъ, который я встрѣчалъ, годъ назадъ, въ екатеринославскихъ степяхъ. Мы ѣхали въ сообществѣ двухъ или трехъ молодыхъ татаръ, причѣмъ намъ приходилось много любоваться окрестностью. Вотъ мы ѣдемъ глубокою долиною, по которой проходитъ рѣчка. Тутъ ряды высокихъ тополей, освященныхъ полною луною, и отъ нихъ тянутся длинныя тѣни. Кругомъ—горы разнообразнѣйшихъ очертаній. Вотъ приходится подняться на крутой подъемъ, за которымъ начинается широкая, возвышенная площадь. Татары говорятъ: слѣзть надо, потому что очень круто, и мы въ теченіе подъема, два или три раза, то слѣзаемъ, то опять садимся въ свой „делижанъ“. Наконецъ, выбрались на возвышенность; но и на ней во множествѣ стоятъ горы, то коническія, то другой фигуры, также отбрасывающія тѣни. Словомъ, чудесныя картины, которыя долго помнятся. Лошади наши бѣгутъ довольно скоро, и около полуночи показалась уже новая искомая деревня, расположенная на горной высотѣ. Луна обливаетъ яркимъ свѣтомъ бѣлыя стѣны хатъ, прикрытыхъ обычною черепичною крышею. Иныя хаты одноэтажныя, другія двухъ-этажныя, съ наружною галерейкою въ верхнемъ этажѣ. Мы, наконецъ, въ деревнѣ и сходимъ съ „делижана“. Догадливые спутники-татары сейчасъ же отѣхали, и мы вдругъ остаемся одни, среди молчаливой, спящей деревни, гдѣ я никогда не бывалъ. Куда идти, гдѣ искать пріюта въ полночь,—догадывайтесь сами. Татары, подвезшіе насъ, только указали рукою, объяснивъ, что тутъ есть хата Мамеръ-Мавскота, и исчезли.

Входимъ въ одинъ дворикъ—ни души; даже собака не тявнеть, дверь заперта—некуда войти. Нечего дѣлать, перелѣзаемъ черезъ низкую изгородь дальше — то же самое; направляемся въ

слѣдующій дворъ — тутъ слышенъ какой-то своеобразный шумъ. Прислушиваемся — сильный храпъ; значить — есть тутъ живой человекъ. Подымаемся по лѣстничѣ на верхнюю галерейку, и тутъ своеобразная картина: на войлокѣ, прикрытый овчиною, спитъ татаринъ атлетическихъ размѣровъ; это онъ-то и храпитъ, указывая намъ своимъ храпомъ путь. Немного подалее спитъ, раскидавшись, татарка. Постояли мы минуты двѣ въ виду такой картины. Однако, надо будить, потому что иначе, чего добраго, примутъ насъ за нехорошихъ людей. Подходить мой спутникъ къ крупному татарину и начинаетъ трогать его за плечо. Немного погодя, татаринъ очнулся, сдѣлалъ нѣсколько движеній, наконецъ, поднялся на ноги и стоитъ, уставя на насъ глаза.

— Послушай, Максютъ здѣсь?

— Максютъ? — вопросительно повторяетъ, почесываясь, татаринъ, все еще не пришедшій въ себя. — Максюта нѣтъ.

— А гдѣ же Максютъ?

— Максютъ въ Дуванъ-вой. Завтра пріѣдетъ, — отвѣчалъ нашъ хозяинъ, спокойно глядя на насъ и не освѣдомляясь даже, кто мы такіе.

— Ну, такъ намъ нуженъ Максютъ. А теперь дай намъ ночлегъ.

Татаринъ медленно зашевелился, досталъ какой-то ключъ и принялся отпирать свою хату. Значить, думаетъ предложить намъ свои войлоки и подушки въ душевой комнатѣ. А ночь такъ хороша, что о подобной обстановкѣ можно думать лишь съ отвращеніемъ.

— Нѣтъ, ужъ въ хату ты насъ не веди. Нельзя ли у тебя пріютиться гдѣ-нибудь на дворѣ, подъ навѣсомъ или на соломѣ; нельзя ли на тову?

Медленно спустился толстый татаринъ съ лѣсенки и повелъ насъ на свой товъ. Пришлось перелѣзть еще черезъ двѣ или три ограды, и, наконецъ, намъ представляется высокая и широкая скирда изъ битой соломы, къ которой приставлена лѣстница. При первомъ взглядѣ на скирду вопросъ нашъ былъ уже рѣшенъ. Отлично: взлѣземъ по лѣстницѣ и будемъ спать на вершинѣ скирды. — Ну, смотри же, рано утромъ чтобъ Максютъ былъ здѣсь, да и всю деревню сюда собери: дѣло есть!

Татаринъ отправился опять на свою галерейку спать, общающъ, что все будетъ сдѣлано, и все еще ясно не представивъ себѣ, чтѣ это за люди забралась къ нему. Ночлегъ нашъ былъ превосходный. Отъ усталости и безъ того уже сильно спать хотѣлось, а тутъ еще масса мягкой соломы и свѣжій воздухъ.

Проснешься — мѣсяць свѣтитъ прямо въ глаза, но это не бѣда, потому что сейчасъ же опять погрузишься въ сонъ. Рано утромъ, сквозъ дремоту, уже слышалось, какъ татаринъ принялся молотить хлѣбъ, подгоняя лошадей, тащившихъ за собою знакомый каменный катокъ; и онъ успѣлъ уже повончить эту работу, когда мы, наконецъ, распростаясь съ своимъ мягкимъ ложемъ, направились къ хатѣ.

Возлѣ хаты собралось уже нѣсколько татаръ; между ними двое стариковъ, съ бѣлыми чалмами на головѣ: это „хаджи“ — люди, побывавшіе въ мусульманскихъ святыхъ мѣстахъ. Третій старикъ былъ искомый Максютъ, который сейчасъ началъ извиняться и объяснять, почему мы вчера не застали его дома: былъ-де онъ въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ у него тоже есть хозяйство. Татары добыли гдѣ-то самоваръ, и съ верхней галереи намъ видно было, какъ его разогрѣвали, причемъ дымъ валилъ изъ самоварной трубки облаками. Мѣстами татары считаютъ болѣе деликатнымъ угостить русскаго человѣка не кофе, а чаемъ. Но иногда при этомъ происходятъ прекуръзные недоразумѣнія. Одинъ изъ представителей мѣстной власти рассказывалъ мнѣ о подобномъ случаѣ. Приѣхалъ онъ въ одинъ „кой“, и какъ только сталъ бесѣдовать съ татарами — принесли на подносѣ двѣ или три чашки кофе и стаканъ съ какою-то горячею жидкостью подозрительнаго цвѣта. Кофе — татарамъ, а стаканъ — ему, гостю. Попробовалъ онъ — невозможная горечь. Чтѣ же оказалось? въ роли чая тутъ выступилъ наваръ изъ сушеной полыни! Вотъ такъ чай! Но татары почему-то воображали, что этотъ чай будетъ гораздо приятнѣе русскому приѣзжему, чѣмъ ихъ національный кофе. Съ нами этого не случилось, можетъ быть, потому, что мы привезли чай съ собою и сами принялись угощать имъ татаръ. Татаринъ вообще охочъ угостить, но и самъ не прочь отъ угощенія; если вы привезли съ собою, на примѣръ, фрукты или что-нибудь сладкое и предложите ему, — онъ церемониться не станетъ. Угостите лакомствомъ дѣтей, — ему это тоже приятно. Зато и онъ иногда, если знаетъ, что у васъ есть дѣти, предложитъ какую-нибудь сладость: „дѣтямъ отвези“, или: „отдай своей марушкѣ“ (женѣ). Нѣтъ недостатка въ добротѣ у этихъ потомковъ „дикихъ крымцевъ“, когда-то такъ жестоко разорявшихъ нашу Русь.

Татары этой деревни тоже имѣли и прежде свою землю, только количество ея трудно было опредѣлить безъ документовъ. Вдобавокъ же, они купили еще большой кусокъ земли, заключавшій въ себѣ немножко пашни и много лѣса. Когда владѣльцу этой земли понадобилось продать ее, онъ самъ предложилъ ее

татарамъ. Послѣдніе охотно согласились. Продавецъ назначилъ свою цѣну, а татары отвѣтили:—дадимъ, сколько казна намъ дастъ. И купили землю за одну только банковую ссуду. Но это ничуть не мѣшаетъ имъ платить преисправно. Пришелъ срокъ—деньги готовы, даже съ избыткомъ.

Распредѣленіе земли тутъ было такое же, какъ въ другихъ деревняхъ; размѣры посѣвовъ очень разнообразны, только неравенство слабѣе, потому что и всей-то пашни было мало: одинъ или двое засѣяли по 4 десятины, остальные—десятины по полторы, по двѣ или по одной. Платежи раскладывались по той же системѣ, какъ въ первой описанной деревнѣ, только съ нѣкоторымъ отличіемъ; такъ какъ не-лѣсной земли у нихъ очень мало и почти вся она пахнется, то нѣтъ пастбищъ; а нѣтъ пастбищъ—нѣтъ повода облагать скотъ; нѣтъ также каменоломень; поэтому сборъ платежей идетъ прежде всего съ хлѣба. Здѣсь опять двѣ „десятины“; собралъ Илья съ 10 копъ пшеницы—двѣ на платежъ; каждая копа оцѣнена въ 3 рубля, значить, подай Илья со всего 6 рублей. Получилъ Сеферъ 10 копъ ржи—подавай двѣ, а за эти двѣ отдай только 4 рубля, потому что рожь дешевле. Досталось Абдулганію всего пять копъ овса—отдай вмѣсто одной копы—полтора рубля. Но этимъ всего платежа не покрыть; потому вдобавокъ берется еще съ каждаго двора, по его состоянію, 4 или 5 рублей. Всего интереснѣе было, какъ справляются татары съ лѣсомъ,—не рубятъ ли его сплошь? Нѣтъ, они исходатайствовали себѣ право вырубать ежегодно по $\frac{1}{30}$ всего лѣсного пространства. Эту тридцатую часть, по словамъ ихъ, они дѣлятъ еще на нѣсколько десятковъ мелкихъ кусочковъ, и каждый кусочекъ сдаютъ своимъ же, съ аукціона. Полученныя деньги идутъ на платежъ, а затѣмъ каждый хозяинъ, разработывая свою маленькую долю, срубая и распродавая деревянный матеріалъ, еще получаетъ заработокъ на этой операціи. Въ концѣ концовъ, денегъ набирается столько, что сумма ихъ много превышаетъ платежъ, и татары уже два года вносятъ излишки въ погашеніе капитальнаго долга. Такихъ погашеній набралось около двухъ тысячъ рублей. Это показываютъ документы.

— Мы выплатимся раньше срока,—говорятъ татары:—лѣтъ въ пятнадцать все отдадимъ.

Сдѣлавъ достаточное количество замѣтокъ, отправились мы въ поле и лѣсъ. Любопытно было провѣрить, точно ли татары не злоупотребляютъ рубкою, не рубятъ ли сплошь, вопреки правильной системѣ, не оттого ли такъ успѣшенъ у нихъ сборъ платежей?

Поле—на гористой мѣстности; тутъ прежде всего бросился въ глаза кусокъ земли въ нѣсколько десятинъ, обставленный камнями, словно оградю. Фигура его очень неправильна, но видно, что этотъ кусокъ имѣетъ какое-то особенное значеніе.—Что это такое?—Это „чаиръ“,—отвѣчаетъ татаринъ. Вышло, что одинъ изъ татаръ занялся тщательною расчисткою этого участка, выбралъ изъ почвы камни и вообще привелъ его въ удобное для обработки состояніе. А воль скоро онъ положилъ въ землю столько труда и, можетъ быть, издержекъ—въ эту землю уже никто посторонній не вступается. Для обозначенія такого участка поставлены камни, и онъ сталъ „чаиромъ“. Такіе чаиры попадаются и въ другихъ мѣстахъ.

Ѣхали мы медленно, а солнце уже жжетъ безъ милосердія. Поэтому съ особенною радостью увидѣли мы въ одной ложбинѣ „фонтанъ“ и направились прямо къ нему, чтобы припасть къ освѣжительной влагѣ. Только пусть не подумаетъ читатель, что „фонтанъ“ здѣсь нѣчто эффектное. Просто задержанная струйка водицы или нѣчто въ родѣ маленькаго колодца. Не только здѣсь, внутри полуострова, но даже на южномъ берегу, гдѣ вдоль превосходнаго южно-бережнаго шоссе существуетъ цѣлый рядъ фонтановъ, раздѣленныхъ промежутками въ нѣсколько верстъ, на которые потрачено гораздо больше искусства и денегъ (эти фонтаны далеко не такъ эффектны), нежели можно предполагать издали. Нѣтъ тутъ ничего брызжущаго, бьющаго вверхъ, такого, что подходило бы къ Лермонтовскимъ словамъ: „Гарема брызжущій фонтанъ... не брызгалъ на подобный станъ“. Здѣсь просто приклонена къ крутому горному склону маленькая каменная стѣнка, отчасти напоминающая каминъ; сѣвозъ нее проведена тонкая металлическая трубочка, и изъ этой трубочки течетъ или сочится вода. Вотъ и все. Подходи, пей или подставляй ведро. На иныхъ фонтанахъ есть начертанная на камнѣ турецкая надпись, означающая, какою именно благодѣтель устроилъ это сооруженіе для блага жаждущихъ путниковъ. Но отсутствіе эффектности нисколько не мѣшаетъ фонтану быть очень благодѣтельнымъ при безводьи—этомъ проклятіи Крыма—особенно въ знойное лѣто. Иной фонтанъ поить цѣлую окрестность.

Забрались мы, наконецъ, въ лѣсъ. Лѣсъ молодой, тонкій, густой и переполненъ вустарникомъ до того, что проѣздъ становится крайне затруднительнымъ. Татаринъ, правда, подгоняетъ лошадей, но тутъ приходится не усиливать его энергію, а скорѣе сдерживать его усердіе, потому что скорая ѣзда соединена даже съ опасностями; густыя вѣтви, при движеніи нашего „делижана“,

то-и-дѣло хлещутъ насъ, да такъ, что и больно, и опасно; чего добраго, глаза выхлещетъ или лицо изуродуетъ; если мы выбрались изъ лѣсу безъ особаго тѣлеснаго поврежденія, то, конечно, благодаря особенному покровительству судьбы. Приходилось повторять: „потихе, потихе!“ — а возница-татаринъ то-и-дѣло извиняется:—я не виноватъ, это дерево бьетъ!—Лѣсъ хотя и тоновъ, но ему большая цѣна въ этой части Крыма, гдѣ каждой жердочкѣ почетъ: одна годится на тычинку для виноградника, другая—для развѣшиванья табаку и т. под. И названія деревъ тутъ не тѣ, къ какимъ мы привыкли внутри Россіи. Старый знакомецъ—только дубъ, а то все: кизылъ, букъ, карагачъ и т. д., и т. д. Осмотръ лѣса опять оправдалъ татаръ: оказалось, что вырублено лишь то, что было дозволено, и притомъ рубили все въ одному мѣсту, лѣсосѣка въ лѣсосѣкѣ. Значить, уцѣлѣвшія деревья, кустарники, густыя чащи, волотившія насъ вѣтви—еще обильный источникъ для будущихъ денежныхъ взносовъ. Пожалуй, правда, что татары выплачутся гораздо раньше срока. Тутъ сама татарская косность содѣйствовала сбереженію лѣса. Въ иной русской деревнѣ, населенной бойкимъ людомъ, скоро успѣли бы очистить подобную лѣсную площадь. Значить, нѣтъ худа безъ добра.

Если медленъ, неповоротливъ, непредпріимчивъ крымскій татаринъ, то все же изъ совокупности узнаннаго при болѣе близкомъ соприкосновеніи съ нимъ пришлось заключить, что не безнадёжно его состояніе; и для задавленныхъ экономически есть еще выходъ къ лучшему, надо только усилить заботы о нихъ. Мало умѣетъ татаринъ самъ изыскивать способы улучшенія своего быта, мало заглядываетъ въ завтрашній день, но онъ можетъ успѣшно идти по указанному пути, довольно исправный плательщикъ и умѣетъ быть довольнымъ немногимъ. Благодаря этой способности довольствоваться, есть, говорятъ, между татарами даже „счастливые люди“. Одинъ мой крымскій знакомый рассказывалъ про такого человѣка. Очень небогатый, пожилой татаринъ въ разговорѣ какъ-то высказалъ:—Ну, не всякій же такой счастливый человѣкъ, какъ я!—А ты развѣ счастливъ?—спрашиваютъ его.—Конечно,—отвѣчаетъ онъ:—я собралъ двѣ десятины пшеницы, у меня есть хата, двѣ кобылы съ жеребятами, я каждый мѣсяць рѣжу барашка—чего-жъ еще? Я—счастливый человѣкъ.— И это было сказано съ видомъ полнаго убѣжденія.

Ө. Воропоновъ.

НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *).

ХП.

Джіованни крѣпко спалъ въ продолженіе двухъ часовъ. Онъ очень усталъ отъ тревожной прошедшей ночи, и теперь природа взяла свое.

Напротивъ того, дель-Фериче не могъ сомкнуть глазъ. Онъ чувствовалъ неприятное ощущеніе вокругъ горла, точно его заживо повѣсили или отрѣзали ему голову. И кромѣ того терзался мучительною и унижительною мыслью, что, послѣ долгой и успѣшной общественной карьеры, онъ былъ пойманъ злѣйшимъ врагомъ въ низкомъ поступкѣ. Во-первыхъ, Джіованни могъ убить его. Хотя дель-Фериче былъ хорошимъ фехтовальщикомъ, но Джіованни былъ сильнѣе и подвижнѣе его; дуэль представляла очень большія опасности. Съ другой стороны, если онъ останется въ живыхъ, Джіованни будетъ держать его въ рукахъ во всю остальную жизнь, и спасенія ему нѣтъ. Его поймали на томъ, что онъ подслушивалъ,—поймали на такомъ крайне безчестномъ поступкѣ;

*) См. выше: февраль, стр. 688.

онъ зналъ, что еслибы было предоставлено суду чести разобрать дѣло, то онъ былъ бы опозоренъ.

Не впервые случалось дель-Фериче дѣлать такіа дѣла, но онъ былъ пойманъ впервые. Онъ проклиналъ свою неловкость, благодаря которой уронилъ тяжелый горшокъ съ цвѣтами какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ достигъ цѣли и навѣрное узналъ, что Джіованни любитъ герцогиню Астрарденте.

Ему надо было это знать, потому что онъ серьезно намѣревался искать руки донны Тулліи и хотѣлъ быть увѣреннымъ, что Сарачинеска ему не соперникъ.

Очевидно, для него оставался теперь одинъ исходъ—это постараться, если можно, убить Джіованни. Такимъ образомъ онъ отдѣляется отъ врага и въ то же время удалить всѣ улики противъ себя. Вопросъ въ томъ только, какъ это сдѣлать: Джіованни смѣлый, сильный и опытный человекъ; а всѣ эти качества были чужды дель-Фериче. Еще мѣнѣе былъ онъ доволенъ, когда услышалъ, что секундантами Джіованни будутъ его отецъ и меланхолическій Спикка, первый дуэлистъ въ Италіи, несмотря на свое худое, длинное тѣло, грустный голосъ и выраженіе полной поворности судьбѣ.

Но хотя дель-Фериче и не могъ спать, однако принялъ всѣ мѣры, чтобы сберечь свои силы къ завтрашнему дню. Онъ растянулся на кровати, старательно высвободивъ правую руку, чтобы какъ-нибудь не придавить ее и не повредить упругости мускуловъ и гибкости сочлененій. Время отъ времени онъ втиралъ въ кость руки укрѣпляющее масло, и старался, чтобы свѣтъ не падалъ ему въ глаза и не утомлялъ ихъ. Въ шесть часовъ пришли его секунданты вмѣстѣ съ хирургомъ, приглашеннымъ ими, и они вчетверомъ быстро поѣхали по Корсо въ направленіи къ городскимъ воротамъ.

Обѣ партіи были такъ пунктуальны, что въ одно время прибыли къ воротамъ виллы, избранной мѣстомъ поединка. Старикъ князь взялъ ключъ изъ кармана и самъ отперъ желѣзные ворота. Бареты вѣхали, и ворота были заперты удивленнымъ портье, со всѣхъ ногъ прибѣжавшимъ туда. Уже достаточно разсвѣло, чтобы можно было драться, когда всѣ восемь человекъ вышли изъ экипажей передъ домомъ. Утро было пасмурное, но земля суха. Дуэлянты и секунданты церемонно раскланялись другъ съ другомъ. Джіованни отошелъ въ сторону съ своимъ хирургомъ, а дель-Фериче—съ своимъ.

Меланхолическій Спикка, походившій на тѣнь, въ свѣромъ утреннемъ свѣтѣ, первый заговорилъ.

— Конечно, вы знаете, гдѣ найти тутъ удобное мѣсто для дуэли?— спросилъ онъ старика князя.

— Такъ какъ еще нѣтъ солнца, то я предлагаю выбрать площадку позади дома. Грунтъ тамъ твердый и сухой.

Всѣ послѣдовали за старымъ Сарачинеска; Спикка несъ рапиры въ зеленомъ мѣшкѣ. Мѣсто, рекомендованное княземъ, найдено было во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ, и секунданты дель-Фериче не протестовали.

Безъ дальнѣйшихъ комментарій, Джіованни снялъ сюртукъ и жилетъ, и дель-Фериче, казавшійся болѣе блѣднымъ и нездоровымъ, чѣмъ обыкновенно, послѣдовалъ его примѣру. Секунданты противной стороны оцупали рубашки дуэлянтовъ, чтобы убѣдиться, что подъ ними не было фланелевыхъ фуфаякъ. Послѣ этой формальности, рапиры были сличены, и Джіованни предложено было первому выбрать. Онъ взялъ ближайшую, а другую подалъ дель-Фериче. То были самыя обыкновенныя рапиры, но пуговики были сняты съ острія, и послѣднее отточено. Выборъ не представлялъ затрудненія. Секунданты взяли въ руки по саблѣ и разставили дуэлянтовъ на разстояніи семи или восьми шаговъ другъ отъ друга, а сами стали немного поодаль, каждый съ правой руки своего принципала; свидѣтели же размѣстились по лѣвую руку; хирурги—позади. Затѣмъ наступила минутная пауза. Когда все было готово, старикъ Сарачинеска приблизился къ Джіованни, а секундантъ дель-Фериче—къ этому послѣднему.

— Джіованни,—сказалъ старикъ князь внушительно:—кажтвой секундантъ, я обязанъ предложить тебѣ сдѣлать попытку къ примиренію. Согласенъ ли ты?

— Нѣтъ, отецъ, не согласенъ,—отвѣчалъ Джіованни съ легкой улыбкой.

Лицо его было совсѣмъ спокійно и не блѣдно. Старикъ Сарачинеска пошелъ впередъ и встрѣтился на полпути съ Казальверде, секундантомъ противной стороны. Каждый церемонно выразилъ другому свое великое сожалѣніе о невозможности уладить дѣло миромъ—и затѣмъ снова сталъ по правую руку своего принципала.

— Господа,—сказалъ князь громко:—готовы ли вы?

И когда оба дуэлянта наклонили голову,—немедленно scomандовалъ:

— Начинать!

Джіованни и дель-Фериче сдѣлали шагъ впередъ, салютовали рапирами другъ друга, затѣмъ секундантовъ и свидѣтелей, и, повернувшись лицомъ къ лицу, стали въ позицію.

— Начинать!—загремѣлъ снова князь, и дуэль началась.

Сразу стало видно, что манера драться у противниковъ не одинаковая. Дель-Фериче фехтовалъ въ неаполитанскомъ стилѣ, выпрямивъ руку, не сгибая локтя и дѣйствуя одною кистью руки; спину онъ держалъ прямо, а колѣни такъ подогнулъ, что казался вполонину меньше обыкновеннаго роста. Онъ дѣлалъ короткія и быстрыя движенія и сравнительно рѣдкія, очевидно опасаясь утомить себя спервоначала. Для поверхностнаго наблюдателя движенія его были менѣе граціозны, чѣмъ у его антагониста, нападенія не столь смѣлыя, а оборона не столь блестящая. Но старикъ князь стиснулъ зубы: онъ увидѣлъ, что дель-Фериче искуснѣйшій фехтовальщикъ.

Джіованни бился съ видомъ челоуѣка обороняющагося, но не стремящагося къ нападенію. Онъ казался безопаснымъ, но силою и гибкостью превосходилъ противника и могъ потому беречь свои усилія, тогда какъ дель-Фериче вынужденъ былъ пускаться въ ходъ всѣхъ своихъ средствъ.

Такъ бились они слишкомъ двѣ минуты безъ всякаго видимаго результата, когда Джіованни вдругъ измѣнилъ свою тактику. Онъ сталъ усиленнѣе наступать на противника, какъ вдругъ Казальверде завричалъ:

— Стой!

Оба дуэлянта немедленно опустили оружіе, а секунданты стали между ними и скрестили сабли.

Джіованни сердито закусилъ губы.

— Почему „стой“?—рѣзко спросилъ старикъ князь.—Никто не раненъ.

— У моего принципала развязался шнурокъ отъ башмака,—отвѣчалъ спокойно Казальверде. Это было правда.—Онъ можетъ оступитья и упасть,—продолжалъ пріятель дель-Фериче, и, ставъ на колѣно, завязалъ шнурокъ. Князь пожалъ плечами и отвелъ Джіованни въ сторону.

— Джіованни,—сказалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—если ты не будешь осторожниѣе, онъ тебя поддѣнетъ. Ради самого неба, протяни ему руку—и дѣлу конецъ!

— Я только-что хотѣлъ обезоружить его, когда его секундантъ насъ остановилъ,—отвѣтилъ спокойно Джіованни.—Но онъ готовъ; идемъ!—прибавилъ онъ.

— Начинать!

И снова оба противника сошлись, и оружіе, сврещиваясь, громко застучало въ холодномъ воздухѣ. Снова Джіованни сталъ тѣснить дель-Фериче.

— Стой!—заревѣлъ Казальверде. Старикъ Сарачинеска бросился впередъ, а Джіованни опустил оружіе. Но Казальверде не выставилъ сабли между дуэлистами, и двѣ секунды спустя послѣ крика: стой!—дель-Фериче бросился на противника съ рапирой въ рукѣ. Джіованни закрылся рукой, чтобы защитить грудь. Онъ не успѣлъ поднять оружія. Острая рапира дель-Фериче воткнулась ему въ руку, у висти, и нанесла продольную рану до локтя.

Джіованни ничего не сказалъ, но оружіе выпало у него изъ руки, и онъ повернулся къ отцу, блѣдный отъ гнѣва. Кровь текла по его рукаву, и докторъ подбѣжалъ къ нему.

Старикъ князь сразу увидѣлъ коварную уловку и, выйдя впередъ, положилъ руку на рукавъ секунданта дель-Фериче.

— Зачѣмъ вы остановили ихъ, милостивый государь? И гдѣ ваша сабля?—сказалъ онъ въ сильномъ гнѣвѣ.

Дель-Фериче оперся на пріятеля; зеленоватая блѣдность разлилась по его лицу, но ротъ улыбался подъ безцвѣтными усами.

— Мой принципалъ раненъ, —отвѣтилъ Казальверде, указывая на царапину на шеѣ дель Фериче, изъ которой вытекла всего одна капля крови.

— Въ такомъ случаѣ почему же вы не остановили вашего принципала отъ нападенія послѣ того, какъ закричали: „стой!“? Вы нарушили свои обязанности, милостивый государь, и если эти господа признаютъ себя удовлетворенными, то вы будете отвѣчать мнѣ.

Казальверде молчалъ.

— Я признаю себя вполне удовлетвореннымъ, —сказалъ Уго съ непріятной улыбкой, глядя, какъ хирургъ перевязывалъ руку Джіованни.

— Милостивый государь, —обратился гнѣвно Сарачинеска къ секунданту:—я нахожусь здѣсь не затѣмъ, чтобы препираться съ вашимъ принципаломъ; онъ можетъ выражать свое удовольствіе черезъ васъ, если ему угодно. Мой принципалъ, черезъ меня, объявляетъ, что онъ нисколько не удовлетворенъ.

— Вашъ принципалъ, князь, —холодно отвѣчалъ Казальверде, —не можетъ больше драться, въ виду того, что раненъ въ правую руку.

— Мой сынъ, милостивый государь, такъ же искусно фехтуетъ лѣвой, какъ и правой рукой.

Лицо дель-Фериче омрачилось, и улыбка исчезла съ губъ.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ продолжать, —отвѣтилъ Казальверде, не умѣя, однако, скрыть свою досаду. Онъ былъ пріятель.

тель дель-Фериче и съ удовольствіемъ увидѣлъ бы Джіованни убитымъ наповальъ измѣнническимъ образомъ.

Противная сторона съ минутой совѣщалась.

— Я доставлю себѣ удовольствіе убить этого господина завтра поутру,—замѣтилъ Спикка, мрачно слѣдя за операціей хирурга.

— Если только я самъ не убью его сегодня! — отвѣтилъ князь злобно какъ бы про себя. — Готовъ ли ты, Джіованнино?

Ему и въ голову не пришло спросить сына, не слишкомъ ли сильно онъ раненъ, чтобы продолжать биться.

Джіованни не говорилъ ни слова, но кровь бросилась ему въ голову, и онъ былъ сильно разгнѣванъ. Онъ взялъ поданную ему рапиру и спокойно дотронулся до острія. Оно было отточено какъ иголка. Джіованни вивнулъ головой на вопросъ отца; и всѣ стали опять на мѣста, но на этотъ разъ старикъ князь сталъ по лѣвую руку сына, такъ какъ тотъ дрался лѣвою рукой. Дель-Фериче робко атаковалъ противника. До сихъ поръ мужество не покидало его, но сознаніе измѣнническаго подвоха и видъ разгнѣваннаго соперника привели его въ нервное состояніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему не совсѣмъ ловко было биться съ лѣвшой.

Джіованни сдѣлалъ два или три пасса и затѣмъ оригинальнымъ движеніемъ, не сходнымъ ни съ однимъ, которые были знакомы присутствующимъ, онъ выбилъ шпагу изъ рукъ дель-Фериче. Шпага отлетѣла на нѣсколько шаговъ, и, попавъ въ окно, разбила стекло.

— Ага! опять черепки!—сказалъ Джіованни презрительно, опуская шпагу и отступая на два шага.—Берите другую шпагу, милостивый государь! я не хочу убить безоружнаго.

— Боже мой, Джіованнино!—вскричалъ его отецъ въ большомъ волненіи:—гдѣ ты научился этому приему?

— Путешествуя по бѣлу-свѣту, когда, по вашему мнѣнію, я приобрѣлъ такъ много дурныхъ привычекъ... Онъ, кажется испуганъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ и взглядывая на помертвѣлое лицо дель-Фериче.

— И есть отъ чего, — отвѣтилъ князь:—если только жизнь ему дорога!

Кавальверде и его свидѣтель подошли съ новой парой рапиръ, такъ какъ та, которая ударилась въ окно, не могла долѣе служить, потому что согнулась.—Господа, предложимъ Джіованни выбрать рапиру.

— Если нѣтъ возраженій, то я охотнѣе оставлю себѣ ту, что держу,—сказалъ онъ отцу.

Рапиры были смѣряны и найдены равной длины. Оба секунданта отошли, и дель-Фериче выбралъ оружіе.

— Очень умно,—сказалъ Спикка, медленно возвращаясь на мѣсто.—Никогда не слѣдуетъ разставаться съ старымъ другомъ.

— Мы готовы!—раздалось съ противоположнаго конца.

— Начинать!—закричалъ старикъ князь.—Краска гнѣва не прошла еще на лицѣ Джіованни, когда онъ выступилъ впередъ. Дель-Фериче имѣлъ видъ человѣка, идущаго на смерть, но на его блѣдномъ лицѣ была видна твердая рѣшимость.

Не успѣли они сдѣлать нѣсколькихъ пассивовъ, какъ Уго поскользнулся или сдѣлалъ видъ, что поскользнулся и упалъ на правое колено. Но, падая, онъ неожиданно ткнулъ шпагой подъ вытянутую лѣвую руку Джіованни.

Старикъ опять испустилъ страшное ругательство и такимъ громкимъ голосомъ, что эхо повторило его. Дель-Фериче прибѣгнулъ къ знаменитой уловкѣ, известной издавна подъ названіемъ „colpo del Tancredi“, отъ предполагаемаго имени ея изобрѣтателя. Въ настоящее время она не допускается на дуэляхъ. Но этотъ смертельный ударъ теряетъ половину своей силы, будучи направленъ противъ лѣвши. Рапира слегка задѣла кожу на лѣвомъ боку Джіованни, и кровь снова обагрила его бѣлую рубашку. Но въ тотъ моментъ, какъ дель-Фериче поскользнулся, Джіованни направилъ вѣрный и смертельный ударъ ему въ грудь; шпага, соскользнувъ, вмѣсто груди воткнулась въ горло дель-Фериче и съ такой силой, что бронзовая ручка ея съ страшнымъ стукомъ ударилась о челюсть упавшаго человѣка.

Секунданты, свидѣтели и хирурги бросились со всѣхъ ногъ въ упавшему; дель-Фериче лежалъ на боку. Онъ рухнулъ такъ тяжело и внезапно, что шпага выскользнула изъ рукъ Джіованни. Старикъ князь взглянулъ и отвелъ сына подальше.

— Онъ мертвъ какъ камень,—пробормоталъ онъ съ дикимъ блескомъ въ глазахъ.

Джіованни сталъ поспѣшно одѣваться, не обращая вниманія на новую рану, полученную имъ во время поединка. Среди всеобщаго волненія, его хирургъ тоже присоединился къ группѣ, собравшейся около поверженнаго на землю человѣка. Прежде чѣмъ Джіованни надѣлъ пальто, тотъ вернулся вмѣстѣ со Спикка, у котораго былъ разочарованный видъ.

— Онъ вовсе не умеръ,—сказалъ хирургъ:—вы мастерски распорядились, пробили горло, не задѣвъ артеріи.

— Желаетъ онъ продолжать?—спросилъ Джіованни такъ яростно, что всѣ трое мужчинъ уставились на него.

— Не будь такъ кровожаденъ, Джіованнино!—сказаль старикъ князь съ упрекомъ.

— Я имѣлъ бы право пойти и убить его теперь, какъ онъ есть,—отвѣчалъ младшій Сарачинеска съ яростью.—Онъ дважды чуть не умертвилъ меня предательски сегодня утромъ.

— Правда,—замѣтилъ старикъ князь.—Какая подлая свотина!

— Кстати,—сказаль Спикка, закуревая папиросу:—я боюсь, что лишилъ васъ удовольствія имѣть дѣло съ человѣкомъ, именовавшимъ себя секундантомъ дель-Фериче. Я только-что объяснился съ нимъ, и мы не поладили.

— О! какъ вамъ угодно,—проворчалъ князь.—Мнѣ завтра и безъ того предстоитъ много хлопотъ съ Джіованни. Я боюсь, что его правая рука опасно ранена.

— Ба! пустяки; не стоило бы толковать, еслибы ударъ не былъ нанесенъ безчестнымъ способомъ.

Старикъ Сарачинеска и Спикка снова пошли на мѣсто поединка. Предстояла формальность обмѣна словъ, которыми оба дуэлянта заявляли, что считаютъ себя удовлетворенными, и послѣ того Джіованни тронулся въ путь, въ сопровожденіи своей компаніи; Спикка несъ подъ мышкой зеленый мѣшокъ съ рапирами и пускалъ въ воздухъ клубы дыма изо рта. Они пробыли около часу на воздухѣ, обоченѣли отъ холода и чувствовали себя притомъ утомленными оттого, что не выспались. Они сѣли въ экипажъ и быстро поѣхали домой.

— Позавтракайте съ нами,—предложилъ старикъ князь Спикка, когда они пріѣхали во дворецъ Сарачинеска.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣчалъ меланхолическій человѣкъ.—У меня слишкомъ много дѣла, такъ какъ я ѣду въ Парижъ завтра утромъ съ десятичасовымъ поѣздомъ. Не дадите ли мнѣ какихъ порученій? Я пробуду въ отсутствіи нѣсколько мѣсяцевъ.

— Я думаль, что вы завтра деретесь,—замѣтилъ князь.

— Именно. Потому-то мнѣ и придется оставить страну немедленно вслѣдъ затѣмъ.

Старикъ содрогнулся. При всей своей пылкости и страстности, онъ не понималъ безмятежнаго спокойствія этого страннаго человѣка, искусство котораго было такъ велико, что онъ считаль смерть противника неизбежной, если только онъ того захочетъ. Что касается Джіованни, то онъ все еще былъ такъ раздраженъ, что его не могъ тревожить исходъ второй дуэли.

— Я искренно благодаренъ за ваши добрыя услуги,—сказаль онъ, когда Спикка съ нимъ прощался.

— Вы будете отомщены за обѣ попытки умертвить васъ, — отвѣчалъ Спикка спокойно. — И, пожавъ всѣмъ руки, опять сѣлъ въ экипажъ.

Они его больше не видали очень долгое время. Онъ исполнилъ вѣрно свою программу. Дрался съ Казальверде на слѣдующее утро въ семь часовъ утра, и ровно черезъ четверть часа положилъ его мертвымъ на мѣстѣ. Въ половинѣ восьмого позавтракалъ съ своими секундантами и вмѣстѣ съ ними выѣхалъ въ десять часовъ въ Парижъ. Онъ выбралъ двоихъ французскихъ офицеровъ, возвращавшихся домой, чтобы не вынудить никого изъ своихъ пріятелей повинуть отечество; а это доказываетъ, что даже въ моменты высшаго возбужденія графъ Спикка способенъ былъ думать о другихъ.

Когда хирургъ перевязалъ раны Джіованни, онъ оставилъ отца и сына вдвоемъ. Джіованни лежалъ на кушеткѣ въ собственной гостиной и завтракалъ, дѣйствуя одной лѣвой рукой. Старикъ князь ходилъ по комнатѣ, время отъ времени комментируя событія сегодняшняго утра.

— Хорошо, что ты не убилъ его, Джіованнино; было бы неприятно уѣзжать изъ Рима какъ разъ теперь.

Джіованни не отвѣчалъ.

— Конечно, дуэль большой грѣхъ и строго запрещается нашей религіей, но однако...

— Вотъ именно, — отвѣтилъ Джіованни. — Мы никакъ не можемъ избѣжать дуэли.

— Я хотѣлъ сказать, — продолжалъ отецъ, — что это очень грѣховное дѣло, и если кто убьетъ человѣка на дуэли, то навѣрное попадетъ въ адъ. Но ...пріятно было поглядѣть, какъ ты выбилъ шпагу изъ рукъ этого негодая.

— Это очень простая штука. Возьмите рапиру въ руки, и я васъ научу.

— Постой, постой; сначала позавтракай. Скажи мнѣ, почему ты сказалъ: „опять черепки“?

Джіованни закусилъ губу, припомнивъ о своей неосторожности.

— Право, не знаю. Что-то мнѣ вспомнилось, должно быть. Въ минуты возбужденія часто говоришь чепуху.

— Мнѣ показалось это очень странно, — отвѣтилъ князь, все еще прохаживаясь. — Кстати, — прибавилъ онъ, остановясь передъ письменнымъ столомъ: — вотъ письмо, которое ты мнѣ написалъ. Хочешь, чтобы я его прочиталъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Джіованни со смѣхомъ. — Теперь не

стоять. Оно показалось бы нелѣпнымъ, когда я живъ и здоровъ. Я въ немъ прощался съ вами.

Старикъ князь тоже засмѣялся и бросилъ запечатанный конвертъ въ огонь.

— Послѣдній въ родѣ Сарачинеска еще не умеръ,—сказалъ онъ. — Джіованни, что мы скажемъ сплетникамъ? Въ Римѣ это дѣло разнесется еще до вечера. Конечно, тебѣ придется просидѣть нѣсколько дней дома, иначе ты можешь застудить руку. Я же объѣзжу всѣхъ и извѣщу о нашей побѣдѣ.

— Лучше ничего не говорить... лучше отсылать всѣхъ за объясненіями къ дель-Фериче, говоря, что онъ вызвалъ меня... Войдите!—закричалъ Джіованни, въ отвѣтъ на стукъ въ дверь. Пасквале, старикъ буфетчикъ, вошелъ въ комнату.

— Герцогъ д'Астрарденте прислалъ узнать о здоровьѣ его сіятельства дона Джіованни, — почтительно проговорилъ онъ.

Старшій Сарачинеска остановился и громко засмѣялся.

— Уже! ты видишь, Джіованнино. Скажи ему, Пасквале, что донъ Джіованни сильно простудился на балѣ прошлой ночью... или нѣтъ, постой! что ему сказать, Джіованнино?

— Скажите присланному слугѣ, — отвѣтилъ Джіованни мрачно, — что я благодарю за любезное вниманіе, что я совсѣмъ здоровъ и сижу за завтракомъ, какъ вы сами видите.

Пасквале поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Ты, конечно, не желаешь, чтобы она знала... — сказалъ князь, внезапно становясь серьезнымъ.

Джіованни молча наклонилъ голову.

— Твое дѣло, мой другъ, — замѣтилъ серьезно старикъ. — Я тоже ничего не желаю знать. Но какъ это они узнали про дуэль?

Вопросъ обращенъ былъ скорѣе къ самому себѣ, нежели къ сыну, и тотъ на него не отвѣчалъ. Онъ былъ благодаренъ отцу за его деликатность.

ХІІІ.

Наканунѣ, старый князь Сарачинеска, прежде чѣмъ позвать графа Спикка въ секунданты, обращался за содѣйствіемъ къ своему пріятелю, посланнику, ужинавшему за однимъ столомъ съ герцогомъ д'Астрарденте. Посланникъ всталъ изъ-за стола и отошелъ въ сторону съ княземъ, но заявилъ, что не можетъ указать никого изъ близкихъ знакомыхъ, какъ подходящаго чловека.

Увидѣвъ лицо князя Сарачинеска, когда тотъ разговаривалъ съ дипломатомъ, Астрарденте тотчасъ же догадался, что случилось нѣчто особенное, и немедленно попытался выведать о томъ у дипломата. Посланникъ вернулся въ своему ратѣ и шампанскому съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто узналъ нѣчто забавное и интересное въ одно и то же время.

— Какой удивительно забавный старикашка этотъ Сарачинеска! — замѣтилъ Астрарденте.

— Когда ему это вздумается, — отвѣтилъ его превосходительство, съ набитымъ ртомъ.

— Напротивъ того, когда онъ всего меньше о томъ думаетъ. Я не знавалъ еще человѣка болѣе годнаго для карикатуры. Онъ, право, отличная каррикатура на собственнаго сына, или его сынъ — каррикатура на родного отца... Я еще не рѣшилъ, которое изъ двухъ вѣрнѣе.

Посланникъ засмѣялся и опять набилъ ротъ.

— Ха! ха! очень мило! — пробормоталъ онъ, жуя. Онъ оцѣнилъ бы вашу острогу. Онъ любить свой родъ. И скорѣе согласился бы представлять собой самую комическую каррикатуру безобразнѣйшаго Сарачинеска, нежели обладать красотой Астрарденте и носить другую фамилію.

Дипломатъ умолекъ на секунду и повлонился герцогинѣ; но его намекъ задѣлъ ея мужа въ больное мѣсто. Старый дэнди былъ когда-то красивъ въ своемъ родѣ и изо всѣхъ силъ старался сохранить или, вѣрнѣе, поддѣлать красоту и въ настоящее время. Герцогиня слабо улыбнулась.

— Я побьюсь объ закладъ, — сказалъ Астрарденте вслухъ, — что его взволнованное лицо объясняется двумя причинами: или его тщеславію, или его деньгамъ грозитъ опасность. Судя по тону, какимъ онъ позвалъ Спикка, мнѣ показалось, что въ воздухѣ пахнетъ дуэлью. Но представьте себѣ этого старикашку дерущимся на дуэли! Вѣдь это нелѣпо!

— Дуэль? — повторила Корона тихимъ голосомъ.

— Я не вижу ничего въ этомъ нелѣпаго, — сказалъ дипломатъ, медленно поднося бокалъ съ шампанскимъ къ губамъ и искоса поглядывая на герцогиню. — Кромѣ того, у него вѣдь есть сынъ.

Корона чуть-чуть вздрогнула.

— Съ какой стати будетъ дуэль? — спросила она.

— Это идея вашего мужа.

— Но вы сказали, что въ ней нѣтъ ничего нелѣпаго.

— Но я не говорилъ также, что она вѣрна, — проговорилъ

его превосходительство успокоительнымъ тономъ. — Что заставляетъ васъ предполагать дуэль? — обратился онъ къ Астрарденте.

— Спикка, — отвѣтилъ тотъ. — Гдѣ замѣшанъ Спикка, тамъ навѣрное дуэль. Это страшный человѣкъ съ своей мертвой головой и скелетообразнымъ туловищемъ! Это такой человѣкъ, что подумать о немъ — неприятно.

И старикъ выставилъ рожками мизинецъ и указательный палецъ, какъ бы въ предохраненіе себя отъ дурного предзнаменованія, отъ дурного глаза, связаннаго съ именемъ Спикка. Старикъ Астрарденте былъ очень суевѣренъ. Посланныкъ захохоталъ, и даже Корона улыбнулась.

— Да, — сказала дипломатъ, — Спикка, — это живое „memento mori“: время отъ времени онъ напоминаетъ людямъ про смерть, убивая ихъ.

— Какъ ужасно! — воскликнула Корона.

— Ахъ, дорогая герцогиня, мнѣ полонъ ужасныхъ вещей.

— Но это не резонъ, чтобы надъ ними шутить.

— Лучше шутить надъ тѣмъ, что неизбежно, — замѣтилъ Астрарденте. — Готова ли ты ѣхать домой, моя душа?

— Совершенно... я только ждала тебя, — отвѣчала Корона, которой хотѣлось поскорѣе вернуться домой и остаться наединѣ самой съ собою.

— Сообщите мнѣ о результатѣ воинственныхъ предпріятій стараго Сарачинеска, — сказала Астрарденте съ хитрой улыбкой на раскрашенномъ лицѣ. — Конечно, такъ какъ онъ совѣтовался съ вами, то, вѣрно, извѣститъ васъ поутру о всемъ, что было.

— Вамъ такъ, кажется, хочется, чтобы была дуэль, что я готовъ измыслить таковую, чтобы только не разочаровать васъ, — отвѣтилъ дипломатъ.

— Вы хорошо знаете, что вамъ выдумывать не придется, — отвѣтилъ герцогъ, любопытство котораго было сильно возбуждено.

— Хорошо... какъ хотите. Покойной ночи, — сказалъ посланныкъ.

Ему пріятно было подразнить немножко Астрарденте, и онъ расстался съ нимъ съ пріятнымъ сознаниемъ, что подстрекнулъ его любопытство и не удовлетворилъ его.

Люди, которымъ приходится много возиться съ людьми, часто испытываютъ глубокое и, повидимому, жестокое удовольствіе играть чувствами и слабостями своихъ ближнихъ. Привычка бываетъ такъ сильна, что они уже машинально предаются ей. То же самое бываетъ и у людей, обязанныхъ по профессіи понимать другихъ людей. Они не могутъ четверть часа пробыть въ обще-

ствѣ другого человѣка, не попытавшись открыть спеціальныя слабости его характера, — его суетность, вкусы, пороки, любопытство, алчность или славолюбіе; процессъ, происходящій въ умѣ такихъ людей, можно сравнить съ медицинскимъ выстукиваніемъ и выслушиваніемъ: ихъ уши вѣчно приставлены къ груди сосѣдей, и ихъ разговоръ имѣетъ характеръ медицинскаго допроса, съ цѣлью убѣдиться въ разстройствѣ чахоточныхъ легкихъ.

Но, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, Астарденте былъ очень проницательный человѣкъ. Онъ тотчасъ же догадался, какого рода дѣло занимаетъ Сарачинеска, а изъ замѣчанія своего пріятеля дипломата заключилъ, что если дуэль будетъ, то героемъ ея окажется Джіованни. Само собой разумѣется, что посланникъ ничего не зналъ о причинѣ дуэли, — въ противномъ случаѣ онъ, можетъ быть, и открылъ бы истину, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ она на герцогиню, такъ какъ, понятно, слыхалъ о толкахъ про страсть, внушенную ею. Какъ бы то ни было, она вздрогнула при упоминеніи о сынѣ князя Сарачинеска. Дипломатъ сдѣлалъ только то, что каждый пытался сдѣлать, кому только доводилось сталкиваться съ Короной въ то время: онъ старался убѣдиться, питаетъ ли она, съ своей стороны, какія-нибудь чувства къ человѣку, котораго молва зачисляла въ самые горячіе ея поклонники.

Бѣдная герцогиня! она была вполне увѣрена въ себѣ и искренно вѣрила въ обѣщаніе Джіованни. Они твердо выдержатъ искусь и отнынѣ ни единымъ словомъ не выдадутъ своей слабости. Но теперь новый ужасъ оковалъ ее. Этотъ слухъ про дуэль... простое слово, безопасно пророненное въ разговорѣ легкомысленнымъ знакомымъ, наполнило ее предчувствіемъ грядущихъ бѣдъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ для Короны служило то, что все это крайне неправдоподобно. Когда дипломатъ ушелъ, мужъ ея много распространялся объ этой исторіи, потому ли, что любопытство его было затронуто, или по другимъ причинамъ — трудно сказать.

Астарденте повелъ жену изъ буфета черезъ просторные покои, въ настоящій моментъ почти опустѣвшіе, въ залу, гдѣ котильонъ былъ въ самомъ разгарѣ. Они на минутку остановились въ дверяхъ и стали глядѣть, какъ и Джіованни четверть часа раньше. Зрѣлище было великолѣпное; огни отражались въ брилліантахъ красивыхъ женщинъ; воздухъ былъ упоенъ благоуханіемъ отъ цвѣтовъ, наполнявшихъ амбразуры оконъ, и отъ букетовъ, раздаваемыхъ въ котильонѣ. Восхитительные звуки вальса носились надъ залой

и воодушевляли всѣхъ женщинъ и мужчинъ. Въ ту минуту, какъ Корона остановилась въ дверяхъ поглядѣть на танцующихъ, наступила пауза, и толпа разступилась передъ громаднымъ тигромъ, геральдическимъ звѣремъ фамиліи Франджипани, котораго втащили въ залу молодой князь и Біанка Вальдэрно. Великолѣпное чучело звѣря было такъ артистично набито, что казалось живымъ, а въ большой пасти висѣла корзинка, наполненная маленькими тигрятами, которыхъ предстояло раздать танцующимъ. Взрывъ аплодисментовъ встрѣтилъ эту новую фигуру, и всѣ устремились впередъ, чтобы поглядѣть поближе.

— Ахъ! — вскричалъ старикъ Астрарденте: — мнѣ завидно глядѣть на ихъ выдумку, душа моя. Это просто великолѣпно! Я хочу, чтобы ты увезла съ собой тигренка.

Онъ протискался впередъ, оставивъ на минуту жену одну въ дверяхъ, и поймалъ Вальдэрно, раздававшего эмблемы направо и налево. Зоркіе глаза *m-me Майеръ* усмотрѣли герцога и его жену, и изъ чувства инстинктивнаго любопытства она подошла къ Коронѣ. Она все еще сердилась на грубость Джіованни, и ей хотѣлось чѣмъ-нибудь отомстить красавицѣ, заставившей его забыть о томъ, что онъ съ нею танцуетъ. Когда Астрарденте отошелъ отъ жены, она добралась до нея, какъ бы невзначай, и взглянула съ притворнымъ удивленіемъ.

— Какъ! вы не танцуете, герцогиня? — спросила она. — Развѣ вашъ кавалеръ уѣхалъ домой?

Взглядъ, сопровождавшій этотъ вопросъ, подчеркивалъ его дерзость. Еслибы донна Туллія видѣла, что старикъ Астрарденте стоитъ за ея спиной, она бы себѣ этого не позволила. Старый дэнди вернулся съ триумфомъ, держа тигренка, добытаго для жены. Онъ услышалъ слова *m-me Майеръ* и съ чувствомъ внутренняго довольства увидѣлъ спокойный и равнодушный взглядъ жены.

— Сударыня, — сказалъ онъ, внезапно выростая передъ *m-me Майеръ*: — кавалеры моей жены не уѣзжаютъ домой, если она остается на балѣ.

— О! вижу, — отвѣчала донна Туллія, покраснѣвъ: — герцогиня танцуетъ котильонъ съ вами; прошу извиненія, я совсѣмъ забыла, что вы все еще танцуете.

— Да, въ самомъ дѣлѣ я давно уже не имѣлъ удовольствія танцевать съ вами кадрили, сударыня, — отвѣтилъ Астрарденте съ вѣжливой улыбкой.

И, говоря это, повернулся и подаль женѣ тигренка съ низкимъ поклономъ. Въ старомъ гоупѣ была своего рода порядочность.

Корона была тронута его любезностью и готовностью защищать ее отъ всякаго нападенія. Несмотря на холодный и равнодушный взглядъ, которымъ она отвѣтила доннѣ Тулли, она живо почувствовала оскорбленіе и была благодарна старику мужу за заступничество. Она приняла его даръ и взяла его подъ руку.

— Прости меня, — сказала она, — если я когда-нибудь была неблагодарна; ты такъ добръ во мнѣ. Я никого не знаю, кто былъ бы такъ добръ и такъ любезенъ, какъ ты.

Мужъ съ восхищеніемъ поглядѣлъ на нее. Онъ искренно любилъ ее всѣми остатками своего сердца. Было что-то печальное въ мысли, что такой человекъ, какъ онъ, только напоследокъ дней своихъ, истощенный лѣтами и распущенною жизнью, испыталъ настоящую страсть. Ея слова перенесли его на седьмое небо.

— Я счастливѣйшій человекъ во всемъ Римѣ, — сказалъ онъ, прибадриваясь и весело размахивая шляпой.

Но болѣе глубокія мысли зашевелились на днѣ его души. Онъ подумалъ, какая чудная жизнь была бы его, еслибы онъ встрѣтилъ Корону тогда, когда былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ! Что бы онъ далъ, чтобы быть такимъ же бодрымъ и сильнымъ старикомъ, какъ Сарачинеска, котораго онъ ненавидѣлъ. Онъ ненавидѣлъ его именно за эту бодрость и силу: за его громкій голосъ, широкую, могучую грудь, твердую поступь, сильныя, загорѣлыя руки и сверкающіе черные глаза! Онъ ненавидѣлъ его за то, что у него былъ атлетъ сынъ, такой же богатырь, какъ и всѣ эти Сарачинески. Самъ онъ не имѣлъ ни дѣтей, ни родныхъ, никого, кому бы передать свое имя... у него была только молодая красавица жена и большое состояніе и ровно столько силъ, чтобы притворно бодриться, выступая съ нею рядомъ, и нетвердыми шагами ковылять къ кушеткѣ, оставаясь наединѣ, и падать въ изнеможеніи отъ усилій казаться молодымъ.

Когда они сидѣли въ каретѣ, онъ горько думалъ обо всемъ этомъ и ни слова не говорилъ. Корона чувствовала себя утомленной и охотно молчала. Когда они поднимались по лѣстницѣ, она взяла его подъ руку, но не столько опиралась на него, сколько сама помогала ему всходить на лѣстницу. Онъ замѣтилъ это и пытался прибодриться, но не могъ, потому что очень усталъ. Онъ остановился на площадкѣ и поглядѣлъ на нее, и добрая и печальная улыбка, какой никогда еще не видѣла Корона, появилась у него на лицѣ.

— Можно мнѣ войти къ тебѣ въ будуаръ на нѣсколько минутъ, моя душа? — спросилъ онъ. — Или ты не зайдешь ли во

мнѣ въ курительную комнату? Я бы хотѣлъ покурить немного, прежде, чѣмъ лечь спать.

— Пойдемъ ко мнѣ въ будуаръ, если хочешь,—мягко отвѣчала она, хотя и очень удивилась этой просьбѣ. Было уже половина четвертаго. Они вошли въ мягко освѣщенную комнату, гдѣ въ каминѣ догорали дрова. Корона положила шубу на стулъ и сѣла около камина. Астарденде устало опустился въ кресло напротивъ нея и закурилъ папиросу. Онъ былъ въ такомъ настроеніи, въ какомъ Корона его еще не видала. Помолчавъ немного, онъ заговорилъ:

— Корона, я люблю тебя.

Жена съ кроткой улыбкой взглянула на него и, въ своей рѣшимости честно относиться къ мужу, почти позабыла того, другого человѣка, часа два тому назадъ сказавшаго ей эти самыя слова.

— Да,—повторилъ мужъ со вздохомъ:—ты уже слышала это раньше. Это для тебя не новость. Я думаю, что ты вѣришь мнѣ. Ты добра, но ты не любишь меня... нѣтъ, не перебивай меня, моя душа; я знаю все, что ты скажешь. Какъ можешь ты любить меня? Я старый человѣкъ... очень старый, старше своихъ лѣтъ.

И онъ опять вздохнулъ, еще горче послѣ такого признанія, какого онъ еще никогда никому не дѣлалъ.

Герцогиня была слишкомъ удивлена, чтобы отвѣчать ему.

— Корона,—началъ онъ,—я не долго проживу.

— Ахъ, не говори такъ!—вдругъ вскричала она.—Я надѣюсь и молюсь о томъ, чтобы ты прожилъ еще много, много лѣтъ.

Мужъ зорко поглядѣлъ на нее.

— Ты такъ добра,—отвѣчалъ онъ,—что дѣйствительно способна произнести такую молитву, какъ она, повидимому, ни нелѣпа.

— Почему нелѣпа? Ты недобръ, говоря это...

— Нѣтъ, душа моя; я знаю свѣтъ и людей. Вотъ и все. Я полагаю, что тебѣ никакъ не понять, какъ я люблю тебя. Тебѣ, молодой, сильной и красивой женщиной, должно казаться невѣроятнымъ, чтобы такой человѣкъ, какъ я—поддѣльный человѣкъ...—онъ презрительно засмѣялся:—человѣкъ раскрашенный и въ парикъ—будемъ говорить правду—былъ способенъ къ безумной страсти. И совсѣмъ тѣмъ, Корона,—прибавилъ онъ дрожащимъ отъ искренняго волненія, хотя и старчески разбитымъ голосомъ:—я люблю тебя... очень крѣпко. Двѣ вещи омрачаютъ мою жизнь: сожалѣніе о томъ, что я не встрѣтилъ тебя тогда, когда ты еще не родилась на свѣтъ, и когда я былъ молодъ, и, хуже того, со-

знаніе, что я скоро долженъ буду оставить тебя... я, истощенный дѣнди, тѣнь своего прежняго „я“, направляющійся въ могилѣ въ тщетномъ усиліи быть молодымъ, ради тебя... ради тебя, дорогая Корона! Ахъ! это презрѣнно!—почти простоналъ онъ.

Корона закрыла глаза рукой. Ее совсѣмъ сбили съ толку эти странныя слова.

— Не говори такъ... пожалуйста!—вскричала она. — Мнѣ очень тяжело тебя слушать. Развѣ я упрекаю тебя? развѣ я когда-нибудь заставляла тебя чувствовать, что ты... старше, чѣмъ я? Переимѣннмъ образъ жизни, и ты перестанешь объ этомъ думать. Ты слишкомъ добръ... слишкомъ добръ ко мнѣ.

— Никто мнѣ раньше не говорилъ, что я добръ. Я радъ, что единственная особа, которая меня находитъ добрымъ, какъ разъ та самая, ради которой я стараюсь быть добрымъ. Я могъ бы быть инымъ, Корона, еслибы прожилъ съ тобой тридцать лѣтъ, а не пять. Но теперь слишкомъ поздно. Я скоро умру, и ты будешь свободна.

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Неужели ты считаешь меня такой дурной, низкой и неблагодарной женщиной, чтобы желать твоей смерти?

— Нѣтъ, не неблагодарной, но и не любящей. Я не требую невозможнаго. Ты поплачешь обо мнѣ немного... моя душа будетъ мирно отдыхать, если ты хотя одну минуту искренно пожалѣешь обо мнѣ, своемъ старомъ мужѣ, прежде, нежели выйдешь за другого... Не плачь, дорогая Корона. Таковъ законъ свѣта. Въ молодости мы попусту тратимъ силы, а въ старости горько о томъ сожалѣемъ. Ты меня знаешь, можетъ быть—презираешь меня. Ты бы не презирала меня, еслибъ я былъ молодъ, и силенъ, и гордъ своею молодостью, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ.

— Право же, такія мысли никогда и въ голову мнѣ не приходили!—закричала Корона въ отчаяніи:—я готова все отдать тебѣ, готова посвятить тебѣ свою жизнь...

— Ты это и дѣлаешь, душа моя, и я тебѣ за это глубоко признателенъ. Бѣдшаго ты сдѣлать не въ состояніи. Ты не можешь, еслибы и хотѣла, вернуть мнѣ молодость или смягчить мысль о смерти и разлугѣ съ тобой.

Корона наклонилась впередъ, глядя на потухающіе уголья въ каминѣ и подперевъ рукой подбородокъ. Слезы стояли въ ея глазахъ и катились по щекамъ. Старецъ въ своей искренней горести возбуждалъ ея состраданіе.

— Я долго буду оплакивать тебя,—сказала она.—Можетъ быть, ты даромъ растратилъ жизнь; ты говоришь это. И я бы

съ радостью любила тебя еще больше, еслибы могла. Ты всегда былъ для меня внимательнымъ кавалеромъ и вѣрнымъ мужемъ.

Старикъ съ трудомъ приподнялся съ глубокаго кресла, подошелъ къ ней и взялъ ея руку, бессильно лежавшую на волѣнахъ. Она взглянула на него.

— Еслибы я думаль, что мое благословеніе стоитъ чего-нибудь, то благословилъ бы тебя за эти слова. Но я не хочу, чтобы ты даромъ потратила свою молодость. Даромъ потраченная молодость—все равно, что вода, пролитая на землю. Ты должна снова выйти замужъ, и не долго медля... Не вздрагивай! Ты наследуешь все мое состояніе, а также и титуль. Онъ долженъ перейти къ твоимъ дѣтямъ. Я довелъ его до недостойнаго конца, а ты вновь оживишь его.

— Почему ты думаешь обо всемъ этомъ? развѣ ты боленъ? —спросила Корона, нѣжно пожимая худую руку мужа въ своихъ рукахъ.—Почему ты такъ углубляешься въ мысль о смерти сегодня?

— Я боленъ; да, я неизлечимо боленъ, душа моя,—сказалъ старикъ, поднося руку жены къ губамъ и цѣлуя ее.

— Чтò ты хочешь сказать? —спросила Корона, внезапно вставая съ мѣста и ласково кладя ему руку на плечо.—Ты никогда не говорилъ мнѣ этого.

— Зачѣмъ было говорить?.. развѣ только, чтобы предупредить тебя, чтобы ты была готова? Зачѣмъ бы я сталъ отравлять тебѣ жизнь тревогой? Но сегодня ты была такъ добра и нѣжна, когда вела меня по лѣстницѣ, что я подумаль, —прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ: —что, можетъ быть, тебѣ успокоительно будетъ узнать, что все это не надолго.

Въ его тонѣ звучала такая ласка, и голосъ былъ такъ патетиченъ, что Корона забыла всѣ его мелочныя выходки, пустоту, парикъ, вставные зубы и пр., и, уронивъ голову ему на плечо, залилась горячими слезами.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—рыдала она.—Живи, живи какъ можно дольше, не умирай!

— Я проживу еще годъ, а можетъ и больше. Боже, благослови тебя, Корона, за слезы, которыя ты проливаешь по мнѣ! Покойной ночи, дорогая!

Онъ усадилъ ее въ кресло и продержалъ съ секунду руку на ея изъ-синя черныхъ волосахъ. Затѣмъ, напрягая послѣднюю силу воли, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

XIV.

Такія дуэли, какъ поединокъ Джіованни съ дель-Фериче, бывали очень рѣдки въ Римѣ. Дуэлей происходило много, но вообще онѣ не были серьезнымъ дѣломъ, и противники довольствовались простой царапиной, чтобы объявить себя удовлетворенными. Здѣсь же шель бой не на животь, а на смерть. Одинъ изъ дуэлянтовъ получилъ двѣ такихъ раны, какихъ вполне было бы довольно, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а другой лежалъ при смерти съ проткнутымъ горломъ. Общество было внѣ себя отъ волненія. Джіованни навѣщали толпы знакомыхъ, и онъ принималъ ихъ и весело съ ними бесѣдовалъ, чтобы удостовѣрить, что онъ вовсе не опасно раненъ. Квартира дель-Фериче осаждалась тѣми же юными и праздными господами, переходившими отъ одного къ другому, гоняясь за новостями. Но дверь дель-Фериче ревностно охранялась его преданнымъ слугою неаполитанцемъ, — человѣкомъ, знавшимъ о своемъ господинѣ больше, чѣмъ весь остальной Римъ, вмѣстѣ взятый; но этотъ человѣкъ умѣлъ такъ блистательно врать, что ему можно было довѣрить любую тайну. Въ настоящемъ случаѣ, однако, ему не приходилось прибѣгать ко лжи. Онъ сидѣлъ весь день у открытыхъ дверей, такъ какъ снялъ волокольникъ, чтобы звонъ не тревожилъ господина. Около него стояла корзина, куда онъ опускалъ карточки посѣтителей, отвѣчая неизмѣнно на всѣ ихъ разспросы:

— Онъ очень плохъ, синьорино...

— Какъ онъ раненъ? — спрашивалъ посѣтитель.

И Фемистоклъ указывалъ на горло.

— Останется ли онъ въ живыхъ? — былъ слѣдующій вопросъ, и на него человѣкъ отвѣчалъ, поднимая плечи и брови и закрывая глаза, въ знакъ того, что это ему неизвѣстно, но по его мнѣнію очень сомнительно. И больше ничего нельзя было отъ него добиться; посѣтителю оставалось только оставить карточку и уйти. У постели раненаго дежурила сестра милосердія. Докторъ объявилъ, что при хорошемъ уходѣ есть надежда на выздоровленіе: рана очень опасная, но не смертельная, если только пациентъ не умретъ отъ лихорадки или истощенія.

Юные господа, навѣщавшіе такимъ образомъ обоихъ дуэлянтовъ, не теряя времени переносили о нихъ вѣсти изъ дома въ домъ. Самъ Джіованни два раза въ день посылалъ справляться о здоровьѣ своего противника, но получалъ тотъ же отвѣтъ, что и всѣ. Къ тому времени, какъ ранняя зимняя ночь спустилась

надъ Римомъ, двѣ вполне достовѣрныхъ исторіи ходили по городу, касательно причины дуэли, но ни въ одной изъ нихъ, само собой разумѣется, не было и тѣни правды. Во-первыхъ, одна партія, которой представителемъ былъ Вальдэрно и его кружокъ, утверждала, что Джіованни оскорбился тѣмъ, что дель-Фериче предложилъ позвать его и разспросить при герцогинѣ д'Астрарденте о причинахъ его отъѣзда изъ города; что это вполне осязательный поводъ для ссоры, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что Сарачинеска влюбленъ въ Астрарденте, а дель-Фериче ему постоянно мѣшаетъ.

— Джіованни человекъ грубый, — замѣчалъ Вальдэрно: — и не выносить никакого противодѣйствія; вотъ онъ и воспользовался первымъ случаемъ, чтобы устранить этого человека съ своей дороги. Понимаете? старая исторія — ревность, направленная не въ ту сторону, куда слѣдуетъ. Ну, развѣ можно ревновать къ дель-Фериче? скажите на милость!

— А въ кому же можно ревновать? — спрашивали любопытные.

— Къ мужу, разумѣется, — отвѣчалъ Вальдэрно съ невыразимой ироніей. — Этотъ ангелъ красоты питаетъ дикую мысль, что влюбленъ въ старую тѣнь, въ привидѣніе, именуемое ея мужемъ!

Съ другой стороны, были люди, утверждавшіе, будто дуэль произошла вслѣдствіе того, что Джіованни позабылъ, что пригласилъ донну Туллию танцевать. Дель-Фериче, натурально, захотѣлось выступить защитникомъ этой дамы, и онъ рѣзко объяснился на этотъ счетъ съ Джіованни и сказалъ ему, что онъ поступилъ неблагородно; Джіованни отвѣтилъ, что это не его дѣло; слово за словомъ — и они такъ поссорились въ отдаленной комнатѣ дворца Франджипани, что Джіованни вышелъ изъ себя и схватилъ дель-Фериче за горло, и вообще жестоко оскорбилъ его. Результатомъ вышла дуэль, въ которой дель-Фериче чуть не былъ убитъ. Эта исторія казалась правдоподобной и выставляла дель-Фериче какъ жертву. Впрочемъ, какая бы ни была причина дуэли, несомнѣнно, что оба человека давно уже не терпѣли другъ друга и искали предлога для открытой ссоры.

Старикъ Сарачинеска появился послѣ полудня и былъ окруженъ любопытными. Тотъ фактъ, что онъ служилъ секундантомъ сыну, возбуждалъ всеобщее удивленіе. О такомъ дѣлѣ не слыхали въ анналахъ римскаго общества, и многіе патриархальные умы строго критиковали такое поведеніе. Возможно ли представить себѣ что-нибудь болѣе противоестественное? Возможно ли пред-

ставить себѣ болѣе жестокосердаго человѣка, чѣмъ тотъ, это спокойно стоитъ и смотритъ, какъ сынъ рискуетъ жизнью? Омерзительно просто!

Старикъ князь или не хотѣлъ, или не могъ дать никакихъ свѣденій. Последнее было невѣроятно. И кто-то замѣтилъ князю:

— Но, князь, неужели вы пошли въ секунданты къ сыну, не зная причины дуэли?

— Милостивый государь,—гордо отвѣтилъ старикъ:—сынъ просилъ моей помощи, и я не продавалъ ему ее за откровенность.

Люди знали упрямство старика и должны были удовольствоваться его короткими отвѣтами, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ былъ сварливъ и горячъ, какъ всѣ его предки.

Онъ встрѣтилъ донну Туллію на улицѣ. Она остановила свою карету и подозвала его къ себѣ. Сарачинеска еще никогда не видывала ее такою блѣдной и взволнованной.

— Какъ могли вы допустить эту дуэль?—было ее первыми словами.

— Я никакъ не могъ предотвратить ее. Ссора была слишкомъ серьезная. Никто охотнѣе меня не предупредилъ бы ее, но такъ какъ мой сынъ жестоко оскорбилъ дель-Фериче, то обязанъ былъ дать ему удовлетвореніе.

— Удовлетвореніе!—закричала донна Туллія.—Вы называете удовлетвореніемъ, когда перерѣжутъ горло человѣку? Какая была причина ссоры?

— Не знаю.

— Вы не хотите мнѣ сказать... Я не вѣрю вамъ,—сердито отвѣтила донна Туллія.

— Даю вамъ честное слово, что не знаю.

— Это другое дѣло. Садитесь ко мнѣ въ карету и прокатимся немного, хотите?

— Какъ вамъ угодно.

Сарачинеска раскрылъ дверцу и сѣлъ въ карету.

— Мы удивимъ весь свѣтъ, но мнѣ все равно,—замѣтила донна Туллія.—Скажите мнѣ: донъ Джіованни серьезно раненъ?

— Нѣтъ... такъ, пустыя царапины, которыя заживутъ черезъ недѣлю. Дель-Фериче очень серьезно раненъ.

— Я знаю,—отвѣтила донна Туллія печально.—Это ужасно. Я боюсь, что во всемъ этомъ я виновата.

— Какимъ образомъ?—съ живостью спросилъ Сарачинеска. Онъ не слыхалъ исторіи про вальсъ и въ самомъ дѣлѣ не вѣдалъ первой причины размолвки. Однако, догадывался, что донна

Туллія не столько тутъ замѣшана, сколько герцогиня д'Астрарденте.

— Вашъ сынъ былъ очень грубъ со мною,—сказала м-ше Майеръ.—Можетъ быть, не слѣдовало бы вамъ это говорить, но лучше ужъ вамъ узнать все какъ было. Онъ пригласилъ меня на послѣдній вальсъ передъ котильономъ, и забылъ про это, а я нашла его спокойно разговаривающимъ съ этой... съ одной дамой.

— Съ кѣмъ вы говорите?—очень серьезно спросилъ князь.

— Съ Астрарденте... если хотите знать, — отвѣчала донна Туллія, снова закипая гнѣвомъ при воспоминаніи о нанесенной ей обидѣ.

— Дорогая донна Туллія, отъ имени сына покорнѣйше прошу за него извиненія, а когда онъ выздоровѣетъ, то и лично будетъ васъ просить о томъ же.

— Мнѣ не надо извиненій,—отвернулаъ м-ше Майеръ.

— Тѣмъ не менѣе, онъ извинится. Но простите мое любопытство: какимъ образомъ дель-Фериче замѣшался въ это дѣло?

— Онъ былъ со мной, когда я нашла дону Джіованни съ герцогиней. Дѣло очень просто. Я была очень сердита... я и теперь сержусь; но я бы ни за что не хотѣла, чтобы донъ Джіованни рисковалъ изъ-за меня жизнью, или бѣдный дель-Фериче. Меня вся эта исторія очень разстроила.

Старикъ Сарачинеска подумалъ: не пострадаетъ ли тщеславіе донны Тулліи, если онъ скажетъ, что дуэль ея не касается. Но подумалъ также, что пожалуй ея предположеніе и правдоподобно, а что самъ онъ ровно ничего сказать не можетъ. Кромѣ того, несмотря на его нѣжное обращеніе съ Джіованни, его очень сердила мысль, что его сынъ поссорился изъ-за герцогини. Когда Джіованни выздоровѣетъ, онъ намѣревался откровенно поговорить съ нимъ. Но ему было также жаль и донну Туллію, которую онъ любилъ, несмотря на ея эксцентричности, и былъ бы радъ, еслибы она вышла замужъ за его сына. Онъ былъ человѣкъ практической и смотрѣлъ на міръ съ прозаической точки зрѣнія. Донна Туллія была богата и хороша собой. Она умѣла собирать кругомъ себя людей. Она производила много шума, но это въ модѣ и не вредило ея репутаціи. Никто ничего не могъ сказать про нее дурного. Наконецъ, она была одна изъ немногихъ родственниковъ, остававшихся у Сарачинеска. Дочь кузена князя, она будетъ хорошей женой Джіованни и оживитъ ихъ домъ. Въ ея манерахъ была капелька пошлости, но, подобно многимъ старымъ людямъ своего типа, Сарачинеска прощалъ ей эту слабость ради

веселости и добродушія ея характера. Ему очень неприятно было слышать, что сынъ такъ грубо оскорбилъ ее своимъ невниманіемъ, тѣмъ болѣе, что такъ какъ она, въ несчастію, забрала себѣ въ голову, будто она причина дуэли, — то будетъ думать, что дель-Фериче вызвалъ Джіованни, заступаясь за нее. Послѣ этого на бракъ надежда плоха.

— Мнѣ очень, очень жаль, — говорилъ князь, глядя бѣлую бороду и стараясь заглянуть въ лицо своей спутницы, упрямо отъ него отвертывавшейся.

— Пожалуй лучше объ этомъ не думать, пока не узнаемъ въ точности обстоятельствъ дѣла. Рано или поздно это обнаружится.

— Какъ вы холодно объ этомъ разсуждаете! Можно подумать, что это случилось въ Перу, а не здѣсь и не сегодня утромъ.

Сарачинеска не знала больше, что сказать. Онъ хотѣлъ какъ-нибудь загладить или, по крайней мѣрѣ, смягчить впечатлѣніе, произведенное поведеніемъ Джіованни. Но рѣшительно не знала, какъ это сдѣлать. Онъ былъ не изъ дипломатовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не такъ меня поняли; я вовсе не холоденъ; я вполне понимаю ваше положеніе. Вы въ правѣ сердиться.

— Разумѣется, въ правѣ, — отвѣтила донна Туллія нетерпѣливо.

Она уже сожалѣла, что пригласила его къ себѣ въ карету.

— Именно; я такъ и говорю. И какъ только Джіованни поправится, я пришлю его къ вамъ объясниться, если можно, или...

— Объясниться? какъ можетъ онъ это сдѣлать? да я вовсе не желаю, чтобы вы прислали его, если самъ онъ не захочетъ по доброй волѣ пріѣхать ко мнѣ. На что мнѣ онъ?

— Хорошо, хорошо, какъ вамъ угодно, дорогая кузина, — сказалъ старикъ Сарачинеска, улыбаясь, чтобы скрыть свое смущеніе. — Я не очень искусный посланникъ; но вы знаете, что я вѣрный другъ, и, право же, я желаю, чтобы вы простили Джіованни.

— Это не такъ-то легко, — отвѣчала донна Туллія, хотя знала очень хорошо, что положить гнѣвъ на милость, если только ей удастся объясниться съ Джіованни.

— Не будьте жестокосерды! — просилъ князь. — Я знаю, что онъ очень раскаявается.

— Пусть же онъ это мнѣ самъ скажетъ.

— Я только этого и прошу.

— Въ самомъ дѣлѣ? О! въ такомъ случаѣ—извините. Если онъ прійдетъ, я приму его, такъ какъ вы этого желаете. Гдѣ прикажете васъ высадить?

— Гдѣ вамъ угодно. Вотъ здѣсь, на углу. Прощайте. Не будьте слишкомъ строги къ юношѣ.

— Увидимъ,—отвѣтила донна Туллія, не желая выказывать слишкомъ большую снисходительность. Старикъ князь поклонился и пошелъ по пыльной улицѣ.

— Ну, съ этой улажено,—пробормоталъ онъ.—Желалъ бы я знать, какъ Астрарденте приняла все это.

Ему очень хотѣлось бы ее видѣть, но такъ какъ онъ вообще рѣдко бывалъ въ ея домѣ, то сознавалъ, что ей покажется страннымъ, что онъ выбралъ такое время для визита. Это было бы некстати, почти неприлично, такъ какъ онъ подозрѣвалъ ее въ томъ, что она причиной катастрофы. Однако шаги его почти машинально направлялись къ дворцу Астрарденте, и онъ очутился передъ подъѣздомъ прежде, нежели опомнился. Соблазнъ увидѣть Корону былъ такъ великъ, что онъ не могъ ему противиться. Онъ спросилъ швейцара, дома ли герцогиня, и когда тотъ отвѣтилъ, что дома, онъ храбро вошелъ и поднялся по мраморной лѣстницѣ—храбро, но съ страннымъ ощущеніемъ, точно школьникъ, собирающійся напалить.

Корона только-что вернулась домой и сидѣла у огня въ большой гостиной, одна, съ книгой въ рукахъ, которую, однако, не читала. Она рѣдко сидѣла въ приемныхъ покояхъ, но сегодня прихотливая фантазія удерживала ее здѣсь: ей нравились тишина и просторъ, окружавшіе ее. Она была очень удивлена, когда дверь внезапно растворилась, и слуга доложилъ о приходѣ князя Сарачинеска. Одну секунду она подумала, что это вѣрно Джіованни, такъ какъ отецъ его рѣдко бывалъ у нея въ домѣ, и когда высокая фигура старика приблизилась къ ней, она выронила книгу отъ удивленія, и, вставъ съ кресла, пошла ему на-встрѣчу.

Она была очень блѣдна и подъ глазами у нея были темные круги, говорившіе о страданіи и бессонницѣ. Она была до такой степени непохожа на только-что оставленную имъ донну Туллію, что онъ почти былъ подавленъ ея величавымъ видомъ и болѣе чѣмъ когда-либо почувствовалъ себя напалившимъ мальчикомъ.

Корона поклонилась нѣсколько холодно, но протянула руку, и старикъ почтительно поднесъ ее въ губамъ, по обычаю стариннаго воспитанія.

— Я надѣюсь, что вы не устали послѣ бала?—началъ онъ, самъ не зная, что сказать.

— Нисколько. Мы недолго оставались, — отвѣчала Корона, тайно удивляясь, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Балъ былъ дѣйствительно великолѣпный. Такого не бывало давно уже. Къ несчастію, онъ окончился очень непріятно, — прибавилъ старикъ, храбро приступая къ предмету, о которомъ ему хотѣлось поговорить.

— Очень. Вы дурно провели утро, — сказала герцогиня строго. — Я удивляюсь, что вы можете говорить объ этомъ.

— Никто ни о чемъ другомъ не говоритъ, — отвѣтилъ старикъ князь, какъ бы извиняясь. — Кромѣ того, я не знаю, какъ было поступить иначе.

— Вы должны были бы не допускать до этого, — отвѣчала Корона, и темные глаза ея засверкали отъ справедливаго негодованія. — Вы бы должны были во что бы то ни стало помѣшать дуэли, если не во имя религіи, запрещающей ее какъ преступленіе, то во имя приличія — какъ отецъ дона Джіованни.

— Вы рѣзко говорите, герцогиня, — замѣтилъ князь, очевидно раздосадованный ея тономъ.

— Если я говорю рѣзко, то потому, что считаю — постыдно было съ вашей стороны допустить эту безбожную бойню.

Сарачинеска вдругъ вспылилъ, какъ это съ нимъ часто бывало.

— Герцогиня, — сказалъ онъ: — не вамъ, конечно, обвинять меня въ преступленіи, въ неприличіи и въ томъ, что вамъ угодно называть безбожной бойней, зная, кто причиною честнаго боя, который вамъ угодно обозвать бойней.

— Честный, въ самомъ дѣлѣ! — презрительно отрѣзала Корона. — Но оставимъ это. Пожалуйста скажите, кто же тутъ болѣе виноватъ, чѣмъ вы? — Кто причиною этой дуэли?

— Развѣ вы не знаете? — спросилъ старикъ, устремляя сверкающіе глаза на нее.

— Чтѣ вы хотите сказать?

И Корона вся побѣлѣла, а голосъ ея задрожалъ отъ гнѣва и негодованія.

— Быть можетъ, я ошибаюсь, но думаю, что правъ. Я думаю, что дуэль была изъ-за васъ.

— Изъ-за меня! — повторила Корона, полуприподнимаясь съ кресла въ негодованіи. Затѣмъ снова опустилась въ него и холодно прибавила:

— Если вы пріѣхали сюда, чтобы оскорбить меня, князь, то я пошлю за мужемъ.

— Прошу прощенія, герцогиня. Я далекъ отъ мысли оскорблять васъ.

— И кто же это говорить такую ужасную ложь?

— Никто, честное слово.

— Какъ же вы смѣете въ такомъ случаѣ...

— Потому что у меня есть причины думать, что вы единственная женщина въ мірѣ, изъ-за которой сынъ мой можетъ поспориться.

— Это невозможно, я никогда не повѣрю, чтобы донъ-Джіованни...

Она умолила.

— Донъ Джіованни Сарачинеска—благородный человѣкъ, герцогиня,—сказалъ гордо старикъ князь.—Онъ поступаетъ по собственному усмотрѣнію. Я пришелъ къ этому заключенію помимо его.

— Тогда я не понимаю васъ. И прошу васъ или объясниться, или оставить меня...

Корона д'Астрарденте могла въ гнѣвъ справиться съ любымъ человѣкомъ. Но и старикъ Сарачинеска—хотя и не дипломатъ—былъ опасный противникъ, благодаря своей храбрости и твердому рѣшенію открыть истину во что бы то ни стало.

— Именно потому, что я желаю объясниться во что бы то ни стало, рискуя оскорбить васъ, я пришелъ къ вамъ сегодня,—отвѣчалъ онъ.—Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ только одинъ вопросъ, прежде чѣмъ уйти?

— Лишь бы онъ не былъ оскорбителенъ, и я отвѣчу на него,—сказала Корона.

— Извѣстно ли вамъ что-нибудь объ обстоятельствахъ, которые привели къ сегодняшней дуэли?

— Разумѣется, нѣтъ,—съ жаромъ отвѣтила Корона.—Увѣряю васъ самымъ положительнымъ образомъ,—продолжала она спокойнѣе,—что я вовсе этого не знаю. Я думаю, что вы въ правѣ это знать.

— А я съ своей стороны увѣряю васъ честнымъ словомъ, что ничего не знаю, кромѣ слѣдующаго: по какой-то причинѣ, объяснить которую сынъ мой отказался, онъ схватилъ дель-Фериче за горло и выбранилъ его самымъ обиднымъ образомъ. Никто не былъ свидѣтелемъ этой сцены. Дель-Фериче прислалъ вызовъ. Сынъ мой не зналъ, къ кому обратиться, и выбралъ меня, какъ это и слѣдовало, въ секунданты. Извиняться было невозможно, и Джіованни принялъ вызовъ этого человѣка. Теперь вы знаете столько же, какъ и я.

— Это мнѣ не объясняетъ, почему вы считаете меня причи-

ной этой ссоры, — сказала Корона. — Какое мнѣ дѣло до дель-Ферриче, бѣдняги?

— А вотъ почему... Каждый можетъ видѣть, что вы такъ же равнодушны къ моему сыну, какъ и ко всякому другому мужчине. Каждый знаетъ, что герцогиня д'Астрарденте выше подозрѣнія.

Корона гордо закинула голову и пристально посмотрѣла на Сарачинеска.

— Но съ другой стороны всѣмъ извѣстно, что сынъ мой безумно въ васъ влюбленъ—вѣдь вы не станете этого отрицать?

— Кто смѣетъ говорить это? — снова вспыхнула Корона.

— Тотъ, кто видитъ, смѣетъ. Можете вы отрицать это?

— Вы не имѣете права повторять мнѣ эти сплетни, — отвѣтила Корона.

Но краска залила ея блѣдныя смуглыя щеки, а рѣсницы опустились.

— Можете ли вы отрицать это, герцогиня?—рѣзко настаивалъ старикъ.

— Если вы такъ въ этомъ увѣрены, то къ чему вамъ мое отрицаніе?

— Герцогиня, простите меня!—внезапно перемѣнилъ старикъ свой рѣзкій тонъ на болѣе мягкій.—Я рѣзокъ, можетъ быть грубъ, но я крѣпко люблю сына. Я не могу вынести, что онъ пропадаетъ отъ этой опасной и безнадежной страсти, результатомъ которой можетъ быть горькая и одинокая старость. Я васъ считаю очень хорошей женщиной; я не могу глядѣть на васъ и сомнѣваться въ истинѣ того, что вы мнѣ скажете. Если онъ любитъ васъ, вы имѣете надъ нимъ вліяніе. Если вы имѣете надъ нимъ вліяніе, то воспользуйтесь имъ для его блага; употребите его, чтобы сломить несчастную страсть въ немъ, убѣдить въ ея безуміи—короче сказать, спасти его отъ роковой участи. Понимаете вы меня? не слишкомъ я много требую отъ васъ?

Корона хорошо понимала, —слишкомъ хорошо. Она знала, какъ сильно любить ее Джіованни и — чего не подозрѣвалъ старикъ Сарачинеска—какъ сильно она сама его любитъ. Ради этой любви она готова была все на свѣтѣ сдѣлать. Продолжительное молчаніе наступило послѣ этихъ словъ вяззя. Онъ терпѣливо ждалъ отвѣта.

— Я понимаю васъ, да, — сказала она, наконецъ.—Если вы правы въ своихъ предположеніяхъ, то я должна имѣть вліяніе на вашего сына. Если мнѣ можно будетъ посовѣтовать ему, и онъ согласится выслушать меня, то я постараюсь дать ему наи-

лучшій совѣтъ; вы поставили меня въ очень затруднительное положеніе и были не особенно вѣжливы со мной, но я постараюсь сдѣлать то, что вы просите, если случай къ тому представится, ради... ради того, чтобы устранить зло и замѣнить его добромъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ, герцогиня!—закричалъ князь.—Я никогда не позабуду...

— Не благодарите меня,—холодно сказала Корона.—Я не въ состояніи оцѣнить вашей благодарности. На вашихъ рукахъ— кровь честныхъ людей.

— Извините меня, герцогиня, я бы желалъ, чтобы на моихъ рукахъ была кровь того, кого вамъ угодно называть честнымъ человѣкомъ и кто дважды пытался сегодня утромъ умертвить моего сына и чуть было не успѣлъ въ этомъ.

— Что такое?—съ внезапнымъ ужасомъ вскрикнула Корона.

— Этотъ негодяй хотѣлъ заколотъ Джіованни во время пріостановки поединка и затѣмъ вторично собирался предательски проткнуть его шпагой, притворно упавъ на колѣно—пріемъ недозволенный въ нашей странѣ. Даже и въ поединкѣ такіа вещи называются убійствомъ; и это ихъ настоящее названіе.

Корона была очень блѣдна. Опасность, какой подвергался Джіованни, вдругъ ясно представилась ей, и она содрогнулась отъ ужаса.

— Что... донъ Джіованни очень опасно раненъ?—спросила она.

— Нѣтъ, благодаря Бога; онъ поправится черезъ нѣсколько дней. Но онъ могъ быть вѣдь и убитъ, и тогда—простите меня, я не хочу оскорбить васъ—онъ умеръ бы изъ-за васъ. Вы понимаете теперь, почему я боюсь его любви къ вамъ, которая можетъ каждую минуту подвергнуть его жизнь опасности... изъ-за самаго пустого слова? Вы понимаете, почему я васъ умоляю серьезно обсудить это обстоятельство и заставить его внять голосу разсудка?

— Понимаю; но что касается этого поединка, то вѣдь у васъ нѣтъ доказательствъ тому, чтобы онъ произошелъ изъ-за меня?

— Нѣтъ... доказательствъ нѣтъ, пожалуй. Я не стану утомлять васъ дальнѣйшими предположеніями, но вѣдь если этотъ поединокъ не былъ изъ-за васъ, то вы согласны, что это могло быть?

— Пожалуй,—печально проговорила Корона.

— Я вамъ благодаренъ за то, что вы выслушали меня, хотя бы даже вы и не поступили по моему.

И князь поднялся съ мѣста.

— Вы поняли меня, а это все, что мнѣ нужно. Прощайте.

— Прощайте,—отвѣтила Корона.

Она не встала съ мѣста и не протянула ему руки. Она была слишкомъ взволнована, чтобы думать о формальностяхъ. Сарачинеска низко поклонилась и вышла изъ комнаты.

Характернымъ было для него то, что онъ пришелъ повидаться съ герцогиней, не зная, что онъ ей скажетъ, и неожиданно для самого себя высказалъ всю правду и вдобавокъ вслылилъ. Онъ былъ несдержанный человѣкъ, съ благородными наклонностями, но всегда готовый скорѣе перерѣзать узелъ, нежели развязать его, прибѣгнуть къ силѣ тамъ, гдѣ другой прибѣгнуть бы къ убѣжденію дипломатіи.

Первымъ его побужденіемъ, выйдя отъ Короны, было идти къ Джіованни и рассказать ему то, что онъ сдѣлалъ. Но по дорогѣ онъ разсудилъ, что сынъ боленъ отъ раны и для него вредно сердиться, а онъ непременно разсердится, если узнаетъ, что натворилъ отецъ. Чѣмъ болѣе размышлялъ Сарачинеска, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что лучше не говорить о своемъ визитѣ. И когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ Джіованни лежалъ на кушеткѣ и курилъ папиросу, онъ рѣшилъ умолчать обо всемъ.

— Ну, Джіованни, мы стали басней города.

— Этого слѣдовало ожидать. Кого вы видѣли?

— Во-первыхъ, я видѣлъ m-me Майеръ. Она такъ раздражена противъ тебя, что точно помѣшанная... не потому, что ты ранилъ дель-Фериче, но потому, что ты забылъ, что пригласилъ ее танцовать. Не могу понять, какъ могъ ты это сдѣлать.

— Я и самъ не понимаю. Съ моей стороны это непрости-тельная глупость.

Джіованни было досадно, что отецъ узналъ про эту исторію.

— Ты долженъ побывать у нея и извиниться... какъ только оправившись настолько, чтобы выходить. Это очень непріятная исторія.

— Само собою разумѣется. А что она еще говорила?

— Она думаетъ, что дель-Фериче вызвалъ тебя на дуэль изъ-за нея, потому что ты забылъ танцовать съ нею

— Какъ глупо! Сталъ бы я изъ-за нея драться!

— Такъ какъ въ дѣлѣ навѣрное замѣшана женщина, то лучше, еслибы это была она.

— Женщины никакой тутъ не замѣшано,—отрѣзалъ Джіованни.

— О! а я полагалъ, что—да. Во всякомъ случаѣ я посоветовалъ доннѣ Тулли не думать больше объ этой исторіи до тѣхъ поръ, пока правда не выйдетъ наружу.

— Когда же это случится?—засмѣялся Джіованни.—Никто въ мірѣ не знаетъ причины дуэли, кромѣ меня и дель-Фериче. Онъ, конечно, никому о ней не скажетъ, такъ какъ она еще позорнѣе для него его сегодняшняго поведенія. А я тоже не намѣренъ о ней распространяться.

— Какъ ты скрытенъ! Джіованни!—воскликнулъ старикъ.

— Повѣрьте мнѣ, что еслибы я могъ рассказать вамъ, въ чемъ дѣло, никому не повредивъ, кромѣ дель-Фериче, я бы это сдѣлалъ.

— Значить, въ дѣлѣ все-таки есть женщина?

— Женщина, изъ-за которой вышла дуэль стоитъ внѣ дѣла.

Вѣчно съ своими несносными загадками!

И вида, что сынъ ничего не отвѣчаетъ, старикъ сердито вышелъ переодѣться къ обѣду.

XV.

Возможно, что когда Астрарденте съ такою нѣжностью говорилъ съ женой послѣ бала Франджипани, онъ почувствовалъ какіе-нибудь признаки, говорившіе о томъ, что силы его покидаютъ. Сердце его было въ опасномъ состояніи, какъ сказалъ ему домашній докторъ, и ему слѣдовало очень беречься. Быть можетъ, онъ усталъ отъ бала и упалъ духомъ. Онъ проснулся отъ тяжелого сна съ страннымъ чувствомъ удивленія, точно не ожидалъ уже проснуться живымъ. Онъ чувствовалъ себя слабѣе обыкновеннаго, и даже обычная смѣсь шоволада съ кофе, которую онъ пилъ, не подкрѣпила его. Онъ всталъ очень поздно, и слуга нашелъ его болѣе раздражительнымъ, чѣмъ обыкновенно, а извѣстіе, полученное отъ Джіованни, не улучшило его настроенія. Онъ сошелся съ женой за завтракомъ и былъ необыкновенно молчаливъ, а затѣмъ ушелъ на свою половину и никого не хотѣлъ видѣть. Но за обѣдомъ снова появился, уже болѣе оживленный, и объявилъ о своемъ намѣреніи сопровождать жену на приемъ въ австрійскомъ посольствѣ. Онъ былъ такъ непохожъ на самого себя, что Корона не рѣшилась заговорить съ нимъ о дуэли, происходившей поутру: она боялась всего, что могло взволновать его, такъ какъ волненіе для него никуда не годилось. Она употребила всѣ усилія, чтобы отговорить его ѣхать; но онъ сталъ сердиться, и она нѣхотя уступила.

Въ посольствѣ онъ вскорѣ узналъ о всѣхъ подробностяхъ дуэли, такъ какъ ни о чемъ иномъ не говорили; но Астрарденте

было досадно, что онъ не узналъ всего этого раньше, и онъ прикинулся какъ будто равнодушнымъ ко всей этой исторіи, которую для него повторилъ секретарь посольства. Онъ произнесъ нѣсколько замѣчаній о томъ, что дуэли—естественное развлеченіе для молодыхъ людей, и если одного изъ нихъ и убьютъ, то бываетъ однимъ дуракомъ на свѣтѣ меньше. Послѣ этого сталъ разсматривать хорошенькихъ женщинъ, ища—которой изъ нихъ наговорить комплиментовъ. Онъ все время чувствовалъ, что дѣлаетъ страшныя усилія, что ему очень сильно нездоровится, и жалѣлъ, что не послушался жены и не остался дома. Но въ концѣ вечера онъ случайно услышалъ, какъ Вальдэрно говорилъ Казальверде, блѣдному какъ смерть и совсѣмъ разстроенному:

— Вамъ лучше составить свое завѣщаніе, любезный другъ. Спикка—страшный противникъ на шпагахъ.

Астрарденте рѣзко повернулся и поглядѣлъ на говорившихъ. Но говорившіе вдругъ замолчали и стали пристально глядѣть на толпу. Этого было, однако, достаточно. Астрарденте понялъ, что Казальверде долженъ драться со Спикка на другой день, и что исторія, начавшаяся сегодня поутру, еще не кончена. Онъ рѣшилъ, что разузнаетъ, въ чемъ дѣло. И чтобы пораньше встать, пошелъ къ женѣ и довольно безцеремонно объявилъ ей, что пора ѣхать домой. На слѣдующій день герцогъ д'Астрарденте отправился въ клубъ въ одиннадцатомъ часу утра. Въ обыкновенное время въ этотъ часъ клубъ былъ совсѣмъ пустъ; но сегодня Астрарденте нашелъ въ немъ большую компанію. Двадцать или тридцать мужчинъ были собраны въ большой залъ, служившей курильной, и всѣ разговаривали съ большимъ оживленіемъ. Когда дверь растворилась и старый дэнди вошелъ, внезапное молчаніе воцарилось въ обществѣ. Астрарденте естественно понималъ, что разговоръ былъ о немъ самомъ, и онъ ему помѣшалъ своимъ появленіемъ; но онъ прикинулся, что не замѣчаетъ этого обстоятельства, поправилъ стеклышко въ глазу и яснымъ взоромъ окинулъ собраніе. Онъ увидѣлъ, что хотя они говорили громко, но разговоръ вертѣлся на матеріяхъ важныхъ, потому что всѣ лица были серьезны. И онъ тоже сталъ серьезенъ, и, подойдя къ Вальдэрно, бывшему, очевидно, центромъ собранія, сказалъ ему вполголоса:

— Я полагаю—Спикка убилъ его?

Вальдэрно наклонилъ голову съ серьезнымъ лицомъ. Онъ былъ довольно легкомысленный юноша, но извѣстіе о трагедіи остепенило его. Астрарденте ждалъ смерти Казальверде, а потому не удивился. Но и онъ, очевидно, не былъ чуждъ гуман-

ности, и выразилъ приличное сожалѣніе о печальной кончинѣ человѣка, котораго привыкъ видѣть такъ часто.

— Какъ было дѣло? — спросилъ онъ.

— Очень просто: „Un, deux, tierce et quatre“ и конецъ. Спикка быстръ, какъ молнія. Отойдемте въ сторонкѣ, — прибавилъ Вальдэрно шопотомъ, — и я вамъ все расскажу.

Несмотря на огорченіе смертью пріятеля, Вальдэрно былъ проникнутъ сознаниемъ своей важности: онъ можетъ рассказать всю исторію Астрарденте. Вальдэрно былъ тщеславенъ въ своемъ родѣ, хотя его тщеславіе сравнительно съ тщеславіемъ старика герцога было то же, что скромная фіалка въ сравненіи съ пышной, столиственной розой. Астрарденте пользовался большимъ значеніемъ въ обществѣ, какъ мужъ Короны, и былъ предметомъ особеннаго интереса для Вальдэрно, поддерживавшаго невѣроятную исторію о любви красавицы къ старику мужу. Конюшни Вальдэрно помѣщались рядомъ съ клубомъ и подъ предлогомъ показать новую лошадь Астрарденте, онъ простился съ друзьями и увелъ съ собою престарѣлаго дэнди. Было ясное зимнее утро, и оба они медленно пошли по Корсо ко дворцу Вальдэрно.

— Вы знаете, конечно, какъ началось дѣло? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Вы говорите про первую дуэль? Этого никто не знаетъ, и я — конечно.

— Ахъ, да... можетъ быть, — загадочно отвѣтилъ Вальдэрно. — Во всякомъ случаѣ вы знаете, что Спикка взбѣсился за то, что бѣдный Казальверде забылъ подбѣжать и протянуть саблю, когда онъ закричалъ: „стой!“ — и вслѣдствіе этого дель-Фериче ранилъ Джіованни въ руку.

— Очень неприличный поступокъ... совсѣмъ непозволительный, — сказалъ Астрарденте, вставляя въ глазъ стеклышко, чтобы поглядѣть на модистку, спѣшившую въ магазинъ.

— Конечно, конечно. Но вѣдь бѣдный Казальверде сдѣлалъ это не нарочно, и если дель-Фериче увлекся и потерялъ голову, то кто же бы осудилъ его за это?

— Можетъ быть, вы и правы, — разсѣянно проговорилъ Астрарденте, все еще глядя на дѣвушку. Когда она исчезла изъ виду, онъ повернулся къ Вальдэрно.

— Это очень все интересно, — продолжайте пожалуйста.

— Ну, вотъ, когда дуэль кончилась, старикъ Сарачинеска хотѣлъ самъ убить Казальверде.

— Старый грѣховодникъ! — постыдился бы самого себя!

— Однако, Спикка опередилъ его и вызвалъ Казальверде

туть же на мѣстѣ. А такъ какъ оба дуэлянта были тяжело ранены, то пришлось отложить вторую дуэль до сегодняшняго утра.

— И туть Спикка: разъ, два, три!.. и проткнулъ насквозь Казальверде!—перебилъ Астрарденте.—Какая страшная трагедія!

— Ахъ, да! и что хуже всего...

— Но что меня удивляетъ,—снова перебилъ герцогъ:—это наше отеческое и патріархальное правительство, спокойно допускающее такое смертоубійство! Какъ будто бы власти не могли помѣшать и той, и другой дуэли! Это просто изумительно! Не могу припомнить ничего подобнаго. Неужели же ни одного сбирра или жандарма не показывалось ни вчера, ни сегодня въ окрестности?

— Это вовсе не такъ удивительно,—отвѣчалъ Вальдэрно съ многозначительнымъ взглядомъ.-- Въ высшихъ сферахъ не много пролили бы слезъ, будь дель-Фериче убитъ вчера, да и сегодня не заплачутъ отъ смерти Казальверде.

— Ба! какіе пустяки! Еслибы Антонелли прослышалъ объ этихъ дуэляхъ, онъ бы помѣшалъ имъ.

Вальдэрно оглядѣлся вокругъ и, наклонившись къ Астрарденте, шепнулъ ему на ухо:

— Они оба, какъ вамъ извѣстно, либералы...

— Либералы? — повторилъ старикъ дэнди съ цинической усмѣшкой.—Пустяки, говорю вамъ! Либералы! Ну, да, такіе же либералы, какъ вы, донна Туллія Майеръ и самъ Спикка, только что убившій другого либерала, Казальверде. Ну, ужъ и либералы! неужли вы думаете, что Антонелли боится такихъ либераловъ, какъ вы? неужли вы думаете, что жизнь дель-Фериче имѣетъ больше значенія въ политической сферѣ, чѣмъ жизнь вонъ той собаки?

У Астрарденте было въ обычаѣ безжалостно смѣяться надъ пустымъ свѣтскимъ политиканствомъ. Онъ представлялъ собою классъ людей, не похожихъ ни на кружокъ Вальдэрно, ни на типъ людей какъ Сарачинеска,—классъ, презиравшій политику и считавшій ее дѣломъ недостойнымъ джентльмена, который принимаетъ существующій порядокъ за наилучшій и считаетъ, что все обстоитъ благополучно, пока никто не нарушаетъ старинныхъ учреждений. Обсуждать разумность существующихъ учреждений уже значить нападать на правительство, а нападать на правительство значило оскорблять его святѣйшество, папу; а это уже было бы ересью и вдобавокъ дурного тона. Астрарденте много видѣлъ на своемъ вѣку, но политическія идеи его были дѣтски просты; большинство же его знакомыхъ утверждало, что его прин-

ципы, по отношенію къ его чувствамъ, были дьявольски циничны. Онъ, конечно, не былъ очень добрымъ человѣкомъ и не претендовалъ на репутацію очень набожнаго человѣка, да, вѣроятно, и понималъ всю нелѣпость подобной претензіи. Но, съ политической точки зрѣнія, вѣрилъ въ умѣнье кардинала Антонелли противостоять Европѣ съ помощью Франціи или безъ нея, и такъ же хохоталъ надъ первоначальной идеей Луи-Наполеона поставить папу во главѣ итальянской федераціи, какъ смѣялся надъ любимой фразой Кавура о свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Въ его жилахъ текла горячая кровь, и наслѣдственное мужество не измѣнило ему. Онъ былъ также опытный и ловкій человѣкъ въ свѣтскомъ отношеніи, но политическій умъ его принадлежалъ всецѣло старому поколѣнію и былъ неспособенъ къ новымъ впечатлѣніямъ.

Но Вальдэрно, очень тщеславный человѣкъ, придававшій большое значеніе своимъ мнѣніямъ, былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, какъ Астрарденте отзывался о немъ и объ его пріятеляхъ. Въ собственныхъ глазахъ онъ многимъ рисковалъ для добраго, какъ онъ считалъ, дѣла, и обижался за презрительное отношеніе къ либеральнымъ принципамъ. Астрарденте не былъ ни для кого интересенъ и уже, конечно, никому не страшенъ; но въ тѣ дни люди не рѣшались защищать ничего такого, что считалось вообще либеральнымъ, если могли думать, что ихъ услышатъ, или что тотъ, съ кѣмъ они говорятъ, человѣкъ ненадежный. Если никто не боялся Астрарденте, то зато никто и не довѣрялъ ему. Поэтому Вальдэрно почелъ за лучшее сорвать досаду, возбужденную словами старика, уколовъ его въ больное мѣсто.

— Если вы такъ презираете дель-Фериче, то я удивляюсь, зачѣмъ вы терпите его общество,—замѣтилъ онъ.

— Я терплю его! Вы употребили какъ разъ то слово, которое выражаетъ мои чувства. Онъ—безвредное созданіе, прикидывается глубокимъ знатокомъ дѣлъ человѣческихъ, а ничего дальше своего носа не видитъ. Боже мой! ну, да, я „терплю“ общество дель-Фериче.

— Больше вамъ, можетъ быть, не придется терпѣть его. Говорять, онъ въ очень опасномъ состояніи.

— Ахъ! скажите! неужели!—И Астрарденте уставилъ стеклышко на своего собесѣдника.

Въ манерѣ старика было что-то до того нестерпимо дерзкое, что даже вѣтрый и добродушный Вальдэрно потерялъ терпѣніе, тѣмъ болѣе, что уже былъ и безъ того раздраженъ.

Какъ жаль, что вы такъ равнодушны! Это даже не со-

всѣмъ прилично. Еслибы вы не терпѣли его общества, онъ, быть можетъ, не былъ бы теперь на краю гроба.

Астарденте еще пристальнѣе взглянулъ на него.

— Мой дорогой юный другъ, ваши слова самыя странныя, какія когда-либо мнѣ приходилось слышать. Какимъ образомъ мое обращеніе могло повліять на судьбу этого злополучнаго чело-
вѣка?

— Мой дорогой старый другъ,—передразнилъ старика Вальдэрно:—ваша наивность превосходить все, что мнѣ когда-либо приходилось видѣть. Возможно ли, что вы не знаете, что эта дуэль происходила изъ-за вашей жены?

Астарденте все пристально глядѣлъ на Вальдэрно; стеклышко выпало у него изъ глаза, и онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, несмотря на румяна. Онъ даже пошатнулся и долженъ былъ прислониться къ двери какой-то лавки. Они какъ разъ въ эту минуту огибали уголь Piazza di Sciarra, самое людное мѣсто на Корсо.

— Вальдэрно,—сказалъ старикъ, и его дребезжащій голосъ звучалъ хрипло и глухо:—вы или объясните свои слова, или дадите мнѣ удовлетвореніе!

— Какъ! новая дуэль!—закричалъ Вальдэрно съ пренебреженіемъ.

Но, видя, что его спутнику дурно, взялъ его подъ руку и быстро провелъ его съвозъ толпу въ кофейню Араньо, новое въ тѣ дни учрежденіе, гдѣ они оба присѣли къ мраморному столу. Старый дэнди былъ блѣденъ, какъ полотно, отъ волненія. Вальдэрно чувствовалъ, что онъ отомщенъ.

— Рюмку коньяку, герцогъ? — сказалъ онъ, когда къ нимъ подошелъ гарсонъ.

Астарденте кивнулъ головой, и наступило молчаніе, пока старикъ пилъ коньякъ. Герцогъ велъ правильную, какъ заведенные часы, жизнь, стараясь крайней осторожностью въ старости парализовать грѣхи юности; давно уже не случалось ему пить водку поутру, и она произвела на него немедленное дѣйствіе: онъ укрѣпилъ стеклышко и строго поглядѣлъ на Вальдэрно.

— Ну-съ, теперь, когда намъ ничто не мѣшаетъ, смѣю спросить, что значать ваши намеки на мою жену?

— О!—отвѣчалъ Вальдэрно, съ напускнымъ равнодушіемъ.— Я говорю только то, что всѣ говорятъ. Это нисколько не касается чести герцогини.

— Надѣюсь. Продолжайте.

— Вы дѣйствительно хотите услышать эту исторію?

— Я этого требую и немедленно.

— Вамъ не придется силою выжимать ее изъ меня, увѣряю васъ!—Вальдэрно усѣлся плотнѣе на стулѣ, избѣгая, однако, сердитыхъ глазъ старика.—Каждый толкуетъ о ней съ третьяго дня, когда она случилась. Вы были на балѣ у Франджипани, вы могли сами все это видѣть. Во-первыхъ, вы должны знать, что существуетъ еще субъектъ, на котораго вы распространяете свое милостивое снисхожденіе, —нѣкій Джіованни Сарачинеска; вы, можетъ быть, замѣтили его?

— Ну, что дальше?—огрызнулся Астрарденте.

— Между прочимъ, онъ именно ранилъ дель-Фериче, какъ вы, полагаю, слышали. Между прочимъ, онъ имѣлъ также честь безъ памяти влюбиться въ герцогиню д'Астрарденте, которая...

— Что?—закричалъ старикъ такимъ надорваннымъ голосомъ, что Вальдэрно умолкъ.

— ...Которая дѣлаетъ вамъ честь, игнорируя его по большей части, но, къ несчастію, она вспомнила о его существованіи на балѣ у Франджипани. Мы всѣ сидѣли вокругъ герцогини въ ту ночь, когда разговоръ случайно коснулся того самаго Джіованни Сарачинеска, вспыльчиваго малаго, съ севернымъ характеромъ. Онъ находился въ отсутствіи въ продолженіе нѣсколькихъ дней, и въ послѣдній разъ его видѣли въ оперѣ въ вашей ложѣ, когда давали „Норму“...

— Помню,—перебилъ Астрарденте.

Но упоминаніе объ этомъ вечерѣ было холостымъ зарядомъ. Вальдэрно сидѣлъ въ клубной ложѣ и видѣлъ Джіованни, когда тотъ пришелъ въ ложу Астрарденте, но послѣ того уже не видѣлъ его до бала у Франджипани.

— Ну, вотъ, какъ я говорилъ, мы толковали про Джіованни, и каждый высказывалъ свое мнѣніе по поводу его отсутствія. Герцогиня выразила также любопытство, а дель-Фериче, сидѣвшій тоже съ нами, предложилъ позвать его. Джіованни стоялъ, видите, на другомъ концѣ комнаты... Я пошелъ и позвалъ его. Онъ былъ въ очень сверномъ расположеніи духа...

— Какую связь съ дѣломъ можетъ имѣть вся эта дичь?—съ нетерпѣніемъ перебилъ старикъ.

— Это-то и есть само дѣло. Раздражительный Джіованни разсердился за то, что его спрашиваютъ, и обошелся со всѣми какъ нельзя хуже, разогналъ насъ и усѣлся около герцогини. Герцогиня рассказала ему все, какъ было, для смѣха, конечно, а Джіованни развирѣпѣлъ того пуще. Онъ разыскалъ дель-Фериче и чуть не задушилъ его. Результатомъ такого нелѣпаго поведенія была первая дуэль, а эта повела и ко второй.

Астрарденте былъ очень сердитъ, и его худыя, обтянутыя перчатками руки нервно теребили набалдашникъ тросточки.

— И этотъ вздоръ кажется вамъ достаточной причиною утверждать, что дуэль была изъ-за моей жены?

— Конечно,—холодно отвѣтилъ Вальдэрно.—Еслибы Сарачинеска не былъ такъ открыто влюбленъ въ герцогиню, хотя она, увѣряя васъ, не обращаетъ на него ровно никакого вниманія...

— Не тратьте даромъ словъ...

— Я не трачу... и еслибы Джіованни не ревновалъ къ дель-Фериче, то дуэли и не было бы.

— Сообщили ли вы вашимъ пріятелямъ, что моя жена—главная причина всей этой исторіи?—спросилъ Астрарденте, дрожа отъ настоящей ярости, которая сообщила мимолетное достоинство его тщедушной фигурѣ и раскрашенному лицу.

— Почему бы и нѣтъ?

— Отвѣчайте прямо: да или нѣтъ?

— Да, если вамъ то угодно, — отвѣтилъ Вальдэрно дерзко, наслаждаясь яростью старика.

— Если такъ, то позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы взяли на себя непростительную вольность, что вы солгали и не заслуживаете, чтобы съ вами обращались какъ съ порядочнымъ человекомъ.

Астрарденте всталъ съ мѣста и вышелъ изъ кофейни, не говоря больше ни слова. Вальдэрно дѣйствительно попалъ въ болное мѣсто, и рана оказалась смертельной. Кровь вскипѣла въ старикѣ, и въ этотъ моментъ онъ могъ бы стать передъ Вальдэрно со шпагой въ рукѣ, и оказался бы нешуточнымъ противникомъ—такъ велика сила гнѣва, и такъ легко она можетъ вызвать энергію молодости въ самой разслабленной натурѣ. Онъ вѣрилъ въ жену съ рѣдкой искренностью, и кровь кипѣла въ немъ при мысли, что смѣютъ говорить, будто она причина скандальной дуэли, какъ бы тамъ Вальдэрно ни настаивалъ на томъ, что она одинаково равнодушна и къ Джіованни, и къ дель-Фериче. Вся исторія была одна голая клевета. Но хотя старикъ говорилъ себѣ это и повторялъ, идя по узкимъ улицамъ домой, одинъ изъ намековъ Вальдэрно глубоко запалъ въ его душу. Вѣрно, что Джіованни видѣли въ послѣдній разъ въ ложѣ герцога въ оперѣ; что онъ пробылъ тамъ не болѣе пяти минутъ, сидя около герцогини, и затѣмъ вдругъ выдумалъ глупый предлогъ, чтобы уйти, и, наконецъ, несомнѣнно, что въ этотъ моментъ Корона казалась очень

взволнованной. Джіованни не появлялся вновь до самаго бала Франджипани, а дуэль произошла на слѣдующее утро.

Астрарденте не могъ разсуждать,—онъ былъ слишкомъ разстроенъ и сердить на Вальдэрно; но смутное ощущеніе чего-то неладнаго влекло его домой съ неописанной тревогой. Онъ былъ также и боленъ, и будь онъ способенъ разсуждать, то замѣтилъ бы, что его сердце страшно и неправильно бьется. Но онъ не подумалъ даже взять фіакаръ и пѣшкомъ торопился домой, находя, быть можетъ, временное облегченіе въ усиленномъ движеніи. Старая кровь дѣйствительно бросилась ему въ лицо и выдавала искусную разрисовку, выполненную рукой первостепеннаго мастера, monsieur Исидора, камердинера-восмополита.

Вальдэрно остался въ кафѣ, немного смущенный тѣмъ, что надѣлалъ. Онъ, конечно, не имѣлъ намѣренія поднять всю эту бурю; онъ былъ слабый и добродушный человѣкъ; тщеславіе его было легко задѣть, но вообще онъ былъ и не изъ чувствительныхъ, и не изъ умныхъ. Астрарденте подтрунивалъ надъ нимъ и надъ его пріятелями, и это его такъ задѣло, что съ ребяческой поспѣшностью онъ отомстилъ первымъ попавшимся ему подъ руку способомъ. Однако, въ его разсказѣ было больше правды, нежели Астрарденте хотѣлось вѣрить. По крайней мѣрѣ, вѣрно то, что эта исторія была на устахъ у всѣхъ городскихъ сплетниковъ, и Вальдэрно повторилъ только то, что самъ слышалъ. Онъ хотѣлъ поддразнить старика, но вовсе не имѣлъ въ виду вывести его изъ себя. Что касается оскорбленія, нанесеннаго ему, то, конечно, очень непріятно выслушать обвиненіе во лжи въ такихъ категорическихъ выраженіяхъ; но, съ другой стороны, требовать удовлетворенія отъ такой старой развалины, какъ Астрарденте, было бы крайне смѣшно. Вальдэрно былъ неспособенъ къ очень сильнымъ страстямъ и легко успокоивался; но онъ не былъ лишенъ нѣкоторой физической храбрости, хотя она могла проявиться лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, такъ какъ вообще онъ не былъ ни очень силенъ, ни особенно самоувѣренъ, тѣмъ менѣе бреттеръ и вдобавокъ не особенно правдивый человѣкъ. Когда Астрарденте ушелъ, онъ нѣкоторое время подождалъ, а затѣмъ засѣменилъ по Корсо, направляясь въ клубъ и обдумывая, какъ бы ему поспѣшнѣе передать о случившемся, не показавшись ни дуракомъ, ни трусомъ. Необходимо было также особенно тщательно проредактировать всю исторію на тотъ случай, еслибы она дошла до ушей Джіованни, чтобы послѣдній не вздумалъ перерѣзать ему горло, хотя трудно было предположить,

чтобы нашелся смѣльчакъ, который бы заговорилъ объ этомъ предметѣ съ молодымъ Сарачинеска.

Когда Вальдэрно опять появился въ курительной клуба, его встрѣтилъ графъ вопросовъ объ его разговорѣ съ Астарденте.

— О чемъ онъ спрашивалъ? что говорилъ? куда пошелъ? Что вы ему сказали? Выронилъ онъ стеклышко изъ глаза? покраснѣлъ севозь румяны?

Всѣ говорили въ одинъ голосъ. Тщеславіе Вальдэрно было необыкновенно польщено. Слабый и ничтожный по природѣ, онъ всего болѣе любилъ быть центромъ всеобщаго интереса хотя бы только на одну минуту.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ выронилъ стеклышко, — отвѣчалъ Вальдэрно со смѣхомъ, — и въ самомъ дѣлѣ покраснѣлъ севозь румяны.

— Должно быть, разговоръ былъ отчаянный, — замѣтилъ кто-то.

— Я буду счастливъ предложить вамъ свои услуги, въ случаѣ вы пожелали бы перерѣзать другъ другу горло, — сказалъ одинъ французскій офицеръ изъ папскихъ зуавовъ.

Послѣ этого всѣ громко засмѣялись.

— Благодарю, — отвѣчалъ Вальдэрно. — Я жду вызова каждую минуту. Если онъ предложить вмѣсто оружія коробку съ пудрой и банку съ румянами, я приму безъ колебанія. Это будетъ очень забавно. Онъ хотѣлъ узнать все, какъ было, и я рассказалъ ему про сцену на балѣ у Франджипани. Онъ, кажется, ничего не понималъ. Онъ очень тупой старикъ.

— Надѣюсь, что вы объяснили ему связь между событіями?

— Конечно. Было очень весело глядѣть, какъ онъ злился. Тогда-то онъ и выронилъ стеклышко и покраснѣлъ, какъ вареный ракъ. Онъ поклялся, по обыкновенію, что жена его выше подозрѣнія.

— Это правда, — замѣтилъ молодой человекъ, который пытался было въ прошломъ году ухаживать за Короной.

— Само собой разумѣется, что это правда, — подтвердили остальные съ рѣдкимъ единодушіемъ, когда дѣло идетъ о чести женщины.

— Да, — продолжалъ Вальдэрно, — само собой разумѣется. Но онъ заходитъ дальше и утверждаетъ, что негѣпо, чтобы кто-нибудь восхищался его женой, хотя она и восхитительная женщина. Онъ топалъ ногой, кричалъ, краснѣлъ и оставилъ меня, поклявшись вѣчной ненавистью и мщеніемъ всему цивилизованному міру. Онъ былъ въ высшей степени забавень... Не желаетъ ли кто, господа, играть въ баккара? Я отыроку банкъ.

Большинство пошло играть, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже сидѣли за длиннымъ зеленымъ столомъ, пересыпая игру замѣчаніями о событіяхъ дня.

XVI.

Корона пришла быстро въ такое настроеніе пассивнаго ожиданія, характерной чертой котораго бываетъ поворность судьбъ.

Извѣстіе о дуэли сильно смутило ее. Она честно вѣрила, что послѣдняя нисколько ее не касается, и горько обидѣлась за намеки старика Сарачинеска. Среди жаркаго съ нимъ объясненія, она чувствовала, какъ гнѣвъ закипаетъ въ ней на старика; но когда онъ обратился къ ней съ мольбой о пощадѣ сына, любовь къ Джіованни побѣдила въ ней негодованіе на его отца. Будь что будетъ, а она рѣшила сдѣлать то, что для него всего лучше. Если можно, она убѣдитъ его уѣхать изъ Рима немедленно и такимъ образомъ освободить ее отъ тягости постоянныхъ встрѣчъ. Быть можетъ, она убѣдитъ его жениться — все же это лучше, чѣмъ оставить вещи въ ихъ настоящемъ видѣ, безпрестанно встрѣчаться съ нимъ въ свѣтѣ и знать, что онъ каждую минуту можетъ съ кѣмъ-нибудь поссориться изъ-за нея и подрагаться.

Она смѣло выѣхала въ свѣтъ въ этотъ вечеръ, не зная, встрѣтитъ она Джіованни или нѣтъ, но рѣшивъ, какъ ей слѣдуетъ поступать. Джіованни, однако, не появлялся, и всѣ говорили ей, что онъ просидитъ дома нѣкоторое время. Она вернулась домой, ничего не сдѣлавъ изъ того, что хотѣла. Мужъ ея былъ очень молчаливъ и глядѣлъ на нее нерѣшительно, какъ бы колеблясь: заговорить съ нею объ этомъ, или нѣтъ.

На слѣдующій день, около полудня, Корона сидѣла въ своемъ будуарѣ и писала пригласительные билеты по случаю предполагавшагося у нея приѣма, какъ вдругъ дверь отворилась, и мужъ ея вошелъ въ комнату.

— Душа моя! — закричалъ онъ въ сильномъ волненіи: — это рѣшительно ужасно! Слышала ты?

— Что такое? — спросила Корона, влады перо.

— Спикка убилъ Казальверде... секунданта дель-Фериче... убилъ на мѣстѣ.

Корона вскрикнула отъ ужаса.

— И говорятъ, что дель-Фериче умеръ или умираетъ! — разбитый голосъ старика становился съ каждымъ словомъ все визгливѣе: — и говорятъ, — почти закричалъ онъ, грубо влады сморщенную

руку на плечо жены, — говорятъ, что дуэль была изъ-за тебя... понимаешь ты это, изъ-за тебя?

— Это неправда, — твердо отвѣчала Корона. — Успокойся, прошу тебя, успокойся. Расскажи мнѣ только, чтѣ случилось, кто наболталъ тебѣ это?

— Какое право имѣеть кто-либо припутывать твое имя въ этой ссорѣ? — рѣзко кричалъ старикъ. — Всѣ говорятъ это... Это отвратительно, безсовѣстно!..

Корона спокойно усадила мужа на стуль и сѣла возлѣ него.

— Ты волнуешься... тебѣ это вредно... вспомни о здоровьѣ, — пыталась она урезонить его. — Скажи мнѣ прежде всего, кто разсказалъ тебѣ это про меня?

— Вальдэрно разсказалъ мнѣ; онъ сказалъ, что всѣ говорятъ объ этомъ, что ты стала басней города.

— Но почему? — настаивала Корона. — Какъ можешь ты такъ волноваться изъ-за безмысленной сплетни? Чтѣ они говорятъ?

— Какія-то глупости про отъѣздъ изъ Рима Джіованни Сарачинеска, на прошлой недѣлѣ. Дель-Фериче предложилъ позвать его и разспросить при тебѣ, а Джіованни разсердился.

— Какая нелѣпость! — сказала Корона. — Донъ Джіованни нисколько не разсердился. Онъ послѣ того разговаривалъ со мной...

— Вѣчно этотъ Джіованни! вѣчно этотъ Джіованни! Куда бы ты ни поѣхала, всегда этотъ Джіованни тутъ какъ тутъ! — закричалъ старикъ съ безразсудною яростью, безразсудною съ его точки зрѣнія, и естественною, еслибы онъ зналъ всю правду. Но онъ безсознательно задѣлъ больное мѣсто въ душѣ Короны, и она поблѣднѣла, какъ смерть.

— Ты говоришь, что это неправда, — продолжалъ онъ. — Почему ты знаешь? Какъ можешь ты знать, чтѣ говорится? Какъ можешь ты догадываться объ этомъ? Джіованни Сарачинеска ищетъ твоего общества больше чѣмъ кто другой. Онъ поссорился изъ-за тебя, и вслѣдствіе того два человѣка лишились жизни. Онъ влюбленъ въ тебя, говорю тебѣ. Неужели ты этого не видишь? Ты, значить, слѣпа!

Корона откинулась на спинку кресла, сраженная неожиданностью такой развязки; не будучи въ силахъ говорить, она крѣпко сжала руки и стиснула губы. Подзадоренный ея молчаніемъ, старикъ Астрарденте продолжалъ бѣситься, и, наконецъ, раздраженіе его дошло до крайней степени.

— Ты слѣпа, положительно слѣпа! — кричалъ онъ. — Неужели ты думаешь, что и я тоже слѣпъ? Развѣ ты не видишь, что репутація твоя страдаетъ; что люди связываютъ твое имя съ

его именемъ; что женщина, имя которой связывается съ именемъ Джіованни Сарачинеска, не можетъ надѣяться сохранить добрую славу? Человѣкъ, о походеженіяхъ котораго всѣ толкуютъ, которому стоитъ только взглянуть на женщину, чтобы погубить ее, дуэлянтъ, развратникъ...

— Это неправда, перебила Корона, не будучи въ силахъ слушать, какъ ругаютъ любимаго ею человѣка. — Ты съ ума сошелъ...

Ты его защищаешь! — завопилъ Астрарденте, наклоняясь къ ней и сжимая руки въ кулаки. — Ты смѣешь защищать его... ты сознаешься, что онъ тебя интересуешь! Развѣ онъ не преслѣдуетъ тебя такъ, что ты стала сказкой города? Тебѣ слѣдовало бы желать избавиться отъ него, желать, чтобы онъ лучше умеръ, нежели дозволить связывать свое имя съ его именемъ; а ты вмѣсто того защищаешь его... говоришь мнѣ, что онъ не виноватъ, что ты предпочитаешь его гнусное воловитство своему доброму имени, моей чести. О, это невѣроятно! Еслибы ты любила его, то не могло бы быть хуже!

— Еслибы половина того, что ты сказалъ, была правда... — начала Корона въ сильномъ смятеніи.

— Правда? Все правда... и больше того. Правда, что онъ любить тебя; правда, что весь свѣтъ это говоритъ; правда... Честное слово, судя по твоему лицу, я готовъ почти вѣрить, что и ты любишь его! Почему ты этого не отрицаешь? Негодная женщина! — завопилъ онъ, бросаясь на нее и грубо хватая за руки, которыми она закрыла себѣ лицо. Негодная женщина! ты обманула меня...

Въ пароксизмѣ ярости, щедушный старикъ сталъ почти силенъ; руки его крѣпко сжимали руки жены, и онъ стащилъ ее съ мѣста.

— Обмануть! И кѣмъ же, тобою! — кричалъ онъ, весь трясясь отъ бѣшенства. — Тобой, которую я любилъ! Такъ вотъ какова твоя благодарность, твоя прославленная преданность, твое притворное терпѣніе! Все это — чтобы скрыть свою любовь къ такому человѣку, какъ этотъ... Ахъ, ты притворщица! ахъ, ты...

Внезапнымъ усиліемъ Корона высвободилась изъ тисковъ и выпрямилась во весь ростъ.

— Ты все сейчасъ узнаешь, — сказала она повелительнымъ тономъ: — я заслуживаю многого, но не этого.

— Ага! ты, наконецъ, заговорила, я тебѣ развязалъ языкъ. Пора!

Корона была блѣдна какъ смерть, а черные глаза ея горѣли какъ уголья.

Слова она произносила медленно, но ясно и энергично, съ подавленною страстью.

— Я не обманывала тебя. Я ни одного любовнаго слова не сказала во всю жизнь никакому мужчине, и ты знаешь, что я говорю правду. Если кто-нибудь говорил со мной такъ, какъ не слѣдовало, я молча сдерживала его. Ты знаешь самъ, хотя и обвиняешь меня, что я всѣ старанія приложила къ тому, чтобы почитать и любить тебя. Ты хорошо знаешь, что я скорѣе умру отъ своей руки честной и вѣрной женой, чѣмъ позволю себѣ произнести одно слово любви къ постороннему мужчине.

Корона имѣла неограниченную власть надъ мужемъ. Она была такая правдивая женщина, что правда ясно читалась въ ея глазахъ, и то, что она теперь сказала, было чистѣйшей правдой. Въ одно мгновеніе ярость старика спала; онъ поблѣднѣлъ подъ румянами и весь затрепеталъ. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и упалъ на колѣни передъ ней, лова ея руки.

— О, Корона! прости меня!—простоналъ онъ:—прости меня! я такъ люблю тебя!

Но вдругъ онъ выпустилъ ея руки и со стономъ повалился въ ея ногамъ.

— Богу извѣстно, что я прощаю тебя!—вскричала Корона, и слезы жалости навернулись у нея на глазахъ. Она пыталась поднять его, но онъ лежалъ неподвижно, уткнувшись лицомъ въ полъ. Съ крикомъ ужаса, она стала передъ нимъ на колѣни и сильною рукою повернула его туловище и положила его голову къ себѣ на колѣни. Его лицо было смертельно блѣдно, за исключеніемъ пятенъ румянъ, представлявшихъ жалкій контрастъ съ его помертвѣлой кожей. Раскрашенные губы были раскрыты, глаза вытаращены; а вудрявый парикъ съѣхалъ назадъ и открылъ лысый и морщинистый лобъ.

Корона поддерживала его одной рукою, а другой взяла за руку. Смертельный ужасъ охватилъ ее.

— Онофріо!—закричала она (она рѣдко звала его по имени):—Онофріо, скажи слово! Мужъ мой!

Она съ силой обняла его.—О, Боже! сжался!

Онофріо Астарденте былъ мертвъ. Бѣдный старый дэнди, разумяненный и въ Парижѣ, умеръ у ногъ жены, до послѣдняго издыханія заявляя ей о своей любви. Давно отсроченный ударъ палъ, наконецъ. Долгіе годы онъ оберегалъ себя отъ внезапныхъ волненій, потому что его предупредили о болѣзни сердца, и онъ зналъ угрожающую ему опасность; но гнѣвъ убилъ его.

Коронѣ почти не доводилось видѣть смерть. Она нѣсколько

минуть молча глядѣла въ застывшее лицо. Затѣмъ, съ женскою деликатностью, поправила парикъ на бѣдной головѣ. Тутъ только она вдругъ сообразила то, что случилось, и съ крикомъ отчаянія упала на его трупъ съ горькими рыданіями. Какъ долго она такъ лежала, она сама не знала. Стукъ въ дверь не достигъ ея ушей, ни другой, ни третій; наконецъ, кто-то вошелъ. То былъ буфетчикъ. Онъ пришелъ доложить, что завтракъ поданъ. И вскрикнувъ и отступилъ назадъ, держась за ручку двери.

Корона медленно поднялась съ колѣнъ и поглядѣла еще разъ въ лицо покойника. Затѣмъ подняла омоченные слезами глаза и увидѣла слугу.

— Герцогъ скончался,—сказала она торжественно.

Слуга поблѣднѣлъ и задрожалъ, съ секунду колебался, затѣмъ повернулся и побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ въ сѣни, на манеръ итальянскихъ слугъ, боящихся смерти болѣе всего на свѣтѣ.

Корона приподнялась съ пола и вытерла глаза. Потомъ позвонила. Нѣкоторое время никто не приходилъ. Извѣстіе распространилось мигомъ по всему дому, и въ немъ воцарился полный хаосъ. Наконецъ, пришла женщина и робко остановилась у дверей. Это была чернорабочая въ домѣ, простое, сильное существо, обитательница горъ. Видя, что всѣ слуги трясутся отъ страха, она здравымъ смысломъ сообразила, что герцогиня одна. Корона поняла.

— Помогите мнѣ перенести его.

И крестьянка, и благородная дама, приподняли мертваго герцога съ полу и, ни слова не говоря, перенесли его въ спальню и положили на постель.

— Пошлите за докторомъ,—сказала Корона. — Я останусь съ нимъ.

— Но неужели же вамъ не страшно, ваше сіятельство? — спросила женщина.

Корона слегка искривила губы.

— Нѣтъ, не страшно,—отвѣтила она. — Пошлите немедленно.

Когда женщина ушла, она сѣла у постели и стала ждать. Слезы ея высохли, но она не могла ни о чемъ думать. Она ждала около часа, не двигаясь съ мѣста. Затѣмъ старикъ докторъ тихо вошелъ, въ то время какъ толпа слугъ собралась у двери и робко заглядывала въ комнату. Корона прошла по комнатѣ и сповойно заперла дверь. Докторъ остановился у постели.

— Дѣло ясно, герцогиня,—сказалъ онъ. — Онъ мертвъ. Я

еще третьяго-дня предупреждалъ его, что болѣзнь сердца ухудшилась. Разскажите мнѣ, какъ это случилось.

— Извольте, — отвѣтила Корона тихимъ голосомъ.

Она была теперь совсѣмъ спокойна.

— Онъ пришелъ въ мою комнату часа два тому назадъ, и вдругъ, во время разговора, очень разсердился. Затѣмъ его гнѣвъ прошелъ, и, упавъ къ моимъ ногамъ...

— Совсѣмъ такъ, какъ я и ожидалъ. Они всегда такъ умираютъ. Умоляю васъ успокоиться. Помните, что всѣ люди смертны...

Я спокойна теперь, — перебила Корона. — Но я одна. Будьте такъ добры, распорядитесь, чтобы все, что нужно, было поскорѣе сдѣлано. Я васъ на минуту оставлю. Прислуга за дверями.

Когда она отворила дверь, толпа слугъ отхлынула назадъ. Съ наклоненной головой, она прошла мимо нихъ въ большую гостиную и тамъ усѣлась одна со своимъ горемъ. Оно было искренне въ своемъ родѣ. Душа бѣднаго человѣка могла успокоиться, потому что Корона чувствовала болѣе искреннее огорченіе отъ его смерти, нежели онъ смѣлъ надѣяться или ожидать. Еслибы это было не такъ, то у нея могла бы мелькнуть мысль, что теперь она свободна и можетъ выйти за Джіованни Сарачинеска. Но этого не было. Она чувствовала себя только одинокой, безусловно и страшно одинокой. Ей страстно хотѣлось бы услышать старческій сердитый голосъ, къ которому она привыкла. Она съ нѣжностью припоминала обо всѣхъ его невинныхъ прихотяхъ. Это была единственная любовь, которую она знала въ жизни до того момента, какъ новая и страшная страсть зажглась въ ней. Но теперь она ее больше не мучила. Быть можетъ, бессознательная мысль, что отнынѣ она можетъ любить кого хочетъ, сдѣлала внезапно ничтожнымъ чувство, которое до сихъ поръ въ ея умѣ носило страшное названіе преступленія. Она смутно соображала, что ей теперь дѣлать. На минуту въ ней проснулось желаніе вернуться въ тотъ монастырь, гдѣ она воспитывалась, сложить на вѣки герцогскую корону и въ смиренномъ одѣяніи монахини посвятить себя служенію Богу.

Наконецъ, она встала и пошла въ комнату, гдѣ онъ умеръ. Холодная дрожь пробѣжала по ней. Постѣ-полуденное солнце освѣщало въ окно письменный столъ, на которомъ лежали недописанные пригласительные билеты. Она стала на колѣни на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мужъ ея испустилъ духъ, и долго молилась. Наконецъ, встала съ колѣнъ, но при этомъ увидѣла что-то бле-

стящее на полу. Она нагнулась и подняла кольцо мужа съ печатью, на которой вырѣзанъ былъ древній гербъ Асграрденте. Она долго глядѣла на кольцо и потомъ надѣла его на палець.

— Дай Богъ мнѣ достойно чтить его память! — торжественно проговорила она.

По истинѣ она заслуживала любовь бѣднаго старика, беззавѣтно любившаго ее.

XVII.

Въ этотъ вечеръ Джіованни рѣшился выйти изъ дому. Рана не причиняла ему больше никакой боли; опасности не было никакой, и ему надоѣло сидѣть взаперти. Но онъ по обыкновенію отобѣдалъ вмѣстѣ съ отцомъ. Онъ любилъ общество отца, и когда они не ссорились изъ-за пустяковъ, то очень пріятно проводили время. Говоря правду, пререванія возникали между ними только благодаря пылкому характеру старика князя; сынъ его вмѣстѣ съ раздражительностью отца соединялъ скрытность и сдержанность меланхолическаго нрава покойной матери. Вслѣдствіе чего, будучи молчаливымъ, онъ считался терпѣливымъ.

По обыкновенію они сидѣли напротивъ другъ друга, а буфетчикъ Паскуале прислуживалъ господамъ. Когда онъ поставилъ передъ Джіованни тарелку супа, онъ заговорилъ; извѣстная свобода всегда предоставлялась Паскуале; итальянскіе слуги считаются членами семьи даже въ княжескихъ домахъ. Не впадая въ фамиллярность, они пользуются довѣріемъ господъ. Тѣмъ не менѣе Паскуале очень рѣдко заговаривалъ съ господами, когда они сидѣли за столомъ.

— Прошу прощенія у вашихъ сіятельствъ, — началъ онъ, поставивъ тарелки съ супомъ.

— Ну, чтѣ такое, Паскуале? — спросилъ старикъ Сарачинеска, зорко взглядывая на стараго слугу изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Слышали ли новость, ваше сіятельство?

— Какую новость? нѣтъ, ничего не слыхалъ.

— Герцогъ д'Асграрденте...

— Ну, чтѣ съ нимъ?

— Онъ скончался.

— Скончался! — вскрикнулъ Джіованни такъ громко, что эхо повторило его возгласъ подъ сводами столовой.

— Неправда, — сказалъ старикъ Сарачинеска: — я видѣлъ его сегодня утромъ на улицѣ.

— И все-таки, ваше сіятельство, это правда. Ворота дворца уже были задрапированы чернымъ сукномъ передъ вечернею, и привратникъ, мой племянникъ, обвязалъ крепомъ шляпу и рукавъ. Онъ сказалъ мнѣ, что герцогъ скончался скоростижно отъ удара, въ комнатѣ синьоры герцогини, въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня.

— Вотъ все, что тебѣ извѣстно?

— Кромѣ того, что синьора герцогиня очень разстроена, — отвѣтилъ слуга серьезнымъ тономъ.

— Еще бы! когда мужъ умеръ отъ удара! Вполнѣ естественно, — сказалъ князь, глядя на Джіованни.

Тотъ молчалъ и старался ѣсть, какъ будто бы ничего не случилось, — внутренно изо всѣхъ силъ удерживаясь отъ безумной радости, пробужденной въ немъ этой катастрофой. Отъ усилия побороть чувства, кровь бросилась ему въ лицо и руки тряслись. Отецъ замѣтилъ это, но ничего не сказалъ.

— Бѣдный Астрарденте! Онъ вовсе не былъ такимъ дурнымъ человѣкомъ, какъ это думали.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Джіованни съ трудомъ: — онъ былъ очень хорошій человѣкъ.

— Ну, этого я не скажу, — замѣтилъ отецъ съ лукавой усмѣшкой. — Не думаю, чтобы при самой снисходительной оцѣнкѣ его можно было назвать добрымъ человѣкомъ.

— А почему нѣтъ? — спросилъ сынъ, хватаясь за первый попавшійся предлогъ, чтобы поднять споръ и скрыть свое замѣшательство.

— Почему нѣтъ? да потому, что, кромѣ прирожденной грѣховности, у него была еще и благопріобрѣтенная.

— Я нахожу, что онъ былъ очень хорошій человѣкъ, — повторилъ съ убѣжденнымъ видомъ Джіованни.

— Если таково твое понятіе о добротѣ, то я не удивляюсь, что ты не достигъ святости, — иронизировалъ отецъ.

— Вамъ угодно изощряться въ остроуміи, — отвѣчалъ сынъ. — Астрарденте не былъ игрокъ; онъ не имѣлъ никакихъ пороковъ... въ послѣдніе годы, — и очень былъ добръ къ женѣ.

— Не имѣлъ пороковъ... нѣтъ, конечно. Онъ не воровалъ, какъ безчестный банковый кассиръ, не пытался умертвить дель-Фериче. Не обманывалъ жены, не морилъ ее съ голода. Онъ былъ поэтому безпороченъ. Онъ былъ добрый человѣкъ.

— Оставьте въ покоѣ дель-Фериче!

— Тебѣ, должно быть, стало его, наконецъ, жаль, — замѣтилъ

старикъ саркастически. — Ты иначе заговоришь, когда онъ умретъ, и тебѣ придется бѣжать какъ Спикка.

— Я очень буду жалѣть, если дель-Фериче умретъ. Я не бреттеръ, какъ Спикка. А между тѣмъ Казальверде заслуживалъ смерти. Я могу понять, что дель-Фериче въ пылу боя могъ броситься на меня, послѣ того какъ секунданты прокричали: стой! — но не понимаю, какъ могъ Казальверде быть такъ безчестенъ, чтобы не скрестить шпаги, какъ былъ обязанъ это сдѣлать. Вѣдь это похоже на заранѣе составленный уговоръ. Казальверде заслуживалъ смерти, въ видахъ безопасности общества. Я думаю, что теперь Римъ надолго уgomонится отъ дуэлей.

— Да; но вѣдь въ сущности Казальверде былъ такой ничтожный человѣкъ; я, кажется, и не видалъ его раньше дуэли. Я надѣюсь, что дель-Фериче выздоровѣетъ. Сегодня утромъ пронесся слухъ, что онъ умеръ; но я ходилъ самъ справляться, и мнѣ сказали, что ему лучше. Общество очень скандализировано второю дуэлью. Ну, да вѣдь ее нельзя было предотвратить. Бѣдный Астрарденте! Итакъ мы никогда больше не увидимъ его парика ни на балахъ, ни на ужинахъ, ни въ театрѣ! Вотъ человѣкъ, который наслаждался жизнью до послѣдней минуты!

— Плохое наслажденіе быть ежедневно по утру собраннымъ по частямъ, какъ складная кукла, своимъ камердинеромъ, чтобы въ вечеру опять развалиться.

— Твой энтузіазмъ къ его персонѣ, кажется, остылъ.

— Мнѣ кажется, что нравственныя качества и вѣншній видъ — двѣ вещи разныя.

Князь расхохотался.

— Говорять!.. Ышь, Джіованни, и не говори пустяговъ.

— Почему это пустяки? потому что вы со мной не согласны?

— Потому что ты слишкомъ возбужденъ, чтобы разсуждать здраво. Неужели ты думаешь, что я этого не вижу?

Джіованни замолчалъ. Онъ разсердился, что отецъ понялъ, почему онъ такъ кипитъ. Но дѣлать было нечего. Наконецъ, старикъ Паскуале вышелъ. Старикъ князь вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Ну, а теперь, Джіованни, что скажешь?

— Я? — спросилъ сынъ не безъ удивленія.

— Ну да, ты! что ты намѣренъ теперь дѣлать?

— Сидѣть дома, — отрѣзалъ Джіованни.

— Не въ томъ дѣло, Джіованни: вѣдь герцогиня теперь

идетъ.

— Такъ какъ ея мужъ умеръ, то въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя.

— Не представляйся, Джіованнино. Я хочу сказать, что такъ какъ она вдова, то я ничего не имѣю противъ того, чтобы ты на ней женился.

— Боже мой, что вы говорите!

— То и говорю. Она—самая красивая женщина въ Римѣ, и лучшая изъ женщинъ. Состояніе у нея значительное; женись на ней. Ты не будешь счастливъ съ какой-нибудь глупенькой дѣвчонкой. Астрарденте нѣтъ еще и двадцати-трехъ лѣтъ. Я буду гордиться такою дочерью.

Въ своемъ волненіи Джіованни вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ отцу и, обнявъ его за шею, поцѣловалъ. Онъ еще никогда этого не дѣлалъ въ жизни. Послѣ того остановился вдругъ и задумался.

— Я вовсе не увѣренъ въ томъ, что она согласится, — сказалъ онъ, наконецъ, и заходилъ по комнатѣ.

— Ба!—отвѣтилъ ему отецъ. —Ты самая выгодная партія въ Италіи. Какъ можетъ какая-либо женщина отказать тебѣ?

— Я вовсе въ этомъ не увѣренъ. Да, притомъ, она не похожа на другихъ женщинъ. Не будемъ пока объ этомъ говорить. Да раньше года нельзя вѣдь и приступить къ этому дѣлу. А годъ—время большое. Но пока я буду на похоронахъ герцога.

— Само собой разумѣется. И я также.

И они оба были на похоронахъ, и очутились въ толпѣ знакомыхъ. Никто не вѣрилъ, чтобы Астрарденте могъ умереть, что придетъ день, когда его больше не станетъ, и всѣ какъ одинъ человекъ послали свои экипажи на похороны, а сами отправились, днемъ или двумя позднѣе, на торжественную похоронную обѣдню въ приходской церкви. Въ ней ничего не было видно, кромѣ большого чернаго катафалка и передъ нимъ колѣнопреклоненныхъ слугъ покойнаго герцога въ траурной ливреѣ. Родственниковъ у него не было. Онъ былъ послѣдній въ родѣ и, кромѣ жены, никого послѣ себя не оставилъ.

— Неужели она такъ огорчена его смертью?—сказала м-ше Майеръ Вальдэрно, когда обѣдня кончилась, и она, остановившись передъ кропильницей съ святой водой, опустила въ нее пальцы и подала ихъ Вальдэрно съ любезной улыбкой.

— Неужели она такъ огорчена его смертью?—повторила она.

— Конечно, ей будетъ тяжело сначала, —отвѣчалъ Вальдэрно, человекъ съ добрымъ сердцемъ и не подозрѣвавшій, насколько онъ содѣйствовалъ внезапной смерти престарѣлаго дэнди.—Она странная женщина. Право, она была къ нему привязана.

— О! я знаю,—сказала донна Туллія, когда они выходили изъ церкви.

— Да,—отвѣтилъ ей спутникъ съ многозначительной улыбкой: — я тоже думаю, что вы знаете.

Донна Туллія рѣзко засмѣялась, садясь въ карету.

— Вы несносны, Вальдэрно, вы все перетолковываете. Вы будете сегодня на балу?

— Разумѣется. Могу я попросить васъ на котильонъ?

— Если вы хотите быть очень любезны... то сходите узнайте о здоровьѣ дель-Фериче.

— Я уже справлялся сегодня утромъ. Полагаютъ, что онъ находится внѣ опасности.

— Въ самомъ дѣлѣ? О! я очень рада... я такъ была огорчена, знаете!.. Ахъ! Донъ Джіованни, вы поправились?—холодно спросила она Сарачинеска, подошедшаго къ другому окну кареты.

Вальдэрно отошелъ въ сторону будто бы затѣмъ, чтобы застегнуть пальто. Ему хотѣлось посмотрѣть, что будетъ.

— Благодарю васъ, да; я не былъ очень сильно раненъ. Сегодня я въ первый разъ вышелъ изъ дому, и очень радъ, что представляется случай объясниться съ вами. Позвольте мнѣ повторить, что я глубоко сожалью о своей позабывчивости на томъ балу...

Донна Туллія была умная женщина, и хотя она очень разсердилась въ ту пору на Джіованни, но все же была въ него влюблена. Поэтому она мягко взглянула на него и на мигу привоснула пальчиками къ его рукѣ, которую онъ положилъ на окно кареты.

— Какъ вы думаете, это было хорошо съ вашей стороны? —спросила она тихимъ голосомъ.

— Это было отвратительно. Я никогда не прощу себѣ, —отвѣтилъ Джіованни.

— Я прощаю васъ,—мягко сказала донна Туллія.

Она истинно его любила. Это была лучшая черта ея натуры, но она болѣе чѣмъ парализировалась ея ревностью къ герцогинѣ Астарденте.

— Не поэтому ли вы и поссорились съ дель-Фериче? я ужасно боялась этого.

— Разумѣется, нѣтъ, —поспѣшилъ успокоить ее донъ Джіованни.—Я поссорился не за васъ.

Трудно было бы сказать, что сильнѣе выразило лицо донны Тулліи: удивленіе или разочарованіе.

— О! я очень рада, —холодно замѣтила она. — Вы будете сегодня на балу?

— Нѣтъ; я еще не могу танцевать; моя рука на перевязи, какъ видите. Прощайте, я очень благодаренъ вамъ за прощеніе.

Ближайшее обстоятельство, интересовавшее римское общество, было завѣщаніе Астрарденте, но никого не удивило его содержаніе. Такъ какъ у него не было родственниковъ, то все свое состояніе онъ завѣщалъ женѣ: дворець въ Римѣ, городокъ и замокъ въ Сабинскихъ горахъ, земли около Чепрано и даже — что очень удивило семейнаго адвоката — значительный капиталъ въ вѣрныхъ англійскихъ бумагахъ, — великолѣпное состояніе, по всѣмъ римскимъ понятіямъ. Астрарденте ненавидѣлъ говорить о деньгахъ — это входило въ систему его аффектаціи; но онъ былъ отличный дѣлецъ и прекрасно распоряжался своимъ имуществомъ. Наслѣдство, оставленное его женѣ, равнялось, по мнѣнію адвоката, тремъ милліонамъ скуди.

— Неужели все это богатство мое теперь? — спросила Корона, когда адвокатъ объяснилъ ей положеніе дѣлъ.

— Ваше, герцогиня. Вы стали очень богатой женщиной.

— Очень богатой и совсѣмъ одинокой! — прибавила про себя Корона. Она чувствовала себя совсѣмъ въ новомъ и странномъ положеніи и наивно спросила адвоката:

— Что же мнѣ дѣлать съ этимъ богатствомъ?

— Герцогиня, — отвѣтилъ старикъ, — трудно жить, когда нѣтъ денегъ, а съ деньгами распорядиться не трудно. Вы еще очень молоды, герцогиня.

— Мнѣ будетъ двадцать-три года въ августѣ, — отвѣтила Корона.

— Именно. Прошу позволенія напомнить вамъ, что по условіямъ завѣщанія и по туземнымъ законамъ вы не вдовствующая герцогиня, но по праву и на дѣлѣ — единственная феодальная владѣлица и носительница титула.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Разумѣется, и со всѣми присвоенными привилегіями. Быть можетъ — прошу прощенья, если осмѣливаюсь упоминать объ этомъ — быть можетъ, со временемъ вы пожелаете снова вступить въ бракъ.

— Сомнѣваюсь, но не считаю невозможнымъ, — отвѣтила спокойно Корона.

— Въ такомъ случаѣ, если вы предпочтете бракъ по склонности, то вамъ не трудно будетъ передать титулъ вашему супругу, и тогда дѣти ваши наслѣдуютъ его и будутъ въ свою очередь герцогами д'Астрарденте. Таково по смыслу и сущности желаніе, выраженное покойнымъ герцогомъ въ своемъ завѣщаніи. Себѣ

же вы можете въ отличіе присвоить титулъ герцогини дель-Кармине д'Астрарденте... Это звучитъ красиво,—заявилъ стряпчій, глядя на красавицу.

— Мнѣ все равно, какъ меня ни будутъ величать. Въ настоящее время я не желаю перемѣны. И весьма мало-правдоподобно, чтобы я снова вышла замужъ.

— Во всякомъ случаѣ, герцогиня, я надѣюсь, что вы не отвергнете моихъ смиренныхъ услугъ.

Съ этими словами адвокатъ ушелъ и оставилъ Корону размышлять въ уединеніи о томъ, что значитъ быть феодальной владѣтельницей знатнаго имени и помѣстья. Она была очень грустна, но начинала привыкать къ одиночеству. Свобода была для нея совсѣмъ непривычнымъ дѣломъ, но мало-по-малу начинала ей нравиться. Сначала она скучала безъ присутствія и заботъ человѣка, подругой котораго была въ продолженіе пяти лѣтъ. Но это длилось не долго. Скоро чувство одиночества прошло, такъ какъ мужъ все же не былъ ей товарищемъ.

Что касается Джіованни, то она и о немъ думала; но старая привычка прогонять всякую мысль о немъ была еще слишкомъ сильна. И даже теперь она не позволяла себѣ думать о Джіованни, хотя съ общей точки зрѣнія ничто не мѣшало ей выйти за него замужъ. Она рѣшила, наконецъ, что отправится къ падре Филиппо и обо всемъ съ нимъ посоветуется.

Затѣмъ ею овладѣло страстное желаніе оставить Римъ на нѣкоторое время, подышать деревенскимъ воздухомъ, удалиться на время изъ мѣста, гдѣ ей пришлось пережить такъ много тяжелаго. Она бы все дала, чтобы уѣхать. Но что же мѣшаетъ ей уѣхать? Она вдругъ сообразила то, съ чѣмъ ей такъ трудно еще было освоиться, — что она вольна ѣхать куда ей угодно... Еслибы только ей удалось гдѣ-нибудь повидаться съ Джіованни Сарачинеска, прежде, нежели уѣхать!

Но нѣтъ — эта мысль ея недостойна. Она рѣшила уѣхать немедленно — ей нечего сказать Джіованни. Она завтра же уѣдетъ изъ Рима.

А. Э.

ПИСЬМА

ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА

КЪ СЫНУ, ГРАФУ М. С. ВОРОНЦОВУ.

1798—1830.

— *Архивъ князя Воронцова*. Т. XVII. Москва, 1880.

Графъ (впослѣдствіи князь) Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ родился въ Россіи въ 1782 году, можно сказать, наканунѣ замѣчательной карьеры отца, Семена Романовича, въ качествѣ дипломата. Свое первоначальное и дальнѣйшее воспитаніе Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ получилъ въ Англіи, гдѣ отецъ занималъ тогда постъ русскаго посла. Не раньше какъ въ 1801 году, когда, значить, ему было 19 лѣтъ, молодой Воронцовъ, возвратившись на родину, началъ свою карьеру въ качествѣ замѣчательнаго военачальника и гениальнаго администратора.

Отецъ, графъ Семень Романовичъ, оставался въ Англіи до своей кончины. Разлука съ сыномъ заставила его прибѣгнуть къ перу для продолженія бесѣды съ даровитымъ и прекрасно образованнымъ молодымъ человѣкомъ. Занимая высокіе посты, зорко слѣдя за современными событіями, принимая въ нихъ большое участіе, отецъ и сынъ переписывались о важныхъ дѣлахъ, обрававшихъ на себя вниманіе современниковъ.

Понятно, что переписка между Воронцовыми, отцомъ и сыномъ, должна служить чрезвычайно важнымъ источникомъ исторіи не только Россіи, но и другихъ государствъ, въ первомъ десятилѣтіи

текущаго вѣка. Особенно важный матеріалъ въ ней заключается для оцѣнки царствованія императора Александра I.

Переписка между Воронцовыми велась исключительно на французскомъ языкѣ. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы желали бы обратить вниманіе читателей именно на характеръ писемъ графа Семена Романовича Воронцова къ сыну вообще, и на нѣкоторыя частности этихъ писемъ въ особенности. Семнадцатый томъ богатаго сборника, издаваемаго г-мъ Бартевымъ, можетъ считаться особенно достойнымъ вниманія и историковъ, и любителей исторіи.

Перемѣна на престолѣ Россіи, происшедшая въ мартѣ 1801-го года, дозволила графу Семену Романовичу Воронцову привести въ исполненіе давнее намѣреніе — отправить сына въ Россію. Желая оставаться въ Англіи, онъ долженъ былъ разстаться со своимъ любимымъ „Мишелемъ“. Хотя сынъ впослѣдствіи неоднократно посѣщалъ отца и сестру въ Англіи, онъ все-таки большую часть времени былъ въ разлуцѣ съ ближайшими родственниками. Отецъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ и успѣхами Михаила Семеновича, который еще при жизни отца успѣлъ оказать существенныя услуги Россіи и сдѣлать блестящую карьеру. Такъ какъ онъ вращался въ высшихъ сферахъ русскаго общества, участвовалъ въ важнѣйшихъ походахъ и узнавалъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что его письма къ отцу отличались богатствомъ содержанія и могли бы служить важнымъ источникомъ при изученіи исторіи отъ 1801 до 1832 года. Однако письма Михаила Семеновича пока не изданы. Зато напечатано болѣе трехъ сотъ писемъ къ нему графа Семена Романовича; они обнимаютъ время отъ 1798 до 1830 года. Въ нихъ, разумѣется, частныя, семейныя дѣла занимаютъ не мало мѣста; однако обращается вниманіе и на другіе предметы, а именно на политическія дѣла и на военныя событія.

Оставивъ постъ русскаго дипломата послѣ тильзитскаго мира и доживая свой вѣкъ въ Англіи въ качествѣ частнаго человѣка, графъ Семенъ Романовичъ не переставалъ зорко слѣдить за всѣми происшествіями въ Россіи и въ западной Европѣ. Поэтому въ его письмахъ къ сыну встрѣчаются многія замѣчанія о событіяхъ царствованія императора Александра I, объ эпохѣ Наполеона, о характерѣ періода реакціи послѣ вѣнскаго конгресса до іюльской революціи. Нельзя удивляться тому, что, напр., отечественная война 1812 года, эпизодъ съ декабристами въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X, революціи въ южной Европѣ и пр., обращали на себя вниманіе маститаго государ-

ственного человѣка, располагавшаго свободнымъ временемъ для письменной бесѣды съ сыномъ о всѣхъ этихъ предметахъ.

Г-нъ Бартеневъ, издавая эти замѣчательныя письма, говоритъ въ предисловіи къ XVII-му тому: „Въ печати устранены лишь немногія, мелкія и незначительныя подробности вполне домашняго семейнаго обихода, но тщательно сохранено все, что служитъ къ жизнеописанію обоихъ лицъ, какъ писавшаго, такъ и получавшаго эти письма, а равно и къ изображенію тѣхъ, по истинѣ образцовыхъ, отношеній, въ которыхъ отецъ и сынъ между собою находились“.

Первыя письма, писанныя еще до отправленія Михаила Семеновича въ Россію, имѣютъ, главнымъ образомъ, педагогическое значеніе; въ нихъ даются совѣты, говорится объ обязанностяхъ учащихся, и пр. Такъ, напр., сказано о значеніи каллиграфіи: „Если ты не будешь стараться писать хорошо и ясно, то ты вскорѣ, т.-е. чрезъ лѣтъ 10 или 15, придешь къ такому же плохому почерку, каковымъ отличается твой отецъ, и чрезъ 20—25 лѣтъ будешь писать до того скверно, какъ пишетъ твой дядя, мой братъ ¹⁾. Бывъ въ твоёмъ возрастѣ, я писалъ изрядно, хотя не имѣлъ счастья получить такое воспитаніе, какъ ты, и жить въ такой странѣ, гдѣ пишутъ красивѣе, чѣмъ гдѣ-либо“ (3) ²⁾.

Замѣчательно напутственное письмо при отъѣздѣ сына въ Россію, отъ 21-го апрѣля 1801 г. (5—13). Тутъ проводится параллель между Россією и Англією. Недаромъ графа Семена Романовича на родинѣ называли „англоманомъ“. Онъ пишетъ, между прочимъ: „Страна, куда ты ѣдешь, ничѣмъ не походитъ на Англію. Хотя новое царствованіе осчастливило нашихъ соотечественниковъ, хотя послѣдніе, избавившись отъ ужаснѣйшаго рабства, считаютъ себя свободными, — они не свободны въ томъ смыслѣ, какъ жители другихъ странъ, которые, въ свою очередь, не имѣютъ понятія о настоящей свободѣ, основанной на единственной, въ своемъ родѣ, конституціи, составляющей счастье Англіи, гдѣ люди подчинены законамъ, равнымъ для всѣхъ сословій, и гдѣ почитается чело-вѣческое достоинство. У насъ невѣжество, безнравственность, вслѣдствіе этого невѣжества, и формы правленія, которыя, портя людей, лишаютъ ихъ возвышенныхъ чувствъ, способствуютъ алчности, развитію чувственности и рабскому, недостойному униженію предъ людьми сильными или фаворитами государя. Страна слишкомъ

¹⁾ Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ писалъ — особенно по-русски — до того неразборчиво, что жалобамъ его родственниковъ, получавшихъ его письма, не было конца.

²⁾ Цифры въ скобкахъ обозначаютъ страницы XVII-го тома архива Воронцова.

обширна для того, чтобы государь, еслибы даже онъ былъ вторымъ Петромъ Великимъ, могъ сдѣлать все безъ государственныхъ учреждений, безъ точныхъ законовъ, безъ вполне независимыхъ и несмѣняемыхъ судей. По самой природѣ формы правленія государь долженъ положиться на министра-фаворита, который, такимъ образомъ, превращается въ великаго визиря, раздастъ мѣста своимъ родственникамъ, пріятелямъ и клеветамъ, а сіи послѣдніе, увѣренные въ покровительство, превращаются въ пашей. Весь дворъ куврыкается предъ визиремъ, и вся имперія слѣдуетъ примѣру двора“, и т. д. Слѣдующія затѣмъ замѣчанія еще болѣе свидѣтельствуютъ о томъ, сколь глубокое впечатлѣніе произвело на современниковъ краткое царствованіе императора Павла (см. стр. 6).

Понятно, что графъ Семень Романовичъ считалъ нужнымъ снабдить сына совѣтами для избѣжанія разныхъ опасностей, которыя могли грозить ему въ Россіи. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ ему не высказывать своего мнѣнія объ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ родины, хотя бы многое ему не понравилось. Далѣе, отецъ требовалъ, чтобы сынъ руководствовался указаніями дяди, Александра Романовича, Безбородки, Кочубея, Роджерсона и барона Николаи.

Въ позднѣйшихъ письмахъ встрѣчаются кое-какія, болѣе или менѣе рѣзкія, замѣчанія о разныхъ недостаткахъ въ русскомъ войскѣ, которые Семень Романовичъ объяснялъ характеромъ царствованія Павла; о недостойныхъ людяхъ между офицерами (30) и пр. Узнавъ, что сынъ занимается дѣлами подъ руководствомъ своего дяди, канцлера, и обрадованный этимъ извѣстіемъ, Семень Романовичъ писалъ: „Это для тебя будетъ средствомъ пріобрѣсти познанія, полезныя для каждаго военнаго человѣка. Всѣ наши маршалы, предшественники графа Румянцева, мало знали толку въ политикѣ, не умѣли писать какъ слѣдуетъ, и не знали, когда и кому нужно было писать. Вслѣдствіе этого приходилось къ нимъ посылать чиновниковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ для переписки съ генералами союзниковъ и съ русскими дипломатами при иностранныхъ дворахъ. Эти же люди сами были невѣждами или же были преданы иностраннымъ дворамъ и водили за носъ нашихъ глупыхъ маршаловъ. Сообразно съ этимъ обычаемъ, отправили таковаго же господина изъ коллегіи къ графу Румянцеву, но онъ его отпавилъ назадъ, говоря, что онъ въ немъ не нуждается. Онъ самъ писалъ въ Варшаву, въ Берлинъ и въ Вѣну, и дѣлалъ это съ большимъ политическимъ тактомъ, нежели это дѣлали въ Петербургѣ“ (57).

Очевидно, въ этомъ мѣстѣ говорится объ образѣ дѣйствій Румянцева во время первой турецкой войны. Графъ Семенъ Романовичъ въ это время находился въ близкихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ фельдмаршаломъ и вообще любилъ говорить объ этой войнѣ.

Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ желалъ посвятить себя военной карьерѣ, и въ особенности—участвовать въ какомъ-либо походѣ. Отецъ выразилъ желаніе, чтобы онъ не думалъ о поступленіи во французскую армію; Семенъ Романовичъ былъ очень невысокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ французовъ; онъ предлагалъ сыну служить въ португальской арміи или на Кавказѣ; Михаилъ Семеновичъ дѣйствительно отправился на Кавказъ, гдѣ его начальникомъ былъ Циціановъ. Въ продолженіе всего этого времени отецъ посылалъ сыну разныя наставленія, умоляя его не подвергать себя понапрасну опасностямъ и объясняя подробно, въ чемъ заключаются обязанности хорошаго и образованнаго офицера (85). Въ другомъ письмѣ онъ предлагаетъ сыну заняться описаніемъ Кавказа (91). Постоянно онъ твердитъ о необходимости ученія, эрудиціи, выставляя на видъ, что всего этого нѣтъ у молодыхъ русскихъ дворянъ. „Нельзя удивляться этому,—связано въ письмѣ отъ 7-го іюля 1805 года,—если принять въ соображеніе, какое они получаютъ воспитаніе. Не что иное, какъ роскошь, безнравственное, поверхностное отношеніе ко всему (*futilité sans morale*), недостатокъ въ серьезномъ и послѣдовательномъ ученіи;—все стараніе заключается въ томъ, чтобы казаться любезнымъ въ обществѣ; набиваютъ себѣ голову романами, комедіями и французскими стихами—да и только; это считается верхомъ совершенства, законченности и способности“ (106).

Особенно охотно Семенъ Романовичъ возвращался къ вопросу о недостаткѣ русской военной организаціи; ему не нравилось и то обстоятельство, что въ русскомъ войскѣ служило столько нѣмцевъ, финляндцевъ, балтійцевъ. Нѣкоторые изъ этихъ замѣчаній были сдѣланы по поводу битвы при Аустерлицѣ. Когда въ 1806 году можно было ожидать разрыва съ Турціею, Семенъ Романовичъ сожалѣлъ о состояніи русской арміи и, намекая на битву при Іенѣ, замѣтилъ: „Славная прусская армія, которая въ продолженіе десяти лѣтъ уже служитъ образцомъ для нашей арміи, исчезла совершенно, какъ песокъ предъ вѣтромъ. Это было результатомъ одного лишь сраженія. Мы не имѣемъ болѣе такого войска, какое имѣлъ Петръ Великій; у насъ только прусская или гатчинская армія; это меня мучитъ несказанно“ и пр. (143).

Слѣдя за военными событіями въ восточной Пруссіи въ на-

чалъ 1807-го года, Семень Романовичъ указывалъ на разныя ошибки, сдѣланныя русскими военачальниками, и особенно жалуясь на недостатки военной администраціи (148).

Такимъ образомъ, разсужденія Семена Романовича о современныхъ событіяхъ весьма часто превращались во что-то, похожее на лекціи, которыя онъ читалъ сыну о политикѣ, тактикѣ и пр. Допуская, что въ образѣ мыслей стараго дипломата, бывшаго когда-то генераломъ, слышится старческаго пессимизмъ, все-таки нельзя не признать, что многіе отзывы въ этихъ письмахъ не лишены основанія.

Чрезвычайно любопытны нѣкоторыя замѣчанія о битвѣ при Аустерлицѣ. Особенно рѣзко тутъ осуждается образъ дѣйствій австрійскихъ генераловъ; но встрѣчается и строгая критика операцій русскихъ войскъ, указывается на необходимость реорганизаціи русскаго войска въ духѣ Петра Великаго. Нельзя не сожалѣть о томъ, что письмо Михаила Семеновича къ отцу о битвѣ при Аустерлицѣ не было издано. Семень Романовичъ былъ въ восхищеніи отъ этого письма сына (128). Столько же подробно отецъ писалъ къ сыну о катастрофѣ, постигшей Пруссію въ 1806 году (140). При страшной ненависти, которую питалъ Семень Романовичъ къ Наполеону, его поразило извѣстіе о тильзитскомъ мирѣ. Слухъ о свиданіи императора Александра съ Наполеономъ („avec ce monstre“, 159) сильно беспокоилъ Семена Романовича. Онъ не понималъ, какимъ образомъ неудачи военныя могли заставить Россію къ сдѣлкѣ съ Франціею (160), и приводилъ разные примѣры исторіи, доказывавшіе, что стойкость и безстрашіе, въ концѣ концовъ, доставляли самыя большія выгоды; достойны вниманія въ этомъ письмѣ разныя разсужденія о возможности войны въ предѣлахъ самой Россіи, въ томъ видѣ, какъ она происходила въ 1812 году. За пять лѣтъ до этого послѣдняго похода Семень Романовичъ объяснялъ, что французская армія, вошедшая въ глубь Россіи, должна погибнуть. Это письмо, обнимающее нѣсколько печатныхъ страницъ, должно считаться чрезвычайно важнымъ историческимъ памятникомъ.

Къ его политическому горю присоединилось безпокойство въ отношеніи къ сыну, который участвовалъ въ этой кампаніи до тильзитскаго мира, сражался при Фридландѣ и долго не писалъ къ роднымъ (165). Скоро Семень Романовичъ могъ успокоиться: сынъ былъ живъ и здоровъ; но тильзитскій миръ до того оскорбилъ чувства стараго дипломата, что онъ писалъ сыну: „Это извѣстіе ввергло меня въ несчастіе; я чувствую себя со-

всѣмъ униженнымъ (je me sens tout-à-fait avili); я не могу ни съ кѣмъ видѣться; мнѣ стыдно показываться въ обществѣ; я убить этимъ извѣстіемъ“ (165—166). Въ другомъ письмѣ сказано: „Вотъ уже три недѣли, что я не осмѣливаюсь являться въ люди, дома же мнѣ не легче; я погруженъ въ ужасныя страданія, въ раздраженіе и отчаяніе... я могу перенести мое собственное несчастье, какъ ты могъ видѣть въ Соутамптонѣ¹⁾, но я не могу съ твердостью перенести посрамленіе, униженіе, неизбежное паденіе моего несчастнаго отечества“ и пр. (166—167).

Дальнѣйшія событія оправдали образъ мыслей графа Семена Романовича, протестовавшаго противъ всякой сдѣлки съ Наполеономъ. Оставивъ дѣла, онъ въ частныхъ письмахъ не переставалъ разсуждать о дѣлахъ. Въ 1811 году онъ весьма подробно объяснялъ, почему въ борьбѣ съ Наполеономъ нужно ограничиваться обороною, оставаться въ предѣлахъ своего государства, причемъ онъ указывалъ на военныя событія 1806 и 1807 гг., на ошибки, сдѣланныя Россією и Пруссією. Въ это время Михаилъ Семеновичъ участвовалъ въ турецкой войнѣ, отецъ же былъ занятъ чтеніемъ специальныхъ сочиненій по военной исторіи, отправилъ въ сыну біографію Евгенія Савойскаго, изучалъ походы Мальборѣ, читалъ какое-то сочиненіе о Суворовѣ и вспоминалъ о частностяхъ турецкой войны 1769—74 годовъ, въ которой онъ принималъ участіе (195 и слѣд.).

Въ продолженіе 1812 года, понятно,—событія отечественной войны, въ письмахъ Семена Романовича къ сыну, занимаютъ самое видное мѣсто. Михаилъ Семеновичъ принималъ участіе въ походѣ и былъ раненъ въ ногу въ бородинскомъ сраженіи. Семень Романовичъ былъ доволенъ отступленіемъ русскихъ войскъ къ Москвѣ и былъ обрадованъ извѣстіемъ о назначеніи сына, которому тогда было лишь 30 лѣтъ, командиромъ сводной гренадерской дивизіи 2-й арміи (209). Зато Семень Романовичъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Н. Румянцевъ, котораго онъ считалъ совершенно неспособнымъ государственнымъ человѣкомъ, оставался министромъ, причемъ старый дипломатъ, привыкшій къ приемамъ англійской политики, замѣтилъ: „Когда суверенъ мѣняетъ политическую систему, онъ долженъ переимѣнить министровъ, особенно тѣхъ, которые проповѣдывали продолженіе того, чтд, по мнѣнію другихъ, было униженіемъ и опасностью“ и пр. (229). Слѣдя съ большимъ волненіемъ за событіями въ Россіи

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ указано на то время, когда графъ Семень Романовичъ былъ лишенъ мѣста и его имѣнія находились подъ секвестромъ. См. Замѣчанія о характерѣ царствованія императора Павла и его кончины, на стр. 166.

въ это время, Семенъ Романовичъ, увлекаясь, употреблялъ и чрезвычайно сильныя выраженія. Такъ, напр., онъ писалъ въ ноябрѣ 1812 года: „У насъ тратятъ большія деньги на учрежденіе университетовъ, которые наполняютъ нѣмецкими профессорами, отравляющими Россію философіей Канта и опасною метафизикою мартинистовъ, а о добываніи надлежащихъ запасовъ военныхъ снарядовъ, необходимыхъ для избѣжанія непріятельскаго ига, не думаютъ. Если Россія будетъ спасена, то это чудо всемогущаго Бога“ и пр. (240). Говоря о томъ, что не слѣдовало назначать военнаго министра, Барклая-де-Толли, главнокомандующимъ, Семенъ Романовичъ пишетъ: „Я убѣжденъ въ томъ, что обѣщаніе открыть нѣсколько оружейныхъ фабрикъ не было исполнено; а у насъ охотно израсходуютъ втрое болѣе на украшеніе дворцовъ, которые послѣ становятся добычею пожаровъ, вмѣсто того, чтобы думать о расходахъ не эффе́ктивныхъ, но полезныхъ“ и пр. (241), и далѣе: „Государь очень склоненъ къ нововведеніямъ; мало того, имъ руководятъ неспособные министры, между которыми нѣтъ ни одного настоящаго государственнаго человѣка, и которые всѣ помѣшались на мысли отличиться какимъ-либо новымъ проектомъ. Измучили бѣдную Россію во всѣхъ отношеніяхъ до того, что послѣ столь ужасныхъ испытаній и истязаній нельзя не удивляться тому сносному положенію, въ которомъ она еще находится“ (243). Прицадая оставленіе Румянцева на постъ министра, Семенъ Романовичъ сообщилъ сыну о содержаніи письма Шампаньи къ Наполеону, въ которомъ было сказано, между прочимъ: „Нѣтъ француза столь преданнаго вашему императорскому величеству, какъ графъ Румянцевъ“ (243). Такъ какъ Семенъ Романовичъ былъ очень недоволенъ редакціею бюллетеней русскихъ военачальниковъ, онъ просилъ сына снабжать его подробными свѣденіями о ходѣ событій (253) ¹⁾.

Узнавъ о пожарѣ Москвы, объ отступленіи французовъ, Семенъ Романовичъ былъ въ восхищеніи и въ восторженныхъ выраженіяхъ хвалилъ Ростопчина и Кутузова, патриотизмъ русскихъ вообще. „Всѣ—писалъ онъ—мнѣ говорятъ, что завидуютъ моей славѣ быть русскимъ, и что мой народъ первый въ мірѣ. Они правы“ (255). Къ этому предмету Семенъ Романовичъ возвращался довольно часто и въ слѣдующихъ письмахъ. Когда открылась подписка добровольныхъ пожертвованій для войны, онъ сообщилъ сыну, что въ продолженіе пяти лѣтъ онъ даетъ по

¹⁾ Il n'y a rien de si pitoyable au monde que les misérables bulletins, qu'on publie à Pétersbourg. Ils sont par lambeaux sans suite, ni ordre, d'un laconisme aussi ridicule qu'obscur“.

8.000 рублей ежегодно (263). Съ напряженнымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми частностями походовъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, въ которыхъ сынъ его игралъ весьма важную роль; при этомъ Семенъ Романовичъ, по своей привычкѣ, на каждомъ шагѣ критиковалъ дѣйствія не только Наполеона, но и полководцевъ коалиціи. О Наполеонѣ въ Англіи рассказывали слѣдующее: „Желая узнать о настроеніи умовъ въ отношеніи къ нему, онъ распорядился чрезъ полицію, чтобы три или четыре человека въ театрѣ начали шикать въ минуту его появленія, и ожидалъ, что рукоплесканія всей публики заставятъ превратить шиканья, или же что, по крайней мѣрѣ, никто не присоединится къ свистающимъ. Вышло иначе: какъ скоро онъ вошелъ въ свою ложу и въ публикѣ услышали шиканье, вся публика, болѣе тысячи человекъ, начала шикать. Бонапартъ, въ крайнемъ озлобленіи, велѣлъ схватить главныхъ демонстрантовъ, и около 50 человекъ было арестовано“ (264). Семенъ Романовичъ считалъ революцію во Франціи противъ Наполеона неминуемою.

Въ то же самое время начали говорить о намѣреніи императора Александра основать царство польское. Семенъ Романовичъ былъ очень недоволенъ этимъ предположеніемъ и объяснялъ подробно, почему исполненіе его должно считаться дѣломъ опаснымъ и несогласующимся съ интересами Россіи (272). Вообще и въ это время замѣтна нѣкоторая рѣзкость въ сужденіяхъ графа. О герцогѣ Кумберландскомъ, который въ началѣ 1813 года находился въ Германіи, гдѣ могъ встрѣтиться съ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ, сказано (по-русски): „Берегись, мой другъ, ради Бога, этого изверга: всякое сообщеніе съ нимъ опасно. Онъ имѣетъ въ себѣ всѣ пороки: интригантъ, лжець, пребезстыдный, самый безчестный и безсовѣстный человекъ и, затѣмъ, здѣсь во всеобщемъ презрѣннн находится; но онъ овладѣлъ со всѣмъ братомъ своимъ, регентомъ“ (283). Въ тонѣ крайняго презрѣннн Семенъ Романовичъ говорилъ о графѣ Н. Румянцевѣ; зато онъ восхищался императоромъ Александромъ, приписывая ему лично главную долю успѣха отечественной войны (287). Однако ему не нравилось пребываніе государя при войскѣхъ, и онъ подробно объяснялъ, какія существенныя неудобства сопряжены съ этимъ обстоятельствомъ (294). Далѣе, Семенъ Романовичъ совершенно такъ же, какъ и его сынъ, сожалѣлъ о заключеніи съ Наполеономъ перемирія лѣтомъ 1813 года (298). Чтеніе писемъ сына (къ сожалѣнію, неизданныхъ) доставляло Семену Романовичу несказанное удовольствіе. Такимъ образомъ, онъ узнавалъ о разныхъ подробностяхъ похода 1813 года. Отецъ на-

ходилъ, что Михаилъ Семеновичъ не отдавалъ полной справедливости нѣмецкимъ полководцамъ, Блюхеру и Гнейзенау (315). Достойны вниманія замѣчанія о Бернадоттѣ, который все болѣе и болѣе оказывался недоброжелателемъ Россіи (320). Михаилъ Семеновичъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіи при Лейпцигѣ и въ нѣкоторыхъ битвахъ 1814 года и особенно отличился въ сраженіи при Краонѣ.

Во все это время графъ Семенъ Романовичъ опасался невыгоднаго мира, считая возможнымъ, что или Меттернихъ, или Лагарпъ стануть уговаривать императора Александра къ сдѣлкѣ съ Наполеономъ. Окончаніе войны и сверженіе Наполеона чрезвычайно обрадовали Семена Романовича. Около этого времени сынъ побывалъ въ Англій; вслѣдствіе этого между 26-мъ апрѣля и 20-мъ октября 1814 года нѣтъ писемъ отца къ Михаилу Семеновичу.

Въ письмахъ, писанныхъ весною 1815 года, говорится о появленіи Наполеона вновь во Франціи. Семенъ Романовичъ не могъ понять, какимъ образомъ французы могли признать „этого проклятаго корсиканца“ вновь императоромъ. Зато онъ былъ высокаго мнѣнія о Людовикѣ XVIII. „Я надѣюсь,—сказано въ письмѣ отъ 2-го (14-го) марта,—что Провидѣніе не дастъ этому чудовищу восторжествовать надъ лучшимъ и мудрѣйшимъ государемъ. Говорять, что онъ (Наполеонъ) въ своихъ прокламаціяхъ говорить о себѣ какъ объ опекунѣ и намѣстникѣ короля римскаго, и что онъ требуетъ французской имперіи для послѣдняго; если это такъ, то тутъ есть участіе Меттерниха“ („U y a là du Metternich“, 362). Не безъ сильнаго волненія Семенъ Романовичъ слѣдилъ за событіями во Франціи. Онъ былъ въ отчаяніи, видя успѣхъ Наполеона, и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ порицалъ образъ дѣйствій французовъ при этомъ случаѣ. „Эта проклятая страна составляетъ несчастіе для всей Европы“, писалъ онъ въ апрѣлѣ 1815 года (367). Его беспокоила мысль о возобновеніи войны, объ опасностяхъ, которыя вновь будутъ грозить Михаилу Семеновичу. „Слѣдовало бы въ апрѣлѣ прошедшаго года покончить дѣла совсѣмъ иначе,—сказано въ письмѣ графа къ сыну,—однако политическія и сантиментальныя теоріи препятствовали этому, къ несчастію всей Европы. вмѣсто того, чтобы уничтожить одного злодѣя, теперь придется пожертвовать жизнью полъ-милліона людей; они погибнуть ради либеральныхъ людей этого просвѣщеннаго вѣка: я никогда не былъ въ состояніи понимать этихъ пустыхъ фразъ“ (367).

Графъ Семенъ Романовичъ, столь рѣзко порицая литературу

просвѣщенія, забывалъ, что онъ самъ, полвѣка и болѣе тому назадъ, восхищался сочиненіями французскихъ писателей, и между прочимъ съ восторгомъ читалъ сочиненіе Монтескье о духѣ законовъ.

Живя въ Англии, Семенъ Романовичъ узнавалъ подробно о состояніи дѣлъ во Франціи. Поэтому его замѣчанія о различныхъ партіяхъ, объ условіяхъ успѣха Наполеона во время „ста дней“ заслуживаютъ полнаго вниманія (см., напр., 369 и слѣд.). Битва при Ватерлоо положила конецъ всѣмъ сомнѣніямъ (402). Въ іюлѣ 1815 года Семенъ Романовичъ писалъ сыну объ отправленіи Наполеона на островъ св. Елены (411).

Въ слѣдующихъ письмахъ довольно часто и подробно говорится о положеніи Франціи при Людовикѣ XVIII. Встрѣчаются замѣчанія о казни маршала Нея, о бѣгствѣ Лавалета и пр. Изъ всего этого видно, что Семенъ Романовичъ раздѣлялъ мнѣнія роялистовъ. Въ началѣ 1818 года онъ нѣсколько недѣль провелъ въ Парижѣ (469 и слѣд.), гдѣ, между прочимъ, вмѣстѣ со своимъ зятемъ, лордомъ Пемброкомъ, обѣдалъ у Поццо-ди-Борго. Съ точки зрѣнія сторонниковъ стараго порядка, онъ разсуждалъ о революціяхъ 1820 года въ Италіи и въ Испаніи. „Всѣмъ этимъ, — писалъ онъ, — мы обязаны французской революціи, которая въ продолженіе многихъ десятилѣтій была приготовлена проклятою французскою философіею“ (525).

Довольно часто и подробно въ письмахъ. Семена Романовича говорилось о Россіи во время послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра. Попадаются чрезвычайно рѣзкіе отзывы о правительственныхъ распоряженіяхъ, о промахахъ министровъ. Такъ, напр., сказано въ 1816 году: „Говорятъ о либеральныхъ идеяхъ; заключаются договоры для того, чтобы управлять народами, сообразно съ началами Евангелія; на фактъ же правительство придерживается турецкой системы; Аракчеевъ, не имѣя титула великаго визиря, исполняетъ эту должность; всѣ дѣла идутъ чрезъ него; государь обсуждаетъ съ нимъ всѣ вопросы и никому не довѣряетъ, кромѣ гатчинцевъ“ (451). Очень рѣзко, въ тонѣ ироніи, осуждаются мѣры, принятыя въ отношеніи къ Польшѣ: „Россія продолжаетъ содержать польское войско. Всему свѣту извѣстно, въ сколь блестящемъ положеніи находятся наши финансы, благодаря процвѣтанію сельскаго хозяйства, промышленности и торговли; всѣ знаютъ, что у насъ нѣтъ никакихъ долговъ, что вездѣ видно лишь золото, и что никто не чувствуетъ тяжести податей. Поэтому никто не станетъ удивляться щедрости въ отношеніи къ этимъ добрымъ полякамъ, которые намъ

преданы всѣмъ сердцемъ со времени Годунова. Они никогда не пропускали случая побывать у насъ въ гостяхъ; такъ, напр., они были у насъ въ 1612 году и будутъ всегда, когда къ этому представится случай. И такъ, нужно милосердно споспѣшествовать ихъ желанію отдавать намъ такіе визиты. Таково дѣйствіе либеральныхъ идей и обѣщаніе управлять сообразно съ началами Евангелія“ (453). Попадаются далѣе довольно любопытныя замѣчанія о великихъ князьяхъ Михаилѣ и Константинѣ Павловичахъ (482—488); также достойна вниманія характеристика великаго князя Николая Павловича (489). Чрезвычайно щедрая задача орденовъ въ Россіи не правилась Семену Романовичу: „Эти метафизическія отличія потеряли свою цѣну; съ ними то же самое, чтѣ съ французскими ассигнаціями, которыя убиты чрезмѣрнымъ умноженіемъ“ (493).

Въ 1824 году Михаилъ Семеновичъ сдѣлался вице-президентомъ „библейскаго общества“. Печатаніе и распространеніе священнаго писанія на русскомъ языкѣ (вмѣсто церковно-славянскаго) казалось графу Семену Романовичу дѣломъ весьма опаснымъ. Вообще онъ былъ недоволенъ учрежденіемъ библейскаго общества. Въ тонѣ старческаго раздраженія онъ при этомъ случаѣ выразился противъ духа нововведеній вообще. „Воображаютъ, — писалъ онъ, — что каждая перемѣна заключаетъ въ себѣ улучшеніе, а между тѣмъ мы видимъ почти всегда противоположное“. Затѣмъ указывается на тѣ предметы, въ которыхъ перемѣны, нововведенія, улучшенія бывають дѣломъ необходимости (548—549).

Чрезвычайно сильно поразило Семена Романовича извѣстіе о кончинѣ императора Александра. Онъ писалъ: „Александръ царствовалъ двадцать-пять лѣтъ, постоянно и неизмѣнно обнаруживая доброту и любезность; его правленіе доброю превосходило царствованіе Екатерины и походило въ этомъ отношеніи на царствованіе Елисаветы, бывшей настоящею матерью русскаго народа. Ежели кое-что при императорѣ Александрѣ было несправно, то не онъ былъ причиною этого; государь столь обширной страны не можетъ все дѣлать самолично и во многомъ долженъ положиться на своихъ министровъ, такъ какъ, однако, между этими господами были люди неспособные, безъ достаточныхъ свѣденій, и даже нѣкоторые недостаточно честные (*qui manquaient de probité*), то они виноваты; государь не могъ знать объ этомъ; зато онъ, какъ часто какой-либо благонамѣренный и доброжелательный человекъ дѣлалъ ему представленіе на пользу народа, на все соглашался съ радостью и рвеніемъ, вѣчно достопамятными для русскаго народа“ (571).

Въ февралѣ 1826 года Семень Романовичъ въ письмѣ къ сыну сообщилъ свое мнѣніе о декабристахъ. Онъ рѣзко осуждалъ образъ дѣйствій послѣднихъ и требовалъ строжайшаго наказанія всѣхъ участниковъ заговора; помилованіе хотя бы одного изъ нихъ, по мнѣнію Семена Романовича, представляло крайнюю опасность для государства. Далѣе, онъ объяснялъ этотъ печальный эпизодъ вліяніемъ Франціи на Россію. „Наши франты, — писалъ графъ (freluquets) не въ иномъ мѣстѣ какъ въ Парижѣ пропиты-ваются якобинскими теоріями. Они тамъ постоянно торчатъ въ кофейняхъ и въ театрахъ, якшаются съ такъ-называемыми либералами, которые, въ сущности, не что иное, какъ якобинцы, читаютъ брошюры этой партіи и толкуютъ лишь о конституціи, а тѣ, которые не ѣздятъ во Францію, имѣютъ французскихъ учителей, тайныхъ якобинцевъ, и еще болѣе портятся, благодаря вліянію возвращающихся изъ Парижа франтовъ“ (572—574).

Какъ видно, и въ послѣдніе годы своей жизни графъ Семень Романовичъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за современными событіями, сохраняя самостоятельность образа мыслей и охотно возвращаясь къ воспоминаніямъ о давно минувшемъ времени. Мы видѣли, какъ царствованіе Елисаветы Петровны казалось ему эпохою политическихъ идеаловъ; также онъ весьма часто, въ своихъ письмахъ къ сыну, восхвалялъ Петра Великаго. Мѣры, принятыя императоромъ Николаемъ въ отношеніи къ войску, по мнѣнію Семена Романовича, напоминали величіе и геніальность предначертаній Петра Великаго (586). Занимаясь чтеніемъ записокъ Мюнixa, сына фельдмаршала, изданныхъ въ 1817 году въ Россіи и на русскомъ языкѣ, съ предисловіемъ, которое писано графомъ М. С. Воронцовымъ, Семень Романовичъ вспоминалъ о своемъ личномъ знакомствѣ съ авторомъ этихъ мемуаровъ, хвалилъ его скромность и литературный тактъ, но находилъ, что Мюнixa чрезмѣрно хвалилъ императрицу Анну. Особенно Семену Романовичу не понравилось то, что Мюнixa умалчалъ совсѣмъ о катастрофѣ Волынскаго. О Волынскомъ онъ отзывался чрезвычайно выгодно (476). При этомъ издатель „Архива князя Воронцова“ обращаетъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что дочь Волынскаго была за графомъ Иваномъ Ларионовичемъ Воронцовымъ, дядею Семена Романовича.

Любя возвращаться къ прошедшему, графъ, въ своихъ письмахъ къ сыну, сообщаетъ въ это послѣднее время жизни кое-какія подробности о своей молодости (485), о первой службѣ, объ участіи въ турецкой войнѣ. Очевидно, сынъ собиралъ данныя о жизни отца (см. также 487).

Особенно обрадовала Семена Романовича женитьба сына. Уже въ 1812 году онъ выразилъ желаніе, чтобы Михайлъ Семеновичъ женился. Желаніе это исполнилось не раньше, какъ въ 1819 году. Въ письмахъ послѣднихъ годовъ говорится о супругѣ и о дѣтяхъ Михайла Семеновича. Онъ еще дожилъ до занятія сыномъ должности генераль-губернатора южной Россіи; говоря о Бессарабіи, гдѣ пребывалъ сынъ, Семенъ Романовичъ вспоминалъ о своихъ путешествіяхъ по этому краю полвѣка тому назадъ.

Сохраняя до послѣдняго времени жизни свѣжесть умственныхъ способностей и рабочую силу, Семенъ Романовичъ не переставалъ переписываться съ разными лицами, заниматься чтеніемъ капитальныхъ трудовъ и разсуждать о современныхъ политическихъ вопросахъ. Такъ, напр., въ 1819 году онъ желалъ получить одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій Александра Гумбольдта. Вѣроятно, тутъ (507) идетъ рѣчь объ „Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne“, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1811 году. Такъ, онъ еще въ 1826 году просилъ сына доставить ему новыя книги по исторіи Россіи, карту окрестностей Одессы или Бессарабіи, и пр. (583). Особенно подробно онъ писалъ сыну объ административныхъ мѣрахъ во ввѣренныхъ графу Михайлу Семеновичу губерніяхъ, напр. о постройкѣ великолѣпнаго шоссе на южномъ берегу Крыма (567), причемъ говорилъ о пользѣ путей сообщенія для народнаго благосостоянія и пр.

Послѣднее изданное письмо графа Семена Романовича къ сыну писано 1-го февраля 1830 года. Въ исходѣ слѣдующаго года Михайлъ Семеновичъ пріѣхалъ къ отцу въ Англію, вмѣстѣ съ семьею, изъ Одессы, а 9-го (21) іюля 1832 года Семенъ Романовичъ скончался.

А. Бриенеръ.

РУССКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕВЧЕНКА.

— Поэмы, повѣсти и рассказы Т. Г. Шевченка, писанные на русскомъ языкѣ.
Съ портретомъ поэта. Изд. редакціи „Кіевской Старинны“. Кіевъ, 1888.

Книга новыхъ, раньше неизданныхъ сочиненій Шевченка на русскомъ языкѣ, составляетъ литературный фактъ, въ разныхъ отношеніяхъ чрезвычайно интересный. Слава Шевченка создана его произведеніями, писанными на языкѣ малорусскомъ; въ русскую литературу онъ входилъ только въ переводахъ болѣе или менѣе удачныхъ или неудачныхъ; теперь онъ является передъ нами какъ писатель русскій. До послѣдняго времени съ этой стороны онъ былъ неизвѣстенъ большинству даже самыхъ пламенныхъ его поклонниковъ: то небольшое, чтѣ было издано имъ по-русски, было забыто за его главной славой, стихотвореніями малорусскими; теперь оказывается, что было написано имъ еще много по-русски и въ раннюю пору его дѣятельности, и потомъ, во время ссылки, и по возвращеніи въ Петербургъ и на родину. Все это вмѣстѣ составило большой томъ (болѣе 700 страницъ). Какъ писатель русскій, Шевченко въ первый разъ теперь открывается передъ нами въ ясныхъ очертаніяхъ: здѣсь двѣ небольшія поэмы, еще изъ его молодой поры, но бѣльшая часть книги состоитъ изъ повѣстей и рассказовъ, которыя займутъ своеобразное мѣсто въ исторіи нашей реалистической бытовой повѣсти. Появленіе этихъ произведеній, безъ сомнѣнія, принято будетъ съ сочувствіемъ искренними „друзьями литературы“, но и не безъ печальной мысли о тѣхъ ея условіяхъ, вслѣдствіе которыхъ мы только

теперь, въ концѣ 80-хъ годовъ, узнаемъ произведенія писателя, владѣющаго наиболѣе славнымъ именемъ во всей малорусской литературѣ, произведенія, написанныя имъ еще въ началѣ сороковыхъ и въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ,—не говоря о томъ, что изданія его малорусскихъ сочиненій, выходящія у насъ, до сихъ поръ остаются далеко не полны. Такимъ образомъ, для литературы тѣхъ временъ былъ затерянъ цѣлый крупный фактъ; онъ явился на свѣтъ, когда отошли уже въ исторію тѣ явленія народной и общественной жизни, которыя произвели его; пропали безъ дѣйствія тѣ поэтическія картины, тѣ выраженія горячаго чувства, какія разбросаны въ этихъ старыхъ произведеніяхъ знаменитаго писателя, потому что многое изъ той жизни, какая здѣсь изображена, есть уже прошедшее, а взамѣнъ прошедшаго явилась новая, буквальная, „злоба дня“. При всемъ томъ эти забытыя, являющіяся изъ прошлаго произведенія, представляютъ много любопытнаго и привлекательнаго: онѣ любопытны, какъ историческій фактъ на-ряду съ тѣми воспоминаніями, которыя мы съ такимъ интересомъ встрѣчаемъ въ мемуарахъ и иныхъ документахъ о недавнемъ прошломъ и которыя нерѣдко доставляютъ намъ поучительныя разъясненія нашей собственной современности; онѣ привлекательны, какъ бываетъ привлекательна истинная поэзія даже другого времени и другого племени. Наконецъ, эти новыя произведенія Шевченка заключаютъ очень много матеріала автобіографическаго: большая часть этихъ произведеній, если не всѣ, въ большой степени или вполнѣ субъективны; рассказъ ведется вездѣ или съ прямымъ участіемъ автора, отъ его лица, какъ его личное наблюденіе, встрѣча, воспоминаніе, или же, гдѣ авторъ отсутствуетъ, въ его разсказахъ и картинахъ все-таки отражается судьба и чувства самого писателя.

Большинство этихъ русскихъ сочиненій Шевченка было печатаемо въ послѣдніе годы въ журналѣ „Кіевская Старина“, редакція которой собрала ихъ теперь въ отдѣльное изданіе. Большая часть ихъ, какъ мы сказали, оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстны. Изъ двѣнадцати пьесъ, вошедшихъ въ этотъ томъ, только двѣ, а именно: отрывокъ изъ драмы „Никита Гайдай“ и поэма „Бесталанный“ (или „Тризна“), напечатаны были въ началѣ 40-хъ годовъ въ извѣстномъ „Маякѣ“¹⁾; затѣмъ разсказъ „Несчастный“ напечатанъ былъ въ „Историческомъ

¹⁾ Отрывокъ изъ драмы въ 1842 году, и поэма—въ 1844; въ предисловіи редакціи „Кіевской Старини“ вмѣсто послѣдняго года поставленъ неправильно 1843.

Вѣстникъ“ 1881 (январь), „Музыкантъ“—въ кievской газетѣ „Трудъ“, 1882 ¹⁾), разсказъ „Княгиня“—въ „Кievской Старинѣ“, 1884, и, наконецъ, еще шесть разсказовъ и поэма „Слѣпая“ печатались въ томъ же журналѣ въ 1886 и 1887 годахъ. Авторъ жизнеописанія Шевченка, г. Чалый (1882 г.), между прочимъ, имѣлъ въ рукахъ разсказъ „Княгиня“ и пользовался имъ какъ біографическимъ матеріаломъ.

Гдѣ же находились до сихъ поръ эти рукописи? По смерти Шевченка, оставшіяся послѣ него бумаги хранились первое время у душеприказчика его, М. М. Лазаревского, а затѣмъ перешли къ Н. И. Костомарову, у котораго лежали безъ движенія двадцать лѣтъ. „Мысль объ изданіи ихъ принадлежитъ не покойному нашему историку, но близкимъ къ нему почитателямъ памяти славнаго поэта, по просьбѣ которыхъ они переданы были Н. И. Костомаровымъ для приведенія ихъ путемъ печати во всеобщую извѣстность“. Отнынѣ эти русскія сочиненія Шевченка должны стать необходимымъ источникомъ для опредѣленія его личности и поэзіи, какъ неразрывное дополненіе къ его малорусскимъ произведеніямъ: тѣ и другія проникнуты однимъ общимъ духомъ—той же грустной рефлектирующей поэзіей, той же глубокой привязанностью къ родинѣ, ея народу, сходными картинами изъ современнаго быта.

Поэзія Шевченка становится вполнѣ понятной, какъ впрочемъ и у всякаго сильнаго поэта, только въ связи съ его біографіей. Эта поэзія, особливо въ первое время, встрѣчаема была въ нашей литературѣ не весьма дружелюбно; довольно извѣстенъ, напримѣръ, строгій приговоръ Бѣлинскаго о „Гайдамакахъ“ и вообще антипатія его къ малорусской литературѣ,—та же самая, которая много времени спустя отразилась въ извѣстныхъ шуткахъ одного изъ героев Тургеневскаго „Дыма“ и которая, вѣроятно, принадлежала также и самому автору. Происхожденіе этой антипатіи можетъ быть объяснено: лучшія силы русской литературы того времени, т.-е. сороковыхъ годовъ, были поглощены вопросами искусства, въ которыхъ сосредоточивались у нихъ и вопросы философскіе, и вопросы практической общественной жизни; было настоятельнымъ требованіемъ выяснить себѣ основныя нравственныя начала, личное право, за которымъ вдали видѣлось и право общественное, и въ этой заботѣ о первоначальныхъ общихъ принципахъ не только забывалась, но даже отталкивалась

¹⁾ №№ 19, 20, 23, 24, 27, 29, 32, 38; въ томъ же предисловіи опять указанъ ошибочно 1831 годъ.

та дѣйствительность, которая казалась слишкомъ частнымъ явленіемъ и возвеличеніе которой казалось узкимъ ограниченнымъ пристрастіемъ, безсознательной непосредственностью. Довольно легко себѣ представить, что съ точки зрѣнія интересовъ сороковыхъ годовъ, когда все вниманіе сосредоточивалось на философіи Гегеля и Шеллинга, или на Шекспирѣ, Байронѣ, Гётѣ и т. д., въ которыхъ видѣлись глубочайшія приобрѣтенія человѣческой мысли и поэтическія отвервенія общечеловѣческаго духа, что съ этой точки зрѣнія малорусская литература должна была казаться узкимъ провинціализмомъ, который старается только удержать людей на низкой ступени привязанности къ внѣшнему обычаю, къ отжившей старинѣ и преданію. Философы сороковыхъ годовъ находили въ малорусской литературѣ подтвержденіе своему предположенію: она воспѣвала патріархальный бытъ, рисовала нехитрыя сельскія картины,—какъ будто безъ всякаго дальнѣйшаго идеала, или, обращаясь къ народнымъ воспоминаніямъ, отыскивала предметы патріотическаго восторга въ рѣзніи народныхъ возстаній, которымъ поэтъ высказывалъ свое кровавае сочувствіе. Присоединялся чужой языкъ,—появленіе его въ книгѣ казалось несерьезнымъ и ненужнымъ разъединеніемъ образовательныхъ силъ, которыхъ было и безъ того немного у русскаго общества. Это разъединеніе ослабляло, по тогдашнему мнѣнію, литературу русскаго языка, которая одна развивала образовательное содержаніе... Позднѣе (и особливо въ то время, когда дѣятельность Шевченка уже кончилась) развилось у насъ другого рода враждебное отношеніе къ малорусской литературѣ, отношеніе, котораго, безъ всякаго сомнѣнія, не раздѣлилъ бы Бѣлинскій—потому что въ концѣ своего поприща онъ приходилъ уже къ инымъ взглядамъ на народные элементы исторіи и литературы. Новая вражда исходила изъ мнимо-политическихъ, а въ сущности изъ обскурантныхъ принциповъ: малорусская литература, какъ и мѣстный малорусскій патріотизмъ, были заподозрѣны въ политической неблагонадежности, въ стремленіи къ сепаратизму; вопли мнимыхъ партизановъ русской народности, между прочимъ пристававшихъ къ славянофильству, а отчасти, къ сожалѣнію, голоса самихъ славянофиловъ успѣли возбудить правительственное недовѣріе или, по крайней мѣрѣ, усилить его. И это происходило въ то время, когда относительно самой русской народности проповѣдовалась необходимость самыхъ прилежныхъ ея изученій, необходимость проникать въ духъ народной жизни, прислушиваться къ голосу народа объ его нуждахъ, вышпаться до пониманія его глубокихъ нравственныхъ началъ и

тысячелѣтнихъ преданій. Все это было бы прекрасно, еслибы эти мудрые народники примѣняли свои благочестивыя намѣренія одинаково къ миллионамъ народа великорусскаго и къ миллионамъ народа малорусскаго; но они мѣряли двумя мѣрами: то, что было нужно, прекрасно и возвышенно для одного народа, выходило ненужно, непрекрасно и низменно, даже преступно — для другого...

Подъ гнетомъ этого недовѣрія и недружелюбія уже давно находится малорусская литература, которой приходилось высказывать свои идеалы подъ градомъ нападеній и подозрѣній и испытывать на самомъ своемъ трудѣ всѣ невыгоды этого принужденнаго положенія. Насколько можно, она, однако, развивалась: въ лицѣ Шевченка она, съ сороковыхъ годовъ, могла создать въ высокой степени даровитаго поэта, столь своеобразнаго и сильнаго въ своей стихіи, что подобнаго ему мы затруднились бы отыскать во всей славянской литературѣ.

Чѣмъ же исторически оправдывалось и объяснялось это явленіе? Были ли правы или неправы враги малорусской литературы въ сороковыхъ годахъ, осуждавшіе ее съ высоты идей общечеловѣческихъ, и позднѣйшіе враги, доносившіе на нее съ точки зрѣнія политической безопасности? Неправы были и тѣ, и другіе. Партизаны высшихъ философскихъ идей и поэтическихъ открытій, стремившіеся къ установленію основныхъ началъ личности и общественности, забывали еще одно великое начало — народность, которая именно представляла живой организмъ, связанный самыми реальными узами одноплеменности, и съ нею общности не только физическаго, но и нравственнаго типа, понятій, быта и идеаловъ. Это начало было на-лицо; нужно было немного всмотрѣться въ него, чтобы признать за нимъ нравственное, человѣческое право, а слѣдовательно и право на литературу, еслибы въ данномъ племени обнаружилось стремленіе выразить себя въ поэтическомъ словѣ на родномъ языкѣ. Это стремленіе у малорусскаго племени было уже искони заявлено въ народной поэзіи, а затѣмъ довольно давними попытками своей письменной литературы. Этотъ народъ имѣлъ нѣвогда свою трудную, бурную и славную исторію; въ XVI—XVII вѣкахъ ему принадлежали первые опыты высшаго школьнаго образованія, какихъ не имѣлъ тогда народъ великорусскій, и еще въ XVIII вѣкѣ книжное образованіе бывало гораздо больше распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Въ давніе историческіе вѣка южный русскій народъ образовался въ особый племенной типъ, какъ другой типъ образовался на сѣверѣ; встрѣтившись въ государственномъ соединеніи

въ половинѣ XVII вѣка, они оба чувствовали свою племенную и религиозную близость и родство, но въ другихъ отношеніяхъ чувствовали и большую разницу, которая обоимъ бросалась въ глаза. Политическое господство московской, а потомъ петербургской Россіи начало все сильнѣе стирать эти историческія отличія, обратившіяся въ народную природу, — прежде всего въ верхнихъ правящихъ слояхъ, въ которыхъ заключалась, конечно, матеріальная политическая поддержка народности; затѣмъ съ XVIII-го вѣка успѣхи образованія и литературы сѣвера, которые поддерживались авторитетомъ государства и массой господствующаго племени и которые теперь стали опираться на новой школъ и ученыхъ учрежденія, эти успѣхи мало-по-малу увлекли за собой и образовательныя силы юга, съ своей стороны сильно содѣйствовавшія успѣхамъ господствующей русской литературы. Но вопросъ малорусской народности и литературы этимъ еще не разрѣшался: за высшимъ классомъ оставалась громадная народная масса, въ которой хранились нетронутыми и языкъ, и обычай, и преданья, и даже остатки старой книжности, и такъ естественна любовь къ мѣстной родинѣ, рѣчи и преданью, что это старое наслѣдіе сохраняло долго свою прелесть даже для людей, утратившихъ въ великорусской средѣ непосредственное единство съ своимъ народомъ, жившихъ другими нравами, говорившихъ и думавшихъ на другомъ языкѣ...

Этотъ вопросъ о правѣ малорусской литературы, о естественности мѣстнаго патриотизма, т.-е. о правѣ привязанности къ своей родинѣ — до сихъ поръ еще многимъ непонятенъ. Давно уже эта привязанность малорусса къ своей родинѣ служила предметомъ для добродушныхъ шутокъ, а, можетъ быть, еще чаще недобродушныхъ насмѣшекъ, а въ наше время стала и предметомъ для злостныхъ обвиненій; но шутка и насмѣшка были слишкомъ поверхностны: привязанность къ природѣ, языку, къ внѣшнему обычаю, знакомому съ дѣтства, ко всей обстановкѣ родины, у самыхъ обыкновенныхъ людей бываетъ выраженіемъ глубокаго, хотя и бессознательнаго сочувствія къ внутренней сущности народнаго содержанія. Какъ всякое патриотическое чувство, эта привязанность къ родному становится цѣлой нравственной стихіей, — и здѣсь она пробуждалась тѣмъ сильнѣе, что два племенные тина были слишкомъ различны, и проявленія южно-русской народности — въ обычай, народной поэзій и пр. представляли для самихъ русскихъ много сторонъ глубоко привлекательныхъ. Если сильна бывала эта стихія даже въ людяхъ, въ сущности оторвавшихся отъ народной жизни, — то въ людяхъ, вѣкъ прожив-

шихъ на родной почвѣ или успѣвшихъ въ годы юности проникнуться ея впечатлѣніями и сознательно освѣтить ихъ для себя, любовь къ родинѣ становилась страстью, нерѣдко со всѣми увлеченіями и даже нетерпимостью страсти. Для нихъ все окрашивается этими впечатлѣніями, которыя срастаются съ ихъ природой. Писатели, воспитавшіеся въ этомъ настроеніи, даже и обыкновенныхъ размѣровъ таланта, въ силу своего глубокаго чувства становятся характерными выразителями своей народности и увлекаютъ соотечественниковъ вѣрнымъ истолкованіемъ этого чувства въ родинѣ, изображеніями ея природы, быта, отгадкой ея поэтическихъ мотивовъ. Таковы были первые писатели возродившейся малорусской литературы съ конца прошлаго столѣтія—Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Основьяненко и пр. На чужой взглядъ содержаніе ихъ произведеній было неглубокое, но, напримѣръ, достаточно было „Перелицованной Энеиды“, „Наталки Полтавки“, „Москаля Чаривника“, чтобы дать Котляревскому величайшую популярность между его соотечественниками; и дѣйствительно, съ конца XVIII-го столѣтія эта популярность доживаетъ и до конца XIX-го вѣка, до нашихъ дней, когда въ малорусскомъ театрѣ въ Петербургѣ безхитростная пьеса Котляревскаго неизмѣнно привлекаетъ толпу. Могутъ приписать эту долгую популярность малочисленности и бѣдности малорусской литературы, но главная черта этого факта въ томъ, что Котляревскій давалъ въ своихъ произведеніяхъ настоящіе отголоски жизни и угадывалъ ея поэтическіе мотивы. Повѣсти Основьяненка изъ малорусской жизни на русскомъ языкѣ очень нравились и русскимъ читателямъ тепло написанными картинами своеобразнаго быта и отраженіемъ того тонкаго чувства, которое составляетъ одну изъ чертъ малорусскаго характера. Извѣстно, какимъ новымъ элементомъ въ самой русской литературѣ стали „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя. Высшимъ выраженіемъ, въ области поэзіи, этого особаго типа русской народности, съ оригинальными чертами ея прошлой исторіи, ея современнаго быта, явился Шевченко: отсюда его необычайная слава на всемъ пространствѣ территоріи, занимаемой южно-русскимъ племенемъ, между прочимъ и за предѣлами нашего государства, у австрійскихъ южно-русовъ, которые не меньше имъ восхищаются, изучаютъ и комментируютъ его. Въ самомъ дѣлѣ, Шевченко былъ и остается до сихъ поръ самымъ сильнымъ и даровитымъ поэтомъ на малорусскомъ языкѣ, —какъ мы замѣтили, столь оригинальнымъ, что въ особомъ складѣ его творчества едва ли можно найти равнаго ему въ славянской поэзіи; дѣло въ томъ, что Шевченко умѣлъ удивительно сочетать

чисто народное настроеніе и свободную народную рѣчь съ возвышеннымъ идеализмомъ, который обыкновенно рѣдко соединимъ съ подобнымъ настроеніемъ, такъ какъ вообще слишкомъ превышаетъ уровень народныхъ понятій, а слѣдовательно и народно-поэтической формы. Такъ-называемые „народные“ поэты, или поэты, касающіеся темъ народнаго быта, обыкновенно или повторяютъ народный сюжетъ цѣликомъ въ болѣе выработанной литературной формѣ (какъ, напр., сказки и баллады Жуковского и Пушкина), или въ форму народнаго склада вносятъ субъективную мысль, уже недоступную для народнаго пониманія (какъ въ пѣсняхъ Кольцова), или пользуются народной темой произвольно, для новѣйшихъ литературныхъ цѣлей, народу совершенно недоступныхъ (какъ въ „былинахъ“ гр. А. Толстого), или говорятъ о народѣ и рисуютъ картины его быта вовсе не для него самого, а для обычной литературной публики, пользуясь только матеріаломъ народной жизни и языка (какъ въ стихотвореніяхъ Некрасова) и т. д.; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ, напр., въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Пушкина, въ „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова, и др., поэту высшаго литературнаго уровня удавалось схватывать самое существо народнаго міровоззрѣнія въ формѣ, поражающей изяществомъ чисто-народнаго склада. Словомъ, объединиться, слиться съ народно-поэтическимъ содержаніемъ и складомъ удавалось только или гениальнымъ, или очень высокимъ литературнымъ дарованіямъ. У Шевченка это объединеніе составляетъ обычную черту, — и не потому только, что малорусская литература, какъ мѣстно-народная, тѣмъ самымъ была приближена къ массѣ (извѣстно, напротивъ, что и въ то время, когда началъ писать Шевченко, и въ наше время она постоянно стремилась выйти за эти предѣлы, и именно прежде — въ область романтизма, а нынѣ — въ область реализма), а также и не потому, чтобы самъ писатель вращался только въ сюжетахъ тѣснаго народнаго быта. Шевченко вовсе не думалъ ограничивать себя ни чисто бытовыми сюжетами, ни горизонтомъ народнаго міровоззрѣнія, — напротивъ, его не разъ влекло въ кругъ идей, далеко превышающихъ это міровоззрѣніе, и тѣмъ не менѣе онъ, даже витая въ своихъ гуманистическихъ мечтаніяхъ, остается поэтомъ по преимуществу народнымъ. Судьба находитъ избранниковъ таланта и выразителей народнаго чувства, и нерѣдко находитъ въ такихъ слояхъ народа и въ такихъ условіяхъ, гдѣ ихъ всего меньше, кажется, можно было бы ждать, и свойства поэзіи Шевченка объясняются какъ той общей исторической почвой, на которой она выросла, такъ и личной біографіей поэта.

Исторія литературы рѣдко представляла біографію писателя столь тяжелой и безотраднѣю, какъ біографія Шевченка. По истинѣ изумительно, что въ тѣхъ мрачныхъ условіяхъ, въ какихъ проходила его жизнь, при отсутствіи школы и общества, а потомъ при тѣхъ испытаніяхъ, какія пришлось ему вынести въ зрѣлую пору жизни и которыя успѣли надломить его крѣпкую демократическую натуру, могъ развиться его талантъ, могло сохраниться теплое чувство и поэтическое вдохновеніе. Изъ 47 лѣтъ своей жизни, Шевченко 24 года пробылъ крѣпостнымъ, во всей беззащитности и со всѣми бѣдствіями этого „общественнаго положенія“; потомъ, 10 лѣтъ (1847—57) онъ содержался въ крѣпостяхъ и въ солдатахъ въ Оренбургѣ и средне-азиатскихъ степяхъ, причемъ ему, художнику и поэту, запрещалось было и писать, и рисовать.

Мы не будемъ пересказывать этой біографіи, предполагая, что главныя черты ея достаточно извѣстны. Довольно сказать, что Шевченко, ученикъ и работникъ у простаго маляра, счастливымъ образомъ черезъ одного земляка-художника обратилъ на себя вниманіе Карла Брюлова, выкупленъ былъ имъ и Жуковскимъ отъ его барина въ 1838 году, а въ 1840 явилась уже первая небольшая книжка „Кобзаря“, которая сразу установила славу Шевченка — между его соотечественниками. Критика русская отнеслась къ „Кобзарю“ недружелюбно по причинамъ, которыя мы выше указывали; точно такъ же было и съ поэмой „Гайдамаки“; но малорусскіе читатели приняли поэзію Шевченка съ величайшимъ увлеченіемъ; давно или никогда они не встрѣчали въ книгѣ такого поэтическаго отраженія своей жизни, такого живого, характернаго языка, такого задушевнаго чувства. Когда, въ началѣ сороковыхъ годовъ, Шевченко возвратился изъ Петербурга въ Малороссію, онъ пользовался уже чрезвычайной популярностью: его наперерывъ зывали къ себѣ и простые люди, и мѣстные богатые помѣщики; не всегда встрѣчалъ онъ здѣсь дѣйствительное пониманіе своихъ мыслей и стремленій, его завлекали въ разгулъ, но въ числѣ новыхъ знакомствъ были и такія, которыя на всю жизнь оставили ему свѣтлое воспоминаніе. Укажемъ между ними его сближеніе съ семействомъ бывшаго малороссійскаго генераль-губернатора, тогда уже престарѣлаго князя Репнина, дочь котораго, умѣвшая понять поэзію Шевченка и стать его нравственной руководительницей, внушала ему чувство глубокаго уваженія и привязанности. Такъ странно измѣнилась судьба недавняго крѣпостнаго, который принимался теперь какъ желанный гость въ свѣтскихъ обществахъ. Въ эти годы его ви-

димо охватывало стремленіе къ изученію своего народа, его прошлаго и поэзіи; онъ странствовалъ по разнымъ краямъ Малороссіи, особливо западной, почва которой усѣяна памятниками давней и недавней старины; онъ хотѣлъ быть археологомъ, собиралъ пѣсни и старыя преданія и задавалъ себѣ вопросы обо всей судьбѣ своего племени, о старыхъ и современныхъ отношеніяхъ своего народа и, наконецъ, о судьбѣ цѣлаго славянства. Къ половинѣ 40-хъ годовъ относится его сближеніе съ извѣстнымъ Кирилло-Меодіевскимъ обществомъ (Костомаровъ, Кулишъ и пр.), и въ то же время, какъ были захвачены члены этого кружка, арестованъ былъ и Шевченко, которому выпала наиболѣе тяжелая участь. Вернувшись уже въ новое царствованіе изъ своей оренбургской ссылки, Шевченко еще разъ посѣтилъ любимую Малороссію, думалъ-было основать, наконецъ, свое домашнее гнѣздо, но дни его были уже сочтены.

Его поэтическая дѣятельность, начавшись въ сороковыхъ годахъ, продолжалась урывками и тайкомъ въ ссылкѣ и, наконецъ, въ послѣдніе годы, послѣ освобожденія. Какъ теперь видно, все это время Шевченко, отдавая свой главный трудъ поэзіи малорусской, много писалъ и по-русски, и притомъ не только прозой, но и стихами,—въ послѣднее время, впрочемъ, только прозой. Въ настоящемъ собраніи помѣщены три стихотворныя пьесы, написанныя Шевченко по-русски въ началѣ 40-хъ годовъ, и двѣ изъ нихъ еще тогда были напечатаны.

Это, во-первыхъ,—отрывокъ изъ драмы „Никита Гайдай“, въ прозѣ и стихахъ, нѣсколько сценъ, составлявшихъ начало 3-го дѣйствія пьесы.

Сотникъ Никита долженъ ѣхать гетманскимъ посланцемъ въ Варшаву съ грамотами къ королю и сейму, и на вопросы своей невѣсты и ея матери открываетъ имъ цѣль поѣздки. Самъ онъ ненавидитъ интриги; онъ скажетъ королю и магнатамъ правду, и проситъ Бога дать ему силу вразумить магнатовъ, что война между братьями есть горе и позоръ, и что угнетеніе вызоветъ кровавый отпоръ. Онъ надѣется, что —

...Они поймутъ,
 Поймутъ надменные магнаты,
 Что ихъ огромныя палаты
 Травой дикой поростутъ
 За поруганіе закона,
 Что наша правда, наши стоны,
 На нихъ судъ Божій призовутъ.
 Что Наливайка духъ великій
 Воскреснетъ снова среди мечей,

И тѣмъ страдальческихъ тѣней
 Наши неистовые клики
 Въ степяхъ разбудятъ.

Онъ вѣрить въ короля:

Онъ добръ, сговорчивъ, но магнаты...
 Несчастной черни палачи!..
 Они коварны: ихъ словамъ
 Не должно вѣрить простодушно...
 Они обмануть, и тогда
 Бѣда Украинѣ, бѣда!
 И вамъ, кровавые деспоты,
 Не сдобровать!

Слѣдуетъ затѣмъ выраженіе восторженной любви къ родинѣ, которая бываетъ „чѣмъ несчастнѣй, тѣмъ милѣй“; и въ ожиданіи, что цѣпь неволи будетъ разорвана, казацкій сотникъ XVII-го вѣка мечтаетъ о будущемъ мирномъ союзѣ цѣлаго славянства: „Славяне, несчастные славяне! Такъ нещадно и такъ много пролито храброй вашей крови междоусобными ножами. Ужели вамъ вѣчно суждено быть игрищемъ иноплеменниковъ. Настанетъ ли часъ искупленія? Придетъ ли мудрый вождь изъ среды вашей погасить пламенныйъ раздора и слить во-едино любовь и братствомъ могущественное племя?“

Такимъ образомъ, фантазія поэта обращалась къ тѣмъ же воспоминаніямъ о прошломъ угнетеніи его родины, каковымъ вскорѣ потомъ посвящены были „Гайдамаки“: XVIII-й вѣкъ въ отношеніяхъ малорусскаго народа къ польскому панству представлялся ему въ такихъ же краскахъ, какъ XVII-й. Сущность дѣла была одинакова. Отрывокъ написанъ въ томъ искусственномъ риторическомъ родѣ, какой господствовалъ въ романтической драмѣ 30-хъ и еще 40-хъ годовъ: Шевченко проходилъ тогда свою первую литературную школу, но въ отдѣльныхъ чертахъ уже сказывается простой народный реализмъ, и эпизодъ о красотахъ родной Украины напоминаетъ опять пѣсни „Кобзаря“.

Другое стихотвореніе или небольшая поэма: „Безталанный“ (или „Тризна“), посвященная княжѣ Репниной, носить на себѣ тѣ же признаки романтической школы; пьеса опять значительно напыщенная, неясная, рассказъ переплетается съ лирическими изліяніями; сюжетъ—судьба какого-то поэта, страдавшаго между людьми въ стремленіи къ недостижимому идеалу и умирающаго среди проповѣди любви и призывовъ къ борьбѣ противъ зла. Въ изобразеніе поэта и его жизненной борьбы вошли, безъ сомнѣ-

нія, многія личныя подробности, напрымѣрь черты дѣтства и юности:

Въ семьѣ убогой, неизвѣстной,
Онъ выросталъ, и жизни трудъ,
Какъ сирота, онъ встрѣтилъ рано;
Упреки злѣе встрѣтилъ онъ
За хлѣбъ насущный... Дѣтскій сонъ
Исчезъ, какъ голубь боязливый;
Тоска, какъ, воръ, нетерпѣливо
Въ разбитомъ сердцѣ притаясь,
Губами жадными впиалась
И кровь невинную сосала...
Душа рвалась, душа рыдала,
Просила воли.. умъ горѣлъ,
Въ крови гордыни клокотала;
Онъ трепеталъ.. онъ цѣпенѣлъ..
Рука, сжимаяся, дрожала...

Поэтъ то приходилъ въ изступленіе, то умилялся; его увлекали мечты понять жизнь людей, прочесть ея черныя страницы:

И сохранить полетъ орла
И сердце чистой голубицы.

Онъ рѣшилъ повинуть родину, чтобы искупить своей судьбы:

Уже прошелъ родное поле,
Уже скрывалось село...
Чего-то жаль внезапно стало;
Слеза рѣсницы пробивала,
Сжималось сердце и рвалось.
Чего-то жаль намъ въ прошломъ нашемъ,
И что-то есть въ землѣ родной..

Воспоминаніе о родинѣ всегда проливалось въ его душу чувство трепетной любви, и она вставала въ его воображеніи въ привлекательной картинѣ. Опять личное воспоминаніе сквозить въ изображеніи героя, который „убогимъ, нищимъ“ долженъ былъ служить „глушцу кичливому“, и вмѣстѣ „мыслить, чувствовать и жить“.

Въ неясныхъ очертаніяхъ поэта, изображаемаго въ „Тризнѣ“, отражаются, кромѣ біографическихъ намековъ, и свойства самой поэзіи Шевченка, какъ онъ представлялись его собственному сознанію. Герой „Тризны“ прошелъ въ самой жизни эту страшную драму: „онъ не толковалъ своихъ всендневныхъ впечатлѣній какъ назидательный романъ“; онъ не допускалъ „тѣмъ сновидѣній“ и „байроническаго тумана“, не называлъ своихъ друзей „толпой ничтожной“; его не привлекаетъ и мудрость космополита; напро-

тивъ, онъ съ вѣрующимъ чувствомъ старается постигнуть „назначеніе жизни“, и „со слезами поднималъ взоръ на красоты своей природы“:

Какъ все согласно! онъ шепталъ,
И край родной воспоминалъ;
У Бога правды и свободы
Всему живущему молилъ,
И кроткой мыслию слѣдилъ
Дѣла минувшія народовъ,
Дѣла страны своей родной,
И горько плакалъ...

Онъ нашелъ и друзей въ новомъ кругу, и между этими молодыми друзьями онъ, —

Порой задумчивый... порой,
Какъ волхвъ-вѣщатель молодой,
Рѣчами звучными, живыми
Друзей внезапно изумлялъ
И силу дружбы между ними,
Благословляя, укрѣплялъ.
Онъ говорилъ, что обще благо
Должно любовію купить
И съ благородною отвагой
Стать за добро и зло казнить.
Онъ говорилъ, что праздникъ жизни,
Великій праздникъ, Божій даръ,
Должно пожертвовать отчизнѣ,
Должно поставить подъ ударъ.

И когда ему случалось быть въ шумномъ обществѣ, онъ чувствовалъ себя одинокимъ:

О чемъ-то тяжело онъ вздыхалъ
И думой мрачною легалъ
Въ странѣ родной, въ странѣ прекрасной,
Тамъ, гдѣ никто его не ждалъ,
Никто о немъ не вспоминалъ,
Ни о судьбѣ его неясной.
И думалъ онъ: зачѣмъ я тутъ?
И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ,
Они родня между родными,
Они равны всѣ межъ собой:
А я!..

Онъ былъ между ними „нищій“, „бѣдный поденщикъ“... Герой „Тризны“ умираетъ, не одолѣвъ своей жизненной борьбы.

Поэма, какъ мы сказали, носить на себѣ всѣ признаки ро-

мантической манеры; въ ней было, однако, много жизненнаго: содержаніе ея было вполне субъективное и передавало дѣйствительныя черты изъ внѣшней жизни поэта и изъ его мечтаній и порывовъ; какъ можно замѣтить по нѣсколькимъ неяснымъ подробностямъ, онъ выдѣлялъ себя изъ круга тогдашней русской поэзіи; передъ его воображеніемъ носилась мысль о служеніи общественному дѣлу и, въ частности, своей родинѣ.

Къ тому же времени принадлежитъ поэма „Слѣпая“, явившаяся въ первый разъ въ печати только теперь, въ „Кіевской Старинѣ“ и въ настоящемъ изданіи. Это, какъ полагаютъ, есть самое раннее изъ произведеній Шевченка, писанныхъ по-русски; думаютъ даже, что она написана была до появленія первой книжки „Кобзаря“ 1840 года ¹⁾ На этотъ разъ сюжетъ поэмы совершенно реальный, но опять закутанный въ романтическую неясность и прерываемый лирическими изліяніями. Темой послужили насилія крѣпостного права. „Слѣпая“ — нѣкогда обольщенная помѣщикомъ и затѣмъ брошенная и доведенная до нищеты и слѣпоты женщина; такимъ же образомъ обольщена и ея дочь, которая, наконецъ, сжигаетъ развратителя въ его хоромахъ и сама бросается въ пламя. Поэма слишкомъ растянута; въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаются восторженные рѣчи, дѣйствіе мало развито, но, за этими недостатками формы, поэма поражаетъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ истинно поэтической фантазіей, оригинальнымъ и смѣлымъ языкомъ, — хотя въ послѣднемъ (какъ и въ упомянутыхъ раньше пьесахъ) не разъ встрѣчаются неправильности: кое-гдѣ невѣрная постройка стиха, и фраза кажется какъ будто переведенной съ малорусскаго. Въ рѣчахъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, слѣпой и ея дочери, вставлены иногда пѣсенные мотивы, проведенные смѣлой рукой, и тонъ нерѣдко напоминаетъ малорусскаго „Кобзаря“. Приводимъ небольшой эпизодъ, гдѣ поэтъ прерываетъ разсказъ собственными воспоминаніями:

Не то я сталъ, что прежде былъ:
И путь увильный бытія,
И ноша тяжкая моя
Меня ужасно измѣнили;
Я тайну жизни разгадавъ,
Раскрылъ я сердце чловѣка,
И не страдаю, какъ страдалъ,
И не люблю я: я — калѣка!
Я трепеть сердца навсегда
Оледенилъ въ снѣгахъ чужбины,

¹⁾ Въ предисловіи изданія годъ изданія „Кобзаря“ указанъ опять невѣрно — 1841.

И только звуки Украины
Его тревожатъ иногда
Какъ эхо памяти невинной.
Въ нихъ узнаю мою весну,
Мои унылые досуги,
И въ нихъ я таю, въ нихъ тону,
И сердца тяжкіе недуги,
Какъ благодатною росой,
Врачую ими и молюся,
И непритворною слезой
Съ моей Украинной дѣлюся.
Но глухо все въ родномъ краю!

Отрывокъ изъ драмы и „Тризна“ появились, какъ мы замѣтили, въ „Маякѣ“. Могло быть, что характеръ изданія, въ которомъ пріютились первыя произведенія Шевченка, содѣйствовало тому предубѣжденію, съ какимъ отнеслись къ нимъ въ другомъ литературномъ лагерѣ. Въ исторіи русской этнографіи мы имѣли случай говорить объ этомъ журналѣ, гдѣ страннымъ образомъ смѣшивались попытки славянофильства съ самымъ негнѣпнымъ обсеурантизмомъ и нѣмецѣдствомъ, но вмѣстѣ оказывались черты извѣстной демократической склонности къ народу ¹⁾. Вслѣдствіе этого послѣдняго, „Маякѣ“ относился съ сочувствіемъ къ „областнымъ“ интересамъ, и въ томъ числѣ къ малорусской литературѣ; здѣсь защищались права этой литературы, въ самомъ дѣлѣ уже тогда нуждавшіяся въ защитѣ; помѣщались разборы малорусскихъ книгъ, статьи по малорусской старинѣ и этнографіи, наконецъ беллетристическія пьесы на малорусскомъ языкѣ. Такъ, здѣсь являлись, кромѣ Шевченка, имена Гулака-Артемовскаго, Основьяненка, Костомарова, Срезневскаго, Сементовскаго и др.

Одинъ новѣйшій критикъ, обсуждая произведенія Шевченка, появившіяся тогда въ „Маякѣ“, такъ объяснялъ этотъ нѣсколько неожиданный союзъ малорусской литературы съ русскимъ обсеурантизмомъ. Указавши извѣстную репутацію „Маяка“, надъ которымъ со временъ Бѣлинскаго не смѣялся, по наслышкѣ, только лѣнивый, критикъ замѣчаетъ, что репутація, однако, преувеличена. „Это былъ органъ славянофильскій, доведшій основныя идеи ученія до крайнихъ, хотя и послѣдовательныхъ, выводовъ. Вышедши изъ доктрины узкой и доведши ее до крайности, естественно журналъ получилъ ту окраску затхлости и отсталости, которая породила его печальную репутацію“. Но онъ имѣлъ одну заслугу,

¹⁾ См. „Изученія русской народности“, „Вѣстн. Европа“ 1882, декабрь, стр. 739 и слѣд.

особливо въ глазахъ малороссовъ: онъ уразумѣлъ до извѣстной степени интересъ и право малорусской литературы. Изученіе Малороссіи было очень скудно, — какъ остается въ сущности и до сихъ поръ; русскіе большіе журналы чуждались, — какъ и до сихъ поръ нерѣдко чуждаются, — статей о Малороссіи. Въ сороковыхъ годахъ „Маякъ“ долженъ былъ защищаться отъ нападокъ на то, что помѣщаль подобныя статьи. „Этихъ статей очень немного, — пишетъ редакція: — опѣ помѣщаются сверхъ общаго числа листовъ; не пригодны вамъ, — такъ онѣ пригодны для вашихъ ближнихъ, малороссіянъ“.

„Изъ русскихъ литературныхъ партій ¹⁾, — говоритъ тотъ же критикъ, — только славянофилы (мы говоримъ о славянофильствѣ старомъ, хотя мечтательномъ, но искреннемъ и не спекулирующемъ), выходя изъ одного изъ своихъ положеній — о необходимости „самобытнаго“ развитія народныхъ началъ, — допускали въ своихъ органахъ заявленіе о существованіи своемъ народности малорусской. Такимъ образомъ произошло то, что безправная украинская литература вступала иногда въ союзъ съ славянофильствомъ, напр., въ сороковыхъ годахъ въ „Маякъ“ и позже, въ пятидесятыхъ, въ „Русской Бесѣдѣ“.

„Союзъ этотъ, однако, былъ вынужденнымъ и неестественнымъ. Отстаивая свою самостоятельность, индивидуальность духа, творчества, языка своего народа, украинскіе писатели стояли всегда на почвѣ широкаго просвѣщенія и никогда не думали изъ своихъ народныхъ особенностей, изъ своихъ историческихъ „завѣтовъ“, создавать китайскія стѣны, въ которыхъ задыхались бы жизнь и духъ родного племени. Въ доказательство этого достаточно вспомнить ширину и человѣчность взглядовъ Шевченка, этого вдохновеннаго выразителя истинныхъ народныхъ украинскихъ „началъ“.“

Ссылаясь затѣмъ на постановку вопроса объ украинской литературѣ и ея „простонародности“, сдѣланную въ „Основѣ“, критикъ заключаетъ, что бывалые союзы малорусскихъ литературныхъ дѣятелей съ славянофилами были только печальнымъ недоразумѣніемъ...

Помѣстивши въ „Маякъ“ двѣ свои пьесы, Шевченко уже не возвращался къ этому журналу. „Съ обычною своею чуткостью, — говоритъ критикъ, — поэтъ понялъ, вѣроятно, разницу между его взглядами и видами журнала и не напечаталъ въ немъ болѣе ничего. хотя, очевидно, былъ тамъ желаннымъ гостемъ и имѣлъ

¹⁾ Прежняго времени.

полную возможность писать не только по-русски, но и по-малорусски, подобно многимъ изъ своихъ сотоварищей¹⁾.

Разказы „Варнакъ“ и „Наймичка“, по словамъ предисловія, написаны также еще въ сороковыхъ годахъ, до ссылки, и послужили темами написанныхъ позднѣе малорусскихъ поэмъ.

„Варнакъ“ значитъ на сибирскомъ языкѣ ссыльный; авторъ будто бы встрѣтился съ нимъ въ Соляной-Защитѣ (повидимому, разумѣется Илецкая-Защита, въ оренбургскомъ краѣ), и варнакъ рассказываетъ ему свою исторію¹⁾. Это былъ уже старикъ, наружность котораго внушала невольное уваженіе; давно уже былъ онъ въ ссылкѣ, но не могъ забыть своего прошлаго и жаждалъ увидѣть хоть разъ передъ смертью любимую родину. Эта родина— конечно, Малороссія; исторія ссыльнаго была однимъ изъ многихъ вариантовъ той темы, къ которой Шевченко почти постоянно возвращался въ своихъ повѣстяхъ и разказахъ—темы крѣпостного права. Герой разказа былъ крѣпостной и сирота, рано потерявшій родителей; онъ попалъ сначала къ управителю имѣнія, потомъ въ домъ самой владѣлицы, польской графини, въ камердинеры и компаньоны къ ея сыну, своему будущему барину; здѣсь онъ кое-чему научился, благодаря участію добродѣтельной

¹⁾ См. „Литературныя раскопки“, въ газетѣ „Трудъ“, 1882, № 39—40.

Приводимъ изъ этой же статьи вѣрныя замѣчанія о взглядѣ Бѣлинскаго на поэзію Шевченка и о дальнѣйшей эксплуатаціи этого взгляда.

„Шевченко принадлежитъ къ числу писателей, осѣненныхъ раньше и вѣрнѣе публикой, чѣмъ критикой (надо только прибавить: малорусской публикой и великорусской критикой). Изъ уваженія къ тѣни Бѣлинскаго, не будемъ повторять его осѣнки поэзіи Шевченка и другихъ малороссійскихъ писателей, живущихъ, по его мнѣнію, „только грубостью крестьянскаго вкуса и дубоватостью мужицкаго ума“. Это мнѣніе великаго критика, высказанное въ переходную пору его дѣятельности, было результатомъ малаго знакомства съ предметомъ и принадлежало къ тѣмъ, отъ которыхъ онъ, по всему характеру своей дѣятельности, непремѣнно отсекся бы впоследствии, какъ отсекался отъ статей о „Бородинской годовщинѣ“ и о „Менцель-французоѣдѣ“. Наши охранители, въ спорахъ съ малороссами, любятъ ссылаться на эти отзывы. Любопытнѣе или гнуснѣе всего то, что въ этомъ случаѣ они ищутъ опоры въ мнѣніяхъ того, для кого въ другое время не находить достаточныхъ проклятій, какъ, по ихъ мнѣнію, для одного изъ родоначальниковъ „отрицательнаго направленія“ въ Россіи. Когда нужно,—то Бѣлинскій правъ, и на него сошлется тотъ же г. Де-Пуле. Продолжатель идей Бѣлинскаго, Добролюбовъ, исправилъ ошибку учителя и отвелъ Шевченку надлежащее мѣсто въ поэзіи. Отзывы его и его „сподвижника“ о возрожденіи тогда малорусскомъ литературномъ движеніи полны сочувствія, да и не могли быть иными, такъ какъ „Основа“, вокругъ которой группировались лучшія украинскія литературныя силы, ставила своей задачей работу на пользу народа такъ же искренно, такъ же прямо, какъ и дѣтели „Современника“.

²⁾ Рукопись разказа помѣчена 1845-мъ годомъ, въ Кіевѣ.

гувернантки. Затѣмъ, уже юношей, герой разсказа попадаетъ въ барскую контору, а молодой графъ уѣзжаетъ для довершенія своего образованія за границу. откуда вернулся совершенно готовымъ негодяемъ. Вскорѣ жертвой его разврата стала дѣвушка, которая была уже невѣстой его крѣпостного; послѣдній съ отчаянія идетъ въ шайку разбойниковъ, мщеніе которыхъ по гайдамацкому примѣру обрушивалось именно на угнстателей. Этотъ выборъ былъ дѣломъ отчаянія; герой разсказа, въ душѣ натура благородная и возвышенная, рѣшилъ наконецъ бросить ужасное ремесло, но въ то самое время, когда онъ каялся и искалъ иной жизни, онъ встрѣчаетъ графа и, защищаясь, убиваетъ его. Онъ былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму замка; но старые друзья, разбойники, узнавъ, что ихъ бывший предводитель томится въ страшной тюрьмѣ, явились на выручку: замокъ былъ подоженъ; графъ Болеславъ сгорѣлъ на своемъ погребальномъ катафалкѣ; гости, пріѣхавшіе на погребеніе, были также истреблены. Но освобожденный разбойникъ и невольный убійца не могъ вынести ужасной жизни; онъ добровольно отдался въ руки властей и пошелъ въ ссылку.

„Наймичка“ передаетъ другую исторію изъ народнаго быта. Деревенская дѣвушка соблазнена баричемъ-офицеромъ изъ полка, расположеннаго по селамъ, и затѣмъ по обыкновенію брошена; между тѣмъ у нея родился ребенокъ, котораго она подкинула добрымъ людямъ, зажиточнымъ хуторянамъ, людямъ старымъ и бездѣтнымъ, которые съ радостью пріютили сиротку. Увѣрившись, что ребенокъ ими принятъ, она черезъ нѣсколько дней приходитъ къ нимъ и нанимается въ услуженіе; старая хозяйка успѣла такъ привязаться къ мальчику, что не можетъ уже одна усмотрѣть за хозяйствомъ, и лишняя наймичка необходима. Бѣдная мать съ восторгомъ возвращается къ ребенку, но усиленно скрываетъ свое чувство, и такъ хорошо исполняетъ свою службу, что хозяева уже не могутъ безъ нея обойтись и считаютъ ее почти за родную. Однажды ей грозила опять большая опасность. Послѣ своего несчастія она ушла изъ своего села, гдѣ не было мѣста для „покрытки“; когда она жила уже на хуторѣ, то случайно заѣхалъ туда, рыская на охотѣ, тотъ баричъ-офицеръ, который былъ ея губителемъ; она снова ему приглянулась, и онъ хотѣлъ опять увезти ее съ собой, но она воспротивилась; материнское чувство превозмогло, и она осталась при маленькомъ сынѣ. Онъ росъ на ея глазахъ; когда онъ былъ еще малъ и ей случалось оставаться въ домѣ одной, она осыпала его ласками, но никогда не измѣняла себѣ при другихъ, и только въ предсмерт-

ную минуту она открыла сыну, уже взрослому юношѣ, свою тайну ¹⁾.

Повѣсть „Близнецы“ начинается такимъ же эпизодомъ, какъ и „Наймичка“. Въ уѣздномъ городѣ стоялъ полкъ; когда онъ выходилъ изъ города, его выступленіе было большимъ горемъ для многихъ женщинъ и дѣвушекъ: „многія изъ гражданокъ провожали усачей своихъ до села N, другія до мѣстечка Борисполя, а остальные, и самыя безкорыстныя, провожали даже до предѣловъ кievскихъ, т.-е. до переправы на Днѣпрѣ. А когда полкъ благополучно переправился, то и онѣ, поплакавши немного, тоже переправились черезъ Днѣпръ и разбрелись по великому городу Кіеву и скрыли свои преступленія и стыдъ въ глухихъ притонахъ всякаго разврата“.

„Таковы результаты продолжительной стоянки самаго благопитаннаго полка“.

Такимъ результатомъ оказалось въ ту же ночь появленіе какой-то женщины у хутора стараго сотника Собиры; на другое утро жена Собиры нашла на крыльцѣ своего дома двухъ подкинутыхъ младенцевъ-близнецовъ, а затѣмъ на хуторѣ узнали, что по сосѣдству въ рѣкѣ найдено тѣло утопленницы. Сотникъ былъ бездѣтный старикъ; онъ принялъ найденныя за родныхъ дѣтей, и такъ какъ на другой день приходилось празднованіе святыхъ Зосимы и Савватія, то близнецамъ и даны были эти имена. Мальчики росли вмѣстѣ и были такъ похожи одинъ на другого, что иногда сами пріемные родители съ трудомъ различали ихъ. Зато страшная разниа оказалась потомъ. Когда пришло время ученья, у стариковъ явился вопросъ, какъ устроить это ученье, какъ опредѣлить будущее положеніе дѣтей. Сотничиха, которая особенно привязалась къ Зосимѣ, непременно хотѣла, чтобы изъ него вышелъ человекъ военный, и онъ былъ отданъ въ военную школу; другой братъ учился въ гимназій и сдѣлался впослѣдствіи медикомъ. Братья, ставши юношами, были уже совершенно непохожи другъ на друга: Зосима изъ военной школы вышелъ человекомъ полуобразованнымъ и съ первыхъ шаговъ попалъ въ компанію, гдѣ главнымъ дѣломъ былъ безобразный бутезъ, для котораго нужны были, конечно, деньги, и для пріобрѣтенія ихъ считались позволительными всякія средства; совершенно иной харак-

¹⁾ Эти двѣ повѣсти дали матеріалъ для малорусскихъ поэмъ Шевченка подъ тѣми же названіями: „Наймичка“ (1844) — въ петербургскомъ изданіи, 1883, стр. 147—163, и „Варнакъ“ (1848)—тамъ же, стр. 294—299. Малорусскія поэмы, конечно, гораздо короче, и въ изложеніи есть варианты. Малорусская поэма „Княжна“ (1847 г., тамъ же, стр. 262—274) также находится въ связи съ русской повѣстью „Княгиня“, о которой скажемъ далѣе.

теперь выработался у другого брата: онъ добросовѣстно занимался своимъ дѣломъ и сталъ хорошимъ, скромнымъ, добрымъ человекомъ. Судьба Зосимы была весьма печальная: ему пришлось оставить поля, гдѣ онъ служилъ, потомъ попасть въ гарнизонную службу въ захолустьѣ; вынужденный жениться на дѣвушкѣ, которую онъ намѣренъ былъ обмануть, онъ сдѣлался ея мучителемъ; потомъ, когда, скрывши свой бракъ, онъ, въ расчетѣ получить деньги, женился еще разъ на дочери богатаго купца, онъ былъ, наконецъ, разжалованъ въ солдаты и сосланъ въ Орскую крѣпость, гдѣ встрѣтилъ его неожиданно братъ его Савватій. Этотъ послѣдній, кончивъ курсъ, долженъ былъ отслужить нѣсколько лѣтъ за свое обученіе на казенный счетъ и посланъ былъ на службу въ Оренбургъ, откуда ему случилось сдѣлать поѣзду въ Орскую крѣпость и далѣе.

Между тѣмъ старый сотникъ умеръ, завѣщавши свое имѣніе Савватію; но тотъ былъ все еще на своей далекой службѣ, а въ отсутствіе его явился (вѣроятно, отбывъ свое наказаніе) Зосима и принялся хозяйничать на хуторѣ, который онъ скоро превратилъ въ безобразный притонъ картежниковъ и пьяницъ. Одинъ старый пріятель ихъ семьи извѣстилъ, наконецъ, Савватія о томъ, что дѣлается въ домѣ, и тотъ вышелъ въ отставку, вернулся домой и могъ наконецъ успокоить старушку, свою пріемную мать. Зосима кончилъ худо: онъ продолжалъ пьянствовать и былъ убитъ въ какой-то драгѣ.

Повѣсть любопытна въ разныхъ отношеніяхъ. Разсказъ, какъ и въ другихъ русскихъ повѣстяхъ Шевченка, очень простъ и непритязателенъ; народный бытъ извѣстенъ автору наизусть, какъ пережитый имъ самимъ, а не изученный постороннимъ человекомъ, — какъ послѣднее бываетъ замѣтно у иныхъ повѣствователей изъ народнаго быта. Жизнь военнаго круга, — въ тѣхъ чертахъ, какими она отличалась въ николаевскія времена, — видимо внушаетъ писателю величайшую антипатію, и этотъ историческій отголосокъ любопытенъ для характеристики той эпохи. Наконецъ, въ разсказѣ есть интересныя подробности чисто автобіографическаго характера. Одинъ изъ братьевъ, какъ мы сказали, попалъ въ качествѣ врача на службу въ оренбургскій край; оттуда онъ постоянно писалъ своимъ названнымъ родителямъ и, наконецъ, чтобы дать имъ полный отчетъ о своей жизни, а вмѣстѣ занять свое собственное время, онъ посылаетъ имъ цѣлый дневникъ: здѣсь, между прочимъ, онъ описываетъ свою поѣзду въ Орскую крѣпость, а затѣмъ экспедицію, въ которой онъ принималъ участіе и которая отправлена была черезъ степь въ Раймское укрѣпленіе

на Аральскомъ морѣ. Самъ Шевченко, послѣ рѣшенія его дѣла, доставленный въ юнѣ 1847 г. въ семь дней изъ Петербурга въ Оренбургъ, былъ зачисленъ рядовымъ въ баталіонъ, стоявшій въ Орской крѣпости, и отправленъ былъ туда осенью того же года. Въ Орской крѣпости онъ пробылъ осень и зиму, и въ 1848 году отправился въ составѣ назначеннаго на то отряда въ экспедицію къ Аральскому морю. Это была та самая экспедиція, которая описана въ дневникѣ Савватія Сокиры ¹⁾. Впечатлѣнія Сокиры были очевидно впечатлѣнія самого автора, и нѣкоторыя подробности дневника совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ немногихъ сохранившихся письмахъ Шевченка изъ той поры, помѣщенныхъ въ его біографіи (напр., картина степного пожара). По всей вѣроятности, самая повѣсть написана въ эпоху, близкую къ этому Аральскому походу, или въ нее вставленъ готовый отрывокъ изъ собственнаго дневника Шевченка ²⁾.

Слѣдующая, довольно большая, повѣсть: „Художникъ“, названная, повидимому, самимъ авторомъ „автобіографическою“, имѣетъ опредѣленную дату: 4-ое октября 1856 года, еще въ ссыль ³⁾. Повѣсть дѣйствительно почти вполне автобіографическая; говоримъ—почти вполне, потому что Шевченко, любившій рассказывать отъ своего лица, какъ свидѣтель событій или слышавшій о нихъ, на этотъ разъ опять ведетъ рассказъ въ первомъ лицѣ, но на свое мѣсто ставитъ этимъ первымъ лицомъ другого человѣка, который и рассказываетъ исторію Шевченка. Это вставное лицо былъ, видимо, тотъ землякъ-художникъ Сошенко, вслѣдствіе участія котораго Шевченко получилъ впервые возможность правильно учиться живописи въ школѣ искусства, и который тогда же обратилъ на него вниманіе Карла Брюлова. Рассказъ доведенъ до того пункта, когда совершилось освобожденіе бѣднаго крѣпостного отъ помѣщичьей власти; затѣмъ вставное лицо удаляется и замѣняетъ свой рассказъ рядомъ писемъ, гдѣ Шевченко говоритъ уже отъ своего лица. Несмотря на то, что повѣсть такимъ образомъ нѣсколько замаскировала (и въ иныхъ случаяхъ очень неловко) дѣйствительную исторію, автобіографическій характеръ остается ея господ-

¹⁾ Стр. 228 и слѣд., и ср. въ біографіи Шевченка М Чалаго („Жизнь и прозвѣденія Тараса Шевченка“, Кіевъ, 1882), стр. 72 и д.

²⁾ Повѣсть помѣчена 20-мъ іюля, но какого года—неизвѣстно; въ спискѣ рукописей Шевченка, помѣщенномъ въ „Основѣ“ 1862, № 9, поставлены двѣ даты: 10-го іюня и 21-го іюля, также безъ года; походы на Аральское море сдѣланы были въ 1848 и 1-49 годахъ.

³⁾ Въ „Основѣ“ двѣ даты: 25-го января и 4-го окт. 1856.

ствующей чертой, и въ этомъ смыслѣ она исполнена величайшаго интереса. Таково было положеніе Шевченка, такъ ему самому представлялась его судьба въ моменты, предшествовавшіе его освобожденію, и въ первые годы его свободной жизни, когда онъ предался работѣ въ академіи художествъ подѣ теплымъ покровительствомъ Карла Брюлова, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыло ему художественно-литературные кружки того времени. Весьма вѣроятно, что инныя частныя подробности этой исторіи нѣсколько измѣнены въ этомъ разсказѣ, писанномъ почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ событій ¹⁾; кое-что, не весьма, впрочемъ, важное, намѣренно переименовано, но въ цѣломъ разсказъ дышетъ правдой, если не реальной, то идеальной, и во всякомъ случаѣ остается чрезвычайно характернымъ біографическимъ матеріаломъ, какъ отраженіе внутренняго состоянія поэта въ критическую эпоху его жизни. Передъ нами проходитъ цѣлая драма освобожденія отъ крѣпостной власти талантливаго юноши, который уже скоро послѣ того сталъ перестепеннымъ малорусскимъ поэтомъ—эпизодъ изъ исторіи ужаснаго учрежденія, который даетъ видѣть, сколько должно было погибать въ зародышѣ сильныхъ умовъ и талантовъ подѣ давленіемъ этого „порядка вещей“. На этотъ разъ дѣло окончилось благополучно благодаря только счастливому случаю, что крѣпостной талантъ былъ замѣченъ и нашлись благородные люди, которые приняли дѣло къ сердцу и не пожалѣли трудовъ и усилій для его освобожденія. Кромѣ того землякъ-художника, который первый пріютилъ бѣдняка и обратилъ на него вниманіе, этими благородными доброжелателями Шевченка были: извѣстный тогда профессоръ академіи художествъ Венеціановъ, затѣмъ Карлъ Брюловъ, Жуковский и графъ Вельгорскій. Разсказъ написанъ съ такою теплотою, которая дѣлаетъ его по истинѣ трогательнымъ. Главныя факты его извѣстны. Брюловъ, узнавши о дѣлѣ и издавши уже самого Шевченка, написалъ портретъ Жуковскаго; этотъ портретъ былъ купленъ во двору за 2.500 руб., и деньги послужили платой помѣщику за принадлежавшаго ему челоуѣка.

Шевченко былъ тогда въ Петербургѣ отданъ своимъ помѣщикомъ на работу къ одному маляру-подрядчику, и когда рѣшалось это дѣло—лежалъ въ больницѣ, выздоравливая отъ горячки. Его землякъ-художникъ съ трепетомъ ждалъ окончанія дѣла, о которомъ догадывался, потому что Брюловъ ничего не го-

¹⁾ Освобожденіе Шевченка произошло въ началѣ 1838 года; повѣсть писана, какъ мы сказали, въ 1856.

ворилъ ему о задуманномъ предпріятіи, пока результатъ его еще не выяснился. Когда, наконецъ, предпріятіе Брюлова пришло въ желанному концу, землякъ-художникъ мучился нетерпѣніемъ сообщить своему другу счастливое извѣстіе, но докторъ запрещалъ это, приводя факты умопомѣшательства, причиною котораго бывали внезапная радость или внезапное горе. Однажды у него достало духу навѣстить въ больницѣ своего друга и умолчать о совершившемся событіи. Но какъ же быть дальше?

„Венеціановъ говорилъ мнѣ то же самое, что и врачъ ска- залъ, и я совершенно убѣжденъ въ необходимости этой предосторожности. Да какъ же я утерплю? Или прекратить свои по- сѣщенія на нѣкоторое время? Нельзя: онъ подумаетъ, что я тоже заболѣлъ или покинулъ его, и будетъ мучиться. Подумавши, я вооружился всею силою воли, пошелъ въ больницу Маріи-Магда- лины. Первый сеансъ выдержалъ, какъ лучше не надо; за вто- рымъ и третьимъ визитомъ я уже началъ его понемногу при- готовить. Спрашивалъ медика, какъ скоро его можно выписать изъ больницы; медикъ не совѣтовалъ торопиться, и я опять на- чалъ мучиться нетерпѣніемъ.

„Однажды поутру приходитъ ко мнѣ бывшій хозяинъ моего больного и безъ дальнихъ околичностей начинаетъ упрекать меня, что я его ограбилъ самымъ варварскимъ образомъ, что я укралъ у него лучшаго работника и что онъ черезъ меня теряетъ, по крайней мѣрѣ, не одну тысячу рублей. Я долго не могъ понять, въ чемъ дѣло и какимъ родомъ я попалъ въ грабители. Нако- нецъ, онъ мнѣ сказалъ, что вчера призывалъ его помѣщикъ, раз- сказалъ ему весь ходъ дѣла и требовалъ отъ него уничтоженія контракта, и что вчера же онъ былъ въ больницѣ и что боль- ной ничего про это не знаетъ.

„Вотъ тебѣ и предосторожность!“ — подумалъ я.

— Чего же вы теперь отъ меня хотите? — спросилъ я у него.

— Ничего, хочу узнать только, правда ли все это.

„Я отвѣчалъ: правда, и мы разстались.

„Я былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла; больной теперь уже приготовленъ и можетъ принять это извѣстіе спокойнѣе, чѣмъ прежде.

— Правда ли? можно ли вѣрить тому, что я слышалъ? — та- кимъ вопросомъ встрѣтилъ онъ меня у дверей своей палаты.

— Я не знаю, что ты слышалъ.

— Мнѣ говорилъ вчера хозяинъ, что... я..

„И онъ остановился, какъ бы боясь окончить фразу, и, по-

молчавши немного, едва слышно проговорилъ:—что я отпущенъ... что вы...—И онъ залился слезами.

— Успокойся,—сказала я ему:—это еще только похоже на правду.

„Но онъ ничего не слышалъ и продолжалъ плакать.

„Черезъ нѣсколько дней онъ выписался изъ больницы и поселился у меня на квартирѣ совершенно счастливымъ.

„Много, неисчислимо много прекраснаго въ божественной безсмертной природѣ, но торжество и вѣнецъ безсмертной красоты—это оживленное счастьемъ лицо человѣка. Возвышеннѣе, прекраснѣе въ природѣ я ничего не знаю. И этою-то прелестью разъ въ жизни моей удалось мнѣ вполнѣ насладиться. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней мой ученикъ былъ такъ счастливъ, такъ прекрасенъ, что я не могъ смотрѣть на него безъ умиленія. Онъ переливался и въ мою душу свое безграничное счастье. Восторги его смѣнялись тихой улыбающейся радостью. Во всѣ эти дни хоть онъ и принимался за работу, но работа ему не давалась, и онъ, бывало, положить свой рисунокъ въ портфель, вынетъ изъ кармана отпускную, прочитаетъ ее чуть не по складамъ, перекрестится, поцѣлуетъ и заплачетъ“¹⁾.

Дальше, какъ мы сказали, авторъ въ формѣ писемъ продолжаетъ рассказъ отъ своего лица. Это, безъ сомнѣнія, картина собственной жизни Шевченка въ Петербургѣ, въ томъ дружескомъ кружкѣ, какой онъ нашелъ себѣ среди академическихъ товарищей и ихъ знакомыхъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ или первое мѣсто въ его рассказахъ объ этомъ времени занимаетъ его главный освободитель, его учитель въ искусствѣ и предметъ его удивленія и горячей привязанности, Карлъ Брюловъ или „Карлъ Великій“, какъ называлъ его Жуковскій и какъ повторяла академическая молодежь. Шевченко изумлялся въ немъ и необычайному художественному дарованію, и яркому уму, и простому доброму характеру; въ нашей литературѣ нѣтъ, если не ошибаемся, другихъ воспоминаній, гдѣ бы въ такихъ привлекательныхъ чертахъ изображены были эти личныя свойства Карла Брюлова, котораго Шевченко могъ особенно близко наблюдать, какъ одинъ изъ ближайшихъ его учениковъ въ ту пору,—и это изображеніе, очевидно, не было только дѣломъ благодарности. Шевченко приводитъ черты изъ его обыденной жизни, гдѣ сказывалась его дружелюбная простота въ отношеніяхъ съ учениками; повторяетъ его слова, отзвы о художественныхъ и литературныхъ

1) Стр. 292—298.

произведеніяхъ, весьма оригинальные и мѣткіе, иногда съ нѣкоторой капризной рѣзкостью умнаго критика; самъ „маэстро“, по-видимому, любилъ своихъ учениковъ, иногда отказывался отъ аристократическихъ обѣдовъ, чтобы провести время въ плохомъ трактирѣ съ своими молодыми друзьями.. По-видимому, у Шевченка была мысль разсказать еще больше о Брюловѣ: „для будущаго біографа К. Брюлова, — говоритъ предполагаемый пріятель, — я со временемъ издамъ всѣ его (Шевченка) письма“. Этого не случилось, но и тѣ эпизодическія упоминанія, какія есть, доставятъ чрезвычайно любопытныя черты для этой будущей біографіи.

Другое лицо, о которомъ Шевченко говоритъ съ великою любовью, былъ Штернбергъ, талантливый, рано умершій художникъ, такой же идеалистъ, связанный съ Шевченкомъ еще тѣмъ, что обоихъ привлекала Малороссія. Шевченко познакомился съ Штернбергомъ еще не видѣвши его, по разсказамъ своего земляка, который былъ друженъ съ Штернбергомъ. Послѣдній былъ въ Малороссіи въ то время, когда Шевченко основался въ академіи художествъ, и по возвращеніи его въ Петербургъ, они тотчасъ сдѣлались друзьями. До пріѣзда его, Шевченко говоритъ въ (предполагаемомъ) письмѣ къ своему пріятелю-земляку (который, вскорѣ по освобожденіи Шевченка уѣхалъ на родину, гдѣ получилъ мѣсто): „Ахъ, еслибы скорѣе Штернбергъ пріѣхалъ! Я, не видавши, полюбилъ его. Карлъ Павловичъ для меня слишкомъ колоссаленъ, и, несмотря на его доброту и ласки, мнѣ иногда кажется, что я одинъ“.

Дѣйствительно, по пріѣздѣ Штернберга завязалась теплая дружба. Штернбергъ былъ моложе Шевченка, но пользовался уже большою извѣстностью, какъ талантливый художникъ, на котораго возлагались большія надежды; передъ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Малороссіи, и это, безъ сомнѣнія, было новымъ общимъ интересомъ, который привязалъ къ нему Шевченка. Послѣдній былъ въ восторгѣ отъ рисунковъ и отъ самого „несравненнаго Штернберга“. „За обѣдомъ, — пишетъ Шевченко, — я сказалъ Карлу Павловичу о моемъ *счастіи*, и онъ пожелалъ видѣть Штернберга“. На другой день они отправились вмѣстѣ къ Брюлову.

„Тотъ былъ въ восторгѣ отъ вашей ¹⁾ однообразно-разнообразной, какъ онъ выразился, родины и отъ задумчивыхъ зем-

¹⁾ Предполагается, что Шевченко разсказываетъ все это въ письмѣ къ своему пріятелю-земляку.

ляворъ вашихъ, такъ прекрасно-вѣрно переданныхъ Штернбергомъ. И какое множество рисунковъ, и какъ все прекрасно! На маленькомъ лоскутѣ сѣренькой оберточной бумаги проведена горизонтально линія; на первомъ планѣ вѣтряная мельница, пара воловъ около телѣги, наваленной мѣшками; все это не нарисовано, а только намекнуто, но какая прелесть! очей не отведешь. Или подъ тѣнью развѣсистой вербы у самаго берега бѣленькая, соломою крытая, хатка—вся отразилась въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Подъ хаткою старушка, а на водѣ утки плаваютъ—вотъ и вся картина; и какая полная, живая картина!

„И такихъ картинъ, или, лучше сказать, животрепещущихъ очерковъ полно въ портфель Штернберга. Чудный, безподобный Штернбергъ! Не даромъ его поцѣловалъ Карлъ Павловичъ.

„Невольнo вспомнилъ я братьевъ Чернецовыхъ. Они недавно возвратились изъ путешествія по Волгѣ и приносили Карлу Павловичу показать свои рисунки: огромная кipa ватманской бумаги, по-нѣмецки аккуратно перышкомъ исчерченная. Карлъ Павловичъ взглянулъ на нѣсколько рисунковъ и, закрывши портфель, сказалъ (разумѣется, не братьямъ Чернецовымъ): „Я здѣсь не только матушки-Волги, и лужи порядочной не надѣюсь увидѣть“. А въ одномъ эскизѣ Штернберга онъ видитъ всю Малороссію. Ему такъ понравилась ваша родина и унылая фізіономіи земляковъ вашихъ, что онъ сегодня за обѣдомъ построилъ уже себѣ хуторъ на берегу Днѣпра, близъ Кіева, со всѣми угодыями, въ самой очаровательной декорачіи. Одно, чего онъ боится и чего никакъ устранить отъ себя не можетъ, это—помѣщики или, какъ онъ называетъ ихъ, феодалы—собачники“¹⁾.

Онъ упоминаетъ дальше объ отъѣздѣ Штернберга за границу; больше они уже не свидѣлись: Штернбергъ умеръ въ Римѣ въ 1845 году, всего 27 лѣтъ отъ роду²⁾.

Не останавливаемся на другихъ подробностяхъ автобіографической повѣсти, которыя рисуютъ тогдашній образъ жизни Шевченка и, между прочимъ, тѣ пути, какими онъ пріобрѣталъ свое запоздалое образованіе. Для будущаго біографа эти подробности освѣтять внутреннюю жизнь поэта въ эпоху знаменательнаго поворота въ его судьбѣ.

Разсказъ „Капитанша“ имѣетъ, вѣроятно, основу въ дѣйствительномъ событіи: героиня—опять жертва нравственной распу-

¹⁾ Стр. 300 и далѣе.

²⁾ Недавно, біографія и характеристикъ Штернберга, какъ художника, посвятилъ статью В. В. Стасовъ въ журналъ „Искусство“. Авторъ не имѣлъ въ виду тѣхъ упоминаній о Штернбергѣ, какія находятся въ повѣсти Шевченка.

щенности милитарнаго сословія. Съ другой стороны, простой солдатъ-хохолъ, который сталъ ея покровителемъ, является примѣромъ необычайной доброты, доходящей до самоотверженія.

„Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали“ начинается описаніемъ поѣздки автора по Малороссіи и переходитъ въ повѣсть, или въ рядъ бытовыхъ картинъ и портретовъ, между прочимъ изъ послѣднихъ временъ крѣпостнаго права, которымъ противопоставляется мирная хуторная идиллія; эта идиллія совершается въ семьѣ нѣмца-доктора, который, женившись на украинкѣ, живетъ на покоѣ, занимаясь своимъ хозяйствомъ, и самъ наконецъ дѣлается больше украинцемъ, нежели нѣмцемъ.

„Музыкантъ“ есть опять исторія изъ крѣпостнаго быта: талантливый музыкантъ, скрипачъ, довершившій свое музыкальное образованіе за границей—въ то же время крѣпостной богатаго помѣщика; онъ испытываетъ страшныя случайности своего положенія, переходитъ изъ рукъ въ руки и, къ счастью, находитъ наконецъ человѣка, который выкупаетъ его изъ рабства. Здѣсь опять повторяется сельская идиллія въ семействѣ нѣмца-доктора, живущаго на малороссійскій ладъ,—вѣроятно, дѣйствительное лицо, оставившее въ Шевченкѣ теплыя воспоминанія, а потому и повторенное имъ два раза,—если не считать еще третьяго нѣмца, такого же добродушнаго аптекаря въ разсказѣ „Близнецы“¹⁾.

Разсказъ „Княгиня“ (въ изданіи „Кіевской Старины“ безъ года, въ спискѣ „Основы“ 1853 года), и „Несчастный“ (въ изданіи „Кіевской Старины“ опять безъ года, а въ спискѣ „Основы“ помѣченный 24-го января и 20-го февраля 1855) опять построены, вѣроятно, на дѣйствительныхъ событіяхъ изъ временъ крѣпостнаго быта и необузданныхъ нравовъ военщины николаевскихъ временъ. Въ послѣдней изъ этихъ повѣстей изображено лицо, вѣроятно въ самомъ дѣлѣ встрѣченное авторомъ въ оренбургской ссылке; на сценѣ эпизодъ изъ помѣщичьихъ (на этотъ разъ великорусскихъ) нравовъ того времени, крайне дикій и удручающій²⁾.

¹⁾ Хронологія упомянутыхъ сейчасъ повѣстей остается сомнительной. „Прогулка“ въ изданіи „Кіевской Старины“ помѣчена февралемъ 1858 года, между тѣмъ, въ спискѣ русскихъ сочиненій Шевченка, напечатанномъ въ „Основѣ“, замѣчено, что первая часть этой пьесы переписана не Шевченкомъ, а только имъ исправлена 30-го ноября 1856 года; вторая часть переписана самимъ авторомъ, но годъ не указанъ. Повѣсть „Музыкантъ“ въ изданіи „Кіевской Старины“ помѣчена 15-мъ января 1857 года, а въ спискѣ „Основы“ замѣчено, что она начата 28-го ноября (вѣроятно 1853 года), а окончена 15-го января 1854. Съ которой стороны неточность?

²⁾ Редакція изданія замѣчаетъ въ предисловіи, что въ спискѣ „Основы“ упомянуто еще о двухъ рукописяхъ, „какъ кажется, нинѣ утраченныхъ“. Одна изъ

Таково русское литературное наслѣдіе Шевченка, появляющееся въ такое время, когда давно отошелъ въ исторію тотъ общественный бытъ и литературный періодъ, въ которыхъ создались эти произведенія. Почти во всѣхъ этихъ произведеніяхъ неизмѣнно проводятся картины крѣпостного насилія: испытанное въ полной мѣрѣ самимъ писателемъ, оно вызвало эти картины, конечно, не по однимъ лишь его личнымъ побужденіямъ; это была одна изъ самыхъ наболѣвшихъ историческихъ язвъ, на которую въ то же время и раньше направлялось вниманіе первостепенныхъ писателей тогдашняго молодого литературнаго поколѣнія. Теперь впечатлѣніе этихъ повѣстей Шевченка неизбѣжно ослабляется отсутствіемъ ихъ объекта въ дѣйствительности; безъ сомнѣнія, это впечатлѣніе было бы гораздо сильнѣе, еслибы онѣ могли явиться въ свое время,—что, однако, было бы вѣроятно невозможно по тогдашнимъ условіямъ печати.

Съ другой стороны, повѣстей Шевченка нельзя судить съ обыкновенной эстетической точки зрѣнія, какъ чисто художественныя произведенія. Авторъ, очевидно, не имѣлъ такой чисто-художественной задачи; уже одно то, что вездѣ онъ является какъ бы очевидцемъ событій и что дѣйствительно въ его повѣстахъ разсѣяны подробности чисто автобіографическія и лица несомнѣнно живыя (напр., о „Музыкантѣ“ редакція изданія замѣчаетъ, что эти лица являются даже подъ настоящими именами), показываетъ, что цѣлью писателя вовсе было не свободное творчество, а, напротивъ, задача гораздо болѣе непритязательная. Онъ просто хотѣлъ рассказывать то, что видывалъ въ жизни, и форма повѣсти лишь нѣсколько обобщала тѣ явленія, какія ему случалось наблюдать и которыя въ самомъ дѣлѣ не были единичными, а, напротивъ, принадлежали къ цѣлому характеру общественнаго быта. Едва ли и всѣ условія его тогдашней жизни давали возможность работы иного рода надъ подобными сюжетами; въ ссыль ему запрещено было и писать, и рисовать; онъ, конечно, тѣмъ не менѣе писалъ и рисовалъ, но запрещеніе было не шуточное: оно стоило непріятностей тѣмъ изъ его первыхъ начальниковъ, которые хотѣли видѣть въ немъ не просто ссыльнаго солдата, а талантливаго поэта и рисовальщика; оно стоило и ему высылки въ Ново-Петровское укрѣпленіе, мрачное степное захолустье, на

нихъ—„драматическое произведеніе безъ названія и конца, неизвѣстно какого времени“. Другая—„повѣсть о безродномъ Петрусь, неизвѣстно какого времени, переписанная не Шевченкомъ, а имъ только исправленная“, послужила вѣроятно темой для малорусской поэмы того же названія (1850)—въ петербургскомъ изданіи Шевченка, 1883, стр. 420—426.

сѣверныхъ берегахъ Каспійскаго моря. Ему приходилось испытывать всякія невзгоды, особливо отъ мелкихъ начальствъ, которыя обыкновенно были грубѣе начальствъ крупныхъ; „я муштруюсь“, пишетъ онъ о своемъ препровожденіи времени, и это муштрованье едва ли было удобно для изготовленія тонкихъ литературныхъ издѣлій.

Такимъ образомъ, отлагая обычныя требованія критики, въ произведеніяхъ, писанныхъ Шевченко въ ссылкѣ, надо видѣть лишь то, чѣмъ они могли выйти въ условіяхъ его личной жизни: это не столько повѣсти, сколько наброски личныхъ воспоминаній, портретовъ виданныхъ лицъ, картинокъ любезнаго ему малороссійскаго быта и пейзажа, и съ этой точки зрѣнія мы найдемъ здѣсь много интереснаго и симпатичнаго и много для изученія самой личности писателя.

Читая и изслѣдуя Шевченка, нельзя забывать, что мы имѣемъ передъ собой въ полномъ смыслѣ человѣка изъ народа, который, только 24 лѣтъ отъ роду, сталъ изъ крѣпостного и рабочаго маляра—свободнымъ человѣкомъ, хотя остался бѣднякомъ, въ первый разъ могъ учиться и войти въ „общество“ при помощи своихъ благородныхъ покровителей. Если уже вскорѣ мы видимъ его писателемъ на русскомъ и малорусскомъ языкѣ, надо удивляться, какъ быстро онъ усвоилъ литературную форму и нашелъ въ ней выраженіе для своего поэтическаго содержанія. Въ нашей литературѣ еще свирѣпствовалъ тогда романтизмъ; не мудрено, что ему подавался Шевченко, когда въ тѣ же годы увлекался имъ Тургеневъ, лишь нѣсколькими годами его моложе, но далеко превосходившій его всѣми средствами положенія и образованія. Въ союзѣ съ романтизмомъ литературнымъ шла та особенная романтически-классическая школа художественная, гдѣ великимъ авторитетомъ являлся предъ своимъ восторженнымъ ученикомъ Брюловъ. Среди этого искусствепнаго направленія Шевченко умѣлъ, однако, сохранить то свѣжее чувство природы и народной жизни, которое онъ вынесъ изъ первой обстановки дѣтства и юности и которое никогда не покидало его, развиваемое его собственными душевными силами. Отголоски школы литературной и художественной слышатся потомъ въ его произведеніяхъ, но гораздо сильнѣе ихъ были эти ранніе задатки его содержанія, мѣстные и народные ¹⁾.

¹⁾ Новѣйшая историко-художественная критика очень сурово судитъ его учителя въ искусствѣ; но, судя по рассказамъ Шевченка, Брюловъ вовсе не былъ такъ исключителенъ, какъ можно было бы думать по приговорамъ этой критики. Онъ восхищается Теньеромъ и вообще реалистами голландской школы, умѣетъ поощрять проблески реальнаго изображенія русской жизни у Штерверберга, видитъ угловатость

Русскія произведенія Шевченка даютъ нерѣдко любопытнѣйшія дополненія и объясненія къ его малорусской поэзіи. Эти произведенія пересыпаны чисто-субъективными эпизодами, гдѣ, — хотя и не во всемъ объемѣ (по условіямъ литературнымъ, какія онъ долженъ былъ имѣть въ виду), — высказываются его задушевные сочувствія и, съ другой стороны, антипатіи. Не одинъ разъ встаютъ передъ нимъ воспоминанія его дѣтства, напримѣръ, въ „Варнакѣ“, въ „Наймичкѣ“ или въ „Княгинѣ“¹⁾.

„Село!.. О, сколько милыхъ, очаровательныхъ видѣній пробуждается въ моемъ старомъ сердцѣ при этомъ задушевномъ словѣ! Село... и вотъ стоитъ передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышею и чернымъ дымаремъ, а около хаты на причилку яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтнень, — любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки; у воротъ стоитъ старая развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою стоитъ клуныя, окруженная стогами жита, пшеницы и всякаго хлѣба, а за клуною, по восточной, пойдеть уже садъ, да какой садъ! Видалъ я много на своемъ вѣку таки порядочныхъ садовъ, какъ, напримѣръ, уманскій и петергофскій; но это что за сады! Гроша не стоятъ въ сравненіи съ нашимъ великолѣпнымъ садомъ: густой, темный, тихій, словомъ, другого такого сада нѣтъ на всемъ свѣтѣ. А за садомъ ливада, за ливадою долина, а въ долину тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами; а въ этомъ ручейкѣ, подъ нависшими лопухами, купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ, а выкупавшись, перебѣгаетъ онъ долину и ливаду, вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ и падаетъ подъ первую грушею или яблонею и засыпаетъ невозмутимымъ сномъ. Проснувшись, онъ смотритъ на противоположную гору, смотритъ, смотритъ и спрашиваетъ самъ у себя: „а что же тамъ за горою? Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо. А что, еслибы пойти, да посмотрѣть, какъ это они его тамъ подпираютъ? Пойду да посмотрю, вѣдь это не далеко“, и т. д.

Картина малороссійскаго села для Шевченка всегда очаровательна²⁾. Въ разсказѣ „Близнецы“ онъ, по собственному на-

тогдашняго литературнаго романтизма, въ самой жизни умѣть, не меньше Шевченка, ненавидѣть „феодаловъ-собачниковъ“ и т. п. Надо думать, что это былъ умъ гораздо болѣе свободный и широкій, чѣмъ его художественная манера.

¹⁾ Стр. 130—131, 659 и слѣд.

²⁾ См., напр., въ „Прогулкѣ“, стр. 471.

блюденію, разумѣется, рисуеть чрезвычайную разницу между селами великорусскими и малорусскими въ оренбургскомъ краѣ ¹⁾: насколько одно ободрано, грязно, лишено зелени, неприютно, настолько другое порядливо, опрятно и привѣтливо и покрыто зеленью даже въ степи. Это—этнографическая параллель, сходная съ тою, какую сдѣлалъ нѣкогда Даль.

Съ такою же любовью описываетъ Шевченко принадлежность хорошаго малороссійскаго села въ старомъ вкусѣ—хату сельскаго священника. Это описаніе опять есть вмѣстѣ и этнографическая картина:

„Домъ отца Саввы наружностью своею ничѣмъ не отличался отъ большой мужицкой хаты, развѣ только двумя дымарями: однимъ бѣлымъ, а другимъ закопченнымъ, и небольшимъ навѣсомъ надъ дверями на точеныхъ столбикахъ. И внутренность дома, т.-е. свѣтлицы, тоже немногимъ отличалась отъ внутренности хаты зажиточнаго мужика, развѣ только липовымъ чистымъ поломъ, посыпаннымъ бѣлымъ, какъ сахаръ, кіевскимъ пескомъ. Таковой роскоши мнѣ не случалось видѣть не только у богатаго мужика, ниже у полупанка. Дубовый рѣзной сволокъ съ надписью, кѣмъ и въ которомъ году домъ сей построенъ, и такіе же рѣзные косяки у дверей и оконъ. Въ переднемъ углу образъ Почаевской Божіей Матери, а вмѣсто лампы теплилась простого желтаго воску свѣча; столъ, обыкновенной величины и фигуры, покрытъ неважнымъ килимомъ (ковромъ) и сверху какъ снѣгъ бѣлой скатерью. Вмѣсто стульевъ около стѣны широкая, чистая липовая лавы (скамьи); между окнами боковой стѣны небольшой столикъ съ фигурными ножками; на столикѣ лежатъ раскрытыя гусли съ изображеніемъ на внутренней сторонѣ крышки пляшущихъ пастушекъ и играющаго на флейтѣ пастушка. Надъ гуслиями въ почернѣвшей золотой рамѣ портретъ Богдана Хмельницкаго съ гетманскимъ гербомъ на фонѣ, окруженномъ какими-то буквами. Портретъ или, какъ матушка его называетъ, запорожець—стариннаго, но не хитраго письма. Надъ портретомъ длинная полка, уставленная большими и маленькими книгами въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ. Надъво отъ двери въ углу толстая неуклюжая печка изъ разрисованныхъ кафель, очень похожая на свою хозяйку, матушку Евдовію въ штэфной узорчатой сподницѣ и таковой же юпкѣ съ золотыми позументами. На нѣсколькихъ кафляхъ между цвѣтами и птицами нарисованы двуглавые орлы. Они мнѣ напомнили наивный рассказъ Конисскаго о такомъ же изобра-

¹⁾ Стр. 220—223.

женіи на кафлѣ, стоившей бѣдному хохлу пытки и жизни. Самое же лучшее украшеніе свѣтлицы отца Саввы, это — безукоризненная чистота и обаятельная свѣжесть“¹⁾).

Въ сорововыхъ годахъ, вернувшись изъ Петербурга, Шевченко нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Малороссіи, много странствовалъ по ней, гостилъ у своихъ новыхъ друзей; біографъ его рассказываетъ, что при этомъ тратилось время и на разгулъ, который былъ въ нравахъ, а въ извѣстномъ кругу даже въ особенной модѣ, — но было здѣсь мѣсто и болѣе серьезнымъ интересамъ. Шевченко, самъ выросшій на народной поэзіи и, между прочимъ, замѣчательно исполнявшій народныя пѣсни, занялся ихъ собираніемъ, а также изученіемъ народной старины, посѣщалъ мѣстности, гдѣ совершались историческія событія, между прочимъ, странствуя съ извѣстнымъ профессоромъ кіевскаго университета Иванішевымъ. Въ повѣстяхъ его отразились эти поиски народной старины и увлеченіе народной поэзіей.

Къ этой старинѣ онъ возвращается много разъ. Описывая малорусскій пейзажъ, онъ рассказываетъ о старыхъ могилахъ, разсыпанныхъ по южнымъ степямъ, о развалинахъ, оставшихся свидѣтелями историческихъ событій, о „казацкихъ церквахъ“ неприхотливой архитектуры, которыя строились наскоро въ буряхъ возстаній и непріятельскихъ нашествій. Первое мѣсто въ этихъ воспоминаніяхъ занимаетъ Кіевъ:

„Далеко, очень далеко отъ моей милой, моей прекрасной, моей бѣдной родины, — говоритъ Шевченко въ повѣсти, писанной въ ссылкѣ, — я люблю иногда, глядя на широкую, безлюдную степь, перенестись мыслью на берегъ широкаго Днѣпра и сѣсть гдѣ-нибудь, на примѣръ, въ Трахтемировѣ, подъ тѣнью развѣистой вербы, смотрѣть на позолоченную закатомъ солнца панораму, а на темномъ фонѣ этой широкой панорамы, какъ алмазы, горятъ переяславскіе храмы божіи, и одинъ изъ нихъ ярче всѣхъ сверкаетъ своею золотою головою: это — соборъ, воздвигнутый Мазепою. И много, много разныхъ событій воскресаетъ въ памяти моей, когда я воображаю себѣ эту волшебную панораму. Но чаще всего я лелѣю мое старческое воображеніе картинами золотоголаваго, садами повитаго и тополями увѣнчаннаго Кіева. И послѣ свѣтлаго непорочнаго восторга, навѣяннаго созерцаніемъ красоты твоей неуваждающей, упадетъ на мое осиротѣвшее старое сердце тоска, и я переносусь въ вѣка давно прошедшіе“²⁾).

1) Стр. 478—474.

2) Стр. 247.

Въ другомъ разказѣ передъ нимъ проходятъ воспоминанія прошедшей народной исторіи:

„Отъ береговъ тихаго Дона до кремнистыхъ береговъ быстро текущаго Днѣстра—одна почва земли, одна рѣчь, одинъ бытъ, одна фізіологія народа, даже и пѣсни однѣ и тѣ же, какъ одной матери дѣти. А минувшая жизнь этой кучки задумчивыхъ дѣтей великой славянской семьи не одинакова. На поляхъ Волыни и Подолія вы часто любуетесь живописными развалинами древнихъ массивныхъ замковъ и палатъ, нѣкогда великолѣпныхъ, какъ, на примѣръ, въ Острогѣ и Корцѣ... Что же говорятъ, о чемъ свидѣтельствуютъ эти угрюмые свидѣтели прошедшаго? О деспотизмѣ и рабствѣ! О хлопахъ и магнатахъ! Могила или курганъ на Волыни и Подолія — большая рѣдкость. По берегамъ же Днѣпра, въ губерніяхъ кievской, полтавской, вы не пройдете версты поля, не украшеннаго высокой могилой, а иногда и десяткомъ могилъ, и не увидите ни одной развалины на пространствѣ трехъ губерній“... ¹⁾).

По мнѣнію писателя, это объясняется тѣмъ, что бѣдныя, малосильныя Волынь и Подолія охраняли своихъ угнетателей въ неприступныхъ замкахъ и роскошныхъ палатахъ, а вольнолюбивая Украина не покорялась и наполняла, въ борьбѣ за свободу, могильные курганы своими и вражьими трупами. „Не напрасно грустны и унылы ваши пѣсни, задумчивые земляки мои! Ихъ сложила свобода, а пѣла тяжкая, одинокая неволя“.

Но авторъ не совсѣмъ вѣрно рѣшилъ „мрачную археологическую задачу“, на которую навелъ его видъ безчисленныхъ кургановъ его родины. Исторія этихъ памятниковъ старѣе самой Украины; она восходитъ въ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ, когда эти края заняты были племенами даже не-славянскаго рода.

Шевченко припоминаетъ съ удовольствіемъ и болѣе недавнюю старину малороссійскаго быта, и въ повѣсти „Близнецы“ рассказываетъ, на примѣръ, генеалогію сотника Никифора Сокиры, можетъ быть дѣйствительную генеалогію какого-нибудь малороссійскаго рода. Родословное древо восходило не далеко въ древность: начинателемъ рода былъ „голштинецъ“ Карпъ Сокира, вернувшійся въ родную Малороссію по кончинѣ Петра III, а послѣ вступившій въ казацкое воинство и казненный за сопротивление, когда это воинство начали обращать въ регулярную армію. Сынъ его

¹⁾ Стр. 498.

почувствовали охоту къ просвѣщенію, и мать свезла его въ кievскую бурсу.

„Опредѣливши въ бурсу, мать отдала его подъ надзоръ тогдашнему инспектору бурсы или академіи, отцу Діонисію Кушеѣ, старцу суровому и богобоязненному, а отдала она его для того подъ надзоръ, чтобы дитя малое не выучилось иногда воровству и разбойству. На бурсацкой скамьѣ, или на подольскомъ базарѣ подружился онъ съ знаменитыми вполѣдствіи Иваномъ Левандою, Григоріемъ Гречкою, и тогда уже философомъ Григоріемъ Сквородою, а больше ничѣмъ не ознаменовалась его бурсацкая жизнь. Учился онъ хорошо, а кончилъ тѣмъ, что когда однажды пріѣхали славные запорожцы на подворье свое въ Кіевъ провожать товарища своего Ермолу Кичку въ Межигорскій монастырь, и устроили брату своему приличное прощаніе со свѣтомъ, т.-е. закупили на Подолѣ горѣлку, разлили ее въ ушаты, и съ цеховою музыкою пошли торжественно въ Межигорье, потчуя встрѣчнаго и поперечнаго братскою горѣлкою изъ михайлыка, а прощавшійся со свѣтомъ братъ, знай себѣ, танцуетъ впереди музыкантовъ, то, прельстися такою прекрасною картиною, уже не совсѣмъ юный Ѳеодоръ Сокира, не долго думавши, прыгнулъ съ высокой стѣны Братскаго монастыря (ворота для такого случая были заперты) и присоединился къ запорожской братіи.

„Послѣ этого происшествія слѣдъ его оказался на великомъ запорожскомъ лугу, и въ числѣ запорожскихъ депутатовъ, вмѣстѣ съ Головатымъ, онъ является къ Екатеринѣ Великой, потомъ является на нецеремонномъ обѣдѣ у генерала Тевелія, и, по уничтоженіи низового запорожскаго войска, возвращается благополучно въ городъ Переяславль съ чиномъ капитана и правомъ потомственнаго дворянина“¹⁾.

Ѳеодоръ Сокира умеръ, когда сынъ его, Никифоръ, былъ еще ребенкомъ; въ счастію, о судьбѣ мальчика позаботился упомянутый Гречка, тогда переяславскій протопопъ, человекъ ученый и достойный. Подъ его руководствомъ самъ Никифоръ приобрѣлъ такія познанія, что читалъ Давида, Гомера и Горация въ подлинникѣ, а кромѣ того, познакомился и съ музыкой. Въ 12-мъ году юный Сокира пошелъ на войну, а вернувшись, поселился мирно въ своемъ хуторѣ, гдѣ его и узналъ авторъ. Сокира занялся хозяйствомъ и, посмотрѣвши въ заграничномъ походѣ нѣмецкаго сельскаго быта, ввелъ и у себя величайшій порядокъ и опрятность. Главная забота его обращена была на пасѣку—такъ

¹⁾ Стр. 142—143.

какъ пчеловодство есть самый невинный и безобидный промыселъ. Хуторъ Сокиры былъ полной чашей.

„Въ пасѣвѣ отражались та же чистота и порядокъ, что и въ домѣ. И какъ были встати тутъ Виргиліевы „Георгики“, которыя любилъ прочитывать Сокира, лежа подь соломеннымъ навѣсомъ. Ни одна душа во всемъ Переяславѣ не знала, что старый пасѣчникъ (его такъ прозвали за его тихій нравъ и медленную походку) читалъ въ подлинникъ Виргилія, Гомера и Давида. Примѣрная, удивительная скромность! Я самъ, будучи его хорошимъ пріятелемъ, часто гостилъ у него по нѣскольку дней и, кромѣ лѣтописи Конисскаго, не видалъ даже бердичевского календаря въ домѣ. Видѣлъ только дубовый шкафъ въ комнатѣ, и больше ничего. Лѣтопись же Конисскаго, въ роскошномъ переплетѣ, постоянно лежала на столѣ и всегда заставлялъ я ее раскрытою. Никифоръ Ѳедоровичъ нѣсколько разъ прочитывалъ ее, но до самаго конца ни разу. Все, всѣ мерзости, всѣ безчеловѣчія польскія, шведскую войну, Биронова брата, который у стародубскихъ матерей отнималъ дѣтей грудныхъ и давалъ имъ щенятъ кормить грудью для своей псарни—и это прочитывалъ, но какъ дойдетъ до голштинскаго полковника Крыжановскаго, плюнетъ, закроетъ книгу, и еще разъ плюнетъ“¹⁾.

Подъ стать ему была его жена, почтенная старушка, прекрасная хозяйка и добрая женщина. Въ молодости у нея были свои легкомысленные порывы; однажды случилось ей погостить у своихъ богатыхъ родственницъ, которыя только-что возвратились изъ Кіева и были чрезвычайно образованы. У нихъ она переняла высой лифъ, научилась удивительнымъ пѣсенкамъ, напр., какъ „стонеть голубокъ“, какъ „дубъ мой при долині“ какъ рекрутъ на часахъ“, какъ „пастушка купается въ прозрачныхъ струяхъ“, и т. п. Сокира понемногу далъ ей уразумѣть, насколько лучше ихъ старыя пѣсни, которыя онъ самъ умѣлъ прекрасно пѣть; а затѣмъ „ласками и насмѣшками онъ довелъ ее до того, что она сама стала смѣяться надъ стрекозинными таліями переяславскихъ панночекъ и по долгомъ размышленіи одѣлась въ національный свой костюмъ, въ величайшей радости своего мужа“.

Понятно, что этотъ человекъ умѣлъ высоко цѣнить и малорусскую народную поэзію, и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ съ негодованіемъ отвергать фальшивыя поддѣлки подь малорусскую народность.

¹⁾ Стр. 150.

„Ни одинъ профессоръ словесности въ мірѣ не прочитывалъ своей лекціи о значеніи, вліяніи и достоинствѣ народныхъ пѣсенъ такъ, какъ онъ. И съ какою глубокою любовью изучилъ онъ слова и мотивы нашихъ прекрасныхъ задушевныхъ пѣсенъ!

„— Да, говорилъ онъ: — послѣ этой трогательной, простой прелести нашихъ пѣсенъ, что значать уродливыя созданія современныхъ намъ романсовъ? Кромѣ безнравственности ничего болѣе.—И чрезвычайно деликатно коснулся пѣсенъ покойнаго своего учителя музыки, Сквороды. Онъ сказалъ:—Это былъ Диогенъ нашихъ дней, и еслибъ не сочинялъ онъ своихъ винегретныхъ пѣсенъ, то было бы лучше. А то, видите ли, нашлись и подражатели: хоть бы и князь Шаховской, или Котляревскій въ своей одѣ въ честь князя Куракина — сколокъ съ Сквороды. Только та разница, что учитель мой, какъ истинный философъ, никому не льстил“¹⁾!

Сотникъ Сокира и самъ авторъ еще разъ возвращаются въ тѣмъ извращеніямъ малорусской народности, какія бывали въ тогдашней литературѣ. Сотничихѣ случилось въ Лубнахъ, во время ярмарки, попасть въ театръ, гдѣ она увидѣла известную нѣкогда пьесу плодовитаго театральнаго писателя, князя Шаховского, „Козакъ-Стихотворецъ“; она была въ полномъ удовольствіи, не умѣя разобрать, что было въ пьесѣ фальшиваго, и по старому своему вкусу къ новѣйшимъ пѣсенкамъ и романсамъ. Но Сокира не могъ спокойно слушать этого.

„Никифору Ѳедоровичу страшно не понравился знаменитый „Козакъ-Стихотворецъ“. Онъ обыкновенно говорилъ, что это чепуха на двухъ языкахъ, и я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Никифора Ѳедоровича. Любопытно бы знать, что бы онъ сказалъ, еслибы прочиталъ „Малороссійскую Сафо“²⁾. Я думаю, что онъ выдумалъ бы какое-нибудь новое слово, потому что слово „чепуха“ для нея слишкомъ слабо. Мнѣ кажется, никто такъ внимательно не изучилъ безтолковыхъ произведеній философа Сквороды, какъ кн. Шаховской. Въ малороссійскихъ произведеніяхъ почтеннѣйшаго князя со всѣми подробностями отразился идіотъ Скворода, а почтеннѣйшая публика видитъ въ этихъ калѣвахъ настоящихъ малороссіянъ. Бѣдные земляки мои!..“³⁾.

Возвратимся еще къ изображенію характера этого сотника

¹⁾ Стр. 151.

²⁾ Пьеса того же кн. Шаховского.

³⁾ Стр. 185.

Сокиры, мнѣнія и взгляды котораго авторъ такъ часто раздѣляетъ.

„Во всѣмъ прекраснѣйшимъ качествамъ сотника Сокиры принадлежитъ еще наипрекраснѣйшее качество: онъ былъ въ высшей степени религіозенъ. Любимѣйшимъ его чтеніемъ былъ Новый Заветъ. Онъ всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ сознавалъ и глубоко чувствовалъ священные истины евангельскія. Каждое воскресенье и каждый праздникъ онъ ѣздилъ къ обѣднѣ съ женою въ соборный храмъ Благовѣщенія. вмѣстѣ съ прекрасной, гармонической архитектурой храма на него дѣйствовало и гнѣніе семинаристовъ. Но когда поставили въ храмъ новый иконостасъ, гармонія архитектуры исчезла, и онъ сталъ ѣздить къ обѣднѣ въ Успенскую церковь, въ ту самую, въ которой въ 1654 году далъ присягу Зиновій Богданъ Хмельницкій со всякаго чина народомъ на вѣрность московскому царю. Но когда возобновляли исторической памятникъ этотъ и изъ шести куполовъ уничтожили пять, экономіи ради, то онъ сталъ ѣздить къ Покрову. Церковь во имя Покрова, неуклюжей и безхарактерной архитектуры, воздвигнута въ знаменіе взятія Азова полковникомъ п—скимъ Мировичемъ, другомъ и соучастникомъ проклинаемаго Ивана Мазепы. Въ этой церкви хранится замѣчательная историческая картина кисти — можно думать — Матѣева, если не иностранца какого. Картина раздѣлена на двѣ части: вверху Покровъ Пресвятыя Богородицы, а внизу Петръ I съ Екатериной I, а вокругъ нихъ всѣ знаменитые сподвижники его, въ томъ числѣ и Мазепа, и ктиторъ храма во всѣхъ своихъ регаліяхъ.

„Прослушавши литургію, Сокира подходилъ къ образу Покрова и долго любовался имъ и рассказывалъ своей любопытной Парасковіи, кто такіе были за люди, подъ кровомъ Божіей Матери изображенные.

„Иногда онъ рассказывалъ съ такими подробностями про Даниловича (т.-е. Меншикова) и разрушенный Батуринъ, что Парасковья Тарасовна наивно спрашивала мужа: „за что она (т.-е. Божія Матерь) его покрываетъ?“¹⁾

Мы дольше остановились на изображеніи сотника Сокиры, потому что на немъ въ особенности отразились сочувствія писателя. Собирая черты настроенія, проникающаго повѣсти Шевченка, мы находимъ въ немъ страстнаго мѣстнаго патріота: любезная ему Украина рисуется его воображенію въ чарующихъ

¹⁾ Стр. 151—152.

картинахъ южной мягкой природы, съ простымъ мирнымъ бытомъ, съ увлекательной народной поэзіей, съ великими, слишкомъ часто мрачными, воспоминаніями и тяжелымъ настоящимъ, которыя наложили на ея обитателей печать грустной, лѣнливой задумчивости. Это прошлое своей родины писатель старался изучить не только въ книгахъ и въ живомъ народномъ преданіи, но и въ уцѣлѣвшихъ вещественныхъ памятникахъ: онъ разыскиваетъ мѣста славныхъ событій и осматриваетъ знаменитѣйшіе храмы; Кіевъ, религіозная и историческая святыня его родины, наполняетъ его возвышенными думами; безчисленныя „могилы“ Украйны кажутся ему именно памятниками борьбы ея за свою свободу. Народный бытъ и обычай, дорогіе какъ старыя завѣты предковъ, окружены для него поэтическою прелестью, и тѣмъ болѣе неприятно ему видѣть легкомысленныя отклоненія отъ этого завѣта и новыя моды, которыя уродливо портятъ простую задушевную старину и уничтожаютъ не только внѣшнія формы, но ея глубокую поэзію и ея нравственное содержаніе. Люди, живущіе по старинѣ, какъ сотникъ Сокира и много другихъ лицъ, изображенныхъ въ его повѣстяхъ, внушаютъ ему самую теплую симпатію; онъ нѣсколько разъ приводитъ примѣры, какъ эта искренняя, добродушная простота малорусскаго обычая привлекала даже совсѣмъ чужихъ людей, нѣмцевъ, которые подвѣнецъ предпочитали считать себя малороссіянами. Его бытовой идеаль—мирная сельская жизнь, обставленная украинскою природою и народнымъ обычаемъ; онъ нѣсколько разъ съ любовью описываетъ жизнь на хуторѣ среди трудовъ сельскаго хозяйства и особливо пчеловодства, которое есть въ особенности святое дѣло, потому что всего болѣе привязываетъ человѣка въ чистой природѣ и остается свободно отъ алчныхъ столкновеній съ другими людьми. Жизнь хуторянъ Шевченка есть настоящая аркадская идиллія, гдѣ хозяйственный трудъ соединяется съ тѣми удовольствіями, какія доставляетъ хорошая книга, задушевная бесѣда и музыка, особливо музыка народная. Къ сожалѣнію, эта мирная жизнь хутора, какъ и вообще народный бытъ, нарушается многими печальными явленіями. Во главѣ ихъ стояло въ тѣ времена крѣпостное право, ужасамъ котораго писатель специально посвятилъ нѣсколько своихъ поэмъ и рассказовъ; оно бывало источникомъ непоправимыхъ бѣдствій и страданій, и только разъ писателю удалось встрѣтить случай, гдѣ человѣкъ, крайне испорченный своей крѣпостной властью, исправился подъ вліяніемъ упornaго женскаго характера молодой дѣвушки, сильной, кромѣ своей красоты, только прямою своего сердца („Прогулка“).

Другая черта тогдашняго быта, вызывающая въ писателѣ неизмѣнную антипатію и даже отвращеніе, это—военщина николаевскихъ временъ, съ тѣми извращенными нравами ея, какіе созданы были господствующимъ тогда въ цѣломъ государствѣ милитаризмомъ, въ соединеніи съ крѣпостничествомъ, чиновническимъ притѣсненіемъ и всеобщимъ безправіемъ массы населенія („Близнецы“, „Прогулка“, „Княгиня“, „Наймичка“, „Калитанша“). Писатель съ горькимъ чувствомъ видѣлъ, какъ все это нарушало спокойную простоту малорусской жизни, все больше подавляло ея народныя особенности, выработанныя старой исторіей и дѣдовскими преданіями. Въ тѣ годы особеннымъ выраженіемъ подобнаго настроенія была извѣстная „Исторія Руссовъ“, ходившая въ рукописяхъ подъ именемъ знаменитаго архіепископа Конисскаго, но которая, какъ теперь доказано, на самомъ дѣлѣ никогда не была имъ написана. Настоящее происхожденіе этой книги не выяснено и до сихъ поръ; въ тѣ годы въ принадлежности ея Конисскому никто еще не сомнѣвался, вѣроятно, не сомнѣвался и Шевченко, и содержаніе этой книги, пронизанное чисто украинскимъ патриотизмомъ и, между прочимъ, любопытное сохраненными въ немъ легендарными преданіями, производило тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, когда было освящено именемъ знаменитаго, хотя, впрочемъ, больше бѣлорусскаго, чѣмъ малорусскаго, патриота.

Сотникъ Сокира, какъ мы видѣли, зачитывался этой исторіей—она была его настольной книгой.

Этой стороною своей русскія повѣсти Шевченко самымъ тѣснымъ образомъ связываются съ его малорусской поэзіей: въ этихъ безхитростныхъ разсказахъ отражается многое изъ его личнаго настроенія, которое находило несравненно болѣе высокую художественную форму въ его малорусской поэзии,—какъ въ этой послѣдней не однажды повторены тѣ самыя темы, какія мы встрѣчаемъ въ русскихъ повѣстяхъ.

Другой интересъ этихъ произведеній заключается въ ихъ автобіографическомъ значеніи. Цѣлая большая повѣсть („Художникъ“) передаетъ исторію его освобожденія и первыхъ лѣтъ жизни въ Петербургѣ, занятыхъ художественной школой, самообразованіемъ и первыми литературными опытами, русскими и малорусскими: кое-что здѣсь переименовано противъ дѣйствительности; но множество подробностей списано съ натуры, между прочимъ—внутреннее настроеніе самого Шевченка въ тѣ годы. Много автобіографическаго разсѣяно и въ другихъ повѣстяхъ („Музыкантъ“, „Прогулка“, и пр.).

Пребываніе въ Петербургѣ, въ его поздніе учебные годы,

доставило Шевченку другую область самых теплых сочувствій и привязанностей: онъ ярко выражены въ „Художникѣ“, и свѣтлыя воспоминанія объ этой порѣ, кажется, никогда не покидали его ¹⁾).

И позднѣе, по возвращеніи изъ ссылки, Шевченко встрѣтилъ самый радумный приѣмъ въ семействѣ тогдашняго президента академіи художествъ, графа Ѳ. П. Толстого ²⁾: Шевченко и умеръ въ стѣнахъ академіи. Эта привязанность понятна: тѣ годы были началомъ его свободы, его гражданской жизни, началомъ того образованія, которое дало сознательность его поэтическимъ мечтамъ и порывамъ и дало первую возможность его жизненнаго и историческаго дѣла.

Живя въ Малороссіи, Шевченко стремился, какъ мы видѣли, пополнить и расширить практическое знаніе своей родины: онъ учится у археологовъ, занимается этнографіей, присматривается къ народному быту и, наконецъ, много рисуетъ. Наслаждаясь южной природой и пейзажемъ, онъ постоянно вспоминаетъ великихъ старыхъ пейзажистовъ, и ему хочется закрѣпить въ рисункѣ характеръ этихъ картинъ родного края. Его странствія и рассказы перемежаются восторгами художника. Для примѣра приводимъ эпизодъ изъ его „Прогулки“ (стр. 477):

„Утро было прекрасное, и я, какъ Вальтеръ-Скоттъ, перебѣсилъ кожаную сумку съ карандашами и бумагой черезъ плечо и, вооружась походною дубиной, отправился къ пруду и мельницамъ. Пройдя прудъ и мельницы чрезъ плотину, я уединился въ молодую березовую рощу, что по ту сторону пруда, или, правильнѣе, Гнилого Тикича, и въ тѣни распускающихся деревьевъ, обаянныхъ самымъ свѣжимъ ароматическимъ дыханіемъ весны, предался созерцанію оживающей божественной природы. Для одного такого утра, думалъ я, безъ сожалѣнія можно оставить въ городѣ образованныхъ друзей и повалиться недѣлку-другую съ медвѣдями въ берлогѣ. Прогулки я возобновлялъ каждое утро, и каждое утро съ новымъ наслажденіемъ. Бывало, выйду изъ тѣнистой березовой рощи на свѣтлую поляну и по извилистой дорожкѣ подымусь на пригорокъ, сяду себѣ подлѣ креста (такіе кресты ставятся на возвышенностяхъ для знака о близости воды), достану изъ сумы карандашъ, бумагу и рисую себѣ широкую

¹⁾ Ср. воспоминанія объ академіи художествъ и о другѣ его Штерибергѣ, стр. 468—469, 476.

²⁾ См. воспоминанія объ этомъ времени г-жи Юнге, „Вѣстникъ Европы“, 1888, августъ, стр. 887 и дал.: „Воспоминанія о Шевченкѣ“.

прекрасную долину Гнилого Тикича, освѣщенную утреннимъ весеннимъ солнцемъ. Это были для меня самыя сладкія минуты, и тѣмъ болѣе сладкія, что панорама, лежавшая предо мною, живо напомнила мнѣ мастерской рисунокъ незабвеннаго мною Штернберга, сдѣланный имъ съ натуры, гдѣ-то въ Башкиріи.

„Когда солнце подыметъ надъ безконечнымъ горизонтомъ и широкія тѣни спрячутся за кусты и пригорки, тогда я бережно укладываю мою работу въ сумку и продолжаю свою прогулку въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ и вязовъ“ ...

А. Пыпинъ.

РЕЛИГИОЗНЫЯ СМУТЫ И ГОНЕНІЯ

отъ V до XVII в.

I.

Два разныхъ потока приобрътають, въ наше время, возрастающее вліяніе въ сферѣ мысли и жизни: научный, вступившій въ борьбу съ догматическими вѣрованіями, и религиозный, направленный къ ихъ защитѣ и къ возбужденію интенсивности церковной жизни. Съ одной стороны, успѣхи опытныхъ наукъ, разъяснивъ многое, что прежде казалось непостижимымъ, наводятъ на мысль, что самое понятіе о непостижимомъ преимущественно опиралось на одно наше невѣденіе, и что нельзя болѣе вѣрить тому, чему мы до сихъ поръ вѣрили. Съ другой стороны, практика жизни и всюду всколыхавшаяся подъ нами гражданская почва возвращають во многихъ мысль къ убѣжденію, что есть нѣчто, намъ недоступное на землѣ, нѣчто высшее, нѣчто болѣе насъ охраняющее и обезпечивающее, чѣмъ всѣ кодексы и всѣ изобрѣтенія, нѣчто исключительно уясняющее тайну нашего бытія,—и что это нѣчто именно заключается въ области нашихъ преемственныхъ вѣрованій. Движеніе двухъ потоковъ не одинаково. Первый течетъ ровно, спокойно, самоувѣренно, —отражая въ своихъ водахъ обрывы подмываемыхъ имъ береговъ догматики. Второй встрѣчаетъ препятствія на своемъ пути, задерживается, разбѣтвляется, потомъ озаряется внезапнымъ свѣтомъ, вновь соединяетъ

свои струи и оставляетъ за собою, въ обновленномъ видѣ, берега, подмытые другими потокомъ.

Христіанскій міръ, въ которомъ съ самыхъ началъ его исключительно сосредоточилось *поступательное* движеніе человѣческой мысли, представляетъ въ наше время—рядъ самыхъ противорѣчивыхъ явленій. Въ Римѣ, столицѣ Италіи, недавно, напримеръ, праздновалось съ торжественностью пятидесятилѣтіе священства верховнаго папья латинской церкви. Оно праздновалось при участіи представителей всего латинскаго міра и многихъ другихъ странъ; но король и правительство самой Италіи въ немъ не участвовали, подчиняясь временнымъ условіямъ политическаго свойства. Во Франціи, съ одной стороны, религіозные символы изгоняются изъ школъ, и отчужденіе государства отъ церкви официально признается; но, съ другой—вліяніе духовенства, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ свою силу въ средѣ сельскихъ и высшихъ классовъ населенія. Въ Германіи продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ упорная борьба между правительствомъ и латинскою церковью привела только къ утвержденію этой церкви въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась до начала борьбы. Между тѣмъ, среди евангелическо-лютеранской церкви возникла новая агитація, направленная къ созданію для нея болѣе независимаго положенія въ государствѣ и къ установленію въ ней самой—дѣльности и единства, противорѣчащихъ коренному началу протестантизма. Въ Англіи наступательныя дѣйствія диссентеровъ противъ государственнаго англиканства встрѣчаютъ съ его стороны усиленный отпоръ, и въ то же время латинская церковь продолжаетъ распространять кругъ своихъ послѣдователей, а близкое къ ней ритуалистическое движеніе не подавляется принятыми противъ него карательными мѣрами. Христіанство, такимъ образомъ, вездѣ поставлено, съ одной стороны, въ оборонительное положеніе и вновь какъ бы призывается оправдывать и отстаивать свои права господства въ мірѣ; а между тѣмъ христіанскія церкви по прежнему относятся неприязненно одна къ другой и какъ будто не сознаютъ своей солидарности въ виду враждебныхъ имъ силъ.

Впрочемъ, исторія христіанской церкви, въ ея совокупности, и христіанскихъ церквей, въ отдѣльности, не составляетъ въ наше время предмета тщательнаго изученія. Она вошла въ общій кругъ историческихъ дисциплинъ и даже между ними не занимаетъ почетнаго мѣста. Большинство образованныхъ людей менѣе точно и подробно знаетъ исторію вселенскихъ соборовъ, раздѣленія церквей и реформаціи, тѣмъ исторію пелопоннесской и пуни-

ческихъ войнъ, или римскихъ императоровъ, или открытія Америки, или войны за наслѣдство испанскаго престола. Между тѣмъ, многое въ нынѣшнемъ бытѣ церковей объясняется только предыдущими фазисами ихъ исторіи, и многое въ этой исторіи такъ тѣсно связано съ другими историческими событіями, что, въ виду ихъ, она какъ будто отходитъ на дальній планъ, или тѣми событіями заслоняется, или съ ними смѣшивается. Такимъ образомъ, въ нашей памяти сохраняются о нѣкоторыхъ фактахъ церковной исторіи только отрывочныя и недостаточно опредѣленныя представленія. Сюда относятся, между прочимъ, бывшія въ разныя времена и въ разныхъ странахъ гоненія за вѣру или изъ-за вѣры. Мы всѣ знаемъ, что такія гоненія происходили; мы помнимъ ихъ, такъ сказать, огульно, и помнимъ, въ отдѣльности, такія выдающіяся явленія, какъ испанскую инквизицію, тридцатилѣтнюю войну, правленіе герцога Альбы въ Нидерландахъ (и то, преимущественно, благодаря Шиллеру и Гёте) и варолюмеевскую ночь. Но относительно продолжительности, преемственности, размѣровъ, формъ и психологической основы религиозныхъ междоусобицъ, преслѣдованій и гоненій, мы, болѣею частью, ограничиваемся смутными и шаткими понятіями. Въ настоящемъ очеркѣ имѣется въ виду представить читателю одну сжатую хронику такихъ междоусобицъ, преслѣдованій и гоненій, съ половины V вѣка, — потому что тогда уже былъ рѣшенъ арианскій споръ и вселенскими соборами окончательно установлены коренныя христіанскіе догматы, — до конца XVII вѣка, — потому что отмена нантскаго эдикта была въ Европѣ послѣднею мѣрою жестокой религиозной нетерпимости, направленною противъ массъ безвиннаго населенія.

Психологическая основа междоусобицъ и гоненій заключалась въ изумительномъ сочетаніи христіанскихъ вѣрованій съ совершенно не-христіанскими способами распространенія и защиты этихъ вѣрованій. Въ наше время намъ продолжаютъ быть понятными твердость, самоотверженіе и, во многихъ случаяхъ, геройское мужество гонимыхъ. Гнетъ всегда усиливаетъ встрѣчаемое сопротивленіе, а въ дѣлахъ вѣры онъ возбуждаетъ чувства нравственнаго долга, ставитъ прямой вопросъ между земнымъ и горнимъ, и вызываетъ энтузіазмъ, доходящій до фанатизма. Напротивъ того, намъ трудно уразумѣть дѣйствія гонителей; трудно понять ихъ безчеловѣчную свирѣпость, не щадившую ни возраста, ни пола; ихъ изобрѣтательность по части пытокъ и казней, ихъ пренебреженіе къ нравственнымъ страданіямъ и ихъ равнодушіе при видѣ физическихъ мукъ. Мы достовѣрно знаемъ, что многіе изъ

нихъ были люди безукоризненные въ нравственномъ отношеніи, даже человѣколюбиво-благотворительные, притомъ искренно вѣровавшіе въ истину тѣхъ христіанскихъ началъ, которымъ ихъ звѣрская жестокость такъ явно противорѣчила. Единственное объясненіе этого противорѣчія можно находить въ извращеніи человѣческихъ чувствъ превратнымъ пониманіемъ своего долга, которое происходило отъ непреклонной суровости догматическихъ убѣжденій. Мысль, что внѣ рѣзко очерченнаго катехизическаго пути нѣтъ спасенія для души человѣка, лежитъ въ основаніи всѣхъ средневѣковыхъ религіозныхъ преслѣдованій и всѣхъ пытокъ и казней испанской инквизиціи. Эта мысль упрочилась уже въ первые вѣка христіанства. Бл. Августинъ утверждалъ, что если изъ двухъ дѣтей одной матери одинъ ребенокъ случайно умеръ до окрещенія, то его душа обречена на вѣчную погибель ¹⁾, а по другому поводу ставилъ вопросъ: *Что можетъ быть смертоноснѣе для души, чѣмъ свобода заблужденій* ²⁾? Въ пыткахъ и мучительныхъ казняхъ усматривали для еретиковъ ту пользу, что онѣ побуждали ихъ къ отреченію отъ ересей и какъ будто предоставляли для раскаянія льготный срокъ ³⁾. Постепенное смягченіе нравовъ постепенно смягчало и практическое примѣненіе догматическихъ взглядовъ; но они, тѣмъ не менѣе, долго сохраняли свою силу, и ихъ вліяніе отражалось въ проливаемыхъ потокахъ крови. Вѣротерпимость признавалась преступленіемъ противъ самой вѣры; преслѣдованіе—долгомъ вѣры и логическою необходимостью. Даже въ Англіи, въ царствованіе королевы Маріи, архіепископъ Гардинеръ и другіе богословы утверждали, что ученіе о свободѣ совѣсти основано на самомъ явномъ нечестіи, на равнодушіи къ какой бы то ни было вѣрѣ, и что изъ всѣхъ видовъ преслѣдованія, самый жестокой и кровожадный наиболѣе можетъ быть оправданъ, какъ наиболѣе дѣйствительный ⁴⁾. Тотъ же самый духъ нетерпимости господствовалъ и между пресвитеріанцами. „Папизмъ,—говоритъ Бакстеръ ⁵⁾,—магометанство, невѣріе и язычество суть пути къ вѣчной гибели (damnation); но свобода ихъ проповѣдывать и совращать есть способъ дѣлать изъ людей папистовъ, магометанъ, невѣрныхъ и язычниковъ; слѣдовательно, эта свобода есть путь къ вѣчной гибели людей“. Замѣчательны также отзывы Паскаля о младенцахъ, обреченныхъ

¹⁾ *Lecky*. History of rationalism in Europe. 4-th ed. I, 386.

²⁾ Quid est enim peior, mors animae, quam libertas erroris? (Ер. CLVI).

³⁾ *Lecky*, I. с. II, 34.

⁴⁾ *Hume*, History of England. Ed. 1840, 361, 362.

⁵⁾ Holy Commonwealth. 2 preface.

на такую погибель ¹⁾, и Ж.-Ж. Руссо и Чарльса Фокса — о невозможности согласовать вѣротерпимость съ крайними догматическими взглядами ²⁾.

Не безъ основанія сказано Граттаномъ, что совѣсть, стѣсняющая всякіе пороки, сама становится источникомъ пороковъ въ дѣлѣ религиозныхъ гоненій ³⁾.

II.

Послѣ эфесскаго собора 449 года, извѣстнаго въ исторіи подѣ наименованіемъ *разбойничьяго*, вслѣдствіе насилій, совершенныхъ предсѣдательствовавшимъ на немъ александрійскимъ архіепископомъ Діоскоромъ ⁴⁾, императоръ Маркіанъ, замѣнившій на византійскомъ престолѣ императора Феодосія, созвалъ въ Халкедонѣ законный вселенскій соборъ, бывшій по счету четвертымъ вселенскимъ. Всѣхъ отцовъ было на немъ до 630. Предсѣдательствовалъ Анатолій константинопольскій. Соборъ осудилъ дѣйствія Діоскора и его единомышленниковъ, низложилъ Діоскора, и по догматической части точнѣе опредѣлилъ вѣроученіе, противное несторіанству и восторжествовавшему на эфесскомъ соборѣ монофизитству. Послѣ собора императоръ издалъ строгіе законы относительно монофизитовъ. Приказано было всѣмъ при-

¹⁾ „Qu'y a-t-il de plus contraire aux règles de notre misérable justice que de damner éternellement un enfant incapable de volonté pour un péché où il paraît avoir eu si peu de part, qu'il est commis six mille ans avant qu'il fût un être? Certainement rien ne nous heurte plus rudement que cette doctrine, et cependant sans ce mystère le plus incompréhensible de tous, nous sommes incompréhensibles à nous-mêmes“ (*Pascal*, *Pensées*, III, 8).

²⁾ „Ceux qui distinguent l'intolérance civile et l'intolérance théologique se trompent à mon avis. Ces deux intolérances sont inséparables. Il est impossible de vivre en paix avec des gens qu'on croit damnés. Les aimer serait haïr Dieu qui les punit; il faut absolument qu'on les ramène ou qu'on les tourmente“ (*J. J. Rousseau*, *Contrat Social*, IV, c. 8).

„The only foundation for tolerance is a degree of scepticism, and without it there can be none. For if a man believes in the saving of souls, he must soon think about the means, and if by cutting off one generation he can save many future ones from hell, it is his duty to do it“ (*Lecky*, II, 10).

³⁾ „Conscience, which restrains every vice, becomes the prompter here“ (*Lecky*, II, 65).

⁴⁾ Собранныя имъ толпа ворвалась въ церковь, гдѣ засѣдалъ соборъ; начатые акты были изорваны, у писцовъ отбиты пальцы; патриархъ Флавіанъ и многіе епископы подверглись побоямъ и были выгнаны. Вслѣдъ затѣмъ Флавіанъ, по распоряженію Діоскора, былъ заключенъ въ оковы и претерпѣлъ такія жестокія истязанія, что чрезъ три дня умеръ.

нимать ученіе, опредѣленное халкедонскимъ соборомъ, а монофизитовъ ссылать въ заточеніе или изгонять: сочиненія ихъ сожигать, а за распространеніе ихъ казнить¹⁾. Такимъ образомъ, правительственная власть распространила на всѣхъ послѣдователей еретическихъ ученій дѣйствіе карательныхъ мѣръ, которымъ прежде подвергались основатели этихъ ученій и еретики духовнаго сана или званія. Епископы были низлагаемы, ссылаемы, заточаемы; пресвитеры и монахи были гонимы; борьба между враждебными партіями сопровождалась кровопролитіемъ; но религиозные раздоры, тѣмъ не менѣе, имѣли преимущественно характеръ междоусобиць. Со второй же половины V-го вѣка эти раздоры представляютъ общую черту съ прежними гоненіями, направленными противъ христіанъ языческими властями. Мѣсто единоличныхъ преслѣдователей заступаетъ огульное преслѣдованіе всѣхъ послѣдователей того или другого ученія, осуждаемаго, какъ во время иконоборческихъ распрей, правительственною властью.

Въ теченіе VI-го и VII-го вѣковъ церковныя смуты продолжались подъ видомъ монофизитской, а затѣмъ монофилитской ересей, по временамъ находившихъ себѣ поддержку или нѣкоторую терпимость въ средѣ самого правительства²⁾. Въ началѣ VIII-го, при императорѣ Львѣ Исаврянинѣ, началось гоненіе иконопочитателей. Въ 730-мъ году изданъ эдиктъ, которымъ повелѣвалось вынести иконы изъ храмовъ. Епископы, противившіеся этому распоряженію, низложены; мятежи, имъ возбужденные, подавлены силою; иконы выведены изъ церковнаго употребленія. Но, несмотря на жестокости императора, домашнее иконопочитаніе продолжалось.

По смерти Льва Исаврянина гоненіе иконъ было пріостановлено захватившимъ престолъ его зятемъ, Артабардомъ, но возобновилось еще съ бѣльшею силою при сынѣ Льва, Константинѣ Копронимѣ, который въ 743 году свергнулъ Артабарда съ престола. Въ 754 году онъ собралъ въ Константинополѣ соборъ, который назвалъ вселенскимъ. На соборѣ было 338 епископовъ. Онъ постановилъ, что иконопочитаніе есть идолопоклонство

¹⁾ Исторія христіанской церкви, Смирнова. 4-е изд., стр. 269; тамъ же, стр. 271.

²⁾ При императорахъ Василискѣ, Зенонѣ, Анастасіѣ, Юстиніанѣ (по вліянію императрицы Теодоры), Иракліѣ и Констансѣ II-мъ. При послѣднемъ папа Мартинъ былъ схваченъ въ церкви и привезенъ въ Константинополь вѣстѣ съ ревностнымъ защитникомъ православія Максимомъ Исповѣдникомъ. Мартинъ сосланъ въ Херсонесъ, гдѣ онъ умеръ съ голода, въ 655 г.; Максиму вырвали языкъ, отрубили руку и затѣмъ отправили въ ссылку на Кавказъ, въ землю лазовъ. Тамъ онъ умеръ въ 662 г. (*Исторія Церкви*, Смирнова, стр. 272—286).

и предалъ анаѳемѣ всѣхъ его защитниковъ, въ томъ числѣ особенно Іоанна Дамаскина. Опредѣленія собора приводились въ исполненіе съ необыкновенною жестокостью. Преслѣдованіе простиралось на домашнее иконопочитаніе, на почитаніе святыхъ и ихъ мощей и на монашескую жизнь; монахи были изгоняемы, а нѣкоторые изъ нихъ, открыто порицавшіе дѣйствія императора, были предаваемы мучительной смерти. Воля императора исполнялась вездѣ, кромѣ Рима ¹⁾.

Послѣ смерти Константина Копронима и его сына, Льва Хозара, вдова послѣдняго, императрица Ирина, управляя государствомъ въ малолѣтство его сына, Константина Порфиророднаго, возстановила иконопочитаніе, и въ 787 году созвала въ Никеѣ соборъ, на которомъ присутствовали 367 отцовъ. Хотя въ числѣ ихъ были и иконоборческіе епископы, но они составляли меньшинство и отреклись отъ иконоборства. Этотъ соборъ признается вторымъ никейскимъ и седьмымъ вселенскимъ. Однако же, при императорѣ Львѣ Армянинѣ, въ первые годы IX вѣка, иконоборство снова взяло верхъ. Возобновлялись прежнія гоненія, ссылки и разрушеніе монастырей. Почитаніе иконъ окончательно возстановлено только при императрицѣ Теодорѣ, управлявшей государствомъ во время малолѣтства сына, Михаила III-го, въ 842 году ²⁾.

Дальнѣйшія судьбы церкви на Востокѣ и Западѣ предопрѣдѣлились двумя главными историческими событіями: отдѣленіемъ западной латинской церкви отъ католической восточной, окончательно совершившимся въ XI вѣкѣ, — и постепеннымъ завоеваніемъ византійскаго Востока магометанами, завершеннымъ, въ 1453 году, паденіемъ Константинополя. Въ оборонительномъ, а затѣмъ въ угнетенномъ положеніи восточной церкви не было простора къ распространенію новыхъ ересей и къ религиознымъ преслѣдованіямъ. На Западѣ, между тѣмъ, постепенно упрочилась единоличная власть римскаго престола, утвердилось значеніе подчиненной папѣ церковной іерархіи и организовалась сильная духовная рать монашескихъ орденовъ.

Но церковная жизнь на Западѣ, въ XI—XV вѣкахъ, представляла, по выраженію нашего историка ³⁾ рядъ ненормальныхъ явленій. „Папы пользовались своею духовною властью только для приобрѣтенія мірскаго господства, и являлись не столько іерархами церкви, сколько деспотами, попиравшими всѣ законы нрав-

¹⁾ *Исторія Церкви*, Смирнова, стр. 287—290.

²⁾ Тамъ же, стр. 290—295.

³⁾ *Исторія Церкви*, Смирнова, стр. 478.

ственности и справедливости; епископы, также въ большинствѣ не отличавшіеся нравственностью, заботились только о мірскихъ интересахъ; клирики поражали своимъ невѣжествомъ и нравственною испорченностью; народъ, при отсутствіи всякаго знакомства съ истинами христіанства, погруженъ былъ въ суевѣрія. Словомъ, церковная жизнь на Западѣ приняла чувственное направленіе, и церковь, поэтому, представляла изъ себя не столько божественное учрежденіе, сколько человѣческое. Такое омірщеніе церкви въ людяхъ, дорожившихъ интересами религіи, возбуждало недовольство и протесты. Протесты нерѣдко доходили до того, что недовольные строемъ жизни въ господствующей церкви отдалялись отъ нея и образовывали самостоятельныя религіозныя общества... Но, вооружаясь противъ злоупотребленій въ господствующей церкви, отдѣлявшіеся отъ нея сами переступали границы дозволеннаго и становились сектантами“.

До конца XII вѣка карательныя мѣры, направляемыя противъ отпаденій отъ церкви, имѣли свойство временныхъ распоряженій и дѣйствій подлежащихъ властей. Они ограничивались единичными случаями, не принимая размѣровъ огульныхъ гоненій, ознаменовавшихъ позднѣйшія времена. Но учащеніе такихъ случаевъ привело къ органической системѣ преслѣдованія и подавленія всѣхъ сектаторскихъ движеній. Папа Иннокентій III установилъ инквизицію въ 1208 году: Григорій IX учредилъ въ 1232 г. инквизиціонный судъ и предоставилъ завѣдываніе имъ доминиканскому ордену, а Иннокентій IV, въ 1259 г., разрѣшилъ на судѣ употреблять пытки ¹⁾.

III.

Еще до формальнаго установленія инквизиціоннаго разбирательства дѣлъ о вѣроотступникахъ, Иннокентій III рѣшился принять крайнія мѣры къ уничтоженію распространившейся въ южной Франціи секты альбигенсовъ ²⁾. Онъ съ этою цѣлью отправилъ туда, въ 1198 г., легатовъ съ неограниченными полномо-

¹⁾ *Исторія Церкви*, Смирнова, стр 474, 475.

²⁾ Альбигенсы, или катары, назывались такъ отъ города Альбы, считавшагося ихъ центромъ. Ихъ ученіе было сходно съ ученіемъ восточныхъ павликіанъ и богомиловъ и не чуждо манихейскому дуализму. На таинства и на всю обрядовую сторону религіи они смотрѣли какъ богомилы. Они отвергали папство и іерархію и не придавали значенія ветхому завету. Въ жизни они были аскетами и признавали себя подъ непосредственнымъ водительствою св. Духа.

чіями. Но они не имѣли успѣха относительно обращенія сеятаторовъ, и одинъ изъ нихъ былъ убитъ въ 1208 году. Тогда Иннокентій поднялъ на альбигенсовъ крестовый походъ, подъ главнымъ предводительствомъ графа Симона Монфортовскаго. Его войско, составленное болѣею частью изъ отчаянныхъ разбойниковъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ опустошало владѣнія графа Тулузскаго, покровительствовавшаго сеятаторамъ. При взятіи одного города Безьера побито 20.000 человекъ обоаго пола и всѣхъ возрастовъ. При этомъ, папскій легатъ, цистеріанскій аббатъ Арнольдъ, въ виду нерѣшительности крестоносцевъ, опасавшихся вмѣстѣ съ еретиками умерщвлять и католиковъ, кричалъ имъ: „бейте всѣхъ! Господь распознаетъ своихъ“. При такомъ взглядѣ на дѣло и такихъ способахъ истребленія секты, она, наконецъ, была дѣйствительно почти уничтожена. Но ревность церкви озаботилась и мѣрами предосторожности на будущее время. На тулузскомъ соборѣ, въ 1239 году, были постановлены строгія правила относительно дальнѣйшаго разыскиванія и наказанія еретиковъ.

Одновременно съ альбигенсами существовала на югѣ Франціи еще другая, по общему направленію къ нимъ подходящая, но не столь многочисленная секта, извѣстная подъ наименованіемъ вальденсовъ. Ея основателемъ былъ ліонскій купецъ Петръ Вальда, который, по изгнаніи изъ Ліона, странствовалъ въ Италіи и Германіи и, наконецъ, поселился въ Богеміи, куда перешли и нѣкоторые изъ его разсѣявшихся послѣдователей. Вальденсы сначала не имѣли въ виду отдѣляться отъ господствующей церкви; но когда ліонскій архіепископъ запретилъ имъ евангельскую проповѣдь, а папа предалъ ихъ проклятію, хотя сами католики одобрительно отзывались о ихъ безукоризненно-нравственной жизни, — они стали въ прямую оппозицію къ церкви и отчасти примкнули къ каеарамъ. Переселившіеся въ Богемію стали, впоследствии, въ ряды гуситовъ.

Уничтоженіе ордена Рыцарей Храма (тамплиеровъ), при французскомъ королѣ Филиппѣ Красивомъ, было, въ сущности, событіемъ болѣе политическаго, чѣмъ религіознаго свойства. Главную цѣль составляло завладѣніе имуществомъ ордена. Но предлогомъ послужили возводимыя на него обвиненія въ отступничествѣ отъ христіанства, и какъ судъ, такъ и казни были облечены церковными формами. Папа Климентъ V, по настоянію короля, повелѣлъ въ 1308 г. произвести повсемѣстное слѣдствіе надъ членами ордена, а сенскій (Sens) архіепископъ, не ожидая результатовъ слѣдствія, предалъ постановленіемъ областного собора

великаго магистра Матвѣя Молей и 54 рыцарей смерти на кострѣ ¹⁾). Орденъ окончательно упраздненъ папскою буллою 22-го марта 1312 года ²⁾).

IV.

Никакая власть,—говоритъ англійскій историкъ Лекки,—ни какое человѣческое учрежденіе, не пролили столько безвинной крови, сколько римская церковь ³⁾). Дошедшія до насъ свѣденія о гоненіяхъ, предпринимаемыхъ ею въ разные времена и въ разныхъ странахъ, такъ неполны, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности составить себѣ хотя сколько-нибудь опредѣленное понятіе о числѣ жертвъ этихъ гоненій. Даже трудно приблизительно опредѣлить число жертвъ, причитающихся на долю правильно организованныхъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Лоранъ (Llorente), имѣвшій доступъ къ архивамъ инквизиціи въ Испаніи, утверждаетъ, что по ея приговорамъ сожжено болѣе 31.000 человѣкъ, и болѣе двухъ-сотъ тысячъ присуждено къ карамъ менѣе тяжкимъ, чѣмъ смертная казнь. Число казненныхъ въ испанскихъ владѣніяхъ въ Америкѣ, въ Сициліи и Сардиніи неизвѣстно. Въ Нидерландахъ казнено при Карлѣ V до 50.000, при Филиппѣ II — до 25.000. Но эти цифры еще не такъ краснорѣчиво повѣствуютъ о настроеніи духовныхъ властей, какъ постановленіе верховнаго инквизиціоннаго трибунала, 16-го февраля 1568 г., *присуждающее къ смерти всѣхъ обывателей Нидерландовъ, какъ еретиковъ*. Королевскою прокламаціей, состоявшеюся десятью днями позже, это постановленіе утверждено и послано къ исполненію. Въ трехъ строкахъ, такимъ образомъ, присуждались къ смертной казни три милліона людей безъ различія пола и возраста ⁴⁾). Но не одно число жертвъ инквизиціоннаго изуверства приводитъ въ ужасъ всякаго изъ насъ при мысли объ этомъ кровавомъ, цѣлымъ столѣтіи обнимающемъ прошломъ. Нужно еще вспомнить о варварской изобрѣтательности тогдашнихъ фанатиковъ по части пытокъ и казней, и о приданіи этимъ казнямъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вида торжества вѣры. Обреченныхъ на

¹⁾ Сохранилось преданіе, что Молей, передъ казнью, на кострѣ, призвалъ короля къ отвѣту предъ божіимъ судомъ въ годовой срокъ. Филиппъ действительно умеръ въ томъ же году.

²⁾ *Brockhaus*, XV (13 изд.).—*Ruthardt*: Chronik der Weltgeschichte, 384.

³⁾ *Lecky*, History of rationalism in Europe, II, 82.

⁴⁾ *Lecky*, II, 38. Онъ ссылается на *Motley*, Rise of the Dutch Republic, II, 155.

смерть иногда сожигали на кострѣ медленнымъ огнемъ. Въ Испаніи даже королевскія бракосочетанія праздновались публичными *auto-da-fé*. Въ 1680 году, въ Мадридѣ, по случаю бракосочетанія Карла II, всенародно преданы огню осужденные евреи обоого пола. Большая площадь была убрана въ видѣ амфитеатра. Король и королева присутствовали. Придворныя дамы были въ пышныхъ нарядахъ. Осужденные проходили мимо нихъ на пути въ кострамъ. Сохранилась память о молодой 17-лѣтней еврейкѣ, которая поразила всѣхъ своею красотою и обратилась къ королевѣ съ просьбою о милосердіи, ссылаясь на то, что она осуждена только за исповѣданіе вѣры отцовской и материнской. Королева ничего не отвѣтила, но отвела отъ нея глаза. Верховный инквизиторъ, епископъ Вальдаресь, былъ главнымъ распорядителемъ торжества, и въ мадридской картинной галереѣ память о немъ увѣковѣчена картиною работы Франциска Риччи ¹⁾.

При всей возмутительной свирѣпости гоненій, которыми ознаменовала себя латинская церковь, было бы, однакоже, весьма несправедливо ей одной приписывать духъ жестокой религіозной нетерпимости и порождаемая имъ преслѣдованія. Тотъ же самый духъ былъ свойственъ и протестантскимъ церквамъ. Различіе въ размѣрахъ и формахъ протестантскихъ гоненій преимущественно зависѣло отъ того, что протестантскому духовенству не принадлежали вліяніе и власть, которыми латинское духовенство могло пользоваться въ латинскихъ странахъ. Догматическое оправданіе, даже догматическая проповѣдь гоненій и насилій, одинаково встрѣчались какъ въ латинскомъ мірѣ, такъ и въ протестантскомъ. Кровь проливалась, *ad majorem Dei gloriam*, въ томъ и въ другомъ. Однимъ римскимъ папою одобрено избіеніе альбигенсовъ, другимъ торжественно принесено благодарственное молитвословіе за варооломеевскую ночь. Меланхтонъ и другіе протестантскіе богословы письменно выразили свое сочувствіе сожженію Сервета Кальвиномъ. Новсъ (Кнох) предпочиталъ нападеніе десяти тысячъ враговъ отслуженію, въ Шотландіи, одной латинской мессы.

Несправедливо было бы также не признавать великихъ заслугъ западной церкви въ предшествовавшіе гоненіямъ вѣка. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, — говоритъ Лекки, — благодатное вліяніе церкви обнаруживалось по всѣмъ направленіямъ. Язычество было подавлено, и случаи преслѣдованія по дѣламъ вѣры встрѣчались рѣдко. Наказаніе еретиковъ признавалось необходимымъ въ принципѣ; но ереси не возникали, или, по крайней мѣрѣ, не

¹⁾ *Lecky*, II, 116.

могли распространяться. Римское католичество совершенно соотвѣтствовало, въ то время, умственнымъ потребностямъ и общественному строю западной Европы ¹⁾. Оно не было деспотическимъ, потому что допускавшійся имъ просторъ мысли былъ на уровнѣ требованій времени. Церковь была не обособленнымъ органомъ, дѣйствовавшимъ въ видѣ одного изъ прочихъ элементовъ, другъ друга уравнивавшихъ властей, но всеобщей, всепроникающей силой, оживлявшею весь общественный строй. Въ то время образовалось типическое единство всѣхъ частей этого строя, которое впоследствии уже не восстанавливалось. Словія, гильдіи, феодальная система, монархизмъ, народные нравы, законы, научныя занятія, даже публичныя увеселенія, — все происходило отъ ученія церкви и ея представителей, все осуществляло понятія и взгляды духовенства, обнаруживало одинаковыя общія стремленія и представляло безчисленныя черты аналогическаго соотвѣтствія или согласія. Коренныхъ противорѣчій не встрѣчалось. Церковь была средоточіемъ христіанскаго міра; ея духъ проникалъ во всѣ круги обыденныхъ отношеній общественной жизни и придавалъ особыя оттѣнки даже тѣмъ учрежденіямъ, которыя имъ не были созданы. При такихъ условіяхъ не было простора для ересей. Особенности той или другой ереси могутъ зависѣть отъ личныхъ свойствъ и взглядовъ ея основателя; но успѣхъ и распространеніе еретическаго ученія, тѣмъ не менѣе, показываютъ, что въ данное время общее настроеніе мысли и степень твердости вѣрованій начинаютъ уклоняться отъ строя понятій и убѣжденій церкви. Пока церковь достаточно могущественна, чтобы образовать весь умственный бытъ вѣка и опредѣлять общую точку зрѣнія для обсужденія всѣхъ современныхъ вопросовъ, — ея авторитетъ безспоренъ. Она такъ вѣрно отражаетъ въ себѣ совокупность народныхъ понятій, что встрѣчающіяся частныя затрудненія не могутъ того авторитета поколебать. Средневѣковое католичество обладало этимъ могуществомъ въ болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ какая-либо организованная власть прежде или послѣ него. Оно сплотило разнородныя и анархическія элементы, оставшіяся на-лицо послѣ паденія римской имперіи, водворило въ христіанскомъ мірѣ понятіе о единствѣ, стоящемъ выше всѣхъ племенныхъ раздѣленій и различій, и понятіе о нравственныхъ началахъ, превосходящихъ начало грубой силы; оно замѣнило полное рабство крѣпостною зависимостью, предуготовило почву для свободы труда и создало коренныя основы новѣйшей

¹⁾ *Lecky*, II. 28 et seqq.

цивилизации. Католическая церковь своимъ вліаніемъ и при помощи своей превосходной организаціи способствовала возникновенію обширной сѣти политическихъ, муниципальных и общественныхъ учреждений, которыя дали значительную долю матеріала для позднѣйшаго образованія почти всѣхъ учреждений нашего времени.

Но такое положеніе дѣлъ могло быть только переходнымъ. Оно требовало подавленія всякой критической и спекулятивной дѣятельности человѣческаго ума. Оно опиралось на невѣрные понятія о міровыхъ событіяхъ и должно было разрушиться при распространеніи болѣе правильнаго на нихъ взгляда. Разрушеніе началось при возрожденіи наукъ и сопровождавшемъ его оживленномъ движеніи мысли. Съ этой поры католицизмъ, стремившійся къ невозможной въ сферѣ его вліанія *неподвижности*, обратился къ системѣ крутыхъ репрессивныхъ мѣръ для подавленія несоотвѣтствовавшихъ его взглядамъ движеній. Избіеніе альбигенсовъ и учрежденіе инквизиціи обозначаютъ начало новой эпохи.

V.

Строй римской церкви тогда рѣзко противорѣчилъ, какъ выше упомянуто, тѣмъ началамъ христіанства, которыя ею проповѣдывались. На сторонѣ іерархіи не было нравственныхъ силъ, и самая идея церковнаго единства, лежавшая въ основаніи главенства римскаго престола, была потрясена, въ концѣ XIV-го вѣка, такъ-называемымъ великимъ расколомъ. Наступилъ періодъ двоевластія (1379 г.), когда одинъ папа распорядился въ Римѣ, другой—въ Авиньонѣ. Въ эпоху констанцскаго собора (1414 и слѣд. гг.) даже три лица—Іоаннъ XXIII, Бенедиктъ XIII и Григорій XII—одновременно носили или присвоивали себѣ папскій титулъ ¹⁾. Весьма естественно, что недовольство возрастало между мірянами, и всюду подготавлилась почва для частныхъ попытокъ такихъ реформаторовъ, которые, по своимъ личнымъ свойствамъ, были способны вліять на массы и увлекать ихъ за собою.

Во второй половинѣ XIV-го вѣка англійскій богословъ, Джонъ Виклефъ, началъ распространять ученіе, сперва направленное противъ злоупотребленій монашества, но потомъ доведенное до непризнанія авторитета преданія и значенія священства и до отрицанія существенныхъ католическихъ догматовъ. Надъ нимъ былъ

¹⁾ Schlosser, Weltgeschichte, IX, 160 и сл.

назначенъ судъ, и его сочиненія признаны еретическими; но лично онъ не подвергался карѣ, потому что король Ричардъ II, при тогдашнихъ натянутыхъ отношеніяхъ Англіи къ римской куріи, счелъ удобнымъ защитить его отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Послѣдователей Викалефа называли *ломардами*. Его мысли пустили корни не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ, особенно въ Богеміи, гдѣ съ его сочиненіями познакомился профессоръ богословія въ пражскомъ университетѣ, Іоаннъ Гусъ. Но Гусъ, возставая противъ злоупотребленій римской церкви, не отрицалъ, подобно Викалефу, существенныхъ религіозныхъ догматовъ. Главнымъ предметомъ его желаній, еще до ознакомленія съ мыслями Викалефа, было причащеніе мірянъ подъ обоими видами и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Впослѣдствіи, онъ и его другъ Іеронимъ Пражскій пошли далѣе. Они стали рѣшительно высказываться противъ римской церкви и въ духѣ Викалефа отзывались о главенствѣ папы. Когда въ 1412 году папа Іоаннъ XXIII, устраивая крестовый походъ противъ своихъ враговъ, прислалъ въ Богемію буллу съ полными индульгенціями для крестоносцевъ; Гусъ возсталъ противъ нея въ своихъ проповѣдяхъ, а Іеронимъ Пражскій публично сжегъ буллу. Въ 1413 г. послѣдовала новая булла съ отлученіемъ Гуса отъ церкви и интердиктомъ на Прагу ¹⁾. Но богемцы стали рѣшительно высказываться за Гуса и противъ римской церкви. Между тѣмъ открылся констанцскій соборъ, и такъ какъ Гусъ еще прежде издалъ апелляцію къ вселенскому собору, — его потребовали въ Констанць. Императоръ Сигизмундъ далъ ему охранную грамоту. Но, несмотря на эту грамоту, Гусъ былъ заключенъ въ тюрьму и послѣ семи-мѣсячнаго заключенія осужденъ какъ еретикъ и погибъ на крестѣ 6-го іюля 1415 года. Той же участи подвергся, 30-го мая слѣдующаго года, Іеронимъ Пражскій, сперва отрешившійся отъ мнѣній Гуса подъ страхомъ осужденія, но затѣмъ отказавшійся отъ своего отреченія. Оба выдержали казнь съ геройскимъ мужествомъ и умерли, вознося среди пламени молитвенныя пѣсни ²⁾. Констанцскіе костры не только не прекратили реформаторскаго движенія въ Богеміи, но придали ему свойство всеобщаго возстанія противъ римской церкви. Послѣдователи Гуса, именовавшіеся *гуситами*, ввели у себя причащеніе мірянъ подъ обоими видами, и когда констанцскій соборъ призналъ такое причащеніе еретическимъ, — рѣшились оружіемъ защищать свои убѣж-

¹⁾ *Смирновъ*, Исторія церкви, 481.

²⁾ *Schlosser*, Weltgeschichte, IX, 156—158. Brockhaus. IX.

денія. Къ нимъ пристало большинство дворянъ и гражданъ, и почти вся Богемія поднялась противъ латинства. Первымъ предводителемъ гуситовъ былъ *Иоганъ Жишка* (*Ziska*), а послѣ него — два *Прокопа* (*Большой* и *Малый*); кровопролитная, всѣми ужасами полуварварской войны сопровождавшаяся борьба продолжалась цѣлое двадцатилѣтіе ¹⁾. Гуситы нѣсколько разъ отбивали предпринимавшіеся противъ нихъ походы и своими набѣгами опустошали сопредѣльныя съ Богеміей нѣмецкія земли. Рѣшительное пораженіе нанесено имъ только въ 1434 году, при Богемскомъ-Бродѣ, когда оба Прокопа пали и почти вся гуситская рать была истреблена. Какого свойства была эта война, достаточно усматривается изъ двухъ эпизодовъ ея заключительнаго фазиса. При снятіи осады Пильзена, въ апрѣлѣ 1434 года, Прокопъ Большой сжегъ свой собственный лагерь и въ немъ своихъ же раненыхъ и больныхъ; а послѣ битвы при Богемскомъ-Бродѣ пильзенскіе граждане заперли въ сараяхъ и въ нихъ сожгли тысячу члвкъ плѣнныхъ ²⁾. При такихъ приемахъ понятно, что гуситы сошли съ исторической сцены. Впослѣдствіи, около 1450 г. остатки ихъ образовали, на радикально измѣненныхъ основаніяхъ, небольшую общину подъ наименованіемъ „богемскихъ и моравскихъ братьевъ“. Они тогда старались только устроить свою жизнь въ тиши уединенія, сообразно съ началами евангельскаго ученія, и въ нихъ трудно было узнать преемниковъ тѣхъ воинствовавшихъ гуситовъ, которые огнемъ и мечомъ цѣлый рядъ годовъ опустошали окраины Силезіи, Бранденбурга, Саксоніи и Баваріи.

Вскорѣ реформаторское движеніе проявилось въ самой Италіи. Доминиканскій монахъ, Иеронимъ Савонарола, уроженецъ города Феррары, переведенный во Флоренцію по ходатайству Лоренцо Медичи, выступилъ въ 1490 году въ качествѣ проповѣдника реформатора. Назначенный въ слѣдующемъ году пріоромъ монастыря Санъ-Марко, онъ началъ съ кафедръ обличать развращеніе современныхъ нравовъ въ средѣ общества и духовной іерархіи, не щадя папства и не стѣсняясь покровительствомъ, первоначально оказаннымъ ему со стороны Медичи. Замѣчательно, что

¹⁾ Гуситы распались на два главныхъ вида: *таборитовъ* (отъ горы Таборъ, или Озаворъ, на которой первоначально укрѣпился Жишка), дошедшихъ до фанатическаго ожесточенія противъ римской церкви и требовавшихъ отмены всѣхъ существенныхъ ея обрядовъ; и *каликстиковъ* (отъ *calix*), или *утраквистовъ*, довольствовавшихся причащеніемъ подъ двумя видами (*sub utraque specie*), проповѣдью на родномъ языкѣ и реформою клира. Ультра-демократическій элементъ господствовалъ между ними, особенно между таборитами.

²⁾ *Schlosser, Weltgeschichte, IX, 231.*

Савонарола принадлежалъ къ тому самому ордену, которому было вѣрено попеченіе о дѣятельности инквизиціи, и что онъ, по распоряженію этого ордена, былъ переведенъ во Флоренцію. Замѣчательно также, какъ признакъ подготовленности общественной среды къ свойству его проповѣди, что онъ могъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ Рима продолжать ее безпрепятственно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ подавалъ собою примѣръ строгой монашеской жизни, проповѣдывалъ возстановленіе нравственности силою вѣры, благодати и правильныхъ церковныхъ порядковъ, и поражалъ воображеніе своихъ слушателей пророчествами, относившимися, впрочемъ, болѣею частію до ближайшихъ и по обстоятельствамъ неизбѣжныхъ событій. Обладая увлекательнымъ краснорѣчіемъ, Савонарола вскорѣ пріобрѣлъ неограниченное вліяніе на народъ и сдѣлался, по смерти Лоренцо Медичи и изгнаніи сына его Піетро, полномочнымъ повелителемъ во Флоренціи. Но онъ не ограничился призваніемъ церковнаго реформатора и, устроивъ деспотическое правленіе на полу-теократическихъ, полу-демагогическихъ началахъ, вскорѣ возбудилъ противъ себя высшіе слои мѣстнаго населенія. Папа Александръ VI воспользовался этимъ и въ 1497 году отлучилъ его отъ церкви. Савонарола былъ въ томъ же году арестованъ, преданъ суду, осужденъ какъ еретикъ и обольститель народа, и 20-го мая 1498 года, вмѣстѣ съ двумя монахами, его главными сподвижниками, сперва удавленъ, а потомъ сожженъ на костре¹⁾.

Такимъ образомъ, ни альбигенсы, ни гуситы, ни Виглефъ, ни Савонарола, не потрясли на Западѣ владычества римской церкви. Но время сильнаго потрясенія этого владычества было уже близко.

VI.

31-го октября 1517 года, августинскій монахъ, *Мартинъ Лютеръ*, прибилъ къ дверямъ виттенбергской замковой церкви свои знаменитые 95 тезисовъ, съ объявленіемъ готовности защищать ихъ публично противъ всякаго спора. Великому реформаціонному движенію XIV-го вѣка было въ этотъ день положено прочное начало и данъ безповоротный ходъ.

Подробности послѣдовательныхъ фазисовъ реформаціи не могутъ входить въ кругъ настоящаго очерка. Его цѣль—не столько перечень событій, сколько перечень жертвъ, которыми они сопро-

¹⁾ *Смирновъ. Исторія церкви.—Schlosser. Weltgeschichte, IX. Brockhaus, XVI.*

воздались. Прямымъ или, точнѣе, окончательнымъ поводомъ къ взрыву возстанія противъ римской куріи былъ декретъ папы Льва X о выпускѣ индульгенцій на покрытие издержекъ по сооружеиію собора св. Петра. Лютеръ возсталъ противъ продажи индульгенцій и противъ другихъ злоупотребленій церковной власти. Черезъ годъ послѣ того (1579), такимъ же образомъ возсталъ противъ индульгенцій и, вмѣстѣ, противъ нѣкоторыхъ латинскихъ вѣроченій *Цвингли*, въ Цюрихѣ, а нѣсколькими годами позже—*Кальвина*, въ Женевѣ. Тезисы Лютера и учения Цвингли и Кальвина быстро распространились въ Германіи и Швейцаріи и привлекли къ нимъ многочисленныхъ и горячихъ послѣдователей. Различія этихъ ученій (понятія объ эвхаристіи Цвингли и Кальвина и теорія предопредѣленія Кальвина) немедленно раздѣлили отщепенцевъ отъ римской церкви на два стана (нынѣшнихъ лютеранъ и реформатовъ). Главныя силы охватившаго центральную Европу движенія сосредоточились въ рукахъ Лютера.

Папскій престолъ на первыхъ порахъ имѣлъ надежду подавить означенное движеніе авторитетными мѣрами. Но эта надежда не оправдалась. Чѣмъ рѣшительнѣе становились распоряженія римской куріи, тѣмъ смѣлѣе и упорнѣе оказывалось сопротивленіе Лютера. Онъ пошелъ гораздо далѣе, чѣмъ самъ первоначально предполагалъ идти, и силою обстоятельствъ былъ вынужденъ вывести практическія послѣдствія изъ своихъ виттенбергскихъ тезисовъ. Стремленіе къ церковной реформѣ и отпаденію отъ Рима встрѣтило сильное сочувствіе въ разныхъ слояхъ народа и поддержку со стороны нѣкоторыхъ германскихъ владѣтельныхъ князей. Отлученный папскою буллою отъ церкви, Лютеръ предсталъ, въ 1521 г., по требованію императора Карла V и подъ защитою охранной отъ него грамоты, на рейхстагѣ въ Вормсѣ, и тамъ твердо отстаивалъ свои мнѣнія. Когда его противники напомнили императору, что охранная грамота въ Констанцѣ не спасла Гуса, Карлъ V отвѣчалъ: „я не намѣренъ краснѣть вмѣстѣ съ Сигизмундомъ“.

Къ религіозному движенію присоединилось аграрное. Понятіе о свободѣ вѣры пробудило понятія о свободѣ гражданской. Жестоко угнетенное сельское населеніе во многихъ мѣстностяхъ возстало противъ своихъ феодальныхъ притѣснителей. Нѣкоторые рыцари ¹⁾ стали на его сторону. Но опустошенія, производимыя

¹⁾ Между ними сдѣлались полу-легендарными: Францъ *Сиккингенъ*, павшій съ оружіемъ въ рукахъ въ 123 году, и Ульрихъ *Гуттенъ*, избравшій девизомъ: „я держу“ (*ausus sum*); онъ умеръ скитальцемъ въ Цюрихѣ, на 36-мъ году жизни.

мятежами и звѣрства мятежниковъ ¹⁾, вызвали противъ нихъ дружныя усилія правительственныхъ властей, и рядъ мятежей, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ крестьянской войны (Bauernkrieg), былъ подавленъ силою, при употребленіи казней не менѣ звѣрскихъ, чѣмъ поступки самихъ мятежниковъ. Лютеръ никогда не одобрялъ аграрнаго возмущенія и не оказывалъ ему никакой поддержки.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ и, съ нѣкоторыми промежутками, болѣе столѣтія продолжавшихся кровопролитіяхъ примѣсъ политическаго элемента замѣнила примѣсъ аграрнаго. Интересы германскихъ государей, принявшихъ новыя ученія, интересы рыцарскаго и городскихъ сословій, а затѣмъ и самые результаты возгоравшихся войнъ, повліяли на ихъ продолженіе или возобновленіе до самаго вестфальскаго мира, заключеннаго въ 1648 году. Но главнымъ двигателемъ событій, тѣмъ не менѣ, оставалась перешедшая вскорѣ за предѣлы Германіи и Швейцаріи бѣрба между латинскою церковью и послѣдователями Лютера, Цвингли, Кальвина и примкнувшихъ къ нимъ во Франціи, Великобританіи, Нидерландахъ и Швейцаріи вожаковъ церковной реформы.

VII.

Первыми открыто стали на сторонѣ Лютера курфирстъ саксонскій Іоаннъ, ландграфъ гессенскій Филиппъ, маркграфъ бренденбургскій и герцогъ прусскій Альбрехтъ, герцоги брауншвейгскій и мекленбургскій, князь Ангальтъ, графы Мансфельдъ и городъ Магдебургъ. Они заключили союзъ въ Торгау (1526 г.) противъ составившихъ католическую партію трехъ курфирстовъ духовнаго сана, баварскихъ герцоговъ Вильгельма и Людвигъ, и саксонскаго герцога Георга. Вооруженнаго столкновенія на первыхъ порахъ не послѣдовало, потому что императоръ Карль V былъ занятъ войною съ Францискомъ I и принятіемъ мѣръ противъ опасностей, угрожавшихъ со стороны турокъ. Но во владѣніяхъ партіи реформы, называемой евангелическою, практически осуществлены главныя начала Лютерова ученія. Монастыри упразднены; отмѣнено безбрачіе духовенства; введены прича-

¹⁾ Между прочимъ, они казнили захваченныхъ въ плѣнъ рыцарей *пропаниемъ* *скозь коня*. Такимъ образомъ, медленно заколотъ, при звукѣ флейтъ, графъ *Гельфентейнъ*, въ присутствіи его жены, которая, съ двухлѣтнимъ сыномъ на рукахъ, тщето молила о пощадѣ. Одинъ изъ мятежниковъ даже нанесъ ребенку ударъ копьемъ въ грудь (*Ruthardt, Chronik, 400*).

щеніе подь двумя видами и проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ, а также повсемѣстно распространялся Лютеровъ переводъ Новаго Завета, напечатанный въ 1529 году.

Между тѣмъ повторялись попытки къ прекращенію смуты, или къ соглашенію противныхъ сторонъ. На первомъ шпейерскомъ рейхстагѣ, въ 1526 году, католики безуспѣшно домогались исполненія вормскаго эдикта объ изгнаніи Лютера изъ предѣловъ имперіи. На второмъ, тремя годами позже, рѣшено отложить разбирательство догматическихъ вопросовъ до предложеннаго обоими рейхстагами общаго собора, но зато отмѣнить право князей имперіи управлять духовными дѣлами въ своихъ владѣніяхъ. Евангелическая партія протестовала, и отъ ея протеста произошло наименованіе „протестантовъ“, усвоенное всѣмъ послѣдователямъ новыхъ противо-латинскихъ ученій. Въ слѣдующемъ году (1530), на рейхстагѣ въ Аугсбургѣ, Лютеръ и его главный сподвижникъ, Меланхтонъ, представили рядъ пунктовъ или положеній, въ которыхъ ихъ ученія были опредѣлительно формулированы. Эти пункты, или такъ-называемое „аугсбургское исповѣданіе“, составили коренную основу доктринъ лютеранской церкви; но швейцарскіе цвинглисты къ тому исповѣданію не пристали, по его несогласію со взглядами Цвингли. Въ Швейцаріи возгорѣлась война между кантонами, гдѣ преобладало вліяніе Цвингли, и кантонами, оставшимися на сторонѣ латинства. Послѣдніе одержали, въ 1531 году, рѣшительную побѣду при Раппелъ; самъ Цвингли палъ въ битвѣ, и его приверженцы впоследствии применили къ женеvскимъ кальвинистамъ ¹⁾. Въ томъ же 1531 году протестантскія государства и десять городовъ заключили оборонительный союзъ, извѣстный подъ наименованіемъ смальвальденскаго. Но до смерти Лютера (1546) не представилось надобности прибѣгнуть къ вооруженной оборонѣ. Католики не могли рассчитывать на помощь императора, по прежнему озабоченнаго другими дѣлами.

Между тѣмъ въ Вестфаліи возникла новая религіозная смута. Перешедшіе изъ Нидерландовъ анабаптисты возстановили чернь въ городѣ Мюнстерѣ и предавались тамъ всякаго рода неистовствамъ (1534 и 1535 г.). Мюнстерскій епископъ и ландграфъ гессенскій только послѣ долгой осады вновь овладѣли городомъ и предали жестокимъ казнямъ главныхъ вожаковъ бунта.

Послѣ мира съ Франціей, заключеннаго въ Креспи (1544),

¹⁾ *Draper*, Исторія умственнаго развитія Европы (переводъ Пыпина). II, 183, 184.—*Ruthardt*, Chronik, etc. 397—413.

императоръ предпринялъ, въ союзѣ съ папой, покореніе протестантовъ. Началась таѣь-называемая смалькальденская война, продолжавшаяся, съ промежутками и перемѣнными успѣхами, до пассаускаго договора (1522) и аугсбургскаго мира (1555), обезпечившихъ протестантамъ свободу вѣроисповѣданія. Бѣдствія войны пали на протестантскіе города и земли, въ особенности на Саксонію. Послѣ взятія Виттенберга, при помощи испанскихъ войскъ, герцогъ Альба предложилъ императору приказать вырыть изъ могилы погребеннаго тамъ Лютера и сжечь останки еретика. Карлъ V отвѣчалъ, что ведетъ войну съ живыми, а не съ мертвыми, и самъ посѣтилъ могилу.

Между тѣмъ, Кальвинъ господствовалъ въ Женевѣ и оберегалъ суровыми мѣрами свое суровое ученіе о предопредѣленіи. Въ 1550 году, по его настоянію, сожженъ на костре, обвиненный въ разныхъ ересяхъ, испанскій врачъ и богословъ, Михаилъ Серветъ. Изъ Женевы кальвинисты распространились во Франціи и Нидерландахъ, а затѣмъ и въ Англіи и Шотландіи.

VIII.

Черезъ годъ послѣ аугсбургскаго мира, императоръ Карлъ V отрекся отъ престола и передалъ своему брату Фердинанду (I) германскую корону и габсбургскія владѣнія, а сыну Филиппу (II), вмѣстѣ съ испанской короной, Нидерланды и всѣ владѣнія въ Бургундіи (Franche-Comté), Италіи и Америкѣ. Управление Нидерландами перешло, при номинальномъ намѣстничествѣ сестры Филиппа, Маргариты Пармской, въ руки ея совѣтника, арраскаго епископа, впослѣдствіи кардинала Гранвеллы. При немъ усилилось жестокое преслѣдованіе протестантовъ въ духѣ испанской инквизиціи, которое началось еще при Карлѣ V и, наконецъ, привело къ отпаденію Нидерландовъ отъ испанской короны. О казняхъ, которыми преслѣдованіе сопровождалось, уже было передъ этимъ упомянуто.

Нидерландскія области, или „штаты“, находились въ цвѣтущемъ положеніи, благодаря своей производительной и торговой дѣятельности и особымъ правамъ, которыя имъ были предоставлены. Въ то время въ нихъ насчитывалось до 350 городовъ и 6.300 мѣстечекъ или значительныхъ поселковъ. Штаты дорожили и гордились своимъ политическимъ устройствомъ, учрежденіями и привилегіями. Нарушеніе этихъ привилегій усилило волненіе, возбужденное религіознымъ гоненіемъ. Вслѣдствіе принесен-

ныхъ Филиппу жалобъ, Гранвелла былъ отозванъ въ 1564 году; но эдикты, изданные противъ еретиковъ, не отмѣнены, и постановленія тридентинскаго собора (1545 — 1563), окончательно опредѣлившаго латинскіе догматы, признаны имѣющими въ Нидерландахъ безусловно обязательную силу. Сопротивленіе католическому гнету возрастало тѣмъ съ большимъ единодушіемъ, что между сословіями не было розни. Принцъ Вильгельмъ Нассау-Оранскій (Молчаливый) и любимецъ народа, графъ Эгмонтъ, стали во главѣ движенія. Они старались его сдерживать въ законныхъ предѣлахъ, но не могли предупредить (1506) бунта черни, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опустошила церкви и предалась разнымъ неистовствамъ. Бунтъ былъ подавленъ вооруженною силой, и принцъ Оранскій увидѣлъ себя вынужденнымъ оставить край. Его примѣру послѣдовало нѣсколько тысячъ обывателей купеческаго и ремесленнаго званія, которые переселились въ другія страны, преимущественно въ Англію. Тогда Филиппъ отправилъ въ Нидерланды 20.000 испанскаго войска, подъ начальствомъ герцога Альбы, вскорѣ замѣнившаго, въ званіи намѣстника, не сочувствовавшую его жестокости герцогиню Маргариту.

Настала эпоха кровожаднаго гоненія. Костры, четвертованіе, вѣшаніе, обезглавленіе, стали ежедневными событіями. Въ 1568 г. были казнены обезглавленіемъ графы Эгмонтъ и Горнъ и 20 другихъ членовъ рыцарскаго сословія.

Но пламя не заливалось кровью. Въ 1572 году вспыхнуло новое, болѣе общее, возстаніе, подъ руководствомъ возвратившагося принца Оранскаго. Борьба продолжалась съ переменными успѣхами и сопровождалась свирѣпыми проявленіями обоюднаго ожесточенія. Англійская королева Елисавета оказала помощь протестантамъ. Герцогъ Альба былъ отозванъ (1573); но его менѣе жестокіе преемники, донъ Цунига Реквезенсъ, донъ Жуанъ Австрійскій и Александръ Фарнезе, успѣли удержать за испанской короной только южные штаты (нынѣшнюю Бельгію), гдѣ преобладало католическое населеніе. Семь сѣверныхъ штатовъ образовали особый союзъ (извѣстный подъ наименованіемъ утрехтской уніи), избрали наслѣдственнымъ правителемъ (статсгудеромъ) принца Оранскаго и въ 1581 году объявили себя независимыми отъ Испаніи ¹⁾.

¹⁾ *Ruthardt, Chronik, etc. 414 et seqq.*

IX.

Съ 1618 года начался рядъ войнъ, извѣстный подъ общимъ наименованіемъ тридцатилѣтней войны. Въ первой половинѣ этого періода главнымъ мотивомъ и двигателемъ событій была борьба между католичествомъ и протестантами. Во второй, вслѣдствіе вмѣшательства Швеціи, а потомъ и Франціи, какъ противниковъ габсбургскаго императорскаго дома, преобладала примѣсь политическихъ элементовъ. Тридцатилѣтняя война, такимъ образомъ, распадается на четыре, другъ отъ друга различаемыя, войны: 1) богемско-пфальцскую (1618 — 1623); 2) датско-саксонскую (1625 — 1629); 3) шведскую (1630 — 1635), и 4) шведско-французскую (1635—1648). По странному совпаденію обстоятельствъ, одна и та же мѣстность, городъ Прага, была сценою перваго и послѣдняго актовъ войны. Въ 1618 г., 23-го мая, протестантскіе сеймовые депутаты, подъ предводительствомъ графа Турна, выбросили изъ окна вышгородскаго замка королевскихъ совѣтниковъ Мартиница и Славату, съ ихъ секретаремъ Фабриціусомъ ¹⁾, и овладѣли правленіемъ. Въ концѣ октября 1648 г. шведскій предводитель, Кёнигсмаркъ, уже овладѣлъ предмѣстьемъ Праги и готовился атаковать старый городъ, когда пришло извѣстіе о заключеніи вестфальскаго мира.

Главные фазисы и событія тридцатилѣтней войны: богемское возстаніе; подступъ графа Турна къ Вѣнѣ (1619); занятіе Пфальца испанскими войсками; побѣда имперскихъ войскъ въ битвѣ при Бѣлой-Горѣ (1620); принятіе участія въ войнѣ королемъ датскимъ и герцогомъ голштинскимъ Христіаномъ IV-мъ; побѣды и жестокости баварскаго полководца Тилли и двукратно предводительствовавшаго императорскими войсками—Валленштейна; любекскій миръ между Фердинандомъ II и Христіаномъ IV (1629); появленіе на театрѣ войны шведскаго короля Густава-Адольфа (1630); его побѣды; его побѣда и смерть при Лютценѣ (1632); побѣды его сподвижниковъ, Бернарда Саксенъ-Веймарскаго и Торстенсона; измѣна и смерть Валленштейна (1634); помощь Франціи, сперва субсидіями, потомъ войскомъ; союзъ между Франціей и Швеціей (1639); наконецъ, самый вестфальскій миръ (1648) — могутъ въ настоящемъ очеркѣ быть только упомянуты. Напротивъ того, къ его предмету прямо отно-

¹⁾ Посѣтителемъ Праги доннѣ указываютъ мѣсто происшествія. Хотя Мартиницъ, Славата и Фабриціусъ упали съ высоты 50 ф., но они не лишились жизни, потому что упали на кучу хвороста и мягкаго сора.

сится болѣе обстоятельное указаніе на бѣдствія, которыя постигли Германію въ видѣ послѣдствій несогласія протестантскихъ вѣроученій съ догматическими постановленіями тридентинскаго собора.

Тридцатилѣтняя война создала на нѣмецкомъ языкѣ обширную литературу. Начиная съ Шиллера, который въ своей исторіи живописуетъ картину болѣе вѣрную, чѣмъ въ своей валленштейнской эпопеѣ, и продолжая позднѣйшими писателями, мы имѣемъ, кромѣ общихъ историческихъ трудовъ, рядъ пространныхъ монографій, относящихся до этой достопамятной эпохи ¹⁾. Почти вся германская территорія была, въ тотъ или другой періодъ тридцатилѣтія, театромъ военныхъ дѣйствій, отличавшихся такими опустошеніями, какихъ Европа не знала со временъ нашествій варваровъ и не испытала въ послѣдствіи. Убіиства, пожары, грабительства и насилія всякаго рода повсемѣстно сопровождали борьбу и, въ особенности, сопутствовали католическимъ войскамъ. Поборы, грабежи и неистовства сборищъ Валленштейна были поводомъ къ отрѣшенію его, въ 1630 году, отъ командованія, хотя, въ виду успѣховъ шведовъ, онъ, въ 1632 году, былъ вновь призванъ къ сформированію арміи. Ужасы, сопровождавшіе взятіе Магдебурга войсками Тилли, превосходятъ всякое описаніе. Всюду истреблялось имущество, и рядомъ съ имуществомъ постепенно истреблялось населеніе. Слѣдующія цифры достаточно краснорѣчивы. Предполагаютъ, что въ одной Саксоніи погибло, въ два года, до 900.000 человекъ. Населеніе Богеміи уменьшилось, по мѣстнымъ исчисленіямъ, съ 3.000.000, до 780.000. Въ Гессенскомъ курфиршествѣ подверглись разоренію 17 городовъ, 47 замковъ и до 400 селеній. Въ городѣ Нордгеймъ опустѣло 300 домовъ. Въ Аугсбургѣ, изъ 80.000 жителей осталось 18.000. Къ концу войны всѣ гражданскія отношенія были опровернуты; нравственныя основы подорваны; земледѣліе и ремесла въ полномъ разстройствѣ; художество и торговля исчезли ²⁾.

Х.

Въ Англіи религіозныя преслѣдованія зависѣли, при Генрихѣ VIII, Эдуардѣ VI, Маріи Тудоръ и Елисаветѣ, отъ того направленія, котораго держалась королевская власть, и отъ связи

¹⁾ *Montvel* (1835—1839), *Flathe* (1840), *Mebolt* (1840), *Opel* (1872—1878), *Stiene* (1875), *Giudely* (1869—1880), *Keym* (1863), *Wittich* (1870—1873), и др.

²⁾ *Ruthardt*, *Chronik*, etc. 418—429. Brockhaus, V.

между политическими противоположительственными элементами и религиозными. Степень жестокости гоненій была не одинакова въ разные времена; но, тѣмъ не менѣе, на нихъ долго лежала печать суровости нравовъ и взаимной ненависти христіанскихъ исповѣданій. пытки предпосылались казнямъ. Казни совершались всенародно. Ни санъ, ни званіе, ни преклонныя лѣта не были защитой. Особою настойчивостью гоненія отличалось царствованіе королевы Маріи, стяжавшей прозваніе „Кривавой“ (Bloody Mary).

При постепенно обострившихся отношеніяхъ Генриха VIII къ Риму (1534 и сл.), число протестантовъ въ Англіи стало быстро возрастать, несмотря на карательныя мѣры, которыя продолжали тяготѣть надъ ними. Новизна реформаторскихъ ученій, говоритъ Юмъ ¹⁾, самодовольство воображаемаго торжества въ религиозныхъ диспутахъ, горячая ревность проповѣдниковъ реформы, ихъ терпѣніе при испытываемыхъ преслѣдованіяхъ, мученіяхъ и казняхъ, ихъ почти радостная готовность имъ подвергаться, а съ другой стороны, ненависть, возбуждаемая корыстолюбивымъ тиранствомъ латинскаго духовенства, влекли многихъ къ отпаденію отъ римской церкви. Но Генрихъ VIII, хотя и былъ во враждѣ съ папскимъ престоломъ, не переставалъ враждебно относиться и къ протестантской ереси, насчетъ которой онъ вступилъ въ личную полемику съ Лютеромъ. Его министры могли, однакоже, вліять на болѣе или менѣе строгое преслѣдованіе еретиковъ. При канцлерѣ Уольсей (Wolsey) протестантамъ оказывалось снисхожденіе, которое было ему поставлено въ вину въ числѣ обвиненій, имѣвшихъ послѣдствіемъ его паденіе и назначеніе на его мѣсто знаменитаго ученостью и другими личными достоинствами Томаса Мура. Эти достоинства не воспрепятствовали новому канцлеру проявить фанатизмъ гоненія, ставящій его въ одинъ рядъ съ ревностнѣйшими испанскими инквизиторами. При немъ обученіе дѣтей даже молитвѣ Господней на родномъ языкѣ и чтеніе на этомъ языкѣ св. Писанія считались признавами ереси, и дѣла о томъ вѣдались епископскими судами ²⁾. Несоблюденіе постовъ, укрывательство преслѣдуемыхъ проповѣдниковъ и произнесеніе рѣчей противъ пороковъ духовенства, признавались уголовными преступленіями. Адвокатъ Бэнгамъ, обвиненный въ сочувствіи къ ереси, былъ допрашиваемъ о своихъ соучастникахъ въ домѣ канцлера, подвергнутъ бичеванію въ его присутствіи, затѣмъ, въ его же присутствіи, подвергнутъ пыткамъ въ ТOWERѣ; онъ

¹⁾ *Hume*, History of England, 320, etc.

²⁾ *Hume*, I. с. 321.

не вынесъ мукъ и отречеся отъ своихъ убѣжденій; но въ послѣдствіи раскаялся въ отреченіи, открыто заявлялъ тѣ же убѣжденія, искалъ мученичества и, наконецъ, осужденъ и публично сожженъ въ Смифилдѣ, обычномъ мѣстѣ лондонскихъ казней. Католическій священникъ *Бильней*, приставшій къ новымъ вѣроученіямъ, также отречеся отъ нихъ по принужденію, но затѣмъ также раскаялся, публично проповѣдывалъ свои прежнія мнѣнія, былъ осужденъ, умеръ на костре и обнаружилъ на мѣстѣ казни такую вроткую и благоговѣйную твердость, что зрители были ею сильно потрясены, а случившіеся тамъ монахи нищенствующаго ордена обратились къ нему съ просьбою публично заявить, что они его гибели не причастны. Бильней эту просьбу безпрекословно исполнилъ. Другой осужденный, имени котораго Юмъ не приводитъ ¹⁾, въ порывѣ мученическаго энтузіазма, цѣловалъ дрова на сложенномъ для него костре, какъ орудіе достиженія блаженства. Такія зрѣлища не могли оживлять слабѣвшую преданность по отношенію римской церкви.

Генрихъ VIII держалъ, впрочемъ, вѣсы казней по-своему ровно. Если Томасъ Муръ могъ быть виновникомъ смерти Бенгама и другихъ протестантскихъ мучениковъ, то онъ и самъ сложилъ голову на плаху за то, что не признавалъ духовнаго главенства короля. Онъ обнаружилъ, при своей казни, не менѣе спокойствія и твердости духа, чѣмъ жертвы его фанатизма.

Подъ конецъ царствованія Генриха VIII положеніе протестантовъ сдѣлалось болѣе льготнымъ. Разрывъ съ Римомъ сталъ явнымъ при отобраніи монастырскихъ имуществъ и состоявшемся въ 1539 г. изданіи несогласныхъ съ латинскими догматами шести „артикуловъ вѣры“. Другія дѣла озабочивали короля, и ревность преслѣдованій обратилась въ другую сторону. Еще прежде канцлера Мура былъ казненъ (1535 г.) рочестерскій епископъ Фишеръ, также не признававшій присвоеннаго себѣ Генрихомъ VIII церковнаго главенства. Въ послѣдствіи строгимъ карательнымъ мѣрамъ подвергались противники новыхъ „артикуловъ“, и такимъ образомъ подготавлилась почва для другого направленія дѣлъ послѣ смерти Генриха. При Эдуардѣ VI правительство перешло на сторону протестантовъ. Имъ обезпечены актами парламента и вліяніемъ архіепископа Кранмера льготныя вѣроисповѣдныя условія. Прежніе 6 артикуловъ отмѣнены и замѣнены 42 новыми, допускающими, между прочимъ, причащеніе подѣ двумя видами, браки духовенства и общій молитвословъ (*Common prayerbook*).

¹⁾ *Hume*, I. с. 332.

Но при королевѣ Маріи (1553—1558) наступила новая и крутая переменѣна. Католической церкви возвращено полное господство. Удаленные съ своихъ кафедръ епископы—Гардинеръ, о мнѣніи котораго насчетъ религіозныхъ преслѣдованій уже было упомянуто, Боннеръ, Тонсталь, Дэ, Гисъ и Везей—возстановлены въ своихъ іерархическихъ правахъ, и подъ ихъ руководствомъ началось общее свирѣпое гоненіе протестантовъ и всѣхъ, кто въ чемъ-либо раздѣлялъ ихъ взгляды. Всюду полилась кровь и запылали костры. Первымъ былъ сожженъ извѣстный своею добродѣтелью и ученостью пребендарій церкви св. Павла—Роджерсъ. Послѣ него такимъ же образомъ преданы смерти и съ непоколебимымъ мужествомъ перенесли мученія на костръ Гуперъ, епископъ глостерскій, архидіаконъ Фильпотъ и Саундерсъ, Ферраръ, епископъ с.-давидскій, Ридлей, епископъ лондонскій, Латимеръ, бывший епископъ винчестерскій, множество другихъ извѣстныхъ лицъ, и въ 1556 году, послѣ долгаго тюремнаго заключенія, архіепископъ Кранмеръ. Престарѣлый Латимеръ сожженъ на одномъ кострѣ съ Ридлеемъ, и когда его привязывали къ столбу, онъ обратился къ товарищу-мученику со словами: „братъ, бодрствуй! мы сегодня зажигаемъ въ Англии факель, который, уповаю на Бога, никогда погашенъ не будетъ“. Гуперъ страдалъ въ огнѣ цѣлыхъ три четверти часа, потому что вѣтеръ отгонялъ пламя въ сторону, и сырые дрова медленно горѣли. Одна изъ его рукъ отпала, между тѣмъ какъ другою онъ продолжалъ ударять себя въ грудь. Роджерсу, который былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, Гардинеръ отказалъ въ просьбѣ проститься съ женою передъ казнию, отзываясь, что, по своему духовному званію, онъ не могъ имѣть жены. Нѣкто Гоуксъ, на пути къ костру, условился съ друзьями подать имъ поднятіемъ рукъ знакъ изъ пламени, если найдеть страданіе сноснымъ, дѣйствительно—простеръ руки и умеръ въ этомъ положеніи. У женщины, сожженной въ Гернзеѣ въ послѣднемъ періодѣ беременности, одинъ изъ стражей выхватилъ изъ пламени выкинутого ею ребенка, въ надеждѣ его спасти; но присутствовавшій судья приказалъ бросить его въ огонь, связавъ, что ничто не должно пережить упорной въ ереси матери ¹⁾. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы дать понятіе о духѣ, видахъ и размѣрахъ гоненія, въ то время постигшаго протестантовъ. „Никогда,—замѣчаетъ Юмъ,—человѣческая природа не представляется въ такихъ отвратительныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ такихъ

¹⁾ *Нume. History etc.* 382 и сл. Онъ вездѣ приводитъ ссылки на источники своихъ свѣденій.

безразсудныхъ чертахъ, какъ при религиозныхъ преслѣдованіяхъ. Они низводятъ челоѵка ниже адскихъ духовъ по злости и ниже звѣрей по безумію“¹⁾.

ХІ.

Смерть королевы Маріи и воцареніе ея сестры Елисаветы измѣнили все положеніе дѣлъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новой королевы было повелѣніе освободить изъ тюремъ всѣхъ заключенныхъ по дѣламъ вѣры и дозволить возвратиться всѣмъ изгнаннымъ. Католическая іерархія предвидѣла паденіе своего господства. Изъ всѣхъ епископовъ одинъ карлейскій согласился, послѣ долгихъ переговоровъ, совершить обрядъ коронованія²⁾. Но Елисавета дѣйствовала осмотрительно и, ограничиваясь заявленіями и мѣрами вѣротерпимости, не обнаруживала, на первыхъ порахъ, своей рѣшимости передать значеніе государственной церкви тому исповѣданію, къ которому она сама принадлежала.

Новое царствованіе было привѣтствовано, со стороны народа, тѣми проявленіями общаго восторга, которыя всегда возбуждаются въ массахъ прекращеніемъ долгаго и ненавистнаго гнета. Въѣздъ въ Лондонъ походилъ на триумфъ. Въ заявленіяхъ сочувствія къ новымъ вѣроученіямъ не было недостатка. Съ одной изъ триумфальныхъ арокъ былъ спущенъ мальчикъ, изображающій генія правды. Онъ поднесъ королевѣ экземпляръ Библии, и Елисавета, принявъ даръ, сказала, что она въ немъ усматривала самое драгоцѣнное для нея засвидѣтельствованіе чувствъ преданности города. Рассказывали, что нѣкто Райнсфордъ, ссылаясь на освобожденіе протестантовъ изъ тюремъ, отважился сказать королевѣ, что онъ желалъ ходатайствовать объ освобожденіи еще четырехъ другихъ узниковъ: Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Елисавета отвѣчала, что она предварительно намѣрена совѣщаться съ самими узниками и отъ нихъ узнать, желаютъ ли они свободы.

Намѣренія и воля королевы, однакоже, не замедлили обнаружиться. Актомъ перваго при ней созваннаго парламента возстановлены въ своей силѣ 42 артикула Эдуарда VI-го. Эти артикулы пересмотрѣны тремя годами позже (1571), въ числѣ 39, и съ тѣхъ поръ составляютъ катехизическій и учредитель-

¹⁾ Ibid., l. c. 382.

²⁾ *Hume*, l. c. 892.

ный кодексъ англиканской церкви. Католичество не подверглось тому гоненію, которому подвергались протестанты при королевѣ Маріи; но оно, тѣмъ не менѣе, было поставлено въ тягостныя условія. Воспрещено богослуженіе по латинскому обряду и вообще всякое богослуженіе, кромѣ англиканскаго ¹⁾). За троекратное нарушеніе этого закона опредѣлено пожизненное тюремное заключеніе. Другимъ закономъ установлены денежные пени за уклоненіе отъ участія въ богослуженіяхъ по англиканскимъ правиламъ. Эти постановленія естественно ожесточали католиковъ и объясняютъ участіе многихъ изъ нихъ въ тѣхъ заговорахъ, которые неоднократно составлялись противъ Елисаветы. Заговорщиковъ казнили, но обезглавленіемъ или вѣшаніемъ, а не огнемъ, какъ еретиковъ. Костры оставались, однакоже, въ употребленіи для анабаптистовъ и уличенныхъ арианъ ²⁾).

Между тѣмъ въ Шотландіи господствовалъ фанатизмъ пресвитеріанцевъ, значительно усложнявшій затруднительное положеніе несчастной королевы Маріи Стюартъ. Ноксъ (Кнох), о которомъ передъ этимъ уже упоминалось, публично называлъ ее Иезавелью. Эдинбургскій городской совѣтъ своевластно издалъ прокламацію, изгоняющую изъ городского округа монаховъ и католическихъ священниковъ, въ качествѣ „гнусной сволочи антихриста-папы“ ³⁾). Дерзость пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ не знала предѣловъ. Самой королевѣ только потому дозволялось слушать мессы въ ея частной дворцовой каплицѣ, что она рѣшительно объявила о своемъ намѣреніи немедленно удалиться во Францію, въ случаѣ отказа.

Но фанатическое господство пресвитеріанскихъ изуверовъ дало мѣсто, впоследствии, безпощадному ихъ гоненію. Почти во все время царствованія Стюартовъ въ Англіи, — говоритъ Лекки, — преслѣдованіе пресвитеріанцевъ (пуританъ) продолжалось съ жестокостью, не уступавшею свирѣпости другихъ религіозныхъ гоненій ⁴⁾). Имъ руководили шотландскіе епископы, одобряемые англиканскою церковью. Пресвитеріанцы искали убѣжища въ горахъ, но ихъ тамъ преслѣдовали, какъ бѣглыхъ преступниковъ. Молитвенныя сборища были имъ воспрещены. Въ случаѣ такого сборища въ частномъ домѣ, проповѣдникъ могъ быть приговоренъ къ смерти. Въ случаѣ сборищъ въ открытыхъ мѣстахъ, этой карѣ могли подлежать всѣ участивы. Женщинъ публично сѣли на

¹⁾ *Lecky*, II, 39.

²⁾ *Lecky*, II, 40.

³⁾ *Hume*, 401.

⁴⁾ *Lecky*, II, 41. Онъ ссылается на историковъ *Wodrow* и *Neal*.

улицахъ. Мужчинъ клеймили горячимъ желѣзомъ и подвергали увѣчьямъ при пыткахъ. Весьма многіе были отправляемы въ ссылку на островъ Барбадасъ. Если въ то же время такимъ насиліямъ не подвергались въ Ирландіи католики, составлявшіе тамъ весьма значительную часть населенія, то въ отношеніи къ церкви они, тѣмъ не менѣе, были всячески стѣснены. Въ 1696 году тамошніе протестантскіе епископы, подѣ предѣдательствомъ епископа Юшера, протестовали противъ всякой льготы, заявляя, что „вѣра палистовъ—вѣра еретическая и суевѣрная, и что предоставлять имъ право свободно ее исповѣдывать есть тяжкій грѣхъ (grievous sin)¹⁾“.

Во всей Великобританіи католики не пользовались полными политическими правами до первой трети нынѣшняго столѣтія (1829).

ХІІ.

Французскіе протестанты, въ реформаціонный вѣкъ, носили именованіе гугенотовъ, быть можетъ, происшедшее отъ названія, усвоеннаго себѣ женевскими реформатами: „*ignenots*“, т.-е. союзники. Религиозное реформаторское движеніе возникло на югѣ Франціи почти одновременно съ такимъ движеніемъ въ Германіи. Королева Маргарита Наваррская покровительствовала новымъ ученіямъ Русселя и Лефевра. Затѣмъ, какъ уже было сказано, распространилось ученіе Кальвина. Король Францискъ I сначала относился въ реформатамъ снисходительно, но впоследствии дозволилъ ихъ преслѣдовать. Строгія карательныя постановленія были изданы, и значительное число новыхъ еретиковъ сожжено. При Генрихѣ II наступилъ періодъ сравнительной терпимости. Когда же домъ Гизовъ пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе при французскомъ дворѣ, жестокое гоненіе возобновилось. При Францискѣ II пылали костры, и кровь лилась на эшафотахъ. Между тѣмъ число протестантовъ увеличивалось; ими уже руководили лица высшихъ сословій, и организованное возстаніе стало возможнымъ. Вождемъ былъ избранъ принцъ Людовикъ Кондэ, и на сѣздѣ, въ Нантѣ (1560), постановлено требовать свободы вѣроисповѣданія и удаленія Гизовъ, а въ случаѣ неудовлетворенія этихъ ходатайствъ—захватить въ плѣнъ короля, находившагося въ Блуа, и провозгласить принца Кондэ намѣстникомъ. Но дворъ успѣлъ удалиться въ Амбуазъ, и когда къ Амбуазу подступили протестанты,

¹⁾ *Lecky*, II, 41.

они были разбиты и 1.200 плѣнныхъ вазнены. Намѣстникомъ назначенъ Францискъ Гизъ.

Въ томъ же 1560 году умеръ Францискъ II. На престолъ взошелъ несовершеннолѣтній Карлъ IX, подъ опекою матери, Екаторины Медичи. Она удалила Гизовъ, намѣстникомъ былъ назначенъ Антонъ, герцогъ Бурбонскій, и въ январѣ 1562 года изданъ эдиктъ, предоставлявшій протестантамъ свободу вѣроисповѣданія. Но въ мартѣ мѣсяцѣ произошло кровопролитное столкновение между стражей герцога Гиза и протестантами, совершавшими богослуженіе въ Васси. Этимъ былъ поданъ знакъ въ первой такъ-называемой гугенотской войнѣ, продолжавшейся подъ предводительствомъ принца Кондэ, съ одной стороны, и герцога Гиза, съ другой, до марта 1563 года. Она заключилась, послѣ смерти Гиза, павшаго при Орлеанѣ, амбуазскимъ миромъ, вновь предоставившимъ протестантамъ свободу вѣры, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Но борьба двухъ исповѣданій, при возрастающей силѣ протестантской партіи, продолжалась, съ нѣкоторыми перерывами, до восшествія на французскій престолъ Генриха IV и до изданія, въ 1598 году, знаменитаго нантскаго эдикта, которымъ окончательно признаны и опредѣлены права протестантовъ. Въ промежуточный періодъ времени исторія насчитываетъ, при короляхъ Карлѣ IX и Генрихѣ III, еще семь гугенотскихъ войнъ ¹⁾, съ измѣнчивыми для той или другой стороны успѣхами;

¹⁾ Вторая—съ 1567 по 1568. Она прекращена амбуазскимъ договоромъ. Третья—съ 1569 по 1570. Протестанты потерпѣли сильное пораженіе при Жарнакѣ, и принцъ Кондэ палъ отъ руки убійцы. Адмиралъ Колиньи принялъ главное начальство надъ протестантами. Ихъ поддержали королева Наваррская и германскіе союзники подъ начальствомъ графа Мансфельда. Принцъ Генрихъ Наваррскій, вполнѣтвіи Генрихъ IV, сталъ во главѣ протестантской партіи. Неудачная для нихъ битва при Монконтурѣ въ 1569 г. Помощь со стороны Англіи. Мирный договоръ въ Сентъ-Жерменѣ (St. Germain en Laye въ 1570 г.). Четвертая война, послѣ варооломеева побоища до 1573. Протестанты удержали за собою укрѣпленные города Ла-Рошель, Нимъ и Мотобанъ. Заключенный миръ былъ непродолжителенъ. По смерти Карла IX (1574) взошелъ на престолъ третій сынъ Екаторины Медичи, Генрихъ III, и ея вліяніе привело къ немедленному возобновленію борьбы между католиками и протестантами; но успѣхи послѣднихъ побудили короля заключить новый миръ въ Больѣ (1576). Тогда герцогъ Генрихъ Гизъ основалъ особый католическій союзъ, такъ-называемую лигу, и принудилъ короля въ ней пристать и начать шестую войну, въ слѣдующемъ году прекращенную бержераскимъ договоромъ. Честолюбивые замыслы герцога Гиза тревожили французскій дворъ, и Екаторина Медичи вошла въ тайное соглашеніе съ принцомъ Наваррскимъ. Однакоже условія бержераскаго мира не были исполнены со стороны католиковъ, и протестанты начали, въ 1579 г., седьмую войну, подъ предводительствомъ Генриха Наваррскаго и принца Кондэ. Она прекратилась въ 1580 году миромъ, заключеннымъ въ Флексѣ, и не возобновлялась до 1585 г., когда, по

а между третьей и четвертой войнами она заносить на свои скривали вѣроломное избіеніе протестантовъ въ ночь дня св. Варооломея, съ 24-го на 25-е августа 1572 года. Въ эту ночь погибли въ Парижѣ около 5.000 человекъ, захваченныхъ организованными отрядами убійцъ въ домахъ или на улицахъ города. Въ числѣ жертвъ пали адмиралъ Колиньи и многіе другіе вожди протестантовъ, преднамѣренно завлеченные въ Парижъ по случаю бравосочетанія принца Генриха Наваррскаго съ сестрою короля. Заговоръ былъ устроенъ по соглашенію королевы Екатерины съ Гизами, и его дѣйствіе распространено на всю Францію. Всюду были разосланы приказанія убивать протестантовъ, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ихъ погибло, въ разныхъ мѣстахъ, до 30.000 ¹⁾. Въ продолженіе послѣдовавшихъ за варооломеевымъ побоищемъ остальныхъ пяти войнъ французскій дворъ находился подъ господствомъ партіи Гизовъ—до убіенія кардинала Гиза и его брата, герцога Гиза, въ Блоа, въ 1588 году, подосланными отъ двора убійцами. Король Генрихъ III убитъ монахомъ Клеманъ въ 1589. Въ 1593 его преемникъ, Генрихъ IV (принцъ Наваррскій), перешелъ въ католичество и въ 1598 издалъ нантскій эдиктъ. Такимъ образомъ, тогда положенъ конецъ кровопролитію изъ-за вѣры; но политическая самостоятельность партіи протестантовъ, опиравшаяся на города, гдѣ они господствовали, и попытки католической партіи упразднить дѣйствіе нантскаго эдикта, при Людовикѣ XIII и кардиналѣ Ришелье, дали поводъ къ возобновленію борьбы. Она окончилась паденіемъ Ла-Рошели въ 1598 году. Протестанты сохранили право исповѣданія своей вѣры, но лишились права политическихъ собраній.

До послѣдней четверти XVII столѣтія, при управленіи кардиналовъ Ришелье и Мазарини и въ началѣ царствованія Людо-

настоянню королевы Екатерины, Генрихъ III отнялъ всѣ дарованныя протестантамъ льготы. Началось новое, жестокое преслѣдованіе. Возгорѣлась осьмая по счету, послѣдняя гугенотская война, веденная съ успѣхомъ протестантами и ихъ союзниками. Между тѣмъ поступки Гизовъ возбуждали возрастающія опасенія насчетъ замыслаемаго ими государственнаго переворота. Съ вѣдома короля, въ 1588 году, герцогъ Гизъ и его братъ, кардиналъ Гизъ, вѣроломно убиты. Тогда вспыхнула бунтъ въ Парижѣ, гдѣ господствовала партія Гизовъ, и король нашелся вынужденнымъ обратиться къ помощи протестантовъ, чтобы вмѣстѣ съ ними начать осаду города. Вскорѣ затѣмъ (1-го августа 1589) Генрихъ III палъ отъ руки убійцы фанатика, и ближайшимъ наследникомъ престола оказался принцъ Наваррскій, послѣ долгихъ колебаній рѣшившійся, въ видахъ замиренія страны, принять католическое исповѣданіе. Онъ вступилъ на престолъ подъ наименованіемъ Генриха IV и, справившись съ католической лигой, удовлетворилъ домогательства протестантовъ нантскимъ эдиктомъ.

¹⁾ *Brockhaus*, IX.

вива XIV, протестанты не подвергались систематическому стѣсненію завоеванной ими себѣ свободы совѣсти. Но около 1675 года, подѣ вліяніемъ придворнаго духовенства и маркизы Ментенонъ, направленіе правительственной власти измѣнилось. Для обращенія протестантовъ въ католичество стали употребляться насилія. Отряды войска, сопровождаемые монахами, разрушали въ южной Франціи протестантскія церкви, принуждали обывателей къ отреченію отъ ихъ вѣры и нерѣдко убивали проповѣдниковъ. Эти военныя походы приобрѣли себѣ историческое наименованіе „dragonnades“. Въ случаѣ упорства предоставлялся полный просторъ неистовствамъ солдатъ. Повивальнымъ бабкамъ воспрещалось позволять крестить младенцевъ иначе какъ по католическому обряду. Смѣшанные браки были запрещены. Протестанты не допускались ни къ какимъ должностямъ, даже муниципальнымъ. Насильственно обращенные обязывались присутствовать при католическихъ богослуженіяхъ, а въ случаѣ уклоненія — предавались вриминальной юстиці мѣстныхъ парламентовъ. Однимъ словомъ, на югѣ Франціи господствовалъ всеобщій протестантскій терроръ, и все это происходило въ вѣкъ блеска французской литературы, въ вѣкъ версальскихъ пышностей и въ вѣкъ того короля, котораго французы называли: le Grand Roi.

Наконецъ, 22-го октября изданъ королевскій эдиктъ, которымъ отмѣнялись не только постановленія нантскаго эдикта, но и всѣ вообще когда бы то ни было состоявшіяся относительно протестантовъ (реформатовъ) льготныя узаконенія, постановленія или правила. Въ эдиктѣ значилось, что, за возвращеніемъ въ лоно церкви большей и лучшей части королевскихъ подданныхъ, въ тѣхъ постановленіяхъ уже не предстояло дальнѣйшей надобности. На этомъ основаніи, предписывалось безотлагательно разрушить всѣ протестантскія церкви ¹⁾. Всякое общественное богослуженіе, даже въ частныхъ домахъ, воспрещено протестантамъ подѣ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества. Проповѣдникамъ приказано въ 14-ти-дневный срокъ, подѣ опасеніемъ каторги (на галерахъ), выѣхать изъ предѣловъ Франціи.

Протестанты большею частью принадлежали къ промышленнымъ классамъ населенія и пользовались достаткомъ, которымъ были обязаны своему трудолюбію и бережливости. Вскорѣ послѣ первыхъ признаковъ систематическаго угнетенія ихъ, началось между ними движеніе къ переселенію въ другія страны. Это движеніе усиливалось по мѣрѣ возраставшаго гнета преслѣдованій,

¹⁾ Schlosser, XV, 548, 549. — Brockhaus, IX. — Ruthardt, Chronik, etc.

и еще до отмѣны нантскаго эдикта сотни тысячъ успѣли перейти въ Швейцарію, Голландію, Англію и Германію. Они вездѣ встрѣчали радушный пріемъ. Послѣ 1685 г. переселеніе продолжалось, несмотря на принимавшіяся противъ него карательныя мѣры, и часть протестантскаго населенія укрылась въ Севеннской горной мѣстности, гдѣ продолжала тайно отправлять свое богослуженіе и въ послѣдствіи пыталась оказать вооруженное сопротивленіе католическимъ властямъ. Это было поводомъ къ такъ-называемой севеннской войнѣ, продолжавшейся съ 1702 по 1706 годъ, въ сопровожденіи всевозможныхъ насилій и жестокостей. Въ общемъ результатѣ Франція лишилась до 900.000 ¹⁾ полезныхъ гражданъ, трудолюбіе и промышленныя знанія которыхъ принесли выгоду тѣмъ странамъ, куда они переселились.

ХІІІ.

Не одни христіане преслѣдовались во имя христіанства. Въ концѣ XV-го вѣка, въ Испаніи, кардиналъ Хименесъ лично руководилъ обращеніемъ въ католичество гранадскихъ мавровъ, сжегъ въ 1499 году значительное количество арабскихъ книгъ и своими жестокостями довелъ несчастное населеніе Альпухарраскихъ горъ до возстанія, которое, съ неменьшею жестокостію, было подавлено. Въ февралѣ 1502 года изданъ законъ, въ силу коего въ провинціяхъ Кастили и Леонѣ, всѣ мавры мужскаго пола свыше 14-лѣтняго возраста, а женскаго свыше 11-лѣтняго, не принявшіе крещенія, обязывались выселиться изъ страны до конца апрѣля мѣсяца того же года. Имъ разрѣшено было продать ихъ имущество, но цѣну его имъ дозволялось вывозить не золотомъ или серебромъ, а только въ видѣ какихъ-нибудь въ отпуску разрѣшенныхъ товаровъ. Кромѣ того, запрещалось переселеніе въ турецкія владѣнія и такія страны Африки, съ которыми Испанія вела войну. За нарушеніе этихъ постановленій опредѣлялись смертная казнь и конфискація имущества. Часть мавровъ притворно приняла христіанство, но за нею наблюдала и подозрѣвавшихся въ отпаденіи немилосердно преслѣдовала инквизиція; другая часть оставалась въ болѣе льготномъ положеніи въ провинціи Гранадѣ. Первыхъ прозвали марранами, вторыхъ—маврессками. При Карлѣ V имъ предоставлялась нѣкоторая свобода от-

¹⁾ Шлоссеръ (I. с.) ограничивается цифрою 400.000; но онъ, повидному, относитъ ее только къ переселеніямъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта.

носителю вѣроисповѣданія и нравовъ. Мавританскія имена, языкъ, одежда, были терпимы. Но преслѣдованія, тѣмъ не менѣе, постоянно возобновлялись, проливалась кровь и продолжалось насильственное выселеніе наиболѣе трудолюбивыхъ и достаточныхъ обитателей страны. Наконецъ, въ 1564 и 1565 годахъ были изданы новыя, во всѣхъ вышеозначенныхъ отношеніяхъ стѣснительныя для мавровъ, постановленія. Вспыхнуло общее возстаніе въ Гранадѣ и сопредѣльныхъ съ этою областью горахъ. Съ 1568 по 1571 годъ продолжалась упорная и кровопролитная борьба, кончившаяся истребленіемъ или выселеніемъ мавровъ. Они долго держались въ горныхъ долинахъ и укрѣпленныхъ городахъ, какъ Альбадинъ, Гапера и Типола. Война велась съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ и могла три года продолжаться преимущественно потому, что испанцы, въ виду современныхъ потребностей, не выставляли противъ мавровъ достаточно сильнаго войска. Главное начальство надъ испанцами принялъ подъ конецъ войны донъ Хуанъ австрійскій. При взятіи въ 1570 году крѣпости Гапера все защищавшее ее населеніе, до 6.000, безъ различія пола и возраста, предано смерти, и такія поголовныя избіенія мавровъ совершались не въ первый разъ. Пльнныхъ отсылали въ неволю на королевскія галеры и даже продавали частнымъ лицамъ. Послѣднимъ актомъ войны было овладѣніе Альпухарраскими долинами и горами. Тамъ, въ теченіе одного мѣсяца, до 10.000 человекъ было убито или обращено въ неволю. Затѣмъ издано королевское повелѣніе вывести изъ прежнихъ мѣстъ жительства всѣхъ безъ исключенія мавровъ, даже и не принимавшихъ участія въ возстаніи. Они были расселены въ другихъ провинціяхъ. Часть успѣла спастись бѣгствомъ въ Алжиръ и Фецъ ¹⁾.

Несравненно болѣе продолжительное историческое явленіе представляетъ гоненіе евреевъ. Преслѣдованіе израильскаго племени, — говорятъ Левки ²⁾, — началось съ первыхъ временъ перехода гражданской власти въ руки христіанскихъ правительствъ. Измѣнялись свойства и степень интенсивности преслѣдованія; но, въ сущности, оно не прекращалось до эпохи французской революціи. Религіозныя движенія въ лоиѣ церкви и перемѣны престола, когда на него всходятъ правители, одушевленные религіозною ревностью, постоянно были поводомъ къ усиленію законодательнаго гнета. Лудовикъ Св., Изабелла Католическая, латеранскій соборъ, кото-

¹⁾ Sclosser, XI. 195 et seqq. XIII. 18 et seqq.

²⁾ Lecky, II, 274.

рымъ ознаменовалось оживленіе западной церковной жизни въ XIII вѣкѣ, папа Павелъ IV, содѣйствовавшій такому оживленію въ XVI в., и всѣ монашескіе ордена, стояли въ ряду самыхъ ревностныхъ гонителей. Евреи всячески выдѣлялись изъ общаго состава населенія. Они должны были жить въ особыхъ кварталахъ и носить особую одежду. Христіанамъ воспрещалось всякое съ ними сотоварищество въ дѣлахъ торговли или промысловъ. Во времена св. Людовика христіанинъ, виновный въ любовной связи съ еврейкою, подвергался сожженію на кострѣ. Даже при совершеніи казней они отдѣлялись отъ другихъ преступниковъ и до XIV-го вѣка изыскивались оскорбительные для нихъ отгѣнки ¹⁾. По мнѣнію св. Тома Аквината, ихъ имущество могло быть законно конфискуемо, потому что происходило отъ ростовщичества. Изгнанные изъ Франціи при Карлѣ VI, изъ Англій при Эдуардѣ I, евреи нашли себѣ покровительство въ Испаніи у тамошнихъ мавровъ, но они лишились и этого убѣжища, когда призракъ магометанскаго владычества исчезъ съ высотъ Алгамбры. Подъ вліяніемъ инквизитора Торревемады, состоялся эдиктъ о ихъ поголовномъ изгнаніи ²⁾.

Еще до изданія этого эдикта евреи подвергались, въ другихъ частяхъ Испаніи, всякаго рода насиліямъ, въ видахъ обращенія ихъ въ христіанство. Въ 1390 году, въ Севильѣ, подъ впечатлѣніемъ проповѣдей извѣстнаго своимъ краснорѣчіемъ Фернандо Мартинеца, католики напали на еврейскій кварталъ и въ немъ умертвили, по единогласному показанію современниковъ, до 4.000 евреевъ. Такія же побоища посторились въ другихъ мѣстахъ, Валенціи, Толедо, Кордовѣ, Бургосѣ и Барселонѣ. Принимавшихъ крещеніе по принужденію, но впослѣдствіи отпадавшихъ, инквизиція преслѣдовала и предавала сожженію. Но эти частныя бѣдствія блѣднѣютъ передъ тѣмъ общимъ бѣдствіемъ, которое постигло евреевъ при изгнаніи изъ Испаніи. Историкъ Пизъ Мирандола сравниваетъ ихъ участь, въ эту эпоху, съ ихъ участіемъ при разрушеніи Иерусалима. Они обязывались выселиться въ трехмѣсячный срокъ, подъ угрозою смертной казни за нарушеніе этого срока. Имъ разрѣшалась распродажа имущества, но воспрещался вывозъ золота и серебра. Число изгнанныхъ опредѣляется раз-

¹⁾ Легки ссылаются на *Michelot: Origines du droit*, 368.

²⁾ Рассказывали, что королева колебалась, потому будто бы, что гранадскіе евреи предлагали 30.000 червонцевъ въ видѣ выкупа отъ изгнанія, но что Торревемада положилъ конецъ колебаніямъ, сказавъ ей: „Иуда продалъ своего Господа за 30 сребренниковъ, а ты намѣрена продать его за 30.000“. Легки ссылаются на Бенарриде и Прескотта.

лично разными исторіями, отъ 120.000, по Бардову, до 800.000, по Маріанѣ. Множество выселенцевъ были захвачены морскими разбойниками и увезены въ неволю. Около 80.000 укрылись въ Португаліи, положившись на общанное королемъ покровительство. Но ихъ надежды не оправдались. Испанское духовенство возбудило фанатизмъ въ средѣ—португальскаго. Король, уступая его настояніямъ, издалъ эдиктъ еще болѣе жестокой, чѣмъ эдиктъ королевы Изабеллы. Повелѣно изгнать всѣхъ евреевъ, но сперва отобрать отъ нихъ дѣтей моложе 14 лѣтъ, для воспитанія ихъ въ христіанской вѣрѣ. Тогда несчастнымъ изгнанникамъ измѣнилась твердость духа, съ которою они до тѣхъ поръ переносили свои бѣдствія. Дикія сцены отчаянія о томъ свидѣтельствовали. Матери убивали своихъ дѣтей, или бросали ихъ въ колодцы, чтобы не отдавать въ руки христіанъ. Затѣмъ оказалось, что суда, на которыхъ они должны были отплыть отъ португальскихъ береговъ, преднамѣренно были угнаны или задержаны, и по истеченіи указаннаго срока наличные евреи были обращены въ неволю и насильственно окрещены. Историкъ Парамо говоритъ, что португальскій декретъ объ изгнаніи евреевъ просто замѣненъ декретомъ о ихъ насильственномъ окрещеніи. Большинству невольниковъ въ послѣдствіи возвращена свобода по болѣе человѣколюбивому настоянію римской курии.

Мученическое израильское племя,—далѣе говоритъ Левки,—тринадцать столѣтій сряду испытывало всѣ виды угнетенія, которые могъ изобрѣтать самый яростный фанатизмъ. Оно переносило всякія обиды, клевету, лишеніе имущества, нарушеніе драгоценнѣйшихъ для человѣка узъ и жесточайшія физическія страданія, но не отступало отъ вѣры праотцевъ. Преслѣдованіе тяготѣло надъ нимъ въ самыхъ страшныхъ формахъ,—но въ сопровожденіи такихъ мелочныхъ стѣсненій и притѣсненій, которыя отнимали у преслѣдованія внѣшній характеръ величія и препятствовали возбужденію энтузіазма въ его жертвахъ. Но евреи не только переносили, но и вынесли бремя этого многовѣковаго гнета. Во нравѣ средневѣковаго невѣжества они продолжали свои научныя занятія; они передавали западной Европѣ труды арабской науки; они были лучшими врачами и финансистами, и въ особенности главными двигателями и представителями коммерческой дѣятельности. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій торговля сосредоточивалась почти исключительно въ ихъ рукахъ. Путешествія знакомили ихъ съ особенностями и нуждами разныхъ странъ. Они вели между собою постоянную и обширную переписку, учредили систему денежныхъ переводовъ и ссудъ, которой тогда не было подобной въ Европѣ, сдѣлались необходимыми посредниками при тогдаш-

немъ общественномъ строѣ, для удовлетворенія экономическихъ потребностей христіанскихъ государствъ, и приобрѣли, среди претерпѣваемыхъ ими бѣдствій, большія богатства и значительное вліяніе на дѣла ¹⁾. Во время процвѣтанія италіанскихъ республикъ евреи селились въ Ливорно, Пизѣ, Генуѣ и Венеціи и тамъ пользовались терпимостью несравненно болѣею, чѣмъ въ другихъ странахъ.

XIV.

Въ ряду религіозныхъ преслѣдованій отдѣльное мѣсто занимаетъ преслѣдованіе чародѣевъ, колдуновъ и особенно колдуній, начавшееся въ XIII вѣкѣ и продолжавшееся, постепенно ослабѣвая, до второй половины XVIII-го ²⁾. Первая, исторически-удостоверенная казнь колдуньи состоялась въ Тулузѣ, въ 1275 году. Сожжена женщина 60 лѣтъ, обвиненная въ связи съ сатаною. Послѣднія казни совершены въ Вюрцбургѣ, въ 1729 г., въ Ландсгутѣ въ 1754 и 1756, въ Испаніи въ 1780 и въ Гларусѣ въ 1782 г. Въ Вюрцбургѣ сожжена помощница игуменьи ингерцельскаго монастыря, Марія Рената, сознавшаяся въ бѣснованіи; въ Ландсгутѣ обезглавлены двѣ, будто бѣсновавшіяся, дѣвушки 13 и 14 лѣтъ; въ Испаніи—колдунъ, въ Гларусѣ—женщина, за колдовство.

Предѣлы настоящаго очерка не позволяютъ входить въ разсмотрѣніе психологическаго и фізіологическаго вопросовъ о понятіяхъ, долго господствовавшихъ въ Европѣ насчетъ колдовства и бѣснованія, и о явленіяхъ, на которыя тѣ понятія опирались. Но фактъ ихъ господства не подлежитъ сомнѣнію. Католическая церковь ихъ догматически изъясняла, распространяла и утверждала. Папа Иннокентій VIII подробно изложилъ въ буллѣ *Summis desiderantis* (1484 г.) ученіе о ереси колдовства и объ иневизиціонномъ надѣ еретиками судѣ. Подобныя буллы изданы и двумя другими папами, Юліемъ II (1504) и Адрианомъ VI (1526). Иневизиторы Шпренгеръ и Кремеръ подробно опредѣлили, въ составленномъ ими руководствѣ *Malleus maleficarum*, порядокъ слѣдственнаго производства для обличенія виновныхъ въ чародѣйствѣ и колдовствѣ. Но такой взглядъ на дѣло не принадлежалъ исключительно католической іерархіи. Лютеръ отзывается въ томъ же смыслѣ и сказалъ ³⁾, что онъ безжалостно

¹⁾ *Lecky*, II, 288.

²⁾ *Lecky*, I, 2—188.—*Brockhaus IX* (Hexen und Hexenprocessen).

³⁾ Лекки ссылается на *Colloquia de fascinationibus*.

сжегъ бы всѣхъ колдуній. Джонъ Уэслей (Wesley), слышавшій двумя столѣтіями позже (1768 г.), писалъ, что отказываться отъ вѣры въ колдовство значить, въ сущности, отказываться отъ Библии ¹⁾.

Намъ должно казаться невѣроятнымъ число казненныхъ за колдовство въ теченіе трехъ столѣтій, хотя это число удостовѣряется множествомъ разныхъ показаній и обширною по этому предмету литературою ²⁾. Во Франціи состоялись относящіеся до него опредѣленія парламентовъ парижскаго, реймскаго, руанскаго, реннского, тулузскаго, бордоскаго и дижонскаго, и за каждымъ такимъ опредѣленіемъ текли потоки крови. Въ Тулузѣ, мѣстопребываніи инквизиціи, до 400 человекъ казнено одновременно. Реми, одинъ изъ судей Нанси, хвалился сожженіемъ 800 колдуній въ теченіе 16 лѣтъ. Въ Парижѣ, по словамъ современнаго писателя, даже трудно было опредѣлить число казней, совершенныхъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Вѣжавшіе изъ Франціи въ Испанію—тамъ преслѣдовались и сожигались инквизиціей. Во Фландріи ожесточенное преслѣдованіе колдуній продолжалось въ теченіе всего XVI-го вѣка и большей части XVII-го. Въ Италіи, въ одной провинціи Комо, казнено до 1000 человекъ въ одинъ годъ. То же самое происходило въ другихъ мѣстностяхъ Италіи, въ Швейцаріи и Савойѣ. Въ Женевѣ, гдѣ тогда управленіе сосредоточивалось въ рукахъ епископа, казнено до 500 колдуній въ три мѣсяца. Въ Констанцѣ и Регенсбургѣ сожжено 48, и до 80. въ небольшомъ городѣ Валери, въ Савойѣ. Въ Швеціи, въ 1670 г., осуждено до 70, и многія изъ нихъ сожжены. Въ Англіи не было такого фанатическаго гоненія колдовства; англійское духовенство тому не сочувствовало. Но въ Шотландіи ревность пуританъ не знала предѣловъ и свирѣпствовала не менѣе упорно, чѣмъ ревность католическихъ фанатиковъ въ другихъ странахъ. Торжественно собранійся въ Эбердинѣ синодъ, въ 1603 году, вмѣнилъ въ обязанность всякому приходскому проповѣднику произвести, при содѣйствіи двухъ приходскихъ старшинъ, точнѣйшее тайное изслѣдованіе о могущихъ овазаться на мѣстѣ колдуньяхъ, спрашивая подъ присягою всѣхъ прихожанъ о томъ, чтѣ по этому предмету имъ могло быть извѣстно. Последняя казнь за колдовство состоялась въ Шотландіи, по однимъ показаніямъ, въ 1722, по другимъ—въ 1727 году. Но еще гораздо позже, въ 1773 г., члены соединеннаго присутствія постано-

¹⁾ The giving up witchcraft is in effect giving up the Bible (*Lecky*, I, 124).

²⁾ Лекки указываетъ (ч. I, стр. 2 и слѣд. и 125 и слѣд.) на длинный рядъ источниковъ, которыми онъ пользовался.

види „резолуцію“, въ которой заявляли свое вѣрованіе въ колдовство и выражали сожалѣніе о распространившемся относительно его невѣріи. Нельзя притомъ забывать, что и въ Шотландіи, какъ и въ другихъ странахъ, преслѣдованія сопровождались самыми жестокими пытками, и этими пытками, большею частью, вынуждались признанія обвиняемыхъ.

XV.

Оглядываясь на залитую слезами и кровью область религиозныхъ гоненій, мы съ ужасомъ размышляемъ о неисчислимомъ числѣ жертвъ, о свирѣпости казней и о тѣхъ безчеловѣчныхъ мученіяхъ, которыя предпосылались казнямъ. Но не на однѣхъ только жертвахъ этихъ гоненій останавливается наша мысль. На загадочномъ числѣ погибшихъ и на суммѣ ими перенесенныхъ страданій она остановиться не можетъ. Она невольно обращается и въ другой суммѣ, еще болѣе значительной, къ суммѣ нравственныхъ страданій тѣхъ, кто переживалъ погибавшихъ, кто съ ними былъ близокъ, кто съ ними былъ связанъ самыми драгоценными для человѣческаго сердца узами, кто страшился за нихъ, кто могъ тщетно надѣяться, могъ напрасно умолять, кто зналъ о пыткахъ, часто былъ свидѣтелемъ казней и до конца своей жизни долженъ былъ о томъ хранить неизгладимую память. Передъ этимъ страшнымъ, скорбнымъ итогомъ самъ собою ставится вопросъ: въ какомъ результатѣ приводило до сихъ поръ и, въ концѣ концовъ, привело его вѣеовое приращеніе?

Исторія свидѣтельствуетъ, что цѣли гоненій достигались только тамъ, гдѣ преслѣдованіе переходило въ истребленіе. Албигенсы исчезли. Въ Испаніи инквизиція выжгла начатки протестантизма. Но герцогъ Альба не успѣлъ ихъ выжечь въ Нидерландахъ. Гуситы не исчезли, но только видоизмѣнились, или скрылись временно, и потомъ слились съ другими протестантами. Тридцатилѣтняя война не воспрепятствовала половинѣ Германіи сдѣлаться и остаться протестантскою. Въ Англіи католическая іерархія возстановилась рядомъ съ англиканствомъ и диссентерами. Во Франціи, несмотря на гугенотскія войны и на отмѣну нантскаго эдикта, реформаты свободно исповѣдуютъ свою вѣру. Въ Италіи и въ самомъ Римѣ римская курія пользуется меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ въ другихъ католическихъ странахъ. Вездѣ измѣнилась церковно-общественная почва. Она измѣнилась наперекоръ дѣйствіямъ церковныхъ и гражданскихъ властей, и прежде на ней возможное—нынѣ безповоротно стало невозможнымъ.

Никто не сожалѣетъ о томъ, что теперъ костры не пылаютъ и палачи прямо не призываются въ служенію церкви. Но въ нашъ вѣкъ всякаго рода анализовъ, въ томъ числѣ и анализа историческаго, не бесполезно вдумываться въ вопросъ:—много ли пользы приносило то служеніе въ прежнія времена? Религіозныя настроенія и движенія массъ не могутъ быть насильственно возбуждаемы и направляемы въ predeterminedъ смыслѣ. Гнетъ вообще вызываетъ не фанатизмъ содѣйствія, а фанатизмъ отпора. Между тѣмъ въ выдѣляющемся изъ массъ и отдѣляющемся отъ нихъ меньшинствѣ, пользующемся большимъ досугомъ мышленія, насиліе и суровый догматизмъ возбуждаютъ колебанія и сомнѣнія, постепенно переходяція въ сознательное, систематическое и строптивое отрицаніе. Религіозныя смуты и гоненія предуготовили удобную почву для Бэйля, Гиббона, энциклопедистовъ, для тюбингенской школы и для современныхъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, профессоръ Гексли. Христіанскій кодексъ священныя писаній подвергся разлагающему критическому разбору, и вліяніе этого разбора ясно отражается на первомъ изъ двухъ потоковъ, о которыхъ упомянуто въ началѣ настоящаго очерка. Нельзя забывать, что всякая критика воспринимается легче и сразу производитъ болѣе оцутительное впечатлѣніе, чѣмъ всякое назиданіе, и что это впечатлѣніе почти одинаково при критикѣ мелочной и поверхностной, и при критикѣ, имѣющей другія свойства. Не безъ основанія сказано однимъ изъ самыхъ даровитыхъ нашихъ писателей, что „если мы, вѣрующіе, перестанемъ быть мелочными догматиками, то мы этимъ отнимемъ самое сильное оружіе у мелочной критики“.

Пора гоненій миновала. Епископъ Вальдаресъ, архіепископъ Гардинеръ и аббатъ Арнольдъ въ наше время и впредь невозможны со всею ихъ обстановкою. Но нельзя сказать, чтобы духъ религіозной нетерпимости ослабѣлъ въ одинаковой мѣрѣ съ возможностью переходить отъ разномыслія къ преслѣдованію. Полувраждебныя взаимныя отношенія разныхъ христіанскихъ исповѣданій до сихъ поръ служатъ союзниками рационалистическому взгляду на христіанство. Всмотриваясь въ современные обстоятельства, мы должны сознавать, что мы далеки отъ единенія церквей. Но, быть можетъ, отъ насъ зависѣло бы менѣе быть далекими отъ мира между церквами, и болѣе постоянно памятовать сказанное намъ, въ нагорной проповѣди, о миротворцахъ, милостивыхъ и кроткихъ.

Графъ П. А. Валугевъ.

ПО ПОВОДУ РЕФОРМЫ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

— Ближайшія нужды мѣстнаго населенія. *Бар. П. Л. Корфа.* Спб. 1888.

Представимъ себѣ человѣка, хорошо знавшаго великорусскую деревню начала шестидесятыхъ годовъ, но не выдавшаго ее, затѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ двадцати-пяти лѣтъ, проведенныхъ вдали отъ Россіи. Онъ возвращается въ родное село—и замѣчаетъ уже на пути къ нему, что далеко не все осталось по-прежнему. Гдѣ нужно было переѣзжать рѣку вбродъ, — тамъ теперь стоитъ мостъ; гдѣ нужно было съ опасностью жизни спускаться въ глубокую долину и съ трудомъ подниматься на крутую гору, — тамъ теперь устроена дамба. Въ деревняхъ, черезъ которыя проѣзжаетъ путешественникъ, онъ встрѣчаетъ какія-то новыя постройки, рѣзко отличающіяся отъ остальныхъ; ему говорятъ, что это земскія школы или земскія больницы. Пріѣхавъ къ себѣ и возобновивъ знакомство съ сосѣдями-крестьянами, онъ узнаетъ, что между ними нѣтъ больше неграмотныхъ мальчиковъ и очень мало неграмотныхъ дѣвочекъ. Въ каждой избѣ, въ которую онъ заходитъ, онъ видитъ нѣсколько книгъ, купленныхъ хозяиномъ по просьбѣ дочери или сына, или взятыхъ послѣдними изъ школьной бібліотеки. Ему случается заставить всю семью собранною вокругъ бывшаго или настоящаго школьника и слушающаго чтеніе Евангелія, или „Сельскаго Вѣстника“, или одного изъ хорошихъ народныхъ разсказовъ. Въ церкви онъ пріятно изумленъ стройнымъ пѣніемъ хора, составленнаго изъ учениковъ земской школы и руководимаго ея учителемъ. На вопросы о нравственномъ вліяніи школы онъ получаетъ со всѣхъ сторонъ отвѣты въ родѣ тѣхъ, какіе были

даны г. Красеву священниками курсунскаго уѣзда ¹⁾. Онъ спрашивается о знахаряхъ и знахаркахъ, которыхъ знавалъ въ молодые годы; ему сообщаютъ, что они потеряли свой прежній кредитъ, потому что народъ привыкъ къ правильной врачебной помощи, доставляемой ему земствомъ. Хорошо помня пустоту больницъ, кое-гдѣ, во времена крѣпостного права, созданныхъ чьимъ-нибудь преходящимъ капризомъ, пріѣзжай пораженъ наплывомъ больныхъ въ земскіе пріемные покои, вездѣ переполненные свыше мѣры. Еще болѣе чуднымъ кажется ему соблюденіе—въ русской глухой деревнѣ!—нѣкоторыхъ гигиеническихъ или санитарныхъ мѣръ, о которыхъ еще недавно не было слышно и во многихъ большихъ русскихъ городахъ. Осмотрѣвшись и осѣвшись на мѣстѣ, кое-съ-къмъ побесѣдовавъ и кое-что почитавъ, онъ находитъ еще много другихъ поводовъ для удивленія. Онъ убѣждается въ томъ, что пожары и эпизоотіи, благодаря земскому страхованію, далеко не такъ разорительны, какъ прежде. Земская статистика показываетъ ему во-очію такия стороны народной жизни, которыя онъ считалъ недоступными для изученія. Въ губернскомъ городѣ онъ посѣщаетъ земскую больницу для умалишенныхъ, уменьшившую одно изъ самыхъ тяжелыхъ деревенскихъ золъ — безпріютность и беспомощность душевныхъ больныхъ. Онъ узнаетъ о существованіи женской учительской школы, учрежденной земствомъ и поднимающей все больше и больше умственный и нравственный цензъ народной учительницы. Все видѣнное и слышанное возбуждаетъ въ немъ желаніе познакомиться съ исторіей земства, съ его дѣятельностью въ другихъ губерніяхъ—и параллельно съ этимъ знакомствомъ въ его душѣ растетъ уваженіе къ новой силѣ, столь много успѣвшей сдѣлать въ столь короткое время. Земскія ходатайства развертываютъ передъ нимъ широкую картину желаемыхъ улучшеній, составляющихъ логическій выводъ изъ преобразованій шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ. Еще болѣе знаменательными являются, въ его глазахъ, отвѣты, данные земствомъ на правительственные запросы 1871 и 1881 гг. Прошедшее бросаетъ свѣтъ на настоящее еще въ одномъ отношеніи. Оно помогаетъ понять, что помѣшало земству сдѣлать больше и пойти дальше; оно объясняетъ пробѣлы и недочеты земской работы... Въ довершеніе всего, нашему пріѣзжему приходится провести нѣсколько времени въ губерніи не-земской—и найти здѣсь точнѣйшую копію съ того, чѣмъ была, четверть вѣка назадъ, нынѣшняя земская Россія. Онъ перестаетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣми переменами къ лучшему русская деревня обязана земству—и именно въ это время до него доходитъ слухъ, будто земство, въ на-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 1 „Вѣстн. Европы“ за текущій годъ.

стоящемъ своемъ видѣ, отживаетъ свой вѣкъ, что его ждетъ коренная передѣлка, въ духѣ, прямо противоположномъ дѣйствующему земскому положенію. Нетрудно вообразить себѣ, какъ велико должно быть его разочарованіе; того ли онъ былъ въ правѣ ожидать, на то ли онъ могъ надѣяться?..

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ положеніи нашего воображаемаго путешественника находится теперь, со времени недавнихъ газетныхъ сообщеній, значительная часть русскаго общества. Не вполне непредвидѣннымъ является, пожалуй, стремленіе ввести въ земскія учрежденія сословное начало: объ этомъ хлопотало уже меньшинство Кахановской комиссіи, объ этомъ говорилось въ журнальныхъ статьяхъ, получившихъ, съ теченіемъ времени, полу-официальный характеръ. Совѣтъ другое дѣло — отмѣна самостоятельности земскихъ собраній, причисленіе земскихъ управъ къ сонму „присутственныхъ мѣстъ“, земскихъ дѣятелей — къ сонму чиновниковъ; этого до сихъ поръ никто не предлагалъ прямо и открыто. Раздавались, правда, громовыя рѣчи противъ самоуправленія вообще, противъ такъ-называемой „независимости“ города и земства, но онѣ не облекались въ форму опредѣленныхъ требованій, и остріе преобразованія оставалось направленнымъ, повидимому, лишь на *составъ*, а не на *устройство* и *способъ дѣйствій* земскихъ учреждений. Тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, которое должно быть произведено болѣе достовѣрными свѣденіями о проектируемой земской реформѣ. Отмѣна учрежденія предпринимается, обыкновенно, только тогда, когда его недостатки рѣшительно и несомнѣнно преобладаютъ надъ его сильными сторонами и не могутъ быть устранены путемъ отдѣльныхъ, частныхъ поправокъ. Таково было, напримѣръ, положеніе старыхъ, до-реформенныхъ судовъ или старыхъ городскихъ думъ, живо похороненныхъ, абсолютно неспособныхъ къ возрожденію. Между ними и земствомъ нѣтъ ничего общаго; оно полно движенія и жизни, его недуги легко излечимы, его пороки не могутъ быть названы органическими. Упреки, съ болѣшимъ или мѣньшимъ правомъ дѣлаемые однимъ земствамъ, уравниваются похвалами, воздаваемыми другимъ ¹⁾. Съ разныхъ сторонъ слышится признаніе, что земская дѣятельность идетъ впередъ, всецѣло наполняя отведенныя для нея рамки и не стараясь выйти за ихъ предѣлы; что составъ земскихъ собраній измѣняется къ лучшему; что они строже, чѣмъ прежде, контролируютъ свои исполнительные органы — земскія управы. Зданіе, однимъ словомъ, стоитъ крѣпко и требуетъ только ремонта, предрѣшеннаго указаніями опыта.

¹⁾ Припомнимъ, напримѣръ, Высочайшее одобреніе, заслуженное организаціей земской медицины въ тамбовской губерніи (см. Внутр. Обзоръ въ № 11 за 1886 г.).

Между сословными постройками, возведенными гораздо раньше, нѣтъ ни одной, которая могла бы выдержать сравненіе съ земской, ни одной, которая могла бы послужить образцомъ для ея передѣлки. Трудно отыскать такой образецъ и между произведеніями бюрократической архитектуры. Мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ, ни одного вѣдомства, которому удалось бы достигнуть, въ продолженіе четверти вѣка, хотя бы половины того, что сдѣлано земствомъ... Ничто не даетъ права думать, что земство сословное и зависимое оставить далеко позади себя земство безсословное и болѣе или менѣе самостоятельное; ничто не уполномочиваетъ утверждать, что Положеніе 1-го января 1864 г. — одинъ изъ величайшихъ актовъ прошедшаго царствованія—было ошибкой, подлежащей исправленію. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, присмотримся поближе къ главнымъ чертамъ проектируемой реформы.

Учебники и журнальныя статьи по русскому государственному праву давно уже констатировали въ нашемъ земскомъ дѣлѣ одинъ серьезный недостатокъ: противорѣчіе между назначеніемъ земства и его формальной постановкой. Задачи, осуществляемыя земствомъ, имѣютъ, болѣею частью, чисто-государственный характеръ, а между тѣмъ земство разсматривается какъ институтъ гражданскаго права, ставится на одинъ уровень съ частными товариществами или обществами. Не отрицая этого противорѣчія, мы думаемъ, что оно коренится не столько въ самомъ текстѣ закона, сколько въ позднѣйшихъ толкованіяхъ, и что практическое его значеніе не такъ велико, какъ кажется съ перваго взгляда. При составленіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ вовсе не имѣлось въ виду сдѣлать ихъ частными юридическими лицами, безвластными и непричастными къ государственной жизни. „Земское управленіе, — читаемъ мы въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, при которой положеніе о земскихъ учрежденіяхъ было внесено въ государственный совѣтъ ¹⁾, — есть только особый органъ одной и той же государственной власти и отъ нея получаетъ свои права и полномочія; земскія учрежденія, имѣя свое мѣсто въ государственномъ организмѣ, не могутъ существовать внѣ его и, наравнѣ съ прочими учрежденіями, подчиняются тѣмъ общимъ условіямъ и тому общему направленію, которыя устанавливаются центральной государственною властью“. О „гражданскомъ“, „частномъ“ характерѣ земскихъ учреждений здѣсь нѣтъ и рѣчи; законодатель прямо видитъ въ нихъ органъ *государственнаго управленія*. И дѣйствительно, право облагать населеніе обязательнымъ къ

¹⁾ „Матеріалы по земскому общественному устройству“, т. II, стр. 356 (Спб., 1886, изданіе министерства внутреннихъ дѣлъ).

уплатѣ сборомъ, право издавать обязательныя постановленія, право избирать судей и администраторовъ (непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій)—все это, безспорно, функціи чисто-государственнаго свойства. Правительство и земство вовсе не противоположны между собою, сферы дѣйствій того и другого вовсе не принадлежать къ различнымъ областямъ права. Взглядъ на земство, какъ на институтъ частный, не-государственный, образовался, думается намъ, мало-помалу, вслѣдствіе одной аномаліи, допущенной составителями положенія о земскихъ учрежденіяхъ и обостренной практическимъ его примѣненіемъ. Земскимъ учрежденіямъ не дано непосредственной исполнительной власти. Они постановляютъ рѣшенія, но для приведенія ихъ въ дѣйствіе должны обращаться къ мѣстной администраціи; они налагаютъ сборы, взысканіе которыхъ производится полиціею вѣдъ всякаго земскаго контроля. Отсюда сходство между земствомъ и частными обществами, бросающееся въ глаза и заслоняющее различія, въ сущности гораздо болѣе важныя. Иллюзіи способствуетъ и то, что активное вмѣшательство правительства въ земскую дѣятельность представляется сравнительно рѣдкимъ; роль правительства по отношенію къ земству — преимущественно наблюдающая, сдерживающая, точно также какъ и по отношенію къ частнымъ обществамъ. Чтобы возстановить въ полной силѣ государственное значеніе земства—то значеніе, которое предполагалось дать ему съ самаго начала—нѣтъ надобности нарушать основы, на которыхъ зиждется Положеніе 1864-го года. Земство можетъ быть самостоятельнымъ—и все-таки быть облеченнымъ властью; оно можетъ быть ограждено отъ всякаго произвола—и все-таки участвовать въ государственномъ управленіи. Безъ полномочій со стороны правительства немислимо самое существованіе земскихъ учреждений; весь вопросъ въ томъ, должно ли земство пользоваться ими подѣ чужой указкой или свободно? должно ли оно подчиняться административной опеке или только закону? До сихъ поръ земство считалось совершеннолѣтнимъ; слѣдуетъ ли провозгласить его „несоврѣвшимся“, уменьшить его правоспособность, совершить надѣ нимъ, какъ говорили римскіе юристы, *capitis diminutionem*?

Если вѣрить газетнымъ слухамъ, самостоятельность земскихъ учреждений предполагается подвергнуть двумъ главнымъ ограниченіямъ: ни одно постановленіе земскаго собранія не будетъ вступать въ силу безъ предварительнаго утвержденія губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ, и на мѣсто земскихъ управъ, *избираемыхъ* земскими собраніями, будутъ поставлены земскія присутствія, *назначаемыя* административною властью (изъ среды гласныхъ земскихъ собраній). Остановимся сначала на первомъ изъ этихъ двухъ

предположеній. Если губернаторъ не согласится съ какимъ-либо постановленіемъ земскаго собранія—все равно, губернскаго или уѣзднаго—онъ сообщаетъ объ этомъ губернскому земскому собранію; если послѣднее не найдетъ возможнымъ отмѣнить или измѣнить оспоренное постановление, дѣло переносится къ министру внутреннихъ дѣлъ, разрѣшающему его окончательно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда рѣчь идетъ объ увеличеніи земской смѣты, вопреки мнѣнію земскаго собранія (такое увеличеніе можетъ быть допущено только комитетомъ министровъ). Та же рѣшающая власть принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ и по отношенію къ тѣмъ земскимъ постановленіямъ, которыя прямо представляются на его утвержденіе ¹⁾. Пережѣна въ отношеніяхъ между земствомъ и администраціей проектируется, такимъ образомъ, самая радикальная. Теперь губернаторъ можетъ протестовать противъ постановленій земскихъ собраній только въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстные сроки; по смыслу проекта, предварительное утвержденіе администраціею становится непремѣннымъ условіемъ дѣйствительности *всякаго* земскаго постановленія. Теперь губернаторскіе протесты разсматриваются первымъ департаментомъ сената, т.-е. коллегіею, имѣющею характеръ административнаго суда; проектъ же предоставляетъ окончательное разрѣшеніе разногласій дискреціонной власти одного лица, солидарнаго, по своему положенію, съ мѣстной губернской администраціей. Другими словами, центръ тяжести земскаго дѣла переходитъ отъ естественныхъ его представителей, прямо заинтересованныхъ въ его успѣхѣ, къ центральной власти, стоящей далеко отъ мѣста дѣйствія и не посвященной во всѣ подробности спорнаго вопроса. Отвѣтственность за правильный ходъ земскаго дѣла снимается съ непосредственныхъ его участниковъ и переносится на такую вышину, гдѣ она становится чисто-номинальной. Представимъ себѣ частное лицо, обязанное испрашивать разрѣшеніе на каждый шагъ, на каждое отдѣльное дѣйствіе; можно ли ожидать отъ него энергіи, предприимчивости, стремленія впередъ, широкаго развитія природныхъ силъ? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что послѣ нѣсколькихъ вынужденныхъ остановокъ, послѣ нѣсколькихъ veto, наложенныхъ на любимую мысль, на тщательно обдуманый планъ, у него опустятся руки и пропадетъ охота бороться съ препятствіями, все равно непреодолимыми? Учрежденіе ничѣмъ, въ этомъ отношеніи, не отличается отъ частнаго лица; оно точно такъ же не станетъ повторять попытокъ, встрѣчающихъ власт-

¹⁾ Сюда относятся, напримѣръ, постановленія о болѣе крупныхъ земскихъ займахъ, о перечисленіи губернскихъ земскихъ дорогъ въ проселочныя, о переложеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя, объ истребленіи вредныхъ животныхъ и т. п.

ное противодѣйствіе, и погрузится въ сонъ, тѣмъ болѣе глубокой, что ему благопріятствуетъ вся обстановка нашей провинціальной жизни. Если земство, въ продолженіе истекшихъ двадцати-трехъ лѣтъ, не заразилось апатіей, царствовавшей вокругъ него, не переставало трудиться, упорно преслѣдуя однажды намѣченныя задачи и постоянно открывая новые пути, то это объясняется сравнительною свободой дѣйствій, ему принадлежавшей. Сознаніе *права* заставляло чувствовать *обязанность* и служило стимуломъ къ дѣятельности. Именно потому, что рядомъ съ принудительными расходами земство могло производить и добровольные, именно потому, что въ нѣкоторыхъ сферахъ земской работы никто не говорилъ работающимъ: „сдѣлайте то-то! не смѣйте дѣлать этого! поступайте такъ, а не иначе!“ — именно потому земству и удалось воздвигнуть тѣ нерукотворные памятники, которые, какова бы ни была дальнѣйшая его судьба, обезпечиваютъ за нимъ признательность Россіи. А между тѣмъ, оно долго не имѣло передъ собой никакихъ указаній опыта, оно должно было создавать въ одно и то же время и цѣли, и средства; справедливо ли отдавать его въ послушаніе теперь, когда оно вышло или выходитъ изъ періода сомнѣній и колебаній? Такъ ли привлекательна перспектива зависимаго, подвластнаго существованія, чтобы привлечь въ земскія собранія лучшихъ людей изъ всѣхъ классовъ общества?.. Гдѣ, наконецъ, основаніе думать, что при разногласіи между земствомъ и администраціей истина и право всегда будутъ на сторонѣ послѣдней? Шансовъ ошибки для отдѣльнаго лица, недавно, можетъ быть, познакомившагося съ данною мѣстностью, не соединеннаго съ нею никакою внутреннею связью, во многомъ, по необходимости, полагающагося на донесенія и доклады своихъ подчиненныхъ — гораздо больше, чѣмъ для собранія мѣстныхъ жителей, благосостояніе которыхъ находится въ прямой зависимости отъ постановляемыхъ ими рѣшеній. Чѣмъ выше поднимается дѣло по административной лѣстницѣ, тѣмъ вѣроятнѣе неправильный его исходъ, потому что тѣмъ полнѣе его оторванность отъ нормальной его обстановки.

Необходимость предварительнаго административнаго утвержденія всѣхъ безъ изъятія земскихъ постановленій мотивируется — какъ уже было сказано нами выше — *исударственнымъ* характеромъ земскаго дѣла. Принимая посылку, мы выводимъ изъ нея совершенно другое заключеніе. Никто не сомнѣвается въ государственномъ характерѣ функцій, принадлежащихъ суду присяжныхъ; но развѣ приговоры присяжныхъ должны подлежать, вслѣдствіе этого, утвержденію государственной власти?.. Государственнымъ свойствомъ дѣла обуславливается только одно: возможно-точное регулированіе его положитель-

нымъ закономъ. Земское дѣло удовлетворяетъ теперь этому условію далеко не вполне—и здѣсь, можетъ быть, коренится источникъ настроенія, угрожающаго самостоятельности земства. Чувствуется, что земской дѣятельности недостаетъ опредѣленности, недостаетъ ясно обозначенныхъ границъ и нормъ—и для устраненія этого недостатка предполагается взять земство на административный буксиръ. Нѣтъ ли тутъ логической ошибки? Опредѣленность достигается не путемъ подстановки одного произвола на мѣсто другого; границы и нормы создаются не „усмотрѣніемъ“, а твердыми, постоянными правилами, одинаково обязательными для всѣхъ и cadaго. Нужно изучить, въ чемъ именно состоятъ пробѣлы существующаго устройства земскихъ учреждений—и затѣмъ устранить ихъ изданіемъ новеллы, оставляющей неприкосновеннымъ все остальное. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Право самообложенія, принадлежащее земскимъ учреждениямъ, поставлено въ строго опредѣленныя рамки только по отношенію къ торговымъ свидѣтельствамъ, билетамъ и патентамъ. Сборъ съ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ можетъ быть повышаемъ *ad libitum*; никакихъ предѣльныхъ нормъ для него не установлено. Не существуетъ также никакихъ точныхъ правилъ для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ; отсюда возможность льготнаго обложенія однихъ имуществъ въ ущербъ другимъ, возможность большаго обремененія крестьянскихъ земель сравнительно съ помѣщичьими, или наоборотъ. Въ какой мѣрѣ эта возможность переходитъ въ дѣйствительность, часто ли встрѣчаются на практикѣ сознательныя или бессознательныя злоупотребленія властью, предоставленною земскимъ учреждениямъ—это вопросъ весьма сложный и до сихъ поръ достаточно неразъясненный; безспорно только одно—что земское обложеніе представляется, кое-гдѣ, неуравнительнымъ и слишкомъ высокимъ. Можетъ ли это служить аргументомъ въ пользу административной опеки надъ земствомъ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Произволъ останется произволомъ, кому бы онъ ни былъ ввѣренъ; измѣнится, можетъ быть, общее его направленіе, но не исчезнутъ сопряженныя съ нимъ аномалія и неудобства. Перемѣстить зло—не значитъ еще устранить его. Раціональнымъ можетъ быть названо только такое леченіе, которое направлено прямо противъ источника болѣзни. Нужно опредѣлить максимумъ обложенія для земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ, подобно тому, какъ онъ давно уже опредѣленъ для торговыхъ документовъ; нужно установить основныя нормы для оцѣнки, допускающія, конечно, приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ, но исключающія возможность явныхъ правонарушеній. И то, и другое вполне осуществимо, осуществимо именно въ настоящую минуту. За возможность и необходимость установить

теперь же максимальныя нормы земскаго обложенія высказался недавно и одинъ изъ самыхъ опытныхъ земскихъ дѣятелей — баронъ П. Л. Корфъ, въ своей брошюрѣ о „Ближайшихъ нуждахъ земскаго управленія“ Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ для такихъ нормъ не было никакихъ матеріаловъ; ничего не было приведено въ извѣстность, вездѣ приходилось дѣйствовать ощупью, начинать съ самаго начала, закладывать фундаментъ для будущей постройки. Теперь, благодаря земству, данныхъ вездѣ собрано достаточно, свѣтъ внесенъ во всѣ углы, и ничто не мѣшаетъ приступить къ окончательнымъ выводамъ. Драгоценны даже ошибки, сдѣланныя земскимъ собраніемъ: онѣ служатъ предостереженіемъ для будущаго и ясніе указываютъ путь, котораго слѣдуетъ держаться... Съ установленіемъ нормъ, полагающихъ предѣлъ чрезмѣрному увеличенію земскихъ расходовъ и обезпечивающихъ интересы каждой группы плательщиковъ, упадетъ, очевидно, всякое основаніе утверждать, что земство должно быть взято въ опеку за расточительность, за неумѣнье сберегать ввѣренныя ему средства. Ограниченія, насколько они необходимы, будутъ указаны самимъ закономъ.

Тѣмъ же путемъ—т.-е. путемъ законодательныхъ опредѣленій, регулирующихъ, но не стѣсняющихъ земскую дѣятельность—могутъ быть развязаны и всѣ другіе узлы, разсѣаемые проектомъ. Нѣтъ такой цѣли, достиженію которой препятствовала бы самостоятельность земскихъ учреждений; нѣтъ такой перемѣны къ лучшему, которой нельзя было бы осуществить на почвѣ дѣйствующаго земскаго права. Однимъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ земства служить излишняя торопливость и тенденціозность, допущенная имъ, будто бы, въ замѣнѣ натуральныхъ повинностей денежными. Эта замѣна признается вредной и для наиболѣе, и для наименѣе достаточныхъ классовъ населенія,—и для крупныхъ землевладѣльцевъ, и для крестьянства. Въ такой постановкѣ вопроса заключается явное противорѣчіе. Либеральная тенденція, приписываемая земству, не могла же быть направлена во вредъ крестьянамъ; нельзя же предположить, что, перенося часть бремени съ однихъ плечъ на другія, земство возложило новую тяжесть именно на тѣхъ, кому хотѣло доставить облегченіе. Допустимъ, однако, что переходъ отъ натуральной повинности къ денежной не обошелся, кое-гдѣ, безъ вольныхъ или невольныхъ погрѣшностей и упущеній; отсюда вытекаетъ необходимость правилъ, съ соблюденіемъ которыхъ подобный переходъ совершался бы на будущее время, но отнюдь не предоставленіе его на усмотрѣніе администраціи. Единственная гарантія противъ *тенденціозности*—твердый, разъ навсегда опредѣленный порядокъ; безъ него можетъ идти рѣчь только о замѣнѣ одной *тенденціи* другою. Опытъ

послѣднихъ двадцати лѣтъ даетъ достаточно матеріаловъ для регламентаціи повинностей, для установленія нормъ, которыми должно было бы, въ этомъ отношеніи, руководствоваться земство. За такое разрѣшеніе вопроса стоитъ и баронъ П. Л. Корфъ, въ брошюрѣ, на которую мы выше ссылались. Онъ предлагаетъ опредѣленную норму числа пѣшихъ рабочихъ дней, которые обязанъ отбыть въ каждое время года каждый взрослый рабочий мужескаго пола, а также—числа дней, падающаго на каждую рабочую лошадь или пару рабочихъ воловъ, съ тѣмъ, чтобы повинность падала на всѣхъ, безъ различія сословій и званій, но подлежала выкупу по опредѣленной таксѣ. Правильно ли это предложеніе по существу—это вопросъ, въ обсужденіе котораго мы теперь не входимъ; для насъ важно только доказать, что въ дѣлѣ отпращиванія повинностей, какъ и во всякомъ другомъ, можно обойтись безъ административнаго усмотрѣнія.

Предоставленное самому себѣ, земство—если вѣрить его противникамъ—имѣетъ наклонность не только къ расточенію земскихъ средствъ, но и къ распоряженію ими какъ бы достояніемъ господствующаго въ данную минуту большинства. Мы видѣли уже, что для ограниченія земскихъ сборовъ, а слѣдовательно и земскихъ расходовъ, достаточно установить максимумъ земскаго обложенія. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что бережливость уже теперь, безъ всякихъ внѣшнихъ понужденій, торжествуетъ во многихъ земскихъ собраніяхъ: напряженіе платежныхъ силъ—тамъ, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ,—вызываетъ реакцію и ведетъ иногда даже къ противоположной крайности, къ избытку экономіи. Не вездѣ, конечно, расходы растутъ въ одномъ и томъ же направленіи, не вездѣ и не всегда заботливость земства сосредоточивается на однихъ и тѣхъ же предметахъ; съ измѣненіемъ большинства часто измѣняются, до извѣстной степени, и стремленія собранія—но это и не можетъ быть иначе, въ этомъ нѣтъ ничего вреднаго или аномальнаго. Гдѣ существуетъ свобода дѣйствій, тамъ немислима механическая правильность движенія, немислимо безусловное постоянство средствъ и цѣлей; отсутствіе однообразія вознаграждается энергіею, съ которою ведется излюбленное дѣло. Весьма возможно, что въ продолженіе одного трехлѣтія большинство собранія печется всего усерднѣе о школахъ, въ продолженіе другого—о больницахъ; но развѣ лучше было бы, еслибы всѣ отрасли земскаго хозяйства были предметомъ попеченій всегда одинаковыхъ, но всегда „казенныхъ“, холодныхъ, формальныхъ?.. Или, быть можетъ, большинство собранія разсматриваетъ земскую кассу какъ свое частное достояніе, употребляетъ ее въ свою личную пользу? Это было бы уже нарушеніемъ уголовного закона, возможнымъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, но,

конечно, не составляющимъ характеристической черты земскаго дѣла. Такъ ли безграниченъ, наконецъ, произволъ земскаго собранія, чтобы оно могло распоряжаться земскою кассою на подобіе хозяина, руководствующагося девизомъ: „праву моему не препятствуй“? Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоить только вспомнить, что $\frac{3}{4}$ всѣхъ земскихъ расходовъ (или даже половина, если отнести въ ту же рубрику издержки по содержанию путей сообщенія) имѣютъ характеръ обязательный, а изъ остальной половины около $\frac{1}{4}$ идетъ на народное образованіе и народное здоровье ¹⁾. Много ли остается, затѣмъ, простора для произвольныхъ распоряженій, для капризовъ измѣнчиваго большинства, для безцѣльной или своекорыстной игры земскими средствами?.. Достаточно ли, съ другой стороны, одной административной опеки, чтобы предупредить колебанія и увлеченія въ расходованіи земскихъ суммъ? Развѣ у губернаторовъ — мѣняющихся, иногда, столь же быстро, какъ и составъ земскихъ собраній—не можетъ быть своихъ симпатій, своихъ преобладающихъ вкусовъ? Развѣ нельзя предположить, что при одномъ губернаторѣ свободныя земскія средства будутъ затрачиваться преимущественно на одинъ, при другомъ—преимущественно на другой предметъ?.. Направленіе и настроеніе большинства сплошь и рядомъ оказываются болѣе устойчивыми, чѣмъ направленіе и настроеніе отдѣльнаго лица, облеченнаго властью. Составъ и духъ собранія часто остаются почти безъ перемѣнъ въ продолженіе нѣсколькихъ трехлѣтій; губернаторъ рѣдко усваиваетъ себѣ всѣ наклонности и планы своего предшественника.

Къ земскимъ расходамъ примѣнимо, впрочемъ, замѣчаніе, сдѣланное нами относительно земскихъ сборовъ: они могутъ и должны подлежать, до извѣстной степени, законодательной нормировкѣ. Свобода дѣйствій не должна превращаться въ свободу бездѣйствія. Стѣснить земскія учрежденія въ выборѣ путей и приѣмовъ, руководить каждымъ ихъ шагомъ, безпрестанно предписывать имъ одно, запрещать другое,—значило бы подорвать ихъ жизненную силу; но между земскими задачами не мало найдется такихъ, исполненіе или неисполненіе которыхъ не можетъ быть предоставлено всецѣло усмотрѣнію земскаго собранія. Нельзя допустить, на примѣръ, чтобы земство ничего или почти ничего не предпринимало для охраненія народнаго здоровья, для предупрежденія и прекращенія эпидемій и эпизоотій, для поддержанія въ исправности необходимѣйшихъ путей сообщенія. Для всѣхъ этихъ отраслей земскаго хозяйства слѣдовало бы установить извѣстную минимальную норму, выполненіе которой было бы обязательно для земства. Въ моментъ изданія земскаго положенія

¹⁾ Мы заимствуемъ эти цифры изъ „Земскаго Ежегодника“ за 1884 г.

объ этомъ нельзя было и думать, за недостаткомъ точнаго масштаба, съ помощью котораго можно было бы установить наименьшій размѣръ земскихъ обязательствъ; теперь такимъ масштабомъ являются указанія двадцатилѣтняго опыта земскихъ учреждений. Сравненіе результатовъ, достигнутыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и условий, при которыхъ они достигнуты, позволяетъ опредѣлить, чего именно можно *требовать* отъ каждаго земства, не напрягая его платежныхъ силъ и не развивая одну сторону земскаго хозяйства въ ущербъ другимъ. Положимъ, напримѣръ, что изъ двухъ сосѣднихъ уѣздовъ, ни въ чемъ существенномъ не отличающихся другъ отъ друга, одинъ тратитъ на медицинскую часть 10%, другой—почти 40% своего бюджета. Не ясно ли, что первый можетъ—а слѣдовательно и долженъ—сдѣлать для народнаго здоровья гораздо больше?.. Нормировка должна была бы коснуться, прежде всего, минимума услугъ, которыхъ населеніе въ правѣ ожидать отъ земства; она должна была бы опредѣлить, напримѣръ, максимальное число душъ, на которое долженъ приходиться одинъ земскій врачъ и одинъ земскій пріемный покой. Сообразно съ этимъ, слѣдовало бы установить и минимумъ затраты на данный предметъ; но еслибы она превышала средства уѣзда, ему должно было бы принадлежать право на пособіе изъ губернскихъ земскихъ суммъ или отъ казны.

Нормировка земскихъ задачъ и земскихъ расходовъ привела бы сама собой къ разрѣшенію вопроса, совершенно неправильно обрабатываемого теперь въ орудіе противъ самостоятельности земскихъ учреждений. Говорятъ, что обособленность земства отъ администраціи влечетъ за собою напрасную трату личныхъ и матеріальныхъ силъ, заставляя держать двойной комплектъ врачей, ветеринаровъ, землемѣровъ, архитекторовъ—правительственныхъ и земскихъ. Этому неудобству легко будетъ положить конецъ, какъ только будутъ установлены обязанности земства по всѣмъ главнымъ предметамъ земскаго хозяйства. Тогда сдѣлается яснымъ, необходимо ли сохранить правительственныхъ агентовъ наряду съ земскими, или возможно возложить на послѣднихъ функціи, теперь принадлежащія первымъ. Исчезнуть тогда, конечно, такія отжившія, антиквированныя учрежденія, какъ, напримѣръ, комитеты общественнаго здравія; отношенія правительственныхъ органовъ къ земскимъ вездѣ и во всемъ получатъ надлежащую простоту и опредѣленность. Правительственный контроль станетъ болѣе дѣйствительнымъ и болѣе серьезнымъ, потому что расширится сфера требованій, обязательныхъ для земства. Посредникомъ между администраціей и земствомъ, при такомъ положеніи дѣлъ, безъ всякаго затрудненія можетъ остаться сенатъ, потому что для разрѣшенія пререканій всегда будетъ существовать

строго законная почва — и это уже одно кажется намъ достаточнымъ, чтобы склонить вѣсы на сторону защищаемой нами системы. Историческія преданія, вѣками утвержденный авторитетъ, коллегіальный составъ, судейское спокойствіе и безпристрастіе, непричастаость къ воянствующей администраціи—все говорить въ пользу сената, какъ верховнаго рѣшителя административно-земскихъ споровъ. Наоборотъ, все говорить противъ предоставленія этой роли министру внутреннихъ дѣлъ. Слѣдить за ходомъ земскаго дѣла въ каждомъ уѣздѣ, входить въ подробности каждаго частнаго случая, возбуждающаго разногласіе между губернаторомъ и земскимъ собраніемъ, разрѣшать по существу самыя разнообразныя вопросы, иногда исключительно мѣстнаго характера, брать на себя инициативу новыхъ предпріятій, новыхъ сборовъ, новыхъ расходовъ—все это превышаетъ силы одного человѣка, обремененнаго, притомъ, множествомъ другихъ, болѣе важныхъ занятій. Громадное большинство дѣлъ, номинально подвѣдомственныхъ министру внутреннихъ дѣлъ, будетъ разрѣшаться, de facto, правителемъ канцеляріи губернатора или столоначальникомъ министерскаго департамента—а между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ сосредоточитъ въ своихъ рукахъ такую власть, какою никогда не пользовалось у насъ ни одно министерство. Во времена наибольшей централизаціи управленія и наибольшихъ административныхъ полномочій, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ не стоялъ во главѣ государственной полиціи—она находилась въ вѣдѣніи третьяго отдѣленія—и не былъ безусловнымъ распорядителемъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновъ—исправники выбирались дворянствомъ; земскія повинности хотя и входили въ кругъ дѣйствій министерства внутреннихъ дѣлъ, но значеніе ихъ было совершенно ничтожно. Теперь министръ внутреннихъ дѣлъ облеченъ всѣми правами шефа жандармовъ—а на него предполагается возложить назначеніе и увольненіе земскихъ начальниковъ, разрѣшеніе жалобъ на губернскія по сельскимъ дѣламъ присутствія, разрѣшеніе разногласій между губернаторами и земскими собраніями, утвержденіе цѣлаго ряда земскихъ постановленій, однимъ словомъ, общее завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ и высшее управленіе „сельскими сословіями“, т. е. девятью-десятью населенія имперіи! Въ его лицѣ сосредоточились бы, такимъ образомъ, функціи, раздѣленныя теперь между первымъ, вторымъ и обоими кассационными департаментами сената, земскими собраніями и министерствомъ юстиціи. Ничего подобнаго наша исторія не представляетъ; это не оправдывается ни указаніями прошедшаго, ни требованіями на-

водворенію произвола въ земскомъ дѣлѣ, отдать земскихъ

собраній въ вѣденіе и распоряженіе администраціи, мы противопоставляемъ *законодательную регламентацію задачъ и обязанностей земства*, естественнымъ результатомъ которой было бы точное опредѣленіе отношеній между администраціей и земствомъ. Ничто не мѣшало бы тогда признать прямо и открыто, что земскія учрежденія служатъ органами государственной власти, отъ нея заимствуютъ свои полномочія и входятъ въ составъ государственнаго управленія. Ничто не мѣшало бы увеличить связь между земствомъ и администраціей, предоставивъ послѣдней обращаться къ первому съ предложеніями всякаго рода, разсмотрѣніе которыхъ было бы обязательно для земскихъ собраній. Мы не видимъ причины, по которой губернаторъ не могъ бы лично присутствовать въ земскихъ собраніяхъ или посылать туда своихъ уполномоченныхъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса. Этимъ путемъ можно было бы предупредить множество разногласій, множество протестовъ. Совмѣстное обсужденіе дѣлъ, одинаково важныхъ для администраціи и для земства, положило бы конецъ взаимной отчужденности, отъ которой только одинъ шагъ до непріязни. Право инициативы въ земскомъ дѣлѣ предоставляется администраціи и проектомъ, но оно имѣетъ здѣсь совершенно другое значеніе. Разъ что земское собраніе не можетъ постановлять никакихъ *рѣшеній*, разъ что послѣднее, властное слово принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, администраціи, губернатору нѣтъ надобности заботиться о томъ, чтобы его предложенія были приняты собраніемъ, нѣтъ надобности, слѣдовательно, и обставлять ихъ тщательно провѣренными данными и вѣскими аргументами. Онъ знаетъ, что отъ собранія все равно ничто не зависитъ и что попытка *убѣдить* его—трудъ совершенно напрасный; къ чему убѣждать, когда можно приказать?.. Отдача земства въ послушаніе администраціи—плохое средство привлечь послѣднюю къ плодотворной работѣ на пользу земства и вмѣстѣ съ земствомъ.

Замѣняя *выборныя* земскія управы *назначенными* земскими присутствіями, проектъ исходитъ, повидимому, изъ того убѣжденія, что несостоятельность выборнаго начала доказана опытомъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, и что серьезный правительственный контроль надъ выборными должностными лицами принадлежитъ къ числу задачъ неосуществимыхъ. Не будемъ входить въ оцѣнку дѣятельности земскихъ управъ; она неотдѣлима отъ оцѣнки результатовъ, достигнутыхъ земствомъ—а наше мнѣніе объ этихъ результатахъ выражено съ достаточною ясностью въ началѣ настоящей статьи. Замѣтимъ только, что если выборныя земскія управы и оставляютъ желать весьма многого, то отнюдь не большаго, чѣмъ масса назначенныхъ должностныхъ лицъ и учреждений. Едва ли можно утверждать, на примѣръ, что уровень исправниковъ выше уровня предсѣдателей уѣзд-

ныхъ земскихъ управъ; что губернскимъ правленіямъ принадлежить пальма первенства сравнительно съ губернскими земскими управами; что мировые судьи въ земскихъ губерніяхъ уступаютъ мировымъ судьямъ западнаго края. Ошибочно было бы думать, также, что институтъ выборный есть, по необходимости, институтъ обособленный, оторванный отъ всѣхъ остальныхъ органовъ государственнаго управленія. Лучшимъ доказательствомъ противнаго опять-таки служатъ выборные мировые судьи; руководящій надзоръ сената сближаетъ ихъ съ судомъ короннымъ, поддерживаетъ въ нихъ сознаніе солидарности съ великимъ цѣлымъ, въ составъ котораго они входятъ. Законъ призываетъ мировыхъ судей къ участию въ смѣшанныхъ присутствіяхъ—по дѣламъ городскимъ, по дѣламъ крестьянскимъ,—и совѣстная дѣятельность ихъ съ должностными лицами, служащими по назначенію отъ правительства, не встрѣчаетъ никакихъ существенно-важныхъ затрудненій. Въ настоящее время правительственный контроль надъ земскими управами ослабляется, съ одной стороны, неопредѣленностью обязанностей, лежащихъ на земствѣ, съ другой стороны—сложными формальностями, которыми обставлено привлеченіе земскихъ дѣятелей къ судебной отвѣтственности. Когда администрація будетъ съ точностью знать, чего она, по каждой отрасли земскаго хозяйства, въ правѣ требовать отъ земства, наблюденіе ея за дѣятельностью земскихъ управъ получитъ совершенно другой смыслъ и уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ номинальнымъ... Предсѣдатели и члены управы могутъ быть подчинены особому дисциплинарному суду, составленному изъ представителей земства, администраціи и судебной власти; возбужденіе противъ нихъ судебного преслѣдованія можетъ быть упрощено и облегчено, инициатива его можетъ быть предоставлена въ равной мѣрѣ земскому собранію и губернатору.

Каково будетъ положеніе земскихъ присутствій, проектируемыхъ взаимнъ земскихъ управъ? Уѣздное присутствіе образуется изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, назначаемыхъ на три года, т.-е. на одинъ избирательный періодъ: первый—по соглашенію губернатора съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства, изъ числа гласныхъ-дворянъ, послѣдніе—по соглашенію губернатора съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, изъ числа гласныхъ вообще. Губернское присутствіе составляется изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, назначаемыхъ, на три года, по соглашенію губернатора съ губернскимъ предводителемъ дворянства, изъ числа гласныхъ-дворянъ. Итакъ, чтобы попасть въ предсѣдатели или члены присутствія, необходимо, во-первыхъ, быть избраннымъ въ гласные, во-вторыхъ—заслужить расположеніе губернатора и его совѣтниковъ. Зависимость, такимъ образомъ, оказывается двойная или тройная и требуетъ,

прежде всего, большихъ дипломатическихъ способностей. Нужно умѣть ладить и съ избирателями, и съ начальствомъ, и съ представителями высшаго сословія. Это—цѣлая наука, и лицу, дорожающему своимъ положеніемъ, придется посвятить ей не меньше времени и труда, чѣмъ самому дѣлу. Представимъ себѣ, что дворянинъ А. выбранъ въ гласные почти единодушно, и уже не въ первый разъ; его способности и заслуги извѣстны всѣмъ и каждому—но онъ не въ ладу съ предводителемъ, можетъ быть только потому, что ограничивалъ его предсѣдательское всевластіе, и этого довольно, чтобы закрыть ему доступъ въ составъ присутствія. Противъ дворянина Б., соединяющаго въ себѣ тѣ же качества, какъ и А., предводитель ничего не имѣетъ, но губернаторъ находитъ его недостаточно гибкимъ и покорнымъ—и онъ также устраняется изъ числа кандидатовъ. Дворянинъ В. цѣлое трехлѣтіе какъ нельзя лучше ладилъ съ администраціей, но сословнымъ его избирателямъ не нравится его холодность къ специально-сословнымъ интересамъ; они не выбираютъ его въ гласные на слѣдующее трехлѣтіе—и онъ не можетъ остаться членомъ присутствія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ составъ присутствій, устроенныхъ согласно предположеніямъ проекта, будутъ входить преимущественно люди безцвѣтные, безхарактерные, блѣдные, умѣющіе служить не столько дѣлу, сколько „и нашимъ, и вашимъ“. Они внесутъ въ земскую службу внѣшній порядокъ, канцелярскую рутину, казенную исполнительность, но не живую любовь къ труду, не горячую преданность долгу. Земскія присутствія увеличатъ собою число „присутственныхъ мѣстъ“, и безъ того уже немалое, но едва ли умножатъ сумму работы, совершаемой на общую пользу. Отъ мелкихъ ячеекъ общественной жизни они будутъ столь же отдалены, какъ и земскія управы; земство по прежнему будетъ лишено исполнителей, близкихъ къ населенію. Быть можетъ, волостныя правленія будутъ нѣсколько внимательнѣе къ требованіямъ земскихъ присутствій, чѣмъ къ требованіямъ земскихъ управъ—но велика ли, вообще, исполнительная способность волостныхъ правленій? Не ясно ли, что настоящими представителями земства на мѣстахъ нынѣшніе волостные старшины и волостные писаря служить не могутъ?.. Какимъ путемъ можно было бы достигнуть лучшей организаціи земскихъ исполнительныхъ органовъ, какое мѣсто они могли бы занять въ уѣздномъ и участковомъ управленіи—это вопросъ чрезвычайно сложный, котораго мы здѣсь разбирать не можемъ. Напомнимъ только, что способовъ его рѣшенія было до сихъ поръ предложено не мало, и что между ними едва ли найдется хотя бы одинъ, который уступалъ бы предначертаніямъ проекта. Мы никакъ не можемъ согласиться съ барономъ П. Л. Корфомъ, предлагающимъ объ-

единить уѣздное и губернскае управленіе путемъ назначенія исправника членомъ уѣздной земской управы, вице-губернатора — *председателемъ* губернской земской управы; но даже и при этой системѣ все-таки осталось бы не мало простора для выборнаго начала и общественной самостоятельности, совершенно подавляемыхъ въ официальномъ проектѣ земской реформы.

Проектъ, какъ мы уже видѣли, опредѣляетъ съ точностью число членовъ губернскаго и уѣзднаго земскаго присутствія; признавая ихъ состоящими на государственной службѣ, онъ зачисляетъ ихъ въ соотвѣтствующіе классы должностей (V-й — для председателей губернскаго присутствія, VI-й — для членовъ этого присутствія и для председателей уѣзднаго присутствія, VII-й — для членовъ уѣзднаго присутствія; на одинъ уровень съ мировыми судьями ставятся, такимъ образомъ, только председатели губернскихъ присутствій) и назначаетъ имъ опредѣленное содержаніе: председателю губернскаго присутствія — 3.500 рублей, члену губернскаго присутствія и председателю уѣзднаго — 2.000 рублей, члену уѣзднаго присутствія — 1.000 рублей. Въ основаніи этой регламентаціи лежитъ, повидимому, тяжкій упрекъ нынѣшнимъ земскимъ собраніямъ. Они заподозрѣваются въ томъ, что слишкомъ щедро награждаютъ своихъ уполномоченныхъ, слишкомъ быстро поднимаютъ размѣръ вознагражденія председателей и членовъ земскихъ управъ. На мѣсто расточительности предполагается, очевидно, водворить разумную бережливость. Ближайшее разсмотрѣніе вопроса, по доступнымъ для насъ даннымъ, натолкнуло насъ, однако, на слѣдующую странность. Земскія учрежденія дѣйствуютъ въ 359 уѣздахъ тридцати-четырехъ губерній. Полагая по 4.000 р. на содержаніе председателей и членовъ 359 уѣздныхъ и по 9.500 р. на содержаніе председателей и членовъ 34 губернскихъ присутствій, мы получимъ суммы въ 323.000 и въ 1.436.000 руб., а всего — 1.759.000 руб. Между тѣмъ на содержаніе председателей и членовъ 359 уѣздныхъ земскихъ управъ тратится въ настоящее время нѣсколько меньше 1.350.000 рублей, на содержаніе председателей и членовъ губернскихъ земскихъ управъ — около 328.000 рублей, а всего — менѣе 1.680.000 рублей, т.-е. слишкомъ на восемьдесятъ тысячъ меньше противъ того, во что обошлось бы проектируемое содержаніе земскихъ присутствій. А между тѣмъ за меньшую сумму получается теперь большее количество труда, потому что въ нѣкоторыхъ губернскихъ управахъ — болѣе трехъ, во многихъ уѣздныхъ управахъ — болѣе двухъ членовъ. Не ясно ли, что земскія учрежденія, разсматриваемыя какъ одно цѣлое, вовсе не грѣшатъ излишнею расточительностью, и что заслуживаютъ упрека, въ этомъ отношеніи, только отдѣльныя — и немногія — земскія собранія? Приведемъ еще рядъ

цифръ, не менѣе характеристичныхъ. Изъ числа предсѣдателей губервскихъ земскихъ управъ больше проектируемой нормы (3.500 р.) получаютъ только 14, меньше — 18 (жалованье двоихъ равняется нормѣ). Изъ числа предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ больше нормы (2.000 р.) или наравнѣ съ нею получаетъ съ небольшимъ одна треть, меньше нормы — почти двѣ трети; изъ числа членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ меньше нормы (1.000 р.) получаетъ около $\frac{4}{7}$. Есть предсѣдатели уѣздныхъ управъ, получающіе 1.000 руб. и даже меньше (въ Сольвычегодскѣ — 900, въ Чухломѣ — 800 рублей); есть члены уѣздныхъ управъ, получающіе менѣе 500 рублей (въ Красноѣ — 333 р., въ Торопцѣ — 300 рублей). Есть, наконецъ, члены управъ, вовсе не получающіе жалованья. Разнообразіе окладовъ, существующихъ въ настоящее время, объясняется различіемъ мѣстныхъ условій. Весьма естественно, что небогатое земство, съ бюджетомъ въ 40—50 тысячъ рублей, назначаетъ своимъ уполномоченнымъ болѣе скромное содержаніе, чѣмъ земство, расходующее ежегодно отъ ста до двухсотъ тысячъ рублей. Дороговизна или дешевизна жизни, широкое или узкое развитіе земскаго хозяйства, значительное или незначительное число кандидатовъ на земскія должности, продолжительность или кратковременность службы каждаго отдѣльнаго лица — все это также не можетъ не отражаться на размѣрѣ содержанія, назначаемаго предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ. Къ установленію неподвижныхъ, однообразныхъ окладовъ жалованья мы не видимъ, поэтому, рѣшительно никакихъ основаній; совершенно достаточно было бы устранить возможность случайныхъ злоупотребленій, опредѣливъ, для каждой земской должности, максимальную норму вознагражденія, не слишкомъ высокую, но и не слишкомъ низкую и зависящую отчасти отъ общей цифры земскихъ расходовъ.

Уничтожая самостоятельность земскихъ учреждений, проектъ самымъ кореннымъ образомъ измѣняетъ и ихъ составъ. Съ этой стороны реформы, несмотря на всю ея важность, мы можемъ покончить гораздо скорѣе, потому что основная ея мысль была подробно разсмотрѣна нами еще въ прошедшемъ году ¹⁾. Существующая теперь группировка избирателей, основанная на характерѣ владѣнія (личные землевладѣльцы, собственники городскихъ имуществъ, сельскія общества), замѣняется группировкой чисто-сословной. Первую группу составляютъ дворяне, потомственные и личные; вторую — лица городскихъ состояній (потомственные и личные почетные граждане,

¹⁾ См. „Сословное начало въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи“, въ № 4 „Вѣстника Евр. пн.“ за 1887 г.

купцы, мѣщане или посадскіе, ремесленники или пеховые); третью—представители сельскихъ обществъ и отдѣльные крестьяне, приписанные, въ предѣлахъ уѣзда, къ волости или сельскому обществу. Право непосредственнаго участія въ избирательномъ сѣздѣ или сходѣ принадлежитъ тому, кто владѣеть землею въ размѣрѣ нынѣ дѣйствующаго земскаго ценза или инымъ недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ не менѣе пятнадцати тысячъ рублей. Дворяне и лица городскихъ состояній, владѣющіе землею въ количествѣ не меньшемъ одной десятой части ценза или инымъ недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ не менѣе полуторы тысячи рублей, имѣютъ право избирать изъ своей среды уполномоченныхъ на соотвѣтствующій сословный, т.-е. дворянскій или городской сѣздъ; крестьяне, удовлетворяющіе тѣмъ же условіямъ владѣнія, участвуютъ на волостномъ сходѣ въ избраніи выборщиковъ, образующихъ (вмѣстѣ съ крестьянами-владѣльцами полнаго ценза) крестьянскій избирательный сходъ. Каждый сѣздъ или сходъ можетъ выбирать въ гласные только тѣхъ, кто въ немъ участвуетъ или имѣетъ право участвовать; другими словами, отмѣняется право крестьянъ избирать въ гласные священниковъ или землевладѣльцевъ изъ среды другихъ сословій. Не даетъ больше избирательнаго права ни взятіе купческаго свидѣтельства, ни владѣніе промышленнымъ или хозяйственнымъ заведеніемъ, имѣющимъ общій годовой оборотъ производства на сумму не менѣе шести тысячъ рублей. Священнослужители, какъ владѣльцы церковной земли, исключаются изъ числа избирателей, но епархіальному начальству предоставляется посылать отъ себя уполномоченнаго какъ въ уѣздное, такъ и въ губернское земское собраніе. Въ составъ уѣзднаго собранія входитъ также представитель города (какъ владѣльца городской земли), избираемый городской думой. Безъ выборовъ становятся гласными (какъ уѣздными, такъ и губернскими) крупные землевладѣльцы, если земля находится въ ихъ родѣ не менѣе десяти лѣтъ. Размѣръ землевладѣнія, дающаго это право, измѣняется смотря по мѣстности. Всѣ земскія губерніи раздѣляются, въ этомъ отношеніи, на семь группъ, смотря по стоимости земли: въ первой (семь губерній) право непосредственнаго участія въ собраніи принадлежитъ владѣльцамъ 3.500 десятинъ; во второй (шесть губерній) — владѣльцамъ 5.000 десятинъ; въ третьей (шесть губерній) — владѣльцамъ 6.000 десятинъ; въ четвертой (пять губерній) — владѣльцамъ 7.000 десятинъ; въ пятой (двѣ губерніи) — владѣльцамъ 10.000 десятинъ; въ шестой (четыре губерніи) — владѣльцамъ 12.000 десятинъ; въ седьмой (четыре губерніи) — владѣльцамъ 15.000 десятинъ. Въ составъ губернскаго земскаго собранія вводятся, наконецъ, всѣ уѣздные предводители дворянства.

Такова, въ главныхъ чертахъ, проектируемая организація земскихъ избирательныхъ группъ и земскихъ собраній. Намъ поражаетъ здѣсь, прежде всего, совершенное игнорированіе длиннаго ряда земскихъ ходатайствъ, направленныхъ къ пониженію избирательнаго ценза. Со времени изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ цѣнность земли возросла значительно и повсемѣстно — а между тѣмъ проектъ удерживаетъ прежнія нормы поземельнаго ценза, повышая даже минимальный его предѣлъ для мелкихъ землевладѣльцевъ (съ одной двадцатой до одной десятой части полнаго ценза). Всякій разъ, когда возникала рѣчь о земской реформѣ, на первый планъ выступалъ, дальше, вопросъ объ образовательномъ и служебномъ цензѣ, о приуроченіи избирательнаго права не къ одной только имущественной состоятельности, но и къ умственному и нравственному развитію избирателей. Проектъ не устанавливаетъ ничего подобнаго; онъ признаетъ только имущественный цензъ, ограничивая его, притомъ, владѣніемъ землею или другимъ недвижимымъ имуществомъ. Всѣ остальные плательщики земскаго сбора — промышленники, фабриканты, купцы — остаются за флагомъ, сколько бы они ни вносили въ пользу земства. Послѣдовательностью даже въ проведеніи начала матеріальной заинтересованности проектъ, такимъ образомъ, не отличается... Весьма полезными гласными бывали, до сихъ поръ, священники, избранные на землевладѣльческихъ или крестьянскихъ сѣздахъ; участіе ихъ въ земствѣ признается теперь несогласнымъ съ каноническими постановленіями. Почему же, въ такомъ случаѣ, оно допускалось въ теченіе цѣлой четверти вѣка? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что правило, во имя котораго проектируется переимѣна, допускаетъ, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько различныхъ толкованій, и что вполнѣ возможно держаться того изъ нихъ, которое освящено долговременною практикою? *Избранныхъ* священниковъ священники *командированные*, безъ сомнѣнія, не замѣнять: далеко не одно и то же — исполнять порученіе начальства или дѣйствовать въ силу свободнаго, непри-
нужденнаго довѣрія избирателей.

Уравновѣшиваются ли всѣ эти пробѣлы и недостатки проекта преимуществами новой группировки избирателей, новаго устройства избирательныхъ сѣздовъ? Составляетъ ли каждый сѣздъ однородное, гармоничное, крѣпко сплоченное цѣлое, сильное общностью стремленій и солидарностью интересовъ? Совершенно наоборотъ. Чтѣ общаго между потомственными — и личными дворянами, между потомственными почетными гражданами — и мѣщанами или цеховыми, между городскими домовладѣльцами — и уѣздными землевладѣльцами, между крестьянами-крупными собственниками — и крестьянами-представителями сельскихъ обществъ? Къ кому чувствуетъ себя ближе почетный гражда-

нинъ, пріобрѣвшій это званіе окончаніемъ курса наукъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи и владѣющій, по наслѣдству, помѣщичьей усадьбой и нѣсколькими сотнями десятинъ земли—къ своему ли сосѣду-дворянину, съ которымъ у него множество общихъ интересовъ и ежедневныхъ сношеній, или къ купцу, владѣющему домомъ въ уѣздномъ городѣ и игнорирующему все то, что дѣлается въ уѣздѣ? Неужели настоящее мѣсто владѣльца нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли, ведущаго крупное хозяйство и остающагося крестьяниномъ только по имени—на сходѣ уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ, а не на сѣздѣ личныхъ землевладѣльцевъ? Представимъ себѣ, что онъ запишется въ купцы; въ немъ самомъ, въ его взглядахъ и наклонностяхъ, въ его отношеніи къ дѣлу не измѣнится отъ этого рѣшительно ничего—а между тѣмъ онъ перейдетъ изъ одной избирательной группы въ другую. То же самое слѣдуетъ сказать и о домовладѣльцѣ-личномъ почетномъ гражданинѣ, произведенномъ въ чинъ, съ которымъ сопряжено личное дворянство, и передвигающемся, вслѣдствіе того, изъ сѣзда городскихъ состояній въ сѣздѣ дворянскій. При группировкѣ по интересамъ, подобныя скачки, ничѣмъ не вызываемые и не оправдываемые, совершенно немислимы... За исключеніемъ развѣ крестьянъ, всѣ сословія одинаково заинтересованы въ земскомъ дѣлѣ; специально-дворянскаго, купческаго, мѣщанскаго отношенія къ этому дѣлу нельзя себѣ и представить. Возможенъ будетъ только дворянскій, купчешскій, мѣщанскій индифферентизмъ, если сословная близорукость доставитъ торжество принципу: „моя хата съ краю, ничего не знаю“ или: „своя рубашка ближе къ тѣлу“.

Не ограничиваясь обособленіемъ дворянства, проектъ отводитъ ему львиную долю въ земскомъ представительствѣ. Всѣхъ уѣздныхъ гласныхъ числится, въ настоящее время, 13.328; проектъ уменьшаетъ эту цифру до 10.879. Гласныхъ отъ землевладѣльцевъ теперь 6.284 (47,1⁰/₀); гласныхъ отъ дворянъ, на основаніи проекта, должно быть 4.818 (44,3⁰/₀), а вмѣстѣ съ гласными, избираемыми на соединенныхъ сѣздахъ дворянъ и лицъ городскихъ состояній ¹⁾ — 5.016 (46,1⁰/₀). Оба отношенія, повидимому, весьма близки одно къ другому; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что между теперешними гласными отъ землевладѣльцевъ, какъ и между ихъ избирателями, много педворянъ (во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ дворянъ—между теперешними членами городскихъ избирательныхъ сѣздовъ и гласными, избираемыми отъ этихъ сѣздовъ). Проектируемое число

¹⁾ Такіе сѣзды проектируются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало дворянъ (губерніи вологодская, вятская, олонечная, пермская).

гласныхъ отъ городскихъ состояній (1.400) составляетъ, вмѣстѣ съ представителями городовъ (359), около 16.2% общаго числа гласныхъ, превышая ту пропорцію, которой достигаетъ теперь число гласныхъ отъ городскихъ избирательныхъ сѣздозъ (1.694 изъ 13 328—12.7%); но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ настоящее время городскіе избирательные сѣзды обнимаютъ собою только городскихъ плательщиковъ земскаго сбора, а при дѣйствиіи проекта—съ послѣдними сольются всѣ лица городскихъ состояній, пользующіяся избирательнымъ правомъ въ качествѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Отношеніе гласныхъ отъ крестьянъ къ общему числу гласныхъ понижается проектомъ почти на 2½ процента (теперь 5.350 изъ 13.328—40.1%, а по проекту 4.104 изъ 10.879—37,7%); но къ этому необходимо прибавить, что при дѣйствиіи Положенія 1864 г. гласные отъ крестьянъ являются исключительно представителями сельскихъ обществъ, а при дѣйствиіи проекта они будутъ представителями сельскихъ обществъ и *крестьянъ-крупныхъ собственниковъ*, что далеко не одно и то же.

Для того чтобы упрочить за дворянами преобладающую роль въ земскомъ дѣлѣ, проектъ назначаетъ по одному гласному отъ дворянъ на каждые двадцать земельныхъ цензовъ, или на каждыя триста тысячъ стоимости недвижимыхъ имуществъ; между тѣмъ, по отношенію къ лицамъ городскихъ состояній одинъ гласный назначается на тридцать земельныхъ цензовъ, или на четыреста-пятьдесятъ тысячъ стоимости недвижимыхъ имуществъ. Это еще не все: въ составъ собраний вводятся, какъ мы уже сказали, гласные по собственному праву—крупные землевладѣльцы. Ошибочно было бы думать, что число такихъ гласныхъ будетъ незначительно и не произведетъ замѣтной перемѣны въ составѣ земскихъ собраний. Есть уѣзды, въ которыхъ ихъ оказывается до 16, 19, 20, даже до 22; по губерніямъ ихъ насчитывается отъ двухъ до восьмидесяти, а во всѣхъ тридцати-четырехъ губерніяхъ—болѣе 1.100. Необходимо имѣть въ виду, что проектъ сильно уменьшаетъ число *избираемыхъ* гласныхъ, какъ уѣздныхъ (съ 13.328 до 10.879), такъ и губернскихъ (съ 2.284 до 1.950). Достаточно, поэтому, весьма небольшого числа гласныхъ неизбранныхъ, чтобы существенно измѣнить отношеніе между различными категориями гласныхъ. Гласные по собственному праву могутъ и не быть дворянами ¹⁾; но de facto значительное ихъ большинство—болѣе трехъ четвертей—окажется принадлежащимъ къ дворянскому сосло-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи проектъ отступаетъ отъ извѣстнаго мнѣнія меньшинства казановской комиссіи, допускавшаго крупныхъ землевладѣльцевъ къ непосредственному участию въ собраніи лишь подъ условіемъ сословнаго, образовательнаго или служебнаго ценза.

вію. Остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ, особенно типичныхъ. Въ бобровскомъ уѣздѣ (воронежской губерніи) имѣется въ настоящее время 31 гласный отъ землевладѣльцевъ, два—отъ города, 29—отъ сельскихъ обществъ; при дѣйствіи новой системы бобровское уѣздное собраніе будетъ состоять изъ 15 дворянъ, 5 представителей городскихъ сословій, одного представителя города, 10 крестьянъ и 16 гласныхъ по собственному праву. Предполагая, что три-четверти изъ числа послѣднихъ — дворяне, мы получимъ 27 дворянъ противъ 20 не-дворянъ, т.-е. абсолютное преобладаніе одного сословія надъ всѣми другими. Въ аткарскомъ уѣздѣ (саратовской губерніи) теперь имѣется 33 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, 4 отъ города и 29 отъ сельскихъ обществъ; при дѣйствіи новой системы аткарское уѣздное собраніе будетъ состоять изъ 33 дворянъ, 10 представителей городскихъ сословій, одного представителя города, 23 крестьянъ и 20 гласныхъ по собственному праву. Считаая и здѣсь въ послѣдней категоріи три-четверти дворянъ, мы получимъ 48 дворянъ противъ 39 не-дворянъ. Это—явленія далеко не исключительныя; мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что абсолютный численный перевѣсъ окажется на сторонѣ дворянъ въ большинствѣ уѣздныхъ земскихъ собраній. Еще радикальнѣе перемѣна, проектируемая въ составѣ губернскихъ земскихъ собраній. Возьмемъ, для примѣра, саратовскую губернію, въ которой насчитывается восемьдесятъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Кромѣ нихъ въ составъ губернскаго земскаго собранія войдутъ, по праву, всѣ уѣздные предводители дворянства, числомъ 10. Уѣзднымъ собраніямъ саратовской губерніи проектъ предоставляетъ посылать въ губернское собраніе 79 гласныхъ (вмѣсто теперешнихъ 89)—т.-е. *меньше половины общаго числа гласныхъ. Девяносто* не подлежащихъ избранію гласныхъ противъ *семидесяти-девяти* избираемыхъ—это цифра по истинѣ поразительная, при которой едва ли можетъ быть рѣчь о „земскомъ представительствѣ“. Замѣтимъ, дальше, что между гласными первой категоріи будетъ 76 дворянъ (66 крупныхъ землевладѣльцевъ и 10 предводителей), а изъ числа гласныхъ второй категоріи громадное большинство также окажется, безъ сомнѣнія, на сторонѣ дворянъ, потому что въ нѣсколькихъ уѣздныхъ собраніяхъ дворянъ будетъ больше половины. Губернскія земскія собранія обратятся, такимъ образомъ, въ нѣчто весьма похожее на собранія дворянскія. Введеніе крупныхъ землевладѣльцевъ въ составъ земскихъ собраній исказить земство до неузнаваемости, не оставитъ камня на камнѣ во всемъ томъ, что составляло до сихъ поръ главную и лучшую его особенность. Изъ-за чего же, спрашивается, предпринимать такую пертурбацію отношеній? Неужели интересы нѣсколькихъ сотенъ землевладѣльцевъ до такой степени дороги и важны, чтобы нарушить

изъ-за нихъ всякое подобіе равновѣсія между различными группами населенія? Если владѣніе 3.499 десятинами—въ одной изъ черноземныхъ, 11.999 десятинами— въ одной изъ сѣверозападныхъ губерній—не требуетъ специальной охраны, то неужели она необходима для владѣнія 3.501 или 12.001 десятиной?.. Искусственное увеличеніе податного бремени, падающаго на крупныхъ землевладѣльцевъ, составляетъ рѣдкое исключеніе—а можетъ быть и небывалое явленіе— даже теперь, когда ничѣмъ не ограниченъ ростъ и распоряженіе поземельнаго земскаго сбора; съ опредѣленіемъ максимальныхъ нормъ, съ установленіемъ точныхъ правилъ оцѣнки и раскладки опасность неравномѣрнаго обложенія, отяготительнаго для крупныхъ землевладѣльцевъ, исчезнетъ совершенно и безслѣдно. Нельзя не пожалѣть, что за включеніе крупныхъ землевладѣльцевъ въ составъ земскихъ собраній высказывается и такой земскій дѣятель, какъ баронъ П. Л. Корфъ. Никакихъ мотивовъ въ пользу этой мѣры онъ не приводитъ, предполагая, что ея „цѣлесообразность“ и „справедливость“ разумѣются сами собою (1). Съ официальнымъ проектомъ онъ расходится только въ томъ отношеніи, что прибавляетъ къ имущественному цензу цензъ сословный: право быть гласнымъ, помимо выборовъ, должно принадлежать, по мнѣнію барона Корфа, только крупнымъ землевладѣльцамъ—потомственнымъ дворянамъ. До крайности неудачнымъ кажется намъ и другое предложеніе бар. Корфа— ввести въ составъ уѣзднаго собранія, на правахъ гласныхъ, депутата дворянства и кандидата къ уѣздному предводителю. вмѣстѣ съ самимъ предводителемъ насчитывалось бы, такимъ образомъ, трое гласныхъ-дворянъ, участвующихъ въ собраніи по собственному праву— и этого было бы, во многихъ случаяхъ, вполне достаточно для искусственнаго измѣненія большинства. Слѣшимъ замѣтить, впрочемъ, что баронъ Корфъ отвергаетъ сословную группировку гласныхъ и стоитъ за сохраненіе, въ главныхъ чертахъ, нынѣ дѣйствующей избирательной системы.

Послѣднее существенное нововведеніе проекта заключается въ томъ, что участіе въ земствѣ, теперь имѣющее характеръ *правъ*, признается *обязанностью*. Баллотировкѣ на избирательномъ сѣздѣ подвергается каждый участвующій или имѣющій право участвовать въ немъ, если о томъ заявитъ кто-либо изъ присутствующихъ. Законнымъ поводомъ къ отказу отъ званія гласнаго признается только шестидесятилѣтній возрастъ, исполненіе обязанностей гласнаго въ продолженіе двухъ трехлѣтій, бытность гласнымъ въ другомъ уѣздѣ и нахожденіе на государственной службѣ, въ такой должности, которая освобождаетъ отъ земской дѣятельности. За неявку въ собраніе безъ законныхъ причинъ (болѣзнь и т. п.) гласные подвергаются,

по постановленію собранія, въ первый разъ — замѣчанію, во второй разъ — денежному штрафу (до 100 рублей), въ третій разъ — исключенію изъ собранія до конца сессіи. Цѣлесообразность всѣхъ этихъ постановленій кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительною. Кто избранъ въ гласные противъ воли, тотъ всегда съумѣетъ уклониться отъ явки въ собраніе — и въ крайнемъ случаѣ предпочтетъ уплатить штрафъ, чѣмъ принять на себя исполненіе непосильной или неприятой обязанности. Многія изъ числа лицъ, имѣющихъ право участвовать въ избирательномъ сѣздѣ, живутъ далеко отъ мѣста нахождения собранія: между тѣмъ достаточно *одною* предложенія (внушеннаго, быть можетъ, недоброжелательствомъ или злорадствомъ), чтобы они были подвергнуты баллотировкѣ и избраны въ гласные. Справедливо ли требовать отъ нихъ, чтобы они бросили свои обычныя занятія и ѣхали за нѣсколько тысячъ верстъ, для участія въ собраніи, не представляющемъ для нихъ ровно никакого интереса? Другое дѣло, если кто-либо выбранъ въ гласные добровольно, по собственному желанію; для него посѣщеніе собранія составляетъ, безспорно, нравственную обязанность — но взысканіе штрафовъ за неисполненіе этой обязанности и здѣсь не принесетъ большой пользы, потому что почти всегда можетъ быть приведена законная причина неявки. Увеличить число лицъ, посѣщающихъ избирательныя сѣзды и баллотирующихся въ гласные, а также число гласныхъ, усердно посѣщающихъ собранія, можно только однимъ путемъ: *поднятіемъ значенія земскихъ собраній*. Проектъ приводитъ къ противоположному результату — и нѣтъ такихъ искусственныхъ мѣръ, которыми можно было бы возбудить усердіе, парализируемое ограниченіемъ правъ и потерей самостоятельности.

Нашъ общій выводъ таковъ: ломка земскихъ учреждений ненужна и въ высшей степени опасна. Избирательная система требуетъ улучшеній, но отнюдь не радикальной передѣлки въ смыслѣ водворенія сословнаго начала. Дѣятельность земства должна быть точнѣе регулирована закономъ, но въ предѣлахъ, для нея установленныхъ, она остается независимой и свободной. Прошедшее бросаетъ, въ данномъ случаѣ яркій свѣтъ на будущее; учредить административную опеку надъ земствомъ, значило бы пойти на перекоръ указаніямъ опыта и требованіямъ современной жизни.

К. АРЕНЬЕВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1888 г.

„Особое мнѣніе“ одного изъ предводителей дворянства о нѣкоторыхъ сторонахъ административной реформы.— Два противоположные вида соединенія властей.— Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1885-й годъ.— Практическіе результаты закона 3 мая 1883 г.— Различныя формы борьбы съ расколомъ.— Къ вопросу о вѣротерпимости.— Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1886 г.

Говоря, въ предыдущемъ внутреннемъ обзорѣни, о неудобствахъ предоставленія земскимъ начальникамъ судебной власти почти въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ она принадлежитъ теперь мировымъ судьямъ, мы не упомянули объ одномъ предложеніи, имѣющемъ характеръ компромисса. Исходя отъ одного изъ губернскихъ предводителей дворянства, участвовавшихъ въ предварительномъ обсужденіи мѣстной административной реформы, оно направлено къ тому, чтобы ограничить судебныя функціи земскихъ начальниковъ гораздо меньшимъ числомъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Земскій начальникъ—такова основная мысль предложенія—долженъ быть облеченъ судебною властью приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ облеченъ былъ ею мировой посредникъ. Юрисдикціи его должны подлежать дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія: дѣла о потравахъ и другихъ поврежденіяхъ полей, луговъ и иныхъ угодій, *на какую бы то ни было сумму*; дѣла, проистекающія изъ договоровъ о наймѣ на сельскія работы, *также на какую бы то ни было сумму*; дѣла объ уголовныхъ проступкахъ, чаще всего встрѣчающихся въ сельскомъ быту (неисполненіе требованій начальства, ослушаніе полиціи, оскорбленіе полевыхъ и лѣсныхъ сторожей, ссоры и драки въ публичномъ мѣстѣ, пьянство, угрозы, самоуправство, самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ, лѣсныя порубки и т. п.). Намъ кажется, что компромиссъ, построенный на такихъ началахъ, ничѣмъ бы не былъ лучше крайней мѣры. Въ вѣденіи уѣздныхъ мировыхъ судей осталось бы такъ много гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, что объ упраздненіи,

даже о сколько-нибудь значительномъ сокращеніи этой отрасли мирового института не могло бы быть и рѣчи. Нельзя же было бы, въ самомъ дѣлѣ, требовать, чтобы для взысканія нѣсколькихъ десятковъ рублей по домашней долговой роспискѣ истецъ отправлялся съ одного края уѣзда на другой, къ одному изъ двухъ уцѣлѣвшихъ мировыхъ судей. Доступность, а слѣдовательно и численность мирового суда должна была бы остаться прежняя—и мѣстному населенію пришлось бы выносить на своихъ плечахъ двойную тягость, содержать одновременно полный комплектъ мировыхъ судей и полный комплектъ земскихъ начальниковъ. Еще важнѣе, въ нашихъ глазахъ, самое свойство судебныхъ дѣлъ, которыя во всякомъ случаѣ предполагается передать въ завѣдываніе земскаго начальника. Это—именно тѣ дѣла, въ которыхъ наиболѣе заинтересовано крестьянское населеніе, въ которыхъ чаще всего проявляется экономическій антагонизмъ между крестьянствомъ и другими общественными классами. Стоить только изъять эти дѣла изъ круга дѣйствій судебныхъ (т. е. истинно-судебныхъ) учреждений—и всѣ неудобства соединенія властей обнаружатся въ полной силѣ.

Судья, чтобы быть достойнымъ этого имени, долженъ относиться совершенно одинаково ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится официально имѣть дѣло. Для одной категоріи тяжущихся или подсудимыхъ онъ долженъ быть тѣмъ же самымъ, чѣмъ для всѣхъ другихъ. Пускай онъ почувствуетъ себя особенно властнымъ надъ одними, особенно безсильнымъ передъ другими—и судейское безпристрастіе его скоро обратится въ пустое слово. Таково, между тѣмъ, положеніе земскаго начальника по отношенію къ двумъ главнымъ элементамъ, входящимъ въ составъ сельскаго населенія. По отношенію къ крестьянамъ онъ—*начальникъ*, начальникъ въ полномъ смыслѣ слова и даже вдвойнѣ: *прямо*—потому что имѣетъ право наказывать каждаго отдѣльнаго крестьянина, безъ судебного разбора, въ силу своей административно-карательной власти ¹⁾, *косвенно*—потому что ему подчинены крестьянскіе начальники: волостные старшины, сельскіе старосты, волостные судьи, и онъ можетъ дѣйствовать на крестьянъ и черезъ ихъ посредство. Прибавимъ къ этому, что онъ составляетъ, единолично или вмѣстѣ съ другими земскими начальниками, апелляціонную инстанцію по множеству существенно-важныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ сельскому сходу. Совершенно инымъ является отношеніе земскаго начальника къ землевладѣльцамъ-дворянамъ. Онъ принадлежитъ къ ихъ средѣ, назначается по соглашенію

¹⁾ Мы видѣли уже въ предыдущемъ обзорѣнн, чему равносильно право земскаго начальника предавать крестьянъ волостному суду.

съ ихъ представителями; въ коллегіи, разсматривающей жалобы на его рѣшенія и распоряженія, предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства; уѣздному же предводителю дано право ревизовать дѣлопроизводство земскаго начальника; въ губернскомъ по сельскимъ дѣламъ присутствіи, уполномоченномъ представлять министру внутреннихъ дѣлъ объ увольненіи земскихъ начальниковъ, засѣдаетъ губернской предводитель дворянства. Никакой административно-карательной власти надъ дворянами земскій начальникъ не имѣетъ, какъ бы для устраненія всякаго сомнѣнія въ томъ, что имъ онъ вовсе не *начальникъ*. Представимъ себѣ теперь, что лицу, такимъ образомъ поставленному, вѣрятся хотя бы *только* тѣ судебныя дѣла, которыя перечислены нами выше. Можно ли предположить, что онъ внесетъ въ разсмотрѣніе ихъ всѣ качества истиннаго судьи—въ особенности если ему будетъ внушено, что онъ вовсе и не долженъ считать себя судьей, что онъ всегда и вездѣ долженъ оставаться администраторомъ? Не будетъ ли онъ, въ девяти случаяхъ изъ десяти, разсуждать слѣдующимъ образомъ: „самая моя должность учреждена для того, чтобы подтянуть распущенное крестьянство, чтобы напомнить ему его обязанности относительно дворянъ-землевладѣльцевъ, чтобы возбудить въ немъ вновь угасшія чувства уваженія, страха и дисциплины. Отсюда явствуетъ, что я не долженъ быть слишкомъ разборчивъ въ оцѣнкѣ доказательствъ, разъ что они представляются въ подтвержденіе вины крестьянина передъ землевладѣльцемъ — и наоборотъ, долженъ быть очень строгъ въ опредѣленіи послѣдствій этой вины. Если крестьянинъ обвиняется въ порубкѣ или потравѣ, желательно признать его въ томъ виновнымъ—и обязательно отсутствіе снисходительности въ назначеніи наказанія. Если къ рабочему предъявленъ искъ со стороны нанимателя, желательно рѣшить дѣло въ пользу послѣдняго, потому что ипаче можетъ быть поколебленъ авторитетъ ховлевъ и данъ опасный примѣръ другимъ рабочимъ. Конечно, я не долженъ кривить душой, не долженъ осуждать явно-невиннаго; но много ли явно-невинныхъ? не составляетъ ли сильной презумпціи противъ крестьянина уже самый фактъ обвиненія его лицомъ изъ среды высшаго сословія? Въ судебномъ дѣлѣ почти всегда возникаютъ равныя сомнѣнія; я обязанъ разрѣшать ихъ въ пользу дворянина и противъ крестьянина. Поступить иначе, значило бы поставить ихъ на одну доску, т.-е. повторить ту самую ошибку, за которую такъ сильно и такъ справедливо нападали на мировыхъ судей“... Весь этотъ рядъ разсужденій вполне логиченъ, если только допустить исходную его точку; онъ можетъ показаться убѣдительнымъ и добросовѣстному человѣку, извѣстнымъ образомъ призванному къ извѣстному дѣлу. „Призваніе“ и „дѣло“ земскаго начальника обуслови-

ваются не количествомъ, а качествомъ нарушеній, признаваемыхъ ему подсудными; если въ его завѣдываніе перейдутъ всѣ главныя судебныя дѣла, возникающія изъ обычныхъ, ежедневныхъ хозяйственныхъ столкновеній и соприкосновеній деревни и барскаго двора, то этого будетъ вполне достаточно, чтобы нарушить равновѣсіе между сословіями. Не даромъ же авторъ „особаго мнѣнія“ настаиваетъ на томъ, чтобы дѣла о потравахъ и о нарушеніяхъ договора личнаго найма были отнесены къ вѣдѣмству земскаго начальника *независимо отъ ихъ суммы*. Въ этихъ дѣлахъ заключается центръ тяжести экономическихъ междусословныхъ отношеній; разъ что они будутъ сосредоточены *всѣцѣло* въ рукахъ земскаго начальника, онъ будетъ настоящимъ господиномъ положенія, хотя бы рядомъ съ нимъ и стоялъ мировой судья, для рѣшенія дѣлъ безразличныхъ и безцвѣтныхъ.

Въ „особомъ мнѣніи“, на которое мы только-что ссылались, есть, однако, и другая сторона, заслуживающая тѣмъ большаго вниманія, чѣмъ меньше авторъ мнѣнія можетъ быть заподозрѣнъ въ систематическомъ противодѣйствіи реформѣ. Онъ возражаетъ противъ признанія за дворянами исключительнаго права на занятіе должности земскаго начальника, находя, что эта исключительность можетъ, „въ недалекомъ будущемъ, принести большой вредъ дворянству“. „Крестьяне, — говоритъ онъ дальше, — послѣ двадцати-пяти лѣтъ безнаказаннаго (?) нанесенія дворянству вреда и убытковъ (?), въ послѣдніе два года лучше стали относиться къ своимъ бывшимъ помѣщикамъ, и можно ожидать еще большаго между ними сближенія. Но при исключительномъ правѣ дворянъ быть земскими начальниками крестьяне обвиняютъ дворянство въ исходатайствованіи себѣ карательной надъ ними власти—и это несомнѣнно опять возбудитъ ихъ противъ дворянства. При введеніи Положенія 19-го февраля 1861 г., на должности мировыхъ посредниковъ шли лучшіе мѣстные дворяне, чего въ настоящее время, особенно при другихъ условіяхъ служебнаго положенія, ожидать нельзя. На должности земскихъ начальниковъ могутъ попасть люди, которые не оправдаютъ своего назначенія—и это повредитъ всему дворянству, дѣлая его отвѣтственнымъ за правильный ходъ всего дѣла. Такимъ образомъ, дворянство можетъ потерять довѣріе правительства и возбудитъ противъ себя крестьянъ“. Въ устахъ губернскаго предводителя дворянства, глубоко преданнаго интересамъ своего сословія и доказавшаго эту преданность, между прочимъ, составленіемъ проекта закона о наймѣ рабочихъ, въ высшей степени благоприятнаго для нанимателей¹⁾—эти слова представляются чрезвычайно знаменательными. Для насъ осо-

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 11 „В. Европа“ за 1885 г.

бенно дорого въ нихъ признаніе двухъ фактовъ: *начинающагося* сближенія сословій—и неизбежности новаго ихъ разобщенія и отчужденія, если одно изъ нихъ получитъ карательную власть по отношенію къ другому. Антагонизмъ между сословіями выставляется обыкновенно какъ нѣчто давно погребенное и не могущее возстать изъ гроба; „особое мнѣніе“ является авторитетнымъ доказательствомъ противнаго ¹⁾. Ошибка „особаго мнѣнія“—къ сожалѣнію, весьма существенная—заключается въ томъ, что возможность сословнаго антагонизма приурочивается имъ единственно къ исключительному праву дворянъ на занятіе должности земскаго начальника. Предположимъ, что доступъ къ этой должности открытъ и не-дворянамъ, но условіемъ назначенія сохранено соглашеніе губернатора съ предводителями дворянства; сохранено также и подчиненіе земскихъ начальниковъ предводителю, сохраненъ способъ ихъ увольненія, сохранено, наконецъ, все то, что даетъ этой должности значеніе узды, налагаемой на крестьянство. Неужели одна небольшая перемѣна смягчить хоть сколько-нибудь общее впечатлѣніе реформы? Не ясно ли будетъ всѣмъ и каждому, что дѣль учрежденія остается та же, что назначеніе на должность земскаго начальника нѣсколькихъ не-дворянъ (во всякомъ случаѣ весьма немногихъ, такъ какъ условіямъ ценза имущественнаго, образовательнаго и служебнаго—всего чаще будутъ удовлетворять дворяне) не можетъ измѣнить самаго характера должности?.. Непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій обязательно избираются теперь изъ среды дворянъ, но не вызываютъ сословнаго антагонизма, потому что ни по способу избранія, ни по свойству предоставленной имъ власти они не являются *представителями сословныхъ интересовъ*.

Облеченію администраторовъ-земскихъ начальниковъ судебною властью недавно вышедшая брошюра барона П. Л. Корфа ²⁾ противопоставляетъ возложеніе нѣкоторыхъ административныхъ обязанностей на мировыхъ судей. И тамъ, и тутъ является, слѣдовательно, сліяніе властей, противъ котораго мы всегда возставали—но сходство въ принципѣ не исключаетъ глубокаго различія въ его примѣненіи. Подать голосъ за проектъ барона Корфа мы не можемъ; основная его мысль оспаривалась еще тогда, когда авторъ высказывалъ ее въ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества—но это не мѣшаетъ намъ видѣть, что она не имѣетъ почти ничего общаго съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ. Никакой новой должности ба-

¹⁾ Большой заслугой со стороны автора „особаго мнѣнія“ мы считаемъ и то, что онъ отставляетъ сохраненіе высшаго надзора за ходомъ крестьянскаго дѣла въ рукахъ правительствующаго сената, а не министерства внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ См. выше, статью о реформѣ земскихъ учреждений.

ронъ Корфъ не проектируетъ, никакой *властной* надъ крестьянами руки не считаетъ нужною; онъ предлагаетъ только возложить на мировыхъ судей *надзоръ* за сельскимъ общественнымъ управленіемъ, осуществляемый путемъ рассмотрѣнія жалобъ и ревизіями, періодическими и внезапными. Мировой судья, по мысли барона Корфа, ничѣмъ не долженъ управлять и распоряжаться; онъ долженъ только судить и ревизовать. Въ разрѣшеніи жалобъ на крестьянское общественное управленіе, какъ и въ разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ, онъ долженъ руководствоваться исключительно закономъ; отсюда необходимость дополненія законодательства по крестьянскому дѣлу, представляющаго теперь не мало существенно-важныхъ пробѣловъ. „Конечно, — говоритъ баронъ Корфъ, — начертать подходящіе законы для крестьянскаго управленія труднѣе, чѣмъ раздать мѣста лицамъ, всегда ихъ ищущимъ, сказавъ имъ просто: наставляйте, предупреждайте, пресѣкайте, карайте, а главное—властвуйте, но вѣдь зато и результаты отъ каждаго изъ этихъ образовъ дѣйствія различны“.

Любопытно видѣть, какую бурю эти послѣднія слова барона Корфа—да и вообще мнѣніе его о реформѣ мѣстнаго управленія—возбудили въ московской реакціонной газетѣ. Вѣрная своимъ благороднымъ преданіямъ, она прежде всего производитъ сыскъ о томъ, кто такое — дерзновенный авторъ брошюры. Слона она, при этомъ, не замѣчаетъ, но букашку усматриваетъ и указываетъ весьма тщательно. Она не знаетъ или не хочетъ знать, что баронъ Корфъ много лѣтъ сряду былъ предсѣдателемъ петербургской губернской земской управы и продолжаетъ быть однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ гласныхъ петербургскаго губернскаго земскаго собранія; ей совершенно достаточно того, что онъ былъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, петербургскимъ городскимъ головою—и въ этомъ качествѣ увлекался „диктатурою сердца“, громко „признавалъ заслуги графа Лорисъ-Меликова по части призыва общественныхъ силъ“. Кто-моль способенъ на столь ужасный поступокъ, тотъ, очевидно, способенъ на все—и вотъ, баронъ Корфъ выставляется не только „неудержимымъ“ болтуномъ, но и „отчаяннымъ консерваторомъ по части поджоговъ“ (1), „упразднителемъ администраціи“, „выкуривающимъ“ администрацію или „растворяющимъ ее въ общественныхъ силахъ“. Съ такимъ опаснымъ человѣкомъ нечего церемониться, на него можно взвести и направилу — и вотъ баронъ Корфъ обвиняется въ томъ, что онъ хочетъ отдать полицію въ распоряженіе „общественныхъ силъ“ и суда, изъявъ ее изъ вѣденія администраціи. Положимъ, что на самомъ дѣлѣ баронъ Корфъ держится прямо противоположнаго мнѣнія, предлагая (стр. 109) отдать всю полицію губерніи подъ начальство *губернскаго жандармскаго штабъ-офицера*; но что за бѣда, принципиаль-

наго противника позволительно заподозрить въ чемъ угодно... Настоящая вина барона Корфа состоитъ въ томъ, что онъ допускаетъ подчиненіе крестьянскаго общественнаго управленія—*horribile dictu*—не министерству внутреннихъ дѣлъ, а министерству юстиціи!! Какъ можно больше власти для излюбленныхъ вѣдомствъ, какъ можно меньше власти для всѣхъ другихъ—вотъ, какъ извѣстно, новѣйшій боевой кличъ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ. Мы видѣли еще недавно, съ какимъ азартомъ они отстаивали министерство финансовъ противъ министерства путей сообщенія въ спорѣ о подвѣдомственности желѣзно-дорожнаго тарифнаго дѣла; понятно, что за всевластіе министерства внутреннихъ дѣлъ они должны были вступить еще сильнѣе. За вопросомъ о компетентности скрывается здѣсь старинная тяжба между произволомъ и закономъ—а произволъ, съ нѣкоторыхъ поръ, занимаетъ первое мѣсто между божками, передъ которыми падаетъ ницъ наша реакціонная пресса.

Прошло уже почти пять лѣтъ со времени послѣдней перемѣны къ лучшему въ положеніи раскольниковъ—а о результатахъ этой перемѣны все еще извѣстно до крайности мало. Сколько открыто, на основаніи закона 3 мая 1883 г., новыхъ раскольническихъ моленныхъ; сколько разрѣшеній дано на исправленіе или возобновленіе прежнихъ; сколько разъ просьбы раскольниковъ, касавшіяся того или другого, были отклоняемы администраціей; сколько преслѣдованій возбуждено за самовольное открытіе или исправленіе моленныхъ; сколько постановлено по нимъ оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ; былъ ли хоть одинъ случай соглашенія между духовною и свѣтскою властью относительно распечатанія моленной; есть ли города, въ которыхъ существуетъ, гласно и официально, нѣсколько моленныхъ одного и того же раскольническаго толка,—все это остается совершенно неразъясненнымъ; другими словами, нѣтъ на-лицо данныхъ, съ помощью которыхъ можно было бы составить себѣ правильное понятіе о дѣйствіи новаго закона. Единственнымъ, хотя и весьма неполнымъ источникомъ свѣденій по этому предмету служатъ отчеты синодальнаго оберъ-прокурора, въ той части, которая касается раскола. Передъ нами лежитъ теперь отчетъ за 1885-ый годъ, третій со времени изданія закона 3-го мая. Говоря о двухъ предшествовавшихъ отчетахъ ¹⁾, мы имѣли уже случай констатировать разнообразіе мнѣній, существующихъ—по вопросу о послѣдствіяхъ терпимости—между епархіальными архіереями. Одни изъ нихъ находили

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 3 „Вѣстн. Европы“ за 1886, и въ № 2 за 1887 г.

съ самаго начала, что она уменьшаетъ ожесточеніе раскольниковъ противъ православнаго духовенства, облегчаетъ сближеніе ихъ съ церковью; другіе утверждали, наоборотъ, что она увеличиваетъ ихъ упорство, побуждаетъ ихъ къ болѣе активной пропагандѣ, поселяетъ въ нихъ надежду на дальнѣйшія уступки со стороны правительственной власти. Съ тѣми же различными взглядами мы встрѣчаемся и въ отчетѣ за 1885-ый годъ—только на этотъ разъ нота, враждебная терпимости, слышится гораздо яснѣе, чѣмъ прежде. Отзывъ, прямо благопріятный закону 3-го мая, приведенъ въ отчетѣ только *однимъ*. Онъ принадлежитъ саратовскому преосвященному, по словамъ котораго „расколъ потерялъ для многихъ сектантовъ значеніе мученичества за древле-отеческую вѣру; утратилось и то обаяніе, какое имѣлъ онъ въ прежнее время, такъ какъ нынѣ послѣдователи раскола по закону не подвергаются преслѣдованіямъ со стороны представителей церковной и гражданской власти и свободны отъ всякаго рода стѣсненій и ограниченій правъ личныхъ и общественныхъ. Призванные къ правамъ гражданства, безъ различія религіозныхъ убѣжденій, именуемые старообрядцы стали входить въ общеніе съ православными и обнаруживать болѣе стремленія къ возвращенію въ лоно православной церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣпой фанатизмъ сектантства сталъ болѣе и болѣе уступать мѣсто здравому смыслу и непредубѣжденному отношенію къ православной вѣрѣ“. Другой преосвященный — тобольскій — приводитъ *факты*, изъ которыхъ можно вывести точно такое же заключеніе. Онъ сообщаетъ, что во время объѣзда епархіи онъ получилъ отъ жителей одного села—раскольниковъ-безпоповцевъ — просьбу посѣтить ихъ часовню. Его встрѣтила тамъ толпа народа, внимательно выслушала его поученіе, приняла отъ него противораскольническіе листки и провожала его на разстояніи десяти верстъ, съ пѣніемъ священныхъ пѣсень. Такія же встрѣчи были устроены преосвященному въ двухъ другихъ раскольническихъ часовняхъ, и между раскольниками, имъ посѣщенными, началось движеніе въ пользу присоединенія къ православію на правилахъ единовѣрія.

Совершенно иной характеръ имѣютъ отзывы другихъ епархіальныхъ архіереевъ, приводимые въ отчетѣ (архангельскаго, олонцеваго, пензенскаго, симбирскаго, самарскаго, харьковскаго, черниговскаго, смоленскаго, томскаго, иркутскаго). По ихъ словамъ, раскольники, послѣ изданія закона 3 мая 1883 г., стали дѣйствовать смѣлѣе прежняго: „сооружаютъ безбоязненно моленные, устроиваютъ алтари, рассылаютъ миссіонеровъ для совращенія православныхъ въ расколъ и нисколько не опасаются отвѣтственности за совращеніе“. Мнѣніе большинства преосвященныхъ усвоено, повидимому, и составителемъ

отчета, утверждающимъ отъ своего лица, что „между раскольниками распространилось и упорно держится ложное убѣжденіе, будто правительство, сознавая правоту раскола, намѣрено признать его наравнѣ съ господствующею церковью“. Это убѣжденіе относится отчетомъ къ числу условий, „служащихъ къ поддержанію и упроченію раскола“. Въ другомъ мѣстѣ отчета дѣлается, однако, оговорка, не вполне согласная съ мнѣніемъ большинства епархіальныхъ архіереевъ: *пропаганда* приписывается только *сибирскимъ* раскольникамъ (особенно томскимъ и иркутскимъ), а отличительною чертою раскола въ европейской Россіи признается лишь „упорство къ принятію просвѣтительнаго воздѣйствія церкви“. Сузя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ даннымъ, даже въ Сибири раскольники не такъ энергичны и воинственны, какъ можно было бы заключить изъ общей характеристики, только-что нами приведенной. Не говоря уже о приѣмѣ, сдѣланномъ преосвященному тобольскому — и въ томской епархіи раскольники сами просили викарнаго архіерея прислать къ нимъ представителя православнаго духовенства для собесѣдованія о вѣрѣ. Въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ енисейской епархіи — въ усинскомъ краѣ — упорство раскольниковъ не устояло противъ присылки въ мѣстную православную церковь иконы и напрестольнаго Евангелія, пожертвованныхъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ. До тѣхъ поръ усинскіе сектанты не хотѣли брать отъ православныхъ ни одной книги — а теперь берутъ, и посылаютъ своихъ дѣтей въ православную школу. Не ясно ли, что такая крупная переимѣна, происшедшая вслѣдствіе такой незначительной причины, исключаетъ возможность говорить объ ожесточенности сибирскаго раскола?

Доказательствомъ усиленія, въ Сибири, раскольнической пропаганды отчетъ признаетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ: въ томской консисторіи производилось, въ отчетномъ году, множество дѣлъ по просьбамъ довѣренныхъ отъ разныхъ обществъ объ отчисленіи ихъ съ довѣрителями изъ православія въ расколъ, хотя они по рожденію и не принадлежатъ къ расколу. Для правильной оцѣнки этого факта необходимо имѣть въ виду, что тайныхъ раскольниковъ, т.-е. именуемыхъ православными, но на самомъ дѣлѣ давно отпавшихъ отъ церкви, весьма много не въ одной только Сибири. Вотъ что сообщаетъ, наприимѣръ, преосвященный уфимскій: „многіе православные, не исполняя въ теченіе пяти лѣтъ христіанскихъ обязанностей у православнаго священника, заявляютъ потомъ, что, пробывши въ расколѣ пять лѣтъ и нынѣ познавши свое заблужденіе, они желаютъ пока присоединиться къ православной церкви на правилахъ единовѣрія. По личнымъ наблюденіямъ преосвященнаго, *въ уфимской епархіи есть огромныя села, жители коихъ по документамъ именуется*

православными, а по сердечному убѣжденію примыкаютъ къ расколу“. Если это такъ, если отпаденіе въ расколъ цѣлыми селами совершалось уже много лѣтъ тому назадъ, въ епархіи, не отличающейся особенно широкимъ развитіемъ раскола, то что же необыкновеннаго представляютъ собою вышеупомянутыя ходатайства томскихъ раскольниковъ? Гдѣ основаніе связывать ихъ съ закономъ 3-го мая, приписывать ихъ новымъ завоеваніямъ, сдѣланнымъ разнузданною раскольническою пропагандой? Не проще ли предположить, что въ томской губерніи, какъ и въ другихъ, сельскія общества, православныя по имени, но раскольническія на самомъ дѣлѣ, тяготея своимъ фальшивымъ положеніемъ и пытаются промѣнять его на другое, болѣе нормальное?.. Какъ образуется на практикѣ разладъ между вѣроисповѣданіями дѣйствительнымъ и номинальнымъ—на это мы находимъ указаніе въ самомъ отчетѣ. Въ томской епархіи, въ 1885 г., присоединилось изъ раскола къ православію четыреста человекъ—но, по словамъ преосвященнаго, „присоединенія происходили не по убѣжденію, а ради браковъ съ православными; присоединившіеся живутъ послѣ брака по прежнему въ расколѣ, не ходятъ въ церковь и къ православному священнику за требами не обращаются“. Отъ такихъ-то мнимо-православныхъ родителей и рождаются дѣти, числящіеся православными, но въ сущности никогда не знавшія ничего, кромѣ раскола. Законъ, видящій въ нихъ безповоротно-православныхъ, ставитъ передъ ними такую дилемму: или остаться безъ всякой богослужебной организаціи, безъ всякихъ средствъ къ доказательству правъ по происхожденію и преимуществу—т.-е. безъ возможности заключить законный бракъ, оформить положеніе дѣтей, наследовать послѣ родственниковъ,—или продолжать тактику, выработанную ихъ предками, т.-е. вѣнчаться въ православной церкви и крестить дѣтей по православному обряду, сохраняя въ душѣ и передавая дѣтямъ непоколебимую преданность расколу. Совершенно понятно, что они тяготея этою двойственностью, желаютъ положить ей конецъ; отсюда ходатайства, повторяющіяся несмотря на всю ихъ безнадежность и безрезультатность. Быть можетъ, ихъ стало нѣсколько больше послѣ изданія закона 3-го мая; надежда, при подобныхъ условіяхъ, воскресаетъ весьма быстро и гаснетъ весьма медленно—но нѣсколько отказовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, убѣдятъ самыхъ упорныхъ оптимистовъ, что все осталось по прежнему. А между тѣмъ противорѣчіе, нами указанное, принадлежитъ къ числу явленій, неблагоприятныхъ не для одного только раскола. Правдѣ всегда лучше смотрѣть прямо въ лицо; отъ того, что дѣйствительный раскольникъ получить право называться раскольникомъ, число православныхъ на самомъ дѣлѣ не уменьшится, положеніе раскола на самомъ дѣлѣ не уси-

лится. Наоборотъ, будешь приподнята завѣса, скрывающая теперь часть истины; будетъ устранена одна изъ преградъ, стоящихъ на пути сближенія раскольниковъ съ православною церковью. Тайные послѣдователи раскола ускользаютъ иногда отъ вниманія противораскольнической проповѣди именно потому, что они *считаются* сынами церкви; названные своимъ настоящимъ именемъ, они сдѣлаются, наравнѣ съ другими раскольниками, предметомъ особой заботливости православныхъ миссіонеровъ. Никѣмъ не понуждаемый къ исполненію церковныхъ обрядовъ, раскольникъ скорѣе приблизится къ нимъ добровольно; не включаясь насильно въ составъ православной паствы, онъ охотнѣе вступитъ въ ея среду сознательно и свободно. Еслибы раскольники, теперь именующіеся или числящіеся православными, получили возможность открыто применить къ своей сектѣ, номинальная *цифра* сектантовъ увеличилась бы, на первое время, весьма значительно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія—но истинное ихъ *число* столь же несомнѣнно стало бы клониться къ пониженію. Еще меньше неудобствъ и затрудненій представляло бы, какъ намъ кажется, разрѣшеніе мнимымъ православнымъ присоединиться къ единовѣрью. Въ случаяхъ подобныхъ тѣмъ, о которыхъ говоритъ преосвященный уфимскій, отказъ въ ходатайствѣ гарантируетъ, конечно, внѣшнюю неприкосновенность церкви, предупреждаетъ паденіе официальной цифры православныхъ—но не способствуетъ ли онъ, зато, увеличенію *реальной* числа раскольниковъ?

Глубже вникая въ отзывы епархіальныхъ архіереевъ о послѣдствіяхъ закона 3-го мая, мы приходимъ къ убѣжденію, что они не столько противорѣчатъ одни другимъ, сколько касаются различныхъ сторонъ вопроса. „Смѣлость“, кое-гдѣ обнаруживаемая раскольниками и неприятно рѣжущая глаза официальныхъ наблюдателей, есть, можетъ быть, не что иное, какъ нѣкоторая увѣренность въ настоящемъ и будущемъ, нѣкоторая бодрость духа, вызванная хотя бы и ничтожнымъ ослабленіемъ вѣкового гнета. Она можетъ выразиться въ усиленной ревности къ вѣрѣ предковъ—но можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и смягчить старинные предрасудки, уменьшить старинную вражду. Открытіе моленныхъ, устройство алтарей, ишненіе богослужбныхъ одеждъ, даже посылка миссіонеровъ—все это нисколько не исключаетъ сближенія съ церковью, примиренія съ православнымъ духовенствомъ. Очень естественно, что раскольники стараются воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ—но столь же естественно и то, что оно дѣлаетъ ихъ болѣе воспримчивыми къ совѣту и увѣщанію. Не даромъ же собесѣдованія съ раскольниками, которымъ справедливо придаетъ большую цѣну отчетъ оберъ-прокурора, получили широкое распространеніе именно въ послѣднее время, вслѣдъ за изда-

ніемъ закона 3-го мая. Пока борьба съ расколомъ сохраняла характеръ преимущественно внѣшній и духовенство дѣйствовало преимущественно руками свѣтской власти, трудно было ожидать, чтобы раскольники охотно шли слушать поученія православныхъ проповѣдниковъ и миссіонеровъ; въ гонителѣ трудно видѣть наставника, хотя бы въ данную минуту рѣчь шла дѣйствительно *только* о наставленіи. Скажемъ болѣе: даже теперъ успѣху собесѣдованій вредитъ недостаточная обезпеченность положенія раскольниковъ, все еще не вполне увѣренныхъ въ томъ, что диспутъ не сдѣлается для нихъ преддверіемъ къ тюрьмѣ, монастырю или административной ссылке. Вотъ что мы находимъ, напримѣръ, въ описаніи диспута, происходившаго, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ петербургской духовной академіи. Миссіонеръ спрашиваетъ раскольника: „скажи, съ кѣмъ я буду вести бесѣду?“ — „Вамъ все равно, — отвѣчаетъ тотъ, — *а я не скажу, потому что могутъ пострадать мои интересы*“. Другой раскольникъ восклицаетъ изъ среды толпы: „я вышелъ бы съ вами говорить, если мнѣ выдадутъ открытый листъ“. Ему объясняютъ, что никакихъ листовъ здѣсь не выдаютъ — и онъ не принимаетъ участія въ бесѣдѣ. Въ публикѣ раздаются голоса: „Василій Филиппычъ Коняевъ хочетъ говорить, да его не пускаютъ раскольники“. Оказывается, что раскольники удерживаютъ Коняева, опасаясь для него высылки изъ Петербурга... Не всегда, съ другой стороны, представители православнаго духовенства соблюдаютъ, во время диспута, уваженіе къ противникамъ, необходимое для правильной организаціи преній. Такъ, напримѣръ, руководитель собесѣдованій, происходящихъ, каждую зиму, въ Москвѣ (на Рогожской), сравнилъ недавно старообрядцевъ съ душевно-больными, преданность ихъ своему ученію — съ бѣснованіемъ, о которомъ говорится въ Евангеліи. Удивляться этому, впрочемъ, едва ли можно, разъ что недостатокъ сдержанности не чуждъ, мѣстами, даже такому официальному документу, какъ отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора. „Заправители и вожаки раскола, — читаемъ мы въ отчетѣ, — доселѣ пользовавшіеся неограниченнымъ довѣріемъ своихъ собратьевъ, наконецъ поняли, что вести за собою массу темныхъ людей при помощи одного только послабленія и потворства ихъ разнообразнымъ прихотямъ — въ настоящее время невозможно, и что необходимо представить болѣе или менѣе опредѣленные и состоятельныя основанія для ихъ вѣрованій“. Огульныя обвиненія всегда несправедливы. Еслибы вліяніе раскольническихъ наставниковъ коренилось *только* въ „послабленіи и потворствѣ прихотямъ темныхъ людей“, то оно давно бы уже не существовало. Въ этой средѣ, какъ и во всякой другой, искренность всегда переплеталась съ лицемеріемъ, живая вѣра — съ обрядностью и рутинной, попеченіе о ближ-

нихъ—съ эгоистическою заботливостью о собственныхъ интересахъ. Отрицать въ противникахъ все хорошее, объяснять ихъ образъ дѣйствій исключительно низменными побужденіями—значить рисковать ошибкой, почти неизбѣжной. У раскольниковъ есть цѣлая литература, цѣлый арсеналъ доводовъ и аргументовъ; какимъ же образомъ можно утверждать, что они только теперь стали прискивать „болѣе или менѣе состоятельныя и опредѣленныя основанія для своихъ вѣрованій?“..

По справедливому замѣчанію отчета, „весьма важнымъ и могучимъ средствомъ къ противодѣйствию расколу и къ его ослабленію служить школьное обученіе дѣтей раскольниковъ въ православныхъ училищахъ. Благотворное вліяніе школы на подростящее поколѣніе раскольниковъ мало уловимо, особенно въ періодъ самаго обученія, и медленно, но оно безспорно“. Сомнѣніе можетъ возникнуть здѣсь только насчетъ того, какое преподаваніе болѣе пригодно къ борьбѣ съ расколомъ—то ли, которое *прямо* направлено къ этой цѣли, или то, которое ведетъ къ ней косвенно, расширяя кругозоръ ученика и развивая въ немъ истинно-религіозныя чувства? Мы узнаемъ изъ отчета, что въ одной изъ сельскихъ школъ саратовской губерніи, посѣщаемой, между прочимъ, дѣтьми раскольниковъ, учитель-миссіонеръ читаетъ и разъясняетъ ученикамъ тѣ мѣста старопечатныхъ книгъ, „которыя со всею силой изобличаютъ раскольническія заблужденія“; затѣмъ онъ даетъ дѣтямъ на домъ книги и брошюры полемическаго характера, опровергающія ученіе сектантовъ. Мѣстными условіямъ такой образъ дѣйствій, быть можетъ, соотвѣтствуетъ вполнѣ, но едва ли онъ можетъ быть рекомендованъ какъ общее правило. Раскольники только-что начинаютъ сближаться съ народной школой; обращеніе ея въ непосредственное орудіе противораскольнической пропаганды легко можетъ остановить движеніе, успѣхъ котораго зависитъ именно отъ его постепенности и неторопливости.

Отдѣлъ отчета, касающійся ересей и еретиковъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что рядомъ съ оружіемъ духовнымъ по прежнему пускается въ ходъ матеріальная сила, столь мало дѣйствительная въ области вѣрованій. Она проявляется не только въ видѣ преслѣдованій, возбуждаемыхъ правительственною властью ¹⁾, но и въ видѣ народной расправы, орудующей „своими средствами“. Такъ напримѣръ, „въ бахмутскомъ уѣздѣ были разобраны по бревнамъ два двора, въ которыхъ штундисты собирались на вечернія радѣнія“. Мы желали бы знать, имѣло ли это самоуправство послѣдствія, предусмотрѣнныя

¹⁾ Въ херсонской епархіи, по словамъ отчета, въ 1885 г. возникло *множество* дѣлъ о штундистахъ.

закономъ?.. Интересуетъ насъ также судьба отдѣльныхъ лицъ, фигурирующихъ въ отчетѣ въ качествѣ особенно ревностныхъ сектантовъ. Въ новохоперскомъ уѣздѣ (воронежской губерніи) устроено было православнымъ миссіонеромъ нѣсколько собесѣдованій съ молоканами, представителями которыхъ были „нарочито выписанные саратовскій мѣщанинъ начетчикъ Ивановъ и воспитанникъ 4-го класса петровской академіи Степановъ“. Обрѣтается ли теперь Ивановъ въ Саратовѣ, окончилъ ли Степановъ курсъ ученія въ академіи и свободно ли избралъ мѣсто жительства и родъ занятій?.. Неожиданнымъ защитникомъ молоканскихъ убѣжденій выступилъ, на одномъ изъ вышеупомянутыхъ собесѣдованій, мѣстный земскій врачъ, изъ бывшихъ воспитанниковъ тамбовской духовной семинаріи (фамилія его въ отчетѣ не названа). Занимается ли онъ до сихъ поръ должность земскаго врача въ новохоперскомъ уѣздѣ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ?.. Пропаганда пашковской ереси — читаемъ мы въ отчетѣ — „была безплодна только въ воронежской епархіи, подъ воздѣйствіемъ вдовы генерала Елисаветы Чертковой и сына ея Владиміра. Въ хуторѣ Гирлахъ, острогожскаго уѣзда, изъ послѣдователей этой ереси образовалась особая община, въ количествѣ 29 душъ обоого пола. Ближайшій руководитель этой общины, крестьянинъ Ещенко, въ домъ котораго часто по ночамъ *собираются* сектанты, *читаетъ* послѣднимъ Новый Завѣтъ и книжки, получаемыя имъ отъ упомянутаго сына Чертковой. Послѣ чтенія сектанты *поютъ*“. Какъ понимать настоящее время въ подчеркнутыхъ нами глаголахъ — въ томъ ли смыслѣ, что дѣйствіе, ими означенное, продолжается и до сихъ поръ, или только въ смыслѣ *praesens historicum*, равносильнаго прошедшему времени?

Инициатива судебнаго преслѣдованія за соvrращеніе принадлежитъ, какъ извѣстно, духовному вѣдомству. Изъ отчета за 1885 г., какъ и изъ прежнихъ, не видно, что признается достаточнымъ поводомъ къ преслѣдованію, почему одинаковымъ условіямъ не всегда соответствуетъ одинаковый образъ дѣйствій, на какомъ основаніи обращеніе къ суду замѣняется иногда административными мѣропріятіями. А между тѣмъ всѣ эти вопросы имѣютъ существенно-важное значеніе. Судебныхъ процессовъ по дѣламъ о соvrращеніи возникаетъ не мало, и оправданіемъ они оканчиваются сравнительно рѣдко. Необходимо было бы, поэтому, установить съ бблшею точностью признаки „соvrращенія“, провести болѣе яркое различіе между исповѣданіемъ вѣры и пропагандой. „На ряду съ пропагандистами, — пишетъ рогачевскій (могилевской губерніи) корреспондентъ „Недѣли“, — на скамью подсудимыхъ попадаютъ люди, вовсе неповинные въ соvrращеніи, и они рискуютъ быть осужденными только за то, что откровенно при-

знають за своимъ ученіемъ привилегію непогрѣшимости. „Похваляя свою вѣру,—такъ разсуждаютъ иные судьи,—сектантъ тѣмъ самымъ вольно или неволью порицаетъ православіе; осуждая православіе, онъ тѣмъ самымъ склоняетъ собесѣдника къ отступничеству“. По справедливому замѣчанію корреспондента, это: *или неволью*—„своего рода перлъ, стоющій подчасъ весьма дорого, хотя и не судьямъ“.

Однимъ изъ признаковъ истинной вѣротерпимости служить отсутствіе гражданскихъ и политическихъ правоограниченій, обусловливаемыхъ принадлежностью къ тому или другому изъ не-господствующихъ вѣроисповѣданій. У насъ такія правоограниченія не только существуютъ, но и создаются вновь или, по крайней мѣрѣ, обостряются на практикѣ. Въ отчетномъ году, вслѣдствіе постановленія кіевского собранія преосвященныхъ, по вѣдомству учреждений императрицы Маріи предписано опредѣлять въ западныхъ губерніяхъ на должности начальниковъ и начальницъ, классныхъ дамъ, главныхъ и классныхъ надзирательницъ, учительницъ и учителей (кромѣ законоучителей иновѣрныхъ исповѣданій и учителей иностранныхъ языковъ) исключительно лицъ русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія. Трудно понять, какимъ образомъ католицизмъ или протестантизмъ учителя математики могъ бы отразиться на религіозной жизни православныхъ его ученицъ; трудно представить себѣ возможность пропаганды, производимой подъ прикрытіемъ уроковъ чистописанія или рисованія... Регламентация, идущая изъ такихъ мотивовъ, распространяется не на одни только казенныя учебныя заведенія. Мы встрѣтились недавно въ газетахъ съ циркулярнымъ распоряженіемъ попечителя одесскаго учебнаго округа, возвратившимъ къ жизни давно забытое и антиквированное правило. При выдачѣ еврейкамъ, окончившимъ гимназическій курсъ, свидѣтельство на званіе домашней учительницы, съ нихъ брали, до сихъ поръ, подписку въ томъ, что если имъ случится обучать дѣтей православнаго исповѣданія, то онѣ обязываются не внушать имъ взглядовъ, противныхъ ученію православной церкви. Самый фактъ взятія подобной подписки какъ бы удостовѣрялъ право учительницъ-евреекъ давать уроки православнымъ дѣтямъ—и дѣйствительно, онѣ пользовались этимъ правомъ. Теперь оно признается имъ непринадлежащимъ, и запрещено брать съ нихъ подписки, служація источникомъ недоразумѣній. Итакъ, родители безсильны сами охранять вѣрованія своихъ дѣтей? Былъ ли хоть одинъ случай, въ которомъ учительница-еврейка явилась бы совратительницей своихъ православныхъ ученицъ или учениковъ? Какую роль вѣроисповѣдныи элементъ можетъ играть въ преподаваніи грамматики или ариѳметики?.. А между тѣмъ новая административная мѣра существенно затрудняетъ и безъ того уже нелегкое

положеніе образованныхъ евреевъ, искусственно удерживаетъ ихъ въ замкнутой сферѣ, изъ которой онѣ сплошь и рядомъ рвутся на вольный воздухъ... Еще опаснѣе официальныхъ мѣръ можетъ сдѣлаться частное вмѣшательство въ религиозную жизнь. Въ концѣ прошлаго года въ Варшавѣ учреждено православное „свято-троицкое братство“, уставъ котораго (§ 2) предоставляетъ ему „*всемѣрно* заботиться объ огражденіи отъ латино-польской пропаганды православныхъ, состоящихъ въ смѣшанныхъ бракахъ, и особенно дѣтей, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ и остающихся, по смерти отца, при матери-иновѣрцѣ или круглыми сиротами въ кругу иновѣрцевъ, — и употреблять *все мѣры* къ помѣщенію ихъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и къ воспитанію въ духѣ православія и русской народности“. Чтобы понять значеніе этого параграфа, нужно припомнить, что по нашимъ законамъ родители, обязанные воспитывать своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ и не исполняющіе своей обязанности, теряютъ право на дѣтей, отдаваемыхъ на воспитаніе родственникамъ или опекунамъ православнаго исповѣданія. Неужели члены „братства“ въ самомъ дѣлѣ будутъ становиться между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми? Неужели увѣнчается успѣхомъ ихъ „*всемѣрная* заботливость“ объ отдачѣ дѣтей, у которыхъ *жива мать*, на попеченіе „благотворительныхъ учреждений“?

О распространеніи православія между язычниками и магометанами мы говорили подробно по поводу двухъ предшествовавшихъ отчетовъ синодальнаго оберъ-прокурора. Въ соответствующемъ отдѣлѣ настоящаго отчета не рѣже прежняго идетъ рѣчь о необходимости содѣйствія свѣтской власти — но вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на успѣхъ мѣръ, имѣющихъ чисто-духовный, непринудительный характеръ. Вотъ что говорится объ одномъ изъ самыхъ ревностныхъ миссіонеровъ, священникѣ села Апазова (казанскаго уѣзда): „Священникъ Миропольскій совершалъ миссіонерскія поѣздки преимущественно по инородческимъ селеніямъ казанскаго и лаишевскаго уѣздовъ; въ этихъ поѣздкахъ проявилъ истинно пастырское самоотверженіе: по мѣстамъ мусульмане угрожали самой его жизни; тѣмъ не менѣе, онъ велъ продолжительныя бесѣды съ ними, въ особенности же съ вѣроотступниками; плодомъ этихъ бесѣдъ было то, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ татары, и преимущественно старики, заявляли ему, что *если бы и прежде, и чаще съ ними также бесѣдовали и учили ихъ христіанству, то, можетъ быть, они и не соvertsались въ магометанство*“. Прочитавъ это мѣсто отчета, мы невольно вспомнили, что двумя-тремя годами раньше именно село Апазово, въ которомъ теперь состоитъ священникомъ отецъ Миропольскій, дало матеріалъ для крупнаго процесса о соvertsченіи изъ православія въ магометан-

ство, окончившагося присужденіемъ пяти человѣкъ къ каторжнымъ работамъ и троицъ—къ ссылке на поселеніе ¹⁾). Не примѣнны ли къ этимъ несчастнымъ слова стариковъ-татаръ, сказанныя отцу Миропольскому? Не слѣдуетъ ли предположить, что еслибы апазовскіе крестьяне были своевременно наставляемы въ православной вѣрѣ, то не было бы ни совратителей, ни совращенныхъ—ни уголовного процесса, ни множества осужденныхъ? Не распространяется ли это предположеніе на многія другія дѣла о „преступленіяхъ противъ вѣры“—и не должно ли оно вести къ особой осторожности въ возбужденіи подобныхъ дѣлъ?

Въ отчетахъ оберъ-прокурора св. синода давно уже не говорится о реформѣ судопроизводства по дѣламъ брачнымъ, стоявшей на очереди лѣтъ 15—20 тому назадъ; а между тѣмъ жизнь беретъ на себя напоминать, по временамъ—и напоминать весьма громко—о необходимости преобразованія. Последнимъ напоминаніемъ этого рода былъ уголовный процессъ, происходившій, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ тамбовскомъ окружномъ судѣ и слишкомъ мало обратившій на себя вниманіе нашей печати. Это—старая, но вѣчно новая исторія о „достоверныхъ лже-свидѣтеляхъ“, подтверждающихъ *фактъ* (непремѣнно *фактъ*) прелюбодѣянія, дабы создать „прочный“ фундаментъ для бракоразводнаго дѣла. Ни одинъ свѣтскій судъ въ образованномъ мірѣ не построить на такомъ фундаментѣ обвинительнаго приговора—но для консисторій онъ сплошь и рядомъ оказывается достаточнымъ, въ виду формальной теоріи доказательствъ. Неужели не настало еще время положить конецъ самой возможности столь возмутительныхъ явленій? Тамбовскіе присяжные осудили лже-свидѣтелей—но это ничуть не обуздаетъ лже-свидѣтельства, пока на него есть спросъ со стороны несчастныхъ супруговъ и предложеніе со стороны пьяницъ и нищихъ. Законно-открытая дверь—вотъ единственное радикальное средство противъ разныхъ противозаконныхъ перелѣзаній черезъ заборъ и подлѣзаній въ подворотню.

Четвертый годъ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка—1886-й—былъ во всѣхъ отношеніяхъ менѣе благопріятенъ, чѣмъ три предыдущіе. Платежи поступали не такъ исправно, число и сумма сдѣлокъ стали клониться къ пониженію, несмотря на географическое расширеніе круга дѣйствій банка. Опасаться за будущее банка все это не даетъ еще достаточной причины. Накопленіе недоимокъ, обусловливаемое преимущественно неурожаемъ (въ степныхъ губер-

¹⁾ См. Обществ. Хроника въ № 8 „В. Европа“ за 1883 г.

нѣхъ повторившимся два года къ ряду), эпизоотіями и упадкомъ цѣнъ на хлѣбъ, не выходятъ, по справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей“, за ту черту, каковой оно почти постоянно достигаетъ въ частныхъ земельныхъ банкахъ—а между тѣмъ эти банки не только живутъ, но и процвѣтаютъ, выдавая крупный дивидендъ своимъ акціонерамъ. Подлежало ко вступленію, за 1886 г., 2.172.751 руб.; поступило, ко времени составленія отчета, 1.696.391 руб.; разсрочено и отсрочено 198.363 руб., такъ что въ недоимкѣ осталось, собственно говоря, только 277.995 руб. (около $12\frac{3}{4}\%$). Недоимка за 1885 г. не превышала, въ половинѣ 1887 г., 51.000 рублей. Легко ли будетъ банку покрывать выданныя имъ ссуды, при неисправности плательщиковъ, продажей участковъ—объ этомъ теперь судить еще нельзя, по недостатку данныхъ. Въ 1886 г. было четыре случая несостоявшихся торговъ, но одинъ изъ участковъ, оставшихся за банкомъ, былъ вслѣдъ затѣмъ проданъ по вольной цѣнѣ, безъ всякой потери для банка.

Число разрѣшенныхъ банкомъ ссудъ простиралось, въ 1886 г., до 1.300, значительно превышая соотвѣтствующія цифры 1883 и 1884 гг. (229 и 981), но уступая цифрѣ 1885 г. (1.527). Еще чувствительнѣе пониженіе суммы, разрѣшенной къ выдачѣ: въ 1885 г. она составляла болѣе $17\frac{1}{2}$, въ 1886 г.—около $10\frac{3}{4}$ милліоновъ рублей. Разница между суммами дѣйствительно выданными—нѣсколько меньше ($13\frac{1}{2}$ и 11 милліоновъ). Главными причинами сокращенія дѣятельности банка отчетъ признаетъ ослабленіе спроса на землю, вслѣдствіе паденія цѣнъ на хлѣбъ, и уменьшеніе предложенія, вслѣдствіе поддержки, оказанной землевладѣльцамъ дворянскимъ банкомъ, примѣру котораго по-неволѣ слѣдуютъ и частныя земельныя банки. Разсуждая а priori, можно было бы предположить, что число сдѣлокъ, совершаемыхъ съ помощью банка, уменьшается преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ банкъ дѣйствуетъ сравнительно давно и гдѣ многія свободныя земли уже раньше нашли покупателей въ лицѣ крестьянъ—а ростеть преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ отдѣленія банка открыты сравнительно поздно и не успѣли еще оказать большого содѣйствія переходу земель въ крестьянскія руки. Это предположеніе не оправдывается, однако, на самомъ дѣлѣ. На первомъ планѣ, по числу сдѣлокъ, стоятъ, въ 1886 г., губерніи полтавская и могилевская, съ самаго начала включенныя въ районъ дѣятельности банка, а также губернія смоленская, въ которой отдѣленіе банка открыто въ 1884 г. Изъ губерній третьяго (1885 г.) года довольно большое число сдѣлокъ даютъ только двѣ—новгородская и харьковская; изъ губерній четвертаго (1886) года ни одна не пере-

шла за первый десятокъ сдѣлокъ. Есть, съ другой стороны, и такія губерніи, къ которымъ дѣятельность банка съ самаго начала прививалась и до сихъ поръ прививается крайне туго; таковы, напри- мѣръ, губерніи подольская, ковенская, таврическая. Очевидно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вообще невелико количество земли, досту- пной для покупки съ помощью банка, а въ нѣкоторыхъ другихъ запасъ этой земли истощается не скоро или возобновляется постоянно. По числу *проданныхъ десятинъ* выдаются всего больше, какъ и слѣдовало ожидать, мѣстности многоземельныя, степныя или лѣ- систыя—донская область (30 тысячъ дес.), губерніи смоленская (30 тыс.), екатеринославская (28 тыс.), новгородская (24 тыс.), могилев- ская (21 тыс.), уфимская (20 тыс.), саратовская (12 тыс.); нѣсколько другимъ характеромъ отличается только губернія харьковская, въ которой также куплено много земли—около 28 тысячъ десятинъ. Эта же губернія занимаетъ первое мѣсто по цѣнности покупокъ (почти 1¼ милліона рублей). Весьма любопытно было бы опредѣ- лить—по отношенію къ каждой изъ числа губерній, въ которыхъ слабо развивается дѣятельность банка—въ чемъ заключается главная причина этого явленія: въ недостатѣ ли земель, предлагаемыхъ на продажу, или въ недостатѣ покупателей, готовыхъ воспользоваться предложеніемъ. Въ дѣлахъ банка едва ли имѣются на лицо свѣденія этого рода; они могутъ быть добыты только изслѣдованіемъ на мѣстѣ.

Число покупокъ, совершаемыхъ сельскими обществами, постоянно падаетъ, число покупокъ, совершаемыхъ товариществами, постоянно растетъ; первыхъ, въ 1886 г., было 313, послѣднихъ — 708. Отно- шеніе между тѣми и другими было 30½ : 69½, тогда какъ въ пред- шествовавшіе два года оно равнялось 45:55 и 60:40. Цѣнность имѣній, приобрѣтенныхъ товариществами, въ 1885 г., превосходила цѣнность имѣній, приобрѣтенныхъ сельскими обществами, только на сто тысячъ, а въ 1886 г. превосходитъ ее уже слишкомъ на милліонъ рублей. Есть, однако, мѣстности, въ которыхъ покупки общественныя продолжаютъ преобладать надъ покупками товарищескими; таковы, напри- мѣръ, губерніи рязанская, воронежская, саратовская и донская область. Вовсе не было покупокъ обществами въ губерніяхъ ковенской, орен- бургской и старопольской. Многія товарищества, какъ и прежде, покупаютъ землю съ цѣлью переселенія; но въ 1886 г. такихъ поку- покъ было меньше, чѣмъ въ 1885-мъ. Отчетъ объясняетъ это отчасти неурожаемъ въ тѣхъ губерніяхъ, куда преимущественно направляется переселеніе, отчасти неурядицами, сопряженными съ переселенче- скими товарищескими покупками и заставляющими банкъ соблюдать особую осторожность въ разрѣшеніи подобныхъ покупокъ, впродъ до

регулюванія ихъ въ законодательномъ порядкѣ ¹⁾. Ничтожнымъ остается, по прежнему, значеніе покупокъ, совершаемыхъ отдѣльными крестьянами, хотя въ сравненіи съ 1885 г. ихъ было нѣсколько больше; всего отдѣльными крестьянами куплено 2.853 десятины (изъ 294 тысячъ). Въ четырнадцати губерніяхъ такихъ покупокъ не было вовсе.

Крестьянъ безземельныхъ или малоземельныхъ (т.-е. владѣющихъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ десят. на душу) между покупщиками земли съ помощью крестьянскаго банка въ 1886 г. было около $37\frac{3}{4}\%$, т.-е. нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 1885 ($40\frac{1}{3}\%$). Если причислить къ разряду малоземельныхъ и тѣхъ крестьянъ, которымъ принадлежало не болѣе трехъ десятинъ на душу въ мѣстностяхъ мало населенныхъ и мало плодородныхъ, то процентное отношеніе ихъ къ общему числу покупщиковъ поднимется до 48% (въ 1885 г.— 55%). Банкъ по прежнему отказывалъ въ ссудѣ, когда приходилъ въ убѣжденію, что покупщики принадлежатъ къ числу крестьянъ зажиточныхъ и многоземельныхъ. Подобныхъ отказовъ въ отчетномъ году было *двадцатьшесть*. Отклонялись банкомъ и такія сдѣлки, которыя были явно убыточны для крестьянъ. Такъ напримѣръ, земля была куплена по вольной цѣнѣ за 19.800 рублей — и затѣмъ тотчасъ же запродаана крестьянамъ за 37.800 рублей, безъ лѣсу, проданнаго отдѣльно на срубъ за 7.000 рублей. Такой запродажи банкъ, безъ сомнѣнія, не утвердилъ. Заботился банкъ и о томъ, чтобы предохранить крестьянъ отъ чрезмѣрно высокихъ доплатъ — но это удавалось ему только въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ, и доплаты продолжали быть, вообще говоря, весьма значительными, составляя, въ среднемъ выводѣ (какъ и въ 1885 г.), около 17% стоимости купленной земли. Всего меньше доплачиваютъ, какъ и прежде, сельскія общества (съ небольшимъ 11%), всего больше—отдѣльные крестьяне (болѣе 43%); для товариществъ средній размѣръ доплаты составляетъ около $21\frac{1}{2}\%$. Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что среднія цѣны покупокъ, совершаемыхъ съ участіемъ банка, начинаютъ клониться къ пониженію; если это движеніе—вполнѣ естественное при паденіи цѣнъ на хлѣбъ — будетъ продолжаться, то оно неизбѣжно будетъ имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе доплатъ. Совершенно ясно, во всякомъ случаѣ, уже теперь, что дѣятельность банка не служитъ, сама по себѣ, причиной вздорожанія земли, какъ это пытались доказать въ прошломъ году нѣкоторые изъ числа противниковъ банка ²⁾.

¹⁾ Въ одномъ изъ прошлогоднихъ нашихъ обзорѣй (№ 5) было объяснено, какими мѣрами банкъ предполагаетъ достигнуть упорядоченія переселенческихъ товариществъ.

²⁾ См. Внутр. Обзоръ въ № 11 „В. Европа“ за 1886 г.

Главными продавцами земли, покупаемой съ помощью крестьянскаго банка, по прежнему являются дворяне и чиновники; ими продано 240.375 десятинъ (изъ 294.688), или болѣе $81\frac{1}{2}\%$. На второмъ мѣстѣ стоятъ купцы и мѣщане, которыми продано 37.127 десятинъ ($12\frac{1}{2}\%$). Количество земли, приобретаемой отъ евреевъ, въ сожалебнiю, падаетъ; оно достигло въ 1886 г. только трехъ тысячъ десятинъ (въ 1884 г.—11 тысячъ, въ 1885 г.—7 тысячъ). Отъ крестьянъ разныхъ наименованiй приобретено всего 6.995 десятинъ, т.-е. менѣе $2\frac{1}{2}\%$. Число продавцовъ, лично занимавшихся хозяйствомъ на проданной землѣ, уменьшается съ каждымъ годомъ; все больше и больше продается такой земли, которая сдавалась въ аренду и уступка которой наименѣе, слѣдовательно, чувствительна для владѣльца. Большая часть продаваемой земли поступила, притомъ, во владѣнiе продавцовъ сравнительно недавно. Половина ея была заложена въ частныхъ рукахъ или въ кредитныхъ учрежденiяхъ.

Чистая прибыль по операцiямъ банка составила, за 1886 г., 465 тысячъ рублей, которыя сполна зачислены въ запасный капиталъ банка. По справедливому замѣчанiю „Русскихъ Вѣдомостей“, значительность этой суммы указываетъ на возможность пониженiя платежа, взимаемаго теперь съ заемщиковъ банка (въ размѣрѣ 1%) на покрытiе расходовъ по управленiю и на образованiе запаснаго капитала. Такая мѣра способствовала бы уменьшенiю различiя, существующаго между заемщиками крестьянскаго и дворянскаго банковъ—различiя, едва ли согласнаго съ справедливостью. Кстати о дворянскомъ банкѣ: желательно было бы знать, почему онъ не слѣдуетъ примѣру крестьянскаго банка и не печатаетъ своихъ отчетовъ? Первый отчетъ крестьянскаго банка вышелъ въ свѣтъ ровно черезъ годъ послѣ открытiя дѣйствiй банка—а дворянскiй банкъ дѣйствуетъ уже болѣе двухъ лѣтъ, ограничиваясь оглашенiемъ краткихъ свѣденiй о количествѣ и размѣрѣ выданныхъ ссудъ. Накопляются ли на заемщикахъ банка недоимки, въ какой именно цифрѣ и какiя мѣры принимаются для ихъ взысканiя—объ этомъ ничего неизвѣстно. Если вѣрить слухамъ, передаваемымъ „Русскими Вѣдомостями“, со стороны недоимщиковъ дворянскаго банка возбуждаются самыя фантастическiя ходатайства; возникаетъ, на примѣръ, вопросъ о причисленiи недоимокъ къ капитальной суммѣ долга, пока она не сравняется съ 75% стоимости имѣнiя. Къ чему могла бы привести такая мѣра, въ связи съ паденiемъ цѣны на землю—это едва ли требуетъ поясненiя.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Саратовъ, 6-го февраля 1888 г.

Въ Саратовѣ недавно отпечатана въ 5.000 экземплярахъ небольшая „Записка“, представляющая собой отчетъ о первомъ посѣщеніи губернатора нѣкоторыхъ уѣздовъ. Эта записка въ настоящее время разослана по всей губерніи,—всѣмъ должностнымъ лицамъ, духовенству, земцамъ и дворянамъ. Хотя бѣольшая часть записки занята изложеніемъ данныхъ, относящихся къ экономической жизни нашего края, и предложеніями мѣръ, которыя, по мнѣнію губернатора, слѣдуетъ принять для скорѣйшаго упорядоченія и поднятія экономического уровня его населенія, но тѣмъ не менѣе эта записка имѣетъ и общій интересъ, и вполне заслуживаетъ того, чтобы съ ней познакомиться читателей и за предѣлами губерніи ¹⁾.

Въ этой „Запискѣ“, прежде всего, объясняется, что при обзорѣ губерніи встрѣчаются такіа явленія въ жизни края, о которыхъ можно сказать, что всякое, даже незначительное, промедленіе можетъ повести къ дальнѣйшему разстройству крестьянскихъ дѣлъ. Явленія эти болѣею частью экономического характера. Дѣло въ томъ, что слѣды неурожавъ, посѣтившихъ саратовскую губернію 8 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ еще не изгладились. Послѣдующіе урожайные годы не поправили дѣла: паденіе цѣнъ

¹⁾ Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, на-дняхъ, мы встрѣтили слѣдующій циркуляръ, съ которымъ саратовскій губернаторъ, генералъ Косичъ, обратился ко всѣмъ учреждениямъ и должностнымъ лицамъ всѣхъ положеній и сословій:

„При обзорѣ губерніи, произведенномъ мною осенью минувшаго года, повсюду замѣченъ были слѣды экономического разстройства населенія. Разстройство такъ серьезно, что требуетъ *немедленно* принятія соответствующихъ мѣръ. Но мѣры эти только тогда могутъ отгнать цѣли своего назначенія, когда со всей ясностью будутъ извѣстны причины, обуславливающія экономической упадокъ края, задолженность частныхъ землеуладѣльцевъ и недомочность крестьянъ.

„Въ видахъ выясненія этого важнаго вопроса, я и обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою не отказать сообщеніемъ вашего мнѣнія о томъ, что собственно привело край въ его настоящее неудовлетворительное экономическое положеніе: нужно ли тутъ видѣть только вліяніе причинъ чисто экономического свойства, или причины коренятся глубже, въ нашей общественной жизни вообще.

„Желательно было бы имѣть отвѣтъ на предлагаемый вопросъ возможно скорый, обстоятельный и вполне *откровенный*, съ *указаніемъ мѣръ*, при помощи которыхъ, по вашему мнѣнію, можно было бы измѣнить къ лучшему настоящее положеніе дѣлъ.“.—*Ред.*

на хлѣбъ и пониженіе заработной платы продолжаютъ распаты- вать въ этой сравнительно богатой мѣстности крестьянскаго и другія хозяйства. Платежныя силы населенія настолько подорваны что, несмотря на сложеніе и отсрочку, по манифесту 15-го мая 1883 г., 2.847.236 рублей недоимокъ, къ текущему году онѣ вновь накопились въ достаточномъ количествѣ: недоборъ окладныхъ казенныхъ сборовъ простирается до 8.217.453 руб., земскихъ и другихъ—до 1.500.000 руб. Кроме того, изъ хлѣбо-запасныхъ сельскихъ магазиновъ разобрано болѣе 500.000 четвертей разнаго хлѣба, и крестьянскаго вспомогательныя кассы, до милліона рублей, почти цѣликомъ разошлись по рукамъ безъ надежды на пополненіе.

Присмотрѣвшись ближе къ крестьянскимъ селеніямъ, особенно недоимочнымъ, авторъ „Записки“ находитъ, что въ нихъ повсемѣстно оказывается крайняя малочисленность скота. Такимъ образомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ сельско-хозяйственной культуры края въ значительной степени парализованъ. Въ связи съ этимъ естественно должна стоять плохая обработка полей и недостаточное удобреніе ихъ. И дѣйствительно, недостаточная обработка пашень въ большинствѣ недоимочныхъ населеній поразила начальника губерніи: „озими были уже посеяны и дали всходы, но дурно воздѣланная почва представляетъ неровное поле неудовлетворительно разрыхленной, съ комьями, земли. Неубранныя яровыя поля, съ рѣдкими хлѣбными колосьями, покрыты бурьяномъ и массой сорной травы, что прямо указываетъ на крайнюю степень запущенности пашни отъ дурной обработки и недостаточнаго отдыха земли“. Это тѣмъ сильнѣе рѣжетъ глазъ, что рядомъ съ крестьянскими, на владѣльческихъ поляхъ, земля обработана гораздо лучше. На удобреніе полей не обращается никакого вниманія. Вездѣ въ селеніяхъ на улицахъ и на плотинахъ масса навоза; особенно же переполнены имъ овраги. Кроме того, повсемѣстно въ губерніи навозъ идетъ на отопленіе, въ видѣ кизяковъ. Пренебреженіе удобреніемъ полей объясняется до известной степени большими поселеніями и вслѣдствіе того отдѣленностью обрабатываемыхъ участковъ, а также убѣжденіемъ, что земля въ этой мѣстности родитъ безъ удобренія.

Въ массѣ повально обѣднѣвшаго народа особенно поражаютъ своей нищетой татары: ихъ хозяйство и бытъ страшно разстроены. Въмѣсто земледѣлія они изыскиваютъ болѣе легкія средства къ жизни, торгуютъ по мелочамъ, промышляютъ коноврадствомъ, самовольными лѣсными порубками и т. п. Тюрьмы Хвалынска и Кузнецка почти на половину переполнены татарами, хотя процентное отношеніе ихъ къ остальному населенію въ 5—6 разъ меньше.

Всѣ эти наблюденія приводятъ автора „Записки“ къ мысли о необхо-

димости принять цѣлый рядъ послѣдовательныхъ мѣръ для направленія сельскохозяйственной жизни края на болѣе правильный экономическій путь. Трудъ изысканія этихъ мѣръ и проведенія ихъ въ жизнь лежитъ на лицахъ, стоящихъ близко къ народу и обязанныхъ радѣть о немъ. Во главѣ такихъ лицъ стоитъ духовенство, являющееся по самому положенію своему нравственнымъ руководителемъ народа. На него, на церковь, и нужно возлагать главнѣйшее упованіе. „Послѣ священныхъ основъ, болѣе всего надеждъ на просвѣщенное дворянство, къ которому державная воля обратилась въ этомъ смыслѣ съ рескриптомъ 21-го апрѣля 1885 года. Изъ этого сословія отдѣльныя лица и теперь кладутъ всю душу въ работѣ на мѣстѣ“. Затѣмъ слѣдуютъ другіе дѣятели уѣзда. „Первымъ приступомъ всѣхъ призванныхъ къ управленію должно быть подробное ознакомленіе съ жизнью населенія, его нуждами и недугами: большую пользу можно принести народу при горячемъ желаніи помочь ему, даже безъ всякихъ денежныхъ затратъ, съ одной доброй волей. Такимъ образомъ, духовенство и дворянство должны взять на себя религиозное и нравственное наставительство народа. На долю администраціи остаются заботы объ улучшеніи гигиеническихъ и санитарныхъ условій быта населенія. Это прежде всего. Въ общемъ существованіе народа представляется скорбнымъ, анти-гигиеничнымъ. Народу „пока не такъ нужна еще наука высшей медицины, какъ лопата и метла для очищенія отъ грязи“. Затѣмъ необходимо обратить самое серьезное вниманіе на сбереженіе дѣтей, смертность которыхъ громадна. Администрація должна озаботиться сохраненіемъ лѣсовъ и лѣсоразведеніемъ, что полезно какъ для урожаявъ, такъ и для здоровья. Она должна слѣдить внимательно за страшнымъ бичемъ народа—питейнымъ дѣломъ, въ его многообразныхъ проявленіяхъ; должна устранить, оберечь народъ отъ эксплуатаціи сельскими писакнами и кулаками. Впрочемъ, для избавленія отъ послѣднихъ есть весьма радикальное и спасительное средство—порядливо веденныя кассы. Вотъ и все, что можетъ сдѣлать администрація. Затѣмъ всѣ, кто только можетъ и хочетъ, пусть будутъ полезны народу своими знаніями и совѣтами: пусть рекомендуютъ ему двойную вспашку земли и подъемъ ея съ осени, подъ зябь: пусть пропагандируютъ улучшеніе сельско-хозяйственнаго инвентаря и земледѣльческихъ орудій, содѣйствуютъ населенію болѣе выгодно приобрѣтать строительный и отопочный матеріалъ изъ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ, чѣмъ сохранится для земли удобреніе, нынѣ сжигаемое въ печахъ въ видѣ кизяковъ; пусть озаботятся снабженіемъ населенія хорошей и обильной водой и мн. т. под. Дѣла найдется для всѣхъ достаточно, такъ какъ организація не коснулась еще многихъ сторонъ крестьянской жизни, и на экономическія усло-

вія населенія, на развитіе производительныхъ силъ его доселѣ не обращено достаточнаго вниманія.

Такими неприглядными, мрачными красками обрисовалъ новый администраторъ саратовскую деревню. Она произвела на него удручающее, тяжелое впечатлѣніе, и онъ всѣхъ, отъ попа до барина, зоветъ къ ней на помощь, увѣренный, что наготу ея можно прикрыть безъ денегъ,—одной доброй волей и желаніемъ.

Необходимо сказать, что подъ набросанною авторомъ „Записки“ картиной современнаго состоянія саратовскаго края, каждый съ удовольствіемъ подпишется. Это не обычный гимнъ „благополучному обстоянію“ всѣхъ и всего во „ввѣренномъ“ краѣ. Новый администраторъ далекъ отъ общепринятой манеры не замѣчать прорѣхъ и пѣть славословіе великому Богу земли русской, все устрояющему на пользу общую. Напротивъ, съ рѣшительностью и прямою, онъ рѣзко и опредѣленно высказываетъ то, что видитъ и какъ видитъ. И въ его словахъ нѣтъ преувеличенія. Густыя краски накладываются имъ не ради воспроизведенія надлежащаго эффекта, а потому, что онѣ такъ лежатъ въ натурѣ. Напротивъ, авторъ многое еще могъ просмотрѣть при своемъ бѣгломъ обзорѣ губерній, такъ что при слѣдующихъ объѣздахъ вынесенное имъ теперь впечатлѣніе можетъ принять еще болѣе мрачный колоритъ... Но, раздѣляя взгляды автора записки въ этомъ отношеніи, трудно признать, однако, возможнымъ раздѣлить его надежды на успѣхъ предлагаемыхъ имъ мѣръ для борьбы съ экономической расшатанностью края, и потому необходимо критически разобрать ихъ, чтобы можно было рѣшить безошибочно, насколько соотвѣтствуютъ онѣ положенію дѣла, и достаточны ли будутъ для изведенія изъ тѣмы кромѣшной крещеной русской души. Хорошимъ вспомогательнымъ матеріаломъ при этомъ могутъ послужить данныя о положеніи церковно-приходскихъ школъ въ саратовской губерніи, и пренія по нѣкоторымъ вопросамъ на только-что закрывшемся губернскомъ дворянскомъ собраніи.

Коренная ошибка записки состоитъ въ допускаемой ею возможности создать изъ губерніи какую-то Аркадію одними „собственными средствами“, безъ связи ихъ съ мѣрами обще-государственнаго характера, направленными къ подъему экономической жизни всей Россіи. Какъ ни оздоравлийте одну губернію, какъ ни старайтесь объ измѣненіи къ лучшему условій, въ которыхъ она стоитъ,—едва ли можно что сдѣлать, пока сосѣди ея будутъ оставаться въ условіяхъ ненормальныхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, экономическое повальное оскудѣніе саратовскаго населенія стоитъ въ самой тѣсной связи съ переживаемымъ всей страной экономическимъ кризисомъ. Непомѣрно высія арендныя цѣны на землю, недостаточность крестьянскихъ на-

дѣловъ, тягота прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, уменьшеніе экспорта хлѣба и, отсюда, паденіе цѣнъ на этотъ продуктъ,—вотъ рядъ главнѣйшихъ условій, подрывающихъ народное благосостояніе. Какъ можетъ выбиться изъ ихъ тяжелой, цѣпкой сѣти Саратовъ, Тамбовъ, Москва, Орелъ, Кіевъ, когда остальные города и веси стоятъ въ тѣхъ же самыхъ тискахъ? Поможетъ ли тутъ улучшение способовъ обработки земли и уваживаніе ея?.. Думаю, что нѣтъ... Но этого мало. Позволительно поставить еще вопросъ: возможно ли собственно *in statu quo* усиленіе и улучшеніе земледѣльческой культуры? Крайняя малочисленность скота въ губерніи—фактъ, засвидѣтельствованный самой „Запиской“. Много скота за послѣднія 8-9 лѣтъ пало отъ эпизоотій, много распродано его съ аукціона усердіемъ полицейскихъ властей, нещадно и ретиво взыскивавшихъ съ выбивавшагося изъ силъ населенія казенные и земскіе сборы и недоимки, и зато удостоивавшихся благодарностей и поощренія со стороны начальства. Данныя подворной переписи, произведенной земскимъ статистическимъ бюро въ саратовской губерніи въ 1884-1887 годахъ, поражаютъ массою безлошадныхъ и безволовыхъ семей въ средѣ крестьянскаго населенія. А если такъ, то что же говорить объ уваживаніи полей, о болѣе тщательной обработкѣ ихъ?!.. Все это одни хорошія, но—увы!—неосуществимыя пожеланія. Правда, много навоза сжигается въ видѣ кизяковъ, но лѣса у насъ давно уже повырублены, и потому дрова дороги, минеральнаго топлива мало, зимы же бываютъ длинныя и холодныя... Кромѣ того, необходимо принять въ соображеніе и фактъ, подмѣченный авторомъ, — именно отдаленность обрабатываемыхъ участковъ отъ селеній. Процессъ „эмансипаціи“ шелъ у насъ далеко не чистымъ путемъ: земли нарѣзывались вышедшимъ на свободу крестьянамъ безъ всякаго соображенія съ ихъ насущными интересами,—и похуже, и подальше... Затѣмъ, въ высшей степени ошибочно думать, что удобреніе полей игнорируется по убѣжденію въ его излишество, изъ одного невѣжества: кромѣ очень крупныхъ экономій, оно мало, даже очень мало практикуется и частными владѣльцами, въ средѣ которыхъ, конечно, не мало есть людей, понимающихъ прекрасно его пользу. Это само собой наводитъ на мысль, что дѣло не въ одномъ невѣжествѣ, что корни настоящаго положенія вещей лежатъ гдѣ-то глубже.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ частностямъ. Было бы очень пріятно видѣть, что духовенство и дворянство приняли на себя религіозное и нравственное водительство народа. Эти два сословія дѣйствительно—наиболѣе развитыя и образованныя. Но есть ли основаніе надѣяться, что они, по крайней мѣрѣ въ недалекомъ будущемъ, возьмутъ на себя эту роль, когда имъ никто не препятствовалъ въ этомъ

до сихъ поръ? Нельзя не признаться, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ саратовское духовенство мало руководило свою паству. Народъ и до сихъ поръ смотритъ на своихъ пастырей какъ на чиновниковъ духовнаго вѣдомства. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить доселѣ замѣчаемое усиленное распространеніе по саратовской губерніи раскола во всѣхъ его видахъ. Стань духовенство, хотя бы только съ начала текущаго столѣтія, ближе къ народу, не живи оно обособленною, оторванною отъ массъ жизнью, добейся подобающаго ему по идеѣ вліянія на складъ вѣрованій и убѣжденій простолюдина,—подобное явленіе не могло бы произойти. Но этого мало. Присматриваясь ближе къ современному духовенству саратовской губерніи, мы найдемъ, что оно какъ будто не замѣчаетъ грѣховъ прошлаго и не хочетъ завоевать себѣ въ будущемъ болѣе прочныхъ и вліятельныхъ позицій. Положеніемъ объ открытіи церковно-приходскихъ школъ дается, собственно говоря, могучая сила въ руки духовенства. Воспитательное значеніе этой школы должно бы отразиться на милліонахъ будущихъ гражданъ, и кто же не знаетъ, какъ прочно залегаютъ въ душу завѣты и уроки дѣтства, какъ легко формируются характеры, какъ складываются религіозныя и моральныя убѣжденія, какъ строится весь внутренній міръ человѣка подъ неотразимымъ вліяніемъ дѣтскихъ впечатлѣній! Осмысленная, разумная постановка церковно-приходскихъ школъ, быть можетъ, съ лихвой возвратила бы духовенству то, что оно не въ состояніи было взять себѣ въ прошломъ. Саратовское духовенство, конечно, понимаетъ это, но школы церковно-приходскаго типа, несмотря на усиленное давленіе епархіальной власти, не прививаются у насъ. Правда, онѣ возникли уже въ достаточномъ количествѣ, по мѣстамъ грѣзятъ даже поглотить земскія, но все это искусственное зданіе построено на пескѣ. Не сознаніе необходимости взяться за это дѣло, не добрая воля самого духовенства вызываетъ открытіе такихъ школъ,—нѣтъ, одно лишь воздѣйствіе сверху и недостатокъ средствъ для отпора снизу являются мотивами роста этого моднаго учрежденія. Школы возникаютъ на бумагѣ, существуютъ очень часто только по отчетамъ, дѣло въ нихъ ведется кое-гѣмъ и кое-какъ, ни въ комъ не вызывая симпатій. Безъ матеріальныхъ средствъ, безъ энергическаго подъема духа въ двигателяхъ и вершителяхъ этого дѣла, безъ сочувствія и поддержки со стороны населенія — эти школы не общаются ничего хорошаго въ будущемъ. Последнее—не для нихъ. А кромѣ разумно-веденной школы, что же еще есть въ рукахъ духовенства для достиженія въ конечномъ результатѣ цѣлей нравственнаго воспитанія массъ? Ничего, ровно ничего! Проповѣди, примѣры личной жизни—все это средства и медленныя, и ненадежныя при настоящемъ положеніи духовенства. Ошибки

вѣковъ не заглаживаются днями и годами... Но, кромѣ всего сказаннаго, необходимо обратить вниманіе и на то обстоятельство, что улучшение личнаго состава клира, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Дѣло въ томъ, что года два-три тому назадъ послѣдовало синодальное распоряженіе объ увеличеніи штатовъ при церквахъ и восстановленіи діаконскихъ мѣстъ. Эта мѣра, преслѣдующая удобства прихожанъ, съ одной стороны, и увеличеніе благолѣпія церковнаго богослуженія, съ другой, прекрасна въ теоріи, но совершенно невозможна на практикѣ. Она, такъ сказать, разоряетъ духовенство. Доходъ, которымъ могли жить двое, будетъ недостаточенъ для троихъ. Отсюда неизбежны поборы и вымогательства, отъ которыхъ духовенство наше стало-было отвыкать со времени 60-хъ годовъ, когда послѣдовало сокращеніе штатовъ, и тѣмъ самымъ улучшено было матеріальное положеніе его. Болѣе дальновидные изъ епархіальныхъ архіереевъ поняли невыгоды возвращенія къ до-реформенному порядку вещей и не спѣшатъ исполненіемъ синодальнаго распоряженія по данному предмету. Въ саратовской же губерніи оно вводится въ дѣйствіе съ особой энергіей и жестокою послѣдовательностью. Результаты начинаютъ уже сказываться: ряды клира стали пополняться людьми, которые не въ силахъ пробить себѣ дорогу на другомъ поприщѣ, сплошь и рядомъ безталанными неудачниками, а раньше надѣвшіе рясу вынуждены „изыскивать“ средства къ возмѣщенію нанесеннаго имъ „реформой“ матеріальнаго ущерба. Людямъ „изыскивающимъ“ и людямъ бездарнымъ — до заботъ ли о религіозно-нравственномъ водительство народа?..

О дворянствѣ „Записка“ говорить, что „мы изъ этого сословія и теперь кладутъ свою душу въ работѣ на мѣстѣ“. Дѣло не въ „иныхъ“: такіе „иные“ найдутся среди любого сословія... Но много ли этихъ „иныхъ“, — вотъ весьма существенный вопросъ, почему-то обойденный „Запиской“. На дѣлѣ же этихъ „иныхъ“ очень немного. Крупное дворянство не живетъ въ саратовской губерніи, — за него хозяйничаютъ здѣсь управляющіе. Среднее и мелкое стоитъ не въ такомъ положеніи, чтобы класть душу за другихъ: оно жалуется только на невозможность „такъ жить“, и дальше нитья съ чисто-личнымъ отъикомъ не идетъ. Только единицы—и какія рѣдкія единицы!—задаются болѣе широкими и общими вопросами и цѣлями, но ихъ разрозненныя усилія еще долго будутъ безплодны... И дворянство, какъ духовенство, оторвано отъ народа. Много усилій, много доброй воли, много самоотверженнаго, горячаго служенія народнымъ интересамъ должно быть положено дворянствомъ, прежде чѣмъ исчезнетъ рвань этихъ двухъ сословія и „мужикъ“ перестанетъ съ недовѣріемъ и страхомъ смотрѣть на „барина“. А до того времени о нравственномъ

воздѣйствіи со стороны дворянства на массы и о руководительствѣ первымъ послѣднихъ можно лишь мечтать. Правда, дворянство наше не прочь бы взять на себя это руководство, но средства, которыми оно хочетъ достигнуть этого, по меньшей мѣрѣ ненадежны. Нѣсколько постановленій послѣдняго, декабрьскаго, саратовскаго дворянскаго собранія и рядъ предшествовавшихъ имъ преній болѣе чѣмъ сотни лицъ съѣхавшихся на собраніе дворянъ, прекрасно выясняютъ господствующую среди этого сословія тенденцію. Губернскій предводитель дворянства, г. Кривскій, участникъ послѣдней комиссіи свѣдущихъ людей по разработкѣ проекта реформъ мѣстнаго управленія, внесъ предложеніе ходатайствовать предъ правительствомъ о назначеніи предполагаемыхъ уѣздныхъ начальниковъ изъ людей всѣхъ сословій, по образовательному цензу, а не изъ дворянъ исключительно. Основнымъ мотивомъ такого предложенія являлась необходимость для дворянства позаботиться, чтобы сословная рознь не увеличивалась, а уменьшалась, чтобы дворянство не могли упрекнуть въ погонѣ за привилегіями, чтобы оно не возбуждало въ себѣ чувства зависти, и т. д. Предложеніе, очевидно, очень разумное и практичное, но собраніе громаднымъ большинствомъ голосовъ отвергло его: и благонадежныѣ, видите ли, если во главѣ уѣздной администраціи станутъ „свси люди“, и кусокъ хлѣба данъ будетъ 10—15 человѣкамъ оскудѣвшихъ дворянъ, и престижъ сословія поднимется среди массы обывателей, и многое тому под. Затѣмъ, то же собраніе постановило ходатайствовать объ измѣненіи правилъ о сельскихъ рабочихъ, которыя, будто бы, въ ихъ теперешнемъ видѣ мало гарантируютъ владѣльцевъ отъ обмана со стороны крестьянъ. Если припомнить, что упомянутыя правила и безъ того достаточно односторонни,—конечно, не въ пользу рабочихъ,—то легко понять скрытыя вождельнія огромнаго большинства собранія. Наконецъ, собраніе рѣшило немедленно открыть въ Саратовѣ дворянскій пансіонъ-пріютъ, находя, что существующія учебныя заведенія слишкомъ общедоступны, несмотря на послѣдній циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, для дѣтей всѣхъ сословій. По мнѣнію большинства, состоявшаго изъ $\frac{3}{4}$ всѣхъ присутствующихъ, эта всесословность оказываетъ развращающее вліяніе на дѣтей дворянъ, которыя за время своего пребыванія въ гимназіи и реальномъ училищѣ забываютъ исконныя традиціи своихъ отцовъ и выходятъ изъ школы далеко не тѣмъ, чѣмъ ихъ желательно было бы видѣть.

Если взвѣситъ какъ слѣдуетъ всѣ эти примѣры, то невольно придется къ тому выводу, что саратовское дворянство занято однимъ специально сословными интересами, что оно хочетъ добиться вліятельнаго положенія среди массъ исключительно при помощи привилегій,

хотя бы чисто полицейскаго характера, и желаетъ крѣпче замѣниться въ кастовую цѣпь. Насколько все это соотвѣтствуетъ цѣлямъ автора „Записки“ и способно доставить дворянству возможность нравственно-воспитательнаго воздѣйствія на народъ,—легко понять... Но оставимъ въ сторонѣ это и посмотримъ: нѣтъ ли, такъ сказать, историческихъ оснований, на которыхъ дворянство могло бы строить свои мечты о водительствоѣ народа. Земскія учрежденія существуютъ уже 20 лѣтъ. Во главѣ земскихъ собраній саратовской губерніи все это время стояла дворянская партія. Сдѣлала ли она что-нибудь для народа, облегчила ли сколько-нибудь главнаго плательщика земскихъ налоговъ—сѣрую массу? Тоже нѣтъ. За что же придется помянуть добрымъ словомъ „руководителей“ земскихъ учреждений?—не за что! Земская медицина и народная школа за послѣдніе годы болѣе и болѣе обрѣзаются и сокращаются; главныя суммы земства ушли на уплату гарантіи тамбово-саратовской желѣзной дороги,—худо задуманной и еще хуже того осуществленной дворянской партіей земства.

Итакъ, ни на саратовское духовенство, ни на мѣстное дворянство большихъ надеждъ возлагать пока нельзя, и потому обращенный къ нимъ призывъ автора „Записки“ слѣдуетъ признать почти гласомъ вопіющаго въ пустынь. Далѣе, онъ вполне справедливо находитъ нужнымъ начать дѣло служенія народу съ подробнаго ознакомленія съ жизнью населенія, его нуждами и недугами, но не указываетъ пути, которымъ должно совершиться это ознакомленіе, не сообщаетъ, кто будетъ призванъ вложить свои персты въ язвы народныхъ. Необходимо, чтобы эти персты были чистые и умѣлые... Всего вѣроятнѣе, ознакомляться поручено будетъ мѣстному статистическому комитету, у котораго, за неимѣніемъ денегъ, есть для этого одно только средство—запросы исправникамъ, становымъ и урядникамъ. Такъ, кажется, дѣло и поведено уже: судя по открытой теперь въ Саратовѣ картографической выставкѣ, исправники рисуютъ карты уѣздовъ, становые—своихъ становъ, урядники—своихъ участковъ, квартальные чертятъ планы околотковъ, а волостные писаря, десятники, сотники и подчаски бѣгаютъ по дворамъ и собираютъ „статистику“. Что выйдетъ изъ всего этого—однѣ Аллахъ вѣдаетъ, но работа кипитъ, прямыя обязанности полицейской службы забрасываются въ сторону, а на страницахъ оффиціального органа мѣстной администраціи, въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ стали появляться даже выраженія начальственной признательности разнымъ полицейскимъ чинамъ за рачительное составленіе картъ и описаній „ввѣренныхъ“ имъ территорій. Но какая же цѣна такому ознакомленію съ краемъ? *Ex nihilo nihil fit...*

На чиновъ администраціи предполагается „Запискою“ возложить заботы объ улучшеніи гигиеническихъ и санитарныхъ условий населенія. Это прекрасно, но любопытно посмотрѣть на урядниковъ въ новой для нихъ должности смотрителей народнаго здравія. Право, они такъ дурно справляются съ лежащими на нихъ нынѣ обязанностями, что навязывать имъ еще новыя нѣсколько неосторожно... Но еще интереснѣе посмотрѣть, кто и какъ будетъ оберегать отъ напрасной смерти крестьянскихъ ребятиншекъ. На cadaго земскаго врача по уѣздамъ приходится отъ 30 до 80 т. человекъ населенія! —значить, имъ немислимо дѣлать что-нибудь болѣе того, что они дѣлають. Остается возложить и эту обязанность все на ту же много-страдальную полицію...

Не буду останавливаться на проектируемыхъ „Запискою“ заботахъ администраціи о лѣсоохраненіи и лѣсоразведеніи, ни на борьбѣ ея съ питейнымъ дѣломъ, съ сельскими кулаками и писаками, ни на призывѣ всякаго, кто хочетъ и можетъ давать крестьянамъ 1001 прекрасный совѣтъ: все это прекрасно — на словахъ! Мало—желать; нужно знать, нужно умѣть осуществить желаемое. А этого-то именно всегда и недостаетъ намъ.

Z.

ОТВѢТЪ Г-НУ ОРДИНУ.

Письмо въ редакцію.

Я былъ бы готовъ выразить г-ну Ордину признательность за принятый имъ на себя трудъ перевести на русскій языкъ изданную мною въ 1886 г. брошюру: „Précis du droit public du grand duché de Finlande“¹⁾. Но этотъ переводъ, въ сожалѣнію, снабженъ примѣчаніями, съ которыми нельзя согласиться. Просматривая эти примѣчанія, я не могъ не убѣдиться, что г-нъ Ординъ упустилъ изъ виду тотъ важный принципъ, что сужденіе о политическихъ актахъ прошедшихъ временъ должно быть объективно и свободно отъ политическихъ тенденцій. Кромѣ того, г-нъ Ординъ грѣшитъ и тѣмъ, что онъ не дѣлаетъ различія между *источниками права* и *историческими источниками*, а также между такими историческими источниками, которые служатъ для уясненія вопросовъ права, и такими, которые лишь касаются преходящаго явленія въ ходѣ событій или имѣютъ только анекдотическій интересъ.

Я считаю излишнимъ останавливаться на тѣхъ примѣчаніяхъ г-на Ордина, которыя передаютъ различныя частности по источникамъ послѣдняго рода. Кажется, не трудно замѣтить, что очеркъ, составляющій введенеіе къ моему изложенію дѣйствующихъ основныхъ законовъ и административнаго устройства Финляндіи, имѣлъ цѣлью представить одни важнѣйшіе и рѣшающіе моменты въ общемъ ходѣ историческихъ событій, изъ которыхъ возникло политическое и юридическое положеніе великаго княжества.

Въ нѣкоторыхъ же примѣчаніяхъ г-нъ Ординъ дѣлаетъ замѣчанія противъ текста, съ цѣлью внушить читателю иное понятіе о сути разсматриваемаго вопроса, а не то, которое содержится въ моемъ изложеніи. Эти его замѣчанія всѣ, безъ исключенія, невѣрны и неосновательны. Постараюсь опровергнуть тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ болѣе важнымъ вопросамъ.

Г-нъ Ординъ старается отнять у боргоскаго сейма 1809 года всякое значеніе въ вопросѣ объ установленіи положенія, которое Фин-

¹⁾ „Конституція Финляндіи“, Л. Мехелина, перев. и дополн. примѣчаніями по русскимъ документамъ, К. Ординимъ. Спб. 1887 г. Отчетъ объ этой книгѣ и русскомъ ея переводѣ былъ помѣщенъ въ „Вѣстникъ Европы“, декабрь, 1887, стр. 876.

ляндія должна была занять при соединеніи съ Россією. Онъ говорить, между прочимъ, на стр. 20—21:

„Авторъ даетъ какое-то особое значеніе законности собранія сейма. Между тѣмъ Финляндія своихъ законовъ не имѣла, а руководствовалась шведскими законами. По шведской же конституціи, сеймъ созывался королемъ, и созданный помимо короля сеймъ не былъ законнымъ. Что касается до императора Александра, то онъ, разумѣется, вовсе не заботился о законности сейма, какъ ее понимаетъ или объясняетъ авторъ“.

Противъ этого слѣдуетъ замѣтить:

что въ то время, когда Финляндія составляла часть шведскаго государства, она принимала участіе въ общей его законодательной дѣятельности, и что сила дѣйствовавшихъ въ Швеціи и Финляндіи, общихъ для нихъ, законовъ не была въ Финляндіи упразднена войною;

что, по окончательномъ занятіи Финляндіи, императоръ Александръ, по праву побѣдителя, пользовался въ этой странѣ властью, принадлежавшею до того королю Швеціи, и что поэтому, *de facto*, уже императоръ; а не король Швеціи, могъ въ 1809 г. созвать финляндскій сеймъ;

что императоръ Александръ указомъ отъ 20-го января (1-го февраля) 1809 г. положительно повелѣлъ, чтобы сеймъ состоялся *согласно законамъ страны* и въ порядкѣ, установленномъ въ сеймовыхъ уставахъ;

что императоръ, прибывъ въ Борго, 15-го (27) марта, подписалъ ручательство, которымъ онъ утверждаетъ религію, основные законы и привилегіи страны (это ручательство помѣщено цѣликомъ въ моемъ сочиненіи, стр. 11—12 перевода г-на Ордина), и—

что какъ самый сеймъ, такъ и занятія на немъ происходили согласно существовавшимъ для общихъ сеймовъ Швеціи и Финляндіи законамъ, утвержденнымъ, какъ выше показано, императоромъ.

Эти факты неопровержимо доказываютъ, что императоръ Александръ не пожелалъ воспользоваться силою побѣдителя, для произвольнаго образа дѣйствія относительно Финляндіи, а хотѣлъ установить свою власть надъ нею при содѣйствіи сейма, согласно конституціи, которою страна пользовалась до того.

Г-нъ Ординъ полемизируетъ противъ приведеннаго въ текстѣ на стр. 12 выраженія: „актъ соединенія“, взятаго изъ рѣчи императора Александра при привѣтствованіи его сословіями, и говоритъ, что только миръ, который во время боргоскаго сейма еще не былъ заключенъ, могъ осуществить дѣйствительное соединеніе. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Ординъ приводитъ слова профессора Калониуса

объ обязанности подданныхъ оставаться вѣрными своему законному монарху до конца войны.

Что касается словъ Калоніуса, то г. Ординъ впадаетъ въ анахронизмъ. Университетская программа, въ которой эти слова встрѣчаются, была издана 21-го іюня 1808 г., въ то время, когда арміи еще сражались въ предѣлахъ Финляндіи, съ переменчивымъ счастьемъ. Сеймъ въ Борго былъ открытъ девять мѣсяцевъ спустя, когда театръ военныхъ дѣйствій уже былъ перенесенъ за предѣлы края. Ссылаться по вопросу о боргоскомъ сеймѣ на слова Калоніуса тѣмъ болѣе неумѣстно, что самъ онъ, признавъ, наравнѣ со всѣмъ народомъ, новый порядокъ вещей, принималъ участіе въ разрѣшеніи задачъ сейма, посредствомъ составленія проекта постановленія о правительствующемъ совѣтѣ для великаго княжества. Если финскій народъ, повинаясь объявленному императоромъ Александромъ созыву на сеймъ, послалъ своихъ представителей въ Борго, гдѣ они, отъ имени народа, привѣтствовали императора въ качествѣ великаго князя Финляндіи, хотя миръ между Россією и Швецією еще не былъ заключенъ, то обстоятельство это, конечно, можетъ съ юридической точки зрѣнія быть признано отпаденіемъ отъ политической общности со Швецією; но положеніе вещей было таково, что сомнѣнія формальнаго характера должны были отступить на второй планъ передъ заботою о будущности края. Впрочемъ, какъ бы мы ни отнеслись къ этому вопросу, ясно и неопровержимо: 1) что основанія и условія соединенія Финляндіи съ Россією были установлены на сеймѣ въ Борго ручательствомъ императора Александра сохранить основные законы Финляндіи и присягою сословій, кою они привѣтствовали императора какъ великаго князя Финляндіи ¹⁾; и 2) что этотъ двухсторонній актъ, или соглашеніе, исключалъ возможность продолженія военнаго положенія между Россією и *Финляндією*, хотя война Россіи со *Швецією* еще продолжалась.

На стр. 21 г. Ординъ далѣе говорить:

„Не точно, наконецъ, и даже невѣрно указаніе на то, что сеймъ проявилъ власть, связавъ жителей „присягой“ новому государю. Эту присягу принесли жители занятыхъ русскими войсками губерній еще годъ назадъ, въ Або, главномъ городѣ Финляндіи, въ маѣ; въ другихъ южныхъ губерніяхъ—въ маѣ и іюнѣ 1808 г.; 3-го ноября присягнулъ даже отдаленный Улеоборгъ, три раза переходившій изъ рукъ въ руки. Присягали по общей русской формѣ присяги на вѣрнопод-

¹⁾ По поводу выраженного г. Ординымъ въ первомъ примѣчаніи на стр. 12 сомнѣнія, слѣдуетъ пояснить, что сословія въ той же присягѣ, по употребленной тогда формѣ, обязывались „поддерживать неварушимыми основные законы и конституцію страны“.

данство русскимъ государямъ; присяжные листы были присланы изъ Петербурга; заявленіе автора о присягѣ, принесенной сеймомъ, будто бы, на основаніи конституціи, утвержденной Александромъ, рѣшительно произвольно“.

Эта попытка отвергнуть значеніе присяги сословіи и заподозрить точность моего изложенія должна рушиться при простомъ сопоставленіи изложенія г. Ордина со словами императора во всемилостивѣйшемъ его объявленіи всѣмъ жителямъ Финляндіи, данномъ въ Борго 23-го марта (4-го апрѣля) 1809 г. Объявленіе это, въ моемъ сочиненіи хотя и упомянутое, но не приведенное въ подлинныхъ выраженіяхъ, гласить:

„Мы, Александръ I Императоръ и Самодержецъ всея Россіи, и пр., и пр., и пр., Великій Князь Финляндскій, и пр., и пр., объявляемъ чрезъ сіе: что, созвавъ сословія Финляндіи на общій сеймъ и принявъ ихъ присягу въ вѣрноподданствѣ, Мы пожелали при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи и въ святѣнѣ Всевышняго обнародованнымъ, дать имъ ручательство въ сохраненіи ихъ религіи, основныхъ законовъ, равно привилегій и правъ, коими каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще до сего времени пользовались. Сообщая симъ нашимъ финляндскимъ вѣрноподданымъ сказанный актъ, Мы вмѣстѣ съ тѣмъ объявляемъ, что Мы, сохранивъ древній обычай этой страны и руководствуясь имъ, признаемъ присягу на вѣрность сословіями вообще и представителями крестьянскаго сословія въ частности, добровольно и безъ принужденія принесенную отъ имени своего и находящихся дома братьевъ, достаточною и обязательною для каждаго жителя Финляндіи безъ исключенія. Вполнѣ увѣренные, что этотъ добрый и честный народъ всегда будетъ питать къ намъ и къ нашимъ преемникамъ ту же вѣрность и непоколебимую преданность, коими онъ всегда отличался, Мы не преминемъ, съ помощію Всевышняго, и впредь доказать нашу постоянную отеческую заботу о его счастіи и благоденствіи“.

Присяга на вѣрноподданство, принесенная въ нѣкоторыхъ частяхъ страны въ 1808 г. подъ давленіемъ вооруженной силы, должна, на основаніи приведеннаго документа, считаться лишь эпизодомъ войны. Окончательное же присоединеніе финскаго народа къ новому монарху состоялось въ силу присяги сословіи.

Ручательство императора Александра, отъ 15-го (27-го) марта 1809 г., сохранить основные законы, т.-е. конституцію Финляндіи, присяга сословіи, принесенная императору въ качествѣ великаго князя Финляндіи, 17-го (29-го) марта, при актѣ привѣтствованія, и вышеприведенное объявленіе, отъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1809 г., со-

ставляютъ важнѣйшіе изъ числа боргоскихъ актовъ, на которые я ссылаюсь въ моемъ сочиненіи. Дѣйствительное существованіе и сила этихъ актовъ не могутъ быть поколеблены произвольными толкованіями г-на Ордина.

Съ подтвержденіемъ основныхъ законовъ Финляндіи было установлено ея будущее политическое положеніе. Эти основные законы представляютъ не областное уложеніе; они содержатъ конституцію государства и только въ такомъ значеніи могутъ быть примѣняемы. Согласно съ этимъ, императоръ Александръ приступилъ къ организаціи правительственныхъ органовъ страны. Въ введеніи къ высочайшему регламенту правительствующему совѣту, отъ 6-го (18-го) августа 1809 г., говорится: „Въ числѣ средствъ упрочить благоденствіе Финляндіи, организація общаго управленія намъ кажется важнѣйшимъ дѣломъ. Общее благо государства требуетъ, чтобы дѣятельность отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ въ провинціяхъ соединилась въ главномъ управленіи“ и т. д.—Дальнѣйшія мѣры, принятыя въ ближайшіе затѣмъ года по организаціи финляндскаго управленія, являются лишь развитіемъ основаній, на которыхъ императоръ установилъ въ Борго положеніе Финляндіи. Приписывать эти распоряженія, какъ г-нъ Ординъ это дѣлаетъ, лишь тому обстоятельству, что финляндскіе „господа“ имѣли случай злоупотреблять „довѣрчивостію“ императора, не только не вѣрно, но и заключаетъ въ себѣ несправедливость относительно памяти Александра I.

Въ предисловіи къ своему переводу г. Ординъ дѣлаетъ замѣчаніе, заключающее въ себѣ, по его мнѣнію, особенно тяжкое для меня обвиненіе; онъ находитъ, что я въ моемъ изложеніи, будто бы, систематически игнорирую права Россіи и вовсе не помѣщаю, или упоминаю лишь мимоходомъ, такіе важные источники, какъ:

- 1) Манифестъ 20-го марта 1808 г. о покореніи Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи.
- 2) Письмо императора Александра I къ Наполеону I.
- 3) Манифестъ императора Александра финляндцамъ отъ 5-го (17-го) іюня 1808 г.
- 4) Манифестъ о заключеніи мира между Россією и Швецією 1-го октября 1809 г.
- 5) Фридрихсгамскій мирный трактатъ 5-го (17-го) сентября 1809 г.
- 6) Манифестъ 11-го декабря 1811 г. о наименованіи старой и новой Финляндіи совоувно Финляндією.
- 7) Именной указъ св. синоду о подвѣдомственности греко-россійскихъ церквей въ Финляндіи, того же 11-го декабря 1811 г.

Переводчикъ отпечаталъ эти документы въ особомъ приложеніи къ переводу и отчасти основывается на нихъ въ своихъ примѣчаніяхъ.

Между тѣмъ означенное обвиненіе лишено всякаго основанія.

За первыми тремя изъ этихъ документовъ нельзя признать силы источниковъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о политическомъ положеніи Финляндіи, или правахъ Россіи относительно Финляндіи. Манифесты отъ 20-го марта и 5-го іюня 1808 г. имѣютъ, конечно, историческое значеніе, доказывая положительное *намереніе* императора навсегда присоединить Финляндію къ Россіи. Но эти манифесты, данные въ *началѣ* войны, исходъ которой былъ еще неизвѣстенъ, хотя обстоятельства и были благоприятны для Россіи, нельзя считать ни законами, ни трактатами; они имѣли значеніе, такъ сказать, программы. Поэтому они не принадлежатъ къ числу документовъ, установившихъ соединеніе Финляндіи съ Россіею или основанія этого соединенія. Что же касается письма императора къ Наполеону, то даже самъ г-нъ Ординъ не напалъ бы на странную мысль причислить его къ подобнымъ источникамъ, еслибы онъ не открылъ въ немъ столь дорогое для него слово „провинція“. Приводя это письмо въ доказательство недѣйствительности удостовѣреній и законовъ, данныхъ императоромъ Александромъ годъ спустя, авторъ примѣчаній грѣшитъ одновременно противъ первыхъ основаній логики и правовѣденія. По общимъ правиламъ толкованія источниковъ, въ этомъ письмѣ можно лишь видѣть доказательство тому, что императоръ въ началѣ войны, относительно порядка присоединенія Финляндіи, еще не составилъ себѣ того плана, который впоследствии имъ былъ осуществленъ.

Документы 4-й и 5-й—манифестъ о фридрихсгамскомъ мирѣ и фридрихсгамскій мирный трактатъ—мною не причислены къ источникамъ, касающимся финляндскаго государственнаго права, по той простой причинѣ, что въ нихъ нѣтъ опредѣленій, которыя слѣдовало бы привести въ изложеніи дѣйствующаго права. Въ историческомъ же очеркѣ я привелъ существенную часть содержанія мирнаго трактата ¹⁾. Этотъ трактатъ составляетъ, прежде всего, соглашеніе между Россіею и Швеціею; король Швеціи въ немъ навсегда отказался отъ всѣхъ правъ на Финляндію. Отдѣленіе этой страны отъ Швеціи и переходъ ея подъ скипетръ императора, получили въ трактатѣ международное подтвержденіе. Вопросъ же объ основаніяхъ, на которыхъ Финляндія соединялась съ Россіею, не могъ быть предметомъ опредѣленій трактата уже потому, что условія эти были установлены, и императоръ не имѣлъ повода подвергать ихъ какому-либо пересмотру при переговорахъ въ Фридрихсгамѣ о мирѣ.

¹⁾ Г-нъ Ординъ хочетъ исправить мое изложеніе 4-й статьи мирнаго трактата, стр. 24. Самъ же онъ сдѣлалъ на стр. 23-й ошибку, приведя изъ этой статьи лишь послѣдній пунктъ.

Особо приводить документъ подѣ № 6-мъ я не считъ нужнымъ, такъ какъ въ этомъ краткомъ объявленіи нѣтъ ничего, что не сказано полнѣе въ обнародованномъ въ Финляндіи объявленіи отъ того же числа, 11-го (28) декабря 1811 г., о присоединеніи выборгской губерніи къ великому княжеству финляндскому.

Нельзя сказать, что я игнорирую документъ подѣ № 7-мъ — указъ св. синоду, такъ какъ на стр. 90-й я изложилъ существенное его содержаніе.

Замѣчанія г. Ордина, на которыя я здѣсь возразилъ, оставляютъ лишь впечатлѣніе, что онъ самъ не выяснилъ себѣ, въ чемъ состоятъ дѣйствительные источники предмета, о которомъ я говорю въ моемъ „Précis“ и въ историческомъ къ нему введеніи.

Впрочемъ, я долженъ указать и на то, что я по вопросу о положеніи Финляндіи въ отношеніи къ Россіи не преминулъ воспользоваться и русскимъ источникомъ, сила котораго ниѣмъ не можетъ быть оспариваема, а именно: Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи, томъ I-й. Общій характеръ соединенія указанъ въ сводѣ основныхъ государственныхъ законовъ, раздѣлъ I-й, статья 4-я: „Съ императорскимъ всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“. Вполнѣ послѣдовательно Финляндія не упоминается законоположеніями того же тома о правительственныхъ органахъ Россіи, при перечисленіи предметовъ ихъ дѣятельности, ибо, какъ государство, Финляндія имѣетъ свое собственное управленіе, стоящее въ непосредственномъ отношеніи къ императору, ея великому князю—и организованное финляндскими законами. Законоположенія, относящіяся до Финляндіи и помѣщенные въ сказанномъ отдѣленіи перваго тома, касаются лишь порядка движенія такихъ дѣлъ, „которыя, имѣя близкое отношеніе къ обоимъ управленіямъ, требуютъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, разсмотрѣнія и соображенія“; такими постановленіями являются ст. 15, 33 и 49 раздѣла—объ учрежденіи комитета министровъ, и примѣчаніе къ ст. 218 раздѣла—объ общемъ образованіи министерствъ.

Г-ну Ордину и особенно редакціи такой газеты, какъ „Правительственный Вѣстникъ“, не слѣдовало бы игнорировать подобный источникъ, какъ Сводъ Законовъ Имперіи. Сверхъ того, они могли бы за разъясненіями о положеніи Финляндіи обратиться къ извѣстному русскому же ученому, а именно: къ проф. Градовскому, который въ своемъ трудѣ: „Начала русскаго государственнаго права“, говоритъ на стр. 134, т. I: „Финляндія представляетъ совершенно обособленное во внутреннемъ управленіи государство, хотя и нераздѣльно связанное съ русскою императорскою короною“; или къ г. Чиче-

рину, который въ своей книгѣ: „О народномъ представительствѣ“, на стр. 184--185, ссылаясь на ст. 4-ю россійскихъ основныхъ законовъ, развиваетъ мысль, что Финляндія не входитъ въ составъ Россіи, не инкорпорирована въ Россію, а лишь, какъ отдѣльное государство, соединена съ Россією подъ однимъ скипетромъ, и что это соединеніе, подобно соединенію Норвегіи съ Швеціей, соответствуетъ понятію реального союза.

Гельсингфорсъ.

Л. Мехелинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

[1 марта (18 февраля) 1888.

Австро-германскій договоръ и его значеніе.—Система вооруженнаго мира и ея особенности.—Рѣчь князя Бисмарка.—Дѣятельность германскаго парламента.—Политическое настроеніе Австро-Венгріи.—Англійскія и французскія дѣла.—Балканскія дѣла, и правительственное „сообщеніе“ 11-го февраля.

Полнѣйшая несостоятельность старой системы „вооруженнаго мира“ никогда еще не обнаруживалась съ такою ясностью, какъ въ настоящее время. Характеристическія черты этой системы, ея особенности и послѣдствія выступаютъ теперь передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы во всей своей наготѣ. Когда извѣстный порядокъ вещей достигъ своего апогея, то истинная природа его познается сама собою. Даже дипломаты по профессіи начинаютъ уже допускать мысль, что всеобщія приготовленія къ войнѣ не могутъ считаться гарантіей общаго мира; косвенно признается въ этомъ и самъ князь Бисмаркъ, какъ видно изъ его послѣднихъ дипломатическихъ мѣръ и парламентскихъ заявленій.

Зато нѣкоторыя стороны современнаго кризиса, оставшіяся долгое время въ тѣни, освѣщены въ истекшемъ мѣсяцѣ довольно ярко новыми событіями первостепенной важности. Дѣло началось съ оффиціального обнародованія текста австро-германскаго союзнаго договора и объяснительною рѣчью князя Бисмарка въ имперскомъ сеймѣ, въ засѣданіи 6-го февраля (н. ст.); а въ послѣднее время появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, 11-го февраля (ст. ст.), и съ нашей стороны оффиціальное „сообщеніе“. Сущность трактата, заключеннаго въ 1879 году между Германією и Австро-Венгрією, была приблизительно извѣстна уже давно; ни для кого не было тайной и то обстоятельство, что союзъ этотъ направленъ противъ Россіи. Тѣмъ не менѣе, подлинный текстъ договора долженъ былъ поразить многихъ, не бывшихъ близко знакомыми съ его содержаніемъ—своею категорическою формулировкой по отношенію къ державамъ, находившейся тогда еще въ тройственномъ союзѣ съ двумя сосѣдними имперіями. Трактатъ устанавливалъ не простой оборонительный союзъ съ цѣлью взаимной охраны и обоюднаго обезпеченія, какъ это думали прежде, а настоящую коалицію, съ весьма опредѣленными указа- ніями на того предполагаемаго врага, съ которымъ предстоитъ бо-

роться. „Если,—какъ значитъ въ первой статьѣ договора,—въ противность ожиданіямъ и искреннему желанію высшихъ договаривающихся сторонъ, одна изъ двухъ имперій подвергнется нападенію Россіи, то обѣ договаривающіяся стороны обязываются оказать помощь другъ другу всѣми своими военными силами и затѣмъ заключать миръ не иначе, какъ совмѣстно и по обоюдному согласію? Вторая статья предусматриваетъ случай нападенія „какой-либо другой державы на одну изъ договаривающихся сторонъ“; но тогда союзныя имперіи обязаны лишь сохранять благосклонный нейтралитетъ по отношенію другъ къ другу. „Еслибы, однако,—говорится далѣе,—нападающая держава была поддержана Россіею, въ формѣ ли активнаго содѣйствія, или при помощи угрожающихъ военныхъ мѣръ, то обязательство взаимной поддержки, установленное первою статьею, немедленно вступило бы въ силу, и военныя операціи обѣихъ договаривающихся сторонъ были бы также ведены совмѣстно до заключенія мира“. Наконецъ, третья и послѣдняя статья опредѣляетъ условія, при которыхъ договоръ, долженствующій остаться секретнымъ, можетъ быть сообщенъ третьей державѣ съ обоюднаго предварительнаго согласія: „договаривающіяся стороны питаютъ надежду, что приготовленія Россіи не сдѣлаются для нихъ угрожающими, и потому нѣтъ теперь повода сообщать содержаніе договора; но если, вопреки ожиданіямъ, эта надежда окажется тщетною, обѣ договаривающіяся стороны сочтутъ своимъ долгомъ, по крайней мѣрѣ, конфиденціально увѣдомить императора Александра (II), что нападеніе на одну изъ нихъ будетъ признано направленнымъ противъ обѣихъ“. Вступительныя соображенія къ договору интересны только въ томъ отношеніи, что въ нихъ союзники „торжественно обѣщаютъ никогда не придавать какого бы то ни было агрессивнаго характера этому чисто-оборонительному соглашенію“; затѣмъ, выставляется также на видъ, что „прочный союзъ двухъ имперій, въ родѣ того, который существовалъ раньше“ (т. е. до распада германской федераціи въ 1866 году), долженъ содѣйствовать „укрѣпленію европейскаго мира на основаніяхъ, положенныхъ берлинскимъ трактатомъ“.

При чтеніи этого секретнаго дипломатическаго акта, обнародованнаго нынѣ во всеобщее свѣденіе, самъ собою возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли Германія и Австро-Венгрія могли опасаться вооруженнаго *нападенія* Россіи послѣ берлинскаго конгресса? Можно ли было серьезно разсуждать о подобномъ нападеніи послѣ тяжелаго опыта турецкой войны, даже при предположеніи съ другой стороны, что русской политикѣ свойственно вообще увлекаться смѣлыми воинственными предпріятіями? Откуда могла взятъ мысль о необходимости австро-германской защиты отъ предстоящаго, будто бы, русскаго

нашествія? Почему въ договорѣ прямо названа Россія, какъ держава, могущая „напасть“ на одну изъ договаривающихся сторонъ, а Франція, постоянно озабочивающая Германію, подразумѣвается лишь въ глухой фразѣ о нападеніи „какой-либо другой державы“? Отвѣтить на эти вопросы тѣмъ труднѣе, что во время подписанія трактата 7-го октября 1879 года официальная дружба между Россією и Германією была выше всякаго спора („*thurghoch*“, какъ выражался тогда—и еще позднѣе—князь Бисмаркъ). Но въ дѣйствительности дѣло было вовсе не въ предполагаемомъ русскомъ нападеніи, а въ чемъ-то другомъ. Весь практический смыслъ договора, подписаннаго въ Вѣнѣ графомъ Андраши и княземъ Рейссомъ, сосредоточивается въ постановленіи, которое кажется какъ будто умышленно скрытымъ въ неясной второй половинѣ второй статьи. Германія и Австро-Венгрія „немедленно“ открываютъ совокупныя военныя дѣйствія противъ Россіи, если послѣдняя приметъ какія-либо мѣры для поддержанія Франціи во время новой франко-германской войны. Такъ какъ подъ „угрожающими“ мѣрами можно разумѣть что угодно, даже простыя передвиженія войскъ въ пограничныхъ областяхъ, то, въ сущности, двѣ союзныя имперіи постановили совершить, при извѣстныхъ условіяхъ, нападеніе на Россію всѣми своими военными силами. Чтобы избѣгнуть напраснаго кровопролитія, союзники заранѣе предупредятъ Россію о предстоящей ей участи, въ случаѣ ея попытки оказать давленіе на Германію въ пользу Франціи. Итакъ, „чисто-оборонительный“ союзъ сводится къ тому, что безусловный русскій нейтралитетъ въ будущей франко-германской борьбѣ обеспечивается угрозою „немедленнаго“ нашествія на Россію соединенныхъ австро-нѣмецкихъ армій. Въ данномъ случаѣ признанъ былъ недостаточнымъ тотъ способъ, который употребленъ былъ въ 1870 году русскою дипломатією для обезпеченія Пруссіи отъ враждебныхъ дѣйствій Австріи; тогда Россія ограничилась заявленіемъ, что всякое постороннее вмѣшательство въ войну Пруссіи съ Франціей побудитъ ее выйти изъ нейтральнаго положенія и принять соотвѣтственное участіе въ открывшейся кампаніи; но при этомъ не было и рѣчи о нападеніи на Австрію, пока послѣдняя не выступила бы въ походъ противъ Пруссіи. Противъ „угрожающихъ“ австрійскихъ приготовленій приняты были такія же угрожающія приготовительныя мѣры со стороны Россіи; нѣкоторое количество русскихъ войскъ выставлено было вдоль австрійской границы, и никакого „немедленнаго“ столкновенія не произошло, несмотря на извѣстныя всѣмъ воинственныя наклонности и связи тогдашняго вѣнскаго кабинета. Очевидно, нынѣшняя Германія признаетъ русскую поддержку того времени слѣшкомъ слабою, и она рѣшилась показать, въ свою очередь, какъ достигается дѣйствитель-

ное обезпеченіе нейтралитета при современныхъ обстоятельствахъ. Германія и Австро-Венгрія не будутъ ждать, чтобы мы активно вмѣшались въ франко-нѣмецкую распрю; онѣ сами нападутъ на Россію, если она выразитъ свои симпатіи къ французамъ какими-либо подзрительными военными демонстраціями. Теперь понятно, также, почему этотъ договоръ былъ заключенъ въ 1879 году, при существовавшихъ тогда, повидимому, дружескихъ русско-германскихъ отношеніяхъ. При всей своей дружбѣ съ Германією, русское правительство не разъ высказывалось противъ мысли о новомъ и окончательномъ разгромѣ Франціи. Съ 1875 года, со времени извѣстнаго дипломатическаго вмѣшательства Россіи по поводу плановъ прусской военной партіи, князь Бисмаркъ не былъ болѣе спокоенъ насчетъ возможнаго поведенія русской дипломатіи въ случаѣ войны на Рейнѣ. Съ другой стороны, на берлинскомъ конгрессѣ проявилась несомнѣнная солидарность интересовъ между Австро-Венгрією и Германією, и сближеніе обѣихъ имперій состоялось само собою, а недавній опытъ турецкой кампаніи убѣждалъ государственныхъ дѣятелей Берлина и Вѣны, что и австрійская армія, поддержанная нѣсколькими германскими корпусами, можетъ, будто бы, легко одолѣть русскія военныя силы. Позднѣе, вѣроятно, измѣнился взглядъ на сравнительную боевую готовность Россіи и Австро-Венгріи; къ союзу присоединена была Италія, содѣйствіе которой противъ Франціи должно освободить часть германскихъ войскъ для военныхъ операцій противъ Россіи, совместно съ австрійцами. Наконецъ, послѣднія необычайныя усилія довести численность нѣмецкихъ армій до колоссальной цифры нѣсколькихъ милліоновъ солдатъ должны исполнѣ гарантировать успѣхъ Германіи и ея союзниковъ въ будущихъ столкновеніяхъ ихъ съ сосѣдями. И эти лихорадочныя военныя и дипломатическія мѣры предпринимаются не потому, что Германія хочетъ войны или питаетъ какіе-либо честолюбивые замыслы, требующіе отъ нея напряженія всѣхъ ея народныхъ силъ. Напротивъ, нѣмецкій народъ жаждетъ прочнаго мира, и всѣ приносимыя имъ жертвы объясняются именно настойчивымъ стремленіемъ утвердить этотъ миръ окончательно, поставивъ его внѣ зависимости отъ доброй воли другихъ великихъ державъ. И если Германія предвидитъ печальную необходимость нападенія на какое-либо изъ сосѣднихъ могущественныхъ государствъ, то она руководствуется, при этомъ, исключительно интересами обороны отъ будущихъ посягательствъ, которыя хотѣлось бы ей предупредить и пресѣчь въ самомъ корнѣ. Перспектива возможныхъ опасностей въ будущемъ заставляетъ нѣмецкій народъ не только вооружаться съ неустанной энергією, но и готовиться къ дѣйствительной войнѣ съ вѣроятными врагами и соперниками, для

предупрежденія ихъ предполагаемыхъ ударовъ. Такъ какъ враги и соперники ведутъ себя мирно и не думаютъ о вѣдшихъ предпріятіяхъ, то, быть можетъ, Германія пожелаетъ ускорить развязку для достиженія желательнаго мира, за которымъ послѣдуютъ новыя повсемѣстныя вооруженія, новыя кризисы и новыя попытки возмездія. Такова дѣйствительно жестокая политическая система, на которой строится зданіе современнаго международнаго равновѣсія.

Берлинскій кабинетъ не считаетъ мира обезпеченнымъ, пока Франція не отказалась отъ надежды возстановить свое прежнее положеніе въ Европѣ и вернуть утраченныя провинціи; изъ этого основнаго факта вытекаетъ вся политика князя Бисмарка за послѣднее десятилѣтіе. Германія была бы вполне спокойна, еслибы была увѣрена въ совершенной изолированности Франціи; она не сомнѣвается въ побѣдѣ надъ французскою республикою, лишенною посторонней поддержки. Союзъ трехъ имперій былъ надежнымъ оплотомъ для Германіи, ибо онъ устранялъ возможность какого-либо противовѣса со стороны непріязненной націи. Съ распаденіемъ этого союза наступаетъ періодъ волненій и тревогъ, который продолжается доселѣ,—ибо для Франціи, какъ полагаютъ, открылся путь къ сближенію съ Россією. Германія окружила себя цѣлымъ рядомъ союзниковъ; она заручилась содѣйствіемъ не только Австро-Венгріи и Италіи, но и Англіи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ. Европа раздѣлилась какъ бы на два лагеря, вслѣдствіе крайней мнительности и нервности берлинской политики. При господствѣ взаимнаго недовѣрія и вражды провозглашается принципъ: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ“. Постоянный, отчасти фантастическій страхъ за будущее приводитъ къ бесплодному хроническому кризису въ настоящемъ. Россія еще свободна отъ всякихъ обязательствъ относительно Франціи; она не заключила никакого союза и—будемъ надѣяться—останется въ сторонѣ отъ ненужныхъ ей политическихъ комбинацій. И однако, даже эта пассивная свобода бездѣйствія вызываетъ противъ Россіи глухую борьбу Германіи, на основаніи того предположенія, что эта свобода бездѣйствія можетъ быть внезапно превращена въ свободу дѣйствія, и притомъ во вредъ нѣмецкимъ интересамъ; при наступленіи извѣстныхъ событій, Германія опасается, что такая политика можетъ легко сдѣлаться „политикою сюрпризовъ“. Что же было бы, еслибы Россія дѣйствительно вступила въ формальную оборонительную сдѣлку съ Франціей, какъ это совѣтуютъ нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ? Подобный шагъ, по всей вѣроятности, принять былъ бы за нападеніе на Германію, согласно усвоенной въ Берлинѣ терминологіи, и вторая статья трактата 1879 года тотчасъ вступила бы въ силу. Мы имѣли бы „немедленную“ войну съ двумя имперіями,

одновременно съ войною на Рейнѣ. Въ свое время мы говорили уже подробно о бесполезности и рискованности франко-русскаго союза при настоящихъ условіяхъ международнаго положенія ¹⁾, и теперь мы не имѣемъ повода отказаться отъ этого взгляда, а статья въ послѣдней книгѣ „Revue d. d. Mondes“ доказываетъ, что и во Франціи начинаютъ понимать всю призрачность расчетовъ на франко-русскій союзъ (см. „La France, la Russie et l'Europe“, № 4, 1888).

Что австро-германскій договоръ выгоденъ для Германіи—это ясно для всякаго; но какую пользу можетъ извлечь изъ него Австро-Венгрія? Въ Вѣнѣ знаютъ такъ же хорошо, какъ и въ Берлинѣ, что Россія не имѣетъ обыкновенія нападать на своихъ западныхъ сосѣдей; поэтому не предстояло особенной надобности хлопотать о защитѣ австрійской территоріи отъ воображаемаго русскаго вторженія. Между тѣмъ, взаимнѣ этой охраны отъ несуществующихъ опасностей, Австрія обязалась предоставить въ распоряженіе Германіи всѣ свои военныя силы для наступательной борьбы съ Россією, въ видахъ обезпеченія германскаго тыла отъ русскихъ военныхъ мѣръ во время новой франко-нѣмецкой кампаніи. Въ договорѣ опредѣлены весьма вѣскія обязательства, которыя приняла на себя Австро-Венгрія; но изъ него не видно, чѣмъ они выкупаются, и на какія выгоды могутъ рассчитывать австрійцы въ случаѣ удачи. Въ обѣихъ половинахъ имперіи Габсбурговъ—за исключеніемъ развѣ нѣкоторой части славянскихъ земель—обнародованіе трактата съ Германією было встрѣчено съ восторженнымъ сочувствіемъ, которое никакъ не могло бы быть оправдано букввальнымъ текстомъ договора. Приходится думать, что журналистика и публика поняли недомолвки напечатанныхъ трехъ статей и вычитали въ послѣднихъ то, чего не сказано въ нихъ прямо. Австрійскіе патріоты, опираясь на союзъ съ Германією, могутъ не обращать вниманія на интересы и протесты Россіи по балканскому вопросу, а еслибы дѣло дошло до рѣшительнаго спора, то обѣ союзныя имперіи должны были бы дѣйствовать сообща, въ силу первой статьи трактата. Дальнѣйшія послѣдствія разумѣлись бы сами собою: Россія, по мнѣнію австрійцевъ, была бы вскорѣ разбита соединенными непріятельскими арміями, и Австрія обогатилась бы новыми обширными владѣніями. Сохранится ли миръ, или будетъ война, Австро-Венгрія одинаково выигрываетъ отъ солидарности съ могущественною германскою имперією, хотя эти выигрыши не обозначены въ условіяхъ формальнаго соглашенія. Не нужно также забывать, что договоръ 1879 года былъ дополненъ и развитъ послѣдующими секретными сдѣлками, содержаніе которыхъ остается еще не-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“, 1887, августъ, стр. 807 и сл.

доступнымъ публичной оцѣнѣ. Договоръ, заключенный первоначально на пять лѣтъ, былъ возобновленъ и пересмотрѣнъ въ 1884 году; особенно существенныя дополненія должны были быть сдѣланы въ прошломъ году, по поводу присоединенія Италіи къ австро-венгерскому союзу. Прошлогогодні переговоры графа Кальноки и итальянскаго министра-президента Криспи съ княземъ Бисмаркомъ въ Фридрихсруэ касались, по общему убѣжденію, восточнаго вопроса, о которомъ не упоминается вовсе въ трактатѣ 1879 года. Извѣстныя рѣчи Кальноки, Тиссы и Криспи, настаивающія на недопущеніи отдѣльнаго вмѣшательства какой-либо державы въ устройство болгарскихъ дѣлъ, имѣютъ несомнѣнную связь съ условіями состоявшейся дипломатической сдѣлки. Трудно допустить, чтобы Австро-Венгрія и Италія, вступая въ тройственный союзъ съ Германіею, не выговорили себѣ никакихъ преимуществъ и не поставили никакихъ требованій относительно хода событій на Балканскомъ полуостровѣ. Дипломатія приподняла лишь уголокъ завѣсы, скрывающей ея тайны отъ обыкновенныхъ смертныхъ; намъ показанъ отрывокъ, основной фонъ соглашеній, безъ тѣхъ дополнительныхъ и объяснительныхъ текстовъ, въ которыхъ заключается, быть можетъ, главный интересъ договора въ настоящее время.

Значительная часть европейской печати находила признакъ угрозы въ неожиданномъ официальномъ обнародованіи трактата, направленнаго противъ Россіи. Какъ видно изъ третьей статьи договора, содержаніе его должно быть сообщено русскому правительству, когда надежда на приостановку русскихъ вооруженій „окажется тщетною“. Берлинскій кабинетъ исполнилъ это постановленіе вдвойнѣ: онъ сначала сообщилъ договоръ конфиденціально (въ ноябрѣ прошлаго года), а затѣмъ, — какъ будто это еще недостаточно подѣйствовало, — опубликовалъ его одновременно, 3-го февраля, въ берлинскомъ „Reichsanzeiger“ и въ вѣнской „Abendpost“, для свѣденія заинтересованнаго русскаго общества и русской печати. Первое предостереженіе адресовано было къ дипломатіи, второе — къ русскому общественному мнѣнію, которое въ Берлиніѣ считается почему-то воинственнымъ. Можно ли отсюда заключить, что за этими предварительными мѣрами послѣдуютъ какія-либо положительныя дѣйствія, могущія разстроить столь старательно оберегаемый европейскій миръ? Публикація договора была, повидимому, продолженіемъ или результатомъ официозныхъ газетныхъ пререканій, получившихъ въ послѣднее время крайне щекотливый и неудобный характеръ. Князь Бисмаркъ нашелъ своевременнымъ огласить статью, касающуюся русскихъ военныхъ приготовленій; онъ полагалъ повліять на наше настроеніе въ духѣ миролюбія, показавъ предъ нами перспективу нашествія австро-герман-

скихъ войскъ въ случаѣ нарушенія нами мира. Этотъ шагъ можетъ считаться несогласнымъ съ обычными правилами взаимнаго дружескаго довѣрія между народами и правительствами, но онъ не предвѣщаетъ войны уже потому, что онъ сдѣланъ именно для предупрежденія ея. Близкія, довѣрчивыя связи между кабинетами затрудняются сознаніемъ, что одинъ изъ нихъ приготовилъ оружіе противъ другого и публично заявилъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ это оружіе будетъ пущено въ ходъ. Элементъ публичности придаетъ, конечно, даже косвенной угрозѣ отгѣнокъ чего-то рѣзкаго; угроза, какъ бы она ни была замаскирована, не есть нормальный способъ поддержанія мира между равносильными великими державами. Но въ дѣйствительности русское общество не нуждалось въ напоминаніяхъ и предостереженіяхъ изъ Берлина для того, чтобы проникнуться мирными намѣреніями; русский народъ, обремененный своими домашними насущными нуждами и задачами, болѣе чѣмъ когда-либо далекъ отъ несвойственныхъ ему воинственныхъ тенденцій. Если за границей думаютъ о Россіи иначе, то это недоразумѣніе объясняется преувеличеннымъ вниманіемъ иностранцевъ къ отзывамъ извѣстной части нашей печати, которая хлопочетъ очень много о вѣнскихъ дѣлахъ и шумитъ по ихъ поводу скорѣе по меньшей доступности для нея внутреннихъ вопросовъ, чѣмъ по какимъ-либо другимъ причинамъ. Такъ какъ Россія не имѣетъ интереса предпринимать войну, то и предупрежденіе объ австро-германской сдѣлкѣ было, въ сущности, излишнимъ; очевидно, не было надобности употреблять столь сильное средство для склоненія мирныхъ сосѣдей къ миролюбію, и тѣмъ самымъ — *enfoncer la porte ouverte*. Если европейскій миръ будетъ когда-нибудь нарушенъ, то, конечно, не Россією и не вслѣдствіе желанія войны русскимъ народомъ.

Нѣкоторыя газеты истолковывали текстъ договора въ томъ смыслѣ, что существованіе австро-венгерскаго союза нисколько не мѣшаетъ энергическимъ дѣйствіямъ Россіи относительно Болгаріи, ибо военная поддержка Германіи обезпечена австрійцамъ только въ случаѣ прямого русскаго нападенія на Австрію. Подобныя буквальные толкованія крайне наивны въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ. Если даже предположить, что союзники въ своихъ переговорахъ и соглашеніяхъ обошли восточный вопросъ, то и тогда заинтересованныя въ послѣднемъ державы должны необходимо считаться съ этимъ союзомъ. Австрія всегда можетъ усмотрѣть нарушеніе существенныхъ своихъ интересовъ въ тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ Россіи, а вмѣшавшись въ дѣло активно, она всегда имѣетъ за собою Германію, которая не допуститъ нанесенія союзной имперіи какого-либо чувствительнаго ущерба. Не будучи обязанною „неме-

денно“ выступить со всѣми своими военными силами на помощь Австро-Венгріи, при столкновеніи ея съ Россією изъ-за балканскихъ дѣлъ, Германія можетъ свободно употреблять свое вліяніе и могущество въ пользу союзниковъ, и первая серьезная неудача австрійцевъ принята была бы за достаточный поводъ къ охранѣ цѣлости и неприкосновенности Австріи, согласно договору. Какой же смыслъ имѣла бы попытка разрѣшить болгарскій кризисъ самостоятельными насильственными мѣрами при такой неудобной политической обстановкѣ? „Свобода дѣйствій“ или, проще говоря, пассивное ожиданіе, оказывается единственною благоразумною политикою въ настоящее время, еслибы только можно было быть увѣреннымъ въ ея продолжительности.

Эффектъ, произведенный оглашеніемъ договора 1879 года, придавалъ особую силу тому всеобщему напряженному интересу, съ которымъ ожидалась большая парламентская рѣчь князя Бисмарка. Имперскій канцлеръ долженъ былъ лично мотивировать предъявленное правительствомъ требованіе о займѣ 280 милліоновъ марокъ для прибавленія новаго милліона солдатъ къ существующей уже численности германскихъ войскъ, посредствомъ преобразованія ландвера и ландштурма. Онъ долженъ былъ объяснить причины, побудившія его обнародовать текстъ австро-германскаго соглашенія и увеличивать въ небывалой еще степени нѣмецкія вооруженныя силы. Канцлеръ произнесъ свою рѣчь въ засѣданіи имперскаго сейма, 6-го февраля, и палата, въ порывѣ патріотическаго одушевленія, тотчасъ же единодушно приняла проектъ военнаго закона, безъ всякихъ преній, и постановила немедленно передать въ бюджетную комиссію законопроектъ о военномъ займѣ. Оппозиціи не было; прогрессисты и партія центра вотировали за-одно съ консерваторами, въ видахъ содѣйствія мирной политикѣ правительства, какъ заявлено было отъ имени этихъ парламентскихъ группъ. Германскій парламентъ и нѣмецкая печать поняли рѣчь князя Бисмарка въ смыслѣ внушительной мирной манифестаціи; такое же впечатлѣніе произвела эта рѣчь и за границей. Рѣзка, откровенная оцѣнка чужихъ политическихъ дѣлъ, оттѣнокъ ироніи и пренебреженія относительно противниковъ, энергическій и самоувѣренный тонъ, оригинальные обороты и игривыя сравненія,—всѣ эти особенности канцлерскихъ рѣчей давно знакомы европейской публикѣ и никого не удивили. Отдѣльныя фразы могли казаться обидными для той или другой иностранной державы; не мало колкостей сказано было по адресу Франціи и Россіи, но, въ общемъ, рѣчь имѣла миролюбивый характеръ.

Князь Бисмаркъ счумѣлъ высказать много о разныхъ предметахъ; онъ повторилъ извѣстную исторію русско-германскихъ отношеній,

причемъ вознудся эпизодовъ и подробностей, достаточно уже освѣщенныхъ въ печати (отчасти по прежнимъ рѣчамъ канцлера) ¹⁾. Канцлеръ объяснилъ, что никто не желаетъ войны; что Франція имѣетъ миролюбиваго президента и миролюбивыхъ министровъ; что Россія не думаетъ воевать, и что на воинственные выходы русскихъ и французскихъ газетъ не стоитъ обращать вниманія; тѣмъ не менѣе Германія должна употребить величайшія усилія для охраны своей безопасности и общаго мира. Заключение какъ будто не вытекало изъ успокоительныхъ аргументовъ оратора, — очевидно, ораторъ не досказалъ чего-то, и самые щекотливые вопросы современнаго международнаго положенія остались столь же неясными, какъ и до рѣчи князя Бисмарка. Канцлеръ обвиняетъ печать въ возбужденіи постоянной тревоги и въ разстройствѣ отношеній между державами, и въ то же время онъ отрицаетъ всякую силу печати, особенно въ Россіи; притомъ онъ приписываетъ всю вину русскимъ и французскимъ газетамъ, забывая какъ будто о систематическихъ нападкахъ и угрозахъ значительной части нѣмецкой журналистики. Князь Бисмаркъ „не вѣритъ ни въ какое нападеніе Россіи“, онъ вѣритъ въ ея миролюбіе и знаетъ, что война съ ея стороны не имѣла бы никакой опредѣленной цѣли, такъ какъ ей не нужно ни германскихъ, ни австрійскихъ земель. Сосредоточеніе русскихъ войскъ у западной границы объясняется, по мнѣнію канцлера, желаніемъ поддержать голосъ русской дипломатіи при возникновеніи новаго восточнаго кризиса. „Мы мало заинтересованы въ дѣлахъ Востока, — замѣтилъ князь Бисмаркъ, — мы имѣемъ возможность, не нарушая никакихъ обязательствъ, выждать, чтобы державы непосредственно заинтересованныя приняли свои рѣшенія и постановили, хотятъ ли онѣ войти въ сдѣлку, или драться съ Россією. Мы не находимся въ *первой* линіи и не призываемся ни къ той, ни къ другой альтернативѣ въ восточномъ вопросѣ“. Въ этихъ словахъ нельзя, однако, не видѣть намека на положеніе Германіи во *второй* линіи, за Австро-Венгрією, и на соотвѣтственную роль германской политики въ восточныхъ событіяхъ. Сдѣлавъ очеркъ опасностей и усложненій, пережитыхъ Пруссією за послѣднія сорокъ лѣтъ, канцлеръ продолжалъ: „Мы постоянно живемъ среди опасеній войны, и мы должны разъ навсегда устроиться соотвѣтственнымъ образомъ. Независимо отъ положенія данной минуты, мы должны быть столь сильны, чтобы съ чувствомъ достоинства великой націи, сознающей свое могущество, мы могли спокойно встрѣтить всякую коалицію и всякую случайность, имѣя

¹⁾ Напр., въ недавней книгѣ: „Bismarck und Russland“, съ которою мы ознакомили читателей въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за прошлый годъ (стр. 682 и слѣд.).

вѣру въ Бога и въ самихъ себя, вѣру, которая покоится на собственной силѣ и на правотѣ дѣла, всегда остающейся на сторонѣ Германіи... Богъ далъ намъ сосѣдей, которые мѣшаютъ намъ предаться лѣни. Онъ противопоставилъ намъ націю самую воинственную и безпокойную—французовъ, а съ другой стороны, допустилъ, чтобы въ Россіи проявились большія воинственныя наклонности, которыя раньше не существовали. „Шуки“ мѣшаютъ намъ превратиться въ „варасей“; онѣ принуждаютъ насъ употребить усилія, которыхъ мы иначе не дѣлали бы, чтобы достигнуть тѣснаго союза между нѣмцами, вопреки нашей внутренней природѣ“. Упомянувъ о прежней дружбѣ съ Россією, князь Бисмаркъ выразился, между прочимъ, что на берлинскомъ конгрессѣ онъ „дѣйствовалъ какъ четвертый русскій уполномоченный, или даже лучше еще“, — для тогдашней нашей дипломатіи это свидѣтельство, конечно, не особенно лестно. Что касается австро-венгерскаго договора, то „публикація его несправедливо сочтена была за ультиматумъ, предостереженіе или угрозу“, тѣмъ болѣе, что обнародованный нынѣ текстъ давно извѣстенъ русскому правительству. Германія должна вооружаться больше другихъ державъ, вслѣдствіе своего центрального географическаго положенія; она можетъ подвергнуться нападенію съ двухъ или трехъ сторонъ, а Россія или Франція—только съ одной. „Общественное мнѣніе успокоится, — говорилъ канцлеръ далѣе, — зная, что, подвергшись одновременной атакѣ съ запада и востока, мы можемъ направить по милліону солдатъ къ каждой границѣ, оставляя въ резервѣ третій милліонъ, который можетъ быть двинуть туда, гдѣ понадобится его присутствіе. Другія государства могутъ обладать такою же и даже большею цифрою войскъ; но они никогда не сравнятся съ Германією по обилію образованныхъ и свѣдущихъ офицеровъ, по распространенію образованія въ народѣ и по вѣрности военно-политической организаціи“. Особенно поучительно въ устахъ Бисмарка признаніе необходимости общаго народнаго участія въ вопросахъ войны и мира. „Это увеличеніе нашихъ боевыхъ силъ. — утверждалъ онъ, — должно неизбѣжно расположить насъ къ миролюбивымъ чувствамъ... Чтобы поднимать народныя силы на войну, нужно, чтобы цѣлая нація вполне согласна была съ нами относительно необходимости войны, которая должна вестись съ энтузіазмомъ, какъ въ 1870 году, когда на насъ несправедливо напали. Еслибы мы предприняли такую войну, не будучи увлекаемы къ ней волею народа, то энтузіазмъ былъ бы не тотъ, какъ въ случаѣ обороны отъ нападенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вся Германія, отъ Нѣмана до Констанцскаго озера, вспыхнула бы какъ пороховая мина, схватила бы свое оружіе, и никакой противникъ не выдержалъ бы этой тевтонской ярости. Мы не должны

отказываться отъ этого преимущества, даже если мы теперь считаемъ себя сильнѣе противниковъ... Не боязнь дѣлаетъ насъ миролюбивыми, а, напротивъ, чувство нашей силы, сознание достаточнаго могущества для отраженія нападений даже въ неблагопріятный для насъ моментъ. Если суждено возгорѣться войнѣ, то искра будетъ брошена въ порохъ кѣмъ-нибудь другимъ; не мы это сдѣлаемъ“.

Трудно быть болѣе категорическимъ въ заявленіи мирныхъ тенденцій; но лишній миллионъ солдатъ, потребовавшійся именно теперь, внушаетъ все-таки основательную тревогу, которой не устранять никакія слова. Въ прошломъ году, когда серьезно ожидалась война съ Франціею, и когда французскимъ военнымъ министромъ былъ еще генералъ Буланжѣ, германское правительство требовало лишь военнаго септенната и незначительнаго усиленія арміи; о расширеніи контингентовъ ополченія и о превращеніи части ландвера въ постоянное войско не было и помину. Всѣ аргументы, приводимые теперь княземъ Бисмаркомъ, имѣли полную силу и въ прежніе годы; почему же именно въ настоящее время понадобилось болѣе 700.000 новыхъ германскихъ солдатъ, когда присоединеніе Италіи къ австро-венгерскому союзу вполне обезпечиваетъ Германію отъ какихъ бы то ни было нападений? На этотъ естественный вопросъ нѣтъ отвѣта въ рѣчи имперскаго канцлера. Отношенія къ Россіи нисколько не ухудшились съ прошлаго года, по словамъ князя Бисмарка. Онъ по-прежнему полагаетъ, вопреки союзникамъ, что Россія имѣетъ право на преобладающее вліяніе въ Болгаріи. „Это насъ не касается,—замѣчаетъ онъ,—мы не станемъ поддерживать насильственныхъ мѣръ. Но если Россія захочетъ, путемъ дипломатическимъ или черезъ посредство султана (?), возстановить въ Болгаріи порядокъ вещей, согласный съ постановленіями берлинскаго трактата и съ тѣмъ толкованіемъ, которое мы тогда давали имъ безъ исключенія, то насъ не будетъ смущать недовольство Болгаріи. Болгарія имѣетъ слишкомъ мало значенія, чтобы изъ-за нея можно было ввергнуть въ войну всю Европу, ибо, въ концѣ концовъ, никто не зналъ бы, изъ-за чего идетъ борьба. Если, однако, Россія предложитъ намъ поддержать ея попытки передъ султаномъ для приведенія Болгаріи къ положенію, опредѣленному берлинскимъ конгрессомъ, я не поколеблюсь оказать поддержку (дипломатическую?) сосѣду, съ которымъ мы всегда были въ хорошихъ отношеніяхъ“. Канцлеръ даетъ ясно понять, что эта поддержка можетъ относиться только къ мѣрамъ, допускаемымъ постановленіями берлинскаго конгресса: „мы не станемъ поддерживать насильственныхъ мѣръ“, — сказалъ ясно канцлеръ. Два года тому назадъ, устройство болгарскихъ дѣлъ не ставилось еще въ зависимость отъ буевы берлинскаго трактата; съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣ-

нились, и Германія примкнула къ болѣе формальному, ни къ чему не обязывающему ее взгляду на болгарскій вопросъ. Предложеніе поддержать требованія Россіи въ Константинополѣ имѣетъ видъ любезности, которой нельзя придавать особеннаго вѣса, и которою едва ли воспользуется русская дипломатія: бесполезно дѣлать шаги, отъ которыхъ невозможно ожидать никакого положительнаго результата.

Шумные толки, вызванные рѣчью князя Бисмарка, уже улеглись, и теперь можно было бы подвести итоги разнообразнымъ отзывамъ печати различныхъ странъ. Одни превозносятъ миролюбіе и предусмотрительность германскаго канцлера; другіе видятъ въ его рѣчи восхваленіе грубой силы и произвола; третьи находятъ въ ней излишнія похвалы и угрозы, но всё одинаково приходятъ къ выводу, что канцлеръ искренно стремится къ сохраненію мира для Германіи. Всѣ также отдають давь великому искусству и несокрушимой энергіи князя Бисмарка; но вездѣ чувствуется возрастающая тяжесть его политической системы, и въ виду ежегодно усиливающихся вооруженій повсюду крѣпнеть убѣжденіе, что „долго такъ продолжаться не можетъ“! Считать миръ обезпеченнымъ только тогда, когда все здоровое мужское населеніе стоитъ подъ ружьемъ, значать не вѣрять въ человѣчество и возвращаться къ временамъ исключительнаго господства кулачнаго права. Постоянно ждать взаимныхъ нападеній и готовиться къ отпору—это не жизнь культурныхъ европейскіхъ націй, а безцѣльное соперничество дикарей, не дающихъ спокойствія ни себѣ, ни другимъ. Нѣмецкое общество, увлеченное гениальною личностью Бисмарка, приписываетъ Франціи или Россіи отвѣтственность за это тревожное состояніе Европы; французы и русскіе, въ свою очередь, жалуются на Германію, которая всегда даетъ первый сигналъ къ грандіознымъ военнымъ приготовленіямъ и къ волнующей умы международной травлѣ. Надобно надѣяться, что когда-нибудь пройдетъ же этотъ періодъ вражды и борьбы, и, быть можетъ, недалеко уже то время, когда нынѣшняя эпоха вооруженнаго мира будетъ казаться какимъ-то кошмаромъ...

Князь Бисмаркъ долженъ быть доволенъ настоящимъ составомъ имперскаго сейма. Не только важные военные законы, но и другіе проекты правительства приняты безъ особенныхъ затрудненій. Трехлѣтній срокъ парламентскихъ полномочій замѣненъ пятилѣтнимъ; эта же перемѣна установлена и прусскою палатою депутатовъ. Законъ о социалистахъ возбудилъ весьма оживленныя пренія; ему посвящено было семь засѣданій (съ 27 января по 17 февраля). Лучшіе ораторы парламента возражали противъ новыхъ строгостей, предложенныхъ правительствомъ, и допускали только продленіе дѣйствія закона въ прежнемъ видѣ на дальнѣйшіе три года. Предводитель

центра, Виндгорстъ, высказалъ мнѣніе, что законъ противъ социалістовъ не далъ никакого результата и причинилъ лишь вредъ странѣ. „Порядокъ, поддержаніе котораго правительство ставитъ себѣ въ заслугу, есть только искусственный и обманчивый,—по его словамъ.— Хотя вулканъ не имѣетъ изверженій, но онъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ. Законъ заставилъ социалістовъ организоваться въ секретныя общества. Быть можетъ, предстоитъ ужасное пробужденіе. Нужно бороться съ социализмомъ, но честнымъ оружіемъ“. Въ томъ же духѣ говорилъ либераль Бамбергеръ. Министръ Путкаммеръ и консервативные ораторы отстаивали законопроектъ; социалісты Бебель и Зингеръ рѣзво упрекали правительство за систему шпіонства и подстрекательства въ средѣ рабочаго класса и между приверженцами социаль-демократіи даже въ чужихъ краяхъ, причемъ ссылались на недавнія разоблаченія относительно прусскихъ секретныхъ агентовъ въ Швейцаріи, арестованныхъ мѣстными властями. Послѣ многихъ горячихъ рѣчей законъ былъ принятъ на три года, а не на пять, какъ предлагало правительство; всѣ суровыя прибавки, въ родѣ права изгнанія социалистическихъ дѣятелей, отвергнуты имперскимъ сеймомъ, въ засѣданіи 17 февраля (н. ст.). Выказавъ готовность утвердить всѣ существенныя правительственныя предложенія по предметамъ, особенно интересующимъ князя Бисмарка, нынѣшній германскій парламентъ могъ уже позволить себѣ не соглашаться съ министрами по такому, сравнительно второстепенному, вопросу, какъ законъ о социалистахъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ имперскій канцлеръ долженъ былъ бороться—и надобно отдать ему справедливость: силою ума и краснорѣчія, а не какимъ-либо другимъ способомъ—съ оппозиціонными партіями рейхстага, и теперь впервые онъ располагаетъ сплоченнымъ умѣренно-консервативнымъ большинствомъ, въ которомъ старые его союзники, національ-либералы, играютъ выдающуюся роль. Палата, выбранная среди прошлогодняго воинственнаго шума по поводу отклоненія септенната, составляетъ для канцлера настоящую „chambre introuvable“...

Когда Германія успокаивается, то спокойствіе господствуетъ и въ союзной съ нею Австро-Венгріи. Венгерскіе патріоты, склонные часто къ воинственнымъ увлеченіямъ, возлагаютъ большія надежды на союзъ съ Берлиномъ; они рассчитываютъ одержать блестящія политическія побѣды на Балканскомъ полуостровѣ, при нѣмецкой помощи, и этотъ расчетъ оправдывается на дѣлѣ, благодаря несомнѣннымъ талантамъ и ловкости австро-венгерскихъ государственныхъ людей. Графъ Андраши, подписавшій договоръ 1879 года, сдѣлался настоящимъ героемъ дня и наиболѣе популярнымъ лицомъ въ Венгріи; ему устраиваютъ восторженныя оваціи, и желаніе видѣть его вновь во

главъ министерства иностранныхъ дѣлъ высказывается весьма недвусмысленно въ мадьярской печати. Но венгерскіе дѣятели умѣютъ ждать и сдерживать свои порывы; они сообразуются съ настроеніемъ официальной Германіи, вполне полагаясь на ея могущественное содѣйствіе въ будущемъ. Оттого происходятъ эти частыя перемѣны въ тонѣ венгерскихъ газетъ и въ рѣчахъ австрійскихъ политиковъ, эти рѣзкіе скачки отъ угрозъ къ миролюбію, которые бросаются въ глаза въ журналистикѣ Вѣны и Пешта.

На вызывающей запросъ двухъ депутатовъ, по поводу восточныхъ дѣлъ и австро-германскаго союза, венгерскій министръ-президентъ Тисса отвѣчалъ заявленіемъ въ высшей степени миролюбивымъ, въ засѣданіи венгерской палаты депутатовъ, 28-го (16) января, и оба воинственныхъ депутата тотчасъ же заявили, что никто въ Венгріи не хочетъ войны, и что успокоительныя объясненія министра удовлетворяютъ всѣхъ. Почему же эти патриоты измѣнили свой тонъ столь радикально? Потому что министръ увѣрилъ палату въ невыблемой прочности союза съ Германіею и въ необходимости осторожнаго образа дѣйствій въ настоящее время. „Всѣмъ извѣстно, — сказалъ Тисса, — что мы ничего не требуемъ для себя, ни распространенія нашего вліянія, вопреки трактатамъ, ни какого бы то ни было территоріальнаго увеличенія. Опираясь на международные договоры, мы прежде всего желаемъ сохраненія мира, и мы всегда будемъ готовы, въ интересахъ мирнаго соглашенія, участвовать вмѣстѣ съ другими европейскими державами въ возможныхъ мѣрахъ для охраны положенія, согласнаго съ трактатами. Союзъ между государствами центральной Европы никогда не былъ чѣмъ-либо другимъ, какъ только союзомъ въ пользу мира на основахъ существенно оборонительныхъ, и цѣли его далеки отъ всякаго насильственнаго рѣшенія политическихъ вопросовъ, какъ и отъ всякихъ агрессивныхъ дѣйствій. Такъ какъ самыя мирныя намѣренія провозглашаются одинаково и Россіею, то, сохраняя жизненные интересы нашей монархіи и несмотря на усилія элементовъ, толкающихъ на путь раздора и войны, мы можемъ питать надежду, что монархи и правители, проникнутые любовью къ миру, успѣютъ соблюсти этотъ миръ и избавить Европу отъ тяготѣющихъ надъ нею опасеній“.

Рѣчь Тиссы была какъ будто скромнымъ предисловіемъ къ позднѣйшимъ, болѣе яркимъ и убѣдительнымъ, объясненіямъ князя Бисмарка; но и въ Австріи, какъ и въ Германіи, мирныя рѣчи сопровождаются требованіемъ все новыхъ и новыхъ затратъ на вооруженія, — и смутная тревога остается въ умахъ. Славянское населеніе имперіи не можетъ раздѣлять симпатій и надеждъ австрійскихъ нѣмцевъ и мадьяръ; большинство славянскихъ газетъ сомнѣвается въ

пользѣ австро-германскаго союза, который вліяетъ лишь на увеличеніе военныхъ расходовъ и заботъ, тогда какъ при дружбѣ съ Россіею спорные вопросы могли бы разрѣшаться мирно, путемъ обоюдныхъ уступокъ и сдѣлокъ. Этотъ внутренній разладъ въ общественномъ мнѣніи Австро-Венгріи значительно ослабляетъ положеніе ея, какъ союзницы Германіи, и, быть можетъ, это именно обстоятельство побудило берлинскій кабинетъ не только расширить сферу своихъ союзовъ, но и усилить свои собственныя военныя средства, чтобы устранить неудобную зависимость отъ случайностей, могущихъ разстроить нынѣшнюю организацію австрійской имперіи.

Много говорилось въ послѣднее время о присоединеніи Англіи къ тройственному союзу центральной Европы; съ этимъ предположеніемъ связывалась поѣздка лорда Черчилля въ Берлинъ и Петербургъ. Такого рода слухи подрѣпляются какъ будто статьями наиболѣе вліятельныхъ лондонскихъ газетъ, относящихся вообще крайне сочувственно къ политикѣ князя Бисмарка. Само собою разумѣется, что о формальной англо-германской или англо-итальянской сдѣлкѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ это противорѣчило бы положенію и политикѣ Англіи относительно дѣлъ материна; британское правительство не могло бы также принять на себя серьезныя международныя обязательства безъ вѣдома и согласія парламента. Одинъ изъ первыхъ запросовъ, предъявленныхъ министерству послѣ открытія парламентской сессіи, касался именно вопроса объ отношеніяхъ Англіи къ центральной европейской лигѣ, и товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, сэръ Фергюсонъ, положительно отрицалъ существованіе какихъ-либо договорныхъ связей, неизвѣстныхъ палатѣ общинъ. Сессія открылась 9-го февраля, и въ тотъ же день, по прочтеніи тронной рѣчи и проекта отвѣтнаго адреса, лордъ Сольсбѣри произнесъ въ палатѣ лордовъ политическую рѣчь, въ которой подтвердилъ сущность объясненій князя Бисмарка о шансахъ мира въ Европѣ. Онъ ссылался на миролюбіе Россіи, на общее уваженіе къ трактатамъ, и выразилъ полную симпатію къ мирнымъ усиліямъ Германіи; изъ словъ его можно заключить, что, въ случаѣ надобности, консервативный кабинетъ поддержитъ политику лиги, въ виду стариннаго соперничества съ Франціею и отчасти съ Россіею. Въ палатѣ общинъ Гладстонъ высказалъ удовольствіе по поводу улаженія англо-русскаго афганскаго спора, который постоянно служилъ источникомъ недоразумѣній между двумя великими державами, имѣющими много общихъ интересовъ. Дальнѣйшія засѣданія парламента посвящены, по обыкновенію, ирландскому кризису, протестамъ меньшинства противъ безплодной „охранительной“ системы министерства, противъ арестованія нѣкоторыхъ ирландскихъ депутатовъ и противъ примѣненія исклю-

чительныхъ законовъ. Эта парламентская борьба, по своему утомительному однообразію, представляетъ мало общаго интереса; это какъ будто безконечныя варіаціи на одну и ту же тему. Только побѣда сторонниковъ Гладстона на будущихъ выборахъ можетъ положить конецъ пререканіямъ и очистить путь къ принципиальному разрѣшенію давно назрѣвшаго вопроса.

Французская палата депутатовъ озабочена вопросомъ, когда удобнѣе свергнуть кабинетъ сенатора Тирара, и какое министерство можетъ занять его мѣсто. Предполагалось, что правительству дана будетъ возможность дожидаться окончанія преній о бюджетѣ, который долженъ быть рассмотрѣнъ и принятъ не позже послѣднихъ чиселъ марта (н. ст.). Но парламентское большинство, которое съ самаго начала было недовольно образованіемъ безцвѣтнаго министерства Тирара, начинаетъ обнаруживать нетерпѣніе; нѣсколько разъ оно чуть не оставило кабинетъ въ меньшинствѣ, какъ, напримѣръ, при обсужденіи расходовъ на оккупацию Тонкина. Только явная невозможность министерскаго кризиса при отсутствіи бюджета на дальнѣйшіе девять мѣсяцевъ текущаго года удерживала палату отъ рѣшительнаго шага, и кабинетъ остается еще у дѣлъ, исполняя свои обязанности весьма добросовѣстно и толково. Сенаторъ Тираръ проявилъ гораздо больше ловкости и умѣнья, чѣмъ отъ него ожидали; онъ удачно справлялся съ парламентскими бурями и приобрѣлъ уваженіе даже со стороны противниковъ своимъ прямодушіемъ и честностью. Одинъ изъ пунктовъ обвиненія противъ правительства — упрекъ въ закулисной поимѣхѣ дѣлу правосудія относительно Вильсона — устранился самъ собою, съ появленіемъ зятя бывшаго президента республики на скамьѣ подсудимыхъ, въ судѣ исправительной полиціи. Между тѣмъ бюджетныя пренія подвигаются весьма медленно и туго, и министерство, въ свою очередь, тяготеетъ своимъ неопредѣленнымъ, переходнымъ положеніемъ. Новымъ поводомъ къ недовольству палаты и къ нападкамъ журналистики послужила кандидатура министра иностранныхъ дѣлъ Флуранса въ одномъ изъ южныхъ департаментовъ, граничащихъ съ Италіею. Флурансъ не былъ еще депутатомъ, и онъ пожелалъ быть выбраннымъ въ члены парламента, въ виду представившейся вакансіи; съ этою цѣлью онъ совершилъ обычную побѣдку для ознакомленія съ наиболѣе вліятельными избирателями мѣстности, причемъ имѣлъ неосторожность фигурировать не въ качествѣ обыкновенно кандидата, а въ роли министра иностранныхъ дѣлъ; онъ говорилъ о вѣдѣнной политикѣ и о своихъ дипломатическихъ успѣхахъ

въ такомъ тонѣ, который показался обиднымъ для Италіи и неумѣстнымъ съ точки зрѣнія существующаго международнаго положенія. Повидимому, радикальная партія рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ для устраненія Флуранса изъ будущихъ министерскихъ комбинацій, и этотъ министръ, пользовавшійся до сихъ поръ престижемъ людей молчаливыхъ (какъ остроумно замѣтила газета „Rappel“), можетъ сразу утратить свое привилегированное положеніе, благодаря нѣсколькимъ неудачнымъ фразамъ, переданнымъ, быть можетъ, невѣрно репортерами. Флурансъ пережилъ два министерства—Гоблѣ и Рувьѣ; теперь сильно сократились его шансы пережить третье министерство — Тирара. Въ случаѣ паденія кабинета, выдвинется на первый планъ личность президента палаты, Флокѣ, который недавно торжественно загладилъ мѣшавшій ему грѣхъ молодости — возгласъ: „vive la Pologne!“, произнесенный имъ въ 1867 году, въ бытность императора Александра II въ Парижѣ. Официальное примиреніе и сближеніе Флокѣ съ представителемъ Россіи, барономъ Моренгеймомъ, возбудило преувеличенные толки въ заграничной и особенно нѣмецкой печати, между тѣмъ какъ этотъ фактъ вызывался лишь необходимостью облегчить личныя сношенія между однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ республики, будущимъ министромъ-президентомъ, и посланникомъ державы, симпатіями которой особенно дорожить современная Франція.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ балканскія дѣла вновь обратили на себя всеобщее вниманіе, вслѣдствіе появившагося въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ официальнаго сообщенія 11-го (23-го) февраля. Въ этомъ важномъ документѣ, вызвавшемъ въ западной печати не менѣе толкованій, какъ и вышеупомянутая парламентская рѣчь кн. Бисмарка, изложена какъ вся исторія нашей политики до настоящаго дня, такъ и будущій нашъ „образъ дѣйствій“ въ болгарскомъ вопросѣ въ случаѣ принятія новаго предложенія Россіи; въ противномъ же случаѣ, какъ говорится въ сообщеніи, „императорское правительство будетъ продолжать считать существующее въ этой странѣ положеніе дѣлъ незаконнымъ“, и, слѣдовательно, —возвратится къ прежней своей политикѣ, которой оно держалось до настоящаго сообщенія, сохраняя и прежнее убѣжденіе, „что въ устраненіи этого положенія заключается наиболѣе благонадежное средство упрочить всеобщее спокойствіе“. Поводомъ къ „сообщенію“ послужило то обстоятельство, что въ послѣднее время изъ-за границы въ частныхъ телеграммахъ возвѣщалось, что нашимъ „императорскимъ посломъ въ Берлинѣ“ слѣданы германскому правительству предложенія относительно Бол-

гаріи“. „Сообщеніе“ и разъясняетъ теперь какъ содержаніе этихъ предложеній, такъ и ихъ настоящее значеніе, вытекающее изъ всей предшествовавшей политики нашего правительства въ болгарскомъ вопросѣ.

Вся наша политика, какъ видно изъ „сообщенія“, покоилась на томъ взглядѣ, что „берлинскій трактатъ служитъ основаніемъ установившагося, по общему соглашенію державъ, на Балканскомъ полуостровѣ порядка вещей, и въ немъ заключается единственная международная гарантія противъ потрясеній, опасныхъ для будущности южныхъ государствъ полуострова“. Оставаясь постоянно на такой точкѣ зрѣнія, наше правительство въ іюлѣ прошедшаго года не могло признать законными событія, совершившіяся въ Болгаріи, ни ихъ послѣдствіе. а именно, провозглашеніе принца Фердинанда Кобургскаго правителемъ Болгаріи. Наше правительство „одновременно попыталось въ то время склонить и другіе кабинеты высказаться въ томъ же смыслѣ“. Все послѣдующее служитъ, однако, доказательствомъ, что такая попытка со стороны нашего правительства не имѣла желательнаго успѣха. Если наше правительство нынѣ возобновило ту же самую, неудавшуюся разъ ему попытку, то только вслѣдствіе „повсемѣстно выражаемаго желанія положить конецъ существующему тревожному состоянію“, и опять съ тою же, прежнею цѣлью — „вызвать *заявленіе* державъ о неприкосновенности трактатныхъ постановленій, касающихся Болгаріи, и необходимости возвратить ее на путь законности“. Результатомъ — „естественнымъ послѣдствіемъ такого заявленія державъ должны быть *представленія* въ Константинополь, съ цѣлью склонить султана, *объявить* болгарамъ, что лицо, носящее нынѣ званіе князя, не законный правитель Болгаріи, а только похититель власти. По мнѣнію императорскаго правительства, инициатива такого объявленія безспорно принадлежитъ султану, права коего, какъ суверена, непосредственно затрогиваются незаконнымъ положеніемъ дѣлъ въ Софіи“.

Такое вполне ясное и простое изложеніе въ „сообщеніи“ — не только политики нашего правительства по отношенію къ болгарскому вопросу въ ближайшемъ прошедшемъ, но и самыхъ мѣръ къ тому, чтобы положить какъ можно скорѣе конецъ существующему тревожному состоянію международныхъ отношеній въ цѣлой Европѣ — должно имѣть ту несомнѣнную заслугу въ глазахъ государственныхъ людей западной Европы, что оно наилучшимъ образомъ выясняетъ тѣ трудности, какія должно встрѣтить самое дѣло умиротворенія на практикѣ. Очень возможно, и еще болѣе желательно, чтобы новая миролюбивая попытка нашего правительства — вызвать единодушное заявленіе державъ о неприкосновенности трактатныхъ постановленій, касающихся

Болгаріи,—имѣла на этотъ разъ полный успѣхъ; допустимъ даже, что такое заявленіе будетъ сдѣлано; нѣтъ также сомнѣній, что подобное заявленіе склонить султана—объявить болгарамъ, что онъ, какъ сюзеренъ, не признаетъ нынѣшняго порядка вещей въ Болгаріи законнымъ. Но этимъ собственно не только не исчерпается вопросъ, а именно тутъ-то онъ и начнется, такъ какъ то упомянутое заявленіе державъ, при всемъ его единодушій, можетъ оказаться не-тождественнымъ при рѣшеніи самаго послѣдняго вопроса: долженъ ли султанъ ограничиться однимъ „объявленіемъ“ Болгаріи своихъ взглядовъ, или, въ случаѣ надобности, онъ открыто и силою поддержитъ свой манифестъ? Одни державы могутъ отвѣчать на этотъ новый вопросъ утвердительно, а другія—отрицательно, и тогда, несмотря на весь успѣхъ начала дѣла, оно внезапно возвратится къ прежнему своему положенію, на подобіе легендарнаго Сизифова камня.

Но „сообщеніе“ не касается этого, такъ сказать, конца концовъ. „Не предрѣшая будущаго,—говорится въ „сообщеніи“—императорское правительство, въ видахъ устраненія какихъ бы то ни было сомнѣній относительно его цѣлей и намѣреній, не находитъ нисколько нужнымъ скрывать образа дѣйствій, котораго оно твердо рѣшилось держаться въ болгарскомъ вопросѣ, въ случаѣ устраненія причинъ, способствующихъ продленію кризиса.

„Болгаріа обязана своимъ существованіемъ жертвамъ и усиліямъ Россіи, которая, уже въ силу одного этого, продолжаетъ съ участіемъ относиться къ этой странѣ и съ прискорбіемъ взираетъ на переживаемыя ею испытанія. Оставаясь одинаково чуждымъ какъ предубѣжденіямъ, такъ и пристрастіямъ, и не считая поэтому совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ вмѣшиваться во внутренніе раздоры, императорское правительство далеко въ то же время и отъ мысли подвергать кого-либо отвѣтственности за минувшее; одно чистосердечное сознаніе заблужденій послужитъ въ глазахъ его залогомъ поворота къ лучшему. Россія желаетъ исключительно блага Болгаріи, и, по удаленіи похитителя власти, она будетъ ожидать перваго искренняго заявленія со стороны болгарскаго народа, выраженнаго чрезъ посредство его представителей, чтобы предать забвенію прошлое и позаботиться о возстановленіи сношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣрїи.

„При этомъ императорское правительство чуждо также и намѣренія въ чемъ бы то ни было стѣснить свободу болгаръ, обезпеченную за ними трактатомъ во всемъ, что касается внутренняго устройства страны и управленія ею; оно не можетъ позабыть, что этою свободою Болгаріа обязана преимущественно Россіи, и что никакъ не

въ пограничїи, а въ защитѣ правъ болгарскаго народа заключается наше прямое призваніе, лишь бы, съ своей стороны, лица, призванныя руководить судьбою народа, умѣли разумно пользоваться этими правами. Пусть болгары, умудренные опытомъ, сознають, наконецъ, необходимость отрѣшиться отъ личныхъ стремленій и расчетовъ и объединить свои усилія, съ цѣлью вывести свою родину на путь законности и благоустройства, и въ такомъ случаѣ всякое постороннее вмѣшательство окажется безцѣльнымъ и излишнимъ, и водвореніе будущаго князя безпрепятственно совершится въ условіяхъ, опредѣленныхъ трактатомъ.

„Вышеизложенными соображеніями императорское правительство не переставало руководствоваться съ самаго начала болгарскаго кризиса, и они-то и побудили его на первыхъ же порахъ отвергнуть мысль о возможности возстановленія законности, при помощи мѣръ насилія“.

Обращаясь за симъ, въ заключеніе, къ предположенію, что вторично предлагаемая мѣра опять окажется почему-либо тщетною, и настоящій порядокъ вещей въ Болгаріи не прекратится, — „сообщеніе“ заявляетъ, что „при всемъ этомъ, само собою разумѣется, что, до удаленія изъ Болгаріи похитителя власти, императорское правительство *будетъ продолжать считать существующее въ этой странѣ положеніе дѣлъ незаконнымъ*, оставаясь при убѣжденіи, что въ устраненіи этого положенія заключается наиболѣе благонадежное средство упрочить всеобщее спокойствіе“.

Такое заключеніе правительственнаго „сообщенія“ не можетъ не быть признано вполне миролюбивымъ, и трудность всей задачи состоитъ теперь только въ томъ, какъ достигнуть соглашенія относительно „дѣйствительныхъ“, а не словесныхъ мѣръ къ устраненію незаконнаго положенія дѣлъ въ Болгаріи, послѣ того, какъ оно будетъ даже единодушно всѣми державами объявлено таковымъ, и какъ выйти изъ того „*cerce vicieux*“, въ какое ставить все дѣло тотъ же берлинскій трактатъ, объявившій турецкаго султана сюзереномъ Болгаріи, подъ условіемъ, однако, что „оттоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болгаріи“ (ст. XI). Но нѣтъ сомнѣнія въ одномъ, что міръ прежде всего нуждается въ мирѣ, и въ этомъ отношеніи наше правительство дало самый несомнѣнный залогъ своего миролюбія, заявивъ въ „сообщеніи“, что оно „на первыхъ же порахъ отвергло мысль о возможности возстановленія законности, при помощи мѣръ насилія“, а слѣдовательно и умиротвореніе Болгаріи военными силами Турціи не можетъ входить въ его планъ; съ другой же стороны, наше правительство сдѣлало еще больше: оно, и въ случаѣ неудачи новой своей попытки къ тому,

чтобы положить конецъ тревожному состоянію Европы, рѣшается остаться вѣрнымъ прежнему своему взгляду и, до отмѣны нынѣшняго порядка вещей въ Болгаріи, будетъ попрежнему только продолжать считать существующее въ этой странѣ положеніе дѣлъ незаконнымъ. Но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжится, вѣроятно, и прежнее тревожное состояніе Европы; опасенія за сохраненіе мира могутъ послѣ того выступить даже съ бѣльшею силою, и будущее Европы станетъ уже тогда въ полную зависимость отъ всякой случайности, предвидѣть которую не могутъ никакія человѣческія соображенія. Такое положеніе бываетъ всегда тягостно и въ жизни частнаго лица, но оно дѣлается еще болѣе тягостнымъ, когда оно повиснетъ надъ жизнью цѣлыхъ народовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го марта, 1888.

— *М. Урсинъ.* Очерки изъ психологій славянскаго племени. Славянофилы. Сиб. 1887.

Авторъ этой книги поставилъ себѣ любопытную задачу—сравнительное изслѣдованіе того особеннаго мистическаго патріотизма, который у насъ извѣстенъ подъ названіемъ славянофильства, у поляковъ называется „мессіанизмомъ“ и состоитъ въ томъ, что въ обществѣ возникаетъ мистическая вѣра въ избранничество своего народа, причемъ этотъ народъ долженъ возродить человѣчество, погрязшее въ сухомъ рационализмѣ, возродить высоту нравственнаго чувства, присущаго именно избранному народу. „Предстоящіе очерки,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—далеко не исчерпываютъ предмета; затронуты въ нихъ лишь самыя выдающіеся факты и лица; такъ, въ русской литературѣ мы остановились только на славянофильствѣ, какъ самомъ характерномъ проявленіи мистической вѣры въ народѣ;—касаясь сербо-хорватской, мы посвятили нѣсколько страницъ воздушнымъ, запечатлѣннымъ какимъ-то призрачнымъ и едва уловимымъ спиритизмомъ, созданіемъ музы Прерадовича;—въ отдѣльной главѣ, наряду съ Шевченкомъ, обрисованы туманные идеалы Гоголя, являющагося выразителемъ украинскаго мистицизма;—много мѣста отведено польской литературѣ, такъ какъ въ ней мессіаниззмъ проявился съ особенной силой, воцарившись въ 30-хъ и 40-хъ годахъ почти самовластно; оставляя и здѣсь въ сторонѣ второстепенныхъ писателей, мы сосредоточили все наше вниманіе на великой тріадѣ поэтовъ: на Мицкевичѣ, Словацкомъ и Красинскомъ. Изслѣдуемый вопросъ мы старались изложить съ совершеннымъ безпристрастіемъ, имѣя цѣлью, какъ побудить другихъ къ болѣе обширнымъ изслѣдованіямъ на мало-обработанной почвѣ, такъ и выставить въ новомъ и болѣе правдивомъ свѣтѣ литературныя движенія, которыя, будучи разсматриваемы до сихъ поръ съ предвзятой точки зрѣнія и безъ связи съ анало-

гичными стремленіями другихъ славянскихъ народностей, подавали поводъ къ возникновенію весьма ошибочныхъ взглядовъ“.

Задачу, указанную въ этихъ словахъ, авторъ исполняетъ въ весьма интересномъ изложеніи. Наибольше подробно онъ останавливается на писателяхъ,—повидимому, его родной—польской литературы, и это кстати, потому что польская литература у насъ все еще очень мало знакома, и особливо Словацкій и Красинскій, хотя и принадлежатъ они къ знаменитѣйшимъ именамъ ея новой эпохи. Не вдаваясь въ слишкомъ частныя подробности біографіи, авторъ старается внимательно разсмотрѣть только то душевное и нравственное настроеніе писателей, которое приводило ихъ къ мессіаническимъ мечтамъ и теоріямъ, и авторъ дѣлаетъ это вообще съ большимъ искусствомъ. Онъ умѣетъ остаться и очень безпристрастнымъ, напримѣръ, въ вопросѣ о русскомъ славянофильствѣ, что для писателя чужой (какъ мы предполагаемъ) литературы очень не легко, и потому составляетъ настоящую заслугу. Главное вниманіе и наибольшая доля книги посвящены польской триадѣ поэтовъ: Мицкевичу, Словацкому и Красинскому, и потомъ русскимъ (старымъ) славянофиламъ, главнымъ образомъ Хомякову. Отъ автора не укрылись ни высокія нравственныя и поэтическія достоинства этихъ писателей, ни ихъ коренныя недостатки. Г. Урсинъ, при всемъ его поклоненіи польскимъ поэтамъ, относится совершенно отрицательно къ ихъ мессіанизму, какъ при всей высокой оцѣнкѣ „геніальной“ личности Хомякова отвергаетъ его такія же мессіаническія идеи. Такимъ образомъ, по выводамъ г. Урсина, польская поэзія, при всей возвышенности ея мечтаній и нравственныхъ требованій, остается совершенно внѣ дѣйствительности и въ приложеніи къ ней разлетается „въ пухъ и прахъ“, а русскій мессіанизмъ, представляемый особливо Хомяковымъ и, въ противоположность польскому поэтическому мессіанизму, построенный на историко-философскихъ изученіяхъ и гораздо болѣе сильный со стороны критики, утрачиваетъ свое значеніе потому, что, слишкомъ возвеличивъ историческія начала русской жизни, слишкомъ слабо указалъ ихъ несовершенства въ практикѣ. Въ опредѣленіи особенностей мессіанизма польскаго и русскаго авторъ показалъ вообще много эстетическаго и психологическаго чутья, и его этюды очень разъясняютъ поставленный имъ вопросъ.

Вопросъ, поставленный г. Урсинимъ, принадлежитъ къ области сравнительныхъ историко-литературныхъ изученій; но авторъ желаетъ возвести ихъ въ болѣе широкую область сравнительныхъ изученій *народной психологійи*. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ свои выводы слѣдующимъ образомъ: „Даже при маломъ знакомствѣ съ славянскимъ міромъ,—говоритъ онъ,—всякаго поразитъ то обстоятельство, что

національныя стремленія проявлялись у насъ въ мистической формѣ. Это явленіе считаемъ мы самой выдающейся особенностью нашего племени. Сильнѣе всего обнаружилась она въ первой половинѣ настоящаго столѣтія; въ виду этого, весьма важно всестороннее изученіе этой эпохи; теперь оно едва ли возможно, вслѣдствіе отсутствія предварительныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ личностяхъ или проявленіяхъ, входящихъ въ область мессіанизма“, — но изученіе нѣсколькихъ самыхъ выдающихся мессіанистовъ даетъ возможность нѣкоторыхъ обобщеній. Подкладку мистическаго міросозерцанія, порождающаго мессіанизмъ, составляетъ напряженіе чувства и фантазіи до ихъ послѣдняго предѣла, т.-е. до экстаза; сообразно съ характеромъ данной личности, можетъ преобладать тотъ или другой факторъ, и большая или меньшая способность къ критикѣ и анализу, до извѣстной степени, смягчаетъ ихъ силу. „Въ польскомъ мессіанизмѣ весьма сильно проявились первые факторы—чувство и фантазія, но въ немъ слабо критическое начало: восторгъ и упоеніе идеаломъ, пламенное воззваніе къ дремлющимъ чувствамъ людей, страстное стремленіе немедленно толкнуть ихъ на путь подвиговъ любви и самоотверженія—вотъ его основныя черты. Такимъ образомъ, мессіанизмъ Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго обнаружилъ, что способность увлекаться до крайности, готовность къ самопожертвованію, однимъ словомъ, энтузіазмъ, не знающій предѣла между возможнымъ и невозможнымъ, составляетъ коренную черту польскаго національнаго характера. Направленіе украинскаго мессіанизма, въ сущности, тождественно съ польскимъ, точнѣе выражаясь, съ идеалами Красинскаго (т.-е. направленіе въ смыслѣ психологическаго настроенія), но произведенія Шевченка и Гоголя лишены той энергіи чувства, которая составляетъ привлекательную особенность польской поэзіи... Вопреки польскому и украинскому мессіанизму, русское славянофильство есть плодъ сочетанія мессіаническихъ стремленій съ трезвымъ критицизмомъ: предѣлы возможнаго всегда входили въ соображеніе русскаго человѣка, и, не увлекаясь неосуществимой мечтой, онъ старался извлечь практическую пользу изъ идеальныхъ влеченій сердца, приводя ихъ въ тѣснѣйшую связь съ *существующими* условіями жизни. Руководствуясь этимъ, русское славянофильство поставило божественное призваніе Россіи въ зависимость отъ развитія въ ней православныхъ чувствъ“.

Далѣе, — „что касается этического значенія мессіаническихъ идеаловъ, то не можетъ быть рѣчи о нравственно-воспитательномъ дѣйствіи поэзіи Шевченка и Гоголя: она слишкомъ сильно окрашена пессимизмомъ. Еще невыгоднѣе въ этомъ отношеніи славянофильство: обоготворивъ существующее, оно дало опасное оружіе въ руки сво-

ихъ послѣдователей: высоко и прекрасно толковалось Хомяковымъ православіе, но большинство его учениковъ, не умѣя возвыситься до пониманія великаго учителя, исковеркало многія, весьма существенныя, стороны его ученія. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, примѣсь критическаго начала лишила мессіаническіе идеалы автора „Ученія о Церкви“ ихъ нравственной возвышенности. Только польскій мессіанизмъ есть плодъ самаго страстнаго и нерассуждающаго увлеченія идеаломъ: въ первое время, онъ могъ возбуждать болѣзненную мечтательность, но теперь въ возможность осуществленія идеаловъ Мицкевича и его сподвижниковъ никто не вѣритъ; чудныя же произведенія ихъ гениа, отразивъ въ себѣ ихъ беспредѣльную любовь, святую жажду правды и добра, и пламенную вѣру, и восторгъ, остаются для потомства вѣчною сокровищницей высокихъ чувствъ и высокихъ стремленій“.

Возникаетъ существенный вопросъ: откуда у славянъ произошла эта склонность къ мессіанизму, и какъ образовались его различныя отдѣлки? Авторъ не беретса рѣшать этого вопроса; въ настоящую минуту наука, — говоритъ онъ, можетъ пока только указать факты; объясненіе его принадлежитъ дальнѣйшимъ успѣхамъ народной или племенной психологіи. Собранныя въ его книгѣ факты извѣстны, но для науки, по мнѣнію автора, важно и то, если ходячія возрѣнія, извлеченныя изъ практической жизни, будутъ подтверждены систематическимъ разборомъ какой-нибудь группы явленій изъ литературнаго міра. Но, чтобы возвысить это сравнительное историко-литературное изслѣдованіе до изслѣдованія народно-психологическаго (какъ желаетъ авторъ), слѣдовало бы все-таки взять нѣсколько шире горизонтъ наблюденій, — иначе сама выбранная группа представится вырванною изъ ряда иныхъ, съ нею тѣсно связанныхъ явленій, и слишкомъ одинокой.

Мессіанизмъ есть преувеличенная, восторженная форма патріотизма, питающагося національнымъ самолюбіемъ и религиознымъ энтузіазмомъ. Патріотическія преувеличенія свойственны въ той или другой формѣ, вѣроятно, всѣмъ народамъ безъ исключенія. Древность, не только семитическая, но и классическая, уже знала „избранныя народы“; такимъ народомъ были евреи; греки только себя самихъ считали настоящими людьми, надѣляя всѣ остальные народы самымъ полнымъ и искреннимъ презрѣніемъ, какъ „варваровъ“. Современные европейскіе народы, нѣмцы, французы, англичане, отличаются такими же преувеличеніями патріотизма, который настаивалъ на тѣхъ сторонахъ ихъ національныхъ свойствъ или историческихъ приобрѣтеній, въ которыхъ они считали себя сильными, и такъ какъ въ этихъ свойствахъ и приобрѣтеніяхъ бывало иногда и нѣчто ре-

альное, то преувеличенія легко приобрѣтали вѣру: французы, по ихъ мнѣнію, — „великая нація“ по преимуществу; нѣмцы въ прежнее время предполагали, что они составляютъ цвѣтъ человѣчества, какъ обладатели наиболѣе возвышенной философской мысли, а теперь считаютъ себя цвѣтомъ человѣчества въ военной дракѣ; англичане полагаютъ издавна, что они должны „управлять морями“, и т. д. Подобныя преувеличенія патриотизма должны были развиваться и у народовъ славянскихъ, и направленіе преувеличеній должно было зависѣть отъ тѣхъ или другихъ условій ихъ положенія политическаго или церковнаго, а также отъ частнаго настроенія данной минуты и личныхъ характеровъ. Польскій мессіанизмъ коренится прежде всего въ счастливыхъ временахъ старой Польши, когда господствующее сословіе среди необузданной свободы исполнялось величайшаго самолюбія, воображая Польшу наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ государствъ, а себя—наилучшими изъ всѣхъ возможныхъ гражданъ. Наступило страшное историческое испытаніе. Кромѣ немногихъ свѣтлыхъ и безпристрастныхъ умовъ, никто не хотѣлъ признать, что причины паденія прежде всего заключались во внутреннемъ неуравновѣженномъ складѣ самого государства, и старое самолюбіе искало причинъ факта въ случайныхъ внѣшнихъ бѣдственныхъ причинахъ, въ чужомъ насиліи и несправедливости; потерпѣвшіе являлись невинными жертвами, а такъ какъ притомъ главнымъ врагомъ полагалось государство, во-первыхъ, иной вѣры, и притомъ издавна возбуждавшей антипатію и вражду, а во-вторыхъ, такое государство, которое казалось стоящимъ на гораздо низшей степени развитія, то потерпѣвшая сторона тѣмъ больше убѣждалась, что все дѣло сводилось къ насилію варварства и „схизмы“ надъ правомъ и истиною. Когда послѣ новѣйшаго возстанія и пораженія главные патриоты удалились въ эмиграцію, самая жизнь въ удаленіи отъ родины, среди матеріальныхъ лишеній и нравственныхъ страданій, съ однимъ оставшимся исходомъ для чувства въ религіозной экзальтаціи, давала всѣ условія для развитія мистическаго мессіанизма: реальной надежды не было, оставалось искать будущаго въ туманныхъ фантастическихъ ожиданіяхъ какого-то необычнаго торжества Польши уже не только дома, но во всемъ человѣчествѣ. Насколько участвовали здѣсь, между прочимъ, и случайныя возбужденія, показываетъ то, что къ мессіаническому будущему Польши въ понятіяхъ Мицкевича присоединился, напримѣръ, до чрезвычайности странный культъ Наполеона. Если самъ авторъ говорить, что уже теперь въ самомъ польскомъ обществѣ никто не вѣритъ въ возможность осуществленія идеаловъ Мицкевича, то это указываетъ, насколько въ его мессіанизмѣ было не что общенациональное, но и личное и случайное.

Точно также много личного и временного было въ русскомъ мессіанизмѣ славянофиловъ. Корень его (какъ и самъ авторъ догадывается, стр. 116—117) лежитъ очень далеко, именно въ національномъ самоиѣннѣ московской Россіи, которая, на подобіе многихъ другихъ народовъ, считала себя одну хранительницей настоящей истины, а свое государство—единымъ настоящимъ христіанскимъ царствомъ, устроеннымъ по божественному закону. Эти идеи возродились—послѣ множества болѣе раннихъ несовершенныхъ попытокъ—въ умахъ людей первой половины столѣтія, людей, овладѣвшихъ формами и положеніями тогдашней европейской (собственно нѣмецкой) науки и сумѣвшихъ дать этимъ идеямъ религіозно-философскую и поэтическую окраску. Работа фантазіи на почвѣ религіознаго возбужденія и здѣсь поощрялась въ особенности тѣмъ, что въ условіяхъ русской общественной жизни этимъ умамъ не оказывалось никакой практической дѣятельности въ смыслѣ ихъ идеаловъ, и національнымъ пророкамъ приходилось выслушивать наставленія и выговоры знаменитаго III-го отдѣленія. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что основнымъ недостаткомъ славянофильскаго ученія, столь закругленнаго въ теоріи, была недостаточная оцѣнка существующей дѣйствительности, и въ самомъ дѣлѣ, когда эпигоны стали примѣнять это ученіе къ явленіямъ практической жизни, оно было извращено ими до неузнаваемости.

Со многими частными положеніями автора можно не согласиться, и изложеніе славянскаго мессіанизма остается не совсѣмъ полнымъ. Такъ, къ числу мессіаническихъ теорій принадлежалъ, очевидно, панславизмъ, который выработывался одинаково западнымъ и восточнымъ славянствомъ; онъ также имѣлъ своихъ пророковъ, и между ними Колларъ и Штуръ, едва упомянутые авторомъ, могли бы также занять мѣсто въ ряду мессіанистовъ. Опредѣленія этическаго значенія русскихъ, польскихъ и украинскихъ писателей мессіанистовъ не вполне точны; напримѣръ, это значеніе польскихъ мессіанистовъ едва ли можетъ остаться столь безусловнымъ, когда, по мнѣнію самого автора, въ такой сильной степени отпадаетъ практическое содержаніе ихъ теорій и когда впечатлѣніе ихъ произведеній должно въ мысляхъ читателя такъ часто сопровождаться историческою поправкой. Роль Гоголя и Шевченка и ихъ историческое вліяніе вовсе не исчерпываются ихъ мессіаническимъ элементомъ, который кажется автору безплоднымъ, какъ слишкомъ пессимистическій; дѣйствительное значеніе этихъ писателей было не здѣсь, и, напримѣръ, громадное вліяніе Гоголя въ русской литературѣ, вліяніе именно нравственное, шло просто наперекоръ его мессіанизму.

Во всякомъ случаѣ, заслугой автора остается эта сравнительная

постановка вопроса о весьма характерной группѣ явленій современной славянской литературы, особливо русской и польской. Параллельное изученіе даетъ возможность видѣть предметъ шире и ограничить ту исключительность, которая слишкомъ естественна при изслѣдованіи фактовъ единичныхъ. Въ трудѣ г. Урсина можно привѣтствовать одинъ изъ счастливыхъ первыхъ шаговъ сравнительнаго между-племеннаго изслѣдованія.

— *Гердеръ, его жизнь и сочиненія.* Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Томъ первый. Часть первая. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1887.

Иоганнъ-Готфридъ Гердеръ (1744—1803) есть одно изъ знаменитѣйшихъ и, можно прибавить, самыхъ симпатичныхъ именъ нѣмецкой литературы прошлаго вѣка. Это былъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ того сильнаго умственнаго движенія, которое совершалось въ Германіи во второй половинѣ XVIII-го столѣтія и было переходомъ отъ такъ-называемой эпохи „просвѣщенія“ къ философіи и романтизму начала нынѣшняго столѣтія. Вліяніе, которое имѣлъ Гердеръ въ нѣмецкой литературѣ и другихъ обществахъ, куда она проникала (напримѣръ, въ западномъ славянствѣ) было весьма обширное и плодотворное. Это былъ не поэтъ, а мыслитель — историкъ, философъ, критикъ искусства, — но онъ одаренъ былъ такимъ пониманіемъ поэзіи и выработалъ такое возвышенно гуманное воззрѣніе, что самая философія его получала поэтическую привлекательность. Основа его взглядовъ была съ одной стороны религіозна, съ другой — философская, именно въ смыслѣ философіи Руссо; крайности Руссо, мечтавшаго о первобытномъ состояніи людей, отпадали у Гердера, болѣе вооруженнаго историческимъ знаніемъ, но сущность ученія развилась въ новое своеобразное направленіе, гдѣ Гердеръ сталъ едва ли не главнымъ возбудителемъ изученій, какія съ тѣхъ поръ стремятся къ объясненію первобытныхъ источниковъ и развитія народной жизни и къ установленію нравственнаго права всякой племенной индивидуальности. Сухой раціонализмъ старой французской философіи, который перешелъ и въ нѣмецкое „просвѣщеніе“ прошлаго вѣка, относился, какъ извѣстно, съ великимъ пренебреженіемъ къ народнымъ элементамъ исторіи, считая народъ за пассивную неразвитую толпу, древнія религіи — за обманъ жрецовъ, народную поэзію — за грубые опыты, нестоющіе вниманія людей образованныхъ, средніе вѣка — за періодъ мрака, ненужный и нелюбопытный для исторіи. Гердеръ одинъ изъ первыхъ понялъ и первый положительно и съ одушевленіемъ указалъ глубокое значеніе элементовъ, лежащихъ въ

основѣ народнаго развитія, и въ особенности указавъ значеніе народной поэзіи, какъ характернаго созданія цѣлыхъ массъ, обладающаго притомъ высокими поэтическими достоинствами. Въ своихъ историко-философскихъ трудахъ Гердеръ сумѣлъ отрѣшиться отъ рутинныхъ положеній историческаго раціонализма и именно понять какъ общія условія развитія народовъ, лежащія въ природной ихъ обстановкѣ, такъ и частныя племенные особенности, вообще—понять въ исторіи племенное и народное; съ этимъ вмѣстѣ онъ указывалъ жизненное значеніе среднихъ вѣковъ, ихъ исторіи и поэзіи. Онъ впервые сталъ собирать „голоса народовъ“ — въ ихъ поэзіи, и это вниманіе къ внутреннему содержанию народной индивидуальности помогло ему понять глубже и такія долго изучаемыя явленія, какъ Гомеръ, и другія, которыя стали тогда привлекать умы и поражать ихъ, какъ Шекспиръ. Съ Гердера начинается интересъ къ изслѣдованію народной поэзіи, которое привело теперь къ такимъ важнымъ историческимъ выводамъ. Между прочимъ, Гердеръ съ сочувствіемъ говорилъ о столь долго подавленныхъ славянскихъ племенахъ, и потому имя его было вообще весьма популярно у начинателей славянскаго возрожденія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. По всѣмъ этимъ отношеніямъ Гердеръ представляетъ интересъ и для нашей литературы, въ которой прямо или косвенно также сказалось вліяніе развиваемыхъ имъ идей народолюбивой гуманности.

Поэтому мы съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ переводъ обширной біографіи Гердера, предпринятой Гаймомъ, извѣстнымъ авторомъ біографіи Гегеля (переведенной и на русскій языкъ, въ 1861) и обширной книги о романтической школѣ. Въ нѣмецкой литературѣ и до сихъ поръ было уже, разумѣется, нѣсколько, между прочимъ, весьма подробныхъ біографій знаменитаго писателя, нѣсколько изданій оставшихся послѣ того бумагъ и переписки. Новый біографъ вознамѣрился, повидимому, сполна исчерпать матеріалъ, какой только существуетъ въ настоящее время. „Эти обширныя изданія (сочиненій, оставшихся бумагъ и переписки, сдѣланныя прежде),—говоритъ Гаймъ,—вмѣстѣ съ множествомъ отрывочныхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ указаній, еще не заключаютъ въ себѣ всего, что осталось отъ Гердера въ рукописяхъ. Туда не вошло множество писемъ, получавшихся Гердеромъ или написанныхъ имъ самимъ. Кроме того, сохранились въ большомъ числѣ ученыя замѣтки и выписки Гердера, относящіяся и къ самой ранней порѣ его литературной дѣятельности, и къ самой поздней. Здѣсь попадаются или цѣликомъ, или частями рукописи изданныхъ имъ сочиненій, нерѣдко въ многократной передѣлкѣ; также попадаются еще не окончательно

обдѣланныя и до того времени еще не появлявшіяся въ печати сочиненія. Всѣ эти рукописи недавно, большею частію, перешли въ собственность берлинской библіотеки; авторъ этой біографіи познакомился съ ихъ содержаніемъ въ Веймарѣ“...

Біографія составлена столь подробно, что первая часть перваго тома, заключающая до 850 страницъ убористой печати, доходитъ только до 1776 года. Всѣ подробности внѣшней біографіи, исторія его образованія, личныя отношенія—дѣловыя и литературныя, начало и весь ходъ писательскихъ работъ, развитіе мировоззрѣнія Гердера излагаются съ такою полнотою, что этого жизнеописанія, кажется, не съ чѣмъ больше сравнить въ нашей собственной и переводной литературѣ. Для потребностей русскаго читателя, быть можетъ, изложеніе даже черезъ-чуръ плодовито; но біографія Гердера захватываетъ такой широкій кругъ нѣмецкой науки и литературы прошлаго вѣка, что книга Гайма доставляетъ много поучительнаго и внѣ собственной біографіи Гердера.

— *Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Исслѣдованіе И. И. Дубасова. Выпускъ 4-й. Тамбовъ, 1887.*

Въ свое время мы говорили о первыхъ выпускахъ сочиненія г. Дубасова, и, между прочимъ, подробно разсматривали предпоследній его выпускъ ¹⁾.

Выходъ новѣйшей книжки, по словамъ предисловія, задержался тѣмъ, что автору пришлось въ послѣдніе годы употребить много времени на занятія въ основанной недавно въ Тамбовѣ архивной комиссіи, что, впрочемъ, послужило съ пользою и для его личной работы, доставивъ ему много новаго матеріала. Авторъ объявляетъ, что можетъ вести свою работу, вообще, только „концентрически“, т. е. возвращаясь снова къ прежнимъ предметамъ по мѣрѣ постепеннаго открытія архивныхъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, при нынѣшнемъ положеніи мѣстныхъ историческихъ изысканій и при недостаткѣ людей, имъ себя посвящающихъ, приходится мириться съ такимъ способомъ изложенія, разумѣется, не весьма удобнымъ, потому что изложеніе дѣлается отрывочнымъ и впадаетъ въ повторенія. Но „концентрическое“ изложеніе вовсе не оправдываетъ другихъ недостатковъ книги.

Разбирая прежніе выпуски этого изданія, мы отмѣчали, что онъ приноситъ много очень любопытныхъ фактовъ для нашей мѣстной

¹⁾ „Вѣсти. Европа“, 1885, июнь, Литер. Обзорѣніе.

исторіи, именно фактовъ, во-первыхъ, по исторіи заселенія края, русская жизнь котораго восходитъ только къ половинѣ XVI-го вѣка, и, во-вторыхъ, по исторіи нравовъ, административныхъ и бытовыхъ. Захолустная провинція и въ наше время представляетъ образчики первобытнаго состоянія, а за прежніе вѣка тѣмъ больше, и для изображенія „добраго стараго времени“ областная исторія доставляетъ чрезвычайно типическія черты. Подобными чертами довольно изобильна и исторія Тамбовскаго края. Къ сожалѣнію, авторъ не хотѣлъ довольствоваться простымъ собираніемъ и изложеніемъ историческихъ данныхъ: онъ стремится живописать и пересыпаетъ собранные имъ факты лирическими изліяніями и риторическими украшеніями, которыя, очевидно на перекоръ его ожиданіямъ, составляютъ большой недостатокъ его сочиненія. При разборѣ первыхъ выпусковъ книги, мы обращали вниманіе на эти излишнія и неприличныя подобному труду прикрасы, но авторъ, кажется, считаетъ ихъ особеннымъ достоинствомъ своей работы, потому что и здѣсь опять разсыпано не мало цвѣтовъ краснорѣчія, какъ обыкновенно, мѣшающихъ точному изложенію дѣла.

Въ настоящемъ выпускѣ авторъ говоритъ о предметахъ, которые бывали уже затронуты имъ прежде, именно о развитіи русской колонизаціи въ шацко-тамбовскомъ краѣ, о происхожденіи мѣстной промышленности, о разбойничествѣ, о религіозномъ настроеніи жителей, наконецъ о суевѣріяхъ населенія. Къ сожалѣнію, кромѣ разбросанности матеріала, приведенной ходомъ работы, авторъ и въ предѣлахъ настоящаго выпуска не умѣетъ остаться послѣдовательнымъ и, гоняясь за легкостью изложенія, нехотитъ сводить серьезное дѣло на какой-то фелетонъ.

Собирая свѣденія о древней судьбѣ тамбовскаго края, авторъ не опредѣляетъ достаточно территоріи, о которой идетъ рѣчь, и ведетъ исторію края то съ X-го вѣка, рассказывая судьбу вятичей (стр. 6 и далѣе), то считаетъ русскую исторію этой области съ половины XVI-го вѣка (стр. 5), то указываетъ, что уже „около половины XV-го в. русскій элементъ господствовалъ надъ мѣстными инородцами“ (стр. 75); наконецъ, въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что *къ концу XVI-го столѣтія* русскій элементъ господствовалъ безспорно надъ всѣми мѣстными народцами тамбовской губерніи (стр. 24), и т. д. Довѣрчивый читатель будетъ въ совершенномъ недоумѣніи—съ какихъ же поръ тамбовскій край надо считать русскимъ?—Авторъ просто не потрудился выяснитъ мѣстностей, къ которымъ относятся разнородныя историческія свѣденія, имъ собираемыя. Въ самомъ собираніи лѣтописныхъ извѣстій онъ руководится не хронологическимъ порядкомъ событій, а только перебираетъ одну лѣтопись за другою. Такъ, до-

ведши разъ исторію края до временъ Мамаева нашествія, авторъ возвращается опять къ началу XIII-го вѣка (стр. 12), потомъ опять къ XI-му вѣку (стр. 13), потомъ снова къ XV-му, и т. д.

Факты излагаются неясно. Авторъ рассказываетъ, напримѣръ, мордовское преданіе о мордвинѣ Свворцѣ, другѣ и помощникѣ Соловья Разбойника, и о мордовскомъ чародѣѣ Дятлѣ, и при этомъ ссылается на какую-то „рукопись, хранящуюся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ“; ссылка, разумѣется, совершенно неудовлетворительная и бесполезная, потому что гдѣ же въ московскомъ музеѣ искать эту рукопись безъ всякаго дальнѣйшаго обозначенія?—да и самое преданіе, уже рассказанное въ печати, относится не къ тамбовскому, а къ нижегородскому краю. Такимъ же образомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, авторъ предоставляетъ читателю догадываться, откуда взялись „мордовскія историческія пѣсни“ изъ временъ Іоанна Грознаго, приводимыя имъ въ русскомъ переложеніи (стр. 20 и д.).

Изображеніе развитія колонизаціи также особенной точностью не отличается: не разберешь, когда собственно русское населеніе заняло тѣ или другія мѣстности тамбовскаго края и когда произошелъ упадокъ мѣстнаго инородческаго населенія. Мы читаемъ рядомъ, напримѣръ, слѣдующія извѣстія объ одномъ и томъ же XVI-мъ вѣкѣ: „Еще *крупка была* въ своей племенной обособленности, кромѣ татаръ, одна только Мордва, *богатая землю* до того, что маленькія деревни, дворовъ въ 20, имѣли луговъ и пашни тысячъ по 75 десятинъ, и въ то-же время изъ ея среды, подъ московскимъ покровительствомъ, вышло нѣсколько служилыхъ дворянскихъ фамилій: Разгильдѣвы, Запалатовы, Бурнашевы, Молчановы, Бердяевы, Сазоновы и Чекашевы“ (стр. 24). Или: „въ это время (около половины XVI-го вѣка) началась усиленная русская колонизація въ предѣлахъ нашего края... Близъ городовъ и монастырей возникли новыя русскія села, и надъ всѣмъ нашимъ краемъ, еще относительно слабо населеннымъ, уже звонко раздавались излюбленные православною Русью колокольные звоны... Еще слышалась у насъ иноязычная, финская и татарская, рѣчь, но она уже покрывалась московскимъ русскимъ говоромъ. Еще раздавалась въ нашихъ заголустяхъ монотонная инородческая пѣсня, но громче ея, шире и гораздо дальше неслась могучая русская пѣсня: то раздольная, какъ наша степь, то веселая и удалая, какъ весело и удало расходившееся безпечное русское сердце“... (стр. 27). Эти лирическія изліянія, конечно, ничего не объясняютъ въ XVI вѣкѣ.

Дальше авторъ рассказываетъ о построеніи города Тамбова въ ~~первой~~ половинѣ XVII-го вѣка и о дальнѣйшемъ русскомъ заселеніи края. Строеіе города Тамбова, по словамъ автора, несмотря на

крѣпкій царскій наказъ, шло „довольно медленно“, именно съ 17 апрѣля по 1-ое октября (стр. 27); но на слѣдующей страницѣ мы узнаемъ, что при этой медленности построено было, однако, въ пять съ небольшимъ мѣсяцевъ слѣдующее: „Новый городъ въ окружности имѣлъ 585 сажень. Всѣхъ городовыхъ башенъ было въ немъ 12. Въ самомъ городѣ, кромѣ дворовъ воеводскаго и вѣзжаго, архіерейскаго и житницъ, срублены были еще тюрьмы и около десятка избъ для духовенства и приказныхъ людей. Въ города находилась острогъ, имѣвшій въ окружности около 834 сажень. Въ немъ, кромѣ Знаменской церкви и разныхъ монастырскихъ подворій, были слѣдующія казенныя зданія: государевъ дворъ, кружечный дворъ, таможенная изба и 10 лавокъ съ самымъ простымъ товаромъ“... Въ новый городъ зывались по городамъ и селамъ переселенцы, по тогдашнему „сходцы“, и край, по словамъ автора, сталъ привлекать на себя вниманіе плодородіемъ почвы и всякими удобствами для промысла. Это обстоятельство мало выяснено у автора наглядными фактами, но зато снова даетъ поводъ къ риторическимъ упражненіямъ. „Результатами всей этой громадной административной и строительной работы было то, что край нашъ, слывшій дотолѣ какъ совершенно неудобный для мирнаго населенія, быстро сталъ колонизоваться. Выростали одна за другою новыя слободы съ крѣпями и надолобами. Быстро и энергично неутомимою крестьянскою сохою распахивались наши дикія степи, и на пустыряхъ нашихъ обильно и весело начинала колоситься русская кормилица—рожь... и звонко изъ края въ край новорусскаго поля неслась наша родная, задумчивая и молодецкая пѣсня... По лѣснымъ и заливнымъ луговинамъ нашимъ дружно пошла ходить молодецкая коса русская“, и т. д. (стр. 38).

Изобразивъ эту идиллію въ народномъ стилѣ, авторъ вслѣдъ за тѣмъ приводитъ факты, совсѣмъ не идиллическіе. Новыя переселенцы уже вскорѣ жалуются на всякія тяготы, которыхъ было не мало отъ безурядицы, отъ насильства воеводъ, монастырей-вотчинниковъ и пр.; уже въ первое время между самими дворянами и дѣтьми боярскими оказывались „нѣтчики“ и бѣглецы, бѣгали монастырскіе крестьяне, край терпѣлъ отъ татарскихъ набѣговъ и отъ своихъ разбойниковъ. Въ краѣ раздавались богатыя помѣстья, и къ насильямъ воеводъ присоединялось самоуправство бояръ-вотчинниковъ. Авторъ рассказываетъ, на основаніи документовъ, о насиліяхъ боярина Ивана Нивитича Романова, младшаго брата патріарха Филарета, насиліяхъ, которыя были совершенно похожи на военные набѣды. Резиденція боярина, Романово городище (теперь село Романово, липецкаго уѣзда), укрѣплена была земляными валами, сохранившимися до сихъ поръ, и дубовыми надолобами, какъ укрѣплялись тогда украинные, т.-е.

пограничные города, и отсюда бояринъ нагонялъ страхъ на всѣхъ сосѣдей, всякаго чина, до того, что наконецъ жители того края отправили въ Москву цѣлое мірское челобитіе, гдѣ исчислены были дѣянія боярина, который былъ дядею царя. Ходоки прежде всего попали въ тюрьму; назначено было слѣдствіе, но на мѣстѣ только немногіе смѣлые люди рѣшались подтверждать челобитную, а болшинство изъ страха отзывалось невѣденіемъ. Дѣло кончилось ничѣмъ, но, по словамъ г. Дубасова, бояринъ съ тѣхъ поръ угомонился. „Грозный бояринъ съ этихъ поръ сталъ неузнаваемъ. Его боярскій окригъ замѣнился привѣтомъ, вмѣсто хищенія явилась милость, вмѣсто необузданной гордыни—тишь да гладь, да божья благодать... Въ прокъ пошелъ Ивану Нивитичу царскій судъ, и съ тѣхъ поръ имя боярина Романова стало въ нашемъ краѣ самымъ популярнымъ“ (стр. 55). Эти послѣднія строки, очевидно, отзываються опять краснорѣчіемъ самого г. Дубасова, но читатель остается въ неизвѣстности, есть ли въ старыхъ документахъ свидѣтельства объ этомъ превращеніи въ характерѣ боярина.

Религіозное состояніе края изображается въ довольно мрачныхъ чертахъ (стр. 75 и далѣе), что, однако, не мѣшаетъ автору ссылаться на то, какъ обильна была благочестіемъ „древняя мало книжная, но сильная духомъ наивной и непоколебимой вѣры наша Русь“ (стр. 80); но затѣмъ, по поводу церковныхъ событій тамбовскаго края, авторъ опять приходитъ въ мысли, „что старая Русь, разными добродѣтелями которой иногда волютъ глаза настоящему вѣку, въ дѣйствительности была далеко не примѣрною въ религіозно-нравственномъ отношеніи“ (стр. 83).

Разсказъ о проповѣднической дѣятельности архіепископа Мисаила, убитаго мордвой въ 1656 году, опять несвободенъ отъ скучной реторики, а между прочимъ авторъ различнымъ образомъ говоритъ о мѣстѣ его погребенія (стр. 89 и 91). При этомъ авторъ дѣлаетъ замѣчаніе: „Это показаніе Бахолдина (служителя и спутника Мисаила) хранится въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ (но гдѣ, въ какой рукописи?); *подлинная* его *копія* передава мною въ Тамбовскую архивную комиссію“ (что такое: „подлинная копія“?).

Въ главѣ, названной „Русскіе люди тамбовскаго края въ XVII-мъ столѣтіи“ и трактующей только о религіозныхъ суевѣріяхъ и притомъ не одного указаннаго вѣка, всего больше мѣста занято изложеніемъ сказанія о чудесахъ Пр. Богородицы,—о которомъ самъ авторъ знаетъ, что оно издавна было напечатано и, слѣдовательно, излишне приписывать его специально „русскимъ людямъ тамбовскаго края“,—а также изложеніемъ старинной книги „Луцидаріусъ“, которая опять вовсе не принадлежитъ тамбовскому краю и значеніе ко-

торой объясняется достаточно въ учебникахъ исторіи русской литературы.

Всѣ эти недостатки очень жаль встрѣтить въ трудѣ, представляющемъ все-таки много интересныхъ свѣденій по областной исторіи восточной Россіи, и жаль тѣмъ больше, что, по поводу первыхъ выпусковъ сочиненія, критика предостерегала автора отъ недостатковъ, которыми онъ самъ вредитъ своему труду.

— *Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга пятая. Слб. 1888.*

Въ Литературномъ Обзорѣннн „Вѣстника Европы“ были отмѣчены первые томы этого труда, который обѣщаетъ стать самой подробной фамилной исторіей, какія бывали до сихъ поръ въ нашей литературѣ. Шереметевы были издавна не только очень богатымъ родомъ, — богатство котораго вошло даже въ поговорку, — но имѣли въ своей средѣ не мало лицъ, замѣчательныхъ по своимъ дарованіямъ и игравшихъ роль въ исторіи. Фамилная исторія людей, близкихъ ко двору, занимавшихъ важныя государственныя мѣста, должна часто соприкасаться съ исторіей государственныхъ событій, а съ другой стороны въ ней могутъ найтись любопытныя черты для исторіи быта и нравовъ. Прежніе томы настоящаго сочиненія доставили уже не мало такихъ подробностей и для политической, и для бытовой исторіи. Вышедшая теперь пятая книга занята почти исключительно интересами перваго рода: она относится къ малороссійскимъ дѣламъ того періода, когда послѣ присоединенія Малороссіи начались тѣ отношенія Украйны къ московскому правительству, которыя во многомъ напоминаютъ нынѣшнія наши отношенія къ Болгаріи, и которыя окончились уже въ XVIII-мъ вѣкѣ полнымъ объединеніемъ ея съ имперіей. Но первое время по присоединеніи исполнено было борьбой противорѣчивыхъ стремленій, которая доходила даже до вооруженныхъ столкновеній — съ одной стороны, значительная доля малорусскаго народа (особливо высшіе классы) желала сохранить извѣстную политическую автономію; съ другой — Москва съ самаго начала относилась къ этому движенію весьма недовѣрчиво и проводила объединительную политику, нерѣдко опираясь на желанія самой народной массы въ Малороссіи. Именно въ это время, въ началѣ 1658 года одинъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ рода Шереметевыхъ, Василій Борисовичъ, назначенъ былъ воеводой въ Кіевъ, т.-е. главнымъ представителемъ московской власти въ Малороссіи, и вся настоящая книга посвящена изложенію его трудной дѣятельности на этомъ поприщѣ, въ сложныхъ отношеніяхъ съ казацкимъ гетманомъ и поль-

своей дипломатіей, а наконецъ въ войнѣ съ Польшей, татарами и съ измѣнившимъ гетманомъ Выговскимъ. Въ этой борьбѣ Шереметевъ показалъ много ума и мужества, вызывавшихъ уваженіе самихъ враговъ, но кончилъ несчастливо: не имѣя достаточныхъ военныхъ силъ, онъ потерпѣлъ пораженіе, долженъ былъ сдаться и затѣмъ выданъ былъ поляками, противъ условій договора, ихъ союзникамъ татарамъ и отведенъ послѣдними въ крымскую неволю. Это было въ 1660 году: такимъ образомъ, въ этой пятой книгѣ описано неполныхъ три года.

Авторъ внимательно воспользовался извѣстной литературой предмета, въ томъ числѣ польскими источниками, а также неизданными матеріалами изъ московскихъ архивовъ, изъ старыхъ бумагъ и столбцовъ малороссійскаго приказа и приказа тайныхъ дѣлъ. Между прочимъ, авторъ воспользовался современными событіями иностранными брошюрами, составляющими теперь великую рѣдкость; историческій матеріалъ извлеченъ былъ изъ послѣднихъ К. Э. Феттерлейномъ. — А. П.

— *Вопросы и впечатлѣнія* (Choses vues). Посмертныя записки Виктора Гюго. Переводъ Ю. Дошпельмейеръ, съ предисловіемъ В. Гольцева. Москва. 1888. Стр. 380.

Замѣтки и наброски знаменитаго поэта, найденныя послѣ смерти въ его бумагахъ и приведенныя въ порядокъ Вакри и Мерисомъ, представляютъ собою отголоски всѣхъ крупныхъ событій въ Парижѣ съ 1838 до 1848 г.—и нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ, относящихся къ 1853, 1855, 1871 и 1875 гг. Это, въ сущности, скелеты будущихъ повѣствованій, изложенные по фактическимъ даннымъ и чуждые метафоръ и вычурности, которыми иногда такъ грѣшилъ Гюго въ окончательной отдѣлкѣ своихъ произведеній. Несмотря на отрывочный характеръ этого сырого матеріала, тонкій и глубокій умъ и привычная рука мастера сказываются на каждой страницѣ этихъ набросковъ, замѣняя краснорѣчіе изложенія выразительнымъ сопоставленіемъ фактовъ, какъ, наприм., въ маленькомъ, образцовомъ наброскѣ: „Талейранъ“, и въ трепещущемъ жизнью описаніи похоронъ Наполеона. Не говоря уже про глубокую художественность нѣкоторыхъ рассказовъ интимнаго характера (напр., „Сонъ“) „Choses vues“ представляютъ большой интересъ и по возможности провѣрки того, какъ, въ практическомъ *дѣлѣ*, осуществлялъ Гюго то, чему служилъ своимъ горячимъ словомъ. Съ этой точки зрѣнія, описаніе имъ процессовъ Левонта и Анри, въ голосованіи по которымъ онъ участвовалъ въ качествѣ члена палаты пэровъ — чрезвычайно характерично, благодаря обрисовкѣ того положенія, какое занялъ авторъ „Послѣдняго дня приговореннаго къ смерти“ по вопросу о примѣненіи

смертной казни. Вообще книга, переводъ которой не оставляетъ желать лучшаго, читается съ большимъ интересомъ, напоминая многія изъ наиболѣ выдающихся страницъ „Былого и Думъ“.—А. К.

Въ теченіе февраля мѣсяца были доставлены авторами въ редакцію слѣдующія новыя изданія книгъ и брошюръ:

Алексѣевъ, В. Теофрастъ. Характеристики. Перев. съ греч. Спб. 1888. Стр. 32. Ц. 30 к.

Алексѣевъ, д-ръ, П. С. Чѣмъ помѣчь современному горю? Какъ остановить ибнѣяство? М. 1888. Стр. 35.

— О вредѣ употребленія крѣпкихъ напитковъ, по книгѣ д-ра Ричардсона. М. 1888. Стр. 106.

Барсуковъ, А. Родъ Шереметевыхъ. Кн. V. Спб. 1888. Стр. 469. Ц. 4 р.

Батюшкова, К. Н., Сочиненія. Изд. 5-е общедоступное, съ портретомъ автора. Спб. 1887. Стр. 633. Ц. 2 р. 50 к.

Блиновъ, Н. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ! Драматич. эскизъ. Сарангуъ, 1888. Стр. 76. Ц. 15 к.

Бутковский, Я. Н. Сто лѣтъ австрійской политики въ восточномъ вопросѣ. Т. I и II. Спб. 1888. Стр. 214 и 288. Ц. 75 к.

Венеровъ, С. А. Крѣпко-біографическій словарь русск. писат. и ученыхъ. Вып. 9. Спб. 1888 (Александръ-июнь—Аленицынъ). Ц. 35 к.

Виноградовъ, В. Родное чтеніе для средн. возр. Годъ второй. Вторая послѣ авбуки книга для чтенія, составленн. изъ сочин. русск. писат., съ отдѣломъ свѣденій о природѣ и чловѣкѣ, письменныхъ упражненій и матеріаломъ для перк.-слав. чтенія. М. 1888. Стр. 136. Ц. 30 к.

Владиміровъ, П. В. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888. Стр. XXVI и 351, со многими снимками.

Воскресенскій, Е. Теорія словесности. М. 1888. Стр. 131. Ц. 60 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. съ нѣм. В. Н. Невѣдомскій. Т. I, ч. 1. Изд. Солдатенкова. М. 1887. Стр. 849. Ц. 5 р.

Жаншиговъ. Гр. Веденіе неправыхъ дѣлъ (этюды по адвокатской этикѣ, 2-е, дополн. изд. М. 1887. Стр. 63.

— Вопросы адвокатской дисциплины. М. 1887. Стр. 29.

Донель, А. М. Вліяніе музыки на чловѣка и животныхъ. Казань, 1888. Стр. 46, съ 4 таблицами рисунковъ. Ц. 60 к.

Зетреговъ, П. Н. Гранильный промыселъ на Уралѣ. Екатеринбург. 1887. Стр. 94. Ц. 1 р.

Каблицъ, I. (I. Юзовъ). Основы народничества. Ч. I. Втор. дополн. изд. Спб. 1888. Стр. 464. Ц. 2 р.

Колменъ, д-ръ. Терапевтическія указанія къ примѣненію гимнастическихъ упражненій и ихъ критическая оцѣнка. Спб. 1888. Стр. 75. Ц. 60 к.

Кони, А. Θ. Судебныя рѣчи. 1868-88.—Обвинительныя рѣчи.—Руководящія напутствія присяжнымъ. — Кассационныя заключенія. Спб. 1888. Стр. 745. Ц. 3 р. 50 к.

Корфъ, бар. П. Л. Ближайшія нужды мѣстнаго населенія. Спб. 1888. Стр. 124. Ц. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. II (Окончаніе). Господство дома Романовыхъ до вступленія на

престолъ Екатерины II. XVIII-е столѣтіе. Вып. 7-ой: I. Фельдмаршалъ Минихъ. II. Имп. Анна Ивановна. III. Имп. Елисавета Петровна. Спб. 1888. Стр. 350. Ц. 1 р. 90 к.

Кохъ, Максъ. Шекспиръ. Перев. съ нѣм. Н. И. Стороженка. М. 1888. Стр. 472. Ц. 2 р.

Крафтъ, Г. В. Подлинное и обстоятельное описаніе Ледяного дома, построеннаго въ Спб. въ январѣ мѣсяцѣ 1740 г. Изд. мышкинской земск. публ. библ. Мышкинъ. 1887. Стр. 21, съ рисунками.

Линевъ, Д. А. Среди отверженныхъ. Очерки и рассказы изъ тюремнаго быта. М. 1888. Стр. 273. Ц. 1 р. 50 к.

Лукинъ, Я. Критическій разборъ плановъ поднятія денежной цѣнности и четвертый способъ уравнинія бумажн. и металл. рубл. Екатеринбург. 1887. Стр. 41. Ц. 50 к.

Матвеевъ, Ѳ. М. Опытъ приложенія научныхъ знаній къ библейскому сказанію о міротвореніи. М. 1888. Стр. 147. Ц. 1 р. 60 к.

Моддерманъ, В. Реценція римскаго права. Перев. съ нѣм. А. Каминка. Спб. 1888. Стр. 112. Ц. 75 к.

Моллсенъ, Ѳ. Римская исторія. Т. II и III, отъ битвы при Пидей до битвы при Тапееъ. Перев. съ 7-го изд. Д. Н. Невѣдомскаго и А. Н. Веселовскаго. М. 1887. Стр. 556. Ц. 7 р.

Нотоичъ, О. К. (Маркизь О'Квичъ). Любовь. Философско-психологическій этюдъ. Спб. 1888. Стр. 238. Ц. 1 р. 25 к.

Плиний Мл. Дачная обстановка и образъ дачной жизни знатнаго и богатаго римлянина въ первомъ ст. по Р. X. Перев. П. Гвоздевъ. Каз. 1888. Стр. 25. Ц. 25 к.

Пруавинъ, А. С. Программа для собиранія свѣденій о томъ, что читаетъ народъ? М. 1888. Стр. 14. Ц. 5 к.

Риль, А. Теорія науки и метафизики, съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Перев. Е. Корпа. М. 1888. Стр. 426. Ц. 2 р.

Смоленскій, П. О. Городская больница св. Пантелеймона для хроническихъ душевно-больныхъ на станц. Удѣльной, близъ г. Спб. Съ предисл. В. Ф. Чижъ. Спб. 1888. Стр. 85.

Сысоева, Е. и *Альмединенъ*, А. Читальня народной школы. 1-7 вып. (всего 52 вып.), съ дост. и перес. 3 р. Спб. 1888.

Фаресовъ, А. И. Илюха. Изъ рассказовъ ружейнаго охотника. Спб. 1888. Стр. 51. Ц. 30 к.

Энгельмейеръ, П. К. Экономическое значеніе современной техники. Точка зрѣнія для успѣховъ техники. М. 1887. Стр. 51. Ц. 50 к.

Ясинскій, I. Женихъ и невѣста, повѣсть. Спб. 1888. Стр. 54. Ц. 50 к.

— Календарь Волжскаго Вѣстника на 1888 г. Казань, 1888.

— Народная бесплатная библіотека въ г. Томскѣ. Томскъ, 1887, стр. 44.

— Отчетъ городской комиссіи по завѣдыванію городскими начальными училищами и учебными мастерскими. Первое десятилѣтіе начальныхъ училищъ въ вѣденіи спб. городской Думы. Спб. 1888. Стр. 487 и приложенія съ таблицами, планами и картою.

— Отчетъ литературно-драматическаго общества за 1886-87 гг. Спб. 1888. Стр. 45.

— Отчетъ политехническаго общества, состоящаго при Имп. московск. технич. училищѣ, за 1886-87 г. М. 1887. Стр. 97.

- Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Имп. москов. техническомъ училищѣ, съ обозначеніемъ рода ихъ занятій. М. 1887. Стр. 44.
- Статистическій ежегодникъ С.-Петербурга за 1886 г. Спб. 1887. Стр. 262.

Esperanto, D-ro. Dua Libro de l'lingvo internacia. Варшава. 1888, стр. 50.
Ц. 25 коп.

Ofeicoff. La Macédoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Philippopoli, 1888. Стр. 387, съ картами.

Robinson, Mary. Poésies. Trad. de l'angl. par Darmsteter. Paris, 1888. Стр. 142.

ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

I. Записка Пушкина къ Жуковскому (1817—1820 г.).

Въ богатомъ собраніи автографовъ, принадлежащемъ извѣстному любителю литературы, П. Н. Батюшкову, хранится полученный имъ отъ П. В. Жуковского, сына поэта, листокъ съ неизданными стихами Пушкина. Это—записка, написанная имъ у Жуковского, котораго Пушкинъ и Раевскій не застали дома. Она, вѣроятно, относится ко времени петербургской жизни поэта съ 1817 по 1820 г., такъ какъ Пушкинъ послѣ того не встрѣчался съ Раевскимъ въ Петербургѣ. Посланіе это, написанное экспромптомъ, не имѣетъ ни особеннаго поэтическаго достоинства, ни большого значенія, но для лицъ, которыя дорожатъ каждою строкою великаго поэта, представляетъ нѣкоторый интересъ, дополняя притомъ черты отношеній его къ Жуковскому и Раевскому.

Вотъ оно съ подлинной рукописи:

Раевскій, *молодонецъ* прежній,
А тамъ *уже* *отважный* сынъ,
И Пушкинъ, школьникъ непрілежный
Парнасскихъ дѣвственницъ-богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій, заѣзжали,
Но, къ неописанной печали,
Поэта дома не нашли,
И, увѣнчавшись кипарисомъ,
Съ французской повѣстью: *Борисомъ*,
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая с...ня
Сведеть Жуковского со мной?
Скажи, не будешь ли сегодня
Съ Карамзинимъ, съ Карамзиной?
На всякій случай—ожидая,
Тронися просьбою моею,
Тебя зоветь на чашку чаю
Раевскій, слава нашихъ дней.

Раевскій, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ,—младшій сынъ героя 1812 года, генерала-отъ-кавалеріи Н. Н. Раевского, Николай, въ то время офицеръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Пушкинъ подружился съ нимъ въ Царскомъ-Селѣ, бывши еще лицеистомъ. Раевскій родился въ 1801 году, слѣдовательно былъ года на два моложе Пушкина. „Ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня

вѣчно незабвенный“, — пишетъ о немъ Пушкинъ своему брату изъ Кишинева 24-го сентября 1820 г. По настоянію Раевского, Пушкинъ, котораго онъ нашелъ больнымъ въ Екатеринославѣ, ѣздилъ лѣтомъ того же года на Кавказъ съ его семействомъ. Николаю Раевскому посвящены „Кавказскій Плѣнникъ“ и „Андрей Шенье“, и написаны въ 1825 и 1829 гг. два извѣстныхъ письма, напечатанныя вполнѣ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1881, № 2, въ которыхъ, по поводу „Бориса Годунова“, поэтъ изложилъ свой взглядъ на трагедію. Между Пушкининымъ и Раевскимъ происходила оживленная переписка, изъ которой явились въ печати только два упомянутыхъ письма Пушкина, писанныхъ по-французски, и письмо Раевского изъ Кіева, также французское („А. С. Пушкинъ“, сборникъ П. И. Бартенева, вып. 1-й, 1881 г., стр. 79), безъ означенія времени, но, судя по содержанию, относящееся къ концу 1824 года.

Что значить: съ французской повѣстью: „Борисомъ“, и какая это повѣсть—мы не могли донскаться.

II. Новый, третій автографъ „Моя Родословная“ (3 дек. 1830 г.).

Стихотвореніе Пушкина: „Моя Родословная“, долго печатавшееся въ отрывкахъ и съ невѣрныхъ списковъ, восстановлено въ 1879 и 1880 гг. по подлиннымъ рукописямъ. Первая изъ нихъ найдена П. А. Ефремовымъ, который сообщилъ въ „Русской Старинѣ“ 1879 г. (№ 12) полный текстъ стихотворенія, причѣмъ изложилъ его исторію и указалъ недостатки предшествовавшихъ изданій. По словамъ Анненкова („Матеріалы“, изд. 2, стр. 292), стихотвореніе помѣчено: „16-го октября 1830 года, Болдино“. Это же число означено въ замѣткѣ г. Ефремова и въ послѣднихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина. Второй автографъ отысканъ И. Г. Савенко, и подаренъ имъ въ 1880 году бібліотекѣ кіевского университета. Описаніе этой рукописи и самый текстъ ея помѣщены въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1880 г. (№ 4), изъ которыхъ перепечатаны въ нѣсколькихъ, изданіяхъ, указанныхъ въ „Puschkiniana“ В. И. Межова (№№ 2434 — 2438 и 3812) и извлечены въ „Голосѣ“ 1880 г., № 147; а въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. (№ 6) напечатана замѣтка г. Савенко съ текстомъ стихотворенія по рукописи. Годъ и число на ней не означены; но, судя по исправленіямъ, г. Савенко считаетъ ее позднѣйшею. Текстъ обѣихъ рукописей, довольно сходный, представляетъ лишь незначительные варианты. По послѣдней изъ нихъ, стихотвореніе напечатано во всѣхъ изданіяхъ съ 1880 г.; въ изданіяхъ же 1880, 1884 и 1887 гг. (литературнаго фонда) сдѣланы подробныя бібліо-

графическія примѣчанія, на которыя намъ остается только сослаться во избѣжаніе повтореній.

Недавно нашелся третій автографъ „Моей Родословной“, и, вѣроятно, позднѣйшій, потому что помѣченъ 3-мъ декабря. Онъ находится у П. Н. Батюшкова, которымъ полученъ также отъ П. В. Жуковского, сына поэта. Въ это время, т. е. 3-го декабря 1830 г., Пушкинъ находился, проѣзжая изъ Болдина въ Москву, въ Платовѣ, въ карантинѣ по случаю холеры, какъ видно изъ письма его къ невѣстѣ отъ 2-го декабря; а въ Москву приѣхалъ 5-го декабря, о чемъ извѣстилъ Плетнева 9-го декабря („Сочиненія А. С. Пушкина“, изд. литер. фонда, т. VII, стр. 250 и 251); въ декабрѣ же, по свидѣтельству князя П. П. Вяземскаго, заѣзжалъ къ его отцу въ Остафьево, гдѣ читалъ это стихотвореніе (*А. С. Пушкинъ 1826 — 1837 гг. по документамъ Остафьевскаго архива*, отд. оттиска стр. 40). Позднѣйшая отмѣтка на новомъ автографѣ заставляетъ обратить на него вниманіе.

Особенность этого автографа заключается въ отсутствіи заглавія, въ эпиграфѣ, котораго нѣтъ въ другихъ спискахъ, въ нѣкоторыхъ вариантахъ, значительно измѣняющихъ текстъ двухъ первыхъ рукописей, и въ отсутствіи *P. S.* (о Булгаринѣ). Стихотвореніе написано на сложенномъ полулистѣ сѣрой бумаги.

Эпиграфъ „Родословной“ слѣдующій:

Je suis vilain et très vilain,
Je suis vilain, vilain, vilain, vilain.

Это—припѣвъ извѣстной пѣсни Беранжэ: *Le Vilain*, приведенный Пушкинымъ не совсѣмъ вѣрно, на память. Поводомъ къ написанію „Родословной“ послужилъ постыдный фельетонъ Булгарина, который въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1830 г. (№ 94) разсказалъ, намекая на Пушкина, что какой-то поэтъ въ испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или мулатки, доказывалъ, что предкомъ его былъ негртыанскій принцъ, а оказалось, что негръ купленъ шкиперомъ за бутылку рома. Хотя Пушкинъ назвалъ свою сатиру „вольнымъ подражаніемъ Байрону“, такъ какъ о подражаніи ему упоминаетъ Булгаринъ, но форма, приемы и даже отчасти мысль, внушены Пушкину пѣсней Беранжэ. Подражаніе ей со стороны формы уже указано въ „Русской Старинѣ“ 1880 г. (№ 3) и въ изданіи литературнаго фонда (т. II, стр. 110).

Для сравненія, вотъ первая строфа *Le Vilain*:

Et quoi! j'apprends que l'on critique
Le *de* qui précède mon nom,
Etes-vous de noblesse antique?
Moi, noble? oh! vraiment, messieurs, non.

Non, d'aucune chevalerie
 Je n'ai le brevet sur vélin,
 Je ne sais qu' aimer ma patrie, (*bis*)
 Je suis vilain et très vilain... (*bis*)
 Je suis vilain,
 Vilain, vilain.

Привожу эту строфу въ переводѣ Мея, подъ заглавіемъ: „Простолюдинъ“.

Вотъ новости! Говорятъ мнѣ, будто я изъ чванства
 Къ моей фамиліи частицу *de* придалъ —
 И говорятъ друзья! Я самъ не разъ слыкалъ:
 „Не правда-ли, вѣдь вы изъ стараго дворянства?“
 — Нѣтъ, нѣтъ и трижды—нѣтъ! Какой я дворянинъ!
 Люблю я родину, свободу,
 Но и по имени, по роду —
 Простолюдинъ, простолюдинъ!

Варианты автографа также указываютъ, что онъ, вѣроятно, позднѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ, потому что въ немъ зачеркнуты нѣкоторыя слова и даже строки, находящіяся въ принадлежащемъ кievскому университету, и замѣнены другими. Такъ, во второй строфѣ зачеркнуто: *униженныя* и *слава Богу*, и сверху написано: *дряхлющия* и *по несчастью*. Варианты встрѣчаются и въ первыхъ четырехъ строфахъ. Наиболѣе измѣнена третья, самая лучшая: въ ней перестановлены три стиха и сдѣлано много поправокъ. Въмѣсто указанія каждой изъ нихъ, привожу, для удобства читателей, всѣ четыре строфы, отмѣчая варианты курсивомъ:

Сидѣлъ жестоко надъ собратомъ,
 Писаки русскіе толпой
 Меня зовутъ аристократомъ.
 Смотри пожалуй, вздоръ какой!
 Я не *поручикъ*, не ассессоръ,
 Я по кресту не дворянинъ,
 Не академикъ, не профессоръ,
 А просто русскій мѣщанинъ.

Понятна мнѣ времянь превратность,
 Не прекословлю, право, ей.
 У насъ нова рожденіемъ знатность,
 И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
 Родовъ *дряхлющихъ* обломокъ,
 И *по несчастью* не оданъ,
 Воаръ старинныхъ я потомокъ,
 Я, *братцы*, *мелкій* мѣщанинъ.

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
 Не *ваксилъ царскихъ сапоговъ*,

*Не пѣлъ съ придворными дьячками,
Въ князя не прыгалъ изъ шолоховъ.
Онъ не былъ пудренымъ солдатомъ
Исправнымъ затчинскимъ дружиннѣ.
Такъ мнѣ ли быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ.*

Мой предокъ, *Рача*, службой бранной.
Святому Невскому служилъ.
Его потомство Гяѣвъ гынчанный,
Иванъ IV, пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ *въ слове* не одинъ,
Когда тагалса съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

Послѣдняя строфа во второй половинѣ также представляетъ варианты, которые отмѣчаемъ курсивомъ:

*Я грамотѣй, я стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто — не Мусинъ,
Я не болачъ, не царедворецъ,
Я самъ большой — я мѣщанинъ!*¹⁾

Въ автографѣ, о которомъ идетъ рѣчь, нѣтъ *post-scriptum*, хотя для него оставалось мѣсто, и онъ могъ бы быть приписанъ на томъ же полулистѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ не представляетъ особой эпиграммы, а дополняетъ „*Родословную*“, вызванную упомянутымъ фельетономъ Булгарина. Вѣроятно, Пушкинъ⁴ чувствовалъ, что гнусный намекъ Булгарина, ни хронологически, ни какъ его личный полемическій приемъ, не вяжется съ торжественностью тона и достоинствомъ сатиры, о которой извѣстный библиографъ, покойный И. А. Безсоновъ, справедливо сказалъ, что „она, кажется, подслушана у исторіи“ (*Матеріалы*, стр. 291). Художественное чувство Пушкина не дозволяло ему мѣшать историческіе факты съ газетною слетней; промолчать же онъ не могъ или не хотѣлъ. Оставалось сдѣлать приписку,—приемъ, доказывающій, что у Пушкина, даже по личнымъ вопросамъ, всегда преобладало чувство художественности и мѣры.

Мы не считаемъ, однако, упоминаемый автографъ послѣднею редакціею „*Родословной*“: Пушкинъ обыкновенно переписывалъ безъ помарокъ только окончательно отдѣланная стихотворенія, а во всѣхъ трехъ извѣстныхъ рукописяхъ „*Родословной*“ довольно много поправокъ. Быть можетъ, когда-нибудь еще найдется и явится въ свѣтъ ея окончательный текстъ.

¹⁾ Замѣтимъ встать, что въ изданіи литературнаго фонда (т. II, стр. 109), послѣдняя строка, во всякомъ случаѣ, напечатана неправильно: „Я грамотѣй, и мѣщанинъ“—вѣсто: *я мѣщанинъ*.

III.—О послѣднихъ минутахъ Пушкина.

Послѣдніе дни Пушкина описаны присутствовавшими при его кончинѣ Жуковскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и докторами Спасскимъ и Далемъ. Всѣ четыре разсказа перепечатаны съ указаніемъ источниковъ въ изданіяхъ сочиненій Пушкина 1880 и 1882 гг., но описаніе Даля напечатано не совсѣмъ вѣрно и не вполне. Записки обоихъ врачей долго распространялись въ рукописяхъ, и напечатаны только въ 1859 и 1860 гг.: первая—въ „Библиографическихъ Запискахъ“, № 18, а вторая—въ „Медицинской Газетѣ“, № 49. Одинъ изъ списковъ, найденный въ бумагахъ Елизаветы Васильевны Пистолькорскъ († 1842 г.), дочери профессора русской словесности въ казанскомъ, а потомъ въ дерптскомъ университетахъ, Василія Матвѣевича Перевозчикова, писанный ея рукою, былъ доставленъ на петербургскую пушкинскую выставку. Этотъ списокъ не былъ выставленъ, отчасти вслѣдствіе поздняго доставленія, и какъ не имѣющій внѣшняго интереса; но для біографа или издателя Пушкина онъ представляетъ нѣкоторыя поправки и дополненія, заслуживающія вниманія. Въ обѣихъ редакціяхъ „записки“, т.-е. и въ „Медицинской Газетѣ“, и въ изданіяхъ сочиненій Пушкина 1880 и 1882 гг.,—на стр. 453 по послѣднему,—послѣ сказаннаго Далемъ Жуковскому и графу Віельгорскому слова: „отходить!“—напечатано: „Пушкинъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки“... Конечно, это не могло происходить въ концѣ предсмертной агоніи. По рукописи, эти и послѣдующія шесть строкъ, оканчивающіяся словами: „все хорошо“—относятся къ предыдущей 452 страницѣ, и должны слѣдовать за словами: „въ Пушкинѣ оставалось жизни только на три четверти часа“. Эта перестановка согласуется и съ разсказами Жуковскаго и Спасскаго, которые приводятъ ту же подробность (стр. 435 и 448), и въ особенности съ біографіею поэта въ „Словарѣ достопамятныхъ людей“, Бантышъ-Каменскаго, который, описывая послѣднія минуты Пушкина (ч. II, стр. 100), повторяетъ слова Даля изъ его записки, тогда еще неизданной. Записка Даля оканчивается въ печати словами: „Онъ скончался такъ тихо, что многіе изъ предстоявшихъ не замѣтили кончины его“. Въ рукописи находятся еще слѣдующія строки: „В. А. Жуковскій изумился, когда я прошепталъ: амины! Докторъ Андреевскій наложилъ персты на вѣки его. День смерти Пушкина былъ день рожденія Жуковскаго. Въ тотъ самый день Жуковскій подписалъ послѣдній корректурный листъ своей Ундины: *О томъ, какъ рыцарь нашъ скончался*. По смерти Пушкина надо было опечатать казенныя бумаги; трупъ вынесли, и запечатали опустѣлую рабочую комнату Пушкина чернымъ сургучомъ; краснаго, по словамъ камердинера, не нашлось“.

Засимъ въ печатной запискѣ слѣдуетъ отчетъ объ оказавшемся по вскрытіи тѣла. Черный сургучъ находился въ домѣ по случаю траура, такъ какъ не прошло еще года со смерти матери Пушкина, скончавшейся въ апрѣлѣ 1836 года.

Сообщаемыя поправки и дополненія не важны; но привести ихъ въ числѣ другихъ замѣтокъ меня побудили слѣдующія слова князя Вяземскаго въ письмѣ его къ А. Я. Булгакову о послѣднихъ дняхъ Пушкина (стр. 443): „Собираемъ, что каждый изъ насъ видѣлъ и слышалъ, чтобы составить полное описаніе, засвидѣтельствованное нами и докторами. Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и цѣлости истины“.

IV.—Типографскія „проказы“.

Кто изъ писателей не испыталъ на себѣ иногда забавныхъ, а чаще досадныхъ шутокъ, которыя выдѣлываютъ типографіи? При нашей безпечности и довольно низкомъ уровнѣ типографскаго дѣла, это явленіе слишкомъ обыкновенное, къ которому всѣ присмотрѣлись. Но едва ли кто пострадалъ въ этомъ отношеніи болѣе Пушкина. Типографскія „проказы“, которымъ до послѣдняго времени подвергались его произведенія, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ и заслуживаютъ, чтобы хотя нѣкоторыя изъ нихъ были указаны какъ дополнительный эпизодъ къ исторіи Пушкинскаго текста, рассказанный въ минувшемъ году А. Н. Пыпинымъ („Вѣстникъ Европы“, № 2) и В. Е. Якушкинымъ („Русскія Вѣдомости“, №№ 34, 38 и 40, и „Русская Старина“, декабрь).

Пушкинъ постоянно жаловался на опечатки, и многія изъ нихъ указалъ въ письмахъ: къ Гнѣдичу 27-го сентября 1822; брату 30-го января 1823 и 4-го декабря 1824; князю Вяземскому 14-го октября 1823; Бестужеву 12-го января; Булгарину 1-го февраля 1824 года.

„Должно бы издавать у насъ журналъ „Revue des Revues“,—писать онъ брату изъ Кишинева, въ январѣ 1823 года.

Въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 г. помѣщены: „Нерейда“ (1820 г.), „Элегія“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“ (1823 г.). Въ первомъ стихотвореніи напечатано:

*Какъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала...*

вмѣсто: *Надъ ясной влагою...*

—а во второмъ:

Хочу-ль бѣжать: съ болѣзною и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной...

вмѣсто: съ болѣзною и мольбой.

Въ письмѣ къ Бестужеву изъ Одессы, отъ 12-го января 1824 г. Пушкинъ указываетъ эти двѣ безсмыслицы, и, восхищаясь элегіею Баратынскаго: *Признаніе*, прибавляетъ: „Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ евангеліемъ поступать милостивѣе“. Пушкинъ хотѣлъ-было извиниться передъ публикою въ какомъ-нибудь журналѣ за эти опечатки, но раздумалъ, и послалъ обѣ пьесы Булгарину, котораго просилъ помѣстить ихъ въ его „Литературныхъ Листкахъ“. Въ письмѣ къ нему изъ Одессы, отъ 1-го февраля 1824 г., Пушкинъ говоритъ: „Онѣ были съ ошибками напечатаны въ „Полярной Звѣздѣ“, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ—бѣда небольшая, но стихи—не люди“. Цѣль Пушкина, однако, не была вполне достигнута: элегія перепечатана въ „Литературныхъ Листкахъ“ 1824 г. (№ 4) съ пропускомъ, и только въ третій разъ, въ изданіи 1826 года, напечатана правильно.

Въ „Мнемозинѣ“ 1824 г. (ч. III, стр. 11) напечатанъ „Мой Демонъ“ (1823 г.), съ ошибками въ стихахъ:

Въ часы надеждъ и упоеній,
Тоской внезапной осѣня...

вмѣсто:

Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,...

„Не стыдно ли Кюхлѣ (Кюхельбекеру),—пишетъ Пушкинъ брату изъ Михайловскаго, отъ 4-го декабря 1824 г.,—напечатать ошибочно моего Демона! моего Демона! Послѣ этого онъ и „Вѣрую“ напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни „Моря“, ни капли стиховъ отъ меня“.—„Море“, однако, явилось въ „Мнемозинѣ“ 1824 г. (ч. IV), а „Демонъ“ былъ вновь напечатанъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1825 г. (стр. 275), и на этотъ разъ безъ ошибокъ.

Появленіе стихотвореній Пушкина въ искаженномъ видѣ въ разныхъ альманахахъ было однимъ изъ поводовъ къ изданію 1826 г., которое печаталось подъ наблюденіемъ брата поэта и Плетнева. Предпринимая это изданіе, Пушкинъ, въ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго, отъ 27-го марта 1825 г., проектировалъ слѣдующее начало предисловія: „Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь, и недостойны вниманія россійской публики—но какъ они часто бывали напечатаны Богъ вѣсть гѣмъ, чортъ знаетъ, подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они,

извольте-съ кушать-съ"... Въ предисловіи издатели извиняются, „что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографскія ошибки“. Пушкинъ, однако, благодаритъ Плетнева въ письмѣ изъ Михайловскаго въ январѣ 1826 г., и прибавляетъ: „изданіе очень мило; кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится“.

Въ альманахѣ „Эвтерпа“ на 1828 г. явилось лицейское стихотвореніе: „Слева“ („Вчера за чашей пуншевою“) съ забавными, будто нарочно придуманными, опечатками. Во второй строфѣ слѣдуетъ:

— Скажи, что смотришь на дорогу?—

Мой храбрый вопросилъ:

— Еще по ней ты, слава Богу,

Друзей не проводилъ...

напечатано же:

Еще *попей*: ты, слава Богу...

— а въ третьей, вмѣсто:

Къ груди *покин*увъ головою,

Я скоро *прошенталъ*...

напечатано:

Къ груди *прикин*увъ головою

Я скоро *просвисталъ*...

Искаженія эти были указаны „Московскимъ Вѣстникомъ“ 1828 г., ч. VII, № 3, но приписаны не опечаткамъ, а безвкусію издателя.

По смерти Пушкина типографскія шутки съ его произведениями становятся еще наивнѣе. Въ его же „Современникѣ“ 1837 г., изданномъ друзьями покойнаго: Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, кн. Одоевскимъ и Плетневымъ, подъ редакціей А. А. Краевскаго, напечатанъ „Мѣдный Всадникъ“, въ примѣчаніи къ которому сказано, что описаніе памятника Петру Великому заимствовано Мицкевичемъ изъ „Рыбака“, вмѣсто *Рубана*. Примѣчаніе это съ тою же опечаткою перешло въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина 1841 г. (т. IX, стр. 23). Объ этой ошибкѣ, какъ самой странной, упоминаетъ Анненковъ въ „Матеріалахъ“, стр. 291. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ она исправлена.

Но всѣ эти искаженія ничтожны сравнительно съ курьезами, которыми изобилуетъ посмертное изданіе сочиненій Пушкина, вышедшее въ 1838—1841 г., въ 11 частяхъ. Кстати, въ виду крайней дешевизны послѣднихъ изданій Пушкина, замѣтимъ, что оно обошлось въ 105.265 р. 93½ коп., и продавалось по 60 рублей (ассигнаціями)! Не имѣя въ виду указывать умышленныя искаженія текста, вызванныя, какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ изданіяхъ, отчасти требованіями цензуры, и перечислять многочисленные недо-

смотри и неисправности, что́ было бы уже несвоевременно и отняло бы много времени и мѣста, ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами типографскихъ шутокъ.

Въ IV т., въ словѣ: *Предисловіе* (въ пѣсняхъ западныхъ славянъ, стр. 141) перестановлены вторая и третья буквы, вслѣдствіе чего получилось нѣчто совсѣмъ невозможное. Опечатка эта въ послѣдствіи замѣчена, и листокъ съ нею былъ перепечатанъ, но уже значительная, едва ли не большая часть изданія разошлась.

Въ IX т., въ *Подражаніяхъ Данту*, на стр. 175, въ стихѣ:

Жиръ должниковъ сосалъ сей злой

недостаётъ послѣдняго слова: *старикъ*, т.-е. „сей злой старикъ“. Еще неудачнѣе, чѣмъ самый пропускъ, вышла поправка Шевырева въ „Москвитянинѣ“ 1841 г., V, № 9: „сей грѣшникъ злой“, вслѣдствіе чего пропала третья рима, соответствующая словамъ „ростовщикъ“ и „великъ“.

Лицейскія стихотворенія, собранныя въ первый разъ и напечатанныя въ видѣ прибавленія къ IX тому, особенно пострадали и отъ редакторовъ, и отъ цензуры, и отъ типографіи. Не касаясь редакціи и цензуры, привожу нѣсколько примѣровъ типографскихъ проказъ. Въ стихотвореніи „Истина“ (стр. 290) напечатано:

*Недавно мудре вскаки
Забитыхъ истины слѣдовъ,*

вмѣсто: *Издавна*, какъ въ рукописи, что́ совершенно измѣняетъ смыслъ. Ошибка эта повторена всѣми изданіями, и поправлена только въ изданіи литературнаго фонда (т. I, стр. 126) и въ тѣхъ, которыя имъ руководились.

Въ стихотвореніи: „Къ Деліи“ (стр. 297), пропущены въ первой строфѣ послѣ:

Звѣзда любви златая...

—два стиха:

Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатылся...

пропущенные также въ изданіяхъ 1855 и 1859 гг.—и восстановленные въ позднѣйшихъ.

Въ стихотвореніи: „Сонъ“ (стр. 307), уже указана Я. К. Гротомъ („Новое Время“, 17 марта 1887 г., № 3968) опечатка, повторившаяся во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ:

Блѣднѣетъ ужъ—и синеватнй дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу, вѣсь, уходитъ,

вмѣсто: — „Блѣднѣетъ уль“.

Въ стихотвореніи: „Заздравный Кубокъ“ (стр. 375), „рѣзал Камена“ превратилась въ „Климену“ и, пройдя подъ этимъ именемъ до 1887, только въ изданіяхъ литературнаго фонда и Комарова названа, по рукописи, Каменою.

Въ числѣ *пропущенныхъ* стихотвореній помѣщенъ (стр. 451) уже напечатанный въ III т. (стр. 123) „Отрывокъ изъ посланія В. Л. Пушкину“.

Въ X т., въ шестой главѣ отрывка: „Арапъ Петра Великаго“, на стр. 62—65, *карлица* восемь разъ названа *кормилицей*. Эта опечатка, повторенная всѣми позднѣйшими изданіями до 1887 г., исправлена въ изданіяхъ литературнаго фонда и Комарова, но осталась во всѣхъ трехъ изданіяхъ Павленкова.

Не останавливаясь далѣе на безобразіяхъ посмертнаго изданія, перехожу къ дальнѣйшимъ типографскимъ курьезамъ.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1846 г., № 4, явилась „Моя Родословная“ съ большими пропусками и грубой ошибкой въ началѣ четвертой строфы:

Мой предокъ, *ради славы* бранной,
Святому Невскому служилъ,

вмѣсто:

Мой предокъ *Радша* службой бранной...

Ошибка эта повторена Анненковымъ (т. VII, стр. 39), Гербелемъ („Русская Старина“ 1876 г., № 10, стр. 236) и другими изданіями, и поправлена только въ позднѣйшихъ, съ 1880 года.

Большую услугу литературѣ оказалъ Анненковъ своимъ изданіемъ, которое и теперь, по прошествіи болѣе тридцати лѣтъ, остается главнымъ пособіемъ при изученіи Пушкина. Но, при всей тщательности обработки богатаго матеріала, бывшаго въ распоряженіи Анненкова, изданіе его также не избѣгло довольно забавныхъ типографскихъ промаховъ. Кромѣ уже указанныхъ, приведу, не касаясь мелкихъ опечатокъ, слѣдующіе примѣры:

Въ лицейскомъ стихотвореніи: „Кольна“ (т. II, стр. 9) читаемъ:

„Въ *чертахъ* Сельмы Царь могучихъ“—вмѣсто: „Въ *чертогахъ*“—какъ было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 г., іюль, стр. 102, и поправлено въ позднѣйшихъ изданіяхъ.

Въ стихотвореніи: „Виноградъ“ (т. II, стр. 271), въ послѣднихъ строкахъ напечатано:

Продолговатый и прозрачный,
Какъ *перси* дѣвы молодой...

—вмѣсто: *персть*.

Въ стихотвореніи: 19 октября 1828 г. (т. II, стр. 436):

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ *заботахъ* жизни царской службы...

—вмѣсто: „Въ *заботахъ*“ и т. д.

Желая исправить послѣднія двѣ опечатки, издатель послѣ выпуска книги перепечаталъ двѣ осьмушки листа, но изданіе уже въ значительной степени разошлось, а перепечатанные листки многими не получены, или не сохранены.

Въ статьѣ: „Александръ Радищевъ“ (т. VII, стр. 51), напечатано: „*Грамень*, странствующій *агентъ* французской философіи“... вмѣсто: „*Гриммъ*, странствующій *агентъ* французской философіи“... Въ выноскѣ къ той же статьѣ (стр. 52): „А. М. Кутузова, которому Радищевъ и *посылаетъ* житіе Ѳ. В. Ушакова“,—вмѣсто: „*посвящаетъ* житіе“... Опечатки эти повторены во всѣхъ изданіяхъ и поправлены только въ изданіяхъ литературнаго фонда (т. V, стр. 350) и Комарова (т. V, стр. 330), и вновь повторены въ вышедшихъ послѣ нихъ вторыхъ и третьихъ изданіяхъ Павленкова и Суворина. Въ „Прибавленіяхъ“ къ той же статьѣ (стр. 60) два раза напечатано *Шилковскому* вмѣсто *Шешковскому*. Обѣ опечатки, повторенныя въ изданіи 1859 г., исправлены въ позднѣйшихъ.

Въ VII-мъ же томѣ, въ дополненіи къ отрывку изъ повѣсти („Участь моя рѣшена“), на стр. 141 напечатано: „*My nature Lande, adieu*“. Эта бессмыслица, исправленная въ позднѣйшихъ изданіяхъ, должна выражать цитату изъ первой пѣсни Чайльдъ-Гарольда: „*My native land—good night*“.—Вообще иностраннымъ словамъ сильно достается отъ всѣхъ издателей Пушкина.

Явившіяся въ истекшемъ году многочисленныя изданія сочиненій Пушкина также страдаютъ, въ бѣльшей или мѣньшей степени, типографскими неисправностями. Въ изданіи же литературнаго фонда, кромѣ опечатокъ, бѣльшею частью оговоренныхъ въ концѣ каждаго тома, оказалось нѣсколько значительныхъ пропусковъ.

Такъ, въ первомъ томѣ, въ стихотвореніи: „Андрей Шенье“, на стр. 338, послѣ стиха: „Перерожденіе земли“—пропущенъ, хотя не по винѣ типографіи, цѣлый стихъ:

Уже сіялъ твой мудрый геній...

Стихъ этотъ, пропущенный во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ двухъ берлинскихъ (1861 и 1870 г.), въ которыхъ впервые явился запрещенный цензурою отрывокъ, напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. (августъ, стр. 692), въ статьѣ о Пушкинѣ, не подписанной, но, какъ извѣстно, принадлежащей служившему въ „третьемъ отдѣленіи“ тайному совѣтнику М. М. Попову, въ

рукахъ котораго находилось „дѣло“ объ этомъ „соблазнительномъ“ стихотвореніи, ходившемъ въ рукописи.

Въ третьемъ томѣ, въ „Сценѣ изъ Фауста“, на стр. 103, послѣ стиха: „Тотъ насладиться не успѣлъ“ — пропущено тридцать-пять строкъ. Недѣли черезъ три по выпускѣ изданія, были перепечатаны четыре страницы; но оно уже успѣло въ значительной степени разойтись, многіе экземпляры были переплетены, и дополнительный листокъ полученъ, конечно, не всѣми, купившими изданіе. Подобное приключеніе, какъ мы уже видѣли, происходитъ въ третій разъ съ сочиненіями Пушкина.

Въ XXXIV строфѣ седьмой главы „Евгенія Онѣгина“ (т. III, стр. 372), между стихами:

Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
Для виду прейскурантъ висить...

—недостаетъ стиха: „Высокопарный, но голодный“ — пропущеннаго и въ изданіяхъ 1880 и 1882 гг. Этотъ и нѣкоторые другіе пропуски въ изданіяхъ Пушкина былъ позже указанъ въ „Новомъ Времени“ 1887 г., 27-го марта, № 3978, П. Е. Романовымъ.

Кромѣ этого пропуска, въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“ оставлена опечатка, находящаяся во всѣхъ безъ исключенія изданіяхъ: въ LV строфѣ первой главы „Евгенія Онѣгина“ напечатано (стр. 258):

Провелъ въ бездѣйствіи, въ *тѣни*,
Мои счастливейшіе дни...

—а слѣдуетъ, какъ въ рукописи: въ *тѣни*. Опечатка эта уже замѣчена В. Е. Якушкинымъ въ изданномъ недавно подъ его редакцію Обществомъ Любителей Россійской Словесности „Евгеніѣ Онѣгинѣ“ (стр. 306), но не исправлена и лишь оговорена на послѣдней страницѣ.

Въ третьемъ же томѣ, которому особенно не посчастливилось, есть ошибка, указанная „Новымъ Временемъ“ 1887 г. 12-го марта, № 3963: въ „Каменномъ гостѣ“, на стр. 204 напечатано: „Такъ молода... и будешь молода“ — а слѣдуетъ: „Ты молода“... Редакторъ изданія П. О. Морозовъ, отвѣчая въ „Новомъ Времени“ 18-го марта, № 3969, объяснилъ это опечаткою, причѣмъ указалъ и приведенный выше пропускъ въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ“.

Въ первомъ изданіи Суворина повторены опечатки I, II и VII томовъ изданія литературнаго фонда, и прибавлено изрядное количество собственныхъ. Вотъ, для примѣра, двѣ изъ наиболѣе искажающихъ смыслъ: начало стихотворенія „Изъ А. Шенье“ (т. III, стр. 123) напечатано въ слѣдующемъ видѣ:

Покровъ, упитанный лзвательною кровью
 Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
 Алкиду передавъ. Алкиду его *пріятель*...

вмѣсто: „Алкиду его *пріятель*“.

Опечатка эта, какъ и многія другія, исправлена, однако, во второмъ и третьемъ изданіяхъ, которыя потому удовлетворительнѣе перваго.

Въ „Пѣсняхъ западныхъ славянъ“ пятая озаглавлена: *Валкъ въ Венгѣи* (т. IV, стр. 242), вмѣсто: *Влахъ*,—опечатка, повторявшаяся во второмъ и третьемъ изданіяхъ (т. IV, стр. 249).

Вообще, справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя дешевыя изданія, какъ, напримѣръ, изданія гг. Комарова Суворина, Павленкова—представляютъ, несмотря на обиліе типографскихъ „проказъ“, довольно вѣрный, хотя не совсѣмъ полный, текстъ Пушкина, и въ этомъ отношеніи удовлетворяютъ потребностямъ публики, что уже и доказано безпримѣрнымъ по быстротѣ и количеству сбытомъ этихъ изданій. При крайней ихъ дешевизнѣ, болѣе строгія требованія и не должны быть предъявляемы къ подобнымъ изданіямъ. Цѣль ихъ—возможно большее распространеніе произведеній писателя, при возможно меньшемъ искаженіи текста, и цѣль эта относительно Пушкина вполне достигнута. Но настоящіе любители и знатоки литературы, по прошествіи полу-вѣка со смерти великаго поэта, все еще ожидаютъ достойнаго его изданія, которое имѣло бы въ виду возможно-точное возстановленіе, дополненіе и объясненіе Пушкинскаго текста, удовлетворяя въ то же время и внѣшнимъ условіямъ изданія. Пожелаемъ, чтобъ, къ чести литературы и общества, ожиданія эти скорѣе осуществились.

В. ГЛАЗОВІЙ.

22 января 1888.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го марта 1888.

Адресъ евангелическаго союза и отвѣтъ, данный союзу г. оберъ-прокуроромъ св. синода. — Вопросъ о вѣротеримости на почвѣ исторіи и на почвѣ современности. — Новыя нападенія на судъ присяжныхъ, усложненныя вылазками въ область гражданскаго процесса. — Десятилѣтіе практики женщинъ-врачей. — Два слова о реакціонной печати.

Къ числу немногихъ свѣтлыхъ точекъ, представляемыхъ исторіей, принадлежать единоличныя или коллективныя попытки замѣнить право силы — силою права, власть преданія и привычки — властью идеи. Ихъ встрѣчаютъ, большею частью, снисходительной или презрительной усмѣшкой, отъ нихъ отворачиваются, пожимая плечами; „практическіе люди“ спѣшатъ осудить мечтателей, идеологовъ — и приговоръ, ими произносимый, утверждается, повидимому, самою жизнью, потому что все остается по старому. Проектъ аббата Сень-Шьерра о вѣчномъ мирѣ не предупредилъ ни одной войны; извѣстное обращеніе квакеровъ къ императору Николаю Павловичу не остановило разрыва между Англіей и Россіей. И все-таки въ этой безнадёжной борьбѣ съ господствующими теченіями есть нѣчто поразительное и трогательное, нѣчто болѣе привлекательное, чѣмъ многія громкія и блестящія побѣды. Она намѣчаетъ идеалы, возбуждаетъ и поддерживаетъ надежду на лучшее будущее, мѣшаетъ примиренію съ дѣйствительностью, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ и непоправимымъ. Обычному преклоненію передъ „огнемъ и желѣзомъ“ противопоставляется преклоненіе передъ правдой, вѣра въ мирное торжество мысли. Какъ бы мало шансовъ успѣха ни имѣлъ, въ данную минуту, призывъ къ истинѣ, важно уже и то, что онъ раздаётся во всеуслышаніе; совершенно безслѣдно онъ не пройдетъ, хотя осязательныхъ его результатовъ не дождется, быть можетъ, ни одинъ изъ свидѣтелей его... Все это пришло намъ въ голову при чтеніи адреса евангелическаго союза, обращеннаго къ Государю Императору и напечатаннаго на дняхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, вмѣстѣ съ письмомъ г. оберъ-прокурора св. синода на имя Эдуарда Навилля (президента швейцарскаго центрального комитета евангелическаго союза). — Съ какой стати — спросятъ, пожалуй, противники всего выходящаго изъ будничной колеи — съ какой стати иностранцы берутся судить о чисторусскомъ дѣлѣ, иновѣрцы — о правахъ и преимуществахъ православ-

ной церкви? На что надѣются швейцарскіе, англійскіе, голландскіе, датскіе ревнители протестантизма, самозванно вступающъ во внутреннюю жизнь отдаленнаго, едва знакомаго имъ государства? Въ силу какого права рассчитываютъ они—люди невластные и большею частью мало извѣстные, по крайней мѣрѣ за предѣлами своей страны—на вниманіе Верховной власти, обремененной тяжкими заботами правленія? Не смѣшонъ ли, не страненъ ли весь этотъ евангелическій союзъ, вообразившій себя, какъ донъ-Кихоть, рыцаремъ угнетенной принцессы—свободы совѣсти?..—Мы думаемъ, что онъ не смѣшонъ и вовсе не такъ страненъ. Невольно чувствуется глубокое уваженіе къ людямъ, принимающимъ къ сердцу чужое дѣло, какъ свое собственное—или, лучше сказать, сдумавшимъ понять, что въ области идеи нѣтъ разницы между *своимъ* и *чужимъ*, что въ торжествѣ правды одинаково заинтересованы всѣ вѣрующіе въ нее... Утѣшительно видѣть и то, что *право* евангелическаго союза говорить о свободѣ совѣсти признается съ высоты престола, и признается уже не въ первый разъ. Мы узнаемъ изъ адреса, что просьбы союза неоднократно были выслушиваемы покойнымъ императоромъ Александромъ II; въ Швеціи, въ Италіи, въ Германіи, въ Испаніи, въ Австріи, въ Турціи—онѣ приводили „къ распространенію великаго начала религіозной свободы“. Несомнѣннымъ знакомъ вниманія къ союзу служить, наконецъ, и подробный отвѣтъ, которымъ почтилъ послѣдній адресъ г. оберъ-прокуроръ св. синода.

Непосредственнымъ поводомъ къ адресу послужило возстановленіе въ остзейскихъ губерніяхъ закона о смѣшанныхъ бракахъ, дѣйствіе котораго было для нихъ приостановлено въ шестидесятыхъ годахъ, но ходатайство союза не приурочивается исключительно къ этому отдѣльному вопросу. „Мы знаемъ, — говорятъ представители союза, — что въ Россіи существуютъ законы, воспрепятствующіе членамъ православной церкви переходить въ другія исповѣданія. Но, осмѣливаясь просить Ваше Величество объ отмѣнѣ этихъ законовъ, мы этою самою просьбою думаемъ воздать высочайшую хвалу тому чувству справедливости, коимъ одушевленъ августѣйшій сынъ освободителя двадцати милліоновъ изъ рабства, сынъ монарха, дозволившаго свободное распространеніе слова Божія во всей имперіи. Ходатайствуя за религіозную свободу, мы нисколько не думаемъ нарушать начало церковнаго авторитета и никоимъ образомъ не выражаемъ той мысли, что всѣ мнѣнія (въ дѣлѣ вѣры) имѣютъ одинаковую цѣну. Наше завѣтное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы всякій, имѣющій преимущество быть подданнымъ Вашего Величества, могъ свободно чтить Бога по своей совѣсти, свободно воспитывать своихъ дѣтей въ вѣрѣ отцовъ, чтобы духовные пастыри христіанскихъ церквей могли безпрепят-

ственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія, наконецъ, чтобы всѣ тѣ, кои, не давая себѣ отчета въ важности рѣшенія, записались въ списки православной церкви, могли, безъ опасенія, возвратиться въ лоно прежней своей церкви, если изъявятъ свободное къ тому желаніе“...

„Россія хранить глубокое убѣжденіе, — читаемъ мы въ отвѣтѣ г. оберъ-прокурора св. синода, — что нигдѣ въ Европѣ инославныя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкою свободою, какъ посреди русскаго народа. Увы, въ Европѣ не хотятъ признать этой истины. Почему? Потому единственно, что тамъ къ понятію о свободѣ исповѣданія примѣшалось безусловное право пропаганды его. И вотъ источникъ вашихъ сѣтованій на наши законы о совращеніяхъ изъ православія и объ отпаденіяхъ отъ него! Въ этихъ законахъ, ограждающихъ господствующее въ Россіи исповѣданіе и устраняющихъ посягательство на спокойствіе его, Европа видитъ ограниченіе свободы для другихъ исповѣданій, даже преслѣдованіе ихъ!“ Не входя принципиально въ обсужденіе вопроса о связи между свободой вѣроисповѣданія и правомъ прозелитизма, г. оберъ-прокуроръ переходитъ на историческую почву и указываетъ на великія заслуги Россіи по охраненію Европы противъ мусульманскаго міра. Источникомъ силы, необходимой для исполненія этой задачи, послужила для Россіи „твердая устойчивость въ собственныхъ началахъ“, независимыхъ ни отъ Азіи, ни отъ западной Европы. „Что было бы съ Россіей, еслибы она, окруженная съ востока и запада многими десятками народностей и исповѣданій и постепенно давая имъ пріютъ у себя, колебалась въ недоумѣніи между одними и другими! Что было бы и съ западной Европой, еслибы Россія стала ареной для соперничества этихъ народностей и исповѣданій, особенно въ тотъ періодъ, когда мусульманскій міръ сталъ твердою ногою на Босфорѣ, имѣя крѣпкіе опорные пункты въ царствахъ: казанскомъ, астраханскомъ и крымскомъ, а весь западъ Европы заплясалъ продолжительными религіозными войнами, то озаряясь кострами инквизиціи, то омрачаясь кровавыми *ночами* и *вечернями*? Только полная духовная самобытность спасала Россію среди этого колдоворота религіозныхъ и политическихъ порывовъ на востокъ и на западъ“. Отсюда выводится заключеніе, что „охрана православной вѣры отъ колебаній и отъ покушеній на нее, съ какой бы то ни было стороны, составляетъ важнѣйшій историческій долгъ Россіи, потребность жизни ея“...

„Что встрѣчала Россія со стороны западныхъ исповѣданій?“ — спрашиваетъ дальше г. оберъ-прокуроръ св. синода. Напомнитъ о нетерпимости, выказанной крестоносцами въ Византіи, о кровавыхъ

войнахъ, „на знамени которыхъ была начертана свобода вѣры“, но настоящимъ содержаніемъ которыхъ служила „помѣсь религіозныхъ стремленій и мірскихъ вожделѣній“, авторъ отвѣта продолжаетъ: „въ этой-то смѣси западныхъ исповѣданій одновременно появились и въ Россіи. Католицизмъ избралъ для себя арену западныхъ русскихъ областей, проникся здѣсь полонизмомъ, открылъ непримиримую вражду противъ православія. Мы доселѣ не знаемъ въ этихъ областяхъ и въ дѣлѣ Россіи католичества, чуждаго духа вражды къ ней и старанія оторвать отъ нея исконныя ея западныя области. Увы, въ томъ же духѣ мірскихъ стремленій Россія узнала и лютеранство, въ лицѣ бывшихъ ливонскихъ рыцарей, залегшихъ ей дорогу къ Балтійскому морю... Со стороны потомковъ рыцарей доселѣ идетъ борьба за исключительное господство въ краѣ, и доселѣ лютеранство, подобно прежнему католичеству, прикрываетъ эту мірскую борьбу знаменемъ религіи, подавляя всякія попытки со стороны туземцевъ къ единенію съ Россіей. Православіе здѣсь не нападаетъ, а себя защищаетъ въ этой тяжелой для него борьбѣ съ лютеранствомъ. Да, къ прискорбію для христіанскаго чувства, еще не настало время для мирной встрѣчи христіанскихъ идей Востока и Запада; западныя исповѣданія у насъ еще несвободны отъ мірскихъ видовъ, отъ посягательства на могущество и даже дѣлѣ Россіи. Россія не можетъ допустить имъ пропаганды отторженія единозѣрныхъ сыновъ своихъ въ религіозныя станы, еще не сложившіе стараго своего оружія противъ нея“. На западѣ Европы, по словамъ оберъ-прокурора, полною свободой пользуется только переходъ отъ вѣры къ безвѣрію. „Нѣтъ въ Европѣ законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ отъ господствующей вѣры, но есть силы, гораздо болѣе широкія и глубокія, насквозь пропитанная нетерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ, въ особенности же къ православной вѣрѣ, при которыхъ ссылка на отсутствіе законовъ о совращеніяхъ и отпаденіяхъ—одни жалкія слова. Провозглашаютъ свободу для всѣхъ вѣроисповѣданій и для всякаго племени въ принципѣ, но когда коснется дѣло до примѣненія этого принципа, изъ него исключаются православныя—илоты западной цивилизаціи“...

Въ ту отдаленную эпоху, которой касается первая часть отвѣта г. оберъ-прокурора св. синода, о религіозной свободѣ не было еще и рѣчи. Представителямъ западно-европейскаго христіанства странно было бы обращаться къ восточной церкви съ ретроспективнымъ упрекомъ, основаннымъ на замкнутости православія въ XVI-мъ вѣкѣ—странно думать, что въ это время совершенно чужды терпимости были иудейскій талмудизмъ, но не христіанскій, по крайней мѣрѣ протестантизмъ, свободный въ опредѣленную церковную форму. Явленіе безусловнаго пае и повсемѣстно распространенное не нуждается

въ спеціальныхъ оправданіяхъ. Еслибы Россія и не играла выдающейся роли въ борьбѣ съ мусульманскимъ міромъ, ея прошедшее было бы ограждено отъ всякихъ нападеній со стороны защитниковъ религіозной свободы—ограждено въ силу того простого факта, что никакой плодъ не созрѣваетъ зимою. Два-три вѣка тому назадъ область вѣротерпимости была вся покрыта снѣгомъ, изъ подъ котораго ни на западѣ, ни на востокѣ не показывались еще и не могли показаться молодые побѣги. Ключомъ къ разрѣшенію вопроса, поднятаго евангелическимъ союзомъ, исторія давно закончившагося періода служить, поэтому, не можетъ—и объ этомъ едва ли слѣдуетъ сожалѣть, потому что особенно убѣдительными аргументы, основанные на историческихъ догадкахъ, никогда не бывають. Чтѣ случилось бы съ Россіей и западной Европой, еслибы Россія стала колебаться въ недоумѣніи между окружающими ее народностями и исповѣданіями—на это столь же невозможно отвѣтить, какъ и на всякую другую гипотезу, допускающую иной ходъ или иной исходъ историческихъ событій. Позволительно, однако, указать на то, что моментъ наибольшаго отпора, даннаго Россіей натиску азіатскихъ народовъ, не совпадаетъ съ моментомъ наибольшаго разгара религіозныхъ войнъ на западѣ Европы. Торжество Россіи надъ татарами было совершившимся фактомъ еще въ XV-мъ вѣкѣ, почти за сто лѣтъ до перваго вооруженнаго столкновенія между католиками и протестантами. Столкновеніе это не помѣшало западной Европѣ остановить наступательное движеніе турокъ, потомъ отбросить ихъ назадъ; распространенію господства оттоманской Порты былъ положенъ предѣлъ еще до начала эпохи русско-турецкихъ войнъ. Что касается до царствъ казанскаго, астраханскаго и крымскаго, то они, по самому положенію своему, едва ли могли бы сыграть роль „опорныхъ пунктовъ“ въ единоборствѣ мусульманства съ западной Европой.. „Костры инквизиціи“, „ночи“ и „вечерни“ (или по крайней мѣрѣ „ночи“, потому что „вечерни“—сицилійскія—относятся къ другой, болѣе ранней эпохѣ европейской исторіи и не заключаютъ въ себѣ никакого религіознаго элемента) безспорно уменьшали силу сопротивленія, которую западная Европа могла противопоставить туркамъ, безспорно задерживали рѣшительную побѣду романо-германскаго міра надъ исламомъ; но вѣдь все это было не чѣмъ инымъ, какъ естественнымъ послѣдствіемъ религіозной нетерпимости—такимъ же естественнымъ послѣдствіемъ ея, каковымъ является у насъ въ XVI-мъ вѣкѣ кровавое преслѣдованіе еретиковъ, въ XVII-мъ—еще чѣе кровавое преслѣдованіе раскольниковъ. „Помѣсь религіозныхъ Свѣдѣній съ мѣсяцемъ“—не составляетъ специфической особенності западно-евнода. Напомню, однако, она не чужда, напримѣръ, нашей вѣковой борвантін, долльшей. На

знамени Хмельницкаго, какъ и на знамени Густава-Адельфа, было написано: „свобода вѣры“—но на самомъ дѣлѣ въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду еще многое другое. Сложность мотивовъ—неизбѣжное условіе или неотъемлемая принадлежность всякаго историческаго движенія.

Переходя отъ прошедшаго къ настоящему, никто не станетъ оспаривать того, что католицизмъ на русской почвѣ до сихъ поръ расположенъ къ союзу съ полонизмомъ, лютеранизмъ—къ союзу съ остзейскимъ „рыцарствомъ“, какъ тѣмъ-то противоположнымъ туземному населенію. Весьма можетъ быть, что это зависитъ отчасти отъ тѣхъ ограниченій, которыя тяготѣютъ у насъ надъ иновѣрными исповѣданіями; весьма можетъ быть, что нѣсколько бѣдшая религіозная полноправность положила бы конецъ сочетаніямъ элементовъ, въ сущности ненормальнымъ. Какъ бы то ни было, евангелическій союзъ ходатайствуетъ вовсе не о разрѣшеніи пропаганды, послѣдствіемъ котораго могло бы быть усиленіе анти-государственныхъ тенденцій. Слова адреса о ненарушимости начала церковнаго авторитета и о неодинаковой цѣнности религіозныхъ мѣръ не могутъ быть понимаемы иначе, какъ въ смыслѣ признанія неприкосновенности господствующей церкви. Свобода прозелитизма предполагаетъ право открытой борьбы каждаго исповѣданія противъ всѣхъ другихъ, право публичной—устной, письменной, печатной—проповѣди, не только защищающей извѣстное ученіе, но и опровергающей всѣ остальные. Ни о чемъ подобномъ евангелическій союзъ не говоритъ; онъ проситъ только объ отмѣнѣ законовъ, „воспреещающихъ членамъ православной церкви переходить въ другія исповѣданія“. Подъ это понятіе законы объ *отпаденіяхъ* подходятъ вполнѣ, но законы о *сворачиваніяхъ*—далеко не безусловно. Представимъ себѣ человѣка, рожденнаго въ нѣдрахъ господствующей церкви и начинающаго сомнѣваться въ истинѣ ея ученія. Источникомъ сомнѣній служатъ для него не постороннія увѣщанія и убѣжденія, не проповѣдь иновѣрнаго священника или богослова, а собственная мысль и чтеніе—чтеніе книгъ не только не запрещенныхъ господствующею церковью, но высоко ею чтимыхъ. Пропаганды, прозелитизма, сворачиванія—здѣсь нѣтъ и въ поминѣ, къ такому лицу неприемлемо ни одно слово изъ отвѣта на адресъ евангелическаго союза—а между тѣмъ оно не можетъ, по нашимъ законамъ, послѣдовать влеченію своего сердца и своей мысли, не можетъ выйти официально изъ среды церкви, къ которой перестало принадлежать на самомъ дѣлѣ. Вотъ къ устраненію чего направлено ходатайство евангелическаго союза. Возможны ли случаи въ родѣ того, который мы только-что допустили? Безъ сомнѣнія, возможны. Справедливо ли требовать вѣшняго единенія, когда нѣтъ больше на-лицо внутрен-

ней связи? Очевидно, нѣтъ. Когда именно общество вѣрующихъ несетъ дѣйствительную потерю—тогда ли, когда кто-либо изъ его членовъ отдѣлился отъ него духовно, или тогда, когда онъ открыто присоединился къ другому вѣроученію? Конечно—въ первый изъ этихъ моментовъ. Отяготительное по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, насильственное удержаніе въ церковныхъ спискахъ совершенно бесполезно—чтобы не сказать болѣе—для самой церкви.

Подойдемъ еще ближе къ дѣйствительной жизни; спросимъ себя: въ какихъ случаяхъ наше законодательство по дѣламъ вѣры—на сколько оно касается инославныхъ исповѣданій—оказывается особенно стѣснительнымъ для религіозной свободы? Случаевъ перехода коренныхъ православныхъ въ католицизмъ или лютеранство у насъ теперь не бываетъ почти вовсе, да и прежде они встрѣчались только въ средѣ высшаго общества; не о нихъ, по всей вѣроятности, помышлялъ и евангелическій союзъ, когда приступалъ къ составленію своего адреса. Поразили его, повидимому, двѣ категории явленій: обязательства, возлагаемая на супруговъ при вступленіи въ смѣшанный бракъ—и затрудненія, встрѣчаемыя вновь присоединенными православными въ случаѣ возвращенія ихъ къ прежней вѣрѣ. Очевидно, что и тамъ, и тутъ, роль „прозелитизма“ совершенно ничтожна или до крайности незначительна. Допустить воспитаніе дѣтей въ религіи одного изъ родителей, по взаимному соглашенію брачующихся, разрѣшить новообращеннымъ взятіе назадъ сдѣланнаго ими шага—не значило бы еще открыть просторъ *пропагандѣ*, снять запретъ съ *сворачиванія*. Близость родителей къ дѣтямъ такъ велика, что передача убѣжденій отъ однихъ къ другимъ весьма легко можетъ совершиться сама собою; прежнія вѣрованія такъ живучи, что легко могутъ воскреснуть вновь безъ всякихъ внѣшнихъ понужденій или побужденій. Это—факты, съ которыми необходимо считаться, которые нельзя зачеркнуть никакими предписаніями и запрещеніями. Лечение представляется здѣсь болѣе опаснымъ, чѣмъ самая болѣзнь. Отобраніе дѣтей отъ родителей возмущаетъ нравственное чувство; игнорированіе обратнаго перехода вновь присоединенныхъ создаетъ цѣлую массу замѣшательства и затрудняетъ дальнѣйшія завоеванія господствующей церкви. Чего стоитъ одно положеніе иновѣрнаго священнослужителя, поставленнаго между угрозой уголовнаго закона и просьбой бывшаго единовѣрца, умоляющаго принять его вновь въ среду оставленной имъ церкви! Объ этомъ именно положеніи и думалъ, вѣроятно, евангелическій союзъ, когда просилъ предоставить „духовнымъ пастырямъ христіанскихъ церквей возможность безпрепятственно исполнять относительно своей паствы всѣ обязанности своего званія“.

Свобода вѣроисповѣданія и свобода совѣсти—собственно говоря, одно и то же; но между ними часто проводится искусственное различіе, и подъ именемъ свободы вѣроисповѣданія разумѣется исключительно совокупность правъ, предоставленныхъ *давнишнимъ, исконнымъ послѣдователямъ одного изъ признанныхъ государствомъ вѣроученій*. Только въ этомъ смыслѣ можно говорить о свободѣ вѣроисповѣданія, существующей въ Россіи—но даже и въ этомъ смыслѣ трудно утверждать, что она у насъ шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Трудно сказать, въ какомъ именно отношеніи русскіе протестанты поставлены лучше французскихъ, русскіе католики—лучше англійскихъ? Прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ доказательство необычайной русской вѣротерпимости приводилось, сплошь и рядомъ, разрѣшеніе спектаклей въ дни такъ-называемой нѣмецкой мясяницы (т.-е. въ первые два дня великаго поста), но теперь и это доказательство потеряло свою силу. Правомъ строить церкви, имѣть свое духовенство, свои духовно-учебныя заведенія иновѣрцы въ Россіи безспорно пользуются уже около двухъ столѣтій; но все это, повторяемъ еще разъ, составляетъ только „свободу вѣроисповѣданія“, *въ тѣсномъ значеніи слова*, а не „свободу совѣсти“, о которой говорить евангелическій союзъ. Свобода совѣсти, это—право исповѣдывать только то, чему дѣйствительно вѣришь; она немислима, пока въ законахъ существуетъ понятіе объ *отпаденіи* отъ вѣры, пока принадлежность къ господствующей церкви опредѣляется *разъ навсегда, безповоротно*, рожденіемъ въ ея средѣ или актомъ присоединенія къ ней, хотя бы не воплію сознательнымъ и обдуманномъ... Допустимъ, однако, что переходъ въ католичество или лютеранство равносильнъ у насъ переходу въ враждебный станъ—враждебный народу и государству; допустимъ, что этимъ оправдывается запрещеніе такого перехода (хотя политическія соображенія едва ли могутъ быть смѣшиваемы съ религіозными). Что же остается, затѣмъ, для оправданія запрещеній, направленныхъ противъ перехода въ расколъ или въ одну изъ ересей, родившихся на русской же почвѣ (за исключеніемъ, конечно, ученій безнравственныхъ или противогосударственныхъ)? Двухсотлѣтній опытъ удостовѣряетъ, что принадлежность къ расколу вполне совмѣстна съ преданностью государю и отечеству; молокане, духоборцы, баптисты, пашковцы, штундисты, также не угрожаютъ никакою опасностью цѣлости и могуществу имперіи. Религіозная свобода—благо одинаково драгоцѣнное для всѣхъ, и если евангелическій союзъ заботится, быть можетъ, въ особенности о своихъ единовѣрцахъ-лютеранахъ, то для русскаго, сочувствующаго въ идеѣ стремленіямъ союза, нѣтъ уже рѣшительно никакой разницы между чле-

нами „инославныхъ“ исповѣданій и приверженцами той или другой нашей, русской секты, того или другого раскольническаго толка.

Какого бы ни держаться мнѣнія о западно-европейской религиозной жизни, во всякомъ случаѣ едва ли можно отрицать, что въ главныхъ государствахъ западной Европы имѣется на-лицо, и de jure, и de facto, не только свобода вѣроисповѣданія, какъ у насъ, но еще и свобода совѣсти. Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи всякій можетъ принадлежать къ религиозному обществу, свободно имъ избранному, исповѣдывать ученіе, признаваемое имъ наиболѣе правильнымъ. Можно, правда, и не принадлежать ни къ какой церкви, не исповѣдывать никакой вѣры—но „переходъ къ безвѣрію“ отнюдь не болѣе свободенъ, чѣмъ переходъ отъ одного вѣроученія къ другому. Въ „глубокихъ и широкихъ силахъ, пропитанныхъ нетерпимостью къ другимъ исповѣданіямъ“, на западѣ, безспорно, нѣтъ недостатка—но зато онѣ не имѣютъ точки опоры въ положительномъ законѣ, существованіе или несуществованіе ихъ не зависитъ отъ государственной власти; она можетъ только сдерживать, умѣрять ихъ, что ею, большею частью, и исполняется. О специальныхъ стѣсненіяхъ по отношенію къ православію можетъ быть рѣчь развѣ въ Австріи; но вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора за 1884 годъ. „Хотя, по законамъ государства (австро-венгерскаго), всѣ вѣроисповѣданія равноправны, однако въ дѣйствительности эта равноправность постоянно нарушается, и всего чаще относительно православной церкви. Православная церковь на самомъ дѣлѣ является только какъ бы терпимою. *Правда, открытыя нападенія нѣтъ*; зато тайныя, *подъ видомъ какой-либо благодѣльной формы помощи или благодѣнія*, встрѣчаются нерѣдко... Удивительнѣе всего то, что при данной свободѣ вѣроисповѣданій возможны переходы въ любую, не запрещенную законами государства, вѣру, *но желающимъ перейти въ православіе ставятся немощныя препонны*“¹⁾. Мы выводимъ изъ этихъ словъ два заключенія: *во-первыхъ*, что въ Австріи переходъ изъ господствующей церкви въ православіе только до крайности затрудненъ, но все-таки возможенъ, какъ юридически, такъ и фактически²⁾; *во-вторыхъ*, что такое положеніе дѣлъ считается, въ нашихъ официальныхъ сферахъ, основаніемъ для справедливыхъ жалобъ, и что православіе въ Австріи признается угнетеннымъ, хотя открытыя нападенія противъ него нѣтъ, а тайныя принимаютъ форму „помощи или благодѣнія“. Другими словами, свобода вѣроисповѣданія, суще-

¹⁾ См. Внутреннее Обзорѣніе въ № 2 „Вѣстника Европы“ за 1887 г.

²⁾ Примеръ этому мы видѣли еще недавно въ лицѣ Живнаго и Скрейшовскаго.

ствующая въ Австріи, разсматривается какъ нѣчто недостаточное и неполное, именно потому, что она не соединена съ дѣйствительной, ничѣмъ не ограниченной свободой совѣсти... Начало взаимности имѣеть силу и въ области религіозной; если православіе, за предѣлами Россіи, пользуется, de facto, нѣсколько меньшей свободой, чѣмъ другія христіанскія вѣроисповѣданія, то не обусловливается ли это, отчасти, исключительнымъ положеніемъ, принадлежащимъ ему внутри Россіи?

Отвѣтъ евангелическому союзу заканчивается ссылкой на слова извѣстнаго протестантскаго писателя, Эрнеста Навилла: „Настоящія обстоятельства призываютъ христіанъ къ инымъ, болѣе важнымъ спорамъ, чѣмъ споры взаимныя. Основанія Евангелія, допускаемыя всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями, подвержены нынѣ открытымъ нападеніямъ въ движеніи современной мысли. Первая обязанность христіанъ, кажется, есть обязанность соединиться для защиты ихъ общей вѣры противъ напора ученій атеизма и матеріализма. Великій духовный споръ нашего времени есть борьба вѣрующихъ въ вѣчную жизнь съ тѣми, которые отрицаютъ ее“.—Это совершенно справедливо—но что же изъ этого слѣдуетъ?—Именно то, о чемъ ходатайствуетъ евангелическій союзъ: паденіе оковъ, налагаемыхъ на свободу совѣсти и мѣшающихъ христіанамъ различныхъ вѣроисповѣданій сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ общаго имъ всѣмъ дѣла.

Оправдательный приговоръ, постановленный недавно по дѣлу Махровскаго и Кетхудова (о похищеніи пакета въ московскомъ почтамтѣ), послужилъ для нашей реакціонной печати поводомъ къ возобновленію агитаціи противъ суда присяжныхъ. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего; хроническій характеръ „судобоязни“, которою одержимы наши реакціонеры, выразился уже давно, и новый пароксизмъ болѣзни былъ неизбѣженъ. Вполнѣ понятно и то, что выликанье одного больного тотчасъ же находитъ отголосокъ со стороны многихъ другихъ; это объясняется заразительностью нервнаго недуга. За первой передовой статьёй, направленной противъ ненавистнаго учрежденія, всегда слѣдуютъ корреспонденціи изъ разныхъ угловъ Россіи, подливающія масла въ огонь, подкладывающія лишнюю вязанку дровъ на костеръ, уготовляемый для суда присяжныхъ. Обыкновенный ходъ атаки заключается въ слѣдующемъ: сначала она устремляется исключительно на приговоръ, оправдывающій *сознавшихся* подсудимыхъ—потомъ смѣлость нападающихъ растетъ, и они берутъ на себя пересмотръ такихъ дѣлъ, въ которыхъ предметомъ

сомнѣнія и спора былъ самый фактъ вины обвиняемыхъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ; вслѣдъ за дѣломъ Кетхудова и Махровскаго выступаетъ на сцену, въ корреспонденціи изъ смоленской губерніи, какое-то дѣло о поджогѣ, разсматривавшееся въ Гжатскѣ и окончившееся оправданіемъ *несознавшихся* подсудимыхъ. Неизвѣстный корреспондентъ предъявляетъ притязаніе на то, чтобы ему вѣрили больше чѣмъ двѣнадцати присяжнымъ; присяжные нашли улики недостаточными для обвиненія подсудимыхъ—а онъ, корреспондентъ, считаетъ ихъ достаточными и спѣшитъ оповѣстить о томъ *urbi' et orbis!* Полной картины процесса, съ помощью которой можно было бы проверить правильность вердикта, не даетъ даже самый точный, самый подробный и безпристрастный стенографическій отчетъ; что же сказать о какихъ-то личныхъ впечатлѣніяхъ, о какихъ-то отрывочныхъ и ничѣмъ не доказанныхъ фактахъ, противопоставляемыхъ убѣжденію суда присяжныхъ? Не очевидно ли, что этимъ путемъ нельзя возбудить даже и тѣни основательнаго сомнѣнія въ справедливости приговора? На что же рассчитываетъ московская газета, гостеприимно открывая свои столбцы для подобныхъ навѣтовъ? Не на что другое, какъ на живучесть клеветы, изъ которой всегда что-нибудь да остается—или на оптической обманъ, въ силу котораго много разъ повторенное слово начинаетъ казаться дѣломъ.

Кампанія, предпринятая „Московскими Вѣдомостями“, выходитъ, на этотъ разъ, за обычные предѣлы; изъ области уголовного правосудія, къ которой приурочивалось до сихъ поръ большинство подкоповъ подъ судебные уставы, она проникаетъ въ область гражданского процесса. За смоленской корреспонденціей слѣдуетъ кievская, „изобличающая“ рѣшеніе кievской судебной палаты по гражданскому дѣлу Толли и графа Платера. Въ примѣненіи къ дѣламъ гражданскимъ критика кажется намъ, вообще говоря, гораздо болѣе плодотворной, чѣмъ въ примѣненіи къ дѣламъ уголовнымъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ. Вердикты присяжныхъ постановляются безъ объявленія мотивовъ, и уже этимъ однимъ до крайности затрудняется ихъ анализъ; наоборотъ, рѣшеніе по гражданскому дѣлу всегда заключаетъ въ себѣ соображенія суда, повѣрка которыхъ представляется, такимъ образомъ, вполне возможной. Немыслимо или непозволительно лишь одно: игнорировать мотивы рѣшенія, разбирать его диспозитивную часть, не касаясь ея оснований. А между тѣмъ именно такъ поступаетъ, и уже не въ первый разъ ¹⁾, москов-

¹⁾ Четыре года тому назадъ „Московскія Вѣдомости“ дали мѣсто нападенію на сенатъ, основанному точно такъ же на резолюціи (по дѣлу Бузова съ Милютинимъ), а не на мотивированномъ рѣшеніи (см. Внутр. Обзор. въ № 12 „В. Европа“ за 1883 г.).

ская газета: она допускаетъ разгромъ *резолуции*, постановленной кievскою судебною палатою по дѣлу гр. Платера, тогда какъ предметомъ разумной критики могло бы быть только *рѣшеніе*, изложенное въ окончательной формѣ. Подобная торопливость понятна, хотя и не извинительна, со стороны заинтересованныхъ лицъ, спѣшащихъ во что бы то ни стало поколебать значеніе неблагоприятнаго для нихъ судебного рѣшенія; но органу печати, сколько-нибудь уважающему свое достоинство, не подобаетъ являться союзникомъ разнуданныхъ страстей и частныхъ интересовъ.

Судить о правильности или неправильности рѣшенія по дѣлу гр. Платера мы не можемъ, потому что не знаемъ мотивовъ палаты; но несостоятельность главнаго изъ доводовъ, приводимыхъ негодующимъ корреспондентомъ московской газеты, очевидна сама собою. Предметъ дѣла — дѣйствительность торговъ на имѣніе графа Платера. Въ частномъ порядкѣ этотъ вопросъ восходилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ котораго просьба объ отмѣнѣ торговъ была оставлена безъ послѣдствій. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ старается доказать, что этимъ процессъ былъ безусловно и навсегда поконченъ, что Высочайшая воля ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть характеръ частнаго опредѣленія, допускающаго новое разсмотрѣніе дѣла по существу. Ошибочность такого взгляда не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію. При *старомъ порядкѣ* судопроизводства государственный совѣтъ представлялся не чѣмъ инымъ, какъ высшею судебною инстанціей, на которую распространялись въ полной силѣ всѣ правила гражданскаго процесса. Эта судебная инстанція, наравнѣ со всякою другою, могла постановлять, смотря по обстоятельствамъ даннаго случая, какъ *частныя опредѣленія*, такъ и окончательныя *рѣшенія*—и частныя опредѣленія, ею постановленныя, стѣсняли судъ, разсматривающій дѣло по существу, ничуть не больше, чѣмъ частныя опредѣленія, постановленныя тѣмъ или инымъ судебнымъ мѣстомъ. Вотъ этой-то простой истины не хочетъ видѣть корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“—и поднимаетъ противъ кievской судебной палаты обвиненіе... въ отмѣнѣ Высочайшей воли!!! Замѣчательнъ приемъ, употребляемый обоими сотрудниками московской газеты — приемъ, совершенно согласный съ ея преданіями и привычками. Смоленскій корреспондентъ „извѣщаетъ“, что защитникомъ крестьянъ, обвинявшихся въ поджогѣ и оправданныхъ присяжными, былъ членъ земской управы (имя рекъ)—той самой управы, въ которой застрахована сгорѣвшая *посль оправдательнаго приговора* рига, и заканчиваетъ свое письмо

словами: „насколько полезно для земства имѣть такого дѣятеля земской управы, я предоставляю судить каждому“. Кіевскій корреспондентъ „считаетъ не лишнимъ“ назвать по имени предсѣдателя и членовъ кіевской палаты, участвовавшихъ въ постановленіи рѣшенія по дѣлу гр. Платера. О tempora, о mores!

Исполнившееся недавно десятилѣтіе со времени перваго выпуска женщинъ-врачей опять напомнило русскому обществу печальную судьбу женскихъ врачебныхъ курсовъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что эта судьба—явленіе единственное въ своемъ родѣ. Бывали примѣры упраздненія учреждений, полезное значеніе которыхъ составляло предметъ спора, допускалось одними, отвергалось другими; но не было, кажется, ни одного случая, въ которомъ единогласное признаніе заслугъ учрежденія шло бы рука объ руку съ его преждевременною, искусственною смертью. Женскіе врачебные курсы съ самаго начала и до самаго конца имѣли за себя сочувствіе и одобреніе лучшихъ представителей русской медицинской науки; всѣ партіи, всѣ школы сходились и сходятся въ томъ, что русская женщина способна быть врачомъ, что она ни мало не уступаетъ мужчинамъ въ знаніи и пониманіи дѣла и превосходить его, весьма часто, трудолюбіемъ и самоотверженіемъ. Право на титулъ врача слушательницы врачебныхъ курсовъ завоевали на поляхъ битвы, въ приданайскихъ госпиталяхъ; свидѣтелемъ ихъ дѣятельности была вся наша армія, отъ главнокомандующаго до солдата, и справедливой ея оцѣнкой послужила милость покойнаго Государя. Въ мирное время ихъ узнала и полюбила народная масса, встрѣчавшаяся съ ними въ земскихъ больницахъ и амбулаторіяхъ; имъ отдала справедливость и администрація, особенно на отдаленныхъ окраинахъ Россіи. Все предвѣщало имъ блестящее и спокойное будущее; ни противъ отдѣльныхъ лицъ (за самыми развѣ немногими исключеніями, не только возможными, но даже неизбежными во всякой сколько-нибудь многочисленной корпораціи), ни противъ курсовъ, какъ цѣлаго, не было заявлено ни съ чьей стороны ни одного серьезнаго обвиненія. Прекращеніе приѣма на курсы (лѣтомъ 1882 г.) было ударомъ грома при ясномъ небѣ; но оно имѣло, повидимому, временной характеръ и не угрожало совершеннымъ уничтоженіемъ курсовъ. Существованіе ихъ было обезпечено вполне пожертвованіями и обѣщаніями пожертвованій, посыпавшимися со всѣхъ сторонъ при первой вѣсти о постигшей ихъ невзгодѣ; оставалось только ждать рѣшенія комиссіи, на которую возложенъ былъ пересмотръ положенія о курсахъ. И вотъ, ожиданіе это продолжается до сихъ поръ; слушательницъ на кур-

сахъ больше нѣтъ, они фактически закрыты, о будущемъ ихъ ничего неизвѣстно, благоприятныя для нихъ шансы уменьшаются съ каждымъ годомъ. Неужели намъ суждено окончательно потерять учрежденіе, которымъ могла гордиться Россія? Неужели пройдутъ безслѣдно всѣ вѣскія слова, сказанныя на обѣдѣ или по поводу обѣда 7-го февраля такими людьми, какъ Боткинъ, Эйхвальдъ, Раухфусъ, Манасѣинъ, Чечотъ, Мержеевскій, Тарновскій, Склифасовскій, Доброславинъ? Неужели предразсудокъ, не рѣшающійся даже выступить на сцену прямо и открыто, одержитъ верхъ надъ единодушнымъ голосомъ практики и науки? Какую услугу оказываютъ отечеству наши „патріоты“ въ этомъ случаѣ—слѣдается болѣе понятнымъ, если наступитъ когда-нибудь время войны. Впрочемъ, въ настоящемъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы сами себя, своими руками, побиваемъ прежде, нежели кто-нибудь на насъ нападетъ, и болѣе жестоко, нежели кто-нибудь можетъ насъ побить.

Въ лагерѣ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ въ послѣднее время замѣтно большое волненіе. Реформы, ими апробованныя и излюбленныя, одобряются не всѣми и не безусловно. Находятся дерзновенные, позволяющіе себѣ сомнѣваться въ благотворности и цѣлесообразности проектируемыхъ преобразованій. Всего пріятнѣе для реакціонной прессы было бы, конечно, полное безмолвіе „либераловъ“, „передовиковъ“, среди котораго тѣмъ громче раздавались бы хвалебныя гимны и крики ликованья; но сознаться въ желаніи наложить печать молчанія на уста противника все-таки какъ-то неловко—и вотъ „Московскія Вѣдомости“ придумываютъ хитроумный приѣмъ, съ помощью котораго можно, пожалуй, достигнуть цѣли безъ явнаго нарушенія приличій. „Передовики“ обвиняются ими въ томъ, что они не высказываютъ своей настоящей, основной мысли. Проектъ положенія о земскихъ начальникахъ ненавистенъ-молъ имъ, на самомъ дѣлѣ, потому, что онъ ведетъ „къ усиленію правительственной власти сверху“; но „передовики“ боятся поставить вопросъ на эту почву, для нихъ удобнѣе „упразднить проектъ желчною критикою его частныхъ“. „Высказывать свои затаенныя опасенія—продолжаетъ московская газета—они считаютъ неудобнымъ... яко бы по цензурнымъ условіямъ нашей печати. Этотъ іудейскій страхъ, этотъ іезуитскій приѣмъ умолчанія, унаслѣдованный нашими либералами и радикалами еще отъ временъ предварительной цензуры, строго соблюдается понынѣ тою частью нашей печати, которая боится показать свои карты. Но намъ этотъ приѣмъ былъ всегда чуждъ (еще бы!). Мы убѣждены, что дѣйствующіе законы о печати нисколько не стѣсняютъ трезвыхъ сужденій о самыхъ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія К. Н. Батюшкова. Изданіе пятое, общедоступное, съ портретомъ автора. Сиб. 1887. Стр. 633. Ц. 2 р. 50 к.

Въ прошедшемъ году, когда исполнилось столѣтіе со дня рожденія К. Н. Батюшкова, явилось въ свѣтъ собраніе его сочиненій, съ подробною біографіею поэта, составленною Л. Н. Майковимъ, съ портретомъ, работы проф. Пожалоустина, и съ иллюстраціями; несмотря на высокую цѣну 15 рублей, оно разошлось весьма быстро. Въ новомъ, компактномъ изданіи, а потому и общедоступномъ по цѣнѣ, исключены одни произведенія ранней молодости поэта и письма семейнаго характера. Переживъ всѣхъ своихъ замѣнитныхъ сверстниковъ въ первой четверти шестнадцатаго вѣка, Батюшковъ, вслѣдствіе рано постигнутой его тяжелой болѣзни, сошелъ съ литературной арены раньше всѣхъ, и тѣмъ не менѣе успѣлъ оставить по себѣ слѣдъ, который не выгладился и до настоящаго времени; исторія нашей литературы Александровской эпохи никогда не обойдетъ имени Батюшкова.

Судебныя рѣчи. А. О. Кош. 1868 — 1888 гг. Обязательныя рѣчи. Руководящія палатскихъ присяжныхъ. Кассационныя заключенія. Сиб. 1888. Стр. 745. Ц. 3 р. 50 к.

Въ настоящій сборникъ вошло до 15 обвинительныхъ рѣчей по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей и дѣйствительныхъ присяжныхъ засѣдателей и дѣйствительныхъ присяжныхъ, а также три предсѣдательскія обращенія къ присяжнымъ и семь заключеній оберъ-прокурора уголовного департамента сената. Если послѣдній представляетъ особый интересъ для юристовъ и судебной практики, то первая имѣютъ значеніе весьма любопытной уголовной хроники по многимъ дѣламъ, за послѣднія 20 лѣтъ, памятныхъ и до сего дня. Въ одной изъ ближайшихъ книгъ журнала мы еще возвратимся къ этому изданію, которое, безъ сомнѣнія, займетъ почетное мѣсто въ нашей юридической литературѣ.

Любовь. Философско-психологическій этюдъ. О. К. Нотовича (маркизъ О'Кинчъ). Сиб. 1888. Стр. 283. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ въ своемъ предисловіи самъ признаетъ сравнительно нѣтъ тему „рискованною“, и скромно замѣчаетъ, что онъ не имѣлъ въ виду ни определеннаго плана для своего этюда, ни определенной дѣли, а потому и читатель не долженъ искать какихъ-нибудь новыхъ горизонтовъ въ изслѣдованіи авторомъ этой „старой исторіи“, которая останется вѣчно новою, и съ которой обыкновенно знакомится вовсе не на основаніи трактатовъ и психологическихъ этюдъ о любви. Въ своемъ заключеніи авторъ освобождаетъ читателя отъ труда дѣлать какой-нибудь выводъ изъ его этюда и предлагаетъ ему готовый отъ себя, а именно, что послѣдствіемъ паденія любви является быть блаженствомъ, и чаще являлась несчастливомъ мучъ и страданій любящихъ сердцамъ, а потому повѣрившимъ Адамамъ и Евамъ теперь дать благой совѣтъ, которому они едва не послѣдуютъ, а именно — избѣгать даже встрѣчаться съ другою, если она не чувствуетъ себя способною навязать на себя „рицарскій эпитъ“ — не ссориться и не надобѣть другъ другу.

Дѣдлово (В. Л. Книгъ). Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ. Забѣтки о Турціи. Сиб. 1888. 482 стр. Ц. 2 р.

Рядъ наблюденій, замѣтокъ и очерковъ, написанныхъ живыми, образными языкомъ, проникнутыхъ художественнымъ чутьемъ и серьезною вдумчивостію въ явленія настоящей и давно прошедшей жизни и заставляющихъ читателя переживать, вмѣстѣ съ авторомъ и его читателями, всѣ ихъ восторги и впечатлѣнія — такова книга г. Дѣдлова. Отъ нея вѣетъ самостоятельностью и свѣтлою свѣжестью описаній — и люди, и страны, описываемыя въ ней, встаютъ предъ читателемъ съ яркостью переживаемой действительности, украшенной притомъ присутствіемъ образованнаго и остроумнаго собесѣдника.

Въ дѣвятихъ свѣра. Приключенія волка, медвѣдя и лисицы. По финскимъ народнымъ сказкамъ составилъ Э. Гранстремъ. Сиб. 1887. Стр. 120.

Финская литература извѣстна намъ весьма мало; все способствующее знакомству съ нею не можетъ быть признано излишнимъ. Сказки, переданныя г. Гранстремомъ, имѣютъ точки соприкосновенія съ русскими злѣриными эпосомъ (напр., въ разсказѣ о вершкахъ и корешкахъ, на которыхъ мужикъ обманулъ медвѣдя), но представляютъ и много своеобразнаго; самую выдающуюся роль играетъ въ нихъ, какъ и вездѣ, лиса, всѣхъ обманывающая и проводящая, по два два и сама попадающая въ просакъ. Дѣти будутъ читать сказки г. Гранстрема несомнѣнно съ большимъ удовольствіемъ.

Дѣтотетка духа, д-ра Шольца. Переводъ подъ ред. проф. П. Ковалевскаго. Харьковъ. 1888. 247 стр.

Имя Шольца, извѣстнаго директора дома умалишенныхъ въ Бременѣ, ручается за серьезность его труда, какъ имл г. Ковалевскаго — редактора „Архива психіатріи, неврологіи и судебной психопатологіи“ — за достоинство перевода. Можно лишь отмѣтить, что авторъ далеко выходитъ за предѣлы своей спеціальности, и разсматриваетъ подчасъ съ большою подробностію и глубиною духовную жизнь человѣка, какъ продуктъ не только физиологическихъ, но и общественно-экономическихъ и политическихъ факторовъ.

Брюхо Петербурга. Общественно-физиологическіе очерки А. Бахтіарова. Сиб. 1888. 316 стран.

Въ рядѣ живыхъ и занимательныхъ, несмотря на сухую статистическую подкладку, этюдъ, авторъ даетъ описаніе не только источниковъ продовольствія столицы, но списаніе съ натуры образы „слугъ столичнаго брюха“, области которыхъ расширяетъ вѣскольکو произвольно, относя къ нимъ, между прочимъ, и „уличныхъ мальчишекъ“ и нищихъ. Для желающихъ познакомиться съ характеристическими типичными организмами такого люднаго города, какъ Петербургъ — трудъ г. Бахтіарова, вмѣстѣ съ книгою г. Михневича: „Язвы Петербурга“, даетъ очень интересный и разнообразный матеріалъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1888 г.

(ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— ВЫХОДИТЬ ВЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЛАХЪ КАЖДАГО МѢСЯЦА, 12 КНИГЪ ВЪ ГОДЪ, ОТЪ 28 ДО 30 ЛИСТОВЪ ОБЫКНОВЕННОГО ЖУРНАЛЬНОГО ФОРМАТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 в.
Въ ПЕТЕРБУРГѢ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ МОСКВѢ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январь и іюль, и по четвертямъ года, въ январь, апрѣль, іюль и октябрь, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

НВ.—Съ перваго марта открывается подписка на 2-ую четверть года.—**НВ.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербурѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лн., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжн. магаз. Э. Мелле, на Невск. просп., у Полиц. моста; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20, и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются извѣщенія и **ОБЪЯВЛЕНІЯ**.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (**НВ**) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожителиствѣ подписчика. — 2) *Переменная адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВЪСТАНКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛITERАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТИЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.

И. ШЕРШАНЪ

Digitized by Google

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1888.

- I.—ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА.—Жизнь и влеченія Пикагора Затрапезнаго.—Х. Тетенька-Сластѣна.—Н. Щедрина
- II.—БАЙРОНИЗМЪ У ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА.—Изъ эпохи романтизма.—Н. Байронизмъ Лермонтова.—Окончаніе.—В. Д. Спасовича
- III.—НОВОЕ НА СТАРОЙ ПОДКЛАДКѢ.—Повѣсть изъ американскаго быта.—XXXVII-L.—Окончаніе.—Пав. Каширина
- IV.—У ПЛИТЫ.—Разсказъ.—П. Д. Боборыкина
- V.—НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА.—Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.—Съ англійскаго.—Часть вторая.—I-V.—А. Э.
- VI.—СИБИРЬ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ.—I. Первые открытія въ Сибири.—II. Восемнадцатый вѣкъ: ученія экспедицій.—А. П. Пышина
- VII.—РОССІЯ И ЕВРОПА.—Труды Н. Я. Данилевскаго и Н. Н. Страхова.—У-Х.—Владимира Соловьева
- VIII.—РУССКОЕ СУДЕБНОЕ КРАСНОРЪЧІЕ.—Судебныя рѣши А. Ф. Коки.—К. К. Арсеньева
- IX.—ХРОНИКА.—ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.—Старая и новая Германія.—I.—Е. П. Утина
- X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Проектируемая полицейская реформа въ остзейскомъ краѣ.—Отношеніе ея къ другимъ преобразованіямъ.—Вопросъ о вочувствивной полиціи.—Назначеніе или избраніе чиновъ полиціи?—Положеніе православія на западныхъ окраинахъ Россіи, по даннымъ отчета обер-прокурора св. синода.—По поводу вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ
- XI.—ЗАМѢТКА.—По поводу сельско-хозяйственнаго кризиса.—Ф. В.—ъ
- XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Перемена царствованія въ германской имперіи.—Общая характеристика эпохи императора Вильгельма I.—Манифестъ къ народу и рескриптъ князю Бисмарку императора Фридриха III.—Паденіе министерства во Франціи
- XIII.—ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.—Республиканскій консерватизмъ.—Франко-германскіе счеты.—Новый франко-русскій журналъ.—Д. С.
- XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Варсукова, кн. Г. А. П.—Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, Н. Ремезова.—Пора намъ разобраться. Голосъ Сѣверяннина, ч. I.—Балтійская конституція, М. Харузина.—К. К.—Москва и Лондонъ, С. В. Иппо.—Исторія древняго міра, М. Тумасова.—Въ чужихъ краяхъ, И. Кудянова.—А. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ
- XV.—НЕКРОЛОГЪ.—В. П. Гавевскій.—С.
- XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Петербургскія городскія начальныя училища въ 1877 г.—и теперь.—Характеристическія черты изъ перваго десятилѣтія въ завѣдываніи города.—Министръ, губернаторъ и писатель предъ судомъ реакціонной прессы.—Отзывъ „Южнаго Края“ по поводу одного невѣроятнаго слуха
- XVII.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сборникъ Русскаго историческаго общества, т. 64.—Сенатскій архивъ, т. I: Именные указы имп. Павла I.—Декретъ по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, вып. 2.—Критическіе этюды по русской литературѣ, К. К. Арсеньева.—Переводы въ стихахъ и оригинальнныя стихотворенія В. И. Водовозова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Съ перваго марта открыта подписка на 2-ую четверть года.
(См. Объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго.

Х.—Тетенька Слостена *).

Такъ звали тетеньку Раису Порфирьевну Ахлопину за ея гостепрѣимство и любовь къ лакомому куску. Жила она отъ насъ далеко, въ Р., слишкомъ въ полутораста верстахъ, вслѣдствіе чего мы очень рѣдко видались. Старушка, однакожь, не забывала насъ, и ко дню ангеловъ и рожденій аккуратно присылала братцу и сестрицѣ поздравительныя письма. Разумѣется, ей отвѣчали тѣмъ же.

Раичку выдали замужъ очень рано, невступно шестнадцати лѣтъ, за р—скаго городничаго. Дѣвушка она была смиренная, добрая, покорная и довольно красивая, но, еще будучи отроковицей, уже любила покушать. Суженому ея стужнуло уже подь-пятьдесятъ лѣтъ, и вмѣсто правой ноги, которую оторвало ядромъ въ походѣ подь турка, онъ ходилъ на деревяшкѣ, дѣйствуя ею, впрочемъ, очень проворно. За всѣмъ тѣмъ, партія эта считалась завидною, благодаря служебному положенію маіора. Р. былъ большой торговый городъ на судоходной рѣкѣ, которая лѣтомъ загромождалась барками, обыкновенно остававшимися тамъ и на зимовку. Много было въ Р. значительныхъ капиталистовъ, достаточное количество раскольниковъ, а главное, вмѣстѣ съ судами приходила цѣлая громада рабочаго люда съ паспортами и безъ паспортовъ. Словомъ сказать, круглый годъ въ городѣ царствовала та хлопотливая неурядица, около которой можно было грѣть руки, зная напе-

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

редъ, что тутъ чортъ ногу сломить, прежде чѣмъ до чего-нибудь доищется.

Повидимому, этой сладкой увѣренностью согрѣвалось и маіорское сердце. Съ утра до вечера, зимой и лѣтомъ, Петръ Спиридонычъ ковылялъ, постукивая деревяшкой, по базару, гостиному двору, набережной, заходилъ къ толстосумамъ, искалъ, нюхалъ, и, конечно, доискивался и донюживался. Лѣтъ черезъ десять дѣятельнаго городничества, когда онъ задумалъ жениться на Раичѣѣ, у него былъ уже очень хорошій капиталъ, хотя по службѣ онъ не слылъ притязательнымъ. Ласковъ онъ былъ, и бралъ не зря, а за дѣло. Купцы дарили его даже „за любовь“, за то, что онъ крестилъ у нихъ дѣтей, за то, что онъ не забывалъ именинъ, а часто и запросто заходилъ чаю откупать. Каждомѣсячно посылали ему „положеніе“ (не за страхъ, а за совѣсть), и ежели встрѣчалась нужда, то за нее дарили особо. Но не по условію, а столько, сколько Богъ на душу положить, чтобъ не обидно было. И онъ никогда не имѣлъ повода обижаться, и даже убѣдился, что ласка дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, нежели грубое вымогательство. Только съ рабочимъ людомъ онъ обходился нѣсколько проще, ну, да вѣдь на то онъ и рабочій людъ, чтобы съ нимъ недолго „разговаривать“. — Есть пачпортъ? — вотъ тебѣ такса, вынимай четвертакъ! — Нѣтъ пачпорта — плати цѣлковый-рубль, а не то и острогъ недалеко! — И опять-таки безъ вымогательства, а „по правилу“.

Лѣтъ черезъ двадцать послѣ женитьбы, онъ умеръ, оплакиваемый гражданами, оставивъ женѣ значительный капиталъ (подъ конецъ его считали въ четырехстахъ тысячахъ ассигнаціями) и дочку пяти лѣтъ. Раиса Порфирьевна за ничтожную сумму купила на выгонѣ десятинахъ десять земли, возлѣ самой городской черты, и устроилась тамъ. Выстроила просторный домъ, развела огородъ и фруктовый садъ, наполнила холостыя постройки домашнимъ скотомъ и всякой птицей и зажила какъ въ деревнѣ. Усадьба была почти идеальная, потому что соединяла сельскія удобства съ городскими. Базаръ подъ руками, церковей и не перечестъ, знакомыхъ сколько угодно, а когда Леночка начала подростать, то и въ учителяхъ недостатка не было.

Откормивъ Леночку въ мѣру пышной русской красавицы, она берегла ее дома до восемнадцати лѣтъ и тогда только рѣшила выдать замужъ за поручика Красавина, человѣка смирнаго и тоже достаточнаго. Но молодыхъ отъ себя не отпустила, а поселила вмѣстѣ съ собой. Всѣмъ было тамъ хорошо; всякая компанія имѣла свой аппетитный характеръ и внушала аппетитныя мысли, такъ что не только домашніе съ утра до вечера еушали,

закомились и добрыли, но и всякій пришлый человекъ чувствовалъ себя расположеннымъ хоть чего-нибудь да отвѣдать. Прислуга собралась веселая, бойкая, какая бываетъ только у дѣйствительно добрыхъ господъ. Въ передней то-и-дѣлю раздавался звонокъ и слышались голоса:

— Дома?

— Пожалуйте! только-что кушать сѣли.

Входилъ гость, за нимъ прибывалъ другой, и никогда не случалось, чтобъ кому-нибудь чего-нибудь не достало. Всего было вдоволь: индѣйка такъ индѣйка, гусь такъ гусь. Кушайте на здоровье, а ежели мало, такъ и цыпленочка можно велѣть жарить. Въ четверть часа готовъ будетъ. Не то что въ Малиновцѣ, гдѣ одинъ гусиный полотокъ на всю семью мелкими кусочками изрѣжутъ, да еще норовять, какъ бы и на другой день осталось.

Но черезъ годъ случилось несчастіе. Леночка умерла родами, оставивъ на рукахъ пятидесятилѣтней матери новорожденную дочь Сашеньку. А недолго спустя послѣ смерти жены скончался и поручикъ Красавинъ.

Это было великое горе, и тетенька долгое время не осушала глазъ. Вспомнилось, что ей ужъ пятьдесятъ лѣтъ, что скоро наступитъ старость, а можетъ быть и смерть—на кого она оставитъ Сашеньку? Правда, что она до сихъ поръ не знала ни малѣйшей хворости, но вѣдь Богъ въ смерти и животѣ воленъ. Здорова, здорова—и вдругъ больна. Шея-то у нея вонъ какая короткая, долго ли до грѣха! Списывалась-было она съ сестрицей Ольгой Порфирьевной, приглашала ее къ себѣ на житье, но, во-первыхъ, Ольга Порфирьевна была еще старше ея, во-вторыхъ, она въ то время хозяйствовала въ Малиновцѣ, и, главное, никакъ не соглашалась оставить сестрицу Машу. А жить съ Марьей Порфирьевной тетенька не желала, зная ея проказливость и чуждачества, благодаря которымъ ея благоустроенный домъ могъ бы въ одинъ мѣсяцъ перевернуться вверхъ дномъ. Другихъ сестеръ Раиса Порфирьевна тоже не жаловала, да и разбрелись онѣ по дальнимъ губерніямъ, такъ что и не отыщешь, пожалуй. Что же касается до мужниной родни, то ея хоть и много было, но покойный маіоръ никогда не жилъ съ нею въ ладахъ, и даже, умирая, предостерегалъ отъ нея жену.

— Смотри, послѣ моей смерти, братцы, пожалуй, наѣдутъ,—говорилъ онъ:—услуги предлагать будутъ, такъ ты ихъ отъ себя гони!

Наконецъ, тяжелое горе отошло-таки на задній планъ, и

тетенька всею силою старческой нѣжности привязалась къ Сашенькѣ. Лелѣяла ее, холила, запрещала прислугѣ ходить мимо ея комнаты, когда она спала, и исподоволь подкармливала. Главною ея мечтой, объ осуществленіи которой она ежедневно молилась, было дожить до того времени, когда Сашенькѣ минеть шестнадцатъ лѣтъ.

— Выдамъ ее за хорошаго человѣка замужъ и умру, — говорила она себѣ, но втайнѣ прибавляла: — а можетъ быть, Богъ пошлетъ, и поживу еще съ ними.

Съ своей стороны, и Сашенька отвѣчала бабушкѣ такой же горячей привязанностью. И старая, и малая не надыхались другъ на друга, такъ что бабушка, по дѣламъ оставшагося отъ покойнаго зятя имѣнія, даже совѣтовалась съ внучкой, и когда ей замѣчали, что Сашенька еще мала, не смыслить, то старушка увѣренно отвѣчала:

— Она-то не смыслить! да вы ее о чемъ угодно спросите, она на все отвѣтъ дастъ! И обѣдъ заказать, и по саду распорядиться... вотъ она у меня какова!

Однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ домовъ, гдѣ всѣмъ жилось привольно: и господамъ, и прислугѣ. Всѣ любили другъ друга, и въ особенности лелѣяли Сашеньку, признавая ее хозяйкой не только наравнѣ съ бабушкой, но даже, пожалуй, повыше. И чѣмъ дольше жили, тѣмъ жизнь становилась пріятнѣе. Гнѣздо окончательно устроилось, садъ разросся и былъ преисполненъ всякою сластью, коровы давали молока не въ примѣръ прочимъ, даже четыре овцы, которыхъ бабушка завела въ угоду внучкѣ, ягнילים два раза въ годъ и приносили не по одному, а по два ягненка за разъ.

— Вотъ и день сошелъ! да еще какъ сошелъ-то — и не замѣтили! Тихо, мирно! — говаривала бабушка, отпуская внучку спать. — Молись, Сашенька, проси милости, чтобы и завтрашній день былъ такой же!

Именно только повтореніе одного и того же дня и требовалось.

Я уже сказалъ выше, что наше семейство почти совсѣмъ не видѣлось съ Ахлопиными. Но однажды, когда я пріѣхалъ въ Малиновецъ, на каникулы изъ Москвы, гдѣ я только-что началъ ученье, матушка вспомнила, что 28-го іюня предстоятъ именины Раисы Порфирьевны. Самой ѣхать въ Р. ей было недосужно, поэтому она рѣшилась послать кого-нибудь изъ дѣтей. Къ счастью, выборъ палъ на меня.

Ѣхалъ я на своихъ, цѣлыхъ два дня съ половиной, одинъ,

Безъ прислуги, только въ сопровожденіи кучера Алемпія. Останавливались черезъ каждыя тридцать верстъ въ деревенскихъ избахъ, потому что съ проселка на столбовой трактъ выѣзжали только верстъ за сорокъ отъ Р. Наконецъ, за два дня до семейнаго праздника достигли мы цѣли путешествія. Былъ уже седьмой часъ вечера, когда наша бричка, миновавъ пыльный городъ, остановилась передъ крыльцомъ Ахлопинскаго дома, но солнце еще стояло довольно высоко. Домъ былъ одноэтажный, съ мезониномъ, одинъ изъ тѣхъ форменныхъ домовъ, которые сплошь и рядомъ встрѣчались въ помѣщичьихъ усадьбахъ; разница заключалась только въ томъ, что помѣщичьи дома были, большею частью, некрашенные, почернѣлые отъ старости и недостатка ремонта, а тутъ даже снаружи все глядѣло свѣтло и чисто, точно сейчасъ отремонтированное. Съ одной стороны дома расположены были хозяйственныя постройки; съ другой, изъ-за выкрашеннаго тына, выглядывалъ садъ, кругомъ обсаженный липами, которыя начинали уже зацвѣтать. Въ воздухѣ чувствовался наступающій вечеръ съ его прохладой; липа далеко распространяла сладкое благоуханіе. Меня сразу обняло чувство отрады и покоя, особливо послѣ продолжительнаго пути и душнаго города, который только-что обдалъ насъ вонью и пылью.

Насъ встрѣтила молодая горничная, никогда меня не видавшая, но какъ будто почуявшая, что я здѣсь буду желаннымъ гостемъ.

— Пожалуйте! пожалуйте! — звонко приглашала она:— онѣ въ баньку ушли, сейчасъ воротятся, а потомъ чай будутъ кушать. Какъ объ васъ доложить?

Я назвалъ себя.

— Ахъ, ты Господи! Затрапезные! А барыня точно чуяли. Еще давеча утромъ только и говорили: „вотъ кабы братецъ Василій Порфирьичъ вспомнилъ!“ — Пожалуйте! пожалуйте! Сейчасъ придуть! сейчасъ!

Она живо скрылась, сдавъ меня на руки старику-слугѣ, который, узнавъ, что пріѣхалъ молодой Затрапезный, тоже чему-то обрадовался и заспѣшилъ.

— Пожалуйте! пожалуйте!— говорилъ онъ:— тетенька еще давеча словно чуяли: „вотъ, молъ, кабы братецъ Василій Порфирьичъ обо двѣ ангела моего вспомнилъ!“

Онъ провелъ меня черезъ длинную, въ четыре окна, залу, въ гостиную и затѣмъ въ небольшую столовую, гдѣ другая горничная накрывала столъ для чая и тоже обрадовалась и подтвердила, что сердце тетеньки „чуяло“.

Не прошло и десяти минутъ, какъ я уже стоялъ лицомъ въ лицу съ тетенькой и кузиной.

Тетенька, толстенная, небольшого роста старушка, еще бодро несла свой седьмой десятокъ лѣтъ. Лицо ея, круглое, пухлое, съ щеками, покрытыми старческимъ румянцемъ, доснилось послѣ бани; глаза порядочно-таки заплыли, но еще живо свѣтились въ своихъ щелочкахъ; губы, сочныя и розовыя, улыбались, на подбородкѣ играла ямочка, зубы были всѣ цѣлы. На головѣ ея былъ бѣлый старушечій чепчикъ, нѣсколько влажный послѣ мытья; на плечахъ свободно висѣлъ темненькій шерстяной капотъ, безъ всякаго намека на талію. Была ли она когда-нибудь красива — этого нельзя было угадать, но, во всякомъ случаѣ, и теперь смотрѣть на нее было очень пріятно.

Сашенька была въ полномъ смыслѣ двѣнадцати-лѣтняя русская красотка. Коли хотите, она напоминала собой бабушку, но такъ, какъ напоминаетъ развертывающаяся розовая распуолка свою сосѣдку, облетающую розу. Бѣлое, съ чуть-чуть замѣтною желтизною, какъ у густыхъ сливокъ, лицо, румянецъ во всю щеку, алыя губы, ямочка посреди подбородка, большіе черные глаза, густая прядь черныхъ волосъ на головѣ — все обѣщало, что, въ недалекомъ будущемъ, она развернется въ настоящую красавицу. Какъ и у бабушки, на головѣ ея былъ чепчикъ, нѣсколько, впрочемъ, пофасонистѣе, а одѣта она была въ такой же темный шерстяной капотъ безъ таліи.

— Никаша? — угадывала тетенька, пристально вглядываясь въ меня.

— Онъ самый-съ.

— Ахъ, милый! ахъ, родной! да какой же ты большой! — восклицала она, обнимая меня своими коротенькими руками: — да никакъ ты ужъ въ ученя, что на тебѣ мундирчикъ надѣтъ! А вотъ и Сашенька моя. Ишь вѣдь старушкой одѣлась, а все отъ того, что ужъ очень на встрѣчу слѣшила... Поцѣлуйтесь, родные! племянница вѣдь она твоя! Поиграйте вмѣстѣ, побѣгайте ужъ, дядюшка съ племянницей.

Мы поцѣловались, и мнѣ показалось даже, что Сашенька сдѣлала книксенъ.

— Ахъ, дяденька, мнѣ такъ давно хотѣлось познакомиться съ вами! — сказала она: — и какой на васъ мундирчикъ славный!

— Какъ же! дамъ я ему у тетки родной въ мундирѣ ходить! — подхватила тетенька: — ужъ по саду бѣгать будете, въ землѣ вывалаетесь — на чтѣ мундирчикъ похожъ будетъ! Вотъ я тебѣ кацавейку старую дамъ и ходи въ ней на здоровье! а въ празд-

никъ къ обѣднѣ, коли захочешь, во всемъ парадѣ въ церковь поѣдешь!

Мнѣ шель тогда двѣнадцатый годъ. Это самый несносный возрастъ въ дѣтствѣ, тотъ возрастъ, когда мальчикъ начинаетъ воображать себя взрослымъ. Онъ становится очень чутокъ ко всякой шуткѣ, будь она самая безобидная; старается говорить басомъ, щегольнуть, неохотно принимаетъ участіе въ играхъ, серьезничаетъ, надувается. Вообще, какъ говорится, кобенится. Кобенился и я. На этомъ основаніи, я на послѣдней станціи перемѣнилъ свою куртку на мундиръ; на этомъ же основаніи, двукратное упоминеніе о мундирѣ—какъ будто я имъ хвастаюсь! — и въ особенности обѣщаніе замѣнить его кацавейкой задѣли меня за живое.

— Я своимъ мундиромъ горжусь!—отвѣтилъ я; но, вѣроятно, выраженіе моего лица было при этомъ настолько глупо, что тетенька угадала нанесенную мнѣ обиду и расхохоталась.

— Вздоръ! вздоръ, голубчикъ! — шутила она: — мундирчикъ твой мы уважаемъ, а все-таки спрячемъ, а тебѣ кацавейку дадимъ! Бѣгай въ ней, веселись... что надуваться-то! Да вотъ еще что! не хочешь ли въ баньку сходить съ дорожки? мы только-что отмылись... Ахъ, хорошо въ банькѣ! Старуха Акуля живо тебя вымоетъ, а мы съ чаемъ подождемъ!

— Сходите, дяденька, въ баньку! — съ своей стороны, умильнымъ голоскомъ упрашивала тетя Сашенька.

Это была вторая обида. Позволить себя, взрослому юношу, мыть женщиной... это ужъ ни на что не похоже!

— Покорно благодарю, тетушка! я въ баню идти не желаю! — сказалъ я холодно и даже съ примѣсью гадливости въ голосѣ.

— Ахъ, да ты, вѣрно, старой Акули застыдилъ! такъ вѣдь ей, голубчикъ, за семьдесятъ! И мастерица ужъ она мыть! еще папеньку твоего мывала, когда въ Малиновцѣ жила. Вздоръ, сударь, вздоръ! Иди-ка въ баньку и мойся! въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходять! Настюша! скажи Акулинѣ, да проведи его въ баню!

Словомъ сказать, меня и въ банькѣ вымыли, и въ тотъ же вечеръ облачили въ кацавейку.

— Вотъ и прекрасно! и свободно тебѣ, и не простудишься послѣ баньки! — воскликнула тетенька, увидѣвъ меня въ новомъ костюмѣ. — Кушай-ка чай на здоровье, а потомъ клубнички со сливочками поѣдимъ. Нѣтъ худа безъ добра: покуда ты мылся, а мы и ягодокъ успѣли набрать. Мало ихъ еще, только-что поспѣвать начали, мы сами въ первый разъ ѣдимъ.

Чай былъ вкусный, съдобныя булки — удивительно вкусныя, сливки—еще того вкуснѣе. Я убирала за обѣ щеки, а тетенька, смотря на меня, тихо радовалась. Затѣмъ пришла очередь и для клубники; тетенька раздѣлила набранное на двѣ части: мнѣ и Сашенькѣ, а себѣ взяла только одну ягоду.

— Разговѣюсь, и будетъ съ меня! въ другой разъ я, пожалуй, и побольше васъ съѣмъ,—молвила она.

Чай кончился къ восьми часамъ. Солнце было уже на исходѣ. Мы хотѣли идти въ садъ, но тетенька отсовѣтовала: не равно роса будетъ, послѣ бани и простудиться не въ рѣдкость.

— Лучше сядемъ, да на солнышко посмотримъ, чисто ли оно, батюшко, сидеть!

Солнце садилось великолѣпно. На половину его ужъ не было видно, и на краю запада разлилась широкая золотая полоса. Небо было совсѣмъ чистое, синее; только немногія облака, легкія и перистыя, плыли въ-разбродъ, тоже пронизанныя золотомъ. Тетенька сидѣла въ креслахъ прямо противъ исчезающаго свѣтила, крестилась и старческимъ голоскомъ напѣвала: „Свѣте тихій“...

— Кабы не Сашенька—кажется бы...—молвила она, но, не докончивъ, продолжала:—хорошій день будетъ завтра, вѣдреный; косить ужъ около дворовъ начали—работа въ вѣдрышко спорѣе пойдетъ. Чтѣ говорить! Потрудятся мужички, умаются, день-то деньской косок махавши, да потомъ и порадуются, что изъ ихняго отягощенія, по крайности, хоть проѣзъ вышелъ. Травы нынче отличныя, яровые тоже хорошо уродились. И сѣнца, и соломки — всего вдоволь будетъ. Мужичокъ-то и вздохнетъ. Вотъ мы и не съѣмъ, и не жнемъ, а намъ хорошо живется, — пусть и трудящимся будетъ хорошо.

Въ десять часовъ подали ужинъ, и въ заключеніе на столѣ опять явилось... блюдо клубники!

— Это еще чтѣ!—изумилась тетенька:—вѣдь такимъ манеромъ вы меня въ праздникъ безъ ягодъ оставите! Приѣдутъ гости, и потчивать нечѣмъ будетъ.

— Это, сударыня, Иванъ Михайлычъ прислали!

— Ахъ, кумъ дорогой! Все-то онъ такъ! Сосѣдъ это нашъ,—обратилась тетенька ко мнѣ:—тутъ же о-богъ живетъ, тоже садами занимается. Служилъ онъ у покойнаго Петра Спиридоныча въ частныхъ приставахъ—ну, и скопилъ праведными трудами копѣечку про черный день. Да, хорошо при покойномъ было, тихо, смирно, ни вляузъ, ни жалобъ—ничего такого! Ходить, бывало, сердечный другъ, по городу, деревашкой постукиваетъ, и всякому-то онъ ласковое слово скажетъ. Постучится въ окно, къ какому-нибудь

кumu—у всего города онъ дѣтей крестилъ—спросить: „самоваръ на столѣ?“—Готовъ, сударь.—Взойдетъ, выпьетъ стаканъ, и опять пошелъ постукивать. И представъ себѣ, какъ хорошо у насъ выходило: 28-го я именинница, а 29-го—онъ. Такъ два дня сряду, бывало, и идетъ у насъ пиръ горой.

Тетенька умилилась и отерла слезинку.

— Впрочемъ, и теперь пожаловаться не могу,—продолжала она:—кругомъ живетъ народъ тихій, благонравный, на Бога не ропщетъ, смотритъ весело, словно и огорченій на свѣтѣ нѣтъ. Ахъ, да и не люблю я этихъ... задумчивыхъ! Я и прислугу держу веселую; люблю, чтобъ около меня съ довольными лицами ходили, разговаривали, пѣсни пѣли. А ежели кто недоволенъ мной, того я силкомъ не держу. Хоть и крѣпостные они мои, а я все-таки помню, что человѣку иногда трудно себя переломить. Каждый божій день тѣже да тѣже комнаты, да съ посудой возись—хоть кому шею намозолить! Понимаю я это, мой другъ, и цѣню, когда прислуга съ веселіемъ трудъ свой приемлетъ. Вотъ только Акуля съ Родивономъ—изъ мужской прислуги онъ одинъ въ домѣ и есть, а прочія все дѣвушки—все что-то про себя мурлыкають. Ну, да это ужъ отъ старости. Подумай, вѣдь Акулѣ-то ужъ годовъ семьдесятъ. Няньчила она меня еще вотъ эконькую, и до сихъ поръ про Малиновецъ вспоминаетъ. Ахъ, да и хорошо было тамъ при маменькѣ Надеждѣ Гавриловнѣ!

Когда дошла очередь до блюда съ клубникой, тетенька рас-философствовалась.

— Вотъ,—говорила она:—какъ Богъ-то премудро устроилъ. Нѣтъ чтобы въ саду все разомъ поспѣло, а всякой ягодѣ, всякому фрукту свой чередъ опредѣленъ. Къ Петрову дню—клубника, къ Казанской—малина, къ Ильину дню—вишенья, ко второму Спасу—яблоки, груши, сливы. А въ промежуткахъ—смородина, крыжовникъ. На цѣлыхъ два мѣсяца лакомства хватить. Глядя на это, и мы въ своихъ дѣлахъ стараемся подражать. У меня во дворѣ четыре коровушки, и никогда не бывало, чтобъ всѣ разомъ телились. Одна въ Филипповки телится, другая—великимъ постомъ, третья—въ Петровки, а остатняя въ Спожинки. Круглый годъ у насъ и молочко, и сливочки, и маслицо—все свое. А къ празднику и свой теленочекъ есть. Вотъ послѣ-завтра увидишь, какого мы бычаа ко дню моего ангела выпоили! Сама сегодня утромъ ходила глядѣть на него: лежитъ, глаза закрывши, не шевельнется. Жаль бѣдненькаго, а приходится рѣзать. Ну, да вѣдь и то сказать: не человѣкъ, а скотина!

Въ заключеніе, старушка встала изъ-за стола и сказала:

— А теперь и баиньки пора. Покушали, поговорили—и въ постельку. Ты, дружокъ, съ дорожки-то покрѣпче усни, и будить тебя не велю.

Мы простились по-старинному. Тетенька сперва подавала ручку для поцѣлуя, потомъ цѣловала въ губы и, наконецъ, опять подавала ручку. Въ заключеніе, крестила и отпускала.

Мнѣ отвели комнату въ сторонѣ, съ окномъ выходившимъ въ садъ. Въ комнатѣ все смотрѣло уютно, чисто, свѣжо. Сквозь открытое окно врывались благоуханія лѣтней теплой ночи.

На кровати, не внушавшей ни малѣйшихъ опасеній въ смыслѣ насѣкомыхъ, было послано два пышно взбитыхъ пуховика, накрытыхъ чистымъ бѣльемъ. Раздѣтъ меня пришла молоденькая дѣвушка. Въ теченіе вечера я уже успѣлъ побѣдить въ себѣ напускную важность, и не безъ удовольствія отдалъ себя въ распоряженіе Настя.

— Понравилось вамъ у насъ, баринъ? — спросила она у меня.

— Очень.

— Это еще чтѣ! погодите, чтѣ въ Раисинъ день будетъ! Столъ-то тогда въ большой залѣ накроютъ, да и тамъ не всѣ господа размѣстятся, въ гостиную многіе перейдутъ. Двухъ поваровъ изъ города поводемъ, да кухарка наша будетъ помогать. Барыня-то и не садятся за столъ, а все ходятъ, гостей угощаютъ. Такъ развѣ чего-нибудь промежъ разговоровъ покушаютъ.

— А много васъ, дѣвушекъ, въ домѣ у тетеньки?

— Четыре. Оеклуша—за барышней ходить, шить, а мы три за столомъ служимъ, комнаты убираемъ. За старой барыней няня ходитъ. Она и спитъ у барыни въ спальнѣ, на полу, на войлочкѣ. Съ дѣтства, значить такую привычку взяла. Ну, теперь почивайте, Христось съ вами! да не просыпайтесь рано, а когда вздумается.

Она уложила меня въ постель, накрыла одѣяломъ, потомъ заперла окно и ушла.

Едва приложилъ я голову къ подушкѣ, какъ уже почувствовалъ, что меня раскачиваетъ во всѣ стороны, точно въ лодкѣ. Пуховики были такъ мягки, что я лежалъ какъ бы распростертый въ воздухѣ. Одно мгновеніе—и я всѣмъ существомъ окунулся въ ту нѣжащую мглу, которая называется дѣтскимъ сномъ.

Я проснулся утромъ, около десяти часовъ, то-есть проспавши около полусутокъ. Проснулся совсѣмъ свѣжій, безъ малѣйшей усталости. Настя, какъ оказалось, уже неоднократно прислуши-

вазась у дверей, и пришла какъ разъ въ-время, чтобы подать мнѣ одѣться и умыться.

— Господа ужъ откушали чай, въ саду гуляютъ, — сказала она:—сейчасъ будутъ кофе пить, а вамъ самоваръ готовъ. И чайку, и кофейку напьетесь.

Но я, какъ только проснулся, вспомнилъ про нашихъ лошадей и про Алемпія, и потому прежде, чѣмъ идти въ столовую, побѣжалъ къ конюшнямъ. Алемпій, по обыкновенію, сидѣлъ на столбикѣ у конюшни и покуривалъ изъ носогрѣйки. Мнѣ показалося, что онъ за ночь сдѣбался какъ будто толще.

— Ну чтѣ, Алемпій, лошади отдохнули?—спросилъ я.

— Чтѣ имъ дѣлается! конюшни здѣсь просторныя, сѣно душистое, овесъ чистый... Три дня постоятъ—и не удержишь.

— Ну, а ты... выспался! хорошо тебѣ?

— Вы спросите, кому здѣсь не хорошо-то? Кормъ здѣсь вольный, раза четыре въ день ѣдятъ. А захочешъ еще поѣсть — ѣшь, сдѣлай милость! Опять и свобода дана. Я еще когда всталъ; и лошадей успѣлъ убрать, и въ городъ съ Акимомъ, здѣшнимъ кучеромъ, сходилъ, всѣ закоулки обѣгалъ. Большой здѣсь городъ, народу на базарѣ, барокъ на рѣкѣ — страсть! Акимъ-то, признаться, мнѣ рюмочку въ трактирѣ поднесъ, потому у тетеньки насчетъ этого строго.

Цѣлый день прошелъ въ удовольствіяхъ. Сперва чай пили, потомъ кофе, потомъ завтракали, обѣдали, послѣ обѣда десертъ подавали, потомъ простоквашу съ молодою сметаною, потомъ опять пили чай, наконецъ ужинали. Въ особенности мнѣ понравилась за обѣдомъ „няня“, которую я два раза накладывалъ на тарелку. И у насъ, въ Малиновцѣ, по временамъ готовили это кушанье, но оно было куда не такъ вкусно. Ъли исправно, губы у всѣхъ были масляныя, даже глаза искрились. А тетушка, между тѣмъ, все понуждала и понуждала.

— Ъшьте, дружки, Христось съ вами. Кушанье у насъ легкое, здоровое; коли и лишнее скушаете —худа не будетъ! Маслицемъ деревяннымъ животикъ помажемъ—и какъ рувой сниметь!

Въ промежуткахъ между ѣдами, мы съ Сашей бѣгали по саду, ловили другъ друга, перегонались, хотя, признаюсь, однообразіе этихъ игръ скоро меня утомило. Саша замѣтила это.

— Вамъ, братецъ, скучно со мной?—спросила она грустно.

— Нѣтъ, ничего! А вотъ вамъ какъ? всегда вы однѣ да однѣ!

Она рассказала мнѣ, что ей совсѣмъ не скучно, а ежели и случится соскучиться, то она уходитъ къ сосѣдскимъ дѣтямъ, ко-

торыя и у нея бывають въ гостяхъ; что она, впрочемъ, по буднямъ и учится, и только теперь, по случаю моего прїѣзда, бабушка уволила ее отъ уроковъ.

— Ну, перестанемте бѣгать, коли вамъ скучно, давайте такъ говорить, — сказала она въ заключеніе: — у васъ въ заведеніи трудно? большіе уроки задають?

Я охотно сталъ разсказывать, и, разумѣется, далъ волю воображенію:

— Я, Сашенька, Цицерона уже прочиталъ, а въ слѣдующемъ классѣ за Юлія Цезаря примусь.

— Какой такой Цицеронъ?

— Римскій сенаторъ. Онъ спасъ римскую республику отъ Катилины. Ахъ, еслибъ вы знали, какая это прелесть, его рѣчь противъ Катилины! „Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra!“ — продекламировалъ я восторженно.

— А мнѣ говорили, что Римъ гуси спасли?

— Гуси сами собой, а Цицеронъ самъ собой... А изъ математики мы логариѣмы проходить станемъ. Вотъ трудно-то будетъ!

— Зато ученымъ сдѣлаетесь.

— Я, сестрица, хочу профессоромъ быть.

— Вы какія науки больше любите?

— Я больше всего русскій языкъ люблю. У насъ сочиненія задають, переложенія, особливо изъ Карамзина. Это нашъ лучшій русскій писатель. „Звонъ вечереваго колокола раздался, и вздрогнули сердца новгородцевъ“ — вотъ онъ какъ писалъ! Другой бы сказалъ: „раздался звонъ вечереваго колокола, и сердца новгородцевъ вздрогнули“, а онъ зналъ, на какихъ словахъ удареніе сдѣлать!

Разговаривая такимъ образомъ, мы скоро сблизились на „ты“, такъ что подъ-конецъ она, не безъ волненія, спросила меня:

— А ты долго у насъ погостишь?

— Утромъ послѣ Петрова дня, встану пораньше, соберусь — и ау, сестрица!

— Господи! хоть бы недѣлку погостилъ!

— Нельзя, голубушка, маменька строго-на-строго приказала. Если не ворочусь, какъ сказано, никуда впередъ не отпустить. И не просись.

Саша пожаловалась на меня бабушкѣ, но старушка, потуживъ вмѣстѣ съ внучкой по случаю моего скорого отъѣзда, въ заключеніе, однакожь, похвалила меня.

— Слушайся папеньку съ маменькой, — сказала она: — роди-

тельское сердце, оно памятливое. Иногда и причины настоящей нѣтъ, а оно все объ дѣтищѣ болитъ, да на мысли наводитъ. Не случилось ли чего, здоровъ ли, не сломался ли экипажъ, лихіе люди въ дорогѣ не обидѣли ли? Хоть про себя скажу. Далеко ли отсюда до города, а отпустишь, бывало, покойницу Леночку къ знакомымъ вечеромъ повеселиться: — „Я, маменька, въ одиннадцать часовъ возвращусь“, — а я ужъ съ десяти часовъ сяду у окна да и сижу. Посидишь, вздремнешь, проснешься, опять вздремнешь — смотришь, анъ ужъ и полночь близко. Чтѣ такое? Здорова ли? не случилось ли чего? Послать спросить совѣстно: осудить; скажутъ, вотъ безпокойная старуха, дочери повеселиться не дасть. Да до часу, до двухъ и промаячишься. Такъ-то вотъ. Нѣтъ ужъ, голубчикъ, поѣзжай! коли папенька съ маменькой ждутъ, такъ и разговаривать нечего.

Вечеромъ, конечно, служили всенощную и наполнили домъ запахомъ ладана. Тетенька напоила чаемъ и накормила причтъ и насъ, но сама не пила, не ѣла и сидѣла сосредоточенная, готовясь къ наступающему празднику. Даже говорить избѣгала, а только изрѣдка перекидывалась коротенькими фразами. Горничныя тоже вели себя степенно, ступали тихо, говорили шопотомъ. Тотчасъ послѣ ухода причта, меня уложили спать, и домъ раньше обыкновеннаго затихъ.

На другой день, съ восьми часовъ, мы отправились къ обѣднѣ въ ближайшую городскую церковь и, разумѣется, пріѣхали къ „часамъ“. По возвращеніи домой, началось именованное торжество, на которомъ присутствовали именитѣйшія лица города. Погода была отличная, и именованный обѣдъ состоялся въ саду. Все сошло какъ по маслу; пили и ѣли вдоволь, а теленокъ, о которомъ меня заранѣе предупреждала тетенька, оказался въ полномъ смыслѣ слова изумительнымъ.

Я не стану описывать остальное время, проведенное у тетеньки, но помню, что мнѣ ужасно не хотѣлось ѣхать. На утро послѣ Петрова дня меня собрали, снабдили всякаго рода съѣстнымъ и гостинцами, благословили и отправили.

Пріѣхавши въ Малиновецъ, я подробно рассказывалъ братьямъ (Степа уже перешелъ въ послѣдній классъ, а Гриша тоже выдержалъ экзаменъ съ отличіемъ) о разливанномъ морѣ, въ которомъ я купался четыре дня, и роздалъ имъ привезенные гостинцы.

— А мы, братъ, здѣсь полотками питались, — грустно молвилъ Степа: — да, впрочемъ, вчера послѣдній прикончили. Finis polotcoviorum!

Послѣ этого я уже не видалъ тетеньки Раисы Порфирьевны, но она жила еще долго. Выкормивъ Сашеньку въ мѣру взрослой дѣвицы, выдала ее замужъ за „хорошаго“ человѣка, но не отпустила отъ себя, а приняла зятя въ домъ. Такимъ образомъ, мечты ея осуществились вполнѣ.

Были ли въ ея жизни горести, кромѣ тѣхъ, которыя временно причинила смерть ея мужа и дочери,—я не знаю. Во всякомъ случаѣ, старость ея можно было уподобить тихому сіянію вечерней зари, когда солнце уже окончательно скрылось за предѣлы горизонта и на западѣ свѣтится чуть-чуть видный отблескъ его лучей, а вдали плаваютъ облага, прообразующія соленья, варенья, моченья и всякій гарниръ—тоже игравшія въ ея жизни немаловажную роль. Прозвище „сластѣны“ осталось за ней до конца.

Я не разъ, вполнѣдствіи, проѣзжалъ мимо Р., но какъ-то всегда забывалъ заглянуть въ Ахлопинскую усадьбу. Слышалъ, однакожъ, что усадьба стоитъ и понынѣ въ полной неприкосновенности, какъ при жизни старушки; только за садовымъ тыномъ уже не такъ тихо, како во времена дна, а слышится немолчное щебетаніе молодыхъ и свѣжихъ голосовъ. Это щебечутъ внуки и внучки Сашеньки (и она, въ свою очередь, овдовѣла), дѣти двоихъ ея сыновей, которые сами устроились въ Петербургѣ, а дѣтей повинули на руки бабушекъ. Одинъ изъ этихъ сыновей состоитъ на службѣ, идетъ ходко, и ко всякому празднику чего-нибудь ждетъ. Другой пока еще либеральничаетъ, но тоже начинаетъ косить глазами направо и налево, такъ что немудрено, что недолгѣ и онъ начнетъ томиться съ приближеніемъ праздниковъ.

Сашенька унаслѣдовала отъ бабушки роль баловницы. И сама кушаетъ, и дѣточекъ прикармливаетъ. Всѣмъ она приготовила обезпеченный кусокъ, и живеть, среди своихъ птенчиковъ, безболѣзненно, мирно и нимало не тяготясь шестидесятилѣтнею старостью, которая совершенно незамѣтно, безъ малѣйшихъ предостереженій, подвралась къ ней.

Помнить ли она обо мнѣ—я не думаю. По крайней мѣрѣ, сыновья ея не сочли нужнымъ познакомиться со мной. Да и не мудрено: вѣдь я прихожусь имъ четвероюроднымъ дѣдушкой, а въ этой степени родства самая память объ узахъ невожно исчезаетъ. Притомъ же оба они вполнѣ проникли въ суть современной жизни. Одинъ—тайный совѣтникъ; другой хоть и опоздалъ, но тоже на хорошей дорогѣ стоитъ. А я ни во что не проникъ, живу словно въ муромскомъ лѣсу, и чувствую, какъ постепенно,

одно за другимъ, падаютъ звенья, которыя связывали меня съ жизнью.

Такъ, „писачка“...

О, „писачки“ російскіе! съ каждымъ годомъ вы плодитесь и множитесь, и наполняете землю отечественную стихами и прозою; но когда же вы въ мѣру человѣческаго возраста вырастаете?

XI.—БРАТЕЦЪ ѲЕДОСЬ.

Кромѣ описанныхъ выше четырехъ тетокъ, у меня было еще пять, которыя жили въ дальнихъ губерніяхъ и съ которыми наша семья не поддерживала почти никакихъ сношеній. Съ сыномъ одной изъ нихъ, Поликсены Порфирьевны, выданной замужъ въ оренбургскую губернію за башкирца Половникова, я познакомился довольно оригинальнымъ образомъ.

Однажды,—это было въ концѣ октября, глубокою осенью,—семья наша сидѣла за вечернимъ чаемъ, какъ изъ дѣвичьей опростельи прибѣжала дѣвушка и доложила матушкѣ:

— Барыня! васъ мужчина въ дѣвичьей спрашиваетъ.

— Какой еще мужчина?

— Не знаю-съ. Доложи, говоритъ, что Ѳедось пришелъ...

— Пропasti на васъ, безтолковыхъ, нѣтъ! Ступай, спроси: кто? зачѣмъ?

Дѣвушка побѣжала, но матушка, по обыкновенію, не вытерпѣла, встала изъ-за стола и пошла вслѣдъ за нею.

Въ дѣвичьей, освѣщенной едва мерцающимъ свѣтомъ салнаго огарка, сидѣлъ на ларѣ мужчина въ дубленомъ полушубкѣ.

— Кто таковъ? откуда? зачѣмъ?—бросила ему матушка и, обращаясь къ сидѣвшимъ за пралками дѣвушкамъ, прибавила:— да снимите же со свѣчки! не видать ничего!

Мужчина всталъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, средняго роста, здоровый, плотный. Лицо широкое, съ выдающимися скулами, голова острижена въ скобку, волоса обхватывалъ черный ремень. Отъ сапоговъ вся дѣвичья провоняла ворванью.

— Ѳедось Половниковъ, Василя Порфирьича племянникъ, Поликсены Порфирьевны сынъ.

— Пачпортъ!

Ѳедось порылся за пазухой, и подаль бумагу. Въ бумагѣ значилось, что предъявитель сего—дворянинъ оренбургской губерніи, Ѳедось Николаевъ Половниковъ, и проч. Подписана она была белебеевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

— А я почему знаю!—крикнула матушка, прочитавъ бумагу: —на лбу-то у тебя не написано, что ты племянникъ! Можетъ быть, пачпортъ-то у тебя фальшивый? Можетъ, ты бѣглый солдатъ! Убилъ кого-нибудь, а пачпортъ украсть!

— Никакъ нѣтъ-съ. Я Ѳедось Николаевъ Половниковъ, Василія Порфирьича племянникъ. Вѣрно-съ.

— А зачѣмъ бы ты сюда пожаловалъ, позволь тебя спросить? Есть у тебя своя деревнюшка, и жилъ бы въ ней съ матерью со своей!

— Матушка прошлой весной померла, а отецъ еще до нея померъ. Матушкину деревню за долги продали, а послѣ отца только ружье осталось. Ни кола у меня, ни двора. Вотъ и надумалъ я: пойду къ роднымъ, да и на людей посмотрѣть захотѣлось. И матушка, умирая, говорила: „ступай, Ѳедось, въ Малиновецъ, къ братцу Василью Порфирьичу—онъ тебя не оставитъ“.

— Это за двѣ-то тысячи верстъ пришелъ киселя ѣсть... прошу покорно! племянничекъ сыскался! Ни въ жизнь не повѣрю. И имѣнье, вишь, промоталъ... А коли ты промоталъ, такъ я-то чѣмъ причина? Онъ промоталъ, а я изволь съ нимъ валандаться! Отшлю я тебя въ земскій судъ—тамъ разберутъ, племянникъ ты, или солдатъ бѣглый.

— Это какъ вамъ угодно.

Произнося свои угрозы, матушка была, однакожь, въ недоумѣніи. Племянникъ ли Ѳедось, или бѣглый солдатъ — въ сущности, ей было все равно; но если онъ вправду племянникъ, то какъ же не принять его? Прогонишь его—онъ, пожалуй, въ канавѣ замерзнетъ; въ земскій судъ отправить его—назадъ оттуда пришлютъ... А дѣло, между тѣмъ, разгласится, сосѣди будутъ говорить: вотъ Анна Павловна какова, мужнину племяннику въ углѣ отказала.

— И вѣдь въ какое время, непутѣвый, пришелъ!—сказала она уже мягче:—двѣ недѣли сряду дождиевъ льетъ, всѣ дороги затопилъ, за сѣномъ въ поле проѣхать нельзя, а онъ шлепаетъ да шлепаетъ по грязи. И хоть бы написалъ, предупредилъ... Ну, инъ, скидавай полушубокъ-то, сиди здѣсь, покуда я муженьку не отпартую.

Но когда она возвратилась въ столовую, сердце у нея опять раскипѣлось.

— Съ племянничкомъ поздраляю!—обратилась она къ отцу: —Поликсены Порфирьевны сынокъ, Ѳедось Николаичъ... Нечего сказать, наплодила-таки покойница свекровушка, Надежда Гавриловна, царство небесное, родственничковъ!

Отецъ, который при всякой неожиданности всегда терялся, пришелъ при этомъ извѣстии еще въ большее раздраженіе, нежели матушка.

— Какой еще Федось?—кричалъ онъ:—гнать его отсюда! гнать! Никакого Федоса у меня въ роднѣ нѣтъ! Не племянникъ онъ, а бѣглый солдатъ! Гоните его!

— Постой, погоди!—опять смягчилась матушка:—кривомъ дѣлу не поможешь, а надо его чередомъ разспросить, какъ и что. Позови-ка его сюда!—привазала она лакею.

Черезъ минуту, въ столовую вошелъ бѣлокурый малый, въ бѣлой рубашкѣ на-выпускъ, грубаго холста и сильно заношенной, въ штанахъ изъ полосатой пестряди, засунутыхъ въ сапоги. Онъ былъ подпоясанъ тоненькимъ шнуркомъ, на которомъ висѣлъ роговой гребень. Съ приходомъ его, въ комнатѣ распространился отвратительный запахъ воровани.

— Сними! сними сапожники-то! ишь навонялъ!—крикнулъ на него отецъ.

Федось безмолвно вышелъ и возвратился уже босой. Онъ сталъ у двери и, казалось, покорно ждалъ, куда его опредѣлятъ.

— Ну-тка, покажи опять паспортъ... Надо примѣты свѣрить,—начала матушка.

Федось сунулъ руку въ карманъ и подалъ бумагу. Матушка читала вслухъ.

— „Ростъ два аршина, пять вершковъ“, —кажется такъ; „лицо чистое“—такъ; „глаза голубые, волосы на головѣ бѣлокурые, усы и бороду брѣть, носъ и ротъ обыкновенные; особая примѣта: на груди воятъ лѣваго соска родимое пятно величиною съ гривенникъ“... Кднѣка! возьми свѣчу! посмотри!

Лакей Кононъ, прислуживавшій за столомъ, подошелъ къ Федосу со свѣчой, раздвинулъ прорѣху на рубашкѣ и отвѣтилъ:

— Вѣрно-сь!

— Ну, ежели вѣрно, такъ, значитъ, ты самый и есть. Однакожь, этого мало; на свѣтѣ бѣлокурыхъ да съ голубыми глазами хоть прудъ пруди. Коли ты Поликсены Порфирьевны сыновъ, сказывай, какова она была изъ себя?

Федось и это требованіе выполнилъ отчетливо, безъ запинки.

— Такъ что ли?—обратилась матушка къ отцу:—говори, сударь! ты сестрицу свою долженъ помнить, а я и въ глаза ее не видала.

— Не знаю! не знаю!—бормоталъ отецъ, по обыкновенію уклоняясь отъ опредѣленнаго отвѣта. Видно было, однакожь, что

разсказъ новообрѣтеннаго родственника былъ согласенъ съ дѣйствительностью.

— Ну, ладно. Положимъ, что ты нашъ племянничекъ, зачѣмъ же ты въ намъ пожаловалъ? развѣ мало у тебя родныхъ? Однѣхъ тетокъ сколько! Отчего ты въ нимъ не пошелъ?

— Да такъ, матушка, умираючи, говорила...

— А ежели мы тебя не примемъ?

— Какъ вамъ угодно, только я на первый разъ порѣшилъ у васъ основаться.

— Рѣшилъ! онъ рѣшилъ!... ахъ ты распостылый!—крикнула матушка, вся дрожа отъ волненія, и, закусивъ губу, подошла близко къ Ѳедосу.—Ты спроси прежде, какъ дядя съ теткой рѣшать... Онъ рѣшилъ! Ступай съ моихъ глазъ долой, жди въ дѣвичьей, пока я надумаю, какъ съ тобой поступить!

По уходѣ Ѳедоса, матушка нѣкоторое время сидѣла, покачиваясь на стулѣ, и обдумывала.

— Не знаю, гдѣ и спать-то его положить,—молвила она, наконецъ:—и не придумаю! Ежели внизу, гдѣ прежде шорникъ Степанъ жилъ, такъ тамъ съ самой осени не топлено. Ну, инъ ведите его къ Василисѣ въ застольную. Не велика фря, ночь и на лавкѣ проспать. Полушубокъ у него есть, чтобъ накрыться, а войлокъ и подушечку, изъ старенькихъ, отсюда дайте. Да ужъ не курить ли онъ, спаси Богъ! чтобъ и не думалъ!

Приказаніе это было исполнено ужъ прислугой.

Ночь матушка провела тревожно. Безпрестанно будила дежурную горничную, спавшую на полу у дверей ея спальни, посылая ее въ застольную, и наказывала, чтобъ Василиса отнюдь не позволяла Ѳедосу курить.

— Ну чтѣ Ѳедоска? спать? — спрашивала она возвратившуюся дѣвушку.

— Спать-съ.

— Не курить?

— Василиса говоритъ: трубочку на крыльцѣ выкурилъ.

— То-то, „трубочку“! А я чтѣ приказывала?

На утро матушка едва проснулась, какъ уже обратилась съ вопросомъ:

— Всталъ?

— Еще до свѣту въ ригу молотить ушелъ.

Извѣстіе это смягчило матушку. Ушелъ молотить—стало-быть, не хочеть даромъ хлѣбъ ѣсть, мельнуло у нея въ головѣ. И вслѣдъ затѣмъ, велѣла истопить въ нижнемъ этажѣ комнату,

поставить кровать, столъ и табуретку и устроить тамъ Ѳедоса. Кушанье матушка рѣшила посылать ему съ барскаго стола.

— А коли благородно себя держать будеть—и съ собой обѣдать посадимъ!

Весь этотъ день Ѳедось работаль наравнѣ съ прочими барщинными. Молотильщикъ онъ оказался отличный, шель въ головѣ цѣпи, стучаль цѣпомъ не слѣша, ровно, плавно, и прямо, и накрестъ. Когда же стемнѣло, его позвали къ матушкѣ.

— Чтò это тебѣ молотить вздумалось?—спросила она его ласково.

— Что-жь такъ-то сидѣть! Я всю дорогу шель, работаль. День или два идешь, а потомъ остановишься, спросишь, нѣтъ ли работы гдѣ. Гдѣ попасешь, гдѣ повосишь, пожнешь. Съ недѣльку на одномъ мѣстѣ поработаешь, меня въ это время кормятъ, и на дорогу хлѣбца дадутъ, а иной разъ и гривенничекъ. И опять въ два-три дня я свободно верстъ пятьдесятъ уйду. Да я, тетенька, и другую работу дѣлать могу; и лапотъ сплету, и игрушку для дѣтей изъ дерева вырѣжу, и на охоту схожу, дичинки добуду.

— Вотъ ты какой! Ну, поживи у насъ! Я тебѣ велѣла внизу комнатку вытопить. Тамъ тебѣ и тепленько, и уютненько будеть. Обѣдать сверху носить будутъ, а потомъ, можетъ, и поближе сойдемся. Да ты не нуди себя. Не все работай, и посиди. Я слышала, ты табакъ куришь?

— Курю, тетенька! да вы не безпокойтесь, у меня на табакъ деньги найдутся!

Ѳедось полѣзъ въ карманъ и вынулъ оттуда пригоршню мѣдныхъ и мелкихъ серебряныхъ монеть.

— Что-жь, можно изрѣдка и покурить, только будь остороженъ, мой другъ, не зарони! Ну, ступай, покуда, Христось съ тобой!

Съ тѣхъ поръ Ѳедось поселился внизу вмѣстѣ съ собакой Трезоркой, которую какъ-то необыкновенно быстро приучилъ къ себѣ. Горничныя со смѣхомъ разсказывали, что онъ съ собакой изъ одной посуды и пьетъ, и ѣсть, что онъ ее въ самое рыло цѣлуетъ, поноску носить выучилъ и т. д.

— И накурено же у него табачищемъ въ коморкѣ—не продохнешь! даже Трезорка чихаетъ,—говорили онѣ:—а нагажено, напавощено—страсть!

Съ своей стороны, онъ на помѣщенье не жаловался, а только пеняль на ѣду.

— Скажите тетенькѣ,—поручаль онъ горничнымъ:—мнѣ бы хлѣба да щецъ побольше, а разносоловъ не надобно.

Справедливость требуетъ сказать, что просьба его была уважена.

Вскорѣ онъ раздобылся гдѣ-то ружьемъ и другимъ охотничьимъ припасомъ и принесъ матушкѣ двѣ пары тетеревей.

— Ну, спасибо тебѣ, вотъ мы и съ жарковцемъ!—поблагодарила его матушка:—и сами поѣдимъ, и ты съ нами покушаешь. Эй, кто тамъ! снесите-ка повару одного тетерева, пускай сегодня въ обѣду зажарить, а прочихъ на погребъ отдайте... Спасибо, дружокъ!

Мы, дѣти, сильно заинтересовались Ѳедосомъ. Частенько бѣгалъ я черезъ дѣвичье крыльцо, безъ шапки, въ одной курткѣ, къ нему въ комнату, рискуя быть наказаннымъ. Но долго не рѣшался войти. Придешь, приотворишь дверь, заглянешь и опять убѣжишь. Но однажды онъ удержалъ меня.

— Ты чтѣ же ко мнѣ только заглядываешь, а не зайдешь? Небось, не укушу.

Я стоялъ передъ нимъ смущенный и безмолвствовалъ.

— Чтѣ всталъ? зайдѣ!—пригласилъ онъ:—посмотри, какого я коня тебѣ бѣрзаго вырѣзалъ! хотъ сто верстъ на немъ скачи—не упарится!

Онъ показаль мнѣ деревяннаго конька грубой работы, у котораго подъ животомъ вырѣзано было четырехугольное отверстіе, и по сторонамъ его фигурные столбики, долженствующіе изображать ноги. Потомъ позваль Трезорку и сталъ продѣлывать съ нимъ фокусы.

— Шершъ!—крикнулъ онъ, еидая въ уголь корку хлѣба.

Трезорка кинулся со всѣхъ ногъ, но, достигнувъ цѣли, не взялъ корки въ зубы, а остановился какъ вкопанный и поднялъ ногу.

— Это онъ стойку дѣлаеть. Хотъ два часа простоятъ, не двинется. Пиль, ашпортъ!—снова крикнулъ онъ.

Трезорка схватилъ корку и принесъ ее Ѳедосу.

— Теперь, давай ее сюда!—сказаль Ѳедось, отнимая корку и владя ее Трезоркѣ на носъ.—Слушай команду: азъ, буви, глаголь, добро...

Ѳедось отвернулся отъ Трезорки, какъ будто забылъ о немъ. Минуты двѣ онъ сидѣлъ молча, такъ что у Трезорки потоками полились слюни съ брыластыхъ губъ.

— Есть!—скомандоваль Ѳедось неожиданно.

Трезоръ мигомъ подкинулъ корку вверхъ и налету проглотилъ ее.

— Вот пёсь!—хвалился Федось: — необразованный былъ, даже лаять путемъ не умѣлъ, а я его грамотѣ выучилъ. На охоту со мной уже два раза ходилъ. Видѣлъ ты, сколько я глухарей твоей мамашѣ перетаскалъ?

— Они у насъ, братецъ, на погребѣ лежать.

— И будутъ лежать, пока не протухнуть. Это ужъ такой обычай у васъ.

— А вамъ, братецъ, весело здѣсь?

— Какое веселье! Живу и буду съ меня. Давеча молотилъ, теперь—отдыхаю. Апáтъ (по-башкирски: „ѣсть“) вотъ мало даютъ—это сѣверно. Ну, да теперь зима, а у насъ въ Башкири въ это время всѣ голодаютъ. Зимой хлѣбъ съ мякиной башкирь ѣстъ, да такъ отощаетъ, что страсть! А наступить весна, ожеребятся кобылы, начнетъ башкирь кумысъ пить—въ мѣсяцъ его такъ разнесетъ, и не узнаешь!

— Неужто... отъ кумыса?

— Да, кобылье молоко квашеное такъ называется...—Я и васъ бы научилъ, какъ его дѣлать, да вы, поди, брезговать будете. Скажете: кобылятина! А надо бы вамъ—видишь, ты испитой какой! И вамъ ѣсть плохо даютъ... Куда только она, маменька твоя, бережетъ! Добро бы деньги, а то... ѣду!

Онъ ощупалъ меня и продолжалъ:

— Кости да кожа! И погулять васъ не пускаютъ, все въ комнатахъ держать. Хочешь, я тебѣ лыжи сдѣлаю. Вотъ снѣгъ нападетъ, всѣ по очереди кататься будете.

— Да маменька... Братецъ, попросите маменьку!

— Послушаетъ она меня... держи карманъ! Однако, ступай, братъ, наверхъ — неравно хватятся!—Когда-нибудь въ праздникъ, послѣ обѣда, я самъ въ вамъ заберусь, повуда старики спать.

Словомъ сказать, чѣмъ дольше онъ жилъ, тѣмъ больше весь домъ привыкалъ къ нему. Дворня полюбила его, потому что онъ хоть и „баринъ“, а все равно, что свой братъ; матушка была довольна, потому что племянникъ оказался трезвый и работащій. Безпрерывно оказывался у него какой-нибудь новый талантъ: то лошадь подкуетъ на диво, то печку исправить, ежели дымить, то стекло въ окнѣ вставить. Сначала матушка боялась, чтобы нравственность въ дѣвичьей не испортилась, но и тутъ все обстояло благополучно. Отъ времени до времени онъ, однакожь, исчезалъ. Уйдетъ, и дня два-три его не видать. Тогда у матушки опять разыгрывалось воображеніе.

— Ну, помяните мое слово, что онъ бѣглый солдатъ!— ежеминутно безпобоилась она.

Надо сказать, что она, тотчас послѣ пріѣзда Федоса, написала къ белебеевскому предводителю дворянства письмо, въ которомъ спрашивала, дѣйствительно ли имъ былъ выданъ видъ Федосу Половникову; но прошло уже болѣе полутора мѣсяца, а отвѣта получено не было. Молчаніе это служило источникомъ великихъ тревогъ, которыя, при всякомъ случаѣ, возобновлялись.

— Гдѣ побывалъ?—спрашивала она, когда Федосъ возвращался изъ своихъ временныхъ отлучекъ.

— Мужичокъ тутъ одинъ, верстахъ въ десяти, помочь помолотить просилъ.

— Мужичокъ? не бабочка ли?

— А можетъ, и бабочка. Всѣ нынче, и мужики, и бабы, по холодку въ полушубкахъ ходятъ—не разберешь!

Матушѣ становилось досадно. Все-жъ таки родной—могъ бы и своимъ послужить! Чего ему! и теплѣхонько, и сытѣхонько здѣсь... кажется, на что лучше! А онъ, на-тко, пошелъ, за десять верстъ, къ чужому мужику на помощь!

Но Федосъ, сдѣлавши экскурсію, засаживался дома, и досада проходила. Къ тому же, и изъ Белебея бумага пришла, изъ которой было видно, что Федосъ есть дѣйствительный заправскій Федосъ, тетеньки Поликсены Порфирьевны сынъ, такъ что и съ этой стороны сомнѣнія не было.

Замѣчательно, что среди общихъ симпатій, которыя стяжалъ къ себѣ Половниковъ, одинъ отецъ относился къ нему не только равнодушно, но почти гадливо. Случайно встрѣчаясь съ нимъ, Федосъ обыкновенно подходилъ къ нему „къ ручкѣ“, но отецъ проворно пряталъ руки за спину и холодно произносилъ:—„ну, будь здоровъ! проходи, проходи!“—Заочно, онъ называлъ его не иначе, какъ „кобылятникомъ“, увѣрялъ, что онъ поганый, потому что сырое кобылье мясо жреть, и нетерпѣливо спрашивалъ матушку:

— Долго ли этотъ кобылятникъ нашъ домъ поганить будетъ? Посуду-то, посуду-то послѣ него на столъ подавать не смѣйте! Вѣдь онъ, поганецъ, съ собакой изъ одной чашки ѣстъ!

Можетъ быть, благодаря этому инстинктивному отвращенію отца, предположенію о томъ, чтобы Федосъ, отъ времени до времени, приходилъ обѣдать наверхъ, не суждено было осуществиться. Но къ вечернему чаю его изрѣдка приглашали. Онъ приходилъ въ томъ же видѣ, какъ и въ первое свое появленіе въ Малиновцѣ, только рубашку надѣвалъ чистую. Обращался онъ исключительно къ матушкѣ.

— Вотъ бы вамъ, тетушка, въ нашу сторону перебраться, да тамъ бы усадьбу выстроить,—соблазнялъ онъ.

— А что?

— Земля у насъ черная-черная, на сажень глубины. Какъ подымутъ цѣлину, такъ даже лоснятся. Лѣсъ—дубовый, рѣвъ много, а по берегамъ все луга поемные—трава въ какая растетъ, словно тростникъ тучная!

— Манна съ неба не падаетъ ли?

— Нѣтъ, я вѣрно говорю, не хвастаюсь. Именно на рѣдкость земля въ нашей сторонѣ.

— Кто же на ней живетъ? помѣщики, что ли?

— Нѣтъ, башкиры. Башкиро-мещерацкое войско такое есть;—какъ завладѣли спервоначалу землей, такъ и теперь она считается ихняя. Границъ нѣтъ, межеванья отроду не бывало; сколько глазомъ ни окинешь—все башкирамъ принадлежитъ. Въ послѣднее, впрочемъ, время, и помѣщики, которые поумнѣе, заглядывать въ ту сторону стали. Сколько ужъ участковъ къ нимъ отошло; поселятъ крестьянъ, да хозяйство и разводять.

— Вѣдь землю-то, чай, купить надо?

— Самые пустыя стоятъ. Кантонному начальнику по гри-веннику за десятину заплатитъ, да обществу, за приговоръ, ве-деръ десять водки выпить—сколько угодно отмѣряютъ!

— Ахъ, прахъ побори, да и совсѣмъ!

Матушка даже повернулась на стулѣ при одной мысли, какъ бы оно хорошо вышло. Нѣкоторое время она молчала; вѣроятно, въ головѣ ея уже роились мечты. Купить земли—да побольше—да крестьянъ безъ земли на свозъ душъ пятьсотъ, тоже недорого, отъ сорока до пятидесяти рублей за душу, да и поселить ихъ тамъ. Земля-то новая—сколько она приплода дастъ! Лошадей развести, овецъ...

— У насъ отъ однѣхъ лошадей хорошей доходъ получить можно,—продолжалъ соблазнять Федось:—содержаніе-то ихъ почти ничего не стоитъ,—и зиму, и лѣто въ степи; зимой изъ подъ снѣга кормъ добываютъ... А въ Мензелинскѣ, между прочимъ, ярмарка бываетъ: издалека туда приѣзжаютъ, хорошія цѣны даютъ. Опять овчины, шерсть...

— Да замолчи ты, сдѣлай милость!

— Какъ угодно, а я бы вамъ это дѣло чудесно подстроилъ.

Но матушка отрезвлялась такъ же быстро, какъ и увлеклась.

Мечты разсѣялись, и черезъ нѣсколько минутъ она уже всецѣло принадлежала дѣйствительности.

— Нѣтъ, голубчикъ,—сказала она:—намъ отъ своего мѣста бѣжать не приходится. Тамъ дѣло наладишь—здѣсь въ упадокъ придетъ; здѣсь будешь хозяйствовать—тамъ толку не добьешься.

Нѣтъ ничего хуже какъ заглазно распоряжаться, а переѣзжать съ мѣста на мѣсто этуваю махинуцу версть—и денегъ не напасешься.

Однако, во всякомъ случаѣ, разсказъ Ѳедоса настолько заинтересовалъ матушку, что она и потомъ, при всякомъ новомъ свиданіи съ нимъ, говорила:

— А ну-ка, разскажи про сторону про свою, разскажи!

Повторяю: Ѳедосъ настолько пришелся по нраву матушкѣ, что она ему даже сувонный казакинъ и шаравары приказала шить.

— Нехорошо все въ рубашкѣ ходить; вотъ и тѣло у тебя черезъ прорѣху видно,—сказала она:—гости могутъ пріѣхать—осудятъ, скажутъ: племянника родного въ посконной рубахѣ водить. А кромѣ того, и въ церковь въ праздникъ выйти... Все же въ казакинчикѣ лучше.

Ѳедосъ не противорѣчилъ и надѣлъ казакинъ, хотя и неохотно. Мнѣ, впрочемъ, и самому повазалось, что рубашка шла ему больше къ лицу.

— Скажи, Христа-ради, зачѣмъ ты свое мѣсто бросилъ? — добивалась иногда отъ него матушка.

— Да такъ... и не у чего, да и не все же на одномъ мѣстѣ сидѣть; захотѣлось и на людей посмотреть.

— Все же надо себя къ одному какому-нибудь мѣсту опредѣлить. Положимъ, теперь ты у насъ пріютился, да вѣдь не станешь же ты здѣсь вѣкъ вѣковать. Вотъ мы по зимамъ въ Москвѣ собираемся жить. Домъ топить не будемъ, ставни заколотимъ — съ кѣмъ ты тутъ останешься?

— Уйду!

— Да куда ты уйдешь, непутѣвый ты человѣкъ?!

— Паспортъ у меня есть, свѣтъ не клиномъ сошелся. Уйду.

— Заладилъ одно: уйду да уйду. Пить, ѣсть надо. Вотъ о чемъ говорить:

— Найду. Безъ ѣды не останусь.

— Въ приказчики, что ли, нанялся бы. Ты сельскія работы знаешь,—это нечего говорить, положиться на тебя можно. Любой помѣщикъ съ удовольствіемъ возьметъ.

— Не по рылу мнѣ съ помѣщиками возжаться.

Словомъ сказать, на всѣ подобные вопросы Ѳедосъ возражалъ загадочно, что приводило матушку въ немалое смущеніе. Иногда ей представлялось: да не бунтовщикъ ли онъ? Хотя въ то время не только о нигилистахъ, но и о чиновникахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ (впослѣдствіи ихъ называли помѣщики „эмиссарами Пугачева“) не было слышно.

„И не разберешь его, что за человек такой!“ думалось ей: „бродить без надобности: взял да и пошел—развѣ между людьми такъ водится? Навѣрное, заразу какую-нибудь разносить!“

По этому случаю она позвала на совѣтъ даже старосту Федота.

— Что? какъ у насъ? все благополучно?—спросила матушка.

— Все, кажется, слава Богу, — отвѣтилъ Федотъ, втайнѣ, однакожь, недоумѣвая, не случилось ли чего-нибудь, о чемъ матушка узнала прежде него.

— Что мнешься! Федось какъ?

— Ничего, сударыня, и Федось Ниволанчъ... Только чудо это! баринъ, а какъ себя безповоитъ!

— Ну, и пускай безповоится—это его дѣло. Не шушукается ли онъ—вотъ я о чемъ говорю.

— Съ кѣмъ, сударыня, у насъ шушукаться!.. Нѣтъ, слава Богу, кажется, ничего!

— То-то „ничего“! ты у меня смотри! Ты первый будешь въ отвѣтъ, ежели что случится!

Послѣ этого совѣщанія матушка окончательно успокоилась, и становилась все болѣе и болѣе благосклонною къ Федосу. Однажды даже предложила ему гривенничекъ.

— Вотъ тебѣ гривенничекъ!—сказала она:—это на табакъ. Когда свой выйдетъ, купи свѣженькаго.

Но Федось отказался.

— Благодарю покорно, — отвѣтилъ онъ:—я на той недѣлѣ у мужичка три дня проработалъ, такъ онъ полтинникъ далъ. Цѣлый запасъ у меня теперь табаку, надолго станетъ.

— Полтинникъ! вотъ какъ! Ну, и слава Богу, что добрые люди не оставляютъ тебя.

Матушка слегка обидѣлась; ей показалось, что въ словахъ Федоса заключается темный намекъ на ея скупость.

— „Полтинникъ! Это чтобъ я полтинникъ ему дала—за что, про что!—думалось ей:—на васъ, бродягъ, не напасешься полтинниковъ-то! Сытъ, одѣтъ, чего еще нужно!“

Въ одно изъ воскресеній Федось исполнилъ свое обѣщаніе и забрался послѣ обѣда къ намъ, дѣтямъ. И отецъ, и мать отдыхали въ спальняхъ. Мы чуть слышно расхаживали по большой залѣ и говорили попотомъ, боясь разбудить гувернантку, которая сидѣла въ углу въ креслахъ и тоже дремала.

— Вотъ и я, братцы, къ вамъ пришелъ!—привѣтствовалъ онъ насъ:—а вы все въ клѣткѣ да въ клѣткѣ, словно острожные, сидите... Эхъ, голубчики, плохо ваше дѣло! Что носы повѣсили? давайте играть!

Мы молча указали на гувернантку.

— Ничего, пускай вѣдьма проснется! а станеть разговаривать, мы ей ротъ зажемемъ! Во чтѣ же мы играть будемъ? въ лошадеи? Ну, быть такъ! Только я, братцы, по-дворянски не умѣю, а по-крестьянски научу васъ играть. Вотъ вамъ веревки.

Онъ вынулъ изъ кармана два пучка веревокъ и сталъ ихъ развязывать.

— Я по-дворянски ничего не умѣю дѣлать—сердце не лежить!—говорилъ онъ:—то ли дѣло къ мужичку придешь... „Здравствуйте“—Здравствуй!— „А какъ тебя величать?“—Еремой.— „Ну, будь здоровъ, Ерема!“—Точно вѣкъ вмѣстѣ жили! Станешь къ нему на работу—и онъ рядомъ съ тобой, и носить, и молотить, всякую работу сообща дѣлаеть; сядешь обѣдать—и онъ тутъ же; тѣ же щи, тотъ же хлѣбъ... Да вы, поди, и не знаете, каковой такой мужикъ есть... такъ, думаете, скотина! Анъ нѣтъ, братцы, онъ не скотина! помните это: человекъ онъ! У Бога есть книга такая, такъ мужикъ въ ней страсотерпцемъ записанъ... Давайте же по-крестьянски въ лошади играть. Вотъ я, мужикъ, вышелъ въ поле лошадей ловить, вотъ у меня и кормушка съ овсомъ въ рукахъ (онъ устроилъ изъ подола рубашки подобіе кормушки)—а вы, лошади, во стадѣ пасетесь. Бѣгите отъ меня теперь, а я къ вамъ подходить стану... Сначала вы не поддавайтесь. Въ боѣ шарахайтесь; шарахнитесь—и остановитесь... А потомъ какъ я съ кормушкой поближе встану, вы помаленьку на овесъ и подходите... Овесъ-то, братцы, лакомъ; когда-когда его мужичій коняга видить!

Мы пустились вскачь въ уголь, Оедось за нами. Поднялся визгъ, гвалтъ; гувернантка вскочила какъ встрепанная и смотрѣла во всѣ глаза.

— Чтѣ такое! чтѣ такое!—кричала она:—Дѣти! по мѣстамъ, сію минуту! Негг Оедось! какъ вы здѣсь находитесь?

— По щучьему велѣнью, по моему хотѣнью... Ахъ, Марья Андреевна! красавица! позвольте остаться, съ дѣтьми поиграть!

Слово „красавица“ и смиренный видъ, который принялъ Оедось, видимо смягчили Марью Андреевну.

— Это не я... но Анна Павловна...

— Чтѣ Анна Павловна! Анна Павловна теперь сны веселые видить... Красавица! хотите, я для васъ колесомъ черезъ всю залу пройдуся?

И прошелся.

— Хотите въ присядку спляшу?

И сплясалъ, да такъ сплясалъ, что суровая Марья Андреевна за бока держалась отъ смѣха и прерывисто всхлипывала:

— О, Негг Ѳедось! Негг Ѳедось!

Наконецъ, вызвался басомъ октаву взять, и дѣйствительно загудѣлъ такъ, словно у него разомъ всѣ мокроты поднялись и въ горлѣ заклокотали.

— О, Негг Ѳедось! Негг Ѳедось!—заливалась Марья Андреевна.

Затѣмъ мы возобновили игру въ лошади. И пахали, и борошили, и представляли, какъ подвода парой везеть засѣдателя... Шумъ поднялся такой, что, наконецъ, матушка проснулась и застигла насъ врасплохъ.

— Это чтò такое! сейчасъ по мѣстамъ!—послышался въ дверяхъ грозный окрикъ.

Ну, и была же у насъ тутъ исторія!..

Прошла масляница, молитба кончилась, наступилъ пблный отдыхъ. Жалко зазвенѣлъ нашъ девятипудовой колоколь, вызывавая говѣльщиковъ.

Батюшка съ тетеньками-сестрицами каждый день ѣздили въ церковь, готовясь къ причастію. Только сѣбныя дѣвушки продолжали работать, такъ что Ѳедось не выдержалъ и сказалъ одной изъ нихъ:

— Посмотрю я на васъ—настоящая у васъ каторга! И первую недѣлю поста отдохнуть не дадутъ.

Разумѣется, слова эти были переданы матушкѣ и возбудили цѣлую бурю.

— Такъ и есть! Такъ я и знала, что онъ бунтовщикъ!—сказала она и, призвавъ Ѳедоса, прикрикнула на него:—Ты что давеча Аришкѣ про каторгу говорилъ? Хочешь я тебя, какъ бунтовщика, въ земскій судъ представлю!

— Представьте!—отвѣчалъ онъ безучастно.

— То-то „представьте“! Тамъ не посмотреть на то, что ты баринъ—такъ-то отшпарять, что люба съ два! Племянничекъ напелся!.. Милости просимъ! Ты бы чѣмъ бунтовать, лучше бы въ церковь ходилъ да Богу молился.

Этому совѣту Ѳедось послѣдовалъ, и на второй недѣлѣ очень прилежно говѣлъ.

Наступила ростепель. Весна была ранняя, а Святая—поздняя, въ половинѣ апрѣля. Солнце грѣло по весеннему; на дорогахъ появились лужи; вершины пригорьвовъ стали обнажаться; наконецъ, прилетѣли скворцы и населили на конномъ дворѣ всѣ скворешницы. И въ домѣ сдѣлалось свѣтлѣе и веселѣе, словно и въ

законопаченныя кругомъ комнаты заглянула весна. Такъ бы, кажется, и улетѣлъ далеко-далеко на волю!

Федось становился задумчивъ. Со времени объясненія, по поводу „каторги“, онъ замолчалъ. Нѣсколько разъ матушка, у которой сердце было отходчиво, посылала звать его чай пить, но онъ приказывалъ отвѣчать, что ему „мочи нѣтъ“, и не приходилъ.

— Ну, ежели гнѣваться на меня изволить, пускай куется! — сердилась матушка: — была бы честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ!

Впрочемъ, въ Свѣтлый праздникъ, у заутрени онъ честь-честью похристосовался со всѣми, а послѣ поздней обѣдни даже разговѣлся вмѣстѣ съ нами.

Къ концу апрѣля поля уже настолько обсохли, что въ ярвомахъ показались первыя сохи. Съ дорогъ тоже мало-по-малу слила вода.

Матушка надѣялась, что Федось въ первой сохѣ выѣдетъ въ поле, а ей, напротивъ, совершенно неожиданно доложили, что онъ ночью исчезъ и пожитки свои унесъ, только казакинъ оставилъ.

— Чай, мужичокъ какой-нибудь на помощь попахать зазвалъ! — негодовала матушка: — вотъ ужъ воротится, я ему отпою!

Но прошло три дня, прошла недѣля, другая — Федось не возвращался.

Федось исчезъ, исчезъ безъ слѣда, безъ признака; словно дымъ растаялъ.

Выѣлъ ли онъ кому очи? или такъ, бесплодно скитаясь по свѣту, потонулъ въ воздушной пучинѣ?

XII.—Повѣдки въ Москву.

Повѣдки эти я подраздѣляю на лѣтнія и зимнія, потому что и тѣ, и другія оставили во мнѣ различныя впечатлѣнія. Первыя были пріятны; послѣднія ничего, кромѣ скуки и утомленія, не представляли.

Лѣтомъ, до поступленія въ казенное заведеніе, я совсѣмъ въ Москвѣ не бывалъ, но, чтобы не возвращаться къ этому предмету, забѣгу нѣсколько впередъ и расскажу мою первую повѣдку въ „сердце Россіи“, для опредѣленія въ шестиклассный дворянскій институтъ, только-что переименованный изъ университетскаго пансіона.

Это было въ началѣ августа, и матушка сама собралась вмѣстѣ со мною. Вообще, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, она надѣялась только на собственную находчивость. Институтское начальство ей было знакомо, такъ какъ всѣ мои старшіе братья воспитывались въ университетскомъ пансіонѣ; поэтому ей думалось, что ежели я и окажусь въ какомъ-нибудь предметѣ послабѣе, то, при помощи ея просьбъ, во мнѣ будутъ снисходительны. Сверхъ того, она была увѣрена, что если будетъ лично присутствовать при экзаменѣ (а это допускалось), то и я не посмѣю отвѣчать худо...

Стоялъ прекрасный, полуосенній августовскій день. Я всталъ спозаранку и цѣлое утро пробѣгалъ по саду, прощаясь со всѣми уголками и по временамъ опускаясь на колѣни, цѣлуя землю. Была ли это дѣйствительная, искренняя экзальтація, или только напускное подражаніе какому-нибудь примѣрамъ, вычитаннымъ изъ случайно попадавшихъ подъ руку книжекъ—рѣшить не берусь. Скорѣе, впрочемъ, склоняюсь въ пользу послѣдняго предположенія, потому что не помню, чтобъ во мнѣ происходило въ то время какое-нибудь душевное движеніе. Впослѣдствіи то же самое явленіе не разъ повторялось, когда я, уже продолжая воспитаніе въ Петербургѣ, ѣзжалъ домой на каникулы. Обыкновенно стоваривалось три-четыре воспитанника изъ москвичей; всѣ вмѣстѣ брали мѣста въ одномъ и томъ же дилижансѣ, и всегда приказывали остановиться, не доѣзжая Всесвятскаго, на горѣ, съ которой открывался видъ на Москву. Мы выѣзжали изъ экипажа, становились на колѣни и цѣловали землю...

Мы выѣхали изъ Малиновца около часа пополудни. До Москвы считалось сто-тридцать-пять верстъ (зимній путь сокращался верстъ на пятнадцать), и такъ какъ путешествіе, по обыкновенію, совершалось „на своихъ“, то предстояло провести въ дорогѣ не меньше двухъ дней съ половиной. До первой станціи (Гришково) тридцать верстъ, надо было доѣхать засвѣтло.

Я уже въ самомъ началѣ этой хроники описалъ мѣстность, окружающую Малиновець. Невеселое было это мѣсто, даже мрачное; но все-таки, когда мы проѣхали нѣсколько верстъ, мнѣ показалось, что я вырвался изъ заключенія на просторъ. Ядренный воздухъ, напоенный запахомъ хвойныхъ деревьевъ, охватывалъ со всѣхъ сторонъ; дышалось легко и свободно; коляска на старинныхъ круглыхъ рессорахъ тихо укачивала. Ѣхали легкой рысцой, не больше шести верстъ въ часъ, и при каждой гати, при каждой песчаной полосѣ пускали лошадей шагомъ. Отъ времени до времени, Кононъ-лакей соскакивалъ съ козелъ, шель пѣшкомъ за коляской, собиралъ бѣлые грибы, которые по обѣимъ сторо-

намъ дороги росли во множествѣ. Матушка дремала; Агаша, ея неизмѣнная спутница, сидя противъ меня, тоже клевала носомъ. Передъ матушкой, на свободномъ мѣстѣ передней скамейки, стояло большое лукошко, наполненное большими поздними персиками (венусами), которые были переложены смородиннымъ и липовымъ листомъ. Они предназначались въ подарокъ дѣдушкѣ.

— Ты что не спишь? — спрашивала меня матушка, просыпаясь: — Агашка! ты хоть бы на волѣни лукошко-то взяла... ишь его раскачиваетъ!

— Да оно, сударыня, веревками къ козламъ привязано.

— Наказаніе съ этими персиками! Привезешь — скажутъ: кисель привезла! не привезешь — зачѣмъ не привезла?

— Да вы бы, маменька, въ Москвѣ купили, — догадался я.

— Это по два-то рубля за десятокъ платить! На-тко!.. Алемпій! много ли до дубровы осталось?

— Да верстъ съ пятокъ еще будетъ.

— Пошевеливалъ бы ты, что ли. Часа ужъ два, поди, ѣдемъ, а все конца краю лѣсу нѣтъ!

— Вотъ сейчасъ выѣдемъ, — ужъ видко! потомъ веселѣе — въ гору пойдетъ.

— Ахъ, что-то будетъ! что-то будетъ? выдержишь ли ты? — обращалась матушка снова ко мнѣ: — смотри ты у меня, не осрамись!

— Постараюсь, маменька.

Отъ меня матушка опять обращалась къ лукошку и приподнимала верхній пластъ листьевъ.

— Ничего, сверху еще хороши. Ты, Агашка, смотри: какъ приѣдемъ въ Гришково, сейчасъ же персики перебери!

Я и самъ съ нетерпѣніемъ ждалъ дубровы, потому что оттуда шла повѣртка на большую дорогу. Скоро мы выѣхали изъ лѣса, и дорога пошла полями, въ гору. Вдали видѣлась дуброва, или, попросту, чистая березовая роща, разстилавшаяся на значительное пространство. Вся она была охвачена золотомъ солнечныхъ лучей и, колеблемая вѣтромъ, шевелилась, какъ живая. Алемпій свистнулъ, лошади побѣжали крупною рысью и минутъ черезъ двадцать домчали насъ до дубровы. Рядомъ съ нею, сквозь деревья, видѣлась низина, по которой была проложена столбовая дорога.

— Вотъ когда сущее мученье начнется! — молвилъ Алемпій, доѣхавъ до повѣртки и осторожно спуская экипажъ по косогору. — Кононы! иди впередъ, смотри, всѣ ли мостовины-то цѣлы!

Да, это было мученье. Мостовникъ, только изрѣдка пересѣкаемый небольшими полосами грунтовой дороги, тянулся болѣе

шести верстъ. Мостовины по срединѣ сгнили и образовали выбоины, въ которыя смаху ударились колеса экипажа. Случалось, что пристяжная ступала на одинъ конецъ плохо утвержденной мостовины и тяжестью своею приподнимала другой конецъ. По обѣимъ сторонамъ разстиралось топкое вочковатое болото, по которому изрѣдка разсѣяны были кривыя и низкорослыя деревца; по мѣстамъ болото превращалось въ ржавыя бочаги, покрытыя крупной осовой, бѣлыми водяными лиліями и еще какимъ-то растеніемъ съ бѣлыми головками, пушистыми какъ хлопчатая бумага. Матушка держалась за край дверцы и шептала:

— Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Помяни, Господи... Тише! тише! Куда, сломя голову, скачешь! Агашка! да держи же персики! ахъ, чтобъ тебя! Помяни, Господи...

Агашка обѣими руками держалась то за дверцу, то за лукошко; меня подбрасывало такъ, что я серьезно опасался быть вышвырнутымъ изъ экипажа.

Пріѣхали мы въ Гришково, когда ужъ солнце закатывалось, и остановились у стараго Кузьмы, о которомъ я еще прежде отъ матушки слыхивалъ, какъ объ умномъ и честномъ старикѣ. Собственно говоря, онъ не держалъ постоялаго двора, а была у него изба чуть-чуть просторнѣе обыкновенной крестьянской, да особо отъ нея, черезъ сѣнцы, была пристроена стряпущая. Вообще, помѣщеніе было не особенно пріютное, но помѣщики нашего околотка, проѣзжая въ Москву, всегда останавливались у Кузьмы и любили его.

Я познакомился съ нимъ, когда ужъ ему подходило подвосьмьдесятъ. Это былъ худой, совершенно лысый и недужный старикъ, который ходилъ сгорбившись и упираясь руками въ колѣни; но за всѣмъ тѣмъ онъ продолжалъ единолично распоряжаться въ домѣ и держалъ многочисленную семью въ большой дисциплинѣ. Хозяйство у него было исправное; дворъ крытый, обширный, пропитанный запахомъ навоза. Вырѣзанное по срединѣ двора отверстіе служило единственнымъ источникомъ свѣта и свѣжаго воздуха, такъ что съ боковъ было совсѣмъ темно. На каждомъ шагу встрѣчались клѣтушки со всякимъ крестьянскимъ добромъ и закуты, куда, зимою на цѣлый день, а лѣтомъ на ночь, запирались домашній скоть.

Онъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа одну руку надъ глазами и стараясь разсмотрѣть, кого Богъ послалъ.

— Здоровъ ли, старикъ?—привѣтствовала его матушка.

— Никакъ Анна Павловна! Милости просимъ, сударыня! Ты-то здорова ли, а мое какое здоровье! знобить всего, на печкѣ лежу.

Похожу-похожу по двору, на улицу загляну, и опять на печь лягу. А я тебя словно чуюль, и дѣло до тебя есть. Въ Москву, что ли, собрались?

— Въ Москву ѣду, сына въ ученье везу.

— Въ ученье! ну, дай ему Богъ! Ужъ втораго ты въ ученье отдаешь, пошли тебѣ Царица Небесная! И дочекъ, и сыновъ— всѣхъ въ дѣлу пристроила!

И, обратившись ко мнѣ, онъ погладилъ меня по головѣ и прибавилъ:

— Потѣшь, милый, маменьку, учись! Вотъ она какъ о васъ старается! И наукамъ учить, и имѣнья для васъ припасаетъ. Сама не допеть, не доѣсть—все для васъ да для васъ! Чай, не мало денегъ на дѣтокъ въ годъ-то, сударыня, истрасешь?

— И не говори!

Какъ только мы добрались до горницы, такъ сейчасъ же началась повѣрка персиковъ. Оказалось, что нижній рядъ ужъ настолько побить, что пустилъ сокъ. Матюшка пожертвовала одинъ персикъ мнѣ, а остальные разложила на доскѣ и накрыла полотенцемъ отъ мухъ.

— За сыномъ роднымъ столько уходу нѣтъ, сколько за ними! — сказала она въ сердцахъ: —возьму да вышвырну все за окошко!

Когда мы сидѣли за чаемъ, къ намъ опять пришелъ Кузьма.

— А я хочу съ тобой, сударыня, про одно дѣло поговорить,—началъ онъ, садясь на лавку.

— Говори!

— Имѣніе здѣсь, въ пятнадцать верстахъ, продается. Большачиха-барыня (Большакова) продаетъ... Ахъ, хорошо имѣніе!

— Не къ рукамъ мнѣ, старикъ.

— Отчего не къ рукамъ! Отъ Малиновца и пятидесяти верстъ не будетъ. А имѣніе-то какое! Триста душъ, земли довольно, лѣсу одного больше пятьсотъ десятинъ; опять рѣка, пойма, мельница водяная... Домъ господскій, всякое заведеніе, сады, ранжереи...

— Ну, вотъ видишь: и тутъ заведеніе, и въ Малиновцѣ заведеніе... И тутъ запашка, и тамъ запашка... А ихъ вѣдь надо поддерживать! Жить тутъ придется.

— Такъ-то такъ, да имѣнье-то больно ужъ хорошо.

— А что барыня просить?

— По шестисотъ (ассигнаціями) за душу думаетъ взять, а за полтысячи отдастъ.

— Вотъ и это. Полторасти тысячъ—шутка ли это мѣсто денегъ отдать! Положимъ, однако, что съ деньгами оборотъ еще можно сдѣлать, а главное, не къ рукамъ мнѣ. Нужно сначала

около себя округлить; я въ Заболотѣ-то еще словно на тычѣ живу. Куда ни выйдешь, все на чужую землю ступишь.

— Извѣстно, тебѣ виднѣе. Умна ты, сударыня; вся округа ваша не надивуется, какъ ты себя хорошо устроишь съумѣла!

— Погоди еще говорить! рано пташечка заплѣла, какъ бы кошечка не съѣла.

— Тебя не съѣсть, у тебя надежда хорошая. Хорошо ты одумала, что мужичкомъ занялась. Крестьянинъ— онъ не выдастъ. Хоть изъ-подъ земли, да на оброкъ денегъ достанетъ. За крестьянами-то у тебя все равно, что въ ламбартѣ денежки лежать.

— Ну, тоже со всячинкой. Нѣтъ, не въ рукамъ мнѣ твое имѣнье. Куплю ли, нѣтъ ли—въ другомъ мѣстѣ. Однако, прощай, старикъ! завтра чуть свѣтъ вставать надо.

На этомъ разговоръ кончился. Матушка легла спать въ горницѣ, а меня услала въ боляску, гдѣ я крѣпко проспалъ до утра, несмотря на острый запахъ конскаго помета, и на то, что въ самую полночь, гремя бубенцами, во дворъ съ грохотомъ въѣхалъ цѣлый извозчикій обозъ.

Когда меня разбудили, лошади уже были запряжены, и мы тотчасъ же выѣхали. Солнце еще не взошло, но въ деревнѣ царствовало суетливое движеніе, въ которомъ преимущественно принимало участіе женское населеніе. Свѣжій, почти холодный воздухъ, насыщенный гарью и дымомъ отъ топящихся печей, насквозь прохватывалъ меня со сна. На деревенской улицѣ стоялъ столбъ пыли отъ прогонявшагося стада.

Хотя я до тѣхъ поръ не выѣзжалъ изъ деревни, но, собственно говоря, жилъ не въ деревнѣ, а въ усадьбѣ, и потому казалось бы, что картина пробужденія деревни, никогда мною не видѣнная, должна была бы заинтересовать меня. Тѣмъ не менѣе, не могу не сознаться, что на первый разъ она встрѣтила меня совсѣмъ безучастнымъ. Вѣроятно, это лежить уже въ самой природѣ человѣка, что сразу овладѣваютъ его вниманіемъ и быстро запечатлѣваются въ памяти только яркія и пестрыя картины. Здѣсь же все было сѣро и одноцвѣтно. Нужно частое повтореніе подобныхъ сѣрыхъ картинъ, чтобы подѣйствовать на человѣка путемъ, такъ сказать, духовной ассимиляціи. Когда сѣрое небо, сѣрая даль, сѣрая окрестность настолько приглядятся человѣку, что онъ почувствуетъ себя со всѣхъ сторонъ охваченнымъ ими, только тогда они всецѣло завладѣютъ его мыслью и найдутъ прочный доступъ къ его сердцу. Яркія картины потонуть въ изгибахъ памяти, сѣрыя—сдѣлаются вѣчно присущими, исполненными живого интереса, достолюбезными. Весь этотъ процессъ

ассимиляціи я незамѣтно пережилъ впоследствии, но повторяю: съ перваго раза деревня, въ ея будничномъ видѣ, прошла мимо меня, не произведя никакого впечатлѣнія.

Главная остановка намъ предстояла въ Сергіевскомъ посадѣ, гдѣ я тоже до тѣхъ поръ не бывалъ. Посадъ стоялъ какъ разъ на половинѣ дороги, и матушка всегда оставалась тамъ дольше, нежели на другихъ привалахъ. Теперь она спѣшила туда къ вечернѣ. Она не была особенно богомольна, но любила торжественность монастырской службы, великолѣпіе облачений, и въ особенности согласное, нѣсколько заунывное пѣніе, которымъ отличался монастырскій хоръ. Я тоже, съ своей стороны, горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть знаменитую обитель, о которой у насъ чуть не ежедневно упоминали въ разговорахъ. По словамъ матушки, которая часто говорила: „вотъ уйду къ Троицѣ, выстрою себѣ домичекъ“ и т. д.,—монастырь и окружающій его посадъ представлялись мнѣ мѣстомъ успокоенія, куда не проникаютъ ни нужда, ни болѣзнь, ни скорбь, гдѣ человѣкъ, освобожденный отъ житейскихъ заботъ, сосредоточивается—разумѣется, въ хорошенькомъ домикѣ, выращенномъ въ свѣтлосѣрую краску и весело смотрящемъ на улицу своими тремя окнами—исключительно въ самомъ себѣ, въ сознаніи блаженнаго безмятежія...

Мы не доѣхали трехъ верстъ до посада, какъ уже разнесся ударъ монастырскаго колокола, призывавшій къ вечернѣ. Звуки доносились до насъ глухо, точно трескъ, и не больше какъ черезъ пять минутъ изъ одиночныхъ ударовъ перешли въ трезвонъ.

— Говорила, что опоздаемъ!—пеняла матушка кучеру, но тутъ же прибавила:— ну, да къ вечернѣ не бѣда если и не попадемъ. Поди, и монахи-то на валу гуляютъ, только развѣ кто по усердію... Напьемся на постояломъ чайку, почистимся—къ шести часамъ какъ разъ къ всенощной поспѣемъ!

Но еще далеко до шести часовъ мы уже были внутри монастырской ограды. Дорога, которая вела отъ монастырскихъ воротъ къ церкви, была пустынна. Это была широкая аллея, съ обѣихъ сторонъ обсаженная громадными липами, изъ-за стволовъ которыхъ выглядывали разныя монастырскія постройки: академія, крохотныя церкви, съ лежащими въ нихъ подъ спудомъ мощами, колодцы съ цѣлебной водой, и т. д. По мѣстамъ, встрѣчались надгробные памятники, а на половинѣ дороги аллея прервалась, и мы увидѣли большой успенскій соборъ. Но, по мѣрѣ того, какъ время приближалось къ всенощной, аллея наполнялась нищими и калѣками, которые усаживались по обѣимъ сторонамъ съ тарелками и чашками въ рукахъ и тоскливо голосили. Никогда я

не видѣлъ столько физическихъ уродствъ, столько выставленныхъ наружу гноящихся язвъ, какъ здѣсь. Я былъ до такой степени ошеломленъ и этимъ зрѣлищемъ, и нестройнымъ хоромъ старческихъ голосовъ, что бѣгомъ устремился впередъ, такъ что матушка, державшая въ рукахъ небольшой мѣшокъ съ мѣдными деньгами, предназначенными для раздачи милостыни, едва успѣла догнать меня.

— Ты что бѣлены объѣлся, ускавалъ!—выговаривала она мнѣ:—я и милостыню раздать не успѣла... Ну, да и то сказать, Христось съ ними! Не напасешься на нихъ, дармоѣдовъ.

Она перекрестилась и спрятала мѣшочекъ въ большой ридикюль.

Въ ожиданіи всенощной, мы успѣли перебивать вездѣ, и въ церквушкахъ, гдѣ всѣмъ мощамъ поклонились (причемъ матушка, уходя, клала на тарелку самую мелкую монету и спѣшила скорѣе отрестироваться), и въ просвирной, гдѣ накупили просвиръ и сдѣлали на исподней корбѣ послѣднихъ именныя заздравныя надписи, и на валу (такъ назывался бульваръ, окружавшій монастырскую стѣну). Тамъ мы встрѣтили щеголеватыхъ монаховъ, въ шольвовыхъ рясахъ и съ разноцвѣтными четками, которыя они торопливо перебирали. Монахи были, болѣею частью, молодые, красивые, видные и, казалось, полные сознаниемъ довольства, среди котораго они жили. Агаша, которая сопровождала насъ, даже замѣтила:

— Ишь раскормили! одинъ въ одному!

— Что имъ дѣлается! пьютъ да ѣдятъ, ѣдятъ да пьютъ! Ко всенощной да къ обѣднѣ сходить—вотъ и вся обуза!—присовокупила, съ своей стороны, матушка.

Намѣстникомъ въ то время былъ молодой, красивый и щеголеватый архимандритъ. Говорили о немъ, что онъ изъ древняго княжескаго рода, но правда ли это—не знаю. Но что былъ онъ великій щеголь—вотъ это правда, и отъ него печать щегольства и даже свѣтскости перешла и на простыхъ монаховъ.

Но если первое впечатлѣніе, произведенное на меня монастыремъ, было не особенно приятно, то всенощная служба скоро примирила меня съ нимъ. Переходъ отъ наружнаго свѣта дѣлалъ храмъ нѣсколько мрачнымъ, но это было только на первыхъ шагахъ. Чѣмъ больше мы подвигались, тѣмъ становилось свѣтлѣе отъ множества зажженныхъ лампадъ и свѣчъ; наконецъ, когда дошли до раки Преподобнаго, насъ охватило цѣлое море свѣта. Пѣло два хора: на правомъ клиросѣ молодые монахи, на лѣвомъ—старцы. Я въ первый разъ услышалъ толковое церковное пѣніе, въ первый разъ понялъ...

Но въ особенности понравилось мнѣ пѣніе старцевъ. Заунывное, полное старческой скорби, оно до боли волновало сердце...

Матушка плакала и тоненькимъ голоскомъ подпѣвала: „Ангельскій соборъ удивися“; я тоже чувствовалъ на глазахъ слезы. Одна Агаша, стоя сзади, оставалась безучастной; вѣроятно, думала: „а про персики-то вѣдь я и позабыла!“

Между тѣмъ, у раки непрерывно шли молебны. До слуха моего долетали слова Евангелія: „иго бо мое благо, и бремя мое легко есть“... Обыкновенно, молебенъ служили для десяти-двѣнадцати богомольцевъ разомъ, и послѣдніе, цѣлуя крестъ, клали гробовому іеромонаху въ руку сколько это могъ. Едва успѣвали кончить одинъ молебенъ, какъ уже раздавалось новое приглашеніе: „кому угодно молебенъ? въ путь шествующимъ? пожалуйте!“ и опять набиралась компанія желающихъ. Настала очередь и для насъ. Матушка просила отслужить молебенъ *для насъ однихъ*, и заплатила за это цѣлый полтинникъ; затѣмъ, купила стельяночку розоваго масла и ваты „отъ раки“, и стала собираться домой.

Быль девятый часъ, когда мы вышли изъ монастыря, и на улицахъ уже царствовали сумерки. По возвращеніи на постоялый дворъ, матушка, въ ожиданіи чая, прилегла на лавку, гдѣ были посланы подушки, снятыя съ сидѣнья коляски.

Отъ скуки, я взялъ свѣчку и подошелъ къ стѣнѣ, которая была сплошь испещрена стихами и прозою. Стихи были и обыкновенные помѣщичіе:

Все на свѣтѣ семь пустое,
Богатство, слава и чины!
Было бы вино простое
Да кусочекъ ветчины!

—и анакреонтическіе:

Настя въ пальцахъ что-то шила,
Я же думалъ: какъ мила!
Вдругъ иголку уронила,
И искавши не нашла.
Знать иголочка пропала!
Такъ, вздохнувши, я сказалъ;
Вотъ куда она попала
И на сердце указалъ.

Проза, съ своей стороны, гласила:

„Спросити здешню хозяйку, каковъ есть Митрей Михальцовъ...“

Но въ самый разгаръ моихъ литературныхъ упражненій, матушка вскочила, какъ ужаленная. Я взглянулъ инстинктивно на

стѣну и тоже обомлѣлъ: мнѣ повезалось, что она шевелится, какъ живая. Тараканы и клопы повылѣзли изъ щелей и, торопясь и перегоняя другъ друга, спускались по направленію къ полу. Нѣкоторые взбирались на потолокъ и сыпались оттуда градомъ на столъ, на лавки, на полъ...

— Ты что тамъ подлости на стѣнахъ читаешь! — крикнула на меня матушка: — мать живьемъ чуть не съѣли, а онъ вонъ что дѣлаетъ! Агашка! Агашка! Да растолвай ты ее! ишь, плутовка, дрыхнетъ! Ахъ, эти хамки! теперь ее живую сожри, она и не услышитъ!

Матушка хотѣла сейчасъ же закладывать лошадей и ѣхать дальше, съ тѣмъ, чтобы путь до Москвы сдѣлать не въ двѣ, а въ три станціи, но было ужъ такъ темно, что Алемшій воспротивился.

— Раньше трехъ часовъ утра и думать выѣзжать нельзя, — сказала она: — и лошади порядкомъ не отдохнули, да и по дорогѣ пошаливаютъ. Подъ Троицей, того гляди, чемоданы отрѣжутъ, а подъ Рахмановымъ и вовсе, пожалуй, ограбятъ. Тамъ, сказываютъ, подъ мостомъ цѣлая шайка поджидаетъ проѣзжихъ. Долго ли до грѣха!

Матушка взглянула на завѣтный денежный ящикъ, на лукошко съ персиками, и сдалась.

Рѣшено было, что она со мной перейдетъ въ коляску, и тамъ мы будемъ ожидать утра.

— Поднимите фордекъ; можетъ быть, хоть чуточку уснемъ, — прибавила она: — а ты, Агашка, здѣсь оставайся, персики береги. Да вы, смотрите, поворачивайтесь! Чуть забрезжитъ свѣтъ, сейчасъ закладывать!

Я ужъ не помню, какъ мы выѣхали. Нѣсколько часовъ сряду я проспалъ сверюченный, и проснулся уже верстъ за десять за Сергіевскимъ посадомъ, чувствуя боль во всемъ тѣлѣ.

Въ то время о шоссе между Москвой и Сергіевскимъ посадомъ и въ поминѣ не было. Дорога представляла собой широкую канаву, вырытую между двухъ валовъ, обсаженную двумя рядами березъ, въ видѣ бульвара. Бульваръ этотъ предназначался для пѣшеходовъ, которымъ было, дѣйствительно, удобно идти. Зато сама дорога, благодаря глинистой почвѣ, до такой степени наполнялась, въ дождливое время, грязью, что образовывала почти непроходимую трясину. Тѣмъ не менѣе, проѣзжихъ было всегда множество. Кромѣ Сергіевскаго посада, этотъ же траектъ шель вплоть до Архангельска, черезъ Ростовъ, Ярославль, Во-

логду. Движеніе было непрерывное, и въ сухое время путешествіе это считалось однимъ изъ самыхъ пріятныхъ по оживленію.

Мнѣ и до сихъ поръ памятна эта дорога съ вереницами пѣшеходовъ, изъ которыхъ одни шли съ котомками за плечами и палками въ рукахъ, другіе въ сторонѣ отдыхали или закусывали. Экипажи встрѣчались на каждомъ шагу, то щеголеватые, мчавшіеся во весь опоръ, то скромные, едва ползущіе на „своихъ“, какъ нашъ. Но въ особенности памятны села и деревни, встрѣчавшіеся не очень часто, но зато громадныя, сплошь обстроенныя длинными двухъ-этажными домами (въ каменномъ нижнемъ этажѣ помѣщались хозяева и проѣзжій сѣрый людъ), въ которыхъ день и ночь, зимой и лѣтомъ, кипѣли толпы народа. Даже московско-петербургское шоссе казалось менѣе оживленнымъ, нежели эта дорога, которую я впоследствии, будучи школьникомъ, изучилъ почти шагъ за шагомъ.

Вечеромъ, послѣ привала, слѣланнаго въ Братовщинѣ, часу въ восьмомъ, Москва была уже рукой-подать. Верстахъ въ трехъ, полосатые верстовые столбы смѣнились высѣченными изъ дикаго камня пирамидами, и на встрѣчу понесся тотъ специфическій запахъ, которымъ въ старое время отличались ближайшія окрестности Москвы.

— Москвой запахло!—молвилъ Алемпій на козлахъ.

— Да, Москвой...—повторила матушка, проворно зажимая носъ.

— Городъ... безъ того нельзя! сколько тутъ простого народа живетъ!—вставила свое слово и Агаша, простодушно связывая присутствіе непріятнаго запаха съ скопленіемъ простонародья.

Но вотъ ужъ и совсѣмъ близко; бульваръ по сторонамъ дороги пресѣкся, вдали мелькнулъ шлагбаумъ, и передъ глазами нашими развернулася громадная масса цервей и домовъ...

Вотъ она, Москва—золотыя маковки!

По зимамъ, семейство наше начало ѣздить въ Москву за годъ до моего поступленія въ заведеніе. Вышла изъ института старшая сестра, Надежда, и надо было пріискивать ей жениха. Странные приемы, которые употреблялись съ этой цѣлью, наше житіе въ Москвѣ и тамошніе родные (со стороны матушки)—все это составить содержаніе послѣдующихъ главъ.

Зимнія поѣздки, какъ я уже сказалъ въ началѣ главы, были скучны и непріятны. Насъ затискивали (пассажировъ было пятеро: отецъ, матушка, сестра, я и маленькій братъ Коля)

въ запряженный гусемъ возомъ, какъ сельдей въ боченогъ, и при этомъ закутывали такъ, что дышать было трудно. Прибавьте въ этому еще гору подушекъ, и легко поймете, какое мученье было ѣхать въ такой тѣснотѣ въ продолженіе четырехъ-пяти часовъ. Сзади ѣхали двѣ дѣвушки въ кибиткѣ на цѣлой грудѣ влады, такъ что бѣдныя пассажирки, при малѣйшемъ ухабѣ, стучались головами о бесѣдку кибитки. Остальная прислуга съ громадною кладью отправлялась наканунѣ на подводахъ.

Клопами и другими насѣкомыми ночлеги изобиловали даже болѣе, нежели лѣтомъ, и отъ нихъ уже нельзя было избавиться, потому что въ экипажѣ спать зимой было неудобно. Къ счастью, зимній путь былъ короче, и мы имѣли всего три остановки.

У Троицы-Сергія, какъ и всегда, отстаивали всюнощную и служили молебень. Но молились не столько о благополучномъ путешествіи, сколько о ниспосланіи сестрицѣ жениха.

Н. ЩЕДРИНЪ.

БАЙРОНИЗМЪ

У

ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА

ИЗЪ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА.

Окончаніе.

II*).

Вайронизмъ Лермонтова.

I.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ (род. 20-го октября 1814 г.) былъ всего 14-ю годами съ небольшимъ моложе Пушкина, а пережилъ только на четыре съ половиною года своего великаго предшественника (29-го янв. 1837 и 15-го іюля 1841); но онъ и выросъ, и сложился при иныхъ условіяхъ, въ иную эпоху политической и общественной жизни, въ атмосферѣ болѣе суровой, менѣе располагающей къ гуманности и къ прогрессу. Великая національная побѣда 1812 г., воодушевившая и сблизившая всѣ сословія, главнымъ образомъ пошла въ прокъ однимъ высшимъ общественнымъ слоямъ; сельское населеніе, проявившее себя живою силою, оставалось придавленнымъ всеильнымъ еще крепостнымъ правомъ. Тяготѣніе высшихъ слоевъ общества къ французской литературѣ и культурѣ продолжалось по старымъ преда-

*) См. выше: мартъ, 50 стр.

ніямъ XVIII вѣка, такъ что въ этомъ отношеніи декабристы шли по стопамъ образованныхъ людей Екатерининскаго вѣка и бойцовъ 1812 г., носившихъ французскія книжки въ походныхъ ранцахъ. Послѣ побѣды надъ Наполеономъ незачѣмъ было отрѣпаться и отъ европеизма, который пересталъ быть грозою, но съ русской точки зрѣнія этотъ европеизмъ послѣ 14-го декабря 1825 года былъ уже двойнымъ: съ одной стороны, поднимали головы и сплочивались всѣ раздавленные французскою революціею элементы, — они тянули назадъ, въ средніе вѣка; съ другой же стороны, стояло все новое, вольнолюбивое, держащееся вѣрно принциповъ 1789 г., но представляющее себѣ свободу въ видѣ внезапно налетающей бури. — Событіе 14-го декабря, заставшее Лермонтова еще мальчикомъ, имѣло то послѣдствіе, что у русскаго европеизма отсѣченъ былъ одинъ корешокъ, и общество осталось только при другомъ — при европеизмѣ консервативномъ, легитимистическомъ, главнымъ оплотомъ котораго въ царствованіе императора Николая сдѣлалась Россія. Вѣтшняя обстановка жизни будничной была какъ будто европейская, до мелочей, до обязательной стрижки волосъ и бритья бороды для дворянъ и служащихъ, до подозрительнаго отношенія ко всѣмъ ищущимъ сближенія съ простымъ народомъ славянофиламъ; но всякіе помыслы объ измѣненіи тяжелыхъ патріархальныхъ формъ родного быта преслѣдовались строго, и связь съ европейскою жизнью поддерживалась главнымъ образомъ только посредствомъ одной легкой литературы, или такъ-называемой беллетристики. Укажемъ еще на одну особенность того времени: сильное господство военнаго духа, преобладаніе военнаго элемента надъ гражданскимъ въ общественномъ строѣ, представленіе объ обществѣ какъ о колоссальномъ механизмѣ, въ которомъ всѣ отправленія могутъ быть совершаемы по командѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на воспитаніи Лермонтова отразились слѣды этой военной эпохи. Онъ не могъ кончить образованія въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ потому, что пансіонъ былъ закрытъ 29-го марта 1830 г., послѣ посвѣщенія его государемъ, который былъ направлениемъ его недоволенъ. Не вполне выяснено, какія обстоятельства заставили Лермонтова выйти и изъ московскаго университета и поступить, 10-го ноября 1832 г., въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Впрочемъ поступилъ онъ въ эту школу по доброй своей волѣ: *après avoir tout sacrifié à mon ingrate idole (литературѣ), voilà que je me fais guerrier* (письмо 1832 г. Изданіе Ефремова 1887 г. Сочиненія Лермонтова I, 447). Онъ сознательно покинулъ литературныя занятія для военщины,

обрекая себя на „deux pénibles années“. Оказалось, что эти годы были не только тяжелые, но и ужасные (j'ai sauté deux années terribles... I, 456; письмо въ декабрь 1834). Изъ школы вынесъ Лермонтовъ „Петергофскій Праздникъ“, „Уланшу“ и другія стихотворныя шалости скабрѣзнаго свойства, которыми онъ прославился, прежде нежели огласилось его серьезное поэтическое дарованіе. При выходѣ изъ школы онъ явилъ себя лихимъ удалцомъ, отчаяннымъ кутилою, блестящимъ, хотя неаккуратнымъ офицеромъ (Si vous saviez la vie, que je me propose de mener. D'abord des bizarreries, des folies de toute espèce et de la poésie noyée dans du champagne. Il me faut des plaisirs matériels, un bonheur palpable, un bonheur qui s'achète avec de l'or, que l'on porte dans sa poche comme une tabatière, un bonheur qui ne fait que tromper mes sens en laissant mon âme tranquille et inactive (I, 453, письмо 3-го авг. 1833). Прежде чѣмъ заглянуть въ самое нутро этой безпокойной души, этого сложнаго и загадочнаго характера, слѣдуетъ выдѣлить изъ его поэзіи все второстепенное и случайное и отодвинуть на задній планъ стихи политическую и общественную, которыя вообще занимали у него мало мѣста.

II.

Лермонтовъ былъ еще юношей, не напечатывшимъ ни одной строки, когда въ Европѣ случились два событія, вызвавшія политическій антагонизмъ между Россіею и западною Европою: 1) июльская революція и 2) возможность вмѣшательства Европы во внутреннія дѣла Россіи по случаю вспыхнувшаго 17-го (29-го) ноября 1830 г. польскаго мятежа. Лермонтовъ вполне сочувствовалъ Жуковскому и Пушкину, издавшимъ сборникъ патріотическихъ стиховъ. Находясь еще въ школѣ (1834), онъ парафразировалъ стихъ „Клеветникамъ Россіи“ въ отрывкѣ (II, 333), который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воспроизводитъ подлинныя слова Пушкина, прямо указывая на источникъ (Опять, народные витія, — Опять, шума, возстали вы)... Отрывокъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ опредѣляетъ тогдашній взглядъ на Пушкина какъ Лермонтова, такъ и нѣсколько охладѣвшей въ поэту русской публики (Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ — Отъ продолжительнаго сна...). По времени написанія нѣсколько запоздалое, стихотвореніе Лермонтова выражаетъ, однако, по тону своему неизмѣнившееся до смерти его отношеніе къ своему правительству, какъ русскаго и какъ дворянина (...вамъ обидна — Величья нашего зря, — Вамъ

солнца Божьяго не видно — За солнцемъ русскаго царя...—Мы чужды ложнаго стыда,—Такъ нераздѣльны въ дѣлѣ славы—Народъ и царь его всегда... — И будемъ всѣ стоять упорно — За честь его, какъ за свою!). Чувства національнаго коллективизма имѣли у Лермонтова еще болѣе яркую окраску, чѣмъ у Жуковскаго и у Пушкина, и не лишены мечтаній и надеждъ—такихъ же, какія питаемы были славянофилами. Въ „Измаиль-Беѣ“ (1832) поэтъ обращается такимъ образомъ къ черкесу: „Смирись, черкесь! и Западъ, и Востокъ—Быть можетъ скоро твой раздѣлять рокъ.—Настанетъ часъ, и скажешь намъ надменно:—Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!—Настанетъ часъ, и новый грозный Римъ—Украшеть Сѣверъ Августомъ другимъ“.—Политическія надежды состояли въ ближайшей связи съ убѣжденіемъ Лермонтова объ упадкѣ и гнилomъ состояніи Запада. Скорѣе передѣлывая, нежели переводя (въ 1836 г.) „Умирающаго гладіатора“ Байрона (4-я пѣснь „Чайльдъ-Гарольда“), Лермонтовъ заканчиваетъ стихотвореніе такимъ образомъ: „Не такъ ли ты, о, европейскій міръ,—Когда-то пламенныхъ мечтателей кумирь...—Къ могилѣ клонишься безславной головой — Безъ вѣры, безъ надеждъ... — И предъ кончиною ты взоры обратилъ—На юность свѣтлую, исполненную силъ, — Которую давно для язвы просвѣщенья,—Для гордой роскоши безопасно ты забылъ“... (2-го февр. 1836, I, 485)... Вспомнимъ, что и въ „Измаиль-Беѣ“ (1832) герой поэмы—„Развратомъ, ядомъ просвѣщенья — Въ Европѣ душной заражены!“—Спрашивается: для человѣка, тяготящагося этимъ будто бы подобострастнымъ отношеніемъ къ Западу, какой же представляется возможный выходъ? Говорятъ нынѣ: вернуться домой, назадъ, можетъ быть даже въ до-Петровскую Москву. И эта мысль мелькала у Лермонтова еще въ 1831 году, когда онъ, въ драмѣ: „Странный человѣкъ“, влагалъ въ уста студентамъ слѣдующія рѣчи: „Господа! когда-то русскіе будутъ русскими?—Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорово“ (4-я сцена). Наконецъ, въ неизданной при жизни Лермонтова поэмѣ его: „Сашка“, писанной вѣроятно въ 1838 году (статья профессора Висковатаго въ 1-ой книжкѣ „Русской Мысли“ за 1882 годъ), есть одно мѣсто (строфы 147-я и 148-я), которое въ то время и напечатаннымъ быть не могло, и какъ будто бы теперь только сочинено, когда близится повидимому пора не очень сердечнаго расставанія съ ближайшими учителями... „Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,—И поклоняться нѣмцамъ до конца... —И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?—Не тѣмъ ли, что, куда его судьбина — Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ — Отчизну

и картофель? — ...вотъ народъ!—За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служить,—Слабѣйшихъ давить, бьютъ его—не тужить...“ и т. д.—Я долженъ прибавить, что Лермонтовъ не долубливаетъ однихъ только нѣмцевъ, что къ французамъ онъ расположенъ еще по старому дворянскому преданію Екатерининскихъ и Александровскихъ временъ, хотя считаетъ онъ ихъ народомъ довольно легеомысленнымъ; наконецъ, что Лермонтовъ во всю свою жизнь былъ пламеннымъ обожателемъ Наполеона. Нѣтъ надобности искать источниковъ этого поклоненія въ томъ, что еще на родинѣ, въ Тарханахъ, Лермонтова обучалъ въ качествѣ гувернера полковникъ Наполеоновской гвардіи Жандрѣ (Gendroz), ни въ томъ, что Лермонтовъ заразился этимъ сочувствіемъ отъ Байрона или отъ Пушкина. Оно было въ духѣ той эпохи, среди которой и слагалась Наполеоновская легенда, кончившаяся мелкимъ образомъ и грязно-печальнымъ эпизодомъ второй имперіи. Замѣчательны логическія основанія этого поклоненія Наполеону у Лермонтова,—они существенно отличны отъ Байроновскихъ. Байронъ относился къ Наполеону гораздо болѣе критически; онъ восхищался гениемъ Наполеона, но укорялъ его за отступничество отъ началъ французской революціи (Ode to Napoleon: „But thou forsooth must be a king—And done the purple vest“), за неслѣдованіе по той стезѣ, которую проложилъ за-атлантическій Цинциннатъ (one—the first—the last—the best). Байронъ помирился съ Наполеономъ только послѣ его паденія, изъ ненависти въ шакаламъ, терзавшимъ издыхающаго льва.—Иного рода энтузіазмъ Лермонтова. Въ стихѣ „Св. Елена“, 1831 г. (II, 197), Наполеонъ названъ: „жертва вѣроломства и рока прихоти слѣпой“.—Почти то же повторено, въ 1841 г., въ „Послѣднемъ Новосельѣ“ (I, 135), въ которомъ поэтъ попрекаетъ „жалкій и пустой народъ“ тѣмъ, что: „Какъ женщина ему вы измѣнили—И какъ рабы вы предали его“... „отмѣченнаго божественнымъ перстомъ“, того, который „васъ одѣвалъ въ ризу чудную могущества и славы“... Этотъ своеобразный взглядъ—не европейскій, а чисто-русскій. Онъ выражаетъ отношеніе къ предмету челоуѣка, воспитаннаго въ обществѣ, которое по исторической формулѣ своего развитія требуетъ сильной власти, беззавѣтно предано не идеямъ, а лицамъ, и способно совершать величайшіе подвиги подъ мощнымъ руководствомъ великаго вождя (Петръ Великій). Всѣ другія вины французовъ поставлены имъ на видъ только для счету,—напримѣръ, что они „потрашали власть избранную (кѣмъ?) какъ бремя“; что Наполеонъ ихъ спасъ, когда они погибали отъ того, что рубили сплеча „всѣ старинныя отцовскія повѣрья“. Какъ маловажны были въ сущности для Лермон-

това эти повѣрья или преданія, это ясно обнаруживается изъ трехъ послѣднихъ стиховъ „Гладиатора“, обращенныхъ къ отживающему европейскому міру: „Ты жадно слушаешь и пѣсни старины, — И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья, — Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны“... Конечно, въ качествѣ поэта-романтика, Лермонтовъ мысленно переносился иногда въ средніе вѣка и искалъ въ нихъ подходящей обстановки для своихъ произведеній, но вѣтъ того онъ скорѣе смотрѣлъ на средніе вѣка какъ современный и притомъ какъ русскій человекъ, съ точки зрѣнія московскихъ западниковъ сороковыхъ годовъ, очень довольныхъ тѣмъ, что среднихъ вѣковъ въ Россіи не было, что ея исторія — бѣлый листъ бумаги, на которомъ будущность запишетъ нѣчто немечтаемое даже и нечаемое, но безконечно великое. Вотъ что записано карандашомъ и обведено чернилами въ записной книжкѣ, подаренной Лермонтову, при отправленіи его на Кавказъ 13-го апрѣля 1841 г., княземъ В. Одоевскимъ: „У Россіи нѣтъ прошедшаго: она вся въ настоящемъ и будущемъ. Ерусланъ Лазаревичъ сидѣлъ сиднемъ двадцать лѣтъ и спалъ крѣпко“... а потомъ проснулся и пошелъ побивать королей и богатырей — такова Россія! — Въ ближайшей связи съ такою нигилистическою философіею русской исторіи состоитъ и любовь Лермонтова къ родинѣ, которую онъ и самъ называетъ „странною“: „Люблю отчизну я, но странною любовью... — Ни слава, купленная кровью (внѣшнія побѣды Россіи со временъ Петра Великаго), — Ни полный гордаго довѣрія покой (импонирующая Европѣ внѣшняя политика императора Николая), — Ни темной старины завѣтныя преданья (идеалы славянофиловъ) — Не шевелятъ во мнѣ отраднато мечтанья. — Но я люблю — за что, не знаю самъ, — Ея степей холодное молчанье, — Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье, — Разливы рѣкъ ея, подобныя морямъ...“ и т. д. — „И въ праздникъ вечеромъ росистымъ — Смотрѣть до полночи готовъ — На пляску съ топотомъ и свистомъ — Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ“ (1841 г., I, 135).

Что касается до двухъ удѣляемыхъ Лермонтовымъ Россіи въ его записной книжкѣ категорій времени: *настоящее* и *будущее*, то только послѣднимъ могутъ вдоволь и безгранично наслаждаться всякіе люди, а слѣдовательно и русскіе XIX вѣка. Относительно перваго, то-есть *настоящаго*, не могло не радовать русскихъ уваженіе, которымъ Россія пользовалась за границею, благодаря твердой международной политикѣ правительства, но это настоящее сильно сжимало отдѣльную личность, держало ее въ тискахъ, не давало пищи никакимъ идеальнымъ потребностямъ и стремленіямъ. Мучительную тяжесть этого историческаго мо-

мента испыталъ на себѣ Лермонтовъ—одна изъ самыхъ непокладистыхъ и безпокойныхъ натуръ, какія когда-либо существовали. Недавно въ „Русской Старинѣ“ за 1887 г., № 12, помѣщены стихи Лермонтова передъ отъѣздомъ въ 1837 году на Кавказъ: „Прощай, немытая Россія,— Страна рабовъ, страна господъ,— И вы, мундиры голубые,— И ты имъ преданный народъ!—Быть можетъ, за хребтомъ Кавказа— Укроюсь отъ твоихъ вождей,—Отъ ихъ всевидящаго глаза, —Отъ ихъ всеслышащихъ ушей“.—Уродливыхъ условий общежитія Лермонтовъ не изслѣдовалъ, причинъ зла даже и не искалъ, борьбы съ существующимъ и преобразованій не замышлялъ. Многие изъ нечистотъ, которыми было заражено тогдашнее общество, прилипло къ нему и срослось съ его личностью, но онъ успѣлъ выразить скорбь одинокой души, влекомой полусознательнымъ порывомъ въ иному, лучшему бытію, съ такою правдою и захватывающею силою, что, умирая въ 28 лѣтъ, онъ уже былъ первокласснымъ поэтомъ, единственнымъ великимъ поэтомъ Николаевской эпохи (Пушкинъ есть преимущественно поэтъ Александровскаго періода). Недавно профессоръ В. Ключевскій (№ 2 „Русской Мысли“ за 1887 годъ), въ своей блистательной статьѣ: „Онѣгинъ и его предки“, старался провести остроумную мысль, что въ „Онѣгинѣ“ Пушкинъ изобразилъ не себя и не свой идеалъ, что „Онѣгинъ“ скорѣе—романъ сатирическій, что въ немъ изображенъ былъ типъ—уже въ то время вымиравшій—человѣка, оторваннаго отъ почвы, старающагося стать своимъ между европейцами и становящагося только чужимъ между своими, человѣка ненужнаго, культурнаго межеумка, преданнаго только развлеченію, не имѣющаго понятія о трудѣ и долгѣ. По системѣ Ключевскаго выходило бы, что Лермонтовъ—если не потомокъ Онѣгина, то по крайней мѣрѣ младшій братъ его. Лермонтовъ былъ несомнѣнно человѣкъ безпочвенный, разобщенный со средою, что и служило причиною его тоски и пессимизма. Судьбы Лермонтова обнаруживаютъ, однако, парадоксальность главнаго положенія въ выводѣ Ключевскаго, что Онѣгины были будто бы люди вымирающіе и лишніе. Они до извѣстной степени не переставали представлять собою соль земли.—Мнѣ приходится теперь простѣдить главныя событія въ жизни Лермонтова, чтобы рѣшить, легко ли было человѣку того времени, имѣющему идеальныя порывы, найти для себя подходящую работу въ практической жизни.

III.

Представимъ себѣ богатый барскій домъ въ одномъ изъ дальнихъ провинціальныхъ захолустій. Вся жизнь въ этомъ домѣ устроена на крѣпостной подкладѣ; она держитъ барича внѣ всякихъ заботъ о трудѣ и о хлѣбѣ насущномъ. Баричъ почти сирота, но его балуетъ шестидесятилѣтняя бабка — Марѳа Посадница, какъ ее называли позднѣйшіе товарищи-юнкера. Она ни въ чемъ не отказывала внуку, который уже въ 7 лѣтъ умѣлъ „прикиривнуть на лакея и улыбнуться съ презрѣніемъ на низкую лестъ ключницы“ (Отрывокъ изъ начатой повѣсти, I, 369). Бонна у мальчика — нѣмка, гувернеры — иностранцы. Отъ общенія въ дѣтствѣ съ мужицкими ребятами изъ двора осталось въ мальчикѣ, когда онъ выросъ, состраданіе къ „своимъ рабамъ“, горячо прочувствованное сознаніе несправедливости ихъ положенія, поминутно вспыхивающее въ юношескихъ произведеніяхъ Лермонтова до поступленія его въ юнкерскую школу (Menschen und Leidenschaften; восклицаніе Владимира Арбенина въ „Странномъ человѣкѣ“ (сцена 5-ая): „О, мое отечество, мое отечество!“ — Отецъ Арбенина (сцена 7-ая) говоритъ: „пускай графскіе сынки проматываютъ имѣніе... Мы, простые дворяне, отъ этого выигрываемъ... Весело видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки“. — Драма „Два брата“, I, 1; — Юрій: — Князь и 3000 душъ, а есть ли у него своя въ придачу?“...). Съ переѣздомъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ, съ поступленіемъ на службу, деревенскія впечатлѣнія ранней юности отошли на задній планъ; молодой человѣкъ пересталъ размышлять о роковомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе, что до смерти онъ не былъ самостоятеленъ въ денежномъ отношеніи и жилъ, что называется, на хлѣбахъ у бабушки, крѣпко державшей въ рукахъ бразды правленія состояніемъ. Въ балованномъ ребенкѣ разыгрывалась страсть къ разрушенію, склонность къ жестокости. Тяжелая болѣзнь разслабила его на нѣсколько лѣтъ. Прикованный къ кровати, онъ выучился мыслить, сочетать образы и понятія усиліями воли, сочинять. Онъ сдѣлался мечтателемъ. Воображеніе стало для него интересною игрушкою. Онъ любилъ воображать себя разбойникомъ, среди студеныхъ волнъ или въ тѣни лѣсовъ, наѣздникомъ въ шумѣ битвы при свистѣ бури. Необычайно рано проснулись въ немъ и любовныя чувства (Въ моемъ ребячествѣ тоску любви знойной — Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной. — II, 89), чув-

ства 10-лѣтнаго мальчика въ 9-лѣтней дѣвочкѣ, приходившей въ его кузинамъ въ Пятигорскъ въ 1825 году. Имени и званія дѣвочки онъ не помнилъ, но еще въ 1830 г. писалъ: „этотъ потерянный рай до могилы будетъ терзать мой умъ“ (II, 515). Такъ какъ онъ воспитывался среди множества подростовающихъ кузинъ, которыя были, однако, старше его, то предметами любви его дѣлаются эти кузины, одна послѣ другой по очереди (Столыпина, Верецагины, Екатерина Сушкова-Хвостова, Варвара Лопухина). Самъ мальчикъ былъ весьма некрасивъ, смуглый, приземистый, неуклюжій, сутуловатый (графъ Ростопчина и Костенецкій въ „Русск. Старинѣ“, № 9-й 1882 г., и № 9-й 1875 г.). Съ дѣтства его мучило авторское самолюбіе; онъ старался брать верхъ остроуміемъ, искалъ между кузинами слушательницъ и цѣнительницъ своихъ стиховъ. Его страшно обѣсило, когда къ нему относились какъ къ мальчику. Съ тѣхъ поръ Лермонтовъ не можетъ обойтись безъ женскаго общества; когда же онъ доросъ до первыхъ побѣдъ, то въ немъ развилось до уродливыхъ размѣровъ довольно противное донъ-жуанство, ухаживанье за женщиною съ тѣмъ, чтобы заставить ее полюбить его и затѣмъ бросить ее насмѣшливо, сказавъ ей, что онъ ее никогда не любилъ. Такимъ является Лермонтовъ въ своемъ романѣ съ Е. А. Сушковой (Хвостовой), весьма некрасивомъ даже и въ томъ предположеніи, что онъ хотѣлъ отомстить ей за то, что она промучила его, когда онъ былъ подросткомъ. Такимъ точно является онъ въ относящихся къ 1840 г. кавказскихъ воспоминаніяхъ г-жи Pompaire de Hell („Русскій Архивъ“ 1887 г., № 9). Для зажиточнаго русскаго дворянина того времени, не желающаго зарыться въ деревнѣ, только и была одна возможная житейская карьера: служба царская, въ двухъ ея видахъ: военная или гражданская. Послѣдняя находилась въ большомъ пренебреженіи. Свое презрительное отношеніе къ такъ-называемымъ подъячимъ выразилъ много разъ Лермонтовъ, напримеръ, въ 47-ой строфѣ „Сашки“ („Русская Мысль“ 1883 г., № 1): „Или, трудясь какъ глупая овца, — Въ радахъ дворянства, съ робкимъ униженіемъ, — Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца, — Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣніемъ“. — Сознательно и по собственному выбору Лермонтовъ пошелъ по болѣе почетной дорогѣ, на которой подвизались его отецъ и предки, и поступилъ въ юнкерскую школу, скрѣпя сердце, одинокій, необщительный, сосредоточенный въ себѣ и мрачный. Никогда не могъ онъ привыкнуть къ Петербургу съ его казенщиной и формализмомъ (Я врагъ Невъ и невскому туману, — Тамъ новый вѣкъ развилъ свою чуму... — Тамъ жизнь тяжка, пуста и молчалива, — Какъ плоскій берегъ

финскаго залива... („Сашка“, I, 439). — Увы! какъ скверенъ этотъ городъ — Съ своимъ туманомъ и водой! — Куда ни глянешь, красный воротъ — Какъ шипъ стоитъ передъ тобой... — Законъ сидитъ на лбу людей — И что у насъ зовутъ душой, — То безъ названія у нихъ). Подъ напускною самоувѣренностью скрывалась удивительная застыичность молодого человѣка, который былъ самъ не свой между чужими и не имѣлъ ключа къ дѣловому механизму общества, — механизму весьма понятному для людей даже весьма ординарныхъ. Въ письмахъ Лермонтова содержатся любопытнѣйшія на этотъ счетъ признанія. (Августъ, 1832, I, 436. „Не гоюсь для общества. Вчера я былъ въ одномъ домѣ, просидѣлъ четыре часа и не сказалъ ни одного путнаго слова. У меня нѣтъ ключа отъ ихъ умовъ“. — Августъ, 1832, I, 440. *J'ai vu des échantillons de la société d'ici; tous ensemble ils me font l'effet d'un jardin français bien étroit et simple, mais où on peut se perdre, car entre un arbre et un autre le ciseau du maître a oté toute différence.* — Сентябрь 1832, I, 444. Лермонтовъ сознаетъ, что онъ чувствуетъ реальность жизни, „son vide engageant“... но онъ себя не довѣряетъ. — Декабрь, 1834 I, 456. *Je ne serai jamais bon à rien avec tous mes beaux rêves et mes mauvais essais dans le chemin de la vie, car ou l'occasion me manque, ou l'audace*). Необходимымъ послѣдствиемъ неловкости, неспособности отыскать въ обществѣ свой шестокъ, чтобы на немъ устоялся, было тоскливое, меланхолическое настроеніе, сдѣлавшееся привычнымъ (Тоска вездѣ какъ безпокойный геній — Какъ вѣрная жена близка!... — ...невольно видишь — Подъ гордой важностью лица — Въ мужчинѣ глупаго льстеца — И въ каждой женщинѣ Іуду. 1832, I, 547. — Къ добру и злу постыдно равнодушны, — Передъ опасностью позорно малодушны — И передъ властью презрѣнные рабы... — „Дума“, 1838 г., I, 35). Отъ такой тоски и отрицательнаго отношенія къ людямъ одинъ шагъ до пессимизма. Лермонтовъ сдѣлался пессимистомъ, пессимизмъ сталъ его второю натурою (Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ — Я покидалъ? Все сердце рвало тамъ... — Какъ я рвался невольно къ облакамъ, — Готовъ лобзать уста друзей былъ я, — Не посмотрѣвъ, не скрыта-ль въ нихъ змѣя. — Но въ общество иное я вступилъ, — Узналъ друзей и дружескій обманъ, — Сталъ подозрителемъ и погубилъ — Безпечности душевной талисманъ... — 1830 г., I, 77).

Прежде нежели займусь анализомъ этого пессимизма и прослѣжу его до самыхъ корней, — укажу на одинъ еще богатый источникъ, показывающій, насколько тяготился Лермонтовъ своимъ положеніемъ, и какъ общественный дѣятель, и какъ писатель. По

странному стеченію обстоятельствъ нѣкоторые стихи столь нелюбимаго нѣмцевъ поэта дошли до насъ не въ затерявшемся подлинникѣ, а въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта (M. Lermon-toff's poetischer Nachlass, Berlin, 1852.—Перепечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1873, № 3, стр. 398). Приведу нѣсколько самыхъ характерныхъ отрывковъ изъ этого перевода:

1) Ich bin an meinem Lande kein Verräther... Weil ich nicht auf fremden Krücken schleiche. 2) Weil ich bei Ihrem Thun vor Scham oft roth bin,—Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten—Und mich nicht lockt der Glanz von Bayonetten, Behaupten sie dass ich kein Patriot bin. 5) Gott segnete mit Augen mich und Füssen, Doch als ich auf den Füssen gehen wollte, Und als ich mit den Augen sehen wollte, Muss't ich's im Kerker als Verbrechen büßen (вѣроятно намекъ на послѣдствія стиховъ на смерть Пушкина). 6) Es ist ein eigen Ding in meinem Land... Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand, Zum Schweigen seine Zunge hier ¹⁾.

Глубокая скорбь—чувство, преобладавшее въ этой душѣ—прорывалась только въ стихахъ; она была извѣстна и то только самымъ близкимъ въ Лермонтову лицамъ. Для всѣхъ прочихъ Лермонтовъ былъ свѣтскій человѣкъ, гуляка, злой, назойливый насмѣшникъ, беспощадный для всѣхъ тѣхъ, надъ которыми онъ могъ, по неаходчивости ихъ, потѣшаться; человѣкъ, напрашивающійся на всякаго рода исторіи и постоянно занятой донъ-Жуановскими похождениями. „Мнѣ жаль Лермонтова, онъ дурно кончитъ“,—писала о немъ г-жа Гоммеръ-де-Гэль (1840). Графиня Ростопчина пишетъ („Русская Старина“, 1882, № 9), что когда она ужинала въ послѣдній разъ съ Лермонтовымъ передъ его отъѣздомъ на Кавказъ (1841), то за ужиномъ и при прощаньѣ Лермонтовъ только и говорилъ объ ожидающей его скорой смерти. Съ мыслью о своей насильственной смерти Лермонтовъ возился всю жизнь: „Кровавая меня могила ждетъ,—Могила безъ молитвъ и безъ креста,—На дикомъ берегу ревущихъ водъ—И подъ туманнымъ небомъ“ (11-го іюня 1831). Эта совмѣстимость въ одномъ и томъ же лицѣ двухъ на первый взглядъ противоположныхъ характе-

¹⁾ Я не извинникъ моей странѣ... хотя не ползаю на чужихъ костыляхъ 2) Такъ какъ я не краснѣю отъ стыда за ваши дѣянія, не нахожу музыки въ званіи цѣпей и меня не привлекаетъ блескъ штнковъ, вы утверждаете что я не патриотъ. 5) Богъ даровалъ мнѣ глаза и ноги, но когда я захотѣлъ пойти на моихъ ногахъ и глядѣть моими очами, то я заплатился за то торьюмоу, какъ за преступленіе... 6) Странныя вещи творятся въ моей странѣ: умный пользуется умомъ для глупостей, а языкъ—для молчанія.

ровъ была превосходно подмѣчена Боденштедтомъ, на котораго первое его знакомство съ Лермонтовымъ въ Москвѣ зимою 1840—1841 г. произвело невыгодное впечатлѣніе („весь разговоръ, — шипеть онъ, — звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу“). Эта двойственность сказывалась и въ чертахъ лица, въ странномъ сочетаніи рѣзкихъ, суровыхъ, полныхъ думы и печали черныхъ глазъ, съ немного вздернутымъ носомъ, почти дѣтскою улыбкою и насмѣшливымъ искривленіемъ тонко очерченнаго рта. Таковъ былъ человекъ въ его общественной обстановкѣ; теперь можно заглянуть и въ поэтическую мастерскую художника.

IV.

Знакомая и родственница Лермонтова, графиня Е. П. Ростопчина, въ запискѣ, сочиненной въ 1858 г. для Дюма-отца, сравниваетъ такимъ образомъ приемы творчества Лермонтова и Пушкина, причемъ послѣдній ставится гораздо выше перваго: „Пушкинъ весь — порывъ, у него все прямо выливается. Мысль, извергается изъ его души во всеоружіи, затѣмъ онъ передѣлываетъ, подчищаетъ, но мысль остается та же, цѣльная и точно опредѣленная. Лермонтовъ, напротивъ того, ищетъ, улаживаетъ, округляетъ фразу, совершенствуетъ стихъ, но первоначальная мысль не имѣетъ полноты, неопредѣленна и колеблется. Тотъ же стихъ, та же строфа или идея вставлены въ совершенно разные пьесы“. („Русская Старина“ 1882 г., № 9, стр. 610). Характеристика писателей вѣрна, но выводъ сомнительный. Ростопчина доказала только то, что Лермонтову работа стоила большаго труда; обыкновенно большій трудъ талантливаго писателя вознаграждается большимъ богатствомъ или глубиною содержанія. Развитие творчества Лермонтова можно прослѣдить по юношескимъ его тетрадямъ съ 13-ти лѣтъ. Сначала только переписываются цѣлкомъ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Шильонскій узникъ“ въ переводѣ Жуковскаго. Потомъ начинается парафразированіе чужихъ сочиненій, съ пропусками, вставками и видоизмѣненіями фабулы, уже въ высокой степени запечатлѣнными индивидуальностью упражняющагося въ писаніи стиховъ. Потомъ появляются самостоятельно задуманныя поэмы, пестряющія только заимствованіями, которыя недостаточно еще критиками разобраны и отмѣчены. Такъ напримѣръ, Лермонтовъ заимствуетъ изъ „Кавказскаго Плѣнника“ Пушкина извѣстные два стиха (въ концѣ 1-ой части): „И на челѣ его высокомъ — Не измѣнялось ничего“ — и характеризуетъ имъ своего „Демона“:

—И на челѣ его высокомъ-- Не отразилось ничего.— Въ то время, когда развивался Лермонтовъ, было больше, чѣмъ теперь, знакомства съ польской литературой, въ особенности съ гостившимъ въ Россіи Мицкевичемъ. Въ поэмѣ Лермонтова „Бояринъ Орша“ встрѣчаются слѣдующіе стихи, которые почти дословно взяты у Мицкевича: „И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ—Подумалъ, вѣрно, или сказалъ,—Что дважды изъ груди одной—Не вылетаетъ звукъ такой“ (II, 435, 1835 г.). (Сравнить съ финаломъ „Валленрода“: *A ktoby słyszał, odgadnąłby snadnie—Że piersi z których taki jęk wypadnie—Nigdy już w życiu nie wydadzą głosu*)¹⁾.

При большой способности усваивать чужое, въ Лермонтовѣ

¹⁾ Укажу мимоходомъ еще на нѣкоторыя заимствованія изъ Мицкевича. Лермонтовъ перевелъ извѣстный крымскій сонетъ: „Видъ горъ изъ степенъ Козлова“, въ которомъ стихъ Мицкевича: *aby gwiazd kagałanę nie puścić ze wschodu*, передалъ съ пропускомъ слова „караванъ“ (Чтобъ путь на сѣверъ заградить—Звѣздамъ кочующимъ съ востока), но граціозный образъ каравана перенесенъ въ „Мицри“ для изображенія облаковъ: „Какъ будто бѣлый караванъ—Залетныхъ птицъ изъ разныхъ странъ“,—а потомъ въ „Демонъ“ для изображенія звѣздъ: „Кочующіе караваны—Въ пространствахъ брошенныхъ свѣтилъ“ (I, 33)“. Въ числѣ раннихъ произведеній М. (1822) имѣется одно прелестное: *Przez z moich oczu!* Поэтъ предсказываетъ, что еслибы возлюбленная удалила его съ глазъ своихъ, то воспоминаніе о немъ будетъ, однако, вѣчно ее преслѣдовать за игрой, за шахматами, на балу... „и ты подумаешь, что то моя душа!“—„Письмо“, стихотвореніе 16-лѣтняго Лермонтова (II, 24), есть парафраза идеи М., съ курьезнымъ выраженіемъ того, что юному сильно прельщалъ военный мундиръ и въ парикъ классическаго слога, отъ котораго не могли въ юности освободиться ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ. „Настанетъ ночь, прійдешь изъ собранья... Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба—На мрачное свиданіе прилетѣлъ... Когда жъ въ саняхъ въ блистательномъ катаньи—Пройдешь ты на парѣ воронныхъ—И за тобой въ любви живомъ страданьи—Стоитъ гусаръ безмолвень, мраченъ, тихъ... И по груди обонхъ вась прочтется—Невольный хладъ“... вслѣдствіе чего гусаръ закрутитъ усы... „Услышишь звукъ военного металла,—Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела,—То тѣнь моя безумная предстала—И мертвый взоръ на путь вашъ навела.

Бывшій на моихъ чтеніяхъ большой знатокъ англійской литературы Л. Е. Оболенскій замѣтилъ, что и смертный стонъ Альдоны въ „Валленродѣ“, и смертный крикъ дочери боярина Орши могли быть заимствованы и Мицкевичемъ, и Лермонтовымъ, отъ Байрова изъ общаго источника — „Паризини“, которая раздражается въ своей темницѣ при отрубленіи головы любовнику ея Уго такимъ крикомъ: *It was a woman's shriek and ne'er—In madlier accents rose despair;—And those who heard it, as it past—In mercy wish'd it were the last* (То женскій крикъ былъ; никогда не сказалось отчаяніе въ болѣе бѣшенныхъ звукахъ, слышавшіе его—когда оно раздалось—изъ жалости желали, чтобы онъ былъ и послѣдній). Не отрицаю, что Мицкевичъ могъ вдохновиться стихами „Паризини“, но разница между обоими воплями большая. Паризина не умираетъ, Байронъ оставляетъ читателя въ невѣденіи о ея судьбѣ (*Whether in convent she abode...—Or if she fell by bow or steel*), между тѣмъ у Мицкевича это крикъ, на которомъ вся жизнь оборвалась (*W tym głosie całe ogwało się życie*). Эту-то именно характерную черту послѣдняго смертнаго крика усвоилъ себѣ Лермонтовъ и заимствовалъ онъ ее не изъ „Паризини“, а изъ „Валленрода“.

замѣтно съ ранней поры замѣчательное постоянство, съ которымъ всякіе выростающіе въ этомъ воображеніи мотивы, образы, сравненія преслѣдуютъ потомъ автора неотвязчиво, проходятъ тягучими непрерывными частями чрезъ всѣ послѣдующія произведенія и превращаются даже нѣкоторымъ образомъ въ рисунки-клишэ, которыми онъ иллюстрируетъ послѣдующія произведенія. Берусь подтвердить мое положеніе нѣсколькими примѣрами и начну съ мотива, который по странному стеченію обстоятельствъ играетъ видную роль въ обѣихъ литературахъ — русской и польской, хотя могъ возникнуть повидимому и самостоятельно — и въ той, и въ другой — и безъ прямого взаимодѣйствія. Въ концѣ 1826 года изданы были Мицкевичемъ въ Москвѣ сонеты; въ числѣ этихъ сонетовъ (не крымскихъ, а просто эротическихъ) есть XII-й — *Rezydancja*, посвященный изображенію страданій человѣка, который nie kocha, że kochał, zapomnieć nie zdoła („Кто совсѣмъ не любить — Иль любви минувшей позабыть не можетъ“, — переводъ Бенедиктова). Послѣдніе три стиха переведены такъ: „И какъ разоренный храмъ оно (сердце) въ пустынь — Рушится и гибнетъ: жить въ его святыхъ — Божество не хочетъ, человѣкъ не смѣетъ. (Я приведу подлинникъ, такъ какъ переводъ слабъ: I serce ma podobne dodawnej swiatyni — Spustoszałej niepogod i czasow kolejaj, — Gdzie bóstwo nie chce mieszkać, a ludzie nie śmieją). Лермонтовъ и Пушкинъ, знавшіе польскій языкъ, вѣроятно знакомы были и съ сонетами, но вотъ чего никто изъ нихъ знать не могъ — что свое сравненіе души человѣка съ опустошеннымъ храмомъ Мицкевичъ употребилъ послѣ окончательнаго поселенія своего во Франціи при личномъ, печатью тогда неоглашенномъ, столкновеніи съ поэтомъ моложе его — Юліемъ Словацкимъ. — Осенью 1832 г. среди польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ произошла размолвка между Мицкевичемъ и Словацкимъ вслѣдствіе того, что Мицкевичъ отозвался о поэзіи Словацкаго такимъ образомъ: „прекрасный храмъ, дивной архитектуры, жаль только, что въ этомъ храмѣ Бога нѣтъ“ (Małeckі, „Juljusz Słowacki“, 2 wyd., I, 95). Тотъ же мотивъ, но совсѣмъ навыворотъ, появляется у Пушкина, незнакомаго съ отношеніями польскихъ выходцевъ въ Парижѣ, который въ стихѣ „Чернь“ (1828) выразился такъ о статуѣ Аполлона Бельведерскаго: „но мраморъ сей вѣдь Богъ“. — Обѣ формы мотива употребляются Лермонтовымъ весьма часто, и, можно сказать, излюблены имъ обѣ. — „Моя душа твой вѣчный храмъ; — Какъ божество, твой образъ тамъ“ (II, 48, 1830). — „Такъ храмъ оставленный — все храмъ, — Кумиръ поверженный — все Богъ“ (1830, къ А. Верещагиной, II, 49). — „Любовь насиль-

ства не боится—Она хоть презрѣна—все Богъ (Ангель Смерти, 1831). — Недавно напечатана (Русск. Старина, 1887, № 10, стр. 117) „Исповѣдь“ Лермонтова (начала 1830 г.) со стихами: „Пустыя звонкія слова—Блестящій храмъ безъ божества“. Стихи эти повторены почти дословно въ „Бояринъ Оршѣ“ 1835 (Одни лишь звучныя слова—Блестящій храмъ безъ божества), а потомъ въ „Демонъ“ (объ редакціи 1831 и 1838 г.): „Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность? — Моихъ владѣній безконечность? — Пустыя звонкія слова,—Обширный храмъ безъ божества“.

Перехожу въ другому примѣру. Всѣмъ любителямъ Лермонтова памятно прелестное посвященіе неназванной женщины въ „Измаиль-Бей“ (II, 242): „Опять явилось вдохновеніе—Безжизненной душѣ моей,—И превращаетъ въ гѣснопѣнье—*Тоску—развалину страстей*“.—Имѣется еще иной мотивъ въ посвященіи драмы „Испанцы“: „Такъ надъ гробницею стоять—Береза юная, склоняя—Съ участіемъ вѣтки на гранитъ,—Когда реветъ гроза ночная!“—Береза пересажена потомъ въ поэму „Бояринъ Орша“, гдѣ она уже красуется среди разваливъ (II, 448): „Такъ средь разваливъ иногда—Ростетъ береза: молода,—Мила надъ плитами гробовъ—Игрою шепчущихъ листовъ“.—Но еще прежде того, въ стихотвореніи 11 июня 1831 г., состоялось прелестнѣйшее совоупленіе обоихъ образовъ съ одухотвореніемъ ихъ, съ возведеніемъ ихъ въ символъ страсти, продолжающей жить въ страдающемъ и измученномъ сердцѣ: „Но въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ—Жила любовь—богиня юныхъ дней;—Такъ въ трещинѣ разваливъ иногда—Береза вырастаетъ—молода—И зелена, и взоры веселитъ,—И украшаетъ сумрачный гранитъ... Увянетъ преждевременно она,—Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда—Мою березу вихрь: она тверда;—Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть—Имѣть неограниченную власть“.

Такихъ примѣровъ можно бы подобрать десятки. Замѣчу мимоходомъ „свинцовую слезу“ страданья и въ „Menschen und Leidenschaften“, и въ „Демонъ“; полу-символическій, заимствованный изъ кавказской природы образъ ползущей змѣи съ расписанною какъ дамасскій булатъ спиною („Аулъ Бастунджи“ и „Мцыри“—сравнить еще II, 57 и 78); полную луну во образѣ Армиды въ ея волшебномъ замкѣ, окруженной облаками-рыцарями въ пернатыхъ племахъ (трагедія „Испанцы“, стр. 26, и „Измаиль-Бей“, II, 24)... „облака—Надъ вами (горами) вьются, шепчутся какъ тѣни—Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній—Колелемыя перья—и луна—По синимъ сводамъ странствуетъ одна“.—Отмѣчаю еще сильную фразу поэта о томъ, что его душа—

„Младая вѣтвь на пѣвѣ сухомъ,—Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена (Стансы 1831 г., т. II, 229), повторяющуюся въ стихѣ 1835 г.: „гляжу на будущность съ боязнью... Душа усталая моя,—Какъ ранній плодъ, лишенный сока;— Она увяла въ буряхъ рока — Подъ знойнымъ солнцемъ бытія“. Въ заключеніе, въ числѣ излюбленнѣйшихъ мотивовъ поэта укажу на неутомимо и съ неувядающею свѣжестью проводимую имъ параллель между жизнью природы и жизнью души, между мѣрнымъ, величавымъ, невозмутимымъ теченіемъ первой—и суетою и бѣдственностью второй, послѣ чего поэтъ обыкновенно сожалеетъ, зачѣмъ онъ не волна студеная, не тучка небесная: „Тѣмъ я несчастливъ, что звѣзды и небо—Звѣзды и небо, а я человекъ!“.. (1831 г., II, 22)— „Тучки небесныя—вѣчные странники—Степью лазурною, цѣпью жемчужною—Мчитесь вы будто какъ я же изгнанники—Съ милого сѣвера въ сторону южную—...Нѣтъ, вамъ насучили нивы безплодныя,—Чужды вамъ страсти и чужды страданія;—Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,—Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія“ (I, 121).— „Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже—Знойныхъ полудня лучей“ (II, 231).— „Какъ я въ душѣ любилъ всегда—Ихъ (волнъ) безконечные походы—Богъ вѣсть откуда и куда... —И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,—Безъ родины и безъ могилы, —Безъ наслажденія и мукъ;—Однообразный этотъ звукъ,—Причудливыя эти силы,—Ихъ буйный ревъ и тишину—И эту вѣчную войну—Съ другой стихіей—съ облаками,—Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ—На кораблѣ въ опасный часъ,—Когда летала смерть надъ нами,—Я въ ужасѣ Творца молилъ,—Чтобъ океанъ мой побѣдилъ („Морякъ“, 1831 г., II, 234)“.—Въ приведенныхъ мною отрывкахъ мы очевидно наталкиваемся на задушевнѣйшія идеи и чувства поэта, на коренныя черты его міросозерцанія печальнаго и пессимистическаго, которое хотя развилось и созрѣло въ Лермонтовѣ одновременно съ изученіемъ Байрона и подъ влияніемъ Байрона, но имѣетъ, однако, свой особенный характеръ, который необходимо изучить.

V.

Въ своемъ этюдѣ о русскомъ романѣ (Le roman russe, 1886) виконтъ Вогюэ старается представить поступательное движеніе русской мысли, начиная съ того момента, когда, достигнувъ совершеннѣйшаго, она освободилась отъ простаго подражанія христіански-гуманистическому европеизму. Переходною ступеню отъ

этой подражательности въ полной самостоятельности служилъ реализмъ или натурализмъ, но не таковой сухой и безсердечный, какъ у новѣйшихъ французскихъ натуралистовъ и декадентовъ, потому что въ Россіи онъ былъ, по словамъ Вогюэ, облагороженъ нравственной эмоціей, богобоязнью и сострадающимъ милосердіемъ. Въ своемъ походѣ русская мысль пошла по направленію древнеарійскаго духа, въ нирванѣ, въ безпредѣльной, самоотверженной любви уже не къ одному человѣчеству, а и ко всему живому въ природѣ на самыхъ низшихъ ступеняхъ развивающагося бытія. Разбирая писателей, Вогюэ долженъ былъ подойти къ самому крупному послѣ Пушкина въ русской литературѣ лицу—къ Лермонтову. Лицо это не укладывалось никакъ въ рамки теории Вогюэ; оно было совсѣмъ негуманное въ европейскомъ смыслѣ этого слова,—дивный художникъ, но откровенный эгоистъ, писавшій въ 1830 г. (Романсъ, II, 116): „Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья! — Когда я свои презираю мученья, — Чтò мнѣ до страданій другихъ!“—Вогюэ благоразумно отдѣлался отъ Лермонтова нѣсколькими строками: „vindicatif, hargnieux, mauvais compagnon...“, романтикъ, одержимый Байроновскою лихорадкою, издававшій самые рѣзкіе и рѣжущіе звуки (54, 57). Лермонтовъ, въ самомъ дѣлѣ, озадачиваетъ изслѣдователя. О немъ можно сказать то же, что сказалъ Пушкинъ про Байрона (VII, 80): „Онъ весь созданъ былъ навыворотъ, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ“. Въ 16 лѣтъ Лермонтовъ уже тотъ великій и вполне развитый художникъ, какимъ онъ и умеръ, имѣя неполныхъ 28 лѣтъ, притомъ тотъ же жестокій, своенравный характеръ, человѣкъ сознающій всю ненасытность своихъ желаній, свою неспособность ихъ умѣрять, терпящій жажду явно несбыточнаго счастья, превращающую его жизнь въ пытку, такъ что все перерабатывалось въ этомъ горнилѣ души и поэтическаго творчества въ нѣчто ѣдкое и ядовитое. Существовало полное отсутствіе равновѣсія между ощущеніями, заставляющими человѣка радоваться или страдать, составляющими единственный матеріалъ психической жизни,—и ненасытными желаніями натуры безповойной и далеко не заурядной, такъ какъ она была одарена весьма сильнымъ умомъ, никогда не отдыхающимъ, не останавливающимся на поверхности вещей и притомъ метафизическимъ, занятымъ прежде всего одними вѣчными вопросами бытія, вопросами о его причинахъ и цѣляхъ, неразрѣшимыми, а между тѣмъ неотвязчивыми. Умъ Лермонтова былъ весьма пытливый и острый, мысль его сверлила какъ буравъ все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, по одному и тому же направленію.—Постараюсь пояснить нѣсколькими вы-

держками это курьезное вращение вокруг однихъ и тѣхъ же идей. Вотъ что писалъ онъ еще до поступления въ школу юнкеровъ: „Moi, c'est la personne que je fréquente avec le plus de plaisir... j'ai vu que mon meilleur parent, c'était moi“ (I, 440)... „Ищу впечатлѣній, какихъ-либо впечатлѣній! Преглуное состояніе человѣка, когда онъ долженъ занимать себя, чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные своихъ королей, быть своимъ шуткомъ“ (I, 436)... „Je sens bien fortement la réalité de la vie. Je ne pourrai jamais rien détacher pour la mépriser de bon coeur, car ma vie c'est moi, moi qui vous parle — et qui dans un moment peut devenir rien, un nom, c'est-à-dire *encore un rien*. Dieu sait si après la vie le *moi* existera. C'est terrible quand on pense qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire: moi! A cet idée l'univers n'est qu'un morceau de boue“ (I, 444). Лермонтова толкаетъ, конечно, впередъ благородное желаніе славы: „меня мучитъ сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человекомъ“ (I, 437)... „Cette drole de passion de laisser toujours des traces de mon passage“ (I, 444). Въ знаменитой „Думѣ“ 1838 г. больше всего печалитъ Лермонтова то, что — „Толпой угрюмою и скоро позабытой — Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, — Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовой, — Ни геніемъ начатаго труда“ (I, 35). Лермонтовъ проникъ и уразумѣлъ тщету и обманчивость счастья: „Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень, — Ненуженъ міру я... — Молю о счастья, бывало, — Дождался наконецъ! — И тягостно мнѣ счастье стало, — Какъ для царя вѣнецъ“. Если нѣтъ счастья, то не слѣдуетъ къ нему и стремиться, незачѣмъ печалиться о неизбежности смерти; надо брать отъ жизни съ признательностью все то, что она можетъ дать хорошаго, а именно возможно большее удовольствіе отъ самаго процесса этой жизни. Эта рѣшимость не чужда Лермонтову, онъ ее высказываетъ въ свои хорошія минуты: „Что безъ страданій жизнь поэта, — И что безъ бури океанъ?“ — Онъ хочетъ жить цѣною „музы, покупая ими неба звуки“ (I, 437). Онъ восклицаетъ: „Дайте разъ на жизнь и волю, — Какъ на чуждую мнѣ долю, — Посмотрѣть поближе мнѣ“ (I, 6). „Дайте волю, волю, волю — И не нужно счастья мнѣ!“ (I, 486). Эта жажда дѣла выражена всего типичнѣе въ поэтической автобіографіи поэта, озаглавленной: „11 іюня 1831 г.“ (II, 117) — „Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ... — Мнѣ нужно дѣйствовать... понять — Я не могу, что значить отдыхать. — Всегда выпить и зрѣть что-нибудь — Въ моемъ умѣ... — Мнѣ жизнь все какъ-то коротка — И все боюсь, что не успѣю я — Свершить чего-то. Жажда бытія — Во мнѣ

сильнѣй страданій роковыхъ“.—Эта жажда бытія, борьбы и бури выражена прелестно въ „Парусъ“. Въ „Чашѣ“ поэтъ мирится меланхолически, но съ философскимъ спокойствіемъ, съ тщетою надеждъ личнаго счастья. Примирительное настроеніе было, однако, непостоянное, скоропреходящее, проявляющееся въ исключительныя минуты, въ числу которыхъ принадлежитъ та, когда онъ написалъ одну изъ своихъ задушевнѣйшихъ предсмертныхъ строфъ (1841 г., I, 181): „Ужъ не жду отъ жизни ничего я,—И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;—Я ищу свободы и покоя,—Я-бъ хотѣлъ забыться и заснуть“.—Въ большей части рѣшающихся моментовъ примиреніе внутри души поэта не можетъ состояться по той простой и роковой причинѣ, въ которой и содержится весь трагизмъ его судьбы, что для примиренія съ жизнью, необходимо умѣрить свои желанія, подавить и обуздать свои страсти, иными словами—посягнуть на самый источникъ вдохновенія, закрыть главный родникъ поэзіи Лермонтова.—Тяжесть борьбы и невозможность мировой на удовлетворительныхъ основаніяхъ выражены съ дивной простотой и красотой въ „Мольтвѣ“ 1829 г. (когда поэту было 15 лѣтъ): „Не обвиняй меня, Всесильный,—И не карай меня, молю,—За то, что мракъ земли могильный—Съ ея страстями я люблю;—За то, что лава вдохновенья—Клокочетъ на груди моей;—За то, что дикія волненья—Мрачатъ стекло моихъ очей...—Но угаси сей чудный пламень,—Всесожигающій костеръ,—Преобрати мнѣ сердце въ камень...—Отъ страшной жажды пѣснопѣнья—Пускай, Творецъ, освобожусь,—Тогда на тѣсный путь спасенья—Къ Тебѣ я снова обращусь“.

VI.

Существовала ли для Лермонтова возможность, при нѣсколькихъ иныхъ условіяхъ воспитанія и внѣшней обстановки, избѣжать душевнаго разлада, достигнуть внутренняго успокоенія и равновѣсія? Отвѣчая на этотъ вопросъ замѣчу, что я имѣю въ виду только натуры избранныя, съ пытливымъ умомъ—людей, ни объ одномъ изъ коихъ нельзя сказать, что „въ заботы суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ“. Если въ одной изъ такихъ даровитыхъ психическихъ организацій преобладаетъ сообразительность, аналитическая способность, рефлексія, то равновѣсіе устанавливается устойчивое и прочное весьма естественно и просто. Допустимъ, что у такого человѣка ощущенія сильныя и живыя, но они тотчасъ же претворяются въ отвлеченныя понятія, въ значенія,

изображающіе прошлыя наблюденія, въ символы пережитаго. Воспоминанія пережитаго ничѣмъ не отличаются отъ воспоминаній вычитаннаго или отъ умозаключеній. Все испытанное, прочитанное и выведенное укладывается въ головѣ толково, порядочно, въ систему голыхъ, безличныхъ фактовъ. Одно постоянное созерцаніе міровой громады въ ея стройной красѣ и дивномъ порядкѣ доставляетъ такое высокое наслажденіе мыслителю, что онъ забываетъ о себѣ, что онъ отълучается отъ исканія смысла жизни съ точки зрѣнія личной, и прежде всего и больше всего его интересуеетъ вселенная. Громадныя услуги оказала людямъ въ этомъ направленіи нѣмецкая философія, въ особенности гениальнѣйшая изъ системъ этой философіи: Гегелевскій идеализмъ. Лермонтовъ обрѣтался нѣкоторое время въ самомъ расцвѣтѣ этого идеализма, въ московскомъ университетѣ, одновременно съ Герценомъ и его сверстниками („Святое мѣсто! помню я какъ сонъ... Твои каедры, залы, корридоры, — Твоихъ сыновъ заносчивые споры — О Богѣ, о вселенной и о томъ, — Какъ пить: съ водой или просто голый ромъ; — Ихъ гордый видъ предъ грозными властями, — Ихъ сюртуки, висящіе ключами“.— „Сашка“, II, 527). Еслибы обстоятельства и не прервали ученой карьеры Лермонтова, сомнительно, вышелъ ли бы изъ него философъ. Скорѣе можно предполагать противное. Онъ писалъ въ 1830 г. (II, 65): ... „мой умъ не по пустякамъ — Къ чему то тайному стремился. — Къ тому, чему даны въ залогъ — Съ толпою звѣздъ ночные своды — И чтѣ бы уразумѣть я могъ — Черезъ мышленіе и годы. — Но пылкій, по суровый нравъ — Меня грезетъ отъ колыбели... — Умру я, сердцемъ не познавъ — Печальныхъ думъ печальной цѣли“.

Какъ всякій художникъ, Лермонтовъ имѣлъ натуру чувственную; въ немъ отъ природы преобладала эмоціональная дѣятельность надъ рефлексією. Онъ обладалъ такою же страшною „*памятью сердца*“, какъ и Байронъ, то-есть способностью воспроизводить въ сознаніи послѣ многихъ лѣтъ испытанныя когда-то ощущенія, не только съ первоначальною ихъ свѣжестью, но еще обособленныя, усиленныя и дополненныя воображеніемъ. „Какъ все прошедшее — пишетъ Лермонтовъ въ „Героѣ нашего времени“ — ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!“ (II, 314). „Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ; ничего не забываю, *ничего!*“ — Натуры чувственныя, волнующіяся безъ удержу и

страстныя, нуждаются въ уздѣ, которая бы укрощала ихъ порывы, въ силѣ, дѣйствующей извнѣ, въ авторитетѣ, предъ которымъ онѣ бы преклонялись. Для большинства людей, для несмѣтнаго ихъ числа, такою моральною уздою является религія, ничѣмъ по благотворному своему вліянію незамѣнимая для душъ, еще способныхъ вѣрить. Живой примѣръ буйнаго артистическаго темперамента, укрощеннаго религіею, представляетъ собою Шато-бріанъ, пѣвецъ анти-революціонной въ римско-католическомъ духѣ реакціи.— По условіямъ своего происхожденія и воспитанія подъ крылышкомъ богомольной бабки, по врожденной сильной наклонности къ націонализму, по сильной любви къ родинѣ своей—самой тѣсной, по нерасположенію своему къ европеизму и глубокому религіозному чувству, вдохновляющему „Вѣтку Палестины“ и множество прекраснѣйшихъ молитвъ, Лермонтовъ былъ снабженъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться великимъ художникомъ того литературнаго направленія, теоретиками коего были Хомяковъ и Аксаковы, художникомъ народническимъ, какового именно и не доставало этой школѣ. Въ 15 лѣтъ отъ роду, сознавая уже свое мастерство, Лермонтовъ писалъ: „если захочу вдаться въ поэзію народную, то вѣрно нигдѣ больше не буду ее искать, какъ въ русскихъ пѣсняхъ“ (П, 515). Такъ какъ онъ былъ мастеръ на всѣ лады и поэтъ гениальный, то случилось, что ему разъ захотѣлось написать поэмѣ въ народномъ русскомъ вкусѣ, и онъ ее написалъ легко и свободно. Замѣчательно, что въ превосходномъ эпосѣ, озаглавленномъ: „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника, и удалого купца Калашникова“, Лермонтовъ не модернизировалъ въ современномъ либеральномъ духѣ своихъ людей изъ прошлыхъ временъ, какъ это дѣлалъ Алексѣй Толстой со своими героями изъ былинъ Владимірова цикла. Лермонтовъ не взялъ на себя сравнительно болѣе легкой задачи воспѣвать богатырей, которыхъ слава и безъ того свѣжа и у всѣхъ на виду, напримѣръ Петра Великаго. Онъ избралъ златоглавую, бѣлокаменную, частью византійскую, частью татарскую Москву, въ самый мрачный періодъ слагающагося самодержавія. Онъ вывелъ и поставилъ во весь ростъ гигантскую фигуру Грознаго. Въ произведеніи этомъ свозить такое пониманіе исторіи, такая простота фабулы и такая правда выраженія, наконецъ такое мастерство превращать въ золото поэзиі все то, что кроетъ въ себѣ жизнь самаго дурного, несправедливаго и ужаснаго, что невольно призадумался о томъ, каково изъ Лермонтова могъ бы выйти замѣчательный историческій живописецъ и поэтъ славнофильскаго лагеря. Но самъ Лермонтовъ сказалъ о себѣ, что

до 15-ти лѣтъ онъ почти ничего не читалъ, а съ 15-ти лѣтъ онъ уже не думалъ о томъ, какъ бы вдаваться въ народную поэзію (II, 515). Странно, что въ 1830 г. онъ написалъ: „наша литература такъ бѣдна, что я ничего не могу изъ нея заимствовать“, между тѣмъ какъ онъ заимствовалъ многое отъ Пушкина, передѣлывалъ „Кавказскаго Пльнника“ и старался всячески имѣть, подобно Пушкину, „холодный умъ среди мрачныхъ думъ“ („Портретъ“, 1829 г., II, 22), тотъ умъ „сомнѣняемъ охлажденный и спорить съ рокомъ приученный“ (Измаилъ-Бей, 1832, II, 305). Кажется, что этотъ обходъ Пушкина въ русской литературѣ можетъ быть объясненъ очень просто тѣмъ, что русскую поэзію представлялъ Лермонтову одинъ только Пушкинъ, горячо имъ любимый, но Лермонтовъ считалъ Пушкина не національно-русскимъ, а обще-европейскимъ поэтомъ, какимъ Пушкинъ и былъ въ дѣйствительности. Притомъ господство Пушкина надъ воображеніемъ Лермонтова было значительно поколеблено вліяніемъ на Лермонтова еще болѣе яраго поэтическаго свѣтила, которому Лермонтовъ сознательно и беззавѣтно подчинился, а именно—Байрона. Еще раньше того момента, когда Лермонтовъ, по его же словамъ, началъ марать стихи въ пансіонѣ въ 1828 г., онъ переписывалъ „Шильонскаго Узника“. Восторженное отношеніе его къ Байрону началось съ прочтенія, въ 1830 г., жизнеописанія Байрона, написаннаго Муромъ (The life, letters and journals of L. Byron), а точнѣе выражаясь,—по прочтеніи перваго тома этого труда, изданнаго въ Лондонѣ въ январѣ 1830 г.; второй томъ не могъ быть извѣстенъ Лермонтову въ 1830 г., такъ какъ онъ изданъ въ Лондонѣ въ самомъ концѣ 1830 г., и само предисловіе къ нему помѣчено декабремъ. Тогда-то Лермонтовъ написалъ: „Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,—И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:—У насъ одна душа, одинъ и тѣ же муки.—О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!“—Съ того же момента начинается прилежное подбораніе и записываніе малѣйшихъ чертъ сходства между ученикомъ и учителемъ. Лермонтова поражаетъ, что и Байронъ прибиралъ и переписывалъ свои дѣтскіе стишонки, какъ бы по инстинкту, въ чаяніи будущаго. Затѣмъ замѣчено еще одно сходство: „матери Байрона предсказала цыганка, что онъ будетъ великій человекъ; про меня предсказала то же самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, чтобы и надо мною сбылось, хотя бы я былъ такъ же несчастливъ, какъ Байронъ“ (II, 513). Въ 1831 г. Лермонтовъ пишетъ на картину Рембрандта: „Ты понималъ, о мрачный геній, — Тотъ грустный, безотчетный тонъ, — Порывъ страстей и вдохновеній, — Все то, чѣмъ удивлялъ Бай-

ронъ“ (II, 231). Но въ томъ же 1831 году написанъ и отрывокъ, который жизнеописатели Лермонтова подчеркиваютъ какъ доказательство его эманципации: „Нѣтъ, я не Байронъ, я другой, — Еще невѣдомый избранникъ, — Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ, — Но только съ *русскою* душой. — Я раньше началъ, кончу ранѣ, — Мой умъ не много совершить; — Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ, — Надеждъ разбитыхъ грузъ лежатъ“. — Цѣна и вѣсь этого доказательства крайне спорны и сомнительны. Писалъ отрывокъ Лермонтовъ какъ студентъ университета (съ авг. 1830 по июнь 1832 г.), баловень бабушки, юноша, малѣйшія прихоти котораго исполнялись, и который изъ кожи лѣзъ, чтобы изобразить собою другой экземпляръ Байрона. Въ этихъ видахъ онъ даже и загримировался гонимымъ странникомъ, плачущимъ о разбитомъ грузѣ надеждъ, хотя онъ еще и не вкусилъ порядкомъ отъ плодовъ жизни, а слѣдовательно и разочароваться не могъ. Если его мучила неизвѣстность, жажда славы, то эта слава неслась передъ нимъ окрыленная и улыбалась; талантъ свой онъ сознавалъ вполне, и еще въ 1829 г. писалъ: „лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ“ (II, 25), такъ что его авторскіе успѣхи въ будущемъ представлялись только какъ вопросъ времени. Не менѣе загадочны и неясны слова: „съ русскою душой“. Свою родину Лермонтовъ любилъ не только „странною“, но и весьма неравною любовью. Любя ее, онъ все-таки упорно отыскивалъ для себя знатное иностранное происхожденіе, и выводилъ свой родъ то отъ испанскихъ Лерма, то, потомъ (что согласнѣе съ фамильными документами) отъ шотландскихъ Лирмонтовъ, съ ихъ Learmonth's Tower на Твидѣ, неподалеку отъ Вальтеръ-Скоттова Абботсфорда (Висковатый, „Русская Мысль“ 1882 г.) Лермонтовъ горѣлъ поэтическимъ „желаніемъ“ летѣть въ Шотландію, гдѣ „Стоитъ могила Оссиана — Въ горахъ Шотландіи моей“ (1830, II, 74), помчаться степнымъ ворономъ, чтобъ задѣть струны шотландской арфы: „Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ — Увядаетъ средь *чуждыхъ* снѣговъ; — Я здѣсь былъ рожденъ, но *не здѣшній душой*. О, зачѣмъ я не воронъ степной!“ Эти послѣдніе стихи, съ фразою: „нездѣшній душой“, помѣчены 29-го іюля 1831 г. на бельведерѣ въ Средниковѣ (II, 197), тѣмъ же годомъ, въ концѣ котораго написанъ (II, 232) стихъ: „но только съ русскою душой“. Итакъ, въ виду противорѣчій въ показаніяхъ субъекта, вопросъ о національности его души остается открытымъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ вопросѣ онъ не можетъ быть самъ себѣ и экспертомъ. Русскіе литературные критики согласны въ томъ, что Пушкинъ былъ байронистъ только на поверхности, но

что Лермонтовъ сталъ байронистомъ до мозга костей. Вогюэ замѣчаетъ: „Lermontoff a reçu l'instrument façonné par Pouschkine, mais il se rattache sur tout à leur maître commun. Le créateur d'„Onéguine“ n'avait pris à celui de „Childe Harold“ que la poétique, Lermontoff lui a pris son âme“ (54). Полагають вообще, что вліяніе Байроновской поэзіи на Лермонтова было благотворное, возвышающее, способствующее тому, чтобы Лермонтовъ могъ стряхнуть съ себя всю пошлость современной общественности, выбраться изъ этой тины, прервать мертвый застой того времени отчаяннымъ, хотя и малополезнымъ протестомъ. Всѣ эти предположенія какъ о пользѣ вліянія Байрона на Лермонтова, такъ и о пользѣ Лермонтовскаго протеста à la Byron, должны быть изъяты изъ нашего разсмотрѣнія, какъ безусловно противныя задачамъ литературной критики и сильно препятствующія анализу фактовъ, долженствующихъ быть прежде всего установленными, притомъ фактовъ не соціального, но психологическаго свойства. Не будь Байрона и его вліянія—изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ, сильно держащійся за родную почву множествомъ корней, а потому и популярный и любимый. Подъ вліяніемъ Байрона изъ Лермонтова выработался поэтъ весьма высокаго полета, но космополитическій, можетъ быть и безпочвенный, но столь могучій по силѣ генія, что въ теченіе всѣхъ истекающихъ по его смерти 50 лѣтъ ни одинъ изъ появившихся потомъ пѣвцовъ не унаслѣдовалъ его волшебной лиры, никто не приблизился къ нему—всѣ они точно маленькіе холмы въ виду этого поэтическаго Казбека. Итакъ, вопросъ долженъ быть поставленъ въ совершенно иной формѣ: насколько видоизмѣнилось творчество Лермонтова отъ знакомства съ Байроновскою поэзіей? Чтò заимствовалъ Лермонтовъ изъ этой поэзіи и чѣмъ онъ вовсе не воспользовался?

VII.

Я весьма далека отъ намѣренія утверждать, будто бы всѣ чувства: гордой независимости, презрѣнія къ людямъ, страданія отъ тягости бытія—общія и Байрону, и Лермонтову—были прямо взяты послѣднимъ у перваго и только пересажены искусственнымъ образомъ. Какъ у Пушкина, послѣ его страданій въ 1820 г., такъ и у Лермонтова, 16-лѣтнаго юноши, менѣе страдавшаго, сѣмья падало на подготовленную и прошедшую, и внѣшними событиями почву. До поступленія въ московскій университетъ Лер-

монтовъ сдѣлался предметомъ мучительнѣйшаго для него пререванія между отцомъ его, далеко не безгрѣшнымъ въ семейномъ быту человѣкомъ,—который пытался переманить, или, лучше сказать, перетащить, въ свою убогую усадьбу многообщавшаго сына, —и богатою бабушкою Арсеньевою, трепещущею при мысли, что у нея могутъ похитить этотъ кладъ, къ которому она безпрѣдѣльно привязалась, либо просто силою, либо на основаніи закона („Русск. Мысль“ 1882 г., № 12, ст. г. Висковатаго). Въ обострившейся до крайности борьбѣ изъ-за „Мишеля“ онъ былъ безвинною жертвою этого конфликта, узналъ изнанку жизни, несправедливость и пристрастіе другъ къ другу дорогихъ ему лицъ. Конфликта этого онъ не могъ осилить, и вышелъ изъ этой пытки надломленнымъ существомъ. Сердце влекло его къ отцу, но предъ нимъ расплакалась и предстала въ своемъ ужасающемъ одиночествѣ бабка. Онъ сжалился надъ нею,—тогда отецъ заподозрилъ его въ томъ, что его прельстили богатства бабки. Отецъ бросилъ Тарханы, уѣхалъ и вскорѣ умеръ, обременивъ совѣсть сына предположеніемъ, что, можетъ быть, поведение Мишеля ускорило эту смерть. Такимъ образомъ, Лермонтовъ впервые въ жизни испыталъ *судьбу*, тотъ *рокъ*, съ которымъ онъ всю жизнь потомъ велъ ожесточенную, отчаянную борьбу. Какъ настоящій художникъ, онъ занялся тотчасъ литературнымъ эксплуатированіемъ пережитыхъ мукъ.

Онъ сталъ изображать драматическую игру страстей, подмѣченную имъ въ своей душѣ и у другихъ. Послѣ дѣтской подражательной трагедіи: „Испанцы“, наполненной мотивами изъ „Разбойниковъ“, „Kabale und Liebe“, „Натана Мудраго“, и послѣ драмы: „Два брата“, воспроизводящей антагонизмъ Карла и Франца Мооровъ изъ „Разбойниковъ“ Шиллера (онъ любовался этою драмою въ 1829 г. на московской сценѣ въ исполненіи Мочалова,—II, 435),—написаны Лермонтовымъ „Menschen und Leidenschaften“ (1830), и вслѣдъ затѣмъ—„Странный человѣкъ“ (1831). Въ обѣихъ драмахъ героемъ является сынъ. Лицо это собственно не трагическое, потому что не дѣйствуетъ, мучается безвинно и погибаетъ подъ тяжестью отцовскаго проклятія и отвергнутой любви къ женщинѣ. Въ драму: „Menschen und Leidenschaften“ вставлена вся семейная тархановская исторія, причемъ самыми темными красками расписана бабушка, старая помѣщица, суровая хозяйка по Домострою, окруженная пресмыкающеюся предъ нею дворнею, которая возстановляетъ ее противъ зятя. Матеріалъ для любовной интриги, занимающей второстепенное мѣсто въ этой пьесѣ, доставила любовь Мишеля къ

одной из своих кузинъ, вѣроятно къ Варварѣ Лопухиной. Сынъ оклеветанъ передъ отцомъ, который его проклинаетъ; пораженный этимъ проклятиемъ, сынъ отравляетъ себя. Матеріаль для драмы дала сама жизнь; авторъ изобразилъ себя не по-байроновски, т.-е. не дѣйствующимъ лицомъ, а скорѣе похожимъ на Шиллеровскаго Фердинанда въ „Kabale und Liebe“. Передъ смертью сынъ извѣрился до атеизма („Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; искры неравны между собою, но всѣ погаснутъ безъ слѣда; когда огонь истощится, собираютъ пепель и выбрасываютъ вонъ... Нѣтъ другого свѣта, нѣтъ рая, нѣтъ ада. Люди—брошенные, неприютныя созданія“. Дѣйств. V, явл. 9 и 10). Но этотъ же извѣрившійся человѣкъ вступаетъ въ споръ съ Богомъ и обвиняетъ его со всею тонкостью рѣжущей діалектики, какою Байронъ вооружилъ своего Каина: „если онъ всевѣдущъ, то зачѣмъ не удержалъ удары людей отъ моего сердца? зачѣмъ хотѣлъ моего рожденія, зная мою гибель? гдѣ его воля, когда по моему хотѣнію я могу умереть или жить?...“ Драма была вѣроятно написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти отца, внушившимъ поэту столько скорбныхъ звуковъ (1831, II, 227.— „Дай Богъ, чтобы какъ твой спокоенъ былъ конецъ — Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной,—Но ты простишь меня!)." — Вскорѣ потомъ (1831) Лермонтовъ раздумался, убѣдился въ своей несправедливости къ бабушкѣ,—вѣроятно ему рассказали всѣ вины отца по отношенію къ матери,—вслѣдствіе чего въ „Странномъ человѣкѣ“ уже совсѣмъ нѣтъ на сценѣ бабушки, но зато въ весьма непривлекательномъ видѣ представленъ отецъ, семейный деспотъ, безжалостный къ женѣ, безъ толку проклинающій сына за то, что этотъ послѣдній вступилъ за побинтованную мать. Сынъ сходитъ съ ума отъ этого проклятія и отъ того еще, что ему измѣнила любимая женщина, сдѣлавъ иной выборъ по благоразумному расчету. Такія отношенія отца къ сыну нисколько не похожи на извѣстныя намъ отношенія Юрія Лермонтова-отца къ Мишелю, въ предисловіи же къ „Странному человѣку“ заявлено, что драма изображаетъ происшествіе истинное, которое долго беспокоило автора и всю жизнь занимать его не перестанетъ; что всѣ лица взяты съ природы, и что авторъ желаетъ „чтобы они были признаны“, а потому слѣдуетъ заключить, что авторомъ заимствована изъ дѣйствительности и изображена автобиографически только одна любовная исторія. Эпиграфъ къ драмѣ взятъ изъ Байронова „Сна“ (The Dream); въ 4-ю сцену у студентовъ вставленъ яко-бы сочиненный сыномъ отрывокъ, составляющій прямое подражаніе „Сну“ Байрона. Извѣстно, что „Сонъ“ Байрона есть одно изъ душеш-

нѣйшихъ его произведеній, исповѣдь его отроческихъ сердечныхъ мукъ, когда миссъ Чауртъ предпочла хрому мальчику болѣе зрѣлаго человѣка. Мальчикъ покидаетъ навсегда любимую женщину, несказанно страдая, но съ ледянымъ на видъ равнодушіемъ. Подобныя страданія испыталь Лермонтовъ нѣсколько разъ въ жизни, — они и породили, вѣроятно, мизантропическое его настроеніе и вражеское отношеніе вообще къ женскому полу, страсть къ тому, чтобы ухаживать за женщиною, а потомъ съ хохотомъ и насмѣшкою ее бросить. Въ „Странномъ человѣкѣ“ Лермонтовъ еще очень мягокъ: „Богъ, Богъ! — воссылаеть онъ: — во мнѣ отнынѣ нѣтъ къ тебѣ ни любви, ни вѣры. Зачѣмъ ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любить до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть!“ (сц. 12). Однако, какъ въ этомъ произведеніи, такъ и въ другихъ, написанныхъ въ этотъ до-байроновскій періодъ, разсѣяны во множествѣ уже готовыя черты будущаго мизантропа, анатомирующаго каждую крошечку горя, посылаемаго ему судьбою (сц. 1), напрасно старающагося потопить въ потокѣ удовольствій тяжелую ношу самосознанія, и признающаго за собою несносный характеръ, злой умъ и всегда печальное воображеніе, желанія, не знающія преграды и переменчивость склонностей“ (сц. 11). Его сердце созрѣло раньше ума, онъ „узналъ дурную сторону свѣта, когда не могъ еще остерегаться его нападеній и равнодушно переносить ихъ“ (сц. 1). Онъ уже отзывается объ обществѣ съ большимъ пренебреженіемъ: „собраніе людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ, полныхъ зависти къ тѣмъ, въ чьей душѣ есть малѣйшая искра небеснаго огня“ (Предисловіе). „Станнымъ человѣкомъ“ заключается отроческій періодъ въ жизни Лермонтова, исчезаетъ юноша, страдающій безвинно; появляется закаленный человѣкъ, сознательно самолюбивый, злой и предприимчивый. — („Какъ демонъ мой, я зла избранникъ“, — говоритъ онъ въ предисловіи къ третьему очерку „Демона“). Въ посвященіи 1831 (I, 513) онъ пишетъ: „Какъ Демонъ хладный и суровый, я въ мірѣ веселился зломъ“. — Есть одно мѣсто въ письмѣ къ М. А. Лопухиной (28 авг., 1832. I, 440), которое проливаетъ свѣтъ на внутреннюю работу Лермонтова надъ самимъ собою, совершаемую съ цѣлью, чтобы зачерствѣть и по возможности озлиться: *J'écris peu, je ne lis pas plus, mon roman devient une oeuvre de désespoir; j'ai fouillé dans mon âme pour en retirer tout ce qui est capable de se changer en haine, et je l'ai versé pêle-mêle sur le papier. Vous me plaindriez en le lisant...* Онъ сознаетъ свою силу и мастерство въ злословіи; онъ будетъ изощряться въ этомъ мастерствѣ, оправдывая себя тѣмъ много разъ повторяе-

мымъ резономъ, что „не вѣрить больше ничему“, потому что прежде вѣровалъ всему. Переменная, происшедшая въ творествѣ, не поясняется никакими намъ извѣстными въ жизни его событиями. Ее можно постигнуть только съ помощью предположенія, что въ промежуткѣ между пансіономъ и юнверскою школою онъ начитался Байрона и усвоилъ себѣ вполне и его рѣзкость суждений, и его гордыню, и его сатанинскій сардоническій хохотъ. Я отрицалъ основательность сдѣланнаго Аполлономъ Григорьевымъ опредѣленія поэзіи Байрона, что она есть поэзія цинически откровеннаго эгоизма, клеветущая на душу человѣческую и раздражающаяся ироніею и тоскою, такъ какъ голый эгоизмъ противенъ натурѣ человѣческой. Я утверждалъ, что это опредѣленіе потому и нейдетъ къ Байрону, что эта поэзія имѣетъ широкую гуманистическую подкладку, вѣру въ идеалы, которымъ Байронъ преданъ, хотя весь міръ кругомъ поклоняется съ коленнопреклоненіемъ идоламъ грубой силы и золотому тельцу. Но я не могу не признать, что опредѣленіе Григорьева очень подходитъ къ поэзіи Лермонтова, и что Григорьевъ могъ бы быть введенъ въ заблужденіе, еслибы, опредѣляя Байрона, смотрѣлъ на него сквозь призму поэзіи Лермонтова. Есть стекла спектральныя, разлагающія лучъ солнечный на цвѣта, пропускающіе одни цвѣта спектра и задерживающія другія. Лермонтовъ и представляетъ собою такое стекло. Перелистывая его, вы едва ли найдете какія-либо изъ тѣхъ возвышенныхъ чувствъ, которыя вдохновляли Байрона при написаніи четвертой пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“, Байрона — излечившагося отъ ироніи, Байрона лучшихъ дней, провозглашающаго: „I love the man not less, but Nature more... To fly from need — not to hate mankind“; Байрона, пишущаго къ Муру (6 апр., 1819): „You have so many *divine* poems, is it nothing, to have written a *humane* one?“ — Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Лермонтова; зато выступило наружу все багровое, злобное, демоническое, съ такою силою, что для людей, которые приноровились распознавать человѣка по его манерѣ писать, по его пошибу, Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ чѣмъ у самого Байрона. Уважу на одинъ небольшой примѣръ такого подчеркиванія, подкраниванія, возведенія демоническаго — какое есть и у Байрона — въ квадратъ.

У Байрона имѣется прелестная по простотѣ и трезвости колорита еврейская мелодія: *My soul is dark*, переведенная Лермонтовымъ, въ 1836 году: „Душа моя мрачна“. Неизвѣстно кто — вѣроятно царь Саулъ (Книга I Царствъ, 18, 10) требуетъ отъ

арфиста: „играй, играй, смягчи меня, вызови слезу, дабы пересталъ горѣть мой мозгъ (cease to burn my brain). Да будетъ эта нѣснѣ дика и скорбна; я говорю тебѣ—я плакать долженъ, или сердце разорвется отъ муки. Теперь рѣшительный часъ, оно либо разорвется, либо растаетъ въ пѣснѣ“ (break at once or yield to song). Разумѣется, что Лермонтовъ перевелъ это стихотвореніе блистательно и столь же сжато (16 стиховъ); но такъ какъ фантазія у него съ юныхъ лѣтъ, съ перваго посѣщенія Кавказа, была восточная, страстно любящая яркое и пестрое, то Лермонтовъ и оснастилъ простую основу мелодіи бездною золотыхъ блестокъ и стекляруса, употребивъ имѣвшіяся у него въ запасѣ готовыя клишэ. Арфа выходитъ *золотая*. Рука музыканта должна извлечь изъ нея не *melting murmurs*, а звуки *raa*. Привлеченъ сюда и *рокъ*, уносящій надежды. У Байрона нѣтъ „застывшихъ глазъ“ и такихъ слезъ въ нихъ, которыя должны „растать“; скорѣе надо предположить, что глаза эти воспалены, какъ и мозгъ:—И если есть въ очахъ остывшихъ капли слезъ, —онѣ растають и прольются. Должно быть, Лермонтовъ постоянно носился съ плотною „свинцовою слезою“, одною изъ тѣхъ, которыми прожженъ камень у монастыря Тамары. Въ стихахъ:— „Какъ мой вѣнецъ, мнѣ тягостны веселья звуки“,—первыя три слова составляютъ вставку собственнаго издѣлія, одну изъ любимыхъ фразъ, уже давнымъ-давно сочиненныхъ и часто повторяемыхъ. Наконецъ, заключеніе, подставляющее вмѣсто сердца, которое должно разорваться или разрѣшиться пѣснью — *грудь* (то-есть, тоже сердце), „какъ кубокъ смерти яда полный“, есть явное измѣненіе смысла подлинника, внушенное поэту постоянно присущимъ ему представленіемъ о ядовитости продуктовъ его собственнаго творчества. Та перекройка Лермонтовымъ Байрона по своему собственному темпераменту, которую мы наблюдали въ маленькомъ хрусталигѣ мелодіи: *My soul is dark*, повторяется въ большихъ размѣрахъ въ крупныхъ эпическихъ и позднѣйшихъ драматическихъ произведеніяхъ Лермонтова, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ поэма: „Демонъ“, которую онъ всю жизнь гранилъ, точилъ и полировалъ, еще съ 1829 г., когда начерталъ первый очеркъ, до окончателнаго пятаго, въ 1838 г. (9 лѣтъ—работа болѣе продолжительная, чѣмъ Пушкина надъ „Онѣгинимъ“). Исторія этого произведенія настолько интересна, что на ней слѣдуетъ остановиться.

VIII.

Есть у Лермонтова одна ранняя поэма — *Ангель Смерти*, восточная повесть, — ростокъ, происходящій отъ одного общаго корня съ „Демономъ“. По первоначальному замыслу, сохранившемуся въ черновой тетради (II, 524), ангель смерти, котораго назначеніе улаживать поцѣлуемъ послѣдній мигъ умирающаго, тронутый отчаяніемъ любовника умирающей дѣвы, начальника возстающихъ грековъ, оживилъ ея трупъ своею собственною душою, но потомъ раскаялся, потому что этотъ любовникъ оказался человѣкомъ мрачнымъ и кровожаднымъ. Греки убиваютъ въ сраженіи; ангель не можетъ уже облегчить его смерти, какъ воплотившійся въ смертное существо, но покидаетъ и тѣло дѣвы, и съ тѣхъ поръ уже не любить людей, для которыхъ — „Хладнѣе льда его объятья — И поцѣлуй его — проклятыя!“ — Въ самой поэмѣ дѣйствіе перенесено въ Индію, грѣкъ превратился въ отшельника Зораима. У Зораима есть любовница Ада, въ моментъ смерти которой, изъ состраданія къ Зораиму, въ тѣло ея переселился ангель смерти. Замыселъ теряетъ свою первичную простоту и прозрачность. Зораимъ, увлекаемый внезапно честолюбіемъ и жаждою славы, кидается въ войну и смертельно раненъ на полѣ битвы. Страдальцу не можетъ помочь духъ, изъ ангела превратившійся въ смертную женщину. Со смертью Зораима ангель освобождается также отъ земныхъ узъ и возвращается въ небеса, но — „За гибель друга въ немъ осталось — Желанье міру мстить всему“. — Ангель „простился съ прежней добротой, — Людей узналъ онъ: состраданья — Они не могутъ заслужить“. — Поэма эта, очевидно, мизантропическая, но еще не демоническая. Она указываетъ на то, что по сознанію поэта есть — „пятно тоски въ умѣ моемъ, — И съ каждымъ годомъ шире то пятно, — И скоро все поглотитъ“ (II, 224). Есть черновая замѣтка, изъ которой видно, что Лермонтовъ предполагалъ написать длинную сатирическую поэму: *Демонъ*.

„Демонъ“ и былъ написанъ, но вышелъ онъ не сатирическій. Прежде всего у Лермонтова онъ представляетъ аллегорію отвлеченной идеи зла. Есть у Пушкина одинъ недоразвившійся бутончикъ того же наименованія, относительно котораго спорили, изображаетъ ли онъ челоуѣка-скептика, или олицетвореніе сомнѣнія, какъ нравственнаго зла. Будучи 14 лѣтъ, Лермонтовъ сталъ парафразировать этотъ Пушкинскій сюжетъ („Мой демонъ“, 1829, II, 32: Онъ недовѣрчивость вселяетъ. — Онъ презрѣлъ чистую любовь...),

съ тою существенною разницею, что его демонъ—не хладный насмѣшникъ, а существо, дѣйствующее голосомъ страсти и жестокое (Онъ равнодушно видитъ кровь—И звукъ высокихъ ощущеній—Онъ давить голосомъ страстей); наконецъ, въ этой абстракціи слиты и зло физическое, и зло нравственное (Средь листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ—Стоитъ его недвижимый тронъ;—На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,—Сидитъ уныль и мраченъ онъ), что и служитъ зародышемъ изображеній въ послѣдующихъ очеркахъ „ледяного царства Демона“ и его трона на вершинѣ льдовъ, гдѣ „бѣлогривыя мятели—Какъ львы у ногъ его ревѣли“ (I, 516). Затѣмъ идутъ видоизмѣняющіяся повѣствованія о дѣяніяхъ Демона въ длинномъ ряду очерковъ. Первоначальный замыселъ 1829 г. простъ (I, 496) и вѣренъ представленію о демонѣ, какъ олицетвореніи одного только зла. Демонъ узналъ, что одинъ изъ противниковъ его, ангелъ, любитъ смертную. На зло ангелу онъ обольщаетъ эту женщину, которая скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Выписки „Каина“ Байрона (изданнаго въ 1821 году) предпосланы, въ видѣ эпиграфа, ко второму очерку „Демона“, писанному въ пансіонѣ въ 1830 году. Со второго очерка обстановка будетъ постоянно мѣняться: соблазненная женщина будетъ представлять собою сначала еврейку временъ вавилонскаго плѣненія, потомъ испанскую монахиню, пока она не превратится окончательно въ грузинскую княжну Тамару; но уже со второго очерка коренная идея поэмы фиксирована; сюжетомъ ея становится то, что одинъ изъ главныхъ подручниковъ архистратига адскихъ силъ, сатаны—Демонъ—влюбился настоящею пологою любовью въ одну изъ правнучекъ прародительницы Евы, и что любовь увѣнчана была взаимностью. Мысль эта сама по себѣ не нова, съ нею возился Байронъ, сочиняя въ 1821 г. мистерію: „Heaven and Earth“, изображающую женщину изъ племени Каинова и ангеловъ, изъ-за этихъ женщинъ дѣлающихся непослушными Богу. И женская любовь къ князю тьмы не есть также предметъ небывалый въ литературѣ. На ней основана лучшая изъ поэмъ Альфреда де-Виньи, появившаяся въ 1828 г. въ собраніи его поэзій: „Eloa la soeur des anges“. Слеза, пролитая Христомъ у гроба Лазаря, даетъ начало ангелу-женщинѣ, Элоа. Во время своихъ странствованій по вселенной, Элоа встрѣчается съ павшимъ сатаною, поражающимъ даже и въ паденіи своею дивною красотою. Хотя, сочувствуя ему, Элоа пытается объять, догадываясь, кто ея собесѣдникъ; но онъ разрыдался и явилъ себя столь безконечно несчастнымъ въ случаѣ, если она его покинетъ, что изъ сожалѣнія Элоа осталась при сатанѣ, ко-

торый и увлекъ ее въ бездну.—Лермонтовъ задался замысломъ, весьма похожимъ на Элоа, въ „Ангелъ смерти“, произведеніи, имѣющемъ центральною фигуру женщину-Аду и основанномъ на чувствѣ состраданія. Но въ „Демонъ“ Лермонтова главнымъ лицомъ становится уже не женщина, а самъ духъ тьмы, дивно красивый, бесконечно могучій и злой, сѣятель зла и оболститель. Какъ Люциферъ у Байрона, Демонъ зоветъ себя „царемъ познанья и свободы“; кромѣ того, онъ—аллегорическое олицетвореніе всякаго зла (Я врагъ небесъ, я зло природы). По своей не-человѣческой природѣ и безсмертію, онъ обреченъ на то, чтобы „жить для себя, скучать собой,—Всегда жалѣть и не желать,—Все противъ воли ненавидѣть—И все на свѣтъ презирать.“—Въ первоначальныхъ наброскахъ еще сильнѣе была подчеркнута эта обязательная ненависть ко всему: „...ему любить—Не должно сердце допустить,—Онъ связанъ клятвой роковою“ (данною имъ самимъ при изгнаніи ихъ на землю). Сюжетъ простъ, но живописно обставленъ. Предъ вами: сѣдой Гудаль и дочь его Тамара; ея помолвка съ владѣтелемъ Синодала; ѣзда этого жениха на свадьбу съ караваномъ навьюченныхъ дарами верблюдовъ; пропущенная имъ, по навожденію лукаваго, молитва у часовни и послѣдовавшій затѣмъ выстрѣлъ; несостоявшійся свадебный пиръ, вслѣдствіе смерти жениха; похороны его и плачь Тамары. Всѣ эти красивыя детали внесены въ поэму потому, при постепенной обработкѣ сюжета. Въ нихъ обнаруживается удивительный талантъ ставить на сцену артистическую идею,—талантъ, которымъ никто изъ послѣдующихъ русскихъ поэтовъ не можетъ съ Лермонтовымъ сравняться (всего ближе подходитъ къ Лермонтову по ярости красокъ гр. Алексѣй Толстой). Разъ коснувшись техники, нужнымъ считаю замѣтить, что Лермонтовъ безподобенъ при изображеніи картинъ природы, да притомъ природы кавказской, и что онъ никогда почти не выходилъ изъ заволованнаго круга впечатлѣній, доставленныхъ ему въ самомъ раннемъ возрастѣ, десяти лѣтъ,—его вторымъ и можно даже сказать—его настоящимъ отечествомъ. Будучи отрокомъ, онъ писалъ: „Синія горы Кавказа, вы къ небу меня приучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ и о небѣ.—Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя въ то мгновеніе гордится онъ ею“ (1830, II, 512). Подъ конецъ жизни (1840), въ посвященіи „Демона“, онъ восклицаетъ: „Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,—Я посвящаю снова стихъ небрежный...—На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,—Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой“. Обыкновенно различаютъ чувствованіе красоты при-

роды первобытное, мифологическое, свойственное народамъ, воображающимъ, что природа населена множествомъ невидимыхъ духовныхъ силъ, подобныхъ человѣку, — и чувствованіе тѣхъ же красотъ эстетическое, отыскивающее въ событіяхъ внѣшней природы источники ощущеній волнующихъ, возбуждающихъ, подходящихъ къ темпераменту поэта, сродныхъ извѣстнымъ состояніямъ его души. Лермонтовъ одаренъ чувствомъ красотъ природы второго рода. У него темпераментъ настоящаго южанина, который мерзнетъ и вянетъ на тускломъ сѣверѣ (Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенія — Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ. — Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ, — Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго — Ея однообразное теченіе). Онъ чувствуетъ себя въ своей стихіи только при палящемъ зноѣ, среди самой роскошной и почти тропической природы. Воображеніе его восточное; оно старается подбирать краски еще свѣжѣе природныхъ, изобрѣтаетъ самыя изысканныя метафоры, чтобы передать, насилуя тонъ, силу страсти или порывъ чувства. Простоты, конечно, и не ищите, но есть увлекательная, опьяняющая и брызжущая цѣлымъ фонтаномъ реторива звучныхъ словъ и яркихъ образовъ въ этихъ всѣмъ извѣстныхъ лирическихъ отрывкахъ: „Клянусь я первымъ днемъ творенья, — Клянусь его послѣднимъ днемъ“ и т. д... цѣлыхъ двадцать стиховъ. Или: „И для тебя, звѣзды восточной, — Сорву вѣнецъ я золотой, — Возьму съ цвѣтовъ росы полночной, — Его усыплю той росой; — Лучомъ румянаго заката — Твой стань, какъ лентой, обовью...“ То же можно сказать и про описанія. Пушкинъ, въ сравненіи съ Лермонтовымъ, только аеварелисть. Гдѣ онъ довольствовался бы нѣсколькими тонкими штрихами и далъ бы простое, трезвое, но весьма правдивое выраженіе своей мысли, тамъ Лермонтовъ дѣйствуетъ не кистью, а какъ бы щеткою, покрываетъ полотно цвѣтными пятнами и брызгами красокъ. Онъ пишетъ не эскизъ или картину, а панораму, такъ что не знаешь, гдѣ кончается реальная обстановка зрителя, и гдѣ начинается писаніе по холсту. Трудно присказать что-нибудь по иллюзіи и пластичности подходящее къ описанію каравана въ „Трехъ пальмахъ“ (1839): „Пестрѣли коврами покрытые выюки, — Звонковъ раздавались нестройные звуки, — И шель, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ, — Верблюды за верблюдомъ, взрывая песокъ“ ... и т. д., цѣлыхъ три строфы до фариса, который, съ кривомъ и свистомъ несясь по песку, бросалъ и ловилъ боше на скаку.

Возвращаюсь къ „Демону“. Поэтъ оставилъ насъ въ недоумѣніи, — не злымъ ли умысломъ Демона, уже влюбленнаго въ Тамару, причинена смерть владѣтелю Синодала. Время, когда

узналъ Демонъ Тамару, имѣеть также весьма второстепенное значеніе; въ первоначальныхъ очеркахъ онъ съ нею знакомится какъ съ монашенкой. Какъ только онъ ее увидѣлъ, тотчасъ почувствовалъ себя добрѣе: „И вновь постигнуть онъ святыню — Любви, добра и красоты“. Подобно Сатанѣ у de-Vigny, радуясь, что можетъ еще любить, и способному исправиться, еслибы Элоа протянула ему руку и повела его (*Si la céleste main qu'elle eut osé lui tendre—L'eut saisi repentant, docile à remonter, —Qui sait? le mal peut-être eut cessé d'exister*), Демонъ Лермонтова въ Тамарѣ — „входилъ любить готовый, — Съ душой открытой для добра, — И мыслилъ онъ, что жизни новой — Пришла желанная пора“. Но поворотъ въ лучшему длится только мгновение, послѣ котораго верхъ беретъ сила зла, ставшая привычкою испорченной натуры. По ничтожному поводу, по очнувшейся въ Элоа богобоязни — у Виньи, или при видѣ херувима, пріосѣнншаго Тамару крыломъ — у Лермонтова, Демонъ восклицаетъ, что на это сердце „онъ наложилъ печать свою; — Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни, — Здѣсь я владѣю и люблю“. Затѣмъ Сатана у Виньи: „*sans amour, sans remords au fond d'un coeur de glace—Des coups qu'il va porter il médite la place*“; а у Лермонтова слѣдуетъ обольщеніе, котораго приемы у обоихъ поэтовъ почти одни и тѣ же; такъ напр. у Лермонтова: „Въ душѣ моей съ начала міра — Твой образъ былъ запечатлѣнъ, — Передо мной носился онъ — Въ пустыняхъ вѣчнаго ээира“; а у Vigny: „*Dans tout être créé j'ai cru te reconnaître; — Je te cherchais partout, dans un souffle des airs, — Dans un rayon tombé du disque de la lune, — Dans l'étoile qui fuit le ciel qui l'importune*“... Но въ выборѣ средствъ обольщенія пути поэтовъ окончателно расходятся. Элоа задумана идеальнѣе; она гибнетъ отъ самопожертвованія, отъ избытка милосердія, при пѣснѣ хора ангеловъ: „*Gloire dans l'univers, dans le temps à celui—Qui s'immole à jamais pour le salut d'autrui*“. Въ сравненіи съ Элоа, Тамара — слабое существо, беззащитная голубка, которой не по силамъ сопротивленіе. Она безъ боя побѣждена, когда, зная, что имѣеть дѣло съ духомъ зла, въ послѣднихъ судорогахъ сопротивленія говоритъ соблазнителю: „Нѣтъ! дай мнѣ клятву рововую... отъ злыхъ стяжаній — Отречься нынѣ дай обѣтъ! — Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній — Ненарушимыхъ больше нѣтъ?..“ Ничего, конечно, не стоитъ духу злему и лживому устранить и это послѣднее колебаніе сознательно лживыми и почти ироническими увѣреніями: „Отречься я отъ старой мести... — Хочу я съ небомъ помириться, — Хочу любить, хочу молиться, — Хочу я вѣрвать добру“. Демонъ безъ нужды расто-

чаетъ передъ Тамарою совсѣмъ излишнія, по отношенію къ ней, общанія: „Пучину гордаго познанья—Взамѣнъ открою я тебѣ... —Чертоги пышные построю—Изъ бирюзы и янтаря...—...Возьму (тебя) въ надзвѣздные края!—И будешь ты царицей міра,—Подруга первая моя!—Тамара принадлежитъ ему и безъ этихъ общаній; онъ ее подчинилъ себѣ, когда по ночамъ стоялъ у ея изголовья, „сія тихо, какъ звѣзда... похожъ на вечеръ ясный, ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!..“ Она вѣдь и просилась у отца въ монастырь потому только, что—„трепещеть грудь, пылаютъ плечи,—Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,—Обытаться жадно ищутъ встрѣчи“... Она такъ создана, что роковымъ образомъ должна была сдѣлаться жертвою зажегшаго въ ней пламень похоти своего крылатаго Донъ-Жуана. „Онъ жегъ ее; во мракѣ ночи—Предъ нею прямо онъ сверкалъ—Неотразимый, какъ кинжалъ“... Все послѣдующее затѣмъ, какъ-то: смерть при первомъ поцѣлуѣ отъ яда, заключающагося въ его лобзаньи, довольно банальный бой между ангеломъ и демономъ въ пространствѣ эмира за эту несомнѣнно согрѣшившую душу, спасенную только по тому—довольно также банальному—мотиву, что она страдала и любила; наконецъ, похороны ея въ заоблачной обители у подножія Казбека, которою любитъ всякій проѣзжающій по военно-грузинской дорогѣ—всѣ эти аксессуары и декорации великолѣпны, но весьма мало прибавляютъ къ содержанію произведенія.

Таковъ капитальнѣйшій поэтический трудъ Лермонтова. Если его сопоставить съ „Каиномъ“ Байрона, то окажется, что между обоими произведеніями нѣтъ почти никакого сходства. И Байроновскій „Люциферъ“, и „Сатана“ Мильтона—не лица, а только олицетворенія идеи, того „Demon Thought“, того сомнѣнія пытливаго ума, которое и мучитъ человѣка, и возвышаетъ его, такъ что лучше, пользуясь имъ, мыслить и страдать, нежели блаженствовать съ неразумными существами. Демонъ Лермонтова едва ли не напрасно провозглашаетъ себя царемъ познанья и свободы: онъ ничѣмъ не доказалъ своей мощи въ области мышленія, онъ гораздо сроднѣ Сатанѣ у de-Vigny: „Sur l'homme j'ai fondé mon empire de flamme—Dans les désirs du coeur, dans les rêves de l'âme, — Dans les désirs du corps, attrait mystérieux, — Dans les trésors du sang, dans les regards des yeux“. Лермонтовъ безконечно превзошелъ своего французскаго предшественника, превосходнаго мыслителя, но посредственнаго художника и суховатаго живописца, силою выраженія страсти, блескомъ формы, стихомъ, волнующимъ и жгучимъ, въ которомъ на каждомъ шагѣ

сказывается субъективное „я“ поэта, свое собственное, но уже испытывавшее на себѣ вліяніе Байрона и этимъ вліяніемъ отмѣченное, страдающее отъ неудовлетворимаго желанія и этою мукою гордящееся. Въ иномъ мѣстѣ, въ „Измаиль-Беѣ“, Лермонтовъ изобразилъ эту несокрушимость своего сопротивленія въ выраженіяхъ, которыя шли бы и къ самому „Демону“: „Когда, столпясь, всѣ адскія мученія — Слетаются на сердце и грызуть... — Лишь дунетъ вихрь, и сломится лилея. — Таковъ съ душой кто слабою рожденъ, — Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ. — Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя, — Ихъ обращаетъ въ пытку Прометея“. Въ Демонѣ Лермонтовымъ не только начерченъ собственный портретъ автора, но выраженъ чрезвычайно типически и его эротизмъ, стремительность и сила его любви. Подъ 11-мъ іюня 1832 г., Лермонтовъ писалъ о любви (II, 120): „Разстройство мозга иль видѣнье сна, — Я не могу любовь опредѣлить, — Но это страсть сильнѣйшая! любить — Необходимо мнѣ, и я любилъ — Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ!“ По его понятіямъ, любовь владычествуетъ всего сильнѣе въ сердцахъ разбитомъ. Поселите эту любовь въ сердце человѣка, презирающаго всѣхъ другихъ, въ сердце эгоиста изстрадавшагося и озлобленнаго, доведите ее до максимума, до того, что она истощаетъ того, кѣмъ владѣетъ, и дѣлается смертоносною для другихъ — вы получите „Демона“, произведеніе единственное, выходящее за предѣлы Байроновской поэзіи, въ высшей степени романтическое и поражающее своею смѣлостью, даже если его разсматривать какъ одну изъ самыхъ крупныхъ волнъ этого порывистаго и слѣплаго литературнаго движенія. Подъ-вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ была задумана поэма, романтизмъ прошелъ и забытъ, но этотъ цвѣтокъ романтизма, одинъ изъ самыхъ пышныхъ, сохранилъ донныѣ свой сильный и неподобный аромат.

IX.

Пройдемся по другимъ кавказскимъ эпическимъ поэмамъ Лермонтова, образующимъ цѣлую галерею созданныхъ имъ образовъ и типовъ. Въ нихъ онъ больше, чѣмъ въ „Демонѣ“, ученикъ Байрона; порою превосходитъ учителя большею способностью изображать не только свои личныя эмоціи, но и весьма отличные отъ своего я, хорошо задуманные и жизнеспособные человѣческіе типы; представлять не только европейца, тяготящагося цивилизаціею и убѣгающаго на лоно природы къ диварямъ, но и настоящихъ полудикихъ людей, съ ихъ несложными понятіями, съ

ихъ страстными порывами, неудержимыми потому, что, по недостатку умственнаго образованія, эмоція превращается у нихъ въ желаніе, а желаніе, безъ удержа и рефлексіи, мгновенно разряжается дѣломъ. И Байронъ былъ реалистъ въ томъ смыслѣ, что онъ поэтизировалъ не вымышленное, но дѣйствительно испытанное своею собственною душою. Лермонтовъ способенъ былъ заглядывать и въ чужія души, по крайней мѣрѣ въ души любимыхъ имъ кавказскихъ горцевъ, и разгадать ихъ организацію. Такіе типы, взятые съ натуры, какъ татарченоекъ Азаматъ, продающій сестру за коня, или какъ Казбичъ, или какъ Бѣла въ „Героѣ нашего времени“—родная сестра княжны Тамары въ „Демонѣ“, и не могли бы зародиться въ фантазіи Байрона, слишкомъ субъективной. Привычка писать при помощи заготовляемыхъ клише, съ переносомъ изъ одной тѣмы въ другую цѣлыхъ готовыхъ кусковъ, даетъ возможность установить хронологическій порядокъ въ произведеніяхъ Лермонтова, начиная съ юношескихъ. Первою въ ряду является поэма: „Каллы“, или „Убійца“ („Русская Старина“ 1882, № 12). Мулла открываетъ въ ней молодому кабардинцу Аджи, что вся семья его изведена Акъ-Булатомъ, послѣ чего беретъ съ Аджи клятву кровной мести. Аджи проврался ночью въ саклю Акъ-Булата, перерѣзалъ горло ему и его сыну, но испыталъ страшную муку, когда ему пришлось убить и прекрасную дочь Акъ-Булата. Клятву свою Аджи исполнилъ, принесъ муллѣ отрѣзанную у убитой женщины косу, но тотъ же самый кинжалъ, совершившій тройное убійство, онъ вонзаетъ и въ грудь самого муллы. Въ этой повѣсти уже содержится въ зародышѣ другая, а именно „Хаджи-Абрекъ“. У дряхлаго старика-лезгина, потерявшаго семью, оставалась одна дочь—Леила, которую похитилъ у него Бей-Булатъ. Старый лезгинъ молитъ жителей своего родного аула: „кто знаетъ князя Бей-Булата? кто привезетъ мнѣ дочь мою?“—Я,—сказалъ Хаджи Абрекъ, и вызвался онъ на этотъ подвигъ, не видавъ никогда Леилы, а только потому, что у него есть свои личные счеты съ похитителемъ—убійцею его родного брата. Мститель Хаджи проникаетъ подъ видомъ странника въ саклю Бей-Булата во время отсутствія сего послѣдняго и принять гостепріимно Леилою, но она не соглашается бѣжать къ отцу, потому что счастлива, потому что нашла у Бей-Булата свой рай: „повѣрь мнѣ, счастье только тамъ,—Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ“... Хаджи, въ полномъ смыслѣ слова, Байроновскій герой и „сынъ рока“. Онъ спрашиваетъ у Леилы, знаетъ ли она, какое блаженство на землѣ второе „тому, кто все похоронилъ,—Чему онъ вѣрилъ, чтѣ любилъ...—Нѣтъ, за единый мщенья часъ,—Кля-

нусь, я не взял бы вселенной". Хаджи отсѣкает безжалостно голову у Лейлы и, привезя въ свой родной аулъ, бросаетъ ее къ ногамъ отца. Годъ спустя найдены трупы двухъ вдѣпившихся другъ въ друга, въ предсмертныхъ судорогахъ, враговъ — Бей-Булата и Хаджи.

Рядомъ съ мотивомъ мести идетъ и мотивъ любви столь сильной, что она превращаетъ родныхъ братьевъ въ смертельныхъ враговъ: таковъ сюжетъ *Аула Бастунджи* („Русская Мысль“, № 2, 1883 г.). Были два брата; старшій, Акъ-Булатъ, вскормилъ и воспиталъ младшаго, Селима. Однажды онъ вернулся домой съ добычею, введя которую въ домъ, онъ сказалъ Селиму: люби ее — она моя жена. Селимъ не только полюбилъ, но и влюбился до безумія въ жену брата, Зару. Онъ молилъ брата: отдай мнѣ Зару, уступи! я буду твоимъ рабомъ... а если ты не хочешь, что медлить? я готовъ! — „Не размышляй — одинъ ударъ и мы спокойны оба“. Братъ отвѣчаетъ, что заблужденіе пройдетъ, какъ сонъ: „Есть много звѣздъ — одна другой свѣтлѣй, — Красавицъ много безъ жены моей“. Селимъ бѣжалъ, похитилъ Зару, убилъ ее за отчаянное сопротивленіе, послѣ чего сжегъ и самый родной аулъ Бастунджи.

Такая же смертоносная борьба между братьями, но только изъ-за честолюбія и политическихъ расчетовъ, на подкладкѣ войны черкесовъ съ русскими за свободу или за порабощеніе Кавказа, составляетъ содержаніе наиболѣе запутанной по замыслу повѣсти: „Измаиль-Бей“, которую цѣнители Лермонтова ставятъ весьма высоко, но за которую я не могу признать приписываемыхъ ей качествъ и достоинствъ, потому что въ ней замѣтно полное отсутствіе единства идеи, и она переполнена заимствованіями. Покорившійся русскимъ князь Бей-Булатъ отдалъ младшаго сына на воспитаніе въ одинъ изъ русскихъ кадетскихъ корпусовъ. Измаиль даже и христіанство принялъ, такъ что потомъ, когда его убили, земляки его съ ужасомъ узнали, что онъ гяуръ проклятый — по кресту, носимому имъ на груди. Измаиль получилъ образованіе, жилъ долго между русскими, соблазнилъ не одну русскую дѣву, но тоска по родинѣ одолѣла его и превозмогла всѣ другія чувства (За кровлю сакли бѣлой, — За близкій топотъ табуна — Тогда онъ міръ отдалъ бы цѣлый). Измаиль задуманъ вполне по шаблону Байроновскихъ героев (На родину онъ сердце хладное принесъ... — Хладенъ блескъ его очей. — Чувства страсти, — Въ очахъ на вѣки догорѣвъ, — Таятся, какъ въ пещерѣ левъ, — Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти — Оно нивакъ не избѣжить). Съ собою на родину онъ принесъ не любовь къ родинѣ,

а одну лишь ненависть къ врагамъ; онъ даже не патриотъ (Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ, — И не родной аулъ — родныя скалы — Рѣшился онъ отъ русскихъ защищать). Онъ сознаетъ, что на немъ тяготеетъ нѣчто ровное: „Мое дыханье радость губить, — Шадить мнѣ власти не дано“. Родного аула Измаилъ не нашелъ, потому что, уступая передъ русскими, черкесы сожгли его, далеко уходя въ горы. На первомъ шагу въ родныхъ горахъ Измаилъ-Бей, въ которомъ очнулся духъ его природный, зарубивъ безъ нужды охотившагося за фазанами казака, нашелъ гостеприимство въ савлѣ разбойничьей лезгинской семьи. Дочь домохозяина, Зара, въ уста которой вложены слова Лейлы изъ „Хаджи-Абрева“: „По мнѣ отчизна — тамъ, — Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ“, — привязалась къ нему, бросила домъ, переодѣлась джигитомъ, и, какъ Гюльнара за Корсаромъ, послѣдовала за Измаиломъ къ родному его племени, которымъ управляетъ старшій братъ Рослаббекъ. Между братьями возникаетъ соперничество. Рослаббекъ завидуетъ удалству Измаила; онъ бы изводилъ русскихъ, но тайкомъ и измѣннически, храня видъ поворности, между тѣмъ какъ Измаилъ гнушается коварствомъ и хотѣлъ бы открытой войны. Въ повѣсть вставленъ ненужный эпизодъ, заимствованный изъ „The lady of the Lake“ Вальтеръ-Скотта (Яковъ V, шотландскій король, въ гостяхъ у Родрига Чернаго, главы Альпинова клана), заключающійся въ томъ, что заблудившійся въ горахъ кавказскій офицеръ, смертельный врагъ Измаила, соблазвившій его невѣсту, находитъ пристанище у Измаила, потому что сказалъ ему: „твоей я чести предаюсь“, и отпускается Измаиломъ цѣлъ и невредимъ. Война кончается для черкесовъ несчастно; братья раздѣлились, и оба разбиты. Измаила поражаетъ измѣннически выстрѣломъ Рослаббекъ. Зара погибла раньше Измаила, котораго никто не оплакиваетъ, которому не вырыли даже могилы, какъ отступнику.

Есть еще одна серія выработывавшихся одна изъ другой повѣстей Лермонтова: „Исповѣдь“, „Бояринъ Орша“, „Мцыри“. Мотивъ ихъ первоначальный, чисто-романтичeskій, состоялъ въ изображеніи судьбы безроднаго человѣка, стоящаго на низшей ступени общественной и бунтующаго противъ своей участи. У Шекспира были излюбленныя лица — энергическіе бастарды; Гюго искалъ также своихъ героевъ между людьми отверженными и обиженными. Та же идея руководила и Лермонтовымъ, когда онъ искалъ еще своихъ предковъ въ Испаніи и изобразилъ (1830) въ „Исповѣди“ какого-то насильно постриженнаго испанскаго монаха, судимаго монастырскимъ судомъ, который защищается тѣмъ, что „подъ одеждой власной я человѣкъ, какъ

и другой“ („Русская Старина“ 1887 г., № 10). Все существовавшее въ „Исповѣди“ вошло, въ 1835 г., въ „Боярина Оршу“, повѣсть якобы русскую, но въ которой нѣтъ ничего русскаго. Орша является феодальнымъ барономъ; монастырскій судъ надъ безроднымъ найденнымъ Арсеніемъ, бывшимъ послушникомъ въ монастырѣ, являющимъ подобіе Гришки Отрепьева въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, удивительно походить на трибуналъ испанской инквизиціи. Арсеній неизвѣстно какъ попалъ на дворъ Орши; въ то же время онъ состоитъ атаманомъ разбойничьей шайки. Бояринъ Орша засталъ разъ ночью свою любимую дочь въ объятіяхъ этого своего раба; онъ заперъ дочь въ ея свѣтлицѣ, ключъ отъ которой бросилъ въ волны Днѣпра, омывающаго стѣны его замка, а раба предалъ духовному суду. Недодѣланная поэма была потомъ въ этомъ состояніи брошена. Во время своей ссылки, въ 1837 г., на Кавказъ за стихи на смерть Пушкина, видоизмѣнился въ головѣ поэта первоначальный замыселъ произведенія и получилъ слѣдующую форму. При посѣщеніи живописнаго монастыря въ Мцхети, гдѣ „шумятъ — Обнявшись, точно двѣ сестры — Струи Арагвы и Куры“, Лермонтовъ узналъ отъ водившаго его по монастырю служки, что родомъ онъ черкесь, что генераль Ермоловъ взялъ его ребенкомъ въ развалинахъ добытаго штурмомъ аула, привезъ въ монастырь и оставилъ на воспитаніи у братіи. Юный горецъ пытался нѣсколько разъ бѣжать въ родныя скалы, заплатилъ за эти продѣлки страшною болѣзнию и только послѣ многихъ лѣтъ привыкъ къ монастырю. Разсказъ чернеца поразилъ поэта; онъ выкинулъ изъ поэмы мотивы дикихъ страстей, любви, мести, общественныхъ узъ и цѣпей, даже монахи на этотъ разъ превратились въ сердобольныхъ добряковъ. Поэма упрощена до-нельзя, до незатѣливаго положенія, а именно, что волчонка, хотя и прирученнаго, тянетъ сама природа въ лѣсъ, а льва — въ его пустыню: тамъ только можно дикарю на волѣ погулять, поспорить съ барсомъ въ ловкости, визжать неистово, какъ онъ, и задушить его въ своихъ объятіяхъ. Но волчонокъ уже былъ на цѣпи, уже прирученъ и свыкся съ людьми (...миѣ на родину слѣда — Не проложитъ никогда), вслѣдствіе чего онъ и умираетъ, потому что пламень, бывший у него въ груди, не находя себѣ пищи, прожогъ свою тюрьму. Чувства поэта, истаго сына дикой природы, находятся въ полномъ созвучіи съ этою природою; въ этомъ отношеніи поэма „Мцыри“ есть одинъ изъ прелестнѣйшихъ алмазовъ поэзіи не только русской, но и всемірной.

X.

Остаются еще неразобранными только два крупныя произведенія Лермонтова: романъ въ прозѣ: „Герой нашего времени“, и драма: „Маскарадъ“. Про романъ такъ много и такъ обстоятельно писано, что я позволю себѣ ограничиться теперь немногими словами. Первоначально предполагалось было дать ему заглавіе: „Одинъ изъ героевъ нашего времени“. Въ предисловіи ко второму (1841) изданію авторъ признаетъ, что онъ преподноситъ публикѣ ѣдкую истину, горькое лекарство, но отрекается отъ всякаго намѣренія исправлять людскіе пороки. Его произведеніе, такимъ образомъ, не сатира, не нравоученіе; тѣмъ менѣе можетъ быть оно разсматриваемо какъ идеаль, указывающій современному человѣку, какимъ онъ долженъ быть, или какъ мечта автора о самомъ себѣ, какимъ онъ желалъ бы быть. Лермонтовъ утверждаетъ, что Печоринъ есть портретъ пороковъ всего его поколѣнія въ полномъ ихъ развитіи, указаніе болѣзни—и только: какъ ее лечить—знаетъ только Богъ. Оцѣнку своему произведенію авторъ далъ явно преувеличенную въ томъ отношеніи, что его книга не есть портретъ пороковъ всего извѣстнаго поколѣнія людей, не есть изображеніе болѣзни вѣка; иными словами, она не есть изображеніе типа одержимаго этою болѣзнию современнаго автору человѣка. Для выполненія съ полной объективностью этой весьма возможной, хотя трудной задачи, мало одной острой наблюдательности, которую былъ несомнѣнно одаренъ Лермонтовъ,—необходимы еще продолжительныя упражненія надъ большимъ числомъ разнообразныхъ субъектовъ, а этого-то условія именно и недоставало. Лермонтовъ былъ такой „чужаекъ“ въ современномъ ему обществѣ, настолько увѣренъ, что весь этотъ свѣтъ, отъ мала до велика, сплошь состоитъ изъ однихъ либо глупцовъ, либо обманщиковъ и лицемеровъ, что „самъ геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ былъ бы умереть или сойти съ ума“,—что онъ и не изучалъ этого общества; что его умственнымъ глазамъ, по непривычкѣ, едва ли былъ доступенъ весьма сложный продуктъ исторіи—современный человѣкъ, съ ровною гладью его поверхности, съ затаенными страстями, съ преобладаніемъ и господствомъ въ немъ вниманія и рефлексіи, съ отсутствіемъ въ немъ той простоты и непосредственности, за которыми, гоняясь, Лермонтовъ бѣжалъ на Кавказъ и которыя любилъ онъ изображать въ дѣтяхъ природы—горцахъ. Аналитическая способность у Лермонтова была отъ природы велика, но она

главнымъ образомъ упражнялась только посредствомъ наблюдений надъ самимъ собою. По темпераменту Лермонтовъ весьма близокъ къ Байрону; онъ и выгѣпилъ себя по образцу героевъ Байрона, которые, какъ извѣстно, были портретами, снятыми Байрономъ съ самого себя. Въ своихъ публичныхъ петербургскихъ лекціяхъ („Вѣстникъ Европы“ 1887 г., № 11) Брандесъ называетъ Печорина совершеннѣйшимъ изъ типовъ, созданныхъ внѣ предѣловъ Англіи умственнымъ главенствомъ Байрона. Брандесъ удостовѣряетъ, что, прочитавъ 17-ти лѣтъ отъ роду эту книгу, онъ былъ до глубины души взволнованъ образомъ героя — печальнымъ, но привлекательнымъ по его простотѣ, мужеству, холодности и скептицизму. Не подлежитъ сомнѣнію, что Печоринъ безконечно сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, нежели кипучій, но мягкій Овѣгинъ. Печоринъ есть первый экземпляръ непереводающагося до сихъ поръ рода людей изъ закаленной стали, большею частью пропадающихъ безцѣльно и безславно, по полному ихъ неумѣнію или нежеланію справляться съ мелкими будничными задачами обыкновенной, покойной жизни и порывающихся на нѣчто болѣе великое. Въ одномъ я несогласенъ съ Брандесомъ, а именно, что въ Печеринѣ начерченъ будто бы „меланхолическій и обольстительный идеаль“. Я также несогласенъ и съ Рейнгольдтомъ (*Geschichte der russischen Literatur*, 1885, стр. 628), будто Печоринъ есть только воплощеніе *der ungestüm hohlen Elemente des russischen Byronismus*. Несмотря на озлобленную иронію и нѣсколько подграшенную черноту героевъ Байрона, насъ поражаетъ могучая человѣчность этихъ явобы адскихъ типовъ, способность ихъ къ необычайно доблестнымъ дѣламъ. Эта-то человѣчность и дѣлаетъ произведенія Байрона привлекательными, несмотря на однообразіе сюжетовъ и задачъ. Устраните изъ произведеній Байрона эту человѣчность — останется только голый эгоизмъ, не поддающійся идеализаціи, но сильно располагающій къ анализу. „Герой нашего времени“ и составляетъ опытъ такого безнадежнаго анализа психологическаго, доведеннаго до послѣднихъ предѣловъ, анатомическій препаратъ одного только сердца, одинъ изъ тѣхъ *documents humains*, о которыхъ хлопочетъ новѣйшій французскій натурализмъ. Авторъ вполне сознаетъ, что его герой Печоринъ весьма дурной человѣкъ, но авторъ сознательно и ставитъ задачу, насколько не художественную, а скорѣе научную: „исторія души, хотя бы и самой мелкой, — говоритъ онъ, — любопытнѣе и полезнѣе исторіи дѣлага народа, особенно, когда она плодъ наблюдений ума зрѣлаго надъ самимъ собою и когда писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе“ (иными словами, безъ

желанія порисоваться). „Я взвѣшиваю,—записалъ въ дневникъ Печоринъ,—записываю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ слова, другой мыслить и судить его... ..Я никогда не дѣлался работъ любимой женщины, напротивъ— всегда пріобрѣталъ непобѣдимую власть, вовсе о томъ не стараясь. Надо признаться, что я и не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!.. Изъ горнила страстей я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремлений—лучшій цвѣтъ жизни. Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для того, кого любилъ; я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія, я только удовлетворялъ странную потребность сердца, поглощая съ жадностью чувства людей, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія—и никогда не могъ насытиться. Другой, столь же печальный, психологическій этюдъ эгоиста изъ породы свѣтскихъ львовъ представляетъ драма: „Маскарадъ“. Многочисленные враги, которыхъ нажилъ себѣ герой драмы, Арбенинъ, своимъ высокомеріемъ и безсердечіемъ, заставляютъ его разыграть противъ воли роль Отелло по отношенію къ его безвинной женѣ, столь же недогадливой, какъ Дездемона. Онъ ее отравилъ, послѣ чего сошелъ съ ума. По методу безпощаднаго психологическаго анализа, авторъ „Героя нашего времени“ и „Маскарада“ выходитъ далеко за предѣлы круга Байроновскаго вліянія и главенства. Его бы слѣдовало изучать совмѣстно съ Бейлемъ (Стендалемъ). Заимствую изъ книги Faguet (*Etudes littéraires sur le XIX siècle*, 1887, p. 43) слѣдующій отрывокъ, относительно котораго позволю себѣ спросить, не представляетъ ли онъ и Лермонтова: Chateaubriand a plus d'imagination que de sensibilité. Sa sensibilité est égoïste et son imagination expansive. Cette sensibilité n'a jamais pour objet que lui-même. Il est peu d'hommes qui aient plus séduit et moins aimé. L'enchanteur a charmé le monde, et il n'a tenu au monde que par le gout qu'il avait de l'ensorceler. Разница, конечно, есть между двумя поэтическими темпераментами, но она всего болѣе въ томъ, что Шатобрианъ былъ наивный эгоистъ, не сознающій того, что онъ эгоистъ, и принимающій всѣ жертвы сердечныя какъ законно слѣдующую ему дань, не говоря даже спасибо; а Лермонтовъ страдалъ, сознавая, что онъ эгоистъ, но не могъ отъ этого органическаго недостатка никакимъ образомъ излечиться. Есть въ концѣ повѣсти Шатобриана: „Атала“, одна вычурная по изысканности своей картина: „Сердце самое безмятежное на видъ похоже на естественный колодезь въ саваннѣ Алачуа: поверхность чиста и

гладка, но загляните на дно бассейна — увидите тамъ большого крокодила, котораго питаетъ колодезь въ своихъ водахъ“. Этотъ отрывокъ извѣстенъ и въ русской литературѣ, потому что его заимствовалъ, не указавъ источника, Батюшковъ и помѣстилъ въ стихотвореніи 1810 г.: „Счастливецъ“ (Соч. Батюшкова, изд. 1887 г., I, 124): „Сердце наше владеетъ мрачный, — Тихъ, покоенъ сверху видъ, — Но спустись ко дну — Ужасно! Крокодилъ на немъ лежитъ“. (За этого крокодила и осмѣивалъ Батюшкова Воейковъ въ „Домѣ Сумасшедшихъ“). Сентъ-Бѣвъ говоритъ (*Chateaubriand et son groupe littéraire*, 9 leçon), что этотъ крокодилъ помѣщался въ сердцѣ Шатобриана. О Лермонтовѣ можно сказать, что этотъ вполнѣ имъ сознаваемый крокодилъ всю жизнь и ужасалъ его, и мучилъ. Въ стихахъ: „Толпѣ“ (1831 г., II, 114), Лермонтовъ писалъ: „Пускай возвышусь я надъ вами, — Но удалюсь ли отъ себя?“ — Еще раньше, будучи 16-ти лѣтъ (1830 г., II, 57) онъ писалъ: „Меня спасало вдохновенье — Отъ мелочныхъ суетъ, — Но отъ своей души спасенья — И въ самомъ счастьѣ нѣтъ“. Быть одинокимъ, не имѣть способности любить кого бы то ни было настоящею любовью, до самозабвенія, до самопожертвованія, гнущаться этимъ себялюбіемъ, бѣжать отъ самого себя и спастись отъ этой тоски только посредствомъ творчества, въ процессѣ дѣятельности, когда по словамъ его же: „Я о землѣ позабывалъ“, — такова была судьба Лермонтова, изъ чего слѣдуетъ, что онъ купилъ не дешево свой поэтический вѣнецъ терновый, на который онъ горько жалуется (1841 г., I, 145: „вѣнецъ пѣвца — вѣнецъ терновый“), который не люди на него возложили, и которымъ онъ былъ обязанъ только особенностямъ своей психической организаціи. Извѣстно, какимъ образомъ Шатобрианъ избавился отъ мучившей его тоски. Однажды, послѣ постигшаго его (1798) семейнаго несчастья, онъ сообщаетъ: *ma conviction est sortie du coeur: j'ai pleuré et j'ai cru*, — вслѣдствіе чего крокодилъ былъ обузданъ и явилъ изъ себя подобіе того послушнаго животнаго, которое несетъ на своей чешуѣ св. Теодора на извѣстной колоннѣ среди Пиацетты въ Венеціи. Душевные страданія Лермонтова не могли получить такого исхода либо потому, что религиозныя впечатлѣнія его въ дѣтствѣ были слабѣе и не могли съ такою же силою воскреснуть, либо потому, что, проникнувшись насквозь и навсегда духомъ Байроновской поэзіи, Лермонтовъ усвоилъ себѣ міросозерцаніе Байрона, то-есть сдѣлался не то что атеистомъ (самъ Байронъ никогда атеистомъ не былъ и всю жизнь колебался между отвлеченнѣйшимъ деизмомъ и безвѣріемъ), но врагомъ всякаго положительнаго вѣроисповѣданія. Несмотря на это отсутствіе положительной вѣры, а

вмѣстѣ съ нею и твердой точки опоры для убѣжденій, несмотря на свой мрачный и радикальнѣйшій пессимизмъ, поэзія Лермонтова не производила, однако, на современниковъ и не производитъ на потомство удручающаго впечатлѣнія и чувствъ отчаянія и безнадежности, которыхъ повидимому можно было бы отъ нея ожидать по ея отрицательному направленію. Напротивъ того, дѣйствіе ея было какъ будто бы противоположное: она воспламеняла энтузіастовъ, вселяла скорѣе бодрость, а не малодушіе; она заставила признать Лермонтова прямымъ наслѣдникомъ лиры Пушкина, первымъ въ Россіи поэтомъ, ранняя смерть котораго оплакиваема была какъ народное бѣдствіе. Какъ согласовать эти кажущіяся противорѣчія? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо разобрать еще одну—и уже послѣднюю—изъ взятыхъ въ совокупности стихій его поэзія, а именно содержащейся въ ней элементъ метафизическій, обезпечивающей за нею прочное и могучее вліяніе, сообщающей ей чарующую прелесть.

Я употребилъ слово: метафизическій, а не мистическій, потому что склонности къ мистицизму у Лермонтова не было, но всѣми своими помышленіями онъ стремился къ сверхчувственному, къ недоступному для нашего ума, и больше жилъ въ этой угадываемой области, нежели въ мірѣ дѣйствительномъ.—Таинственное, непознаваемое есть вѣчный антагонистъ систематическаго, научнаго знанія, но и къ нему наука ежеминутно подходит, строя помосты изъ гипотезъ; искусство же и обойтись не можетъ безъ мысленнаго продолженія никогда невысказываемой вполнѣ въ произведеніи идеи его въ безконечномъ.—Постараюсь доказать нѣсколькими выдержками изъ произведеній Лермонтова, что складъ его ума былъ по преимуществу метафизическій; пользуюсь при этомъ мыслью, уже высказанною въ одномъ изъ литературныхъ кружковъ.

ХІ.

Беру поэтическую автобіографію поэта, его „11 іюня 1831 г.“: „Моя душа, я помню, съ дѣтства—*Чудеснаго* искала; я любилъ — Всѣ оболещенія свѣта, но не свѣтъ,—Въ которомъ я минутами лишь жилъ,—И тѣ минуты были музъ полны.—И населялъ таинственные сны—Я этими мгновеньями...—...всѣ образы мои—Не подходили на существъ земныхъ.—О, вѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ“.—Въ этихъ стихахъ очерчены и организація, и процессъ дѣятельности ума, имѣющаго складъ метафизическій. Желанія этой души необъятны; они направлены къ *чудесному*, къ тому,

чего никогда дать не можетъ земная жизнь, реальное бытіе. Ей кажется, что она достигаетъ подобія желаемого состоянія въ рѣдкіе моменты наисильнѣйшей страсти (скажемъ точнѣе, принявъ въ соображеніе темпераментъ поэта—страсти эротической: онъ жить не могъ безъ любви, то-есть безъ женскаго сердца, подчиняющагося ему). Страсть эта по самой интенсивности своей мучительна; моменты ея бываютъ коротки, оставляютъ послѣ себя ощущеніе горечи, но тѣмъ не менѣе воспоминаніями объ этихъ мгновеніяхъ населяется и срашивается вся будничная дѣйствительность. Иными словами, мы имѣемъ передъ собою систематическаго мечтателя, похожаго на лунатика, ходящаго по улицамъ съ открытыми, но не зрящими глазами. Этотъ мечтатель относится съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ окружающимъ его людямъ и предметамъ и устраиваетъ для себя мысленно иной міръ, убранный во все то, что только авторъ отмѣтилъ въ природѣ, какъ наиболѣе подходящее къ состояніямъ его души, и населенный не настоящими людьми, въ которыхъ добро и зло смѣшаны, а существами воображаемыми, либо вполнѣ ангельскими, либо вполнѣ демоническими. Онъ до того замечтался, и умъ его до того расположенъ мыслить метафизически, становясь на внѣ-человѣческой метафизической точкѣ зрѣнія, что, въ концѣ концовъ, самъ не знаетъ, онъ ли это самъ мечтаетъ, или иное, сидящее въ немъ, „высшее существо“. Вспомнимъ „Чашу жизни“ (II, 202), чашу бытія съ золотыми краями... Умирая, мы убѣждаемся, „Что пуста была золотая чаша,—Что въ ней напитокъ былъ мечта—И что она не наша!“ Отъ этого обычнаго у Лермонтова поэтическаго его лунатизма происходило и пренебреженіе къ людямъ, похожее на Байроновское, но въ сущности запечатлѣнное нѣсколько инымъ характеромъ. Люди ему противны не потому, что далеки отъ идеала челоуѣчества, каковымъ оно должно было быть по понятіямъ Байрона: гордое, свободное, любящее. Люди досаждаютъ Лермонтову просто потому, что они — призраки (Мелькаютъ образы бездушные людей—Приличьемъ стянуты маски... „1-ое января“, 1840, I, 109). Эти призраки—говоритъ поэтъ—„спугиваютъ мечту мою—на праздникъ незваную гостью“. За эту-то несознаваемую ими провинность поэту хотѣлось бы „дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью“.—Тою же мечтательностью объясняется и шальное пренебреженіе жизнью, весьма характерное свойство Лермонтова, какъ челоуѣка, внушившее ему избитый потомъ отъ повторенія стихъ: „Что страсти? вѣдъ рано иль поздно ихъ сладкій недугъ—Исчезнетъ при словѣ разсудка,—И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ

вокругъ—Какая пустая и глупая шутка!“ (1840 г., I, 120). Это пренебреженіе жизнью, которую не ставят ни въ грошъ, замѣчательно еще и тѣмъ, что оно не дополняется вовсе видѣніями будущей жизни, расчетами на маду за земное за гробомъ. Лермонтовъ потому-то именно и цѣнится тѣми, которые не имѣютъ счастья вѣрить, что онъ вовсе не мистикъ, а только мечтатель, что онъ не испытываетъ видѣній, а только какъ будто бы вспоминаетъ, что имѣлъ ихъ когда-то, въ какомъ-то волшебномъ снѣ. Какъ величайшій изъ мечтателей-философовъ—Платонъ, онъ убѣжденъ, что эти сны снились его неизмѣющей ни начала, ни конца душѣ еще до его рожденія на землѣ. Всякому памятенъ стихъ: „По небу полуночи ангель летѣлъ—И тихую пѣсню онъ пѣлъ.—Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ—Подъ кущами райскихъ садовъ.—Онъ душу младую (имѣющую воплотиться) въ объятіяхъ несъ—Для міра печали и слезъ...—И долго на свѣтѣ томилась она,—Желаніемъ чуднымъ полна,—И звуковъ небесъ замѣнить не могли—Ей скучныя пѣсни земля“.—Его сердце тоскуетъ, потому что хранить въ себѣ „глубокій слѣдъ—Умершихъ, но святыхъ видѣній,—И тѣни чувствъ, которыхъ нѣтъ“ (II, 202). Есть слова и звуки, сами по себѣ неважные, которые напоминаютъ душѣ поэта о неземномъ, снѣщемся ему блаженствѣ: „Есть слова—объяснить не могу я,—Отчего у нихъ власть надо мной;—Ихъ услышавъ, опять оживу я,—Но отъ нихъ не воскреснетъ другой“ (1830 г., II, 43). Каждый таковой звукъ, напоминающій далекую, неземную родину, походитъ на залетную птичку изъ рая съ ея дивною пѣснью подъ небомъ суровымъ и на сухой вѣткѣ. Въ этой заколдованной области мечтаній пышнымъ солнцемъ сіяетъ идея Бога самаго отвлеченнаго, какого только можетъ воображеніе себѣ представить, безъ опредѣленныхъ атрибутовъ, за исключеніемъ того, что какъ демонъ Лермонтова являетъ собою олицетвореніе зла, и физическаго, и нравственнаго, такъ и Богъ его есть добро и природы, и души человѣческой. Можно бы подумать, что пантеистомъ былъ тотъ, кто писалъ слѣдующіе стихи въ восторгѣ отъ цвѣтущей природы: „Когда волнуется желтѣющая нива...—Тогда смиряется души моей тревога—И счастье я могу постигнуть на землѣ,—И въ небесахъ я вижу Бога“ (I, 34, 1837 г.).—Но когда, обращаясь обратится на тѣсный путь спасенія, поэтъ сознаетъ, что то *тайное*, что общалъ намъ Богъ, могло бы быть постигнуто чрезъ мышленіе и годы (II, 65), когда онъ извиняется, что міръ ему тѣсенъ: „Къ Тебѣ-жъ проникнуть я боюсь,—И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ,— Я, Боже, не Тебѣ молось“ (II, 39),

—то это обращеніе есть обращеніе къ Богу личному, въ котораго Лермонтовъ нивогда вѣровать не переставалъ.

Въ связи съ метафизичностью Лермонтова слѣдуетъ изучать и его опредѣленіе поэта и пророка. Подобно Байрону, а можетъ быть и по его примѣру и внушенію, Лермонтовъ считалъ себя высшею натурою, переростающею другихъ людей головою (Любимцы есть у ней (т.-е. у природы), какъ у царей другихъ, — И тотъ, на комъ лежитъ ея печать, — Пускай не ропщетъ на свою судьбу. — II, 199)... „Причуда злой судьбы ихъ бытіе; — Чтобъ самовластье показать свое, — Она порой выдаетъ ихъ межъ нами, — Такъ древле въ море кинулъ царь алмазь“ (Измаилъ-Бей). Свое величіе Лермонтовъ основываетъ не на поэтическомъ дарованіи, а на своихъ страданіяхъ и на печати рока, то-есть на независимости его судьбы отъ воли. Онъ какъ казнь падалъ на головы не имъ обреченныхъ на погибель жертвъ, и совершалъ всегда эту казнь безъ злобы и безъ сожалѣнія („Герой наш. вр.“, I, 312). По своей необщительной натурѣ Лермонтовъ не постигалъ общественнаго значенія поэзіи; онъ догадывался, что поэзія должна имѣть власть надъ людьми, но какъ истый романтикъ онъ перенесъ ея владычество изъ прозаическаго изнѣженнаго XIX вѣка въ прошедшее, когда звукъ лиры „воспламенялъ бойца для битвы“ и былъ толпѣ нуженъ, „какъ чаша для пировъ, какъ оміамъ въ часы молитвы“ (I, 84). Увлекать людей къ предпріятіямъ практическимъ можетъ только человекъ, любящій другихъ и имѣющій практическую смѣтку, а у Лермонтова недоставало этихъ качествъ. Въ приведенномъ нами „Поэтѣ“ Лермонтовъ изображаетъ не себя, но поэта, какимъ онъ нѣкогда былъ и быть нынѣ не можетъ — предположеніе ошибочное, потому что функція поэзіи не измѣняется никогда, и она не теряетъ и нынѣ своего высокаго значенія. Въ послѣднемъ изъ своихъ стихотвореній — „Пророкъ“, идеализируя не себя, но поэта, какимъ онъ долженъ быть, снабжая его всевѣденіемъ и способностью читать въ очахъ людей „страницы злобы и порока“, между тѣмъ какъ самъ онъ ихъ не читалъ и, не читая, заранѣе ихъ во всѣхъ людяхъ предполагалъ, сдѣлавъ поэта провозглашателемъ „любви и правды чистыхъ ученій“, которыя онъ самъ и провозглашать никогда не могъ, по своей нелюдимости и отчужденности отъ свѣта, Лермонтовъ изобразилъ пророка съ самой непривлекательной стороны, со стороны его суровой неуживчивости: „Смотрите, дѣти, на него, — Какъ онъ угрюмъ, и худъ и блѣденъ, — Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ, — Какъ презираютъ всѣ его!“ — Лермонтовъ не испыталъ на себѣ этихъ бросаемыхъ въ пророка камней.

Онъ принадлежалъ къ числу рѣдкихъ удачниковъ, которыхъ вѣнчаютъ еще при жизни, и предъ которыми аристократическій міръ открылъ обязательно двери, ведущія въ богатые чертоги. Замѣчательно, что, рисуя не съ себя писанный идеалъ осмѣяннаго пророка-поэта, Лермонтовъ употребилъ для изображенія его черты, которыхъ ему самому недоставало, а не указалъ, напротивъ того, на тѣ, которыми онъ дорогъ намъ, — именно на гордое одиночество энергической души, выдѣляющей себя изъ толпы, и на увѣренность въ бытіи чего-то лучшаго, вѣстникомъ котораго онъ былъ въ тяжелыя времена. — Могильный сумракъ господствуетъ подъ сводами готическаго собора, и въ немъ было бы страшно, еслибы не прорѣзывался лучъ солнца севозъ цвѣтныя стекла оконъ, являющихъ въ этотъ сумракъ подобіе открытыхъ дверей рая. Среди глубокой тишины несется чуть слышное *pianissimo* органа, точно хоръ далекихъ ангельскихъ голосовъ. Позаимствую еще одно сравненіе у самого Лермонтова изъ раннихъ очерковъ „Демона“ (I, 493): „Ужъ скрылась волесница дня. — Снѣга Кавказа на мгновенье, — Отливъ пурпурный сохраняя, — Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ. — Но этотъ лучъ полуживой — Въ пустынь отблесковъ не встрѣтитъ — И путь ничей онъ не освѣтитъ — Съ своей вершины ледяной“. — Онъ, конечно, ничего не освѣщалъ, но среди глубочайшаго мрака все-таки свидѣтельствовалъ о невидимомъ солнцѣ. Иногда этого пурпурнаго воспоминанія о невидимомъ достаточно для приободренія живущихъ къ тому, чтобы они перенесли всю тягость ночи и дожили до сѣдующаго дня.

Этимъ я и заканчиваю характеристику одного изъ великановъ не только русской, но и европейской литературы, чловѣка похожаго на Байрона болѣе по темпераменту, нежели по чертамъ лица, и развившагося подъ вліяніемъ Байрона, оставившимъ на немъ глубокіе, неизгладимые слѣды. — Оба они были люди высокой породы, оба принадлежали къ племени Прометея.

В. Спасовичъ.

Октябрь, 1887.

НОВОЕ

НА

СТАРОЙ ПОДБЛАДКЪ

ПОВѢСТЬ ИЗЪ АМЕРИКАНСКАГО ВМТЛ.

Окончаніе.

XXXVII *).

Съ наступленіемъ полудня, начала наполняться и большая зала городского совѣта, въ обычное время служащая пунетомъ товарищескихъ сходоу мѣстныхъ ветерановъ войны за эмансипацію, членовъ великой арміи республики—теперь же заставленная длинными рядами стульевъ для помѣщенія семисотъ ожидаемыхъ делегатовъ.

Едва ли не первую скромно протискалась за ряды стульевъ маленькая группа делегатовъ іорьскаго графства—къ мѣстамъ, надъ которыми установленная на шесть бѣлая доска съ надписью гласила, что это были мѣста делегацій VII избирательнаго округа: делегаты этого горнаго, малопромышленнаго и рѣдко населеннаго графства заняли свои мѣста съ какою-то робкою оглядкою, сконфуженно озираясь на пустые ряды, поврагивая, осмотрительно сморкаясь въ чистые платки и молча переглядываясь, будто они ободряли другъ друга при видѣ того, въ какія высокія хоромы залетѣли они—горныя птицы; не малую, пожалуй, роль въ этомъ всеобщемъ смущеніи играло и сознаніе каждаго

*) См. выше: мартъ, 87 стр.

изъ этихъ господъ делегатовъ въ отдѣльности весьма непріятнаго и вполне для нихъ непривычнаго трещанья головы на плечахъ со вчерашняго похмеля; хотя—правду сказать—болѣе на этотъ счетъ долговременной практикой отшлифованная совѣсть могла бы имъ подсказать, что они тутъ находятся въ хорошемъ обществѣ, такъ какъ не нашлось бы, надо полагать, въ Нью-Бедфордѣ накануне дня конвента того неискушеннаго житейскою злобою человѣка, который устоялъ бы противъ лъстивыхъ уговоровъ мелкихъ политическихъ воротилъ; они всѣхъ тянули выпить на даровщину -- спрыснуть съѣздъ правовѣрныхъ делегатовъ, а встати собирали съ несвязанныхъ еще по рукамъ и ногамъ инструкціями делегатовъ общанія поддерживать того или другого кандидата.

Общанія эти сыпались тѣмъ свободнѣе, что за ночь—никто и въ постель до трехъ часовъ утра не попалъ—среди мирныхъ делегатовъ стали неизвѣстно откуда распространяться коварно рассчитанные на смущеніе делегатской души слухи. Бобъ Мэсонъ, сидя въ биткомъ-набитомъ ресторанѣ, вызывался сто долларовъ противъ семидесяти-пяти поставить на пари, утверждая, что двѣ трети „Ломасовскихъ“ делегатовъ служатъ въ какомъ-то американскомъ взводѣ „папской арміи“; тогда какъ, съ другой стороны, „изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ“ передавали, что если только избранъ будетъ губернаторомъ кандидатъ рабочихъ, Патрикъ О’Доногю — ни одному человѣку въ штатѣ дышать дозволено не будетъ иначе какъ по письменному на то дозволенію центральнаго комитета „рыцарей труда“. То тутъ, то тамъ, на мирныхъ улицахъ глухого городка попадались буйныя группы „вольныхъ застрѣльщиковъ“, прибывшихъ вслѣдъ за делегатами за свой страхъ и безо всякаго опредѣленнаго дѣла; кое-гдѣ завязывались порою драки и раздавались такія крѣпкія словца, отъ которыхъ не только дыбомъ становились волосы на головѣ каждаго добропорядочнаго человѣка, не запродавшаго еще нечистому души, но повергался въ ужасъ единственный мѣстный полицменъ—онъ же и шерифъ—Самуилъ Ридъ; изъ-за учащенныхъ поисковъ храбрости въ непривычно-крѣпкой для него привозной бургонской водкѣ, онъ первый же поднятъ былъ за эту ночь на улицѣ, безъ сознанія. Мѣстами обходили городъ какіе-то самопризванные патрули молодежи, кричавшей:— „Долой гнилые методы востока!“ „Америка для американцевъ!“—и поселявшей тѣмъ немалый трепетъ среди непривычныхъ въ проявленію такой энергіи и громогласности горожанъ; однимъ словомъ, послѣ полуночи ходы на политической шахматной доскѣ такъ участились и сбились, что никому, кромѣ развѣ присяжныхъ заправилъ, и думать было нечего искать во всемъ

этомъ конца края, потому что каждый делегатъ черпалъ забвенье и поддержку въ добавочныхъ — и притомъ при всякомъ случаѣ „последнихъ“ — даровыхъ выпивкахъ, предлагаемыхъ ему на каждомъ шагу.

Удивительно ли, что эти непривычныя ночныя возбужденія легли свинцовой шапкой на делегатскія головы? Однако, даже сконфуженно пугливыя фізіономіи джентльменовъ VII-го округа оживились, когда промежь нихъ появилась сіяющая добродушіемъ и сытымъ юморомъ дорожная фигура доктора Кларка: самъ онъ всю ночь провелъ на ногахъ, выпивалъ, казалось, со всѣми и съ каждымъ, но все же тутъ у него нашлось для всякаго ободряющая шутка, дружескій плепозъ по плечу, бѣглая ссылка на данное за прошлую ночь обѣщаніе.

Не плоше самого доктора на видъ была и вступившая тутъ въ залу делегація ганноверскаго графства, представлявшая собою голоса богатаго, люднаго города Нортоуна, жителямъ котораго вообще не въ диковинку были ночныя попойки, — а тѣмъ болѣе тѣмъ джентльменамъ, которымъ выпадала честь представительства города на бурныхъ конвентахъ политическихъ партій.

Ганноверская делегація брала уже и численностью. одной, насчитывая въ рядахъ своихъ слишкомъ семьдесятъ делегатовъ; но вліяніе ея на совѣтахъ партіи усугублялось еще боевыми и атлетическими пропорціями ея членовъ, будто нарочно подобранныхъ на то, чтобы, въ случаѣ чего, настоять на своемъ — если не глотками, такъ боксомъ. Ни на одномъ лицѣ въ этой делегаціи нельзя бы было запримѣтить и тѣни робости или смущенія: всѣ шли плотною фалангою впередъ, кто — заранѣе поднимавъ голову побѣдителемъ, кто — шагая впередъ увалистой походкой завсегда-тая, кто — двигаясь впередъ съ вящимъ равнодушіемъ бывалаго во всякихъ передрагахъ человѣка, заломивъ шапку на бекрень, засунувъ руки въ карманы. Не нашлось бы, сдавалось, того ловкаго политикана, который дерзнулъ бы рассчитывать сбить этихъ делегатовъ съ позиціи; смотрѣли они такъ, будто сами идутъ всѣмъ предписывать законы. Однако, если вѣрить слухамъ, то оказалось бы, что самые ряды этихъ делегатовъ заключали въ себѣ не мало присяжныхъ воротилъ, которые преисправно оборудовали свое дѣло политическихъ грызуновъ въ самыхъ нѣдрахъ заносчивой делегаціи.

Ганноверская делегація — сообщалось притомъ въ городѣ — является полнымъ составомъ своимъ за Мортонъ Ломакса. И дѣйствительно расхаживала мощная делегація по городу за привезеннымъ ею съ собою изъ Нортоуна звучнымъ оркестромъ;

появленіе ея сопровождалось повсюду громкими „ура!“ за Ломакса, а церемоніальное ея шествіе къ залѣ конвента замыкалось прибывшими съ нею, подъ видомъ, такъ сказать, декоративныхъ тѣлохранителей, пятьюстами членами тильденскаго клуба и тремястами членами кливелэндскаго клуба — каждый опять-таки при своемъ громкомъ оркестрѣ. Удивительно ли, что появленіе всего этого грохота и великолѣпія производило сенсацію въ мирномъ Нью-Бэдфордѣ, и кандидатура Мортонъ Ломакса почиталась вещью рѣшенной?

Пробовала-было съ ганноверской делегаціей тягаться делегація отъ желѣзнопромышленнаго линкольнскаго графства, во всю глотку славя своего любимца Макъ Брайда: да куда! ни сноровки, ни грохота, ни толпы у линкольнцевъ не хватало, — и пальма первенства въ народномъ вердиктѣ такъ и осталась за самонадѣянными ганноверцами.

XXXVIII.

Самъ „носитель высокихъ традицій“, — какъ продолжалъ величать его докторъ Кларкъ, — былъ такъ твердо увѣренъ въ своемъ торжествѣ, что почелъ долгомъ своимъ находиться подъ рукой для предстоящей ему оваціи, и пока шла баллотировка, онъ короталъ время какъ могъ въ буфетѣ отеля Колумбіа-Гаузъ, округляя въ сотый разъ въ умѣ своемъ фразы давно на память заученнаго спича и разспрашивая стороною у кабатчика Майка Флинна о томъ, достанетъ ли въ городѣ водки и пива на полное удовлетвореніе делегатскаго аппетита.

Нельзя, однако же, сказать, чтобы виновникъ предстоявшаго торжества былъ въ это утро въ особенно радостномъ настроеніи. Не то, чтобы виною тому была ночь, проведенная безъ сна: для истаго, природнаго джентльмена такія ночи — не въ диковинку; не могъ бы также Мортонъ Ломаксъ, руку на сердце положе, сослаться и на нервность по поводу рѣшенія его судьбы, колебавшейся въ это самое время на вѣсахъ конвента: слишкомъ уже искусился онъ за послѣднюю недѣлю не гадательными, а вполне ощутительными фактами систематическаго гоненія, чтобы самопроизвольно вызывать мрачныя предположенія; да и въ успѣхѣ своей политической кампаніи онъ ни на минуту не сомнѣвался съ той поры какъ, несмотря на необъяснимое къ нему равнодушіе доктора Кларка, ему удалось заручиться дѣятельною поддержкою другихъ крупныхъ воротилъ своей партіи, стоявшихъ на стражѣ

„интересовъ водки и пива“; они пообѣщали ему направить въ его сторону голоса делегатовъ изъ горныхъ полу-нѣмецкихъ фермерскихъ округовъ, стѣною стоящихъ за пиво, а также и делегатовъ съ каменноугольныхъ копей, населенныхъ кочевавшими подъ открытымъ небомъ невѣжественными ордами европейскихъ выходцевъ, которыхъ политиканы безъ зазрѣнія совѣсти стогнали къ мѣстамъ подачи голосовъ гуртами, какъ барановъ. Делегаты этихъ округовъ были главными козырями въ рукахъ Ломаксовыхъ заправиль; самъ же Ломакъ не упускалъ притомъ изъ вида „дружественнаго содѣйствія“ брата Алонсія, а равно и делегатовъ, имѣющихъ олицетворять на конвентѣ симпатіи „лучшихъ гражданъ штата“, которые—понятное дѣло—должны были стать на сторону своего брата, природнаго джентльмена.

Но тѣмъ не менѣе въ это утро кошки скребли на сердцѣ у бѣднаго полковника Ломакса, и грозную тучу, нависшую на его благородномъ челѣ, не въ состояніи были разогнать ни выпитыя имъ безъ счета бутылки воды „Apollinaris“, въ перемежку съ чудодѣйственными противъ слѣдствій ночныхъ „дебоширствъ“ дозами бромида — bromade of potassum, ни даже дышущее одушевленіемъ, энергіей и теплой дружбою письмо, доставленное ему за часъ передъ тѣмъ отъ неизмѣннаго его друга, миссисъ Флоренсъ Моррисъ.

Въ этомъ-то письмѣ и искалъ теперь снова отрады Мортонъ Ломакъ изъ Осборна, прихлебывая предписанный глубоко ему симпатизирующимъ Майкомъ Флинномъ экстрактъ изъ ракушекъ.

...„Мужайтесь, другъ мой дорогой! вѣрнитесь противъ необдуманныхъ совѣтовъ „близкихъ, но недальноворкихъ“ людей. Помните, что на васъ въ этотъ самый часъ обращены взоры всѣхъ многочисленныхъ вашихъ поклонниковъ, а равно и грядущихъ поколѣній, заинтересованныхъ въ торжествѣ высокихъ принциповъ государственности, олицетворяемыхъ потомкомъ исторической фамилии Ломаксовъ... Кстати: позаботились ли вы захватить съ собою вашу гнѣдую кобылу Дэйзи? Толпы такъ падки на красивое зрѣлище—а развѣ возможно воспламенить патриотизмомъ народныя сердца, шествуя въ процессіи въ допотопной наемной коляскѣ?“ ...

Такъ писала предусмотрительнаго ума лэди—миссисъ Флора Моррисъ. Но возможно ли—скажемъ—помнить о необходимыхъ сценическихъ аксессуарахъ человѣку, только-что вырвавшемуся изъ когтей высокоцивилизованной мегеры, испытавъ на себѣ, въ теченіе недѣли, цѣлый градъ холодно рассчитанныхъ булавочныхъ укуловъ и душу леденящихъ издѣвательствъ по отношенію нѣкогого

джентльмена, собирающагося, будто бы, фигурировать въ заемной львиной шкурѣ и покупать себѣ ничѣмъ не оправдываемыя почести? А въ такомъ-то именно положеніи находился за послѣдніе дни почтенный полковникъ Мортонъ Ломаксъ изъ Осборна.

Было ли то ловко подстроено дальновидными политическими оппонентами, или просто вызвано не въ мѣру сообщительными друзьями, но фактъ былъ на лицо: до супруги полковника Ломакса, никогда, по принципу, не читавшей газетъ, дошелъ, наконецъ, и въ ея европейскихъ странствованіяхъ слухъ о посягательствахъ ея супруга на губернаторское мѣсто... Раздать дѣтей по пансіонамъ, поручить агенту нанятую на сезонъ въ Ниццѣ виллу, уложиться и явиться на одномъ изъ ближайшихъ пароходовъ въ Америку было для расторопной, при всей своей расчетливости, миссисъ Ломаксъ дѣломъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль, и она, какъ снѣгъ на голову, свалилась, въ одно прекрасное утро, въ частный кабинетъ своего благовѣрнаго при конторѣ, гдѣ, согласно общепринятой давно на вѣру фикиці, этотъ джентльменъ „занимался“ по своей адвокатской практикѣ и велъ обширную переписку по части угольнаго дѣла въ принадлежащихъ миссисъ Ломаксъ обширныхъ угольныхъ кояхъ.

Гдѣ же было бѣдному Ломаксу разомъ набраться тутъ силъ на отпоръ женѣ, такъ внезапно налетѣвшей на него въ этотъ укромный уголокъ, — женѣ, которой онъ съ ранней молодости привыкъ во всемъ уступать, какъ уступалъ онъ, впрочемъ, всякому, кто самъ не склонялся передъ его авторитетомъ, и кого, однако же, нельзя было вызывать на дуэль?

Въ первую минуту нападенія ему почудилось, что все должно тутъ же пойти прахомъ — и ему уже ничего не остается дѣлать, какъ оповѣстить комитетъ демократіи штата объ удаленіи своемъ съ арены всяческихъ политическихъ состязаній. Какъ ни тяжело это было, а повороты приходилось; какъ вдругъ его, въ этомъ тяжкомъ испытаніи, само Провидѣніе натолкнуло на счастливый ходъ: никто другой, какъ самъ онъ, Мортонъ Ломаксъ, проговорился женѣ о томъ, что твердо рѣшился держать отъ нея въ тайнѣ, и этимъ самъ, въ сущности не зная какъ, одержалъ верхъ въ матримоніальной перестрѣлкѣ.

— А деньги-то, душа моя, какъ? — нетвердымъ голосомъ обратился, между прочимъ, полковникъ Ломаксъ къ женѣ, сидѣвшей передъ нимъ въ креслѣ — суровою, какъ сама судьба. — Пропадать развѣ десяти тысячамъ? — неумѣстно ласково добавилъ онъ, чувствуя самъ, что снова вступаетъ на нетвердую почву, послѣ того, какъ уже, подъ вліяніемъ перваго сматенія, пообѣ-

щаль женѣ бросить всё свои политическія амбиціи и предаться повседневному дѣламъ, какъ и подобаетъ добропорядочному гражданину.

Фатальная, холодная безучастность разомъ слетѣла съ блѣднаго лица миссисъ Ломакъ, смѣняясь выступившими одно за другимъ багровыми пятнами.—О какихъ еще десяти тысячахъ говорите вы, сэръ?—проговорила она явственно свистающимъ шопотомъ, болѣе пронзительнымъ, чѣмъ крикъ самый визгливый:—неужели же васъ, какъ идиота, ужъ и обобрать безъ меня успѣли?

Но разъ тяжелое признаніе само сорвалось съ языка, Ломаксу, несмотря на рѣзкость прекрасной своей половины, стало значительно легче, тѣмъ болѣе, что у него тутъ же, въ минуту отчаянія, мелькнула въ умѣ мысль, что, слава Богу, тысячи эти были все же его собственные, а не женыны.

— Никто не обиралъ меня, радость моя, — началъ онъ, производя слабую попытку завладѣть жениной ручкой, на что эта леди только кинула ему любимое свое напоминаніе: „не разыгрывайте изъ себя дурака!“

— Никто, никто, душа моя, меня не обиралъ... Ты меня должна бы настолько знать, чувствовать или, лучше сказать, довѣрять моему чувству мѣры, моему чувству справедливости... Просто — взялъ самъ, да и отдалъ этотъ кушъ на расходы по кампаніи; нельзя же, душа моя — *noblesse oblige*... — и случайное употребленіе фразы на французскомъ языкѣ, упорно не дававшаяся супругѣ, несмотря на всё ея заграничныя странствованія, напомнило полковнику, что не по всемъ же статьямъ ему приходится уступать, и мгновенно вернуло ему приличную дозу самообладанія. — Конечно, и безъ такого доказательства всякій въ штатѣ знаетъ, что Мортонъ Ломакъ — джентльменъ, а не проходимецъ какой; что Мортонъ Ломакъ, изъ Осборна, не станетъ давиться грошами, когда дѣло идетъ о чести края, — провозгласилъ полковникъ, разставивъ длинныя ноги; онъ уже готовился принять любимую свою ораторскую позу и, красиво описывая полукругъ въ воздухѣ лѣвою рукою, будто раскрывалъ передъ симпатизирующей публикой картину своей высокой патріотичности.

— О, Боже!.. уберите вы со своими готовыми фразами! — яростно возразила супруга, забывая, въ минутной запальчивости, свою взрощенную годами стараній ледяную благовоспитанность: — не даромъ боялась я васъ здѣсь одного оставлять; пора бы, кажется, знать, что васъ безъ меня всегда, какъ гуся глупаго, ощиплютъ... Тоже „пользы края“ суется соблюдать!.. Мельницу бы свою лучше выкупили — на то вѣдь и деньги-то были припасены, а вы те-

перъ пустили ихъ на воздухъ, съ тѣмъ, чтобы „славное“ имя Ломаксовъ во всѣхъ кабакахъ прославляли!.. Тоже честь края собирается соблюдать!

Миссисъ Ломаксъ опустила углы губъ въ презрительно побѣдоносную улыбку, мѣряя супруга съ головы до ногъ пронизывающимъ взглядомъ своихъ быстрыхъ, черныхъ, какъ уголь, глазокъ: она прекрасно знала, что на одной излюбленной своей уловѣй насмѣшливаго повторенія мужниныхъ словъ она всегда способна стереть этого джентльмена съ лица земли.

Однако, методичныя привычки, давно ставшія второю натурой, всегда одерживаютъ верхъ надъ внезапными взрывами хотя бы даже и сильнѣйшаго гнѣва. Миссисъ Ломаксъ была притомъ женщиной дѣйствія, и не любила попусту слова терять: не даромъ миссисъ Флора Моррисъ всегда говорила, что „жена этого бѣднаго Мортонна Ломакса изворотлива и живуча, какъ кошка—брось ее съ четвертаго этажа, съ ней и то ничего не сдѣлается“... И дѣйствительно, неблагоприятная наблюдательность южанки обазывалась въ этомъ случаѣ весьма вѣрною: миссисъ Ломаксъ принадлежала именно къ той немалочисленной, впрочемъ, категоріи женщинъ, энергія которыхъ отъ злости и досады лишь удваивается.

Подавивъ въ себѣ просившіяся наружу проявленія жолчи, она тутъ же, въ конторѣ, приступила къ дѣлу ревизіи того, что, какъ настаивала она, было напутано въ ея отсутствіи. Взглянувъ лишь мелькомъ на неоплаченную закладную мельницы, она съ нервнымъ подергиваньемъ угловъ губъ книгу отложила ее въ сторону и погрузилась въ разсмотрѣ мужниной корреспонденціи по поводу предстоявшей ему кандидатуры; она изрѣдка приостанавливалась, напирая длиннымъ, желтымъ, какъ воскъ, пальцемъ на тѣ мѣста писемъ, гдѣ прерывалось чтеніе, и, глядя на мужа поверхъ золотого *pinse-nez*, требовала поясненій:

— Кто это съ католическими попами-то васъ свель?—рѣзко освѣдомилась она, между прочимъ, дойдя, своимъ чередомъ, до одного изъ образцоваго слога посланій брата Алоисія.

— А что? развѣ не хороша была мысль заручиться подержкою духовенства, имѣющаго такое вліяніе на наши лучшія фамиліи, а также и на низшіе слои натурализованныхъ избирателей?—уклончиво отвѣчалъ тотъ вопросомъ на вопросъ, съ облегченіемъ сердечнымъ припоминая, что письма пріятельницы, сведшей его съ братомъ Алоисіемъ, всѣ, по ея же предумотрительной просьбѣ, уничтожены.

— Вліяніе на низшіе классы—вздорь!—непочтительно, но мѣтко возразила миссисъ Ломаксъ, не безъ злорадства отмѣчая,

что у мужа отъ этого вульгарнаго замѣчанія закатились глаза. „Вся въ своего подрядчика батюшку!“ — мелькнуло у полковника на умѣ, и миссисъ Ломакъ прочла у него эту мысль на лицѣ какъ по писанному, но лишь плечами пожала въ отвѣтъ: она давно перестала придавать какое бы то ни было значеніе словамъ и мнѣніямъ супруга.

На этотъ разъ потомукъ первѣйшихъ южанскихъ фамилій приходилось благодарить судьбу за то, что ему приходится имѣть дѣло не съ дочерью подобныхъ его фамилій, гнушавшихся трогать деньги своими изящными пальчиками, а съ дочерью хама-подрядчика, унаслѣдовавшей отъ папаши и смѣтку, и практичный здравый смыслъ. Взвѣсивъ всѣ данныя положенія и не взирая даже на давно вкоренившуюся, комфортабельно соблазнительную привычку дѣлать все мужу наперекорь, миссисъ Ломакъ пропустила мимо ушей заплетавшіяся рѣчи Мортонъ Ломакса на счетъ того, что отказъ отъ кандидатуры въ такую позднюю пору можетъ быть, пожалуй, перетолкованъ въ смыслѣ измѣны партіи; не взирая ни на что, она постановила свое рѣшеніе, что лучше будетъ ужъ идти до конца, такъ какъ конвентъ открывался на дняхъ, и до самыхъ выборовъ оставалось не болѣе мѣсяца, а мужъ-губернаторъ все же имѣетъ свою цѣну, тѣмъ болѣе, что брошенныхъ десяти тысячъ, все равно, не вернуть.

Политической амбиціи миссисъ Ломакъ была совсѣмъ лишена природой; но зато вся душа ея возмущалась отъ швырянья денегъ въ окно, и она, разузнавъ, что дѣлалъ безъ нея супругъ, способна была бы взять въ обмѣнъ за пожертвованныя имъ тысячи не только губернаторство, но пожалуй какой ни на есть ненужный ей хламъ или привилегію: лишь бы не мучиться вѣчно мыслью о томъ, что ничего такъ-таки и не получено въ обмѣнъ за потраченные денежки.

XXXIX.

Таковы-то были, въ краткихъ чертахъ, тѣ обстоятельства, которыя довели почтеннаго полковника до такого пункта деморализаціи, что подъ острымъ и непрестаннымъ преслѣдованіемъ супруги онъ наконецъ и самъ себя начиналъ чувствовать мокрой курицей, и, несмотря на всю свою храбрость, оказывался ни на что негоднымъ въ рукахъ заправиль своей политической кампаніи. Вопреки всѣмъ своимъ обѣщаніямъ пустить на конвентѣ въ обращеніе весь свой богатый запасъ анекдотовъ, напустить на себя вѣщую про-

стоту и добродушіе въ видахъ покоренія делегатскихъ сердець, Мортонъ Ломаксъ имѣлъ силу лишь всякому встрѣчному и поперечному растерянно предлагать: „не выпить ли намъ за здоровье собравшихся друзей?“ Расплачиваясь за всю честную компанію — онъ дагѣ того не шель, самъ не будучи въ состояніи побороть набѣжавшій на него страхъ; вслѣдствіе того полковникъ нетолько не завербовалъ себѣ, въ кипучую политическими подтасовками ночь передъ конвентомъ, новыхъ друзей, но произвелъ непріятное впечатлѣніе и на вѣрнѣйшихъ своихъ приверженцевъ.

Это самое деликатнымъ манеромъ и поставилъ Мортону Ломаксу теперь на видъ поработавшій за него языкомъ и „вліяніемъ“ кабатчикъ Колумбіи-Гауза, Майкъ Флиннъ, съ любовью артиста потрясая въ своихъ мощныхъ, дебелыхъ, оголенныхъ до локтя рукахъ крытые металлическіе стаканы, въ которыхъ въ эту самую минуту изготовлялся подправленный разными горькими снадобьями, при значительной дозѣ лучшей „бургонской водки“, на все графство славящійся реставрирующій cocktail, по усовершенствованному рецепту самого мистера Майка Флинна.

Но по общему всѣмъ ирландцамъ мягкосердечію къ друзьямъ, Майкъ все же заканчивалъ свои справедливыя сѣтованья ободреніемъ павшаго духомъ джентльмена, сообщая ему, какъ самъ онъ, Майкъ, обезпечилъ ему голосъ делегата своего округа, когда въ отельный буфетъ вошелъ снѣжными мелкими шажками свѣжій, румяный блондинъ, которому нельзя было дать на видъ и двадцати лѣтъ, если, всмотрѣвшись попристальнѣе, не разглядѣтъ мелкія морщины, стянущіяся сѣткою у самыхъ угловъ его глазъ и за ушами.

— Чтѣ приважете, мистеръ Лаутеръ, сэръ?.. Пуншъ молочный? Cocktail? Egg-pogg? Sherry cobbler?.. Все къ вашимъ услугамъ, сэръ. Коктэйль, сэръ?.. Мигомъ угощу, сэръ!.. Пользительнѣйшій, доложу вамъ, напитокъ сэръ, отъявленный врагъ „морской болѣзни“, сэръ — ха! ха! ха! ха! Я уже и патентъ на мое усовершенствованіе собираюсь взять... — съ лицомъ, расплывшимся въ благодушнѣйшія ямочки, тараторилъ кабатчикъ, бравымъ жестомъ описывая быстрый полукругъ рукой со стаканомъ, смахивая капли со дна полотенцемъ и опровидывая „цѣлебное снадобье“ въ чистый тонкій стаканчикъ богемскаго хрустала „для почтеннѣйшаго полковника — Мортонъ Ломакса изъ Осборна, сэръ!“..

— А чтѣ новаго въ конвентѣ? идетъ дѣло на ладъ? — торжествующимъ тономъ артиста обратился Майкъ къ новоприбывшему, который, сосредоточенно наморщивъ лобъ, съ видомъ зна-

тока нагнулся въ прилавку, выбирая себѣ изъ открытыхъ ящичковъ сигару.

— Конвентъ что... конвентъ—конвентомъ... Да на улицѣ вотъ дрянные разговоры пошли.

— Какъ?.. что такое, сэръ?—повернулся къ нему всѣмъ грузнымъ своимъ, но тѣмъ не менѣе юркимъ туловищемъ кабатчикъ, приостанавливаясь даже пускать въ „коктейль“ горькія капли:—не стѣсняйтесь, мистеръ Лаутеръ, сэръ... это самъ полковникъ Ломакъ, сэръ, нашъ будущій демократъ губернаторъ...—закончилъ Майкъ представленіе обязательнымъ въ такихъ случаяхъ партизанскимъ хвастовствомъ.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, полковникъ Ломакъ, сэръ... Какъ поживаете, сэръ? Андрю Джаксонъ Лаутеръ за честь почитаетъ ваше знакомство, сэръ!—степенно замѣтилъ молодежавый мистеръ Лаутеръ, изъ всѣхъ силъ потрясая мягкую полковничью руку обѣими руками.—Да, полковникъ Ломакъ, сэръ, хоть и въ вашемъ присутствіи, а не могу того не повторить: дрянные на улицѣ разговоры пошли, сэръ“.

— Вываливайте вѣсти изъ куля, Андрю Лаутеръ, сэръ!—фамильярно понукалъ его Майкъ Флиннъ, у котораго отъ нетерпѣливаго любопытства проявился даже зудъ въ ногахъ:—все равно, конечно, улица въ конвентъ съ разговорами своими не залѣзеть, результатъ не измѣнится... а все не безынтересно.

Какъ бы не такъ: не залѣзеть! — тономъ явно-злораднаго торжества возразилъ Андрю Лаутеръ, и съ находчивостью бывалаго человѣка почесывая спиной о выграшенный въ зеленую краску столбъ, поддерживающій подозрительной бронзы амюра; съ неподражаемою ловкостью онъ сплюнулъ прямо въ отверстіе стоявшей въ саженномъ отъ него разстояніи плевалницы, и, повертывая въ губахъ незажженную сигару, процѣдилъ медленно сѣвровъ зубы, безучастно уставясь на собесѣдниковъ:—Въ конвентѣ только-что была приостановка; а за полчаса времени делегаты могли всего послушаться вволю...

— Да чего же, чего слушать-то имъ, мистеръ Лаутонъ, сэръ?—сѣменилъ за прилавкомъ ножками румяный кабатчикъ, забывая въ смѣхъ своемъ влить въ коктейль седьмую приправу, такъ какъ, на основаніи примѣровъ прежнихъ временъ, онъ зналъ, что отъ вошедшаго не добьешься никакого толку, пока не промочишь ему горло:—Вотъ вашъ коктейль, мистеръ Лаутеръ, сэръ!—вотъ вашъ коктейль... Такъ дрянные, говорите вы, слухи на улицѣ ходятъ, сэръ?—повторилъ Майкъ, стараясь навести посѣтителя на прежній слѣдъ и пожирая его своими масляными, круглыми на выкатъ глазами,

и всѣмъ грузнымъ тѣломъ склоняясь на короткія руки, расплющенной пятерней упершіяся на мраморъ прилавка.

— Дрянные, очень дрянные слухи, — подтвердилъ тотъ, съ вѣщимъ удовольствіемъ терзая любопытнаго Майка: — и все это нортоунскіе фабричныя мутятъ; благо работы за ними никакой нѣтъ, вотъ и шлятся, языкомъ почесывая... И какая нелегкая имъ денегъ нанесла, чтобы сюда всей гурьбой нагрянуть — ума просто не приложу. И у всѣхъ повязки на рукавахъ: „Дѣло — прежде выпивки“!..

— Удивительно мистеръ Лаутеръ, сэръ, удивительно!.. Явное дѣло — все это фокусы этихъ новыхъ рыцарей труда, — подтвердилъ поощрительно кабатчикъ, и, растроганный образами, вызванными собственнымъ пылкимъ воображеніемъ, онъ вперилъ пристальный взоръ въ дальній уголъ, жалостливо склонивъ голову на бокъ, будто высчитывая ему самому грозящія отъ такихъ опасныхъ революціонеровъ убытки.

Тѣмъ временемъ мистеръ Андрю Джаксонъ Лоутеръ успѣлъ уже пропустить живительный коктейль, сполоснувъ имъ предварительно, ради продленія удовольствія, ротъ, и съ чувствомъ разлившейся по всѣмъ суставамъ энергіи продолжалъ, не спуская пристальнаго взгляда съ румянаго Майка:

— И чтó бы вы думали? Такъ вѣдь и ревутъ: „Долой паршивыхъ иностранцевъ! Долой европейскихъ нищихъ, готовыхъ вездѣ вытѣснить respectable рабочихъ! Долой поповское вмѣшательство!“

— Такъ, такъ: именно такъ, мистеръ Лаутеръ, сэръ! — сбрасывая жалостливый видъ, скороговоркою заговорилъ Майкъ, выпячиваясь грудью впередъ и провидя случай подѣлиться и своими наблюденіями: — и мало того, что фабричныя эти ревутъ! цѣлый отрядъ молодыхъ щеголей прибылъ сюда вчера по экстренному поѣзду изъ Х***, и всѣ со значками: „Америка для американцевъ!“ сэръ.

— Полно, Майкъ Флиннъ! какъ же никто щеголей этихъ на улицахъ не видалъ? — недовѣрчиво переспросилъ его мистеръ Лаутонъ, явно рассчитывавшій на монополію самыхъ свѣжихъ новостей.

— Въ томъ-то и дѣло, мистеръ Лаутонъ, сэръ, — увѣрялъ Майкъ, приправляя уже скороговорку свою усиленными жестами: — въ томъ-то и дѣло, что орденъ ихъ — щеголей этихъ городскихъ — тайный, сэръ!.. Всѣ они значки свои прячутъ и ленточки суютъ за бортъ куртокъ при постороннихъ... Одно лишь у нихъ пра-

вило: все на-распашку при выпивкѣ общей; при этой-то самой okazji мнѣ и навернулся случай, сэръ.

— Что же это, возвращеніе въ прежнему ничего-не-знайству? ¹⁾—освѣдомился Лаутеръ.

Кабатчикъ только плечами пожалъ въ отвѣтъ, и, попере-мѣнно магнетизируя обоихъ собесѣдниковъ пристальнымъ взглядомъ своихъ круглыхъ глазъ, промолвилъ наконецъ самымъ внушительнымъ голосомъ: — Все это цѣточки, помяните слова Майка Флинна, господа: ягоды будутъ впереди!— и съ покорнымъ видомъ непризваннаго пророка онъ принялся, по требованію полковника, мѣшать ему вторичный коктейль.

Занимая—въ своемъ качествѣ профессиональнаго „виночер-пія“, мѣшателя прославленныхъ американскихъ питей—совершенно исключительное положеніе неизмѣнно трезваго, обязательно непьющаго человѣка въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не сходится двухъ-трехъ чело-вѣкъ безъ того, чтобы не соорудить круговой выпивки, Майкъ Флиннъ, надѣленный большой природной смѣткой, естественнымъ образомъ слылъ знаткомъ человѣческой природы, постоянно являвшейся передъ нимъ на-распашку, и любилъ-таки показать при случаѣ свое тонкое знаніе людскихъ дѣлъ и побужденій. И теперь онъ замолчалъ, предаваясь своему профессиональному занятію, лишь, такъ сказать, для проформы, въ ожиданіи малѣйшаго вопроса со стороны собесѣдниковъ, чтобы, пользуясь случаемъ, въ подробности изложить передъ ними результаты своихъ многостороннихъ собраній.

— Что-жъ, чему быть, тому не миновать,—изрекъ свое мнѣніе мистеръ Лаутонъ, и, принимаясь снова цѣлить въ плевальницу, глубокомысленно скрестилъ руки на груди и рѣшительно добавилъ:—А до того не мѣшало бы дознаться, кто это исподтишка въ такую пору распускаетъ эти гнусные слухи въ публикѣ... Стоило бы тѣмъ негодяямъ хорошенько въ шею накласть! вѣдь этимъ весь успѣхъ партіи на карту ставится.

— Чтò вы, чтò вы, мистеръ Лаутонъ, сэръ!.. въ политикѣ запрета ни для кого нѣтъ, не даромъ же это страна полной свободы рѣчи, сэръ!—послѣшилъ замаять неприятную тему Майкъ Флиннъ, прекрасно знавшій, что если уже на то пойдетъ, чтобъ въ шею накладывать всякому распространителю превратныхъ слуховъ въ горячіе моменты избирательныхъ кампаній, то отъ него самая выгодная статья его негласныхъ „политическихъ“ доходовъ не-

¹⁾ Know-Nothings—партія, возникшая въ 1857 году среди природныхъ амери-канцевъ и имѣвшая цѣлью противодѣйствовать римскому католицизму и устранять иностранцевъ отъ вмѣшательства въ политику.

премѣнно отойдетъ, да и самому его дебелому тѣлу пожалуй трепки тогда не миновать.—Все дѣло, мистеръ Лаутеръ, сэръ, въ томъ, что фабричные-то нынче съ этими рыцарями труда, да съ Генри Джорджемъ вашимъ, словно бѣлены объѣлись,—успокоительно заговорилъ Майкъ, становясь уже въ позицію и готовясь, съ присутствующей ему граціей, соскользнуть на первую попавшуюся тему „всеобщаго міровоззрѣнія“, какъ любилъ выражаться онъ самъ. Но, какъ разъ въ этотъ удобный моментъ, у него, такъ сказать, почву изъ подъ ногъ вынулъ полковникъ:

— Я вамъ скажу, что, господа — хм!.. Вы мнѣ, конечно, сдѣлаете честь выпить со мною въ память первой нашей встрѣчи, мистеръ Лаутеръ, если не ошибаюсь, сэръ?.. Чтò вы предпочитаете... шерри - кобблеръ?.. Майкъ Флиннъ, сэръ, изготовьте, другъ, шерри-кобблеръ джентльмену! — произнесъ свое обычное внушеніе Мортонъ Ломакъ, никогда не забывавшій основныхъ правилъ джентльменскаго обращенія...— Да, бишь, я вамъ хотѣлъ сказать, господа: фабричные эти — народъ, доложу вамъ, сэръ, — это своего рода, хм!.. элементъ, сэръ! — такъ наступалъ, держа стаканъ въ рукѣ, полковникъ все ближе и ближе на Лаутера, прихватывая его, для вѣрности, свободною рукой за сюртучную пуговицу: — Вопросъ въ томъ, сэръ: чѣмъ рабочихъ накормить, сэръ?! Не такъ ли я говорю?.. Прошу пристально слѣдить за линіей моихъ аргументовъ, сэръ: все дѣло въ дедуktivномъ способѣ извлеченія методовъ изъ простѣйшихъ жизненныхъ фактовъ, сэръ... Прекрасно, значитъ, мистеръ Лаутеръ, сэръ: этотъ пунктъ — въ сторону. Чтò же у насъ остается, сэръ? А то, что откуда же собственно пошелъ вопль о томъ, что рабочіе голодомъ настрадались?.. Откуда, откуда, — спрашиваю васъ, сэръ? — гремѣлъ, чувствуя наконецъ пробужденіе въ себѣ священнаго огня краснорѣчія, полковникъ, и все ближе наступалъ на пятывшагося отъ него моложаваго Лаутера. — Отчего голодомъ настрадались они, сэръ? Отчего?! А оттого, сэръ, что работы у нихъ не стало! Вотъ вамъ и пунктъ второй. Чтò же, значитъ, дѣлать, сэръ?.. А только одно, сэръ: доставить всѣмъ голоднымъ рабочимъ работу. Иначе говоря: возвысить — вновь на ноги поднять тотъ классъ общества, который доставляетъ фабричнымъ работу, говорю я, сэръ.

— Наша взяла!.. Ура! тройное кричите ура! за будущаго демократа-губернатора! — прервали спичъ полковника возбужденные крики ворвавшихся съ улицы людей, которые прямо направлялись къ буфету, въ знакъ ликованія потрясая въ воздухѣ шляпами.

— Ура! — подхватилъ-было во всю глотку Майкъ Флиннъ,

готовый симпатизировать всей вселенной, особенно когда предвидѣлась большая получка.

Но не успѣлъ онъ, какъ слѣдуетъ, налечь всѣмъ тѣломъ, чтобъ выкликнуть вторичное громкое ура, какъ языкъ у него буквально прилипъ къ гортани: на лѣвомъ рукавѣ каждаго изъ вошедшихъ красовалась на бѣлой лентѣ крупная черная надпись:

„Дѣло—прежде выпивки!“

XI.

Между тѣмъ конвентъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Робкія группы делегатовъ успѣли пооглядѣться и понабраться храбрости, подъ лестныя нашептыванья доктора Кларка и другихъ политикановъ, увѣрявшихъ ихъ, что голосованье пойдетъ очень туго, и одинъ-два голоса могутъ-де, въ концѣ концовъ, все дѣло перевернуть... Бывалые ганноверцы давно почували, что побѣда не дастся имъ безъ труда, и это обострило дремавшіе въ нихъ боевые инстинкты. Джимъ Коглинъ—самый видный изъ ганноверцевъ—въ минуты забывчивости, привычнымъ жестомъ, до локтя засучилъ рукава, будто собираясь вступить въ рукопашную по всѣмъ правиламъ изученнаго имъ до мелочей кодекса маркиза Куинсбери. Самые флегматичные делегаты и даже джентльмены, наиболѣе одержимые трещаньемъ головы съ похмеля,—и тѣ, наконецъ, встрепенулись и не могли устоять противъ магнетическаго тона возбужденія, пробѣжавшаго надъ всею семисотенною толпою „самодержцевъ“, лишь только предъявленъ былъ вниманію конвента совершенно непредвидѣнный кандидатъ; а это произошло тотчасъ послѣ давно предусмотрѣнныхъ рѣчей, предлагавшихъ въ кандидаты на губернатора—Мортонъ Ломакса, джентльмена, кровь свою проливавшего за демократическій принципъ независимости отдѣльныхъ штатовъ, а затѣмъ—Патрика О’Доногю, этого рыцаря мозолистыхъ рукъ и облагораживающаго физическаго труда, за котораго, какъ увѣряли его друзья, готовы стѣною стоять и дружною фалангой подавать голоса сто тысячъ рудокоповъ и другихъ членовъ великаго ордена рыцарей труда.

Произошло уже три баллотировки, причемъ изъ 663-хъ голосовъ ни одинъ кандидатъ не получилъ требуемыхъ для назначенія 332-хъ. На третьей баллотировкѣ „сумасбродные“ делегаты, пытавшіеся было подавать голоса за разныхъ лицъ, не имѣвшихъ за собою ни извѣстности, ни партіи—всѣ уже были убѣждены въ тщетности замышляемыхъ ими независи-

мыхъ вылазокъ. Голоса, при этомъ, раздѣлились между двумя главными кандидатами почти поровну; но, ко всеобщему недоумѣнію, все же ни за тѣмъ, ни за другимъ не оказалось требуемаго большинства: ясное было дѣло—для людей бывалыхъ, —что большая часть делегатовъ, непонятнымъ образомъ, совсѣмъ уклонилась отъ баллотировки; а это, какъ извѣстно, не могло произойти безъ систематической подготовки со стороны опытной, руководящей руки. Политиканы сразу почували въ воздухѣ систематично подстроенную интригу и привычнымъ глазомъ оглядывали залу, охваченную внезапной тишиной.

Развязка положенія не заставила себя, однако, долго ждать.

Изъ рядовъ многолюдной линкольнской делегации, по преимуществу отличавшейся умными, трезвыми физиономіями—и при этомъ точно рассчитанной на эффектъ небрежностью костюмовъ—медленно поднялся замѣчательнаго вида человекъ. Коренастый, плотный старикъ, съ головою огромныхъ размѣровъ, увѣчанной—будто стогомъ сѣна—потускнѣвшимъ, изсѣра-зеленоватымъ отъ долгой носки курчавымъ парикомъ, оwinулъ ряды делегатовъ и предсѣдателя простодушно-внимательнымъ взглядомъ своихъ крошечныхъ глазъ, выглядывавшихъ изъ-подъ нависаго надъ переносицей лба со щетинистыми сѣдыми бровями, и потребовалъ слова. Широкополое черное люстриновое пальто сидѣло на немъ совершеннымъ мѣшкомъ, а широкой отложной и ненакрахмаленный воротникъ ночной рубашки, отороченный краснымъ ситцемъ, подступилъ подъ самыя его широкія уши отъ намотаннаго на шею шерстяного разноцвѣтнаго шарфа.

— „Адвокатъ Макъ Клоски! Знаменитый криминалистъ! адвокатъ Макъ Клоски изъ Мускоги!..“ —пронесся по рядамъ делегатовъ возбужденный шопотъ, будто шелестъ верхушекъ деревъ въ лѣсной тишинѣ передъ бурей, а тѣмъ временемъ адвокатъ мѣрно шлепалъ своими безкаблучными сапогами по досчатой лѣстницѣ платформы. Добравшись до ораторскаго мѣста, Макъ Клоски, широко разставивъ свои слоновьи ноги передъ столикомъ съ традиционнымъ уродливымъ бѣлымъ кувшиномъ воды, принялся протирать очки и громко сморкаться, встряхиваясь, притомъ, всѣмъ тѣломъ, будто водолазъ послѣ купанья.

По рядамъ делегатовъ уже пронеслась молва о томъ, что адвокатъ Макъ Клоски хотя и смотритъ странствующимъ методистскимъ проповѣдникомъ, но, въ случаѣ чего, способенъ шутками мертваго изъ гроба поднять; это сразу установило за ораторомъ симпатіи толпы, и при первомъ движеніи адвоката на платформѣ

—половина присутствующихъ ртовъ раздалась въ тупыя, ожида- тельныя улыбки.

Но адвокатъ Макъ Клоски началъ спичъ свой рѣзкимъ при- зывомъ раздавшихся кривовъ къ порядку и торжественнымъ завѣ- реніемъ въ томъ, что—къ сожалѣнію своему—долженъ на этотъ разъ обмануть очевидныя ожиданія публики: онъ—адвокатъ Макъ Клоски—отнюдь не собирается шутить, и вовсе не намѣренъ вдаваться въ фривольное остроуміе... (*Зала оглашается криками: „хорошо!“ и сдержаннымъ хохотомъ.*) Мало того: самъ онъ, Макъ Клоски, всей душой трепещетъ отъ сознанія важности, ле- жащей на немъ въ эту минуту гражданственной обязанности (*Хохотъ и восклицанія: „какъ же, такъ вотъ и повѣрили!“*...),— обязанности отереть согражданамъ глаза на лежащій у нихъ подъ руками владъ (*Усиленное вниманіе.*)... и предложить имъ въ кандидаты на губернаторы самаго простѣйшаго сограждани- на, который ни славы громвой, ни родословной длинной за себя не имѣетъ; ни земельной аристократіи, ни рабочаго, ни другого какого класса не только собою не представляетъ, но даже —по общему всѣмъ добрымъ гражданамъ тупоумію—вовсе не мо- жетъ постичь самой возможности какихъ-нибудь кастъ или различій въ этой благословенной странѣ, гдѣ всѣмъ предоставлена одина- ковая возможность добиться работы, счастья, успѣха и политиче- скаго переворота^а... (*Оглушительные аплодисменты и возгласы: „слушайте! слушайте!“*) Но когда, въ ярыхъ, мѣткихъ словахъ обрисовавъ личность своего кандидата, никого головой не переросшаго, но зато ни передъ кѣмъ не гнувшаго спины и ни на кого каблукомъ не наступавшаго, адвокатъ Макъ Клоски закон- чилъ вступленіе свое представленіемъ конвенту имени Абрама Гибса изъ Гибсвилля—зала на мгновеніе оставалась въ полномъ молчаніи, среди котораго раздалась только единичные аплодис- менты. Но тутъ же—точно вдругъ сообразивъ, чтѣ дѣлать—лин- вольнды разразились бурными аплодисментами, которые длились такъ долго и упорно, что ихъ, хотя и слабо сначала, но затѣмъ сильнѣе, подхватили въ разныхъ концахъ залы такъ усердно, что заглушили рѣчь адвоката.

Настоящей дивости энтузіазма, однако, не чувствовалось: пульсъ конвента былъ лихорадочный, но еще далеко не горячечный...

Когда снова водворилась тишина, то послышалась опять болтливо-небрежная рѣчь Макъ Клоски, представлявшаго слу- шателямъ самый конвентъ въ лицѣ разборчивой невѣсты, не удо- стовѣвающей вниманія простого на видъ жениха, въ погонѣ за фран- томъ со вставными зубами, въ *pinse-peze* и на шарнирахъ, или

за виднымъ „бриганомъ“ изъ сказочныхъ хрустальныхъ пещеръ, — неизбалованные краснорѣчіемъ сельскіе делегаты тутъ же взяты были штурмомъ; а слѣдовавшій затѣмъ анекдотъ объ упрямомъ лошаке, забравшемся, въ половодье, въ непролазный омутъ, лишь бы „съ торнаго пути не своротить“ — пришлось даже по веусу знающей всѣ ходячіе анекдоты и шутки наизусть ганноверской делегаціи, крѣпко стоявшей за „слѣдованіе торнымъ путемъ“, за кандидата изъ сыновъ лучшихъ въ штатѣ фамилій, извѣстныхъ своею тароватостью тамъ, гдѣ дѣло идетъ о чести партіи и объ избраніи „своего“ человѣка.

Отмѣчая всѣ эти предварительные ходы оратора, нащупывающаго почву, присяжные политиканы приготовлялись къ кризису. Имя Абрама Гикса до извѣстной степени уяснило имъ, какъ должны распастся голоса: неизвѣстной величиной въ составѣ делегатовъ оставались лишь „независимые“ — „брыкальщики“, настаивавшіе на своемъ правѣ самимъ за себя думать и подавать голоса въ отдѣльности за предъявляемыхъ имъ кандидатовъ, не подставляя выи ни подъ диктаторство старшинъ своихъ делегацій, ни заправскихъ политиканъ, не позволяя себѣ также и увлекаться волнами внезапнаго популярнаго движенія въ пользу того или другого подставнаго лица.

Адвокатъ Магъ Кюски былъ человѣкъ слишкомъ искушенный въ тонкостяхъ политической стряпни, чтобы упустить изъ вида этотъ классъ „брыкальщиковъ“, способныхъ порою причинять не мало хлопотъ. Къ нимъ-то и обращена была заключительная часть его рѣчи; нѣсколько добавочныхъ анекдотовъ сдѣлали свое дѣло, и аудиторія приведена была въ такое расположеніе духа, что готова была хохотать хотя бы выставленному пальцу на показъ.

— Далека отъ меня мысль, господа делегаты, умалять значеніе такого выдающагося среди насъ лица, каковъ Мортонъ Ломакъ изъ Осборна. Я первый готовъ сознаться, что нѣтъ того мѣста, котораго этотъ доблестный герой не украсилъ бы собою: покрывъ себя лаврами во время войны, отстаивая кровныя демократическія убѣжденія, онъ, какъ древній Цинциннатъ, при наступленіи мира, вложилъ мечъ въ ножны свои и выказалъ благородство своей души, проявляя свою полезность президентомъ разныхъ благотворительныхъ и обще-гражданской полезности учреждений... Такъ неужели же мы возьмемъ на себя тяжкій грѣхъ похищенія такого самоотверженнаго защитника у обойденныхъ и у сиротъ? Неужели же я — адвокатъ — возьму на себя постыдный

починь изыятія изъ адвокатскихъ сферъ штата самаго ихъ блестящаго украшенія?...

— Нѣтъ, господа! Не знаю, какъ вы, а моя рука на такое святотатственное дѣло не поднимется... Любите, чествуйте Мортонна Ломакса: онъ заслуживаетъ того; но не подвергайте гражданственное его чувство долгу тяжкому испытанію—не отрывайте его отъ излюбленнаго имъ дѣла!..

— Равнымъ образомъ, друзья, и я съ вами признаю, что гражданскій долгъ всегда на первомъ планѣ для всякаго добраго американца. И какъ истый американецъ, я первый горжусь широкимъ гостепрѣимствомъ нашей общей матери-республики, принимающей въ мощныя объятія свои обездоленныхъ всего свѣта; никто ниже меня не преклоняется передъ такими волоссами честнаго ручного труда, какъ предложенный вамъ въ кандидаты рыцарь труда Патрикъ О'Донoghю! (*Шумныя рукоплесканія и пронзительныя свистки.*) Но позвольте и моей житейской опытности замолвить свое слово: не вдавайтесь вы въ вихрь социалистскихъ вопросовъ, надвигаемыхъ на насъ съ кандидатурою О'Донoghю, за котораго, увѣряютъ насъ теперь, горой станутъ сотни тысячъ рабочихъ штата!..

— Господа! — не всѣ ли мы здѣсь рабочіе?.. Съ которыхъ поръ превратились мы въ европейскую челядь—въ господъ и рабочихъ, и перестаемъ быть самодержавными американцами? Съ которой поры завелись у насъ „рабочіе“, нуждающіеся въ отдѣльной политической организаціи?.. Съ которой поры рабочихъ зачисляютъ въ отдѣльный классъ, какъ общественныхъ паріевъ?.. (*Сильное волненіе, крики: „стыдъ!“ и свистки.*) Да; стыдъ и срамъ, господа, отстранять отъ присущей ему доли брата своего — чернорабочаго, и налагать на него — въ лицѣ кандидата О'Донoghю—клеймо отдѣльной, враждебной, пожалуй—политической величины!..

— Чѣмъ отдѣлять карантиномъ воображаемыхъ парій — не лучше ли возвеличить весь рабочій элементъ штата, въ лицѣ неустаннаго, усгѣшнаго въ работѣ, всѣмъ любезнаго намъ согражданина, Абрама Гикса?.. Онъ всѣмъ намъ, американскимъ рабочимъ руки и головы, товарищъ: онъ самими чернорабочими признается другомъ, потому что въ немъ они чуютъ своего брата... И опять спрошу я у васъ, господа: зачѣмъ собрались мы сегодня сюда?.. Мы ищемъ себѣ хорошаго хозяина штата—не правда ли?.. Прекрасно... Почему же и къ политикѣ не примѣнить повседнежнаго руководства простаго здраваго смысла? не лучшимъ ли хозяиномъ окажется тотъ, кто годами стоялъ во главѣ своего

обширнаго хозяйства, обширныхъ своихъ предпріятій—человѣкъ, который съумѣлъ своимъ трудомъ деньги нажить, никого не обдѣляя, человекъ, который не забылъ прежней бѣдности, знаетъ и какъ деньги наживаются, и какъ деньги берегутся — свои и народныя...

— Господа! еще разъ предлагаю кандидатомъ всѣмъ рабочимъ и промышленнымъ людямъ равно близкаго и душевнаго человекъ, примѣрнаго нашего гражданина Абрама Гикса изъ Гиксвилля!

— Ура за Абрама Гикса! — раздался восторженный крикъ среди дружныхъ аплодисментовъ линкольнцевъ. Ура прокричали, впрочемъ, тѣ же линкольнцы; ихъ поддержали отдѣльныя группы делегатовъ — и въ томъ числѣ робкіе до того времени юрты, но далѣе того не пошло.

Предсѣдатель объявилъ четвертую баллотировку; семьдесятъ-пять голосовъ ганноверцевъ по прежнему крѣпко стояли за Ломаса, и въ результатъ получилось распаленіе голосовъ за трехъ выставляемыхъ кандидатовъ: никто не получилъ требуемаго большинства голосовъ. Мудрено ли, что при этомъ стали носиться зловѣщія слухи о томъ, что конвентъ затянется на нѣсколько дней, въ вѣщшему ущербу делегатскихъ кошельковъ, значительно попустѣвшихъ за прошлую ночь даровыхъ выпивокъ и оплачиваемаго усиленнаго битья объ закладъ.

XLI.

Порядокъ, царившій до того въ залѣ, при пятой баллотировкѣ уступилъ мѣсто полнѣйшему хаосу: ряды делегатовъ сбились въ отдѣльныя кучки, то возбужденно обсуждающія положеніе, то подающія голоса. Лица отдѣльныхъ делегатовъ разгорѣлись; кое-гдѣ раздавались громкіе возгласы, сердитые споры, призывы къ порядку; то тутъ, то тамъ проталкивались въ группамъ делегатовъ политическіе воротила — шли совѣщанія, попреки, препирательства: всякій стремился протолкаться напередъ, вскопчить на стулъ повиднѣе, свазать свое громкое — если и не властное — слово.

Безпорядокъ и волненіе достигли апогея своего въ рядахъ многочисленной ганноверской делегаціи. Цѣлою головою надъ прочими высилось, будто масляными красками расписанное, красивое лицо Тома Кригера, делегата и извѣстнаго нортоунскаго политикана; цѣннымъ вкладомъ въ общій гулъ ложился его густой,

слегка надтреснутый басъ. Но куда только дѣвалась картинная позировка общепризнаннаго нортгеунскаго щеголя и сердцеда Тома? Потный, захывавшійся, съ галстукомъ на сторонѣ, онъ усердно расталкивалъ братьевъ-делегатовъ локтями, работая языкомъ и вправо, и влѣво. Вокругъ монументальной фигуры пивовара Ромейса, сидѣвшаго въ первомъ ряду, засунувъ руки въ карманы широчайшихъ брюкъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ японскаго божка, собралась группа его собратьевъ ганноверцевъ: каждый приводилъ ему свои доводы, но упрямый божокъ только головою отрицательно качалъ да издавалъ зычные, односложные протесты. Но вотъ въ эту группу контрабанднымъ манеромъ протесался докторъ Кларкъ, съ корреспондентскимъ значкомъ на груди—и въ делегаціи скоро почувалась иная струя...

Давно простучалъ молотокъ предсѣдателя, и на выкликиванье клеркомъ графствъ въ алфавитномъ порядкѣ слышались съ разныхъ концовъ залы отвѣты старшинъ делегацій, за кого и сколько делегатовъ подаютъ свои голоса. Не разъ доходилъ чередъ и до ганноверцевъ, но они все отъывались неготовностью. Но вотъ мѣрныя, какъ на аукціонѣ, выкрикиванья цифръ нарушаются жиденскимъ, крикливымъ голоскомъ Уилли Хиггинса: „Господинъ предсѣдатель! ганноверская делегація всецѣло подаетъ 75 голосовъ своихъ за Абрама Гисса!“

Тщедушное, мертвенно-блѣдное лицо Уилли Хиггинса сіяеть въ эту минуту искреннимъ энтузіазмомъ, а зловѣще-багровый носъ несомнѣнно дышетъ преданностью излюбленному кандидату и уиски.

— Нѣтъ! нѣтъ! объявленіе преждевременно, господинъ предсѣдатель! — гудитъ какъ въ трубу писанный красавецъ, великанъ Томъ Кригеръ, вскакивая въ свою очередь на стулъ; а увлечшагося Уилли позорнѣйшимъ образомъ тащатъ за полы скюртука и силой усаживаютъ на томъ стулѣ, который онъ только-что возвелъ въ каеэдру.

Гуль, грохотъ, беспорядокъ идутъ своимъ чередомъ подъ аккомпаниментъ молотка охрипшаго, изъ кожи лѣзущаго предсѣдателя, стремящагося умѣрить пылъ цѣлаго десятка разомъ вскочившихъ на стулья и просящихъ рѣчи делегатовъ—извлечь хоть какой-нибудь толкъ изъ всеобщаго хаоса.

Но вотъ на платформѣ неизвѣстно откуда появляется едва на ногахъ стоящій делегатъ, тоже пытающійся заплетающимся языкомъ произнести рѣчь. Онъ предлагаетъ, какъ видно, еще новаго кандидата—чуть ли не самого себя; но братья-делегаты и подослѣвшіе въ пору полисмены стаскиваютъ его совмѣстными

усиліями съ платформы за столы, отведенные представителямъ печати, а оттуда, схвативъ его за руки и ноги, живо убираютъ его изъ залы конвента.

Какъ ни кратковремененъ былъ скандалъ, а все же онъ даже посреди всеобщаго волненія произвелъ сенсацію и сослужилъ дѣлу доктора Кларка немалую службу, привлекая вниманіе публики къ платформѣ, тогда какъ самъ этотъ испытанный руководитель усиленно работалъ въ рядахъ строптивыхъ ганноверцевъ.

Когда голоса ганноверскаго графства были, наконецъ, объявлены — семьдесятъ-четыре изъ нихъ провозглашено было за Абрама Гикса, и всего одинъ за Мортоня Ломакса, упрямство японскаго божка не подалось до самаго конца.

Разные ходили потомъ слухи: кто говорилъ, что дѣло повернуто было слухомъ о томъ, что Ломаксъ пошелъ въ кабалу къ католическимъ попамъ; другіе же сознавались, что на нихъ повліяла молва о томъ, что доблестный воинъ страдаетъ разжиженіемъ мозга и болѣе полугода не проживетъ.

Какъ бы то ни было, а примѣръ вліятельной ганноверской делегации въ конецъ деморализировалъ всю Ломаксову партію и рѣшительно повернулъ вѣсы на сторону Гикса: слѣдующія по алфавиту графства, какъ стадо барановъ, бросились по стопамъ ганноверцевъ, и въ залѣ на-перебивку стали раздаваться голоса старшинъ, заявлявшіе предсѣдателю, что ихъ делегации измѣняютъ первоначальное свое рѣшеніе и передаютъ голоса свои на сторону Гикса; наконецъ, по предложенію того же адвоката Макъ Клоски, кандидатура Гикса на губернатора провозглашена была единогласно.

Стѣны залы дрожали отъ дружныхъ ура, вырвавшихся изъ зычныхъ глотокъ, предвидящихъ близкій конецъ засѣданія и заслуженную исправную выпивку, когда на платформу втащень былъ усердствующими друзьями только-что разысканный среди зрителей на хорахъ, блѣдный, со стиснутыми отъ нервнаго возбужденія зубами — Абрамъ Гиксъ.

— Спичъ! Спичъ!.. Трижды ура за Абрама Гикса!.. Трижды ура за будущаго губернатора!.. — кричали со всѣхъ сторонъ делегаты, вскакивая на стулья, забывая каждый прежнія свои предпочтенія и неистово махая платками и шляпами. — Спичъ! Спичъ! — громили настойчивѣе другихъ линвольнцы, — и Абрамъ Гиксъ волей-неволей сдавался на требованіе: губы его двигались, руки жестивулировали, и палець привычнымъ движеніемъ засовывался за воротъ рубашки, будто пытаясь прочистить горло и облегчить говорившему дыханіе; но звука его рѣчи не долетало и до десятой

части делегатовъ... Оно и понятно: докторъ Кларкъ, прекрасно зная, какъ самъ онъ выражался, „завирательныя тенденціи“ своего кандидата, во всѣ концы залы заблаговременно отрядилъ своихъ тайныхъ помощниковъ, съ приказомъ не давать стихать делегатскому энтузіазму—заглушать слова кандидата, прерывать аплодисментами его рѣчь въ самомъ началѣ, пока не стала она достояніемъ господъ представителей печати.

Тактика доктора увѣнчалась успѣхомъ: ни словомъ не успѣлъ Абрамъ Гивсъ проговориться о благихъ намѣреніяхъ содѣйствовать проведенію рабочихъ биллей, о замышляемомъ имъ сопротивленіи дарованію разныхъ концессій, о таготѣнни своихъ симпатій къ природному населенію страны,—и такимъ путемъ предусмотрительнымъ докторомъ устранена была опасная для партіи оппозиція монополистовъ и натурализованныхъ гражданъ страны. Обдѣлавъ это, докторъ Кларкъ почиталъ побѣду обезпеченной—лишь бы добыть денегъ на смазыванье колесъ.

XLII.

А какимъ юношескимъ, давно неизвѣданнымъ пыломъ горѣла все это время душа Абрама Гивса! Всего разъ въ жизни привелось ему испытать на себѣ опьяняющее дѣйствіе вина—и теперь ему припомнилось это чувство по мѣрѣ того, какъ, стоя на платформѣ, ему стало казаться, что сама почва, колеблясь, поднимаетъ его на высокой пьедесталь, откуда ему лучше видно будетъ, чѣмъ и какъ отвратить засасывающія трудового американца наносныя бѣды. Онъ стремился оформить свои чувства, порывался высказаться передъ толпою, состоявшею, казалось ему тутъ, изъ родныхъ ему братьевъ; а все же, по врожденной застѣнчивости, онъ радъ былъ, что не дали ему говорить. Не зналъ еще Абрамъ Гивсъ, что изъ этого огня ему тутъ же придется попасть въ полымя.

Тамъ, гдѣ дѣло шло о деньгахъ, докторъ не вѣрилъ въ пользу промедленій, и въ тотъ же день, сопровождая кандидата въ процессіи, рѣшительно приперъ его въ уголъ заявленіемъ,—благо вдвоемъ сидѣли въ коляскѣ,— что Гивсъ долженъ отпустить ему крупный чекъ на расходы кампаніи.

— Зачѣмъ же вамъ разомъ такой кушъ?—возразилъ привышній въ абсурдности въ дѣлахъ Гивсъ, хотя у него голова уже начинала кружиться отъ непривычнаго спиманья шапки въ отвѣтъ на непрерывное ура толпы:—печатанье избирательныхъ

списковъ, расходы на спикеровъ, наемъ помѣщеній и прочія регулярныя траты на кампаніи, и двухъ-трехъ тысячъ не возьмутъ. Я ужь справлялся.

А справлялись вы, станутъ ли за васъ люди съ пустыми руками работать?—нѣсколько грубовато отозвался „организаторъ“.

— Это политиваны-то? — пускай и не приступаютъ: я не намѣренъ покупать себѣ губернаторскаго мѣста. Изберетъ народъ—хорошо; не изберетъ—не надо.

— А интересы партіи вы ни во что ставите? Хорошъ же вы послѣ того и кандидатъ! Если вы принадлежите въ иной какой партіи, такъ и не забирались бы на демократическій конвентъ.

На это Абрамъ Гиксъ не вдругъ нашелся что отвѣтить: онъ самъ сознавалъ, что собственнымъ его взглядамъ не устоять на платформѣ демократической партіи—и чувствовалъ себя виноватымъ, сознавая, впрочемъ, что увѣдомлять о томъ пріятеля было бы уже теперь глупо.

— Дали бы нашимъ ребятамъ для начала десять примѣрно тысячъ—все бы было уже въ ходу: а теперь, пожалуй, и десятиро противъ того потратить придется.

— Послушать васъ, докторъ,—вы точно ваторжника собираетесь въ губернаторы проводить: какіе это грѣхи мои приходится такую цѣною замазывать?

— Не о вашихъ грѣхахъ рѣчь, а надо же удовлетворить естественныя требованія нашихъ помощниковъ, надо же людямъ тоже жить...

— А по мнѣ—подохни лучше всѣ эти помощники, чѣмъ смазывать ихъ взятками! — горячился Гиксъ: — давно пора эти порочныя пріемы у насъ искоренить!

— Да что вы, Гиксъ, невиннымъ младенцемъ привидываетесь? Не вчера, думаю, вы родились; да и у насъ съ вами опять не впервые объ этомъ толкъ зашелъ. Я никогда изъ себя осла не разыгрывалъ — не представлялъ вамъ политическую организацію подъ видомъ общества взаимнаго усовершенствованія нравовъ. Помнится, еще не далѣе, какъ дней десять назадъ, на фермѣ Ригби...

— Что же, что на фермѣ? тогда рѣчь шла о кандидатурѣ Ломакса,—возразилъ Гиксъ, не замѣчая, что его же ставить въ оборонительное положеніе:—а такого олуха поставить въ губернаторы и горь золотыхъ мало.

— Не ребячьтесь, Гиксъ: вы сами знаете, что теперь безъ денегъ никуда не сунешься.

— Что же, прикажете мѣшвами деньги по кабакамъ для

раздачи разсылать? этого только недоставало! — воскликнул Гиксъ и даже отвернулся; къ тому же толпа по прежнему кричала, настоятельно требуя его вниманія.

Но докторъ состоялъ за своимъ обычнымъ профессиональнымъ дѣломъ—и не рисковалъ утратить самообладанія.—Мѣшками—не мѣшками,—спокойно замѣтилъ онъ:—а куши потребуются изрядные: начать съ того, что по всему вѣдь штату надо своихъ людей разослать, и вездѣ.

Но мѣра долготерпѣннѣ Гикса рѣшительно переполнилась.

— Да сообразили ли вы, что вы мнѣ предлагаете? Кто бы другой говорил—еще понятно... А отъ васъ вѣдь это чуть ли не прямая пощечина... Сами вы лучше всякаго другого знаете, зачѣмъ я въ губернаторы иду, что я сдѣлать хочу: какъ хочу пользу посильную народу принести... Что мнѣ губернаторство ваше? Сталъ бы я изъ-за этого дѣла свои бросать, какъ вы полагаете?.. А вы мнѣ тутъ же предлагаете деньги чуть ли не на подкупъ избирателей разсылать! Да что же это такое? Это... это...

— Не кипятитесь, Гиксъ! Зачѣмъ на подкупъ? поручиться вамъ готовъ—кромѣ развѣ случайнаго стакана уиски да сигары, ничего и не перепадетъ; а заправилъ всѣхъ, понятное дѣло, за добрить надо,—цинично отозвался докторъ, вынимая изъ зубовъ и оглядывая потухшую дорогую сигару, будто онъ демонстрировалъ на дѣлѣ, куда слѣдуетъ идти кандидатскимъ денежкамъ.

— Послушайте, Кларкъ, — возразилъ за-живо задѣтый Абрамъ Гиксъ, повертываясь къ политикану и совершенно забывая толпу: —если ужъ такъ, такъ я лучше отъ кандидатуры откажусь, чѣмъ головой въ болото ваше лѣзть.

— Не поздненько ли будетъ? не сами ли вы только-что благодарственный спичъ изрекли,—ехидно подсмѣялся докторъ, при воспоминаніи о своей успѣшной тактикѣ.

— А къ чорту бы всѣ спичи! Не захочу быть кандидатомъ—и не буду!..—чуть не накинулся на него, изъ себя выходя, Гиксъ:—кто мнѣ можетъ помѣшать?

— Потихе, потихе, дружище: отвѣчайте-ка лучше на поклоны толпы... Вонъ, смотрите, какъ та группа неистово махаетъ шапками: это здѣшніе, должно быть, рудовопы... Тотъ самый матеріалъ—просвѣщенные господа избиратели, Гиксъ, интересы которыхъ вы собираетесь аргусомъ оберегать,—сказалъ докторъ, переводя мысли Гикса на болѣе пріятную тему.—А что отказываться отъ кандидатуры,—такъ это поздно теперь: вы права не имѣете свою партію въ яму всаживать за мѣсяць до выборовъ.

— Такъ и выбирайте меня честнымъ образомъ...

— Какъ же иначе-то?.. А пятьдесятъ тысячъ все же отвѣлить вамъ придется.

— А если нѣтъ? — слабо возразилъ Гиесъ, сознавая, что у него на умѣ вертится мысль, что и ста тысячъ изъ его туго набитой кошницы не много будетъ пожертвовать, только бы жизненные интересы народные уберечь — трудовыя народныя денежки...

Но онъ тутъ же самъ обозвалъ эту невмыслимую мысль — сусальнымъ прекраснодоушиемъ. Чтѣ нужно было Абраму Гиексу изъ Гиесвилля — и самъ онъ себѣ въ томъ открыто совнавался, — такъ это сила, власть, которая даетъ вліятельное положеніе, а тамъ уже онъ самъ себѣ могъ бы довѣриться, самъ бы за тѣмъ могъ услѣдить, чтобы власть эта не обращалась во вредъ тѣмъ интересамъ, которые всегда, до самой послѣдней поры, соприкасались съ его собственными. Бросать деньги въ трубу Абраму Гиексу не любилъ; но не привыкъ и пользоваться ничѣмъ, не оплативъ того „презрѣннымъ металломъ“.

А докторъ Кларкъ тѣмъ временемъ все настаивалъ на своемъ.

— Не дать теперь на расходы денегъ — все то же, что продать свою партію, головой ее выдать республиканцамъ! Не будь вы милліонеръ — сказали бы, что васъ на эту скарედность республиканцы подкупили, что вы ихъ подставное лицо, — камень, на который заранѣе подготовлено споткнуться демократамъ.

— Не пересаливайте, Кларкъ! — усмѣхнулся уже Гиесъ: — никто тому не повѣритъ.

— А тому, какъ вы полагаете, не повѣрятъ, если распушенъ будетъ слухъ, что Абраму Гиексу самъ спохватился, что либерализмъ демократовъ и ихъ симпатіи къ рабочимъ вредятъ его частнымъ интересамъ крупнаго заводчика-мануфактуриста? Чтѣ вы сказали бы на такое, сважемъ для примѣра, обвиненіе, что вы затѣмъ будто и кандидатуру демократовъ приняли, чтобы провалить ее, свою кошницу оберечь и выдать рабочій людъ головой республиканцамъ, работающимъ въ интересахъ капиталистовъ и монополій?

Абраму Гиексу овинулъ быстрымъ взглядомъ доктора, будто впервые спохватясь, съ какаго рода „организаторомъ“ онъ имѣеть дѣло: но сказать — ничего не сказалъ. Да Абраму Гиексу рѣдко и выдавалъ себя неосторожнымъ или лишнимъ словомъ. Къ тому же вниманіе его тутъ было привлечено энергическими взмахами дамскаго зонтика изъ толпы — зонтика, на который навязанъ былъ бѣлый платокъ.

— Стой! — крикнулъ Абраму Гиексу, забывая о своемъ вид-

номъ мѣстѣ въ процессіи и собираясь соскочить на улицу.— Стой!.. Хетти! вы ли это?

Изъ-за нѣсколькихъ рядовъ мужчинъ, толпившихся на самой улицѣ, то поднималось промежъ шляпъ, то снова исчезало, опускаясь, свѣжее, смѣющееся личико дѣвушки, очевидно старавшейся приподняться, какъ только могла, на цыпочкахъ, чтобы взглянуть на процессію.

— Поздравляю, кузень Абъ! поздравляю!—возбужденно крикнула ему своимъ высокимъ голосомъ Хетти Ригби, идя спѣшнымъ шагомъ въ сторонѣ, вслѣдъ за медленно двигавшейся процессіей.—Вотъ будетъ нашимъ сюрпризъ!

— Да остановите же, докторъ, лошадей!.. Или — нѣтъ... Хетти! миссъ Ригби! Зайдите на минутку въ Колумбія-Гаузъ: у меня къ вашему батюшкѣ будетъ порученье!..— успѣлъ лишь крикнуть ей Гиесъ, влекомый впередъ въ своей допотопной коляскѣ, и, усвоенный утвердительнымъ кивкомъ дѣвушки, онъ вернулся къ торжественной дѣйствительности.

Докторъ только плечами пожалъ на эксцентричность „знаменосца“, и мысленно поздравилъ самого себя и партію съ тѣмъ, что процессія тянется улицами такого незначительнаго, глухого городка, какъ Нью-Бедфордъ.

XLIII.

— Какими вы судьбами здѣсь, Хетти?—спрашивалъ, встрѣчая дѣвушку на подъѣздѣ гостиницы, съ часъ спуста, Абрамъ Гиесъ. Онъ только-что увидѣлъ ее изъ-за своего обѣденнаго стола, гдѣ, противъ окна, заранѣе установилъ свой обсерваціонный пунктъ— и вышелъ на крыльцо съ салфеткою за галстухомъ.

— Да обѣдали ли вы?

— Да, да, кузень Абъ.—Не въ томъ дѣло: мнѣ сейчасъ же надо спѣшить на поѣздъ, такъ я забѣжала только сказать вамъ, что папа будетъ очень радъ. Да и всѣ мы, конечно, рады вашему успѣху, — добавила она, вся заливаясь краской при внезапной мысли: какъ бы не обидѣлся кузень Абъ этой ссылкой на одного отца.

— Да вы то какимъ образомъ сюда попали? — настаивалъ Гиесъ.

— Да вотъ мы съ Альбертомъ.

— А-а! Такъ-съ, съ Альбертомъ...—машинально протянулъ Гиесъ.

— Да, съ Альбертомъ. Тотъ, помните ли, полуслѣпой подростокъ, сынъ вдовы Беттсъ... Какъ? вы не помните вдовы Беттсъ, той самой, что, говаривали, укрываетъ краденные или контрабандные товары?.. Нѣтъ? Ну, все равно. Славой она у насъ плохой пользовалась, а потому теперь и сыну ея совсѣмъ ходу нѣтъ. Къ тому-жъ и глаза у него повреждены... Музыку онъ, встаети, любитъ: такъ мы придумали въ органисты его для церкви подготовить... Вотъ мы съ этимъ Альбертомъ и вѣдемъ сюда разъ въ недѣлю брать уроки музыки у вѣдшняго старика нѣмца; я же его въ цѣлости и домой доставляю.

— Это старика нѣмца-то?

— Нѣтъ, Альберта—какой вы непонятный, кузень Абъ! Вѣдь онъ же почти слѣпелый совсѣмъ,—не говорила я развѣ вамъ? Только вотъ папа его не любитъ: такъ я рѣдею объ Альбертѣ при немъ говорю.

— И того самого Альберта, значить, стали вы путеводительной звѣздой?..—иронически освѣдомился Абрамъ Гиксъ; но тутъ же рѣшилъ, что шутилъ плоско, и язвительно прибавилъ:—удивительно, какъ вы теперь ловки стали на всякія хитрости, Хетти!

— Такъ вотъ что у васъ на умѣ, старый мой, нелѣпый кузень Абъ!—расхохоталась дѣвушка, дружески ударяя Гикса зонтикомъ по плечу:—Что-жъ вы воображаете, что я медальки себѣ на браслетъ набираю отъ тайныхъ вздыхателей!.. О, да какой же вы гусь, Абрамъ Гиксъ! А то же еще въ губернаторы мѣтите!

И взглядъ, который устала на него Хетти — довѣрчивый, ласкающій, выжидающій, какимъ онъ его помнилъ въ раннемъ ея дѣтствѣ, когда, бывало, прибѣгала она къ нему со своими дѣтскими просьбами и слѣпными изліаніями,—будто струей освѣжительной обдалъ Абрама Гикса, и онъ, самъ не отдавая себѣ отчета, проговорилъ:—Благодарствуйте, Хетти, милая дѣвочка моя, благодарствуйте!—и крѣпко сжалъ ея крушную руку, облеченную въ черную филейную митѣнку.

Хетти удивленно вскинула на него своими пронизательными глазами; но съ природеннымъ всѣмъ женщинамъ тактомъ тутъ же сообразила, что объясненія этому требовать на улицѣ было бы излишне, и стала прощаться.

— Куда же вы такъ скоро, Хетти? Я и минуты съ вами не поговорилъ. Пойдемте лучше въ столовую!—удерживалъ ее Гиксъ за руку.

— Нельзя, мистеръ Гиксъ, нельзя медлить ни минуты: поѣздъ вѣдь нивого не ждетъ.

Отъ него не ускользнуло, что она назвала его „мистеромъ

Гвесома", и онъ подумалъ, что надо теперь же разогнать облачко, набѣжавшее на ихъ дружбу.

— Дайте мнѣ только шляпу захватить, я васъ провожу на поѣздъ. Ахъ, нѣтъ: сейчасъ у меня здѣсь назначенъ приемъ делегатовъ. Вотъ еще досада!— проговорилъ Гиксъ. Но мысли его возбужденнаго мозга тотчасъ же перескочили на другое.— Да понимаете ли вы, Хетти, то, что вашъ старый Абъ, тотъ самый, что на рукахъ васъ носилъ, въ губернаторы мѣтитъ??... Ф-фью!— свистнулъ Гиксъ въ заключеніе совѣмъ уже не по-губернаторски, и оба разсмѣялись, вспомнивъ, какъ такимъ же свисткомъ, бывало, молодой тогда Абъ Гиксъ спугивалъ для маленькой Хетти воробьевъ съ любимаго ея вишневаго дерева.

Обоимъ стало легко и весело отъ одного этого пустого, одновременно охватывавшаго ихъ воспоминанія.

— Какъ, сдается, недавно это было, а между тѣмъ,— проговорилъ Абрамъ Гиксъ, и, не докончивъ, подумалъ про себя: „и Хетти вотъ тутъ стоитъ—та же, да не та же“...

— Порядочно-таки мы съ вами состарились, кузень Абъ,— съ мелкой ноткой грусти въ голосѣ докончила, казалось ей, за него Хетти, пожимая ему еще разъ на прощанье руку, будто и на самомъ дѣлѣ старость грозила ей, двадцати-лѣтней дѣвушкѣ:— Никогда ужъ этихъ временъ не повторится!

Хетти подумала о „губернаторствѣ“, и тутъ же вздохнула, вспоминая о томъ, что и безъ того кузень Абъ оторвался отъ ихъ деревенской среды.

— Зачѣмъ хорошимъ временамъ не повторяться? Я, какъ только успѣю, къ вамъ на ферму махну, и хоть опять по веревочкѣ васъ тогда, если хотите, съ верхней веранды спущу. А тамъ и вы мнѣ визитъ отдавать станете, въ губернаторскомъ домѣ хозяйничать поможете.

Гиксъ въ мысляхъ ничего не имѣлъ другого, какъ то, что высказалъ словами; но когда глаза его тутъ въ послѣдній разъ встрѣтились со взглядомъ Хетти, обоимъ стало не по себѣ,— будто каждый словилъ другого на контрабандной мысли, и они спѣшно разошлись съ короткимъ: „прощайте!“

Не скоро, однако, удалось Гиксу попасть на ферму капитана Ригби; но въ промежутки случайнаго отдыха отъ горой на него наваленныхъ обязательствъ, „ради интересовъ партіи“, въ горячую пору выборной кампаніи, Гиксу случалось говаривать самому себѣ, что ни съ кѣмъ, кромѣ молоденькой кузины, не удавалось ему за эти недѣли хотя бы на минуту отвести душу—дать волю своимъ

личнымъ импульсамъ по отношенію къ свалившемуся на него „положенію“. Странное казалось ему дѣло: съ доброй дѣвушкой Хетти не чувалось ему той разницы ихъ лѣтъ, за которукъ онъ, какъ за каменную стѣну, невольно заползаетъ въ присутствіи красивой, элегантно и совсѣмъ тоже не чопорной Магги Стромъ.

Избирательная кампанія шла тѣмъ временемъ своимъ чередомъ: всѣ колеса были обильно смазаны и дѣйствовали преисправно. Человѣкъ прагматичный, каковымъ его сдѣлала сама жизнь — Абрамъ Гивсъ не стоялъ за неприкосновенность отвлеченныхъ принциповъ во имя однихъ этихъ принциповъ: имъ допускались исключенія тамъ, гдѣ изъ-за временныхъ, хотя бы и неприятныхъ мѣръ, видѣлось достиженіе прагматичныхъ, облюбленныхъ имъ цѣлей.

На этой нейтральной почвѣ они съ докторомъ и сошлись такъ удобно, что спорамъ уже между ними больше не было мѣста.

Да докторъ Кларкъ и не любилъ спорить, когда зналъ, что добился своего.

XLIV.

Въ задней гостиной вашингтонскаго дома Стромовъ было совершенно уютно: хотя и бумажныя, но приличнаго узора, тяжелыя драпировки, плотно сдвинутыя на окнахъ, поприкрыли всѣ щели, изъ которыхъ днемъ немилосердно дулъ вѣтеръ; стоявшій посреди комнаты, подъ люстрой газовыхъ рожковъ, приземистый круглый столъ краснаго дерева имѣлъ весьма старинный, респектабельный видъ; отъ потрескавшейся клеенки кушетки и теперь, правда, повѣяло бы холодомъ, но на ней навалены были въ беспорядкѣ газеты и красовалась подушка, шитая разноцвѣтными шелками; вышитыя на подушкѣ стеклярусомъ фрукты, конечно, не могли заявлять претензій на натуральность, но зато несомнѣнно вкладывали свою скромную лепту блеска въ общее убранство комнаты, которая именно этого элемента блеска и была лишена: даже мраморъ подстольника стоявшаго промежъ оконъ зеркала не проявлялъ отъ старости и царапинъ ни малѣйшаго лоска, несмотря на то, что на него падалъ вкось яркій свѣтъ отъ цѣлыхъ трехъ рожковъ газа, зажженнаго подъ гранеными шарами люстры и подводившаго температуру комнаты подъ самую грань удушья.

Это не мѣшало, однако, сидѣвшей передъ каминомъ миссисъ Моррисъ ютиться къ самому огню. Правда, что этотъ каминъ былъ моденъ—не подъ-стать дому: въ глубину его не уложилось бы бокомъ и одного хорошаго полѣна—новѣйшее приспособленіе хитрыхъ не по разуму затѣйниковъ, рассчитанное на то, чтобы не терять ни частицы тепла, хотя бы изъ-за этой экономіи въ комнату кучами валила зола.

Удивляться ли тому, что въ этотъ темный февральскій вечеръ, когда на дворѣ бушевала чуть не сибирская вьюга, теть Флора ѣжилась отъ холода даже и тутъ, заполая своею особой все тепло, идущее отъ пылавшаго камина? Зябкость составляетъ одинъ изъ неотъемлемыхъ атрибутовъ порядочности въ глазахъ людей, любящихъ ссылаться на старинную плантаторскую привычку коротать время у пылающихъ каминовъ даже лѣтомъ, лишь только вечеръ начинаетъ проявлять малѣйшій признакъ прохлады.

Стремленіе во всемъ примѣняться къ южанскимъ привычкамъ, цѣпляясь даже за отживающія свой вѣкъ южанскія слабости—было однако же не причемъ въ теперешнихъ поступкахъ тети Флоры; ей вполне было извинительно ѣжиться—даже подошвы ботинокъ жарить на рѣшетѣ при огнѣ,—хотя теперь она и устроилась самымъ уютнымъ образомъ за маленькимъ столомъ, уставленным тарелками съ холодной курицей, пикучами, сухарями и масломъ: всего съ полчаса назадъ вернулась домой теть Флора изъ одной изъ своихъ таинственныхъ экскурсій по городу. Такой, по крайней мѣрѣ, экскурсіей объяснялось ея отсутствіе этимъ вечеромъ за обѣдомъ Стромовъ, давно привыкшихъ къ этимъ исчезновеніямъ, послѣ которыхъ теть Флора всегда возвращалась домой прозябая, голодная, но неизмѣнно довольная собой.

Теть Флора—всякій это зналъ—любила также облекать свои дѣйствія таинственностью, даже и тогда, когда, спасаясь отъ тошнаго однообразія сѣренькой жизни въ домѣ сестры, едва на общія скудныя средства сводившей концы съ концами, уходила она провести день въ открытыхъ для всѣхъ салонахъ городскихъ отелей или хоть въ одномъ изъ бордингъ-гаузовъ, высматривая знакомыхъ, въ неизмѣнномъ, но весьма часто тщетномъ расчетѣ на то, что какіе-нибудь живущіе такъ знакомые пригласятъ ее къ общему столу, гдѣ ей могъ подвернуться случай завязать разговоръ съ кѣмъ-нибудь изъ особенно видныхъ или вліятельныхъ людей.

Денегъ—какъ деньги—теть Флора не любила; или, точнѣе говоря, она имѣла о нихъ весьма смутное представленіе, хотя и съ большою радостью тратила случайные полудоллары, перепедава-

ше ей изрѣдка отъ сына, который изъ своего тощаго жалованья платилъ по всѣмъ счетамъ; но она весьма любила посѣщать мѣста, гдѣ ничто не напоминало ей о томъ, что существуетъ граница покушной способности хозяйскихъ долларовъ. Спроси кто напрямикъ у тети Флоры—какъ нерѣдко случалось это дѣлать Эльзѣ Стромъ: зачѣмъ тянется она всегда въ „хорошіе, богатые дома“?—тетя Флора непременно отвѣчала, что деньги обезпечиваютъ власть, она же сама любитъ возбуждающую атмосферу власти высшихъ слоевъ, въ которыхъ принадлежить и сама по рожденію и вкусамъ своимъ. Притомъ, на посѣщеніе „хорошихъ мѣстъ“ у тети Флоры была бездна досуга, такъ какъ ничего не презирала она таеъ всецѣло, какъ работающихъ женщинъ, и неизмѣнно увѣряла всѣхъ и cadaго, что женщины ея семьи скорѣе бы умерли, чѣмъ стали работать руками или изъ-за платы; съ давно усвоеннымъ ею удобствомъ, она забывала тотъ фактъ, что заработками сестры ея и Эльзы собственно и держался весь домъ, если не считать вкладовъ на хозяйство Стивена.

Надо, впрочемъ, сознаться, что и безъ особаго на то расположенія было отчего въ этотъ день изъ дома ѡбжать куда только глаза глядятъ. Все рѣшительно съ утра не ладилось. Выпавшій за ночь снѣгъ подавилъ весь уличный гулъ, и всѣ въ домѣ проспали, таеъ что Стивену пришлось ѡбжать на службу безъ завтрака и въ легкомъ пальто, ибо, за отсутствіемъ холодовъ, расходы на новое зимнее пальто представлялись еще излишними, хотя прошлогоднее, какъ пообтершееся по швамъ, спущено еще было весной жидамъ за безцѣновъ; изъ распатавшихся дребезжащихъ рамъ, тянувшихъ съ потолка и до пола, набило въ углы изрядныя горки снѣга; вставшая съ лѣвой ноги кухарка Дина напустила чаду на весь домъ, объявляя, что въ послѣдній разъ въ жизни готовить на такой проклятой плитѣ; лучшій у Стромовъ постоялецъ — неизмѣнно выдаваемый за стариннаго, хотя и эксцентричнаго друга семьи—порвалъ звонокъ въ тщетныхъ попыткахъ дозваться прислуги, и, въ концѣ концовъ, погрозился съѣхать, что—въ вольномъ переводѣ Стивена—должно было означать, что „мистеръ Бинней не желаетъ больше быть выводимымъ хозяйками на показъ въ отведенной ему роли ученаго медвѣдя—и за свои же, притомъ, деньги“... Изъ газовой компаніи прислали сказать, что запрутъ въ ихъ домѣ газъ, если сегодня же не уплачено будетъ по счету, при слухѣ о чемъ Магги объявила, что всѣхъ ихъ навѣрное скоро кредиторы зарѣжутъ, и, разодрѣвшись въ великолѣпный сѣрый, съ перьями, бархатный костюмъ, стала, съ видомъ жертвы, у окна поджидать, когда къ

подъезду подана будетъ ея собственная пара гнѣдыхъ (подаренныхъ-таки ей Гиксомъ), и уѣдетъ она, наконецъ, кататься въ саняхъ, подальше отъ всего этого домашняго содома.

Удивительно ли, что всѣ эти передраги довели маленькую, блѣдную, тщедушную миссисъ Стромъ до жесточайшей мигрени и уложили ее въ постель, тогда какъ тета Флора, подавъ сестрѣ мудрый совѣтъ принять брома, а главное, не останавливаться на мрачныхъ мысляхъ, отъ которыхъ всегда углы губъ старчески тянутся внизъ и блескъ утрачивается въ глазахъ, — чуть не опрометью бросилась изъ дома на весь день, не оставляя никакихъ указаний, куда она исчезла.

Съ однимъ мясникомъ дѣло пошло на ладъ. Зайдя къ нему по дорогѣ со службы, Эльза не только уговорила его продолжать отпускать имъ по счету провизію, но даже и съумѣла признаться у него же долларомъ пятьдесятъ на недѣлю, подъ предлогомъ неотложныхъ тратъ на туалетъ къ благотворительному балу, на которомъ она общалась ввести дочь того же мясника въ кругъ столичнаго общества.

Съ легкой руки Эльзы, все въ домѣ вернулось къ порядку, такъ что, возвратясь домой къ ночи, тета Флора не нашла тамъ ничего, способнаго пагубно подѣйствовать на ея щекотливые нервы, и, убѣдясь, что намучившаяся сестра спитъ заслуженнымъ сномъ праведницы, тета Флора совершила весьма удачный набѣгъ на семейный буфетъ, обставила себя, при содѣйствіи негрятянки Дины, всевозможнымъ комфортомъ и усѣлась кушать курицу, поджидая возвращенія домой молодыхъ членовъ семьи.

Что тета Флора была надѣлена значительной дозой силы воли, о томъ могло свидѣтельствовать хотя бы уже и то одно, подъ какимъ контролемъ держала она собственные мысли: вотъ и теперь, вмѣсто того, чтобы поддаться гнету воспоминаній объ утреннихъ дразгахъ, она, вся раскраснѣвшись нѣжныѣйшимъ румянцемъ, поглядывала на трещавшій огонь, и лишь только вниманіе ея не все поглощалось курицей — улыбалась милѣйшей улыбкой игривому обороту собственныхъ думъ.

XLV.

Раздавшійся въ прихожей звонокъ положилъ конецъ ея радужнымъ мыслямъ, но не разогналъ улыбки, такъ какъ тета Флора усердно обдумывала, какъ бы удачнѣе заинтриговать любопытныхъ племянницъ, которыя, вернувшись, навѣрное пристанутъ къ ней съ вопросами объ ея похожденияхъ.

Но на этотъ еще разъ изобрѣтательности ея не суждено было пойти въ ходъ: изъ пріотворившейся двери выглянула одна черная голова кухарки, повязанная ярко-желтымъ, клѣтчатымъ платкомъ, и раздался мягкій негритянскій голосъ:

— Миссъ Флора, опять вѣдь тюкъ притащили.

— Какой еще тамъ тюкъ?

— А какъ же — цвѣты опять, вотъ каковой тюкъ притащили; говорятъ, какъ всегда, изъ Нью-Йорка, для миссъ Магги прислали, — жалобнымъ тономъ протянула кухарка, держа за щеку и тараща на тетю Флору бѣлки своихъ глазъ.

— Чтò же ты, Дина? введи, введи ихъ, пусть поставятъ сюда! — суетливо поднялась съ мѣста тетя Флора, бросаясь снимать со средняго стола альбомы.

Динѣ пришлось только посторониться, такъ какъ посланные были уже за самой дверью: двое мужчинъ, тяжело шлепая всей ступней по лоснящемуся отъ ветхости, какъ клеенка, коври, внесли большую корзину укутанныхъ листовою ватой растений и, поставивъ ее на столъ, тотчасъ же удалились, ни единымъ словомъ не обмолвись, по опыту, какъ видно, зная, что вещественныхъ знаковъ благодарности нечего здѣсь и ждать.

Все это было, повидимому, явленіемъ до того повседневымъ, что не вызвало комментаріевъ даже у негритянки, которая неподвижно стояла посреди комнаты, и, еще крѣпче вдавивъ руку въ щеку, такъ же молча наблюдала за тѣмъ, какъ „миссъ“ Флора ¹⁾ бережно снимала, любуясь цвѣтами, вату и нюхала ландыши и гіацинты.

— Чтò, Дина? накормила своего старика?

— Накормить-то накормила — да и то онъ едва пошелся домой.

— Что же, ревматизмомъ опять его свело?

— Ужъ какъ вы тамъ ту болѣзнь ни зовите, а околовали старика кругомъ... Мнѣ ужъ и то бабушка Бекки вчера говорить: „высматривай ты черезъ лѣвое плечо да рыжаго негра“... ²⁾ Да чего же мнѣ еще смотрѣть: сама знаю, что эта дрянь, пращина дочь, околовала моего старика; съ той самой поры, какъ у меня была ногтоѣда, и я ей его носки дала постирать, и онъ сталъ лѣвой ногой заплетать...

— Зачѣмъ же дѣло стало — или соль въ домѣ перевелась? —

¹⁾ Врощенные при плантаторскихъ семьяхъ негры неизмѣнно зовутъ „миссъ“ даже замужнихъ и пожилыхъ женщинъ плантаторскихъ семей.

²⁾ Презрительная ссылка чистокровныхъ негровъ на мулатовъ — помѣсь негровъ съ кавказскою расою, въ видѣ темнокожихъ дѣтей съ рижеватыми волосами.

совершенно серьезно спросила тета Флора, не отрывая и глазъ отъ цвѣтовъ, будто тутъ и впрямь о повседневномъ дѣлѣ пла рѣчь.

— Охъ, миссъ Флора: никто меня упрекнуть не можетъ, что я не берегла старика своего отъ дурного глаза. Вѣрите ли, мало шолковой ладанки, которую онъ вотъ болѣе двадцати лѣтъ носить, — я его изъ дома, бывало, не выпущу, не засунувъ ему въ карманъ пузырекъ съ солью и перцемъ: чему ужъ, какъ жется, тутъ пристать?.. Такъ нѣтъ же, окаанная нашла же тѣмъ-то обойти! Ужъ я ли не старалась: чуть гдѣ эту вѣдму повстрѣчаю — сейчасъ ей вслѣдъ солью посыплю: нѣтъ того приворота вѣдъ, говорятъ, который солью бы не очистился; а тутъ вотъ — поди! и ума совсѣмъ не приложишь!.. — И Дина, за живое затронутая очевидно несправедливостью судьбы, смахнула слезу рукавомъ своего пестраго платья, потянула воздухъ своимъ плоскимъ носомъ и, облегчивъ себя этой процедурой, продолжала уже менѣе плачевнымъ голосомъ:

— Да я ужъ разочтусь съ этой дрянью — рыжимъ негромъ. Извините, миссъ Флора.

— Ничего, отводи душу, если не боишься на томъ свѣтѣ за такія рѣчи горячія сковороды лизать.

— И сковороды, миссъ Флора, буду хоть лизать, а ужъ этой — прости мнѣ Богъ — рыжей анаемѣ я досажу въ этой жизни и въ будущей!.. Тоже шолковыми хвостами виляетъ — пионы на прошлогоднюю шляпку насадила.

— А ты вотъ, Дина, заведи себѣ шляпку получше, — прачки дочь тогда съ зависти и сама скорехонько сгинетъ, — посовѣтовала миссисъ Моррисъ.

Ласковость ея видимо имѣла дѣйствіе. Дина совсѣмъ ободрилась, даже осклабила свой широкій ротъ и сверкнула всѣми зубами. Затѣмъ, подходя ближе къ миссъ Флорѣ, она запрягала обѣ свои черныя руки подъ передникъ и, нагибаясь надъ самымъ ея ухомъ, заговорила уже самымъ конфиденціальнымъ шопотомъ:

— Я вамъ, миссъ Флора, такъ и быть, какъ передъ Богомъ покаюсь: все, все уже я спроворила.

— Что это спроворила?

— А достала я нестираную рубашку этой самой прачкиной дочери: бѣлую нищенку нарочно подсылала — подавнія, будто, просить — негритянкѣ бы онѣ побоялись чтò изъ одежды подать, ну, а бѣлые люди, думаютъ, не смыслятъ ничего въ колдовствѣ.

— Да ты-то ужъ развѣ совсѣмъ въ колдуньи записалась, Дина?

— Затѣмъ въ колдуньи, миссъ Флора, — обидѣлась та: — я на митингѣ всякое воскресенье священные гимны пою. Тотъ заѣзжій пасторъ еще какъ хвалилъ: Дининъ, говорить, голосъ изъ-за всѣхъ въ молельні раздается.

— Что же ты съ рубашкой-то дѣлать станешь — вѣдь не гимны же надъ нею пѣть?

— Какое гимны, миссъ Флора! — свирѣпо ослабилась Дина: — гимны еще ей, мерзавкѣ, чорту рыжему! Нѣтъ, миссъ Флора, — я рубашечку эту какъ слѣдуетъ оговорю, а затѣмъ промежъ двухъ могилъ закопаю, да камень на нее наложу, чтобъ гнила, значить, одежда, чтобъ сушилось, значить, прачьиной дочери тѣло, чтобъ...

— О, Дина! какія же ты нелѣпости плетешь — уши вынуть! — замѣтила, отшатнувшись отъ нея, тетя Флора, которая терпѣть не могла негритянскаго аромата, повѣявшаго на ея тонкое обоняніе отъ склонившейся къ ней Дины, и рѣшилась теперь перебить перечень давнымъ-давно извѣстныхъ ей подробностей негритянскихъ заговоровъ и колдовства, хотя бы и пришлось отказаться отъ болтовни съ какимъ-нибудь живымъ человекомъ: тетя Флора не выносила подолгу одиночества.

Но не такова была и Дина, чтобы сносить терпѣливо оскорбленія. Она и теперь обидѣлась такъ, что сама про себя влялась страшной клятвой, что завтра же уйдетъ на новое мѣсто, и такой за плитой настроচিতъ условными значками аттестать хозяйкамъ, что тѣ съ ногъ собьются, пока удастся имъ удержать у себя другую черновожую кухарку.

Но миссисъ Моррисъ — если умѣла и ножомъ человѣка прыгнуть — умѣла также и зубы хорошо заговаривать, какъ сама же Дина признавалась на слѣдующій день своей закадычной пріятельницѣ, показывая той шляпку, которую ей миссъ Флора — какъ и общалась наканунѣ вечеромъ — своими руками отдѣлала краснымъ съ бисеромъ крыломъ и пучкомъ блестящей желтой куриной слѣпоты.

И дѣйствительно, въ дѣлѣ обращенія съ неграми, тетя Флора проявляла грандіозный тактъ и такіе ресурсы, которые и въ голову не пришли бы вѣрпеколобому, прямолинейному сѣверянину.

Комната тѣмъ временемъ наполнилась тонкимъ запахомъ внесенныхъ цвѣтовъ и проявляла такой щеголеватый видъ, что тетя Флоръ совсѣмъ стало по себѣ; она даже пожалѣла объ уходѣ изъ комнаты умиротворенной общанною шляпкой Дины — такъ ее

тануло подѣлиться съ кѣмъ-нибудь нахлынувшими на нее мыслями. Она инстинктомъ чувствовала, что видъ ея собственной особы еще возвышаетъ изящный характеръ общаго эффекта комнаты, и для провѣрки этого пріятнаго сознанія тутъ же поспѣшила къ зеркалу, поправляя бубли на своемъ бѣломъ, гладкомъ, какъ слоновая кость, лбу, и занялась ревизіей своихъ бѣлыхъ, цѣльныхъ, какъ на подборъ, зубовъ.

За этимъ-то интимнымъ занятіемъ застала ее миссисъ Альва Флинтъ, уже съ недѣлю занимавшая у Стромовъ комнату, по возвращеніи съ дальняго запада, куда ѣздила по дѣламъ.

Миссисъ Флинтъ вѣчно разѣзжала по дѣламъ, и всѣ къ этому такъ давно привыкли, что забывали и освѣдомляться о томъ, почему эта лэди не имѣетъ опредѣленной осѣдлости.

— Я было-думала — довторъ зашелъ поболтать, — пояснила миссисъ Альва свое вторженіе въ комнату, останавливаясь взглядомъ на корзинѣ съ цвѣтами и кутаясь въ дорожную, хотя и старую шаль, — а это, видно, обычное жертвоприношеніе фамиліи красивой.

— Да, опять цвѣты отъ этого носорога Бутлера, — пояснила тетя Флора, не проявляя уже и тѣни своей недавней нѣжности къ цвѣтамъ. — Хоть Дина и ворчитъ на этотъ соръ, цвѣты все бы ничего, еслибы не напоминали объ этомъ мясникѣ изъ западныхъ прерій... Да сядьте же, Альва, — погрызьте, вотъ, хоть селерея, если ѣсть не хотите; жаль, нѣтъ Стивена, чтобъ сбѣгать за пивомъ, — добавила тетя Флора, хитро подговариваясь къ тому, чтобъ собесѣдница на свои деньги послала Дину за пивомъ; у самой миссисъ Моррисъ никогда послѣ экскурсій не оставалось въ карманѣ и сента.

Но та и не подумала податься на намекъ.

— Пиво—пивомъ, милѣйшая миссисъ Моррисъ, а про Бутлера вамъ все же слѣдовало бы поосторожнѣе отзываться, — замѣтила миссисъ Альва, смахивая газеты съ кушетки на стулъ, придвигая ее вкось къ огню и располагаясь на ней всей своей пышной особой. — Смотрите, какъ бы назадъ всѣхъ лишнихъ словъ брать не пришлось, какъ станетъ носорогъ племянничкомъ! — добавила она, лукаво усмѣхаясь и заложивъ свои полныя, полуобнаженные руки подъ голову.

— О! какія нелѣпости, Альва! — возразила тетя Флора, протягивая руку за куринымъ крыломъ. Альву Флинтъ, знала она, благодареніе Богу, не первый десятокъ лѣтъ, и давно впала въ привычку сопровождать каждое возобновленіе дружескихъ съ нею сношеній полнымъ разрѣшеніемъ самой себѣ говорить что

только вздумается. — У васъ, Альва, только и вертятся на умѣ, что самцы да самки; вы двухъ живыхъ существъ различнаго пола видѣть вмѣстѣ не можете, чтобъ тутъ же ихъ не поженить. Чистѣйшій, право, скандалъ!

— Это браки-то—чистѣйшій скандалъ? Поздравляю васъ съ гениальною мыслью!—протянула Альва въ носъ, какъ истая янки, что дѣлала она всегда, лишь только увлекалась собственнымъ остроуміемъ. — Что же, по вашему, готтентотскіе, что ли, союзы вести?

— А никакихъ союзовъ не надо—все это безобразіе одно.

— А какъ же библейское-то предписанье исполнять, — когда самъ Творецъ плодиться и множиться велѣлъ?

— О, Альва! да замолчите ли вы, наконецъ? Хороша, нечего сказать, мысль размножать этихъ жидоморозъ янки! — сорвалось съ быстрого языка тети Флоры. Но, мгновенно вспомнивъ свое въ кровь и плоть вошедшее правило—никогда не ссориться съ единственныиъ собесѣдникомъ, добавила: — Вы вѣдь, Альва, известная философка, и этого, конечно, въ дурную сторону не примете... Умная женщина—всегда на виду и у мѣста, по какую бы сторону линии Мэсона и Дизсона она ни родилась ¹⁾... Но что меня рѣшительно изъ себя выводитъ—такъ это то, что такіе хлыщи, какъ Бутлеръ, втираются въ хорошіе дома, возбуждаютъ толки о томъ, что за нихъ можетъ выйти дѣвушка хорошаго семейства!

— Куда не заберется человѣкъ, который по тремъ штатамъ своими собственными желѣзными дорогами разъѣзжать можетъ!—разсудительно замѣтила миссисъ Альва.—Да Бутлеръ же и самъ немного южанинъ: говорить, онъ въ родствѣ и съ Уэйзами, и съ Ли, и съ Каммелями, а Каммели — сами знаете — идутъ отъ младшей вѣтви дома герцога Аргайля;—чего же вамъ еще?

— Удивляюсь я, какъ это еще вѣрится вамъ всѣмъ этимъ сказкамъ, Альва? Право, дѣло на то идетъ, что скоро съ деньгами всякому шуту гороховому къ любой древней родословной прицѣпиться можно будетъ!.. Каммели—тоже, какъ бы не такъ!.. Быть можетъ, что Бутлеру этому, прежде чѣмъ онъ нахалалъ миліоны свои, когда-нибудь и случалось тарелки на кухнѣ у Ли и у Каммелей мыть, подѣдая объѣдки; на этомъ одномъ, должно быть, и родство ихъ все сошлось... Если искать за Бутлеромъ что южанское—такъ это деньги, которыя онъ съ южанъ тянулъ, подвозя тайкомъ во время осады товаръ. Хорошъ тоже южанинъ!

¹⁾ Фиктивная линія разграниченія рабовладѣльческихъ штатовъ съ свободными.

Кожу съ живыхъ людей во время чарльстонской осады эти жи-доморы янки драли: по сту долларовъ за пару ботинокъ платить заставляли, по тридцати-шести долларовъ—за фунтъ масла!..

— Да вѣдь не самъ же Паркеръ Бутлеръ съ васъ за обувь и масло въ три-дорога деньгами тянулъ?

— Если не тянулъ—такъ ужъ, будьте увѣрены, что не отъ того, что тянуть неспособенъ! А просто—не тѣмъ дѣломъ промышлялъ о ту пору,—заклчила тетя Флора путемъ своеобразной логики.

— Вы вѣдь всегда такъ, миссисъ Моррисъ: вотъ и противъ Гивса, бывало, войной шли, а что теперь, что о немъ скажете?

— Ничего не скажу. Янки былъ,—янки и остался. Не спорю, отъ завирательныхъ своихъ идей, кажется, поотсталъ... Да, встати, знаете ли, кого я сегодня на президентскомъ приемѣ видѣла?

— Такъ вы это тамъ пропадали?

— Тамъ ли, въ десяти ли другихъ мѣстахъ — не въ томъ дѣло. А что видѣла я генерала Симпсона изъ Сѣверной Каролины — такъ это вѣрно. Такъ растолстѣлъ, что я чуть-чуть было мимо его не прошла — да взглянула ему въ лицо: красивый, видный показался онъ мнѣ мужчина... Такъ вотъ Джо Симпсонъ мнѣ сказалъ, что губернаторъ Гивсъ въ своемъ штатѣ всѣхъ прежнихъ чиновниковъ чистехонько принялся теперь выметать, и всюду своихъ людей сажаетъ.

— Пустяки все, сплетни одѣв! — возразила миссисъ Альва Флинтъ.

— Да я и сама, было, не повѣрила; слишкомъ, знаете, ужъ хороши вѣсти—не вѣрилось что-то... Да Джо мнѣ все прекрасно объяснилъ: губернаторъ Гивсъ увѣрился въ томъ наконецъ, что безъ своихъ людей ему ничего не добиться. Шутка ли: за цѣлый годъ ни одной изъ своихъ идей ему не удалось провести! Конечно, идеи Гивса хромаютъ; да въ губернаторы-то ему на второе двухлѣтне больно хочется попасть.

XLVI.

— Это вы губернатора Гивса по косточкамъ разбираете?—раздался за ними свѣжей горловой голосъ. И въ то же мгновение двѣ большихъ бѣлыхъ руки легли, прокрившись изъ-за плечъ тети Флоры на темные глаза ея, блестящія отъ сознанія важности сообщаемыхъ ею новостей.

— Стивенъ! тебя-то намъ и надо!.. — обернулась на него мать. — Ступай скорѣе за пивомъ!..

— Мы съ докторомъ и безъ того догадались, идя домой: по бутылочкѣ пива каждый по дорогѣ въ карманъ прихватилъ...

— Это чтобъ задобрить насъ, зная, что у самихъ-то рыльце въ пушку?—проронила догадливая миссисъ Альва.

— Что это? еще цвѣты отъ стараго? — спросилъ, вмѣсто отвѣта, Стивенъ.

— Да, да,—и цвѣты отъ мистера Бутлера, и наши пересуды о губернаторѣ Гиксѣ: выбирайте только, да подсаживайтесь скорѣе!.. Докторъ! да подвиньтесь же сюда къ огню! — нѣсколько безсвязно и необычно для нея суетливо заторопила миссисъ Флинтъ мужчинъ. Слишкомъ уже близко сжилась она съ интересами семьи Стромовъ, чтобъ давать какому-нибудь заносчивому кузену опрокидывать однимъ поворотомъ языка старательно, быть можетъ, возводимое зданіе. Приведеніе Стивена въ порядку было, впрочемъ, вещь нетрудной на предъявленномъ ему условіи тепленькаго мѣстечка на самой кушеткѣ, занимаемой роскошной персоной миссисъ Альвы.

— Всегда радъ подъ ваше крылышко, миссисъ Флинтъ, — охотно сдался Стивенъ, и, подмигивая глазомъ на мать, добавилъ: — дайте только разлить пиво, жаждущихъ утолить.

— Только не мнѣ, Стивенъ, только не мнѣ! — отказался докторъ, закрывая стаканъ своею широкою рукою и посасывая сигарку, которую, однако, никогда не закуривалъ въ присутствіи дамъ.

— Я и сама не люблю бутылочнаго пива, — поддержала доктора миссисъ Альва: — то ли дѣло демократичный кувшинчикъ.

— Да. Кувшинчикъ, притомъ, и вмѣстимостью беретъ, — безхитростно добавила, съ своей стороны, миссисъ Моррисъ. — Я помню еще, старый генераль Пирсъ разъ встрѣтилъ у нашего дома Франка Роджерса: идетъ повойнный дядя Франкъ съ кувшинчикомъ пива, подъ прикрытіемъ ночи, а Пирсъ ему и говоритъ: „узнаю, молъ, добраго демократа по обычаю-спороевъ“.

— И совершенно вѣрно сказано: демократъ пива не боится, — охотно поддержалъ мать Стивенъ. — Республиканскій какой-нибудь фравтъ, въ принанятомъ на случай фракѣ, знаетъ, что рыльце у него въ пушку: такъ вотъ и боится кувшинъ пива домой пронести, чтобъ не повадились люди съ кувшина до другихъ погрѣшностей его доискиваться.

Стивенъ всегда становился болѣе или менѣе краснорѣчивъ и

находчивъ, какъ только дѣло заходило о его естественныхъ политическихъ противникахъ—республиканцахъ; но теперь потокъ его краснорѣчія былъ прерванъ въ самомъ началѣ бузинами, которыя, снявъ пальто, присоединились къ обществу.

— Чтѣ, молодая лэди, завертѣлись въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій? — встрѣтилъ докторъ обычною своею шуточкою раскраснѣвшуюся съ мороза и еще, казалось, похорошѣвшую Магги: — много свернули сегодня головъ, много веселились?

— Да, веселье, нечего сказать!.. Скуки, такой непроходимой, сумасшедшей, невообразимой скуки, какъ на этихъ Эльзинныхъ умныхъ вечерахъ, днемъ съ огнемъ, полагаю, не сыскать! Веселье!.. У меня глаза слиплись и зубы заняли подѣ декламацию этого утконосаго итальянца! — разразилась въ отвѣтъ съ такою же стремительностью, какъ и въ бывшее время, Магги Стромъ, нещадно обрывая цѣлыми горстями ландыши съ привезенной корзины цвѣтговъ, наваливая ихъ себѣ въ волосы, раздавая ихъ направо иналѣво. Очевидно, Магги мало за годъ измѣнилась.

— Ой, ой, ой! молодая лэди, — не тратьте этихъ прелестей на такихъ, какъ я, старыхъ медвѣдей! — отстранилъ докторъ Кларкъ цвѣты, которые ему хотѣла приволочь въ петлицу Магги: — не дешево, пожалуй, за штуку желѣзнодорожникъ платить... Да и отъ скуки вы своимъ мотовствомъ не избавитесь...

— Этимъ не избавлюсь, такъ вотъ къ тетѣ Флорѣ подсяду... Смотрите только, господа: тетя Флора цѣлую куриную ножку своимъ вниманіемъ обошла; чтѣ бы это значило, Стивенъ? Ужъ не холера ли къ вамъ подеррадывается, тетя Флора? — съ напускнымъ участіемъ и едва сдерживая смѣхъ, приставала Магги къ цвѣтущей улыбками тетѣ Флорѣ, смѣло вооружаясь сама, подѣ шумокъ, оставленной ножкой.

— Смѣйтесь, смѣйтесь надъ холерой! — иронически поощрилъ ее докторъ: — посмотрѣлъ бы, какъ вы бы смѣялись, еслибы былъ у насъ другой губернаторъ, а не Абрамъ Гиекъ. До штата Х*** отсюда — рукой подать: какъ разъ холера могла бы перешагнуть сюда!

— Я такъ и знала, что это была холера! — воскликнула, выпрямляясь, миссисъ Флинтъ, видимо обрадовавшись подтвержденію своей догадливости: — я еще тогда же подумала о холерѣ, какъ пошли слухи объ этомъ непонятномъ морѣ на людей по всѣмъ долинамъ въ горахъ Х***, и Гиекъ еще ни. за что не хотѣлъ туда пускать Хетти Ригби, когда та впервые вызвалась ѣхать въ горы съ санитарнымъ отрядомъ.

— Такъ это Хетти Ригби пустилась съ санитарями только

ради эффекта, не предполагая никакой опасности? — подхватила Магги, бросая насмѣшливый взглядъ въ сторону Стивена: — божокъ-то вашъ, Стивенъ, тоже, какъ видно, о глиняныхъ ногахъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, Магги. Что Хетти знала правду, за то я поручиться готова, — возразила миссисъ Альва. — Губернаторъ съ самаго начала зналъ, въ чемъ дѣло... Онъ, какъ только могъ, удерживалъ Хетти и, конечно, пугалъ, чѣмъ могъ: я все это видѣла, за тѣ двѣ недѣли, что прожили мы съ Хетти прошлой осенью въ губернаторскомъ домѣ, когда ея мать въ одни сутки такъ стосковалась по своему капитанѣ, что чуть не бѣгомъ изъ города бѣжала. Намъ Гиксъ, правда, о холерѣ не говорилъ прямо.

— Удивительно, право, какъ это губернаторъ Гиксъ, при его здоровомъ смыслѣ... Не всегда ли я превозносила его здравый смыслъ, Стивенъ? — сослалась на сына миссисъ Моррисъ, будто для очистки совѣсти. — Какъ, говорю я, при всемъ своемъ здоровомъ смыслѣ, способенъ губернаторъ на такія нелѣпости, какъ приглашать хозяйничать къ себѣ такую неотесанную деревенщину, какъ эта миссъ Ригби? Понимаю еще я, что пригласилъ онъ ее, какъ молоденькую дѣвушку, которая лицомъ-то за себя постоять.

— Вотъ ужъ никогда не могла съ тѣмъ согласиться, чтобы Хетти Ригби была собой хороша! — возразила Эльза, не перестававшая до сихъ поръ считать крестини на своемъ мудреномъ шитьѣ. — Никогда не забуду я, какой гусыней вытягивала она шею, въ своемъ лифѣ подъ самое горло, на губернаторскомъ балу!

— Конечно, какая-нибудь Хетти Ригби не подѣ-стать нашимъ балтиморскимъ красавицамъ.

— Счастье, значить, Хетти Ригби, что молодежь любить какъ разъ такихъ гусынь, какъ она: отбоя у нея отъ кавалеровъ не бывало никогда.

— Конечно, отбоя не будетъ, когда пронесся слухъ, что она изъ губернатора веревочки вьетъ; всякій вѣдь дурачокъ тогда надѣялся эту простушку осѣдлать, свои интересы заставить ее проводить... А какъ увидѣли, что она вліянія-то никакого не имѣетъ, такъ и бросили ее; вотъ ей и пришлось съ разными санитарями устроиваться, только бы вниманіе на себя привлечь, опять въ глушь свою не уѣзжать! — и, сознавая, что побѣдоносно покончила со Стивеномъ, миссъ Эльза снова обратилась къ доктору: — Но вѣдь теперь, надѣюсь, холера совсѣмъ ужъ прошла?

Такая была бы тоска—измѣнять свой образъ жизни, принимать разные предосторожности!

— Да холеры-то, собственно говоря, пожалуй, что и не было: говорятъ, что это тифъ... Нехорошее что-то такое всегда держится въ тѣхъ мѣстахъ: вода, говорятъ; а то и такъ, можетъ статься, отъ голодовки: сами вѣдь знаете, чѣмъ только живо бываетъ это горное населеніе: всякую дрянъ готовы ѣсть, только бы не уходить съ насиженныхъ гнѣздъ, не работать,—обратился докторъ за всѣмимъ подтвержденіемъ къ миссисъ Моррисъ.

— Эти бѣдные бѣлые всегда жили свиньи-свиньями: ихъ бы вотъ надо было вооруженною силою изъ грязи освободить, а не негровъ съ джентльменскихъ плантацій.

— Да полно, сами-то вы, докторъ, не струхнули ли?—непочтительно догадалась Магги, покончивъ курицу и не желая слушать стараго припѣва тетки.

— Трусить — не трусиль, а все неприятно сознаніе того, что въ какихъ-нибудь семи часахъ вѣды отъ насъ этотъ разсадникъ язвы цѣлыми поколѣніями держится, и никому до того дѣла нѣтъ. Хорошо еще—губернаторъ въ-время распорядился.

— Я и то удивлялась: къ чему туда такіе грузы припасовъ и столько денегъ посылать; съ одной вѣдь Хетти Гивсъ туда кипы новенькихъ ассигнацій отправилъ. Деньгами, казалось бы, холеры не лечатъ!

— Повѣрьте, миссисъ Флинтъ, лучшей системы и выискать нельзя,—возравилъ докторъ Кларкъ.—Всѣ вѣдь онъ туда отряды снарядилъ на свой счетъ, не желая пугать обывателей созывомъ экстренно-законодательной сессіи. А теперь вотъ, когда всякая опасность миновала и Нью-Йоркъ затрубилъ о холерѣ, опять пришлось, для вида, однако, другой санитарный отрядъ снаряжать. Вотъ это ужъ, можно сказать, вещь досадная!..

XLVII.

— Удивительно, удивительно!—проронила миссисъ Моррисъ, страшивая съ себя легкую сонливость, которая всегда одолевала ее подъ вонецъ вечера, въ теллѣ, послѣ плотной закуски, подъ звуки пріятельской бесѣды.—Я всегда говорила, что у губернатора Гивса—тогда онъ, впрочемъ, еще и губернаторомъ не былъ,—что у него свѣтлая голова на плечахъ. Надо ему отдать справедливость, никакой въ немъ нѣтъ этой дряни, никакой примѣси нѣмецкой или ирландской крови—чистѣйшій американецъ.

— Матушка Гикса своро въ индѣйцы, я полагаю, произведетъ,—засмѣялся Стивенъ:—на что еще чище американцевъ!

— Я никогда передъ губернаторомъ Гиксомъ не преклонялась, но всегда всякому готова должное воздать,—безъ всякой ироніи заявила миссисъ Морисъ: она любила воздавать кесарево кесареви, и никогда уже за послѣдній годъ не упоминала плебейскаго имени Гикса, не прицѣпляя къ нему губернаторскаго титула.—Мнѣ и то сегодня генераль Симпсонъ изъ Сѣверной Каролины говоритъ, что Гиксъ вотъ—думаютъ всѣ—во всемъ такъ и идетъ на проломъ, а на самомъ дѣлѣ онъ шагу ни въ чемъ не сдѣлалъ, всей дороги напередъ не разспросивъ. А что насчетъ второго двухлѣтія...

— Побольше бы его дѣятельность цѣнили, еслибы съ рельсовъ нашъ Абрамъ Гиксъ порою не соскакивалъ,—проворчалъ нѣсколько пророчески докторъ, но всѣ присутствующіе, конечно, поняли, что доктору припомнилось о томъ, какъ сталъ ему губернаторъ поперекъ дороги въ проведеніи одного, весьма для доктора интереснаго, билля.

— Проходили бы вы, докторъ, недѣлку-другую промежъ нашей молодежи—не тѣ бы заговорили... Я вамъ говорю: съ самой войны популярнѣе не бывало губернатора въ Х***, —вступился Стивенъ, поднимаясь съ уютной кушетки и становясь, засунувъ руки въ карманы, передъ докторомъ. —Послушали бы разговоры, не стали бы говорить, что съ рельсовъ Гиксъ сошелъ... Одно это послѣднее *veto* его—ближе его ко вторичному избранью подвинуло, чѣмъ всѣ его прежнія заигрыванія съ рабочимъ вопросомъ... Побольше бы намъ только такихъ губернаторовъ, какъ Гиксъ, которые бы не считали себя обязанными всѣмъ идоламъ подслуживаться, лишь бы самимъ на мѣстахъ удержаться... Я вамъ говорю: надоѣло американцамъ выю гнуть передъ этими рабочими союзами—плясать по дудѣ иностранцевъ.

— Молодой человекъ, молодой человекъ!—остановилъ съ шутливымъ покачиваніемъ головы докторъ Стивена: тотъ впервые становился въ такую открытую оппозицію передъ политическимъ магомъ и чудодѣемъ; пора юношескаго преклоненія Стивена передъ нимъ явно отходила въ область прошедшаго, а докторъ отнюдь не любилъ охлаждать преданность себѣ юныхъ друзей, надѣленныхъ правомъ голоса.

Впрочемъ, Стивенъ и безъ пинга родительской ноги, тайномъ призывавшей его къ порядку, самъ уже спохватился насчетъ иностраннаго происхожденія доктора Кларка; но ему показалось, что для отступленія онъ уже слишкомъ далеко зашелъ.

— Да васъ, докторъ, никто и не думаетъ зачислять въ иностранцы; до такихъ, какъ вы, совсѣмъ и не относится популярный теперь крикъ: „Америка—для американцевъ“, — нѣсколько неловко поправился молодой человѣкъ: — никто въ васъ иностранца не видитъ... А того и вы сами оспаривать не станете, что отъ Гикса не то что губернаторство, а и президентство, пожалуй, не ушло, — только бы сбросилъ онъ съ себя всякія эти рабочія и социалистическія путы, которыя ему насильно навязываетъ эта иностранная шушера, и оперся бы на одну нашу обновленную демократію — на своихъ, природныхъ американцевъ.

— Потихе, потихе, молодой человѣкъ! — опять остановилъ его докторъ Кларъ, слушавшій его до той поры, глазъ не отводя отъ огня; очевидно, такія рѣчи были ему не вновь. — Послушайте совѣта бывалаго человѣка: не зарывайтесь вы такъ же въ рѣчахъ своихъ и внѣ своего, домашняго круга... Предоставьте вы лучше дамамъ политическую пропаганду по внушенію минуты.

— Создателя надо благодарить, что на нашъ дамскій языкъ никакихъ такихъ ограниченій не положено, — не безъ циничности заявила миссисъ Флинтъ: — а то бы каждая изъ насъ языкомъ своимъ скорѣхонько бы самое себя въ политическій гробъ вломила... Да, нечего и говорить: мой кузень Гиксъ на всѣ руки мастеръ; только то плохо, что со своими-то онъ больно строгъ.

— Да, демократамъ наживы за нимъ маловато, — съ легкой тѣнью досады въ голосѣ согласился Стивенъ: — намъ, молодымъ демократамъ, совсѣмъ и дѣла никакого не выискивается изъ-за всѣхъ этихъ святошъ, которые за это время вездѣ понасажены въ угоду политическимъ фарисеямъ. Я, впрочемъ, не объ одномъ Гиксѣ говорю: у него въ штатѣ Х*** не мало и до него демократовъ было понасажено: ихъ онъ, ничего, не трогаетъ...

— Такія, видно, Стивенъ, времена, — авторитетно изрекла миссисъ Альва, менѣе чѣмъ когда-либо стѣсняясь въ выраженіяхъ. — Такія, видно, пошла времена... Въ политикѣ, впрочемъ, то же, что и по инымъ статьямъ: не скомпрометируешься — не составишь и партіи. Держись человѣкъ въ границахъ строгой respeitability старыхъ правилъ, работай, рукъ не покладая, на пользу партіи, облакайся въ гогу скромности и самоотверженія — такъ позади всѣхъ и останешься.

— Вѣрно сказано, миссисъ Альва, вѣрно сказано.

— Конечно, вѣрно, докторъ, не мало я народу тоже выдаю. Говорю вамъ — не скомпрометируйся — никогда теперь впередъ и не пролѣзешь; а окунишь головою въ омутъ, пристань къ чужой партіи, пригрозилъ своимъ старымъ друзьямъ перерѣзать изъ-за

угла—тутъ тебя и задабривать примутся, тутъ тебя и почестями завалить!.. Да что тамъ говорить! совсѣмъ еще въ тоску васъ наконецъ вгонить — некому и проводить меня будетъ на желѣзную дорогу!—закончила свои властные рѣчи миссисъ Альва, поднимаясь, въ свою очередь, и подавая тѣмъ знакъ раскодиться.

— Какъ некому? — спѣшно откликнулся докторъ, жадно вслушивавшійся въ пріятныя сердцу рѣчи смѣливой Альвы:—мы со Стивеномъ со смертнаго, я полагаю, одра поднимаемся, чтобы лишній на васъ разокъ взглянуть... Жаль, недолго намъ вашей мудрости внимать придется. Что бы вамъ стоило до весны съ нами пожить?

— Нельзя, докторъ: у меня уже и билетъ на проѣздъ въ Европу взятъ.

— Такъ неужто же за деньгами дѣло стало?—спохватился Стивенъ, весь просіявъ:—да мы же сейчасъ подписку соорудимъ, завтра же всѣ ваши билеты скушимъ.

— Право же, смѣшно вамъ, Альва, при вашемъ богатствѣ, какіе-нибудь сто-полтораста долларовъ въ расчетъ принимать,—поддержала за Стивена его маменька, сквозь пальцы—чтобы не сказать одобрительно—смотрѣвшая на его легкое увлеченіе пышною Альвой, какъ на игру, вполне для сына безопасную.—Не удивительное ли это было счастье, докторъ? Изъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, у одной Альвы оказалось какъ разъ въ-время большое количество обезцѣненныхъ акцій *S. V. Line*. Конечно, и она бы, какъ и всѣ, поспѣшила ихъ продать во время паники на нихъ, еслибъ, на счастье свое, не возмалась о ту мору съ этими артезианскими колодцами на дальнемъ западѣ, вдали отъ телеграфныхъ сообщений... Не говорите, Альва; я знаю васъ: ни за что бы вы не вытерпѣли, непременно бы продали!.. А вотъ теперь на артезианскихъ этихъ колодцахъ, со всѣми развѣздами, набила она какую-нибудь тысячу-другую, а бумаги-то, что всѣ сбывали, какъ пропация, такъ вдругъ въ цѣнѣ поднялись, что разомъ Альву нашу въ богачки вытянули... Право, не знаю, какъ вы, докторъ, а я никогда не видывала примѣра такого дурацкаго счастья въ примѣненіи къ умной женщинѣ.

— Какъ это въ Библии сказано: „отъ стриженной овцы—Богъ и вѣтры отгоняетъ“,—со взглядомъ полнѣйшей невинности попыталась припомнить миссисъ Альва.—Или это гдѣ-то у Шекспира сказано—не знаете ли, Эльза?.. Впрочемъ, все равно—поздно становится: раскодиться пора.

— Такъ вы рѣшились послѣ-завтра ѣхать?

— Какъ же, какъ же, докторъ: въ субботу и паромомъ отхо-

дѣть, а мнѣ еще въ Нью-Йоркѣ кое-какія покупки сдѣлать придется.

— Такъ рѣшено, значить, — резюмировалъ положеніе докторъ Кларкъ: — всѣ въ курьерскому поѣзду васъ на вокзалъ провожать соберемся. Впрочемъ, я завтра, надо полагать, забѣгу, — замѣтилъ онъ, уже берясь за шляпу и трость и вынимая опять изъ кармана обсосанную сигару.

— Будемъ ждать — приходите! — въ голосъ провожали его всѣ. Очевидно, докторъ былъ всеобщимъ любимцемъ.

XLVIII.

Вслѣдъ за уходомъ доктора всѣ разошлись — и въ прекрасномъ настроеніи духа. Одна беззаботная Магги смущена была духомъ.

Не то, чтобъ утомили ее долгіе разговоры: изъ всего сказаннаго за послѣдніе полчаса, у нея остались явственно въ памяти лишь жестокія, по своему цинизму, слова не знавшей себѣ ни на что запрета Альвы: „не скомпрометируешься — вѣкъ позади останешься“!.. Впрочемъ, въ Альвѣ за послѣднее время все признавалось чрезвычайно остроумнымъ... Изъ всего остального Магги не могла бы припомнить ни слова, до самаго прощанья доктора.

Никогда не любя ранняго вставанья, Магги въ городѣ не спала уже въ одной комнатѣ съ Эльзой, которой приходилось изъ дня въ день тянуть лампу въ своемъ департаментѣ. А въ этотъ вечеръ она распрощалась со старшей сестрой еще на порогѣ своей комнаты, отославъ ту совѣтоваться съ Альвой насчетъ взятыхъ тою на себя порученій въ Европу, и вздохнула свободнѣе, оставшись одна со своими думами.

Хорошенькая головка Магги, несмотря на все ея привычное легкомысліе, не была, однако же, по-своему, лишена практичности и, въ случаѣ чего, умѣла думать крѣпкую думу. А въ этотъ именно вечеръ всѣмъ существомъ Магги какъ-то внезапно овладѣло сознаніе того, что ждать болѣе нечего, что пришла пора сѣсть и обдумать положеніе.

Ничего особеннаго не случилось, а между тѣмъ сознаніе это осябло головку Магги такъ явственно, что, сидя, раздѣвшись, передъ зеркаломъ, она смотрѣла, и себя въ зеркалѣ не замѣчала. Да и какую новую мысль могло ей зеркало внушить? Красоту ея оно подтвердило бы по прежнему; но то, что могла дать эта красота, было такъ незаманчиво... Изъ-за красоты этой на

ней, правда, хоть сейчас женился бы Паркеръ Бутлеръ, глазъ съ нея не сводившій по цѣлымъ часамъ и отрывавшій ротъ лишь затѣмъ, чтобъ зѣвать украдкой въ руку да освѣдомляться, не прикажетъ ли она чего ей прислать... И что за радость выйти замужъ, лишь бы быть только замужемъ? Магги, какъ и всякая красивая, избалованная всеобщимъ поклоненіемъ американка, смотрѣла на бракъ, какъ на меньшее изъ многихъ житейскихъ золъ, какъ на особенно завидную переимѣну — *un pis aller*, какъ бы элегантно выразилась Эльза, безъ которой, понятно, при бѣдности не обойдешься, но которая, во всякомъ случаѣ, не можетъ замѣнить широкой вольности веселой жизни американской дѣвушки. Даже и надъ Абрамомъ Гиксомъ она, бывало, „работала“ — какъ и самъ онъ инстинктомъ догадывался — больше въ силу косвенныхъ воздѣйствій все крѣпче и крѣпче ее нажимавшаго житейскаго винта, чѣмъ по личному почину. А Бутлеръ теперешній — едва ли чета тогдашнему Гиксу, — Гиксу, о которомъ всѣ теперь говорятъ, который можетъ, пожалуй, стать президентомъ.

Правда, что съ Гиксомъ партія проиграна, и вотъ снова надвигается на свѣтлый горизонтъ ея беззаботной молодости еще болѣе настоятельная необходимость обезпечить будущее для себя и другихъ. Въ какомъ эгоизмѣ ни была взрощена всеобщимъ баловствомъ Магги, какъ ни излишне казалось ей поступаться своими прихотями тамъ, гдѣ дѣло шло объ огражденіи чьего-либо комфорта или спокойствія, сознание своего предназначенія, незамѣтно для нея самой, врослось ей въ плоть и кровь: зачѣмъ же иначе и дана ей была ея красота — эта неоспоримая сила, если не блистать ею въ свѣтѣ, не употреблять ее въ дѣло?

И ни на одну минуту, думая о своихъ „солидныхъ“ обожателяхъ, не останавливалась Магги мыслями ни на комъ изъ болѣе ей лѣтами подходящихъ молодыхъ людей извѣстнаго круга; да и въ чемъ была во всѣхъ нихъ разница, помимо однихъ лѣтъ? Тѣ же у всѣхъ пересуды о долларахъ, о послѣднихъ политическихъ сплетняхъ, о театрахъ и балахъ, чуть-чуть лишь иногда побольше смѣха, но ни на іоту не болѣе искренняго увлеченія: трудно было бы польститься на ихъ любовь и взаимность и болѣе легкомысленной особѣ, нежели Магги Стромъ.

Ужъ, конечно, не съ этими неоперившимися птенцами, думалось ей, можно обезпечить себя и своихъ отъ скучныхъ заботъ, составить хорошую партію...

И почему это партія съ Гиксомъ была проиграна?

Да и, полно, проиграна ли она безвозвратно? Вѣдь удалось же этой миссъ Ригби добиться извѣстнаго вліянія на Гикса:

и все изъ-за одной общности раннихъ воспоминаній. Неужели же все ея прежнее вліяніе въ конецъ могло вдругъ затереться передъ внимательствомъ какой-то деревенской диварки, о которой и самъ Гиксъ не вспоминалъ, пока не заѣхалъ случайно на ферму? „Удиви ельно, какъ ярко у меня стоитъ въ памяти эта поѣздка на ферму!“—чуть не вслухъ проговорили губы Магги; но слова эти сами какъ-то замерли подъ леденящимъ отзвукомъ все еще дребезжащихъ въ ухахъ рѣчей миссисъ Альвы: „не скомпрометтируешься—позади вѣкъ и останешься“.

А вѣдь вотъ бывають же и другія мнѣнія: самъ Гиксъ говорилъ разъ при ней что-то о томъ, что будто на „цезареву жену не должно бы ложиться и тѣни подозрѣнія“... Странно, какъ врѣзываются иногда въ умъ самыя пустыя рѣчи скупыхъ на слова, неповоротливыхъ, какъ Абрамъ Гиксъ, людей! Тогда она, помнится, этой ссылкой на цезареву жену не поняла, но потомъ вспомнила, справилась у тѣхъ, кто всю эту премудрость превозмелъ... Таеъ что же изъ того? Если она и скомпрометтирована будетъ изъ-за него—не первою ли мыслью мужчины и джентльмена будетъ оградить ее отъ всѣхъ послѣдствій ея опрометчивости? Сама того не замѣчая, Магги надѣялась прежняго „ours mal leché“ всѣми ортодоксальными инстинктами мужчины и джентльмена.

Не скомпрометтируешься—ни-при-чемъ и останешься, повертывались въ утомленной непривычной работѣ головѣ новыя комментаріи на житейско-прозаичное изреченіе Альвы Флинтъ: набѣгали на умъ все новыя и новыя комментаріи—въ таеъ съ тивавшими внизу, въ столовой, часами—дразнили и звенѣли, переливались на всѣ лады въ ухахъ среди тягостной ночной тишины, и прежде, чѣмъ въ головѣ ея успѣло оформиться какое-либо рѣшеніе, въ рукахъ Магги Стромъ уже очутился неудобно-тяжелый, въ золотой съ эмалью оправѣ, портфель, преподнесенный ей со всевозможными (присовокупленными за-одно) пожеланіями на новый годъ ея теперешнимъ почитателемъ Паркеромъ Бутлеромъ.

Уничтоживъ нѣсколько листовъ бумаги, Магги все же не придумала, какъ начать,—какъ даже назвать въ письмѣ Гикса: въ ней все еще смутно тлѣла увѣренность, что нельзя къ нему писать какъ къ человѣку постороннему. Но Магги все же кончила тѣмъ, что исписала цѣлую страницу своимъ твердымъ круглымъ почеркомъ и не назвала Гикса никакъ: рѣзвость все же представлялась ей вещью болѣе въ случаю подходящей, нежели сдержанность. Вся сущность дѣла состояла въ томъ, чтобы вызвать Гикса на свиданіе—дать себѣ случай заглядить въ свои прежніе промахи,

вернуть старое... Потому форма письма мало заботила ее: лишь бы подѣйствовать на рыцарскія его чувства... Магги такъ и въ умѣ сложила фразу о „рыцарскихъ чувствахъ“... Это Абрамъ-то Гиксъ—рыцарь повелительницы сердца своего?!.. До чего, однако, ни додумается въ ночной тишинѣ разгулявшійся умъ хотя бы самой практичной дѣвушки?!

„Вы сдержали ваше слово,—написала она:—болѣе года не попадаетесь мнѣ на глаза, т.-е., по-просту, избѣгаете меня, быть можетъ давно забыли и то имя, которымъ я закончу это письмо... Но не у всѣхъ такая удобная память. Я объ васъ первомъ вспомнила, когда мнѣ понадобились совѣтъ и помощь. Говорятъ, вы организуете новый санитарный отрядъ для борьбы съ этой ужасной холерой, и, конечно, вы легче всякаго другого можете зачислить меня въ списокъ ѣдущихъ за отрядомъ сестеръ милосердія. Не смѣйтесь, мистеръ Гиксъ,—года отрезвляють навозецъ и взбалмошныя головы; увидавъ меня теперь, вы бы не узнали прежней, вздорной Магги,—года эти не даромъ прошли для меня... Я не хочу говорить о рѣшеніи своемъ домашнимъ, пока не будетъ все устроено: всѣ такъ боятся холеры и тифа! Но дайте мнѣ знать, когда я могу къ вамъ придти, чтобы отъ васъ самихъ узнать, чтъ мнѣ дѣлать и когда выѣзжать.

„Не пытайтесь меня отговаривать: я ни холеры, ни тифа не боюсь. Терять мнѣ нечего—потому мнѣ и опасность не страшна.

„Кстати: я помѣщаю завтра же объявленіе о продажѣ той чудесной пары гнѣдыхъ, что вы мнѣ когда-то подарили. Это вѣдь васъ не оскорбитъ? Деньги съ нихъ покроютъ мои издержки на подготовку къ отъѣзду, на закупку многоаго, что можетъ потребоваться тѣмъ бѣднякамъ—значить, пойдутъ на доброе дѣло. Васъ же эта продажа избавитъ отъ скучной уплаты по счетамъ за содержаніе лошадей, которые, я знаю, всѣ отправляются къ вамъ по вашему же распоряженію.

„Итакъ, до свиданія, мой единственный другъ. Въ ожиданіи немедленнаго отвѣта остаюсь все та же ваша преданная—

„Магги Стромъ“.

Магги осталась письмомъ довольна, даже тогда, когда еще разъ перечла его передъ тѣмъ, какъ отправлять на слѣдующее утро. Особенно казалась ей удачна напоследокъ приведенная ей мысль пожертвованія лошадьми, какъ бы на пользу ближняго: это и слѣпому должно бы открыть глаза на ея искреннее безкорыстіе,—а лошади ей, все равно, ни къ чему: она твердо рѣ-

шлясь, такъ или иначе, а вырваться изъ теперешней своей узкой колеи.

XLIX.

Докторъ все-таки въ поѣзду чуть не опоздалъ, — хотя и говорилъ, что и со смертнаго одра поднимется, чтобы хоть глазомъ однимъ взглянуть въ послѣдній разъ на уважающую миссисъ Альву. Съ самой виновницей всѣхъ пролитыхъ по случаю ея отвѣзда слезъ доктору удалось обмѣняться лишь въ окно нѣсколькими шуточками и удовольствоваться отъ игривой миссисъ Альвы воздушнымъ поцѣлуемъ на прощанье; вслѣдъ затѣмъ докторъ прамѣконько попалъ въ руки миссисъ Моррисъ, которая предпочла его общество, чтобы не ѣхать домой въ саняхъ съ Эльзой и со Стивеномъ.

— Я и сама едва-едва успѣла, чтобы отдать Альвѣ нѣсколько бездѣлушекъ для этого бѣднаго Мортонъ Ломакса — вещей дорогихъ по воспоминаніямъ. Опасно ихъ доврять, знаете, почтамъ... Альва обѣщала разыскать Ломаксовъ въ Женевѣ. Это будетъ чистымъ подвигомъ милосердія. Вы слышали вѣдь, докторъ, — они тамъ на два года поселились для завершения воспитанія дѣтей:

— Да; я полагаю, что и самого Ломакса воспитаніе будетъ къ тому времени завершено.

— Напрасно полагаете такъ, докторъ. Джендльменъ — если бы и захотѣлъ — не можетъ сломить своей натуры въ угоду какой-нибудь вульгарной фуріи, съ которой его связала судьба. Вѣроятнѣе, я думаю, будетъ то, что мы скоро прочтемъ въ газетахъ некрологъ бѣднаго Ломакса... Конечно, въ такихъ случаяхъ никогда правды не пишутъ; а то бы пришлось прописать, что по гибѣ-моль безвременно Мортонъ Ломакъ отъ чрезмерной дозы женинаго лицемерія.

— А я еще вчера собирался зайти къ вамъ, миссисъ Моррисъ, поздравить Магги съ ея блестящей партіей, только поздно случилось объ этомъ услыхать; а тамъ меня спичи за проводами Джаксона задержали... Шутка сказать! — за Бутлеромъ чуть не съ полдюжины милліоновъ насчитается.

— Да; это такъ все быстро рѣшено было, что и сами мы были поражены...

— Довольно-таки удивительно: ни лѣтами, ни вкусами, казалось бы, онъ ей не подѣстать; да и неотесанъ же онъ, надо правду сказать, — замѣтилъ докторъ со свободой стараго друга семьи.

— Но не за здѣшнихъ же мальчишекъ—торговыхъ клерковъ или служащихъ по департаментамъ—дѣвушекъ выходить? Они едва и себя въ приличномъ видѣ содержать могутъ—не только-что жену... А въ большихъ городахъ—такъ и вовсе молодежь съ деньгами не разыщешь; развѣ что случай сведетъ гдѣ-нибудь въ Европѣ, въ скучномъ мѣстѣ. Да не о томъ я и говорю... лучше бы Магги совсѣмъ замужъ не торопиться. Я нахожу, что Эльза поступаетъ много умнѣе.

Докторъ только сомнительно посвисталъ въ отвѣтъ; онъ многое себѣ позволялъ на своихъ правахъ полуиностранца. Но миссисъ Моррисъ, не обращая на него вниманія, продолжала:

— А Бутлера тоже нельзя на одни его милліоны вычислять. Бутлеръ—Паркеръ Бутлеръ очень-очень даже хорошаго рода человекъ. Онъ—въ родствѣ съ древнѣйшими фамиліями Англии.

— Вотъ оно какъ!.. Съ которыхъ же это поръ—извините меня—ведется это родство съ древнѣйшими фамиліями Англии?—ворчливо освѣдомился докторъ.

— Прошу васъ безъ извиненій, докторъ; надо же кому-нибудь объяснить наконецъ, въ чемъ дѣло... Эти люди дѣла—финансовые магнаты—черезъ-чуръ ужъ мало заботятся о томъ, за кого ихъ люди принимаютъ... Тотъ же вотъ Бутлеръ вѣкъ живетъ, слыва чуть ли не контрабандистомъ, — и ему рѣшительно такъ все равно... А вѣдь самъ онъ джентльменъ—природный джентльменъ—въ близкомъ, я знаю, родствѣ съ Каммелями.

— Это по младшей линіи шотландскихъ Каммелей?

— Именно, именно: онъ по матери кузень герцогу Аргайлю, — торопилась пояснять миссисъ Моррисъ.

— Кузень, значить, и нашей королевѣ Викторіи?—продолжалъ, насупясь, выспрашивать докторъ: въ крови у него слишкомъ еще много держалось неискоренимыхъ англійскихъ тенденцій, и его сильно порою передергивало при вольностяхъ, которыя себѣ дозволяли его сводные братья американцы по отношенію къ англійской знати.

— Пожалуй, если хотите, кузень и Викторіи,—согласилась миссисъ Моррисъ: ее трудненько такъ было сбить съ позиціи.— Да это все съ материнской стороны; а по отцу онъ въ близкомъ родствѣ съ нашими Дэвисами, съ Ли, съ Уэйсами. Съ ними, впрочемъ, не все у Бутлера идетъ по маслу... Это, конечно, между нами, докторъ. Бутлеръ остался, знаете ли, послѣ отца малолѣтнимъ, такъ кое-кто изъ этой важной родни такъ хорошо его затѣмъ опекалъ, что оставилъ мальчика безъ единого гроша... Конечно, вся родня горой стояла за своего брата-опекуна, — а

Паркеру Бутлеру и пришлось самому искать заработка. Конечно, порастративъ его прежнее состояніе, его здѣшняя родня отъ него сторонится; сами знаете—чего только ни дѣлается изъ-за денегъ!

— Да,—чего только ни дѣлается изъ-за денегъ!—какъ эхо откликнулся докторъ.

— Вы все готовы обращать въ шутку, докторъ, — это все ваша старая дурная привычка.

— Я нисколько не шучу, миссисъ Моррисъ,—я только размышляю: какъ это кузену королевы Викторіи такъ долго удавалось жить на одной ногѣ съ простыми смертными въ такомъ строгомъ incognito?

— Да это родство — пустяки,—замѣтила миссисъ Моррисъ: — я бы и не вспомнила о томъ, еслибы не пришелъ мнѣ на умъ разговоръ нашъ съ Альвою: она мнѣ первая всѣ эти подробности сообщила... Вы знаете, какъ Бутлеръ мало о себѣ говоритъ; я всегда чувствовала въ немъ джентльмена, но, конечно, никогда его не спрашивала... Еще сестры его бабушки считались въ родствѣ.

— А какъ Магги принимаетъ это новое положеніе вещей? — безъ дальнѣйшей церемоніи перебилъ докторъ собесѣдницу.

— Какъ ей принимать положеніе? Не прыгать же ей какъ козлену. Къ тому же у нея сегодня легкій припадокъ лихорадки: не могла даже подняться—Альву проводить... У Магги—я первая это всегда говорила — при всей ея красотѣ, при всѣхъ ея дурачествахъ—умная старая голова на молодыхъ плечахъ... Магги никогда ничѣмъ не увлекается: вся въ сторону нашей семьи уродилась. Я увѣрена, что она съ самаго начала себя прекрасно въ свѣтѣ поставитъ; у этой дѣвочки—бездна такта.

— Да. Милліоны немалую налагаютъ отвѣтственность... Пріятный будетъ домъ,—если ходить туда обѣдать. Надѣюсь, они будутъ жить открыто: желѣзнодорожнику вѣдь вѣчно надо смазывать разные колеса—водиться со всякими людьми, закармливать тонкими обѣдами.

— Конечно, конечно,—приходите хоть каждый день обѣдать, пріятный будетъ домъ!—разсѣянно пригласила его миссисъ Моррисъ; мысли ея уже витали на другомъ предметѣ.

— Кстати, докторъ вы вотъ теперь зажились въ Вашингтонѣ—не замолвите ли вы президенту словечко насчетъ Стивена?

— Это вы опять насчетъ консульства?

— Да,—насчетъ консульства. Я сама на дняхъ заходила въ Бѣлый-Домъ, но такая была толпа на пріемѣ, что слова сказать президенту не удалось... А два-три года въ Европѣ консуломъ

прекрасно бы довершили воспитаніе Стивена, онъ бы усовершенствовался въ иностранныхъ языкахъ.

— Но сами вы знаете, миссисъ Моррисъ, каковъ у насъ президентъ.

— Знаю,—знаю, докторъ! Но какъ же дѣлають другіе? Вѣдь случаются же вакансіи,—вѣдь назначаютъ же людей. А на нашей сторонѣ весьма вѣская поддержка... Генераль Симпсонъ, изъ Сѣверной Каролины, въ огонь и воду готовъ для меня... мы съ нимъ, знаете ли, хорошіе были въ старыя времена друзья... Бартонъ наконецъ, Джонсъ изъ Флориды, всѣ — свои люди, южане... Я сегодня же черкну объ этомъ пару словъ генералу Борегару: онъ же въ Нью-Йоркѣ теперь — завтра отвѣтъ будетъ. А съ Эмметомъ я сама повидаюсь, нарочно на дняхъ въ Балтимору съѣзжу... Не бойтесь, докторъ, вы можете прямо требовать у президента этого назначенія,—какъ просто ушлаты по старымъ долгамъ лучшему элементу партіи... Самые видные люди будутъ на нашей сторонѣ. Не худо, пожалуй, будетъ намекнуть президенту на вліятельное родство Стивена,—что онъ родной племянникъ Итона, будущаго сенатора изъ Коннектикута... Да и милліонъ Бутлера, наконецъ, должны имѣть нѣкоторый вѣсъ въ глазахъ администраціи—какъ вы полагаете, докторъ?.. Нельзя же посылать въ Европу первыхъ попавшихся санкюлотовъ...

— Конечно, дорогая моя миссисъ Моррисъ,—конечно: съ высшими связями и энергіей мы и получше чего, пожалуй, добьемся...

Если и была иронія въ словахъ доктора—на миссисъ Моррисъ она не произвела ни малѣйшаго воздѣйствія. Да и кто же въ самомъ дѣлѣ могъ распознать: когда говорилъ докторъ дѣло, а когда поднималъ васъ же самихъ на смѣхъ?..

L.

А тѣмъ временемъ передъ Магги на подушкѣ лежали старательно ею подобранные кусочки письма, и она изо всѣхъ силъ трудилась пригнать одинъ неправильный клочокъ бумаги въ другое, съ замирающимъ сердцемъ доискиваясь новаго смысла въ наскоро прочитанномъ и затѣмъ еще быстрѣе, въ сердцахъ, разорванномъ письмѣ.

Первая горечь обиды израсходована была еще вчера на едѣшное порѣшеніе дѣла съ Бутлеромъ, на подготовленія къ тому, чтобы вскорѣ стать владѣлицей—пожалуй даже, если улыбнется

счастье, такъ и въ размѣрѣ законной вдовьей трети—милліонами Паркера Бутлера. Теперь же, на досугѣ, обезпеченномъ ей легкимъ нездоровьемъ, ее такъ и тянуло въ этому письму Абрама Гивса; и вся поглощенная своимъ занятіемъ, въ десятый разъ перебирая рваные клочки, запустивъ пальцы въ свои волнистые, краснаго отлива волосы и опершись локтемъ на подушку, Магги все еще напоминала свѣжаго, миловиднаго ребенка, углубившагося, казалось, въ занятіе складною картинкой. И никто бы, смотря на нее, не догадался, что сердце щемить у нея надъ строками письма, которыя она, наконецъ, подобрала—таки въ порядкѣ; никому бы въ голову не пришло, что, вступая на новое, избранное ею самой поприще, она и оглянуться боится на прошлое, и оторваться не можетъ отъ этихъ жалкихъ клочковъ, потому только, что исписаны они оттолкнувшею ее рукою.

„Миссъ Магги Стромъ. № 4075 улицы N.

„Дорогой мой, юный другъ. Чтò вы тамъ ни говорите о годахъ—у васъ на плечахъ все та же увлекающаяся головка, все то же въ васъ золотое сердце. Я радъ, что лучшая сторона вашей природы побуждаетъ васъ искать дѣятельности,—безъ чего недобро жить никакому человѣку. Радъ тѣмъ болѣе, что могу васъ направить на желанное дѣло, не подвергая вашу дорогую жизнь никакой опасности.

„Холеры и не бывало; а теперь и голодный тифъ миноваль. Но организованная помощь бѣднякамъ на мѣстѣ необходима. На дняхъ высылаемъ туда опять санитарный отрядъ подъ руководствомъ доктора Голланда. Если ваше рѣшеніе твердо по прежнему,—заходите завтра же поутру въ „Riggs House“, гдѣ я остановился. Если меня задержать дѣла, васъ тамъ встрѣтитъ ваша старая знакомая, которая скоро станетъ моею дорогою женою—Эсэирь Ригби — и объяснить вамъ все обстоятельно. Хетти за все время борьбы съ эпидеміей была моею правою рукою: это ей послужило хорошимъ искусомъ передъ тѣмъ, какъ всю жизнь свою связать съ такимъ медвѣдемъ, какъ я; но теперь она такъ утомилась, что я искренно благодарю Провидѣніе, что оно посылаетъ мнѣ васъ, моя милая Магги, — бѣдной моею Хетти на подмогу.

„До завтра же—въ отелѣ. Душевно преданный вамъ—Абрамъ Гивсъ“.

Говорятъ, что человѣкъ неиспорченной природы, какъ и животное, самъ прямо попадаетъ на лекарство, наиболѣе свойственно

его болѣзни. Письмо Абрама Гивса сослужило свое дѣло; но беречь его ключевъ молодая особа отнюдь не считала болѣе нужнымъ. По неписанной, но тѣмъ не менѣе твердо установившейся конституціи семейства Стромовъ, припадки чувствъ всегда заносились въ рубрику сантиментальностей самаго дурного тона. А сантиментальной особой—Магги Стромъ себя никогда не считала, тѣмъ болѣе теперь, въ качествѣ будущей владѣтельницы милліоновъ Парвера Бутлера и всего—соединеннаго съ этими милліонами.

ПАВ. КАШИРИНЪ.

Нью-Йоркъ. 2-го (14-го) марта 1887 г.

У ПЛИТЫ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ довольно просторной, но низкой кухнѣ—жарко и полно всякихъ испареній. На плитѣ нѣсколько кастрюль и „балафоновъ“. Въ духовомъ шкафу „доходятъ“ пирожки. Борщомъ черезъ полчаса будетъ совсѣмъ „во вкусъ“. Цыплята въ кастрюлькѣ шипятъ. Отъ нихъ идетъ самый сильный запахъ—сухарями, жареными въ сливочномъ маслѣ. На чистомъ столѣ приготовлено блюдо съ затѣйливымъ переборомъ изъ тѣста, для овощей. Ихъ четыре сорта: горошекъ, цвѣтная капуста, фасоль, каштаны. Господа любятъ, чтобы подавалось по-старинному, покрасивѣе, съ укладкой.

Часу съ третьяго Устинья безъ перерыва переходитъ отъ стола къ плитѣ, отъ плиты къ крану, отъ крана къ духовому шкафу. Чады и пыль отъ плиты все сильнѣе распираютъ ей голову. Краснота щекъ почти багровая. Потъ лоснится по всему лицу и стоитъ крупными каплями на лбу. Она носитъ чепчикъ—приучили ее нѣмцы, гдѣ она долго жила „на Острову“. Въ просторной ситцевой кофтѣ, подпоясанная фартукомъ, съ засученными бѣлыми, пухлыми руками—она двигается быстро, несмотря на свою полноту. Да и лѣтъ ей довольно: съ осени пошелъ сорокъ-четвертый. Изъ-подъ чепчика выбиваются, немного уже сѣдѣющіе, курчавые темно-каштановые волосы. На одинъ глазъ—глаза у нея свѣтло-сѣрые—Устинья слегка косить. Вслѣдствіе постоянного отворачиванія головы и лица отъ раскаленной плиты у нея напряжены всѣ мышцы, брови сердито сдвинуты, у носовыхъ крыльевъ складки

толстой кожи пошли буграми. На правой щекѣ большая родинка съ тремя волосками—то опустится, то поднимется. Устинья часто, при усилии, когда снимаетъ тяжелую кастрюлю или что-нибудь толчетъ, раскрываетъ ротъ съ одного бока и показываетъ два бѣлыхъ зуба.

То-и-дѣло обтирается она фартукомъ, хотя и знаетъ, что это не очень чисто. Къ жару она до сихъ поръ, вотъ уже больше двадцати лѣтъ, не можетъ привыкнуть настолько, чтобы совсѣмъ его не чувствовать, какъ другія кухарки. Она—„сырая“; зато головѣ ея легче бываетъ отъ постоянной испарины.

Устинья заглянула еще разъ въ глиняную кастрюлю, гдѣ пузырился борщѣ, и въ эмальрованную, гдѣ шипѣли щипляга. И то, и другое почти что „въ доходѣ“, а господа навѣрно не сядутъ въ-время, непременно опоздають, потомъ будутъ недовольны. Она все у нѣмцевъ же, на Острову, приучилась готовить по часамъ. Вотъ и теперь посмотрѣла она на стѣнные часики съ розаномъ на циферблатѣ и бережно поставила блюдо подъ овощи въ шкафъ, чтобъ переборка изъ тѣста пропеклась и зарумянилась. Ее господа не ѣдятъ; но Устинья дѣлаетъ тѣсто какъ слѣдуетъ, и послѣ сама его ѣстъ, съ остатками овощей, если день скоромный. Постовъ она довольно строго держится; но въ среды и пятницы разрѣшаетъ и на скоромное, да иначе и нельзя, изъ-за остальной прислуги. Горничныя—модницы, и даже въ великій постъ, со второй недѣли, „жрутъ мясище“.

Нѣмцамъ на Острову Устинья многимъ обязана, и помнить это до сихъ поръ—кое-когда навѣщаетъ ихъ, въ большіе праздники. Первымъ дѣломъ они ее грамотѣ выучили. Она было-упиралась, да сама скоро сообразила, что грамота и счетъ, хоть сложеніе и вычитаніе—куда не бесполезны. И самое не обочтуть, да удобнѣе и концы съ концами хоронить на провизіи. Въ первое время нѣмка-барыня сама часто ходила по близости на рынокъ, къ Андреевскому собору; а потомъ перестала, начала прихварывать. Устинья безъ стыда и совѣсти никогда не воровала; но въ лавкахъ процентъ ей платили, да на мелочахъ урывала, такъ копѣекъ по пяти съ рубля. Она на это смотрѣла какъ на законную статью дохода. Кухарочное ремесло считала она самымъ тяжелымъ, не столько отъ ходьбы и усталости работы, сколько отъ плиты. Безъ головныхъ болей она не бывала ни одной недѣли, и весь ея характеръ портился единственно отъ жара и чада. Въ дѣвкахъ, дома, въ деревнѣ, она была мягкая, какъ тѣсто, ласковая, тихая и словоохотливая; съ тѣхъ поръ, какъ въ кухарки попала, стала хмуриться, больше все молчать; а внутри

у нея, къ тому часу, когда плита въ полномъ разгарѣ — таеъ и сверлить, таеъ и сверлить. Тутъ не подвертывайся ей: пожалуй, изъ чумички и кипяткомъ опшарить.

Къ нѣмцамъ Устинья поступила еще полумужичвой, кое-что умѣла стряпать, что успѣла подсмотреть у настоящаго повара, когда жила въ судомойбахъ, въ русскомъ трактирѣ, куда и чиновники ходили ѣсть шестигривенные обѣды. Заглавія она легко запоминала и „препорцію“. Но все-таки была она таеъ себѣ, „кухарецъ“, какъ называлъ ее одинъ сидѣлецъ овощной, рублей на пять жалованья. Барыня нѣмка по-русски чисто говорила; любила зайти въ кухню и даже подолгу въ ней побыть; стала, вмѣстѣ съ грамотой, показывать Устиньѣ, какъ готовить разныя нѣмецкія закуски, форшмаки, картофельные салаты, съ селедкой, и всякаго рода „хлѣбное“, къ чему Устинья, еще въ деревнѣ, имѣла пристрастіе, когда пекла тамъ пироги, ватрушки, „коурки“. На Острову она научилась даже дѣлать „штрудель“ изъ раскатаннаго тѣста съ сухарями, корицей и ябловами, каваго ни одинъ и дорогой поваръ не умѣетъ.

Грамотность повела и къ чтенію поваренныхъ книгъ. Сначала она плохо схватывала самый языкъ этихъ книгъ и туго запоминала вѣсъ и количество „по печатному“. У нѣмки было нѣсколько книгъ: Авдѣева, Малаховецъ и еще тоненькая книжечка, гдѣ все больше польскія блюда. Барыня ѣла мало; но семейство было большое и хлѣбосольное, совершенно на русскій ладъ. Доходы начались порядочные, какъ только барыня перестала сама ходить на рынокъ; практика для Устиньи разнообразная, и привычку она себѣ выработала готовить по часамъ. Потомъ, когда барыня сдѣлалась совсѣмъ болѣзненной, расходы по столу уменьшились; зато надо было готовить и легкія вещи для слабаго желудка, дѣтямъ, старухѣ-тещѣ особенно, а барину съ пріятелями — непременно такія же сытныя и пряныя блюда.

Незамѣтно, въ три-четыре года, изъ „Устиньи Наумовны“ вышла кухарка „за повара“. Она видѣла, что ей цѣна — не пять и даже не семь рублей. А дѣла было все-таки много. Устинья этимъ воспользовалась безъ исторіи, прямо подыскала мѣсто на двѣнадцать рублей, объявила это господамъ; они такой цѣны не дали, и она отошла; но сохранила съ этимъ семействомъ связь; не иначе поминала, какъ добрымъ словомъ нѣмку-барыню.

Послѣ того, ни къ однимъ господамъ не чувствовала она ничего подобнаго. Плита держала ее въ постоянномъ глухомъ раздраженіи. Она себя „соображала“, рѣдко когда грубила, водки не пила; иногда бутылку пива. Ходьба на рынокъ только и освѣ-

жала ее по утрамъ. Безъ рынка она бы совсѣмъ задохнулась. Рынокъ же доставлялъ ей доходъ, на который она теперь смотрѣла уже какъ на главную статью, а на жалованье—какъ на придатокъ. Не могла она подолгу оставаться на одномъ мѣстѣ. Кухня, какая бы она ни была, начинала давить ее тѣснотой, однообразіемъ своей обстановки, чадомъ, жарой и запахомъ. Къ дѣлу она не имѣла настоящей любви, и готовила хорошо, дѣйствительно „за повара“, потому что это ей далось и вошло въ ея достоинство, въ амбицію. Всякимъ замѣчаніемъ она внутренно оскорблялась, и на русскихъ барынь смотрѣла какъ на капризныхъ дѣтей, ничего несмыслящихъ, неспособныхъ даже разсказать толковымъ языкомъ, какъ изжарить бифштексъ.

При поступленіи къ новымъ господамъ, Устинья прямо спрашивала: есть ли пріемъ гостей и какъ велико семейство, и не скрывала того, что процентъ съ зеленцовъ и мясниковъ для нея „первая статья“. Если семейство маленькое и пріема нѣтъ—она не соглашалась идти и на пятнадцать рублей, даже и на двадцать съ кофеемъ, чаемъ, сахаромъ и разными другими „пустыми приманками“, по ея выраженію.

И ее брали: она не воровала безъ мѣры, не пила, была довольно чиста „вокругъ себя“, чрезвычайно аккуратна насчетъ часовъ и умѣла готовить рѣшительно все, что входитъ и въ домашній, и въ званый обѣдъ, съ придачей разныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и даже коренныхъ итальянскихъ блюдъ; она имъ выучилась, живя у стараго профессора пѣнія, родомъ изъ Милана.

II.

Безъ судомойки или „мужика“ Устинья, въ послѣднія пять-шесть лѣтъ, не желала нигдѣ жить. Она сурово отстаивала свое поварское достоинство, ни подъ какимъ предлогомъ не соглашалась чистить ножи и мыть посуду. Въ иныхъ мѣстахъ ходили дневальныя бабы, въ другихъ занимались младшіе дворники или держали особенныхъ „кухонныхъ“ мужиковъ.

Судомойку недавно разочли. Сама Устинья просила объ этомъ. Выдалась „несуразная“, да вдобавокъ еще неопрятная бабенка и начала пошалавать: то форма пропадетъ, то фунта масла не досчитаешься. Да и работы нѣтъ такой, какъ у мужчины: копаются, нечистоплотны, съ посудой обращаться непривычны, надъ ножами только потѣютъ, а чистка—„горе“.

Вчера старшій дворникъ докладывалъ барынь, что у него

есть на примѣтѣ паренъ, самый подходящій. Устинья еще не видѣла его; онъ долженъ былъ явиться передъ обѣдомъ. Барыня связала ей сегодня утромъ:

— Я въ это входить не буду. Вамъ съ нимъ имѣть дѣло... Заставьте его поработать. И если онъ годится—переговорите насчетъ цѣны. Мы больше восьми рублей не дадимъ, съ нашей ѣдой, и за уголь будемъ платить—въ дворницкой; а въ квартирѣ ему ночевать мѣста, вы сами знаете, нѣтъ.

Устинью барыня вообще „уважаетъ“. До сихъ поръ не было еще между ними никакихъ исторій; а живетъ она у этихъ господъ уже около года. Въ первое время, барыня, просматривая счета, находила не разъ, что на провизію идетъ больше, чѣмъ шло прежде. Устинья слегка обидѣлась и предложила платить ей по столько-то на день, по числу „персонъ“, и на гостей полагать особенно. Господа на это не пошли—и дѣло обмялось. Выборъ судомоевъ и вухонныхъ мужиковъ вездѣ предоставляли ей.

Обѣдъ совсѣмъ готовъ, кромѣ соуса къ рыбѣ. Судакъ уже достаточно проварился въ длинной жестяной кастрюлѣ. За него Устинья поставитъ рубль семьдесятъ копѣекъ; но заплатила она за него полтора цѣлковыхъ. Она съ рыбы сама взимаетъ процентъ, потому что не въ ладахъ съ содержателемъ того сада, гдѣ до сихъ поръ брала рыбу; а временно покупаетъ—гдѣ придется; стало, и настоящаго процента еще не имѣетъ. Рыбу, чтобы она не переварилась, Устинья отставила; но еще надо приготовить соусъ.

Съ этимъ соусомъ слѣдуетъ отличиться—и съ перваго же раза. Барыня сама въ кухнѣ почти-что ничего не смыслить; но баринъ любить тонко поѣсть, и кое-когда, вдругъ, что-нибудь такое выдумаетъ, позоветъ ее и начнетъ растолковывать на свой ладъ—какъ составить особенную приправу къ рыбѣ или къ зелени. Получаетъ онъ французскую газету, и тамъ печатаютъ, изо дня въ день, обѣденное меню; а чтѣ помудренѣе—тамъ же объясняется.

Вотъ онъ третьяго-дня и передалъ Устиньѣ, уже черезъ барыню—соусъ дѣлать къ разварной рыбѣ въ родѣ того, какъ къ моллѣту полагается: на красномъ винѣ и бульонѣ, съ лучкомъ и варенымъ, мелко накрошеннымъ картофелемъ. Барыня принесла газету, по-русски перевела Устиньѣ, да мало вразумительно; однако онѣ столковались. Мудренаго тутъ нѣтъ ничего; только пропорція показана маленькая, человѣка на три; а здѣсь садится, каждый день, безъ гостей, семь человѣкъ. Устинья должна была сообразить. Случилось слово: „литръ“,—насчетъ пропорціи краснаго вина. Барыня не сумѣла ей объяснить, больше ли это бу-

тылки, или меньше, — справиться не у кого было — баринъ уѣхалъ со двора. Сообразила она и тутъ, что больше полутора стакана не слѣдуетъ вина, коли человекъ на семь — на восемь.

Только-что Устинья стала готовитьъ все, что нужно для этой новой поливки изъ французской газеты, какъ кухонную дверь съ задней лѣстницы тихонько приотворили и просунулась бѣлокурая мужская голова.

— Чего надо? — окликнула она строгимъ голосомъ.

— Это я, матушка, мужикъ кухольный.

Вошелъ несмѣло и дверь оставилъ приотворенной мужичокъ лѣтъ двадцати-пяти-шести, въ синей сибирѣй, чисто одѣтый, въ большихъ сапогахъ и на шеѣ желтый платокъ; росту средняго, немного сутуло держится, съ узкими плечами, лица пріятнаго, волосы свѣтло-русые, тонкій носъ и сѣрые большіе глаза; борода маленькая, клинушкою.

Устинья быстро его оглядѣла. Онъ ей показался подходящимъ. Лицо его ей понравилось.

— Въ кухольные? — переспросила она.

— Точно такъ, матушка.

— Положеніе знаешь?

И этотъ вопросъ былъ заданъ такимъ тономъ, чтобы онъ сразу почувствовалъ, что она въ кухнѣ командиръ, и отъ нея онъ будетъ зависѣть вполнѣ.

— Знаю, матушка.

Произносилъ онъ высокимъ теноромъ, и выговоръ его она сейчасъ же признала за свой, природный, волжскій „верховой“, отъ котораго она въ Петербургѣ почти-что отъучилась. Онъ говорилъ на „онъ“ — и очень мягко.

— Положеніе такое — повторила она: — жалованья семь рублей.

— Власть Иванычъ... — заикнулся парень — сказывали: на восемь рублѣвъ.

— Семь, — повторила Устинья.

Лучше выторговать рубль, и послѣ, если окажется старателенъ, прибавить еще рубль, какъ будто въ награду за усердіе и по своей протекціи.

— Маловато... поштенная.

И слово „поштенная“ напомнило ей деревню.

— Больше не дадутъ; харчи хорошія; чай будешь пить, за уголь — въ дворницкой — плата хозяйская. Чего тебѣ еще? — спросила она уже помягче.

Парень почесалъ въ затылѣ, но тотчасъ же наклонилъ го-

лову и, глянувъ на нее въ бокъ своими выразительными сѣрыми глазами, выговорилъ:

— Пущай-инь такъ будетъ, матушка.

Это слово „матушка“ онъ произносилъ особенно мягко, точно онъ съ барыней разговариваетъ.

— Да ты гдѣ живешь-то?

— Я-то? Здѣсь, по близости, въ Спасскомъ переулкѣ, на Сѣнной.

— Мнѣ вѣдь сѣдни нужно къ обѣду.

Устинья изъ своихъ прежнихъ, крестьянскихъ словъ удержала „сѣдни“, хотя при господахъ его не употребляла.

— Мы съ полнымъ удовольствіемъ. Я останусь. А переберусь къ вечеру—если такъ.

— Вотъ я еще посмотрю, — сказала Устинья, разводя въ горшечкѣ дичинный бульонъ, — какъ ты со службой своей справляться будешь.

— Извѣстное дѣло, матушка.

Парень былъ подпоясанъ пестрымъ кушакомъ такъ, какъ подпоясываются разносчики. Онъ шапку положилъ на лавку и сталъ распоясываться. Подъ сибиркой у него оказались: жилетъ и розовая рубаха, на-выпускъ. Устинья и на одѣжу его поглядѣла въ бокъ, продолжая мастерить соусъ.

— Сейчасъ-то еще нѣтъ настоящей работы; а вотъ вынеси-ко тамъ корзинку съ мусоромъ да подмети здѣсь.

— Слушаю.

Онъ снялъ сибирку, засучилъ рукава и собрался брать корзину.

— Тебя какъ звать?

— Епифаномъ.

— Откуда ты? Паспортъ, небось, при тебѣ?

— При мнѣ, матушка. Я — мжегородской, по казанскому тракту.

Епифаново „мжегородской“ — съ буквой „м“ — пришлось по душѣ Устиньѣ.

— Такъ мы земляки? — откликнулась она. — Про Горю село слыхалъ?

— Какъ не слыхатъ, матушка!.. Я — гробилловскій. Шелеметевская вотчина была до воли.

Онъ даже и фамилію Шереметевыхъ произносилъ съ буквой „л“, какъ истый нижегородецъ.

— А я изъ Горюкъ, — сказала Устинья и въ первый разъ улыбнулась.

III.

Около мѣсяца живетъ Епифанъ въ кухонныхъ мужикахъ. Съ Устиньей онъ ладилъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Держалъ онъ себя все такъ же смиренно, истово, головы никогда высоко не поднималъ, говорилъ мягко и тихо, такъ-что горничныя — ихъ двѣ — первые дни и голоса его не слышали; начали даже подшучивать надъ нимъ по этому поводу.

Устинья взяла его подъ защиту и все повторяла имъ:

— Нешто всѣ такія халды, какъ вы—охтенская команда?

Изъ нихъ только Варя была дѣйствительно съ Малой Охты; да Устинья уже заодно дала имъ такое прозвище.

Варя—ужасная франтиха, и что ни праздникъ—сейчасъ же отпросится въ театръ, и послѣ, въ кухнѣ, за перегородкой, утюжить мелкія барынины вещи и мурлычить безъ перерыву. Даже Устинья вчужѣ выучила, слушая ее:

Какой обѣдъ намъ подавали!

Какимъ виномъ насъ угощали!..

И Варя, и Оля, за обѣдомъ, продолжали подзадоривать Епифана. Онъ ѣсть медленно, по-крестьянски, часто кладетъ ложку на столъ и степенно прожовываетъ хлѣбъ. Варя ему непременно скажетъ:

— На долгихъ отправились, Епифанъ Сидорычъ...

И обѣ вразъ прыснуть.

И тутъ опять Устинья должна ихъ вразумить. Онѣ никогда не ѣли по-божески, какъ добрые люди ѣдятъ, въ строгихъ семьяхъ, а такъ, урывками, „по-сабачьи“. Одно слово—питерскія мѣщанки, съ дѣтства отбившіяся отъ дому.

Епифанъ никогда не начиналъ ѣсть мяса изъ чашки, и дожидался, чтобы сказали:

— Можно таскать!

Спросилъ онъ чуть слышно насчетъ „тасканья“ — и опять обѣ горничныя подняли его на смѣхъ за это „мужицкое слово“.

— Таскать! Таскать!.. — повторяли онѣ. — Чтò — таскать? Платки носовые изъ кармановъ? Ха, ха, ха!..

Онъ даже повраснѣлъ и посмотрѣлъ на свою защитницу. Устинья, на этотъ разъ, не въ шутку разсердилась на „охтенскихъ халдъ“, и отдѣлала ихъ такъ, что онѣ прикусили языки; но, на особый ладъ, переглянулись между собой.

И это замѣтила Устинья. Переглянулись онѣ: „кухарка, моль,

подыскала себѣ тихонькаго дружка и держать его у себя подъ юбкой“.

Такое подозрѣніе сильно ее взорвало; она вся побурѣла, но браниться съ ними больше не стала; только цѣлую недѣлю плохо кормила и барскихъ остатковъ не давала ни той, ни другой.

Какъ могли онѣ — „халды!“ — думать срамно о ней и о Епифанѣ, когда у нея даже и въ помышленіи ничего не было?!.. Она если не совсѣмъ старуха, такъ ужъ въ лѣтахъ женщина, а онѣ молодой паренекъ, и въ сыновья ей годится.

Послѣ этой выходки дѣвушекъ за обѣдомъ, Устинья часто что-то возвращалась мыслью въ кухонному мужику. Точно будто онѣ, своимъ переглядываніемъ и смѣхомъ, что-то такое у нея на душѣ разбудили.

Въ первые еще дни послѣ того, какъ Епифанъ поступилъ въ ней, Устинья, угощая его чайкомъ въ кухнѣ (никого кромѣ нихъ не было), въ сумерки, полегоньку, между передышками питья въ прикусеку, освѣдомилась о его семьѣ, женатъ или холостъ, велика ли родня, и какъ ему насчетъ солдатчины предстоятъ?

На все это Епифанъ толково, почти шопотомъ и съ еще большими разстановками въ похлебываніи чая съ блюдечка, отвѣчалъ ей, сидя на лавкѣ, у стола, въ одной уже рубахѣ. И онѣ, и она, выпили по четыре чашки.

Онѣ былъ младшій сынъ солдатки, вдовы, жребій взялъ хорошій и въ солдаты угодить развѣ только въ ополченіе, да и льготу имѣеть, какъ грамотей — онѣ прошелъ всѣ классы училища. Семья — бѣдная; братья раздѣлились — ихъ трое; онѣ женатъ.

Извѣстіе, что Епифанъ женатъ, какъ-то ей не показалось. Однако, она не пустилась его расспрашивать: какова жена, собой красива ли, изъ какой семьи, есть ли дѣти, женился по согласію съ нею или такъ, изъ расчета, по крестьянской необходимости взять бабу, для работы и хозяйственнаго обихода.

Но Епифанъ ничего, повидимому, не утаилъ. Женили его по девятнадцатому году, когда только одинъ старшій братъ жилъ отдѣльно. Земли, по уставной грамотѣ, приходилось, пожалуй, по три десятины, да земля — тощая; а деревня, хотъ и близко къ городу, но доходнымъ промысломъ не „займается“, была прежде всегда оброчной при господахъ и промышляли кое-чѣмъ, извозомъ и бурлачествомъ и на ярмаркѣ всякой работой; которые и огородишкомъ кормились; бабы въ городъ все тащили, по воскресеньямъ пряжу, грибы, ягоды, а теперъ и носить-то нечего. Мать ослабла совсѣмъ, и послѣ выдѣла двоихъ старшихъ братьевъ — второй въ солдаты попалъ — еле перебивалась. Онѣ при ней

остался, въ старой избѣ. Коровенка одна, пара овецъ—и то, по нынѣшнему времени, въ рѣдкость.

Жениться ему не хотѣлось. Мать упросила. Въ сосѣдней деревнѣ, Утечино, посватали дѣвку, старше его года на четыре, старообразную съ лица, не очень бойкую ни на разговоръ, ни въ работѣ; только они съ матерью повѣрили слуху, что за ней денегъ „отвалать“, и приданое—четыре большихъ вѣрова. Ходили слухи, что она „согрѣшила“, оттого и за безчестье можно получить прибавку. Однако, никакого „богачества“ не оказалось. Коробъ одинъ всего приданого дали кое съ чѣмъ, да свадьбу сыграли на шестьдесятъ рублей, да сорокъ рублей въ домъ она принесла—вотъ и все.

Устинья слушала разсказъ Епифана и про себя хвалила его истовость, то, что онъ не жаловался, не срамилъ жены насчетъ ея грѣха, и не началъ ей расписывать про постылую женатую жизнь; онъ далъ только понять, что съ первыхъ же недѣль жена ему стала неподходяща. Она забеременѣла, родила дѣвочку—должно быть, „заморыша“—и послѣ родовъ здоровьемъ начала перепадать; дѣвочка не дожила и до году. Ему въ семьѣ дѣлалось „не по себѣ“—такъ онъ и выразился. Онъ и взялъ паспортъ, сначала у Маварья на ярмаркѣ служилъ, тоже кухоннымъ мужикомъ въ армянской харчевнѣ. Случай вышелъ ему съ купцами ѣхать въ Москву и до Питера добраться.

Такъ правдиво и обстоятельно поговорилъ о себѣ Епифанъ, что и Устинья ему кое-что разсказала про свое деревенское житье-бытье. Сначала такъ, вкратцѣ, а потомъ и вспоминать полюбила про разныя разности изъ дѣвичьей своей жизни. Она изъ той же почти „округи“, только на арзамасскомъ трактѣ. И они были крѣпостные, она еще помнила все отлично, ее тогда уже замужь отдавали. И она, какъ Епифанъ же, шла по-старинному, попала за хорошаго парня; но лобъ ему въ скоромъ времени забрали, передъ самымъ объявленіемъ воли. Солдаткой она рано изъ деревни ушла и рано овдовѣла, мужъ на службѣ, въ горахъ, померъ, гдѣ-то на китайской границѣ, она никогда не могла выговорить, въ какомъ мѣстѣ.

Епифанъ слушалъ Устинью, за такимъ вечернимъ питьемъ чая, съ особеннымъ выраженіемъ лица и поклонами головы, какъ почтительный сынъ слушаетъ родную мать; это ей очень льстило. Она бы ему охотно разсказала про разныя соблазны, черезъ какіе прошла въ Питерѣ солдаткой, да еще вдовой и пріятнаго вида; но сразу она не хотѣла очень-то его баловать—того гляди, зазнается и начнетъ запанибратствовать. Онъ парень неглухой,

и могъ легко понять изъ ея словъ, что она себя— „не въ примѣръ прочи-имъ“—соблюдала довольно строго. Сходилась ли она, нѣтъ ли, съ кѣмъ-нибудь, когда еще была молодой бабенкой— на это Устинья нивакого намека не сдѣлала; но всѣми своими рѣчами давала ему почувствовать, что съ нею и слѣдуетъ ему обходиться почтительно.

IV.

Точно „пайтанъ“, вселился потихоньку Епифанъ въ сердце Устиньи. Такъ и она называла его по-деревенски „пайтаномъ“, уже послѣ того, какъ онъ ее всю къ себѣ пританулъ...

Снаружи все было попрежнему, даже горничныя-задиры, и тѣ ничего особеннаго не замѣчали; кухоннаго мужика онъ оставили въ покоѣ, за обѣдомъ надъ нимъ не смѣялись, совсѣмъ какъ будто и нѣтъ его тутъ. А онъ все такой же, какимъ былъ и при поступленіи: больше помалчиваетъ, ѣстъ медленно, и первый ни къ какой ѣдѣ не приступаетъ; всегда ждетъ, чтобы другіе начали.

Да и приблизивъ его къ себѣ, Устинья, въ первые дни, смотрѣла на него, какъ на сироту. Чтò-то материнское къ нему чувствовала. Ей дѣлалось совѣстно самой себя за то, что она „старуха“, и вдругъ пользуется такимъ молодымъ человѣкомъ; а его она жалѣла и не ставила ему въ вину того, что онъ ее подбилъ на грѣхъ, на запоздалую страсть.

Винить его она не могла. Нельзя ей было говорить, что онъ ее подбилъ, одурачилъ, опоялъ какимъ-нибудь дурманомъ. Это случилось—она и сама не понимаетъ, какъ. Жалко ей стало его чрезвычайно,—она его, какъ паренька по двѣнадцатому году, приласкала... И только позднѣе она стала испытывать на себѣ его силу. Говорить онъ ей тихо, полушопотомъ, смиренно; но каждое его слово входитъ ей внутрь, и взглядъ его сѣрыхъ глазъ, немножко исподобья, пронизываетъ ее. Видъ у нея такой, точно будто она хозяйка, а онъ—ея батракъ; на дѣлѣ же совсѣмъ по другому становилось. Она еще дивилась тому, какъ онъ не догадывается о своей власти надъ нею, не начинаетъ мудрить, не вытягиваетъ изъ нея всѣхъ жилъ...

Не можетъ онъ не смекать, что у таковой бухарки, какъ она, должны быть деньги. По его тихимъ, пронизательнымъ взглядамъ она замѣчала, что онъ отлично соображаетъ, какой доходъ приносить ей, каждую недѣлю, одна провизія. Онъ грамотный и видитъ, чтò она за цѣны становится въ записной книжкѣ,

которую показываетъ барышѣ. Цѣны ему отлично извѣстны. Живя по трактирамъ, онъ запоминалъ ихъ, да и теперь не пропуститъ случая освѣдомиться. Устинья не скрыла отъ него, что она „благородно“ пользуется процентами въ лавкахъ. Считать онъ умѣлъ скорѣе ея, и давно привелъ въ извѣстность, какой можетъ быть ея мѣсячный доходъ. Но вотъ они уже больше мѣсяца въ связи, а Епифанъ ни разу не заикнулся даже насчетъ ея сбереженій, ничего не попросилъ, на выпивку или въ деревню послать лишній рубль. Къ вину онъ склонности не имѣетъ, и его трезвость была не наружная только, а настоящая.

Устинья въ двадцать лѣтъ житея на мѣстахъ отложила нѣсколько сотъ рублей. Сначала она носила по мелочамъ въ сберегательную кассу, потомъ купила билетъ съ выигрышемъ, другой, третій... Два раза въ годъ она ихъ страховала, мечтала о кушахъ въ десять тысячъ—дальше она не шла въ своемъ воображеніи,—упорно продолжала вѣрить, что не перваго марта, такъ перваго сентября она непременно выиграетъ. Кромѣ билетовъ, были у нея и наличными, въ разныхъ мѣшечкахъ, затыканныхъ въ бѣльѣ и платѣ ея кованнаго сундука, стоявшаго подъ кроватью. Билеты она держала у себя, хоть и сильно боялась пожаровъ. Слышала она про то, что всего лучше положить билеты въ банкъ на храненіе; но она на это не рѣшалась... Надо было исписывать много листовъ, да и узнается, да и какъ бы не вышло затрудненія при обратномъ полученіи денегъ. Купоновъ она не отрѣзала; знала, что выигрышные билеты даютъ проценты очень малые; но все-таки держалась ихъ исключительно.

Не одинъ уже разъ, глядя со слезами нѣжности въ глазахъ на своего Епифану, она готова была ввести его въ денежные тайны, даже похвалиться немного своимъ капиталомъ, посулить ему что-нибудь на разживу... Но она все ждала, что онъ первый начнетъ говорить ей про свои нужды.

Но Епифанъ не просилъ у нея денегъ. Про деревню ему приводилось говорить, про то, что оттуда все требуютъ помощи, что онъ „по силѣ возможности“ посылаетъ; но жалованье его извѣстно, а доходы—какіе же?..

Вотъ эти „доходы“ и повели къ объясненію. И тутъ онъ поступилъ такъ, что она его, про себя, великой умницей назвала.

Сидятъ они вдвоемъ, за чаемъ, разговоръ идетъ о кухаркахъ, о жизни у господъ, о тягостяхъ кухонной службы, о плитѣ, о частыхъ головныхъ боляхъ Устиньи. Ея медовый мѣсяцъ съ другомъ дѣлалъ ей кухню и плиту еще постылѣе. Бросила бы

она все это и обзавелась бы своимъ домомъ, да еще при такой умницѣ, какъ ея любезный.

Епифанъ, какъ бы про себя, выговорилъ:

— Жалованья своего вы, чай, не проживете!

Онъ все еще продолжалъ говорить ей „вы“, Устинья Наумовна.

— Извѣстное дѣло, — отвѣтила она и поглядѣла на него вкось.

— А процентъ (онъ произносилъ съ удареніемъ на „про“) превосходить жалованье.

И это онъ сказалъ не тономъ вопроса, а какъ вещь несомнѣнную.

— Ты спрашиваешь, больше ли процентъ супротивъ жалованья?

Вопросъ Устиньи звучалъ уже совсѣмъ задушевно. Тайны она передъ Епифаномъ не хотѣла имѣть.

— Такъ точно, — чуть слышно вымолвилъ онъ и посмотрѣлъ на нее продолжительно.

Въ его взглядѣ Устинья увидѣла, до чего онъ ее довести желалъ.

„Ты, молъ, доходомъ пользуешься безвозбранно; но все-таки ты изъ господскаго кармана не одну сотню въ годъ вынешь этакимъ манеромъ. Я — твой помощникъ по кухнѣ, несу на своихъ плечахъ всю черную работу, знаю очень хорошо, чѣмъ ты пользуешься, и молчу... Такъ не лучше ли будетъ намъ дѣлиться, по честному, безъ всякихъ лишнихъ разговоровъ?“

Все это она нашла во взглядѣ его сѣрыхъ, тихо пронизывающихъ глазъ, и на другой же день сама первая объявила ему, что онъ отъ нея каждый мѣсяцъ будетъ получать то, „что ему слѣдуетъ“.

— У меня жалованье, у тебя — другое, — вразумительно говорила она. — Ты не меньше моего трудишься. Съ моего дохода и тебѣ должна идти доля.

Доля эта была третья, и онъ сталъ ее получать на руки. И такъ онъ былъ растроганъ этимъ „неоставленіемъ“ Устиньи, что только, безъ всякихъ словъ, много разъ на дню прижметъ ее тихонько къ своей груди и глазами обласкаетъ.

Никакихъ у нихъ исторій изъ-за денегъ, ни попрошайства, ни вытягиванья. И ничего она для него изъ провизіи не утаиваетъ. Онъ не лакомка. Когда-когда оставитъ ему кусокъ послаще, и не спрашиваетъ его, куда у него идутъ ея деньги, домой ли отсылаетъ, или на что тратить. Подозрѣній насчетъ гу-

ляноеъ съ женскимъ поломъ, на сторонѣ, у нея нѣтъ. Епифанъ любитъ хорошую одѣжу и купилъ себѣ пиджакъ и шолововую жилетку; но видитъ она, что у него къ транжирству нивакой нѣтъ склонности. Хмельнымъ ни разу не приходилъ. Всѣ имъ въ домѣ довольны — и старшій, и остальные дворники. Устинья сообразила, что онъ ихъ чѣмъ-нибудь ублажаетъ.

„Халды“ — горничныя тоже стали съ нимъ заговаривать, и „Варьва“ куда не прочь была бы „хвостомъ вильнуть“, да онъ съ ними все такъ же себя держитъ, какъ и вновѣ. Полегоньку и онѣ передъ нимъ спасовали, даромъ что онъ вухонный мужикъ.

И сама не можетъ уже распознать Устинья, какъ она любитъ своего Епифану... Всячески любить: и жалѣетъ его, и боится его, и льнетъ къ нему...

И все тошнѣ ей дѣлается стряпня, — цѣлый день возиться и сдерживать себя на людяхъ... Точно она — прикована къ этой плитѣ, а ея возлюбленный — вольный человѣкъ: сегодня тутъ, — завтра взялъ паспортъ, да и утекъ. Не вѣкъ же онъ будетъ оставаться вухоннымъ мужикомъ. А года-то идутъ... Она черезъ пять лѣтъ совсѣмъ старуха; онъ — еще кровь съ молокомъ, только въ возрастъ вступить настоящій, къ тридцати годамъ подойдетъ.

И жаръ выдался ей въ голову отъ всѣхъ этихъ думъ, не меньше, чѣмъ отъ плиты.

V.

О томъ, что у Епифана есть жена, Устинья одно время точно забывала... Вѣдь онъ ей сказывалъ, что жена старше его, женился онъ на ней, не любя ея, считаетъ „ледащей“ бабенкой, къ ней его нимало не тянетъ. Будетъ ей посылать отсюда когда — денегъ, когда — немудрый гостинецъ, съ „аказіей“.

Но чѣмъ глубже забиралась въ душу Устиньи страсть къ Епифану, тѣмъ ей ненавистнѣе дѣлалась самая мысль, что, какъ ни какъ, онъ все-таки женатъ, у него баба есть, и эта баба его законная „супруга“. Можетъ вѣдь и сюда пожаловать, особливо, когда старуха помретъ. Дѣтей у нихъ нѣтъ. Что-жъ она тамъ одна будетъ оставаться?.. Земли малость, пахать некому... Она возьметъ да и явится.

И потомъ, какова бы она тамъ ни была, все-таки она молодая баба. Вѣдь онъ никогда не говорилъ, что она уродина, а только — старообразна. Кто ее знаетъ, — можетъ, теперь раздобрѣла. Ей житье не плохое: Епифанъ помогаетъ семьѣ.

Ходитъ Устинья вокругъ плиты и точно подъ ложечкой у нея

что сверлить. Надо ей дѣлать бешамель къ телятинѣ, а она никакъ тревоги изъ себя не можетъ вытравить. Вотъ сейчасъ совсѣмъ забыла прибавить къ заправкѣ сахару, какъ баринъ любитъ. Прежде у нея всякій соусъ или подливка въ головѣ такъ и выскочить: все, до послѣдней малости, и что послѣ чего положить, и сколько минутъ подержать на огнѣ, и въ какой пропорціи; а тутъ, на такомъ пустякѣ, какъ бешамель, и чуть не сбилась!

Постоянное присутствіе Епифана волнуетъ ее. Онъ никуда почти не отлучается и такъ ловко и скоро справляетъ свою черную работу, что успѣваетъ и ей, по поварской части, помогать. Кое-что онъ зналъ и прежде, а теперь могъ бы уже простой, незатѣйливый обѣдъ и весь готовить. Еслибъ ему подручнымъ въ большую кухню, къ хорошему, ученому повару, изъ него бы и теперь еще вышелъ не плохой кухарь. Но въ немъ нѣтъ настоящей охоты къ этому дѣлу, какъ и въ самой Устиньѣ. Онъ также не любитъ плиты, постоянного жара и чада... И онъ такъ разсуждаетъ, что за поварскую и кухарочную службу— „всякія деньги дешево“. Слыхалъ онъ, что въ отеляхъ и ресторанахъ французамъ, а случается и русскимъ, главнымъ поварамъ, до трехъ тысячъ платять. Врядъ ли бы онъ польстился и на такое жалованье!

Епифана совсѣмъ не туда тянетъ. У него склонность къ промыслу, къ торговлѣ, къ толковому обхожденію съ деньгами. И не такъ, что въ „ламбаръ“ положилъ, да и отрѣзываетъ „вупончики“, а такъ, чтобъ своей собственной головой изъ одной копейки сдѣлать пять и десять въ одинъ годъ.

Устинья, при всей его сдержанности, поняла это, и въ ея головѣ стали роиться мысли все вокругъ того, какъ бы Епифана привязать къ городу окончательно. Деревенскіе порядки ей были довольно извѣстны. До тѣхъ поръ, пока ты въ крестьянскомъ обществѣ числишься—ты закрѣпощенъ. Захочетъ общество, и откажетъ тебѣ въ высылкѣ вида, и могутъ тебя туда по этапу прогнать. Надо Епифана совсѣмъ освободить, чтобъ ни староста, ни волостной писарь, ни старшина, ни мать, ни—главное—жена, не могли держать его въ зависимости отъ деревни.

Спрашиваетъ она его въ тотъ самый день, когда она на бешамель чуть-было не запнулась:

— Епифана, а воли бы у тебя теперь въ карманѣ до тысячи рублей было, ты нешто остался бы въ крестьянствѣ?

Онъ на нее сначала поглядѣлъ, по-своему, снизу, изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ:

— И въ деревнѣ можно, по нынѣшнему времени, многимъ заниматься, — уклончиво отвѣтилъ онъ.

— Однако ты городской, по всему. Ежелибъ, напримѣръ, къ мѣщанскому сословію приписаться?

— Даромъ никто не выпустить. Что-жь о пустомъ говорить!

Слово „пустое“ ее даже обидѣло. Елифанъ какъ будто не могъ сдержатъ досады: „и зачѣмъ-моль ты меня только дразнишь, а серьезнаго ничего въ моемъ положеніи не измѣнишь!“

Это задѣло ее. И захотѣлось ей сейчасъ же доказать ему, что она не на вѣтеръ говорить, а еслибъ онъ не ѣжился и прямо ей свои всѣ сокровенныя желанія выложилъ, она бы освободила его отъ деревни, отъ міра, отъ жены постылой.

Съ жены Устинья и начала.

— Вѣдь я, до сихъ поръ, не знаю, Елифанъ,—заговорила она, степеннымъ, почти суровымъ голосомъ,—въ какихъ ты чувствахъ въ своей фамиліи? Можетъ, ты такъ только говоришь, а между прочимъ для тебя твоя баба—большая привязка, и ты отъ нея и по доброй волѣ не отойдешь.

— Куда же я отойду? Да и зачѣмъ? Пова по городамъ буду жить, кто же меня станетъ тревожить?.. Тамъ вѣдь тоже денга-то нужна, а отъ меня идетъ хорошая благостыня.

— Однако баба твоя—на ногахъ. Дѣтей у васъ нѣтъ. Мать умереть, она и пожалуетъ самолично, подъ тѣмъ предлогомъ, что ей хозяйничать не надъ чѣмъ, а здѣсь она хоша въ стряпухи на извозничій дворъ пойдетъ.

— Безъ моего разрѣшенія этого не будетъ,—спокойно замѣтилъ Елифанъ.

— Все-таки! Вотъ видишь, Елифаша,—она продолжала уже гораздо мягче:—твою судьбу я бы съ великой радостью устроила. Только надо, чтобъ ужъ никто тебя изъ деревни не беспокоилъ.

И они начали разговаривать по душѣ тихо-тихо. Кстатѣ и въ домѣ-то никого не было, кромѣ дѣтей съ гувернанткой, да больной ихъ тетки, а горничныя шили въ комнатѣ, около передней. Устинья прямо его допросила, сколько это будетъ стоить, еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ крестьянскаго сословія. Онъ началъ соображать и сказалъ ей приблизительно сумму. Надо будетъ землицей своей почти-что совсѣмъ пожертвовать. Это бы еще не Богъ вѣсть какая потеря, но, по его разсужденію, вышло, что не стоитъ это дѣлать. Были бы только „настояція“ денги—кто ему мѣшаетъ, чѣмъ хочеть, заниматься въ Питерѣ: въ артель поступить, торговлю отереть, даже и въ гильдію записаться?

Устинья опять упомянула о женѣ.

— Это даже смѣху подобно!—возразилъ Елифанъ, и засмѣялся

немного въ носъ.—Чего же ее бояться? Окажусь я исправенъ насчетъ денежныхъ пособій—и она будетъ сидѣть тамъ, въ Грабилловѣ. Совсѣмъ она не такого характера, чтобъ ее въ столицу тянуло... Какъ есть самая простая баба, права угрюмаго, и опять же привычна къ своему хозяйству—и въ услуженіе, безъ крайней надобности, не пойдетъ.

Такіе доводы все еще не вполне успокоили Устинью.

— Опять же и то взяты,—болѣе спокойно говорилъ ей Епифанъ:—ежели я къ мѣщанству припишусь, она должна, по мнѣ, къ тому же сословію отойти. Такимъ манеромъ она скорѣе теперешняго угодить въ Питеръ. Въ тѣ поры у нея не будетъ уже никакой задержки: избы, хозяйства или землицы. Ко всему этому она приставлена и отчетомъ передо мною обязана. Тогда она за мной, какъ разъ, увяжется. Въ крестьянствѣ ли, въ мѣщанствѣ ли—отъ нея окончательно не отвяжешься; она не сапогъ!—добавилъ онъ, и такъ улыбнулся, что Устинья, въ первый разъ, сдѣлалось не по себѣ—столько было въ усмѣшкѣ его нѣсколько блѣднаго рта тихой „язвы“.

Она примолкла и точно побоялась продолжать дальше этотъ задушевный разговоръ, который сама же вызвала.

Но ей не было уже ходу назадъ. Съ ея амбиціей нельзя, какъ пустой болтунѣ, только раздражить человѣка, а ничего ему не указать существеннаго.

Она должна была это сдѣлать. Разговоръ возобновился и шелъ каждый вечеръ, за чаемъ; она сама возвращалась къ нему. Епифанъ уже въ подробностяхъ узналъ, сколько у нея накоплено экономіи. И онъ самъ сталъ сообщительнѣе насчетъ своихъ желаній и расчетовъ. Да и чего ему было скрывать то, что онъ хоть при небольшомъ капиталцѣ, на первыхъ порахъ, могъ бы приняться за такое дѣло, которое сулитъ всего больше пользы? И онъ такъ при этомъ улыбнулся глазами, что Устинья прочно увѣровала въ то, какъ быстро хотѣлъ разжиться ея „сердешный другъ“.

VI.

До весны они толковали промежъ собой только о своихъ дѣлахъ, расчетахъ и мечтаніяхъ. Полегоньку Епифанъ сталъ разспрашивать Устинью про господъ. Въ барскія комнаты онъ почти-что не былъ вхожъ. Кухонному мужику не полагалось входить туда; развѣ барыня позоветъ, чтобы послать куда-нибудь; въ такихъ случаяхъ она вызоветъ его на темную площадку передъ

столовой. Самоваръ вносили и уносили горничныя. Онъ могъ бы это дѣлать, но барыня не терпѣла запаха смазныхъ сапогъ. Она и полотеровъ съ трудомъ терпѣла, и въ ихъ дни сама уѣзжала всегда со двора. Въ эти дни и Епифанъ иногда призывался помочь въ перетряхиваніи ковровъ или въ установкѣ болѣе грузной мебели. Барину онъ началъ чистить сапоги, галоши, а потомъ и платье; но до себя его баринъ тоже не допускалъ, развѣ когда, по близости, пошлетъ, такъ какъ онъ грамотный и адреса не перепутаетъ.

Но все-таки онъ хорошо ознакомился съ квартирой, расположеніемъ комнатъ и даже, черезъ Устинью и своими наблюдениями, составилъ себѣ вѣрную картину семейства и вообще всей жизни, и отдѣльно о каждомъ человѣкѣ.

Дѣти были какъ дѣти... Одинъ мальчикъ, лѣтъ десяти, и три дочери, тоже все малолѣтки, учатся въ заведеніяхъ, но живутъ дома. Мальчика одного пускаютъ, а дѣвочекъ возятъ въ дурную погоду, а въ хорошую посылаютъ съ одной изъ горничныхъ, съ Олей.

При дѣвочкахъ—гувернантка, мамзель, швейцарка, молоденькая, изъ себя некрасивая и тихая. Отъ нея людямъ никакой обиды нѣтъ, да она и плохо еще понимаетъ по-русски. Родители—мать съ отцомъ—дѣтей любятъ, много тратятъ на ихъ ученье, и на одѣжу, и на книжки, игры всякія; дѣтская комната, гдѣ они занимаются, больше гостиной и полна всякой всячины. Епифанъ разсматривалъ не разъ, что тамъ стоитъ и виситъ по стѣнамъ. Мальчикъ, Петенька, полюбилъ его и кое-о-чемъ ему рассказывалъ, даже маленькую электрическую машину ему заводилъ. Ходитъ къ нему на домъ студентъ, почти каждый день; а къ дѣвочкамъ—русская мамзель и музыкантъ, еще молодой человекъ съ длинными, до плечъ волосами. Баринъ—среднихъ лѣтъ, въ обхожденіи строговать, но его въ домѣ совсѣмъ не слышно, занятъ цѣлый день, и дома, и въ должности своей, въ какомъ-то „Обществѣ“. Знаетъ Епифанъ, черезъ швейцара, что каждый день, въ пятомъ часу, баринъ ѣздитъ на Островъ, на биржу. Стало, денежные дѣла дѣлаетъ, да и кабинетъ у него такой, какіе у денежныхъ людей должны быть—съ конторкой, этажерками и съ желѣзнымъ шкафомъ, привинченнымъ къ полу. Такого шкафа Епифанъ, до того, еще никогда не видалъ. Съ полотерами онъ раза два возился въ кабинетѣ и хорошо этотъ шкафъ осматривалъ. Штука—дорого стоитъ, и они еще тогда, съ однимъ изъ полотеровъ, побалагурили: „что есть-де искусники, и въ такую посудину могутъ проникнуть“.

Насчетъ барыни Епифанъ держался мнѣнія Устиньи: рыхлая, съ болѣзнями, привередлива; въ сущности—ни во что не входитъ; выѣзжать не любить, а къ ней—милости просимъ, пообѣдать и въ карточки — картежница завзятая, а то — по цѣлымъ днямъ лежить на кушеткѣ и книжки читаетъ, кое-когда въ класную заглянетъ и дѣтей больше барина балуетъ.

Въ домѣ много значить сестра барина, пожилая дѣвушка, вся скорченная отъ „болѣстей“, святоша, Евгенія Сильвестровна; у нея своя большая комната съ уборной. Устинья сильно не долюбливала ея и не мало „покумила“ насчетъ ея съ Епифаномъ. Кажется снаружи, что эта ханжа ни во что не выѣшивается, а на дѣлѣ-то она на господъ большое имѣетъ вліяніе, особливо на брата; онъ съ ней обо всемъ совѣтуется, и даже въ выборѣ прислуги ея мнѣнія спрашиваютъ всякій разъ. Она и горничнымъ наставленія читаетъ, чуть что-нибудь ей покажется подозрительнымъ, насчетъ ихъ поведенія. Она же была противъ того, чтобы братъ на кухню мужика, и настаивала на судомойкѣ. И хотя изловить ей не удастся Устинью съ Епифаномъ, но она навѣрное пронюхала, потому что начала какія-то душеспасительныя слова говорить кухаркѣ, когда та съ ней въ корридорѣ встрѣтится. Сама она въ кухню не заходитъ. Случается, что Устинья понесетъ ей, въ комнату, котлетку или куринаго бульону: она частенько съ господами не обѣдаетъ, по болѣзни.

Епифанъ и въ ея комнату попалъ, съ полотерами. И тамъ онъ разглядѣлъ, въ альбовѣ, около самой кровати, въ стѣнѣ, вымазанной свѣтлозеленоватою краской, замочную скважину и ободокъ дверки. Онъ сообразилъ, что и это—шкафикъ для храненія денегъ и цѣнностей, только вдѣланный въ стѣну, а не такъ, какъ въ кабинетѣ барина, въ видѣ настоящаго шкафа, подъ лапъ.

И онъ ее, изъ всего семейства, не жаловалъ. Разъ какъ-то она на него особенно поглядѣла и спросила мягкимъ голосомъ:

— А ты, милый, женатъ?

— Женатъ,—отвѣтилъ Епифанъ и опустил рѣсницы.

— И хорошо живешь съ женой?

— Хорошо, матушка,—отвѣтилъ онъ своимъ совсѣмъ сладкимъ тономъ.

Но старая барышня опять его спросила:

— Давно не былъ въ деревнѣ?

— Третій годъ.

— Ай-ай!..

Больше ничего не сказала, только покачала головой.

Пришла весна. Господа рано собрались на дачу, по финляндской дорогѣ. Дѣвочекъ отпустили изъ заведенія, а мальчику надо было еще доучиться. Тетка, Евгенія Сильвестровна, расхворалась, не опасно, а такъ все-таки, что ей переѣзжать еще нельзя было: въ ногахъ ломота сдѣлалась, и раньше начала іюня докторъ ей не позволялъ перебираться на дачу. При ней и мальчикъ долженъ былъ остаться до конца мая.

Много было толковъ, какъ уладить насчетъ кухарки. Устинья дачу вообще не любила—тамъ работы не меньше, а доходъ совсѣмъ не такой. Разносчики прямо все таскаютъ на барское крыльцо: рыбу, живность, ягоды, масло... Но она утѣшалась тѣмъ, что и Епифанъ переѣдетъ съ ней; онъ тамъ даже нужнѣе, чѣмъ въ городѣ. На полтора мѣсяца подговорили поваренка, за двадцать рублей, а Устинья должна была оставаться при старой барышнѣ прислуживать, и готовить ей и мальчику, да и баринъ будетъ, въ первыя недѣли, наѣзжать въ городъ, по дѣламъ, а тамъ ужъ совсѣмъ переберутся.

Епифана хотѣли-было брать тотчасъ же, но Устинья поговорила съ бариномъ—онъ къ ней благоволилъ за ея мастерство—и представила ему резонъ, что старая барышня нездорова, надо при ней быть неотлучно; кого же послать? Не бѣгать же все за дворниками? Съ ея резonomъ баринъ согласился. Такъ и было сдѣлано.

Переѣздъ назначили на пятое мая. При этихъ хлопотахъ Епифанъ сильно дѣйствовалъ, и барыня дала ему цѣлковый на чай. Можетъ быть, ей „святоша“—Евгенія Сильвестровна—и шепнула что-нибудь про связь кухарки съ кухоннымъ мужикомъ, но она никакихъ придирокъ не дѣлала и не поглядывала на Епифана такъ, какъ та „колченогая“, по выраженію Устиньи.

Остаться одной—на цѣлый мѣсяцъ, полной хозяйкой кухни, провизии и съ „Епифашей“, все это Устинью радовало на особенный ладъ: ей хотѣлось и на „колченогой“ выместить немножко ея „сованье носа“ въ то, что до нея не касается. Усчитывать себя она не дастъ; ей барыня оставила карманныя деньги, а остальное—на книжку у поставщиковъ. Кормить она будетъ ту „колченогую“ какъ слѣдуетъ, но за себя, свое достоинство и сердечныя дѣла—постоять!.. Одиночество „лѣтнаго положенія“ особенно ей придется по душѣ. Съ Епифаномъ ей еще удобнѣе все обсудить—къ осени надо его устраивать по новому. И ей пора бросать тошную плитку!..

VII.

Когда Устинья съ Епифаномъ остались вдвоемъ, точно хозлева квартиры, имъ уже не передъ кѣмъ было хорониться. „Колченогая“ лежала или сидѣла у окна, въ своей спальнѣ, мальчиѣ ходилъ въ гимназію, да и по вечерамъ сидѣлъ больше у одного товарища, готовился къ переходному экзамену. Своего друга Устинья не иначе и вслухъ звала, какъ „Епифаша“ или „Сидорычъ“, въ видѣ шутки. Принесетъ младшій дворникъ дровъ, они его сейчасъ чайкомъ попоятъ; онъ, разумѣется, смекаетъ, что у кухарки съ Епифаномъ большіе лады; и старшій дворникъ объ этомъ „извѣстенъ“, но какая же ему о томъ забота: дѣло самое обыкновенное, держать себя оба благородно, не напиваются, не буянятъ, не ссорятся и никакихъ „охлажденностей“ промежду собою не творятъ. Дворникъ вообще дружить съ Устиньей, и отъ нея ему иногда кое-что перепадетъ изъ провизіи или дешевле ему уступали въ зеленой и въ овощной лавкѣ.

Такъ имъ хорошо стало на просторѣ, что Устинья кажется, ровно она у себя, въ собственной квартирѣ живетъ съ Епифаномъ, полными хозяевами. Въ кухнѣ они мало сидѣли—она имъ обоимъ пріѣлась, а больше все въ горницѣ дѣвушекъ, просторной, въ два окна, гдѣ стояли и господскіе шкафы съ лишнимъ платьемъ.

Въ тотъ самый день, когда господа переѣхали на дачу, Устинья объявила Епифану, что онъ можетъ перебираться ночевать въ квартиру. На это изъявили согласіе баринъ съ барыней. О такомъ распоряженіи она, первымъ дѣломъ, доложила Евгени Сильвестровнѣ. Та поглядѣла на нее съ кислой улыбочкой и выговорила, поморщившись, тотчасъ же затѣмъ:

— Вѣдь внизу швейцарь. Зачѣмъ еще мужчину?.. Отъ нихъ такой дурной запахъ.

Устинья уперлась глазами въ полъ и отвѣтила:

— Такое ихъ было распоряженіе.

Но она все-таки замѣтила у старой дѣвушки особенное движеніе губъ, тонкихъ и синеватыхъ. Ее передернуло.

„Верти не верти носомъ,—зло промолвила про себя Устинья, —а будетъ по моему, и тебѣ, матушка, до этого дѣла нѣтъ!“

Епифану она передала свой разговоръ съ „колченогой“, и они, за чаемъ, промыли ей косточки; больше, впрочемъ, Устинья, а Епифанъ сначала только усмѣхался на ея ядовитыя выходки и, помолчавъ, вдругъ спросилъ ее:

— А что, Устюша, у этой самой барышни должны быть свои собственные деньги?

— Безпрѣмѣнно!

Устинья отвѣтила такъ не наобумъ. Когда она поступила къ этимъ господамъ, вмѣсто Оли жила другая дѣвушка, скромная, лѣтъ за тридцать. Она угодила замужъ и отошла. И въ тѣ три-четыре недѣли, какъ онѣ были еще вмѣстѣ, Катерина ей многое про господъ рассказала, какъ и всегда бываетъ между степенной прислугой, когда одна другую хочетъ обо всемъ разузнать. Старая барышня совсѣмъ не бѣдная. Ей доля немного поменьше досталась, чѣмъ брату. Она была, слышно, въ молодости, недурна собой и музыкантша, и въ каеого-то тамъ музыканта „врѣзалась“ до сумасшествія, такъ что ее чуть ли не въ лечебницѣ держали, никакъ съ годъ. Музыкантъ этотъ былъ женатый, да и померъ, къ тому же, въ скоромъ времени. Тутъ она опять впала въ сильное разстройство; ноги у нея отнялись вдругъ и даже языкъ, и съ тѣхъ поръ она уже поправиться не могла, — состарѣлась и вся согнулась „въ четыре погибели“, — прибавила Устинья отъ себя. Имѣнье она на половину удержала, проживала у брата, на харчахъ, за себя платила; но не больше, какъ рублей семьсотъ въ годъ. Поэтому-то къ ней и уваженіе такое, ровно она бабушка, что наслѣдниками послѣ нея будутъ и баринъ, и прямо—дѣти. Она свободную-то отъ надѣла землю, въ одной деревнѣ, давно продала, да и выкупныя еще получила. Вотъ больше двадцати лѣтъ, какъ она копить. Должно быть, черезъ брата она и деньги въ оборотъ пускала, на биржѣ; можетъ, и подѣ закладныя давала. Изъ дѣтей она „обожаетъ“ мальчика, Петеньку, и нужно полагать, что ему, по крайности, двѣ трети капитала достанутся, а барышнямъ—остальное, барину—по закону та земля, что у нея осталась непроданной, родовая, отъ матери.

Все это выслушивалъ Епифанъ въ глубокомъ молчаніи, и только обтиралъ себѣ, отъ времени до времени, лобъ влѣтчатымъ платкомъ.

— А вѣдь у нея въ стѣну вдѣланъ шкафчикъ нестерраемый, —вдругъ сказалъ онъ глухимъ голосомъ, точно у него что въ горлѣ перехватило.

— Ишь ты!—отозвалась Устинья.

Она объ этомъ шкафчикѣ не знала.

— Самъ видѣлъ.

— Шкафчикъ, ты говоришь? Стало—маленькій?

— Однако, билетовъ можно туда до сотни тысячъ уложить.

Глухой тонъ Епифанова голоса не пропадалъ.

— Коли такъ, — продолжала Устинья и вкусно вытянула остатокъ чая съ блюдечка, — она у себя главный капиталъ, въ этомъ самомъ шкафчикѣ, держать.

— Врядъ ли, — откликнулся Епифанъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой; глаза его были полускрыты и обращены въ сторону. — Господа цѣнные бумаги владуть въ банкъ... въ государственный, — прибавилъ онъ увѣренно, и тутъ только взглянулъ на Устинью.

Отъ этого взгляда ей во второй уже разъ стало жутко.

— Ты нашей сестры не знаешь, — начала она возражать ему: — что меня, кухарку, взять, что барышню такую, да еще старую, колченогую, мы ни въ жисть не положимъ въ банкъ, хоть развѣрнѣйшій онъ будь.

— Сохранѣе быть не можетъ, — возражалъ, въ свою очередь, Епифанъ: — квитанціи тамъ выдаютъ, а бумаги въ жестяныхъ ящикахъ въ подвалахъ со сводами хранятся. Мнѣ, въ трактирѣ, одинъ солдатъ сказывалъ. Онъ на часахъ тамъ стаивалъ, не одинъ разъ, при самой этой кладовой.

Но Устинья не могла уступить ему. Она напирала на то, что „ихъ сестра въ какой ни на есть банкъ“ не отдастъ всѣхъ своихъ денегъ. Она одумалась немного, сообразила что-то и добавила, вся красная отъ чая и овладѣвшаго ею страннаго волненія.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Епифаша... Повѣрь ты мнѣ. Ежели эта дѣвуля даетъ деньги подъ залогъ или черезъ барина на биржѣ афѣрами занимается, то малую часть она ему отдала на храненіе.

— Сундукъ у барина въ кабинетѣ здоровый! — выговорилъ Епифанъ. — Не сдвинуть и двумъ дворникамъ.

— Много тамъ тоже не лежитъ! Барину надобны всегда деньги. Мнѣ швейцаръ пояснялъ, какъ это они тамъ на биржѣ „играютъ“, а остальное, — продолжала Устинья съ увѣренностью, — у нея, въ этомъ шкафчикѣ — и бумаги какія по деревнѣ, и закладныя, и все, все.

— Билеты-то именныя бываютъ, — еще глуше вымолвилъ Епифанъ и отвелъ глаза въ сторону.

— Такъ что-жъ, что именныя?

Она не совсѣмъ ясно разумѣла про то, что онъ ей говорить.

— Вотъ у тебя просто билеты, — объяснялъ Епифанъ чуть слышно, и голосъ его вздрагивалъ: — потеряй ты ихъ сейчасъ или

украдь у тебя кто-нибудь, и ежели номера не записаны, и ты, въ ту-же минуту, не дашь знать по начальству—и пиши пропало! Это все едино, что товаръ или бумажка радужная: вошелъ, значить, къ первому мѣняль, по Банковской линіи или на Невскомъ—и продалъ.

— Быть не можетъ!—вырвалось у нея.

Устинья даже и не подумала никогда о такой близкой опасности—лишиться навсегда своихъ сбереженій.

— Я же тебѣ и говорилъ,—добавилъ Епифанъ:—въ банкъ надо снести на храненіе.

Она промолчала, колеблясь между страхомъ и сомнѣніемъ, а онъ все тѣмъ же, чуть слышнымъ еще голосомъ объяснялъ ей, что есть именныя билеты, гдѣ стоитъ, кто сдѣлалъ вкладъ въ банкъ и на сколько годовъ, и на какіе проценты. У старой барышни всѣ капиталы могли быть въ такихъ именныхъ билетахъ.

Но когда Епифанъ сообщилъ ей, что на такіе вклады въ конторахъ даютъ больше процентовъ, чѣмъ за простые билеты, Устинья опять стала доказывать свое:

— Не знаешь ты нашей сестры! Больше даютъ, слѣдственно и риску больше потерять. Контора лопнетъ. Я, вонъ, малость получаю со своихъ, зато выиграшъ! Безпремѣнно и у барышни не одинъ десятокъ есть такихъ же. Она Петеньку своего обогатить желаетъ.

Съ этимъ доводомъ Епифанъ согласился.

И вдругъ разговоръ у нихъ точно обрѣзало. Они замолчали и поглядѣли другъ на друга.

„Вонъ ты какой дошлый у меня!“—подумала Устинья, и жуткое чувство долго еще не проходило у нея.

VIII.

Старая барышня посиживала себѣ и полеживала въ своей спальнѣ. По другимъ комнатамъ она совсѣмъ и не ходила; слухъ у нея былъ „анаемскій“—все слышала, днемъ ли, ночью ли.

Епифанъ долженъ былъ спать въ передней. Онъ такъ и дѣлалъ, съ вечера; но послѣ полуночи перебирался въ другую половину квартиры.

Не укрылось это отъ „волченогой“. Устинья подавала ей бульонъ съ яйцомъ—любимое ея кушанье; она по своему перевела губами и сказала ей съ удареніемъ:

— Шаги я мужскіе слышу поздно ночью черезъ корридоръ. Пожалуйста, чтобы этого впередъ не было!

Устинья промолчала, только ее въ краску ударило.

Вечеромъ, за чаемъ, она пожаловалась на барышню, передала Епифану ее запретъ.

— По другому дѣлать будемъ, — сказалъ онъ спокойно; но въ глазахъ у него блеснуло.

Они стали разговаривать еще тише, такъ-что ихъ черезъ перегородку и то врядъ ли бы кто услышалъ.

— Да, — говорилъ Епифанъ, и каждое его слово точно отдавалось у нея въ груди, — вотъ такая старушенція — всю ее скрючило, ни на какое она дѣло негодна, только себѣ и людямъ въ тягость — и всѣ передъ ней прыгаютъ изъ-за ея капитала.

— И не подохнетъ въ скорости! — уже съ положительной злостью отозвалась Устинья. — Этакія-то живучі!

— А деньжища-то куда пойдутъ? Мальчику... Кто еще знаетъ, что изъ него прокъ выйдетъ? Хоша бы и не злой человекъ оказался, не распутный; а все же барченокъ, балованный, станетъ себѣ купончики отрѣзывать да въ утробу свою, въ сладкое житіе всаживать.

— Извѣстное дѣло, — подтвердила Устинья, и такъ нестерпимо ей сдѣлалось досадно на эту старую „дѣвку“, которая отъ сонницъ вздумала наблюдать за тѣмъ: всю ли Епифанъ ночь спитъ въ передней... Всякую гадость она способна ей сдѣлать. Только съ господами, до поры, до времени, не хотѣла она ссориться; а то бы она ей отравила житіе до переѣзда на дачу одной ѣдой.

— А какъ вы, Устинья Наумовна, — полусмѣливо началъ Епифанъ, — полагаете: большой грѣхъ былъ бы вотъ такую колченогую достоянія ея рѣшить, хоша бы и совершенно противъ ея желанія?..

Устинья громко разсмѣялась: вопросъ свой Епифанъ задалъ съ тихой, язвительной усмѣшкой, и глаза его досказывали то, что она и сама способна была устроить этой Евгеніи Сильвестровнѣ.

— Рѣшишь! — выговорила она и весело трянула головой. — Постѣ дождичка въ четвергъ!

— Все дѣло рукъ человѣческихъ, — проронилъ онъ и началъ дуть на блюдечко; кусочекъ сахара звонко щелкнулъ у него на крѣпкихъ и бѣлыхъ зубахъ.

Такому обороту разговора Устинья, въ этотъ вечеръ, вполнѣ сочувствовала. Да и что за грѣхъ поболтать о томъ, какъ бы

слѣдовало дѣвулю обчистить „что твою луговку“ и раздѣлить ея деньжища тѣмъ, кто настоящую цѣну имъ знаетъ?

— Вѣдь ты подумай, Епифаша, — мечтала вслухъ Устинья: — на худой конецъ, у нея такихъ билетовъ, какъ у меня — двадцать штукъ найдется... А то и больше.

— Двадцать штукъ — не больно еще какая уйма денегъ, — остановилъ ее Епифанъ, слегка поморщилъ переносицу и въ умѣ сосчиталъ, сколько это будетъ. — Хоша бы и всѣ перваго выпуска — такъ это пять съ чѣмъ-то тысячъ...

— То-то и есть! — разгоралась Устинья: — кладемъ-инь двадцать штукъ... Подержи ихъ въ однѣхъ рукахъ десять лѣтъ, а то и больше — безпремѣнно выигрыши будутъ... Сколько облагодѣтельствовать можно стоящаго народу!

— Въ умѣлы-ихъ рукахъ, — тягуче выговаривалъ Епифанъ, — какихъ-какихъ афѣръ, какихъ оборотовъ!..

Слово „афѣра“ и онъ сталъ употреблять. Но въ пустякѣ мечтанія у него не было охоты вдаваться. Въ ту же ночь, когда и „дѣвуля“ заснула, онъ босивомъ пробрался по корридорчику, мимо двери ея спальни, побесѣдовать съ Устиньей.

Ему не спалось, и онъ сталъ шопотомъ настраивать Устинью уже въ другомъ духѣ.

И съ нея сонъ быстро слетѣлъ, когда она слышала въ его шопотѣ звуки совсѣмъ уже не похожіе на тѣ, какими они, полшутя, полусерьезно, перебирали вопросъ о „кубышкѣ“ старой барышни.

Онъ точно гвоздемъ вбивалъ ей въ голову свои соображенія и не просилъ, а всякіе давалъ ей „резоны“. Ни одного слова не обронилъ онъ зря, на вѣтеръ. Сотни разъ перебралъ онъ въ умной „башкѣ“ и перекидывалъ такъ и этакъ подробности своего плана.

И планъ всталъ передъ Устиньей во всей своей исполнимости. До переѣзда барышни съ мальчикомъ на дачу оставалось уже всего дней десять-двѣнадцать. Въ этотъ промежутокъ и надо было все „произвести“.

У нея ни разу, слушая его, не сосочилъ съ губъ возгласъ: „Епифанъ! Да ты и вправду?“ Она прекрасно понимала, что все это „вправду“.

Чего же имъ ждать лучшей оказіи? — Сразу судьба ихъ вознесетъ до самаго верхняго края. Какія у нихъ деньжонки, еслибы они стали и вмѣстѣ проживать, здѣсь ли, въ Москвѣ, или въ губерніи? „Паршивенькая“ тыщенька рублей!.. И все-таки онъ, Епифанъ, не уйдетъ отъ своего крестьянства. И жена, и

все прочее. На казну они, что ли, посягаютъ, или вотъ какъ касиры всякіе, заправители банковъ, общественное достояніе расхищать будутъ? Колченогая старая дѣвка собирается обогатить барчатъ; а они и отъ родителей будутъ достаточно надѣлены. Можно ли приравнять этихъ барчатъ къ нимъ обоимъ, трудовымъ людямъ? Даже и разговаривать-то объ этомъ стыдно! А потомъ не слѣдъ и жаловаться, коли такую оказію пропустить изъ-за одного своего малодушія.

Все рѣже переводила духъ Устинья. Въ головѣ ея поднялся одинъ вопросъ за другимъ: какъ же „произвести?“ А шопоть Епифана продолжался, ровный, безъ учащенія, показывающій, какъ онъ владѣлъ собой, какъ онъ приготовленъ—хоть сію минуту приступай къ дѣлу.

Барышнѣ надо выказать покорность, поласковѣе съ ней заговаривать, а къ тому дню, какой онъ назначить, она должна — въ чемъ тамъ удобнѣе найдетъ—въ жидкой ли, въ твердой ли пищѣ, подсудобить и колченогой, и барчуку, снотворнаго снадобья. Оно у него готово. А за остальное онъ берется. Шкафчикъ въ стѣнѣ, положимъ, желѣзный; но дверка не можетъ быть черезъ мѣру толста: онъ, извѣстно, справится одинъ, безъ товарища. Въ такихъ дѣлахъ всякій лишній участникъ—пагуба. Хотя бы пришлось проработать и всю ночь, до разсвѣта — все-таки онъ вскроетъ шкафчикъ.

— Совершенно простая штука!—слышитъ Устинья заключительныя слова Епифана.

„А потомъ-то куда?“ — съ замираніемъ сердца спрашиваетъ она мысленно.

И на это есть у него резоны.

Съ большимъ-то капиталомъ, въ случаѣ нужды, черезъ границу перемахнуть моремъ. Ему свазывали добрые люди — въ Турцію ничего не стоитъ перевалить. Тамъ есть русскіе люди. И въ Австріи тоже—къ „столовѣрамъ“; за „липованъ“ себя выдать, обидѣться, гдѣ Богъ пошлетъ, годовъ, другой. Промыселъ начать полегоньку: бахчи, сады фруктовые, рыба, извозъ, судоходство. Нешто одни господа умѣютъ обгаты съ чужой мошной? И лапотники уходятъ, да не то что съ воли, а съ каторги, до пяти разъ.

Устинья ничего не выговорила во всю ночь.

IX.

Плита издаетъ тяжелый, все возрастающій жаръ. Голова Устинья такъ и трещитъ. Она даже опустилась на лавку, взяла голову въ обѣ руки и держала ее, нагнувшись, нѣсколько минутъ.

Бьетъ ей въ виски, колотитъ въ темя, тошнота подступаетъ подъ ложечку.

Второй день у нея, въ сундукѣ, запрятана стьянка со снадобьемъ. Епифанъ молча отдалъ, и только вечеромъ того же дня сказалъ:

— Не зѣвай! Когда скажу—дѣйствуй!..

Какъ же дѣйствовать? Въ чай влить — рисковано. Барышня привередлива и чутка до послѣдней возможности: чуть — не то, что въ чаѣ, а и въ кофе—вкусъ не тотъ—она сейчасъ замѣтитъ и требуетъ все выплеснуть и заново заварить. Мальчикъ еще глотнулъ бы въ чемъ повкуснѣе, въ сливахъ или въ вареньѣ; такъ вѣдь главное-то дѣло не въ немъ, а въ „колченогой!“ И опять же нельзя ихъ опоить или обокормить съ утра. Съ ними дурнота можетъ сдѣлаться, они тревогу подымутъ, мальчикъ къ швейцару побѣжить — и все будетъ изгажено. Вечеромъ пьютъ только чай. Не иначе какъ въ обѣдѣ.—И вотъ она съ утра до ночи ломаетъ себѣ голову: въ какое кушанье всего способнѣе подпустить и въ какой пропорціи. Епифанъ передъ тѣмъ, какъ отдавать ей стьянку, говорилъ:

— Всего не вливай; а такъ съ полстьянки...

А кто доподлинно смѣрилъ? Вдругъ какъ это — ядъ, и оба они больше ужъ не проснутся? Она не рѣшалась предложить такой вопросъ Епифану. Съ той ночи, когда онъ ей открылся —она потеряла всякую волю надъ собой, ничего не смѣетъ ему сказать, даже самое простое.

Ядъ — не ядъ (онъ бы сказалъ, не сталъ бы брать, безъ нужды, такого грѣха на душу), а все-таки надо знать—въ какой пропорціи подлить, чтобы не портило вкусу. Снадобье—темное, запахъ какъ отъ капель, много ни въ какомъ кушанью не подмѣшаешь, чтобы сейчасъ же барышня не насторожилась. Тогда—бѣда! Она этого такъ не оставитъ. Попробовать на языкъ Устинья боится: кто его знаетъ?!.. Вдругъ какъ это ядъ?

Перебирала она въ памяти всякіе соусы, густые, съ крѣпкимъ бульономъ. Барышня ихъ не любитъ, не станетъ кушать. Густыхъ похлѣбовъ, борщу, жирныхъ щей она даже „на духъ“ не подпускаетъ. Чтò же остается?..

Вотъ и въ эту минуту Устиньѣ такъ тяжело на лавкѣ, голова кружится, тошнота все прибываетъ; а въ мозгу одинъ за другимъ проходятъ соуса, подливки, горячія пирожныя, и передъ каждымъ изъ нихъ она мысленно останавливается.

„Нашла!“ — вдругъ выговорила она про себя, и ей стало легче, особенная свѣжая испарина проползла вдоль спины, она подняла голову и встала, прошла по кухнѣ, потомъ подперлась руками въ бока и долго смотрѣла на дворъ, въ открытое окно.

„Нашла!“ — повторила она.

Давно она не готовила пирожного, которое часто подавали у нѣмки-барыни на Острову. Оно — шведское; та ему не то въ Выборгѣ, не то въ Гельсингфорсѣ научилась. Дѣлаютъ его изъ варенья, крыжовника, со сливками. Варенья можно и теперь достать, но оно свѣтлозеленаго цвѣта — не годится, да и барышня скажетъ навѣрно, что слишкомъ сладко, и для желудка тяжело; а сливокъ она, пожалуй, тоже ѣсть не согласится. Пришло Устиньѣ на умъ замѣнить крыжовникъ французскимъ черносливомъ, сдѣлать изъ него родъ каши, на густомъ сиропѣ, со спеціями, а кругомъ, какъ и слѣдуетъ, по шведскому рецепту, полить слегка взбитыхъ сливокъ; къ пюре изъ чернослива припустить немножко, для духу, „помаранцевыхъ“ корочекъ. Это добавленіе она выдумала отъ себя.

Черносливъ барышня очень одобряла въ разныхъ видахъ. Ей хоть каждый день подавай изъ него компотъ, даже безъ всякаго гарнира. Онъ ей служить вмѣсто лекарства. Устинья и предложить на завтра шведское пирожное, только съ пюре изъ чернослива; а о сливкахъ можно и совсѣмъ умолчать. Когда станетъ подавать — если барышня поморщится, она ей скажетъ:

— Для васъ, матушка, только то, что въ середкѣ; а баринъ и сливочки подберутъ.

Такъ выходило прекрасно. Черносливъ, да еще въ густомъ пюре съ корицей, съ подоженнымъ сахаромъ — и еще чего-нибудь слѣдуетъ прибавить для крѣпости, хотя бы ванили кусочка два-три — поможетъ скрыть вкусъ сладобья. Пожалуй, на языкѣ и явится что-нибудь особенное; но уже послѣ того, какъ нѣсколько ложекъ будетъ проглочено; да врядъ ли колченогая разберетъ, при запахѣ ванили и отвкусѣ корицы и другихъ спецій, что есть тутъ что-нибудь „лекарственное“.

Голова уже не трещала. Устинья принялась смѣлѣе заправлять соусъ.

Въ кухню вбѣжалъ гимназистъ. Онъ только-что вернулся изъ классовъ въ парусинной блузѣ и даже рванца еще не снялъ.

— Устюша! — окликнулъ Пета и сзади дотронулся до ея локтя.

— Чтой-то какъ напугали!..

Устинья вздрогнула. Это неожиданное появленіе мальчика въ кухнѣ, какъ разъ, когда она обдумывала шведское пирожное, взволновало ее.

— Чтѣ вамъ, милый баринъ?

Пета былъ красивенькій брюнетикъ, съ глазами немного навыватъ, пухленькій и очень ловкій въ движеніяхъ. Устинья онъ нравился гораздо больше барышень, и она его любила покормить внѣ часовъ обѣда; завтракомъ онъ, кромѣ воскресенья и праздни-ковъ, не пользовался.

— Скоро готово? — спросилъ Пета звонкимъ дѣтскимъ альтомъ и ласково вскинулъ на нее своими выпуклыми близорукими глазами.

— Минуть еще двадцать погодить надо; а то и всѣ полчаса. Да и тетенька раньше не садутъ. Опять же накрыть надо.

— Я самъ накрою.

— Куда ужъ вамъ... Кушать нешто хочется? — съ внезапнымъ волненіемъ спросила она его.

— Ужасно хочется!

Пета даже облизнулся.

— Чего же бы вамъ?..

— Пирожки нынче есть, — увѣренно сказалъ мальчикъ.

— Вы какъ пронюхали? Ловко!

— Пахнетъ пирожками.

Онъ подошелъ къ духовому шкафу и хотѣлъ уже взяться за ручку.

— Горячо! — крикнула Устинья и бросилась вслѣдъ за нимъ. Дайте срокъ... Я сама выну.

Пирожки съ фаршемъ изъ „левера“ подрумянились. Устинья наполовину выдвинула листъ и сняла осторожно два пирожка на деревянный кружокъ.

— Смотрите! Не обожгитесь!..

Но Пета уже запахалъ полпирожка въ ротъ, сталъ попрыгивать и подувать на горячій кусокъ, переваливая его изъ-за одной щеки въ другую.

— Говорила — обожгетесь.

— Ничего!

Онъ уже проглотилъ и принялся за вторую половину.

— Ну, теперь не мѣшайте, баринъ; а то опоздаю.

Но онъ еще медлилъ въ кухнѣ.

— Устюша!

— Чтò угодно?

— Пирожное какое?

— Когда?—невольнò вырвалось у нея, и она даже вся за-
холодѣла.

— Сегодня.

— Царскія кудри для васъ; а барышнѣ особенно—рисъ съ
яблокомъ.

— А завтра?

— Завтра... ужъ не знаю.

Слово „черносливъ“ не шло у нея съ языка.

— Пожалуйста, послаще... съ вареньемъ бы, или сливокъ би-
тыхъ давно не давали!

„Господи! Сливко́въ битыхъ!“ — повторила она про себя; даже
лобъ у нея сталъ чесаться отъ прилива крови, и она держала
низко голову надъ столомъ.

Петя ушелъ и изъ корридора кривнулъ:

— Спасибо, Устюша!

Это „спасибо“ отдалось у нея внутри, точно подъ ложечку
вапнуло холодной водой. Онъ ее же благодарить!.. Не за битыя
ли сливки завтрашнія и за черносливъ?!..

Нѣжныя, пухленькія щеки Пети, его ласковые выпуклыя глаза
мелькали передъ ней... Этакой птенець!.. Много ли ему надо, чтобы
уснуть... и совсѣмъ не пробудиться?

Х.

За полночь. Все спитъ въ квартирѣ. Устинья одна въ ком-
натѣ горничныхъ. Епифана нѣтъ. Онъ въ передней, и до нея до-
ходитъ чуть слышно его храпъ.

Онъ, видно, можетъ спать ровно малый младенець, когда у
него „такое“ на душѣ? Чтò же онъ послѣ того за человѣкъ?
Неужели и впрямь — душегубецъ или грабитель безстыжій, зако-
ренѣлый? И вся-то его кротость и мягкость — только личина одна,
въ родѣ казѣ святочная „хара“, которой обличье прикрываютъ?..

Мечется Устинья; душить ее несносно, и голова работаетъ
безъ усталы.

Теперь уже поздно назадъ пятиться. Сегодня Епифанъ ей
„привазъ“ отдалъ. Такъ и сказалъ:

— „Я тебѣ, Устинья, вотъ каковой привазъ отдаю“.

Завтрашній день выбралъ онъ окончательно, безъ всякихъ отговорокъ. Послѣ-завтра на цѣлыхъ два дня прѣзжаетъ съ дачи баринъ; можетъ, пробудетъ и цѣлыхъ три. Хорошо еще, коли завтра къ вечеру не нагрянетъ. Елифанъ два дня пропадалъ по уговору съ ней—подготовлялъ въ городѣ все, что нужно. Она у него не спрашивала, что именно подготовилъ онъ; а самъ онъ не любитъ лишнее говорить. Вѣдь она уже въ его рукахъ, общница. Стало, должна повиноваться; куда скажетъ идти или ѣхать—туда и поѣдетъ; что прикажетъ дѣлать, то и сдѣлаетъ.

Съ вечера она увязала узелъ съ его и своимъ добромъ. Сундука брать нельзя, даже ежели и ночью выбираться. И съ узломъ-то надо умѣючи обойтись, улучшить минуту, когда у воротъ дворниковъ не будетъ. Билеты свои она зашила въ кусокъ каленкора и повѣсила себѣ на шею, на крѣпкой тесемкѣ. Къ завтрашнему обѣду вся провизія готова и для шведскаго пирожнаго: черносливъ, померанцовая корка, ваниль, корица. Сливки охтенка приносить утромъ. И весь день надо двигаться около плиты, балагурить съ барченкомъ, когда онъ въ кухню забѣжитъ, „улещать“ старую барышню. Та на пирожное согласилась.

Подольетъ она, попробуетъ сама—Елифанъ ее увѣрилъ, что это не ядъ, и даже капли двѣ при ней отпилъ; убѣдится, что вкуса „особеннаго“ отличить нельзя. Все это пускай такъ и произойдетъ. О грабежѣ Устинья не думаетъ. Ей не жаль добра „колченогой“. Да и можно ли ей, бывшей мужичкѣ, подневольному трудовому человѣку, разбирать такія деликатности?.. Что плохо лежитъ изъ барскаго добра, да еще такая уйма денегъ—то и слѣдуетъ брать. Какъ она себя ни стыдила всю эту недѣлю—не содрогается она отъ мысли о кражѣ. Не то ее колышетъ и давить въ эту ночь!.. Хорошо, и старая дѣвуля, и мальчикъ, будутъ беспросыпно лежать, какъ покойники... А вдругъ, въ то время, какъ Елифанъ примется ломомъ вышибать желѣзную дверку—барышня проснется? Что тогда?

„Извѣстно что“,—прошптала почти вслухъ Устинья. Она знала, что ломъ Елифанъ уже приготовилъ, и ломъ—въ кухнѣ, въ углу, между шкафикомъ изъ некрашеннаго дерева и большимъ шкафомъ, гдѣ у нея хранится сухая провизія. Она вышла въ кухню.

Тамъ еще стояла бѣлесоватая мгла петербургской полуночи. Все можно было разглядѣть. Ломъ стоялъ въ томъ же углу. Но ее гвоздилъ другой, болѣе страшный вопросъ:

„На случай того, что барышня не въ-время проснется—неужто Елифанъ покончить съ нею все тѣмъ же ломомъ?.. Нѣтъ, по другому!“

Она стала оглядываться, соображать, быстро подошла къ кухонному шкафику, покрытому толстой доской для раскатыванья тѣста. Отворила она дверку, пошарила тамъ и вынула что-то черное, футляръ. Это были кухонные ножи, счетомъ четыре, весь наборъ, какой продается въ ножовыхъ лавкахъ. Устинья держала ихъ въ чистотѣ, и изъ-за нихъ не мало отъ нея доставалось судомойкамъ.

Одного ножа, самаго большого, недостаетъ. Она вѣрно угадала. Ее проняла сначала чуть замѣтная дрожь. Футляръ съ тремя ножами такъ и остался у нея въ лѣвой рукѣ. Нѣсколько секундъ она стояла по срединѣ кухни—чуть покрываль ея лобъ и шею. И такимъ же ускореннымъ шагомъ пошла она за перегородку, гдѣ ея пустая желѣзная кровать и кованный сундукъ подъ нею. Тамъ она пошарила въ углу, на лавкѣ, гдѣ знала, что Епифанъ клалъ свои вещи. Не разставаясь съ ножнымъ футляромъ, она нащупала въ какихъ-то тряпичахъ взятый имъ большой ножъ, вынула его, чуть не порѣзала себѣ большого пальца, вставила въ ножны и унесла весь наборъ съ собою.

Все ей теперь представилось отчетливо—какъ будетъ дѣло, если паче чаянiя произойдетъ тревога. Другого хода нѣтъ Епифану, какъ всадить барышнѣ ножъ въ горло... Такъ всегда бываетъ—хотятъ грабить не за тѣмъ, чтобы рѣзать; а рѣзнуть по надобности, чтобы не быть пойманнымъ. На крикъ старухи подыметъ мальчижъ. Петенька—смѣлый. Онъ выскочитъ непременно, если только снадобье не свалитъ его вполнѣ. И тогда что?.. А то же... И съ нимъ надо будетъ покончить.

Не ваторга, не ссылка, не судъ и расправа испугали Устинью. Истязать не будутъ ее, пытать въ застѣнѣ, гонять „скрозь строй“, какъ прежде, или вѣшать. Ссылку, работу можно вынести, особливо если сошлютъ въ одной партii съ любимымъ человѣкомъ.

Вспомнились ей деревня, ея дѣвичество, церковь, служба... Ихъ Горки недалеко отъ большого села Богородскаго, гдѣ все кожевники и сапожники, тоже шереметьевскiе, какъ и Грабилово, откуда Епифанъ, и того же самаго барина. Тамъ водились раскольники, и простые старообрядцы, и духоборцы. Одно время хаживала къ нимъ одна солдатка, начетчица, и ее подбивала учиться грамотѣ, по старымъ книгамъ. Но Устинья осталась равнодушной къ ея рѣчамъ. И тогда, и теперь все то же она знаетъ изъ молитвъ: неполныхъ четыре члена „вѣрую“, „достойну“ всю; произносить однимъ духомъ: „Бородица-дѣворадуйся“ въ полной увѣренности, что это одно слово. Ни одинаго раза не поучаль ее—ни батяпопъ, никто изъ семьи, ни старичокъ какой, изъ православныхъ.

Постовъ она держится, въ примѣты, лѣшаго, домового, „шишигу“, до сихъ поръ вѣрить.

Слабый лучъ духовнаго страха мелькнулъ передъ нею. Но ей не за что было схватиться. Губы ея тряслись, какъ въ лихорадкѣ; но не шептали никакихъ молитвенныхъ словъ. Ее держалъ припадокъ тревоги и смутнаго ужаса.

Опять начало ее душить. Она прошла вухней, на ципочкахъ, и длиннымъ корридормъ; остановилась у дверей въ спальню барышни, приложилась ухомъ и слушала... Тихо. Она не можетъ различить дыханія. Но ей не жаль „волченогой“. Кухонный ножъ опять представился ей. Ей больше уже не страшно, никакого нѣтъ въ ней чувства къ этой старой дѣвкѣ, у которой въ шкафчикѣ набиты десятки тысячъ билетами. Пускай и завтра также спитъ, о ту же пору; а проснется— „туда ей и дорога“.

Устинья отошла отъ двери со своенной усмѣшкой своего широкаго рта и стала пробираться назадъ. Но чуть замѣтная полоса свѣта упала изъ полуотворенной двери. Ее точно потянуло туда. Въ комнатѣ Пети окно стояло отвореннымъ. Свѣтъ начинавшейся зари падалъ ему вкось на лицо. Голова откинулась на подушку. Глаза на нее смотрѣли; но онъ спалъ крѣпко, съ полуоткрытымъ ртомъ. Больше трехъ секундъ Устинья не выдержала, шарахнулась и почти бѣгомъ вернулась къ себѣ... Голова мальчика съ перерѣзаннымъ горломъ... и глаза его, выпуклые, большіе, глядятъ на нее... Она бросилась въ постель и закрылась одѣяломъ. Видѣніе не проходило...

Всю ночь не спала Устинья. Еще до пробужденія Епифана, она уже спустилась на дворъ, по черной лѣстницѣ, дождалась восьми часовъ—и пошла въ участокъ.

П. БОВОРЫНИНЪ.

НАБАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Коронѣ не удалось уѣхать изъ города такъ скоро, какъ она думала. Ей надо было послать впередъ фуры съ мебелью, слугъ, лошадей и всю неизбѣжную обстановку деревенской жизни. Наконецъ, когда она была готова двинуться съ мѣста, она получила необыкновенно любезную записку отъ кардинала Антонелли, съ просьбой принять его на другой день въ двѣнадцать часовъ. Отказать было немислимо, и, къ великой досадѣ, она должна была отложить отъѣздъ еще на цѣлыя сутки. Она догадывалась, что великій человѣкъ явится съ какимъ-нибудь порученіемъ отъ святаго отца, и въ ея настоящемъ положеніи всякое вниманіе со стороны Пія IX было вдвое пріятнѣе, какъ для особы, искренно его любившей и почитавшей, — а Пія IX любили и почитали всѣ, кто его зналъ. Кардиналъ также былъ самый любезный и пріятнѣйшій свѣтскій человѣкъ, такъ что Коронѣ трудно было бы объяснить антипатію, которую она къ нему чувствовала. Весьма вѣроятно, что еслибы она понимала роль, какую онъ игралъ въ тогдашней

*) См. выше: мартъ, стр. 180.

великой европейской борьбѣ, то почувствовала бы, по крайней мѣрѣ, къ нему то уваженіе, какого онъ заслуживалъ, какъ государственный человѣкъ. У него были свои пороки, и эти пороки мало пристали кардиналу святой римской церкви. Но нѣкоторые приводили ему въ оправданіе то обстоятельство, что, будучи кардиналомъ, онъ не былъ священникомъ, что практически онъ былъ міряниномъ, личнымъ талантомъ достигшимъ величайшей власти, и пороки, въ которыхъ его обвиняли такъ ожесточенно, прошли бы, да и проходятъ незамѣченными у многихъ великихъ государственныхъ дѣятелей нашихъ и прошлыхъ временъ. Онъ былъ рѣшительный человѣкъ и до послѣдняго издыханія велъ отчаянную и безнадежную борьбу, и велъ ее почти одинъ, — это былъ человѣкъ, яростно ненавидимый многими, ликовавшими, когда онъ умеръ, и оплакиваемый весьма небольшимъ числомъ людей. Но въ 1865 г. его боялись и тѣ, которые пускались въ политику; не принимая же его въ расчетъ, всѣ горько въ томъ раскаиались.

Корона была женщина — и очень молодая. Ей не хватало опытности и знанія людей, чтобы понимать его качества, и она почувствовала къ нему антипатію при первой же встрѣчѣ. Онъ былъ, по ея мнѣнію, слишкомъ вкрадчивъ; она считала его фальшивымъ человѣкомъ. Ей нравился другой типъ людей, болѣе прямыхъ и даже рѣзкихъ. Съ другой стороны, мужъ ея питалъ безграничное и восторженное уваженіе къ кардиналу, и быть можетъ то, какъ Астрарденте восхвалялъ его великіе таланты, косвенно усиливало ея отвращеніе. Тѣмъ не менѣе, когда кардиналъ прислалъ сказать, что желаетъ ее видѣть, она не колебалась ни минуты, и тотчасъ же заявила о своемъ согласіи. Ровно въ тотъ моментъ, какъ пушка на крѣпости св. Ангела возвѣстила, что солнце вступило на меридіанъ, кардиналъ Антонелли вошелъ въ домъ Короны. Она приняла его въ большой гостиной. Свиданіе носило торжественный характеръ. Сама комната, изъ которой убраны были многочисленныя бездѣлушки, казалась холодной и формальной; тяжелыя гардины пропускали мало свѣта; въ каминѣ не было огня. Корона, въ черномъ, была настоящимъ воплощеніемъ траура; ея посѣтитель неслышно подошелъ къ ней по темному ковру.

Выразительное лицо кардинала смягчалось взглядомъ искренняго сочувствія, когда онъ взялъ ее за руку и съ минуту глядѣлъ въ ея прекрасные глаза.

— Я къ вамъ посланникомъ, герцогиня, — мягко сказалъ онъ. — Я пришелъ сказать вамъ, какъ глубоко сочувствуетъ вашей уtratѣ святой отецъ.

Корона почтительно наклонила голову и пригласила кардинала садиться.

— Пропшу вашу свѣтлость передать его святѣйшеству мою искреннюю благодарность за выраженіе его отеческой доброты въ несчастной женщинѣ.

— Я непременно передамъ ваше порученіе, герцогиня, — отвѣчалъ кардиналъ, усаживаясь около нея на одно изъ большихъ кресель, выдвинутыхъ на средину комнаты. — Его святѣйшество обѣщалъ помануть васъ въ своихъ молитвахъ, а я тоже, съ своей стороны, умоляю васъ повѣрить, что вся моя симпатія принадлежитъ вамъ.

— Ваша свѣтлость очень добры, — отвѣчала Корона серьезно.

Казалось бы, что имъ говорить больше не о чемъ: между ними не было дружбы или особенно тѣсной связи; то былъ просто лишь формальный визитъ для выраженія соболѣзнованія, обуславливаемый высокимъ положеніемъ Короны въ обществѣ. Папа прислалъ ей подарокъ на свадьбу; онъ же прислалъ выразить ей свое сожалѣніе по случаю кончины ея мужа. Обмѣна нѣсколькихъ фразъ казалось бы вполне достаточнымъ, и кардиналу пора бы проститься — и дѣлу конецъ. Но кардиналъ былъ слишкомъ хитрый человекъ, слишкомъ тонкій дипломатъ и одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Европы; къ тому же, онъ никогда не упускалъ случая, удобнаго для его цѣлей.

— Ахъ, герцогиня! — сказалъ онъ, складывая руки на колѣняхъ и глядя въ полъ: — въ такихъ горестяхъ, какъ ваша, есть только одинъ Утѣшитель. Для насъ, смертныхъ, тщетно было бы пытаться утолить истинное душевное страданіе. Много есть утѣшеній... но они не для васъ. Для другихъ утѣшеніемъ послужили бы богатство, молодость, красота, дающія право ожидать еще болѣе блестящаго будущаго; но вы позволите мнѣ откровенно сказать вамъ, хотя я васъ и мало знаю, что я не думаю, чтобы все то, чѣмъ вы обладаете въ такомъ изобиліи, могло ослабить вашу печаль.

— Для меня нѣтъ утѣшенія, — прошептала Корона: — а со всѣмъ одинока.

— Вы не изъ тѣхъ, которыя находятъ утѣшеніе въ свѣтскомъ величіи, — продолжалъ кардиналъ. — Но я видѣлъ женщинъ молодыхъ, богатыхъ и красивыхъ, которыя съ удивительнымъ спокойствіемъ переносили свою потерю. Молодость — такая сила, тѣмъ паче богатство, а красота — это такая власть въ мірѣ, что всѣ эти три условія, вмѣстѣ взятая, непреодолимы. Многія молодыя вдовы не стыдятся думать о вторичномъ замужествѣ, когда

ихъ мужъ всего лишь мѣсяцъ какъ умеръ. И, право же, онѣ вѣвають не всегда дурными женами. Женщина, которая рано вышла замужъ и рано лишилась мужа, имѣетъ большую опытность, большее знаніе людей. Многія находятъ, что не въ правѣ растрачивать сокровища, дарованныя имъ, въ печальномъ уединеніи. Богатство дается затѣмъ, чтобы его тратили, и, быть можетъ, многія изъ молодыхъ вдовъ считаютъ, что лучше сдумѣютъ воспользоваться своимъ богатствомъ въ обществѣ молодого мужа. Это весьма возможно; я не могу объ этомъ судить. Мы живемъ въ такіе дни, когда надо пользоваться всякаго рода силой, и, быть можетъ, никто ни на минуту не долженъ былъ бы уклоняться съ поприща, на которомъ происходятъ такіа великія битвы. Но одинъ пользуется своею силой разумно, а другой—безразсудно. А сдѣлать можно такъ много!

— Какимъ образомъ?—спросила Корона.—Ну, вотъ я, на примѣръ, богатая, одинокая и праздная женщина... и прежде всего очень несчастная. Чтѣ я могу сдѣлать? Я бы желала, чтобы мнѣ это указали; я бы постаралась выполнить.

— Ахъ! я говорилъ не про васъ, герцогиня. Вы слишкомъ благородная женщина, чтобы скоро утѣшиться. И со всѣмъ тѣмъ, хотя вы и не можете найти утѣшенія въ своемъ великомъ горѣ, однако есть вещи, которыя вамъ доступны, и которыя вы можете исполнить, сознавая, что этимъ дѣлаете честь своему покойному мужу и себѣ. У васъ есть большія помѣстья, вы можете улучшить ихъ, въ особенности вы можете улучшить бытъ вашихъ крестьянъ и укрѣпить ихъ вѣрность вамъ и государству. Найдется не одна деревня въ вашихъ владѣніяхъ, гдѣ вы можете завести школу, выстроить больницу, провести дорогу, словомъ что-нибудь, чтѣ дало бы работу бѣднымъ, а по окончаніи послужило имъ на пользу. Около Астрарденте, въ особенности, жители очень бѣдны; я хорошо знаю эту мѣстность. Въ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ вы можете совсѣмъ перемѣнить положеніе дѣлъ, а затѣмъ вернетесь на будущую зиму въ Римъ. Если вы захотите, то все общество будетъ у вашихъ ногъ. Вы можете сдѣлать изъ своего дома центръ для новой партіи, старѣйшей партіи изъ всѣхъ существующихъ, но она покажется здѣсь новой. У васъ нѣтъ центра. Нѣтъ *салона* въ хорошемъ, старинномъ значеніи этого слова; нѣтъ дома, куда бы неудержимо привлекалось все умное, все властное, все вліятельное. Создать такого рода центръ было бы, кажется мнѣ, достойнымъ дѣломъ. Вы бы окружили себя талантливыми людьми; у васъ сходились бы люди, которымъ негдѣ встрѣчаться; вы бы дали толчокъ обществу, рас-

падающемуся отъ бездѣйствія. Вы бы стали силой, настоящей силой, не только въ Римѣ, но и въ Европѣ. Вы бы могли превратить свой домъ въ знаменитый центръ въ Римѣ, откуда все хорошее и доброе отражалось бы во всѣ концы свѣта. Все это вы бы могли сдѣлать, несмотря на свое вдовство и безъ обиды для памяти человѣка, который вамъ такъ дорогъ.

Корона серьезно поглядѣла на кардинала, раскрывавшаго передъ ней такія перспективы. То, что онъ говорилъ, казалось вѣрно и прекрасно. Оно открывало передъ ней такой широкій горизонтъ, о какомъ ей и не грезилось полчаса тому назадъ. Особенно привлекательнымъ ей показался планъ улучшенія помѣстій и быта поселенныхъ на нихъ людей.

— Я думаю, что вы правы, — сказала она. — Я умру, если буду пребывать въ праздности.

— Я знаю, что я правъ, — отвѣтилъ кардиналъ тономъ глубокаго убѣжденія. — Но я не предлагаю вамъ все это какъ законченную и неизмѣнную программу. Я вовсе не желалъ бы, чтобы вы сочли, что я навязываю вамъ какую-нибудь систему или вообще желаю руководить вами. Я просто думаю вслухъ. Я очень счастливъ, если мысли мои вамъ понравились... если я могу сказать что-нибудь, что хотя на минуту заставитъ васъ забыть вашу печаль. Я не утѣшеніе предлагаю вамъ; я не священникъ, но человѣкъ дѣла; и я дѣло предлагаю вамъ, не какъ средство для утоленія печали, но потому, что нахожу, что всѣ мы обязаны дѣйствовать для доброй цѣли. Изъ вашихъ крестьянъ многие находятся въ бѣдственномъ положеніи; вы можете спасти ихъ и сдѣлать счастливыми, хотя бы сами и не почувствовали себя отъ того счастливой. Наше общество распадается, гоняясь за чужеземными богами, и главное за m-me Майеръ и ея „lages“ и „renates“: юнымъ Вальдэрно и дель-Фериче; въ вашей власти оживить общество или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать восстановленію общественнаго равновѣсія. Я говорю: сдѣлайте это, если хотите, потому что это будетъ доброе дѣло. Во всякомъ случаѣ, пока вы будете проводить дороги и открывать школы въ Астрарденте, вы можете обдумать свой дальнѣйшій образъ дѣйствія. А теперь, дорогая герцогиня, я слишкомъ долго задерживаю васъ. Простите, если я утомилъ васъ; меня занимаютъ великія вещи, и я не могу не говорить о нихъ, хотя говорю скучно и вяло. Разсчитывайте всегда на мое содѣйствіе, если оно вамъ понадобится. Потерпите, если даже я и скученъ, потому что я былъ другомъ того, кого мы оба оплакиваемъ.

— Благодарю васъ, вы внушили мнѣ добрыя мысли,—сказала Корона просто.

Итакъ, важный кардиналъ всталъ и простился съ нею. И снова Корона осталась одна. Что касается кардинала, то ему сегодня предстояло еще одно свиданіе, о которомъ онъ думалъ съ особеннымъ интересомъ. Анастасій Гуашъ долженъ былъ пріѣхать снимать съ него портретъ, а Анастасій казался ему человекомъ любопытнымъ. Молодой французъ, вѣроятно, удивился бы, узнавъ, какъ зорко за нимъ слѣдили, потому что онъ былъ скромный человекъ и не придавалъ себѣ большого значенія. Онъ позволялъ доннѣ Тулли и ея друзьямъ навѣщать свою студию, когда имъ вздумается, слушалъ ихъ пустую болтовню и по временамъ самъ вмѣшивался въ разговоръ, предоставляя имъ думать, что онъ имъ симпатизируетъ, только отъ того, что его собственные убѣжденія еще не были составлены. Для него было выгодно писать портретъ донны Тулли, потому что, благодаря этому, онъ становился моднымъ живописцемъ, и ему нисколько не казалось зазорнымъ поддакивать ей, до тѣхъ поръ, пока у него самого не было никакихъ твердыхъ убѣжденій. Она и ея компанія смотрѣли на него какъ на безвреднаго мальчика, а на его студию—какъ на удобное мѣсто для сборищъ, и въ благодарность за это патронировали его въ обществѣ и распространяли о немъ слухъ, какъ о многообщавшемъ живописцѣ. Но великій кардиналъ видѣлъ его раза два, три, и ему понравилось тонкое, умное лицо Анастасія и его скромныя манеры. Онъ наблюдалъ за нимъ и заставлялъ другихъ наблюдать, и интересъ его возрасталъ, пока, наконецъ, онъ не задумалъ заказать юному живописцу свой портретъ. Сегодня былъ день, назначенный для перваго сеанса, и когда кардиналъ вернулся къ себѣ на квартиру, на вативанскую высь, онъ нашелъ Анастасія Гуаша, дожидавшагося его въ небольшой передней.

Первый министръ занималъ далеко не роскошное помѣщеніе: четыре комнаты всего-на-всего; первая—упомянутая передняя, ничѣмъ не обитая, съ голыми стѣнами и поломъ, съ тремя деревянными скамьями; удобный кабинетъ, весь уставленный полками съ книгами, съ полудюжиной вресель и письменнымъ столомъ, на которомъ стояло Распятіе и чернильница; затѣмъ шла спальня и небольшая столовая—вотъ и все. Ящики въ столѣ и въ книжныхъ шкафахъ содержали корреспонденцію, которая могла удивить Европу, и коллекцію драгоценныхъ камней, не имѣющую себѣ равныхъ. Но на взглядъ въ ней не было никакихъ

украшений, если не считать прекраснаго бюста Пиа IX-го на мраморномъ пьедесталѣ, въ углу комнаты.

Гуашъ послѣдовалъ за великимъ человѣкомъ въ его кабинетъ. Онъ былъ удивленъ простотой этого покоя; но она ему нравилась, да и самъ кардиналъ также. Съ предчувствіемъ истиннаго художника онъ предвидѣлъ, что напишетъ удачный портретъ.

Кардиналъ перебиралъ какія-то бумаги, пока живописецъ, молча, дѣлалъ свои приготовленія.

— Ваша свѣтлость готовы? — спросилъ Гуашъ.

— Къ вашимъ услугамъ, мой другъ, — отвѣчалъ мягко кардиналъ. — Какъ мнѣ състь? Портретъ вы будете писать en face, не правда ли?

— Всенепремѣнно. Прошу васъ, сядьте вотъ такъ; прекрасно. Освѣщеніе теперь очень хорошо, но немного позже намъ помѣшаетъ солнце. Я набросаю абрисъ углемъ, и ваша свѣтлость будете судьей.

— Именно, — отвѣтилъ кардиналъ: — вы нарисуете чорта чернѣе, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.

— Чорта? — повторилъ наивно Гуашъ, приподнимая брови съ слабой усмѣшкой. — Я не зналъ...

— А прожили въ Римѣ уже четыре года!

— Я очень остороженъ. Никогда не слушаю ничего худого про тѣхъ, съ кого долженъ писать портретъ.

— У васъ очень благовоспитанный слухъ, monsieur Гуашъ. Я боюсь, что еслибы мнѣ пришлось побыть въ вашей студіи, когда вы снимаете портретъ съ донны Тулліи, я услышалъ бы странныя вещи. А вы пропустили ихъ мимо ушей?

Гуашъ помолчалъ съ минуту. Его не удивило, что всевѣдущій кардиналъ зналъ о томъ, что происходило въ его студіи, но онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на великаго человѣка, прежде чѣмъ отвѣтитъ. Маленькіе сверкающіе глаза кардинала глядѣли на него съ безстрашіемъ человѣка, сознающаго свое превосходство.

— Я помню только хорошее про васъ, ваша свѣтлость, — сказалъ, наконецъ, живописецъ со смѣхомъ и приступилъ къ работѣ.

Слова, только-что услышанныя имъ, до смерти перепугали бы м-ше Майеръ и, быть можетъ, обратили бы въ бѣгство дель-Фериче, который утратился бы за свою жизнь. Даже добродушный и легкомысленный Вальдэрно былъ бы испуганъ; но Анастасій былъ другого рода человѣкъ. Его дѣдъ помогалъ брать приступомъ Бастилію; его отецъ былъ въ числѣ борцовъ 1848 г.; въ его жилахъ текла революціонная кровь, и онъ съ безоши-

бочнымъ инстинкетомъ умѣлъ отличить дѣйствительный заговоръ отъ призрачнаго, какъ ищейка умѣетъ отличить слѣдъ человѣка отъ слѣда звѣря. Онъ смѣялся надъ донной Туллией, не довѣряя дель-Фериче, и до нѣкоторой степени понималъ кардинала. И кардиналъ понималъ его также и интересовался имъ.

— Вы хорошо дѣлаете, что не помните ихъ болтовни. Она не дѣлаетъ мнѣ вреда и доставляетъ имъ удовольствіе. Но васъ, кажется, не удивляетъ, что мнѣ все извѣстно? У васъ крѣпкіе нервы, monsieur Гуашъ.

— Само собой разумѣется, что ваша свѣтлость можете завтра же выслать меня изъ Рима, — сказала Гуашъ хладнокровно. — Но тогда портретъ вашъ не будетъ оконченъ.

— Да; а это было бы очень жалко. Но другіе... какъ вы мнѣ посоветуете поступить съ ними? — спросилъ кардиналъ, въ глазахъ котораго выразалось лукавое удовольствіе.

— Если подъ „другими“ ваша свѣтлость разумѣете моихъ пріятелей, то могу увѣрить васъ, что никто изъ нихъ не причинитъ вамъ ни малѣйшаго неудобства.

— Я думаю, что вы правы; ихъ желаніе насолить мнѣ далеко не соотвѣтствуетъ ихъ умѣнью. Не такъ ли?

— Съ дозволенія вашей свѣтлости, — сказала Гуашъ, внезапно вставая и кладя уголь, — я опущу стору. Солнце начинаетъ мѣшать.

Онъ вовсе не намѣренъ былъ отвѣчать на какіе бы то ни было разспросы. Если кардиналъ зналъ о сходкахъ на Via San Basilio, то не по его, Гуаша, винѣ; дальнѣйшихъ же свѣденій онъ отъ него, конечно, не получить. Государственный человѣкъ ожидалъ этого, и нисколько не удивился молчанію молодого человѣка.

— Одинъ изъ этихъ господъ, во всякомъ случаѣ, надолго обезоруженъ, — замѣтилъ онъ. — Я жалѣю, что это такъ случилось.

— Вашей свѣтлости легко было помѣшать дуэли.

— Я ничего о ней не зналъ, — отвѣчалъ кардиналъ, зорко глядя на Анастасія.

— И я также, — простодушно отвѣтилъ тотъ.

— Вы видите, я не такой всевѣдущій, какъ обо мнѣ думаютъ.

— Это очень жаль, — замѣтилъ Гуашъ. — Для бѣднаго дель-Фериче лучше было бы, еслибы его убили наповаль. Тѣмъ бы дѣло и кончилось.

— А теперь?..

— Теперь дель-Фериче будетъ натурально исцѣлять случая отомстить.

— Судя по вашимъ словамъ, можно подумать, что вы дружны съ дономъ Джіованни.

— Нѣтъ, я едва съ нимъ знакомъ. Но онъ мнѣ нравится. У него такая прекрасная голова. Мнѣ было бы жаль, еслибы съ нимъ случилось что худое.

— Вы считаете дель-Фериче способнымъ умертвить его?

— О, нѣтъ! но онъ можетъ надѣлать ему хлопотъ.

— Не думаю, — задумчиво проговорилъ кардиналь. — Дель-Фериче боялся: а что какъ Джіованни женится на доннѣ Тулли и помѣшаетъ ему самому жениться на ней. Но теперь Джіованни и не подумаетъ объ этомъ.

— Нѣтъ; я думаю, что донъ Джіованни женится на герцогинѣ д'Астрарденте.

— Разумѣется, — отвѣчалъ кардиналь.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Гуашъ усердно рисовалъ, дивясь, про себя, интересу, съ какимъ великій человѣкъ относился къ подробностямъ римской общественной жизни. Кардиналь думалъ о Коронѣ, которую видѣлъ полчаса тому назадъ, и соображалъ о выгодахъ, какія могутъ произойти отъ ея брака съ Джіованни Сарачинеска. Онъ имѣлъ-было въ виду для нея одного свѣтлѣйшаго князя, котораго пріятно было бы привлечь на свою сторону и денежныя обстоятельства котораго не были настолько блестящи, чтобы состояніе Короны не оказало магической притягательной силы. Но, съ другой стороны, у кардинала не было подъ рукою другой свѣтлѣйшей нягини для Джіованни, и онъ боялся, какъ бы тотъ, въ концѣ концовъ, не женился на доннѣ Тулли и не перешелъ въ противный лагерь.

— Вы уроженецъ города Парижа, monsieur Гуашъ? — спросилъ кардиналь, наконецъ.

— Самый парижскій парижанинъ, ваша свѣтлость.

— Какъ можете вы такъ долго жить въ изгнаніи? вы уже года четыре какъ уѣхали изъ Парижа, не правда ли?

— Мнѣ теперь удобнѣе жить въ Римѣ. Современемъ я вернусь въ Парижъ. И тогда пріятно будетъ вспомнить, что я видѣлъ Римъ въ настоящую эпоху. Друзья пишутъ мнѣ, что въ Парижѣ весело, но не особенно пріятно живетъ.

— Вы думаете, что вскорѣ отъ нашей эпохи останется одно только воспоминаніе?

— Самъ не знаю, что думать. Времена какія-то неустойчивыя, какъ и мои идеи. Мнѣ говорили, что ваша свѣтлость укажете мнѣ, во что вѣрить.

Гуашъ пріятно улыбнулся и взглянулъ на кардинала.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Донъ Джіованни Сарачинеска.

— Но мнѣ надо, однако, знать, каковаго рода ваши идеи. Гдѣ вамъ сказалъ это донъ Джіованни?

— На балѣ у князя Франджипани. Онъ только-что разговаривалъ съ вашей свѣтлостью, и, можетъ быть, это и привело его къ нѣкоторымъ заключеніямъ.

— Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, мнѣ лестно, что онъ такого обо мнѣ мнѣнія. Быть можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ могу помочь вамъ разобраться въ идеяхъ. Каковаго рода ваши мнѣнія, или, лучше сказать, каковаго рода желали бы вы, чтобы онѣ были?

— Я ревностный республиканецъ,—сказалъ Гуашъ смѣло.

Требовалась недюжинная храбрость, чтобы заявить объ этомъ воплощенной главѣ реакціонной политики нашего времени... и въ стѣнахъ Ватикана, и въ какихъ-нибудь ста ярдахъ отъ частныхъ покоевъ его святѣйшества. Но кардиналъ Антонелли вротко улыбнулся и нисколько, повидимому, не оскорбился.

— Республиканство чрезвычайно неопредѣленное слово, по-ііеіег Гуашъ,—сказалъ онъ. — Но съ какими же другими идеями желаете вы примирить свое республиканство?

— Съ идеями, которыя проповѣдуетъ церковь. Я добрый католикъ и желаю имъ остаться... по правдѣ сказать, я и не могу перестать имъ быть.

— Христіанство—вотъ, по крайней мѣрѣ, вполне опредѣленное понятіе, — отвѣтилъ кардиналъ, который, говоря правду, былъ немного удивленъ сопоставленіемъ этихъ двухъ понятій.— Во-первыхъ, позвольте мнѣ вамъ замѣтить, мой другъ, что христіанство—чистѣйшая республиканская форма, какую только видалъ міръ, и что поэтому отъ вашего здраваго смысла зависитъ такъ примирить эти двѣ идеи, чтобы онѣ составили одно неразрывное цѣлое.

Гуашъ, въ свою очередь, былъ удивленъ этимъ объясненіемъ.

— Боюсь, что долженъ попросить вашу свѣтлость разъяснить мнѣ ваши слова. Я не подозрѣвалъ, что христіанство и республиканство—одно и то же.

— Республиканство,—продолжалъ государственный человѣкъ,—неопредѣленный терминъ, выдуманный въ тщетной попыткѣ выразить однимъ словомъ ту массу невыразимаго безпорядка, возникшаго въ наше время, вслѣдствіе сліянія социалистическихъ идей съ идеями чисто-республиканскими. Если вы говорите въ этомъ духѣ, то должны точно опредѣлить свое отношеніе къ социализму и къ чистой теоріи общаго блага. Если же вы гово-

рите о реальной республикѣ, извѣстной формѣ правленія, какъ, напримѣръ, древняя римская, голландская или американская, то я понимаю безъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Я, конечно, разумѣю чистую республику. Я считаю, что при чистой республикѣ общее благо осуществится само собой.

— Прекрасно, мой другъ. А теперь, что касается первыхъ христіанъ, то назовете ли вы ихъ общины монархическими, олигархическими или аристократическими?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Слѣдовательно, остаются еще двѣ системы: демократія и іерархія. Вы, вѣроятно, скажете, что первые христіане управлялись послѣднимъ способомъ... что на дѣлѣ они управлялись священниками. Но, съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ, которые управляли, и тѣ, которыми управляли, владѣли всѣмъ сообще, не считали ни одного человѣка по природѣ выше другого, и проповѣдывали братство и равенство, во всякомъ случаѣ, не менѣе искреннее, чѣмъ то, какое насаждала первая французская республика. Я не вижу, какъ вы избѣгнете того, чтобы не назвать такую общину республиканской, въ виду равнаго распредѣленія въ ней благъ, и демократической, въ виду того, что члены ея называли другъ друга братьями.

— Но іерархія—при чемъ она тутъ?

— Іерархія существовала среди демократіи по общему согласію и ради общаго блага, и образовала вторую демократію, меньшую по объему, но большую по власти. Каждый человѣкъ могъ сдѣлаться священникомъ, каждый священникъ могъ стать епископомъ, каждый епископъ могъ быть папой, подобно тому, какъ каждый гражданинъ Рима могъ сдѣлаться консуломъ, или каждый уроженецъ Нью-Йорка можетъ быть избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ теоріи это великолѣпно, а на практикѣ демократическій духъ іерархіи, болѣе тѣсная республика, дожила, не утративъ своей силы, до нашихъ дней. По первоначальной христіанской теоріи, весь міръ долженъ былъ бы быть теперь одной обширной республикой, въ которой всѣ христіане звали бы другъ друга братьями и поддерживали бы одинъ другого какъ въ мірскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ. Среди этого существовала бы меньшая іерархическая республика съ общаго согласія, какъ выборное учрежденіе, набирающее своихъ членовъ изъ болѣе республики, какъ это дѣлается и теперь; избирающее своего главу, святѣйшаго первосвященника, какъ это дѣлается и теперь, правителемъ церкви и государства, вполне пригоднымъ для этого положенія, по той простой причинѣ, что въ общинѣ,

организованной и существующей на такихъ основаніяхъ, въ силу истинной и всеобщей христіанской любви къ религіи, лучшіе люди будутъ вступать въ церковь и, въ концѣ концовъ, попадать на папскій престолъ.

— Ваша свѣтлость излагаете это дѣло весьма убѣдительно. Но почему перестала существовать большая республика, долженствовавшая содержать въ себѣ меньшую? или, вѣрнѣе сказать, почему она не осуществилась?

— Потому, что человѣкъ еще не выполнилъ своей части въ великомъ договорѣ. Дѣло скрывается въ скорлупѣ. Люди, вступающіе въ церковь, достаточно умны и хорошо образованы, чтобы понимать выгоды христіанской демократіи, братства, солидарности и братской любви. Поэтому республика церкви жива и будетъ жить во вѣки. Но, съ другой стороны, у людей, образующихъ большинство, не хватаетъ ни ума, ни образованія, чтобы понять, что демократія есть окончательная форма правленія; вмѣсто того, чтобы образовывать союзы, они распадаются на враждебныя партіи, величая себя націями и выискивая всякіе предлоги, чтобы истреблять и грабить другъ друга, зачастую даже обращаясь противъ самой церкви. Церковь, безъ сомнѣнія, дѣлала ошибки въ исторіи, но въ цѣломъ она благородно выполнила свой контрактъ и собираетъ плоды своей вѣрности въ той силѣ и единствѣ, какія выказываетъ послѣ восемнадцати столѣтій. Человѣкъ, съ другой стороны, не исполнилъ своего долга, и вслѣдствіе этого всѣ человѣческія племена страдаютъ отъ своихъ злодѣяній; націи возстаютъ другъ на друга, и каждая нація представляетъ домъ раздѣлившійся, который рано или поздно погибнетъ.

— Но, — замѣтилъ Гуашъ, — допустимъ, что все это справедливо: вашу свѣтлость постоянно уверяютъ въ реакціонной политикѣ. Развѣ она согласуется съ этими взглядами?

Гуашъ считалъ этотъ вопросъ непреодолимымъ и, задавъ его, тщательно принялся за карандашъ, стараясь уловить выраженіе лица кардинала и передать его тому образу, который онъ набрасывалъ.

— Ничего нѣтъ легче, мой другъ, — отвѣчалъ государственный человѣкъ. — Республика церкви доведена до крайности. Мы находимся на военномъ положеніи. Ради силы, мы должны держать себя такъ твердо, что въ настоящее время можемъ думать только о сохраненіи старинныхъ традицій, не мечтая о прогрессѣ и не теряя времени на эксперименты. Когда мы предотвратимъ бурю, мы найдемъ досугъ, чтобы усовершенствовать то, что нуждается въ усовершенствованіи. Не думайте, что если я проживу еще

двадцать лѣтъ, то буду совѣтовать то самое, что совѣтую теперь. Мы теперь воюемъ, и намъ некогда думать о мирныхъ искусствахъ. Но когда-нибудь у насъ наступитъ миръ. Въ борьбѣ мы лишимся одного или двухъ орнаментовъ своего одѣянія, но тѣло наше останется неповрежденнымъ, и въ мирное время наши орнаменты возвращены намъ будутъ сторицею. Но теперь—война и слухи о войнѣ. Большая разница между идеальной республикой, о которой я говорю, и реальной анархией и смутой, которыя являются результатомъ того, что вы называете республиканствомъ.

— Другими словами, еслибы на церковь перестали нападать, ваша свѣтлость немедленно отказались бы отъ реакціонной политики и приняли бы прогрессивныя идеи?

— Немедленно.

— Понимаю. Пожалуйста, повернитесь чуть-чуть во мнѣ, чтобы мнѣ видѣть другой глазъ. Благодарю васъ, такъ отлично.

II.

Когда дель-Фериче настолько оправился отъ ранъ, чтобы быть въ состояніи выслушивать новости дня, что произошло спустя три недѣли послѣ дуэли, онъ узналъ, что Астрарденте умеръ, что герцогиня наследовала его состояніе и готовится уѣхать изъ Рима.

Трудно сказать, какимъ образомъ извѣстіе объ ея подготовляющемся отъѣздѣ разнеслось по городу; быть можетъ, то были смѣтливныя догадки досужихъ сплетниковъ, а можетъ быть горничная герцогини проболталась объ этомъ другимъ горничнымъ; какъ бы то ни было, когда дель-Фериче услышалъ объ этомъ, то заскрежеталъ зубами, лежа въ кровати, и повялся, что еслибы только въ его власти было помѣшать этому отъѣзду, то онъ бы это сдѣлалъ. По его мнѣнію, разлука Короны съ Джіованни — вещь опасная, такъ какъ дастъ возможность доннѣ Тулли преслѣдовать свои матримоніальные планы.

Конечно, Джіованни ни за что не женится на m-me Майеръ теперь, когда онъ можетъ жениться на Астрарденте. Но сама-то m-me Майеръ не перестанетъ имъ интересоваться, а это невыгодно для личныхъ цѣлей дель-Фериче. Не слѣдуетъ упускать ни единого благоприятнаго шанса, созданнаго смертью старика герцога. Джіованни слѣдуетъ поторопиться съ женитьбой на Коронѣ; будетъ затѣмъ время отомстить ему за ужасную рану, которую такъ трудно излечить.

Жаль, что дель-Фериче и донна Туллія не были союзниками, потому что если м-ше Майеръ ненавидѣла Корону д'Астрарденте, то Уго дель-Фериче ненавидѣлъ такъ же отчаянно Джіованни Сарачинеска, не только за то, что онъ такъ жестоко обошелся съ нимъ во время дуэли, навлеченной Уго на себя собственной низостью, но и за то, что донна Туллія любила Джіованни и хотѣла выйти за него замужъ. Очевидно, наилучшимъ дѣломъ было бы поселить между ними недоразумѣніе; но съ Джіованни опасно шутить, такъ какъ онъ держитъ его въ своей власти тѣмъ, что всегда можетъ рассказать о непріятной сценѣ въ теплицѣ. Сарачинеска занималъ высокое положеніе въ обществѣ и славился своей честностью; всѣ повѣрятъ ему, а не дель-Фериче, если исторія разгласится. Значитъ, объ этомъ нечего было и думать. Всего лучше постараться сблизить Джіованни съ Короной какъ можно скорѣе, содѣйствовать ихъ помолвкѣ и такимъ образомъ устранить опаснаго соперника. Дель-Фериче былъ очень настойчивый и умный человекъ. Онъ болѣе чѣмъ когда-либо хотѣлъ жениться на доннѣ Тулліи—и не онъ остановится передъ какими бы то ни было щекотливыми поступками.

Ему не позволяли много говорить, чтобы усиліе не замедлило исплѣненіе горла; но въ долгіе ночи и дни, когда онъ молча лежалъ въ своей тихой квартирѣ, ему былъ полный досугъ строить всякія интриги въ умѣ. Наконецъ, помощь сестры милосердія перестала требоваться; слуга сталъ ухаживать за нимъ, а докторъ два раза въ день прѣбжалъ перевязывать рану. Однажды утромъ онъ лежалъ въ постели, наблюдая за Фемистокломъ, безшумно двигавшимся по комнатѣ.

— Фемистокль, — сказалъ онъ, — ты юноша смышленный и долженъ пользоваться данными тебѣ природою способностями.

Фемистоклу было не болѣе двадцати-пяти лѣтъ отъ роду. У него былъ грязный цвѣтъ лица, большой, горбатый носъ и бѣльмо на одномъ глазу, придававшее ему очень непріятное выраженіе. Когда хозяинъ заговорилъ съ нимъ, онъ остановился и выслушалъ комплиментъ съ кривой усмѣшкой на лицѣ.

— Фемистокль, узнай, когда герцогиня д'Астрарденте уѣзжаетъ изъ Рима, и куда она отправляется. Ты знакомъ съ кѣмъ-нибудь изъ ея прислуги?

— Да, синьоръ, съ поваренкомъ; мы съ нимъ крестили у моего двоюроднаго брата—кучера князя Вальдэрно... тоже умнаго малаго.

— А этотъ повареноевъ умѣетъ молчать?

— О, что касается этого, то будьте спокойны. Но только случается, что онъ зашибаетъ...

И Ѳемистокль дополнилъ жестомъ свою мысль.

— А когда пьянъ?—спросилъ дель-Фериче.

— Когда пьянъ, то все выболтаетъ. Но только онъ тогда ни о чемъ не помнитъ, чтó ему раньше говорили. У него вино точно смываетъ память.

— Дай мнѣ мой кошелекъ, онъ лежитъ подъ подушкой. Вотъ тебѣ *scudo*, Ѳемистокль. Ты можешь на эти деньги напоить его пьянымъ.

Ѳемистокль колебался, глядя на деньги.

— Еще бы прибавочку не мѣшало,—замѣтилъ онъ.

— Хорошо, вотъ еще... Ты долженъ напоить его и узнать отъ него все, чтó нужно. Но самъ, смотри, будь трезвъ!

— Будьте спокойны. Я выжму его, какъ губку. Онъ мнѣ откроется какъ на духу.

— Если ты узнаешь, чтó мнѣ нужно, я дамъ тебѣ...

Дель-Фериче колебался: ему не хотѣлось расщедриться.

— Сѣрмя панталоны,—договорилъ Ѳемистокль, и въ глазахъ его сверкнулъ алчный огонь.

— Хорошо,—отвѣтилъ дель-Фериче не безъ сожалѣнія:—я отдамъ тебѣ сѣрмя панталоны.

— За эти панталоны я переверну небо и землю!—пообѣщаль Ѳемистокль.

Въ этотъ день ничего больше не было сказано, но на завтра рано поутру слуга вошелъ въ комнату, открылъ ставни и потушилъ небольшую лампочку, горѣвшую всю ночь. Подойдя къ кровати, Ѳемистокль поглядѣлъ на хозяина. Тотъ медленно повернулся и вопросительно взглянулъ на него.

— Герцогиня уѣзжаетъ послѣ-завтра въ Астрарденте, въ Сабинскихъ горахъ,—сказаль Ѳемистокль. — Она навѣрное ѣдетъ туда, потому что впередъ уже отправила пару лошадей, нѣсколько ящичковъ съ вещами и, кромѣ того, подгорничную, буфетчика и двухъ грумовъ.

— Ага! очень хорошо. Ѳемистокль, я встану завтра поутру и посижу въ сосѣдней комнатѣ.

— А сѣрмя панталоны?

— Возьми ихъ и носи въ честь самаго великодушнаго хозяина! — сказаль дель-Фериче внушительно. — Не каждый хозяинъ подаритъ слугѣ пару сѣрмьхъ панталонъ. Помни это.

— Боже васъ благослови, господинъ графъ!—набожно воскликнулъ Ѳемистокль.

Дель-Фериче не терялъ времени. Онъ былъ все еще очень слабъ, и его рана не вполне еще зажила; но онъ съ рѣшимостью поднялся съ постели и сѣлъ за письменный столъ и не всталъ, прежде чѣмъ не написалъ два письма. Первое было тщательно написано крупнымъ круглымъ почеркомъ, какимъ пишутъ въ Италіи писаря. Невозможно было узнать въ немъ почеркъ дель-Фериче. Оно было коротко и гласило:

„Вамъ не безынтересно, можетъ быть, узнать, что герцогиня д'Астрарденте уѣзжаетъ въ свой замокъ въ Сабинскихъ горахъ послѣ-завтра“.

Это лаконическое посланіе дель-Фериче запечаталъ, наклеилъ почтовую марку и подписалъ адресъ Джіованни Сарачинеска, но скрылъ его отъ Оемистокла. Второе письмо было длиннѣе и написано его собственнымъ мелкимъ и цѣвистымъ почеркомъ. Оно было адресовано доннѣ Туллиі и слѣдующаго содержанія:

„Вы простите, что я безпокою васъ своимъ посланіемъ, очаровательная донна Туллия, если подумаете о моемъ одиночествѣ и страданіяхъ. Слишкомъ три недѣли я былъ лишень счастья видѣть и говорить съ той, за которую пострадалъ. Я все еще очень страдаю. Во время мучительныхъ дней и ночей, проведенныхъ мною, только вашъ образъ утѣшалъ меня, эхо вашего голоса заглушало боль, воспоминаніе о послѣднихъ часахъ, проведенныхъ съ вами, разгоняло мучительный болѣзненный бредъ. Вы—ангелъ-хранитель несчастнѣйшаго человѣка, донна Туллия. Знаете ли вы это? Еслибы не вы, я бы въ смерти искалъ утѣшенія. Но теперь я боролся со смертью, въ надеждѣ еще разъ увидѣть вашу улыбку, услышать вашъ счастливый смѣхъ; можетъ быть—я не смѣю на это надѣяться—я получу отъ васъ слово симпатіи. Вы бы и не узнали меня, еслибы увидѣли; еслибы не ваше духовное присутствіе, которое спасло меня изъ когтей смерти, вы бы меня больше никогда не увидѣли. Можетъ быть, съ моей стороны дерзко писать вамъ это. Вы не давали мнѣ право, кажется, говорить такъ съ вами. Не знаю. Но не все ли равно? Человѣкъ имѣетъ право быть благодарнымъ. Первое и священнѣйшее мое право—чувствовать благодарность и выражать ее. Поэтому, если я слишкомъ много сказалъ, то простите и вѣрьте въ безконечное почтеніе и неизмѣнную преданность вашего покорнѣйшаго слуги—Уго дель-Фериче“.

Дель-Фериче перечиталъ то, что написалъ, и остался доволенъ; написавъ адресъ донны Туллиі, онъ немедленно отправилъ къ ней Оемистокла, поручивъ ему попросить отвѣта. Когда же Оемистоклъ ушелъ, дель-Фериче позвонилъ свою квартирную хо-

зайку и приказалъ прислать къ нему мальчика, сына привратника, которому и поручилъ отнести на почту письмо къ донну Джіованни. Послѣ того онъ легъ, истомленный этимъ трудомъ. Часа черезъ два Фемистокль вернулся отъ донны Тулліи и принесъ раздушеную записочку. Въ ней донна Туллія, не отвѣчая ни слова на то, что писалъ дель-Фериче, говорила только, что очень рада узнать, что ему лучше, и просить его пріѣхать къ ней, какъ только онъ поправится. Уго не былъ разочарованъ, такъ какъ не ждалъ никакихъ демонстрацій, которыя бы могли скомпрометтировать донну Туллію. Приглашеніемъ же онъ былъ очень доволенъ, такъ какъ оно доказывало, что письмо его произвело желаемое впечатлѣніе.

Донъ Джіованни Сарачинеска получилъ анонимное письмо поздно вечеромъ. Онъ, конечно, вмѣстѣ съ отцомъ послалъ визитныя карточки съ заявленіемъ соболѣзнованія во дворецъ Астрарденте, и затѣмъ одинъ ходилъ узнавать, не приметъ ли его герцогиня. Швейцарь сказалъ, что герцогиня никого пока не принимаетъ. Джіованни сталъ терпѣливо дожидаться въ виллѣ Боргезе и на платформѣ Пинчіо, считая, что рано или поздно появится экипажъ Короны; но когда, наконецъ, показалась ея карета, то она промчалась очень быстро мимо него, а сама Корона была подъ густымъ вуалемъ, и ему показалось даже, что она его не замѣтила.

Сарачинеска прочиталъ анонимную записку и съ сердцемъ бросилъ ее въ огонь. Онъ ненавидѣлъ всякія подпольныя интриги и сердился на себя за интересъ, который возбудила въ немъ записка, и удивлялся, кто бы это находилъ выгоднымъ извѣщать его о дѣйствіяхъ герцогини. Но какъ бы то ни было, а записка произвела свое дѣйствіе: хотя онъ и стыдился этого, но всю ночь продумалъ о томъ, о чемъ его извѣщали. На слѣдующій день, въ три часа, онъ вышелъ изъ дому и послѣпно направился въ палаццо Астрарденте. Онъ не могъ долѣе выносить бездѣйствія; мысль, что Корона уѣзжаетъ и запрется въ своей крѣпости, и онъ не увидитъ ея до осени, была ему нестерпима. Онъ зналъ, что если ей доложить о немъ, то, по крайней мѣрѣ, она будетъ знать, что онъ пришелъ, — и рѣшилъ попытаться. Онъ долго ждалъ, прохаживаясь подъ аркой воротъ, пока швейцарь ходилъ съ его карточкой. Швейцарь сначала колебался даже идти и докладывать о его приходѣ. Но донна Джіованни трудно было слушаться, когда онъ что-нибудь приказывалъ. Наконецъ швейцарь вернулся и, кланяясь низко, объявилъ, что герцогиня приказала просить донна Джіованни.

Черезъ пять минутъ онъ уже сидѣлъ и ждалъ въ большой гостиной. Коронѣ стоило большой борьбы принять его. Она долго колебалась, потому что ей казалось, что это будетъ оскорбленіе для памяти ея мужа, но женское чувство взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ; она уѣзжала на слѣдующее утро и не могла не свидѣться съ нимъ въ послѣдній разъ. Она колебалась даже и тогда, когда уже взялась за ручку дверей, за которыми онъ находился; но, наконецъ, вошла.

Лицо ея было очень блѣдно и серьезно. Простое черное платье облегалo ея фигуру и очень шло къ ея высокому росту и граціозной походкѣ. Джіованни остановился посреди комнаты почти въ страхъ: ему просто не вѣрилось, что эта черная, печальная женщина—та самая, которой мѣсяць тому назадъ онъ пламенно объяснялся въ любви, и которую стремился заключить въ свои объятія. Она протянула ему руку, и онъ почтительно поднесъ ее къ губамъ. Затѣмъ оба сѣли въ молчаніи.

— Я уже потерялъ надежду васъ когда-нибудь увидѣть!— проговорилъ, наконецъ, Джіованни вполголоса.— Я желалъ найти случай сказать вамъ, какъ искренно я сожалѣю о вашей великой потерѣ.

Слова эти были чисто формальныя, какія говорятъ въ такихъ случаяхъ. Джіованни могъ бы сказать что-нибудь умнѣе, но онъ не былъ краснорѣчивъ. Корона не знала, что ему отвѣчать.

— Вы очень добры,—сказала она.

— Я бы желалъ имѣть возможность быть вамъ полезнымъ. Нужно ли говорить, что отецъ мой и я самъ вполнѣ къ вашимъ услугамъ?

Онъ упомянулъ объ отцѣ изъ чувства деликатности.

— Вы очень добры,—повторила Корона.— У меня нѣтъ никакихъ затрудненій. Мой управляющій очень дѣльный и распорядительный человекъ.

Наступило новое молчаніе. Она какъ будто поняла, что онъ смущенъ, и заговорила первая.

— Я очень рада, что вы выздоровѣли.

— Я былъ очень легко раненъ,—отвѣтилъ Джіованни, взглянувъ на свою правую руку, все еще бывшую на перевязи.

— Вы очень дурно поступили,—продолжала Корона, серьезно глядя ему въ глаза.— Я не знаю, изъ-за чего вы дрались, но это великій грѣхъ.

Джіованни слабо улыбнулся.

— Намъ приходится иногда по-неволѣ грѣшнить. Неужели вы

бы хотѣли, чтобы я былъ свидѣтелемъ отвратительной низости и не наказалъ бы виновнаго?

— Люди, совершающіе низости, всегда бываютъ наказаны.

— Можетъ быть. Но мы, бѣдные грѣшники, не можемъ дожидаться, пока это случится. Я очень сожалѣю, что сдѣлалъ вамъ неуютное, — съ горечью прибавилъ онъ. — Но поговоримъ, если вамъ угодно, о другомъ. Куда вы ѣдете?

— Въ Астрарденте, — отвѣчала Корона, — и завтра же. Я хочу пожить одна и въ деревнѣ.

Джіованни не удивился. Его анонимный корреспондентъ сказалъ правду. Дель-Фериче расстался съ сѣрыми панталонами не даромъ.

— Я самъ думаю провести лѣто въ Сарачинескѣ, — внезапно сказалъ онъ. — Вы знаете, что это недалеко отъ васъ... Могу я надѣяться, что вы позволите мнѣ навѣстить васъ?

Корона никакъ не рассчитывала на это и замѣтно вздрогнула.

— Развѣ это такъ близко?

— Всего день ѣзды по горамъ.

— Я не знала этого. Разумѣется, если вы пріѣдете, то можете рассчитывать на гостепріимный пріемъ.

— Но вы лучше желали бы, чтобы я не пріѣзжалъ? — спросилъ Сарачинеска тономъ разочарованія. Онъ ожидалъ болѣе радушнаго приглашенія.

Корона храбро отвѣчала:

— Я бы желала лучше, чтобы вы не пріѣзжали. Я вдова, женщина и одинока. Моя единственная защита — это вѣжливость, какой я въ правѣ ожидать отъ такихъ людей, какъ вы. Вы выразили мнѣ вашу симпатію; докажите же ее на дѣлѣ, исполнивъ мою просьбу. Уже тотъ фактъ, что я приняла васъ здѣсь, оскорбителенъ для памяти моего мужа. Забудьте меня, если можете...

— Я не могу, — отвѣтилъ Джіованни.

— Постарайтесь. Если не можете, Богъ вамъ поможетъ. Но я увѣрена, что если вы искренно постараетесь, то успѣете въ этомъ. А теперь уѣзжайте. Вамъ бы не слѣдовало пріѣзжать; мнѣ бы не слѣдовало васъ принимать. Но, пожалуй, лучше, что такъ случилось. Я вамъ благодарна за выраженную вами симпатію и не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете такъ, какъ я просила и какъ вы общали. Прощайте.

Корона встала. Джіованни тоже не оставалось другого выбора. Она глядѣла на него мягко, но не протянула ему руки. Онъ съ минуту колебался, затѣмъ поклонился и вышелъ молча.

Корона стояла и смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ не ушелъ. Затѣмъ упала въ кресло и безпомощно уставилась въ стѣну.

— Ну, вотъ и кончено,—проговорила она, наконецъ.—Я надѣюсь, что я поступила какъ слѣдуетъ.

Всѣ приготовления уже были сдѣланы, и на слѣдующее утро она заѣхала въ монастырь, гдѣ воспитывалась и гдѣ ее поджидала сестра-Габріэль, приглашенная ѣхать вмѣстѣ съ нею. Монахиня сѣла въ большую дорожную карету, и обѣ женщины отправились въ Астрарденте.

Былъ первый день карнавала и особенно грустный для Джіованни Сарачинеска. Онъ оставилъ бы Римъ немедленно, еслибы не далъ обѣщанія Коронѣ не пытаться ее увидѣть. Онъ бы поѣхалъ въ Сарачинеску уже ради того только, чтобы быть поближе отъ нея, но его удерживала боязнь сплетенъ. Онъ рѣшилъ, что съ наступленіемъ весны объявить о своемъ намѣреніи уѣхать изъ Рима на цѣлый годъ. Никто никогда не бывалъ въ Сарачинескѣ, и, отправившись туда окольными путями, онъ могъ достигъ замка предковъ, не возбуждая ничего подозрѣнія. Онъ могъ бы даже съѣздить въ Парижъ на нѣсколько дней, и тогда всѣ подумаютъ, что онъ путешествуетъ по Европѣ; на своихъ слугъ онъ могъ безусловно положиться.

Старикъ-князь пришелъ утромъ въ комнату сына и нашелъ, что онъ съ безутѣшнымъ видомъ пересматривалъ ружья, для развлеченія.

— Ну, что, Джіованни, ты успѣлъ обдумать свой образъ дѣйствія. Какъ! ты собираешься на охоту?

— Я бы желалъ хоть этого. Я бы желалъ хоть чего-нибудь. Миръ вывернуть наизнанку, точно карманъ нищаго, и въ немъ ничего нѣтъ.

— Астрарденте, значить, уѣхала?

— Да, уѣхала и будетъ жить въ двадцати миляхъ отъ Сарачинески,—отвѣтилъ Джіованни сердитымъ голосомъ.

— Не ѣзди туда. Оставь ее одну на нѣкоторое время. Женщины бѣсятся въ одиночествѣ.

— Неужто вы меня принимаете за идіота?—закричалъ Джіованни.

Онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа.

— Конечно, я пробуду въ Римѣ весь карнавалъ.

— Чего же ты такъ сердисься? Я даю тебѣ только совѣтъ.

— Очень хорошо. Я послѣдую ему. Онъ разуменъ. Когда карнавалъ пройдетъ, я уѣду изъ Рима и, можетъ быть, околь-

ними путями проберусь въ Сарачинеску, такъ что никто не узнаетъ, гдѣ я нахожусь. Вы поѣдете со мной?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ старикъ, которому всегда бывало приятно, когда сынъ изъяслялъ желаніе пользоваться его обществомъ.

— Я бы желалъ, чтобы мы жили въ добрыя старыя времена.

— Почему?

— Мы безъ зазрѣнія совѣсти взяли бы приступомъ Астрарденте и добыли бы тебѣ герцогиню, мой милый.

Джіованни засмѣялся. Быть можетъ, та же идея мельнула въ его головѣ. Такъ сильны инстинкты варварскаго деспотизма въ расахъ, гдѣ традиціи насилія передаются непрерывной цѣпью, что оба, отецъ и сынъ, улыбались мысли, казавшейся имъ вполне естественной, хотя Джіованни только наканунѣ общалъ не дѣлать даже попытки, чтобы увидѣться съ Короной д'Астрарденте безъ ея позволенія.

III.

Бѣдная m-me Майеръ была въ большой тревогѣ. Гордости въ ней было мало, но тщеславія зато пропасть, и оно сильно было задѣто. Она была добродушная женщина и по природѣ не изъ мстительныхъ; но она не могла не ревновать, потому что была влюблена. Она чувствовала, что Джіованни съ каждымъ днемъ все меньше и меньше интересовался ея обществомъ, и что, съ другой стороны, дель-Фериче спокойно занялъ мѣсто претендента, такъ что люди поговаривали уже, что у него есть шансы на ней жениться. Она не чувствовала антипатіи къ дель-Фериче; онъ былъ приличный свѣтскій человѣкъ, готовый къ ея услугамъ всегда, когда она нуждалась въ помощи. Но, привыкнувъ пользоваться его услугами, она вынуждена была сознаться, что онъ играетъ извѣстную роль въ ея жизни, и это сознаніе было ей неприятно. Письмо, написанное имъ ей, было такого рода, какія пишетъ мужчина женщинѣ, которую любитъ; оно было почти фамиліарно, хотя авторъ и выражался съ преувеличеннымъ почтеніемъ. Будь дель-Фериче здоровъ, она, быть можетъ, не обратила бы вниманія на его письмо и не отвѣтила бы ему; но у нея не хватило духа совѣмъ оттолкнуть его въ настоящемъ его положеніи. Была одна двусмысленная фраза, ловко вклеенная въ его письмо, намекавшая на то, что онъ будто бы раненъ изъ-за нея. Онъ говорилъ, что пострадать и страдаетъ ради нея — на

что намекалъ онъ? на боль физическую или душевную? Она этого навѣрное не знала. Донъ Джіованни увѣрялъ ее, что она нисколько не замѣшана въ дѣлѣ дуэли, а она знала, что онъ не солжетъ; но, можетъ быть, изъ деликатности онъ пожелалъ скрыть отъ нея истину. Это было на него похоже. Ей страстно хотѣлось увидѣться и объясниться съ нимъ. Было время, когда онъ бывалъ у нея и много времени посвящалъ ей, встрѣчаясь въ обществѣ, но теперь онъ какъ будто избѣгалъ ея. И по мѣрѣ того, какъ она замѣчала охлажденіе въ обращеніи съ нею, ревность къ Коронѣ д'Астраденте усиливалась въ ней, пока, наконецъ, не поглотила, повидимому, самую любовь къ Джіованни и не превратила ее въ ненависть.

Любовь—такого рода страсть, которая, подобно сильнымъ наркотическимъ веществамъ, дѣйствуетъ различно на различные темпераменты; вмѣстѣ съ тѣмъ, любовь сильнѣе дѣйствуетъ, когда она отвергнута или несчастна; взаимная счастливая любовь течетъ тихо и укрѣпляется постепенно. Когда же въ человѣкѣ, испытывшемъ отвергнутую любовь, главная черта характера—тщеславіе, то любовь обращается въ отраву, и дѣйствительно, любовь донны Туллиі къ нему превратилась въ ненависть болѣе сильную, чѣмъ ея ревность къ герцогинѣ. Между ними не произошло никакихъ объясненій, разговоровъ или драматическихъ сценъ, какія нравились доннѣ Туллиі: перемѣна совершилась въ нѣсколько дней и безповоротно. Онъ не только выказывалъ полное равнодушіе къ ея особѣ, но даже избѣгалъ ея общества, нанося такимъ образомъ самую тяжкую рану ея тщеславію.

Ненавидѣть для донны Туллиі значило желать отомстить. Но она имѣла дѣло съ противниками неуязвимыми, потому что они были слишкомъ сильны, слишкомъ могущественны и пользовались чрезвычайнымъ уваженіемъ въ обществѣ. Не легко было надѣлать имъ непріятностей: невозможнымъ казалось унизить ихъ, а между тѣмъ ненависть ея была очень велика.

Она выжидала удобнаго случая, а пока, встрѣчаясь съ Джіованни, обращалась съ нимъ съ высокомѣрной холодностью. Но Джіованни улыбался и, казалось, былъ доволенъ, что она перестала обращать на него вниманіе, надобѣдавшее ему. Гнѣвъ ея возрасталъ отъ безсилія. Свѣтъ это видѣлъ и смѣялся.

Карнаваль наступилъ и проходилъ, по обыкновенію, въ вихрѣ веселости. Джіованни вездѣ бывалъ, но всюду являлся съ угрюмымъ лицомъ, мало разговаривалъ, и, разумѣется, всѣ толковали что онъ груститъ по герцогинѣ. Еще менѣе онъ показывалъ, что интересуется хотя бы сколько-нибудь тѣмъ, что воеругъ него

происходить, и такъ какъ никто не осмѣливался его разспрашивать, то его оставляли въ покоѣ. Бурныя волны свѣтской жизни рассыпались на томъ мѣстѣ, которое занимали старикъ Астрарденте и его красавица-жена, и о нихъ скоро позабыли, тѣмъ болѣе, что у нихъ не было короткихъ знакомыхъ.

Въ послѣдній вечеръ карнавала въ свѣтѣ вновь появился дель-Фериче. Онъ не могъ противиться долѣе соблазну заглянуть въ тотъ міръ, который онъ такъ любилъ, прежде чѣмъ постъ погаситъ огни бальной залы и потушитъ веселіе танцоровъ. Всѣ были удивлены, увидя его, а многіе обрадованы; онъ былъ такой услужливый человѣкъ, что его отсутствіе было ощутительно. Онъ очень къ тому же похорошѣлъ, очень похудѣлъ, поблѣднѣлъ, и черты лица его казались тонкими и пріятными.

Когда Джіованни увидѣлъ его, то подошелъ къ нему, и оба соперника обмѣнялись формальнымъ поклономъ, между тѣмъ какъ кругомъ всѣ ждали, что будетъ дальше. Но напряженіе длилось всего одно мгновеніе, и затѣмъ всѣ вздохнули свободнѣе, точно съ ихъ плечъ сняли какую-то тяжесть. Затѣмъ дель-Фериче усѣлся около донны Тулліи. Вскорѣ они остались одни на маленькомъ диванчикѣ, и немногіе, проходившіе мимо, гости не могли помѣшать имъ.

— Я очень рада васъ видѣть, — сказала донна Туллія, — но я надѣялась, что первый вашъ выѣздъ будетъ во мнѣ въ домъ.

— Сегодня мой первый выѣздъ, и еслибы я поѣхалъ къ вамъ, то не засталъ бы васъ дома, такъ какъ нахожу васъ здѣсь.

— Вы совсѣмъ поправились? у васъ все еще большой видъ.

— Я немножко слабъ... но часъ, проведенный съ вами, принесетъ мнѣ больше пользы, чѣмъ всѣ доктора въ мірѣ.

— Благодарю, — засмѣялась донна Туллія. — Какъ странно было видѣть, какъ вы пожимали сейчасъ руку Джіованни Сарачинеска. Должно быть, мужчинамъ обязательно это?

— Вы можете быть увѣрены, что безъ крайней необходимости я этого не сдѣлалъ бы, — отвѣчалъ съ горечью дель-Фериче.

— Вѣрю; какой вы надменный человѣкъ!

— Онъ вамъ больше не нравится? — спросилъ невинно дель-Фериче.

— Нравится! Нѣтъ; онъ мнѣ никогда не нравился, — поспѣшно отвѣтила донна Туллія.

— О! а я-то думалъ, что онъ вамъ нравится... и удивлялся этому.

— Я бывала съ нимъ любезна, но никогда не прощу того, что онъ сдѣлалъ на балѣ у Франджипани.

— И я также. Я всегда буду его за это ненавидѣть.

— Я не говорю, что ненавижу его.

— Вы въ полномъ правѣ его ненавидѣть. Мнѣ кажется, что со времени моей болѣзни у насъ явилась еще одна общая идея, еще новая причина симпатизировать другъ другу.

Дель-Фериче сказалъ это почти нѣжно, но тотчасъ же засмѣялся, чтобы показать, что онъ шутитъ. Донна Туллія тоже улыбнулась; она расположена была обращаться съ нимъ очень мягко.

— Вы очень скоры на заключенія, — сказала она, играя краснымъ вѣеромъ.

— Такія заключенія очень соблазнительны... будто вы и я симпатизируемъ другъ другу, — отвѣтилъ онъ съ нѣжнымъ взглядомъ. — И связь была бы очень сильна, еслибы опиралась не на ненависть, но на противоположномъ чувствѣ. И иногда мнѣ кажется, что это такъ и есть. Развѣ вы не мой лучшій другъ?

— Не знаю... я очень къ вамъ расположена.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но какъ вы думаете: нельзя еще тѣснѣе сплотить нашу дружбу?

Донна Туллія зорко на него взглянула; она вовсе не желала дозволить ему предложить ей выйти за него замужъ. Его лицо было серьезно и выражало совсѣмъ не ту нѣжную покорность, къ какой она привыкла.

— Не знаю, — отвѣтила она съ легкимъ смѣхомъ. — Чтò вы хотите сказать?

— Еслибы я могъ быть вамъ очень полезенъ, если вамъ понадобится какая-нибудь важная услуга съ моей стороны, то развѣ это не скрѣпитъ нашу дружбу?

— Можетъ быть, — отвѣтила она задумчиво. — Но вы не знаете... вы даже и не догадываетесь о томъ, чего я больше всего желаю въ настоящую минуту.

— Можетъ быть, и догадываюсь. Боюсь только, что вы разсердитесь, если я скажу.

— Нѣтъ, не разсержусь. Говорите.

Донна Туллія, въ свою очередь, пристально посмотрѣла на собесѣдника. Они какъ будто читали въ мысляхъ другъ у друга.

— Хорошо, — проговорилъ Уго. — Я скажу вамъ. Вы бы желали, чтобы Астрарденте умерла, а Джіованни Сарачинеска былъ бы глубоко униженъ.

Донна Туллія вздрогнула. Между тѣмъ ничего не было страннаго въ томъ, что ея собесѣдникъ зналъ, чтò она думаетъ. Многіе, спрошенные, какъ онъ, отвѣтили бы то же самое, потому что свѣтъ разгадалъ ея досаду и забавлялся ею.

— Вы странный человекъ! — произнесла она съ смущеніемъ.

— Другими словами, я васъ понялъ. Я вижу это по вашему лицу. Конечно, — прибавилъ онъ со смѣхомъ, — я шучу. Но дѣло возможное! Что вы мнѣ дадите, если я исполню ваше желаніе?

Донна Туллія въ свою очередь засмѣялась, чтобы скрыть, какъ ее интересовало то, что онъ говорилъ.

— Что хотите!

Но смѣхъ ея былъ смущенный, а взглядъ нетвердый.

— Вышли ли бы вы за меня замужъ, какъ принцесса, которая въ сказкѣ выходитъ за человека, освободившаго ее отъ чаръ колдуна?

Онъ говорилъ это шутливо.

— Почему нѣтъ! — отвѣчала она со смѣхомъ.

— Это была бы достойная награда. Оно кажется невозможнымъ на видъ, — и однако нѣсколькихъ фунтовъ динамита достаточно, чтобы взорвать великую пирамиду. Джіованни Сарачинеска ужъ не такъ силенъ...

— Я не хочу, чтобы его убивали! — воскликнула донна Туллія.

— Не физически, но морально, съ свѣтской точки зрѣнія.

— Какимъ образомъ?

— Это мой секретъ.

— Вы, право, притворяетесь, что больше знаете, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, я говорю истинную правду. Если вы серьезно думаете такъ, какъ сейчасъ говорили, то я скажу вамъ, въ чемъ секретъ. Но ради шутки я не могу этого сдѣлать. Это слишкомъ серьезное дѣло.

Его тонъ убѣдилъ донну Туллію, что у него дѣйствительно есть въ рукахъ какое-то оружіе противъ донна Джіованни. Она удивлялась, почему же въ такомъ случаѣ онъ не воспользуется имъ, когда такъ сильно ненавидитъ Сарачинеска. Дель-Фериче многое было извѣстно о разныхъ людяхъ; зная столько странныхъ и позабытыхъ исторій, онъ имѣлъ такую большую память и такой острый умъ, что мудренаго нѣтъ, если ему извѣстна какая-нибудь тайна, связанная съ фамиліей Сарачинеска. Они были необузданные, вспыльчивые люди, какъ отецъ, такъ и сынъ; про нихъ ходили нескончаемыя исторіи, и весьма возможно, что въ одну изъ своихъ отлучекъ Джіованни нажилъ какую-нибудь романтическую исторію, про которую ему не хотѣлось, чтобы узналъ свѣтъ. Дель-Фериче вообще былъ очень умный человекъ, а подъ

вліяніемъ ненависти пронизательность его должна была удвоиться, да и резону ему нѣтъ теперь молчать про то, что онъ знаетъ. Любопытство донны Тулліи было возбуждено въ высшей степени, и въ то же время въ ея умѣ носились пріятныя грѣзы о возможномъ униженіи человѣка, оскорбившаго ее. Стѣбитъ принести жертву съ тѣмъ, чтобы узнать секретъ дель-Фериче.

— Надѣюсь, что это просто шутка?—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Это какъ вамъ будетъ угодно,—отвѣтилъ серьезно дель-Фериче. — Если вы согласны исполнить свою роль, то можете быть увѣрены, что я также выполняю свою.

— Не можете же вы въ самомъ дѣлѣ думать, что я говорила серьезно? Это было бы безуміемъ.

— Отчего? что же я—калѣва, хромъ или слѣпъ? развѣ я дурень собой до безобразія? развѣ я нищій или же гонюсь за вашимъ богатствомъ? Развѣ я не любилъ васъ, и не любилъ долго и вѣрно? Развѣ я черезъ-чуръ старъ? Есть ли какіе-нибудь солидные reasons, почему я не могъ бы желать быть вашимъ мужемъ?

Странно! Онъ говорилъ такъ спокойно, какъ будто дѣло шло о комъ другомъ, а не о немъ самомъ. Донна Туллія поглядѣла на него съ минутой и расхохоталась.

— Нѣтъ, конечно; все это вѣрно. Вы можете желать, какъ вы говорите. Вопросъ только въ томъ, желаю ли я того же самаго. Конечно, еслибы я пожелала, мы могли бы обвѣнчаться завтра.

— Именно,—хладнокровно подтвердилъ дель-Фериче.—Я не предлагаю вамъ выйти за меня замужъ. Я только обсуждаю это дѣло. Главный аргументъ мой—это то, что я всей душой вамъ преданъ. И я старался теперь доказать вамъ, что мысль жениться на васъ вовсе не такъ уже нелѣпа. Вы, смѣясь, сказали, что выйдете за меня, если я сдѣлаю то, чего вамъ очень хочется. Я также засмѣялся; но теперь я серьезно повторяю свое предложеніе, потому что убѣжденъ, что хотя оно на первый взглядъ кажется забавнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается весьма практическимъ. Въ союзѣ—сила.

Донна Туллія помолчала съ минутой, и лицо ея стало серьезно. То, что онъ говорилъ, было довольно разсудительно. Она не была въ него влюблена и никогда не думала о томъ, чтобы выйти за него замужъ, но она соглашалась, что въ его словахъ нѣтъ ничего нелѣпаго. Ясно, что человѣкъ одного съ нею общественнаго положенія, всюду принятый и пріятель со всѣми ея знакомыми, могъ подумывать о томъ, чтобы жениться на ней. Онъ сталъ по-

ложительно красивъ, послѣ того какъ былъ раненъ. Онъ былъ уменъ и хорошо воспитанъ; имѣя достаточныя средства для жизни, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ томъ, что женится на ней исключительно ради денегъ, онъ хладнокровно заявлялъ, что любить ее. Можетъ быть это и правда. Тщеславію донны Туллиі пріятно было вѣрить ему. Къ тому же онъ дѣйствительно былъ самымъ преданнымъ изъ ея поклонниковъ и обращался съ нею съ такою глубокою почтительностью, какою она никакъ не могла добиться отъ Вальдэрно и его пріятелей. Женщинѣ, любящей шумъ, но сознающей, что все это вульгарно, всегда бываетъ лестно, когда мужчина обращается съ нею съ глубокою почтительностью. Иногда это даже исправляетъ ее отъ вульгарности. Донна Туллиа серьезно размышляла о томъ, что ей сказала дель-Фериче.

— Мнѣ еще въ жизни никто не дѣлалъ такого предложенія, — сказала она. — Конечно, вы не можете думать, чтобы я даже и теперь считала его возможнымъ. Вы не можете думать, что я такъ низка, что продамъ себя ради того, чтобы отомстить за нанесенное мнѣ оскорбленіе. Если это дѣйствительно предложеніе вашей руки мнѣ, то я должна съ благодарностью отказаться. Если же это просто предложеніе союза, то я нахожу, что условія его неравномѣрны.

Дель-Фериче улыбнулся.

— Я слишкомъ хорошо васъ знаю, чтобы сомнѣваться въ отвѣтѣ, который вы мнѣ дадите. Мнѣ и въ голову не приходила оскорбительная для васъ мысль, что вы согласитесь на такое предложеніе. Но разсуждать объ этомъ восхитительно. Для меня восхитительно представлять себя вашимъ мужемъ; для васъ восхитительно думать объ униженіи врага. Я взялъ смѣлость соединить двѣ эти идеи въ одну общую мечту — мечту безконечно блаженную для меня.

Веселость вернулась къ доннѣ Туллиі.

— Вы, конечно, очень позабавили меня вашей мечтой, — отвѣтила она. — Я бы желала, чтобы вы сказали мнѣ, что вы знаете про дону Джіованни. Это что-нибудь очень интересное должно быть, если можетъ повліять на его жизнь.

— Я не могу вамъ этого сказать. Это слишкомъ серьезно.

— Но если вы считаете, что это обстоятельство можетъ повредить ему, то почему же вы сами имъ не воспользуетесь? Вы должны ненавидѣть его еще сильнѣе, чѣмъ я.

— Сомнѣваюсь въ этомъ, — отвѣтилъ съ улыбкой дель-Фериче. — Я не пользуюсь этимъ обстоятельствомъ ради себя, по-

тому что вовсе не такъ стремлюсь мстить ему. Но за васъ—это дѣло другое. Ради васъ я готовъ хуже чѣмъ убить его.

— Ради меня? но чѣмъ это можетъ касаться меня?—кратко улынулась донна Туллія, рѣшившись употребить всю силу своего очарованія, чтобы выведать тайну.

— Я могъ бы помѣнать дону Джіованни жениться на Астрарденте, какъ онъ намѣревается, — отвѣтилъ дель-Фериче, глядя прямо въ лицо собесѣдницѣ.

— Какъ могли бы вы это сдѣлать? — съ удивленіемъ спросила та.

— Это моя тайна.

— И вы не скажете мнѣ ея, если я не выйду за васъ замужъ?

— Нѣтъ, не скажу.

— Вы заставите меня выйти за васъ изъ одного любопытства.

— Я бы желалъ, чтобы это было возможно. Я бы желалъ рассказать вамъ, въ чемъ дѣло, потому что это очень курьезно; но не могу.

— Въ такомъ случаѣ вамъ бы не слѣдовало и заговаривать со мною объ этомъ.

— Хорошо, я подумаю, — сказалъ дель-Фериче, какъ бы съ внезапнымъ порывомъ, рѣшаясь на жертву. — Я переберу нѣкоторыя бумаги, которыя находятся въ моихъ рукахъ, и серьезно обдумаю дѣло. — Манеры m-me Майеръ опять переѣнились и изъ нетерпѣливыхъ стали ласковыми. Надежда, зароненная въ нее, была очень пріятна. Она не въ состояніи была понять, что дель-Фериче, возбудивъ ея любопытство, мямль ее теперь въ рукахъ какъ послушный воскъ. Еслибы ей не такъ страстно хотѣлось узнать правду, она, можетъ быть, догадалась бы, что онъ играетъ ея довѣрчивостью. Но любопытство въ конецъ ослѣпило ее, и она рѣшительно увѣровала, что въ жизни Джіованни есть какая-то тайна, которую ей было бы очень выгодно и пріятно узнать.

— Вы должны мнѣ сказать... и я увѣрена, что скажете, — сказала она, бросая ласковый взглядъ на своего собесѣдника. — Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать... вы постничаете? нѣтъ... ну, и я также. Пріѣзжайте въ пятницу. Хотите?

— Съ наслажденіемъ! — отвѣчалъ дель-Фериче съ улыбкой спокойнаго торжества.

— Съ нами, конечно, будетъ обѣдать тетюшка, и за обѣдомъ вамъ нельзя будетъ ничего мнѣ сказать; но послѣ обѣда она всегда спитъ. Пріѣзжайте въ семь часовъ. Кромѣ того, она глуха,

какъ вамъ извѣстно. А теперь отведите меня въ бальную залу. У меня есть партнеръ, который вѣрно меня уже ищетъ.

Дель-Фериче отвелъ ее танцовать, а самъ уѣхалъ къ себѣ домой. Онъ былъ до-нельзя утомленъ, такъ какъ все еще былъ очень слабъ и боялся, какъ бы неосторожный выѣздъ не повелъ къ худымъ послѣдствіямъ. Тѣмъ не менѣе, пріѣхавъ домой, онъ отпустилъ Фемистокла и раскрылъ потертую на видъ черную шкатулку, стоящую у него на письменномъ столѣ. Она была окована желѣзомъ и съ патентованнымъ замкомъ, о который разбивались всѣ старанія Фемистокла заглянуть въ шкатулку. Изъ этого хранилища Уго вынулъ кипу бумагъ, помѣченныхъ его собственнымъ мелкимъ и красивымъ почеркомъ. Изъ цѣлой груды писемъ онъ отдѣлилъ тѣ, которыя ему были нужны, и, раскрывъ, внимательно перечиталъ.

— Это очень, очень странно,—сказалъ онъ самому себѣ,—но въ всякаго сомнѣнія.—Вотъ доказательство.

Онъ сложилъ бумаги въ конвертъ и положилъ обратно въ шкатулку. Послѣ того заперъ ее и прицѣпилъ ключъ къ цѣпочкѣ, которую носилъ на шеѣ, и затѣмъ легъ спать, изнемогая отъ усталости.

IV.

Заря страстной среды тускло занималась надъ Римомъ и прокралась въ спальню Джіованни Сарачинеска. Джіованни плохо спалъ эту ночь, но больше отъ удовольствія, что повончилъ съ своими общественными обязательствами, чѣмъ отъ какой-нибудь безпокойной мысли.

Всю ночь онъ составлялъ планы, какъ ему быть, какъ добраться окольнымъ путемъ до своего замка, оставивъ свѣтъ въ убѣжденіи, что онъ ѣдетъ за границу.

Программу эту онъ выполнилъ въ точности. Онъ оставилъ Римъ утромъ въ страстную среду и отправился во Флоренцію. Тамъ онъ посѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, которые—онъ былъ увѣренъ—напишутъ объ этомъ въ Римъ. Изъ Флоренціи онъ поѣхалъ въ Парижъ, заявивъ, что примкнетъ къ охотничьей экспедиціи въ сѣверныя страны, какъ только станетъ теплѣе; такъ какъ онъ былъ извѣстенъ какъ спортсменъ и охотникъ, въ его словахъ никто и не сомнѣвался, и когда онъ выѣхалъ изъ Парижа, то свѣтъ былъ убѣжденъ, что онъ отправился въ Копенгагенъ по пути къ дальнему сѣверу. Римъ успокоился на-

счетъ его отсутствія и считалъ, что не увидитъ Джіованни Сарачинеска раньше семи-восьми мѣсяцевъ. Никто не подозрѣвалъ, что Джіованни вмѣсто Скандинавіи спокойно усѣлся въ своемъ замкѣ, въ разстояніи одного дня пути отъ Рима, и занимался управленіемъ своего имѣнія, временно довольный тѣмъ, что находится такъ близко отъ любимой женщины.

Донна Туллія не могла дожидаться дня, когда дель-Фериче долженъ былъ у нея обѣдать. Она нѣсколько разъ готова была написать ему записку, прося пріѣхать къ ней немедленно. Но благоразумно удерживалась, понимая, что тѣмъ болѣе она будетъ приставать къ нему, тѣмъ болѣе онъ будетъ упрямиться. Наконецъ онъ пріѣхалъ, блѣдный и истомленный,—интересный, какъ выразилась бы сама донна Туллія. Старуха тетусва много болтала за обѣдомъ; но такъ какъ она была до того глуха, что не слыхала три-четверти изъ того, что ей отвѣчали, то разговоръ не могъ быть интересенъ. Когда обѣдъ кончился, она засѣла въ покойное кресло въ маленькой гостиной и взяла въ руки книгу. Черезъ нѣсколько минутъ донна Туллія предложила дель-Фериче перейти въ большую гостиную: она получила новые вальсы изъ Вѣны и хочетъ разобрать ихъ съ помощью Уго. Само собой разумѣется, они оставили дверь открытой въ маленькой будуаръ, гдѣ старуха скоро заснула.

Донна Туллія сѣла за рояль, а дель-Фериче посадила возлѣ себя. Она взяла нѣсколько аккордовъ и проиграла нѣсколько тактовъ вальса.

— Конечно, вы слышали, что донъ Джіованни уѣхалъ? — безопасно спросила она. — Я полагаю, что онъ уѣхалъ въ Сарачинеску, откуда, говорятъ, недалеко до замка Астарденте.

— Я полагалъ бы, что простое приличіе не должно было дозволить ему преслѣдовать герцогиню въ первый мѣсяцъ ея траура,—отвѣчалъ дель-Фериче, опершись одной рукой на фортепіано, подперевъ ею свое блѣдное лицо и слѣдя за пальцами донны Туллія, бѣгавшими по клавишамъ.

— Почему? Какое ему дѣло до людскихъ толковъ? Онъ женится на ней по истеченіи года—и дѣлу конецъ.

— Онъ никогда на ней не женится, если я этого не допущу, спокойно объявилъ дель-Фериче.

— Вы уже говорили мнѣ это. Но вы, конечно, допустите. Желала бы я знать, какъ бы вы этому помѣшали. Я, знаете, не вѣрю, чтобы это было возможно.

Наступило минутное молчаніе.

— Я рѣшилъ сообщить вамъ нѣчто, но только съ однимъ условіемъ,—началь дель-Фериче.

— Нельзя ли безъ условія? — отвѣчала донна Туллія, стараясь скрыть свое волненіе.

— Только одно условіе: сохраненіе тайны. Общайте мнѣ, что никому не передадите того, что я вамъ скажу, безъ моего позволенія. И даже простого обѣщанія мнѣ мало; я хочу, чтобы вы поклялись мнѣ въ томъ. Это очень серьезное дѣло. Мы играемъ огнемъ, и передъ нами вопросъ жизни и смерти. Вы должны дать мнѣ гарантію, что сохраните тайну.

Слова его произвели впечатлѣніе на донну Туллію.

— Я общаю вамъ это.

— Скажите вотъ какъ: „клянусь и торжественно обязуюсь свято сохранить тайну, довѣренную мнѣ; если же я не сохраню ея, то заглажу это тѣмъ, что немедленно выйду замужъ за Уго дель-Фериче“...

— Какая нелѣпость!—закричала донна Туллія.

Дель-Фериче, не обращая вниманія на ея восклицаніе, продолжалъ:

— „Въ чемъ обязуюсь священною памятью моей матери, надеждой на спасеніе моей души и частицей святого животворящаго креста“.

И онъ показалъ на медальонъ, висѣвшій у нея на груди и гдѣ хранилась вышеупомянутая реликвія.

— Это невозможно!—снова кричала она.—Я не могу дать такой торжественной клятвы. Не могу обѣщать выйти за васъ замужъ.

— Но вѣдь это только потому, что не можете обѣщать сдерживать мою тайну.

Онъ хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Донна Туллія, видя его твердость, стала колебаться. Любопытство мучило ее невыразимо.

— Я общаюсь выйти за васъ замужъ только въ томъ случаѣ, если открою тайну?

Онъ молча наклонилъ голову.

— Такъ что, въ сущности, я общаюсь только молчать о ней? Не понимаю, въ чему такая торжественность. Но ужъ если вы такъ хотите, извольте. Что вы требуете, чтобы я сказала?

Онъ немедленно повторилъ слова, а она—вслѣдъ за нимъ. Онъ наблюдалъ, чтобы она ничего не пропустила:

„Я, Туллія Майеръ, клянусь и торжественно обязуюсь свято сохранить тайну, довѣренную мнѣ; если же я не сохраню ея,

то заглажу это тѣмъ, что немедленно выйду замужъ за Уго дель-Фериче, — тутъ голосъ ея слегка задрожалъ, — въ чемъ обязуюсь священной памятью матери, надеждой на спасеніе моей души и частицей животворящаго креста“.

При послѣднихъ словахъ, она притронулась пальцами въ медальону, висѣвшему у нея на шеѣ.

— Вы понимаете, что обѣщали выйти за меня замужъ, если не сохраните моей тайны? Вы ясно понимаете это? — спросилъ дель-Фериче.

— Понимаю, — торопливо отвѣчала она, какъ бы стыдясь того, что сдѣлала. — А теперь говорите поскорѣе, въ чемъ секретъ! — прибавила она нетерпѣливо, сознавая, что претерпѣла нѣкотораго рода униженіе, чтобы добиться того, чего ей такъ хотѣлось.

— Донъ Джіованни не можетъ жениться на герцогинѣ д'Астрарденте, потому что... — онъ помолчалъ съ минуту, какъ бы загѣмъ, чтобы сильнѣе подчеркнуть то, что имѣлъ сказать: — потому что донъ Джіованни Сарачинеска уже женатъ.

— Что такое? — вскричала донна Туллія, привскакивая на стулѣ отъ удивленія.

— Совершенно вѣрно, — спокойно улыбнулся дель-Фериче; — успокойтесь, это чистая правда. Я знаю, что вы думаете — весь Римъ считалъ, что онъ женится на васъ.

Донна Туллія была подавлена неожиданною вѣстью. На мгновеніе она закрыла руками лицо и облокотилась на фортепьяно. Но вдругъ подняла голову.

— Какая низость! — воскликнула она глухимъ голосомъ.

И медленно приходя въ себя отъ потрясенія, взглянула на дель-Фериче. Она была почти такъ же блѣдна, какъ и онъ.

— Какія у васъ доказательства? — спросила она.

— У меня есть засвидѣтельствованная копія съ оглашенія, сдѣланнаго священникомъ, вѣнчавшимъ ихъ. Это, надѣюсь, доказательство. Кроме того, существуетъ церковная книга съ записью о бракосочетаніи Джіованни въ той приходской церкви, гдѣ оно происходило. Наконецъ, у меня есть копія съ свидѣтельства о гражданскомъ бракѣ, подписанное самимъ Джіованни.

— Расскажите мнѣ все! — съ жаднымъ любопытствомъ говорила донна Туллія. — Какъ вы это узнали?

— Очень просто. Вы сами можете увидѣть это, если не побойтесь провѣтаться. Прошлымъ лѣтомъ я путешествовалъ ради здоровья, какъ часто это дѣлаю, и случайно попалъ въ Аввилу, — знаете, столицу Абруццовъ. Мнѣ случилось зайти въ

ризницу одной приходской церкви, чтобы поглядѣть висѣвшія тамъ картины. Въ церкви происходило передъ тѣмъ вѣнчаніе, и дьячокъ, объясняя мнѣ картины, положилъ руку на какую-то раскрытую книгу, походившую на реестръ. Я спросилъ такъ себѣ, зря, что это за книга, и онъ показалъ мнѣ ее; отъ нечего-дѣлать я переворачивалъ страницу за страницей и читалъ записи. Вдругъ я увидѣлъ записъ, четко написанную, съ знакомымъ именемъ: „Джіованни Сарачинеска“, а подъ ней — „Феличе Бальди“, женщина, на которой онъ женился. Число, когда это совершилось: 19-е іюня 1863 года. Вы припомните, быть можетъ, что въ этомъ году донъ Джіованни будто бы ѣздилъ на охоту въ Канаду, и такъ много распространялся объ этой знаменитой охотѣ. Оказывается, что два года тому назадъ онъ жилъ не въ Америкѣ, а въ Аввилѣ, гдѣ женился на Феличе Бальди, по всей вѣроятности, хорошенькой крестьянской дѣвушкѣ. Я былъ пораженъ этими записями, и просилъ разрѣшенія взять съ нихъ копію, засвидѣтельствованную нотариусомъ. Я нашелъ священника, вѣнчавшаго ихъ; но тотъ не могъ хорошенько описать ихъ наружности. Мужчина былъ сильный брюнетъ, это онъ помнилъ, а женщина блѣлая. Онъ столько паръ вѣнчалъ ежегодно. Эта пара не была изъ уроженцевъ Аввилы; они, вѣроятно, пріѣхали издалека: было ли оглашеніе? — разумѣется, было. И онъ позволилъ мнѣ снять и съ него копію. Послѣ того я отправился въ мэрію. Я попросилъ показать мнѣ книгу о брачныхъ записяхъ. И тамъ увидѣлъ подпись Джіованни, не такую твердую и болѣе крупнымъ почеркомъ, какъ обыкновенно, но несомнѣнно сдѣланную его рукой. Я и тутъ снялъ копію, просто изъ любопытства, но никому не говорилъ объ этомъ. Вотъ и вся исторія. Вы понимаете теперь, какъ это важно?

— Да, понимаю, — отвѣтила донна Туллія, слушавшая съ громаднымъ интересомъ. — Но что могло его заставить жениться на этой женщинѣ?

— Это одно изъ проявленій милой эксцентричности, свойственной его фамиліи, — пожалъ плечами дель-Фериче. — Интересно было бы узнать, что случилось съ Феличе Бальди.. или съ донной Феличе Сарачинеска, какъ, я полагаю, она можетъ по праву называться.

— Разыщемъ ее... жену Джіованни! — воскликнула донна Туллія съ жаромъ. — Гдѣ она можетъ быть?

— Кто знаетъ! Любопытно было бы ее видѣть.

— Можетъ быть, она умерла, — предположила донна Туллія, и лицо ея омрачилось.

— Какимъ образомъ? Не станетъ же онъ трудиться убивать крестьянскую дѣвушку изъ Абруццъ! Ему не трудно было ее бросить; она, быть можетъ, и теперь еще жива и нанячить будущаго князя Сарачинеска.

— Но развѣ вы не понимаете, что пока мы не докажемъ, что она жива, онъ не въ нашихъ рукахъ? Онъ можетъ спокойно сознаться, что былъ женатъ, но утверждать, что жена его умерла.

— Вѣрно; но даже и въ такомъ случаѣ ему нужно было бы доказать, что она умерла естественною смертію и схоронена. Повѣрьте мнѣ, Джіованни скорѣе откажется отъ намѣренія жениться на Астрарденте, чѣмъ допустить обнародованіе этой скандальной исторіи.

— Желала бы я бросить это ему въ лицо и посмотреть, что-то онъ скажетъ!—съ яростію произнесла донна Туллія.

— Помните вашу клятву. Къ тому же, онъ уѣхалъ, и вы его не увидите въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

— Скажите мнѣ, какъ бы вы воспользовались вашими свѣденіями, еслибы захотѣли помѣшать его женитьбѣ на Астрарденте?

— Я бы предложилъ вамъ поѣхать къ ней и рассказать обо всемъ. Вамъ незачѣмъ упоминать мое имя. Всякій, кто поѣдетъ въ Аввилу, можетъ провѣрить записи. Я думаю, что вы сьумѣли бы какъ слѣдуетъ сообщить ей объ этомъ.

— Полагаю, что сьумѣла бы, — проговорила донна Туллія сквозь зубы. — Какъ странно, что эта записка попала въ глаза!

— Случай всесилень, а человѣку слѣдуетъ только умѣть имъ пользоваться. Кто знаетъ, какъ этотъ случай можетъ послужить вамъ!

— Никогда; я связана обѣщаніемъ.

— Конечно, но мы всегда можемъ сговориться о томъ, какъ всего лучше поступить при данныхъ обстоятельствахъ. Времени у насъ довольно, чтобы обсудить, въ правѣ ли мы причинить такое горе невинной женщинѣ, какъ герцогиня Астрарденте, и осрамить дону Джіованни, хотя онъ и недостойный человѣкъ. Подумайте только, какой позоръ для Сарачинеска, если обнаружится, что онъ открыто готовился жениться на богатой женщинѣ, будучи уже тайно женатъ на крестьянкѣ!

— Это было бы ужасно, — замѣтила донна Туллія, съ злымъ блескомъ въ глазахъ. — Быть можетъ, лучше намъ и не воспользоваться нашими свѣденіями, — прибавила она, перевертывая страницы нотъ, лежавшихъ передъ ней на пюпитрѣ.

И вдругъ повернулась къ дель-Фериче.

— Знаете ли вы, въ какое ужасное положеніе вы поставили меня, исторгнувъ у меня это обѣщаніе?

Нѣтъ, — спокойно отвѣтилъ дель-Фериче. — Вы хотѣли узнать мою тайну. Вы ее узнали. Вамъ остается только сохранить ее.

— Вотъ именно...

Она умоляла и взяла громкій аккордъ на фортепіано. Лицо ея было обращено въ сторону, и она не могла видѣть улыбки, мелькнувшей на его блѣдномъ лицѣ и тотчасъ же угасшей.

— Не думайте больше объ этомъ! — мягко проговорилъ онъ. — Стоитъ только захотѣть, и любую исторію можно выкинуть вамъ изъ головы.

Донна Туллія горько улыбнулась и умоляла. Она играла на фортепіано бессмысленно, но съ энергіей. Дель-Фериче терпѣливо сидѣлъ рядомъ съ нею, переворачивалъ страницы и время отъ времени глядѣлъ ей въ лицо, которое ему очень нравилось. Онъ принадлежалъ къ типу малокровныхъ и флегматичныхъ мужчинъ, которые очень часто влюбляются въ женщинъ сангвиническаго темперамента и здороваго тѣлосложенія. Донна Туллія была прекраснымъ типомъ этого рода женщинъ и считалась красивой, хотя и не отличалась изяществомъ и миловидностью. Дель-Фериче она очень нравилась; но, вонечно, ея деньги нравились ему еще больше. Онъ видѣлъ себя постепенно приближающимся къ цѣли своихъ желаній, и по мѣрѣ приближенія къ завѣтной цѣли онъ становился все осторожнѣе и осторожнѣе. Онъ сходилъ съ самаго крупнаго козыря сегодня вечеромъ, и теперь спокойно рѣшилъ ждать дальнѣйшихъ событій. Сѣмя, зароненное имъ, взростетъ, онъ въ этомъ не сомнѣвался, и его позиція крѣпка. Онъ могъ ждать спокойно результата.

По прошествіи получаса онъ простился съ донной Тулліей, ссылаясь на то, что все еще не совсѣмъ поправился и долженъ пораньше ложиться спать. Донна Туллія не удерживала его, потому что ей хотѣлось побыть одной...

Прошло нѣсколько дней, и, какъ того желалъ Джіованни, въ Римъ пришло извѣстіе, что его видѣли во Флоренціи, и что онъ уѣхалъ въ Парижъ. Толковали также про то, что онъ отправляется на охоту лѣтомъ на дальній сѣверъ. Это было на него похоже, и вполне согласовалось съ его вкусами. Онъ терпѣть не могъ тихихъ пріемовъ въ большихъ домахъ во время поста, на которыхъ, оставаясь въ Римѣ, онъ обязанъ былъ бы бывать. Естественно, что онъ желалъ отъ нихъ уклониться. Но для донны

Туллія уклониться отъ нихъ не представлялось возможности; впрочемъ она ухитрилась извлекать изъ нихъ удовольствіе. Она была центромъ самаго шумнаго люда, и куда бы она ни пріѣзжала, лица, желавшія веселиться во что бы то ни стало, толпились около нея.

На одномъ изъ такихъ раутовъ она встрѣтилась съ старикомъ Сарачинеска. Онъ мало выѣзжалъ послѣ отъѣзда сына, но казался веселъ, и такъ какъ по непостижимымъ причинамъ любилъ донну Туллію, то и она его любила. Кромѣ того, интересъ, внушаемый ей Джіованни, хотя и діаметрально противоположный нѣжнымъ чувствамъ, заставлялъ ее желать узнать что-нибудь о томъ, гдѣ находится Джіованни и что онъ дѣлаетъ.

— Вамъ должно быть скучно безъ сына?—спросила она.

— Потому я и уѣзжаю,—отвѣтилъ князь.

— Нѣтъ ли чего новаго, князь? Я хочу, чтобы вы меня развеселили.

— Новаго? Нѣтъ. Міръ предается покою и, слѣдовательно, грѣху, какъ всегда почти случается, когда онъ отдыхаетъ отъ припадаема насилія.

— Вы, повидимому, склонны морализировать сегодня вечеромъ,—улыбнулась донна Туллія, обмахиваясь краснымъ вѣеромъ, который всюду съ собой таскала.

— Неужели? значить я старѣюсь. Привилегія стариковъ: бранить то, что имъ болѣе недоступно. Плохо стариться, но зато старики становятся добродѣтельны, или прикидываются добродѣтельными, что одно и то же.

— Какой милый цинизмъ!

— Будто бы? Я слыхалъ отъ ученыхъ, что настоящій цинизмъ характеризуется басней о собакѣ на снѣгъ, которая сама не ѣстъ и другимъ не даетъ. Лично я никогда не принадлежалъ къ такому типу людей.

— Часто ли пишетъ вашъ сынъ? и интересный ли онъ корреспондентъ?

— Очень, такъ какъ нисколько не утруждаетъ. Онъ присылаетъ время отъ времени свой адресъ и часто требуетъ перевода денегъ на различныхъ банкировъ. Письма его такъ интересны, какъ только могутъ быть интересны письма не длиннѣе пяти строкъ. Но, съ другой стороны, ихъ недолго читать, что тоже очень пріятно.

— Какой вы, однако, нѣжный родитель! — замѣтила донна Туллія со смѣхомъ.

— Если вы измѣряете любовь родительскую количествомъ

почтовыхъ марокъ, то имѣете право смѣяться. Если нѣтъ, то вы неправы. Какъ могу я не любить существо, столь на меня похожее, какъ мой сынъ? Это значило бы очень низко цѣнить самого себя.

— Я не нахожу, чтобы донъ Джіованни былъ очень на васъ похожъ,—замѣтила донна Туллія задумчиво.

— Быть можетъ, вы его не знаете такъ хорошо, какъ я. Въ чемъ вы видите разницу?

— Я думала, что вы, напримѣръ, общительнѣе и... какъ бы это выразиться? — не то, чтобы честнѣе, но прямодушнѣе.

— Я съ вами несогласенъ, — торопливо перебилъ Сарачинеска. — Никто изъ близко знающихъ Джіованни людей не скажетъ, чтобы онъ былъ способенъ къ невиннѣйшему притворству. Вы находите, что онъ молчаливъ; онъ, конечно, умѣетъ держать языкъ за зубами. Мой сынъ не попугай.

— Да, это вѣрно,—отвѣтила донна Туллія, и этотъ отвѣтъ умиротворилъ старика. Но про себя она подумала, что величайшее доказательство умѣнья держать языкъ за зубами Джіованни представилъ, умолчавъ о своей женитьбѣ. И стала ломать голову, — знаетъ ли объ этомъ что-нибудь старикъ-внязь.

V.

Анастасій Гуашъ усердно работалъ между тѣмъ надъ портретомъ кардинала и въ то же самое время старался какъ можно лучше угодить доннѣ Тулліи. Послѣднее въ самомъ дѣлѣ было нелегко, и Гуашъ находилъ очень затруднительнымъ сообщить ея портрету тотъ ореолъ поэзіи, какого она требовала, не насилуя своего художественнаго чувства. Но зато другой портретъ быстро двинулся впередъ. Кардиналъ былъ человѣкъ нетерпѣливый, и послѣ двухъ или трехъ сеансовъ заявилъ, что съ него довольно, и что онъ хочетъ, чтобы портретъ былъ какъ можно скорѣе готовъ. Анастасій, правда, забавлялъ его: государственный человѣкъ скоро замѣтилъ, что завладѣлъ умомъ молодого человѣка, и, какъ это предсказывалъ Джіованни Сарачинеска, помогъ Гуашу разобраться въ своихъ убѣжденіяхъ. Но кардиналъ не ожидалъ того практическаго результата, къ какому все это приведетъ, и только-что онъ объявилъ, что желаетъ, чтобы сеансы были поскорѣе превращены, какъ вдругъ Гуашъ удивилъ его слѣдующимъ заявленіемъ.

По обыкновенію они сидѣли въ кабинетѣ; государственный

человѣкъ былъ молчаливъ и задумчивъ, а Гуашъ работалъ изо всѣхъ силъ.

— Я рѣшился,—проговорилъ вдругъ послѣдній.

— Касательно чего это, мой другъ? — спросилъ великій человекъ разсѣянно.

— Касательно всего, ваша свѣтлость: касательно политики, религiи, жизни, смерти и всего, что относится до моей карьеры. Я готовлюсь записаться въ зуавы.

Кардиналъ поглядѣлъ на него съ минуту и затѣмъ тихо засмѣялся.

— *Extremis malis extrema remedia!* — воскликнулъ онъ.

— Именно: *aux grands maux les grands remèdes*, какъ мы говоримъ. Я применю къ воинствующей церкви. Я убѣжденъ, что это лучшее, что можетъ сдѣлать честный человекъ. Я люблю борьбу и люблю церковь,—поэтому буду бороться за церковь.

— Вы по крайней мѣрѣ логичны,—замѣтилъ кардиналъ.

Но онъ поглядѣлъ на Гуаша, поглядѣлъ на его тонкія черты лица и нѣжное тѣлосложеніе, и подивился — какой выйдетъ изъ него воинъ.

— Да, вы логичны, м-г Гуашъ, но какъ же съ искусствомъ?

— Я вѣдь не буду на часахъ цѣлый день, и зуавамъ позволяютъ жить на собственной квартирѣ. Я буду жить въ мастерской и писать въ свободное отъ службы время.

— А мой портретъ?—спросилъ кардиналъ Антонелли, котораго все это очень забавляло.

— Ваша свѣтлость, конечно, будете такъ добры и устроите, чтобы мнѣ дали возможность его окончить.

— Не могли ли бы вы отсрочить на недѣлку поступленіе въ зуавы?

Гуашъ нахмурился; онъ терпѣть не могъ проволоочекъ.

— Я и безъ того слишкомъ долго собирался съ мыслями,— отвѣчалъ онъ. — Я хочу немедленно обратиться. Я увѣровалъ. Ваша свѣтлость убѣдили меня, что я былъ глупъ.

— Я, конечно, вовсе не имѣлъ въ виду убѣждать васъ въ этомъ,—улыбнулся кардиналъ.

— Очень глупъ, — повторилъ Гуашъ, не обращая вниманiя на перерывъ.—Я говорилъ всякій вздоръ—самъ не знаю почему, быть можетъ затѣмъ, чтобы узнать, въ чемъ заключается здравое сужденіе. Я мечталъ и грезилъ до болѣзненности. Всѣ художники должно быть больные люди. Лучше дѣлать какое-нибудь живое дѣло, нежели гоняться за призраками.

— Я съ вами согласенъ. Но не нахожу, чтобы ваша фан-

тазія была болѣзненная; у васъ она скорѣе богатая, нежели болѣзненная. Откровенно говоря, я былъ бы огорченъ, еслибы ваша новая дѣятельность повредила вашей великой будущности, какъ живописца; но, съ другой стороны, не могу не пожелать, чтобы побольше молодыхъ людей послѣдовали вашему примѣру.

— Значить, ваша свѣтлость одобряете меня?

— Какъ вы думаете, изъ васъ выйдетъ хорошій солдатъ?

— Другіе художники были же хорошими солдатами. Напримѣръ, Челлини...

— Бенвенуто Челлини говорилъ, что былъ хорошимъ солдатомъ; онъ самъ говорилъ это, но его репутація, какъ правдиваго человѣка, сомнительна, чтобы не сказать болѣе. Если не онъ убилъ коннетабля Бурбонскаго, то несомнѣнно, что его убилъ кто-то другой. Кромѣ того, солдатъ въ наше время весьма отличается отъ вооруженнаго гражданина эпохи Климента VIII и вышеупомянутаго коннетабля. Вы должны будете носить мундиръ и спать въ казармѣ; вы должны будете вставать рано поутру на ученіе и до поздней ночи стоять на караулѣ въ дождь, холодъ и вѣтеръ. Это тяжело; мнѣ кажется, даже у васъ не такое крѣпкое здоровье. Тѣмъ не менѣе намѣреніе прекрасное. Попробуйте, и если вамъ не удастся, я приму мѣры, чтобы облегчить вамъ возвратъ къ жизни художника.

— Я не намѣренъ бросать службы; что касается моего здоровья, я такъ же силенъ, какъ и всякій другой.

— Можетъ быть, — съ сомнѣніемъ замѣтилъ кардиналь. — А когда же вы поступаете въ зуавы?

— Черезъ часъ, — спокойно отвѣтилъ Гуашъ.

И онъ сдержалъ слово. Но онъ никому не говорилъ о своемъ намѣреніи, кромѣ кардинала; день или два ему случалось проходить по улицѣ мимо знакомыхъ, и они не узнавали Анастасія Гуаша въ красивомъ молодомъ солдатѣ, въ сѣромъ мундирѣ тюрбоса, съ краснымъ кушакомъ вокругъ тонкой талии и небольшомъ бѣпи, молодецки сдвинутомъ на-бокъ.

То было обычное явленіе въ тѣ дни. Иностранцы кипша-вишѣли въ Римѣ, и многіе изъ нихъ примывали къ космополитскому отряду изъ джентльменовъ, нобльменовъ, художниковъ, людей ученыхъ профессій, авантюристовъ, дуэлистовъ, временно изгнанныхъ изъ отечества, энтузіастовъ, бродягъ, ирландцевъ и людей всѣхъ сословій и характеровъ. Но въ цѣломъ это былъ блестящій отрядъ, не дорожившій жизнью и, въ концѣ концовъ, боровшійся за идею въ духѣ крестоносцевъ. Много было такихъ, которые, какъ и Гуашъ, вступили въ него изъ убѣжденія, и мало

было такихъ, которые, разъ вступивъ въ него, дезертировали. Часто случалось, что иностранецъ прѣвзжалъ въ Римъ погостить, и въ концѣ мѣсяца удивлялъ своихъ друзей, появившись въ сѣромъ мундирѣ. Вечеромъ наканунѣ вы видѣли его на балѣ, покрытомъ котильонными орденами и вальсирующимъ какъ безумный. А на другое утро встрѣчали въ Café de Rome—въ сѣрой курткѣ, и онъ объявлялъ вамъ, что поступилъ въ солдаты, отдаетъ честь каждому капралу французской пѣхоты и можетъ быть посаженъ подъ арестъ, если опоздаетъ къ вечерней переключкѣ.

Портретъ донны Тулліи не былъ вполнѣ оконченъ, и Гуашу требовалось еще одинъ или два сеанса. Три дня спустя послѣ того какъ художникъ принялъ свое великое рѣшеніе, м-ше Майеръ и дель-Фериче вошли въ его студию. Онъ отпросился на время сеанса изъ казармъ и снялъ только военную куртку, замѣнивъ ее блузой, но не давая себѣ труда перемѣнить остальную часть костюма.

— Гдѣ вы пропадали все это время?—спросила донна Туллія, входя въ студию.

— Великій Боже, Гуашъ!—вскричалъ дель-Фериче, отступая назадъ, когда увидѣлъ сѣрыя панталоны и желтыя штилеты художника.—Что значить этотъ нарядъ?

— Что? — холодно отвѣтилъ Гуашъ. И, взглянувъ на свои ноги, прибавилъ.—Ахъ, это! Я поступилъ въ зуавы—вотъ и все. Не угодно ли вамъ сѣсть, донна Туллія. Я васъ жду.

— Поступили въ зуавы!—вскричали въ одинъ голосъ м-ше Майеръ и дель-Фериче.—Поступили въ зуавы!

— Ну, да!—отвѣтилъ Гуашъ, приподнимая брови и наслаждаясь ихъ удивленіемъ.—Почему бы и нѣтъ?

Дель-Фериче принялъ трагическую позу и хрипло прошепталъ на ухо доннѣ Тулліи:

— Siamo traditi!

Донна Туллія слегка поблѣднѣла, но со смѣхомъ отвѣтила:

-- Преданы! Гуашемъ! вотъ еще!

Гуашъ засмѣялся, пододвигая рѣзное кресло, на которомъ обыкновенно сидѣла м-ше Майеръ.

— Успокойтесь, сударыня! Я не имѣю ни малѣйшаго желанія предавать васъ. Я произвелъ контръ-революцію, но я прямодушенъ. И никому не перескажу о страшныхъ злодѣяніяхъ, о которыхъ здѣсь толковалось.

Дель-Фериче замычалъ и отступилъ назадъ, частію съ притворной, частію съ серьезной тревогой. Въ его планы входило убѣдить донну Туллію, что она замѣшана въ настоящій заговоръ,

и съ этой точки зрѣнія онъ долженъ былъ выказать ужасъ и отвращеніе. Съ другой стороны, онъ зналъ, что Гуашъ пишетъ портретъ кардинала, и догадывался, что государственный человѣкъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на умъ живописца,—вліяніе, уже проявившееся опаснымъ образомъ. Ему до самаго послѣдняго времени и въ голову не приходило, что Анастасій, республиканецъ по убѣжденіямъ и по происхожденію, можетъ внезапно перейти въ реакціонный лагерь.

— Извините меня, донна Туллія,—сказалъ Уго серьезнымъ тономъ:—извините меня, но мнѣ кажется, что мы хорошо сдѣлаемъ, если предоставимъ м-г Гуашу идти по его новому пути. Здѣсь намъ не мѣсто...

— Послушайте, дель-Фериче! — проговорилъ вдругъ Гуашъ, подходя къ нему и глядя ему прямо въ лицо:—неужели вы серьезно думаете, что стѣдуетъ сообщать о томъ, что здѣсь говорилось? или если вы думаете, что стѣдуетъ, то неужели вы въ самомъ дѣлѣ считаете меня способнымъ пересказать это?

— Ба!—воскликнула донна Туллія:—все это пустяки! Гуашъ, конечно, благородный человѣкъ... и, кромѣ того, я хочу, чтобы мой портретъ былъ оконченъ, хотя бы напереворъ политивѣ.

Съ этими словами донна Туллія усѣлась, и дель-Фериче пришлось послѣдовать ея примѣру. Онъ былъ глубоко возмущенъ, но увидѣлъ сразу, что бесполезно разубѣждать м-ше Майеръ въ томъ, что она рѣшила.

— А теперь расскажите намъ, что все это значитъ,—продолжала донна Туллія.—Съ какой стати вы поступили въ зуавы? Вашъ видъ, право, разстроиваетъ мнѣ нервы.

— И это сообщаетъ поѣтическое выраженіе вашему лицу,—перебилъ Гуашъ.—Я бы желалъ, чтобы у васъ постоянно были разстроены нервы. Вы хотите знать, почему я поступилъ въ зуавы? Очень просто. Вы знаете, что я всегда слѣдую своимъ побужденіямъ.

— Побужденіямъ!—повторилъ мрачно дель-Фериче.

— Да, потому что мои побужденія всегда хороши... тогда какъ если я примусь разсуждать, то всегда изъ этого выйдетъ вздоръ. Я почувствовалъ непреодолимое желаніе надѣть мундиръ, пошелъ и поступилъ въ зуавы.

— Я чувствую сильное побужденіе встать и уйти изъ вашей студіи, м-г Гуашъ,—сказала донна Туллія съ нервнымъ смѣхомъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ замѣтить, что если мои побужденія хороши, то ваши дурны,—отвѣтилъ Анастасій, спокойно продолжая писать.—Потому что у меня новый костюмъ...

— И новыя убѣжденія,—перебилъ дель-Фериче.—Вы всегда такъ много спорили объ убѣжденіяхъ.

— У меня ихъ совсѣмъ не было, потому я и спорилъ. Теперь, когда они у меня есть, я больше не спорю.

— Вы умно поступаете. Ваши теперешнія убѣжденія не вынесутъ критики...

— Извините меня, если вы позволите мнѣ представить васъ кардиналу Антонелли...

— Этому ужасному человѣку! этому Мефистофелю!—всплеснула въ ужасъ донна Туллія руками.

— Этому Маккиавелли! этому архи-врагу всякой свободы!—воскликнулъ дель-Фериче театральнымъ тономъ.

— Именно,—отвѣтилъ Гуашъ. — Еслибы его можно было убѣдить пожертвовать вамъ четверть часа своего драгоценнаго времени, онъ бы въ мигъ перевернулъ всѣ ваши убѣжденія вверхъ дномъ!

— Это уже черезъ-чуръ!—вскричалъ дель-Фериче гнѣвно.

— Я нахожу, напротивъ, что это очень забавно,—замѣтила донна Туллія.—Какая жалость, что всѣ либералы—не художники, которыхъ его свѣтлость могъ бы пригласить писать свой портретъ и въ какой-нибудь часъ времени заставить перемѣнить мнѣнія.

Гуашъ спокойно улыбнулся и продолжалъ писать.

— Итакъ, онъ сказалъ вамъ, чтобы вы шли и записались въ зуавы,—проговорила донна Туллія послѣ минутнаго молчанія:—а вы и послушались, какъ ягненовъ?

— Кардиналъ не только не совѣтовалъ мнѣ идти въ солдаты, но выразилъ непритворное удивленіе, когда я высказалъ ему о своемъ намѣреніи,—отвѣтилъ Гуашъ холодно.

— Право же, это совсѣмъ невѣроятно. Я никогда въ жизни не была еще такъ удивлена.

Гуашъ всталъ съ мѣста, чтобы оглядѣть свою работу, а донна Туллія осмотрѣла его съ ногъ до головы.

— Tiens!—воскликнула она:—а вѣдь костюмъ зуава идетъ вамъ, Гуашъ! какія у васъ тонкія щиколки!

Анастасій расхохотался. Невозможно было сохранять серьезное настроеніе съ такой пустой госпожой.

— Если выраженіе вашего лица будетъ такъ часто мѣняться, донна Туллія, то его невозможно будетъ уловить.

— Какъ и ваши убѣжденія,—проворчалъ дель-Фериче.

Онъ былъ совсѣмъ сбитъ съ толку. Онъ никакъ не ожидалъ, что тщеславное желаніе видѣть свой портретъ оконченнымъ возъ-

метъ у донны Тулліи верхъ надъ опасеніями политическаго свойства. Быть можетъ также она слишкомъ вѣрила въ Гуаша, чтобы его бояться. И дѣйствительно, всякій, кто зналъ Гуаша, довѣрился бы ему. Даже самъ дель-Фериче не столько опасался того, что художникъ перескажетъ его пустое либеральничанье, какъ былъ разсерженъ равнодушіемъ донны Тулліи къ сдѣланному открытію. Ему хотѣлось, чтобы м-ше Майеръ серьезно вѣрила въ то, что скомпрометтировала себя участіемъ въ настоящемъ заговорѣ: это дало бы ему власть надъ нею.

— Итакъ, вы будете сражаться за Пія IX?—замѣтилъ Уго презрительно.

— Буду. И безъ обиды будь сказано, если встрѣчу васъ, мой другъ, среди гарибальдійцевъ, въ красной рубашкѣ, то убью наповаль. Это будетъ очень неприятно, а потому я надѣюсь, что вы къ нимъ не пристанете.

— Остерегайтесь, дель-Фериче,—засмѣялась донна Туллія:—ваша жизнь въ опасности! Лучше вамъ пристать къ зуавамъ.

— Я не могу снять портретъ съ его святѣйшества,—иронизировалъ Уго,—а потому у меня нѣтъ никакихъ шансовъ.

— Вы могли бы помочь ему совѣтами,—замѣтилъ Гуашъ.—Я не сомнѣваюсь, что вы могли бы сказать ему много полезнаго.

— И стать измѣнникомъ...

— Тс! не будьте такъ глупы, дель-Фериче!—перебила донна Туллія, начинавшая бояться, что намеки дель-Фериче поведутъ къ неприятной исторіи. Она втайнѣ была убѣждена, что мягкаго Гуаша не слѣдуетъ выводить изъ себя. Онъ былъ слишкомъ спокоенъ, слишкомъ рѣшителенъ и слишкомъ серьезенъ, чтобы не быть опаснымъ, разъ его выведутъ изъ терпѣнія.

— Не будьте нелѣпы,—повторила она.—Чтѣ бы Гуашъ ни предпринялъ, онъ благородный человѣкъ, и я не хочу, чтобы вы говорили при немъ о предателяхъ. Онъ не ссорится съ вами; зачѣмъ вы хотите съ нимъ поссориться?

— Я думаю, онъ достаточно сдѣлалъ для того, чтобы оправдать желаніе съ нимъ поссориться, — мрачно произнесъ дель-Фериче.

— Любезный дель-Фериче,—повернулся къ нему Гуашъ, откладывая кисть въ сторону.—М-ше Майеръ исполнѣ права. Я не только не ищущу ссоры, но и не дамъ ее съ собой завести. Я даю вамъ честное слово, что все, чтѣ здѣсь происходило раньше и чтѣ я слышалъ отъ васъ или отъ донны Тулліи, Вальдэрно и кого бы то ни было изъ вашихъ друзей, я считаю ненарушимой тайной. Вы прежде говорили, что у меня нѣтъ убѣжденій, и вы

были правы. У меня ихъ не было, и я съ большимъ интересомъ выслушивалъ ваши мнѣнія. Теперь обстоятельства перемѣнились. Мнѣ незачѣмъ говорить вамъ, во что я вѣрю, потому что на мнѣ мундиръ папскаго зуава. Когда я надѣвалъ его, я, разумѣется, не имѣлъ въ виду оскорбить васъ. Я не желаю оскорблять васъ и теперь, и прошу только одного—не оскорблять и меня. Съ своей стороны, я могу сказать только одно: съ этихъ поръ я не желаю участвовать въ вашихъ совѣщаніяхъ. Если донна Туллія довольна своимъ портретомъ, то намъ незачѣмъ больше видѣться. Если же намъ придется видѣться, то я прошу, чтобы эти свиданія происходили на правахъ взаимной вѣжливости и уваженія.

Больше прибавить было нечего, и рѣчь Гуаша положила конецъ дальнѣйшимъ пререканіямъ съ дель-Фериче. Донна Туллія, улыбаясь, высказала свое одобреніе.

— Вы вполне правы, Гуашъ. Вы знаете, что невозможно оставить портретъ какъ онъ есть. Вы знаете... вы обѣщали мнѣ, помните, измѣнить его выраженіе.

Гуашъ наклонилъ голову молча и сѣлъ за работу. Дель-Фериче не раскрывалъ больше рта во весь сеансъ и мрачно глядѣлъ то на портретъ, то на донну Туллію, то въ полъ. Онъ не часто измѣнялъ обычной мягкости манеръ, но поведеніе Гуаша выбило его изъ колеи.

Въ слѣдующій разъ, когда донна Туллія пріѣхала на сеансъ, ее сопровождала старуха графиня, а дель-Фериче больше не появлялся. Портретъ былъ оконченъ въ удовольствію обѣихъ сторонъ и повѣшенъ въ гостиной донны Тулліи, гдѣ имъ могли восторгаться и критиковать его всѣ ея друзья и знакомые. Но Гуашъ радовался, когда онъ унесенъ былъ изъ его мастерской, такъ какъ, въ концѣ концовъ, возненавидѣлъ его, и готовъ былъ польстить оригиналу до уничтоженія всякаго сходства, лишь бы отдѣлаться отъ холоднаго взгляда голубыхъ глазъ м-ше Майеръ. Онъ окончилъ также портретъ кардинала; и государственный чело-вѣкъ заплатилъ за него не только съ необычайною щедростью, но и сдѣлалъ подарокъ художнику на память долгихъ часовъ, которые они провели вмѣстѣ.

Онъ раскрылъ одинъ изъ ящиковъ своей бібліотеки и вынулъ изъ него старинный перстень съ горнымъ хрусталемъ, на которомъ была вырѣзана фигура Побѣды. Онъ взялъ руку Гуаша и надѣлъ ему перстень на палецъ. Ему полюбился Анастасій.

— Носите это на память обо мнѣ,—сказалъ онъ милостиво.

— Это Побѣда; вы теперь солдаты, и я молю Бога, чтобы побѣда всюду васъ сопровождала; вручаю вамъ ея изображеніе.

— А я, — отвѣчалъ Гуашъ, — буду молиться о томъ, чтобы она была символомъ тѣхъ побѣдъ, которыя одержите вы.

— Только символомъ, — задумчиво проговорилъ кардиналъ. — Не болѣе какъ символомъ. Я рожденъ не для побѣды, но для безнадежной борьбы... я долженъ обманывать побѣжденныхъ людей пустой надеждой, а побѣдителей пугать пустымъ страхомъ. Тѣмъ не менѣе, другъ мой, — прибавилъ онъ, сжимая руку Гуаша и устремляя на него маленькіе, блестящіе глазки, — будемъ бороться, будемъ бороться до конца!

— И будемъ бороться до конца, ваша свѣтлость! — отвѣтилъ Гуашъ.

Одинъ былъ простой солдатъ, зуавъ, а другой, державшій его за руку — великій и могущественный человекъ; но тотъ же огонь горѣлъ въ ихъ сердцахъ, то же мужество, та же преданность проигранному дѣлу, — и оба сдержали слово, каждый по своему.

А. Э.

СИБИРЬ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ.

Громадная страна, присоединенію которой къ Россіи считали недавно трехсотлѣтіе, занимаетъ въ территоріи російской имперіи особенное мѣсто, выдѣляющее ее изъ общаго характера коренной русской земли; она имѣла также и исключительную историческую судьбу. До сихъ поръ Сибирь отличается отъ Россіи своимъ гражданскимъ положеніемъ и, кромѣ того, въ своемъ русскомъ населеніи представляетъ этнографическій типъ, котораго опять нельзя отождествлять съ господствующимъ типомъ русской народности въ европейской Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, Сибирь, колонизованная только русскими, съ самаго начала, однако, стала пріобрѣтать особый складъ административный и бытовой, который съ теченіемъ времени все больше удалялся отъ обычнаго хода жизни въ метрополи, и страна, неразрывно связанная съ московскимъ государствомъ, а потомъ съ имперіей, тѣмъ не менѣе для русскаго общества и народа стала издавна казаться чѣмъ-то отдѣльнымъ, исключительнымъ, почти чужимъ, какъ въ самой Сибири стали складываться новые нравы и развиваться особый „мѣстный патриотизмъ“. Вся судьба страны была въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ исключительная. Какъ сейчасъ увидимъ, завоеваніе Сибири, въ послѣдніе годы XVI-го вѣка, вовсе не было чѣмъ-нибудь неожиданнымъ или случайнымъ; напротивъ, оно давно подготовлялось, совершалось какъ бы само собою и весьма послѣдовательно; но съ самаго начала новая русская область испытала

такія условія внѣшнія и внутренно-бытовья, что необходимо сама отступала и была выдѣляема изъ общаго хода русской жизни, учреждений, нравовъ и обычаевъ, племенного типа и даже языка. Для стараго московскаго государства Сибирь явилась новой прибавкой къ тѣмъ полупустыннымъ землямъ, съ полудикимъ населеніемъ, которыя давно приобрѣтались на сѣверо-востоки и постоянно раздвигались; теперь снова расширялась государственная территория, умножался царскій титулъ наименованіемъ новыхъ земель, богатѣла казна, возросталъ правительственный авторитетъ; но въ новыхъ приобрѣтеніяхъ оказывались большія особенности. Страна была такъ обширна, что долго не могли быть опредѣлены ея далекіе предѣлы, отрывались все новыя земли, съ новыми данями для казны, и это обстоятельство внушило особую заботливость о практической эксплуатаціи страны. Съ другой стороны, новыя приобрѣтенія дѣлались не столько по сознательнымъ планамъ центральной власти, сколько мѣстной предприимчивостью, которая истекала частію изъ алчности промышленниковъ, частію изъ стараго казацкаго удалства, начавшаго и первое завоеваніе Сибири. Самыя внѣшнія обстоятельства создавали въ Сибири особый порядокъ вещей: нужно было признать эту предприимчивость вольницы, кончавшуюся новыми приобрѣтеніями для государства, но и приводившую за собой угнетеніе туземцевъ, которое вызывало цѣлый рядъ возстаній инородцевъ; отдаленность страны отъ глаза центральной власти дѣлала очень труднымъ или даже совсѣмъ невозможнымъ контроль мѣстнаго управленія, которое съ XVII-го вѣка и до начала XIX-го все болѣе принимало характеръ самоуправства и грабежа воеводъ, а потомъ губернаторовъ. Далѣе, отдаленность страны съ самаго начала навела на мысль сдѣлать ее мѣстомъ ссылки: кого не хотѣли прямо казнить, удаляли въ пустынные поселенія Сибири, отрывая отъ живого міра; до XVII-го вѣка заключали знатныхъ людей въ тюрьмы или монастыри, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій, въ Соловки; теперь отсылали въ Пелымъ, Березовъ, Илимскъ, Якутскъ, Нерчинскъ; въ XVII и XVIII вѣкѣ было высылаемо множество знатныхъ лицъ, впадавшихъ въ опалу; въ Сибирь отправляли массу плѣнныхъ, которыхъ большое число оставалось здѣсь навсегда, теряясь потомъ въ мѣстномъ населеніи; наконецъ, Сибирь стала по закону общимъ и обычнымъ мѣстомъ уголовной и административной ссылки. Русская колонизація шла здѣсь чрезвычайно неровно: захватывались громадныя пространства, слабо населенныя; между людьми промышленными и служилыми оказывался недостатокъ женщинъ, и русскіе по-неволи брали женщинъ изъ мѣстныхъ инородческихъ

племень, легко бросали и мѣняли ихъ; наконецъ, сама власть предпринимала отправку женщинъ массами въ Сибирь, чтобы доставить служилымъ людямъ подругъ—женщины были, конечно, не лучшаго достоинства. Русскій типъ измѣнялся подъ вліяніемъ этихъ смѣшеній съ иноземнымъ элементомъ; инородцы, принимая христіанство, селась между русскими или охватываемые русскими поселеніями, русъли, но русъли, конечно, не сполна, сохраняя въ своемъ новомъ типѣ черты стараго,—какъ случалось и наоборотъ, и даже до послѣдняго времени, что русскіе, поселенные—часто по-неволѣ, вслѣдствіе практическихъ надобностей (напр., для промысловъ, для сторожевой службы, для почтовой гоньбы)—въ инородческой средѣ, сами теряли свою народность и почти смѣшивались съ этой средой. Вслѣдствіе всего этого, въ русскомъ населеніи Сибири мало-по-малу сложился особый характеръ, физическій и бытовой: колонизація соединяла въ Сибири людей весьма различнаго происхожденія и склада, которые, не сохранивъ первоначальныхъ свойствъ, въ своемъ взаимодействіи вырабатывали новыя черты на русской племенной основѣ. Уже старыя путешественники первой половины прошлаго вѣка отмѣчали особенности сибирскаго языка.

Въ понятіяхъ общества и народа въ метрополи, Сибирь рисовалась въ чертахъ совершенно разнородныхъ: далекая страна, о которой трудно было имѣть точныя реальныя свѣденія, представлялась то какъ „золотое дно“, то какъ ужасающая пустыня, имя которой было синонимомъ страшныхъ ссылокъ. Въ дѣйствительности, было то и другое: эксплуатація естественныхъ богатствъ доставляла государству и отдѣльнымъ частнымъ людямъ огромныя средства, которымъ, въ сожалѣнію, не отвѣчало культурное развитіе страны; ссылки наполняли Сибирь населеніемъ, которое не служило странѣ на пользу и создавало странныя соціальныя явленія, неизвѣстныя нигдѣ въ остальной Россіи и, въ общемъ, весьма мрачныя.

Это положеніе вещей съ нѣкоторыми видоизмѣненіями продолжалось до новѣйшаго времени. Лишь въ послѣдніе годы готовятся нѣкоторыя преобразованія во внутреннемъ бытѣ Сибири и, между прочимъ, предстоитъ нововведеніе, которое будетъ, вѣроятно, сопровождаться важными результатами: это—соединеніе Сибири съ метрополіей желѣзными дорогами. Надо думать, что ускореніе сообщеній и обмѣна отразится и болѣею степенью практической и нравственной солидарности. Но остается еще много стараго: страна все еще живетъ въ исключительномъ положеніи, едва начинаетъ получать тѣ новыя учрежденія, какія въ метрополи

зведены уже давно реформами прошлаго царствованія; нравы стараго административнаго произвола еще не вымерли и небольшая сознательная часть сибирскаго общества все еще безсильна въ борьбѣ съ этимъ наслѣдіемъ прошлаго. Процессъ народнаго броженія до сихъ поръ въ полномъ ходу: въ послѣдніе годы переселенія въ Сибирь приняли, кажется, никогда прежде не бывалые размѣры; массы народа, преимущественно изъ среднихъ и южныхъ губерній, направляются въ далекую колонизацію, отъ западной и южной Сибири и новыхъ средне-азиатскихъ владѣній до отдаленнѣйшихъ мѣстностей на Амуръ и въ Уссурийскомъ край. Переселенческое движеніе, дурно организованное или просто предоставленное самому себѣ, вноситъ въ Сибирь новые народные элементы, которымъ предстоитъ еще акклиматизироваться, изменяться подъ вліяніями новой среды и развивать сибирскую разновидность русскаго народа. Какъ она сложится, это, конечно, вопросъ будущаго. До сихъ поръ можно замѣтить, что колонизація совершается пока въ условіяхъ мало благопріятныхъ: много силъ пропадаетъ даромъ прежде, чѣмъ устанавливается новая форма быта. Однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ недостатковъ сибирской жизни, вредное вліяніе котораго отражается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ ея явленіяхъ, надо признать отсутствіе правильной постановки школы, особливо отсутствіе учреждений для высшаго образованія. Сибирское общество въ своихъ лучшихъ представителяхъ давно мечтало объ основаніи университета; дѣйствительно, странно было видѣть, что огромная страна въ наступающемъ четвертомъ столѣтіи своего русскаго бытія не можетъ добиться хотя бы одной высшей школы, которая могла бы разлить въ мѣстномъ обществѣ степень образованія, необходимую и для практической пользы страны, и для нравственнаго сознанія общества. Потребность въ высшей школѣ была такъ сильна, что одними частными пожертвованіями собрана была огромная сумма для основанія сибирскаго университета; наконецъ выстроено было и его зданіе, но проходили годы, и онъ все еще не открывался... Мы привыкли читать самодовольныя заявленія о нашихъ необычайныхъ успѣхахъ въ Сибири и въ Средней Азіи, но достаточно вспомнить гражданскую и общественную исторію Сибири, идущую и до сей минуты, и сравнить ее, напримѣръ, съ англійской колонизаціей Австраліи (не говоримъ уже о колонизаціи сѣверо-американской), чтобы составить понятіе о дѣйствительномъ культурномъ вѣсѣ нашихъ успѣховъ въ Сибири. Правда, вся сѣверная Сибирь и значительная часть средней представляютъ весьма трудныя или даже невозможныя условія для культурнаго успѣха,

но многія мѣстности сибирскаго юга, на западѣ и на крайнемъ востокѣ страны, обладаютъ всѣми природными данными для процвѣтанія этихъ областей, и однако оно все еще не приходитъ. Колонизаціонныя предпріятія идутъ первобытными способами, и помощь просвѣщенія, которое одно можетъ должнымъ образомъ вооружить человѣка для успѣховъ культуры, все еще отвергается, какъ вещь ненужная или даже вредная!

До сихъ поръ мы не имѣли правдивой и обстоятельной исторіи Сибири. Какъ въ первобытныя времена, историографія Сибири начинается лѣтописью; эта лѣтопись идетъ съ первыхъ лѣтъ русскаго владычества въ Сибири, и на мѣстѣ это продолжалось до второй половины прошлаго вѣка, когда „Новую сибирскую лѣтопись“ велъ тобольскій ямщикъ Черепановъ. Настоящая историографія возникаетъ лишь со времени Петровской реформы, и на первое время—трудами ученыхъ иностранцевъ. Послѣ первыхъ старыхъ опытовъ знаменитаго Миллера и Фишера, только разъ поднята была эта задача въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія—въ книгѣ Словцова („Историческое обозрѣніе Сибири“, 1838—44), исполненной съ большимъ трудолюбіемъ, но слишкомъ реторической и кромѣ того опасавшейся говорить настоящую, неприкрашенную, правду, а въ наше время—въ книгѣ И. Щеглова („Хронологическій перечень вѣрнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири, 1883), которая составлена, быть можетъ, еще съ большимъ трудолюбіемъ, но даетъ только хронологическое изложеніе фактовъ, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворяя научнымъ требованіямъ. Затѣмъ, до настоящаго времени накопилась большая масса частныхъ отдѣльныхъ изслѣдованій и сообщеній о сибирской старинѣ и современномъ бытѣ въ разныхъ отношеніяхъ, но этотъ матеріалъ еще ждетъ объединенія въ цѣльномъ историческомъ трудѣ. Такой трудъ указалъ бы дѣйствительное положеніе вещей въ прошедшемъ и настоящемъ, указалъ бы, какъ, въ сущности, мало было сдѣлано для развитія края, о которомъ мы продолжаемъ говорить съ весьма мало основательнымъ самоудовольствомъ, и который, напротивъ, еще слишкомъ нуждается въ разумной поддержкѣ его силъ, въ устройствѣ его гражданскаго положенія, въ правдивомъ удовлетвореніи его нуждъ и особенно—нужды просвѣщенія.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣреваемся изложить въ самыхъ общихъ чертахъ постепенное развитіе тѣхъ изслѣдованій, какія посвящены были Сибири почти съ первой поры ея открытія и завоеванія—по описанію ея территоріи, по ея исторіи и этнографіи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ сошлись весьма разнообраз-

ныя предпріятія. Первыя разысканія о сибирскихъ земляхъ дѣлались первобытнымъ эмпирическимъ образомъ — прямымъ захватомъ земель: это были смѣлыя разысканія предпріимчивыхъ людей въ родѣ самого Ермака, искавшихъ исхода своему удалству и, по невозможности удерживать завоеваннаго въ своихъ рукахъ, отдававшихъ результаты своихъ подвиговъ въ руки государства, съ которымъ сами не всегда были въ ладахъ. Конецъ XVI-го и XVII-го вѣковъ ознаменовались смѣлыми предпріятіями этого рода, которыя, расширяя государственную территорію, вмѣстѣ расширяли и географическое знаніе: сами искатели новыхъ земель руководились простыми практическими соображеніями, продолжая полусознательно историческій трудъ русской народной колонизаціи, но ихъ странствованія и открытія мало-по-малу становились достояніемъ науки, достигая людей, которымъ интересъ науки былъ близокъ; въ личной предпріимчивости сибирскихъ искателей, которымъ и правительство предоставляло дѣйствовать на свой страхъ, присоединились вскорѣ подобныя экспедиціи, дѣланныя по порученіямъ самой власти. Съ конца XVI-го вѣка вопросъ объ азиатскомъ сѣверѣ поднять былъ и совсѣмъ съ другой стороны: онъ живо интересовалъ тѣ торговыя и промышленныя компаніи, англійскія и голландскія, которыя предпринимали тогда цѣлый рядъ экспедицій для изслѣдованія Сѣвернаго океана, въ предположеніи найти новый торговый путь въ Индію, Китай и инныя азіатскія страны. Такъ, прежде всего найденъ былъ извѣстнымъ образомъ путь въ Бѣлое море, которымъ завязались торговыя сношенія Англій съ Россіей; затѣмъ розыски пошли дальше: въ XVII-мъ столѣтіи дѣлаются западными мореходами попытки проникнуть дальше, мимо сѣвернаго берега Сибири, попытки неудачныя, которыя продолжены были русскими плавателями; эти послѣдніе еще въ XVII вѣкѣ успѣли обогнуть по Ледовитому океану сѣверную Сибирь и проплыть тотъ проливъ, который впослѣдствіи былъ точнѣе опредѣленъ экспедиціей Беринга и отъ послѣдняго получилъ свое имя. Упомянутыя торговыя компаніи старались въ XVII-мъ вѣкѣ вывѣдать въ Россіи о новыхъ земляхъ, отысканныхъ русскими въ Азій, но русскіе, по тогдашнему обычаю, усиленно скрывали то, что уже знали, опасаясь ущерба для своихъ торговыхъ выгодъ; иноземцы, конечно, не смотря на то, узнавали, что было имъ нужно. Впослѣдствіи, въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ Европѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за географическими открытіями тѣхъ экспедицій. какія посылались тогда русскимъ правительствомъ. Эта новая эпоха сибирскихъ и средне-азиатскихъ открытій начинается съ Петра

Великаго. Онъ первый задумалъ правильное географическое изслѣдованіе своей имперіи, и съ его времени открывается рядъ знаменитыхъ путешествій, положившихъ первое основаніе точному географическому опредѣленію Сибири и сосѣднихъ земель. Преемники Петра продолжали дѣло, освященное его именемъ, а затѣмъ, въ царствованіе Екатерины II, послѣдовали новыя ученыя экспедиціи и изслѣдованія, которыя затѣмъ продолжались безъ большихъ перерывовъ до настоящаго времени. Въ западной Европѣ эти новыя пріобрѣтенія науки встрѣчаемы были съ величайшимъ любонитствомъ: книги академическихъ путешественниковъ, выходившія по-нѣмцеви, и даже русскія сочиненія, появлялись въ многочисленныхъ переводахъ и изданіяхъ.

Съ XVIII-го вѣка начинаются первыя правильныя работы по сибирской исторіи, но только въ новѣйшее время возникаютъ изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ Сибири, объ ея этнографическомъ составѣ, объ условіяхъ быта и свойствахъ народнаго характера. Такимъ образомъ, собирается весьма разнообразный матеріалъ, исторія котораго до сихъ поръ не была изложена. На эти изслѣдованія положено было множество труда, нѣрѣдко труда самоотверженнаго, которому должно было преодолѣвать величайшія препятствія. Многие изъ этихъ изслѣдованій полузабыты; многое остается неизвѣстно новѣйшимъ любителямъ по недоступности старыхъ, рѣдкихъ книгъ, хотя въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Мы не имѣемъ возможности исполнить этого обзора во всей полнотѣ, но постараемся, по крайней мѣрѣ, отмѣтить главное, и въ старой литературѣ напомнить великодушныя усилія прежнихъ изслѣдователей и многія важныя указанія, которыми теперь можетъ воспользоваться изыскатель сибирской старины и народности.

I.—Первыя открытія въ Сибири.

Вообще распространено мнѣніе, что Сибирь въ первый разъ открыта была русскими при походѣ Ермака. На самомъ дѣлѣ она извѣстна была русскимъ задолго раньше, и, мало того, задолго раньше Ермака начались присоединенія къ московскому государству сибирскихъ земель. Первое знакомство русскихъ съ народами, жившими по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго Уральскаго хребта, относится, насколько это записано лѣтописью, еще къ XI-му столѣтію. Въ тѣ времена въ эти страны отправлялись новгородскіе „молодые люди“, привычныя удалыцы и промыш-

ленники; они знали Югру и „Самоядь“, т.-е. самоёдовъ, и въ старой лѣтописи занесенъ, между прочимъ, по новгородскимъ сообщеніямъ, рассказъ Югры новгородцамъ о появленіи за сѣверными горами какаго-то новаго народа, неизвѣстнаго раньше самой Югрѣ, съ которымъ она вела нѣмую мѣновую торговлю; по толкованію лѣтописца, это былъ не кто иной, какъ тѣ нечистыя племена, которыя были заперты въ горахъ Александромъ Македонскимъ и выйдутъ изъ нихъ передъ концомъ свѣта. Въ XII-мъ столѣтіи продолжаются новгородскіе походы въ эти далекія страны; новгородцы хаживали и дальше самой Югры и Самояди, и имъ случалось видывать, какъ спадетъ туча и изъ нея разбѣгаются по землѣ молодыя бѣлки или олени. Въ концѣ XII-го столѣтія Югра платила уже дань Новгороду, хотя иной разъ побивала людей, приходившихъ за этою данью. Позднѣе, снова упоминаются походы на Югру, положеніе которой выясняется, а именно, новгородцы ходили на Обь, верхнюю и нижнюю, до самаго моря. Имя Сибири названо въ первый разъ въ нашихъ лѣтописяхъ въ 1407 году, слѣдовательно, почти за двѣсти лѣтъ до Ермака. Въ XV-мъ вѣкѣ прочныя русскія поселенія проникаютъ въ бассейнъ Камы, и при Иванѣ III дѣлаются новые походы въ Югорскую землю уже отъ московскаго князя; но въ то же время, очевидно, дѣлаетъ въ эту сторону походы вольница изъ Вятки и Устюга. Въ 1484 году къ московскому великому князю явились и подчинились его власти князя вогульскіе, югорскіе и князь *сибирскій*. Правда, это подчиненіе было еще не крѣпко, но въ началѣ XVI-го вѣка эти земли считались уже окончательно принадлежащими Москвѣ, раздѣлены были на двѣ области, Обдорію и Кондію, названіе которыхъ вошло въ царскій титулъ въ 1514 году. Въ половинѣ XVI-го вѣка Иванъ Грозный въ грамотѣ къ англійскому королю уже называетъ себя повелителемъ Сибири. Покореніе Казани и Астрахани произвело сильное впечатлѣніе въ восточномъ финскомъ и тюркскомъ мірѣ; татарскіе владѣльцы на сѣверо-востокѣ теряли послѣдній оплотъ и, не имѣя надежды на самостоятельное существованіе, одинъ вслѣдъ за другимъ добровольно подчиняются московскому государству. Въ 1555 году въ Москву явились послы сибирскаго князя Едигера, и Иванъ Грозный взялъ „въ свою волю и подъ свою руку всю сибирскую землю“, и въ слѣдующемъ году московскій посланецъ привезъ уже сибирскую дань изъ сободей и бѣлогъ. Въ 50-хъ годахъ XVI-го вѣка начинаютъ распространяться въ камской и закамской странѣ владѣнія Строгановыхъ, и впослѣдствіи съ ихъ предпріятіями связываются первые походы Ермака. Въ

1571—1572 годахъ были въ Москвѣ посланцы сибирскаго царя Кучума, который передъ тѣмъ, взявши городъ Сибирь и убивши Едигера, пересталъ посылать московскую дань, а теперь самъ подчинился Москвѣ, хотя не надолго. Въ 1577 году, вслѣдствіе разбоевъ на Волгѣ, изъ Москвы было послано войско для истребленія разбойниковъ и велѣно было доставить въ Москву ихъ предводителя Ермака на лютую казнь, а въ 1578 Ермакъ, избѣжавши этого плѣна, предпринялъ свой первый походъ въ Сибирь. 26-го октября 1581 года, Ермакъ вступилъ въ столицу сибирскаго царства—Искеръ, или Сибирь ¹⁾.

Такимъ образомъ, завоеваніе Сибири Ермакомъ было только послѣдовательнымъ продолженіемъ давняго движенія русскихъ на азіатскій востокъ, движенія, съ одной стороны, чисто народнаго, разбойничьяго и колонизаціоннаго, а затѣмъ происходившаго по приказамъ власти. Официальное причисленіе Сибири къ московскому государству совершилось, какъ мы видѣли, гораздо раньше походовъ Ермака. Подчиненіе „всей сибирской земли“ было на первое время весьма непрочное: какъ въ старину Югра то платила дань новгородцамъ, то побивала ихъ, такъ и теперь побѣжденные сибирскіе владѣльцы то заявляли покорность и присылали дань, то отбивались отъ московскаго владычества, смотря по обстоятельствамъ, и при отдаленности новыхъ владѣній московской власти часто приходилось мириться съ этимъ и предоставлять времени довершать то таготѣніе, которое силою вещей побуждало инородцевъ отдаваться подъ руку сильнаго сосѣдняго государства. То же самое повторилось и послѣ завоеваній Ермака. Уже вскорѣ, и особливо по смерти Ермака, опять грозило отпаденіе Сибири; надо было предпринимать новые походы, воевать съ непокорнымъ Кучумомъ и его сыновьями; онъ былъ, наконецъ, разбитъ, почти вся его семья была захвачена, но самъ онъ, уже слѣпой, избѣжалъ плѣна; одинъ изъ его сыновей назывался въ Москвѣ сибирскимъ царевичемъ, а другой воевалъ противъ русскихъ въ Сибири; еще въ половинѣ XVII-го вѣка внукъ Кучума велъ послѣднюю борьбу противъ русскихъ. Независимо отъ этихъ войнъ послѣдняго царскаго рода, съ конца XVI-го вѣка происходили безпрестанныя возстанія сибирскихъ инородцевъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ, остяковъ и пр., вызываемые отчасти начавшимися притѣсненіями русскихъ правителей, отчасти вѣроятно просто воспоминаніями о прежней независимости. Эти возстанія тянутся долго въ теченіе XVII-го вѣка.

¹⁾ Остатки его находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска.

Дальнѣйшее занятіе Сибири шло очень быстро. Въ 1587 былъ построенъ Тобольскъ, который долгое время былъ главнымъ городомъ Сибири, и вскорѣ затѣмъ небольшіе города западной Сибири—Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымскій острогъ, Верхотурье, Мангазея. Въ 1604, основанъ Томскъ, съ построеніемъ котораго русскимъ принадлежала уже значительная часть нынѣшней томской губерніи. Въ 1618, основанъ Кузнецкій острогъ, переименованный вскорѣ въ городъ, и около того же времени основанъ Енисейскъ; затѣмъ, въ 1628, Канскій острогъ и Красный Яръ, нынѣшній Красноярскъ. Въ 1615 произошла первая встрѣча съ тунгусами; въ 1620—первыя донесенія мангазейскихъ казаковъ о якутахъ на Ленѣ. Въ 1631, казаки изъ городка Мангазеи на р. Тазѣ двинулись на востокъ, покоряли тунгусовъ по р. Вилюю, затѣмъ выплыли на Лену, встрѣтили здѣсь якутовъ и обложили ихъ данью; а въ 1632 году енисейскіе казаки проникли сюда же съ другой стороны, и именно, поднявшись вверхъ по Ангарѣ и Илиму, вышли черезъ волокъ на рѣку Лену, гдѣ покоряли на пути якутовъ и zaloжили Яеутскій острогъ, на 70 верстъ ниже нынѣшняго Якутска. Въ 1635 основанъ былъ Олекминскъ, а затѣмъ вскорѣ Верхоянскъ, въ тобольскомъ краѣ Ялуторовскъ; въ 1648 основанъ Косой Острожекъ (впослѣдствіи городъ Охотскъ), Баргузинъ и Нижнеудинскъ, вскорѣ потомъ Верхнеудинскъ. Въ 1649—1650 казакіи атаманъ Хабаровъ, съ сотней охотниковъ на соболей, отправившись изъ Яеутска, первый проникъ на Амуръ, гдѣ въ 1651 году былъ имъ основанъ Албазинъ, первое русское поселеніе на Амурѣ, долго выдерживавшее борьбу съ китайцами и манчжурами: русскіе отступили изъ этихъ мѣстъ въ концѣ XVII-го столѣтія, Албазинъ былъ разрушенъ, и потомки его жителей, отведенныхъ въ Пекинъ, существуютъ еще донинѣ, обратившись въ совершенныхъ китайцевъ и сохранивъ только подобіе православія. Далѣе, въ 1652 основано Иркутское зимовье, обратившееся потомъ въ городъ Иркутскъ; въ 1654—Нерчинскъ, въ 1666—Селенгинскъ. Наконецъ, въ 1697 году нѣсколько десятковъ казаковъ изъ Охотскаго края и мѣстныхъ инородцевъ отправились въ Камчатку и основали тамъ первое русское зимовье. Взглянувъ на карту, читатель отдастъ себѣ отчетъ въ поразительной быстротѣ этого завоеванія, совершавшагося обыкновенно казачьими и промышленными партіями, обыкновенно лишь въ нѣсколько десятковъ, рѣдко сотенъ, человекъ.

Такимъ образомъ, едва въ пятьдесятъ лѣтъ, отъ основанія Тобольска до построенія Охотска, произошло занятіе громаднаго

пространства всей Сибири, едва ли не чаще совершаемое не по инициативѣ власти, а предприимчивостью вольныхъ отрядовъ. Рядомъ съ этими сухопутными или рѣчными походами, совершались не менѣ смѣлыя морскія путешествія, которыя въ первый разъ опредѣлили сѣверныя береговья пространства Сибири отъ устьевъ Оби до устьевъ Амура. Первые плаванія относятся еще къ XVI вѣку. Въ то время, когда англичане съ капитаномъ Ченслеромъ въ половинѣ XVI-го вѣка въ первый разъ прибыли къ Архангельску, русскіе плавали уже для промысловъ на Мурманскій берегъ, Шпицбергенъ и Новую-Землю, и вели морскую торговлю въ устьяхъ Оби и Енисея; но эти плаванія прекратились къ концу XVI-го вѣка, можетъ быть, какъ полагаютъ, отъ измѣненія климатическихъ условій Карскаго моря. Когда русскія поселенія достаточно утвердились внутри сибирскаго материка, начинается рядъ экспедицій для осмотра сѣверныхъ краевъ Сибири и береговъ Ледовитаго океана. Въ 1636 отправленъ былъ изъ Енисейска казачій десятникъ Буза съ десятью человѣками для осмотра рѣкъ, идущихъ въ Ледовитый океанъ; къ казакамъ пристало нѣсколько десятковъ промышленниковъ: они отправились внизъ по Ленѣ, достигли ея западнаго устья и осмотрѣли берегъ на западъ до рѣки Оленека. Черезъ два года тотъ же Буза, отправившись отъ устья Лены на востокъ, открылъ рѣку Яну; другой плаватель нашелъ дальне рѣку Индигирку. Въ 1643—45 годахъ казацкій старшина Поярковъ, поднявшись по притокамъ Лены, перешелъ Становой хребетъ, спустился по притоку Амура въ эту рѣку и проплылъ все теченіе Амура до его устья; затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ плавалъ по Охотскому морю. Въ 1646 осмотрѣнъ берегъ Сибири на востокъ отъ устья рѣки Колымы. Въ 1647 казакъ Семень Дежневъ предпринялъ свое первое плаваніе по Ледовитому океану на востокъ отъ р. Колымы, гдѣ былъ, однако, остановленъ льдами; въ слѣдующемъ году промышленники снарядили нѣсколько судовъ, которыя выплыли изъ устья Колымы; нѣсколько судовъ пропало безъ вѣсти, но Дежневъ, участвовавшій въ экспедиціи, обогнулъ мысъ Шелагскій и Чукотскій носъ и выплылъ въ Охотское море, гдѣ бурей былъ выкинутъ на берегъ, — такимъ образомъ, уже тогда открытъ былъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и получившій потомъ имя Беринга. Не перечисляя другихъ экспедицій, упомянемъ еще одну, которая отправлена была въ 1652 для отысканія материка на сѣверъ отъ устьевъ Яны и Колымы: вышедши изъ устьевъ Лены, эта экспедиція пропала безъ вѣсти.

Къ русскимъ плаваніямъ присоединяются многочисленныя

экспедиціи западныхъ мореплавателей. Шестнадцатый вѣкъ былъ еще исполненъ стремленіемъ къ географическимъ открытіямъ, которое такъ сильно проявилось и дало такіе блестящіе результаты въ пятнадцатомъ столѣтіи. Но въ этомъ случаѣ дѣйствовали не столько духъ открытій, сколько практическіе расчеты найти новые пути для европейской, и именно англійской и голландской, торговли. На европейскій востокъ влекло англичанъ и голландцевъ желаніе основать торговыя связи съ русскимъ государствомъ, уже тогда весьма обширнымъ, а затѣмъ черезъ ея земли открыть сухопутную торговую дорогу въ Персію и Индію, или черезъ Ледовитый океанъ въ Китай, еслибы оказалось, что тамъ есть свободный морской путь. Это послѣднее соображеніе вызвало съ XVI-го столѣтія упомянутыя англійскія и голландскія экспедиціи въ сѣверный океанъ, омывающій берега Россіи и Сибири. Эти путешествія идутъ съ первой знаменитой экспедиціи въ половинѣ XVI-го вѣка, когда изъ трехъ англійскихъ судовъ, отыскивавшихъ сѣверный морской путь, два погибло съ адмираломъ Виллоуби, а третья, съ капитаномъ Ченслеромъ, прибыла въ Архангельскъ, и заканчиваются въ 70-хъ годахъ XVII-го вѣка. Всѣ эти голландскія и англійскія предпріятія, однако, были безуспѣшны; несмотря на то, что онѣ производились обыкновенно подъ руководствомъ опытныхъ и бывалыхъ мореплавателей, онѣ доходили только до Новой-Земли и Карскаго моря и должны были возвращаться, встрѣчая неодолимые льды; иногда сами плаватели погибали. Послѣдняя англійская экспедиція отправлена была въ 1676 году: она дошла только до Новой-Земли, и затѣмъ на западѣ надолго оставлена была мысль обогнуть сѣверный берегъ Сибири. Послѣ почти двухъ-вѣкового перевыва, только въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія были снова снаряжены австрійская экспедиція Вейпрехта и Пайера, шведская—Норденшельда и недавняя американская, потерпѣвшая крушеніе въ устьяхъ Лены. Въ нѣсколько пріемовъ эта задача мореплаванія была исполнена только русскими, выходящими въ море изъ устьевъ большихъ сибирскихъ рѣкъ. Своей цѣли—разыскать торговый путь на азіатскій востокъ иностранцы думали достигнуть и другими средствами: они много разъ пытались и, наконецъ, успѣвали проникать на востокъ сухимъ путемъ черезъ русскую территорію. Уже въ 1558 году англичанинъ Дженкинсонъ отправлялся черезъ Астрахань въ Бухару для отысканія сухопутной дороги въ Китай, причемъ первый изъ европейскихъ путешественниковъ узналъ объ Аральскомъ морѣ (которое называетъ китайскимъ озеромъ), упоминая, что рѣка Аму-Дарья впадала прежде не въ Аральское, а въ Каспій-

ское море, но затѣмъ отъ потери воды уже не доходить до него ¹⁾. Въ 1614 году англійскій посоль просилъ въ Москвѣ позволенія завести торговлю по рѣкѣ Оби съ Индией и Китаемъ; ему отвѣчали уклончиво; бояре отговаривались, что Сибирь—страна далекая и студеная, что по Оби всегда ледъ ходитъ, а гдѣ теплѣе, тамъ кочевыя орды, и что китайское государство—не великое и не богатое и что къ нему добиваться не стоить; купцы московскіе опасались, по обыкновенію, убытковъ для казны и для самихъ себя. Европейскіе торговые люди нашли, тѣмъ не менѣе, путь въ Китай, и впослѣдствіи черезъ Россію не разъ ѣздили на востокъ посольскіе люди и миссіонеры.

Между тѣмъ сами русскіе старались собирать свѣденія о земляхъ за предѣлами Сибири, и съ политическими, и съ торговыми цѣлями. Любопытно, что даже задолго до того, какъ русскіе прочно утвердились въ Сибири, московское правительство принимало мѣры, чтобы собрать свѣденія о дальнихъ азіатскихъ странахъ. Таково было „хожденіе“ казацкихъ атамановъ Петрова и Елычева въ Китай въ 1567 году: отправленные Иваномъ Грознымъ „провѣдывать государства“ неизвѣстныхъ владѣтелей, къ которымъ посланы были дружественныя грамоты, предприимчивые атаманы благополучно вернулись домой и вывели „сказку“ о видѣнныхъ ими земляхъ; между прочимъ, они побывали и въ Пекинѣ, хотя богдыхана не видѣли, потому что не съ чѣмъ было къ нему явиться, не было съ собой подарковъ ²⁾. Въ концѣ XVI-го вѣка уже дѣлаются распоряженія относительно торговли съ бухарцами и ногаями: къ нимъ велѣно было относиться съ учтивостью, въ случаѣ, еслибы они пріѣхали съ товарами. Со времени присоединенія Сибири, провѣдываніе пути въ Китай дѣлалось интересомъ и самого правительства, которое ожидало отъ этого важныхъ торговыхъ выгодъ и готово было допустить сюда даже иностранцевъ. Въ 1587, при Федорѣ Ивановичѣ, русскіе, между прочимъ, предлагали Польшѣ за союзъ съ Московію свободный путь польскимъ и литовскимъ купцамъ на востокъ, именно „въ Сибирь и въ великое китайское государство, въ которомъ родится всякій дорогой камень и золото“. Борисъ Годуновъ общалъ англичанамъ содѣйствіе въ отысканіи китайской земли. Между тѣмъ дѣло подвигалось и само собою. Си-

¹⁾ Это было справедливо. Въ послѣднее время найдено это бывшее русло Амударьи въ Каспійское море и возникла мысль о возобновленіи стараго течения рѣки.

²⁾ „Хожденіе“ напечатано въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ Сахарова, т. II, и болѣе исправно въ „Обзорѣ хронографовъ“ А. Попова („Изборникъ“, стр. 430—437).

бирские казаки все ближе подходили къ Монголіи, и затѣмъ черезъ эту небогатую страну старались заводить торговыя сношенія съ богатымъ Китаемъ, и, чтобы обезопасить торговыя караваны, сибирскіе воеводы рѣшались отправлять ихъ отъ имени самого московскаго правительства. Отсюда рядъ полу-торговыхъ, полу-дипломатическихъ посылокъ и настоящихъ развѣдочныхъ экспедицій, отправлявшихся въ теченіе XVII-го столѣтія. Таково было посольство 1608 года изъ Томска къ монгольскому хану, впрочемъ безуспѣшное; въ 1616 году болѣе счастливо было посольство атамана Василія Тюменца „съ товарищи“ изъ Тобольска къ Алтынъ-хану. По возвращеніи, Тюменца подробно выспрашивали въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ; черезъ разныя земли онъ добрался до Алтынъ-хана и (по наставленію отправлявшаго его тобольскаго воеводы) выдалъ себя за царскаго посланца; онъ былъ торжественно принятъ Алтынъ-ханомъ, нѣсколько разъ „ѣлъ“ у него, выспросилъ о китайскомъ и другихъ государствахъ и какіе въ нихъ товары, и пр.; Алтынъ-ханъ изъявилъ согласіе признать себя подручнымъ у московскаго царя, обѣщавъ давать свободный пропускъ русскимъ людямъ въ китайское государство и просилъ о присылкѣ ему государева жалованья, — въ этомъ послѣднемъ и былъ, вѣроятно, главный расчетъ, также какъ въ помощи противъ его собственныхъ враговъ ¹⁾. На первый разъ въ Москвѣ не хотѣли, кажется, ввязываться въ политическія дѣла съ азіатскими владѣльцами, но желали собрать точныя свѣденія о земляхъ и путяхъ торговли. „А будетъ мочно, — писали изъ Москвы къ тобольскому воеводѣ въ 1617, — то послать нарочно къ Алтыну-царю и въ китайское государство не посольствомъ и не отъ себя, изъ казаковъ или изъ какихъ людей нибудь, затѣявъ *будто ненарокомъ* отколѣ къ нимъ вышли. И у нихъ бы имъ быть и ихъ земли, и города, и обычаи видѣти и о всемъ ихъ противъ нашея грамоты распросити и къ намъ отписать подлинно“.

Въ 1618 г. посланы были изъ Тобольска, черезъ Монголію, въ Китай, казаки Ивашка Петлинъ и Андрюшка Мундовъ, которые добрались до Китая и вернулись въ 1620 году ²⁾. За-

¹⁾ Экспедиція Тюменца разсказана въ первый разъ Ю. В. Арсеньевымъ по монгольскимъ дѣламъ московскаго главнаго архива министерства иностр. дѣлъ — въ изданіи путешествія Спаарія, 1882.

²⁾ Карамзинъ полагалъ, что описаніе Петлина списано съ донесенія его предшественниковъ, но это невѣрно, потому что оно подробнѣе, чѣмъ у Петрова и Ельчева. Путешествіе Петлина, помѣченное 1620 годомъ, напечатано было Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 1818 г., кн. II, стр. 1—36; другой списокъ, въ рукописи копенгагенскаго музея, описанъ Срезневскимъ, „Свѣденія о малоизвѣстныхъ памят-

тѣмъ, политическія смуты въ Китаѣ прервали на нѣкоторое время эти сношенія, а въ 1654 году, при Алексѣѣ Михайловичѣ, отправленъ былъ въ Китай гонецъ, боярскій сынъ, Ѳедоръ Исаковъ Байковъ, съ цѣлью собрать торговыя свѣденія, узнать пути сухой и водяной, каковы люди и города, какой у нихъ бой, т.-е. вооруженіе, и т. д. Путешествіе продолжалось три года, и хотя было неудачно въ томъ смыслѣ, что съ китайцами не было достигнуто соглашенія, но опредѣленъ былъ торговый путь черезъ калмыцкія и монгольскія степи ¹⁾. Въ 1659 г. отправился въ Китай новый гонецъ съ царской грамотой и подарками, которые въ Китаѣ приняты были за дань, и въ числѣ подарковъ, посланныхъ взаменъ изъ Китая въ видѣ „жалованья“, было нѣсколько пудовъ чаю. Къ 1670 году относится удивительное посольство, отправленное начальникомъ нерчинскаго острога къ китайскому богдыхану, причемъ посланецъ, боярскій сынъ, предложилъ китайскому императору, ни болѣе, ни менѣе, какъ принять русское подданство и платить дань русскому царю, — такъ какъ „подъ высокою російскаго царскаго величества рукою находятся цари и короли съ своими государствами, и великій государь жалуетъ ихъ, держитъ въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣніи“. Посланцы дѣйствительно добрались до китайскаго императора, были потчиваны чаемъ и ушли цѣлы и невредимы. Полагаютъ, что переводчики просто не передали богдыхану настоящаго смысла бумаги нерчинскаго коменданта, который такъ простодушно убѣжденъ былъ въ могущество русскаго государства, что надѣялся однимъ этимъ посольствомъ присоединить къ Россіи китайскую имперію ²⁾.

никакъ“, вып. 4. Спб. 1874. Дальше упоминаемъ, что въ иностранныхъ переводахъ оно было печатано еще въ XVII столѣтіи.

¹⁾ Статейный списокъ Байкова изданъ былъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, 1820, и въ „Сказаніяхъ русск. народа“, т. II. Объ иностранныхъ переводахъ скажемъ далѣе.

²⁾ Изъ обширной литературы объ этихъ старинныхъ временахъ сибирской исторіи, назовемъ пока только старія книги по исторіи Сибири Миллера и Фишера; о старинныхъ морскихъ плаваніяхъ см. Joh. Chr. Adelung, *Geschichte der Schiffahrten und Versuche welche zur Entdeckung des nord-östlichen Weges nach Japan und China von verschiedenen Nationen unternommen worden, und etc.* Halle, 1768. Костомарова, „Очеркъ торговли моск. государства“ и пр. Спб. 1862, стр. 13 и дал.; — „Землеустройство Азій“, Риттера, въ переводѣ и съ обширными дополненіями П. П. Семёнова; далѣе, Venukoff, „Aperçu historique des découvertes géographiques faites dans la Russie d'Asie“, Paris, s. a. (кажется, 1881), и его же планъ труда о состояніи географіи русской Азій до Ермака“ въ „Извѣстіяхъ географ. общества“, т. XIII, 1877, стр. 96—98; И. Щеглова, „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882“, Иркутскъ, 1883, и изданіе сочиненія Спаарія, о которомъ ниже.

Послѣдней экспедиціей этого рода, дипломатической и развѣдочной, было посольство Николая Спаарія, отправленное въ 1675 году. Спаарій былъ родомъ изъ Молдавіи; замѣшавшись въ тамошнія политическія дѣла, онъ долженъ былъ бѣжать отсюда, впрочемъ, съ обрѣзаннымъ носомъ; онъ явился сначала къ курфюрсту бранденбургскому, а затѣмъ въ 1673 г. въ Москву, гдѣ принятъ былъ, какъ человѣкъ ученый, переводчикомъ въ посольскій приказъ; въ Москвѣ онъ пользовался расположеніемъ князя В. В. Голицына и былъ близокъ съ бояриномъ Матвѣевымъ. Въ 1675 г. ему поручили посольство въ Китай: граница русскихъ владѣній съ китайскими не была еще опредѣлена, нужны были болѣе точныя свѣденія о пограничныхъ земляхъ и о самой Сибири, и въ инструкціи ему предписано было, кромѣ обычнаго статейнаго списка, вести подробное описаніе путешествія, и изобразить на чертежѣ всѣ земли, города и мѣста по пути изъ Тобольска до китайскаго порубежнаго города; наконецъ, провѣрить другія свѣденія о восточныхъ странахъ, напр. объ Индіи. Вслѣдствіе военныхъ безпокойствъ въ калмыцкихъ степяхъ, Спаарій избралъ не прежній, а только недавно передъ тѣмъ вновь намѣченный путь черезъ Даурію, причемъ проходилъ и по такимъ мѣстамъ, гдѣ, по словамъ его, „прежде сего никто не бывалъ“. Такимъ образомъ, его маршрутъ занялъ въ Сибири длинную дорогу отъ Тобольска до Селенгинска. Описаніе путешествія, продолжавшагося три года, составило двѣ отдѣльныя книги, изъ которыхъ одна заключаетъ путь Спаарія черезъ Сибирь отъ Тобольска до китайской границы, другая — описаніе самого Китая ¹⁾.

Книга Спаарія писана на манеръ старинныхъ русскихъ описей (и велась, можетъ быть, какимъ-нибудь состоявшимъ при немъ подъячимъ): это — голый перечень именъ рѣкъ, острововъ, городовъ, деревень, горъ и т. д. ²⁾; лишь въ немногихъ слу-

¹⁾ О Спааріѣ см. у Пекарскаго, „Наука и литер.“, I, стр. 340—343, и ст. Кедрова, въ Журн. Мин. Просв., 1876, № 1; изданіе путешествія въ „Запискахъ Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи“, т. X, и отдѣльно: „Путешествіе чрезъ Сибирь, отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая, русскаго посланника Николая Спаарія въ 1675 году. Дорожный дневникъ Спаарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева“. Спб. 1882.

²⁾ Напр., въ самомъ началѣ, послѣ вѣзда изъ Тобольска описаніе пути ведется такъ:

„Деревня Реткина, руская, отъ Тобольска 7 верстъ.

„Деревня Смирни, руская, отъ деревни Реткины верста.

„Деревня Ильина, руская, отъ деревни Смирни 2 версты; да противъ той на другой сторонѣ (рѣки) двѣ деревни: одна руская — Осипа Милыфорова, а другая —

чаяхъ приводятся болѣе подробныя топографическія свѣденія, напр.: особое описаніе Оби, „славныя рѣки Иртыша“, описаніе Байкальскаго озера съ указаніемъ его особенностей, или описаніе нѣкоторыхъ городовъ, и т. п. Кое-гдѣ прибавлены ученныя соображенія, принадлежація, вѣроятно, уже самому Спаарію. Авторъ не однажды ссылается на грековъ и латинъ, на древнихъ и новыхъ „земнописателей“; говоря о Байкалѣ, рассуждаетъ, долженъ ли онъ называться озеромъ или моремъ, и т. п. Но ученныя ссылки иногда весьма неудовлетворительны; напримѣръ, при описаніи Иртыша онъ говоритъ о большомъ сибирскомъ лѣсѣ, который, по его мнѣнію, есть именно Герцинскій лѣсъ, упоминаемый древними писателями ¹⁾; объ остякахъ онъ рассуждаетъ, что это народъ древній, какъ и другіе сибирскіе народы, и происходитъ отъ свиеовъ, которые послѣ потопа произошли отъ сына Ноева, Іафета, а идолослуженіе свое они „какъ приняли отъ исполина Неврода, такъ и держатъ“; о монголахъ или „мунгалахъ“, какъ ихъ обыкновенно тогда называли, онъ замѣчаетъ: „мунгалы суть, о которыхъ пишетъ въ библии—Гогъ и Магогъ, потому что они называютъ себя маголь“, — но онъ знаетъ, что монгольскій народъ „зѣло великъ“, что онъ начинается близъ рѣки „Амуры“, простирается между китайскимъ государствомъ и Сибирью и доходитъ до Бухары и до самой Индіи подъ разными тайшами. Во всякомъ случаѣ, книга Спаарія представляетъ множество топографическихъ данныхъ и завершаетъ собою старую систему описаній Сибири, начатую въ XVI-мъ столѣтіи.

Ескалбинская, татарская. Ескалбинской островъ на рѣкѣ Иртышѣ отъ Tobolska 10 верстъ“, и т. д.

или:

„Да по правую и по лѣвую сторону рѣки Иртышу лѣсъ соснякъ, и березникъ, и тальникъ.

„А рѣка Иртышъ зѣло тихо течетъ, а въ ширину сажень по 500, а въ глубину сажень по 10 и по 11 и по 20, и болше.

„Пріѣхали на ямъ, въ юртъ Натце...

„Да отъ тогожъ юрту на правой сторонѣ рѣчка Индюкъ.

„Да на той же сторонѣ Иртыша рѣчка Серебрянка.

„Да на той же на правой сторонѣ деревня Карбинская, татарская; переѣхали гребцовъ“, и т. д.

¹⁾ ...„Лѣсъ тотъ который идетъ и по Обѣ рѣкѣ, и по всему Сибирскому государству до самаго до Окіанскаго моря, которой лѣсъ преславной есть и превеликой, и именуется отъ земнописателей по еллински „Эркиніосъ или“, а по латински „Эркиніосъ сивва“, се есть, Эркинскій лѣсъ; и тотъ лѣсъ идетъ возлѣ берега Акіяна до Нѣмецкой и Французской земли и далѣ, и чуть не по всей земли, для того и первый лѣсъ на свѣтѣ и применитый у всѣхъ земнописателей есть, однакоже нигдѣ нѣтъ такъ пространной и великой, какъ въ Сибирскомъ государствѣ“.

Въ западной Европѣ ученые люди, также какъ правительства и римская церковь, давно были заинтересованы собираніемъ свѣденій объ отдаленныхъ азіатскихъ странахъ. Долго эти свѣденія были очень скудны и не шли дальше того, что рассказывали древніе, Геродотъ или Птолемей. Первые путешествія съ европейскаго запада на востокъ, совершенныя въ XIII-мъ столѣтіи Асцелиномъ, Рубруквисомъ, Плано-Карпини и Марко-Поло, вызваны были грозными нашествіями изъ глубины Азіи и сообщили въ первый разъ болѣе или менѣе точныя понятія о средней Азіи, Туркестанѣ, Монголіи; Марко-Поло говоритъ и о Китаѣ, слышалъ объ Японіи,—но Сибирь оставалась неизвѣстна этимъ путешественникамъ. На картѣ, составленной въ 1375 году, обозначены Бухара и Самаркандъ, но сѣверная Азія представлена пустыней, гдѣ обитаютъ баснословные Гогъ и Магогъ, о которыхъ намекало библейское преданіе, развитое средневѣковыми сказаніями объ Александрѣ Македонскомъ; выше мы упоминали, что такимъ же образомъ и древняя русская лѣтопись XI—XII вѣка полагала за предѣлами Югры жилища Гога и Магога и что о нихъ вспоминаетъ Спаарій еще въ концѣ XVII-го столѣтія. На венеціанской картѣ 1457 года представлены также разныя мѣстности средней Азіи, указанъ Алтай, но Сибирь изображена въ видѣ узкой полосы между Алтаемъ и Сѣвернымъ океаномъ. Впослѣдствіи стали мало-по-малу проникать на Западъ тѣ свѣденія о внутренней Азіи, какія начали собираться у русскихъ; проводниками ихъ были какъ мореплаватели, отправлявшіеся въ Ледовитый океанъ, такъ и западные путешественники, заѣзжавшіе въ Россію, главнымъ образомъ въ посольствахъ. Свѣденія эти въ XVI-мъ вѣкѣ были еще весьма сбивчивы. Напримѣръ, у лучшаго знатока Россіи между иностранными писателями того времени, Герберштейна, мы находимъ уже извѣстіе о томъ, что нѣкоторые народы за Уральскимъ хребтомъ состоятъ данниками московскаго государства, но свѣденія о Сибири крайне смутны: по мнѣнію Герберштейна, рѣка Обь вытекаетъ изъ Китая, и на правомъ берегу ея находится городъ Канбалыкъ, т.-е. Пекинъ; онъ приводитъ, вѣроятно русскую, басню о жителяхъ какаго-то Лукоморья, лежащаго за р. Обью, которые каждый годъ на зиму умираютъ и весной оживаютъ, какъ лягушки, и съ которыми ведется нѣмая мѣновая торговля. Эта басня напоминаетъ рассказъ нашей древней лѣтописи о народахъ, живущихъ за Югрою, и также рассказъ арабскаго писателя Ибнъ-Батуты о нѣмой торговлѣ, совершаемой на границѣ „страны мраковъ“, т.-е. Сибири. Позднѣйшіе иностранные писатели и компиляторы еще долго

повторяли подобныя смутныя свѣденія о Сибири и помѣщали въ ряду принадлежащихъ русскихъ земель „Лукоморію“ и т. п.; но уже въ XVII-мъ столѣтіи являютя болѣе обстоятельныя извѣстія о восточныхъ владѣніяхъ Россіи, касающіяся, между прочимъ, и странъ сибирскихъ, а наконецъ и весьма замѣчательныя книги. Упомянутыя выше плаванія англичанъ и голландцевъ въ сѣверное море все больше привлекали вниманіе къ таинственнымъ и дикимъ странамъ, которыхъ и существованія такъ недавно не подозрѣвали. Назовемъ, напримѣръ, книгу данцигскаго жителя Готарда Артуса или Артхуса ¹⁾, 1606, гдѣ, между прочимъ, вставлено и описаніе сибирскихъ странъ и путей, ведущихъ туда изъ Москвы ²⁾. Намъ не случилось найти этихъ латинскихъ книгъ, но мы имѣли въ рукахъ нѣмецкое изданіе, очевидно ихъ повторяющее ³⁾. Изложеніе Артхуса, въ латинскомъ текстѣ помѣченное 1606-мъ годомъ, очень короткое и крайне смутное, любопытно, однако, тѣмъ, что представляетъ собой одинъ изъ самыхъ старыхъ западныхъ разсказовъ о Сибири. Происхожденіе этой книжки до сихъ поръ не изслѣдовано: съ именемъ Артхуса вышло въ началѣ XVII-го вѣка много книгъ, посвященныхъ географіи и путешествіямъ; повидимому это былъ только плодовитый компиляторъ и переводчикъ. Любопытно было бы разыскать, откуда были имъ взяты свѣденія, изложенныя въ книжкѣ о Сибири; могло быть, что они заимствованы были изъ устныхъ раз-

¹⁾ *Indiae Orientalis pars septima navigationes duas... auctore M. Gotthardo Arthuro dantiscano, omnia elegantissimis in aes incisus iconibus illustrata et in lucem emissa... Francofurti typis Wolfgangi Richter, anno 1606.* Изданіе упомянуто у Пекарскаго („Наука и литерат. при Петрѣ В.“, I, стр. 840), но отсутствуетъ у Адельунга (*Uebersicht der Reisenden in Russland*, 1846) и въ „Russica“ Публичной Библиотеки, 1873.

²⁾ „*Historica descriptio regionum Siberiae, Samoediae atque Tingoessiae una cum itineribus à Moscovia ortum et aquilonem versus eò ducentibus, pro ut à Moscis quotidie frequentantur.*“ Адельунгъ (II, стр. 296) называетъ другую книгу, или другое изданіе, Артхуса: *Petri Fernandi de Quir descriptio regionum Siberiae quae nuper a Moscis detectae sunt, auctore M. Gotardo Arthusio Dantiscano. Francof., 1613.*

³⁾ *Zwölffte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord Osten über die Americische Inseln in Chinam vnd Japponiam, von einem Engländer Heinrich Hudson newlich erfunden... Beneben... auch kurtze Beschreibung der Länder der Samojeden und Tingoessen in der Tartarey gelegen. In Hochteutscher Sprach beschrieben durch M. Gothardum Arthusen. von Dantzic. Oppenheim MDCXXVII* (Изданіе упомянуто въ „Russica“, II, стр. 265). На стр. 38—48: *Bescheibung der landen Siberien, Samogedien vnd Tingsien mit Andeutung der Wege und Reysen so ausz der Moscaw gegen Morgen und Mitternacht dahin führen wie sie von den Moscovitern täglich gebraucht werden.* На стр. 49—описаніе путей и рѣкъ; названіи города: Tobolsca, Siberia, Bensaia, Narim, Toma, и пр.

сказовъ людей, бывавшихъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые факты были еще свѣжи: здѣсь названъ, напр., Томскъ, который основанъ былъ только въ 1604 году; названы тунгусы, съ которыми русскіе имѣли первыя фактическія встрѣчи лишь нѣсколькими годами позднѣе. Открытіе Сибири разсказывается очень темно и приписывается людямъ изъ рода Аники, крестьянина по происхожденію, т.-е. Строгановымъ ¹⁾. Замѣтимъ, что сибирское преданіе, отразившееся въ старыхъ сибирскихъ лѣтописяхъ, разсказываетъ о завоеваніи Сибири въ двойкой версіи: одна даетъ при этомъ первую роль Ермаку, другая—именно Строгановымъ, которые доставили ему матеріальныя средства и внушили самое предпріятіе.

Наиболѣе замѣчательнымъ иностраннымъ сочиненіемъ XVII-го вѣка, касающимся азіатской Россіи, была знаменитая, но тѣмъ не менѣе мало извѣстная книга амстердамскаго бургомистра Николая Витзена (1640—1717). Витзень, происходившій изъ богатой голландской фамиліи и прекрасно образованный, увлекся распространеннымъ тогда интересомъ къ малоизвѣстнымъ странамъ сѣвера и востока и, по собственной охотѣ и любознательности, отправился въ Россію, присоединившись частнымъ лицомъ къ голландскому посольству (1664). Онъ проѣхалъ Россію до береговъ Каспійскаго моря; въ Москвѣ весьма внимательно изучалъ русскую жизнь, сумѣлъ приобрести дружескія связи, при посредствѣ которыхъ онъ могъ и впослѣдствіи получать новыя свѣденія и дополненія къ своему обширному труду о сѣверной и восточной Татаріи. Книга его на голландскомъ языкѣ: „Noord- en Oost-Tartarye“, и пр., вышла въ первый разъ въ 1692 году, затѣмъ, въ очень распространенномъ видѣ, повторена была въ 1705 и, наконецъ, въ 1785 г. Какъ извѣстно, во время перваго путешествія за границу въ 1697 г., Петръ завязалъ личныя отношенія съ Витзеномъ, который между прочимъ былъ хорошій знатокъ морского дѣла и оказалъ Петру не мало услугъ въ Голландіи. Витзень былъ однимъ изъ тѣхъ проводниковъ, которые, какъ упомянуто прежде, переносили русскія свѣденія о дальнемъ азіатскомъ востокѣ въ западную литературу и дѣлали ихъ достояніемъ географической науки. Сами русскіе были совершенно чужды научному движенію, и какъ Россія съ ея исторіей и географіей дѣлалась извѣстна на западъ только черезъ Герберштейновъ, Майерберговъ, Оларіевъ, такъ и свѣденія о Сибири и окрестныхъ

¹⁾ „Es ist in der Moscau ein Volck die Aniconier genandt ein Bawrisch Geschlecht“, etc.

земляхъ поступали въ географическое обращеніе лишь въ той степени, насколько онѣ были усвояемы западными путешественниками въ Россіи. Какъ мы упоминали, Герберштейнъ повторялъ еще въ половинѣ XVI-го вѣка чистыя басни; теперь въ западную литературу начинаютъ переходить свѣденія документальныя. Такъ, напримѣръ, Витзенъ издалъ въ голландскомъ переводѣ упомянутыя выше посольства въ Китай Оедора Байкова 1654 года ¹⁾. Въ 1685 году въ Россіи былъ іезуитъ Авриль, издавшій потомъ книгу: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine“ (Paris, 1693): по словамъ его, нѣкоторыя извѣстія были имъ извлечены изъ бумагъ „московской канцеляріи“; сличенія показали, что эти извѣстія Авриля взяты были изъ книги Спаарія, о которой мы говорили выше. Съ тѣмъ же Спааріемъ знакомъ былъ другой французскій путешественникъ Де-ла-Нёвиль, бывшій въ Москвѣ въ 1689 году ²⁾. Далѣе, явилась въ голландскомъ переводѣ упомянутая выше „Роспись китайскому государству“ казака Ивана или Ивашки Петлина (1618—1620 года), въ то время неизвѣстная въ самой русской печати ³⁾, какъ не были извѣстны ни Байковъ, ни Спаарій.

Путешественники XVII-го вѣка, заѣзжавшіе въ Москву, уже слышали кое-что о Сибири, а нѣкоторые изъ нихъ и сами бывали въ ней. Изъ такихъ путешественниковъ долженъ быть упомянуть въ концѣ XVII-го вѣка голландецъ Исбрантъ Идесъ, который въ 1692 году посланъ былъ царями Иваномъ и Петромъ въ Китай опять для утвержденія торговыхъ сношеній; въ своей книгѣ онъ подробно описываетъ также и свой путь отъ Москвы черезъ Сибирь до китайской границы; здѣсь заключается не мало любопытныхъ свѣденій, которыя были новы въ тогдашней литературѣ, хотя позднѣйшіе изслѣдователи находили у него ошибки, напр., въ описаніяхъ сибирской природы ⁴⁾. Спутникомъ Исбранта

¹⁾ Въ „Russica“ Публичной Библиотеки отмѣчено голландское изданіе: „Land-Reys van Saedor Jacowits Boicoof, Uytgesanden voor Ambassadeur van den Snaar van Moscovien, na China, gedaan in het Jaar 1653. Leyden, 1707; — но въ книгѣ Адельунга (Uebersicht, II, стр. 339—340) указанъ болѣе ранній нѣмецкій переводъ по Витзену, изданный въ Лейпцигѣ въ 1699; указаны также переводы англійскій и французскій.

²⁾ Его „Relation curieuse et nouvelle de Moscovie“ вышла въ Парижѣ, 1699. См. Пекарскаго, тамъ же, I, стр. 341—342.

³⁾ Evesko Petelin et Andrasko, Voyage na Tartaryen en Cathay, of China, gedaan uyt Moscovien in het Jaar 1619. Leyden, 1707.

⁴⁾ Книга его вышла на голландскомъ языкѣ: „Driejaarige Reize naar China, te lande gedaan door den Moskowischen Afgezant E. Ysbrants Ides van Moskou af,

Идеа былъ Адамъ Брандъ, который также издалъ описаніе этого путешествія, кажется, первоначально на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾.

Любопытно, что эта иностранная литература о Россіи и Сибири стала, наконецъ, проникать и къ намъ въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка. Мы не разъ указывали, что потребности въ новомъ образованіи стали обнаруживаться еще задолго до реформы, которая потомъ положила ему первыя прочныя основанія; любознательность къ наукамъ политическимъ, къ исторіи и географіи выразилась появленіемъ, съ конца XVII-го столѣтія, большого числа рукописныхъ переводовъ книгъ по этимъ отдѣламъ, — и между прочимъ, были переводимы и книги о самой Россіи. Такъ, напримѣръ, переведена была книга Олеарія ²⁾. Затѣмъ, переведено было и названное сейчасъ сочиненіе Артхуса ³⁾, такъ что, за недостаткомъ собственныхъ книгъ о Россіи и Сибири, переводимы были западныя сочиненія, иногда очень странныя, какъ книжка Артхуса о Сибири.

II. — Восемнадцатый вѣкъ. Ученныя экспедиціи.

Съ XVIII-мъ вѣкомъ открывається новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій, когда они въ первый разъ становятся на научную почву.

Наши историки до послѣдняго времени все еще не опредѣлили точно какъ историческое положеніе новыхъ земель въ общемъ ходѣ русской жизни, такъ и значеніе нашего открытія Сибири для распространенія географическихъ знаній. Этотъ вопросъ излагался недавно по поводу (весьма скуднаго) празднованія 300-

over groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daour, groot Tartaryen tot in China, и проч. Амстердамъ 1704 и др. изд.; былъ нѣмецкій переводъ и англійскій. Кромѣ того было, кажется, сокращенное нѣмецкое изложеніе еще до выхода голландскаго изданія (Ср. Аделунга, II, 385—388 и Russica, s. v. Mentzelius).

¹⁾ A. Brand, Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise, etc. Frankfurt 1697 и др.; переводы французскій, голландскій, латинскій.

²⁾ „О новой персидской вѣдѣ описаніе“. Въ „Персидскомъ путешествіи“ Олеарія именно включено описаніе Россіи.

³⁾ „Индіи восточной часть седьмая, плаваніи дѣѣ содержащая... составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ гдащаниномъ (т.-е. данцигцемъ) вся преизящѣйшими на мѣди изображенными иконами объясненна и свѣту преданна... року 1606“. Рукопись Публ. Библиотеки F. IV. № 116. Переводъ, по замѣчанію Пекарскаго, сдѣланъ полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка („Наука и литер.“ I, стр. 340). Здѣсь находится и описаніе Сибири: „Повѣстное описаніе королевствъ Сѣберія, Самоѣдіи и Тингоезіи (!), вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до востоку и полунощной страны тамо проводящими зане презъ оне московскій народъ всегда преходить“.

лѣтія завоеванія Сибири Ермакомъ, и мы читали, напримѣръ, слѣдующее: „Съ занятіемъ русскими Амура, — говорилъ одинъ изъ нашихъ историковъ, — новая область на сѣверѣ Азіи, вошедшая въ составъ московскаго государства подъ общимъ названіемъ Сибири, почти достигла своихъ естественныхъ предѣловъ: исторической дѣятельности русскаго народа открылось новое великое поприще, явились новые неизсякаемые источники матеріальныхъ средствъ, и еще невѣдомая образованному міру значительная часть азіатскаго материка выступила изъ мрака неизвѣстности. Сибирь стала частію всемірной области, и это событіе имѣетъ *такое же всемірно-историческое значеніе*, какъ и открытіе западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го в. Занятіе русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земного шара, совершившееся въ продолженіе всего только 70 лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать, безпримѣрное, если мы примемъ во вниманіе тѣ неблагоприятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ смутную эпоху и долгое время послѣ того, если примемъ далѣе во вниманіе тѣ, по истинѣ ничтожныя, средства, какими могла располагать московская Русь для водворенія и поддержанія своихъ необъятныхъ владѣній на востоцѣ. На занятіе Сѣверной Америки культурные народы Западной Европы должны были употребить больше времени“¹⁾. Очевидно, однако, что занятіе Сибири русскими въ XVI—XVII-мъ столѣтіи вовсе не имѣло такого *всемірно-историческаго* значенія, какъ открытіе Новаго Свѣта въ XV—XVI-мъ столѣтіи: довольно вспомнить культурное состояніе современной Сибири и, напримѣръ, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Что касается безпримѣрности быстрого занятія русскими громаднхъ сибирскихъ пространствъ, то дѣйствительно предприимчивость сибирскихъ людей, небольшими партіями совершавшихъ далекіе походы въ неизвѣстныя страны и поворавшихъ по дорогѣ туземныя племена, плававшихъ по неизвѣстнымъ сѣвернымъ морямъ и, между прочимъ, задумавшихъ, наконецъ, соединеніе китайской имперіи, бывала нерѣдко по истинѣ изумительна; но съ другой стороны надо вспомнить, что этимъ людямъ, —большая часть которыхъ была воспитана въ школѣ стариннаго удалства казацкой вольницы или руководилась промышленною алчностью, —приходилось имѣть дѣло съ разбросанными полудикими или совсѣмъ дикими племенами, представлявшими только весьма слабое сопротивленіе. Страна была населена очень рѣдко; въ

¹⁾ Журн. Мин. Просвѣщенія, 1882, октябрь, стр. 243.

каждомъ данномъ пунктѣ, русскіе, съ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, могли имѣть явный перевѣсъ, и дикіе народцы предпочитали откупаться ясакомъ, который и удовлетворялъ побѣдителей. Полудикое состояніе народовъ, покоренныхъ въ XVII-мъ столѣтіи, въ громадномъ числѣ случаевъ осталось неизмѣненнымъ и до сей минуты: этимъ состояніемъ объясняется то ничтожество средствъ, съ которымъ могла утвердаться здѣсь московская власть въ XVII-мъ столѣтіи, какъ, съ другой стороны, оно говоритъ объ ограниченности культурнаго значенія факта, которое такъ преувеличиваетъ упомянутый историкъ.

Гораздо проще и, въ сущности, вѣрнѣе говорить о значеніи приобрѣтенія Сибири одинъ изъ старыхъ сибирскихъ историковъ и патріотовъ—Спасскій. Онъ также сравниваетъ открытіе Сибири съ открытіями въ Новомъ Свѣтѣ, измѣнившими европейскую жизнь, но главное видитъ просто въ умноженіи матеріальныхъ средствъ государства: „приобрѣтеніе Сибири столь же важно для Россіи, а можетъ быть и болѣе, сколько важно было открытіе Новаго Свѣта для всей Европы... Съ открытіемъ Сибири всѣ силы государственныя оворенились; финансы воспріяли вѣрное свое начало; золото и серебро Колыванское поддержали ихъ; мѣдь Екатеринбургская какъ ходячую монету, такъ и артиллерію привела въ живѣйшее движеніе; желѣзо защищало грудь ратоборцевъ русскихъ и помогло низвергнуть подобнаго Батю врага нашего отечества. Нечего говорить уже о драгоценностяхъ и рѣдкостяхъ Сибири: вазы и канделябры изъ яшмы, порфира и малахита, рукою русскихъ художниковъ отдѣланные и въ залахъ палатъ царскихъ стоящіе, удивляютъ чужеземныхъ путешественниковъ. Науки, при благодѣтельномъ на нихъ вліяніи монарховъ нашихъ, распространили сферу свою и показали чрезъ сдѣланные, какъ въ прошедшее столѣтіе, такъ и въ началѣ нынѣшняго, экспедиціи великое приращеніе — и Европа наблюденіями русскихъ пользуется“¹⁾.

Такимъ образомъ, главная польза была чисто матеріальная; что касается науки, то ея „приращенія“ являются только съ XVIII-го вѣка, когда у насъ введена была школа изъ европейскаго источника, и наука въ первый разъ примѣнилась въ Россіи въ особенности при посредствѣ иностранныхъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательныя открытія, сдѣланныя въ XVII-мъ вѣкѣ сибирскими казаками и промышленниками, оставались только практическимъ свѣденіемъ мѣстныхъ жителей и воеводъ, и канце-

¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ, 1818, I, стр. 9—10.

лярской тайной сибирскаго приказа (который съ 1637 учреждень былъ для управленія Сибирью, до того времени находившеюся въ вѣденіи посольскаго приказа), но оставались мертвымъ капиталомъ для науки. Приобрѣтенное тогда знаніе края было чисто эмпирическое, не собранное ни въ какое точное цѣлое, и не мудрено, что сдѣланныя открытія приходилось потомъ дѣлать вновь, какъ, напр., составлять вновь карты Сибири, открывать во второй разъ Беринговъ проливъ, не говоря о томъ, что въ XVIII столѣтїи приходилось въ первый разъ дѣлать физическія описанія страны и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о томъ, какъ вообще только съ Петра Великаго начинается первое примѣненіе научнаго знанія въ изученію русской земли и народа ¹⁾, и о томъ, какъ въ то время начаты были и первыя изслѣдованія Сибири: петровскіе „геодезисты“ и „навигаторы“ еще при жизни его начали свои изслѣдованія, которыя разрослись потомъ въ длинный рядъ экспедицій, исполненныхъ въ теченіе XVIII-го столѣтія. Еще въ XVII столѣтіи московское правительство предпринимало „чертежъ“ сибирской земли; этотъ первый чертежъ не сохранился, но во всякомъ случаѣ въ правильномъ видѣ онъ сталъ возможнымъ только со времени геодезистовъ и навигаторовъ, примѣнившихъ науку своихъ цифирныхъ и навигацкихъ школъ. Только съ этихъ поръ начинается правильная картографія Сибири и знаніе сѣверной половины азіатскаго материка становится достояніемъ науки.

Историки Петра Великаго замѣчаютъ, что съ того времени, когда онъ побывалъ въ Парижѣ, познакомился съ тамошними знаменитыми учеными и былъ избранъ въ члены французской академіи, у насъ въ особенности начались опыты самостоятельныхъ географическихъ изслѣдованій, собраніе физическихъ достопримѣчательностей и т. п. Въ числѣ первыхъ были опыты изслѣдованій Сибири. Въ 1719 г. отправлено было два геодезиста въ Тобольскъ и въ Камчатку; между прочимъ было имъ поручено разыскать — „сошлася ли Америка съ Азіею, что надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Зюйдъ и Нордъ, но и Остъ и Вестъ, и все на картѣ исправно поставить“. Такимъ образомъ результатъ, добытый старыми плаваніями XVII-го вѣка, особливо плаванія Дежнева, былъ забытъ или же не внушалъ довѣрія. Геодезисты измѣряли, плавали около Камчатки и по Охотскому

¹⁾ „Русская наука и національный вопросъ въ XVIII вѣкѣ“, Вѣстн. Европы 1884, май, іюнь, іюль.

морю, но на первый раз не разрѣшили поставленнаго имъ вопроса. Петръ составилъ инструкцію для новаго путешествія съ тою же цѣлю, но она была выполнена уже послѣ его смерти экспедиціею Беринга, открывшаго проливъ между Азіей и Америкой. Еще при жизни Петра снаряжено было другое ученое путешествіе въ Сибирь, исполнителемъ котораго былъ ученый докторъ Даниилъ-Готлибъ Мессершмидтъ (1685—1735), вызванный изъ Германіи. Какъ многіе другіе изслѣдователи того времени, Мессершмидтъ былъ большой энциклопедистъ: медикъ по профессіи, онъ примѣнилъ въ сибирскихъ изслѣдованіяхъ свои обширныя знанія — онъ былъ и натуралистъ, и географъ, и ориенталистъ, и археологъ. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ мы отчасти указали его труды въ теченіе семилѣтнихъ странствованій въ Сибири: самъ онъ не успѣлъ издать ихъ и впоследствии ими воспользовался знаменитый Палласъ. Мессершмидтъ былъ первый въ ряду западныхъ, именно нѣмецкихъ ученыхъ, которые въ XVIII-мъ вѣкѣ съ честью послужили изслѣдованію далекой страны, сопряженному тогда еще несравненно больше, чѣмъ въ новѣйшее время, съ великими трудностями, какія полагала и суровая природа, и довольно дикіе нравы тогдашняго быта и администраціи. За недостаткомъ сколько-нибудь образованныхъ людей изъ русскихъ, Мессершмидтъ нашелъ себѣ помощниковъ между плѣнными шведами, которыхъ было много выслано въ Сибирь въ теченіе Сѣверной войны. Одинъ шведъ, Бушъ, помогаль уже геодезистамъ, посланнымъ въ Камчатку; знаніями плѣнныхъ пользовались и начальныя люди въ Сибири. Въ 1720 году, въ Тобольскѣ, Мессершмидтъ просилъ, чтобы дали ему въ помощь шведскихъ плѣнныхъ: онъ ссылаясь, что четырехъ человекъ взялъ Измайловъ, посланный въ Китай, что одного шведскаго штыкъ-юнкера взяли въ артиллерію, и что ему самому „не про свою нужду требовати, но его царскому величеству къ лучшему устроенію, а изъ русскихъ таковыхъ людей не обрѣтается“. Въ слѣдующемъ году онъ опять проситъ, чтобы ему дали за поручками въ помощники если гдѣ-нибудь „нѣмецкій плѣнный обряцется и со аптекарскими вещми удобное обхожденіе знаетъ“, — „а отъ здѣшняго націона таковыя спомогатели не обратятся“. Такіе помощники и „плѣнные хлопцы“ изъ шведовъ у него и бывали. Въ одномъ изъ шведскихъ офицеровъ онъ нашелъ себѣ не только знающаго сотрудника, но и вѣрнаго друга. Это былъ Филиппъ-Іоаннъ, порусски Иванъ Филипповичъ Таббертъ, штральзундскій уроженецъ,

¹⁾ Вѣсти. Европы 1884, май, стр. 225—226.

взятый въ плѣнъ послѣ полтавской битвы и прожившій съ тѣхъ поръ въ Сибири до заключенія мира съ Швеціею; вернувшись домой, Таббертъ получилъ дворянское званіе и фамилію Штраленберга, подъ которой онъ приобрѣлъ потомъ большую извѣстность въ литературѣ.

Во время пребыванія въ Сибири Штраленбергъ собралъ много матеріала о положеніи края и вмѣстѣ о событіяхъ русской исторіи, кромѣ того составилъ послѣ многихъ препятствій карту Сибири, которая очень понравилась Петру Великому. Послѣ Ништадтскаго мира Штраленбергъ приступилъ къ изложенію собранныхъ свѣдѣній и въ 1730 году издалъ книгу, которая пользовалась въ XVIII вѣкѣ большою извѣстностью ¹⁾. Въ 1724 году познакомился съ нимъ въ Стокгольмѣ извѣстный историкъ Татищевъ, посланный тогда съ разными порученіями въ Швецію; Татищевъ писалъ въ Петербургъ, что Штраленбергъ проситъ позволенія посвятить свое сочиненіе о Сибири имени русскаго императора и, не получивъ отвѣта, опять писалъ, что „описаніе Сибири безъ всякой противности состоитъ и паче къ славѣ и пользѣ Россійской; въ предисловіи же Штраленбергъ обѣщаетъ великія дѣла покойнаго государя изобразить, въ чемъ и я, колико разумѣю, трудъ свой приложу“. Устряловъ полагалъ, что Татищевъ дѣйствительно прилагалъ свою руку къ труду Штраленберга, который первоначально былъ расположенъ больше въ пользу Петра Великаго, но что когда согласія на упомянутое посвященіе не послѣдовало и Штраленбергъ обманулся въ ожиданіи награды отъ русскаго двора, онъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи перемѣны, и Устряловъ склонялся къ мнѣнію Голицева, который называлъ Штраленберга злобнымъ клеветникомъ. Другіе не раздѣляютъ этого взгляда и напротивъ отдають справедливость богатству новыхъ свѣдѣній, какія были въ первый разъ даны въ книгѣ Штраленберга о далекихъ странахъ, въ то время почти неизвѣстныхъ въ Европѣ ²⁾. Надо сказать однако, что книга Штраленберга имѣла и свои крупныя недостатки; напр., не зная хо-

¹⁾ Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt etc. von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm 1730. Было потомъ другое изданіе въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Historie der Reisen in Russland; затѣмъ были переводы англійскій 1738, французскій 1757 и испанскій 1780; русскаго перевода не было.

²⁾ Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго“, т. I, стр. LXXIII—LXXV; Пекарскій, тамъ же, стр. 354—355.

рошенько русскаго языка, онъ беретса за филологическія толкованія, которыя выходили уродливыми.

Раньше Штраленберга, въ 1715 г., исполненъ былъ одинъ русскій и довольно замѣчательный трудъ по описанію Сибири, который могъ бы служить къ „приращенію“ науки, но онъ изданъ былъ только въ 1884 г. Это — „краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ“, составленное Григоріемъ Новицкимъ. Новѣйшій издатель сообщилъ о немъ такія біографическія свѣденія: какъ видно изъ самаго „Описанія“, авторъ былъ малороссіянинъ и человекъ книжный и, судя по его витиеватои риторикѣ, прошедшій высшю школу, вѣроятно кievскую академію; старѣйшій извѣстный списокъ сочиненія, теперь изданный, писанъ малороссійскимъ почеркомъ и пересыпанъ тѣми особенностями книжнаго языка и правописанія, которыя отличаютъ малорусскихъ книжниковъ прошлаго вѣка. Новицкій попалъ въ Сибирь не по доброй волѣ: въ предисловіи онъ говоритъ о себѣ, какъ о „странникѣ бѣдствующемъ и пришлецѣ“, котораго привели въ Сибирь „не желаніе любопытства, ниже о всякихъ вещахъ искательство видѣнія“, а напротивъ „брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволѣ“, т.-е. предали его неволѣ смутныя тогдашнія событія въ Малороссіи. Въ дѣлахъ консисторскаго архива въ Тобольскѣ найдено свѣденіе, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ пятнадцатю другими лицами, относится къ 1712 году; въ Сибири онъ пользовался покровительствомъ тогдашняго тобольскаго губернатора, князя М. П. Гагарина, а митрополита Филооѣя, и сопровождалъ послѣдняго въ путешествіяхъ къ остякамъ и вогуламъ, предпринятыхъ для обращенія ихъ въ христіанство: это знакомство съ сибирскими инородцами и дало поводъ къ „Описанію“. Впослѣдствіи, при митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомъ), преемникѣ Филооѣя, Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками принятаго христіанства, — и здѣсь онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ священникомъ когда-то послѣ 1720 года ¹⁾.

Эти свѣденія дополняются другими разысканіями. Григорій Новицкій былъ сынъ „охочекомоннаго“ полковника Ильи Новицкаго, игравшаго видную роль во внутреннихъ малороссійскихъ дѣлахъ конца XVII-го вѣка и умершаго, какъ полагаютъ, около 1700 года. Григорій Новицкій получилъ, по тогдашнему, весьма старательное воспитаніе и учился (кажется, въ послѣд-

¹⁾ См. предисловіе Л. Н. Майкова къ изданію „Описанія“, Сиб. 1884, стр. IV—V.

нихъ годахъ XVII-го столѣтія) въ кіево-могилянскои академіи. Впослѣдствіи и онъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ, вѣроятно, того же полка, гдѣ начальствовалъ его отецъ. Когда Мазепа совершилъ свою измѣну, за нимъ въ числѣ другихъ послѣдовалъ и Новицкій, вѣроятно увлеченный своимъ своякомъ Орликомъ (жены ихъ были родныя сестры): Мазепа назначилъ его своимъ „резидентомъ“ при великомъ коронномъ гетманѣ Сѣнявскомъ, и отсюда Новицкій уже въ началѣ 1709 года писалъ Головкину, принося повинную. Новицкому позволили вернуться, но тогда же сослали его въ Сибирь ¹⁾. Обстоятельства его жизни въ Сибири выше указаны.

Сочиненіе Новицкаго сопровождается обычными принадлежностями стариннаго малороссійскаго писательства: длинное витіеватое заглавіе, потомъ обращеніе къ патрону, предисловіе къ читателю, высокопарная реторика въ изложеніи, вставленныя въ текстъ силлабическія вирши. Патрономъ, къ которому онъ обращался, былъ упомянутый князь Гагаринъ, тогдашній сибирскій губернаторъ ²⁾: судя по словамъ Новицкаго, это былъ таковой благодѣтель человѣчества, что его великія заслуги могли бы наполнить славою всѣ подсолнечную ³⁾. Надо думать, что эти льстивыя восхваленія требовались автору для обезпеченія милостей губернатора, очень нелишнихъ въ его положеніи, — на дѣлѣ уже вскорѣ оказалось, что дѣянія этого благодѣтеля потребовали строгаго слѣдствія и суда. Въ 1719 году оберъ-фискаль доносилъ

¹⁾ Кіевская Старина, 1885, июль, стр. 455—456. Мѣстомъ ссылки указывается здѣсь Березовъ; но, по Костомарову („Мазенинцы“, Р. Мысль, 1883, кн. II, стр. 165), Новицкій съ пятнадцатью казаками былъ сосланъ въ Тобольскъ и тамъ поверстанъ въ службу. Новѣйшія извѣстія говорятъ, что потомки Новицкаго и теперь живутъ около Березова, населяя почти исключительно одно изъ тамошнихъ селъ и эксплуатація окрестныхъ оstackовъ. Природа и Охота, 1878, № 2, ст. Полякова, стр. 47.

²⁾ Въ предисловіи г. Майкова онъ называется Михаиломъ, въ дѣйствительности онъ назывался Матвѣемъ; въ Тобольскѣ онъ былъ назначенъ въ 1710 году.

³⁾ Вотъ, на примѣръ, первыя строки сочиненія Новицкаго:

„Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ сѣятельства вашего, еже все правописание, всю подсолнечную неописаннымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего неудобства бысть се могутство достойно изобразити, еже мнѣ съ работѣннымъ преклоненіемъ егда приношу, сумнѣнія и ужаса исполненъ: яко недоволено есть противу величества дѣлъ сѣятельства вашего, сѣятельнѣйшій и благороднѣйшій князь, усумнѣтися въ истинну: паче же постыдѣтися подобаетъ мнѣ, яко неудобство мое малѣйшимъ сямъ дерзну изобразити начертаніемъ толь преславная дѣла, толикое сихъ величіе, еже не у миру вмѣстимо есть: тако убо простресея, тако превзыде и превознесесея, яко вся наполни церкви веселіемъ, православіе возжелѣннымъ благополучіемъ, благочестіе умноженіемъ, и вса стихія, землю, небо неизреченнымъ наполни торжествомъ.“ (!) и такъ далѣе.

сенату о разореніи и грабежѣ, происходящихъ отъ губернатора сибирскому народу; въ томъ же году „его царское величество изволилъ приказать о немъ, Гагаринѣ, сказывать въ городахъ сибирской губерніи, что онъ, Гагаринъ, плуть и недобрый человекъ, и въ Сибири уже ему губернаторомъ не быть“; на его мѣсто назначенъ былъ князь Черкасскій, а надъ Гагаринымъ шелъ судъ, приговорившій его въ 1721 году къ смертной казни, которая и была исполнена въ Петербургѣ.

Послѣ предисловія къ читателю изложеніе Новицкаго начинается опредѣленіемъ границъ сибирскаго государства, исчисленіемъ его народовъ и естественныхъ богатствъ, краткими историческими свѣдѣніями; затѣмъ идетъ обстоятельное по тому времени описаніе нравовъ, обычаевъ и суевѣрій сибирскихъ инородцевъ, наконецъ извѣстіе о крещеніи остяковъ и вогуличей. Сочиненіе Новицкаго давно было извѣстно любителямъ сибирской исторіи; его знали Спасскій, Словцовъ, Абрамовъ (въ 1840-мъ году высланный въ Петербургъ списокъ этого сочиненія); еще во второй половинѣ прошлаго вѣка сочиненіемъ Новицкаго пользовался „тобольскій ямщикъ“ Илья Черепановъ, авторъ „Новой сибирской лѣтописи“. Но въ то время, когда у насъ это сочиненіе ходило только въ рукописи, оно успѣло попасть въ печать у нѣмцевъ: уже въ 1717 году сочиненіемъ Новицкаго воспользовался плѣнный шведъ, или нѣмецъ, драгунскій капитанъ Мюллеръ, проживавшій одновременно съ нимъ въ Tobolsk. Мюллеръ почти цѣликомъ перевелъ книгу Новицкаго въ своей статьѣ: „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiaken“, которая приложена была къ извѣстной книгѣ Вебера „Das veränderte Russland“, 1721. Такимъ образомъ и здѣсь любознательность иностранныхъ писателей опережала распространеніе русской книги, которая въ подлинникѣ издана была у насъ только въ 1884 году.

Новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій начинается съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Первое путешествіе Беринга на крайній востокъ Сибири закончено было въ 1730 году. Вскорѣ затѣмъ, очевидно подъ вліяніемъ еще неостывшей памяти плановъ Петра Великаго, задумана была такъ-называемая *вторая камчатская экспедиція*, въ исполненіи которой приняла участіе только-что основанная академія наукъ. Одна часть экспедиціи, подъ управленіемъ Беринга, должна была совершать плаваніе отъ Камчатки къ берегамъ Америки, другая должна была отправиться черезъ Сибирь въ Камчатку сухимъ путемъ. Это было знаменитое академическое путешествіе, начавшееся въ 1733 и оконченное въ 1743 году и въ которомъ приняли участіе Іоаннъ-

Георгъ Гмелинъ какъ натуралистъ, Герардъ-Фридрихъ, или Федоръ Ивановичъ Миллеръ, какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, Делиль-де-ла-Кройеръ какъ астрономъ, далѣе студентъ академіи Крашенинниковъ и присоединившіеся потомъ профессоръ Фишеръ и адъютантъ Стеллеръ. При экспедиціи, кромѣ Крашенинникова, было еще четыре русскихъ студента, четыре землѣбра, переводчикъ, рисовальщикъ, живописецъ и инструментальный ученикъ. Это была вообще одна изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ экспедицій, какія предпринимались для изслѣдованія Сибири. Путешествіе въ то время соединялось съ большими затрудненіями: изслѣдователи должны были почти все наблюдать и разыскивать въ первый разъ; самыя категорическія предписанія изъ Петербурга къ мѣстнымъ властямъ о содѣйствіи трудамъ экспедиціи не избавляли путешественниковъ отъ крупныхъ и мелкихъ хлопотъ, и, несмотря на то, въ трудахъ экспедиціи остались замѣчательныя изслѣдованія, которыя положили начало дальнѣйшимъ изысканіямъ сибирской природы, этнографіи и исторіи. Не входя въ подробности этихъ ученыхъ изслѣдованій¹⁾, остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ этихъ путешествій. Итакъ, путешественники распредѣлили между собой предметы наблюденій по своимъ специальностямъ. Труды Мессершмидта они въ это время не могли воспользоваться, такъ какъ эти труды въ то время еще не были приведены въ порядокъ и изданы. Такимъ образомъ, участники „второй камчатской экспедиціи“ снова въ первый разъ должны были приступить къ предметамъ своихъ изысканій. Все это были тогда люди молодые: Миллеру было 28 лѣтъ, Гмелину 24 года, Крашенинникову былъ 21 годъ; одинъ Делиль былъ человекъ старый. Эти молодые силы путешественники съ ревностью отдавали своему дѣлу и среди неудобствъ работы собрали драгоцѣнный матеріалъ, какъ и въ послѣдствіи это удавалось немногимъ. Миллеръ усердно работалъ въ сибирскихъ архивахъ и собралъ массу документовъ, которые послужили для его историческаго труда о сибирской исторіи, продолженнаго Фишеромъ, и которые служили потомъ многимъ другимъ ученымъ и не исчерпаны до сихъ поръ. Гмелинъ составилъ классическую книгу о сибирской флорѣ и нѣсколько томовъ путешествія, о которомъ упомянемъ далѣе. Крашенинниковъ написалъ сочиненіе о Камчаткѣ, которое надолго осталось авторитетнымъ источникомъ свѣденій объ этой странѣ и было нѣ-

¹⁾ Онѣ въ главныхъ чертахъ упомянуты были нами въ Вѣстникѣ Европы, 1884, май.

сколько разъ переведено на англійскій, нѣмецкій, французскій и голландскій языки. Путешествіе, однако, не дешево досталось экспедиціи. Делиль умеръ въ Камчаткѣ отъ цынги въ 1741 году; Стеллеръ, о которомъ остались самые сочувственные отзывы; умеръ на возвратномъ пути въ Россію; въ 1739 умеръ въ Енисейскѣ переводчикъ экспедиціи Илья Яхонтовъ, котораго Гмелинъ оплакивалъ какъ усерднаго сотрудника и достойнаго чловека.

„Описаніе Камчатки“ Крашенинникова, умершаго въ 1755 году, когда былъ отпечатанъ послѣдній листъ его книги, было величайшею новостью для тогдашней ученой литературы. Это былъ первый разсказъ о странѣ, совершенно неизвѣстной, которая не бывала наблюдаема натуралистомъ, и описаніе ея являлось настоящимъ открытіемъ: этимъ объясняется живое любопытство, какое возбудила она въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Книга Крашенинникова составлена въ самомъ дѣлѣ весьма обстоятельно, и до сихъ поръ многія части ея могутъ быть прочитаны съ интересомъ. Крашенинниковъ долженъ былъ предполагать полное отсутствіе свѣденій объ описываемой имъ странѣ, и потому онъ сообщаетъ о ней извѣстія очень разностороннія. Много мѣста удѣлено описанію топографическому, опредѣленію границъ, подробному исчисленію рѣкъ и ихъ теченія, горъ, озеръ, окрестныхъ острововъ, флоры и фауны; онъ говорилъ далѣе о свойствахъ почвы и ея произведеніяхъ, объ огнедышущихъ горахъ, климатическихъ условіяхъ, наконецъ о жителяхъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ, промыслахъ и т. д. Наблюдательность автора распространялась, какъ видимъ, на самыя разнообразныя предметы, и его замѣчанія отличаются обыкновенно большою точностью и простотою.

Гмелинъ, по возвращеніи изъ сибирскаго путешествія, не долго оставался въ Петербургѣ и вернулся въ Германію, гдѣ ему была предложена профессура въ Тюбингенѣ; онъ умеръ въ 1755 году. Уже за границей онъ издалъ дневникъ своего путешествія, который исполненъ множества любопытныхъ подробностей, какъ его спеціальныя труды были чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ физическое изслѣдованіе Сибири ¹⁾. Новѣйшій ака-

¹⁾ Главнымъ его трудомъ въ этой области была „Сибирская флора“. Вообще новѣйшіе ученые такъ отзывались о трудахъ Гмелина по физическому изслѣдованію Сибири: „Крайности холода и зноя, которыя въ состояніи переносить человекъ и животныя и которыя далеко превышали назначенную тогда Бургомъ мѣру, пониженіе изотермическихъ линій къ востоку, никогда не оттаивающая подпочва въ Якутскѣ и на Аргуни, распространеніе чернозема въ Сибири, пониженіе Каспійскаго

демическій біографъ Гмелина замѣчаетъ, что нельзя не порадоваться, что онъ уѣхалъ изъ Россіи, такъ какъ при тогдашнихъ цензурныхъ понятіяхъ въ Россіи, при невозможности высказывать даже самыя невинныя критическія сужденія, и при тогдашней академической обстановкѣ, Гмелинъ никогда не могъ бы издать своей книги въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла тогда въ Германіи. Другъ его, Миллеръ, по словамъ Пекарскаго, въ этихъ условіяхъ могъ обнародовать едва собою часть тѣхъ драгоценныхъ извѣстій, которыя были имъ собраны и находились въ его распоряженіи.

Книга Гмелина вышла въ Гёттингенѣ въ 1751—1752 годахъ ¹⁾. Когда книга была получена въ Россіи, она возбудила противъ себя сильное негодованіе: нѣсколько откровенная рѣчь о томъ, что автору случалось видѣть въ его долгомъ и далекомъ путешествіи, показалась здѣсь неприличіемъ и даже дерзостью. Гмелинъ предвидѣлъ это и старался предупредить своихъ прежнихъ академическихъ сочленовъ отъ ложныхъ заключеній и увѣрить, что въ книгѣ „не содержится ничего непристойнаго для русскаго государства и его славы, а также и такого, что бы не относилось къ наукѣ—стало быть, тамъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы я нарушилъ лежація на мнѣ обязанности“. Это, однако, не помогло, и въ латинскомъ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей въ Германіи, въ октябрѣ того же 1751 года, Гмелинъ сообщаетъ дошедшіе до него изъ Петербурга фатальные слухи объ опасностяхъ, грозящихъ ему изъ-за его сочиненія. „Можетъ случиться, говорятъ мнѣ, что вслѣдствіе дружбы, существующей между дворами англійскимъ, имперскимъ ²⁾ и русскимъ, отъ перваго вый-

моря, барометрическія опредѣленія высотъ и еще много другихъ наблюденій и открытій отчасти были впервые отмѣчены Гмелиннымъ. Но здѣсь мы ограничимся только оцѣнкою единственнаго ботаническаго труда Гмелина, его Сибирской Флоры. Это по истинѣ классическое твореніе заключаетъ въ себѣ описаніе 1178 растений съ приложеніемъ 300 чертежей. Въ немъ въ первый разъ опредѣлено и изображено чрезвычайное для тогдашняго времени множество растений. Линней говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1744 г.), что Гмелинъ одинъ открылъ столько растений, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ; но Линней еще далеко не видалъ всѣхъ растений Гмелина“.

Какъ важны были эти труды Гмелина, можно судить по тому, что еще недавно ученые возвратились къ „останкамъ“ его изслѣдованій (*Gmelini Reliquiae*, 1861). См. Пекарскаго, „Исторія академіи наукъ“, т. I, стр. 456—457.

¹⁾ Johann Georg Gmelins, der Chemie und Kräuterwissenschaft auf der hohen Schule zu Tübingen öffentlichen Lehrers, Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751—1752, 4 тома (Sammlung neuer und merkwürdiger Reisen zu Wasser und zu Lande, т. IV—VII).

²⁾ То-есть, священной римской исторія.

деть приказаніе о запрещеніи книги, а отъ послѣдняго выражено будетъ желаніе о выдачѣ моей особы отъ вюртембергскаго двора черезъ имперскій дворъ, если не случится другое—что въ нашу землю явятся и тайно меня схватятъ замаскированные люди; чтобы поэтому я остерегался замаскированныхъ людей, а въ особенности имперскихъ офицеровъ (а praefectis militum caesareis), или чтобы я скрылся въ безопасное мѣсто, напримѣръ, въ Берлинъ. Это вещь, конечно, удивительная, такъ какъ я не знаю, что есть въ этой книгѣ противъ русской имперіи или ея славы, и полагаю, что все это дѣло произошло изъ простаго слуха о книгѣ, содержанія которой не знаютъ“. Онъ говорилъ, что это нисколько не устрашаетъ его отъ продолженія работы. Онъ проситъ, однако, у своего друга совѣта въ этомъ дѣлѣ, проситъ сообщить его книгу нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ „прежде, чѣмъ могутъ придти письма отъ двора русскаго или имперскаго“, наконецъ, желаетъ, чтобы въ рецензій его книги указано было, что въ своемъ трудѣ онъ не сказалъ ничего противнаго славіи россійской имперіи, и что, напротивъ, съ великимъ уваженіемъ относится къ странѣ, въ которой провелъ столько лѣтъ, и пр.

Въ 1752 году канцелярія петербургской академіи сдѣлала распоряженіе, чтобы книга Гмелина была разсмотрѣна Миллеромъ и Ломоносовымъ и чтобы составлено было по два экзemplара, изъ которыхъ въ одномъ надо было указать, что въ этой книгѣ есть „достопамятнаго и полезнаго“, а въ другомъ, что есть въ ней „излишняго, непристойнаго и сумнительнаго“, и по тѣмъ экзemplарамъ президентъ академіи долженъ былъ рѣшить какія-то мѣры. Миллеръ, который почти все время десятилѣтняго путешествія былъ спутникомъ и пріателемъ Гмелина, отказался отъ этого порученія, справедливо указывая, что онъ „въ подацію такого мнѣнія весьма неспособенъ“, такъ какъ еслибы онъ писалъ въ похвалу Гмелина, это приписали бы старой ихъ дружбѣ или „любви къ его собственнымъ сибирскимъ изобрѣтеніямъ“ (то-есть, открытіямъ и находкамъ), а еслибы писалъ противъ него, то думали бы, что онъ предпочитаетъ труду Гмелина собственное сочиненіе или мститъ ему за одну неприятность, которая была между ними.

Мѣръ противъ книги Гмелина или противъ него самого, кажется, принято не было, можетъ быть потому, что онъ въ это время былъ уже очень болѣзненъ ¹⁾, но нѣмецкіе ученые, находившіеся въ сношеніяхъ съ академіей, просили все-таки, чтобы это сочиненіе не было поставлено имъ въ вину, потому что они

¹⁾ Онъ умеръ въ 1755 году, 46 лѣтъ.

сами очень расположены къ Россіи и о содержаніи печатавшейся книги не знали ¹⁾).

Во всякомъ случаѣ внига Гмелина считалась опальной, изданіе ея не было повторено въ Германіи; она осталась не переведена на русскій языкъ, ни тогда, ни послѣ, хотя серьезные изслѣдователи Сибири всегда очень ее цѣнили.

Понятно, что всё толки объ ея „сумнительности“ были преувеличены и свидѣлствуютъ лишь о той боязни сколько-нибудь открытаго выраженія мнѣній, каковая господствовала надъ русской литературой въ XVIII столѣтіи и дожила даже до нашихъ дней. Гмелинъ не скрывалъ своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ русскою жизнью; русскіе, а особливо сибирскіе порядки и нравы первой половины прошлаго столѣтія представляли слишкомъ много грубыхъ сторонъ, чтобы онѣ не бросались въ глаза свѣжему челоуѣву; иной разъ, быть можетъ, онъ самъ бывалъ нетерпѣливъ, но ни въ какомъ случаѣ ему нельзя было приписать намѣреннаго желанія писать вещи, оскорбительныя для русской имперіи, какъ это тогда было понято. Напротивъ, не только въ предисловіи къ его книгѣ, но и въ самой срединѣ разсказа не разъ высказываются теплыя сочувствія къ мѣропріятіямъ русскаго правительства въ пользу науки и къ тѣмъ достойнымъ хорошимъ людямъ, отъ которыхъ онъ въ теченіе пути встрѣчалъ много сочувствія и серьезной помощи въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Сочиненіе Гмелина не есть ученый трактатъ; это просто подробный дневникъ всей поѣздки, отъ выѣзда изъ Петербурга въ августѣ 1733 года, до возвращенія въ Петербургъ въ февралѣ 1743 года. Тогдашнія путешествія не были торопливы; для обыкновенныхъ путниковъ, каковыми были и наши академики, путешествіе и не могло быть поспѣшно: оно зависѣло отъ всякихъ случайностей—и отъ состоянія дорогъ, отъ погоды, отъ того, находилось ли на станціяхъ довольно лошадей, въ порядкѣ ли были экипажи, исправны ли были лодки, на которыхъ часто приходилось совершать путешествіе по Сибири, и т. д. ²⁾). Наши путешественники и не заботились о быстротѣ: въ Россіи для нихъ было ново все; каждый переѣздъ, каждая остановка давала случай и поводъ къ наблюденіямъ и научнымъ, и нравоописательнымъ. Экспедиція была довольно многолюдная, но она путешествовала обыкновенно

¹⁾ Пекарскій, „Исторія академіи наукъ“, I, стр. 44⁴—453, 366.

²⁾ Случались и столкновения съ ямщиками; эти послѣдніе производили иногда формальныя побойща, нападали на солдатъ, провожавшихъ экспедицію, надъ которыми имѣли, конечно, численный перевѣсъ.

по частямъ, отчасти, вѣроятно, для того, чтобы передвиженіе было легче, отчасти для того, чтобы спутники академикомъ съ своей стороны могли дѣлать свои описанія по другимъ мѣстностямъ. Гмелинъ большую часть пути сдѣлалъ вмѣстѣ съ Миллеромъ: прѣѣзжая въ какую-нибудь сибирскую мѣстность, городъ, село, они вели каждый свое дѣло—Миллеръ пересматривалъ архивы, Гмелинъ дѣлалъ свои натуралистическія наблюденія и собиралъ коллекціи, затѣмъ вмѣстѣ они осматривали достопримѣчательности, наблюдали нравы и т. п. По расчету Миллера онъ проѣхалъ въ свое сибирское путешествіе съ разными переѣздами больше 30.000 верстъ; въ суммѣ поверстныхъ счетовъ Гмелина его переѣзды составили цифру 31.357 верстъ.

Въ своемъ предисловіи Гмелинъ весьма осторожно говоритъ о результатахъ, достигнутыхъ экспедиціями: даже научные предметы считались какъ бы канцелярской тайной академіи. Сказавъ объ учрежденіи второй камчатской экспедиціи, тогда уже законченной и участвовавшей участники которой готовили къ изданію свои труды, Гмелинъ замѣчаетъ: „Когда все это будетъ довершено, міръ въ свое время удивится, получивъ правдивое повѣствованіе о томъ, что зависитъ отъ единственной высокой воли царствующей нынѣ великой императрицы Елизаветы, подъ мудрѣйшими заботами и въ счастливѣйшее царствованіе которой это великое дѣло достигаетъ своего завершенія. Мнѣ объ этомъ извѣстно всего менѣе, и я совершилъ въ непростительную дерзость, еслибы безъ высочайшаго соизволенія написалъ для всѣхъ то небольшое, что мнѣ извѣстно о морскихъ путешествіяхъ ¹⁾. Поэтому, я ограничусь, главнымъ образомъ, нашимъ путешествіемъ, то-есть академическимъ путешествіемъ, которое можетъ знать вообще всякій: это есть почти продолженіе того Мессершмидтова путешествія, начало котораго проникательный императоръ Петръ I, славнѣйшей памяти, по собственному высочайшему побужденію, велѣлъ сообщить королевской академіи наукъ во Франціи, и всемілостивѣйше обѣщаль прислать въ послѣдствіи результаты всего путешествія ²⁾; но спеціальныя и подробныя трактаты не должны быть публикованы безъ высшаго разрѣшенія, для того, чтобы чрезвычайныя издержки, которыя Россія употребила на это къ своей вѣчной славы, были вознаграждены по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобы публикаціей наблюденій свѣтъ обязанъ былъ милости императрицы. То, что я сообщаю здѣсь, есть дневникъ нашего путешествія

¹⁾ Разумѣются путешествія Беринга и другихъ.

²⁾ Lettre de Mr. Blumentrost à l'Académie des sciences de Paris dans l'histoire de la même Académie, 1720, ed. Holl., p. 173, 174 (прим. Гмелина).

черезъ Сибирь до Якутска, и оттуда обратно до Петербурга, набросанный мною просто для своего удовольствія“. Упомянувъ дальше, что обстоятельное и официальное описаніе ихъ наблюденій должно быть ожидаемо отъ его спутника Миллера, онъ надѣется, что и его трудъ найдетъ одобреніе у читателя. „Именно потому, что это—дневникъ, это есть смѣсь безчисленныхъ происшествій, всякаго рода земель, многихъ народовъ, различныхъ человѣческихъ склонностей, нравовъ, обычаевъ, природы, какъ обработанной, такъ и необработанной. Я все еще вспоминаю съ удовольствіемъ о тѣхъ годахъ, когда я имѣлъ случай сдѣлать это путешествіе, и воображаю себѣ, что дневникъ, рассказывающій по порядку это путешествіе со всѣми политическими и естественными происшествіями, долженъ пробудить въ маломъ видѣ почти такое же удовольствіе и у читателя, который не совершенно ко всему равнодушенъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, книга Гмелина сохраняетъ свой интересъ и до настоящаго времени. Это — картина ученаго путешествія, совершавшагося полтора года тому назадъ, и вмѣстѣ картина русской и сибирской природы и быта, въ которой многое стало, конечно, уже историческимъ прошедшимъ. Въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ проще рассказъ, тѣмъ онъ бываетъ интереснѣе: Гмелинъ записываетъ въ свой дневникъ всѣ впечатлѣнія, всѣ крупныя и мелкія происшествія, какія встрѣчались на пути, и надо жалѣть, что содержаніе книги осталось до сихъ поръ чуждо нашей литературѣ. Путешествіе было далекое, на пути было много всякихъ дорожныхъ приключеній, которыя даютъ понятія о старинномъ способѣ путешествія; случалось наблюдать обычаи и русскаго, и разныхъ другихъ народовъ; къ простому разсказу обо всемъ этомъ присоединяются замѣчанія ученаго человѣка, и въ книгѣ собралось множество подробностей для географіи, исторіи и этнографіи. Гмелинъ ведетъ, во-первыхъ, подробный маршрутъ путешествія, описываетъ города и всякія замѣчательныя мѣстности, съ особеннымъ любопытствомъ присматривается ко всякимъ инородцамъ, какіхъ встрѣчалось много на пути экспедиціи, особенно въ Сибири; всегда онъ старается наблюдать бытъ, народные праздники, суевѣрія, обращаетъ вниманіе на остатки старины, прислушивается къ преданіямъ. Изъ множества подобныхъ подробностей укажемъ нѣкоторыя. Къ концу декабря 1733 года путешественники были въ Екатѣринбургѣ, и здѣсь имъ случилось видѣть святочное представленіе: въ ихъ комнату собралась толпа ряженыхъ, которая дала имъ цѣлое представленіе—на сценѣ былъ Христосъ, смерть, дьяволъ, были музыканты, знатные господа и госпожи

и пр.; сцена должна была служить напоминаніемъ, что всѣ люди — смертны, но ученый академикъ догадывался, что главной цѣлью было получить на воду. Дальше, въ Tobольскѣ, путешественники вспомнили екатеринбургское представленіе, потому что здѣсь они видѣли на пасхѣ другое подобное, но гораздо болѣе сложное: были на сценѣ старшій Адамъ; дьяволъ, выдѣлывавшій надъ нимъ разныя штуки; змѣй-соблазнитель съ яблокомъ; Христосъ съ крестомъ и вѣнцомъ, оживившій Адама и уведшій его на небо; далѣе представлено было полученіе десяти заповѣдей, наконецъ крещеніе, предметомъ котораго былъ мнимый остицкій князь; потомъ были комическіе выходы, наконецъ опять явились дьяволъ, старшій Адамъ, смерть и Христосъ, какъ вначалѣ; маленькій мальчикъ держалъ рѣчь, затѣмъ пѣли пѣвчіе, — „все это было въ стихахъ и надо было только удивляться, что мальчики выполняли свое дѣло съ ораторскимъ искусствомъ“. Очевидно, это было представленіе мистеріи. Тамъ же въ Tobольскѣ Гмелинъ описываетъ странный старшій обычай, что только разъ въ году хоронились люди, умершіе или насильственной смертью, или безъ причастія, и которыхъ поэтому нельзя было хоронить вмѣстѣ съ другими, которые простились съ жизнью законнымъ образомъ; ихъ складывали въ незаколотенныхъ гробахъ въ одномъ сараѣ за городомъ и хоронили окончателно только разъ въ году, въ четвергъ передъ Троицей. Тамъ же въ Tobольскѣ Гмелинъ отмѣчаетъ, что въ великомъ посту (въ недѣлю православія) вмѣстѣ съ скончавшимися царями, патриархами и пр. поминался и завоеватель Сибири, Ермакъ. Тамъ же онъ видѣлъ и подробно описываетъ татарскую свадьбу. Семипалатинскъ онъ описываетъ какъ „Семипалатную крѣпость“ и осматриваетъ здѣсь тѣ семь палатъ, отъ которыхъ она получила свое имя; это былъ, по его словамъ, родъ калмыцкаго монастыря, и въ этихъ зданіяхъ сохранялись еще остатки калмыцкаго идолопоклонства: крѣпость была еще очень нужна въ то время, потому что окрестные кочевники внушали мало довѣрія. Здѣсь, какъ и по всему теченію Иртыша, Гмелинъ указываетъ множество могилъ, которыя остались отъ жившихъ здѣсь прежде калмыковъ или бухарцевъ, и которыя почти всѣ были, однако, перерыты: для окрестныхъ жителей это была богатая добыча, потому что здѣсь находили много золота и серебра — въ видѣ идоловъ, большихъ печатей, браслетовъ, конскихъ украшеній; но вещи мѣдныя и желѣзныя обыкновенно бросались владонскателями. Такое могильное серебро, обыкновенно перелитое, путешественникъ видѣлъ еще на ирбитской армаркѣ. Въ Томскѣ Гмелинъ встрѣчается съ раскольниками, и отмѣчаетъ

ихъ удаленіе отъ православныхъ. Встрѣчаясь съ инородцами, онъ обыкновенно старательно наблюдаетъ особенности ихъ быта. Въ русскомъ языкѣ сибиряковъ онъ замѣчаетъ отличія отъ обыкновеннаго русскаго языка, и приводитъ небольшой списокъ особыхъ сибирскихъ словъ, собранный переводчикомъ экспедиціи Яхонтовымъ (I, стр. 291—294). Въ Кяхтѣ Гмелинъ составляетъ длинный списокъ цѣнъ на тамошніе товары. Путешественниковъ очень интересовали сибирскіе шаманы; Миллеръ и Гмелинъ нѣсколько разъ наблюдали ихъ предполагаемое волшебство и чудесное знаніе: какъ рационалисты XVIII-го вѣка, они видѣли въ шаманствѣ только одинъ голый обманъ (который здѣсь, конечно, и бывалъ), но имъ не приходила мысль о бытовомъ происхожденіи тѣхъ экзотическихъ возбужденій, которыя отличаютъ шаманство, и въ демоническое происхожденіе которыхъ отчасти вѣрили безъ сомнѣнія и сами шаманы. Далѣе, Гмелинъ интересовался нзродной поэзіей финскихъ и татарскихъ инородцевъ, и въ разныхъ мѣстахъ книги приводитъ образчики татарскихъ и бурятскихъ пѣсенъ въ подлинномъ текстѣ, съ переводомъ и даже съ мелодіями (I, 139; III, 369—374, 522—527). Въ Томскѣ онъ дѣлалъ метеорологическія наблюденія, и приводитъ ихъ за нѣсколько мѣсяцевъ (IV, 15—63); онъ сообщаетъ свѣденія о сибирскихъ рудникахъ и выработкѣ металловъ, и т. д. и т. д.

Приведенныя указанія даютъ образчики тѣхъ разнообразныхъ предметовъ, на которые направлялись наблюденія любознательныхъ путешественниковъ. Между прочимъ Гмелинъ не разъ говоритъ о бытѣ самихъ русскихъ сибиряковъ. Этотъ бытъ вообще производилъ на него не весьма пріятное впечатлѣніе: сибиряки вообще лѣнны, крайне преданы пьянству и разгулу; губернаторы—грабители. Гмелину случалось жить въ большихъ и небольшихъ городахъ въ праздники, какъ святки, масляница, пасха, и каждый разъ онъ видѣлъ нескончаемое пьянство.

Напримѣръ.

„Городъ Тобольскъ имѣетъ очень много жителей; изъ нихъ почти четвертая часть—татары. Остальные—русскіе, но большею частью такіе, которые или сами были сосланы сюда за свои преступленія, или происходятъ отъ предковъ, высланныхъ сюда по той же причинѣ. Такъ какъ все здѣсь чрезвычайно дешево,—такъ что простой человѣкъ легко можетъ прожить здѣсь на 10 рублей,—то здѣсь въ высочайшей степени господствуетъ порокъ лѣни. Несмотря на то, что здѣсь есть всякіе ремесленники, которые въ состояніи дѣлать почти все, что можетъ потребоваться, добыть этого такъ трудно, что надо считать большимъ счастьемъ,

если получишь что-нибудь сработанное. И это случается рѣдко, если не употребить силы и не заставить людей работать подъ стражей. Если они что-нибудь зарабатываютъ, то нужно, чтобы они это пропили, прежде чѣмъ можно будетъ получить отъ нихъ что-нибудь еще. Всему причина—дешевизна хлѣба... Если у нихъ ничего больше не остается, они работаютъ еще нѣсколько часовъ и зато могутъ опять ничего не дѣлать цѣлую недѣлю". Наоборотъ, Гмелинъ отмѣчаетъ чрезвычайную трезвость татаръ (I, 159—160, 163).

Живя въ Томскѣ, путешественникъ упоминаетъ о сильномъ падежѣ скота,—„противъ чего никто не употребляетъ ни малѣйшихъ мѣръ и главнымъ основаніемъ въ этому было то, что прежде, когда также бывали подобныя язвы, предки также ничего не дѣлали.—Я могу съ полной истиной сказать, что всему виной—постыдная праздность. Она не позволяетъ имъ думать дальше, какъ о нынѣшнемъ днѣ; и если падеть сто коровъ и они видятъ передъ собой одну живую, то, по ихъ мнѣнію, они еще не терпятъ нужды и не требуютъ никакой помощи“ (I, 314).

„Праздникъ архангела Михаила, который приходится 8-го ноября, привелъ городъ въ большое движеніе. Можно было подумать, что вышелъ приказъ, чтобы каждый въ этотъ день былъ пьянъ, такъ ревностно было желаніе напиться. Дня было недостаточно, и надо было провести еще ночь въ шумѣ, крикѣ и безумствахъ. Но на этомъ не кончилось. Шумъ продолжался цѣлыхъ восемь дней; въ теченіе этого времени нечего было и думать достать рабочаго; пили постоянно, и не было конца разврату“ (I, 321)...

Далѣе, дѣйствіе происходитъ въ Иркутскѣ. „Святки проводились здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Отъ Рождества до Крещенья рѣдко можно было видѣть трезваго человѣка. Никакого ремесленника нельзя было добыть въ это время для работы... Такъ какъ они на праздникъ кое-что сберегли, то они не заботились ни мало заработать что-нибудь еще, потому что у нихъ было довольно для ихъ удовольствій. Право, кажется, что такіе праздники посвящены больше дьяволу, чѣмъ Богу, и это зрѣлище вовсе не служитъ хорошимъ примѣромъ для многочисленныхъ язычниковъ этого края, такъ какъ они видятъ, что высшее благо сибиряковъ состоитъ въ пьянствѣ. Но пьянство, которому предаются въ особенности въ эти дни, состоитъ не въ томъ, чтобы напиться развѣ только вечеромъ. Никакой звѣздочетъ не могъ бы указать имъ несчастнаго часа, въ который они не должны бы пить, потому что всякій часъ хорошъ для этого.

Съ Рождествомъ у нихъ открывается заразительная горячка, отъ которой люди уже на второй или третій день начинаютъ бѣситься и на четырнадцатый день болѣзнь разражается, наконецъ, необычайнымъ бѣшенствомъ. Правда, они поправляются отъ этого, но только въ пять или шесть недѣль... И какъ людямъ, выдержавшимъ тяжелую болѣзнь, нужно много времени, чтобы поправиться, такъ это бываетъ и здѣсь. Имъ трудно возвратиться къ своему прежнему образу жизни, который состоитъ въ томъ, что они напиваются каждый четвертый день". Гмелинъ, повидимому, изображаетъ запой, потому что серьезно считаетъ срови болѣзни и сравниваетъ ее съ падучей болѣзью, которая имѣетъ свои періодическіе припадки и кончается только съ жизнью (II, 173—174).

Наконецъ, онъ касается и нравовъ чиновничества. Губернаторы живутъ очень широко, напр., тобольскій безпрестанно, по всѣмъ праздникамъ и табельнымъ днямъ, собиралъ на свои обѣды большое общество: эта роскошь, впрочемъ, обходилась недорого, потому что губернаторы, и за ними по порядку низшая администрація, имѣли свои экстренные доходы. У иркутскаго градоправителя эти доходы простирались до 30.000 рублей — цифра громадная по тому времени, и которую Гмелинъ слышалъ, вѣроятно, изъ довольно основательнаго мѣстнаго источника.

Эти и другія подобныя свѣденія, выставившія некрасивую сторону русской жизни, и дѣлали книгу Гмелина „сумнительной“.

А. Пыпинъ.

РОССІЯ И ЕВРОПА

- „Россія и Европа“, Н. Я. Данилевскаго.
 - „Дарвинизм“, его же.
 - „Ворьба съ Западомъ въ русской литературѣ“, Н. Страхова.
-

V *).

Утверждаясь въ своемъ національномъ эгоизмѣ, обособляясь отъ прочаго христіанскаго міра, Россія всегда оказывалась безсильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самомъ тѣсномъ, внѣшнемъ и внутреннемъ, общеніи съ Европой русская жизнь производила дѣйствительно великія явленія (реформа Петра Великаго, поэзія Пушкина). Это не мѣшаетъ, конечно, Россіи представлять и на пути національнаго самоутвержденія многія оригинальныя черты, несвойственныя никакой другой европейской націи. Вопросъ лишь въ томъ, насколько цѣнны эти оригинальныя черты. Огромная китайская имперія, несмотря на все сочувствіе къ ней Данилевскаго, не одарила и навѣрное не одаритъ міръ никакою высокою идеей и никакимъ великимъ подвигомъ; она не внесла и не внесетъ никакого вѣковѣчнаго вклада въ общее достояніе человѣческаго духа. Это не препятствуетъ, однако, китайцамъ быть чрезвычайно оригинальнымъ и весьма изобрѣтательнымъ народомъ. Данилевскій съ большимъ уваженіемъ перечисляетъ всѣ ихъ изобрѣтенія. Между прочимъ, „порохъ, книгопечатаніе, компасъ, писчая бумага давно уже извѣстны Китаю“.-

*) См. выше: февр., 742 стр.

цать и, вѣроятно (?), даже отъ нихъ занесены въ Европу¹⁾. Занесены ли, въ самомъ дѣлѣ, изъ Китая въ Европу эти изобрѣтенія—мы не знаемъ, но что сами китайцы ничего важнаго изъ нихъ не сдѣлали, — это извѣстно навѣрное. Вообще китайская оригинальность обнаруживается болѣе всего отрицательнымъ или дефективнымъ образомъ. Какъ оригинальная китайская живопись отличается отъ европейской *отсутствиемъ* перспективы, такъ оригинальность китайскаго книгопечатанія, сравнительно съ европейскимъ, выразилась лишь въ отсутствіи подвижнаго шрифта. Впрочемъ, и это несовершенное книгопечатаніе было, пожалуй, излишнимъ, такъ какъ кромѣ загадочныхъ метафизическихъ изреченій Лаотзе, очевидно навѣянныхъ извнѣ индійскою теософіей, китайскій умъ не произвелъ ничего достойнаго быть увѣковѣченнымъ. Та „громадная литература“, о которой говоритъ Данилевскій, громадна лишь въ количественномъ отношеніи. И сомнительное изобрѣтеніе китайцами компаса было для нихъ во всякомъ случаѣ бесполезно, такъ какъ въ открытое море они не пускались и новыхъ странъ не открывали. Также и изобрѣтеніе плохого пороха не пошло имъ въ прокъ при отсутствіи порядочнаго войска, и свои военные изъязны не удалось имъ восполнить, какъ извѣстно, даже при помощи другаго оригинальнаго изобрѣтенія: запугиванія европейцевъ посредствомъ чудовищъ, намалеванныхъ на крѣпостныхъ стѣнахъ. Россія со временъ Петра Великаго имѣетъ передъ Китаемъ то несомнѣнное преимущество, что наши войска и крѣпости снабжены настоящими *европейскими* орудіями, а роль картонныхъ пушекъ и фантастическихъ драконовъ для устрашенія Европы предоставлена исключительно патріотической журналистикѣ. И если, съ другой стороны, мы не изобрѣли даже плохого пороха и плохого книгопечатанія, подобно китайцамъ, то все-таки въ разныхъ оригинальныхъ отличіяхъ у насъ нѣтъ недостатка. Не перечисляя ихъ всѣхъ, укажу на одну, повидимому мелкую, но чрезвычайно характерную особенность. Въ то время, какъ всѣ европейскія націи пользуются исправленнымъ грегорианскимъ календаремъ, мы продолжаемъ упорно держаться стараго юліанскаго, отставая отъ Европы и отъ солнца на 12, а скоро и на 13 дней. Оригинальность наша состоитъ здѣсь, впрочемъ, лишь въ предпочтеніи плохого хорошему, такъ какъ самое это плохое не есть наше собственное, а тоже общеевропейское, или общечеловѣческое, но только оставленное другими за негодностью.

¹⁾ „Россія и Европа“, 2 изд., стр. 74.

Эта оригинальная черта въ области бытовой вспомнилась мнѣ по поводу такого же оригинальнаго явленія въ области русской мысли. Идея племенныхъ и народныхъ дѣленій (принятая какъ высшій и окончательный культурно-историческій принципъ) столь же мало, какъ и юліанскій календарь, принадлежитъ русской изобрѣтательности. Со времени вавилонскаго столпотворенія мысль и жизнь всѣхъ народовъ имѣли въ основѣ своей эту идею національной исключительности. Но европейское сознание, въ особенности благодаря христіанству, возвысилось рѣшительно надъ этимъ по преимуществу языческимъ началомъ и, несмотря даже на позднѣйшую націоналистическую реакцію, никогда не отрекалось вполне отъ высшей идеи единого человѣчества. Схватиться за низшій, на 2000 лѣтъ опереженный человѣческимъ сознаниемъ, языческій принципъ суждено было лишь русскому уму. Видѣть въ этомъ попятномъ движеніи мысли какую-нибудь положительную, а не „дефективную“ только оригинальность, искать здѣсь проявленія, или хотя бы только предвѣщанія нашей духовной самобытности, было бы такъ же неосновательно, какъ и гордиться вѣрностью Россіи негодному юліанскому календарю. Достойно ли великаго народа проявлять свою оригинальность въ томъ, чтобы противорѣчить разумному ходу исторіи или даже теченію свѣтилъ небесныхъ?

Тотъ обширный и законченный періодъ въ жизни историческихъ народовъ, который называется древнею исторіей, рядомъ съ господствомъ національнаго сепаратизма, представляетъ, однако, несомнѣнное движеніе впередъ въ смыслѣ все большаго и большаго объединенія чуждыхъ вначалѣ и враждебныхъ другъ другу народностей и государствъ. Тѣ націи, которыя не принимали участія въ этомъ движеніи, получили тѣмъ самымъ совершенно особый анти-историческій характеръ, и самъ Данилевскій по-неволѣ долженъ отнести эти націи въ особую группу подъ названіемъ *удиненныхъ* культурно-историческихъ типовъ въ противоположность типамъ *преемственнымъ*. Остановившаяся на этихъ послѣднихъ, мы видимъ, что политическая и культурная централизація не ограничивалась здѣсь отдѣльными народами, ни даже опредѣленными группами народовъ, а стремилась перейти въ такъ-называемое всемірное владычество, и это стремленіе дѣйствительно приближалось все болѣе и болѣе къ своей цѣли, хотя и не могло осуществиться вполне. Монархія Кира и Дарія далеко не была только выраженіемъ иранскаго культурно-историческаго типа, смѣнившаго типъ халдейскій. Вобравши въ себя всю преж-

ною ассиро-вавилонскую монархію и широко раздвинувшись во всѣ стороны между Греціей и Индіей, Скизіей и Эіопіей, держава великаго царя во все время своего процвѣтанія обнимала собою не одинъ, а по крайней мѣрѣ цѣлыхъ четыре культурно-историческихъ типа (по классификаціи Данилевскаго), а именно: мидо-персидскій, сиро-халдейскій, египетскій и еврейскій, изъ коихъ каждый, подчиняясь политическому, а до нѣкоторой степени и культурному единству цѣлаго, сохранялъ, однако, свои главныя образовательныя особенности и вовсе не становился простымъ этнографическимъ матеріаломъ. Царство Александра Македонскаго (распавшееся послѣ него лишь политически, но сохранившее во всемъ объемѣ новое культурное единство эллинизма) расширило предѣлы прежней міровой державы, включивши въ нихъ съ Запада всю область греческаго типа, а на Востоку захвативши часть Индіи. Наконецъ, римская имперія (которой нельзя же отказать въ названіи всемірной, на томъ основаніи, что она не простиралась на готтентотовъ и ацтековъ), вмѣстѣ съ новымъ культурнымъ элементомъ, латинскимъ, ввела въ общее движеніе исторіи всю западную Европу и сѣверную Африку, соединивъ съ ними весь захваченный Римомъ міръ восточно-эллинской культуры ¹⁾).

Итакъ, вмѣсто простой смѣны культурно-историческихъ типовъ, древняя исторія представляетъ намъ постепенное ихъ *собираніе* чрезъ подчиненіе болѣе узкихъ и частныхъ образовательныхъ элементовъ началамъ болѣе широкой и универсальной культуры. Подъ конецъ этого процесса вся сцена исторіи занята единою римскою имперіей, не смѣнившюю только, а *совмѣстившею* въ себѣ всѣ прежніе преемственно выступавшіе культурно-историческіе типы. Въ этой во истину всемірной имперіи остаются или отживающіе свой вѣкъ *уединенные* культурные типы, или же безформенная масса дивихъ и полудивихъ племенъ, частію доживающихся исторической будущности, частію же предназначенныхъ остаться простымъ этнографическимъ матеріаломъ.

Но еще важнѣе этого внѣшняго объединенія историческаго человѣчества въ римской имперіи было развитіе самой идеи *единого человечества*. Среди языческаго міра эту идею не могли выработать ни восточные народы, слишкомъ подчиненные мѣстнымъ условіямъ въ своемъ міровоззрѣніи, ни греки, слишкомъ самодовольные въ своей высокой національной культурѣ и ото-

¹⁾ Тотъ восточный край, который римляне должны были уступить варварскому парянскому царству, совершенно ничтоженъ сравнительно съ огромнымъ приращеніемъ культурной области на Западѣ.

жествыявшіе человѣчество съ эллинизмомъ (несмотря на отвлеченный космополитизмъ винической и стояческой школы). Величайшіе представители собственно-греческой мысли, Платонъ и Аристотель, не были способны подняться до идеи единого человѣчества. Только въ Римѣ нашлась благоприятная умственная почва для этой идеи: съ полною опредѣленностью и послѣдовательностью ее поняли и провозгласили римскіе философы и римскіе юристы.

Тогда какъ великій Стагирить возводилъ въ принципъ и объявлялъ навѣки неустранимую противоположность между эллинами и варварами, между свободными и рабами,—такіе, сравнительно съ нимъ, неважные философы, какъ Цицеронъ и Сенека, одновременно съ христіанствомъ, возвѣщали существенное равенство всѣхъ людей. „Природа предписываетъ,—писалъ Цицеронъ,—чтобы человѣкъ помогалъ человѣку, кто бы тотъ ни былъ, по той самой причинѣ, что онъ человѣкъ“ (*hoc natura praescrbit, ut homo homini, quicumque sit, ob eam ipsam causam quod is homo sit, consultum velit*)¹⁾.—„Должно сходиться въ общеніи любви со своими, за своихъ же почитать всѣхъ соединенныхъ человѣческою природою“²⁾.—„Мудрый признаетъ себя гражданиномъ всего міра, какъ бы одного города“³⁾.—„Всѣ мы, пишетъ Сенека,—члены одного огромнаго тѣла. Природа хотѣла, чтобы мы всѣ были родными, порождая насъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ и для одной и той же цѣли. Отсюда происходитъ у насъ взаимное сочувствіе, отсюда общительность; справедливость и право не имѣютъ иного основанія. Общество человѣческое похоже на сводъ, гдѣ различные камни, держась другъ за друга, обезпечиваютъ прочность цѣлаго“⁴⁾. Уже Цицеронъ, исходя изъ идеи солидарности всего человѣчества, заключалъ, что права войны должны быть ограничены. Сенека же осуждаетъ войну безусловно. Онъ спрашиваетъ, почему человѣкъ, убивающій другого, подвергается наказанію, тогда какъ убійство цѣлаго народа почитается и прославляется? Развѣ свойство и имя преступленія измѣняются отъ того, что его совершаютъ въ воинской одеждѣ? Съ той же точки зрѣнія Сенека самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ боя гладіаторовъ и провозглашаетъ за семнадцать вѣковъ до Канта, что человѣкъ не можетъ быть только средствомъ для челоѣка, а имѣетъ свое собственное непривосно-

¹⁾ Cicero, De officiis, III, 6.

²⁾ Cicero, De legibus, I, 23.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Gaston Boissier, La Religion Romaine d'Auguste aux Antonins. Paris, 1874. Tome II, pp. 90, 91.

венное значеніе: *homo res sacra homini* (человѣкъ—святыня человѣку). Этотъ принципъ Сенека распространяетъ какъ на чужеземцевъ, такъ и на рабовъ, за которыми онъ признаетъ всю силу человѣческихъ правъ. Онъ возстаетъ противъ самаго имени рабства и хочетъ, чтобы рабовъ звали „смирненными друзьями“ — *humiles amici* ¹⁾.

Подобныя мысли не были въ Римѣ только убѣжденіемъ отдѣльныхъ лицъ или ученіемъ какой-нибудь философской школы (какъ у греческихъ стоиковъ). Идея существеннаго равенства всѣхъ людей есть неотъемлемая принадлежность римскаго права. Самое понятіе: *jus naturale*, установленное римскими юристами, совершенно отрицаетъ всякую коренную и непреложную неправомерность между людьми и народами. Вопреки Аристотелю, утверждавшему въ своей политикѣ, что есть племена и люди, самую природою предназначенные къ рабству, римскіе юристы рѣшительно заявляли, что всѣ рождаются съ одинаковымъ естественнымъ правомъ на свободу и что рабство есть лишь позднѣйшее злоупотребленіе (*utpote cum jure naturali omnes liberi nascerentur, sed postea... servitus invasit*) ²⁾.

Если внѣшнее единство римской имперіи съ ея военными дорогами матеріально облегчило и ускорило всеобщее распространеніе евангельской проповѣди, какъ это замѣчали еще древніе христіанскіе писатели ³⁾, то гуманитарныя начала римскихъ юристовъ и римскихъ философовъ подготовили умственную почву для воспріятія самой правдивой идеи христіанства, по существу своему общечеловѣческой и сверхнародной. Преданіе о личномъ знакомствѣ апостола Павла съ Сенекой, сомнительное фактически, вѣрно указываетъ на естественное сродство между универсализмомъ римскаго разума, завершившимъ исторію язычества, и началомъ новой универсальной религіи, оживившей объединенное въ Римѣ человѣчество. Сенека, отрицающій войну и рабство, и апостолъ Павелъ, провозглашающій, что отнынѣ нѣтъ болѣе раздѣленія между эллиномъ и варваромъ, рабомъ и свободнымъ, — эти два лица изъ двухъ столь далекихъ „культурно-историческихъ типовъ“ были во всякомъ случаѣ близки между собою, независимо отъ личныхъ свиданій и переписокъ. Случайное знакомство двухъ историческихъ лицъ есть только любопытный вопросъ, но совпаденіе двухъ разнородныхъ мысленныхъ теченій въ одной универ-

¹⁾ Ibidem, 91—92.

²⁾ Digesta, I, 1, 4.

³⁾ „Самъ Богъ,—говоритъ Пруденцій,—покорилъ всѣ народы римлянамъ, чтобы уготовать пути Христу“.

сальной идеѣ есть несомнѣнное и огромное событіе, которымъ обозначилось самое средоточіе всемірной исторіи. А если единой всемірной исторіи нѣтъ, если существуютъ только національныя или племенные культуры, то какъ понять и объяснить эту духовную связь между языческимъ философомъ изъ Испаніи и христіанскимъ апостоломъ изъ Іудеи, которые сошлись въ Римѣ, чтобы проповѣдывать всечеловѣческое единство?

Какъ ни далека еще наша дѣйствительность отъ исполненія нравственныхъ требованій апостола Павла, или хотя бы Сенеки, но проповѣдь всечеловѣческаго единенія не пропала даромъ. Изъ нея вышелъ новый культурный міръ, который при всѣхъ своихъ практическихъ грѣхахъ, при всѣхъ своихъ частныхъ раздѣленіяхъ и междоусобіяхъ все-таки представляетъ великое идеальное единство племенъ и народовъ, настолько превосходящее и объемомъ, и глубиною, единство римской имперіи, насколько сама эта имперія превосходила всѣ бывшія до нея попытки всемірнаго владычества. Народы новой христіанской Европы, воспринявъ заразу изъ Рима и изъ Галилеи истину единого по природѣ и по нравственному назначенію человѣчества, никогда не отрекались въ принципѣ отъ этой истины. Она осталась неприкосновенною даже для крайностей возродившагося въ нынѣшнемъ вѣкѣ націонализма. Самъ Фихте ставилъ нѣмецкій народъ на исключительную высоту только потому, что видѣлъ въ этомъ народѣ сосредоточенный разумъ всего человѣчества, единого и нераздѣльнаго. Только русскому отраженію европейскаго націонализма принадлежитъ сомнительная заслуга—рѣшительно отказаться отъ лучшихъ завѣтовъ исторіи и отъ высшихъ требованій христіанской религіи и вернуться къ грубо-языческому, не только до-христіанскому, но даже до-римскому воззрѣнію.

Принимаясь за свой трудъ подѣ влияніемъ искреннаго, хотя слишкомъ узкаго и неразумнаго патріотизма, покойный Данилевскій имѣлъ въ виду практическую цѣль: поднять національную самоувѣренность въ русскомъ обществѣ и исцѣлить его отъ болѣзни „европейничанья“. Но при очевидной невозможности прямымъ образомъ доказать великую культурную самобытность Россіи и ея коренную и окончательную отдѣльность отъ Европы, нашъ авторъ вынужденъ былъ избрать для своей цѣли окольный путь общихъ теоретическихъ соображеній. На этомъ пути онъ открылъ (такъ, по крайней мѣрѣ, ему показалось) новую „естественную систему“ исторіи, изъ которой съ необходимою слѣдовали желательныя для него заключенія объ отношеніяхъ между Россіей и Европой. Переходя теперь въ разборъ этой предполагаемой

„естественной системы“ и ея примѣненія къ Россіи, я и тутъ долженъ напомнить *добросовѣстнымъ* читателямъ, что разбираемый мною авторъ могъ со всѣхъ сторонъ и до конца высказывать свои воззрѣнія, тогда какъ я далеко не имѣю этого преимущества. Поэтому, отвѣчая за все, что я говорю, я никакъ не могу брать на себя отвѣтственность за то, о чемъ мнѣ приходится умалчивать.

VI.

Возставая противъ общепринятыхъ дѣленій человѣчества, какъ географическихъ (по частямъ свѣта), такъ и историческихъ (древняя, средняя и новая исторія), возставая противъ такой классификаціи за ея искусственность, неточность и нелогичность, Данилевскій противопоставляетъ ей рядъ „естественныхъ группъ“, которыя онъ называетъ культурно-историческими типами. Для тѣхъ, кто видитъ въ человѣчествѣ единое живое цѣлое, вопросъ о томъ или другомъ распредѣленіи частей этого цѣлага имѣетъ во всякомъ случаѣ лишь второстепенное значеніе. Съ этой точки зрѣнія важнѣе всего та общая задача, надъ разрѣшеніемъ которой должны совмѣстно трудиться всѣ части человѣчества. Иначе представляется дѣло для Данилевскаго. Въ человѣчествѣ онъ видитъ только отвлеченное понятіе, лишенное всякаго дѣйствительнаго значенія ¹⁾, поэтому *отдѣльными* племеннымъ и національнымъ группамъ онъ долженъ не только приписывать полную и независимую реальность, но и признавать въ нихъ высшее и окончательное выраженіе соціальнаго единства для человѣка ²⁾. Такимъ образомъ, вопросъ объ этихъ группахъ получаетъ для него исключительную важность, какая никѣмъ никогда не имѣлась въ виду при общепринятыхъ классификаціяхъ. Къ тому же, упрекая эти послѣднія за ихъ искусственность и нелогичность, нашъ авторъ тѣмъ самымъ обязывался представить въ своей „системѣ“ вполне естественное, строго-опредѣленное и правильное дѣленіе. Его „культурно-историческіе типы“ должны быть группами дѣйствительно обособленными, ясно и несомнѣнно разграниченными между собою по одному неизмѣнному и существенному признаку дѣленія.

Между тѣмъ эту основную задачу, столь важную съ его точки зрѣнія, нашъ авторъ разрѣшаетъ самымъ страннымъ и неожиданнымъ образомъ. Заявивши, что „естественная система исторіи

¹⁾ „Р. и Е.“, 107.

²⁾ *Ib. passim.*

должна заключаться въ различеніи культурно-историческихъ типовъ развитія, какъ главнаго основанія ея дѣленій, отъ степеней развитія, по которымъ только эти типы (а не совокупность историческихъ явленій) могутъ подраздѣляться“¹⁾; онъ продолжаетъ: отысканіе и перечисленіе этихъ типовъ не представляютъ никакого затрудненія, такъ какъ они общезвѣстны. За ними не признавалось только ихъ первостепеннаго значенія, которое, вопреки правиламъ естественной системы и даже просто здраваго смысла, подчинялось произвольному и, какъ мы видѣли, совершенно нераціональному дѣленію по степенямъ развитія. Эти культурно-историческіе типы или самобытныя цивилизаціи, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, суть: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирійско-вавилонно-финикійскій, халдейскій или древне-семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново-семитическій или арабійскій и 10) германороманскій или европейскій. Къ нимъ можно еще, пожалуй, причислить два американскіе типа (мексиканскій и перуанскій), погибшіе насильственною смертію и не успѣвшіе совершить своего развитія“²⁾.

Мы не думаемъ, чтобы въ отвергаемой Данилевскимъ обыкновенной классификаціи историческихъ явленій было такъ много произвольнаго и нераціональнаго, какъ въ этой *soi-disant* „естественной“ системѣ исторіи. О нераціональности ея мы свяжемъ далѣе болѣе подробно. Но съ перваго же взгляда поражаетъ крайнюю произвольность этого дѣленія. Почему принято столько типовъ, а не больше или меньше, почему одни народы выдѣлены въ особые типы, а другіе слиты вмѣстѣ? Единственное основаніе, на которое ссылается самъ авторъ, есть *общезвѣстность*, какъ будто онъ не зналъ, сколько разъ въ исторіи знаній общезвѣстное оказывалось только общимъ заблужденіемъ. Въ особенности составителямъ естественныхъ системъ приходилось устранять многое общезвѣстное. Иначе, на примѣръ, въ классификаціи животныхъ пришлось бы признать кита за рыбу, а личинки всякихъ насекомыхъ отнести въ отдѣлъ червей. Но, съ другой стороны, приведенная таблица историческихъ типовъ едва ли обладаетъ и такою слабою опорой какъ „общезвѣстность“. Общеизвестно, на примѣръ, что рядомъ съ Китаемъ существуетъ совершенно обособленная и весьма своеобразная культурная страна—Японія, но ее почему-то исключили изъ естественной системы. Также обще-

1) „Р. и Е.“, 90.

2) „Р. и Е.“, 91.

извѣстно, что греки и римляне настолько тѣсно и всесторонне связаны въ культурномъ отношеніи, что ихъ всегда подводили подъ одинъ историческій типъ,—такъ-называемой классической древности; но эта естественная связь почему-то порвана въ „естественной“ системѣ нашего автора. Не видно также, почему онъ думаетъ, что мексиканскій и перуанскій типы насильственно погибли, *не успѣвши совершить своего развитія*. Одинъ фактъ завоеванія этихъ странъ испанцами далеко не достаточенъ для такого заключенія, ибо быть завоеванными есть обыкновенная судьба народовъ и царствъ: развѣ Египетъ не былъ завоеванъ персами, а потомъ греками, греки—римлянами, Римъ—германцами? а вѣдь все это, по Данилевскому, завершенные культурные типы. То, что намъ извѣстно о царствахъ ацтековъ и инковъ, несомнѣнно показываетъ, что во времени прихода испанцевъ своеобразная мѣстная культура у обоихъ этихъ народовъ достигла крайнихъ предѣловъ своего развитія, дошла, такъ сказать, до абсурда, вслѣдствіе чего горсти испанцевъ и было такъ легко съ ними покончить.

Сославшись безъ достаточнаго основанія на „общеизвѣстность“, нашъ авторъ не предпослалъ своей таблицѣ прямого опредѣленія того, что онъ признаетъ за особый культурно-историческій типъ. Лишь переходя къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, которымъ дается громкое и не совсѣмъ умѣстное названіе законовъ историческаго развитія, Данилевскій, подъ видомъ перваго изъ этихъ „законовъ“, опредѣляетъ и самое понятіе культурно-историческаго типа. Вотъ это опредѣленіе: „Законъ 1. Всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ, или группою языковъ, довольно близкихъ между собою—для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно, безъ глубокихъ филологическихъ изысканій, составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно вообще по своимъ духовнымъ задаткамъ способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества“¹⁾. Итакъ, *языкъ* есть тотъ существенный признакъ, которымъ прежде всего опредѣляется самостоятельное существованіе культурно-историческаго типа. Посмотримъ, насколько этому соотвѣтствуютъ тѣ историческія группы, которыя Данилевскій принимаетъ въ своей „естественной системѣ“.

И, во-первыхъ, съ этой точки зрѣнія, откуда взялось цѣлыхъ три культурно-историческихъ типа для одного семитическаго племени, которое говорило и говоритъ на языкахъ настолько близ-

¹⁾ „Р. и Е.“, 94.

кихъ другъ къ другу, что Ренанъ признаетъ неточнымъ даже самое выраженіе: „семитическіе языки“, такъ какъ существуетъ собственно только одинъ семитическій языкъ ¹⁾? „Изъ десяти культурно-историческихъ типовъ,—поясняетъ Данилевскій (95),—развитіе которыхъ составляетъ содержаніе всемірной исторіи, три принадлежать племенамъ семитической породы или расы, и каждое племя, характеризованное однимъ изъ трехъ языковъ семитической группы,—халдейскимъ, еврейскимъ и арабскимъ,—имѣло свою самобытную цивилизацію“. Въ самомъ дѣлѣ, въ семитическихъ діалектахъ различаются три отдѣла: сѣверный или арамейскій (куда принадлежатъ халдейское и сирское нарѣчія), средній или хананейскій (еврейское, финикійское и проч.) и южный или арабскій. Но, во-первыхъ, всѣ эти отдѣлы несомнѣнно составляютъ вмѣстѣ одну „группу языковъ, довольно близкихъ между собою для того, чтобы сродство ихъ ощущалось непосредственно“, и слѣдовательно, по этому собственному опредѣленію нашего автора, всѣ семитическіе народы должны бы образовать только одинъ культурно-историческій типъ. А во-вторыхъ, если даже и раздѣлять эти народы на три особыхъ типа соотвѣтственно тремъ отдѣламъ семитическихъ діалектовъ, то и тутъ все-таки классификація нашего автора оказывается грубо ошибочной. Что такое значить въ самомъ дѣлѣ его ассирійско-вавилонно-*финикійскій* или *халдейскій* культурно-историческій типъ? Очевидно, Данилевскій думалъ, что финиціане говорили по-халдейски, или что ихъ нарѣчіе принадлежало къ арамейскому отдѣлу семитическихъ языковъ (или языка). Но въ дѣйствительности финикійское нарѣчіе вмѣстѣ съ еврейскимъ (съ которымъ оно было почти тождественно) относятся не къ этому, а къ другому (хананейскому или среднему) отдѣлу ²⁾. Такимъ образомъ, по языку, финиціане тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ не къ ассиріянамъ и вавилонянамъ, а къ евреямъ. И если кромѣ языка они имѣли мало культурной общности съ народомъ израильскимъ, то еще менѣе имѣли они

¹⁾ „Ces trois divisions (l'araméen, le chananéen et l'arabe) sont moins celles de trois langues distinctes que de trois âges d'une même langue, de trois phases par lesquelles a passé le langage sémitique, sans jamais perdre le caractère primitif de son identité“ (Ernest Renan, Histoire générale et système comparé des langues sémitiques. Paris, 1885. Tome I, pp. 97—8). И дагѣ, доказывая, что арамейскій, еврейскій и даже арабскій діалектъ переходили другъ въ друга въ живомъ говорѣ и могутъ быть точно разграничены только въ книжномъ языкѣ, Ренанъ замѣчаетъ: „tant il est vrai que, dans un sens général, il n'y a réellement qu'une seule langue sémitique“ (Ibid. pp. 133—4).

²⁾ La langue des inscriptions phéniciennes,—говоритъ Ренанъ,—est presque de l'hébreu pur (Ibid. 179, также 184, 186).

ея съ ассиро-халдейскимъ типомъ. Этотъ послѣдній образовался подѣ сильнымъ этнографическимъ и культурнымъ воздѣйствіемъ двухъ не-семитическихъ элементовъ (шумэро-аккадійскаго, съ одной стороны, и арійскаго—съ другой), которые нераздѣльно вошли въ его составъ и сообщили ассиро-вавилонскому царству его своеобразный религиозный и политическій строй, ничего общаго съ финикійскою культурою не имѣвшій ¹⁾. Религія халдейская (по всей вѣроятности цѣликомъ воспринятая отъ аккадійцевъ) отличается, какъ извѣстно, сложною іерархическою системою божественныхъ и демоническихъ силъ (послѣ единого верховнаго существа двѣ тріады главныхъ боговъ, потомъ пять планетныхъ божествъ, и затѣмъ безчисленное множество добрыхъ и злыхъ духовъ), магическимъ и заклинательнымъ характеромъ культа, организованными кастами волхвовъ, гадалей, астрологовъ. Совершенно иной характеръ представляетъ финикійская религія ²⁾, чуждая всякой теософіи, чувственно-натуралистическая, съ весьма несложнымъ пантеономъ, состоявшимъ, въ сущности, лишь изъ двухъ солнечныхъ боговъ да двухъ женскихъ божествъ, носившихъ только множество *мѣстныхъ* названій, съ отсутствіемъ организованнаго священства, съ культомъ преимущественно жертвеннымъ, а не магическимъ. Такой же контрастъ представляется въ политическомъ отношеніи между военною централизованною деспотіей нинивійскихъ и вавилонскихъ царей и коммерческою мѣстною аристократіей финикійскихъ городскихъ республикъ съ ихъ суффетами. Такимъ образомъ, нѣтъ рѣшительно никакого повода ставить въ особую тѣсную связь эти два, столь различные и даже противоположные, культурные типа.

Въ этомъ вопросѣ, авторъ „естественной системы“, при правильномъ разсужденіи, долженъ бы былъ остановиться на одномъ изъ трехъ: или, основываясь на несомнѣнномъ лингвистическомъ единствѣ, отнести всѣхъ семитовъ безразлично къ одному культурно-историческому типу; или, раздѣляя эту слишкомъ обширную группу на меньшія по степени сродства второстепенныхъ діалектовъ, соединить въ одномъ отдѣлѣ финикійянъ съ евреями; или

¹⁾ Насколько сильнымъ признается участіе не-семитическихъ (аккадійскихъ и арійскихъ) началъ въ образованіи ассиро-вавилонской культуры, можно видѣть, на примѣръ, изъ слѣдующаго утвержденія Ренана: L'opinion qui regarde les empires de Ninive et de Babylone comme sémitiques, ne peut guère être soutenue que par des raisons étrangères aux études sémitiques (Ibidem, 68).

²⁾ Аналогія между этими двумя религіями имѣютъ лишь самый общій и неопредѣленный характеръ. Во всякомъ случаѣ финикійская религія гораздо ближе къ египетской, нежели къ халдейской.

наконецъ, руководясь при дѣленіи не языкомъ, а совокупностью культурныхъ примѣтъ, выдѣлить финикіянъ (съ Карфагеномъ) въ особый типъ на-ряду съ халдеями, евреями и арабами. Но Данилевскій вмѣсто этого предпочелъ совершенно фантастическое и вовсе уже ни на чемъ не основанное сочетаніе Финикіи съ Ассиріей.

Я распространился объ этой частности не для того, чтобы укорять покойнаго писателя въ ошибкѣ, а только потому, что эта ошибка, которой такъ легко было бы избѣгнуть, показалась мнѣ яркимъ образчикомъ обще-русской оригинальности, состоящей, главнымъ образомъ, въ умственной безнечности.

А съ другой стороны, несомнѣнная возможность отвести такой важной культурной націи, какъ Финикія, любое изъ трехъ мѣстъ въ исторической классификаціи (кромѣ того невозможнаго положенія, какое она занимаетъ въ квази-естественной системѣ нашего автора), а именно: или видѣть въ Финикіи одинъ изъ членовъ одинаго обще-семитическаго типа, или признать ее, вмѣстѣ съ еврействомъ, за особую хананейскую, или кенаано-пунійскую группу, или, наконецъ, выдѣлить ее въ отдѣльный культурно-историческій типъ, — эта одинаковая возможность принять по этому предмету три различные взгляда, изъ коихъ каждый имѣетъ свое научное оправданіе, ясно показываетъ, насколько шатокъ и неустойчивъ самый принципъ дѣленія человечества на культурно-историческіе типы, насколько смутно понятіе такого типа, насколько неопредѣленны границы между этими условными группами, которыя Данилевскій наивно принимаетъ за вполне дѣйствительныя соціальныя единицы. Объ этомъ не стоило бы и говорить, еслибы мы имѣли дѣло съ обыкновенною приблизительною классификаціей историческихъ явленій, а не съ претензіей на строго-опредѣленную и точную „естественную систему“ исторіи.

Близкое сродство между греческимъ и латинскимъ языками замѣчалось непосредственно самими древними задолго до „глубокихъ филологическихъ изысканій“ Боппа и Бюрнуфа. Несмотря на это, а также на тѣсную культурную связь между Греціей и Римомъ, Данилевскій сдѣлалъ изъ нихъ два особыхъ культурно-историческихъ типа. Отвергать дѣйствительную общность этихъ двухъ націй для него также легко, какъ и утверждать несуществующее единство Финикіи съ Ассиріей. Но всего страннѣе (съ точки зрѣнія „1-го закона“ историческаго развитія) совмѣщеніе Данилевскимъ въ одинъ культурно-историческій типъ всѣхъ романскихъ и германскихъ народовъ. Кто же когда-нибудь „ощу-

щаль непосредственно“ близкое сродство между шведскимъ и испанскимъ языками, между голландскимъ и итальянскимъ? Впрочемъ, желая всячески представить Европу какъ только одинъ изъ культурно-историческихъ типовъ на-ряду съ Китаемъ или Египтомъ, нашъ авторъ доходилъ даже до отрицанія вообще національныхъ отличій въ Европѣ. Возражая противъ тѣхъ, кто видитъ въ европейской культурѣ прорваніе національной ограниченности, онъ говоритъ: „Здѣсь не принималось во вниманіе того, что Франція, Англія, Германія были *только единицами политическими*, а культурною единицей всегда была Европа въ цѣломъ,—что, слѣдовательно, никакого прорванія національной ограниченности не было и быть не могло“ ¹⁾. Хороша „естественная“ система, для поддержанія которой приходится отрицать глубокія національныя отличія европейскихъ народовъ и утверждать, что между нѣмцами и французами, испанцами и англичанами существуетъ только политическое раздѣленіе.

VII.

Странности и несообразности въ „естественной“ системѣ исторіи выступаютъ еще ярче, если мы сопоставимъ эту систему съ тѣми логическими требованіями, которыя ея авторъ выставляетъ какъ обязательныя для всякой классификаціи. Одно изъ этихъ требованій гласитъ: „Всѣ предметы или явленія одной группы должны имѣть между собою большую степень сходства или сродства, чѣмъ съ явленіями или съ предметами, отнесенными къ другой группѣ“ ¹⁾. Вотъ требованіе, безусловно обязательное для всякой классификаціи; но можетъ ли оно быть соблюдено въ такой „системѣ“, гдѣ, напримѣръ, христіанская Византія соединяется съ древней Греціей въ одну группу, въ одинъ культурно-историческій типъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Данилевскій думалъ, что классическое эллинское искусство имѣетъ большую степень сходства или сродства съ византійскимъ искусствомъ (напр., иконописью), нежели съ европейскимъ искусствомъ новыхъ временъ, которое вѣдь принадлежитъ къ другой группѣ, къ другому, романо-германскому, культурно-историческому типу? Возможно ли также философію Платона и Аристотеля ставить въ болѣе тѣсную родственную связь съ ученіями византійскихъ схоластиковъ и аскетовъ,

¹⁾ „Р. и Е.“, 119.

²⁾ „Р. и Е.“, 81.

нежели съ метафизическими умозрѣніями западно-европейскихъ мыслителей, иногда прямо воспроизводившихъ древне-эллинскія идеи?

Въ силу другого, столь же несомнѣннаго, логическаго требованія „группы должны быть однородны, то-есть степень сродства, соединяющая ихъ членовъ, должна быть одинакова въ однородныхъ группахъ“¹⁾. Когда дѣло идетъ о романо-германскомъ культурно-историческомъ типѣ, то совершенно ясно, что подъ членами этой группы должно разумѣть отдѣльные европейскіе народы. Но вопросъ становится весьма затруднительнымъ относительно другихъ, принятыхъ Данилевскимъ, культурныхъ типовъ. Только одинъ изъ нихъ, греческій, подвергается нашимъ авторомъ опредѣленному расчлененію, именно по тремъ племенамъ: эоійскому, дорійскому и іонійскому²⁾. Итакъ, по Данилевскому, выходитъ, что между этими тремя отдѣлами одного и того же эллинскаго народа, говорившими однимъ и тѣмъ же греческимъ языкомъ съ незначительнымъ различіемъ въ говорѣ, существуетъ такая же степень сродства какъ между цѣлыми народами, говорящими на совершенно различныхъ языкахъ и имѣющими между собою во всѣхъ отношеніяхъ такъ мало общаго, какъ, на примѣръ, итальянцы съ датчанами. А на самомъ дѣлѣ, между іонійцами и дорійцами было никакъ не больше (если не меньше) различія, чѣмъ между провансальцами и нормандцами; пьемонтцами и неаполитанцами; верхне-нѣмецкимъ и нижне-нѣмецкимъ племенемъ. Какая же одинаковость сродства между членами дѣленія можетъ быть у романо-германской Европы, съ одной стороны, и у Греціи, съ другой, когда члены первой группы суть цѣлыя большія націи, а вторая вся составляетъ только одну націю? Но то же самое должно сказать почти о всѣхъ прочихъ культурно-историческихъ типахъ по классификаціи Данилевскаго. Любопытно было бы знать, на примѣръ, какіе члены дѣленія, — соотвѣтствующіе цѣлымъ великимъ націямъ, на которыя дѣлится Европа, — можно найти въ древне-египетскомъ или въ еврейскомъ культурно-историческомъ типѣ. Вообще совершенная неоднородность между группами этой мнимо-естественной системы бросается въ глаза. Европейскій міръ, все это обширное собраніе многихъ великихъ націй, охватившихъ весь міръ своими колоніями и своимъ культурнымъ вліяніемъ, поставляется здѣсь на-ряду съ отдѣльными народами, изъ которыхъ иные всегда оставались заменутыми въ тѣсныхъ этнографическихъ и географическихъ предѣлахъ.

¹⁾ „Р. и Е.“, 81.

²⁾ „Р. и Е.“, 105.

Этому несообразному сопоставленію разнородныхъ группъ нисколько, въ сущности, не помогаетъ допущенное Данилевскимъ различіе между типами уединенными и преемственными. Придавать существенное значеніе этому различію Данилевскій съ своей точки зрѣнія не въ правѣ, ибо этимъ вносился бы новый принципъ дѣленія по другому существенному признаку, кромѣ самобытности культурнаго типа, а это прямо противорѣчило бы первому логическому требованію классификаціи.

Поэтому Данилевскій, справедливо догадываясь, что сдѣланная имъ уступка исторической истинѣ (различеніе уединенныхъ культуръ отъ преемственныхъ) грозитъ опасностью всей его системѣ, старается свести эту уступку на ничто, пытаясь всѣми средствами доказать, что настоящей преемственности, въ серьезномъ смыслѣ этого слова, т.-е. передачи образовательныхъ началъ, выработанныхъ однимъ культурнымъ типомъ, другому и усвоенія ихъ этимъ послѣднимъ—никогда не было и быть не можетъ. Свое отрицаніе исторической преемственности культурныхъ началъ нашъ авторъ возводитъ въ „законъ“—одинъ изъ найденныхъ имъ пяти законовъ историческаго развитія. „Законъ 3. Начала цивилизаціи одного культурно-историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя, при ббльшемъ или меньшемъ вліяніи чуждыхъ, ему предшествовавшихъ или современныхъ, цивилизацій“¹⁾.

Отрицаніе единого человѣчества въ „естественной системѣ“ нашего автора получаетъ свое необходимое логическое дополненіе въ этомъ „законѣ“, отрицающемъ единство развитія въ человѣчествѣ, т.-е. всемірную исторію. Для оправданія этого мнимаго закона Данилевскій или обходитъ молчаніемъ, или голословно отрицаетъ всѣ историческіе примѣры дѣйствительной передачи образовательныхъ началъ отъ одного культурнаго типа къ другому. Между тѣмъ исторія полна этими примѣрами. Помимо того внѣшняго вліянія или воздѣйствія, которое допускается Данилевскимъ, повсюду и всегда самыя образующія духовныя начала воспринимались другъ отъ друга народами самыхъ различныхъ племенъ и культурно-историческихъ типовъ. Индія, несмотря на то, что она относится къ уединеннымъ типамъ, передала высшее выраженіе своей духовной культуры—буддизмъ—множеству народовъ совершенно другого племени и другого типа, передала не какъ матеріалъ только, не какъ „почвенное удобреніе“, а какъ верховное опредѣляющее начало ихъ цивилизаціи. Не даромъ

¹⁾ „Р. и Е.“, 94.

нашъ авторъ во всѣхъ своихъ историческихъ разсужденіяхъ такъ тщательно умалчиваетъ о буддизмѣ: это огромное всемірно-историческое явленіе никакъ не можетъ найти мѣста въ „естественной системѣ“ исторіи. Религія—индійская по своему происхожденію, но съ универсальнымъ содержаніемъ и не только вышедшая за предѣлы индійскаго культурно-историческаго типа, но почти совсѣмъ исчезнувшая изъ Индіи,—зато глубоко и всесторонне усвоенная народами монгольской расы, не имѣющими въ другихъ отношеніяхъ ничего общаго съ индусами,—религія, которая создала, какъ свое средоточіе, такую своеобразную мѣстную культуру, какъ тибетская, и, однако же, сохранила свой универсальный международный характеръ и исповѣдуются пятью или шестьюстами милліоновъ людей, разсѣянныхъ отъ Цейлона до Сибири и отъ Непала до Калифорніи—вотъ колоссальное фактическое опроверженіе всей теории Данилевскаго, ибо нѣтъ никакой возможности ни отрицать великой культурно-исторической важности буддизма, ни приурочить его къ какому-нибудь отдѣльному племени или типу.

Едва ли позволительно обходить такое затрудненіе замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: „Исторія древнѣйшихъ культурно-историческихъ типовъ—Египта, Китая, Индіи, Ирана, Ассиріи и Вавилона—слишкомъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, чтобы можно было подвергнуть наше положеніе (о непередаваемости культурныхъ началъ) критикѣ самихъ событій изъ исторіи этихъ цивилизацій; но сами результаты этой исторіи вполне его подтверждаютъ. Не видно, чтобы у какого-либо народа не-египетскаго происхожденія принялась египетская культура; индійская цивилизація ограничилась народами, которые говорили языками санскритскаго корня“¹⁾.—Пускай исторія древняго Востока мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ; но вѣдь буддизмъ не есть подробность, и всѣмъ извѣстенъ фактъ передачи этой индійской религіи китайцамъ, японцамъ, манчжурамъ, монголамъ и тибетцамъ, которыхъ уже никакъ нельзя отнести къ народамъ, говорящимъ языками санскритскаго корня.

Если подѣ „индійскою цивилизаціей“ разумѣть совокупность *всѣхъ* культурныхъ особенностей, отличающихъ Индію отъ другихъ странъ, то въ такомъ случаѣ, само собой разумѣется, что индійская цивилизація можетъ принадлежать только Индіи, т.-е., другими словами, что Индія можетъ быть только одна. Едва ли, однако, нашъ авторъ имѣлъ въ виду доказывать таковой трузимъ

¹⁾ „Р и Е.“, 96.

или просто тождество, о котором и спора быть не может. Вопрос о передачѣ культуръ имѣетъ смыслъ и интересъ лишь въ томъ случаѣ, если подѣ культурой разумѣть преимущественно духовныя образовательныя начала, выработанныя извѣстнымъ историческимъ типомъ. И тогда буддизмъ представляетъ несомнѣнный и весьма крупный примѣръ передачи такого духовнаго начала отъ одного племени другому, совершенно чуждому. Забывши о буддизмѣ, Данилевскій обходитъ молчаніемъ и универсальное значеніе еврейства. „Евреи, — говоритъ онъ, — не передали своей культуры ни одному изъ окружающихъ или одновременно жившихъ съ ними народовъ“ ¹⁾. — Но подѣ еврейскою культурою слѣдуетъ разумѣть только еврейскую религію. Это утверждаетъ самъ же Данилевскій въ другомъ мѣстѣ, относя евреевъ къ одноосновнымъ типамъ и признавая, что религія была у нихъ единственнымъ самостоятельнымъ культурнымъ началомъ ²⁾. Слѣдовательно здѣсь можетъ быть рѣчь о передачѣ только религіи евреевъ. Не передавать же имъ было свою архитектуру, напримѣръ, финиціанамъ, у которыхъ они сами ее заимствовали. Религіозное же свое начало евреи несомнѣнно передали, съ одной стороны, черезъ христіанство грекамъ и римлянамъ, романо-германцамъ и славянамъ, а съ другой стороны, черезъ посредство мусульманства, арабамъ, персамъ и тюркскимъ племенамъ. Или и библію нужно считать лишь внѣшнимъ матеріаломъ, лишь почвеннымъ удобреніемъ ³⁾?

Быть можетъ, чувствуя всю силу этого возраженія, Данилевскій попытался его обойти, но самымъ неловкимъ и неудачнымъ способомъ. „Евреи, — говоритъ онъ, — не передали своей культуры ни одному изъ окружающихъ или одновременно жившихъ съ ними народовъ“. Здѣсь подѣ жизнью еврейскаго народа очевидно разу-

¹⁾ „Р. и Е.“, 96.

²⁾ „Р. и Е.“, 504.

³⁾ Ссылая на чудесный характеръ христіанскаго откровенія была бы здѣсь совершенно неумѣстна. Во-первыхъ, никто изъ вѣрующихъ въ чудесное происхожденіе христіанства не отнимаетъ у него при этомъ характера культурно-историческаго явленія, подчиненнаго условіямъ времени и національной среды. Во-вторыхъ, чудеса *естественнаго* откровенія не мѣшаютъ же Данилевскому видѣть въ этой религіи культурно-историческую основу (и притомъ единственную) еврейскаго племени. Наконецъ, въ-третьихъ, никакъ уже нельзя отстранить факта передачи еврейскаго религіознаго начала чрезъ мусульманство народамъ арабскаго, мавританскаго и тюркскаго племени, для которыхъ это начало стало также главною образовательною основою всей ихъ культуры, а не „почвеннымъ удобреніемъ“ только. Мусульманство не есть сверхъестественное откровеніе, и существенная связь между нимъ и еврействомъ не можетъ быть обойдена, какъ чудесное явленіе.

мѣется его независимое политическое существованіе (такъ какъ помимо этого евреи живутъ и до сихъ поръ). Но откуда же взялась подобная оговорка? Ни въ анти-историческомъ „законѣ“ нашего автора, ни въ томъ историческомъ взглядѣ, противъ котораго онъ направленъ, объ одновременности политическаго существованія и о сосѣдствѣ, какъ условіяхъ передачи культурныхъ началъ—вовсе нѣтъ рѣчи. Отвергаемый Данилевскимъ обще-европейскій взглядъ на исторію утверждаетъ только, что человѣчеству, какъ единому и солидарному цѣлому, дано или задано одно общее дѣло, въ которомъ различные народы и группы народовъ участвуютъ въ различной мѣрѣ, вырабатывая на своей національной почвѣ образовательныя начала съ болѣе или менѣе широкимъ общечеловѣческимъ значеніемъ и передавая эти всемірно-историческія начала и идеи другимъ народамъ и группамъ народовъ не для „почвеннаго удобренія“ ихъ національныхъ культуръ, а для дальнѣйшаго развитія и осуществленія самихъ этихъ началъ въ ихъ всечеловѣческомъ содержаніи. Съ своей стороны, нашъ авторъ противопоставляетъ этому взгляду свой „3-й законъ“, которымъ просто отрицается такая передача образовательныхъ культурныхъ началъ отъ одного историческаго типа къ другому, причемъ вопросъ о ихъ сосѣдствѣ или одновременномъ политическомъ существованіи не играетъ никакой роли. Упомянуть объ этомъ понадобилось нашему автору только для того, чтобы какъ-нибудь смягчить неимовѣрное, но необходимое для него утверждение, что евреи никому не передали своего культурнаго начала. Но это смягченіе имѣло бы еще какой-нибудь смыслъ, еслибы во время появленія христіанства и мусульманства евреи совсѣмъ перестали существовать, какъ особый типъ, чего, какъ извѣстно, не было, такъ что утверженіе Данилевскаго ничего не выигрываетъ въ истинѣ отъ этого произвольнаго ограниченія.

Если евреи дали міру высшее религіозное начало, то греки послужили человѣчеству преимущественно въ области эстетической и умственной культуры, которую они и передали непосредственно сначала восточнымъ народамъ, а потомъ римлянамъ. Данилевскій простодушно отрицаетъ всякое значеніе эллинизации древняго Востока послѣ Александра Македонскаго, утверждая, что восточные народы остались тѣмъ, чѣмъ были, а всѣ культурные дѣятели александрійской эпохи были природными греками, отъ которыхъ туземцамъ было ни тепло, ни холодно ¹⁾. Трудно допустить, чтобы нашъ авторъ не зналъ, но очевидно онъ совер-

¹⁾ „Р. и Е.“, 97—8.

шенно забылъ о Филонѣ *иудей*, о *египтянинахъ* Валентинѣ, *сирийцахъ* Бардезанѣ и т. д., и т. д. Тавія, огромной важности, историческія явленія, какъ александрійскій иудаизмъ, какъ гностицизмъ, какъ неоплатоническая философія, рѣшительно не могутъ быть отнесены ни къ греческому культурному типу, въ отдѣльности взятому, ни къ египетскому, сирийскому или еврейскому; это былъ несомнѣнный результатъ глубокаго духовнаго взаимодействія между этими различными типами, вслѣдствіе воспріятія восточными народами греческой культуры, не какъ „почвеннаго удобрения“, а какъ высшаго образовательнаго начала. Авторъ „естественной системы исторій“ принужденъ забывать или обходить эти великія историческія явленія, не входящія въ его систему и противорѣчащія его „законамъ“, также какъ онъ забываетъ или обходитъ буддизмъ и универсальное значеніе еврейства. На такомъ дефективномъ основаніи можно, конечно, утверждать и отрицать все, что угодно, но какаѣ же цѣны такихъ утвержденій и отрицаній?

Изъ уваженія къ памяти покойнаго писателя мы пройдемъ молчаніемъ чрезвычайно странное его разсужденіе объ отношеніяхъ римской культуры къ греческой (стр. 99). Болѣе интересенъ вопросъ объ отношеніи нашей славяно-русской культуры къ греко-византійской. Вотъ два, совершенно различные, культурно-историческіе типа, а между тѣмъ самъ Данилевскій долженъ, наконецъ, прямо признать, что одинъ изъ нихъ передалъ другому не внѣшній только матеріалъ культуры, не „почвенное удобрение“, а самыя высшія образовательныя начала его исторической жизни. Станнымъ образомъ — нашъ авторъ, повидимому, вовсе не замѣтилъ роковаго значенія этого факта для всего его возрѣнія. Заявивши, что Россія и славянство суть наслѣдники Византіи, также какъ романо-германскіе народы — наслѣдники Рима, онъ даже не дѣлаетъ попытки какъ-нибудь объяснить, съ своей точки зрѣнія, эту передачу духовнаго наслѣдія, эту общность просвѣтительныхъ началъ, прямо противорѣчащую „3-му закону историческаго развитія“. Этотъ законъ требуетъ, чтобы каждый культурно-историческій типъ вырабатывалъ изъ себя и для себя образовательныя начала своей цивилизаціи. Между тѣмъ приходится признать, что основное образовательное начало романо-германскихъ народовъ выработано не ими самими, а принято отъ одного изъ прежнихъ культурно-историческихъ типовъ; точно также основное образовательное и просвѣтительное начало русско-славянскаго историческаго типа выработано не имъ самимъ, а принято цѣликомъ и

безъ всякаго измѣненія отъ византійскихъ грековъ, принадлежащихъ къ иному культурному типу.

Нашъ авторъ не хочетъ допустить, что исключительная національность есть ограниченность, и что прогрессъ исторіи состоитъ въ разрывѣ этой ограниченности. Намъ нѣтъ надобности отвѣчать ему какими-нибудь разсужденіями; достаточно лишь вспомнить самыя великія и важныя явленія въ исторіи человѣчества: всѣ они были ознаменованы именно этимъ разрывомъ національной ограниченности, переходомъ отъ народнаго къ всечеловѣческому. Богато снабженный духовными дарами, индійскій народъ сказалъ свое вѣковѣчное слово міру въ буддизмѣ, и въ этомъ словѣ онъ пересталъ быть только индійскимъ. Буддизмъ не есть національная религія Индіи, а универсальное, международное ученіе, одинъ изъ великихъ фазисовъ въ духовномъ развитіи всего человѣчества. Еврейскій народъ сосредоточилъ всѣ силы своего національнаго духа въ мессіанской идеѣ, и когда эта идея осуществилась въ историческомъ явленіи, она оказалась совсѣмъ не еврейскою, а опять-таки международною, вселенскою идеей, болѣзненно прорвавшей жесткую оболочку исключительнаго іудаизма. Какъ Индія съ враждою отвергла свое высшее порожденіе—буддизмъ, сдѣлавшійся за то „свѣтомъ Азіи“, такъ и высшее всемірно-историческое порожденіе еврейской народности—христіанство—оказалось въ жестовомъ противорѣчій съ іудейскимъ націонализмомъ, но тѣмъ легче оно исполнило свою универсальную задачу—оплодотворить религіозною истиною Израиля всю языческую Европу и основать въ ней новый міръ общечеловѣческой культуры. И самая реакція противъ этой новой культуры со стороны старыхъ религіозныхъ началъ Востока, реакція, окончательно выразившаяся въ великомъ историческомъ явленіи мусульманства, имѣла явно не національный, а международный характеръ. И арабскій народъ, для того, чтобы осуществить это, хотя и отрицательное, но все-таки великое, въ историческомъ смыслѣ, дѣло, долженъ былъ прорвать свою національную ограниченность. Не изъ себя и не для себя выработали арабы мусульманство. Магометъ, взявши изъ еврейства существенныя начала своей религіи, далъ имъ настолькоъ общую, сверхнаціональную форму, что они могли быть переданы какъ высшее просвѣтительное и образовательное начало народамъ, ничего общаго съ арабами и вообще съ семитами не имѣвшимъ: аріямъ (персамъ) и туранцамъ (туркамъ и татарамъ). При этомъ мы видимъ еще одно замѣчательное явленіе, совершенно непостижимое съ точки зрѣнія обособленныхъ культурно-историческихъ типовъ: та самая Индія, которая отвергла свою собственную ре-

лигіозную идею (буддизмъ) и передала ее чуждымъ, монгольскимъ народамъ,—она же для себя принимаетъ (въ значительной своей части) чужую, арабскую, религію ¹⁾.

VIII.

Видѣть въ исторіи человѣчества только жизнь отдѣльныхъ, себѣ довлѣющихъ, культурныхъ типовъ, этнографически и лингвистически опредѣленныхъ,—значить закрывать глаза на самыя важныя историческія явленія. Для разбираемой теоріи непонятенъ буддизмъ, непонятенъ исламъ и, что всего для нея печальнѣе, совершенно непонятно само христіанство въ его всемірно-историческомъ значеніи. Совсѣмъ умолчать о христіанствѣ, какъ онъ это сдѣлалъ относительно буддизма ²⁾, нашъ авторъ, конечно, не могъ. Онъ и говоритъ о немъ мимоходомъ нѣсколько разъ, признавая въ немъ высшую и абсолютную истину, но во всей книгѣ нельзя найти ни одного намека на то, какъ примирить вселенскую сущность этой истины съ коренною и окончательною отдѣльностью культурно-историческихъ типовъ. Противорѣчіе это съ особенной яркостью обнаруживается, благодаря тому взгляду на вѣроисповѣдныя различія, который подробно излагается нашимъ авторомъ. Признавая протестанство отрицаніемъ религіи вообще ³⁾, а католичество — „продуктомъ лжи, гордости и невѣжества“ ⁴⁾, Данилевскій, по слѣдамъ прежнихъ славянофиловъ, отождествляетъ христіанство исключительно съ греко-россійскимъ исповѣданіемъ, которое и является, такимъ образомъ, единственно-адекватнымъ выраженіемъ абсолютной истины. А вмѣстѣ съ тѣмъ это же исповѣданіе признается спеціально просвѣтительнымъ началомъ *одного* русско-славянскаго культурно-историческаго типа, и въ этомъ качествѣ не допускается передача его другимъ типамъ. Но съ этимъ падаетъ все воззрѣніе Данилевскаго. Ибо тогда вмѣсто десяти или двѣнадцати болѣе или менѣе однородныхъ и равноправныхъ культурныхъ типовъ человѣчество должно дѣлиться только на двѣ безусловно несоизмѣримыя половины: съ одной стороны — право-

¹⁾ Индусовъ-мусульманъ считается теперь около пятидесяти милліоновъ.

²⁾ Замѣтимъ для точности, что, не сказавши ни слова о буддизмѣ въ его настоящемъ значеніи международной и даже межплеменной религіи, нашъ авторъ упоминаетъ одинъ разъ вскользь о *мѣстномъ* значеніи буддизма для Индіи (стр. 116): „Цивилизаціонный періодъ Индіи начинается, кажется, съ буддійскаго движенія“.

³⁾ „Р. и Е.“, 212.

⁴⁾ „Р. и Е.“, 60.

славный славянской миръ, обладающій исключительнымъ преимуществомъ абсолютной истины, а съ другой стороны—всѣ прочіе племена и народы, осужденные пребывать въ разныхъ формахъ лжи. Передъ этою безусловною и „наисущественнѣйшею“ противоположною между истиною и ложью блѣднѣютъ и исчезаютъ всѣ относительныя различія культурныхъ типовъ; ибо, какъ напоминаетъ намъ самъ Данилевскій, „отличіе истины отъ лжи *безкомично*“, и „двѣ лжи всегда менѣе между собою отличаются, чѣмъ каждая изъ нихъ отъ истины“¹⁾.

Воззрѣніе нашего автора, вполне несостоятельное съ исторической и религиозной точки зрѣнія, мало выигрываетъ отъ слабой попытки дать ему нѣчто въ родѣ философскаго оправданія („Россия и Европа“, стр. 118—128):

„Человѣчество и народъ (нація, племя) относятся другъ къ другу, какъ родовое понятіе къ видовому; слѣдовательно отношенія между ними должны быть вообще тѣ же, какія вообще бывають между родомъ и видомъ“²⁾. Далѣе поясняется, что родъ есть или „только отвлеченіе, получаемое чрезъ исключеніе всего, что есть особеннаго въ видахъ“, и въ этомъ смыслѣ „родъ есть нѣчто въ дѣйствительности невозможное“; или же подъ родомъ разумѣется *общее*, соединенное для своего осуществленія съ извѣстными опредѣленными особенностями, и въ этомъ смыслѣ родъ существуетъ реально, но лишь какъ совокупность всѣхъ своихъ видовъ. „Въ этомъ смыслѣ, родъ малины не будетъ заключаться въ отвлеченномъ понятіи *общаго* между садовою малиною, ежевикою, костяникою, морошкой, поленикою, а въ совокупности малины, ежевики, костяники, морошки, поленики и т. д. Родъ кошки—не въ отвлеченіи *общаго* между львомъ, тигромъ, барсомъ, (домашнею) кошкою, рысью, а въ реальной совокупности всѣхъ ихъ. Въ первомъ смыслѣ родъ есть только *общевидовое*, и въ этомъ смыслѣ понятіе родовое будетъ уже и ниже всякаго видового въ отдѣльности; во второмъ же смыслѣ родъ будетъ *всевидовое*, и потому шире и выше всякаго вида“³⁾. Примѣняя это разсужденіе къ вопросу объ отношеніи между народностью и человѣчествомъ, Данилевскій заявляетъ, что „понятіе объ общечеловѣческомъ не только не имѣетъ въ себѣ ничего реальнаго и дѣйствительнаго, но оно—уже, тѣснѣе, ниже понятія о племенномъ или народномъ, ибо это послѣднее, по необходимости, включаетъ въ себѣ первое и сверхъ того присоединяетъ къ нему

1) „Р. и Е.“, 209.

2) „Р. и Е.“, 124.

3) „Р. и Е.“, 125, 126.

нѣчто особое, дополнительное, которое именно и должно быть сохраняемо и развиваемо, дабы родовое понятіе о человѣчествѣ во второмъ (реальномъ) значеніи его получило все то разнообразіе и богатство въ осуществленіи, къ какому оно способно. Слѣдовательно, *общечеловѣческаго* не только нѣтъ въ дѣйствительности, но и желать быть имъ—значитъ желать довольствоваться общимъ мѣстомъ, безцвѣтностью, отсутствіемъ оригинальности, однимъ словомъ, довольствоваться невозможною неполнотою. Иное дѣло—*всечеловѣческое*, которое надо отличать отъ *общечеловѣческаго*; оно, безъ сомнѣнія, выше всякаго отдѣльно-человѣческаго, или народнаго; но оно и состоитъ только изъ совокупности всего народнаго, во всѣхъ мѣстахъ и временахъ существующаго и имѣющаго существовать; оно несомнѣнимо и неосуществимо въ какой бы то ни было одной народности; дѣйствительность его можетъ быть только разномѣстная и разновременная“¹⁾.

Эта экскурсія въ область формальной логики имѣла бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы несомнѣнно было главное утвержденіе, съ котораго начинается нашъ авторъ, а именно, что „человѣчество и народъ (нація, племя) относятся другъ къ другу какъ родовое понятіе къ видовому“. Но откуда взялось это утвержденіе и какія у него основанія—это остается неизвѣстнымъ. На самомъ дѣлѣ, отношенія между человѣчествомъ и народомъ можно и должно мыслить совершенно иначе. Но допустимъ, что нашъ авторъ вообще правъ, перенося это отношеніе въ сферу отвлеченно-логическую. Во всякомъ случаѣ необходимо признать, что понятія рода и вида имѣютъ совершенно относительный и условный характеръ. Одна и та же группа, относясь къ подчиненнымъ группамъ, какъ родъ къ видамъ, можетъ сама имѣть лишь подчиненное видовое значеніе относительно другой, болѣе обширной группы. Самъ Данилевскій постоянно сбивается и колеблется, когда хочетъ опредѣлить реальные виды человѣческаго рода: то въ качествѣ этихъ видовъ являются у него народы, то племена, то культурно-историческіе типы. И однако, несмотря на такую условность въ различіи видового отъ родового, нашъ авторъ выводитъ изъ этого различія очень тяжеловѣсныя нравственныя и практическія заключенія. „Если та группа, — говоритъ онъ, — которой мы придаемъ названіе культурно-историческаго типа, и не есть абсолютно высшая, то она, во всякомъ случаѣ, высшая изъ всѣхъ тѣхъ, интересы которыхъ могутъ быть сознательными для человѣка, и составляетъ, слѣдовательно, послѣдній предѣлъ, до

¹⁾ „Р. и Е.“, 127.

котораго можетъ и должно простираться подчиненіе низшихъ интересовъ высшимъ, пожертвованіе частныхъ цѣлей общимъ“¹⁾. „Интересъ человѣчества“ есть бессмысленное выраженіе для человѣка, тогда какъ слово: „европейскій интересъ“ не есть пустое слово для француза, нѣмца, англичанина²⁾. Точно также для всякаго славяннина „идея славянства должна быть вышею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвѣщенія“³⁾. Отрицая всякія обязанности къ человѣчеству, авторъ признаетъ (кромя обязанностей къ отдѣльнымъ людямъ) еще „особыя обязанности не только къ государству, но и къ той высшей единицѣ, которую мы называемъ культурно-историческимъ типомъ“⁴⁾.

Трудно рѣшить, о чемъ здѣсь собственно говорится: о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, или же только объ идеалѣ, о томъ, *что должно быть*. Но ясно, что въ обоихъ случаяхъ авторъ совершенно неправъ. Еслибы, какъ онъ думаетъ, французы, нѣмцы, англичане признавали свои обязанности къ Европѣ и ея общій интересъ ставили выше своихъ національныхъ интересовъ, то постоянный антагонизмъ и ожесточенныя войны между европейскими народами были бы невозможны, или, во всякомъ случаѣ, разсматривались бы всѣми какъ преступное междоусобіе. Однако, когда Франція при послѣднихъ Валуа и первыхъ Бурбонахъ, ради національнаго и политическаго соперничества съ Испаніей и Австріей, вступала въ союзъ съ чуждыми (и въ то время опасными) Европѣ турками, никто не смотрѣлъ на это какъ на измѣну „романо-германскому культурно-историческому типу“, какъ на преступное нарушеніе обязанностей относительно высшей соціальной группы. Если же авторъ имѣетъ въ виду не политическія отношенія и взгляды, а требованія общественной нравственности, то рѣшительно не видно, почему онъ останавливается на культурно-историческомъ типѣ, какъ на высшемъ предѣлѣ такихъ требованій. Несомнѣнно, что этотъ предѣлъ (не говоря уже о его чрезвычайной шаткости и неясности) не только можетъ быть перейденъ, но лучшими представителями человѣчества дѣйствительно переходился. Ясно, напримѣръ, что не о какомъ-нибудь культурно-историческомъ типѣ, а о чемъ-то болѣе обширномъ и высокомъ заботился апостоль Павелъ, когда распространялъ христіанство, проповѣдая объединеніе всего человѣчества во Христѣ.

„Но что же такое интересъ человѣчества? Кѣмъ сознаваемъ

¹⁾ „Р. и Е.“, 108.

²⁾ Ibid.

³⁾ „Р. и Е.“, 182.

⁴⁾ „Р. и Е.“, 107.

онъ, кромѣ одного Бога? — спрашиваетъ нашъ авторъ, и тутъ же, самъ того не замѣчая, разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ отвергаемой имъ идеи. „*Безъ сомнѣнія*, — продолжаетъ онъ, — *въ интересахъ человѣчества лежало*, чтобы Римъ былъ разрушенъ, и на мѣстѣ его цивилизаціи временно воцарилось варварство; но, конечно, ни одинъ римлянинъ (?) и ни одинъ германецъ не зналъ и не могъ знать, что этого требовалъ интересъ человѣчества. Сознаніе той пользы для человѣчества, которая имѣла произойти отъ нашествія варваровъ (еслибы это сознаніе было даже возможно), конечно, не только не могло обязывать римскаго гражданина содѣйствовать такому вождѣльному для человѣчества событію, но не могло бы даже оправдывать его отъ обвиненія въ измѣнѣ за дѣятельность, въ эту сторону направленную“ ¹⁾.

Итакъ, оказывается, что интересы человѣчества, кромѣ Бога, сознаются еще (хотя и *post factum*) авторомъ „Россіи и Европы“, говорящимъ: „безъ сомнѣнія, въ интересахъ человѣчества лежало, чтобы Римъ былъ разрушенъ“. А вопросъ времени здѣсь не имѣетъ значенія, ибо всегда существовали люди, опережавшіе своимъ сознаніемъ большинство современниковъ и даже предвѣрившіе самые факты. Впрочемъ историческій примѣръ, такъ удачно приведенный Данилевскимъ, позволяетъ обойтись и безъ пророковъ. Еслибы нашъ авторъ зналъ или вспомнилъ знаменитое произведеніе Августина: „*De civitate Dei*“, — то онъ, конечно, не рѣшился бы утверждать, что ни одинъ римлянинъ не могъ сознавать интересовъ человѣчества въ разрушеніи римской имперіи. Именно это самое сознаніе (насколько полно и удовлетворительно — это другой вопросъ) высказывается великимъ христіанскимъ писателемъ и римскимъ гражданиномъ. А что какіе-нибудь язычествующіе римскіе патріоты могли обвинять его за это въ измѣнѣ, то вѣдь такому же обвиненію навѣрно подвергся бы всякій французъ, который, пронибшись воззрѣніями нашего автора, сталъ бы, во время франко-прусской войны, на точку зрѣнія высшихъ интересовъ романо-германскаго культурно-историческаго типа и потребовалъ бы подчинить имъ низшіе интересы французской націи.

Вообще же отдавать безусловное предпочтеніе (въ смыслѣ высшаго предѣла человѣческихъ обязанностей) культурному типу, какъ группѣ *болѣе конкретной и определенной* сравнительно съ человѣчествомъ, какъ съ понятіемъ слишкомъ отвлеченнымъ и неяснымъ, — значитъ открывать свободную дорогу всякому дальнѣй-

¹⁾ „Р. и Е.“, 108.

пему пониженію нравственныхъ требованій. Ибо совершенно несомнѣнно, что интересы національные (въ тѣсномъ смыслѣ) гораздо конкретнѣе, опредѣленнѣе и яснѣе интересовъ цѣлаго культурно-историческаго типа, который для большинства смертныхъ, пожалуй, представляется еще туманнѣе, чѣмъ для Данилевскаго человѣчество; точно также несомнѣнно, что интересы какого-нибудь сословія или партіи всегда опредѣленнѣе и конкретнѣе, нежели интересы обще-національные или обще-государственные, и наконецъ уже вовсе никакому сомнѣнію не можетъ подлежать, что для всякаго его личные эгоистическіе интересы суть изъ всѣхъ прочихъ самыя ясныя, самыя опредѣленныя и конкретныя.

И совершенно напрасно, въ насмѣшку надъ идеей челоѣчества, нашъ авторъ говорить, что для дѣйствительности этой идеи необходимо предположить какаго-то „духа земли“, который внутри себя сознаетъ коллективную жизнь всего челоѣчества. Во-первыхъ, этого вовсе не нужно, ибо, помимо духа земли, такое сознание можетъ принадлежать и простымъ смертнымъ, какъ, напримеръ, апостолу Павлу, блаженному Августину или хоть бы самому Данилевскому. А во-вторыхъ, я не вижу, почему „духъ земли“ (или точнѣе „духъ челоѣчества“) смѣшнѣе, чѣмъ „духъ народа“, — а что касается до „духа культурно-историческаго типа“, то онъ мнѣ рѣшительно кажется самымъ смѣшнымъ и неосновательнымъ изъ всѣхъ духовъ.

Возрѣніе нашего автора на отношенія народнаго къ общечелоѣческому оказывается несостоятельнымъ, если даже допустить (какъ мы это выше сдѣлали) то общее положеніе, изъ котораго онъ исходитъ, а именно, что челоѣчество относится къ частнымъ группамъ, его составляющимъ, какъ *родъ къ видамъ*. Но на чемъ же, однако, основано само это положеніе и почему авторъ „Россія и Европы“, столь обстоятельный въ другихъ случаяхъ, не сдѣлалъ даже и попытки опровергнуть или устранить иной взглядъ на дѣло, тотъ взглядъ, который со временъ ап. Павла (а отчасти и Сенеки) раздѣлялся лучшими умами Европы, а въ настоящее время становится даже достояніемъ положительно-научной философіи. Я разумѣю взглядъ, по которому челоѣчество относится къ племенамъ и народамъ, его составляющимъ, не какъ родъ къ видамъ, а какъ *цѣлое къ частямъ*, какъ реальный и живой организмъ въ своимъ органамъ или членамъ, жизнь которыхъ существенно и необходимо опредѣляется жизнью всего тѣла. Понятіе тѣла не есть пустое отвлеченіе отъ представленій о его членахъ, и точно также тѣло не можетъ мыслиться и какъ про-

стая совокупность или агрегатъ своихъ членовъ; слѣдовательно отношеніе родового къ видовому непримѣнимо здѣсь ни въ одномъ изъ двухъ значеній, различаемыхъ нашимъ авторомъ. А между тѣмъ идея челоуѣчества, какъ живого цѣлаго (а не какъ отвлеченнаго понятія и не какъ агрегата) настолько вошла, еще съ первыхъ временъ христіанства, въ духовные инстинкты мыслящихъ людей, что отъ этой идеи никакъ не могъ отдѣлаться и самъ Данилевскій, называющій въ одномъ мѣстѣ свои „культурно-историческіе типы“ — *живыми и дѣтельными органами челоуѣчества* ¹⁾). Къ сожалѣнію, въ этихъ словахъ можно видѣть именно только проявленіе безотчетнаго инстинкта истины. Еслибы это была серьезная и сознательная мысль автора, то ему пришлось бы отречься отъ всего содержанія и даже отъ самыхъ мотивовъ его труда. Если, въ самомъ дѣлѣ, культурно-историческіе типы суть живые и дѣтельные (а слѣдовательно, въ нѣкоторой степени, и сознательные органы) челоуѣчества, какъ единаго духовно-физическаго организма, то понятія „общечелоуѣческаго“ и „всечелоуѣческаго“ получаютъ, по отношенію къ частнымъ группамъ, такое положительное и существенное значеніе, которое прямо противорѣчитъ основному воззрѣнію Данилевскаго на вѣрненую самостоятельность и необходимое обособленіе культурно-историческихъ типовъ. Тогда уже нужно бросить и то практическое заключеніе, что будто бы интересы челоуѣчества для насъ не существуютъ и не должны существовать, и будто бы никакихъ обязанностей къ нему мы имѣть не можемъ. Придется, напротивъ, принять совершенно иное заключеніе: если всякая частная группа, національная или племенная, есть лишь органъ (орудіе) челоуѣчества, то наши обязанности къ народу или племени, т.-е. къ *орудію*, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношенію къ тому, для чего это орудіе должно служить. Мы обязаны подчиняться народу лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ самъ подчинился высшимъ интересамъ цѣлаго челоуѣчества. Стѣдуетъ только въ „систему“ культурно-историческихъ типовъ серьезно подставить понятіе о „живыхъ и дѣтельныхъ органахъ челоуѣчества“, — и уже однимъ этимъ опредѣленіемъ вполнѣ опровергается партикуляризмъ нашего автора, и вмѣсто всякой критики ему достаточно было бы напомнить старую римскую басню о членахъ тѣла, пожелавшихъ жить только для себя.

¹⁾ „Р. и Е.“, 129.

IX.

Еслибы націонализмъ, возведенный въ систему нашимъ авторомъ, противорѣчилъ только основной христіанской и гуманитарной идеѣ (единого человѣчества), то это опровергало бы его лишь въ глазахъ людей съ искренними христіанскими убѣжденіями или же особенно чутыхъ къ высшимъ нравственнымъ требованіямъ. Но теорія „Россіи и Европы“ несомнѣнима не только съ христіанскою идеей, но и съ самимъ историческимъ фактомъ христіанства, какъ религіи универсальной, всемірно-исторической, которую никакъ нельзя приспособить къ какому-нибудь особому культурному типу. За исключеніемъ (и то неполнымъ) нѣсколькихъ народовъ, преимущественно относящихся къ „уединеннымъ“ типамъ, христіанство охватило собою всѣ главные (преемственные) культурно-историческіе типы, различаемые нашимъ авторомъ. Рожденное въ еврействѣ, оно проникло весь Египетъ и всю Сирію, часть Аравіи и Персіи, покорило Грецію и Римъ и, наконецъ, сдѣлалось высшимъ образовательнымъ началомъ двухъ (по Данилевскому) новыхъ культурныхъ типовъ: романо-германскаго и славянскаго. На какой отдаленный планъ передъ этимъ универсальнымъ фактомъ, даже съ чисто исторической точки зрѣнія, должны отступить всѣ частныя этнографическія и лингвистическія дѣленія. Даже и явившіяся позднѣе вѣроисповѣдныя различія нисколько не приближаютъ дѣйствительную исторію христіанства къ искусственному анти-историческому воззрѣнію Данилевскаго. Ибо при этомъ воззрѣніи совершенно непонятно, почему *однимъ* культурно-историческій типъ (романо-германскій) выработалъ *два*, столь различныя между собою, вѣроисповѣданія, какъ католическое и протестантское; также почему третій славянскій типъ, вмѣсто того, чтобы на своей самобытной почвѣ возростить особую исповѣдную форму, принялъ ее цѣликомъ изъ чужого культурно-историческаго типа—греческаго.

Кромѣ христіанства, въ непримиримомъ противорѣчій съ воззрѣніями „Россіи и Европы“ находится, какъ мы видѣли, и историческое явленіе двухъ другихъ универсальныхъ, точнѣе, международныхъ или сверхнародныхъ религій—буддизма и мусульманства, а также и еврейской религіи, которая, несмотря на свой національный характеръ, передала, однако, свои существенныя начала чужимъ мірамъ христіанства и ислама.

Но все это противорѣчіе между теоріей нашего писателя и историческою дѣйствительностью *въ области религіи* не было бы еще окончательнымъ приговоромъ для теоріи въ глазахъ очень

многихъ. На религію, вообще, нерѣдко смотрять какъ на явленіе отжившее или отживающее, которому будетъ все меньше и меньше мѣста въ дальнѣйшихъ судьбахъ народовъ. А при такомъ взглядѣ, теорія, несостоятельная въ объясненіи *религіознаго* универсализма, могла бы, однако, годиться для опредѣленія нашихъ настоящихъ и будущихъ судебъ. Пусть въ старину—такъ можно разсуждать—люди болѣе объединялись религіей, нежели раздѣлялись народностью; теперь вѣра повсюду теряетъ свою силу и никогда уже болѣе не вернетъ своего прежняго значенія; слѣдовательно, племенные и національныя дѣленія могутъ теперь стать окончательно рѣшающимъ началомъ человѣческихъ отношеній! Но, на бѣду для подобнаго рода возрѣній, универсализмъ человѣческаго духа проявлялся и проявляется не въ одной только религіозной области, а еще очевиднѣе и прамѣе въ другой важной и неустранимой сферѣ историческаго развитія — въ *науку*. Данилевскій, бывшій самъ отчасти ученымъ, хорошо понималъ значеніе этого фактора и его неудобство для исключительно-національныхъ возрѣній, а потому и посвятилъ вопросу о національности въ наукѣ цѣлое длинное разсужденіе, безъ сомнѣнія самое значительное во всей его книгѣ. Но съ удовольствіемъ признавая въ этомъ разсужденіи нѣсколько вѣрныхъ мыслей и не мало интересныхъ указаній, мы должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить искреннее удивленіе, какимъ образомъ этотъ даровитый и въ знакомыхъ ему научныхъ сферахъ весьма сообразительный писатель совершенно не замѣтилъ, что его вспомогательный трактатъ объ историческомъ развитіи науки, во-первыхъ, доказываетъ прямо обратное тому, что предполагалось имъ доказать, а во-вторыхъ, опрокидываетъ мимоходомъ и главную теорію „Россіи и Европы“.

Позволятельно, прежде всего, спросить: къ какому культурно-историческому типу, къ какой *мѣстной* цивилизаціи должно приурочить ту науку, или ту совокупность наукъ, о которой такъ хорошо разсуждаетъ нашъ авторъ? Дѣло въ томъ, что онъ говорить лишь объ *одномъ*, внутренне-связномъ и послѣдовательномъ развитіи науки, постепенно переходившей отъ менѣе совершенныхъ фазисовъ къ болѣе совершеннымъ. Никакихъ *типовъ* развитія мы здѣсь не видимъ, а только *степени* развитія, причемъ ученые различныхъ націй въ разной степени способствовали возведенію общаго имъ научнаго дѣла съ одной степени на другую. Такъ, напримѣръ, древній грекъ (Гиппархъ) создаетъ искусственную систему для астрономіи, славянинъ (Коперникъ) возводитъ эту науку на степень естественной системы, нѣмецъ (Кеплеръ),

опираясь на систему своего предшественника-поляка, доходить до частныхъ эмпирическихъ законовъ въ астрономіи, а англичанинъ (Ньютонъ), продолжая ихъ труды, возвышается, наконецъ, до общаго раціональнаго закона. Къ какому же культурно-историческому типу все это относится? Къ одному романо-германскому отнести нельзя, ибо самъ Данилевскій указываетъ на участіе въ этомъ дѣлѣ древняго грека и новаго славянина, т.-е., по его воззрѣнію, представителей двухъ особыхъ, отдѣльныхъ отъ романо-германскаго, культурныхъ типовъ. Но также точно невозможно и раздѣлить все дѣло по этимъ тремъ типамъ, такъ какъ труды Гиппарха и Птолемея имѣютъ въ астрономической наукѣ извѣстное значеніе лишь какъ первоначальныя попытки научныхъ построений, а система Коперника никакъ не можетъ быть выдѣлена изъ общаго развитія астрономическихъ знаній въ новой Европѣ.

Но, повидимому, Данилевскій разсуждая серьезно объ исторіи наукъ, болѣе или менѣе ему извѣстныхъ, просто забылъ о своей теоріи культурно-историческихъ типовъ и о своей „естественной системѣ“ исторіи. Иначе невозможно себя объяснить, почему онъ, вмѣсто того, чтобы говорить о различныхъ типахъ науки сообразно цѣльнымъ и обособленнымъ группамъ, на которыя онъ дѣлилъ человѣчество, указываетъ лишь на *національный* характеръ, присущій ученымъ различныхъ *націй*, причемъ народы одного и того же германо-романскаго типа—нѣмцы, англичане, французы, голландцы, шведы—разсматриваются какъ совершенно особые и самостоятельныя націи, и въ перемежку съ ними являются поляки и древніе греки, безъ всякаго вниманія къ различію культурно-историческихъ типовъ. Это тѣмъ болѣе странно, что въ другомъ мѣстѣ книги, когда авторъ имѣлъ въ виду показать тѣсное единство романо-германской группы какъ одного нераздѣльнаго культурно-историческаго типа, онъ даже отрицалъ всякое значеніе національныхъ различій въ Европѣ, признавая Францію, Англію, Германію и т. д. *только политическими* единицами ¹⁾.

Разсмотрѣвъ исторію развитія девяти наукъ и отмѣтивъ въ нихъ въ совокупности 33 періода или фазиса развитія, разграниченныхъ 24-мя научными реформами, нашъ авторъ отмѣчаетъ національность всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые возвели свою науку на непосредственно высшую степень развитія. Оказывается, что въ созданіи искусственной системы по этимъ девяти наукамъ

¹⁾ См. выше.

принимали участіе: древній грекъ, англичанинъ, нѣмцы и шведы; въ основаніи естественной системы участвовали: славянинъ, голландецъ, французы и англичане; въ періодъ частныхъ эмпирическихъ законовъ введены эти науки нѣмцами, французами и англичанами; наконецъ, опредѣленіе общаго раціональнаго закона, достигнутое только для двухъ наукъ (астрономіи и физики невѣсомыхъ), принадлежитъ въ одномъ случаѣ англичанину, а въ другомъ англичанину вмѣстѣ съ нѣмцемъ ¹⁾.

„Весьма поучительная табличка“, въ которой нашъ авторъ выразилъ этотъ результатъ (за полноту и совершенную точность этой таблички мы, конечно, не ручаемся), можетъ служить нагляднымъ опроверженіемъ его главной теоріи, которая оказывается несомѣстимой съ дѣйствительною исторіей науки. Ибо, какъ явствуетъ изъ этой таблицы, развитіе науки не можетъ быть разграничено ни по культурно-историческимъ типамъ, ни по національностямъ: наука есть общее нераздѣльное дѣло, въ которомъ вполне солидарны между собою ученые всякихъ націй и типовъ. А что, затѣмъ, въ этомъ общемъ дѣлѣ національность ученыхъ имѣетъ нѣкоторое относительное вліяніе на характеръ и направленіе ихъ частныхъ трудовъ — этого никто никогда не отрицалъ. Нельзя ничего возразить въ принципѣ противъ того указанія, что французы оказались преимущественно способными къ созданію естественныхъ системъ, а нѣмцы — къ открытію частныхъ эмпирическихъ законовъ, хотя самый этотъ выводъ кажется намъ слишкомъ частнымъ и слишкомъ эмпирическимъ ²⁾. Насколько, впрочемъ, вліяніе національнаго характера подчиняется существеннымъ интересамъ общаго научнаго дѣла, видно изъ того, что и этотъ переходъ частныхъ наукъ изъ одного фазиса развитія въ другой (причемъ Данилевскій усматриваетъ особенно-важное значеніе національности великихъ научныхъ двигателей) совершался иногда совмѣстными трудами ученыхъ изъ разныхъ націй. Самъ авторъ отмѣчаетъ четыре такихъ случая, не давая имъ, впрочемъ, никакого объясненія съ своей точки зрѣнія.

Ни одинъ европеецъ и ни одинъ русскій западникъ никогда

¹⁾ „Р. и Е.“, 160.

²⁾ Получится ли въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь опредѣленное понятіе о національномъ характерѣ нѣмецкаго ума, если сопоставить эту предполагаемую склонность къ частному и эмпирическому съ несомнѣннымъ превосходствомъ нѣмцевъ въ сферѣ самой общей раціональной философіи? Да и въ области точныхъ наукъ при возведеніи научныхъ знаній на степень общаго раціональнаго закона — изъ двухъ случаевъ въ одномъ участвовали нѣмцы.

не сомнѣвался въ томъ, что каждый народъ занимается наукою (какъ и всѣмъ прочимъ) *по своему*, на свой ладъ. Но это *свое* въ ученыхъ трудахъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ и т. д. нисколько не мѣшаетъ имъ заниматься однимъ общимъ научнымъ дѣломъ, въ которомъ всѣ они вполне солидарны между собою, и которое принадлежитъ не какому-нибудь культурно-историческому типу, а всему человѣчеству. Самъ Данилевскій, умалчивая о египетской, еврейской, персидской или мексиканской наукѣ, а ученые труды древнихъ грековъ и славянина Коперника включая въ составъ европейской науки, очевидно признаетъ, что эта наука есть не только романо-германская, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *общечеловѣческая*. Все, что можно найти научнаго у древнихъ народовъ, вошло въ науку европейцевъ, было ими полнѣе и глубже разработано и, слѣдовательно, имѣетъ значеніе лишь какъ низшая подготовительная ступень въ развитіи этой одной европейской науки. Помимо нея, никакой другой особой науки въ дѣйствительности никогда не было. Но можетъ быть еще будетъ? Нашъ авторъ, настаивающій на національномъ характерѣ науки и совершенно забывшій при этомъ о своихъ „культурно-историческихъ типахъ“, не придаетъ никакого яснаго и опредѣленнаго смысла своимъ надеждамъ на „самобытную славянскую науку“. Должна ли эта самобытность ограничиваться особенностями *национального* характера, какъ въ англійской, французской, германской наукѣ; или же, въ виду того, что славяне составляютъ особый культурно-историческій типъ, отдѣльный отъ Европы, будущее ихъ научное творчество должно представить небывалое доселѣ явленіе науки не-европейской, совершенно особенной и отдѣльной? Ожидать отъ славянства, т.-е. прежде всего отъ Россіи, дѣятельнаго и самостоятельнаго участія въ развитіи „романо-германской“ науки, было бы, конечно, несогласно съ общимъ воззрѣніемъ нашего автора, но не заключало бы въ себѣ никакой внутренней невозможности. Такимъ надеждамъ на процвѣтаніе у насъ европейской науки (съ русскимъ національнымъ отгѣнкомъ) слѣдуетъ только противопоставить простое фактическое указаніе (за которое можно сердиться, но которое опровергнуть нельзя), что настоящее положеніе русской науки никакихъ основаній и задатковъ для болѣе успѣшнаго научнаго развитія не представляетъ ¹⁾.

¹⁾ Нужно страдать неисчислимымъ ослѣпленіемъ, чтобы не замѣчать быстро пониженія научнаго уровня въ Россіи за послѣдніе годы. Развѣ возможно было тридцать или хотя бы пятнадцать лѣтъ тому назадъ, чтобы представители высшаго научнаго образованія издавали такіа книги, какъ, напр., „Психологія“, профессора

Если же подъ „самобытною славянскою наукой“ (согласно основному воззрѣнію „Россіи и Европы“) разумѣть особый, небывалый доселѣ типъ науки, существенно отличный отъ европейскаго, то въ скромныхъ трудахъ русскихъ ученыхъ, старающихся по мѣрѣ силъ внести свой вкладъ въ общее умственное достояніе Европы, мы, конечно, не найдемъ никакихъ начатковъ такого вполне самобытнаго научнаго творчества. Этихъ начатковъ будущей славянской науки слѣдуетъ искать только у тѣхъ изъ нашихъ ученыхъ писателей, которые, не удовлетворяясь европейскою наукой, стремятся къ новымъ, лучшимъ началамъ знанія. Сфера для поисковъ здѣсь весьма ограничена, ибо изъ всѣхъ нашихъ славянофиловъ только двое (тѣсно между собою связанные и единомысленные)—Н. Я. Данилевскій и Н. Н. Страховъ—посвящали свои труды существеннымъ вопросамъ знанія. У перваго изъ нихъ мы нашли попытку представить „естественную систему“ исторіи. Эта система, соединяющая разнородное, раздѣляющая однородное и вовсе пропускающая то, что не вляется въ ея рамки, есть лишь произвольное измышление, главнымъ образомъ обусловленное малымъ знакомствомъ Данилевскаго съ данными исторіи и филологіи и явно противорѣчащее тѣмъ логическимъ требованіямъ всякой классификаціи, которыя онъ самъ позаботился выставить. Видѣть въ этомъ дефективномъ опытѣ какіе-либо положительные задатки самобытной русской науки нѣтъ никакой возможности. Да еслибы даже авторъ и дѣйствительно представилъ естественную систему исторіи, то онъ въ этомъ пошелъ бы только по слѣдамъ европейскихъ, на примѣръ французскихъ ученыхъ, создавшихъ естественныя системы въ другихъ наукахъ: и тутъ не обозначилось бы никакого самобытнаго научнаго типа.

Но, кромѣ „Россіи и Европы“, Данилевскому принадлежитъ другой, во всякомъ случаѣ болѣе основательный и важный трудъ: двухъ-томное критическое изслѣдованіе о дарвинизмѣ. Если самобытныя начала знанія, которыя должна явить міру русская наука, не могли обнаружиться въ историческихъ построеніяхъ „Россіи и Европы“, по той простой причинѣ, что авторъ не владелъ въ этой области сколько-нибудь достаточнымъ научнымъ матеріаломъ, то никакъ нельзя сказать того же о „Дарвинизмѣ“. Повойный Данилевскій былъ—если не по профессіи, то по призванію—ученымъ естествоиспытателемъ, и въ основательномъ знакомствѣ съ

Владиславева, или: „О наказаніи въ русскомъ правѣ XVII вѣка“, профессора Сергѣевского?!

предметами этой области ему, конечно, никто не откажетъ. Съ другой стороны, теорія Дарвина касается не какихъ-нибудь естественно-научныхъ частныхъ, а поднимаетъ самый коренной и жизненный вопросъ біологіи, существенно связанный, какъ это прекрасно показавъ самъ Данилевскій, съ цѣлымъ научнымъ міросозерцаніемъ. Кроме того, разрѣшеніе этого вопроса въ Дарвиновой теоріи (*естественнаго отбора при борьбѣ за существованіе*,—опять-таки по остроумному и вѣрному замѣчанію Данилевскаго,—обнаруживаетъ (подобно основному принципу Гоббеса: *bellum omnium contra omnes*, и экономической теоріи свободной конкуренціи Адама Смита) явное, хотя, конечно, ненамѣренное и безсознательное вліяніе англійскаго національнаго характера, столь сильнаго и энергичнаго въ жизненной борьбѣ.

Все это вмѣстѣ взятое: важность задачи, компетентность нашего автора, приложившаго къ ней всё свои умственные силы и дарованія и посвятившаго ей значительную часть своей жизни, наконецъ отпечатокъ національнаго духа на воззрѣніи Дарвина,— все это позволяло ожидать, что русскій и притомъ славянофильскій критикъ не ограничится однимъ отрицательнымъ разборомъ, а противопоставитъ англійской теоріи столь же глубокое, но болѣе вѣрное и многостороннее (по крайней мѣрѣ, съ его собственной точки зрѣнія) рѣшеніе этой міровой задачи, и притомъ рѣшеніе, ярко запечатлѣнное русскою духовною особенностью. Конечно, и такой трудъ не основалъ бы еще самобытной славянской науки, но все-таки нѣчто было бы сдѣлано, и наша научная самобытность не представлялась бы уже такою пустою и смѣшною претензіей.

Съ величайшимъ интересомъ принялся я, два года тому назадъ, за чтеніе двухъ полновѣсныхъ томовъ „Дарвинизма“. Безспорныя достоинства этой книги, въ которую авторъ, повидимому, вложилъ всю свою душу, поддерживали интересъ до конца, но не могли помѣшать полному и горькому разочарованію. Въ „Дарвинизмѣ“ не оказалось именно того, чего я отъ него ожидалъ и имѣлъ основаніе ожидать: русской самостоятельной теоріи происхожденія видовъ, взаимнѣ отвергаемой англійской. Повѣривъ друзьямъ, я искалъ русскаго Дарвина, а нашелъ только симпатичнаго русскаго человѣка, превосходно разбирающаго чужія научныя идеи. Разочарованіе мое не могло умѣряться и тою мыслью, что только смерть помѣшала автору высказать положительную сторону своего воззрѣнія. Изъ плана всего сочиненія явствовало, что недовершенная половина должна была содержать

лишь дальнѣйшую критическую разработку частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ дарвинизмомъ ¹⁾).

Какого бы кто ни держался взгляда на дарвинизмъ *по существу*, о характерѣ и значеніи собственно книги Данилевскаго спора быть не можетъ. Это есть, вообще говоря, самый полный, самый обстоятельный и прекрасно изложенный сводъ всѣхъ существенныхъ возраженій, сдѣланныхъ противъ теоріи Дарвина *въ европейской наукѣ*. Едва ли не самое важное и съ перваго взгляда рѣшительное возраженіе противъ дарвинизма состоитъ въ томъ, что скрещиваніе должно поглощать вновь появляющіяся мелкія индивидуальныя отличія, прежде чѣмъ они успѣютъ накопиться, посредствомъ наследственности, и усилиться до такой степени, чтобы стать выгодными для организма въ борьбѣ за существованіе; такъ, напримѣръ, особенная пушистость у сѣверныхъ видовъ извѣстныхъ животныхъ не могла появиться путемъ постепеннаго накопленія, такъ сказать, *по волоску*, въ длинномъ ряду повольтнй, побѣждавшихъ въ борьбѣ за существованіе, ибо нужно уже замѣтное преимущество въ густотѣ шерсти, чтобы дать одному животному лучшую защиту отъ холода, чѣмъ другому, и тѣмъ обусловить естественный отборъ. Это, во всякомъ случаѣ, интересное возраженіе, обстоятельно изложенное въ книгѣ Данилевскаго, принадлежитъ, однако, не ему, а какъ онъ самъ добросовѣстно указываетъ, англійскому зоологу Миворту.

Но допустимъ даже, что критическое изслѣдованіе дарвинизма обильно совершенно оригинальными и новыми возраженіями. Во всякомъ случаѣ, далѣе *отрицательной* критики, далѣе *разрушенія чужой теоріи*, русскій мыслитель не пошелъ. Никакой даже попытки объяснить положительнымъ образомъ происхожденіе растительныхъ и животныхъ видовъ онъ не сдѣлалъ. Если объ особомъ характерѣ грядущей славянской науки судить по важнѣйшему ученому труду главнаго провозвѣстника этой науки, то ея самобытное дѣло будетъ состоять только въ разрушеніи научныхъ построеній Европы, а рѣшеніе положительныхъ задачъ знанія придется, вѣроятно, предоставить неграмъ, папуасамъ и другимъ подобнымъ „культурно-историческимъ типамъ“.

Но прежде, чѣмъ примириться съ такою печальною перспективой, не слѣдуетъ ли еще поискать положительныхъ задатковъ научной славянской самобытности у Н. Н. Страхова, выступившаго такъ рѣшительно съ *борьбою противъ Запада въ русской*

¹⁾ Одинъ довольно обширный отрывокъ изъ этой части („О выраженіи ощущеній“) былъ потомъ напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и вполне подтверждаетъ мое заключеніе.

литературь? „Требуется собственно,—говоритъ авторъ въ предисловіи къ этой книгѣ,—измѣнить характеръ нашего просвѣщенія, внести въ него другія основы, другой духъ“. И далѣе: „Намъ предстоитъ совершить критику началъ, господствующихъ въ европейской жизни, и привести къ сознанию другія, лучшія“. И еще: „отъ насъ нужно ожидать приведенія къ сознанию другихъ началъ, спасительныхъ и животворныхъ“. — *Какія* это начала—авторъ не объявляетъ, но по крайней мѣрѣ указываетъ, гдѣ ихъ нужно взять: „русскій народъ,—говоритъ онъ,—постоянно жилъ и живетъ въ нѣкоторой духовной области, въ которой видитъ свою истинную родину, свой высшій интересъ. Вотъ изъ какого строя жизни намъ нужно почерпать и уяснять себѣ начала для пониманія человѣческой жизни и отношеній между людьми,—начала, которыми долженъ быть внесенъ лучшій смыслъ въ науки нравственнаго міра, въ исторію, въ науку права, въ политическую экономію“.

Поставивъ такую задачу, почтенный авторъ (послѣ обширной и весьма интересной статьи о Герценѣ, наполненной выписками изъ разныхъ сочиненій этого писателя) вступаетъ въ борьбу съ Миллемъ, съ парижскою коммуной, съ Ренаномъ и Штраусомъ, съ Фейербахомъ, Дарвиномъ, Целлеромъ, со спиритизмомъ и нигилизмомъ. Все это (за исключеніемъ послѣдняго) несомнѣнно принадлежитъ западному міру; но все-таки борьбы съ Западомъ мы здѣсь не видимъ. И это не потому, чтобы для такой борьбы требовалось взять всю совокупность духовныхъ началъ, опредѣляющихъ жизнь и мысль Запада: авторъ имѣлъ право ограничиться и тѣми явленіями и дѣятелями, въ которыхъ онъ видѣлъ окончательные результаты западнаго развитія. Противъ этого можно было бы спорить, но нельзя было бы обвинять автора за излишнюю притязательность. Онъ могъ бы даже удовольствоваться и меньшимъ числомъ объективовъ для своей борьбы противъ Запада, но бороться-то необходимо было не западнымъ оружіемъ, нѣ подъ европейскимъ знаменемъ. Еслибы, напримѣръ, кто-нибудь сталъ возражать противъ философскихъ идей Гегеля на основаніи философскихъ идей Шопенгауэра,—можно ли было бы это назвать борьбою противъ нѣмецкой философіи? Сказанное авторомъ въ предисловіи заставляетъ предполагать, что у него есть особое самобытно-русское, или восточное, знамя, но онъ его не развертываетъ до самаго конца борьбы, и что на этомъ знамени написано, такъ и остается неизвѣстнымъ. А развернуть его слѣдовало бы уже при первой аванпостной стычкѣ съ отрядомъ Джона Стюарта Милля. — Труды этого писателя принадлежатъ именно къ тѣмъ „наукамъ нравственнаго міра“, въ которыя, по

словамъ Н. Н. Страхова, долженъ быть внесенъ „лучшій смыслъ“ чрезъ начала, взятыхъ изъ „нѣкоторой духовной области“, гдѣ постоянно жилъ и живетъ русскій народъ какъ въ своей истинной родинѣ. Чѣмъ менѣе ясно для насъ это требованіе, тѣмъ интереснѣе было бы видѣть образчикъ его исполненія въ русской критикѣ англійскихъ идей. Но ничего такого въ статьѣ о Миллѣ мы не находимъ. Авторъ „борьбы“ довольно тонко и остроумно разбираетъ нѣкоторые взгляды знаменитаго англичанина, но въ сущности не говоритъ ничего такого, чего бы не могъ сказать любой толковый европеецъ изъ противнаго Миллю политическаго и научнаго лагеря.

Точно то же повторяется и при всѣхъ прочихъ столкновеніяхъ русскаго критика съ представителями западной мысли... Н. Н. Страховъ справедливо недоволенъ, на примѣръ, взглядами Ренана и Штрауса на евангеліе и христіанство. Но вѣдь не менѣе его недоволено этими взглядами множество протестантскихъ и католическихъ богослововъ, съ большою энергіею и трудолюбіемъ борющихся противъ отрицательной критики. Если нашъ авторъ отвергаетъ нѣмецкую и французскую „Жизнь Іисуса“ на одинаковыхъ основаніяхъ съ западными богословами, то приче́мъ же тутъ борьба съ Западомъ? Если же онъ равно недоволенъ и отрицателями, и защитниками евангелія на Западѣ, то почему-жъ бы ему не высказать прямо своего положительнаго взгляда на христіанство, взятаго изъ той духовной области, въ которой постоянно жилъ и живетъ русскій народъ?

Но всего менѣе соответствуетъ заглавію: „Борьба съ Западомъ“, та часть сборника, которой авторъ придавалъ, повидимому, наибольшее значеніе, такъ какъ онъ потомъ распространилъ ее и выдѣлилъ въ особую книжку: „О вѣчныхъ истинахъ“. Первоначально же это была статья о *спиритизмѣ*. Спиритизмъ, къ которому нашъ авторъ относится безусловно отрицательно, есть несомнѣнно явленіе западное. Но что же такое тѣ вѣчныя истины, которыми нашъ авторъ поражаетъ это западное заблужденіе, и откуда онъ ихъ взялъ? Спиритизмъ, затрогивая науку и философію, весьма близко касается и религіи, и тутъ всего умѣстнѣе было бы обратиться къ той „духовной области“, въ которой русскій народъ видитъ свою истинную родину“, т.-е., проще говоря, къ области религіозныхъ вѣрованій русскаго народа. Тамъ навѣрное нашлись бы „вѣчныя истины“ и для объясненія, и для опроверженія спиритизма. Но вмѣсто того оказывается, что „вѣчныя истины“ г. Страхова суть не что иное, какъ основныя положенія физико-математиче-

свихъ наукъ въ томъ безусловномъ и безпредѣльномъ значеніи, которое они получаютъ отъ таеъ - называемаго *механическаго міровоззрѣнія*. Научныя истины физики и механики, въ особенности же философскіе принципы механическаго міровоззрѣнія, суть всецѣло и исключительно порожденія западнаго умственнаго развитія: ни на Востокѣ, ни въ „истинной родинѣ русскаго народа“, мы такихъ „началь“ не отыщемъ. Зачѣмъ же было говорить о необходимости измѣнить характеръ нашего просвѣщенія, совершить критику господствующихъ въ Европѣ началь, привести къ сознанію другія, лучшія, — зачѣмъ все это, когда и „худшія“ начала современнаго европейскаго просвѣщенія оказываются вполне пригодными для высокаго званія *спычныхъ истинъ*?

Цѣня болѣе чѣмъ кто-либо тонкій умъ и литературное дарованіе Н. Н. Страхова, я никакъ не могу, однако, признать борьбу его съ спиритизмомъ ни правильною, ни побѣдоносною. Истины механики и физики суть непреложные законы въ порядкѣ матеріальныхъ *явленій*; но распространяемость этихъ законовъ на область дѣйствующихъ *причинъ*, ихъ безусловное значеніе для всѣхъ возможныхъ порядковъ бытія, — это есть вопросъ философскаго умозрѣнія, а не истина положительной науки. Маятникъ качается по строго-опредѣленнымъ законамъ механики; но признавать далѣе, что и остановленъ, и приведенъ въ движеніе маятникъ можетъ быть исключительно только механическою причиною — значить изъ области научной механики переступать на почву той умозрительной системы, для которой и человекъ, нарочно останавливающий маятникъ по какимъ-нибудь психическимъ побужденіямъ, есть въ сущности не болѣе какъ механической автоматъ. Многіе ученые люди именно такъ и думаютъ, но и сомнѣваться въ этомъ еще не значить быть невѣждой, — это еще не равносильно отреченію отъ науки и измѣнѣ вѣчнымъ ея истинамъ. Механическое міровоззрѣніе, безспорно, есть одно изъ самыхъ характерныхъ явленій западнаго умственнаго движенія (гораздо болѣе, характерное, чѣмъ спиритизмъ). Однако, научная мысль Запада далеко не исчерпывается этимъ міровоззрѣніемъ, которое многими первостепенными представителями европейской науки и философіи считается крайностью и заблужденіемъ. Итакъ, почтенный авторъ „Борьбы съ Западомъ“, въ вопросѣ столь важномъ и повидимому особенно близкомъ его уму и сердцу, является не только *западникомъ*, но еще западникомъ *крайнимъ и одностороннимъ*.

Вообще же, если у нашихъ противниковъ Европы отобрать

все, по праву принадлежащее идеямъ европейскаго просвѣщенія, то на долю славянской самобытности съ ея „лучшими началами“ останутся только хотя и чрезвычайно великія, но совершенно пустыя и ничѣмъ неоправданныя претензіи.

Мнѣ нѣтъ надобности сколько-нибудь смягчать это заключеніе. Увѣренность моя въ его истинѣ, сверхъ очевидности самого дѣла, опирается еще на свидѣтельство двухъ авторитетовъ, въ высочайшей степени компетентныхъ по этому вопросу. — „Словомъ двухъ или трехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь“. — До сихъ поръ я говорилъ одинъ — къ соблазну многихъ. Сейчасъ насъ будетъ трое, и читатель услышитъ мой приговоръ надъ притязаніями Данилевскаго и г. Страхова — изъ устъ самого г. Страхова и самого Данилевскаго.

Х.

— „Увы! Въ исторіи нашего литературнаго и умственнаго движенія нѣтъ ничего печальнѣе судьбы славянофильства, и такой долговременный опытъ невольно приводитъ къ заключенію, что и впереди этому ученію предстоятъ однѣ горькія неудачи“¹⁾. — „Ни одна изъ надеждъ, ни одно изъ задушевныхъ желаній“ — славянофиловъ — „не имѣетъ впереди себя яснаго будущаго. Церковь осталась въ томъ же своемъ положеніи; укрѣпленіе и развитіе ея внутренней жизни по прежнему идетъ шатко и медленно, и невозможно предвидѣть, откуда явится поворотъ къ лучшему. Славянскія дѣла ясно свидѣтельствуютъ, что духовное значеніе Россіи не развилось. Послѣ подвиговъ, достойныхъ Аннибала или Александра Македонскаго, мы вдругъ съ сокрушеніемъ видимъ, что старанія иностранцевъ и ихъ политическое и культурное вліяніе берутъ верхъ надъ тою связью по крови, по вѣрѣ и по исторіи, которая соединяетъ насъ со славянами. Но вѣдь весь узелъ славянскаго вопроса заключается именно въ нашей культурѣ, и если самобытныя духовныя и историческія силы наши не развиваются, если наша религіозная, политическая, умственная и художественная жизнь не растетъ такъ, чтобы соперничать съ развитіемъ западной культуры, то мы неизбѣжно должны отступить для славянъ на задній планъ, сколько бы мы крови ни проливали. Какая же для насъ надежда въ этой борьбѣ?

¹⁾ Н. Страховъ, „Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ“, кн. I (изд. 2), стр. 466.

Становясь грудью за единовѣрцевъ мы должны спрашивать себя: не убываетъ ли и въ насъ, и въ нихъ, та вѣра, въ которой весь смыслъ дѣла, и внѣ которой безплодны всякіе подвиги? Такъ точно мы должны спросить себя и о всякой другой чертѣ нашей духовной связи со славянами. И если такъ, то развѣ возможно теперь глядѣть впередъ безъ унынія и боязни?¹⁾

Признанія эти многозначительны, хотя, повидимому, г. Страховъ самъ не вполне усматриваетъ всей силы произносимаго имъ приговора: придя въ заключенію, что славянофильству и впереди предстоятъ однѣ только неудачи, онъ смущается и унываетъ только за насъ, а само славянофильство остается для него въ своемъ прежнемъ ореолѣ. Вотъ странное недоразумѣніе, котораго мы не ожидали отъ такого пронизательнаго ума! Какъ будто славянофильство есть какая-нибудь умозрительная система, философская или хотя бы религиозная, внутренняя истинность которой нисколько не зависитъ отъ ея реальнаго осуществленія, отъ ея вѣшней удачи. Но вѣдь славянофильство есть только систематическая форма нашего *націонализма*, и вся сущность его состоитъ именно только въ утвержденіи *непрерывной удачи* нашего національнаго дѣла. Если же, какъ не безъ основанія предвидитъ г. Страховъ, мы никогда не сумѣемъ совершить тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя намъ сулили славянофилы, то что же остается отъ самого славянофильства? Вѣдь и оно этихъ великихъ дѣлъ для насъ не сдѣлало, а только *возвѣщало* ихъ, и *возвѣщало*,—какъ признается г. Страховъ, — *ложно*. А между тѣмъ, указывая на эту ложность, почтенный авторъ „Борьбы“ продолжаетъ считать славянофильское ученіе неприкосновеннымъ и ставить его на высокій пьедесталъ для посрамленія современной Россіи. Онъ разсуждаетъ такъ: мы оказываемся духовно-слабыми и для всемірныхъ дѣлъ непригодными,—слѣдовательно намъ должно быть стыдно передъ славянофилами, которые такъ на насъ уповали. Но не правильнѣе ли будетъ обернуть заключеніе: мы оказались духовно-слабыми и несостоятельными для великихъ дѣлъ *къ стыду славянофильства*, которое понапрасну и неосновательно надѣялось на наши мнимыя силы и на нихъ однѣхъ возлагало судьбы вселенной, вмѣсто того, чтобы искать болѣе широкой и прочной опоры?

Я не говорю лично о старыхъ славянофилахъ: ихъ заблужденіе вообще было искреннимъ и горячимъ увлеченіемъ, и заслуживаетъ болѣе сожалѣнія, нежели упрека. Но нельзя же, однако,

¹⁾ Тамъ же, стр. 471—2.

въ одно и то же время благоговѣнно преклоняться передъ „ученіемъ“ славянофильства и его „великою идеей“ — и тутъ же объявлять, что эта великая идея оказалась — пустою претензіей.

Въ иномъ тонѣ звучитъ *посмертный* голосъ Н. Я. Данилевскаго. Только-что вышедшее третье изданіе „Россіи и Европы“ содержитъ въ себѣ довольно много примѣчаній и оговорокъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ этой книги, и глубокое разочарованіе автора выражается иногда въ такихъ словахъ: „*все написанное мною здѣсь — ездора*“¹⁾. Естествоиспытатель по призванію и эмпирикъ по складу ума, покойный Данилевскій видѣлъ и въ своихъ мечтаніяхъ о грядущихъ великихъ судьбахъ Россіи и славянства научную гипотезу, которая должна быть провѣрена *опытомъ*. Онъ писалъ свою книгу въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, и въ будущей войнѣ изъ-за восточнаго вопроса ожидалъ увидѣть тотъ грозный опытъ исторіи, который долженъ былъ оправдать его воззрѣнія и дать намъ спасительные уроки²⁾. „Восточный вопросъ, — писалъ онъ, — не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые подлежатъ рѣшенію дипломатіи. Мелкую, текущую дребедень событій предоставляетъ исторія канцелярскому производству дипломатіи; но свои великія вселенскія рѣшенія, которыя становятся закономъ жизни народовъ на цѣлые вѣка, провозглашаетъ она сама безъ всякихъ (?) посредниковъ, окруженная громами и молніей, какъ Саваоѣ съ вершины Синая“³⁾. — Грозный опытъ исторіи, котораго съ такою увѣренностью ждалъ Данилевскій, совершился на нашихъ же глазахъ. Громовъ и молній было довольно на Балканахъ, но „Синай“ нашъ оказался въ Берлинѣ. Исторія не обошлась безъ „посредниковъ“ и даже безъ „канцелярскаго производства дипломатіи“. Конечно, Данилевскій не могъ признать въ берлинскомъ трактатѣ великаго вселенскаго рѣшенія исторіи, обязательнаго для народной жизни на цѣлые вѣка; но еще менѣе возможно было отнести войну и миръ 1877—78 гг. къ „мелкой, текущей дребедени событій“. Опытъ во всякомъ случаѣ оказался неудачнымъ, а до другого было далеко. И въ этой внѣшней политической неудачѣ Данилевскій не могъ утѣшаться мыслию о нашемъ внутреннемъ преуспѣяніи. Обнаруженіе нашего духовнаго и культурнаго безсилія было столь же очевидно для него, какъ и для г. Страхова. И вотъ, перечитывая самъ то мѣсто своей книги, гдѣ онъ говорилъ, что борьба изъ-за Царьграда можетъ быть устранена или добровольной уступкой со стороны Европы всѣмъ нашимъ

¹⁾ „Россія и Европа“. Спб. 1888 г., изд. 3-е, стр. 300.

²⁾ Тамъ же, 324.

³⁾ Тамъ же, 325.

требованіямъ, „или если Россія, какъ говорятъ враги ея, дѣйствительно оважется—

„Больной, разслабленный колоссъ“...

— Данилевскій приписалъ на поляхъ: „Увы! начинается оказываться“¹⁾.

Въ началѣ своей „Россіи и Европы“ Данилевскій поставилъ вопросъ: почему Европа такъ не любитъ Россію?—Отвѣтъ его извѣстенъ:—Европа, думаетъ онъ, боится насъ какъ новаго и высшаго культурно-историческаго типа, призваннаго смѣнить дряхлѣющій міръ романо-германской цивилизаціи. Между тѣмъ, и самое содержаніе книги Данилевскаго, и послѣдующія признанія его и его единомышленника наводятъ, кажется, на другой отвѣтъ. Европа съ враждою и опасеніемъ смотритъ на насъ потому, что при темной и загадочной стихійной мощи русскаго народа, при скудости и несостоятельности нашихъ духовныхъ и культурныхъ силъ, притязанія наши и явны, и опредѣленны, и велики. Въ Европѣ громче всего раздаются крики нашего „націонализма“, который хочетъ разрушить Турцію, разрушить Австрію, разгромить Германію, забрать Царьградъ, при случаѣ, пожалуй, и Индію. А когда спрашиваютъ насъ, чѣмъ же мы—взаимнѣ забраннаго и разрушеннаго—одаримъ человѣчество, какія духовныя и культурныя начала внесемъ въ всемірную исторію,—то приходится или молчать, или говорить безсмысленныя фразы.

Но если справедливо горькое признаніе Данилевскаго, что Россія „начинаетъ оказываться больнымъ, разслабленнымъ колоссомъ“, то вмѣсто вопроса: почему Европа насъ не любитъ,—слѣдовало бы заняться другимъ, болѣе близкимъ и важнымъ вопросомъ: чѣмъ и почему мы больны? Физически Россія еще довольно крѣпка, какъ это обнаружилось въ ту же послѣднюю Восточную войну. Значитъ, недугъ нашъ нравственный: надъ нами тяготѣютъ, по выраженію одного стараго писателя, „грѣхи народныя и несознанныя“. Вотъ чтд прежде всего требуется привести въ ясное сознаніе. Пока мы нравственно связаны и парализованы, всякія наши собственныя стихійныя силы могутъ быть намъ только во вредъ. Самый существенный, даже единственно существенный вопросъ для истиннаго, зрячаго патріотизма есть вопросъ не о силѣ и призваніи, а о „грѣхахъ Россіи“.

Владиміръ Соловьевъ.

¹⁾ Тамъ же, 474—5.

РУССКОЕ СУДЕБНОЕ КРАСНОРЪЧІЕ

— А. Θ. Кони, Судебныя рѣчи (1868—88). С.-Петербургъ, 1888.

Русское судебное краснорѣчіе—растеніе очень молодое; ему нѣтъ еще и двадцати-пяти лѣтъ. Оно можетъ быть названо *proles sine matre creata*—или, въ вольномъ русскомъ переводѣ, „не-помнящимъ родства“. Никакихъ корней въ ближайшемъ нашемъ прошедшемъ—прошедшемъ, измѣряемомъ вѣками—оно не имѣеть. Со времени закрытія псковскаго вѣча, въ XVI-мъ вѣкѣ, со времени окончательнаго торжества письменности въ судебномъ процессѣ, русскому человѣку негдѣ было упражняться въ публичной рѣчи; даже въ тѣсныхъ, сравнительно, кружкахъ все рѣже и рѣже раздавалось свободное, громкое слово. Существовало, правда, такъ-называемое духовное краснорѣчіе—но оно было 'удѣломъ' столь незначительнаго меньшинства (не даромъ же всѣ наши знаменитые проповѣдники стояли на верхнихъ ступеняхъ церковной іерархіи) и отличалось такою своеобразностью содержанія и формы, что о вліяніи его за предѣлами небольшой, тѣсной сферы не могло быть и рѣчи. Въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія къ церковной каеедрѣ присоединяется университетская; краснорѣчіе, въ устахъ профессора, становится могучимъ орудіемъ дѣйствія на слушателей—но оно рѣдко выходитъ изъ стѣнъ аудиторіи и уже поэтому одному не кладетъ основанія ораторскому искусству. Возможнымъ и способнымъ къ развитію это искусство становится у насъ только благодаря двумъ великимъ

реформамъ прошедшаго царствованія—судебной и земской. Мы знаемъ о немъ до сихъ поръ, по правдѣ сказать, очень мало. Рѣчи, произнесенныя въ земскихъ собраніяхъ, не попадаютъ въ печать почти никогда; обвинительныя и защитительныя рѣчи печатаются, цѣликомъ, весьма рѣдко. Въ первое время послѣ открытія новыхъ судовъ у насъ существовала ежедневная судебная газета, воспроизводившая на своихъ столбцахъ всѣ подробности сколько-нибудь выдающихся процессовъ; теперь давно уже нѣтъ ничего подобнаго, и въ газетныхъ отчетахъ о судебныхъ засѣданіяхъ всего меньше мѣста отводится именно судебнымъ преніямъ. Одного печатанія въ газетахъ недостаточно еще, впрочемъ, для того, чтобы судебныя рѣчи могли стать предметомъ систематическаго изученія; необходимо, чтобы наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ были издаваемы въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается за границей. Система изданія можетъ быть двоякая: сборники могутъ заключать въ себѣ либо цѣлыя судебныя дѣла, либо рѣчи одного и того же оратора, выдѣленные изъ процессовъ, по которымъ онѣ были сказаны. Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои удобства и свои неудобства. Первый изъ нихъ лучше знакомить съ *дѣломъ*, второй—съ *ораторомъ*; съ помощью перваго легче составить себѣ понятіе о судебныхъ нравахъ, о соотношеніи между теоріей и практикой судопроизводства, о взаимодѣйствіи силъ, участвующихъ въ отправленіи правосудія; съ помощью втораго легче опредѣлить особенности судебного краснорѣчія, какимъ оно выработалось на данной почвѣ, и различить главныя его формы. Сборниковъ перваго рода у насъ не появлялось уже весьма давно, со времени изданій г. Любавскаго; сборникъ втораго рода мы имѣли до сихъ поръ только одинъ—„За много лѣтъ“, В. Д. Спасовича, да и онъ обнимаетъ только первые годы дѣятельности оратора. Тѣмъ болѣе цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы являются „Судебныя рѣчи“ А. Θ. Кони. Захватывая почти весь промежутокъ времени, истекшій послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, онѣ даютъ намъ образцы трехъ различныхъ видовъ ораторскаго искусства; рядомъ съ обвинительными рѣчами мы находимъ здѣсь и предсѣдательскія *résumés*, и кассационныя заключенія. Еще богаче и разнообразнѣе содержаніе сборника. Черезъ руки А. Θ. Кони—въ особенности когда онъ былъ прокуроромъ петербургскаго окружнаго суда (1871—75), прошло множество дѣлъ первостепенной важности, первостепеннаго интереса, не только юридическаго, но и бытового. Съ этой точки зрѣнія книга А. Θ. Кони можетъ быть рассматриваема какъ вкладъ въ исто-

рію современнаго общества; но мы будемъ искать въ ней прежде всего и больше всего матеріаловъ для характеристики русскаго судебного краснорѣчія—и одного изъ лучшихъ его представителей.

Гдѣ существуетъ обвинительный процессъ и обвиненіе сосредоточивается въ рукахъ особой корпораціи, облеченной властью, тамъ почти всегда вырабатывается типъ обвинителя *par excellence* — суроваго, подозрительнаго, настаивающаго на обвиненіи со всею страстностью борца, со всею непреклонностью фанатика. Въ подсудимомъ такой обвинитель видитъ личнаго врага, въ защитникѣ — безповойнаго, опаснаго челоѣка, въ судьяхъ — недостаточно усердныхъ союзниковъ, въ присяжныхъ — жалкихъ профановъ, которыхъ необходимо взять на буксирь, подчинить своей власти, лишить способности противорѣчія и противодѣйствія. Свидѣтели и эксперты—это, смотря по обстоятельствамъ, или добрые друзья, которыхъ нужно поддержать во что бы ни стало, убѣлить паче снѣга, возвысить надъ всякимъ подозрѣніемъ, или зловредныя, темныя силы, подлежащія разсѣянію и разгрому. Въ активъ обвиненія поспѣшно и неупустительно вносится все то, что только можетъ быть истолковано—или перетолковано—во вредъ подсудимому: его молчаніе или его болтливость, его смущеніе или его спокойствіе, его слезы или его улыбки, подробность или лаконичность свидѣтельскихъ показаній, самоувѣренный или робкій ихъ тонъ, нерѣшительность или категоричность экспертизы—однимъ словомъ, всѣ эпизоды, всѣ инциденты, всѣ краски и тѣни судебного слѣдствія... Во всей своей опредѣленности и полнотѣ этотъ типъ, безъ сомнѣнія, встрѣчается не часто, даже во Франціи, которая можетъ считаться настоящей его родиной; но влияніе его распространяется далеко въ ширь и глубь, отличительныя его черты повторяются въ безконечномъ разнообразіи оттѣнговъ, въ безчисленномъ множествѣ комбинацій. Съ французской почвы онъ могъ, повидимому, весьма легко перейти и въ Россію, когда у насъ создавался вновь институтъ государственнаго обвиненія—создавался, можно сказать, изъ ничего, по образцамъ преимущественно французскимъ. Отсутствие собственныхъ преданій и привычекъ легко, повидимому, могло открыть доступъ чужимъ, наиболѣе намъ знакомымъ; къ ви́шнему сходству легко могло присоединиться внутреннее. Если на самомъ дѣлѣ случилось иначе, то этому не мало способствовалъ примѣръ А. Ө. Кони.

Посмотримъ, какъ относится нашъ обвинитель къ своимъ „есте-

ственнымъ противникамъ“ и „естественнымъ союзникамъ“ — къ подсудимому, къ защитнику, къ гражданскому истцу, къ свидѣтелямъ и экспертамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что убѣжденіе присяжныхъ слагается не только подъ вліяніемъ крупныхъ фактовъ, составляющихъ самую суть процесса, но и подъ вліяніемъ мелкихъ, едва уловимыхъ впечатлѣній, выносимыхъ ими изъ всего происходящаго передъ ихъ глазами. Источникомъ такихъ впечатлѣній служить, между прочимъ, поведеніе подсудимаго во время судебного слѣдствія и судебныхъ преній. Присяжные не только вслушиваются и вдумываются въ объясненія подсудимаго, — они слѣдятъ за движеніями его лица, за выраженіемъ его взглядовъ, за тономъ его голоса, за каждымъ его жестомъ, и выводятъ изъ всего этого, помимо или даже противъ воли, непрерывный рядъ заключеній, глубоко западающихъ въ память. Само собою разумѣется, что матеріалъ, добываемый такимъ путемъ, не отличается достовѣрностью и легко можетъ стать поводомъ къ ошибкѣ. Не всякому присяжному дана способность фیزیонмиста — да и самымъ искуснымъ фیزیонмистамъ далеко не всегда свойственна непогрѣшимость. Краску негодованія, вызываемаго незаслуженнымъ подозрѣніемъ, нетрудно принять за краску раскаянія или стыда; напускная смѣлость, прикрывающая тяжкую внутреннюю борьбу, можетъ показаться наглостью; спокойствіе, поддерживаемое цѣною величайшихъ усилій — хладнокровіемъ закоренѣлаго преступника. Въ интересахъ правосудія значеніе всѣхъ этихъ внѣшнихъ признаковъ должно быть не преувеличиваемо, а сводимо къ наименьшимъ размѣрамъ; присяжныхъ необходимо предостерегать противъ смутныхъ, неопредѣленныхъ впечатлѣній, а отнюдь не увѣрять, что въ этихъ-то впечатлѣніяхъ и заключается истина. Обвинитель *quand-tѣте*, подмѣтившій въ словахъ или дѣйствіяхъ подсудимаго кое-что несочувственное присяжнымъ, не преминетъ подчеркнуть эту черту, выставить ее въ возможно-яркомъ свѣтѣ; обвинитель-индифферентъ или рутинеръ пройдетъ ее молчаніемъ, весьма довольный, что она подѣйствовала на присяжныхъ — и только обвинитель, глубоко проникнутый сознаніемъ долга, постарается изгладить ее изъ памяти присяжныхъ. Именно такъ поступаетъ А. Э. Кони. Въ обвинительной рѣчи по дѣлу Емельянова онъ возводитъ въ принципъ, что „поведеніе подсудимаго на судѣ не должно быть предметомъ оцѣнки и обсужденія“, — а между тѣмъ въ данномъ случаѣ подсудимый держалъ себя такъ, что легко могъ возбудить противъ себя предубѣжденіе присяжныхъ. Въ дѣлѣ Штрама обвинитель идетъ еще дальше, прямо обращая въ пользу подсудимаго опасный для него эпизодъ

судебнаго слѣдствія. „Подсудимый,—читаемъ мы въ обвинительной рѣчи по этому дѣлу,—человѣкъ молодой, у котораго, несомнѣнно, еще не заглохли человѣческія чувства; повязанія свидѣтеля Бремера именно указываютъ на эту сторону его характера. *Хотя онъ и слушалъ его показаніе съ усмѣшкой, но я не придаю этому никакого значенія*; эта усмѣшка—наслѣдіе грязнаго кружка, гдѣ вращался подсудимый, но не выраженіе его душевнаго настроенія. Въ его лѣта ему думается, конечно, что въ этомъ выражается извѣстная молодцоватость; мнѣ, моль, все ни по чемъ—а въ то же время, быть можетъ, сердце его дрожить, когда добрый старикъ и передъ сваемью подсудимыхъ говоритъ свое теплое о немъ слово“. Если такова была аргументація *обвинителя*, то неудивительно, что въ одномъ изъ *предсѣдательскихъ résumés* А. Θ. Кони (по дѣлу Маргариты Жюжанъ) мы находимъ слѣдующія, глубоко вѣрныя соображенія: „душевное настроеніе обвиняемаго—это скользкая почва, на которой возможны весьма ошибочные выводы. Лучше не ступать на эту почву, на ней нѣтъ ничего безспорнаго... Законовъ для выраженія горя не существуетъ. Горе и радость, больше чѣмъ всѣ другія душевныя настроенія и порывы, не подходятъ подъ какія-либо психологическія правила. Все зависитъ отъ личныхъ свойствъ, отъ темперамента, отъ нервности, отъ обстановки, отъ впечатлительности. Одного горе поражаетъ сразу и *отпускаетъ* по-немножку; другіе его принимаютъ бодро и холодно, но хранятъ его въ душѣ, какъ вино, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ старше. Отъ одного и того же нравственнаго удара одинъ человѣкъ застываетъ и, уходя въ себя, не въ силахъ даже облегчить себя слезами, тогда какъ другой разливается рѣвою слезъ“. Правда, эти слова относятся къ поведенію подсудимаго не на судѣ, а вслѣдъ за событіемъ преступленія; но они вполне примѣнимы и къ первому случаю, потому что касаются выраженія чувствъ, часто волнующихъ обвиняемаго во время судебного засѣданія. Если уликой противъ обвиняемаго выставляется, сплошь и рядомъ, душевная тревога, замѣченная въ немъ при первой вѣсти объ убійствѣ, то такое же значеніе придается иногда и безпокойству, овладѣвающему имъ при чтеніи обвинительнаго акта, при всякомъ напоминаніи или распросѣ о жертвѣ преступленія. Протестуя противъ одного изъ этихъ пріемовъ, А. Θ. Кони протестовалъ, тѣмъ самымъ, и противъ другого.

Основное начало, справедливое по отношенію къ подсудимому, распространяется съ тою же силой и на свидѣтелей. „Если мы будемъ опредѣлять достовѣрность (свидѣтельскаго) показанія,—за-

мѣчаетъ А. Ө. Кони въ обвинительной рѣчи по дѣлу Емельянова, — тѣмъ, *какъ* человѣкъ говорить, *какъ* онъ держитъ себя на судѣ, то очень часто примемъ показанія вполне достовѣрныя за ложныя, и наоборотъ, примемъ оболочку показанія за его сущность, за его сердцевину. Поэтому надо оцѣнить показаніе по его внутреннему достоинству. Если оно дано непринужденно, безъ посторонняго давленія, если оно дано безъ всякаго стремленія къ нанесенію вреда другому, и если затѣмъ оно подкрѣпляется обстоятельствами дѣла и бытовою житейскою обстановкою тѣхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, то оно должно быть признано показаніемъ справедливымъ. Могутъ быть невѣрны детали, архитектурныя украшенія, — мы ихъ отбросимъ, — но тѣмъ не менѣе останется основная масса, тотъ камень, фундаментъ, на которомъ зиждутся эти ненужныя, неправильныя подробности“. Правило, выраженному въ этихъ словахъ, А. Ө. Кони слѣдуетъ и тогда, когда для обвиненія выгоднѣе было бы забыть его, перейти на сторону противоположнаго взгляда. Онъ не цѣпляется во что бы то ни стало за свидѣтелей обвиненія, не старается выставить ихъ другими, лучшими, чѣмъ они являются въ дѣйствительности. О главной свидѣтельницѣ противъ Емельянова онъ отзывался такъ: „было бы странно скрывать отъ себя и *недостойно умалчивать* передъ вами, что личность ея не производитъ симпатичнаго впечатлѣнія и что даже взятая внѣ обстоятельствъ этого дѣла, сама по себѣ, она едва ли привлекла бы къ себѣ наше сочувствіе“. Отъ сомнительныхъ свидѣтелей обвиненія онъ готовъ отказаться совершенно, лишь бы только не быть вынужденнымъ защищать ихъ противъ убѣжденія. По дѣлу Мясниковыхъ, на примѣръ, онъ выкидываетъ за бортъ, „оставляетъ за штатомъ“ нѣсколькихъ свидѣтелей, показанія которыхъ составляли одну изъ главныхъ опоръ обвинительнаго акта. Онъ отказывается и отъ союза съ гражданскимъ истцомъ, если не можетъ, по совѣсти, идти съ нимъ рука объ руку. Вотъ чтó онъ говоритъ объ Ижболдинѣ, гражданскомъ истцѣ по дѣлу Мясниковыхъ. „Въ Петербургъ онъ прибылъ человекомъ новымъ, робкимъ провинціаломъ. Когда онъ прибылъ сюда, на нашемъ общественномъ горизонтѣ еще не сіяло солнце судебныхъ уставовъ, а во тѣмъ судебныхъ канцеляріи царствовали еще старинныя порядки, и тайна дѣлопроизводства давала нерѣдко возможность разнымъ мелкимъ ходатаямъ, темнымъ и неизвѣстнымъ личностямъ, направлять дѣла въ своихъ собственныхъ, личныхъ интересахъ, иногда въ явный ущербъ правосудію. Ижболдинъ рассчитывалъ получить большое наслѣдство, но самъ хорошо не понималъ, въ какомъ положеніи находится его дѣло. На этого

человѣка набросилась цѣлая ватага мелкихъ ходатаевъ. Эти повѣренные, почувшій богатого наслѣдника, принялись его обдѣлывать, взяли его въ свои нечистоплотныя руки и стали его стричь, въ надеждѣ получить впослѣдствіи за труды свои золотое руно, котораго хватить на всѣхъ. Эти новые аргонавты испортили дѣло въ самомъ началѣ; они стали дѣйствовать помимо судебной власти, и притомъ крайне неловко, и вслѣдствіе ихъ неумѣлыхъ дѣйствій явились передъ вами показанія цѣлой массы свидѣтелей, которые, ничего не объясняя, бросають, вмѣстѣ съ тѣмъ, на все нѣкоторый, довольно непривлекательный колоритъ". Свидѣтелей, выгодныхъ для защиты, А. Θ. Кони не стремится очернить, замарать, нравственно уничтожить. Онъ всегда готовъ объяснить въ хорошую сторону даже противорѣчія ихъ или недомолвки. Въ дѣлѣ Дорошенко нѣкоторые свидѣтели—бывшіе слуги обвиняемаго—старались, по возможности, ступевать обстоятельства, для него неблагоприятныя. Вмѣсто того, чтобы разразиться противъ нихъ молніями и громомъ, обвинитель находитъ для нихъ извиненіе въ лучшихъ свойствахъ ихъ натуры. „Это все русскіе люди,—говоритъ онъ,—люди уступчивые, снисходительные. Дорошенко обходился съ ними ласково, быть можетъ дарилъ имъ что-нибудь—а русскій человѣкъ добро помнить, и вотъ, явилась въ ихъ показаніяхъ мягкость выраженій и нѣкоторая уклончивость". Одна изъ главныхъ свидѣтельницъ по дѣлу Мясниковыхъ, Бѣляева, была спрошена на предварительномъ слѣдствіи сначала какъ свидѣтельница, потомъ какъ обвиняемая. На судѣ она заявила, что привлеченіе ея къ дѣлу въ качествѣ обвиняемой сильно ее напугало и что показанія, данныя ею въ это время, носятъ на себѣ слѣды ея ненормальнаго душевнаго настроенія. Обвинитель вѣрить этому заявленію—и ссылается только на показанія, данныя Бѣляевою въ качествѣ свидѣтельницы.

Такою же сдержанностью отличается и отношеніе А. Θ. Кони къ экспертамъ. Даже тогда, когда экспертъ явно нарушилъ обязанности своего званія (какъ на примѣръ уѣздный врачъ Шелкуновъ—по дѣлу Дорошенко), обвинитель говоритъ о немъ съ меньшимъ ожесточеніемъ, меньшею желчностью, чѣмъ французскій прокуроръ—объ экспертѣ, виновномъ только въ разногласіи съ обвиненіемъ. Раскроемъ, на примѣръ, обвинительную рѣчь по дѣлу Лапоммере, произнесенную однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ представителей французской прокуратуры, Оскаромъ де-Валле; мы встрѣтимъ въ самомъ ея началѣ длинную діатрибу противъ эксперта (Гебера), выставленнаго защитой—діатрибу, заподозривающую не только его компетентность, но и чистоту его намѣреній. Какой кон-

трасть между этой манерой, запальчивой, рѣзкой, безъ надобности обидной, и спокойнымъ, деликатнымъ тономъ, въ которомъ возражаетъ экспертамъ А. Ѳ. Кони! Въ дѣлѣ объ убійствѣ Бѣлова самой серьезной преградой на пути къ обвинительному приговору являлось показаніе профессора судебной медицины въ казанскомъ университетѣ. Согласиться съ экспертомъ (сомпѣвавшимъ въ самомъ фактѣ насильственной смерти) обвинитель, по совѣсти, не могъ; ему нужно было оспорить и опровергнуть мнѣніе, въ ошибочности котораго онъ былъ глубоко увѣренъ—и онъ приступаетъ къ этой задачѣ *fortiter in re, suaviter in modo*. Онъ говоритъ противъ *доводовъ* профессора, сохраняя полное уваженіе къ его личности; онъ отдаетъ справедливость его опытности, его знаніямъ, признаетъ даже, что его сомнѣнія не лишены нѣкоторыхъ основаній—и сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы доказать недостаточность этихъ основаній. Намъ кажется, что таковой образъ дѣйствій имѣетъ на своей сторонѣ не только преимущество нравственной порядочности, но и преимущество цѣлесообразности. Систематически возвышать или унижать свидѣтелей и экспертовъ, смотря по тому, показываютъ ли они въ пользу обвиненія или защиты, значить рисковать потерей довѣрія со стороны присяжныхъ. Явная натянутость доводовъ, приводимыхъ съ цѣлью дискредитированія или превознесенія свидѣтелей, можетъ подорвать всѣ остальные основы обвиненія; сомнѣніе, однажды возбужденное, можетъ идти все дальше и дальше—и не остановиться даже передъ тѣмъ, чего ему не слѣдовало бы касаться. вмѣстѣ съ гнилыми подпорками легко могутъ пасть и краеугольные камни обвинительной рѣчи. На оборотъ, устранить изъ обвиненія все шаткое, колеблющееся, искусственное, значить очистить его отъ шелухи, укрѣпить дѣйствительное его зерно, существенно увеличить шансы успѣха. Само собою разумѣется, что абсолютной гарантіей побѣды сдержанность, осторожность обвинителя, какъ бы она ни была велика, служить не можетъ. Способомъ дѣйствій сторонъ исходъ процесса обуславливается только отчасти; но между неудачей, коренящейся исключительно въ обстоятельствахъ дѣла, и неудачей, которой способствовала несдержанность обвинителя, существуетъ большая разница. Въ первомъ случаѣ достоинство обвинительной власти остается неприкосновеннымъ; никто не можетъ упрекнуть ее въ стремленіи къ цѣли *per fas et nefas*. Во второмъ случаѣ надъ ней тагуетъ упрекъ, особенно опасный для государственнаго учрежденія—упрекъ въ неразборчивомъ выборѣ средствъ, почти равносильный упреку въ злоупотребленіи властью.

Нѣтъ правила безъ исключенія; снисходительное отношеніе

къ свидѣтелямъ и у А. Ө. Кони смѣняется иногда другимъ, совершенно противоположнымъ. Если свидѣтель не только идетъ въ разрѣзъ съ обвиненіемъ, но и обманываетъ возлагавшіяся на него надежды, показываетъ прямо обратное тому, что отъ него ожидалось, терпѣнію обвинителя наступаетъ конецъ, и надъ головой свидѣтеля собирается настоящая грозовая туча. Таковъ, напримѣръ, эпизодъ съ свидѣтелемъ Шевелевымъ, въ процессѣ Мясниковыхъ. Еще до начала слѣдствія Шевелевъ написалъ Ижболдину (гражданскому истцу) письмо, содержавшее въ себѣ обвиненія противъ Мясниковыхъ. Это письмо было представлено къ дѣлу, но Шевелевъ исчезъ и не могъ быть спрошенъ на предварительномъ слѣдствіи. За нѣсколько дней до судебного слѣдствія онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, какъ арестантъ, прикосновенный къ другому дѣлу, и посаженъ въ петропавловскую крѣпость. Приведенный въ судъ, онъ показалъ, что въ письмѣ нѣтъ ни слова правды и что оно было написано имъ за деньги, данныя Ижболдинымъ. Въ обвинительной рѣчи А. Ө. Кони отвелъ очень большое мѣсто характеристикѣ Шевелева. Вотъ самыя выдающіяся ея части: „Шевелевъ — мелкій откупной приказчикъ, служащій въ конторѣ Мясниковыхъ, — женихъ невѣсты, которой, съ цѣлью весьма понятной, онъ предъявляетъ облигаціи, ему не принадлежащія, за что и преслѣдуется Мясниковыми, какъ за присвоеніе ихъ собственности, — потомъ мелкій таможенный чиновникъ, оставленный, по приговору ковенской уголовной палаты, въ сильнѣйшемъ подозрѣніи въ пособничествѣ къ водворенію контрабанды; затѣмъ привлеченный къ дѣлу Каракозова, но, очевидно, настолько мало въ немъ виновный, что, несмотря на вызванныя имъ строгія мѣры, содержится въ части и гуляетъ цѣлые дни на свободѣ; бѣглець за границу, живущій въ Пештѣ и издающій брошюры, будто бы известныя всей Европѣ; наконецъ, доблестный защитникъ Парижа, членъ коммуны и правдивый свидѣтель по настоящему дѣлу!.. Очевидно, тутъ являются такіе переходы и крайности, которые трудно совмѣстить: человекъ борется за самыя крайнія идеи, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ строемъ, для торжества этихъ идей жертвуетъ жизнью на баррикадахъ Парижа, даже раненъ при этомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаетъ возможнымъ, подъ предлогомъ, что для него цѣль оправдываетъ средства, написать ложное письмо, чтобы получить за это небольшія деньги... Очевидно, что этотъ провинціальныи секретарь, служившій по откупамъ въ Россіи и по коммунахъ во Франціи, не очень разборчивъ на средства и не очень далеко ходить, выбирая свои цѣли... И вотъ, ему предстоитъ

показаніе на судѣ. Что же ему дѣлать? Подтвердить, признать самое письмо? Но, во-первыхъ, письмо это само по себѣ дѣло некрасивое, а во-вторыхъ, это значить сыграть роль простого свидѣтеля—и больше ничего: въ этомъ не будетъ никакой оригинальности, ничего достойнаго громкаго прошедшаго Шевелева. Притомъ, если Мясниковыхъ обвинять, то, вѣроятно, въ дѣлѣ и кромѣ его письма есть данныя; если же этихъ данныхъ нѣтъ, то, на основаніи одного этого письма, ихъ, несомнѣнно, никогда не осудятъ, а оправдаютъ. Поэтому лучше отрицать письмо, и тогда, въ случаѣ оправданія, впоследствии, когда, быть можетъ, придется обратиться къ нимъ, среди тяжелыхъ обстоятельствъ бурной жизни, можно будетъ сказать: я показывалъ за васъ, я далъ показаніе, которое васъ оправдывало, не забудьте же меня. Вотъ на что могъ рассчитывать Шевелевъ, рисуя себя нынѣ живымъ доносчикомъ въ 1867 г. Главный же источникъ его настоящаго показанія, по моему мнѣнію, тотъ, что онъ прежде всего желаетъ рисоваться: въ его движеніяхъ, голосѣ, манерахъ, въ походкѣ, развѣ не видится и не звучитъ постоянно это желаніе? Не ясно ли, что это дѣятельное участіе въ комунѣ, изданіе брошюры, извѣстныхъ всей Европѣ—не болѣе, какъ фраза, какъ желаніе драпироваться въ мантию политическаго преступника, что все это въ значительной степени хвастовство и принятая на себя личина? Если мы отбросимъ эту миѳическую сторону разсказовъ Шевелева, если взглянемъ поближе на этого политическаго дѣятеля, то увидимъ, что, несмотря на острый умъ и сценическое искусство, съ которымъ онъ разыгрываетъ свою роль здѣсь, на судѣ, въ его замысловатомъ и красивомъ разсказѣ, приправленномъ шуточками, изрѣдка прорываются ноты, придающія ему характеръ необузданнаго вымысла, въ родѣ знаменитаго разсказа о похищеніи губернаторской дочки“. Характеристика вышла блестящая, полная ѣдкой ироніи; но мы все-таки склоняемся къ мысли, что лучше было бы и въ данномъ случаѣ не отступать отъ образа дѣйствій, преимущества котораго мы только-что указали. Прежде всего нельзя не замѣтить противорѣчія между тщательностью, съ которою нарисованъ портретъ Шевелева, и окончательнымъ выводомъ, къ которому приходитъ обвинитель. Шевелевъ причисляется имъ, въ концѣ концовъ, къ категоріи свидѣтелей, „оставляемыхъ за штатомъ“, т.-е. неимѣющихъ существеннаго значенія для дѣла; не стоило, слѣдовательно, посвящать столько времени и труда уничтоженію его заявленій, униженію его личности. Прямо въ пользу защиты Шевелевъ не сказалъ ни слова; его показаніе послужило ей только кос-

венно, бросивъ дополнительный свѣтъ на закулисную сторону гражданскаго иска. Еслибы обвинитель задалъ себѣ задачей погасить этотъ свѣтъ, отстоять безупречность средствъ, пущенныхъ въ ходъ искателями „золотого руна“, тогда, конечно, ему нужно было бы свести счеты съ Шевелевымъ; но мы уже знаемъ, что онъ этого не сдѣлалъ, а отказался, наоборотъ, отъ всякой солидарности съ гражданскими истцами. Чѣмъ же объяснить обиліе заостренныхъ, крылатыхъ стрѣлъ, пущенныхъ имъ въ Шевелева? Намъ кажется, что въ обвинителѣ сказался здѣсь виртуозъ діалектики и мастеръ психологическаго анализа. Шевелевъ заинтересовалъ прокурора своею бойкостью, своимъ остроуміемъ, заинтриговалъ его странностями и противорѣчіями своей прошедшей жизни, раззадорилъ его присутствіемъ духа и находчивостью во время продолжительнаго, строгаго допроса. Между свидѣтелемъ и обвинителемъ произошло нѣчто въ родѣ турнира, оставшагося незаконченнымъ на судебномъ слѣдствіи; отсюда одностороннее продолженіе его въ обвинительной рѣчи, отсюда длинный рядъ усилій разрѣшить загадку, почти безразличную для правосудія, но любопытную для наблюдателя. Какъ бы то ни было, *l'exception confirme la règle* — единичное, случайное увлоненіе отъ системы еще ярче выставляетъ на видъ ея достоинство.

Нужно ли прибавлять, что всѣ симпатичныя черты, характеризующія отношеніе А. Θ. Кони къ подсудимому, къ свидѣтелямъ, къ экспертамъ, свойственны въ большей еще степени отношенію его къ защитѣ? Личныхъ пререканій съ защитниками, заподозриванія ихъ искренности, опороченія ихъ стремленій обвинительныя рѣчи А. Θ. Кони не представляютъ и слѣда. Вездѣ, наоборотъ, чувствуется полное уваженіе къ защитѣ, какъ къ существенно-необходимой и равноправной съ обвиненіемъ составной части уголовнаго процесса. Пишущій эти строки можетъ удостовѣрить, на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, что болѣе рыцарскаго противника, чѣмъ А. Θ. Кони, нельзя было встрѣтить и во время судебного слѣдствія. Онъ всегда соглашался на всѣ предложенія защиты, направленные къ разъясненію дѣла, всегда готовъ былъ признать правильность ея фактическихъ указаній. Состязаться съ А. Θ. Кони, значило имѣть возможность сосредоточиться исключительно на главныхъ пунктахъ дѣла, отбросивъ въ сторону все мелкое и неважное, всѣ наносные элементы, такъ часто затрудняющіе разслѣдованіе и раскрытіе истины. Къ удаленію „болѣзненныхъ, ненормальныхъ новообразованій“, съ котораго А. Θ. Кони началъ обвиненіе

по дѣлу Мясниковыхъ, онъ стремился вездѣ и всегда—и всегда былъ радъ воспользоваться при этомъ содѣйствіемъ защиты.

Первая задача обвиненія, особенно въ дѣлахъ сложныхъ — это группировка фактическаго матеріала, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ. Искусство обвинителя заключается здѣсь не только въ томъ, чтобы отбросить все неважное и возстановить въ памяти присяжныхъ все существенное, но и въ томъ, чтобы привести отрывочныя данныя въ стройную систему, соответствующую цѣлямъ обвиненія. Начать съ объективнаго изложенія обстоятельствъ дѣла и потомъ уже перейти къ ихъ освѣщенію, значило бы, въ большинствѣ случаевъ, впасть въ повторенія, ненужныя и утомительныя для присяжныхъ; разбирать отдѣльные эпизоды судебного слѣдствія въ томъ порядкѣ, въ которомъ они шли одинъ за другимъ, значило бы лишить присяжныхъ ясной руководящей нити и взвалить на нихъ значительную часть работы, лежащей на обязанности обвиненія. Нужно соединить пересказъ фактовъ съ ихъ анализомъ, соединить ихъ такъ, чтобы каждое звено рѣчи было естественнымъ продолженіемъ предыдущаго, чтобы присяжные подвигались впередъ шагъ за шагомъ, не возвращаясь вспять—развѣ для общаго, ретроспективнаго обзора пройденнаго пути — и не пропуская ни одной промежуточной ступени. Въ обвинительныхъ рѣчахъ А. Э. Кони можно найти множество образцовъ этого искусства. Укажемъ, для примѣра, на рѣчь по дѣлу Штрама, въ которой картина преступленія развертывается передъ нами параллельно съ разрѣшеніемъ вопросовъ о мѣстѣ, способѣ, времени и цѣли убійства, или на рѣчь по дѣлу Торчаловскаго, въ которой сначала устраняется всякая возможность сомнѣваться въ подложности росписки, а потомъ возсоздается самая исторія подлога. Большимъ мастеромъ является А. Э. Кони и въ устраненіи преградъ, встрѣчающихся на пути обвиненія. Торжеству мнѣнія, поддерживаемаго обвинителемъ, мѣшаютъ весьма часто другія предположенія, не менѣе, повидимому, правдоподобныя, не менѣе согласныя съ безспорными обстоятельствами дѣла. Нужно доказать несостоятельность этихъ предположеній, доказать ее такъ, чтобы единственно-возможной осталась гипотеза обвинителя. Емельяновъ обвиняется въ убійствѣ жены; но она могла быть убита другимъ лицомъ, могла убить сама себя. И вотъ, А. Э. Кони разбираетъ по очереди каждую изъ этихъ догадокъ, разбираетъ ее и со стороны обстановки, при которой совершилось спорное событіе, и со стороны нравственной личности

Емельяновой, и со стороны статистическихъ данныхъ о самоубійствѣ. Не оставляется безъ вниманія ни одна черта, могущая послужить камнемъ преткновенія для присяжныхъ—и путемъ исключенія всѣхъ отвѣтовъ, кромѣ одного, достигается мало-по-малу такая степень вѣроятности, которая съ практической точки зрѣнія равносильна достовѣрности. Присяжные не только осуждаютъ Емельянова, не только признаютъ наличность обстоятельствъ, увеличивающихъ вину, но и отказываютъ подсудимому въ снизхожденіи—до такой степени несомнѣннымъ сдѣлалось для нихъ совершеніе преступленія именно при тѣхъ возмутительныхъ условіяхъ, которыя изображены обвинителемъ.

При несознаніи подсудимаго, при отсутствіи прямыхъ указаній на его виновность, она должна быть доказываема разборомъ уликъ этихъ „мелочныхъ обстоятельствъ“, этихъ „кусочковъ, изъ которыхъ, какъ изъ мозаики, приходится складывать, осторожно и терпѣливо, обвиненіе“. „Житейскій опытъ,—говоритъ А. Ѳ. Кони въ обвинительной рѣчи по дѣлу объ убійствѣ Бѣлова,—укажетъ, въ какомъ порядкѣ улики слѣдуютъ одна за другою; для пополненія небольшихъ пробѣловъ между уликами явятся соображенія, не произвольныя, не отвлеченныя, а почерпнутыя изъ быта подсудимыхъ, изъ ихъ обстановки, изъ условій окружающей жизни, изъ общихъ свойствъ человѣческой природы, наконецъ. Они какъ цементомъ скрѣпятъ и сплотятъ улики между собою и образуютъ матеріалъ для обвиненія въ преступленіи. Оно, это преступленіе, не будетъ доказано съ точки зрѣнія стараго, отжившаго суда, который имѣлъ дѣло съ формами, съ бумагою, но не съ живымъ человѣкомъ,—оно будетъ видимо, оно будетъ чувствуемо съ точки зрѣнія новаго суда, по совѣсти и убѣжденію“... Что разумѣется здѣсь подъ именемъ „бытовыхъ соображеній“, служащихъ „цементомъ“ между уликами—это объяснить всего лучше примѣръ, заимствованный изъ той же обвинительной рѣчи. Въ домѣ Бѣлова, сначала отравленнаго, потомъ уже задушеннаго, найдена была каша, содержащая въ себѣ мышьякъ. По объясненію Арины Бѣловой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа, эта каша была приготовлена покойнымъ для отравы мухъ. „Правдоподобно ли такое объясненіе?—спрашиваетъ обвинитель. „Мы знаемъ изъ показаній той же Арины, что мужъ ея курилъ такой табакъ, что даже ея притупленные крестьянскою жизнью нервы не могли выносить его запаха; та же Арина особенно отгѣняла въ своихъ объясненіяхъ, что мужъ ея сидѣлъ два года въ острогѣ, прежде чѣмъ пришелъ въ ея бѣдную сиротскую избу. И этотъ-то человѣкъ,

почти не живущій дома, проводящій время въ обществѣ пьяныхъ и гулящихъ людей, куращій невыносимый тютюнкъ, пожарный солдатъ и острожный сидѣлецъ, прийдя въ свой, лишенный самаго необходимаго, бѣдный домъ, не заботясь о хозяйствѣ, прежде всего хлопочетъ, чтобы его не *безпокоили мухи!* Кто знаетъ печальное въ смыслѣ чистоты и другихъ гигиеническихъ условій состояніе русскихъ остроговъ, тотъ найдетъ эту заботу о мухахъ болѣе чѣмъ странною. Нѣтъ, не для мухъ была заготовлена чашка, найденная въ домѣ покойнаго Бѣлова“. Это простое замѣчаніе поражаетъ своею мѣткостью и правдивостью—и подобныхъ ему въ обвинительныхъ рѣчахъ А. Θ. Кони разбросано не мало.

Не въ умѣннѣ справляться съ грудями фактическаго матеріала, не въ искусствѣ сочетанія уликъ слѣдуетъ искать, однако, главную особенность изучаемаго нами таланта. Даровитый, выдающійся врачъ отличается отъ зауряднаго, хотя и знающаго, между прочимъ тѣмъ, что лечитъ не *болѣзнь*, а *больного*. Нѣчто подобное можно сказать и о судебныхъ ораторахъ. Обстоятельство дѣла—это болѣзнь; подсудимый, а иногда и потерпѣвшій отъ преступленія—это больные. Обыкновенный обвинитель или защитникъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на фактахъ, непосредственно относящихся къ обвиненію, въ нихъ однихъ ищетъ отвѣта на всѣ вопросы, отъ которыхъ зависитъ исходъ процесса. Его образъ дѣйствій остается постоянно одинъ и тотъ же, съ кѣмъ и съ чѣмъ бы онъ ни имѣлъ дѣло; онъ изучаетъ только извѣстную совокупность дѣйствій, мало задумываясь надъ дѣятелемъ. Роль симптомовъ играютъ для него улики; онъ взвѣшиваетъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности, потомъ—всѣ въ совокупности, но не старается проникнуть дальше и выше, въ первоисточники недуга или преступленія. Чѣмъ ординарнѣе задача, тѣмъ меньше неудобствъ представляетъ такой способъ рѣшенія; насморкъ или вѣтреноую оспу врачъ-виртуозъ опредѣлитъ не лучше врача-рутинера. Наоборотъ, вмѣстѣ съ сложностью и трудностью болѣзни—или процесса—ростетъ опасность ошибки, обусловливаемой излишнею простотою и шаблонностью приемовъ. Другими словами, чтобы выситися надъ общимъ уровнемъ, обвинитель, какъ и врачъ, долженъ быть *психологомъ*; ему должна быть понятна чужая душевная жизнь, даже въ ея соврѣнныхъ изгибахъ, даже въ ея уклоненіяхъ отъ нормы. Для обвинителя, впрочемъ, и этого мало. Врачу достаточно *понять* болѣзнь и больного; никто не ожидаетъ отъ него, чтобы онъ сумѣлъ *передать понятное*, сдѣлать положеніе больного столь же яснымъ для другихъ, какъ оно ясно для него самого. Къ обвинителю (и защитнику) предъявляется именно та-

кое требованіе. Внутренняя работа, путемъ которой онъ пришелъ къ извѣстному результату, должна быть воспроизведена имъ на глазахъ у судей, у присяжныхъ, у публики, въ присутствіи противника, всегда готоваго подчеркнуть ея погрѣшности или пробѣлы. Обвинитель долженъ не только самъ *видѣть* подсудимаго—онъ долженъ *показать* его такимъ, какимъ онъ его видитъ. Чтобы исполнить задачу до конца, *психологъ*, слѣдовательно, долженъ быть *художникомъ*. Въ этомъ отношеніи судебный ораторъ соприкасается съ романистомъ—только первый гораздо менѣе свободенъ, чѣмъ послѣдній. Романистъ *создаетъ* образы; судебный ораторъ ограничивается ихъ *воспроизведеніемъ*, не сходя ни на шагъ съ почвы дѣйствительности. Далеко не одинаковъ, такимъ образомъ, размахъ творчества—но совершенно одинаковою въ обоихъ случаяхъ можетъ быть яркость красокъ.

Въ А. Ѳ. Кони даръ психологическаго анализа соединенъ съ темпераментомъ художника. Центральныя фигуры его рѣчей проходятъ передъ нами какъ живыя. Съ помощью отдѣльныхъ штриховъ, разбѣянныхъ въ актахъ письменнаго производства или въ эпизодахъ судебного слѣдствія, онъ восстанавливаетъ не только дѣйствіе, служащее предметомъ разбирательства, но и нравственный обликъ лица, которому приписывается это дѣйствіе. Отсюда возможность болѣе или менѣе точнаго отвѣта не только на вопросъ объ объективной доказанности событія, но и на вопросъ о субъективной его вѣроятности. Разрѣшить дѣло на основаніи однихъ *внѣшнихъ* уликъ—т.-е. на основаніи доказательствъ, почерпнутыхъ изъ внѣшняго міра, изъ обстановки преступленія, изъ впечатлѣній постороннихъ лицъ—не всегда возможно; необходимо иногда проникнуть во внутренній міръ обвиняемаго (или потерпѣвшаго отъ преступленія), познакомиться съ его характеромъ, съ его натурой, узнать, на что онъ способенъ, къ чему расположенъ, что совмѣстимо и что несовмѣстимо съ господствующими его свойствами. Понятно, что въ исполненіи этой задачи открывается наибольшій просторъ для обвинителя-психолога и художника; понятно и то, что именно здѣсь онъ долженъ праздновать главныя свои побѣды. Возьмемъ, для примѣра, дѣло Торчаловскаго. Торчаловскій обвинялся въ томъ, что, воспользовавшись неумѣньемъ княгини Щербатовой читать писанное, далъ ей подписать, вмѣсто относящейся къ управленію домою бумаги, составленное отъ ея имени въ его пользу денежное обязательство, которое затѣмъ и представилъ ко взысканію. Въ виду того, что подпись на обязательствѣ была несомнѣнно подлинная, чрезвычайно важно было установить, могла ли кня-

гня Щербатова, сознательно и добровольно, выдать такое обязательство, соответствовало ли оно всему душевному ея складу, укладывалось ли оно въ рамки всей ея продолжительной жизни (она умерла въ самомъ началѣ процесса). Само собою разумѣется, что кое-какія данныя для разрѣшенія этого вопроса можно было найти въ отношеніяхъ, существовавшихъ между Торчаловскимъ и княгиней Щербатовой, въ свойствѣ и важности услугъ, послужившихъ, будто бы, мотивомъ къ выдачѣ обязательства; но настоящимъ ключомъ къ загадкѣ все-таки оставалась личность княгини Щербатовой, потому что соразмѣрность между услугой и вознагражденіемъ—понятіе до крайности условное и эластичное, измѣняющееся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. И вотъ, обвинитель Торчаловскаго начинаетъ свою рѣчь характеристикою княгини. „Княгиня Щербатова, — говоритъ онъ, — женщина простаго званія, бывшая за тремя мужьями, повышавшаяся черезъ замужство по общественной лѣстницѣ. Ей шелъ восьмой десятокъ. Она не знала грамотѣ, ничего не могла читать и умѣла только подписывать свое имя, такъ что съ принятіемъ титула княгини приживалѣвъ Настасьѣ Николаевнѣ стоило немалыхъ трудовъ выучить ее подписываться своимъ новымъ званіемъ и фамиліею. Имѣя молодого и цвѣтущаго мужа, носящаго громкій титулъ и почти безвыходно пребывающаго въ долговомъ отдѣленіи, княгиня обладаетъ довольно большимъ состояніемъ, но не пользуется ни однимъ изъ удобствъ, даваемыхъ большими средствами; она проживаетъ въ средѣ приживалокъ, компаньоновъ и разныхъ приближенныхъ старушекъ, которыя льстятъ ей, пользуются ея крохами, падающими съ ея скуднаго стола, и терпѣливо облѣпли ее со всѣхъ сторонъ, въ надеждѣ на будущія блага. Княгиня подвержена, по словамъ одного изъ свидѣтелей, семи болѣзнямъ, но любитъ наряжаться, — хвастается и величается своими брилліантами, какъ ребенокъ игрушками, постоянно преувеличивая ихъ стоимость. Но въ то же время, облеченная въ свои наряды и брилліанты, она требуетъ грошей отъ своей довѣренной Маруськи и сама продаетъ молоко, которое хранитъ у себя въ спальнѣ, боясь, чтобы ее не обчитала ключница. Соединеніе мелкой скарденности и скупости, доходящей, какъ выразился одинъ свидѣтель, *до радости*, съ желаніемъ молодиться, съ суетнымъ тщеславіемъ и съ отсутствіемъ всякихъ семейныхъ отношеній къ купленному мужу, возвращенному обратно въ долговое отдѣленіе по минованіи надобности—вотъ выдающіяся черты характера княгини Щербатовой. Если она рѣшалась казаться почему-либо доброю и кому-нибудь помогала пустягами, то эта

помощь разрасталась въ ея разказахъ до огромныхъ размѣровъ и немедленно оглашалась по всему дому. Невольно возникаетъ вопросъ: возможно ли, чтобы такая женщина рѣшилась подарить 35.000 рублей подсудимому Торчаловскому? Умѣнье оказывать милосердіе, творить добро украдкою и дѣлать благодѣянія такъ, чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая, однимъ словомъ — способность оказывать помощь ближнему безъ особыхъ разговоровъ и не взямая, такъ сказать, процентовъ въ видѣ чужой признательности — удѣлъ далеко не многихъ натуръ и требуетъ тонкаго духовнаго развитія. Такіе люди, конечно, попадаются въ жизни, но въ большинствѣ случаевъ бываетъ не такъ, и, къ сожалѣнію, очень часто благодѣянія носятъ въ себѣ неизбѣжную горечь оглашенія и самовосхваленій благодѣтеля, а подчасъ — и его попрековъ. И княгиня Щербатова не должна была быть свободна отъ этого свойства. Возможно ли, чтобы она, повѣствовавшая на весь домъ о каждомъ рублѣ, хваставшая каждой мелкой жертвой, собиравшая жадною рукою мѣдные гроши, подарила 35.000 рублей, не говоря объ этомъ никому ни слова, не требуя затѣмъ отъ получившаго подарокъ никакихъ знаковъ особаго, исключительнаго уваженія, не указывая на все сдѣланное окружающимъ, которые, глядя на княжскую щедрость, стали бы еще болѣе почтительны, еще болѣе покорны и сладкорѣчивы? Этого, очевидно, не могло быть. Княгиня Щербатова была бы въ этомъ случаѣ невѣрна самой себѣ, а она была человекъ въ своемъ родѣ цѣльный и послѣдовательный". Намъ кажется, что этой характеристики, въ отдѣльности взятой, было бы достаточно для осужденія Торчаловскаго — до такой степени она подрываетъ вѣру въ дѣйствительность обязательства. Если за нею слѣдуетъ еще подробный, мастерской разборъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, то это объясняется привычкою А. Θ. Кони исчерпывать обвиненіе до дна, не пренебрегать ни однимъ изъ его серьезныхъ основаній. Онъ никогда не рассчитываетъ исключительно на одну сторону аргументаціи, какою бы убѣдительною она ни отличалась; онъ выводитъ въ бой всѣ свои войска, хотя бы одолѣть врага и могъ, по теоріи вѣроятностей, передовою отрядъ, предоставленный собственнымъ своимъ силамъ. Это — единственная правильная тактика, потому что слишкомъ трудно предвидѣть, что именно всего больше подѣйствуетъ на присяжныхъ.

Емельяновъ обвиняется въ убійствѣ жены; побудительной причиною къ убійству выставляется вновь возгорѣвшаяся страсть къ прежней любовницѣ. Въ трагедіи участвуютъ, такимъ образомъ, три дѣйствующія лица; вотъ что говорить о нихъ обвинитель:

„Емельяновъ прїѣзжаетъ въ Петербургъ лѣтъ шестнадцати, и становится банщикомъ при номерныхъ, такъ-называемыхъ семейныхъ баняхъ. Извѣстно, какаго рода эта обязанность... У него проходитъ передъ глазами постоянный, систематическій развратъ. Рядомъ съ этимъ является добываніе денегъ не дѣйствительною, настоящею работою, а *на водкою*. Съ товарищами онъ живетъ не въ ладу; нѣтъ дня, чтобы не ссорился, человѣкъ озорной, неспокойный, никому спускать не любитъ. Студента, который, подойдя къ банѣ, сталъ нарушать чистоту, онъ поколотилъ больно — и поколотилъ притомъ не своего брата мужика, а студента-*бирина*; стало быть онъ человѣкъ, не очень останавливающийся въ своихъ порывахъ. Въ домашнемъ быту это человѣкъ не особенно нѣжный, не позволяющій матери плакать, когда его ведутъ подъ арестъ, обращающійся съ любовницею *какъ палачъ*. Рядъ показаній рисуетъ, какъ онъ обращается, вообще, съ тѣми, кто ему подчиненъ по праву или обычаю; *идешь ли?*—прикрикиваетъ онъ на жену; — *гей, выходи!*—властно кричитъ онъ Аграфенѣ. Это характеръ сосредоточенный, сильный и твердый, но разившійся въ дурной обстановкѣ. Посмотримъ теперь на его жену. О ней также характеристичныя показанія: это женщина невысокаго роста, толстая, бѣлокурая, флегматическая, — молчаливая и терпѣливая: всякія тиранства отъ моей жены, капризной женщины, переносила, никогда слова не сказала, — говорить о ней свидѣтель Одинцовъ. — Слова отъ нея трудно добиться, — прибавилъ онъ. Итакъ, это вотъ какая личность: тихая, покорная, вялая и скучная — главное, скучная. Затѣмъ выступаетъ Аграфена Сурина. Вы ее видѣли и слышали; вы можете относиться къ ней не съ симпатіей, но вы не откажете ей въ одномъ: она бойка и даже здѣсь за словомъ въ карманъ не лѣзетъ, не можетъ удержать улыбки, споря съ подсудимымъ, — она очевидно очень живого, веселаго характера, энергическая, своего не уступитъ даромъ; у нея черные глаза, румяныя щеки, черные волосы. Это совсѣмъ другой типъ, другой темпераментъ... Вотъ такія-то три лица сводятся судьбою вмѣстѣ. Конечно, и природа, и обстановка указываютъ, что Егоръ долженъ скорѣе сойтись съ Аграфеною; сильный всегда влечется къ сильному, энергическая натура сторонится отъ всего вялаго и слишкомъ тихаго. Егоръ женится, однако, на Лукерѣ. Чѣмъ она понравилась ему? Вѣроятно — свѣжестью, чистотою, невинностью. И вотъ, онъ вступаетъ въ бракъ съ Лукерьею, которая, вѣроятно, иначе ему не могла принадлежать; но первые порывы страсти прошли, онъ охлаждается, а затѣмъ начинается обычная жизнь; жена его приходитъ къ

ночи, тихая, поворная и молчаливая... Развѣ это ему нужно, съ его живымъ характеромъ, съ его страстною натурою, испытавшею житье съ Аграфеною? И ему, особенно при его обстановкѣ, приходилось видывать виды, и ему, можетъ быть, желательна нѣкоторая завлекательность въ женѣ, молодой задоръ, юркость, бойкость. Ему, по характеру его, нужна жена живая, веселая, а Лукерья совершенная противоположность этому. Охлажденіе понятно, естественно. А тутъ Аграфена суеть, бѣгаетъ по корридору, поминутно суется на глаза, подсмѣивается и не прочь его снова завлечь. Она зоветъ, манитъ, туманитъ, раздражаетъ, и когда онъ снова ея увлеченъ, когда она снова позволяеть обнять себя, поцѣловать, въ рѣшительную минуту, когда онъ хочетъ обладать ею, — она говоритъ: Нѣтъ, Егоръ, я вашего закона нарушать не хочу, т.-е. каждую минуту напоминаетъ о сдѣланной имъ ошибкѣ, коритъ его тѣмъ, что онъ женился... Онъ знаетъ, что она отъ него ни въ чемъ болѣе не зависить, что она можетъ выйти замужь и пропасть для него навсегда. Понятно, что ему остается или махнуть на нее рукою и вернуться къ свучной и молчаливой женѣ, или отдаться Аграфенѣ. Но какъ отдаться? Вмѣстѣ, одновременно съ женою? Это невозможно. Во-первыхъ, это въ матеріальномъ отношеніи дорого будетъ стоять, потому что вѣдь придется и матеріальнымъ образомъ иногда выразить любовь къ Суриной; во-вторыхъ, жена его стѣсняетъ; онъ человѣкъ самолюбивый, гордый, привыкшій дѣйствовать самостоятельно, свободно, а тутъ надо ходить тайкомъ по номерамъ, лгать, скрывать отъ жены или слушать брань ея съ Аграфеною и съ собою—и такъ навѣки! Конечно, изъ этого надо найти исходъ. И если страсть сильна, а голосъ совѣсти слабъ, то исходъ можетъ быть самый рѣшительный. И вотъ, является первая мысль о томъ, что отъ жены надо избавиться". Какъ много во всемъ этомъ наблюдательности, житейской правды! На почвѣ, такимъ образомъ подготовленной, каждая улика приобрѣтаетъ особенную силу — и осужденіе Емельянова является естественнымъ, почти неизбежнымъ.

Всякій талантъ—сила, и этой силѣ подчиняется, иногда, самъ ея обладатель. Она ищетъ примѣненія, жаждетъ работы—и нужно много энергіи, чтобы постоянно сдерживать ее въ извѣстныхъ предѣлахъ, чтобы сохранять ее въ своихъ рукахъ, а не отдаваться въ ея руки. Обвинителю-психологу и художнику угрожаетъ, съ этой точки зрѣнія, цѣлый рядъ подводныхъ камней. Онъ можетъ, во-первыхъ, вставлять въ свои рѣчи слишкомъ много психологическихъ экскурсій, прибѣгать къ нимъ безъ достаточной

надобности, не столько въ интересахъ обвиненія, сколько изъ любви къ искусству. Онъ можетъ, во-вторыхъ, относиться слишкомъ свободно къ фактическому матеріалу, заимствовать изъ него преимущественно все согласное съ заранее составленнымъ представлениемъ, дополнять наличныя данныя слишкомъ смѣлыми догадками, объяснять ихъ слишкомъ рискованными соображеніями. Онъ можетъ, наконецъ, увлекаться стремленіемъ къ художественному эффекту, слишкомъ ярко освѣщать одно, слишкомъ усердно ступшевывать другое, располагать свои доводы не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они естественно слѣдуютъ одинъ за другимъ, а въ томъ, въ какомъ они наиболѣе поразительны для слушателей. Слѣдшимъ замѣтитъ, что отъ двухъ послѣднихъ недостатковъ А. Θ. Кони совершенно свободенъ. Немного найдется обвинителей, которые бы такъ основательно изучали дѣло, такъ прочно овладѣвали всѣми его деталями. Упрека въ неточности А. Θ. Кони не навлекать на себя, кажется, никогда; онъ никогда не былъ одностороненъ, никогда не сосредоточивался на немногихъ чертахъ, выгодныхъ для обвиненія, игнорируя или систематически обезцѣнивая всѣ остальные. Ему принадлежитъ планъ постройки, но всѣ камни, входящіе въ ея составъ, взяты имъ изъ дѣла и сохранили, несмотря на архитектурныя украшенія, свой объемъ и свою форму. Одною только въ его рѣчахъ отрицать нельзя—это встрѣчающагося по временамъ *избытка* психологіи. Обойти привлекательную задачу, лежащую въ сторонѣ отъ большой дороги, едва связанную съ предметомъ, А. Θ. Кони иногда не въ состояніи. Нельзя сказать, чтобы это прямо вредило обвиненію—но и болѣе сильнымъ оно отъ того не становится. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Купецъ Сусленниковъ обвинялся въ кражѣ имущества, оставшагося послѣ смерти купца Солодовникова. Одною изъ главныхъ уликъ противъ Сусленникова служила найденная у него при обыскѣ значительная сумма денегъ. Подсудимый заявилъ, что большая часть этихъ денегъ была дана ему Солодовниковымъ наканунѣ смерти, въ видѣ награды за усердную службу. Обвинитель опровергалъ это заявленіе, между прочимъ, характеристикою Солодовникова, въ послѣдніе годы своей жизни отличавшагося крайнею скупостью, даже скарденностью. Указать на эти черты и обрисовать ихъ какъ можно рельефнѣе было необходимо, потому что онѣ сильно подрывали вѣру въ объясненія подсудимаго; но едва ли предстояла надобность углубляться дальше въ прошедшее Солодовникова и изображать постепенный переходъ покойнаго отъ шумныхъ удовольствій къ мирнымъ забавамъ, отъ тихой домашней

жизни къ странствованіямъ по монастырямъ, отъ набожности—къ ожесточенію. Картина вышла чрезвычайно красивая—но она стоитъ совершенно особнякомъ отъ обвиненія, въ ней нѣтъ ни одного штриха, который могъ бы быть обращенъ противъ обвиняемаго. И дѣйствительно, рассказавъ всю жизнь Солодовникова, обвинитель, въ концѣ концовъ, заимствуетъ оружіе только изъ послѣдняго ея періода; все предшествующее остается приставкой, въ высшей степени любопытной для читателя или слушателя, но не имѣющей ни малѣйшаго отношенія къ вопросу о виновности или невинности Сусленникова. А. Θ. Кони былъ, очевидно, заинтересованъ личностью и участію Солодовникова, оскопленнаго въ дѣтствѣ и всю жизнь напрасно стремившагося наполнить пустоту испорченнаго, безцѣльнаго существованія. Его плѣнили контрастъ между старымъ, мрачнымъ скопческимъ „кораблемъ“ и весельемъ, которое пытается внести туда молодой Солодовниковъ; его тронули „безкрылыя желанья“ старѣющагося, нравственно-безпріютнаго калѣвы; его поразили трагизмъ судьбы, преслѣдующей Солодовникова даже въ стѣнахъ монастыря. Прибавимъ ко всему этому, что къ дѣлу былъ приложенъ дневникъ Солодовникова, дававшій возможность заглянуть глубоко въ его душу—и мы поймемъ, что человекъ съ талантомъ и темпераментомъ А. Θ. Кони не могъ устоять противъ искушенія написать полный портретъ Солодовникова, въ размѣрахъ, не соответствовавшихъ рамкѣ обвиненія. Мы обязаны этому нѣсколькими прекрасными страницами, да и правосудіе отъ этого ничего не потеряло, потому что дѣло окончилось безусловнымъ осужденіемъ Сусленникова: но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы образъ дѣйствій А. Θ. Кони могъ служить, въ данномъ случаѣ, образцомъ для судебныхъ ораторовъ. *Ничего лишняго*—этотъ девизъ примѣнимъ въ судебному краснорѣчію, какъ и ко всѣмъ другимъ отраслямъ искусства.

Дарованіе психолога и художника помогаетъ А. Θ. Кони не только въ общей характеристикѣ обвиняемыхъ, но и въ воспроизведеніи отдѣльныхъ душевныхъ состояній и душевныхъ движеній, предшествовавшихъ преступленію, подготовлявшихъ для него почву, дѣлавшихъ его неизбѣжнымъ. Съ этой точки зрѣнія особенно замѣчательна обвинительная рѣчь по дѣлу объ убійствѣ Чихачева. Обвиняемыми были два лица—мужъ и жена; поводомъ къ убійству была ретроспективная ревность, возгорѣвшаяся въ мужѣ, когда онъ узналъ, что жена, еще до замужства, была въ связи съ Чихачевымъ. Чтобы объяснить преступленіе и опредѣлить

степень участія въ немъ обоихъ подсудимыхъ, обвинителю нужно было прослѣдить развитіе страсти въ сердцѣ мужа и указать отголоски, вызванные ею въ сердцѣ жены. Онъ отступаетъ, поэтому, отъ своей обычной системы; вмѣсто портрета обвиняемыхъ онъ даетъ, сначала, легкій ихъ силуэтъ, предоставляя себѣ нарисовать ихъ во весь ростъ по мѣрѣ развитія драмы. Въ немъ онъ подчеркиваетъ только рѣзкость, неуживчивость, властность, въ ней—мягкость, несамостоятельность, готовность подчиниться чужой волѣ. И вотъ, эти два лица, столь мало похожія другъ на друга, становятся мужемъ и женой. Чѣмъ болѣе одинокимъ онъ чувствуетъ себя посреди провинціального общества, презираемаго имъ и платящаго ему нерасположеніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, тѣмъ важнѣе для него семейное счастье—и этого не можетъ не чувствовать его жена. А между тѣмъ надъ нею тяготѣетъ воспоминаніе о винѣ, неизвѣстной мужу; она боится раскрытія тайны—и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ, что лучше во всемъ признаться мужу. „Но человекъ,—замѣчаетъ по этому поводу А. Ѳ. Кони,—исполненъ противорѣчій, и рядомъ съ порывами благородныхъ и высокихъ чувствъ, рядомъ съ великодушіемъ, желаніемъ раскаянія и жаждой правды гнѣзятся нерѣдко разныя мелкія побужденія, ложный стыдъ, желаніе оградить себя отъ опасности, желаніе выторговать что-нибудь у судьбы или даже у самого себя, однимъ словомъ—разныя сдѣлки съ самимъ собою... Бываютъ случаи, когда человекъ отдается порыву правдивости и сознаетъ свою вину. Но если взглянуть въ это сознаніе, то окажется, что по большей части человекъ не можетъ удержаться, чтобы не сказать о себѣ или не вынудить другихъ сказать: да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія. И затѣмъ нерѣдко все дѣло представляется въ такомъ видѣ, что кающійся только и заслуживаетъ снисхожденія, а виновными оказываются посторонніе, другіе... То же, полагаю, было и съ подсудимою. Она созналась, что виновна, но не вооружилась достаточною правдивостью и добросовѣстностью, чтобы сказать мужу *всю* истину. Она сочинила цѣлое повѣствованіе, въ которомъ играла роль жертвы, и опрометчиво, въ своей *полуткровенности*, рассказала мужу такія вещи, которыя не могли не задѣть его самымъ больнымъ образомъ. Она необдуманно подняла въ его душѣ бурю, которую уже не могла утишить и которая увлекла и ее, вырвавъ съ корнемъ изъ той спокойной обстановки, въ которой она до тѣхъ поръ находилась. Можно представить себѣ положеніе человека самолюбиваго до крайности, какимъ былъ обвиняемый, послѣ того, какъ онъ выслушалъ признаніе жены. Вся преды-

душая его семейная жизнь явилась въ его глазахъ отравленною. Къ каждому воспоминанію о прошлыхъ счастливыхъ минутахъ, о каждой ласкѣ жены должна была съ этой минуты примѣшиваться мысль о лжи, объ обманѣ, къ каждому порыву нѣжности примѣшиваться воспоминаніе, что эта же нѣжность могла принадлежать и другому—и чѣмъ дальше шель обвиняемый въ своихъ воспоминаніяхъ, чѣмъ ближе подходилъ онъ къ первымъ днямъ брака, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе должны были развиваться эти жгучія мысли и, въ концѣ концовъ, всё сходиться на чувствѣ негодованія противъ Чихачева“. Жена старалась убѣдить мужа, что Чихачевъ употребилъ противъ нея насиліе; мужъ хотѣлъ вѣрить этому—и не могъ. Тогда ему приходитъ на мысль обратиться къ самому Чихачеву и, доведя послѣдняго до сознанія въ насиліи, предложить ему произнести надъ самимъ собою смертный приговоръ, поварать себя самоубійствомъ. Между обоими N. и Чихачевымъ происходитъ тягостная сцена, единственный результатъ которой—огласка, слухи, сплетни, значительно усложняющіе положеніе дѣла. „Человѣкъ всѣхъ ругалъ и корилъ—и вдругъ у него у самого оказывается большое мѣсто, да еще какое большое! Онъ, который на всѣхъ смотрѣлъ презрительно—у себя дома поставленъ въ фальшивое положеніе обманутаго мужа; онъ, считавшій всѣхъ идиотами—самъ дѣйствуетъ совершенно безразсудно; онъ,—этотъ самолюбивый гордецъ,—униженъ, осмѣянъ, обманутъ... Какой богатый матеріалъ для недоброжелателей, которые, конечно, должны были за него ухватиться, захлебываясь отъ радости“. Ярость N. не знаетъ границъ, въ особенности когда Чихачевъ отклоняетъ посланный ему вызовъ. „Онъ подвергаетъ жену медленному мученію испытыванія признаній, такъ сказать поджариваетъ ее на медленномъ нравственномъ огнѣ, и при одномъ имени Чихачева, около котораго, однако, возвращаются всѣ пытливые разспросы, приходитъ въ ярость. Очевидно, что этотъ человѣкъ отдался всецѣло своему страшному гнѣву. Отсутствіе снисходительности и терпимости, ему свойственное, такъ дало восторжествовать этому чувству, что оно заглушило всѣ проблески другихъ, благородныхъ чувствъ: не видно и слѣда состраданія къ женѣ, жалости и уваженія къ женщинѣ... Онъ или молчитъ, или бушуетъ одинъ въ домѣ. Ничто его не интересуетъ, онъ весь отдался своему недостойному, животному гнѣву, который самъ себя питаетъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что не жена была главнымъ предметомъ его злобы. Это былъ Чихачевъ, заводчикъ всему злу. Вотъ противъ кого долженъ былъ питать главнымъ образомъ злобу подсудимый. Вотъ чьего имени онъ не могъ слышать, не сопровождая

его браню и побоями той, которая являлась передъ нимъ живымъ напоминаніемъ о ненавистномъ человѣкѣ. Но человѣкъ, подобный подсудимому въ этотъ періодъ его жизни, не можетъ относиться къ своему недругу съ какимъ-нибудь полочувствомъ; онъ долженъ его ненавидѣть глубоко и страшно, а ненависть неразлучна съ желаніемъ устранить, уничтожить ненавистный предметъ, лишить его возможности физически и нравственно давить и возмущать своимъ присутствіемъ“.

Въ этомъ напряженномъ состояніи Н., вмѣстѣ съ женой, пріѣзжаетъ въ Петербургъ и является на квартиру къ Чихачеву. Здѣсь онъ еще разъ вызываетъ его на дуэль, и когда Чихачевъ опять отвѣчаетъ отказомъ, между ними происходитъ столкновение, во время котораго Чихачеву наносится нѣсколько смертельныхъ ударовъ. Узелъ процесса заключался въ свойствѣ этого столкновения; была ли это простая драва, во время которой Н. машинально раскрылъ ножъ и сталъ дѣйствовать имъ противъ Чихачева, или это было убійство, сознательное и намѣренное, хотя и не обдуманное заранѣе? Вотъ здѣсь-то и обнаруживаются результаты длиннаго психологическаго изслѣдованія, произведеннаго обвинителемъ. „Ненависть Н. къ Чихачеву—продолжаетъ А. О. Кони—дошла до крайняго предѣла. Недоставало только толчка, чтобы эта ненависть, прорвавшись гнѣвной бурей, проявила себя какимъ-нибудь насильственнымъ, кровавымъ дѣйствіемъ. Этотъ толчокъ былъ данъ отказомъ Чихачева отъ дуэли... Глубоко возмущенный, Н. отдался весь своему гнѣву и почувствовалъ въ себѣ приливъ крайняго бѣшенства. Извѣстно, что въ такія минуты дыханіе спирается въ стѣсненной груди, голосъ изсякаетъ, чтобы замѣниться затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ мгновеній злобѣщей тишины, бессмысленными, дикими звуками, которые всѣ разомъ слятся вырваться изъ горла, облегчая болѣзненно сжатое сердце... Въ жестовомъ гнѣвѣ наступаетъ обыкновенно нѣсколько секундъ молчанія, характеризующаго моментъ, когда разумъ быстро исчезаетъ, уступая мѣсто животной злобѣ, и, наконецъ, ярость разражается ударами, криками, пролитіемъ крови... То же, безъ сомнѣнія, было и здѣсь. Моментъ молчанія, подмѣченный свидѣтелями, обличаетъ именно этотъ переходъ отъ гнѣва сдержаннаго къ гнѣву, не знающему никакихъ преградъ“. Подтвердивъ намѣренность убійства разборомъ направленія и мѣста нанесенія ударовъ, обвинитель продолжаетъ: „Н. пришелъ къ Чихачеву для того, чтобы вызвать его на дуэль, т.-е. или свою жизнь пожертвовать, или убить его. Это ему не удалось. Чего же можетъ онъ желать затѣмъ? Поколотить противника, подбить ему

глаза, разбить зубы и за это быть отправленнымъ въ полицію, судиться у мирового судьи и, быть можетъ, быть *прощеннымъ* тѣмъ же Чихачевымъ?! Но развѣ такого человѣка, каковымъ мы знаемъ подсудимаго, могъ удовлетворить этотъ пошлый исходъ? Развѣ этого довольно было бы для его израненнаго сердца и омраченной ненавистью души, для его раздраженнаго самолюбія? Тогда вѣдь онъ еще болѣе будетъ смѣшонъ въ уѣздныхъ глазахъ. Тогда создастся цѣлая легенда о мировомъ судѣ, судимомъ мировымъ судьей за побори, нанесенные мировому же судѣ. Нѣтъ, здѣсь не было драки! А не было драки, такъ было желаніе убить. Это выводъ, по моему мнѣнію, неизбѣжный "... Трудно было бы найти болѣе яркое доказательство тому, какое значеніе имѣетъ въ уголовномъ дѣлѣ глубокое изученіе страсти, въ послѣдовательномъ ея развитіи, въ постепенномъ торжествѣ ея надъ волей. Образъ дѣйствій Н. въ квартирѣ Чихачева, разсматриваемый самъ по себѣ, допускалъ различныя толкованія—но при томъ освѣщеніи, въ которомъ онъ явился въ обвинительной рѣчи, онъ не могъ быть понятъ иначе, какъ въ смыслѣ намѣреннаго убійства, которое и было признано присяжными.

Живое воображеніе, всегда готовое перенестись въ любую обстановку, представить себя въ положеніи другого лица, открываетъ доступъ къ такимъ способамъ изслѣдованія и повѣривъ, которыми не можетъ пользоваться заурядный обвинитель. А. Э. Кони часто спрашиваетъ себя, какой образъ дѣйствій соотвѣтствовалъ бы даннымъ условіямъ, вытекалъ бы изъ нихъ почти неизбѣжно, — и получивъ, такимъ образомъ, картину того, что *должно было бы быть*, сличаетъ съ нею рассказъ подсудимаго или свидѣтеля о томъ, что *было*. Чѣмъ рѣзче разница между картиной и рассказомъ, тѣмъ больше, конечно, поводовъ сомнѣваться въ правдивости рассказа. Янсены, отецъ и сынъ, арестованы въ Петербургѣ въ то самое время, какъ они получили отъ курьера французскаго посольства пакетъ съ фальшивыми русскими бумажками. Молодой Янсенъ, на имя котораго былъ адресованъ пакетъ, утверждаетъ, что онъ получилъ его въ Парижѣ, для перевозки въ Россію, отъ мало знакомаго лица, забылъ его у дяди и письменно просилъ о его присылкѣ, вслѣдствіе чего дядя и передалъ его курьеру, отправлявшемуся въ Петербургъ. Обвинитель ставитъ себя на мѣсто человѣка, которому дано подобное порученіе—и показываетъ наглядно, что всѣ шансы на сторонѣ совершенно иного образа дѣйствій... Бѣляева (въ дѣлѣ Мясниковыхъ) удостовѣряетъ, что мужъ ея, незадолго до смерти, передалъ ей сложенный листъ бумаги, сказавъ ей: „возьми и

спрячь" — и эта бумага оказалась его завѣщаніемъ. Это показаніе Бѣляевой возбуждаетъ въ обвинителѣ цѣлый рядъ сомнѣній. „Развѣ Бѣляевъ, — говоритъ онъ, — находилъ, что хранясь у него въ несгораемомъ шкафу, въ собственномъ домѣ, духовная не будетъ въ сохранности? Но предположимъ, что онъ это находилъ; въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ не сказалъ прямо, что это духовное завѣщаніе, и тѣмъ не указалъ на важность бумаги? Если онъ считалъ нужнымъ передать эту бумагу для храненія, то какъ было не запечатать ее въ конвертъ за своею печатью? Наконецъ, собственно для чего онъ даетъ завѣщаніе въ руки своей женѣ? Для того, чтобы выразить ей свою послѣднюю волю? Но онъ былъ человѣкъ нѣжный, ласковый, онъ даже Мясниковыхъ называлъ уменьшительными именами. Неужели же этотъ человѣкъ, видя свою жену убитою горемъ, станетъ еще болѣе растревлять ея сердце тѣмъ, что будетъ вручать ей завѣщаніе? Вы знаете, какая щекотливая вещь завѣщаніе, какое значеніе придается составленію завѣщанія, особенно въ купеческомъ быту. Но если онъ вручалъ его не для объявленія своей воли, а лишь для сохраненія, то развѣ не могъ онъ сохранить его иначе? Есть извѣстныя присутственныя мѣста, гдѣ завѣщаніе могло храниться внѣ всякой опасности подмѣна, утраты или похищенія... Затѣмъ дальнѣйшій рассказъ Бѣляевой... Она приноситъ завѣщаніе къ себѣ въ комнату, развертываетъ его и смотритъ только на подписи свидѣтелей. Странное любопытство! Почему она не заинтересовалась узнать, какъ мужъ ея раздѣлался съ обружающими лицами? Это гораздо важнѣе; вѣдь у него были родственники, ждавшіе, что имъ будетъ что-либо отказано; но ей любопытно смотрѣть только на подписи — значитъ ей ничего не говорили свидѣтели, значитъ Бѣляевъ просилъ ихъ сохранить въ тайнѣ то, что они подписались на завѣщаніи. Для чего онъ могъ это сдѣлать? Для того, чтобы не огорчать бѣдную любящую жену призракомъ близкой своей смерти. Но въ такомъ случаѣ, для чего же онъ самъ ей вручалъ это завѣщаніе?.. Наконецъ, посмотримъ на отношеніе Бѣляевой къ завѣщанію. Она не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ, такъ какъ все имущество ея находилось въ рукахъ мужа, безотчетно имъ управлялось. Какъ не поинтересоваться узнать, что именно онъ ей оставляетъ. какъ не задуматься надъ своею будущею матеріальною обстановкою, если не сейчасъ по смерти мужа, то чрезъ недѣлю, чрезъ двѣ? Однако, она ничего этого не дѣлаетъ. Предположимъ, что тягость утраты мужа была для нея такъ сильна, что она не могла заниматься дѣлами, что ей было не до того, что она забыла даже

о такомъ важномъ документѣ, какъ завѣщаніе. Но вспомните ея домашнюю обстановку послѣ смерти мужа: дѣтей нѣтъ, но существуетъ цѣлая дворня, есть разные приказчики и управляющіе, которые долго жили у Бѣляева и изъ которыхъ каждый считаетъ себя въ правѣ надѣяться на полученіе послѣ него извѣстной суммы; есть, наконецъ, сестра покойнаго, Ремянникова, вся судьба которой зависитъ отъ того, забыта или не забыта она въ духовной, — Ремянникова, которая умоляетъ Мясникова на колѣняхъ не оставить ее и до того взволнована неизвѣстностью, что даже заболѣваетъ. Развѣ Бѣляева, такъ любившая мужа, такъ охранявшая его память, не понимала, что надо успокоить окружающихъ, смягчить ихъ ропотъ, прекратить ихъ недоумѣніе? Вся дворня, всѣ домашніе смотрятъ ей пылко и тревожно въ глаза, бѣдная Ремянникова лежитъ больная, а она молчитъ? Какъ не возстановить доброй памяти о мужѣ, какъ не сказать: не плачьте, не скорбите, вы не забыты, вамъ оставлено, я помню, завѣщаніе есть! "... Само собою разумѣется, что въ такую цѣпь предположеній легко могутъ вкратчѣ ошибки; вѣроятное не всегда совпадаетъ съ дѣйствительнымъ — и наоборотъ, по французской поговоркѣ, дѣйствительное не всегда бываетъ вѣроятно (*le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable*). Нельзя отрицать, однако, что, *въ связи съ другими*, способъ повѣрки, образцы котораго мы только-что привели, представляется вполне законнымъ и можетъ имѣть большую убѣдительную силу.

Въ разбираемыхъ нами рѣчахъ встрѣчается еще одна категория картинъ, изображающихъ уже не то, что могло или должно было быть, а то, что было. Здѣсь нѣтъ мѣста для блестящихъ догадокъ, для опроверженія вымысловъ путемъ *reductio ad absurdum*; задача заключается только въ томъ, чтобы сгруппировать готовый матеріалъ и освѣтить его какъ можно ярче. Эту задачу А. Э. Кони исполняетъ иногда съ замѣчательною виртуозностью. Можно ли представить себѣ, напримѣръ, что-нибудь болѣе полное движенія и жизни, чѣмъ слѣдующій отрывокъ изъ обвиненія по дѣлу Сусленникова (рѣчь идетъ объ образѣ дѣйствій подсудимаго вслѣдъ за смертью Солодовникова, только-что сдѣлавшаго ему — по его словамъ — значительный подарокъ): „Чего такъ суетится этотъ облагодѣтельствованный, бросаетъ покойника безъ призора, рыщетъ по городу и ведетъ себя самъ и позволяетъ другимъ вести себя около усопшаго безъ всякаго уваженія къ мѣсту и событію? Чтѣ такое таскаетъ онъ подъ полою, сторонясь отъ доктора Гессе? Чтѣ такое засовываетъ онъ себѣ подъ пиджакъ, не замѣчая слѣдщаго за нимъ изъ другой комнаты Колосова?

Почему онъ бѣгаетъ изъ спальни умершаго къ себѣ наверхъ? Чего онъ ищетъ въ комодѣ и ящикахъ, отпирая ихъ разными ключами? Гдѣ — если не скорбь друга, то благодарность только-что одареннаго; гдѣ — если не благодарность, то простое приличіе поведенія самаго развитога изъ домочадцевъ покойнаго! "... Иногда обвинителю достаточно простого сопоставленія показаній, чтобы наглядно доказать полнѣйшую ихъ невѣроятность. Въ дѣлѣ о духовномъ завѣщаніи Сѣдкова, напримѣръ, чистосердечно признаютъ свою вину только второстепенные участники преступленія — Тенисъ, переписавшій завѣщаніе, и Медвѣдевъ, подписавшій его отъ имени Сѣдкова; всѣ остальные перекалываютъ вину другъ на друга. Сѣдкова растерялась, была убита горемъ, и не она, а Лысенковъ составилъ завѣщаніе; онъ, слѣдовательно, и виновенъ. Но Лысенковъ, въ свою очередь, виновенъ лишь въ томъ, что *пожалтъ* бѣдную вдову и не сдѣлалъ на нее доноса. Петлинъ виновенъ въ томъ, что *доотрялъ* Лысенкову, Киткинъ — въ томъ, что *убѣдился* подписью Петлина, Бороздинъ — въ томъ, что былъ *благодаренъ* Лысенкову и увѣровалъ въ подписи Петлина и Киткина. Иными словами — всѣ виновны въ мягкости сердца, разбитаго горестною утратою, въ отвращеніи къ доносу, въ состраданіи къ безпомощному вдовьему положенію, въ довѣрїи къ людямъ, въ благодарности къ нимъ. Они покорно ждутъ того приговора, который ихъ осудитъ за такія свойства. И если мы отнесемъ съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ объясненіямъ, то виновными окажутся только Тенисъ и Медвѣдевъ, да еще, быть можетъ, покойный Сѣдковъ, который оставилъ такой сладкій кусокъ, что въ немъ увязли всѣ слетѣвшіеся имъ попользоваться".

Иронія, которою проникнуты эти слова, составляетъ, вообще говоря, одно изъ любимыхъ оружій А. Ѳ. Кони. Приступая къ обвиненію лже-свидѣтелей по бракоразводному дѣлу, онъ начинаетъ такъ: „дѣйствительный статскій совѣтникъ З—нъ, будучи въ разлугѣ съ женой и находя, что она не исполняетъ своихъ супружескихъ обязанностей и, будучи его женою по закону, давно уже не даритъ его тѣмъ счастьемъ, на которое онъ имѣлъ право рассчитывать, вступая въ бракъ, рѣшился развестись съ нею. Онъ прїѣхалъ для этого въ Петербургъ, нашелъ здѣсь людей, которые согласились оказать ему юридическую помощь въ начатіи дѣла въ консисторїи и нравственную помощь для его веденія. Онъ нашелъ людей, которые съ благородной откровенностью показали все, что могли, въ защиту чести г. З—на. Благодаря имъ, семейная честь его была близка къ восстановленію и дѣло шло естественнымъ и спокойнымъ ходомъ. Вдругъ поло-

женіе его измѣнилось. Сначала къ дѣлу стала присматриваться власть прокурорская, затѣмъ его взяла въ руки власть судебная — и наконецъ оно перешло изъ мирныхъ стѣнъ консисторіи въ стѣны суда. При этомъ стало оказываться, что рѣчь идетъ о возстановленіи чести уже не г. З—на, а г-жи З—ной, и что господа свидѣтели свидѣтельствовали такъ, что при предварительномъ слѣдствіи ихъ пришлось даже отвлечь на нѣкоторое время отъ ихъ мирныхъ занятій и лишить свободы“. Иногда иронія переходитъ въ негодование; это случается тогда, когда съ глубокимъ убѣжденіемъ въ юридической виновности подсудимыхъ соединяется непреодолимое отвращеніе къ ихъ поступку. Лже-свидѣтельство по бракоразводному дѣлу, покрывающее незаслуженнымъ позоромъ ни въ чемъ невиновную, безупречную женщину, принадлежитъ къ числу самыхъ возмутительныхъ преступленій — и для насъ совершенно понятно то чувство, которое внушило А. Э. Кони послѣднія слова обвинительной рѣчи противъ Залевскаго и Гроховскаго. „Измышляя то, чего нѣтъ, рассказывая факты искаженнымъ образомъ, клеветая и говоря ложь, лже-свидѣтели пользуются самымъ неотразимымъ и страшнымъ оружіемъ — словомъ. Не рискуя, подобно вору, каждую минуту своею безопасностью, никогда не дѣйствуя подъ вліяніемъ увлеченія или страсти, что бываетъ зачастую и въ убійствѣ, они дѣйствуютъ всегда неожиданно для другихъ и очень обдуманно и безопасно для себя. Они являются со своими отточенными и налитанными ядомъ показаніями предъ судъ, и горятъ, въ чью семейную или частную жизнь они заползутъ со своею ложью! Они по большей части неуловимы, потому что всегда хорошо обставили себя и приготовили себѣ выходы. Они и не затруднены исполненіемъ своего дѣла. Имъ нужно лишь умѣнье связно говорить, отсутствіе способности краснѣть и присутствіе способности заставить замолчать свою совѣсть въ ту минуту, когда ихъ лживыя уста прикоснутся къ Вѣчной Книгѣ, въ которой написаны слова святой истины“. Такимъ же негодованіемъ звучитъ заключеніе обвинительной рѣчи по дѣлу Горшкова, участвовавшего — по убѣжденію обвинителя — въ оскотленіи собственнаго сына. „Онъ искажилъ природу сына, онъ отторгнулъ его отъ людей, онъ вложилъ въ его сердце свопческое отвращеніе отъ всего живого. Онъ лишилъ сына семьи и ея чистыхъ радостей, — онъ отнял у него то, чѣмъ однако считалъ себя въ правѣ самъ обладать: отнял счастье быть отцомъ. Разбивъ его будущность и обезобразивъ тѣло — онъ пустилъ его на одинокое и безвѣстное скитаніе“...

Иногда негодованіе обвинителя обрушивается не на тотъ посту-

покъ, который составляет предметъ обвиненія. Изученіе дѣла о духовномъ завѣщаніи Бѣляева привело А. Ѳ. Кони къ убѣжденію, что одинъ изъ подсудимыхъ, Александръ Мясниковъ, систематически спаявалъ другого—Караганова, съ цѣлью подорвать довѣріе къ показаніямъ, которыя онъ могъ бы дать какъ фактической (по мнѣнію обвинительной власти) виновникъ подлога. Пишущему эти строки пришлось, какъ защитнику Мясникова, возражать противъ этого убѣжденія, и онъ продолжаетъ считать его совершенно ошибочнымъ; но это не мѣшаетъ ему признать, что обвинитель глубоко, искренно вѣрилъ въ правильность своей догадки, и что она внушила ему нѣсколько страницъ, удивительно краснорѣчивыхъ. „Пусть Карагановъ пьетъ, пусть развивается его пагубная страсть, —онъ крѣпокъ тѣломъ, много вынесетъ физически, слѣдовательно ни на чьей душѣ не будетъ лежать его физическая смерть, а между тѣмъ его разумъ померкнетъ, его умъ ослабнетъ—и когда его сознаніе потонетъ въ водѣ, когда онъ потеряетъ образъ Божій, можно будетъ возбудить сомнѣніе въ нормальности его умственного состоянія.—Онъ падаетъ нравственно, онъ гибнетъ, его надо удерживать строгостью, отдать его отцу, и онъ можетъ быть спасенъ. Нѣтъ!.. не пускать его къ отцу! пусть гибнетъ, пусть падаетъ! Чѣмъ ниже онъ упадетъ, тѣмъ менѣе будетъ разницы между нимъ и скотомъ, тѣмъ менѣе будетъ онъ заслуживать довѣрія, тѣмъ болѣе будетъ онъ безопасенъ... Если намъ станутъ говорить, что Карагановъ безуменъ въ настоящее время, то что же изъ этого? Кто допустилъ его сдѣлаться такимъ, кто заключилъ этого человѣка на бездѣйствующій заводъ въ задонскихъ степяхъ, кто не давалъ ему работы, а давалъ водку въ изобиліи, кто лишилъ его свободныхъ свиданій съ родными, кто оставилъ его одного на жертву угрызениямъ совѣсти, на жертву воспоминаніямъ о проданномъ семейномъ счастіи, кто лишилъ его возможности говорить съ отцомъ, который одинъ былъ ему близокъ, кто заставилъ этого человѣка и здѣсь собирать послѣднія силы своего разбитаго сердца, чтобъ, погибая самому, защищать своихъ хозяевъ, кто виноватъ въ такомъ его душевномъ разстройствѣ, если оно дѣйствительно существуетъ, кто не оградилъ, не спасъ его отъ губительной страсти, когда къ тому имѣлись всѣ способы и средства!“...

Не съ меньшей силой негодованіе обвинителя дѣйствуетъ на насъ и тогда, когда оно выражается въ болѣе сдержанной формѣ, когда оно проникаетъ собою всю обвинительную рѣчь, слышится въ каждомъ ея словѣ. Таково, на примѣръ, обвиненіе желѣзнодорожнаго подрядчика Андреева, бывшаго при-

чиной смерти одного изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. „Работы на харьковско-азовской дорогѣ, прежде всего, производятся *скоро* — это ихъ главное свойство, которому, къ сожалѣнію, приносится въ жертву многое другое. Работа производится спѣшно, со всѣми свойствами торопливости; надзоръ установленъ неопредѣленный и недостаточный, но зато главное — скорость достигается вполне. Главный строитель дороги раздаетъ работу болѣе мелкимъ строителямъ, тѣ въ свою очередь дѣлятся съ разными подрядчиками, и вотъ, вся дорога покрывается рядомъ участковъ мелкихъ строителей. У нихъ на первомъ планѣ, конечно, стоитъ выгода. Чѣмъ скорѣе они кончатъ работу, тѣмъ выше будетъ ихъ заслуга передъ главными строителями и тѣмъ болѣе надеждъ получить работу при новомъ, уже мелькающемъ на горизонтѣ желѣзнодорожномъ предпріятіи. Поэтому работы идутъ со сказочною быстротою *шучьяю вельмія*. На эти работы сходятся крестьяне со всѣхъ концовъ Россіи. Они получаютъ небольшую заработную плату и селятся въ землянкахъ, устроенныхъ по сторонамъ строящейся линіи. Затѣмъ, въ виду достиженія возможной скорости, встрѣчающіяся по линіи горы не скапываются террасами и уступами, а прорываются прямо, составляя двѣ отвѣсныя стѣны по бокамъ дороги. Для того, чтобы уничтожить эти стѣны, подъ нихъ дѣлаютъ подкопы, а землю, нависшую надъ подкопами, сбиваютъ сверху. При этомъ иногда происходятъ несчастія, обвалы земли, гибель и увѣчья рабочихъ. И подобныя несчастія нерѣдки, они не представляютъ единичнаго случая. Кто допускаетъ такую неосторожность? Кто виноватъ въ ней? Кто ставитъ рабочихъ въ положеніе, въ которомъ имъ угрожаетъ опасность и нерѣдко смерть? Виноваты сами рабочие, они сами себя ставятъ въ это положеніе, — говорятъ служащія при постройкѣ дороги лица. Они смѣльчаки, ихъ нужно постоянно останавливать, они сами лѣзутъ въ опасность, желая отличиться, такъ что приходится даже штрафовать за это. Но едва ли даже русскій рабочий полѣзетъ на вѣрную опасность, если только онъ себѣ ясно ее представляетъ. Нѣкоторая доля ненужной смѣлости въ рабочихъ вполне понятна. Она есть прямое слѣдствіе *ускоренія работъ*. Рабочіе получаютъ плату по окончаніи всего срока работъ, сообразно съ выказаннымъ ими усердіемъ; слѣдовательно они получаютъ вознагражденіе по усмотрѣнію подрядчика. Хорошо, т.-е. скоро работала рабочій, онъ получитъ много, не работала сообразно съ желаніями подрядчика, направленными на ускореніе — получить мало. А между тѣмъ въ этомъ вознагражденіи рабочаго — его годовой заработокъ; этого вознагра-

граждѣнія ждѣтъ семейство, оставленное далеко, для котораго пришелъ крестьянинъ въ чуждадьнюю сторонушку, живетъ въ сырой землянкѣ, скудно ѣсть, болѣеть и подвергается вычетамъ за прогулы, вслѣдствіе болѣзни. Все это онъ терпитъ, чтобы принести домой свой скудный заработокъ; но заработокъ этотъ опредѣляется волею подрядчика, который сообразуется не съ однимъ трудомъ, а и съ усердіемъ рабочаго. И вотъ, является вынужденное усердіе, и вотъ причина, почему рабочіе хотять казаться *молодцами*... Настоящее дѣло приподнимаетъ покровъ съ картины постройки желѣзной дороги. Виденъ лишь кончикъ картины, но можно догадаться, что картина содержанія невеселаго... Всматриваясь въ нее, мы видимъ, что тамъ, гдѣ теперь идетъ, весело пыхтя и посвистывая, локомотивъ съ поѣздомъ, ложились костями рабочіе, пришедшіе издалека, принесшіе съ собою свою бѣдность, свой голодь и свой трудъ. Они погибли, вслѣдствіе грубаго нарушенія правилъ осторожности, вслѣдствіе того, что ихъ жизнь вмѣнялась въ ничто предъ „ускореніемъ“ работъ. При мысли объ этомъ сердце, любящее русскій народъ, болѣзненно сжимается и въ головѣ возникаетъ настойчивая мысль, что это не можетъ, не должно быть терпимо, что виновные, если они есть, должны быть наказаны. Намъ, быть можетъ, скажутъ, что во всемъ этомъ виновна цѣлая система, вся желѣзнодорожная организація, виновно стремленіе строить дорогу скоро во что бы то ни стало. Но судъ не судитъ систему, судъ не караетъ отвлеченныхъ понятій, суду нѣтъ дѣла до юридическихъ лицъ, судъ имѣетъ дѣло съ живыми лицами, по отношенію къ которымъ онъ является исполнителемъ, истолкователемъ и примѣнителемъ закона. Законъ требуетъ, чтобы всякій относился къ жизни ближняго съ уваженіемъ и осторожностью. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ подлежитъ карѣ закона, осужденію суда. Если система дурна, то не нужно ей служить; а тотъ, кто служить, долженъ нести и вару, вызываемую системою“. Какъ много въ этихъ словахъ примѣнимаго къ условіямъ, часто повторяющимся и въ наше время—какой блестящій отпоръ они даютъ, на примѣръ, софизмамъ, приводимымъ въ оправданіе банковыхъ и иныхъ „хищеній“!

Чѣмъ лучше А. О. Кони владѣетъ орудіями ироніи и негодованія, тѣмъ больше ему слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу осторожное пользованіе ими. Его обычный тонъ—сдержанный, спокойный; его рѣчь чаще всего имѣетъ характеръ бесѣды съ присяжными—бесѣды, въ которой онъ стремится, вмѣстѣ съ ними, къ раскрытію истины. Онъ всегда готовъ признать наличность обстоятельствъ, уменьшающихъ вину; иногда снисходительность его къ обвиняе-

мымъ доходить до того, что обвиненіе звучитъ почти защитой. Таково, напримѣръ, отношеніе его къ двумъ обвиняемымъ по дѣлу Обдковой—знакомымъ уже намъ Тенису и Медвѣдеву. „Въ дѣйствіяхъ Тениса столько машинальнаго, столько добродушнаго и незлобиваго въ поступкахъ Медвѣдева, такъ мало гражданскаго развитія можно требовать отъ этихъ лицъ, всю жизнь проведшихъ въ сраженіяхъ на рапирахъ, такъ мало корысти въ ихъ дѣйствіяхъ, что, по моему мнѣнію, они заслуживаютъ полнѣйшаго снисхожденія. И если вы дадите имъ снисхожденіе полное, такое полное, чтобы въ глазахъ суда, имѣющаго право ходатайства о помилованіи, оно почти исключало отвѣтственность, то вы не поступите вопреки справедливости“. Неудивительно, что присяжные, выслушавъ эти слова, оправдали Тениса и Медвѣдева. Въ дѣлѣ Шляхтина обвинитель доказываетъ весьма настойчиво и совершенно справедливо, что простая „нервозность“ не можетъ служить *оправданіемъ* убійства; но основаніемъ къ смягченію вины и наказанія онъ признаетъ ее прямо и открыто. Если ему приходится воснуться большого мѣста въ прошедшемъ обвиняемаго, онъ не только не растравляетъ рану, но, напротивъ, ищетъ для нея цѣлебнаго бальзама. До какой степени ему это иногда удается—можно судить по слѣдующему примѣру. Рѣчь идетъ о связи, существовавшей нѣкогда между Чихачевымъ и госпожею N. Когда N. — говоритъ обвинитель— „была еще молодой дѣвушкой, недавно вышедшей изъ института, и гостила у своихъ родственниковъ, туда ѣздилъ человекъ, несчастный въ семейной жизни, который горевалъ о своей разбитой жизни и плакался на свою судьбу, только въ этомъ семействѣ находя себѣ утѣшеніе. Понятно, что въ молодой дѣвушкѣ должно было развиваться чувство состраданія къ нему. Это чувство, эта довѣрчивость къ несчастію и нѣжность къ обиженному судьбою есть одно изъ лучшихъ, завидныхъ качествъ молодости. Понятно также, что и Чихачевъ, искавшій тепла, сердечнаго участія, потянулся, какъ растеніе къ солнцу, къ той, въ комъ это участіе выражалось въ наиболѣе привлекательной и горячей формѣ, и сталъ искать преимущественно около обвиняемой душевнаго отдыха. Всякій, вспоминая свою молодость, конечно признаетъ, что ничто такъ не заманчиво въ эти годы, какъ сознать, такъ или иначе, приносимую пользу, сознать, что существуешь не даромъ, что кому-то помогаешь и кого-то облегчаешь, возвышаясь такимъ образомъ нравственно въ собственныхъ глазахъ. И тотъ, къ кому приходитъ молодость на помощь, кого она утѣшаетъ, становится для нея особенно дорогъ. Здѣсь легко развивается великодушная дружба, а затѣмъ нерѣдко и другое,

болѣе сильное чувство... То же произошло и въ настоящемъ случаѣ. Чувство дружбы и состраданія привело обвиняемую къ связи съ Чихачевымъ. Если и было здѣсь оболщенье, то оно состояло въ обстановкѣ, въ которой сошлись Чихачевъ и обвиняемая, въ семейныхъ скорбяхъ одного и въ наивномъ, но заманчивомъ стремленіи другой заставить его позабыть эти скорби. Если и былъ здѣсь обманъ, то лишь относительно силы и значенія ощущенія, овладѣвшаго ими, вслѣдствіе неумѣнья отличить сильное, прочное и глубокое чувство отъ мгновенной вспышки страсти¹⁾. Можно ли было выразить болѣе справедливую мысль въ болѣе мягкой, болѣе симпатичной формѣ? Въ суровую дѣйствительность проникло поэтическое чувство и бросило примиряющій свѣтъ на тяжелое обстоятельство, умолчать о которомъ обвиненіе было не въ правѣ. Если таково обращеніе обвинителя съ безспорными фактами, то можетъ ли онъ позволить себѣ *догадку*, оскорбительную для добраго имени обвиняемыхъ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Защитнику Аваръ (обвинявшейся, вмѣстѣ съ Янсенами, въ сбытѣ фальшивыхъ бумажекъ) показалось, что обвинитель намекнулъ на существованіе любовной связи между Аваръ и Станиславомъ Янсенемъ. А. О. Кони горячо протестовалъ противъ этого предположенія; оно, очевидно, задѣло его за живое—и въ самомъ дѣлѣ, оно идетъ прямо въ разрѣзъ съ основными чертами его натуры, съ руководящими началами его дѣятельности. Гарантій сдержанности, въ обвинительныхъ рѣчахъ А. О. Кони, является, прежде всего, чувство собственной силы. Ему нѣтъ надобности прибѣгать къ побочнымъ путямъ, къ экстраординарнымъ средствамъ давленія на присяжныхъ; онъ слишкомъ увѣренъ въ томъ, что можетъ одержать побѣду, не сходя съ прямой дороги. Конечно, какъ бы велико ни было дарованіе обвинителя, оно не исключаетъ возможность неудачи, т.-е. оправдательнаго приговора; но такимъ обвинителямъ, какъ А. О. Кони, неудача вовсе не представляется чѣмъ-то страшнымъ, они вовсе не стремятся къ тому, чтобы избѣжать ея *во что бы то ни стало*. Для нихъ важно не то, что скажутъ о нихъ другіе, какъ отнесется къ оправдательному приговору высшая судебная администрація; для нихъ важно сознаніе исполненнаго долга, исполненнаго безъ слабости по отношенію къ подсудимымъ, но и безъ натяжекъ, въ концѣ концовъ всегда вредныхъ для правосудія¹⁾.

¹⁾ Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что на сторонѣ А. О. Кони оказывался, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и вышній успѣхъ. Изъ числа семнадцати обви-

Около половины шестидесятихъ годовъ во Франціи надѣлалъ много шуму процессъ Армана, богатаго рантье, обвинявшагося въ томъ, что, разсердившись, изъ-за пустяковъ, на своего слугу Мориса Ру, нанесъ ему побои и оставилъ его, связаннымъ, въ такомъ положеніи, которое легко могло окончиться смертью. Общественное мнѣніе въ Монпелье—мѣстѣ, гдѣ произошло событіе, было настроено противъ Армана; особенно возмутительною казалась мысль, что онъ можетъ ускользнуть отъ отвѣтственности, благодаря своему состоянію, своимъ связямъ и благодаря бѣдности и невысокому общественному положенію Мориса Ру. Разсмотрѣніе дѣла было перенесено въ другой городъ, Э. Господствующее теченіе оказалось тамъ благопріятнымъ скорѣе для Армана; Мориса Ру многіе расположены были считать обманщикомъ и комедіантомъ, который самъ привелъ себя въ положеніе опасное, повидимому, для жизни, чтобы сорвать этимъ путемъ что-нибудь съ Армана. Прокуроръ апеллировалъ, въ своей рѣчи, къ тѣмъ самымъ страстямъ, которыя разгорѣлись въ Монпелье; онъ закончилъ слѣдующими словами: „въ наше время опять начинается оживать взаимная ненависть сословій. Оправданіе Армана будетъ плохимъ средствомъ къ ея успокоенію. Внизу общества оно будетъ понято какъ отказъ въ правосудіи, и это подниметъ массу горечи въ сердцахъ народа. Истину—скажутъ многіе—не съумѣли увидѣть, потому что она была на сторонѣ лаея. Отъ васъ (т.-е. отъ присяжныхъ) зависитъ предупредить возможность такого толкованія“. Съ этими словами французскаго обвинителя любопытно сравнить заключеніе рѣчи, произнесенной А. Э. Кони по дѣлу Мясниковыхъ—дѣлу, напоминающему, въ одномъ отношеніи, процессъ Армана. Медленность, съ которою оно двигалось въ старомъ судѣ, многіе приписывали богатству Мясниковыхъ и вліятельному служебному положенію одного изъ нихъ; многіе ожидали и желали обвиненія, какъ доказательства въ пользу равенства передъ закономъ, водвореннаго новыми судебными уставами. „Дѣло это—сказалъ обвинитель—тянется *четырнадцать* лѣтъ и возбудило цѣлую массу толковъ. Общественное мнѣніе клонилось, по отношенію къ нему, то въ одну, то въ другую сторону, и судомъ общественнаго мнѣнія дѣло это было нѣсколько разъ, и самымъ противоположнымъ образомъ, разрѣшаемо. Мясниковыхъ признавали то закоренѣлыми преступниками, то жертвами судебного ослѣпленія. Но судъ общественнаго мнѣнія не есть

ней, вошедшихъ въ составъ сборника, вполне отвергнуто присяжными только *два*, вполне уважено—*дванадцать*; по тремъ дѣламъ нѣкоторые изъ обвиняемыхъ осуждены, другіе оправданы.

судъ правильный, не есть судъ, свободный отъ увлеченій; общественное мнѣніе бываетъ часто слѣпо, оно увлекается, бываетъ пристрастно или жестоко не по винѣ, или милостиво не по заслугамъ. Поэтому приговоры общественнаго мнѣнія не могутъ и не должны имѣть значенія для васъ. Есть другой, высшій судъ, — судъ общественной совѣсти. Это — вашъ судъ, господа присяжные. Мы переносимъ теперь дѣло Мясниковыхъ изъ суда общественнаго мнѣнія на судъ общественной совѣсти, которая не позволитъ вамъ не признать виновности подсудимыхъ, если они дѣйствительно виноваты, и не допустить васъ уклониться отъ оправданія ихъ, если вы найдете ихъ невиновными. Произнося вашъ приговоръ, вы или снимете съ нихъ то ярмо подозрѣній и слуховъ, которое надъ ними тяготѣетъ издавна, или сѣршите его вашимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ словомъ. Если вы произнесете приговоръ обвинительный, если согласитесь съ доводами обвинительной власти и проникнетесь ея убѣжденіемъ, то изъ вашего рѣшенія будетъ видно, что передъ судомъ по судебнымъ уставамъ нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ, нѣтъ сильныхъ и слабыхъ, а всѣ равны, всѣ одинаково отвѣтственны. Вы докажете тогда, насколько справедливо можно примѣнить къ людямъ, которымъ приходится стоять передъ вами, слова, что *нѣтъ эллиновъ и иудей*... Какая громадная разница между приемами обоихъ обвинителей! Первый прямо приглашаетъ присяжныхъ произнести обвинительный приговоръ, *чтобы* успокоить народныя страсти, чтобы не дать новой пищи сословнымъ антипатіямъ; второй предостерегаетъ присяжныхъ противъ увлеченія общественнымъ мнѣніемъ, допускаетъ возможность оправданія подсудимыхъ и указываетъ на торжество равенства не какъ на *мотивъ* къ произнесенію обвинительнаго приговора, а только какъ на *выводъ*, который можно будетъ сдѣлать изъ осужденія подсудимыхъ, *если* его произнесетъ „общественная совѣсть“. По истинѣ золотыми можно назвать слова, въ которыхъ А. Θ. Кони формулировалъ различіе между общественнымъ мнѣніемъ и общественною совѣстью. Это — цѣлая программа для суда присяжныхъ, совершенно правильно опредѣляющая его призваніе и высоко поднимающая его знамя.

Справедливость требуетъ замѣтить, что заключительная часть обвиненія не всегда стоитъ у А. Θ. Кони на той высотѣ, которой она достигаетъ въ рѣчи по дѣлу Мясниковыхъ (и еще во многихъ другихъ, напр. по дѣлу Залевскаго и Гроховскаго, по дѣлу Горшкова, по дѣлу Андреева, по дѣлу объ убійствѣ Чихачева, по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Сѣдкова). Ей вредитъ, иногда, желаніе обвинителя закончить рѣчь особенно сильнымъ

ударомъ по сердцамъ или по убѣжденію присяжныхъ—или просто эффектнымъ образомъ, внезапно поразившимъ воображеніе оратора. Къ послѣдней категоріи относится, напримѣръ, финалъ обвиненія по дѣлу Сусленникова. „Подсудимый говоритъ, что однимъ изъ основаній любви къ нему Солодовникова было то, что у него мягкія руки, удобныя и пріятныя для растиранія. Быть можетъ, вашъ приговоръ докажетъ, что у него руки не только мягкія, но и длинныя“... Обвинительная рѣчь по дѣлу Ярошевича и Колосова заканчивается такъ: „Услышавъ вашъ обвинительный приговоръ, Ярошевичъ, который вѣрилъ, что его руководитель (Колосовъ) счастливо прошелъ *огонь, воду и мѣдныя трубы*, пойметъ, что, кромѣ огня, воды и мѣдныхъ трубъ, есть еще нѣчто, чрезъ чтѣ гораздо труднѣе пройти—это судъ“. Въ этихъ обоихъ случаяхъ предметомъ нашихъ сомнѣній является не столько содержаніе, сколько форма рѣчи; болѣе серьезное возраженіе можно сдѣлать противъ заключительныхъ словъ по дѣлу Шляхтина (обвинявшагося въ убійствѣ Рыжова) и по дѣлу Янсеновъ. „Я предвижу то время, — читаемъ мы въ рѣчи по дѣлу Шляхтина, — когда несчастныя, осиротѣлыя дѣти Рыжова подростутъ, когда ихъ безвременное сиротство скажется на нихъ особенно тяжело, когда не будетъ отца, который бы могъ руководить и воспитывать ихъ, а будетъ лишь слабая, больная и убитая горемъ мать; тогда они пожелають подробно узнать, чтѣ случилось съ ихъ отцомъ, и имъ скажутъ, что онъ палъ отъ руки чело- вѣка, которому дѣлалъ только добро, что онъ палъ, защищая честь и счастіе чужой дочери. Когда они это узнають, то ихъ оскорбленное чувство невольно вызоветъ негодованіе по отношенію къ тому, кто такъ жестоко, такъ безсердечно съ ними поступилъ. Но я надѣюсь, что окружающіе будутъ имѣть возможность сказать имъ: дѣти, въ жизни много зла, но бываетъ и справедливость, и чело- вѣкъ, который причинилъ вамъ столько несчастій, уже искупилъ свою вину“... Намъ кажется, что это указаніе на дѣтей убитаго можетъ быть поставлено наряду съ указаніями на семью подсудимаго, къ которымъ такъ охотно прибѣгаютъ французскіе адвокаты ¹⁾. Исходъ дѣла не долженъ зависѣть отъ подобныхъ соображеній. На наказуемость убійства не должно вліять то обстоятельство, что у убитаго остались дѣти — иначе пришлось бы признать, что бездѣтность убитаго уменьшаетъ вину убійцы. Конечно, можно представить себѣ такое

¹⁾ Что семейное положеніе обвиняемаго не даетъ ему, само по себѣ, особаго права на снисхожденіе, это прекрасно показано въ рѣчи А. Ф. Кони по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Сѣдкова.

убійство, возмутительность котораго обусловливается, между прочимъ, именно семейнымъ положеніемъ убитаго; но это предполагаетъ, прежде всего, *обдуманность* убійства, при которой убійца имѣлъ возможность предвидѣть и обсудить послѣдствія преступленія—а Шляхтинъ обвинялся и признавъ виновнымъ въ убійствѣ *непредумышленною*, совершенномъ въ запальчивости и раздраженіи... Обвиненіе Янсеновъ и Аваръ А. Ѡ. Кони заключилъ слѣдующими словами: „здѣсь заявлялось, что подсудимые явились въ Россію съ полнымъ довѣріемъ къ русскому гостепримству. Оно имъ и было оказано. Станиславъ Янсенъ прочно устроился въ Россіи; Аваръ основала магазинъ, куда обильно потекли русскіе рубли; Эмиля встрѣтили въ Петербургѣ театры и охоты. Но одного гостепримства мало! Когда намъ льстятъ, то хвалятъ наше русское гостепримство; когда насъ бранятъ — а когда насъ не бранятъ?—про насъ говорятъ, что единственную хорошую нашу сторону—гостепримство — мы раздѣляемъ съ племенами, стоящими на низкой степени культуры. Поэтому надо имѣть что-нибудь за собою, кромѣ этого благодушнаго свойства. Надо дать мѣсто и справедливости, которая выражается въ правосудіи. Оно иногда бываетъ сурово и кончается подчасъ насильственнымъ гостепримствомъ. Этого правосудія ждетъ отъ васъ обвинительная власть“. Мы вполне убѣждены, что въ устахъ А. Ѡ. Кони эти слова (по всей вѣроятности импровизованныя, такъ какъ они входятъ въ составъ реплики) должны были только служить рипостомъ на неудачную фразу защиты о „русскомъ гостепримствѣ“; но въ присяжныхъ они слишкомъ легко могли затронуть струнку національнаго самолюбія и недоброжелательства къ иностранцамъ, не умѣющимъ цѣнить русскаго радушія.

Въ ораторскомъ искусствѣ, какъ и въ литературѣ, большую роль играютъ эпитеты, образы, сравненія, цитаты, обобщенія. Всѣми этими орудіями А. Ѡ. Кони владѣетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и—что, можетъ быть, еще важнѣе—съ замѣчательною умѣренностью. Къ цитатамъ, напримѣръ, онъ прибѣгаетъ весьма рѣдко, но тѣмъ сильнѣе дѣйствіе, ими производимое. „Ловкость и смѣтливость, — говоритъ онъ въ рѣчи по дѣлу Колосова и Ярошевича, характеризуя одного изъ подсудимыхъ,—еще не дѣлаютъ человека умѣлымъ и умнымъ; мелкая хитрость и обиденный опытъ составляютъ, по словамъ поэта, *умъ мутцовъ*“. Эта Некрасовская формула освѣщаетъ фигуру Колосова неожиданнояркимъ и вѣрнымъ свѣтомъ. Иногда та же цѣль достигается удачно выбранными эпитетами; Сѣдковъ, напримѣръ, сразу становится намъ понятенъ, послѣ того какъ обвинитель назвалъ его

опытнымъ и заслуженнымъ ростовщикомъ. Исчерпывающая характеристика Чихачева дана въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: „это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, по слабости воли, умѣютъ всего желать и ничего не умѣютъ хотѣть“. Въ другой, столь же короткой фразѣ наглядно олицетворенъ цѣлый эпизодъ изъ жизни Ярошевича и Колосова: „почти на всѣхъ главныхъ улицахъ, на углахъ большихъ домовъ, какъ *жирныя нитцы*, усѣлись вывѣски: *масная касса ссудъ*“. А вотъ образцы афоризмовъ, одинаково удачныхъ и по формѣ, и по содержанию: „ссылка на мертвого свидѣтеля—всегда мертвая ссылка“... „Всякій скупецъ страдаетъ своего рода ослѣпленіемъ. Онъ мѣряетъ однимъ масштабомъ и свое золото, и свои дни. Ему обыкновенно кажется, что по мѣрѣ того, какъ растетъ это золото, растетъ и количество дней, отсчитанныхъ ему судьбой“. Въ рѣчи по дѣлу Янсоновъ обвинитель сравниваетъ фальшивыя бумажки со сказочнымъ клубкомъ змѣи: „Брося его кто-либо въ одномъ мѣстѣ, а поползли змѣйки повсюду. Одна заползетъ въ карманъ вернушагося съ базара крестьянина, и вытащитъ оттуда послѣднія трудовыя копѣйки; другая отниметъ 50 р. изъ суммы, назначенной на покупку рекрутской квитанціи, и заставитъ обиженнаго неизвѣстною, но преступною рукою парня пойти въ солдаты; третья вырветъ 10 р. изъ послѣднихъ 13 р., полученныхъ молодою швеею-иностранкою, выгнанною на улицы чуждаго и полнаго соблазна города, и т. д., и т. д. — Ужели мы должны прослѣдить путь каждой такой змѣйки и иначе не можемъ обвинить тѣхъ, кто ихъ распустилъ?“ Красивое сравненіе сослужило здѣсь большую службу обвиненію; оно помогло присяжнымъ отвергнуть одинъ изъ доводовъ защиты, основанный на томъ, что ничего или почти ничего неизвѣстно о судьбѣ фальшивыхъ бумажекъ, выпущенныхъ изъ моднаго магазина Акаръ. Таковую же цѣну имѣетъ другое сравненіе, заимствуемое нами изъ обвинительной рѣчи по дѣлу объ убійствѣ Бѣлова. Въ этомъ дѣлѣ положеніе обвинителя было очень трудное, потому что ему приходилось бороться противъ экспертизы профессора судебной медицины. Экспертъ разсматривалъ каждое явленіе, обнаруженное при вскрытіи трупа Бѣлова, отдѣльно отъ другихъ, и приходилъ къ заключенію, что насильственная смерть Бѣлова не доказана. Обвинитель возражалъ противъ такого способа изслѣдованія, указывалъ на необходимость *совокупнаго* разсмотрѣнія всѣхъ признаковъ, найденныхъ при вскрытіи, и иллюстрировалъ свою мысль слѣдующимъ сравненіемъ, по всей вѣроятности не оставшимся безъ вліянія на присяжныхъ. „Мы видимъ человѣка, который смотритъ безсмы-

сленнымъ, остановившимся, безжизненнымъ взоромъ, съ разинутымъ ртомъ и отсутствіемъ движенія въ лицѣ... Это безумный, говоримъ мы... Нѣтъ,—отвѣчаютъ намъ,—хотя безумные и имѣютъ иногда подобный видъ, но одинъ онъ еще ничего не доказываетъ;—это просто, можетъ быть, разсѣянный, задумавшійся до самозабвенія человѣкъ. Мы видимъ человѣка, который вздрагиваетъ безъ всякаго повода, видитъ видѣнія, разговариваетъ съ невѣдомыми лицами, говорить, что слышитъ голоса, и т. д. Это человѣкъ съ омраченнымъ разсудкомъ,—говоримъ мы.—Нѣтъ!—отвѣчаютъ намъ,—это просто, можетъ быть, человѣкъ слишкомъ нервно настроенный, съ возбужденными до крайности чувствами, ибо ложныя представленія могутъ быть и у разумнаго, но разстроеннаго, воспримчиваго, больного человѣка. — Мы видимъ человѣка, который говоритъ несбыточныя вещи, живетъ въ цѣломъ мірѣ фантазій и чудесъ, и съ самозабвеніемъ относится къ окружающей жизни. Онъ помѣшанъ, — скажемъ мы.—Нѣтъ,—отвѣтятъ,—это еще не доказательство потери разсудка; это просто, можетъ быть, восторженный поэтъ, увлекающійся импровизаторъ, человѣкъ, забывшій прозаическую обстановку жизни подъ влияніемъ сильнаго, живого воображенія. Мы видимъ, наконецъ, человѣка, котораго не слушаютъ ноги и руки и которому отказывается поинноваться сильное нѣкогда тѣло. Это параличъ помѣшанныхъ, — скажемъ мы.—Почему же помѣшанныхъ?—отвѣтятъ намъ. Духовное состояніе человѣка тутъ не при чемъ, это обыкновенный параличъ органовъ движенія, происходящій отъ разнообразныхъ причинъ... И во всѣхъ этихъ случаяхъ мы будемъ неправы, скоры, поверхностны въ сужденіяхъ. Но когда мы увидимъ человѣка, въ которомъ соединились *est* указанная мною явленія, который тупо и бессмысленно смотритъ, говоритъ, путаясь языкомъ, дикія и безсвязныя вещи, дѣлаетъ странныя движенія, еле двигаетъ ослабѣвшими ногами, потухающимъ взоромъ видитъ то, чего другіе не видятъ, и витаетъ въ особомъ оригинальномъ мірѣ, созданномъ его большимъ воображеніемъ, тогда мы говоримъ, что это не только нервный, больной физически или разсѣянный человѣкъ, а несчастный, въ которомъ потухла искра разума—сумасшедшій“. Убѣдительность этого сравненія не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Мы не касались до сихъ поръ специально-юридической стороны рѣчей А. Θ. Кони. Подробный ея разборъ потребовалъ бы слишкомъ много мѣста и заинтересовалъ бы однихъ юристовъ; для нашей цѣли достаточно намѣтить немногія характеристическія ея черты. Не только въ предсѣдательскихъ гезисахъ и въ

кассационныхъ заключеніяхъ ¹⁾, но и въ обвинительныхъ рѣчахъ А. Ѳ. Кони разсѣяно множество мѣткихъ замѣчаній, глубоко вѣрныхъ опредѣленій, заслуживающихъ войти въ оборотъ русской юридической жизни. Таково, на примѣръ, опредѣленіе сомнѣнія, заимствуемое нами изъ обвинительной рѣчи по дѣлу Яценевъ. „Говорятъ, что сомнѣніе служить въ пользу подсудимаго. Да, это счастливое и хорошее правило! Но, спрашивается, какое сомнѣніе? Сомнѣніе, которое возникаетъ послѣ оцѣнки всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ доказательствъ, которое вытекаетъ изъ оцѣнки нравственной личности подсудимаго. Если изъ всей этой оцѣнки, долгой и точной, внимательной и серьезной, все-таки вытекаетъ такое сомнѣніе, что оно не даетъ возможности заключить о виновности подсудимаго, тогда это сомнѣніе спасительно и должно влечь оправданіе. Но если сомнѣніе является только оттого, что не употреблено всѣхъ усилій ума и вниманія, совѣсти и воли, чтобы, сгруппировавъ всѣ впечатлѣнія, вывести одинъ общій выводъ, тогда это сомнѣніе фальшивое, тогда это плодъ умственной разслабленности, которую нужно побороть. Надъ сомнѣніемъ нужно поработать, его нужно или совсѣмъ побѣдить, или совсѣмъ ему покориться, но сдѣлать это, во всякомъ случаѣ, серьезно, взвѣсивъ и оцѣнивъ данныя для обвиненія“. Не менѣе заслуживающими вниманія кажутся намъ и разсужденія о сознаніи, встрѣчающіяся въ обвинительной рѣчи по дѣлу объ убійствѣ Штрама. „Опытъ, даваемый уголовною практикою, приводитъ къ тому, что въ большей части преступленій, въ которыхъ виновность преступника строится на косвенныхъ доказательствахъ, на совокупности уликъ и лишь отчасти подкрѣпляется его собственнымъ сознаніемъ, это сознаніе нѣсколько разъ мѣняетъ свой объемъ и свою окраску. *Подозрѣваемый* сознается лишь въ одномъ, въ неизбѣжномъ, надѣясь уйти отъ суда; *обвиняемый* сознается полнѣе, потому что надежда уйти отъ суда меркнетъ въ его глазахъ; — *подсудимый*, пройдя школу размышленія, а иногда и совѣтовъ товарищей по несчастію, снова выбрасываетъ изъ своего признанія все то, что можно выбросить, все, къ чему не приросли твердо улики, — ибо у него снова блеститъ надежда уйти уже не отъ суда, но отъ наказанія“ ... При разсмотрѣніи дѣла Гулакъ-Артемовской обвинитель сравнилъ присяжныхъ съ врачами, призванными къ леченію обще-

¹⁾ Изъ числа семи кассационныхъ заключеній, вошедшихъ въ составъ сборника А. Ѳ. Кони, о четырехъ (по дѣламъ Оболевскаго, Федорова, Вальяно и Назарова) говорилось въ свое время въ Общественной Хроникѣ „Вѣстника Европы“ (1886 г. № 1 и 12, 1887 г. № 3).

ственной болѣзни. А. Ѳ. Кони, предсѣдательствовавшій на судѣ, замѣтилъ, по этому поводу, въ своемъ заключительномъ словѣ: „не забудьте одного—что по обязанности вашей вы не врачи-санитары, устраняющіе возможность страданій въ будущемъ вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій въ настоящемъ. Вы врачи-хирурги, долженствующіе опредѣлить, есть ли болѣзнь, предусмотрѣнная закономъ, и есть ли основанія примѣнить къ ней суровое лекарство, указанное тѣмъ же закономъ. Вы судите не нравственную оболочку, а преступленіе, не достойную порицанія бытовую обстановку, а достойное кары дѣйствіе. Нравственная оболочка дѣла была изучена вами въ подробности и не могла не произвести на васъ впечатлѣнія, по всей вѣроятности, печальнаго; но я приглашаю васъ, господа, совершенно отрѣшиться отъ этого впечатлѣнія, совершенно забыть объ этой оболочкѣ, если *преступленіе*, въ которомъ обвиняются подсудимые, не доказано предъ вами и не оставило въ вашей совѣсти слѣда несомнѣнности“.

Еще больше указаній, цѣнныхъ для нашей юридической практики, представляютъ, конечно, кассационныя заключенія А. Ѳ. Кони. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить теорію предсѣдательскаго *résumé*, начертанную имъ въ недавнемъ заключеніи по дѣлу саратовско-симбирскаго земельного банка. И все-таки, читая кассационныя заключенія А. Ѳ. Кони, чувствуешь на каждомъ шагѣ, что ему тѣсно въ этой сферѣ, что настоящее его призваніе — судебное краснорѣчіе, имѣющее дѣло съ живыми людьми, а не съ отвлеченными юридическими вопросами. Проблески этого краснорѣчія прорываются и въ рѣчахъ оберъ-прокурора, — но оно не можетъ развернуться здѣсь во всей своей ширинѣ, во всей своей силѣ. Характеристика клеветы и сплетни (въ заключеніи по дѣлу Соболевскаго), сравненіе клеветы съ поджогомъ (въ заключеніи по дѣлу Лангтауза), сравненіе процесса съ кораблемъ, отвѣснаго листа — съ маятникомъ, обманываемой казны — съ дурно обороняемою крѣпостью (въ заключеніи по дѣлу о таганрогскихъ таможенныхъ злоупотребленіяхъ), замѣчанія объ „извращенія уголовной перспективы“ (въ заключеніи по дѣлу скопинскаго банка)—все это производитъ на насъ впечатлѣніе отголосковъ изъ другой сферы, покинутой ораторомъ, но по прежнему ему дорогой и близкой.

Мы пришли къ концу нашей статьи, далеко не исчерпавъ все замѣчательное въ рѣчахъ А. Ѳ. Кони. Наша задача испол-

нена, если намъ удалось показать въ нихъ нѣкоторыя характеристическія черты русскаго судебного краснорѣчія. Главную его силу составляетъ, какъ намъ кажется, простота—та самая простота, которою запечатлѣны лучшія произведенія русской литературы. Русскій судебный ораторъ, наиболее близкій къ идеалу русскаго судебного краснорѣчія, не становится на ходули, не надѣваетъ на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, не высоко цѣнитъ громкія, трескучія фразы. Онъ больше бесѣдуетъ, чѣмъ декламируетъ или вѣщаетъ, обращается больше къ здравому смыслу, чѣмъ къ фантази присяжныхъ; ему случается, конечно, апеллировать къ ихъ чувству, но не къ ихъ чувствительности. Онъ не чуждается украшеній рѣчи, но не въ нихъ ищетъ и находитъ главный источникъ силы. Онъ никогда не говоритъ только для публики, никогда не забываетъ о дѣлѣ, къ разъясненію котораго онъ призванъ, никогда не упускаетъ изъ виду, что отъ его словъ зависитъ, въ большей или меньшей степени, судьба человѣка. Онъ не нарушаетъ, безъ надобности, уваженія къ чужой личности, падить, по возможности, даже своихъ противниковъ, ни въ чемъ существенномъ, однако, не уступая и не отступая. Такимъ мы видѣли А. Ѳ. Кони—и такими желали бы видѣть всѣхъ нашихъ обвинителей и защитниковъ. Само собою разумѣется, что разница въ темпераментѣ, въ направленіи, въ свойствѣ дарованія всегда будетъ сказываться въ судебномъ краснорѣчіи, какъ и во всѣхъ другихъ видахъ творчества—но мы и не думаемъ подводить судебную рѣчь подъ дѣйствіе неподвижныхъ, для всѣхъ и всегда одинаковыхъ правилъ. Въ предѣлахъ, нами указанныхъ, возможно величайшее разнообразіе приемовъ; къ одному и тому же идеалу можно стремиться самыми различными путями.

Какою бы точностью ни отличалась передача рѣчи, какъ бы хорошо ни сохранилась, при переходѣ въ печать, мысль оратора и даже словесная ея оболочка, многое теряется, при этомъ переходѣ, непоправимо и безслѣдно. Для читателей ораторъ никогда не можетъ быть тѣмъ самымъ, чѣмъ онъ былъ для слушателей. Кто слышалъ А. Ѳ. Кони, тотъ знаетъ, что отличительное свойство его живой рѣчи—полнѣйшая гармонія между содержаніемъ и формой. Спокойствіемъ, которымъ проникнута его аргументація, дышетъ и его ораторская манера. Онъ говоритъ не громко, не скоро, рѣдко возвышая голосъ, но постоянно мѣняя тонъ, свободно приспособляющійся ко всѣмъ отгѣнкамъ мысли и чувства. Онъ почти не дѣлаетъ жестовъ; движеніе сосредоточивается

у него въ чертахъ лица. Онъ не колеблется въ выборѣ выраженій, не останавливается въ нерѣшительности, не уклоняется въ сторону; слово всецѣло находится въ его власти. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ онъ готовится свои рѣчи заранѣе, въ какой — полагается на вдохновеніе минуты. Несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно: ему вполне доступна импровизація, такъ какъ иначе его реплики замѣтно уступали бы его первоначальнымъ рѣчамъ, — а этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ.. Глубоко обдуманная и мастерски построенная его рѣчь всегда полна движенія и жизни. Ею можно любоваться, какъ произведеніемъ искусства — и вмѣстѣ съ тѣмъ ее можно изучать, какъ образецъ обвинительной техники.

К. Арсеньевъ.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.

† 26-го февраля (9-го марта) 1888 г.

СТАРАЯ И НОВАЯ ГЕРМАНИЯ.

I.

— „Нашъ сынъ Вильгельмъ, если я только не ошибаюсь, будетъ такимъ же простымъ, честнымъ и преисполненнымъ здраваго смысла человѣкомъ, какъ и его отецъ“,—говорила королева Луиза въ письмѣ къ своему супругу, королю Фридриху-Вильгельму III. Письмо это было писано ровно восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1808 году, когда Вильгельму, будущему императору будущей германской имперіи, шелъ всего одиннадцатый годъ. Очень рѣдко ребенокъ, становясь зрѣлымъ человѣкомъ, такъ блистательно оправдываетъ пророчество, подсказанное чуткимъ и любящимъ сердцемъ матери, какъ оправдалъ предсказаніе королевы Луизы императоръ Вильгельмъ. Ни одна характеристика такъ сжато и вмѣстѣ такъ рельефно не обрисовываетъ образа сошедшаго въ могилу престарѣлаго императора, какъ та, которая была сдѣлана его матерью. „Простымъ, честнымъ и преисполненнымъ здраваго смысла человѣкомъ“ прошелъ онъ весь свой рѣдко-длинный жизненный путь; такимъ онъ предстанетъ и на судъ безпристрастной исторіи, которая, во имя совершившихся въ его долгое царствованіе великихъ для Германіи историческихъ событій, назоветъ и его самого великимъ государемъ.

Мы привыкли думать, что наименованіе великаго государя присваивается только такимъ исключительнымъ людямъ, какъ Петръ I, Фридрихъ II или даже Наполеонъ I, т.е. людямъ, отличающимся необыкновенными личными качествами, обладающимъ гениальнымъ

умомъ, изъ ряда вонъ выходящими способностями полководца, администратора, политика. Императоръ Вильгельмъ былъ только „простой, честный и преисполненный здраваго смысла человекъ“, что не помѣшало ему, однако, совершить для своей родины такія дѣянія, которымъ можетъ позавидовать любой великій монархъ. Гдѣ объясненіе такого, на первый взглядъ, необычайнаго явленія? Оно глубоко кроется въ историческихъ судьбахъ народовъ. Если, порой, великіе— по своимъ личнымъ выдающимся способностямъ— люди силою своего генія создаютъ великія событія, то гораздо чаще такія великія событія совершаются силою идеи, медленно, цѣлыми столѣтіями, прокладываящую свой побѣдоносный путь. Сила идеи вознесетъ на необыкновенную высоту даже обыкновеннаго, честнаго и здравомыслящаго человѣка, если только, поставленный волею судебъ во главѣ народа, онъ проникнется истинно народною идеею и сдѣлается ея искреннимъ и горячимъ служителемъ.

Такою идеею, коренившеюся среди нѣмецкаго народа, была идея германскаго единства. Такимъ ревностнымъ служителемъ ея явился императоръ Вильгельмъ. Вотъ ключъ къ объясненію его крупной исторической роли...

Для оцѣнки исторической роли императора Вильгельма необходимо сопоставить Европу, какою она представлялась сорокъ лѣтъ тому назадъ, съ современною намъ Европою. Неудивительно, если, оглядываясь на далекое прошлое, императоръ Вильгельмъ, какъ онъ самъ выражался, считалъ быстро слѣдовавшія другъ за другомъ историческія событія какимъ-то сномъ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ Европа представлялась какъ бы застывшею въ томъ полунѣмомъ состояніи, которое вызвано было сначала бурею французской революціи съ ея всеокрушающими войнами, а затѣмъ страшнымъ погромомъ воинственнаго колосса, оставившимъ Францію одно лишь наслѣдіе: озлобленіе и ненависть со стороны всѣхъ народовъ. Въ 40-хъ годахъ не она диктовала законы Европы. Франція Луи-Филиппа смиренно сжалась и подслуживалась торжествовавшему тогда абсолютизму, явившемуся на смѣну революціи. Въ эпоху второй имперіи она снова возвысила свой голосъ въ Европѣ, но только въ другомъ совсѣмъ тогѣ, послѣ счастливаго для нея исхода крымской войны и Парижскаго мира. Италия не существовала. Венеція и Ломбардія стонали подъ суровымъ владычествомъ Австріи. Другія области Италіи, Тоскана, Неаполь, лежали связанными у ногъ ихъ правителей. Въ одномъ Пьемонтѣ не угасала надежда и вѣра въ будущее. Существовала ли Германія?—Нѣтъ! Германскій союзъ влчилъ жалкое существованіе, голоса его вовсе не было слышно; Австрія стремилась распоряжаться грубымъ тономъ капрала, презрительно относясь къ

Пруссія, которая, въ свою очередь, почтительно стояла предъ императоромъ Николаемъ. Наслѣдникъ побѣдителя Наполеона I находился въ апогеѣ своего могущества. Никому не могло придти въ голову помѣряться силами съ Россіей того времени. Императоръ Николай диктовалъ законы Европѣ, не сомнѣвавшейся тогда въ силѣ сѣвернаго колосса. Если Австрія давала себя чувствовать и зазнавалась, то только благодаря своей дружбѣ съ Россіей, которую она эксплуатировала подъ предлогомъ охраны неприкосновенности священныхъ началъ абсолютизма. Англія, гордая своимъ Ватерлоо и усталая отъ напряженной борьбы съ Наполеономъ I, замкнулась на своемъ островѣ, полуравнодушно, полупрезрительно относясь къ матеріку Европы.

Кто можетъ узнать въ этомъ эскизѣ 40-хъ годовъ Европу настоящаго десятилѣтія? Все измѣнилось. Въмѣсто униженной при Луи-Филиппѣ и блиставшей мишурнымъ золотомъ при Наполеонѣ III Франціи, мы видимъ республиканскую Францію, которая вотъ уже скоро восемнадцать лѣтъ, среди невыгодно отзывающейся на государственномъ организмѣ борьбы политическихъ партій, напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы залечить глубокія раны, нанесенныя ей въ борьбѣ державою, которая сорокъ лѣтъ тому назадъ какъ бы еще не существовала. Въмѣсто заносчивой и разыгрывавшей въ Германіи первостепенную роль Австріи, мы видимъ Австро-Венгрію, удаленную и изъ Германіи, и изъ Италіи, и тѣсно применувшую къ той самой державѣ, которая, униживъ ее, въ то же время направила ея стремленія на Востокъ. Въмѣсто раздробленныхъ и мелкихъ итальянскихъ государствъ явилась единая Италія — планета, вошедшая въ орбиту ярко засвѣтившаго новаго солнца. Англія должна была утратить свое вѣковое вліяніе на материкъ, среди вооруженной съ ногъ до головы Европы. Измѣнилось и положеніе Россіи въ томъ смыслѣ, что на порогъ ея не стоитъ, какъ прежде, готовая повиноваться ей Пруссія. Взамѣнъ какъ бы подначальной державы, явилось по сосѣдству могущественнѣйшее государство въ Европѣ, каждое слово котораго тяжело вѣсится на политическихъ вѣсахъ, и потому оно съ полнымъ правомъ требуетъ себѣ если не бѣльшаго, то равнаго вниманія и уваженія. Не утративъ своего матеріальнаго могущества, Россія, вслѣдствіе возникновенія въ центрѣ Европы новой всеильной державы, перестала быть вершителницею судебъ европейскихъ государствъ; она не внушаетъ больше того неизъяснимаго страха, который заставлялъ трепетать европейскія государства до крымской войны, когда потребовалась цѣлая европейская коалиція для борьбы съ нами. И весь этотъ переворотъ совершила небольшая Пруссія, превратившаяся въ могущественную Германію, или—вѣрнѣе—поглотившая Германію.

Какія же великія событія должны были совершиться въ Европѣ,

чтобы вмѣсто безсильной и подначальной Пруссіи явилась на сцену новая нѣмецкая имперія, во всеоружіи, грозная, ставшая посреди Европы, и чтобы всесильный министр этой имперіи, по праву реальной силы, безъ всякаго хвастовства, имѣлъ возможность произнести слова, точно эхо разлещіися по всему свѣту: „мы, нѣмцы, никого не боимся, кромѣ Бога“! Въ 40-хъ годахъ онъ не могъ бы сказать ничего подобнаго.

Понятно, что тотъ, съ чѣмъ именемъ неразрывно связанъ такой громадный политическій переворотъ въ Европѣ, такое фантастическое превращеніе небольшого государства въ могущественную имперію, неизбежно долженъ занять на страницахъ исторіи одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Такое именно мѣсто отнынѣ принадлежитъ императору Вильгельму.

Если онъ не принадлежалъ къ тѣмъ исключительнымъ натурамъ, которыя, силою своего генія, вызываютъ или создаютъ событія, то все-таки въ высшей степени несправедливо было бы отрицать непосредственное, личное вліяніе покойнаго императора на ходъ тѣхъ историческихъ событій, которыми ознаменовалась его исключительно долгая жизнь. Идея нѣмецкаго единства, встрѣченные ею на историческомъ пути геніальные люди и, главное, счастливая случайность— вотъ что создало, могутъ сказать, тѣ событія, которыя превратили ничтожную Пруссію въ могущественное государство, и третьестепеннаго наследнаго принца прусскаго—въ нѣмецкаго императора! Безъ всякаго сомнѣнія, „*Sa Majesté le Hasard*“, какъ говорилъ Фридрихъ II, игралъ большую роль въ тѣхъ политическихъ событіяхъ, во главѣ которыхъ неизмѣнно стоялъ императоръ Вильгельмъ. Нужно было, чтобы Австрія во время крымской кампаніи „удивила міръ своею благодарностью“ по отношенію Россіи за помощь, оказанную ей на поляхъ сраженій въ Венгріи, и за то моральное вліяніе, которое заставило Пруссію вынести ольмюцское униженіе, для того, чтобы Россія вполнѣ равнодушно отнеслась къ ея пораженію въ 1859 году,—пораженію, повлекшему за собою отторженіе Ломбардіи, ослабленіе Австріи, уменьшеніе ея вліянія среди германскаго союза, что, въ свою очередь, доставило возможность Пруссіи расширить сферу своего вліянія, возвышаясь, такимъ образомъ, на счетъ Австріи. Нужно было, чтобы Наполеонъ III предалъ публичной анаемѣ всѣ постановленія вѣнскаго конгресса, связывавшія Пруссію по рукамъ и ногамъ; чтобы онъ въ своей слѣпотѣ относительно интересовъ Франціи громко провозгласилъ принципъ національностей, и поспѣшилъ дать подтвержденіе своимъ словамъ, бросившись въ войну за освобожденіе и за единство Италіи, и тѣмъ впередъ предоставилъ Пруссіи какъ бы *carte blanche* въ ея стремленіи осуществить идею національнаго единства. Тотъ же счастли-

вый случай содѣйствовалъ императору Вильгельму, когда Австрія, упорствуя въ обладаніи Венеціей, бросила Италію въ объятія Пруссіи, какъ только этой послѣдней понадобилась союзница для нанесенія рѣшительнаго удара ея старой и одряхлѣвшей соперницѣ — Австріи. Нужно было, наконецъ, чтобы Франція, своею кровью содѣйствовавшая освобожденію Италіи, возбудила противъ себя итальянское народное чувство насильственнымъ удержаніемъ Рима; чтобы въ критическую минуту, когда завязалась рѣшительная борьба между Пруссіей и Франціей, Италія, эта законная и естественная союзница Франціи, не протянула ей руку помощи. Этого мало. Нужно было, чтобы та же Франція, примиренная съ Россіей силою взаимныхъ народныхъ симпатій послѣ Парижскаго мира, снова оттолкнула ее своимъ платоническимъ сочувствіемъ польскому возстанію въ 1863 г., для того, чтобы Россія въ 1870 году предоставила Францію на произволь побѣдителя, и тѣмъ самымъ дала бы возможность Пруссіи завершить свое баснословное превращеніе въ грозную нѣмецкую Имперію. „Sa Majesté le Hasard“ видимо покровительствовало Пруссіи, точно умышленно ослѣпляя всѣ остальные, окружавшія Германію, государства. Случай, безъ сомнѣнія, игралъ значительную роль въ политикѣ безпримѣрныхъ успѣховъ Пруссіи, но вѣдь и случаемъ пользуется не всякій кто хочетъ. Имъ нужно умѣть пользоваться, а главное—надо быть готовымъ и сильнымъ, чтобы имъ воспользоваться въ тотъ именно моментъ, когда онъ нежданно-негаданно представится. Невольно припоминаются слова Суворова: „сегодня счастье, завтра счастье,—нужно когда-нибудь и умѣнье“!

Счастливы былъ тоже императоръ Вильгельмъ въ выборѣ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, которымъ принадлежитъ честь значительной доли успѣховъ, сопровождавшихъ его продолжительное царствованіе. Но и въ этомъ отношеніи невозможно отрицать непосредственнаго, личнаго вліянія покойнаго императора. Выборъ совѣтниковъ, наиболѣе близко стоящихъ къ трону, представляется всегда одною изъ самыхъ трудныхъ задачъ главы государства, и если этотъ выборъ нехорошъ, если ближайшими совѣтниками престола становятся люди ограниченные или способные только задерживать нормальное развитіе всѣхъ общественныхъ и государственныхъ силъ, не давая имъ никакого выхода, то причиною тому, большею частью, не дѣйствительный недостатокъ въ людяхъ, а неумѣнье или нежеланіе окружить себя людьми, имѣющими самостоятельныя взгляды на государственныя задачи. Великая заслуга императора Вильгельма передъ своимъ отечествомъ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что онъ всегда былъ чуждъ опасенія, чтобы слава его министра не затмила его собственной славы; онъ умѣлъ не только спокойно выносить противорѣчія, но подчасъ

жертвовать своими симпатіями и уступать своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, побуждаемый къ тому единственно благомъ государства и тою идеей нѣмецкаго единства при помощи могущества Пруссіи, которую онъ проникся съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, увидавъ любимую имъ родину на самомъ краю гибели и до дна испившею чашу униженія. Судьба, личная долгая жизнь императора Вильгельма до такой степени тѣсно переплетены съ судьбою цѣлаго государства, что говорить о его жизни—значитъ передавать исторію старой и новой Германіи за богатый періодъ всего нынѣшняго столѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія Германіи въ теченіе XIX-го вѣка такъ близко сопрякасается почти со всѣми европейскими государствами, что тому, кто захочетъ прослѣдить жизнь покойнаго императора, волей-неволей придется припомнить, хотя въ главныхъ штрихахъ, исторію цѣлой Европы за послѣднія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ.

II.

Дѣтскіе годы императора Вильгельма (1804-1814 гг.) переносятъ насъ въ ту эпоху, когда почти вся континентальная Европа болѣе или менѣе стояла отъ эфемернаго, но, тѣмъ не менѣе гнетущаго владычества Наполеона I. Пруссія была уничтожена, Берлинъ—занятъ французскими войсками, произволъ побѣдителя сдѣлался единственнымъ закономъ для цѣлой страны. Прусская королевская семья должна была спастись бѣгствомъ, и не разъ несчастной королевы Луизы, послѣдшне удалявшейся въ Кенигсбергъ, вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ любимцемъ сыномъ Вильгельмомъ, приходилось съ трепетомъ оглядываться назадъ на дорогу, опасаясь увидѣть нагоняющую французскую кавалерію. Все населеніе было объято страхомъ. Битва при Іенѣ, казалось, навсегда подкосила самое существованіе Пруссіи. Армія, созданная гениемъ Фридриха II, ознаменовавшая себя цѣлымъ рядомъ побѣдъ, погибла. Бѣгство, спасеніе отъ преслѣдованія гордаго побѣдителя, страхъ и ужасъ, въ которомъ оцѣпенѣло все населеніе—не могли не произвести потрясающаго впечатлѣнія и не запастъ глубоко въ душу ребенка, которому тогда шелъ уже десятый годъ. Тщетны были мольбы, обращенныя къ побѣдителю, и королева Луиза изъ своей побѣдки въ Тильзитъ для свиданія съ Наполеономъ, котораго она напрасно старалась склонить къ состраданію, вынесла только новую ненависть къ врагу, разбившему всѣ ея упованія. Французское владычество—такова была первая школа, черезъ которую прошелъ императоръ Вильгельмъ. Неудрено, что въ то время, когда настала его чередъ, когда фортуна круто повернула свое колесо, онъ припо-

мнилъ впечатлѣнія дѣтства и отплатилъ врагу такою же суровою неумолимостью.

При тѣхъ трагическихъ обстоятельствахъ, среди которыхъ протекали дѣтскіе годы Вильгельма, воспитаніе его было самое простое, чуждое придворнаго этикета и разслабляющаго вліянія, которое неизбѣжно кладеть свою печать на умъ и душу мальчика,—печать лести, подобострастія и соединенной съ ними лжи. Благотворное вліяніе матери было прервано смертью королевы Луизы въ 1810 году, когда воспитаніе его перешло въ руки военныхъ наставниковъ. Вильгельмъ не долженъ былъ таготиться переходомъ въ военныя руки, такъ какъ съ самаго раннаго дѣтства онъ обнаруживалъ страстную любовь ко всему, что касалось войны, арміи, словомъ—военнаго дѣла. Любовь эта, впрочемъ, прирождена и большинству его соотечественниковъ, и не даромъ говорилъ Мирабо, возвратясь изъ путешествія своего въ Пруссію: „la guerre est l'industrie nationale de la Prusse“.

Въ то время люди вступали въ жизнь очень рано, и потому нисколько не удивительно, что Вильгельмъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, получилъ уже первое крещеніе огнемъ въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ. Съ этихъ поръ, т.-е. съ 1813 г., онъ принимаетъ уже участіе во всѣхъ кампаніяхъ, наряду съ своимъ отцомъ, постоянно обнаруживая подогнемъ хладнокровіе и отвагу. Мы не станемъ подробно останавливаться на этомъ періодѣ его жизни, но нельзя, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, не охарактеризовать самой эпохи, которая наступила въ Германіи непосредственно вслѣдъ за паденіемъ Наполеона. Это было время наибольшаго подъема духа, когда, въ видѣ несокрушимаго фундамента, заложена была идея національнаго единства. Франція совершала тогда свой побѣдоносный путь при помощи не только своей арміи, но столько же, если не больше, силою того духа свободы, который шелъ по патамъ французскихъ полчищъ. Армія заставляла склоняться народы, а духъ свободы одухотворилъ ихъ своимъ прикосновеніемъ. Въ минуты опасности люди бываютъ всегда склонны давать всевозможныя обѣщанія,—одни искренно, другіе въ надеждѣ, какъ только минуетъ опасность, взять свои обѣщанія обратно. Такъ было и съ нѣмецкими государями. Въ своихъ обращеніяхъ къ своимъ подданнымъ, въ своихъ прокламаціяхъ, нѣмецкіе государи, во время борьбы съ Наполеономъ, не скупились на обѣщанія. По устраненіи французскаго намествія, казалось, долженъ былъ наступить золотой вѣкъ свободы. Въ то же самое время раздалось и другое слово, ласкавшее нѣмецкое ухо и вызывавшее въ воображеніи народа—точно воспоминаніе изъ забытаго и счастливаго сна—представленіе о великой и могущественной нѣмецкой имперіи. Слово это было: „единство“, и раздалось оно какъ разъ въ тотъ моментъ, когда

нѣмцы съ отчаяніемъ и горечью должны были созерцать свою разрозненность, сдѣлавшую ихъ легкой добычей непріятельской арміи. Слово это находило себѣ откликъ во всѣхъ нѣмецкихъ сердцахъ, безъ различія классовъ, образованія, положенія. Въ это время одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Германіи, Штейнъ, вырабатывалъ въ Петербургѣ планъ будущаго нѣмецкаго союза; такіе писатели, какъ Арндтъ, Гёресъ, чуть не каждый день слагали страстные стансы, настоящіе проповѣди на тему нѣмецкаго единства. Всѣ университеты, игравшіе въ ту эпоху выдающуюся роль въ общественной жизни Германіи, вся молодежь, предводимая профессорами, все было увлечено и все увлекало пропагандою идеи возрожденія широкаго нѣмецкаго отечества.

Этому страстному, лихорадочному увлеченію близкимъ осуществленіемъ идеи нѣмецкаго единства подрѣзалъ крылья вѣнскій конгрессъ, помѣстивъ въ трактатѣ статью, гласившую: „les états allemands seront indépendants et unis par un lien fédératif“. Нѣмцы понимали, какаѣ пропасть раздѣляетъ „независимыя нѣмецкія государства, соединенныя федеративною связью“, отъ той единой нѣмецкой родины, о которой они мечтали, и которою бредили. Выброшенная изъ дѣйствительной, государственной жизни, идея нѣмецкаго единства осталась жить въ пѣсняхъ, стихахъ, пламенныхъ рѣчахъ патріотовъ и, главное, въ сердцахъ людей.

Разочарованіе въ ихъ лучшей надеждѣ вызвало горькое озлобленіе въ душѣ нѣмецкихъ патріотовъ.—Мы рабы,—говорили они,—мы игрушки въ чужихъ рукахъ; для того, чтобы добиться осуществленія нашей мечты нѣмецкаго единства, мы должны быть, прежде всего, свободными людьми и имѣть возможность распоряжаться своею судьбою. Одна свобода можетъ доставить, думали они, осуществленіе идеи нѣмецкаго единства. Отсюда народился лозунгъ: *Einheit durch Freiheit!* Были люди и иного мнѣнія. Эти другіе полагали, что не политическая свобода поведетъ къ объединенію Германіи, а сила и военное могущество государства. Воспоминаніе, еще свѣжее въ то время, о Фридрихѣ II, подсказывало, что изъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ такимъ сильнымъ и могущественнымъ можетъ сдѣлаться скорѣе другихъ одна лишь Пруссія.

Къ этимъ другимъ принадлежалъ и принцъ Вильгельмъ, который съ той поры и до конца своей жизни весь отдался служенію силъ и военному могуществу своей родной страны. Армія сдѣлалась его религіею, ею онъ дышалъ, ею онъ жилъ, ради нея онъ соглашался на всякія жертвы, ради нея онъ всегда готовъ былъ идти на встрѣчу всякимъ опасностямъ; ей онъ не задумался принести въ жертву, впоследствии, и популярность, и народную любовь — этотъ лучший алмазъ ко-

роны. Но армія служила для него не игрушкой, и существовала не для разводовъ и парадовъ: въ ней онъ видѣлъ единственную охрану своей родины отъ повторенія тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождалось чужеземное нашествіе, заставившее его бѣдную мать спасаться бѣгствомъ передъ неприятелемъ. Любовь къ арміи тѣсно переплеталась у него съ любовью къ родинѣ, и въ этой горячей любви, въ этомъ страстномъ желаніи видѣть свою страну независимую и могущественною, безпристрастный историкъ найдетъ оправданіе тому господству милитаризма, которымъ окрашено все блестящее царствованіе императора Вильгельма. Не его вина, если всѣ событія, совершавшіяся на его глазахъ съ самаго дѣтскаго возраста, крѣпко вселили въ немъ убѣжденіе, что міръ управляется не свободой, а силой.

Германія, обманутая въ своей мечтѣ о нѣмецкомъ единствѣ, обманута была и въ своихъ ожиданіяхъ свободы, такъ громко возвѣщенной нѣмецкими государями въ минуту опасности. Карлсбадскія постановленія, веронскій конгрессъ, должны были окончательно излечить нѣмцевъ отъ всякихъ надеждъ, отъ вѣры въ какія-либо обѣщанія. Послѣ пароксизма возбужденія, для нѣмцевъ снова наступили монотонные, будничные дни, продолжавшіеся, за небольшимъ перерывомъ въ 1830 г., когда іюльская революція разнеслась бурнымъ эхо по Германіи, вплоть до 1848 года, когда впервые принцъ Вильгельмъ выступилъ на политической сценѣ Пруссіи въ качествѣ самостоятельнаго, дѣйствующаго лица.

До 1848 г. жизнь Вильгельма мало соприкасалась съ общественною и государственною жизнью его родины, и за исключеніемъ того времени, которое онъ посвятилъ на свою первую поѣздку въ Россію, гдѣ онъ представлялъ короля на коронаціи императора Николая Павловича, онъ весь былъ преданъ практическому изученію военнаго дѣла. Такъ какъ принцы вообще быстро двигаются по службѣ, то и немудрено, что принцъ Вильгельмъ въ двадцать-пять лѣтъ сдѣлалъ блестящую карьеру и былъ назначенъ дивизионнымъ генераломъ, на что, впрочемъ, ему давала и особое право его горячая любовь къ дѣлу. Биографы императора Вильгельма удостовѣряютъ, что онъ, командуя дивизіей, затѣмъ корпусомъ, работалъ, какъ рѣдко работаютъ дивизионные и корпусные командиры, что не можетъ, конечно, подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ исполненіе своего долга всегда, во всю эту длинную жизнь и до самой смерти, составляло рѣдкую отличительную черту императора Вильгельма.

Исполненіе своего долга относительно своей страны, относительно монархическаго начала, заставило его принести тяжелую жертву и въ сферѣ его личной жизни, о которой нельзя не упомянуть, такъ какъ она даетъ еще одну черту для обрисовки характера покойнаго импе-

ратора. Вопросъ касался его женитьбы. Будучи еще молодымъ человекомъ, онъ глубоко привязался къ дѣвушкѣ, блиставшей красотой при прусскомъ дворѣ, къ княжнѣ Радзивилль, и отдался своему чувству со всею страстью, присущею молодости. Рѣшеніе его было принято—княжна Радзивилль должна была сдѣлаться его женою. Этотъ предполагавшійся бракъ встрѣтилъ сначала сильную оппозицію въ королевской семьѣ; но принцъ Вильгельмъ рѣшился преодолѣть всѣ затрудненія и сломить сопротивление своего отца, короля Фридриха-Вильгельма III, противившагося этому браку исключительно въ виду государственныхъ, или, скорѣе, династическихъ соображеній. Принцы королевскаго дома не могли вступать въ бракъ иначе, какъ съ принцессами крови. Созваны были юристы. Одни изъ нихъ, при помощи родословныхъ изысканій, доказывали, что княжна Радзивилль принадлежитъ къ вѣтви, происходящей отъ одной изъ старыхъ польскихъ династій, и что поэтому вступленіе принца Вильгельма въ бракъ съ княжною Радзивилль ни въ чемъ не нарушитъ статута прусскаго королевскаго дома. Другіе юристы, однако, отвергали такое толкованіе, доказывая, что княжна Радзивилль не можетъ быть признана принцессою крови. Тогда обратились къ другому средству, чтобы обойти затрудненіе, вызванное рѣшеніемъ Вильгельма жениться на княжнѣ Радзивилль. Это новое средство состояло въ усыновленіи княжны Радзивилль принцомъ Августомъ, братомъ короля Фридриха-Вильгельма III. Усыновленіе—отвѣчали противники этого брака—не можетъ замѣнить происхожденія. Во время перипетій этого романа, младшій братъ принца Вильгельма, принцъ Карлъ, успѣлъ уже жениться на одной изъ дочерей великаго герцога саксенъ-веймарскаго. Когда веймарскому двору стали извѣстны предположенія, даже болѣе—рѣшимость принца Вильгельма жениться на княжнѣ Радзивилль, тогда было прямо заявлено великимъ герцогомъ веймарскимъ, что если принцъ Вильгельмъ соединится бракомъ съ княжною Радзивилль, тогда право престолонаслѣдія должно будетъ перейти къ дѣтямъ его дочери, жены принца Карла. Такое заявленіе произвело сильное впечатлѣніе на короля Фридриха-Вильгельма III. Въ перспективѣ уже рисовалась борьба изъ-за прусскаго престола между двумя линиями гогенцоллернскаго королевскаго дома. Фридрихъ-Вильгельмъ III, зная характеръ своего сына, его религіозное отношеніе ко всему, что онъ признавалъ долгомъ по отношенію къ государству и монархическому принципу, обратился къ нему съ просьбою принести именно въ жертву, во имя долга, его личное счастье, его глубокую привязанность къ княжнѣ Радзивилль. Сознаніе долга пересилило любовь, личное счастье. Вильгельмъ подчинился ему и черезъ нѣкоторое время вступилъ въ бракъ съ старшею дочерью герцога

веймарскаго, принцессою Августою. Такъ окончился романъ его молодости; послѣ этой рѣшительной побѣды долга надъ своимъ собственнымъ чувствомъ, онъ весь уже принадлежалъ государству, личныя жертвы для него не были уже дороги.

Нѣсколько лѣтъ спустя, среди всеобщаго политическаго затишья, наступившаго вслѣдъ за революціоннымъ броженіемъ въ Германіи и вызваннаго іюльскими событіями во Франціи, скончался король Фридрихъ-Вильгельмъ III; на престолъ вступилъ бездѣтный Фридрихъ-Вильгельмъ IV, старшій братъ принца Вильгельма, и такимъ образомъ послѣдній сдѣлался наслѣднымъ принцемъ. Открывшаяся передъ нимъ перспектива вступленія на прусскій престолъ наложила на него новыя обязанности. Его голосъ получилъ значеніе при разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ; онъ являлся теперь наиболѣе близкимъ совѣтникомъ своего царствующаго брата, и общественное мнѣніе въ Пруссіи возлагало теперь на него отвѣтственность за то или другое направленіе внутренней политики. Какъ часто бываетъ, вліянію принца прусскаго—такъ именовался теперь принцъ Вильгельмъ—придавали гораздо большее значеніе, чѣмъ то, которымъ онъ въ дѣйствительности пользовался. Правда, король назначилъ его предсѣдателемъ совѣта министровъ, приблизивъ его, такимъ образомъ, къ управленію государствомъ, но личный характеръ короля Фридриха-Вильгельма IV былъ вовсе не таковъ, чтобы кто-либо въ его царствованіе могъ имѣть на него прочное и серьезное вліяніе.

Это былъ человѣкъ въ высшей степени непоследовательный, для котораго между двумя крайностями не существовало середины. Онъ признавалъ возможнымъ сліяніе двухъ противоположныхъ началъ: абсолютизма и либерализма, и его любимая идея выражалась въ формулѣ: „свободный народъ подъ управленіемъ свободнаго короля!“—а подъ свободою короля онъ понималъ возможность все дѣлать по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь даже никакими законами. Онъ не желалъ понять, что или свободный народъ вытѣснитъ свободу короля, въ смыслѣ короля абсолютнаго, или свободный король вытѣснитъ права народа. Его идеи и поступки находились въ постоянномъ между собою противорѣчій; лучшимъ тому доказательствомъ служатъ событія его царствованія. Портретъ Фридриха-Вильгельма IV, нарисованный герцогомъ Эрнестомъ саксенъ-кобургскимъ въ его мемуарахъ, какъ нельзя лучше объясняетъ тѣ колебанія какъ во внутренней, такъ и во вѣшной политикѣ Фридриха-Вильгельма IV, съ которыми приходилось бороться будущему императору Вильгельму. „Онъ вовсе не заботился знать, согласуются ли его слова съ тѣмъ, что рѣшалось его правительствомъ. Главное для него заключалось въ томъ, чтобы блеснуть своимъ умомъ, какъ будто бы рѣчь шла объ университетскомъ дис-

нутъ... Очень часто онъ выказывалъ большую мягкость характера, хотя въ послѣдніе годы своей жизни подчасъ бывалъ жестокимъ и не въ силахъ былъ сдерживать своихъ вспышекъ. Привязанія и отбѣна ихъ слѣдовали непосредственно другъ за другомъ при его правительствѣ, и полный недостатокъ рѣшительности былъ для него самого источникомъ мученій¹⁾. Почти тѣми же красками рисуетъ его портретъ французскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ — де-Мутье¹⁾.

Восшествіе на престолъ Фридриха-Вильгельма IV пробудило снова въ народѣ надежды на политическія реформы, обѣщанныя въ началѣ столѣтія, во время войны за независимость. Нація ожидала, что король октроируетъ народное представительство. Чѣмъ вызывались подобныя надежды—трудно опредѣлить; но такія надежды возникаютъ, обыкновенно, при каждой перемѣнѣ царствованія. Народу всегда кажется, что должны наступить лучшія времена. Между тѣмъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ весьма далекъ отъ того, чтобы отказываться отъ прерогативъ своей неограниченной власти. Не желая превращенія Пруссіи въ строго-конституціонное государство, Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ то же самое время хотѣлъ, однако, чтобы старыя представительныя учрежденія Пруссіи получили дальнѣйшее развитіе, но съ однимъ лишь условіемъ: чтобы такія учрежденія имѣли лишь совѣщательный голосъ. Скрывая тщательно отъ всѣхъ свою идею, дабы честь первоначальной мысли о политической реформѣ никѣмъ не могла быть у него оспорена, Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ 1844 году весь отдался разработкѣ проекта о созваніи совѣщательнаго собранія. Только двое изъ его приближенныхъ, Бунзенъ и Радовицъ, были посвящены въ тайну короля. Тѣмъ менѣе кто-либо могъ догадываться, что умъ Фридриха-Вильгельма IV занятъ реформаторскими планами, хотя и не очень крупныхъ размѣровъ, что въ это же самое время король, сохраняя свою неограниченную монархическую власть, заявлялъ себѣ самими реакціонными мѣрами. Пруссія издавна славилась составомъ своихъ независимыхъ и самостоятельныхъ судей. *Il y a des juges à Berlin!*—было не пустымъ словомъ. И вдругъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV рѣшился нанести ударъ независимости судей, издавъ дисциплинарный законъ 1844 г., благодаря которому судьи должны были превратиться въ покорныхъ правительственныхъ чиновниковъ. Негодованіе было всеобщее, и одно изъ областныхъ собраній выразило его съ мужествомъ словами: „мы не должны оставлять въ наслѣдіе нашимъ дѣтямъ развращеннаго судебнаго сословія“. За такою реакціонною мѣрою слѣдовали и другіе акты насилія. Но всѣ эти

¹⁾ „La Prusse et son Roi“, par G. Rothan. Paris, 1888.

мѣры нисколько не говорили за то, чтобы король рѣшился твердо слѣдовать политикѣ реакціи. Онъ уже думалъ совсѣмъ о другомъ, онъ думалъ о либеральной мѣрѣ—о созваніи всѣхъ областныхъ собраній въ одно общее представительное собраніе, которое должно было открыться въ Берлинѣ. Проектъ этотъ король уже не только не скрывалъ, но учредилъ комиссію для разработки предложенной имъ политической реформы. Когда реформаторскій планъ короля сталъ извѣстенъ, то онъ встрѣтилъ другую рѣшительную оппозицію, исходящую, съ одной стороны, отъ дворовъ вѣнскаго и петербургскаго, а съ другой—отъ принца прусскаго Вильгельма. Изъ Вѣны и Петербурга дѣлались самыя рѣшительныя представленія, которыя должны были поколебать всегда нерѣшительнаго, легко переходившаго отъ одного намѣренія къ другому, короля Фридриха-Вильгельма IV. Ему указывалось, что измѣненіе внутренней политики Пруссіи, обращеніе ея къ конституціоннымъ порядкамъ, поведетъ къ разрыву прочнаго тройственнаго союза: Россіи, Австріи и Пруссіи ¹⁾. Не менѣе рѣшителенъ былъ голосъ наслѣднаго принца. Онъ былъ непреклоннымъ противникомъ какаго-либо измѣненія во всемъ, что касалось прерогативъ короны, идеи абсолютной королевской власти. Эта абсолютная власть, говорилъ онъ, необходима для всемогущества Пруссіи, для созданія сильной и образцово-организованной арміи. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы представительное собраніе, обсуждая бюджетъ, имѣло право касаться самаго капитальнаго для него вопроса—арміи, и компрометировало публичной критикой тѣ усилія, которыхъ правительство не должно жалѣть для созданія боевой силы государства. Принцъ Вильгельмъ вообще не мирился съ полумѣрами короля. Или абсолютная, или конституціонная монархія,—ничего средняго не должно быть. Пріверженецъ первой, онъ естественно долженъ былъ вліять на короля въ томъ смыслѣ, чтобы онъ конституціонными уступками не ослаблялъ своей монархической власти, въ которой будущій императоръ видѣлъ залогъ могущества своей родины. Вліяніе принца прусскаго не могло быть скрыто отъ общественнаго мнѣнія, да и онъ, по своему цѣльному характеру, по свойственной ему прямотѣ, вовсе не жалалъ скрывать своихъ убѣжденій.

Еслибы Фридрихъ-Вильгельмъ IV допустилъ мысль, что представительное собраніе всей Пруссіи можетъ посягнуть на его абсолютную власть, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ легко склонился бы передъ доводами своего брата и вмѣстѣ наслѣдника; но послѣдовательность не была въ его натурѣ. „Свободный народъ“ и „свободный король“, какими онъ ихъ себѣ представлялъ, могли, по его мнѣнію, существовать рядомъ,

¹⁾ „Dreissig Jahre deutscher Geschichte“, von Karl Biedermann.

и, вполне въ томъ убѣжденный, онъ увѣрялъ встревоженнаго князя Меттерниха, что онъ вовсе не думаетъ поступаться правами абсолютной королевской власти. Больше года работала коммиссія надъ преобразовательнымъ проектомъ короля, и наконецъ, въ мартѣ 1846 г., собралась коммиссія, совмѣстно съ министерствомъ, для принятія окончательнаго рѣшенія. Принцъ прусскій первый произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что мысль о созваніи представителей въ одно собраніе угрожаетъ не только королевской власти, но затрагиваетъ вопросъ о самой будущности и силѣ государства; по его мнѣнію, прусскія провинціальныя представительныя собранія были вполне достаточны, а центральное представительное собраніе было бы и ненужно, и безцѣльно, а главное, пагубно для будущности Пруссіи. Рѣчь принца прусскаго не поколебала членовъ коммиссіи, которая, большинствомъ 14-ти противъ 2-хъ голосовъ, рѣшила въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о центральной палатѣ представителей. Когда окончилось голосованіе, принцъ прусскій произнесъ: „Нарождается новая Пруссія! Старая Пруссія погребена съ обнародованіемъ этого закона. Я желаю, чтобы новая Пруссія сдѣлалась столь же могущественна и велика, какую сдѣлалась старая, при помощи чести и славы“. Императоръ Вильгельмъ, на закатѣ своихъ дней, съ справедливою гордостью взирая на могущественную нѣмецкую имперію и припоминая слова, произнесенныя имъ въ 1846 году, могъ развѣ только упрекнуть себя въ томъ скрытомъ сомнѣніи, которое зародилось тогда въ его умѣ относительно будущности его родины. Новая, конституціонная Пруссія не уступила старой Пруссіи ни въ чести, ни въ славѣ.

Пока вопросъ о созывѣ народныхъ представителей еще обсуждался, Вильгельмъ энергически боролся противъ всякаго измѣненія въ политической системѣ Пруссіи; но лишь только вопросъ былъ окончательно рѣшенъ, онъ болѣе не считалъ себя въ правѣ становиться въ оппозицію къ тому порядку, который получилъ королевскую санкцію. Всегда прямой, твердый въ рѣшеніяхъ, послѣдовательный, онъ первый заявлялъ, что не слѣдуетъ брать обратно того, что даровано, что возвращаться назадъ нельзя, и что слѣдуетъ честно выполнять разѣ принятыя на себя обязательства. Но король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ другого, прямо противоположнаго, темперамента. 3-го февраля 1847 г. обнародованъ былъ королевскій патентъ, въ силу котораго областныя собранія созывались на 10-ое апрѣля въ Берлинъ, въ соединенное собраніе. Король рассчитывалъ на громкое заявленіе благодарности и былъ до-нельзя оскорбленъ, когда собраніе представителей, вмѣсто того, чтобы безропотно принимать всѣ правительственныя финансовыя проекты, въ большей части отвергнуло ихъ. Вообще говоря, Пруссія не проявила особенной радости

при обнародованіи королевскаго патента: она и желала, и ожидала большаго. Такое народное собраніе должно было созываться только въ особенно-экстренныхъ случаяхъ; въ обыкновенное же время должны были дѣйствовать „соединенные комитеты“ провинціальныхъ или областныхъ собраній. Къ тому же, права этой новой палаты представителей являлись на дѣлѣ слишкомъ ограниченными. Законодательные проекты должны были представляться лишь для выслушанія мнѣній, а вовсе не для одобренія. Предложеніе законопроектовъ могло исходить только отъ короля; бюджетъ не подлежалъ ограниченіямъ со стороны собранія, его согласіе требовалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда вводились новыя подати или возвышались старыя. Казалось бы, что подданные короля могли бы на первый разъ помириться съ тѣми узкими рамками, какими была обставлена политическая реформа Фридриха-Вильгельма IV, хотя бы въ виду того, что все же, такъ или иначе, народъ, въ лицѣ своихъ представителей, привлекался къ управленію общественными дѣлами. Въ дѣйствительности было, однако, не то; населеніе Пруссіи обращало свои взоры къ другой странѣ, пользовавшейся болѣе широкими политическими правами, и не соглашалось сравнивать свое положеніе хотя бы съ Австріей, не знавшей въ то время никакого представительства, а потому оно и отнеслось къ политической реформѣ 1847 года какъ къ полумѣрѣ. Большее же расширеніе правъ народныхъ представителей встрѣчало рѣшительное сопротивленіе въ консервативныхъ элементахъ государства, во главѣ которыхъ стоялъ принцъ Вильгельмъ. Примирившись съ тѣмъ, что уже было сдѣлано, онъ энергично возставалъ противъ всякаго увеличенія правъ собранія народныхъ представителей въ ущербъ коронѣ. Однако король призналъ возможнымъ пополнить королевскій патентъ 3-го февраля 1847 г. постановленіемъ, которымъ урегулировался періодическій созывъ народныхъ представителей. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предоставлялъ собранію нѣкоторыя новыя права. Безъ всякаго сомнѣнія, Пруссія была далека еще отъ настоящаго парламентскаго режима, но вѣхи были установлены, начало было сдѣлано. Какъ разъ въ это время февральская революція въ Парижѣ ударила въ набатъ и своимъ взрывомъ вызвала лишь, въ концѣ концовъ, усиленную реакцію во всѣхъ монархическихъ государствахъ. Либеральныя попытки прусскаго короля были подрываемы въ корнѣ. Но прежде чѣмъ восторжествовала реакція, вся Германія должна была пережить тревожные дни. Французская революція, точно искра, прикоснувшаяся къ пороку, зажгла своимъ пламенемъ почти всѣ континентальныя государства западной Европы. Какъ бурный потокъ, разливалось революціонное движеніе по всей западной Европѣ. Каждый день получались въ Берлинѣ тревожныя извѣстія то изъ со-

сѣднихъ нѣмецкихъ государствъ, то изъ Италіи, то изъ Австріи. Населеніе приходило все въ большее и большее волненіе, несмотря на весьма либеральныя мѣры, которыми правительство спѣшило предупредить взрывъ народной страсти.

Входить въ подробное изложеніе тѣхъ событій, которыми сопровождались мартовскіе дни въ Берлинѣ, было бы совершенно излишне. Для насъ интересенъ одинъ лишь вопросъ: какъ относился покойный императоръ къ тому, что происходило въ это время на его глазахъ? Если король Фридрихъ-Вильгельмъ IV растерялся и быстро переходилъ отъ одного рѣшенія въ другому, — зато наслѣдникъ принца ни на минуту не утратилъ твердости и спокойствія духа. Онъ остался вѣренъ себѣ, и не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы разсѣять ту непопулярность, благодаря которой на него смотрѣли какъ на главу реакціонной партіи. Правда, въ качествѣ предсѣдателя совѣта министровъ, онъ приложилъ свою подпись къ тѣмъ декретамъ, которые должны были бы измѣнить, еслибы только они остались въ силѣ, все политическое устройство Пруссіи, но, подписывая ихъ, онъ подчинился только волѣ короля, а для принца Вильгельма, какъ убѣжденнаго сторонника монархіи божественнаго права, подчиненіе волѣ государя составляло первую основную заповѣдь.

Декретомъ 14-го марта 1848 г. созывались народные представители на 24-ое апрѣля для обсужденія правительственныхъ проектовъ, имѣвшихъ цѣлью произвести коренную реформу не только въ конституціонномъ устройствѣ Пруссіи, но также и въ федеральномъ устройствѣ цѣлой Германіи. „Проекты эти, — говорилось въ декретѣ, — должны обезпечить полное возрожденіе германскаго союза, дабы нѣмецкій народъ своими свободными учрежденіями сдѣлался единымъ и сильнымъ, и дабы Германія заняла въ Европѣ по праву принадлежащее ей мѣсто“. Послѣдующимъ декретомъ, точно также подписаннымъ Вильгельмомъ, срокъ созыва прусскаго сейма былъ значительно приближенъ, и задача сейма была точно опредѣлена. Онъ долженъ былъ подготовить созывъ народнаго собранія, избраннаго посредствомъ всеобщей подачи голосовъ; собраніе, по соглашенію съ правительствомъ, должно было выработать будущую конституцію государства. Достоинно вниманія, что нѣмецкій народъ, въ эти бурные дни, заботился не столько объ обезпеченіи своихъ вольностей, сколько о судьбѣ Германіи, въ смыслѣ единаго государства. Въ тѣхъ адресахъ, которые подавались королю, выражалось твердое желаніе, чтобы слабая федеративная связь, соединявшая нѣмецкія государства, была превращена въ прочную и неразрывную, чтобы союзъ нѣмецкихъ государствъ превратился въ союзное нѣмецкое государство. Идея единства Германіи, такимъ образомъ, снова выступила на первый планъ.

Такимъ образомъ, принцъ прусскій и народъ не разошлись въ конечной цѣли, но они были прямо противоположны въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Всѣ эти послѣдшныя, уступчивыя декреты не привели, однако, къ тому, чтобы предупредить открытое революціонное движеніе. Народъ, обманутый обѣщаніями, расточавшимися въ изобиліи въ памятную эпоху Наполеоновскихъ войнъ, не вѣрилъ больше въ искренность правительства. 16-го марта пришло извѣстіе о революціи въ Вѣнѣ, а 18-го—улицы Берлина обагрились кровью. Возбужденный народъ не желалъ вовсе полнаго разрыва съ королевскимъ домомъ—по улицамъ, напротивъ, раздавались громкіе возгласы: „да здравствуетъ императоръ Германіи Фридрихъ-Вильгельмъ!“ Народное чувство въ эти дни было обращено лишь противъ военного элемента, вызвавшаго пролитіе крови—отсюда требованіе удаленія войскъ изъ Берлина. Вся революція 18-го марта была не чѣмъ инымъ, какъ лишь громкимъ протестомъ противъ системы милитаризма, противъ аристократической военной партіи, въ которой всѣ видѣли главный, если не единственный тормазъ, мѣшающій преобразованію Пруссіи въ конституціонное государство съ строгимъ парламентскимъ режимомъ; военная партія—таково было общее убѣжденіе—противилась политической эмансипаціи среднихъ и низшихъ классовъ. Военная система—понятіе отвлеченное, а толпа требуетъ конкретнаго представленія; она воплощаетъ свою ненависть противъ системы большею частью въ какомъ-либо опредѣленномъ лицѣ, и это лицо становится какъ бы очистительною жертвою ненавистной системы. Такимъ лицомъ въ мартовскіе дни сдѣлался наиболѣе сильный представитель и самый непоколебимый защитникъ арміи—принцъ Вильгельмъ. Противъ него и обратилась народная ненависть. Негодующая, грозная толпа, какъ неукротимая лавина, двигалась по направленію ко дворцу будущаго народнаго любимца—императора Вильгельма, не скрывая своего намѣренія: не оставить камня на камнѣ отъ жилища наслѣднаго принца. Нужна была находчивость сотни студентовъ, бросившихся къ дворцу и начертавшихъ на немъ крупными буквами: „національная собственность“, чтобы удержать толпу отъ акта вандализма. Чувство личной безопасности внушало, быть можетъ, совѣтъ наслѣдному принцу оставить Берлинъ, но онъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые принимаютъ въ расчетъ личную безопасность, когда дѣло идетъ о дорогомъ для нихъ принципѣ. Нужно было формальное приказаніе короля, уквѣпившее лишь клевету, взведенную на него, будто бы не кто иной, какъ принцъ Вильгельмъ далъ приказъ стрѣлять по толпѣ, для того, чтобы онъ подчинился необходимости уѣхать за границу. Словесное предложеніе короля, переданное ему однимъ изъ адъютантовъ короля, было недостаточно для Виль-

гельма. Онъ объявилъ, что покинетъ Пруссію въ томъ только случаѣ, если получитъ письменный приказъ короля. Такой приказъ не заставилъ себя долго ждать. Отъѣздъ принца прусскаго въ Англію не укротилъ возбужденной имъ противъ себя ненависти, видѣвшей въ немъ главную опору реакціи и приписывавшей ему такіе планы, которымъ въ дѣйствительности онъ былъ совершенно чуждъ. Нѣсколько разъ послѣ отъѣзда наслѣднаго принца, Берлинъ приходилъ въ крайнее смятеніе, раздавался набатъ и національная гвардія хваталась за оружіе. Чѣмъ вызывалось такое смятеніе?—упорно державшимся слухомъ, что принцъ Вильгельмъ, во главѣ контръ-революціи и вмѣстѣ съ русскими войсками, идетъ на Берлинъ, освобождать изъ рукъ мятежнаго народа короля-плѣнника. Нѣтъ дыма безъ огня, говоритъ пословица,—такъ и въ этомъ случаѣ была своя доля правды, но только прусскому принцу Вильгельму приписывалась въ то время совершенно извращенная роль. Новѣйшія историческія изслѣдованія, и между прочимъ извѣстный трудъ г. Татищева ¹⁾ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ любопытный эпизодъ въ событіяхъ 1848 г. По словамъ г. Татищева, когда въ либеральныхъ кружкахъ Пруссіи возбужденъ былъ вопросъ объ объявленіи принца Вильгельма лишеннымъ правъ на наслѣдство, тогда явилось естественное предположеніе, что Вильгельмъ не подчинится подобному рѣшенію и съ оружіемъ въ рукахъ будетъ отстаивать свои права. „Весьма вѣроятно, — прибавляетъ авторъ, — что въ виду этой случайности принцу была предложена наша поддержка“, и какъ бы въ подтвержденіе того, что такая поддержка была предложена принцу Вильгельму, г. Татищевъ приводитъ слова, сказанныя императоромъ Николаемъ командиру перваго прусскаго корпуса, графу Дона: „Вамъ нравятся мои войска, — сказалъ государь:—что же! они въ вашемъ распоряженіи, если вы захотите во главѣ ихъ идти на мятежный Берлинъ“. Другой писатель ²⁾, въ своемъ сочиненіи, посвященномъ новѣйшему періоду исторіи Германіи, нѣсколько подробнѣе останавливается на этомъ характерномъ эпизодѣ, показывающемъ, что только твердость и любовь къ родинѣ прусскаго принца Вильгельма предупредили пролитіе русской крови во имя защиты прусскаго престола и крѣпости монархическаго принципа.

Проектъ контръ-революціи, по словамъ автора весьма интереснаго труда: „L'Empereur Guillaume et son règne“, зародился въ Петербургѣ. Онъ указываетъ на одинъ историческій документъ, который приписывается самому императору Николаю. Въ этомъ документѣ вну-

¹⁾ „Императоръ Николай I и прусскій дворъ“. Гл. IV, Историческій Вѣстникъ, мартъ, 1888.

²⁾ Edouard Simon: „L'Empereur Guillaume et son regne“. Paris, 1886.

шается идея военного движенія, исходящаго изъ провинціи и направленнаго къ восстановленію законнаго порядка. Король прусскій, по мысли вдохновителя контръ-революціоннаго движенія, долженъ былъ издать прокламацію, въ которой громко заявлено было бы о разрывѣ съ либеральной партіей, какъ виновницей революціоннаго движенія, и объ отмѣнѣ всѣхъ конституціонныхъ законовъ, изданныхъ съ 1847 г. Еслибы король не пожелалъ этого сдѣлать, то такое нежеланіе означало бы лишь то, что онъ пересталъ быть властителемъ и подвергнутъ насилію. „Въ такомъ прискорбномъ случаѣ,—говорится въ запискѣ,—мнѣ кажется, что принцъ прусскій не долженъ былъ бы подчиняться подобному рѣшенію. Необходимо, чтобы онъ отстаивалъ свои законныя права, чтобы онъ добивался ихъ съ оружіемъ въ рукахъ; онъ имѣлъ бы за себя всю армію и громадное большинство всей страны“. Записка указываетъ два пути для такого плана дѣйствій: одинъ путь заключался въ томъ, чтобы стать во главѣ войскъ, находящихся въ Гольштейнѣ, „идти на Берлинъ, освободить короля, овладѣть столицей и наказать торжествующихъ тамъ негодаевъ“. Второй путь состоялъ въ томъ, чтобы „стать во главѣ корпусовъ, расположенныхъ въ восточной Пруссіи и Познани, и съ этими войсками двинуться на Берлинъ“. Второй путь имѣлъ бы ту выгоду, что можно было бы опираться на нашу армію, какъ на резервъ, всегда готовый явиться на помощь принцу, въ томъ случаѣ, еслибы произошли какія-либо осложненія со стороны Франціи или южной Германіи. Такого рода проектъ былъ предложенъ, по словамъ автора названной книги, принцу прусскому во время пребыванія его въ Англіи, при посредствѣ нашего посланника Бруннова, но принцъ прусскій энергически отказался отъ такого плана. Будущій императоръ, болѣе всего дорожившій независимостью своей страны, рѣшительно объявилъ, что онъ никогда не допуститъ, чтобы иностранное государство вмѣшивалось въ отношенія между королемъ и народомъ. Около двухъ мѣсяцевъ продолжалось пребываніе наслѣднаго принца въ Англіи, и время это не было для него потеряно. Въ этотъ короткій періодъ онъ успѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь и уваженіе; онъ сблизился съ англійскимъ королевскимъ домомъ, подолгу бесѣдовалъ съ выдающимися государственными людьми, Пилемъ, Пальмерстономъ; изучалъ языкъ, литературу, конституціонное право Англіи. Въ это самое время, въ Германіи онъ былъ предметомъ всеобщихъ толковъ, споровъ, самыхъ разнообразныхъ рѣшеній. Страсти нѣсколько улеглись, и всѣ хорошо понимали, что пребываніе наслѣднаго принца въ Англіи не можетъ быть вѣчно, что слѣдуетъ прекратить такое ненормальное явленіе, какъ ссылка наслѣднаго принца. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и король, и министры опа-

сались его возвращенія, въ предположеніи, что появленіе его въ Берлинъ снова вызоветъ безпорядки и смуту. Самъ наслѣдный принцъ, несмотря на привлекательность своего пребыванія въ Англии, былъ озабоченъ своимъ положеніемъ. Пребываніе въ конституціонной странѣ, бесѣда съ англійскими конституціонными министрами привели его, вѣроятно, къ убѣжденію, что конституціонный порядокъ вовсе не означаетъ анархіи, и что при строгомъ соблюденіи конституціонныхъ правъ народа возможно достигнуть и силы, и могущества, въ которыхъ такъ нуждалась его страна. Вотъ чѣмъ слѣдуетъ объяснить его рѣшительное заявленіе, что онъ присоединяется къ тому новому политическому строю, который дарованъ былъ королемъ. Всякое другое объясненіе было бы несогласно съ характеромъ покойнаго императора, отличительныя черты котораго состояли въ честности и душевной прямотѣ. Ему не только могли, но обязаны были вѣрить, когда онъ писалъ: „я отдаюсь надеждѣ, что свободныя учрежденія, для утвержденія которыхъ его величество созвалъ представителей народа, будутъ развиваться съ помощью Бога для блага Пруссіи. Я посвящу этому развитію, съ довѣріемъ и вѣрностью, всѣ мои силы...“ Избранный депутатомъ однимъ изъ округовъ, принцъ прусскій поспѣшилъ на родину, и, встрѣченный на границѣ мѣстными властями и офицерами расположеннаго тутъ гарнизона, обратился ко всѣмъ присутствующимъ со словами: „Вы знаете все, что со мною произошло. Больно сознавать, что тебя не знаютъ; съ чистою совѣстью провелъ я дни испытанія; съ чистою совѣстью я возвращаюсь въ отечество. Я всегда надѣялся, что наступитъ день, когда правда обнаружится, и этотъ день наступилъ. Многое измѣнилось въ нашей странѣ. На то была воля короля, а эта воля для меня священна. Какъ его первый подданный, я присоединяюсь всѣмъ моимъ сердцемъ къ новому порядку вещей. Но право, порядокъ и законъ должны царствовать. Прочь анархію; къ этому я буду стремиться всѣми моими силами, въ этомъ мой долгъ“.

7-го іюня 1848 г. наслѣдный принцъ пріѣхалъ въ Потсдамъ, а 8-го онъ отправился уже въ Берлинъ, чтобы занять свое мѣсто депутата въ національномъ собраніи. Среди всеобщаго волненія онъ вошелъ въ залу и занялъ мѣсто въ первомъ ряду крайней правой. Лишь только ораторъ, говорившій въ это время, окончилъ свою рѣчь, слово было предоставлено „депутату отъ Вирзитца“, и принцъ Вильгельмъ, среди глубокой тишины, началъ свою рѣчь. „Конституціонная монархія,—сказалъ онъ, между прочимъ,—вотъ та форма правительства, которую предложено вамъ установить. Я посвящу ей, съ вѣрностью и чистою совѣстью, всѣ мои силы, какъ того въ правѣ ожидать отъ меня моя родина, которой характеръ мой хорошо из-

вѣстень. Такова обязанность каждаго друга отечества, такова, въ особенноти, моя, какъ перваго подданнаго короля“.

Такъ окончились событія, уже лично касавшіяся покойнаго императора, и которыя, безъ сомнѣнія, никогда не изглаживались изъ его памяти. Никто не можетъ сказать, что онъ былъ неискренень, давая обѣщаніе свято сохранять конституціонный порядокъ, что онъ не исполнилъ даннаго имъ обѣщанія въ 1848 году. Строго охраняя прерогативы монарха, онъ никогда, во все свое долгое царствованіе, даже въ тѣ минуты, какъ мы увидимъ впоследствии, когда онъ имѣлъ полную возможность безъ всякаго потрясенія уничтожить конституціонныя права своего народа, не задавался мыслью вернуться къ порядкамъ абсолютной монархіи. Между народнымъ представительствомъ и королевскою властью происходили, правда, печальные конфликты, завязывалась между ними упорная борьба, но всѣ такія рѣзкія столкновенія происходили всегда по поводу одного и того же вопроса—организации арміи,—и только по этому вопросу императоръ Вильгельмъ, толкуя по-своему конституціонныя права, оспаривалъ компетентность народныхъ представителей. Но между борьбой и отмѣной конституціи еще цѣлая бездна, а такая отмѣна была всегда далека отъ мысли императора Вильгельма, который впоследствии много разъ признавалъ великія заслуги народнаго представительства.

III.

Въ нашу задачу—представить читателю характеристику покойнаго императора и сжатый очеркъ его, преисполненнаго событій для всей Европы и славы для Германіи, царствованія—вовсе не входитъ подробное изложеніе послѣдовательнаго хода того революціоннаго движенія въ Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ, которое закончилось такимъ жестокимъ фіаско. Всѣ надежды на водвореніе политической свободы, осуществленіе давно вызванной мечты нѣмецкаго единства исчезло, казалось, какъ дымъ. Мы отмѣтимъ только тѣ эпизоды, къ которымъ соприкасается, такъ или иначе, императоръ Вильгельмъ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ, составлявшій въ этомъ отношеніи рѣзкую противоположность своему брату, не считалъ себя нисколько связаннымъ тѣми торжественными обѣщаніями, которыя онъ расточалъ въ мартовскіе дни. Не желаніе сознательно обмануть, а просто крайняя неустойчивость характера была тому причиной. Послѣ цѣлаго ряда столкновеній, происходившихъ лѣтомъ и осенью 1848 г. между народнымъ собраніемъ и королемъ,—причемъ первое простирало все

дальше и дальше свои требованія, — король вдругъ повернулъ весьма круто. Онъ назначилъ министерство, взятое внѣ собранія, въ которомъ выдающуюся роль игралъ баронъ Мантейфель. Новое министерство мѣнѣе всего отличалось либеральными идеями; оно поставило себѣ цѣлью — будучи поддерживаемо и королемъ, и цѣлымъ дворомъ — замести всякій слѣдъ тѣхъ реформъ, которыя вырваны были, по его мнѣнію, у малодушія короля. Министерство дѣйствовало энергично. Оно распустило національную гвардію, ввело въ Берлинъ войска, объявило осадное положеніе въ столицѣ и, наконецъ, распустило народное собраніе. Усталое отъ потрясеній, населеніе отнеслось съ полнымъ равнодушіемъ къ возстановленію стараго порядка. Король, однако, не рѣшился сразу покончить со всѣми сдѣланными имъ уступками. Онъ октроировалъ конституцію, достаточно либеральную и немногимъ уклонявшуюся отъ того проекта, который былъ выработанъ собраніемъ.

Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдный принцъ, преслѣдуемый ненавистью, долженъ былъ оставить свою родину, какъ всѣ теперь обращались къ нему съ просьбою принять на себя роль примирителя между собраніемъ и королемъ. Вильгельмъ не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться, но поручился лишь за то, что обѣщаніе короля — твердо соблюдать конституціонныя права націи — будетъ сдержано. Скоро онъ долженъ былъ убѣдиться, что, ручаясь за короля, онъ бралъ на себя слишкомъ много. Король рѣшился уже въ то время замѣнить дарованную имъ конституцію другою, при которой онъ возвращалъ королевской власти всѣ ея утраченныя права. Конституція эта полна была недомолвокъ, послужившихъ впоследствии поводомъ для новыхъ конфликтовъ между народнымъ представительствомъ и королемъ.

Въ то время, когда въ Берлинѣ происходила эта отчаянная схватка крайняго либерализма и крайней реакціи, во Франкфуртѣ собрался нѣмецкій парламентъ, поставившій своею цѣлью уничтоженіе безсильнаго и дряхлаго германскаго союза, созданнаго дипломатами вѣнскаго конгресса, и установленіе взамѣнъ его сильной нѣмецкой имперіи. 12-го іюля 1848 г. союзныя правительства, подъ давленіемъ революціоннаго броженія, изъявили свое согласіе на уничтоженіе германскаго союза. Дѣло, казалось, было сдѣлано, идея нѣмецкаго единства готова была осуществиться. Ликованіе, однако, было преждевременно. Какое значеніе могли имѣть рѣшенія пяти-сотъ или шести-сотъ идеалистовъ и доктринеровъ, когда за этими рѣшеніями не стояли силы цѣлаго народа, готоваго стать за такія рѣшенія, какъ одинъ человекъ, ни могущественной арміи, способной заставить ихъ подчиниться. Франкфуртскій парламентъ скоро долженъ былъ въ

томъ убѣдиться. Сначала онъ обратился къ Австріи съ предложеніемъ взять подъ свое покровительство грандіозный планъ, выработанный собраніемъ. Она отвѣтила полнымъ пренебреженіемъ. Нужно было искать другого кандидата въ императоры, и выборъ остановился на прусскомъ королѣ Фридрихъ-Вильгельмѣ IV. 28-го марта 1849 г. король прусскій былъ избранъ нѣмецкимъ императоромъ. Недоставало лишь бездѣлицы—его согласія. Но не Фридриху-Вильгельму IV было принимать императорскую корону. Для такого смѣлаго и рѣшительнаго шага нужно было быть человѣкомъ другого закала, нужно было быть Фридрихомъ II, а между тѣмъ самъ король справедливо говорилъ про себя: „у меня нѣтъ ничего, что нужно для того, чтобы быть Фридрихомъ II“. У него не было ни отваги, ни мужества, ни предвидѣнія будущей роли Пруссіи. Онъ преклонялся передъ габсбургскимъ домомъ, въ Австріи онъ видѣлъ первую нѣмецкую державу. У него былъ и другой мотивъ для отказа. Кто предлагалъ ему корону? Нѣмецкій парламентъ! а къ парламентамъ вообще послѣ 1848 года онъ относился съ нелюбовью побѣжденнаго и съ пренебреженіемъ побѣдителя. Онъ принялъ бы императорскую корону только въ томъ случаѣ, еслибы она предложена ему была всѣми нѣмецкими государями. Но до 18-го января 1871 года было еще далеко.

Принцъ Вильгельмъ отнесся нѣсколько иначе къ предложенію императорской короны. Онъ ласково принялъ депутацію франкфуртскаго парламента, и, стараясь оправдать отказъ короля въ данную минуту, онъ выразилъ убѣжденіе, что намѣченная цѣль будетъ достигнута въ болѣе благоприятное время. Еще болѣе откровенно выразилась предъ депутатами супруга принца Вильгельма, заявившая имъ, что она присоединяется къ ихъ стремленіямъ, что единство Германіи никогда не переставало быть ея самой завѣтной мечтою, и что шагъ, сдѣланный франкфуртскимъ парламентомъ, не проладетъ безслѣдно. Съ отказомъ короля принять императорскую корону рухнулъ весь смыслъ франкфуртскаго парламента. Его дѣло оказалось бесплоднымъ. Многія нѣмецкія правительства отозвали своихъ депутатовъ, парламентъ опустѣлъ, и, по всей вѣроятности, онъ умеръ бы естественною смертію, еслибы, перенесенный, по постановленію незначительнаго большинства, въ Штутгартъ, не былъ разогнанъ военною силою. 18-го іюня 1849 г. явились осиротѣлые депутаты, съ постомъ Уландомъ во главѣ, въ засѣданіе; но каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли всѣ входы занятыми солдатами, встрѣтившими ихъ съ обнаженными саблями. Пѣсня нѣмецкаго парламента была спѣта до конца, но упрямые депутаты не хотѣли этого понять. Они постановили вновь собраться въ великомъ герцогствѣ ба-

денскомъ, но среди крови и труповъ парламенту нѣтъ мѣста. Партія сопротивленія быстро наступавшей со всѣхъ концовъ реакціи попыталась еще разъ возбудить народное чувство; вспыхнуло движеніе, жестоко раздавленное прусскими войсками, которыми командовалъ наслѣдный принцъ Вильгельмъ. Такъ закончился послѣдній актъ траги-комедіи 1848 года. Для Пруссіи, впрочемъ, эпилогъ еще былъ впереди.

Отказываясь отъ императорской короны, король прусскій желалъ одного: воспользоваться тою идеею объединенія Германіи, которая сказалась съ такою силою, для того, чтобы усилить въ Германіи значеніе Пруссіи. Въ германскомъ союзѣ владычествовала Австрія, давившая Пруссію своимъ вліяніемъ. Пруссія рѣшилась переустроить германскій союзъ, отдѣлиться отъ Австріи, образовать сѣверный союзъ подъ главенствомъ Пруссіи, который находился бы въ федеративной связи съ южнымъ союзомъ, съ Австріею во главѣ. Вступивъ въ отношенія съ нѣкоторыми сѣверными государствами, Пруссія созвала для этой цѣли парламентъ въ Эрфуртѣ. Моментъ былъ выбранъ удачный. Австрія была занята своими внутренними дѣлами. Венгрія грозила отпаденіемъ. Но Пруссія ошиблась въ своихъ предположеніяхъ. Она не предвидѣла вмѣшательства императора Николая и той энергической помощи, которую онъ рѣшился оказать Австріи въ видахъ охраненія принципа монархической власти божественнаго права. Въ этомъ отношеніи Пруссія выказала недалковидность. Она слишкомъ скоро забыла, что достаточно было бы одного слова принца Вильгельма, чтобы въ Берлинѣ появились русскія войска. Австрія, гордая побѣдой, одержанной русскою арміею, и не почувствовавъ даже того униженія ея національному чувству, которое крылось въ депешѣ князя Паскевича императору Николаю: „Венгрія у ногъ вашего величества“, преисполнилась величія и потребовала отъ Пруссіи, чтобы она отказалась отъ всякой мысли о преобразованіи дряхлаго германскаго союза, обезпечивавшаго за нею первенство въ Германіи. „Il faut avilir la Prusse et puis la démolir“,—говорилъ князь Шварценбергъ, стоявшій во главѣ австрійскаго правительства. Такое отношеніе возмущало въ Пруссіи всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ въ этомъ государствѣ силу, единственно способную осуществить рано или поздно дорогую для народа идею нѣмецкаго единства. Принцъ прусскій сталъ во главѣ этихъ людей. Онъ требовалъ энергической политики, настаивалъ на мобилизаціи, доказывалъ, что честь, вся будущность Пруссіи поставлена на карту. Быть можетъ, нерѣшительный король и поддался бы вліянію своего брата и въ такомъ же духѣ настроеннаго главы министерства, Радовица, еслибы только императоръ Николай не вмѣшался въ дѣло и не взялъ еще разъ подъ свое покровительство своего кліента—австрійское правительство. Императоръ Николай былъ въ ту ми-

нугу нерасположенъ къ Пруссіи. Въ ея стремленіи къ объединенію онъ видѣлъ не что иное, какъ заигрываніе съ революціей; онъ не прощалъ ей, что она отклонилась отъ священныхъ основъ священнаго союза и свернула, хотя и нерѣшительно, на путь западно-европейскаго конституціонализма. Князь Шварценбергъ, поддержанный нашимъ правительствомъ, уже не церемонился съ Пруссіей: онъ требовалъ ея полного подчиненія и безусловнаго возвращенія къ старому порядку вещей, къ восстановленію прежняго германскаго союза. Онъ послалъ Пруссіи ультиматумъ: или смириться въ 24 часа, или федеративныя войска двинутся на Берлинъ. Малодушный король, забывая достоинство Пруссіи, которой чужеземный монархъ диктовалъ свою волю, порѣшилъ отправить своего перваго министра, Мантейфеля, къ князю Шварценбергу, уполномочивъ его принять всѣ условія, которыя только угодно будетъ продиктовать Шварценбергу. Встрѣча произошла въ Ольмюцѣ, въ этой настоящей Каноссѣ для Пруссіи, гдѣ послѣдняя должна была испить до самаго дна горькую чашу униженія, благодаря поддержкѣ, какую оказала Россія реакціонной Австріи.

„Ольмюцъ—это вторая Іена!“—вотъ каково было сужденіе наслѣднаго принца Вильгельма. Не раздѣляя политики своего брата, оскорбленный глубоко въ своемъ патриотическомъ чувствѣ, будущій императоръ уѣхалъ въ Кобленцъ, гдѣ онъ принялъ начальство надъ корпусами, расположенными въ рейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфалии. Онъ отказался отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ своей родины, и всю свою дѣятельность сосредоточилъ на лучшей организаціи арміи, несовершенство которой послужило основаніемъ для пережитаго Пруссіей позора. Благодаря своему отъѣзду въ Кобленцъ и рѣдкому появленію въ Берлинѣ, онъ остается совершенно въ сторонѣ отъ той усиленной реакціонной политики, которая, по почину Австріи, восторжествовала во всей Германіи. Не было такой сферы общественной жизни, на которую, какъ тяжелый желѣзный молотъ, не опустился бы суровый реакціонный законъ. Право собраній, самые невинные „фрейны“, печать, эта вѣчная искушительная жертва—все было обуздано и не умерщвлено только потому, что еще не придумано средствъ умерщвлять идеи. Поведеніе принца Вильгельма обращало къ нему всѣ народныя симпатіи, въ немъ видѣли человѣка, который не поступится добровольно достоинствомъ Пруссіи, въ немъ угадывали государя, который проникнется народною идеею нѣмецкаго единства. Въ этомъ отношеніи принцъ Вильгельмъ и либеральная партія стояли подъ однимъ знаменемъ, несмотря на все то противорѣчіе, которое существуетъ между принципомъ монархической власти божественнаго права и принципомъ либеральнымъ и демократическимъ.

И либеральная партія, и принцъ Вильгельмъ, одинаково сильно чувствовали оскорбленіе, нанесенное Пруссіи, хотя различно смотрѣли на его непосредственную причину. Для одной она заключалась въ отсутствіи политической свободы, для другого—въ отсутствіи сильной могущественной арміи. Въ этомъ различіи взглядовъ кроется источникъ будущихъ конфликтовъ между королемъ Вильгельмомъ и народнымъ представительствомъ.

Насколько императоръ Вильгельмъ выигрывалъ въ народной популярности, которой—справедливость заставляетъ сказать—онъ не искалъ, настолько же онъ падалъ въ мнѣніи двора и той феодальной, „крестовой“ партіи, къ которой въ то время принадлежалъ душою и тѣломъ его будущій лучший слуга и совѣтникъ, князь Бисмаркъ, видѣвшій въ конвенци, заключенной въ Ольмюцѣ, не что иное, какъ актъ высокой мудрости.

Скоро наступили событія, давшія придворной партіи новый поводъ усилить свои злобныя выходки противъ наслѣдника престола и его супруги. Возгорѣлась крымская война. Двѣ рѣзко противоположныя партіи обозначались въ Пруссіи. Одна—придворная, феодально-клерикальная, съ младшимъ братомъ Вильгельма, принцемъ Карломъ, во главѣ—принадлежала всецѣло Россіи; другая—либеральная и національная, живо чувствовавшая позоръ Ольмюца—симпатизировала западнымъ державамъ. Принцъ Вильгельмъ стоялъ на сторонѣ послѣдней. Этого было довольно, чтобы феодальная партія могла пустить въ ходъ всевозможныя инсинуаціи противъ кобленцскаго двора и обвинить приближенныхъ наслѣднаго принца въ заговорѣ противъ государства и короля, а самого наслѣднаго принца—чуть не въ революціонныхъ проискахъ. Съ особою горечью его обвиняли въ англійскихъ симпатіяхъ. Въ дѣйствительности, однако, если принцъ Вильгельмъ и стоялъ въ лагерѣ, относившемся не особенно доброжелательно къ Россіи, то онъ руководствовался вовсе не англійскими симпатіями, или тѣмъ тяжелымъ чувствомъ, которое оставило въ немъ вмѣшательство императора Николая въ распрю Пруссіи съ Австріей. Онъ опасался лишь одного—какъ бы близость съ Россією не заставила поплатиться впоследствии его родину. Безъ сомнѣнія, онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ англійскимъ дворомъ, но нужно вовсе не знать характера императора Вильгельма, чтобы думать, что въ рѣшительную минуту онъ пожертвовалъ бы своимъ личнымъ симпатіямъ то, что для него было всегда дороже всего—благо государства. Этимъ послѣднимъ лишь руководился прусскій принцъ Вильгельмъ, когда настаивалъ передъ королемъ, чтобы Пруссія стала на сторону западныхъ державъ. Для того,—говорилъ онъ,—чтобы Пруссія получила значеніе въ Германіи, необходимо, чтобы

голосъ ея тяжело вѣсилъ въ Европѣ. Если принцъ Вильгельмъ слѣдовалъ опредѣленной политикѣ, — зато король съ каждымъ днемъ становился все болѣе нерѣшительнымъ, все болѣе колеблющимся. Онъ совершенно не зналъ, на чтò рѣшиться, и въ то самое время, когда писалъ императору Николаю чувствительныя письма, въ которыхъ выражалъ свою безконечную преданность, — подѣ вліяніемъ своего посланника въ Лондонѣ, Бунзена, онъ болѣе и болѣе склонялся къ политикѣ Англии. „Двойственность чувства“ — по выраженію Гумбольдта — достигла въ королѣ самой высокой степени, когда онъ, послѣ того, какъ всѣ мирныя переговоры не привели къ благопріятному результату, былъ поставленъ въ необходимость или соблюдать благосклонный по отношенію къ Россіи нейтралитетъ, или пристать къ западной коалиціи. Рѣшившись, наконецъ, на первое, подѣ вліяніемъ придворной партіи, онъ уволилъ изъ министерства тѣхъ, которые стояли на сторонѣ западныхъ державъ, и вынудилъ своего стараго друга, Бунзена, подать въ отставку. Принцъ Вильгельмъ, недовольный такимъ рѣшеніемъ, быстро покинулъ Берлинъ и уѣхалъ въ Баденъ. Австрія же слѣдовала политикѣ, противоположной Пруссіи: вооружая противъ себя Россію, рассчитывавшую на благодарность новой Австріи за услуги, оказанныя Австріи реакціонной, Австрія тѣмъ самымъ дѣйствовала въ интересахъ Пруссіи, лишая себя испытанной ею опоры въ борьбѣ ея за гегемонію въ Германіи.

Положеніе, занятое наслѣднымъ принцемъ во время столкновенія съ Австріей и затѣмъ въ эпоху крымской кампаніи, женитьба, наконецъ, его старшаго сына, нынѣшняго императора Фридриха III, на англійской принцессѣ, привлекли ему всеобщія симпатіи, легко объясняющія, почему вся Пруссія какъ бы вздохнула, когда разнеслась вѣсть, что безнадежная болѣзнь короля заставляетъ его передать регентство принцу прусскому.

Болѣзнь короля была неизлечима. Будучи натурою до крайности нервною, впечатлительною, раздражительною, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV не могъ безнаказанно для своего организма пережить серьезныя потрясенія послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ. Богато одаренный отъ природы, въ высшей степени образованный, онъ безслѣдно прошелъ по исторической сценѣ, предоставляя своему брату выполнить задачу, выпавшую на долю Пруссіи. Въ юнѣ 1857 г. силы его окончательно надломились. Послѣ удара паралича было уже ясно, что его физическія и умственныя средства никогда не возстановятся. Интриги придворной партіи, ненавидѣвшей наслѣднаго принца, старанія министровъ, принадлежавшихъ къ реакціонной партіи и цѣлывшихся за свои мѣста, оттянули на нѣкоторое время провозглашеніе регентства принца Вильгельма, предоставляя ему лишь право представлять

короля, безъ дѣйствительной королевской власти. Наконецъ, 27-го октября появился королевскій декретъ, предоставлявшій наслѣдному принцу управленіе государствомъ на правахъ регента.

Если либеральная партія, которая въ ту эпоху отождествлялась съ національной, радостно встрѣтила вступленіе въ управленіе государствомъ принца Вильгельма, то вовсе не потому, чтобы она возлагала на него преувеличенныя ожиданія въ смыслѣ приверженности его либеральнымъ идеямъ. Она знала только, что его политика, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, всегда будетъ твердою, открытою, честною, и если не отвѣчающею прогрессивнымъ идеямъ, — зато столь же чуждою тѣмъ вождельніямъ реакціонной партіи, которыя имѣли такое гибельное вліяніе на судьбу Пруссіи за послѣдніе годы. Ни для кого не было тайной, что принцъ Вильгельмъ порвалъ всякія связи съ феодальной партіей, что эта послѣдняя платила ему ненавистью, окружала его шпионами, любопытствовала часто знать содержаніе его частной переписки, словомъ — не довѣряла ему, а такое недоувѣріе было лучшей похвалою для принца. Воспитанный въ военномъ духѣ и въ строго-монархическихъ убѣжденіяхъ гогенцоллернскаго дома, онъ не былъ, разумѣется, сторонникомъ по чувству парламентскаго режима, но, по своему характеру, правдивому, искреннему, онъ еще менѣе могъ, послѣ принесенной присяги на вѣрность конституціи, стараться объ ея искорененіи. Наконецъ, его богатый здравый смыслъ служилъ для всѣхъ гарантіею, что онъ не станетъ въ открытую борьбу съ духомъ, требованіями времени.

Первые его шаги вызвали всеобщее ликованіе. Непопулярное и реакціонное министерство Мантейфеля, послѣ безплодной попытки удержаться во власти, было смѣнено, и къ образованію министерства былъ призванъ князь Антонъ Гогенцоллернъ, пригласившій къ себѣ въ сотрудники нѣсколько человекъ, принадлежавшихъ къ либеральной партіи. Явившись въ первый разъ въ совѣтъ министровъ, принцъ-регентъ произнесъ рѣчь, имѣвшую значеніе цѣлой политической программы. Программа эта представляетъ значительный интересъ, такъ какъ въ ней опредѣляется будущій императоръ Вильгельмъ такимъ, какимъ онъ остался на престолѣ до послѣдняго дня своей жизни. Онъ желалъ, чтобы его политическій образъ мыслей никого не вводилъ въ заблужденіе, чтобы отъ него не ожидали большаго, чѣмъ онъ можетъ дать. Онъ занялъ въ этой программѣ середину между двумя борющимися партіями — либеральной и реакціонной. О полномъ разрывѣ съ прошлымъ, — говорилъ онъ, — не можетъ быть рѣчи, но изъ этого прошлаго долженъ быть исключенъ всякій произволъ, и устранено то, что противно требованіямъ времени. То, что обѣщано народу, то должно быть строго выполняемо; тому же, что не обѣщано, необхо-

димо мужественно противодѣйствовать. „Прежде всего,—обратился онъ къ министрамъ,—я предостерегаю васъ отъ стереотипныхъ фразъ, что правительство должно постоянно стремиться къ развитію либеральныхъ идей, такъ какъ эти идеи, въ противномъ случаѣ, станутъ будто бы прокладывать себѣ иную тропу. Когда всѣ правительственныя рѣшенія отличаются правдою, законностью и послѣдовательностью, тогда правительство сильно, потому что оно дѣйствуетъ съ чистою совѣстью, и можетъ рѣшительно противодѣйствовать всякому злу“. Правительство—какъ выразился регентъ—должно найти истинную середину между неподготовленнымъ еще самоуправленіемъ и старымъ порядкомъ.

Обозрѣвая всѣ области государственной жизни и говоря объ управленіи правосудія, регентъ высказался рѣшительно въ пользу суда присяжныхъ, но съ условіемъ, чтобы само правительство заботилось о томъ, чтобы во всѣ классы населенія проникло чувство правды и добросовѣстности, и тогда судъ присяжныхъ будетъ творить дѣло справедливости.

Весьма замѣчательны были его слова, посвященныя церковному вопросу, т.-е. отношенію двухъ церквей—протестантской и католической. Казалось бы, гдѣ искать больше терпимости, какъ не въ церкви, которая является естественною представительницею и защитницею мира въ сферѣ нравственной? Дѣйствительность говорить, однако, не то. Церковь, какъ только она становится господствующею, дѣлается ревнива, и одно вѣроисповѣданіе гонить другое. Зло достигаетъ высокой степени, когда, подъ покровомъ церкви, начинаютъ преслѣдоваться тѣ или другія политическія цѣли. Принцъ-регентъ Вильгельмъ понималъ это прекрасно и такъ высказался въ своей программѣ по этому именно вопросу. „Между двумя христіанскими исповѣданіями должно господствовать равенство. Въ обѣихъ церквахъ нужно со всею силою противодѣйствовать стремленіямъ дѣлать изъ религіи мантию, подъ которой преслѣдуются политическія цѣли“. Онъ энергически возсталъ противъ той ортодоксальности, которая преимущественно выражается въ ханжествѣ и въ наружномъ благочестіи, въ дѣйствительности же стремится къ осуществленію чисто эгоистическихъ цѣлей.

Принцъ-регентъ выражалъ точно также желаніе, чтобы въ дѣлѣ образованія, путемъ высшихъ образовательныхъ учреждений и школъ, предоставленныхъ всѣмъ классамъ населенія, Пруссія стала во главѣ умственной дѣятельности.

Самое пространное мѣсто въ его программѣ занимало намѣченное имъ преобразование арміи. Армія—говорилъ онъ—создала могущество Пруссіи, но опытъ доказалъ, что многое въ ней должно быть усовер-

шенствовано. Для этого требуются деньги, и ихъ нельзя жалѣть, когда дѣло идетъ о силѣ государства. „Прусское войско должно быть могущественно и уважаемо, дабы въ критическую минуту оно могло лечь на политическіе вѣсы тяжелымъ грузомъ“.

Обращаясь къ внѣшней политикѣ, онъ весьма ясно опредѣлилъ ту цѣль, къ которой должно стремиться правительство: „Со всѣми государствами Пруссія должна оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ, не подпадая, однако, никакимъ чужеземнымъ влияніямъ и не связывая себя преждевременно рукъ никакими договорами“.

Общественное мнѣніе было настроено настолько благопріятно, оно такъ вѣрило въ „новую эру“, которая должна была открыться съ правленіемъ Вильгельма, что не придавало особаго значенія той сдержанности, съ которою говорилъ онъ о либеральныхъ реформахъ. Кто не знаетъ, что чего страстно желаешь, въ то слѣпо и вѣришь. Впечатлѣніе рѣчи, произнесенной регентомъ, было таково, что всѣ придавленные съ 48-го года партіи преисполнились надеждъ. Вскорѣ послѣдовавшіе затѣмъ выборы въ палату депутатовъ отразили настроеніе народа. Правая сторона, которая до того располагала въ палатѣ громаднымъ, подавляющимъ большинствомъ 224 голосовъ, послѣ новыхъ выборовъ очутилась въ ничтожномъ меньшинствѣ 38 чело- вѣкъ. 12-го января 1859 г. принцъ-регентъ открылъ прусскій ландтагъ тронною рѣчью, какъ бы дополнявшею его программу. Онъ обратился къ депутатамъ съ просьбою, чтобы они оказали ему энергичную поддержку на пути, по которому онъ, „въ виду задачи Пруссіи, ея славной исторіи и традицій родины“, намѣренъ слѣдовать для осуществленія намѣченной цѣли. Какова была эта цѣль, можно было догадываться изъ тѣхъ словъ, съ которыми онъ обратился къ палатѣ: „Вопросъ наивысшей важности требуетъ нашей общей заботы. Опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ приходилось прибѣгать къ оборонительнымъ силамъ страны, съ чрезвычайною ясностью указалъ на многочисленные и живо-чувствуемые недостатки нашей силы. Моя обязанность и вмѣстѣ мое право устранить ихъ, и я прошу вашего конституціоннаго содѣйствія всѣмъ мѣрамъ, способнымъ увеличить оборонительныя силы страны“. Кто могъ въ то время думать, что въ словахъ, произнесенныхъ принцемъ-регентомъ, лежитъ уже зародышъ скоро наступившаго конфликта между королевскою властью и народнымъ представительствомъ?!

Въ то самое время, когда принцъ-регентъ говорилъ о необходимости усиленія прусской арміи, Наполеонъ III, на новогоднемъ приемѣ 1-го января 1859 г., обратился къ австрійскому посланнику со словами: „я сожалею, что отношенія моего правительства къ вашему не такъ хороши, какъ то было раньше“. Слова эти, возмущавшія

близкую войну, придавали особое значеніе заботамъ принца-регента о преобразованіи арміи.

Какъ отвѣтъ на слова Наполеона, Австрія не замедлила направить 30.000 человекъ въ Ломбардію, въ виду чего Кавуръ успѣшилъ извѣстить, что его правительство вынуждено привести Сардинію въ оборонительное состояніе. Война была уже въ воздухѣ; предотвратить ее никто не желалъ. Она и не замедлила вспыхнуть. Война 1859 года между Австріей и Франціей, война, изъ которой должно было народиться единство Италіи, захватила принца-регента въ расплохъ и повергла его, всегда столь рѣшительнаго и твердаго, въ жестокое колебаніе. Партія національная, памятуя Ольмиуцъ, желала, чтобы Пруссія рѣшительно стала на сторону Франціи, и въ своемъ желаніи она руководилась двумя идеями. Прежде всего въ разгромѣ Австріи она видѣла отищеніе за униженіе Пруссіи, возможность для послѣдней осуществить тотъ планъ объединенія по крайней мѣрѣ сѣверной Германіи, которому такъ надменно помѣшала Австрія, а затѣмъ идея итальянскаго національнаго единства такъ родственна была идеѣ нѣмецкаго единства, что волей-неволей она привлекала къ себѣ всеобщія симпатіи.

Партія же феодальная была вся на сторонѣ Австріи, хотя среди этой партіи сталъ обнаруживаться расколъ. Тотъ самый Бисмаркъ, который видѣлъ въ униженіи Пруссіи передъ Австріей въ Ольмиуцѣ актъ высокой мудрости, теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ качествѣ уполномоченнаго министра при франкфуртскомъ сеймѣ, говорилъ уже иначе: „Я смотрю на наши федеральныя отношенія какъ на болѣзнь, которую, рано или поздно, Пруссія должна будетъ вылечить *ferro et igni*“.

Принцъ-регентъ колебался. Передъ нимъ стояла дилемма, какъ онъ самъ писалъ: или „предоставить раздавить Австрію, чтобы впоследствии раздѣлить ея судьбу, или видѣть Австрію торжествующею и заслоняющею въ Германіи Пруссію“. Онъ не желалъ торжества Австріи, мѣшавшей Пруссіи получить преобладающую роль въ Германіи, но онъ опасался также повторенія тѣхъ событій, благодаря побѣдамъ Франціи, которыя привели Пруссію, въ началѣ столѣтія, на край гибели.

Поставленный въ такую дилемму, онъ рѣшился на выжидательное положеніе: не препятствовать пораженію Австріи, но и не допускать ея полнаго разгрома. Съ ослабленною Австріей Пруссія могла уже помѣряться силами. Къ занятію такого выжидательнаго положенія его побуждали и другія политическія соображенія. Становясь на сторону Австріи, онъ возбуждалъ противъ себя какъ Англію, относившуюся сочувственно къ идеѣ итальянскаго единства, такъ и Рос-

сію, которая была склонна, въ случаѣ нападенія Пруссіи на Францію, произвести диверсію на ея восточной границѣ. Становясь же на сторону Франціи, онъ поднялъ бы противъ себя всю южную Германію, которая обвинила бы Пруссію въ предательствѣ федеративныхъ государствъ, что могло бы невыгодно отозваться на ея будущихъ судьбахъ.

Для того, чтобы быть готовымъ въ каждую минуту, принцъ-регентъ потребовалъ у палаты кредита на мобилизацію арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ во Франкфуртѣ онъ предложилъ мобилизовать федеральныя войска. Испрошенные кредиты на мобилизацію произвели свое впечатлѣніе. Если Австрія не только не желала принимать помощи Пруссіи, обусловленной предоставленіемъ ей первенствующей роли въ Германіи, но предпочла даже отказаться отъ обладанія Ломбардіей, лишь бы не покупать этой помощи цѣною утраты ея вліянія въ Германіи, то и Франція не осталась равнодушною къ возможному вмѣшательству Пруссіи. Она предпочла не доводить дѣло изгнанія Австріи изъ Италіи до конца и порѣшила заключить миръ съ побѣжденнымъ врагомъ.

Такимъ образомъ, при первомъ политическомъ столкновеніи въ Европѣ регентъ Вильгельмъ примѣнилъ къ дѣлу свою программу сохранять дружескія отношенія съ державами, не связывая себя никакими договорами. Такая политика въ весьма неотдаленномъ будущемъ должна была принести уже свои плоды. Но едва ли, однако, отношенія Пруссіи къ обѣимъ или даже къ тремъ воюющимъ державамъ были дѣйствительно дружескія. Какъ ни сильна была въ регентѣ привязанность къ строгому охраненію неприкосновенности принципа монархической власти, но онъ всегда умѣлъ приносить его въ жертву государственной необходимости. Онъ доказалъ это вполнѣ, низлагая королей и герцоговъ различныхъ нѣмецкихъ государствъ. Низложеніе итальянскихъ монарховъ было ему неприятно, но онъ примирился съ требованіемъ *raison d'état*. Еще до такого низложенія онъ, въ письмѣ къ своему другу, принцу Альберту, мужу королевы Викторіи, упрекалъ итальянскихъ государей, что они во-время не произвели реформъ, требуемыхъ населеніемъ. „По всей вѣроятности, послѣдствіемъ этого будетъ ихъ низложеніе. Пусть, по крайней мѣрѣ, ихъ примѣръ открылъ бы глаза многимъ нѣмецкимъ государямъ. Къ несчастію, они становятся все болѣе и болѣе слѣпы“. Итакъ, съ Италіей, несмотря на революціонную политику Виктора-Эммануила, дружескія отношенія ничѣмъ не были нарушены. Дружба же съ Австріей и Франціей была весьма двусмысленнаго свойства. Императоръ Францъ-Іосифъ, обращаясь къ своей арміи, не затруднился заявить, что онъ напрасно рассчитывалъ на помощь самаго стараго и естествен-

наго союзника, и что друзья его предложили ему условія болѣе тяжкія, чѣмъ его враги. Слова эти были не въ бровь, а прямо въ глазъ Пруссіи и ея регенту.

Наполеонъ III, въ свою очередь, въ обращеніи къ законодательному корпусу, объяснял недовершеніе начатаго войною 59 г. дѣла появленіемъ прусскаго посредничества, которое могло невыгодно отразиться на французскихъ интересахъ. Подобныя слова должны были служить предостереженіемъ для Пруссіи, которая и приняла его въ расчетъ.

Впрочемъ тогда же принцъ-регентъ довольно рѣшительно высказался противъ Франціи въ вопросѣ о присоединеніи Ниццы. Такое присоединеніе, по мнѣнію его, ничѣмъ не оправдывалось.

Въ такомъ присоединеніи Ниццы онъ видѣлъ опасный прецедентъ, которымъ современемъ захочетъ воспользоваться Франція для осуществленія своихъ старыхъ притязаній на лѣвый берегъ Рейна. Неприкосновенность же нѣмецкой земли была всегда для императора Вильгельма символомъ вѣры.

Опасенія относительно замысловъ Франціи высказывались настолько ясно, что Наполеонъ III счелъ за необходимое личнымъ свиданіемъ съ принцемъ-регентомъ разсѣять самую мысль о чемъ-либо подобномъ. Свиданіе это состоялось въ Баденъ-Баденѣ, въ присутствіи почти всѣхъ второстепенныхъ государей Германіи. Какъ ни горячо убѣждалъ Наполеонъ III принца-регента въ отсутствіи у него какихъ-либо враждебныхъ намѣреній относительно Германіи, принцъ Вильгельмъ счелъ необходимымъ произвести внушительную демонстрацію по адресу Франціи. Собравъ вокругъ себя нѣмецкихъ государей, онъ обратился къ нимъ 18-го іюня 1860 г., какъ разъ въ годовщину Ватерлоо, съ мужественными словами: „Каковы бы ни были опасности, которыя могутъ рано или поздно угрожать Германіи, въ этотъ день, напоминающій намъ памятную побѣду, я охотно повторяю, въ этомъ высокомъ собраніи, что задача не только нѣмецкой политики Пруссіи, но и задача европейской политики заключается въ защитѣ какъ территоріи общей нашей родины, такъ и территоріи каждаго изъ нѣмецкихъ государей. Ничто не отвратитъ меня отъ исполненія этой обязанности, ни даже различіе взглядовъ, существующее между мною и нѣкоторыми членами союза на извѣстные вопросы внутренней или нѣмецкой политики. Не можетъ существовать никакихъ сомнѣній относительно честности моихъ усилій сосредоточить всѣ силы нѣмецкаго народа въ виду защиты отечества“...

Задача, такъ смѣло начертанная принцемъ-регентомъ, опредѣлила, въ какую сторону будутъ направлены прежде всего всѣ его усилія. Для исполненія даннаго имъ обѣщанія онъ долженъ былъ имѣть въ

своёмъ распоряженіи, во что бы то ни стало, могущественную армию. Такова была его главная забота, такова была цѣль, которой онъ рѣшился достигнуть, несмотря ни на какія препятствія, ни на какія жертвы. Преобразование армии вызвало во всемъ населеніи глубокое волненіе, такъ какъ оно послужило поводомъ къ продолжительному разладу между королевскою властью и народнымъ представительствомъ. Послѣдовавшая затѣмъ длинная борьба между правительствомъ и парламентомъ составляетъ почти единственное мрачное воспоминаніе среди блестящихъ страницъ всей исторіи великаго для Германіи царствованія императора Вильгельма. Борьба съ парламентомъ началась почти одновременно съ восшествіемъ на прусскій престолъ принца-регента. Въ ночь съ 31-го декабря на 1-е января 1861 г. скончался Фридрихъ-Вильгельмъ IV — и принцъ Вильгельмъ сдѣлался королемъ прусскимъ.

Е. Утинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1888 г.

Проектируемая полицейская реформа въ остзейскомъ краѣ.—Отношеніе ея къ другимъ преобразованіямъ.—Вопросъ о вотчинной полиціи.—Назначеніе или избраніе чиновъ полиціи?—Положеніе православія на западныхъ окраинахъ Россіи, по даннымъ отчета оберъ-прокурора св. синода.—По поводу вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ.

Говоря, почти восемь лѣтъ тому назадъ ¹⁾, о предполагавшемся тогда (въ силу закона 28-го мая 1880 г.) введеніи въ прибалтійскихъ губерніяхъ мировыхъ судебныхъ установленій, мы имѣли случай замѣтить, что, за исключеніемъ Сибири и Туркестана, русское государство не представляетъ другого края, къ которому реформы прошлаго царствованія примѣнялись бы медленнѣе и труднѣе. Остзейскихъ губерній не коснулась ни крестьянская, ни земская реформа; городское положеніе 1870 г. дошло до нихъ только въ 1877 г.; новые судебные уставы, давно уже дѣйствующіе на Кавказѣ и въ царствѣ польскомъ, никакъ не могутъ проникнуть въ край, положеніе котораго, въ сущности, гораздо менѣе исключительно. Съ тѣхъ поръ произошло не мало событій, подтвердившихъ справедливость нашего замѣчанія. Законъ 28-го мая 1880 г., для осуществленія котораго назначенъ былъ годовой срокъ, остается мертвой буквой до настоящей минуты. Препятствіемъ къ его исполненію была выставлена необходимость соотвѣтственной перемѣны въ устройствѣ крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ ²⁾. Проектъ передѣлки этихъ учрежденій былъ составленъ еще въ 1881 г., но не имѣлъ никакихъ послѣдствій, и старые судебные порядки продолжали оставаться неприкосновенными. Теперь, повидимому, приближается ихъ конецъ—но на первый планъ выдвинута другая, полицейская реформа. Распространенію

¹⁾ См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1880 г.

²⁾ См. Внутреннія Обозрѣнія въ № 12 „В. Европы“ за 1881 и въ № 11 за 1884 г.

на остзейскія губерніи новыхъ судебныхъ уставовъ признано необходимымъ предпослать преобразование полиціи, по образцу центральныхъ губерній имперіи. Цѣлесообразность этой очереди кажется намъ, по меньшей мѣрѣ, весьма спорною. Введеніе судебныхъ уставовъ было бы для остзейскаго края рѣшительной и несомнѣнной перемѣной къ лучшему, способной предрасположить население и къ дальнѣйшимъ реформамъ, примирить его, до извѣстной степени, съ ихъ слабыми сторонами. Совсѣмъ другое дѣло—нашъ полицейскій строй, съ пересадки котораго на остзейскую почву предполагается начать объединительную работу. Трудно предположить, чтобы ближайшее знакомство съ этимъ строемъ способствовало дѣйствительному сближенію между окраиной и центромъ, уменьшенію предубѣжденій, съ которыми первая относится къ послѣднему. Если въ 1880 г. признавалось возможнымъ приступить къ судебной реформѣ, не касаясь, на первый разъ, полицейскихъ учреждений, то мы не видимъ причины, по которой это было бы неудобно въ настоящее время. Та доля судебной власти, которою теперь облечена остзейская полиція, перешла бы, конечно, къ преобразованному суду, и этимъ самымъ былъ бы устраненъ одинъ изъ самыхъ важныхъ недостатковъ дѣйствующаго полицейскаго устройства.

Посмотримъ, однако—насколько можно судить по газетнымъ свѣдѣніямъ,—въ чемъ заключаются главныя основы проектируемой полицейской реформы. Полиція въ остзейскомъ краѣ отличается отъ полиціи центральныхъ губерній преимущественно тѣмъ, что ея агенты не назначаются правительствомъ, а выбираются дворянствомъ—въ Курляндіи безсрочно, въ Лифляндіи и Эстляндіи на три года. Подчиненіе полиціи губернатору далеко не такъ полно и не такъ безусловно, какъ по сю сторону Наровы и Чудскаго озера. Полицейскіе чиновники не обязаны доносить губернатору о всякомъ замѣченномъ ими безпорядкѣ, не обязаны принимать экстренныхъ мѣръ къ его прекращенію; на нихъ не распространяется даже законъ, по которому на полиціи лежитъ охраненіе общественной безопасности. На самомъ дѣлѣ, они сплошь и рядомъ вовсе не исполняютъ предписаній губернатора или допускаютъ такую медленность въ ихъ исполненіи, которая уничтожаетъ всякое значеніе принимаемой мѣры. Они состоятъ гораздо больше въ распоряженіи дворянства, чѣмъ въ распоряженіи центральной администраціи. Составъ уѣздной полиціи отличается крайнею малочисленностью, исполнительныхъ органовъ у нея вовсе нѣтъ или слишкомъ мало; въ Лифляндіи и Курляндіи дѣятельность ея затрудняется, сверхъ того, коллегіальнымъ ея устройствомъ. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ ее мало подвижной и недостаточно энергичной. Для избранія въ гагенрихтеры (Эстляндія), въ члены

гауптманскаго суда (Курляндія) или орднунгсгерихта (Лифляндія) не установлено никакого возрастнаго, имущественнаго и образовательнаго ценза; выборъ на эти должности упадаетъ иногда на молодыхъ, неопытныхъ людей, причѣмъ имѣется въ виду скорѣе ихъ личный интересъ, чѣмъ польза службы. Помѣщикамъ-дворянамъ, а также пасторамъ, въ качествѣ владѣльцевъ церковной земли, принадлежитъ, *ipso jure*, значительная полицейская власть, которая ограничивается, вообще говоря, такъ-называемою мызной землей (составляющей, по крайней мѣрѣ въ Лифляндіи, около $\frac{2}{3}$ всей территоріи), но въ случаяхъ отсутствія волостнаго старшины распространяется и на крестьянскія земли. Въ силу этой власти помѣщикъ—или его довѣренный и представитель—можетъ задерживать бродягъ и нарушителей порядка, требовать предъявленія паспортовъ, охранять благочиніе на ярмаркахъ, въ корчмахъ и т. п. Онъ можетъ также требовать личной явки волостнаго старшины, доводить до свѣденія начальства о неправильныхъ дѣйствіяхъ волостнаго управленія, просить объ отмініи постановленій крестьянскаго схода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, помѣщику дано право совершенно слагать съ себя полицейскую власть, которая переходитъ въ такомъ случаѣ, за извѣстное вознагражденіе, къ волостной полиціи, т.-е. къ волостному старшинѣ и его помощникамъ. Взамѣнъ всего этого предполагается ввести въ остзейскихъ губерніяхъ общерусское полицейское устройство, т.-е. поставить во главѣ уѣздной полиціи исправника, опредѣляемаго и увольняемаго по усмотрѣнію центральной губернской администраціи и вполнѣ зависимаго отъ нея, а исправнику подчинить помощника исправника, становыхъ, урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ. Единственное отступленіе отъ общаго порядка заключается въ томъ, что въ составъ полицейскихъ управленій не вводится сословныхъ засѣдателей, и самыя управленія не получаютъ коллегіальнаго характера, такъ какъ онѣ предназначены къ отмініи и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Предметы вѣдомства и предѣлы власти преобразованной остзейской полиціи имѣется въ виду опредѣлить на общемъ основаніи, только сохранивъ за нею на время, т.-е. до осуществленія судебной реформы, слѣдственную власть. Вотчинная (т.-е. помѣщичья) полиція отміняется совершенно.

Таковы основныя черты проекта, составленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ еще два года тому назадъ и разсматривавшагося, въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, при участіи мѣстныхъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства. Мы узнаемъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, что одинъ изъ губернаторовъ (лифляндскій) отстаивалъ, по крайней мѣрѣ первоначально, вотчинную поли-

цію ¹⁾, противъ которой горячо возставали два другіе. Со стороны одного изъ представителей администраціи было заявлено и такое мнѣніе, что остзейская полиція значительно лучше общерусской, что она прекрасно охраняетъ порядокъ и благоустройство края и страдаетъ только избыткомъ независимости, который легко можетъ быть устраненъ безъ общей ломки полицейскихъ порядковъ. Другими словами, достаточно замѣнить выборъ—назначеніемъ, подчинить полицію губернатору и ввести урядниковъ и становыхъ; все остальное—въ особенности вотчинная полиція и судебныя функціи полицейскихъ учреждений—пускай остается по старому. Взгляды на реформу расходятся, такимъ образомъ, довольно радикально. Выдѣлимъ, сначала, тѣ вопросы, которые, съ нашей точки зрѣнія, представляются безспорными. Сюда относится, прежде всего, вопросъ о судебныхъ функціяхъ полиціи. Соединеніе властей ненормально всегда и вездѣ, но худшей его формой представляется, очевидно, сосредоточеніе въ однѣхъ рукахъ обязанностей полицейскихъ и судебныхъ, не только разнородныхъ, но прямо противоположныхъ между собою. Ничего подобнаго не проектируется для внутреннихъ губерній, не проектируется даже тѣми, которые стоятъ за сліяніе, на низшей ступени управленія, властей административной и судебной; земскіе начальники—все-таки не полицейскіе чиновники, хотя и приближаются отчасти къ этому типу. Невозможность оставить за полиціей въ остзейскомъ краѣ присвоенную ей теперь долю судебной власти вытекаетъ, слѣдовательно, уже изъ того, что это значило бы идти прямо въ разрѣзъ съ основною идеей реформы—объединеніемъ охраны и центра. Столь же несомнѣнна, въ нашихъ глазахъ, и необходимость болѣе полного подчиненія полицейскихъ чиновъ губернатору. Полиція принадлежитъ къ числу тѣхъ отраслей управленія, въ которыхъ должна господствовать строгая дисциплина, послѣдовательно должно быть проведено іерархическое начало. Единство дѣйствій можетъ быть достигнуто здѣсь только черезъ посредство центральной власти, распоряженія которой должны быть одинаково обязательны для всѣхъ исполнительныхъ органовъ; этимъ же только путемъ обезпечивается скорость и точность исполненія. Мнимая самостоятельность полиціи равносильна, на практикѣ—какъ это удостовѣряетъ и примѣръ остзейскаго края—подчиненію ея какой-нибудь общественной силѣ, безыменной, безформенной, безответственной и меньше всего безпристрастной.

Болѣе сложнымъ, повидимому—но только повидимому,—представ-

¹⁾ Съ мнѣніемъ лифляндскаго губернатора согласился, по словамъ московской газеты, и правитель канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, г. Пазухинъ.

ляется вопросъ о вотчинной полиціи. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что существованіе ея находить для себя нѣкоторое оправданіе въ примѣрѣ Пруссіи и многихъ другихъ западно-европейскихъ государствъ, а также въ громадномъ протяженіи мѣзной земли, подлежащей, въ остзейскомъ краѣ, вѣденію вотчинной полиціи. На самомъ дѣлѣ, однако, эти аргументы не имѣютъ рѣшающаго значенія. И въ великорусскихъ губерніяхъ есть мѣстности, значительно большая часть которыхъ занята помѣщичьими имѣніями—но никто не доказывалъ еще, чтобы въ этихъ мѣстностяхъ помѣщиковъ слѣдовало облечь полицейскою властью. Обширность территоріи, принадлежащей тому или другому общественному классу, является для него уже сама по себѣ источникомъ вліянія, фактической силы, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доводомъ въ пользу предоставленія ему или оставленія за нимъ еще какихъ-либо *особыхъ* юридическихъ правъ. Что касается до ссылки на иностранныя государства, въ которыхъ еще держится нѣчто въ родѣ вотчинной полиціи, то она могла бы быть убѣдительно только при двухъ условіяхъ: еслибы было доказано, что вотчинная полиція не приноситъ тамъ ничего кромѣ пользы, и еслибы положеніе этихъ государствъ было сходно, во всемъ существенномъ, съ положеніемъ остзейскихъ губерній. Ни того, ни другого условія мы въ дѣйствительности не видимъ: благотворные результаты вотчинной полиціи, тамъ, гдѣ она существуетъ, представляются болѣе чѣмъ проблематичными, а о тождествѣ обстановки не можетъ быть и рѣчи. Возьмемъ хотя бы Пруссію, какъ страну наиболѣе къ намъ близкую. Пруссійскій *Gutsvorsteher* имѣетъ передъ собою населеніе одинаковаго (въ огромномъ большинствѣ случаевъ) съ нимъ происхожденія, давно уже ставшее на ноги, привыкшее пользоваться своими правами; онъ имѣетъ надъ собою прочно и правильно организованную администрацію, независимый и бессловный судъ, развитое общество, широко развѣтвленную, вліятельную печать. Злоупотребленія власти, при такихъ условіяхъ, почти немислимы и во всякомъ случаѣ неопасны; они встрѣтятся со всѣхъ сторонъ рѣшительный отпоръ, нигдѣ и ни въ чемъ не найдутъ поддержки. Можно ли сказать то же самое объ остзейскомъ краѣ? Масса населенія принадлежитъ здѣсь къ другимъ національностямъ, чѣмъ привилегированное меньшинство, и притомъ къ національностямъ отсталымъ, подавленнымъ цѣлыми вѣками гнета, только-что начинающимъ поднимать голову. Въ рукахъ меньшинства сосредоточены до сихъ поръ почти всѣ отрасли власти, недавно еще была сосредоточена вся матеріальная и умственная сила. Допустимъ, что, одновременно съ полицейскою реформой или вслѣдъ за нею, совершатся въ остзейскомъ краѣ другія—судебная, административная, земская;

допустить, что равенство національностей и сословій получить твердую точку опоры въ законѣ—во всякомъ случаѣ оно не сейчасъ же осуществится на практикѣ. Пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ въ однихъ исчезнетъ сознание всевластія, въ другихъ—сознание безправности. Сохраненіе вотчинной полиціи было бы, въ виду всего этого, крупной ошибкой. Весьма вѣроятно, что вмѣстѣ съ нею удержались бы всѣ или многія вѣ-законныя ея приставки, всѣ или многія изъ числа помѣщичьихъ полномочій, фактически выросшихъ на ея почвѣ и стѣсняющихъ свободу крестьянскаго самоуправленія. Сдѣлаться въ глазахъ населенія простыми гражданами, ничѣмъ, кромѣ нѣкоторыхъ почетныхъ правъ, не отличающимися отъ массы, помѣщики могутъ только тогда, когда имъ перестанетъ принадлежать политическая привилегія, обусловливаемая не назначеніемъ, не избраніемъ, однимъ словомъ—не способностью, такъ или иначе признанною, а исключительно фактомъ владѣнія, приобретеннаго покупкою или по наследству. Въ другихъ частяхъ Россіи ничего похожаго на вотчинную полицію не только не существуетъ, но и существовать не можетъ; самые крайніе приверженцы сословнаго начала не предлагаютъ возвратиться къ той эпохѣ, когда у насъ было „сто тысячъ даровыхъ полиціймейстеровъ“, т.-е. къ эпохѣ крѣпостного права... Мы вовсе не стоимъ за уравниваніе во что бы то ни стало, за систематическое и безотлагательное искорененіе всѣхъ различій между окраинами и коренными русскими губерніями. Наоборотъ, мы готовы подать голосъ за сохраненіе тѣхъ различій, которыя составляютъ преимущество окраины передъ центромъ и могутъ исчезнуть, современемъ, путемъ возведенія мѣстныхъ особенностей на степень общаго правила; мы ничего не имѣемъ и противъ неприкосновенности всего того, что соответствуетъ, въ данную минуту, потребностямъ и желаніямъ мѣстнаго населенія, разсматриваемаго какъ одно цѣлое. Если мы встаемъ противъ вотчинной полиціи, какъ и противъ судебно-полицейской власти, то только потому, что считаемъ и ту, и другую безусловно вредными для остзейскаго края, безусловно ненавистными большинству его населенія, безусловно непригодными для всей вообще Россіи. На этой почвѣ никогда не произойдетъ ни сближеніе между остзейскимъ краемъ и коренными русскими губерніями, ни сближеніе національностей и сословій внутри остзейскаго края—и не будетъ достигнуто, слѣдовательно, ни одинъ изъ тѣхъ результатовъ, въ виду которыхъ предпринимается реформа.

Въ другомъ совершенно свѣтѣ представляется намъ вопросъ о перенесеніи въ остзейскій край, *purement et simplement*, нашего общерусскаго полицейскаго строя. Такъ ли высоко мы сами цѣнимъ это благо, чтобы предлагать его, въ видѣ подарка, нашей сѣверо-

западной окраинѣ? Не настроить ли, не предрасположить ли онъ ее противъ другихъ даровъ, дѣйствительно цѣнныхъ? Мы уже указывали на эту опасность, когда возражали противъ очередного порядка преобразованій; но она существовала бы и въ такомъ случаѣ, еслибы на первый планъ была поставлена судебная или земская реформа. Нашимъ исправникамъ, станovýmъ, урядникамъ предшествовала бы, въ остзейскомъ краѣ, нелестная молва, которой едва ли положило бы конецъ самое ихъ появленіе. Слишкомъ долго было бы перечислять и разбирать причины, невыгодно вліявшія и вліяющія на организацію и дѣятельность русской полиціи; въ данномъ случаѣ для насъ достаточно напомнить, что эти причины существуютъ и не могутъ быть устранены однимъ почеркомъ пера. Ошибочно было бы думать, что для трехъ губерній можно будетъ прискаты, съ помощью высокихъ окладовъ жалованья (исправнику предполагается назначить 2.500, становому приставу — 2.000 рублей), отборный полицейскій персоналъ. Многократно повторенный опытъ удостовѣряетъ, что призывъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній, съ цѣлью обрусенія окраинъ, не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ; „обрусители“, сплошь и рядомъ, оказываются только „ташкентцами“. А между тѣмъ задача пришлыхъ полицейскихъ чиновниковъ въ остзейскомъ краѣ была бы болѣе тяжела, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Не говоря уже о необходимости знанія двухъ языковъ, кромѣ русскаго, не говоря уже о недовѣрїи и враждѣ высшихъ сословій, о неизбѣжномъ и усиленномъ подбрасыванїи палокъ въ колеса новаго учрежденія, — ему пришлось бы замѣнить полицію, во многихъ отношеніяхъ образцовую, поставившую благоустройство края на такую высоту, которая едва ли достигнута гдѣ-либо въ Россіи. Удержаться на этой высотѣ было бы нелегко — а каждый шагъ внизъ, подмѣченный и комментированный тысячами недоброжелательныхъ свидѣтелей, былъ бы чувствительнымъ урономъ для авторитета русскаго имени и правительственной власти. Намъ могутъ замѣтить, что въ наплывѣ пришлыхъ элементовъ не было бы никакой надобности, что новые полицейскіе чины могли бы быть взяты изъ той же среды, изъ которой пополняется и теперь остзейская полиція. Конечно, это было бы самымъ лучшимъ исходомъ изъ труднаго положенія; только едва ли онъ окажется осуществимымъ на практикѣ. Между мѣстными помѣщиками едва ли найдется много желающихъ занять мѣста, раздача которыхъ будетъ завистью исключительно отъ губернатора; отдѣльные дворяне-землевладѣльцы едва ли пойдутъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями — или предубѣжденіями — своего сословія. Ихъ устрашать, помимо всего остального, уже самыя наименованія должностей, звучащія чѣмъ-то несимпатичнымъ даже для русскаго, а тѣмъ болѣе для нѣмецкаго

уха... Нельзя ли было бы достигнуть главной цѣли преобразованія другимъ путемъ, болѣе осторожнымъ, нельзя ли было бы сохранить хорошія свойства остзейской полиціи, устранивъ только ея недостатки?

Остзейская полиція, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, является учрежденіемъ чисто-сословнымъ, облеченнымъ недостаточно опредѣленною и во всякомъ случаѣ слишкомъ обширною властью. Отсюда проистекають всѣ слабыя ея стороны, усложняемыя еще болѣе сословнымъ характеромъ всѣхъ другихъ отраслей управленія, всѣхъ органовъ судебной власти, всего общественнаго строя. Представимъ себѣ, что предѣлы вѣдомства полиціи установлены совершенно точно, что она не имѣетъ болѣе никакихъ судебныхъ функцій, что кругомъ нея все приняло новый видъ, вслѣдствіе ограниченія или отмѣны сословныхъ привилегій, что нѣтъ болѣе вотчинной полиціи, что судъ пересталъ быть достояніемъ и орудіемъ господствующаго класса, что всѣ группы населенія привлечены къ общей, совмѣстной работѣ въ средѣ земскихъ учреждений. Этого было бы уже достаточно, чтобы существенно измѣнить характеръ и образъ дѣйствій полиціи; оставалось бы только порвать послѣднюю связь между нею и дворянствомъ, предоставивъ *избраніе полицейскихъ чиновъ уполномоченнымъ отъ всѣхъ сословій*, все равно, въ лицѣ ли земскихъ учреждений, или особыхъ, ad hoc сованныхъ собраній. Нѣчто подобное устанавлилъ законъ 28 мая 1880 г. для избранія мировыхъ судей; оно должно было происходить въ избирательномъ собраніи, составленномъ изъ депутатовъ отъ землевладѣльцевъ, отъ волостныхъ старшинъ и отъ города, еслибы онъ входилъ въ составъ мирового участка. При такомъ порядкѣ избранія, полицейскіе чины—избираемыя, конечно, независимо отъ всякаго сословнаго ценза—перестали бы быть представителями одного сословія, но остались бы представителями мѣстности, мѣстными жителями и уроженцами, хорошо знакомыми и тѣсно связанными со всѣмъ окружающимъ. Получить извѣстную должность изъ рукъ избирателей согласились бы, по всей вѣроятности, многіе изъ числа тѣхъ, которые затруднились бы принять ее отъ губернатора, и между старой и новой полиціей не оказалось бы той бездны, которую должна открыть проектируемая система *назначенія* полицейскихъ чиновъ. Сохранилась бы преемственность преданій и пріемовъ, во всемъ томъ, въ чемъ они не запечатлѣны характеромъ исключительно-сословнымъ; наслѣдство умѣнья и искусства могло бы перейти неприкосновеннымъ къ новому учрежденію. Намъ могутъ возразить, что выборное начало непримѣнимо къ полиціи и не примѣняется къ ней ни въ одной изъ остальныхъ частей Россіи. Что касается до втораго аргумента, то мы уже имѣли случай замѣтить, что не признаемъ за

нимъ абсолютной силы. Однообразіе учреждений—вовсе не послѣднее слово государственной мудрости. Если выборная полиція остзейскаго края оставляла до сихъ поръ далеко позади себя—вездѣ, гдѣ не былъ замѣшанъ сословный антагонизмъ—*назначенную* полицію имперіи, то мы не видимъ причины приносить ее въ жертву на алтарь формальнаго единства. Выборное начало и полиція—вовсе не такія понятія, которыя взаимно исключали бы одно другое; ихъ совмѣстимость доказывается, между прочимъ, именно опытомъ остзейскихъ губерній. Если избиратели могутъ быть хорошими цѣнителями качествъ, необходимыхъ для судьи, то почему же нельзя довѣрить имъ оцѣнку качествъ, необходимыхъ для полицейскаго чиновника? Достаточной гарантіей правильнаго выбора было бы установленіе образовательнаго или служебнаго ценза, которому долженъ удовлетворять избираемый. Не противорѣчитъ выборное начало и строгой дисциплинѣ, которую мы сами признаемъ необходимой принадлежностью полицейской службы. До 1862 г. исправники избирались у насъ дворянствомъ, но это отнюдь не мѣшало имъ состоять въ полномъ подчиненіи у губернатора. Еслибы даже увольненіе выборнаго полицейскаго чиновника, раньше срока службы, было обставлено нѣкоторыми условіями, ограничивающими произволъ губернатора, это не поколебало бы зависимость полицейскихъ чиновъ отъ губернскаго начальства, такъ какъ послѣднее всегда имѣло бы возможность привлечь первыхъ къ дисциплинарной отвѣтственности или предать ихъ суду—суду преобразованному, стоящему внѣ мѣстныхъ вліяній, нерасположенному къ потворству служебнымъ проступкамъ... Само собою разумѣется, что сохраненіе выборнаго начала по отношенію къ полицейскимъ чиновникамъ не исключало бы *назначенія* низшихъ полицейскихъ служителей.

Итакъ, избраніе полицейскихъ чиновниковъ всесословными или безсословными собраніями, подчиненіе ихъ губернатору, наравнѣ съ полиціей внутреннихъ губерній, исключеніе изъ круга вѣдомства полиціи всѣхъ безъ изыятія судебныхъ функций, упраздненіе вотчинной полиціи и замѣна ея низшими полицейскими служителями, отчасти назначенными администраціей, отчасти выбранными изъ среды крестьянъ—вотъ въ какомъ видѣ мы представляемъ себѣ полицейскую реформу, одинаково соответствующую потребностямъ центральнаго управленія и мѣстнымъ нуждамъ остзейскаго края. Удобный моментъ для ея осуществленія настанетъ, повторяемъ, только тогда, когда въ прибалтійскихъ губерніяхъ будутъ введены въ дѣйствіе новыя судебныя уставы, или одновременно съ этой реформой. Преобразованіе полиціи, всему предпосланное и отъ всего отдѣленное, было бы неудобно еще и въ томъ отношеніи, что оно потре-

бовало бы, быть можетъ, новой передѣлки, когда было бы приступлено къ общей реорганизациі управленія въ остзейскомъ краѣ. Административныя функціи полиціи должны быть согласованы съ обязанностями другихъ органовъ администраціи, которымъ, безъ сомнѣнія, также предстоитъ радикальная перестройка.

Мы предвидимъ еще одинъ аргументъ въ пользу распространенія на остзейскій край, безъ всякихъ отступленій и оговорокъ, русскихъ полицейскихъ учреждений. Въ настоящемъ своемъ видѣ—могутъ сказать приверженцы прямолинейности и нивеллировки—остзейская полиція до такой степени ненавистна массѣ мѣстнаго населенія, что все идущее ей на смѣну будетъ встрѣчено съ восторгомъ. Рекомендаціей въ пользу новаго полицейскаго строя послужить, для латышей и эстовъ, именно то, что возстановить противъ него нѣмецкую интеллигенцію — *русское* его происхожденіе... Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Вотъ что мы прочли недавно въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: „Эстонская партія, которая нѣсколько лѣтъ назадъ потрясала воздухъ возгласами о дружбѣ и привязанности къ русскимъ, клялась въ неизмѣнности своей цѣли—достичь введенія въ краѣ обще-государственныхъ порядковъ, вдругъ измѣняетъ свои вкусы и стремленія и публично отрицается отъ своего прошедшаго. Моментомъ для такой манифестаціи она избрала обсужденіе думой (ревельской) предложенія министерства финансовъ уступить участокъ городской земли, стоимостью въ 4.000 рублей, подъ окружной судъ. Тѣ самые эстонцы, которые годъ назадъ вопили о партійности существующихъ у нихъ судовъ и молили о введеніи гласнаго судопроизводства, отказываютъ въ уступкѣ этого участка, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ нуженъ для устройства типографіи газеты *Viru-лаане*... Эпилогъ этого инцидента долженъ разыгратъ черезъ полтора года, при новыхъ выборахъ, общающихся много неожиданностей. До сихъ поръ бывали только два выборные комитета—нѣмецкій и эстонско-русскій. Теперь часть эстонскихъ избирателей разъединилась на двѣ партіи: одну—понимающую значеніе современныхъ реформъ и желающую обновленія края въ русскомъ духѣ, и другую—мечтающую о созданіи эстонской самобытности, съ лестнымъ обѣщаніемъ нѣмцевъ оказать въ томъ содѣйствіе, при нѣкоторомъ компромиссѣ“. Сомнѣваться въ фактической точности этого сообщенія мы не видимъ оснований и признаемъ его чрезвычайно знаменательнымъ. Оно показываетъ съ полною ясностью, какъ непроченъ, покамѣстъ, союзъ между элементами русскимъ и эсто-латышскимъ, какъ ошибоченъ расчетъ на *безусловное* сочувствіе и содѣйствіе послѣдняго. Эсты и латыши еще не приобрѣтены нами безповоротно, они только начинали склоняться на нашу сторону — и это движеніе

столь же легко можетъ быть приостановлено, какъ и приведено къ желанной цѣли. Все зависитъ отъ *содержанія* реформъ, отъ количества и степени улучшеній, которыя онѣ принесутъ съ собою для массы населенія. Одно неудачное преобразование можетъ парализовать нѣсколько удачныхъ, въ особенности если оно будетъ предшествовать имъ по времени. Довѣріе, однажды потерянное, восстанавливается не легко и не скоро.

Существованіе, въ средѣ эсто-латышскаго населенія, разнородныхъ теченій, далеко не всегда благопріятныхъ русскому вліянію, подтверждается слѣдующими фактами, заимствуемыми нами изъ послѣдняго отчета оберъ-прокурора св. синода. „Въ одной волости, гдѣ старшиною человѣкъ, весьма враждебно относящійся къ православію, уже одно заявленіе желанія присоединиться къ православію преслѣдуется и наказывается какъ преступленіе. Крестьянинъ, давшій ночлегъ въ своемъ домѣ православному учителю, подвергнутъ былъ денежному штрафу. Одинъ волостной старшина продержалъ двое сутокъ подъ арестомъ, въ одномъ помѣщеніи съ домашними животными, два православныхъ семейства, съ малыми дѣтьми, единственно, по словамъ самого старшины, за переходъ ихъ въ православіе“. Волостные старшины—крестьяне, т.-е. латыши или эсты; если нѣкоторые изъ нихъ до такой степени враждебно относятся къ православію, то можно ли сомнѣваться въ наличности условий, поддерживающихъ обособленность эсто-латышскаго населенія? Давленіе высшихъ классовъ—едва ли единственное, едва ли даже главное изъ этихъ условий; по закону реакціи, оно должно скорѣе способствовать, чѣмъ противодействовать распространенію, въ массѣ, русскихъ симпатій. Трудно предположить, чтобы злоупотребленія власти, допущенныя волостными старшинами, были совершены по приказанію или внушенію мѣстныхъ помѣщиковъ или пасторовъ; волостные старшины не могли не знать, какой отвѣтственностью они рискуютъ,—и едва ли пошла бы на этотъ рискъ изъ одной угодливости передъ духовнымъ или свѣтскимъ „барономъ“. На постороннее вліяніе, еслибы о немъ, въ данномъ случаѣ, могла быть рѣчь, сдѣлано было бы, наконецъ, указаніе и въ отчетѣ оберъ-прокурора. Итакъ, расположеніе ко всему русскому—явленіе далеко не общее между эстами и латышами; оно должно быть еще завоевано и упрочено—и малѣйшая ошибка въ выборѣ средствъ для достиженія этой цѣли можетъ быть оплачена весьма дорогою цѣною.

Нужно надѣяться, что эсты и латыши, хорошо настроенные по отношенію къ русскимъ и Россіи, не читаютъ нашихъ реакціонныхъ газетъ—а то они легко могутъ поколебаться въ своихъ добрыхъ чувствахъ. Примѣненія къ остзейскому краю новыхъ судебныхъ уставовъ они желали и желаютъ, безъ сомнѣнія, потому, что сознаютъ

великое значеніе суда независимаго, безпристрастнаго, озабоченнаго только однимъ: отысканіемъ и осуществленіемъ правды. Чтѣ же они должны подуматъ, встрѣчаясь въ русской печати съ взглядами совершенно противоположными, — читая, напримѣръ, слѣдующій отрывокъ изъ петербургской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 62): „вы знаете, что въ прошломъ году, по Высочайшему повелѣнію, былъ преданъ суду эстляндскаго оберъ-ландгерихта бывшій ревельскій городской голова, Грейфенгагенъ, за неисполненіе указовъ сената, полное игнорированіе законныхъ распоряженій правительства и т. д. Это преданіе суду являлось строгимъ требованіемъ примѣрнаго наказанія лица, забывшагося до полнаго непризнанія надъ собой высшей правительственной власти. Преданія суду по Высочайшему повелѣнію весьма рѣдки и, конечно, безусловно справедливы, такъ какъ въ нихъ не можетъ быть мѣста какому-либо пристрастію или субъективному взгляду какой-либо партіи“. Эстляндскій оберъ-ландгерихтъ, какъ извѣстно, оправдалъ Грейфенгагена; корреспондентъ московской газеты называетъ этотъ приговоръ „неумѣстной и неприличной манифестаціей“, заявленіемъ о „несолидарности оберъ-ландгерихта съ властнымъ словомъ, исходящимъ съ высоты престола“... Первое и необходимое условіе для правильной оцѣнки судебного рѣшенія — это знаніе его мотивовъ. Корреспонденту „Московскихъ Вѣдомостей“ оно кажется излишнимъ; онъ рубитъ съ плеча, хотя ему неизвѣстно, повидимому, ни одно изъ соображеній оберъ-ландгерихта. Это уже не критика — это просто наѣздничество, возможное только на страницахъ русской реакціонной газеты. Весьма можетъ быть, что приговоръ оберъ-ландгерихта лишенъ всякаго основанія, явно несогласенъ съ законами и обстоятельствами дѣла; но это нужно *доказать* — доказать разборомъ аргументовъ, на которыхъ онъ построенъ. Преданіе суду, отъ кого бы оно ни исходило, никогда не предрѣшаетъ и не должно предрѣшать исходъ дѣла; оно констатируетъ только достаточность поводовъ къ *судебному преслѣдованію*, но отнюдь не къ *осужденію* даннаго лица. Судъ, достойный этого имени, ни въ какомъ случаѣ не можетъ ограничиться простой регистраціей властнаго распоряженія, механическимъ примѣненіемъ уголовной кары къ дѣянію, заранѣе, помимо суда, признанному доказаннымъ и преступнымъ; онъ долженъ *самъ* установить сначала наличность факта, потомъ его юридическую квалификацію и, наконецъ, его юридическія послѣдствія. У насъ есть цѣлая категория дѣлъ, по которымъ преданіе суду возможно только съ Высочайшаго разрѣшенія; это — дѣла о высшихъ чинахъ, занимающихъ должности первыхъ трехъ классовъ и обвиняемыхъ въ преступленіяхъ по службѣ. Основаніемъ обвинительному акту служить, въ дѣлахъ этого рода, *Высочайше утвержденное*

мнѣніе государственнаго совѣта. И что же, неужели кто-либо станетъ увѣрять, что преданіе суду, въ подобныхъ случаяхъ, равносильно осужденію, что судъ *обязанъ* произнести обвинительный приговоръ, что оправданіе подсудимаго было бы „неприличной и неуѣстной манифестаціей“?.. Года два тому назадъ въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената разсматривалось, съ участіемъ присяжныхъ, именно такое дѣло ¹⁾, окончившееся оправдательнымъ вердиктомъ—и никто, сколько намъ извѣстно, не поднималъ вопроса о противозаконности этого вердикта, никто не видѣлъ въ немъ „несолидарности съ властнымъ словомъ, раздавшимся съ высоты престола“. А между тѣмъ, съ формальной стороны дѣло, рѣшенное сенатомъ, ничѣмъ не отличается отъ дѣла Грейфенгагена; въ обоихъ случаяхъ основаніемъ къ возбужденію преслѣдованія послужило Высочайшее повелѣніе... Читая корреспонденцію „Московскихъ Вѣдомостей“, можно подумать, что преданіе суду не влечетъ за собою осужденія обвиняемыхъ только тогда, когда оно было вызвано „какимъ-либо пристрастіемъ или субъективнымъ взглядомъ какой-либо партіи“. Не нужно быть юристомъ, чтобы понять всю несостоятельность этого мнѣнія. Обвинительная инстанція и судъ, разсматривающій дѣло по существу, стоятъ на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія, и именно потому—при одинаково безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу—приходятъ, сплошь и рядомъ, къ совершенно различнымъ выводамъ. Для одной достаточно основательнаго *подозрѣнія*, для другого необходимо *убѣжденіе*; для преданія суду нужно только, чтобы обвиненіе было *возможно*—обвинительный приговоръ произносится лишь тогда, когда оно *неизбѣжно*... До крайности печально, что въ послѣднее время безпрестанно приходится прибѣгать къ разъясненію столь элементарныхъ истинъ. Въ остзейскомъ краѣ юридическія ереси въ родѣ тѣхъ, которые на каждомъ шагу проповѣдуются нашими реакціонными газетами, менѣе чѣмъ гдѣ-либо могутъ проходить безслѣдно; юридическое образованіе распространено тамъ гораздо шире, чѣмъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, и распространено всего больше именно въ общественныхъ сферахъ, наименѣе расположенныхъ ко всему русскому. Понятно, съ какимъ злорадствомъ должны читаться въ этихъ сферахъ невѣжественныя выходы русской реакціонной прессы. „Вотъ что пишутъ эти русскіе!“—можетъ воскликнуть любой дерптскій студентъ, знакомый съ первыми основаніями права:—„вотъ чего, слѣдовательно, можно ожидать отъ нихъ, когда они проникнутъ въ наши суды, въ наши присутственныя мѣста и замѣнятъ нѣмец-

¹⁾ Мы не называемъ подсудимыхъ по этому дѣлу, потому что оно производилось при закрытыхъ дверяхъ и ни разу, послѣ произнесенія приговора, не упоминалось въ печати.

кое знаніе русскимъ варварствомъ!“ Конечно, русское образованное общество, какъ и русское правительство, не отвѣтственно за измышленія „Московскихъ Вѣдомостей“; но какъ убѣдить въ этомъ тѣхъ, которымъ выгодно доказывать противное?

Въ предыдущемъ обзорѣни мы познакомили читателей съ той частью отчета синодальнаго оберъ-прокурора, которая относится къ ересямъ и расколамъ; теперь въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ обнародованы и дальнѣйшіе отдѣлы отчета, касающіеся, между прочимъ, состоянія православной церкви въ западномъ, привислянскомъ и прибалтійскомъ краяхъ. Мы узнаемъ отсюда, что православіе продолжаетъ распространяться между эстами, ливами и латышами во всѣхъ трехъ остзейскихъ губерніяхъ. По удостовѣренію мѣстнаго преосвященнаго, „не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо желаніи инородцевъ получить, съ переходомъ въ православіе, какія-либо матеріальныя выгоды. Новоприсоединенные письменно заявляютъ, что они приняли православіе, видя въ немъ правду Божию и спасеніе, съ цѣлью получить вѣчную жизнь, чрезъ имѣющуюся тамъ правду и истину, и что они признаютъ православіе за истинную вѣру. Присоединившіеся заявляютъ прямо, что никто изъ проповѣдниковъ и учителей православія не обѣщаль имъ за принятіе онаго временныхъ земныхъ благъ, и они не ждуть ихъ получить; напротивъ, имъ извѣстно, что за принятіе православія многіе, быть можетъ, должны будутъ вынести свой крестъ и горе“. Если эти заявленія не имѣютъ характера подписки, требуемой отъ каждаго принимающаго православіе, а составляютъ свободный актъ воли со стороны новообращенныхъ, то нельзя не привѣтствовать ихъ отъ всей души, какъ доказательство искренности движенія, охватившаго значительную часть эсто-латышскаго населенія остзейскихъ губерній. Малѣйшая примѣсь свѣтскихъ мотивовъ или постороннихъ понужденій была бы здѣсь чрезвычайно опасна, потому что за обращеніемъ легкомысленнымъ или своекорыстнымъ весьма часто слѣдуетъ реакція, сожалѣніе объ оставленномъ вѣроисповѣданіи, стремленіе возвратиться въ его лоно— а для присоединенныхъ къ православію возвратный путь закрытъ, какъ извѣстно, безповоротно и разъ навсегда. Ничто не могло бы повредить русскому вліанію въ остзейскихъ губерніяхъ настолько сильно, какъ обратное движеніе къ лютеранизму, наталевивающееся на виѣшнія препятствія; произвести тяжелое впечатлѣніе могли бы даже немногіе случаи этого рода. Носились слухи, что кое-гдѣ новообращенные латыши или эсты оказывались нетвердыми въ православіи; но молчаніе отчета убѣждаетъ насъ въ неосновательности

этихъ слуховъ... „Перновскій благочинный—читаемъ мы въ томъ же отдѣлѣ отчета — сообщилъ преосвященному, что къ священнику михайловской церкви явился одинъ лютеранинъ изъ мызы Метцебюе, эстляндской губерніи, и просилъ его помолиться объ очищеніи его сада и полей отъ гадовъ и вредныхъ насѣкомыхъ; другой крестьянинъ (также, очевидно, лютеранинъ) просилъ священника помолиться о прекращеніи падежа скота“. Нужно полагать, что эти просьбы были исполнены, иначе о нихъ едва ли было бы упомянуто въ отчетѣ; но что если падежъ скота не прекратился, что если гады и вредныя насѣкомыя продолжали опустошать поля и садъ лютеранина? Нѣтъ ли въ этомъ способъ распространенія православія чего-то похожего на обоюдоострое оружіе?..

О западномъ краѣ въ отчетѣ сказано слѣдующее: „особенно вредно католическое духовенство дѣйствуетъ на присоединившихся къ православію въ шестидесятыхъ годахъ, нерѣдко исполняя у нихъ христіанскія требы. Поощряемыя и возбуждаемыя имъ, таковыя лица обращаются къ духовенству и гражданскому начальству съ просьбами объ оставленіи ихъ въ латинствѣ. Наибольше сильна пропаганда католицизма въ епархіи подольской, и преимущественно на западной ея границѣ; что прежде проповѣдниками латинства дѣлалось здѣсь, болѣею частью, тайно, то въ настоящее время они не считаютъ необходимымъ даже и скрывать, дѣйствуя различными, въ большинствѣ случаевъ незаконными мѣрами для совращенія православныхъ въ латинство, распространяя между ними разныя неосновательныя слухи, вселяя въ нихъ несбыточныя надежды, воспрепятствуя вступающимъ въ бракъ съ православными, вслѣдствіе чего число упорствующихъ въ желаніи возвратиться въ латинство и уклоняющихся отъ таинства православной церкви не уменьшается и остается еще значительнымъ; въ нѣкоторыхъ приходахъ литовской епархіи оно составляетъ *большую половину всего количества прихожанъ*“. Комментарій къ этимъ словамъ излишни, въ виду всего сказаннаго нами еще недавно по вопросу о вѣротерпимости ¹⁾; замѣтимъ только, что если нѣкоторые изъ среды числящихся православными ходатайствуютъ *объ оставленіи ихъ въ латинствѣ*, то отсюда слѣдуетъ заключить, что они, въ сущности, никогда и не переставали быть католиками. Полезно ли, затѣмъ, принудительное удержаніе ихъ въ нѣдрахъ православной церкви—и для чего оно нужно? Вѣтъ церкви всѣ эти мнимые ея прихожане были бы, кажется намъ, менѣе ревностными ея противниками, чѣмъ внутри.

¹⁾ См. Внутр. Обзоріе и Общ. Хронику въ № 3 „В. Европы“ за текущій годъ.

Три года тому назадъ министерство внутреннихъ дѣлъ внесло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта законопроектъ, ограничивавшій отчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ. Привѣтствуя эту мѣру, мы замѣтили, однако, что ей недостаетъ рѣшительности и полноты—рѣшительности, такъ какъ она допускала продажу надѣловъ односельцамъ или однообщественникамъ продавца и не устраняла, следовательно, возможности скупки надѣловъ; полноты—такъ какъ она не касалась одного изъ главныхъ источниковъ обезземеленія крестьянъ—ст. 165 Положенія о выкупѣ, т.-е. права выкупа отдѣльныхъ участковъ¹⁾. О дальнѣйшемъ движеніи проекта долго ничего не было слышно; можно было опасаться, что онъ взятъ назадъ, что отвергнута основная мысль реформы. На самомъ дѣлѣ, къ счастью, оказывается совсѣмъ другое; задержка произошла отъ того, что признано необходимымъ раздвинуть, широко раздвинуть рамки преобразования. Проектъ вызвалъ множество возраженій, влонившихся именно къ этой цѣли; въ особенности энергичны были нападенія на ст. 165 Полож. о выкупѣ. Указывалось на то, что въ случаѣ сохраненія status quo обезземеленіе большинства весьма скоро, лѣтъ черезъ двадцать, станетъ совершившимся фактомъ; что это возможно и въ такомъ случаѣ, если скупка надѣловъ останется доступной для однихъ только однообщественниковъ продавца; что нужно установить высшій размѣръ владѣнія, могущаго сосредоточиться въ рукахъ одного лица. Дальнѣйшее обсужденіе вопроса привело къ заключенію, что нельзя ограничиться однимъ только провозглашеніемъ неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, что пересмотру и болѣе точному опредѣленію должны подлежать всѣ вообще права крестьянъ на надѣльные земли. Другими словами, необходимо составить новое положеніе о порядкѣ пользованія и распоряженія надѣльными землями. Эта работа, въ высшей степени трудная и сложная, не можетъ быть окончена въ скоромъ времени—а между тѣмъ весьма важно, чтобы до ея окончанія не произошло существенной перемѣны въ размѣрахъ и распредѣленіи крестьянскаго землевладѣнія. Въ этихъ видахъ предположено, какъ мы слышали, принять теперь же цѣлый рядъ временныхъ мѣръ, воспрепятствующихъ, впредь до изданія новаго закона, отчужденію (даже понудительное) и залогъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель и приостанавливающихъ дѣйствіе ст. 165 Полож. о выкупѣ. Выкупъ отдѣльнаго участка разрѣшается лишь при согласіи на то двухъ третей членовъ сельскаго общества, имѣющихъ голосъ на сельскомъ сходѣ; размѣръ выкупаемой земли опредѣляется, притомъ, не по дѣйстви-

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за 1886 г.

тельному владѣнiю въ моментъ выкупа, а по разверсткѣ, примѣнительно къ числу наличныхъ душъ. Кто желаетъ выйти изъ сельскаго общества, тотъ долженъ, при существованiи подворнаго владѣнiя, передать свою землю другому лицу сельскаго состоянiя, а при существованiи общиннаго владѣнiя—сельскому обществу. Намъ казалось бы еще болѣе цѣлесообразнымъ вовсе приостановить выкупъ отдѣльныхъ участковъ, хотя бы и съ согласiя общества, и распространить временное запрещенiе отчужденiя надѣльной земли на сдѣлки, совершаемыя между однообщественниками или односельцами. Только тогда будетъ вполнѣ достигнута цѣль, преслѣдуемая правительствомъ—сохраненiе крестьянскаго землевладѣнiя, впредь до окончательной его регламентацiи, въ настоящемъ его видѣ, безъ того уже сильно пострадавшемъ вслѣдствiе непринятiя своевременныхъ мѣръ въ его защитѣ. При наличныхъ условiяхъ крестьянскаго самоуправленiя согласiе сельскаго схода на выкупъ участка можетъ быть получено слишкомъ легко—и еще легче можетъ подвигаться впередъ обезземеленiе однихъ членовъ общества въ пользу другихъ, ничуть не лучшее, чѣмъ обезземеленiе въ пользу постороннихъ лицъ.

Признавая вполнѣ необходимость новаго положенiя о порядкѣ пользованiя и распоряженiя надѣльными землями, мы позволимъ себѣ выразить по этому поводу два пожеланiя, важность которыхъ кажется намъ неоспоримой. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, чтобы составленiе положенiя не было предоставлено исключительно одной бюрократической комиссiи, образованной, по обычному шаблону, изъ представителей различныхъ административныхъ вѣдомствъ. Работа, теперь предпринимаемая, является прямымъ продолженiемъ той, которую совершили, въ 1858—60 г., губернскiе комитеты и редакцiонныя комиссiи; проектируемое положенiе должно замѣнить, во многомъ, великiе законодательные акты 19-го февраля 1861 г. Не ясно ли, что значенiю цѣли должна соответствовать и серьезность средствъ, что широко задуманное дѣло не можетъ идти путемъ, пригоднымъ только для маловажныхъ, второстепенныхъ преобразованiй?.. Второе наше пожеланiе находится въ связи съ предполагаемой административной реформой. Проектъ положенiя о земскихъ начальникахъ возлагаетъ на этихъ должностныхъ лицъ и на ихъ сѣзды повѣрку приговоровъ, постановляемыхъ сельскими сходами по самымъ важнымъ предметамъ крестьянскаго хозяйства, часто едва затронутымъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Отсюда возможность произвола, угрожающаго самыми вредными послѣдствiями—произвола, предупредить который можетъ только существованiе закона, точно опредѣляющаго имущественныя права крестьянъ. До изданiя такого закона

и слѣдовало бы, думается намъ, отложить учрежденіе новыхъ органовъ мѣстнаго управленія или, по крайней мѣрѣ, облеченіе ихъ тою громадною властью, которую предоставляетъ имъ проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

ПО ПОВОДУ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО КРИЗИСА.

Замѣтка.

Уже нѣсколько лѣтъ сряду у насъ говорятъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ и особенно объ угнетенномъ состояніи землевладѣнія. Но никогда вопросъ этотъ не обострялся до такой степени, какъ теперь, что и понятно. Въ предшествовавшіе годы землевладѣльческія и вообще хозяйственныя наши затрудненія въ значительной степени обусловливались неурожаями. Въ 1885 году сильно свирѣпствовала засуха; въ 1886 году, въ обширной полосѣ государства много погубло пшеницы — главнаго предмета нашего хлѣбнаго отпуска — вслѣдствіе предшествовавшей неблагоприятной зимы. Но 1887 годъ вышелъ однимъ изъ рѣдкихъ по благополучію. Въ большей части губерній почти всѣ хлѣба родились прекрасно, и на *количество* собраннаго хлѣба жаловаться было нельзя. Только немногія полосы оказались въ иномъ положеніи, какъ, на примѣръ, Крымъ, части уфимской, самарской и рязанской губерній и т. под. Большинство хозяевъ дождалось исключительной благосклонности природы. И несмотря на все это, почти отовсюду слышны жалобы. Всѣ говорятъ, что хотя хлѣба много, но это не помогаетъ, такъ какъ цѣны его крайне низки; вліяніе *количества* парализовано цѣнами, такъ какъ земельные доходы происходятъ отъ помноженія количества на цѣну. Всюду заговорили или объ убыточной продажѣ земельныхъ произведеній, или даже о полномъ отсутствіи спроса, при которомъ владѣлецъ подолгу остается при массѣ хлѣба, но безъ денегъ. Стало, говорятъ, трудно вносить всякіе платежи, нечѣмъ оплачивать текущую жизнь, тяжело платить за воспитаніе дѣтей, словомъ, концы съ концами совѣмъ не сходятся. Сплошныя, сильныя жалобы тянутся уже нѣсколько мѣсяцевъ, вызывая даже различныя общественныя ходатайства. Мѣстныя общественныя со-

бранія то-и-дѣло ставятъ вопросъ о кризисѣ, учреждаютъ по этому поводу комиссіи, взываютъ къ помощи правительства. Если послѣ исключительно благоприятнаго урожая, на повтореніе которыхъ можно рассчитывать одинъ разъ въ десять лѣтъ, чувствуется—говорятъ—такая трудность положенія, то чего же ожидать въ будущемъ? Если природа, при всей своей благосклонности, не могла выручить изъ бѣды, то какъ быть въ менѣе урожайные годы? Надо искать корень зла и найти болѣе радикальное средство помощи. Особенно крѣпко жалуются на кризисъ въ средней полосѣ Россіи, въ области ржаного производства. Вопросъ о кризисѣ обострился настолько, что учреждается наконецъ по этому предмету особая правительственная комиссія. Многіе переносятъ рѣчь отъ бѣды настоящаго дня къ болѣе далекому будущему, затрогивая вопросъ о предстоящихъ нашихъ экономическихъ судьбахъ вообще. Если землевладѣльческіе доходы падаютъ и занятіе хозяйствомъ приводитъ къ убытку, то не поведетъ ли это къ общему сокращенію запашекъ, къ оставленію бѣльшей части земли впустѣ, къ распродажѣ земель по ничтожнымъ цѣнамъ? не ослабнетъ ли вообще земледѣльческій промыселъ, которымъ только и держится наша страна? Если падаетъ цѣна имѣній, то не поведетъ ли это къ широкой продажѣ ихъ за долги разнымъ банкамъ и др. залогодержателямъ, а такъ какъ, при общемъ безденежьи, не найдется на эти имѣнія сколько-нибудь достаточнаго числа покупателейъ, то куда дѣнутся продаваемые имѣнія, не возникнетъ ли общій крупный *земельный* кризисъ? Иные думаютъ, что кризисъ обратится въ пользу крестьянскаго населенія, такъ какъ при сокращеніи владѣльческихъ хозяйствъ масса земель будетъ сдаваема крестьянамъ въ аренду за безцѣнокъ. Другіе поддерживаютъ предсказанія въ пользу крестьянскихъ выгодъ даже соображеніями объ упадкѣ нашего курса: мужикъ-де платитъ подати деньгами, слѣдовательно съ упадкомъ курса овъ—уже облегченный въ размѣрѣ платежей—обязывается платить остающіяся повинности удешевленною монетою. Вообще, по части предположеній замѣтны двоякія мнѣнія, ставяція вопросъ: ведетъ ли кризисъ къ общей бѣдѣ, или только къ перемѣщенію выгодъ отъ одной части населенія къ другой?

Кто правъ, кто ошибается, чьи предположенія вѣрнѣе—это покажетъ недалекое будущее, но во всякомъ случаѣ намѣченные выше вопросы отличаются большимъ интересомъ и важностью. Предъ нами одинъ изъ любопытнѣйшихъ фазисовъ нашей экономической исторіи. Но чтобы доискаться настоящей руководящей нити, надо возможно правильнѣе опредѣлить дѣйствительное положеніе, разобравъ его элементы. При всякомъ леченіи важнѣе всего діагнозъ болѣзни. Работа такого опредѣленія дѣйствительности, конечно,

сложна и трудна, и для нея нужно собрать еще много цѣннаго фактическаго матеріала. Прежде твердаго діагноза приходится начинать съ болѣе или менѣе удачныхъ поверхностныхъ набросковъ существующаго положенія, возникающихъ изъ него вопросовъ и соображеній. По этому предмету мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Сколько приходится слѣдить за тѣмъ, что высказывается по поводу кризиса, его видятъ почти исключительно въ низкихъ цѣнахъ на продукты земли. Около этого вертятся всѣ разговоры. Какіе будутъ доходы отъ земли, говорятъ, когда во внутреннихъ губерніяхъ за рожь даютъ 30—35 коп. за пудъ, послѣ прошлогодней цѣны въ 50 к., а за овесъ даже 20—25 копѣекъ! Тутъ не покроются издержки производства. Паденіе цѣны на 25% въ одинъ только годъ—ужасное паденіе! Но, судя по тѣмъ же жалобамъ, поднимись только цѣны — и все уладится. Говорятъ не объ увеличеніи количества хлѣба, котораго-моль и такъ дѣвать некуда—а только о цѣнѣ. Итакъ, вся бѣда въ цѣнахъ, все спасеніе въ возможной дороговизнѣ, въ родѣ, на примѣръ, той, которая такъ лакомила нашихъ хозяевъ въ 1880—1882 годахъ. Интересы людей, не ведущихъ сельскаго хозяйства и живущихъ на денежный доходъ—пенсіонеровъ, чиновниковъ, живущихъ заработками,—словомъ, людей, которые отъ дороговизны страдаютъ, обыкновенно оставляются на второмъ планѣ или совсѣмъ забываются.

Дѣло низкихъ цѣнъ осложняется еще однимъ интереснымъ обстоятельствомъ, которое затрудняетъ опредѣленіе дѣйствительнаго уровня цѣнъ. Орудіемъ измѣненія цѣнъ являются деньги, а деньги сами по себѣ измѣнчивы въ своей стоимости, особенно у насъ, гдѣ ходятъ только кредитные рубли. Непостоянство орудія измѣренія не можетъ не мѣшать ясному опредѣленію колебанія цѣнъ. Дешевизна продуктовъ выражаетъ *дороговизну денегъ*, а дороговизна продуктовъ—удешевленіе денегъ. Высота цѣны одного предмета опредѣляется по сравненію съ цѣнами другихъ предметовъ. И дѣйствительно, высокія цѣны 1880—1882 годовъ выражали, главнымъ образомъ, упадокъ *денегъ*, подъ влияніемъ пониженія курса кредитнаго рубля, возникшаго отъ усиленнаго выпуска кредитныхъ билетовъ въ эпоху войны. Рубль упалъ противъ прежняго времени, до войны, а хлѣбная цѣна повысилась, и все это казалось совершенно естественнымъ. Но теперь положеніе уже совсѣмъ не то: паденіе цѣнъ проявляется *одновременно* съ паденіемъ же курса! И хлѣбъ, и ходячія деньги дешевѣютъ разомъ. Выходитъ нѣчто совсѣмъ необычное. Ясно, что въ экономическую жизнь вошелъ новый факторъ, который прежде не дѣйствовалъ или дѣйствовалъ непримѣтно. Съ другой стороны, это же обстоятельство указываетъ, что размѣръ паденія цѣнъ ви-

дится не вполне. Его измѣряютъ такою мѣркою (кредитнымъ рублемъ), которая сама непостоянна и рѣзко измѣняется. Если же противопоставить цѣну хлѣба металлическимъ деньгамъ, представляющимъ болѣе положительную, устойчивую цѣнность, то результатъ окажется другой и притомъ еще болѣе эффектный.

Обратимся къ примѣрамъ. Въ курской губерніи, въ декабрѣ истекшаго 1887 года, пудъ ржи продавали по 38 копѣекъ. Въ сравненіи съ декабрьскими цѣнами 1880 и 1881 годовъ (1 р. 26 к. и 78 коп.), это, конечно, колоссальное паденіе; но только-что названные годы были совсѣмъ исключительные и, какъ выясняется теперь, представляли случайныя явленія. Если же сличить цѣну 1887 года съ болѣе давними, на примѣръ съ относящимися къ декабрю 1872 и 1873 годовъ, когда тотъ же пудъ ржи стоилъ 44—46 коп. (см. Ежегодникъ Мин. Фин., вып. XII), то паденіе составитъ всего лишь 15%. Тутъ казалось бы нѣтъ ничего страшнаго: жили благополучно пятнадцать лѣтъ тому назадъ при упомянутыхъ цѣнахъ—можно бы жить и теперь почти такъ же. Стоитъ только отказаться отъ мечты удержать случайныя высокія цѣны. Но дѣло въ томъ, что самыя *котѣйки*, которыми мы измѣряемъ цѣну, сильно измѣнились. Число ихъ то же, да стоимость другая. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ кредитный рубль стоилъ 83 коп. на металлическую валюту, а въ концѣ 1887 года—только 55 коп. Если мы переведемъ цѣну ржи на металлъ, т.-е. на положительную, малоизмѣчивую цѣнность, то выйдетъ, что пудъ ржи въ 1873 году стоилъ 39 коп. мет., а теперь—только 21 коп.! Т.-е. дѣйствительный упадокъ цѣны — почти вдвое. И еще ужаснѣе окажется паденіе, если мы сдѣлаемъ сравненіе съ недавнимъ, болѣе исключительнымъ временемъ: 78-копѣчная цѣна 1881 года, при тогдашнемъ курсѣ (1½ руб. кред.=1 руб. мет.) составляла 52 коп. мет., слѣдовательно она въ 2½, раза превышаетъ нынѣшнюю! Для болѣе наглядности сдѣлаемъ сравненіе по тремъ внутреннимъ мѣстностямъ Россіи и за нѣсколько лѣтъ:

		Цѣна пуда ржи въ мет. кред. копѣйкахъ:				
		1873 г.	1876 г.	1879 г.	1881 г.	1887 г.
Курскъ		39	81	52	52	21
		46	40	78	78	38
Воронежъ		39	34	52	54	19
		46	44	78	81	35
Саратовъ		43	80	56	46	21
		51	39	85	69	39

Нижнія цифры (кред. коп.) сильно разнятся между собою и до 1881 года, потому что въ нихъ, кромѣ колебанія дѣйствительной цѣны, сказывается еще вліяніе перемѣнъ курса; верхнія же, незави-

симья отъ послѣдняго вліянія, естественно измѣняются слабѣе, показывая, что дѣйствительная цѣна колебалась тогда не черезъ-чуръ сильно. Но въ отношеніи къ 1887 году уже и верхнія цифры показываютъ сильный упадокъ цѣнъ, даже въ сравненіи съ давними 1873 и 1876 годами. Упадокъ этотъ—отъ полутора до двухъ разъ. Ясно, что это паденіе уже не фигтивное, а самое положительное. Для бѣльшей ясности представимъ себѣ, что иностранецъ привозитъ съ собою въ Россію свои фунты стерлинговъ, не испытывавшіе тѣхъ пертурбацій, какія переживали наши деньги. Въ 1873 году онъ могъ бы купить въ Курскѣ на свой фунтъ стерлинговъ 16 пудовъ ржи, въ 1876 г.—20 пудовъ, въ 1879 г.—12 пудовъ, а въ 1887 г.—уже 30 пудовъ. Очевидно, насколько сильнѣе сталъ въ отношеніи къ намъ иностранный покупатель, и насколько слабѣе мы въ отношеніи къ нему. Чтобы приобрести фунтъ стерлинговъ, намъ надо отдать почти вдвое больше хлѣба, чѣмъ прежде. Вотъ что оказывается, когда мы введемъ въ расчетъ положительныя, осязательныя, не номинальныя цѣнности. Считать же на кредитные рубли—это все равно, что сравнивать измѣренія вещей, опредѣленныя одинъ разъ въ аршинахъ, другой—въ футахъ, третій—въ метрахъ, и т. д.

Выходитъ, что дѣйствительное паденіе цѣнъ у насъ даже сильнѣе, чѣмъ кажется обыкновенно. И такъ какъ оно въ теченіе 3—4 послѣднихъ лѣтъ шло постоянно, прогрессивно и настойчиво, то приходится заключить, что мы имѣемъ дѣло съ крутымъ поворотомъ цѣнъ, общающимся имѣть вліяніе и въ будущемъ. Наши надежды на возвратъ прежней цѣны съ каждымъ годомъ слабѣютъ, и теперь нашимъ хозяевамъ приходится, даже не безъ страха, вопрошать: завершилось ли уже паденіе, или оно грозитъ еще дальнѣйшимъ развитіемъ? Трудно, конечно, отвѣтить на подобный вопросъ, но надо быть готовымъ ко встрѣчѣ рѣшенія о полной прочности поворота. Причинъ такому повороту, обыкновенно, указываютъ двѣ главныя: конкуренцію заокеанскаго хлѣба и германскія ввозныя пошлины, которыя особенно даютъ нашъ ржаной рынокъ. Если пошлины у нашихъ сосѣдей могутъ быть временными, дѣломъ случайнымъ, то съ конкуренціею придется считаться серьезнѣе и дольше, такъ какъ эта причина — чисто экономическая, зависящая не отъ административныхъ только распоряженій. Для насъ важна, однако, не столько сущность причинъ, дѣйствующихъ внѣ нашихъ границъ, сколько постоянство ихъ дѣйствія.

Наблюдаемый поворотъ производить тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что онъ застигъ насъ вовсе къ нему неподготовленными. Напротивъ, мы встрѣтили его въ ожиданіи совсѣмъ иного хода дѣлъ. Со времени крестьянской реформы, въ теченіе болѣе 25 лѣтъ, до-

ходность земель и цѣна ихъ росли очень быстро и постоянно. Немногіе факты нашей экономической жизни были настолько выдающимися, какъ дорожаніе земель и возвышеніе ихъ доходности. Сравнивая, на примѣръ, продажную цѣну или арендную плату за землю, бывшую въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ съ платою за ту же землю въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, трудно даже вѣрить, чтобы дѣло шло объ одной и той же землѣ. Какое-нибудь черноземное имѣніе, стоившее въ шестидесятыхъ годахъ десять тысячъ рублей, въ восьмидесятыхъ — стоило уже тридцать тысячъ и больше. Гдѣ сдавали озимую десятину за 10—12 руб. въ годъ—стали сдавать за 25—30 рублей.

Особенно быстрый скачокъ сдѣлали земельныя цѣны въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Подъемъ этотъ былъ такъ рѣзокъ, что не могъ не окрылить надеждъ нашихъ землевладѣльцевъ на дальнѣйшее дорожаніе. Надежды эти, кромѣ фактическихъ явленій, находили и теоретическую опору въ соображеніяхъ по части усиливающейся густоты населенія и даже паденія курса. Въ подобномъ положеніи, въ чаяніи новыхъ благъ, многіе усилили свою задолженность, полагая, что ростъ цѣнъ опять придетъ на выручку, какъ приходилъ онъ въ теченіе двадцати лѣтъ. И вдругъ, послѣ всего этого—крутой поворотъ назадъ, и притомъ съ сильнѣйшими признаками прочности. Есть отъ чего въ отчаяніе придти. И современные хозяйскіе вопли вполне понятны.

Если дѣйствительныя цѣны упали вдвое или въ два съ половиною раза, то это съ перваго взгляда кажется уменьшеніемъ землевладѣльческаго дохода въ такой же степени, иначе сказать—сильнымъ обѣдненіемъ землевладѣнія. Фактъ этотъ былъ бы громаденъ, еслибы для опредѣленія дѣйствительнаго обѣдненія достаточны были одни подобные факты. Однако жизнь экономическая даетъ еще массу другихъ явленій, могущихъ или усиливать, или ослаблять значеніе упомянутаго факта. И точно, наблюденіе показываетъ, что въ нашу жизнь вошли подобныя явленія, и притомъ—дѣйствующія въ смыслѣ коррективномъ. Обѣдненіе было бы пропорціонально упадку цѣны продуктовъ, еслибы оставались неизмѣнными всѣ другія цѣны, съ которыми имѣютъ дѣло землевладѣльцы. Но эти „другія“ цѣны также испытываютъ теперь сильныя перемѣны, и вообще понижаются. Слѣдовательно, владѣлецъ, продавая дешевле свой продуктъ, и платя дешевле же за то, что самъ приобрѣтаетъ на деньги, не можетъ быть въ потерѣ пропорціонально упадку хлѣбныхъ цѣнъ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на которые здѣсь необходимо обратить вниманіе—трудъ, рабочая сила, при помощи которой добываются подешевѣвшіе теперь продукты. Цѣна на трудъ теперь

также падаетъ, и притомъ подъ вліаніемъ тѣхъ же причинъ, которыя роняютъ помѣщичьи денежные доходы. Цѣна на трудъ управляется своими законами. Эта цѣна не можетъ быть ниже стоимости содержанія самаго рабочаго, которая представляетъ, такъ сказать, минимумъ рабочей платы; повышение же послѣдней, т.-е. степень удаленія отъ минимума, зависитъ отъ соотношеній спроса и предложенія. Означенный минимумъ представляетъ собою, такимъ образомъ, барьеръ, сдерживающій пониженіе рабочей платы, барьеръ, дальше котораго цѣна на трудъ пятиться не можетъ. Цѣлый рядъ условій дѣйствовалъ у насъ постоянно въ смыслѣ приближенія цѣны труда къ упомянутому минимуму: и приростъ населенія, и неразвѣтѣ обработки промышленной, и затрудненія къ переселеніямъ, и даже умноженіе сельско-хозяйственныхъ машинъ; но барьеръ все-таки существовалъ и заявлялъ о себѣ осязательно; когда пять-шесть лѣтъ тому назадъ сильно вздорожалъ хлѣбъ, начала-было повышаться понемногу и цѣна труда; видно было, что по естественной причинѣ барьеръ подвинулся не назадъ, а впередъ, несмотря на упомянутыя выше неблагопріятныя вліанія. Въ народѣ случалось слышать, что „по хлѣбу“ и работа стала дороже.

Сила вещей брала свое. Но та же самая сила вещей начинаетъ теперь дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Подешевѣлъ хлѣбъ, уменьшилась стоимость содержанія работающаго человѣка, понизился и минимумъ, о которомъ идетъ рѣчь; иначе сказать—барьеръ подался назадъ, и подъ напоромъ наличныхъ экономическихъ вліаній плата за трудъ стала падать и должна падать. Теоретическій выводъ этотъ вполне наглядно подтверждается фактами. Въ истекшемъ 1887 году, когда, казалось бы, подъ вліаніемъ обильнаго урожая, возвышавшаго спросъ на руки, послѣднія должны были дорожать,—на самомъ дѣлѣ обнаружилось паденіе цѣны труда. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что два предшествовавшіе неурожайные года и безъ того уже понижали рабочую плату. Вышло, что при болѣе сильномъ спросѣ на руки—онѣ стали дешевле, чѣмъ при предшествовавшемъ меньшемъ спросѣ. Цѣлый рядъ печатныхъ извѣстій, устныхъ сообщеній и наблюденій на мѣстахъ свидѣлствуетъ, что вездѣ не только не было недостатка въ рабочихъ, но они были даже необыкновенно дешевы. Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ,—гдѣ особенно бываютъ дороги рабочіе—истекшимъ лѣтомъ намъ лично приходилось слышать рядъ показаній, что трудъ сталъ дешевле прежняго. Возьмемъ, наконецъ, болѣе систематизированный сводъ данныхъ этого рода—изданіе „Департамента земледѣлія“, подъ названіемъ „1887 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“. Корреспонденты этого изданія изъ самыхъ разнообразныхъ губерній, несмотря на обычную склонность къ жа-

лобамъ на хозяйскія затрудненія, почти единогласно высказываютъ, что рабочихъ было довольно и они были дешевы. Изъ одной губерніи пишутъ, что „недостатка въ рабочихъ не было“, изъ другой — что ихъ было „достаточно“, изъ третьей—что ихъ было „вполнѣ достаточно, даже съ избыткомъ“, изъ четвертой — „недостатка *никогда* не было“; изъ ряда губерній сообщали объ „излишкѣ“ рабочихъ или о томъ, что пришлые рабочіе, не находя ожиданнаго спроса, вернулись обратно. Это при необыкновенномъ-то урожаѣ! Точно также, изъ иныхъ губерній писали, что на рабочихъ были „цѣны умѣренныя“, а изъ другихъ, что онѣ были „ниже обыкновенныхъ“. Если, затѣмъ, обратиться къ довольно обильному цифровому матеріалу, опредѣляющему стоимость труда въ рубляхъ и копѣйкахъ, и сдѣлать сравненіе цифръ, относящихся къ 1887 году и къ предшествующимъ, то опять встрѣтимъ факты пониженія цѣнъ. Между тѣмъ здѣсь и слабое пониженіе, и даже случаи неизмѣнности цѣнъ получаютъ особенное значеніе, такъ-какъ спросъ на трудъ въ 1887 году былъ гораздо сильнѣе спроса предыдущихъ лѣтъ. Барьеръ ясно подался назадъ. А выждавъ нѣкоторое время, когда низкая хлѣбная цѣна почувствуется еще убѣдительнѣе, конечно, придется встрѣчаться съ еще бѣльшимъ пониженіемъ цѣны труда. Итакъ, хозяинъ, получая меньше за хлѣбъ, и самъ дешевле платитъ за трудъ. Насколько же это обстоятельство важно—можно заключать изъ того, что стоимость труда часто равняется половинѣ или почти половинѣ стоимости урожая, а иногда даже выше половины.

Есть еще и другіе предметы хозяйскаго потребленія, которые теперь стали дешевле прежняго, напр. сахаръ, русскія фабричныя издѣлія и т. п. Вообще предъ нами не одностороннее пониженіе помѣщичьихъ доходовъ, а скорѣе—*начало общей перестройки цѣнъ*, сообразно новымъ условіямъ. Въ *денежномъ* выраженіи цѣны измѣняются рѣзко, но если взять стоимость предметовъ одного противъ другого, то измѣненіе значительно сглаживается. А такъ какъ деньги собственно—орудія мѣны, то экономическія послѣдствія общаго вздорожанія и общаго удешевленія не такъ велики, какъ можно было бы ожидать на основаніи наблюденія цѣнъ только одной группы предметовъ. Перестройка цѣнъ, конечно, далеко еще не завершилась и трудно опредѣлить, когда именно она завершится. Трудъ, наприкладъ, только началъ дешеветъ, и послѣдствія этого еще отразятся въ будущемъ на цѣнѣ разныхъ издѣлій.

Итакъ, пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ не выражаетъ даже приблизительно умаленія хозяйственнаго дохода; въ дѣйствительности землевладѣльческой доходъ вовсе не упалъ въ такой степени. Но, говоря это, все-таки никакъ нельзя отрицать крайней серьезности кризиса

для землевладѣнія. Надо только вѣрнѣе опредѣлить его причины и размѣры... Землевладѣлец несомнѣнно сталъ бѣднѣе по отношенію къ возможности покупки предметовъ заграничнаго производства и по отношенію къ уплатѣ долговъ и повинностей. Заграничные товары стали для него дороже по двумъ причинамъ—вслѣдствіе упадка курса и возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Вещь, стоящая за границею десять франковъ, прежде стояла русскому покупателю 3 р. 75 к. плюсъ прежнія пошлины, а теперь стоитъ 5 рублей плюсъ новыя, увеличенныя пошлины. Объдненіе относительно предметовъ иностраннаго производства можно нагляднѣе объяснить примѣромъ изъ обыденной жизни. Напримѣръ, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ (до золотыхъ пошлинъ), когда пудъ ржи стоилъ 40 коп., а четверть— 3 р. 60 коп., фунтъ швейцарскаго сыру былъ покупаемъ по 45 коп. Слѣдовательно, четверть ржи можно было обмѣнять на 8 фунтовъ сыру. Теперь же, когда четверть ржи стоитъ 3 р. 45 коп., цѣна швейцарскаго сыру поднялась до 75 копѣекъ. Итакъ, чтобы получить прежніе 8 фунтовъ сыру, русскій хозяинъ долженъ отдать уже не одну, а $1\frac{3}{4}$ четвертей ржи, т.-е. его покупательная сила уменьшилась почти вдвое. Такіе же расчеты можно сдѣлать и относительно другихъ иностранныхъ товаровъ.

Но гораздо сильнѣе, гораздо чувствительнѣе сказывается обезсиленіе землевладѣльцевъ по отношенію къ денежнымъ платежамъ, т.-е. уплатѣ банковыхъ и частныхъ долговъ, а также налоговъ. Какъ бы ни падали, какъ бы ни возвышались цѣны предметовъ, коль скоро эти измѣненія совершаются равномерно, взаимный обмѣнъ предметовъ совершается по прежнему, причемъ обмѣнивающіеся не терпятъ потерь. Удешевленный хлѣбъ, напр., можетъ обмѣниваться на прежнее количество подешевѣвшаго же труда. Деньги тутъ остаются при одной роли орудія мѣны. Но когда дѣло идетъ о платежахъ, тутъ деньги уже выходятъ изъ означенной роли и получаютъ несравненно болѣе реальное значеніе, потому что платежи по долгамъ не уменьшаются съ пониженіемъ цѣнъ и не зависятъ отъ нихъ. Платить тысячу рублей при дорогихъ хлѣбныхъ цѣнахъ и платить ихъ при дешевыхъ—далеко не одно и то же. Чтобы заплатить эту тысячу, въ 1879 году надо было отдать 1.280 пудовъ ржи или урожай съ 21 десятины хорошей земли (дающей, напр., около 60 пудовъ съ десятины), а теперь надо отдать 2.630 пудовъ или урожай съ 44 десятинъ. То-есть, долги должна оплачивать вдвое бѣднѣе часть имѣнія, и на прожитокъ владѣльцу остается меньшая. Вотъ что давитъ землевладѣльца, вотъ гдѣ корень его бѣды—долги, платежи. У кого долговъ нѣтъ, тотъ еще наверстаетъ пониженіе хлѣба дешевизною другихъ предметовъ, а долговой рубль остается рублемъ,

растягивается въ своей обмѣнной величинѣ и поглощаетъ все болѣе большую часть произведеній имѣнія. Если прежде одинъ помѣщикъ владѣлъ вдвое болѣе имѣніемъ, чѣмъ другой, но былъ при этомъ обремененъ долгомъ на половину стоимости своего имѣнія, то состоянія обоихъ были взаимно равны. А при нынѣшнемъ положеніи владѣльцу большого имѣнія становится хуже, чѣмъ имѣющему меньшее, да безъ долговъ, потому что у перваго увеличивается значеніе долга, а у послѣдняго увеличиваться нечему. Точно также тяжелы землевладѣльцу издержки воспитанія дѣтей, потому что онѣ, будучи важною статью бюджета, опредѣляются деньгами. Размѣръ этихъ денегъ не стоитъ въ зависимости отъ земельныхъ доходовъ, а можно сказать обратно пропорціоналенъ имъ: когда денежные доходы падаютъ—тутъ-то и повышаютъ плату за воспитаніе. Значитъ и здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ, сказывается, что повышеніе платы за воспитаніе—совѣмъ не по сезону.

Итакъ, помѣщикъ несомнѣнно сталъ бѣднѣе въ дѣлѣ уплаты долговъ, въ покупкѣ иностранныхъ товаровъ, въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и, конечно, еще въ нѣкоторыхъ другихъ, не столь важныхъ отношеніяхъ. Въ прочихъ же частяхъ своего хозяйства, онъ вознаграждается за дешевизну хлѣба удешевленіемъ труда и нѣкоторыхъ предметовъ потребленія. Но насколько важно объясненное выше обѣдненіе—видно изъ того, что у большинства помѣщиковъ одинъ банковый долгъ составляетъ болѣе половины стоимости имѣнія, и что подъ вліяніемъ недавнихъ высокихъ цѣнъ многіе очень смѣло увеличивали свои долги. Конечно, тутъ отзывается кризисомъ.

Если тяжело помѣщику, то вовсе не легко и мужику, какъ нѣкоторые думаютъ. Мужикъ—отчасти землевладѣлецъ, и въ то же время рабочая сила. Въ качествѣ землевладѣльцевъ, крестьяне дѣлятся на два разряда: имѣющихъ значительное количество земли и имѣющихъ ничтожный надѣлъ. Первые производятъ столько хлѣба, что сами его не сѣдаютъ и часть своего производства продаютъ. На этой продажѣ они теряютъ то же самое, что теряетъ и помѣщикъ. Вторые же, потребляя продуктъ собственнаго производства, этимъ сыты не бываютъ и должны еще покупать хлѣбъ для своего продовольствія, т.-е. въ общемъ балансѣ они не столько продавцы, сколько покупатели. Какъ покупателямъ, имъ дешевизна хлѣба была бы выгодна, еслибы не уменьшались ихъ средства на покупку, а эти средства у нихъ состоятъ въ заработной платѣ. Между тѣмъ мы уже видѣли, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ ведетъ за собою, какъ логическое послѣдствіе, пониженіе рабочей платы. Получивъ меньшую плату, рабочій купитъ и подешевѣвшаго хлѣба не больше прежняго. Ясно, значитъ, что выгоды онъ не получитъ никакой, даже еслибы

его заработокъ понижался не въ большей степени, чѣмъ хлѣбная цѣна. Указываютъ, что понизилась арендная и продажная цѣна самой земли, почему мужику можно легче арендовать и покупать землю; но и это больше фикція, чѣмъ дѣйствительность. Купить землю на счетъ рабочей платы почти невозможно или возможно въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ послѣ долгаго откладыванія части заработковъ. А аренда мужику хотя и доступнѣе, но тутъ опять надо помнить, что при одновременности пониженія платы и арендной цѣны соотношеніе между ними остается прежнее или почти прежнее: на доходъ отъ низшей платы можно заарендовать столько же подешевѣвшей земли, сколько при помощи высшей платы можно снять земли дорогой. Затѣмъ, на мужикѣ лежитъ тоже изрядное количество налоговъ, оплачивать которые становится труднѣе при упадкѣ цѣнъ. Въ отношеніи къ денежнымъ платежамъ, мужикъ обезсиливается также, какъ и помѣщикъ, въ отношеніи къ его долгамъ. Стало быть и для мужика въ общемъ итогъ—минусъ, тѣмъ болѣе, что для мужика усилились еще и косвенные налоги; довольно вспомнить хотя акцизъ на спиртъ. Не касаясь злоупотребленій спиртными напитками, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что спиртъ для мужика—предметъ необходимости; размѣръ потребленія его—одинъ изъ серьезныхъ признаковъ измѣненія въ благосостояніи рабочаго населенія. А между тѣмъ въ послѣдніе годы официальные отчеты свидѣтельствуютъ уже о чувствительномъ уменьшеніи потребленія спирта. До 1884 года спирта потреблялось ежегодно около 28 милліоновъ ведеръ (см. послѣдн. „Отчетъ Государственнаго Контроля“), потомъ потребленіе стало падать, и въ 1886 дошло уже до 24 милліоновъ. Все это понятно, когда за одно и то же количество спирта надо отдавать больше хлѣба или труда, чѣмъ прежде. Взявъ все это во вниманіе, нельзя не сказать, что кризисъ пошелъ вовсе не на пользу мужику, и приходится съ благодарностью вспомнить недавнее совершение податной реформы, покончившей съ подушною податью. Очень кстати подошла отмѣна послѣдней, и не будь ея—положеніе было бы гораздо хуже. Понятно теперь, какъ праздно разглагольствія о выигрышѣ мужика отъ упадка курса. Кредитный рубль вѣдь упалъ по рассчету на золото, но онъ вздорюжалъ по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которыми владѣетъ мужикъ.

Итакъ, въ то время, какъ наши кредитные рубли упали противъ цѣны золота—хлѣбъ и другіе предметы внутренняго производства упали еще сильнѣе, и оттого намъ представляется одновременное зрѣлище паденія курса и появленія дешевизны. Для надеждъ на измѣненіе этихъ явленій у насъ нѣтъ сколько-нибудь твердыхъ основаній. Допустимъ, однако, что настоящее положеніе укрѣпится,

что низкія цѣны станутъ твердо. Слѣдуетъ ли ожидать тутъ слишкомъ рѣшительныхъ переворотовъ въ положеніи хозяйства, есть ли основаніе допускать сильное сокращеніе запасекъ, запустѣніе воздѣланныхъ земель и т. под.

Сокращенія пашень, какъ сколько-нибудь постояннаго явленія, опасаться—не резонъ. Нашъ хлѣбный отпускъ за границу составляетъ шестую или седьмую часть всего производства, слѣдовательно, еслибы заграничный спросъ не только уменьшился, но даже совсѣмъ прекратился, то и тогда пришлось бы засѣвать почти то же земельное пространство, что и теперь, такъ какъ потребности внутренняго продовольствія страны не падаютъ: прирость населенія, возвышая эти потребности, скоро вознаграждаетъ уменьшеніе заграничнаго спроса. Результатъ будетъ только тотъ, что хлѣбныя цѣны станутъ регулироваться не заграничною цѣною, а домашнею, внутреннею и, конечно, низшею. Но та же самая цѣна станетъ управлять и другими цѣнами. Пониженіе хлѣбной цѣны непременно отразится на всѣхъ другихъ предметахъ. Понизится въ *денежномъ выраженіи* цѣна труда, а затѣмъ и всѣхъ продуктовъ, производимыхъ этимъ трудомъ, такъ какъ въ стоимость ихъ производства цѣна труда входитъ какъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ. Хозяинъ долженъ дешевле продавать хлѣбъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дешевле же станетъ приобрѣтать другіе, нужные ему, предметы. Новыя цѣны дадутъ новыя цифры, но очень вѣроятно, что при этомъ взаимныя отношенія цѣнъ сохранятся почти прежнія, т.-е., что предметы будутъ обмѣниваться другъ на друга почти въ прежней же пропорціи. Иначе сказать, произойдетъ общая перестройка цѣнъ, въ денежномъ ихъ выраженіи, но съ гораздо меньшимъ реальнымъ значеніемъ противъ кажущагося. Снимите съ отношенія цѣнъ денежную маску, и подъ нею окажется почти то же, что было. Очень можетъ быть, что для однихъ предметовъ пониженіе цѣнъ наступитъ нѣсколько раньше, для другихъ нѣсколько позже, и отъ такой разновременности одни нѣсколько выиграютъ, а другіе потеряютъ, но эти выигрыши и потери получатъ временное, случайное значеніе и не произведутъ постоянной перемѣны въ пользу одной части населенія на счетъ другой.

Въ перестройкѣ цѣнъ не видится повода къ нарушенію нынѣшнихъ экономическихъ отношеній между землевладѣніемъ и представителемъ труда. Степень вліянія или зависимости однихъ отъ другихъ не умалится въ дѣйствительности; густота населенія, прирость его, неразвитіе обрабатывающей промышленности и т. под. будутъ, по прежнему, поддерживать спросъ на владѣльческія земли и предложеніе ружъ. При измѣненныхъ цѣнахъ одно и то же количество

земли будетъ сдаваемо не за мѣньшую сумму труда и не за мѣньшую массу другихъ предметовъ, тѣмъ на какую оно обмѣнивается теперь,—слѣдовательно экономическая зависимость остается прежняя или бѣльшая. Да и теперь, когда перестройка цѣнъ только начинается, земли хотя отдаются дешевле на деньги, но условия издольной сдачи ихъ, т.-е. съема безъ денежной маски, едва ли измѣняются. Не видно, чтобы земли, сдававшіяся исполу, теперь сдавались, напр., за третью часть и т. п. Все это поддержаніе прежняго порядка можетъ удержаться, если не войдутъ въ жизнь какіе-нибудь новые, неожиданные и крупные экономическіе факторы, вѣ въліанія обсуждаемаго паденія цѣнъ, но о такихъ факторахъ пока гадать неудобно.

Но въ окончательномъ результатѣ, несмотря на общую перестройку денежныхъ цѣнъ и на то, что „хозяйство“, само по себѣ, сохранится въ не-мѣньшемъ размѣрѣ, *наличныя* землевладѣльцы все-таки остаются въ крупной потерѣ, которая слагается изъ упадка ихъ силъ въ платежѣ долговъ, покупкеѣ заграничнаго товара, уплатѣ налоговъ, воспитаніи дѣтей и т. под. Размѣры расходовъ по этимъ предметамъ *не зависятъ отъ общей перестройки цѣнъ*, и они или не падаютъ, или увеличиваются. Если можно еще сократить потребление иностранныхъ продуктовъ, то достаточно платежей по старымъ долгамъ, чтобы чувствительнѣйшимъ образомъ удручить положеніе землевладѣльцевъ. Вознагражденіе этихъ удрученій естественнымъ экономическимъ путемъ не получится, тѣмъ болѣе, что у большинства помѣщиковъ долги составляютъ больше половины стоимости имѣній. Вотъ гдѣ сущность и границы ихъ бѣды. Для нихъ кризисъ несомнѣненъ и крайне серьезенъ. Что изъ него выйдетъ—отъ предсказаній воздержимся, но во всякомъ случаѣ выйдетъ нѣчто существенное. Въ потерѣ и крестьянинъ. Часть выигрыша отъ этихъ потерь достается покупателю дешеваго хлѣба, часть—германской казнѣ, часть—денежнымъ капиталистамъ, но часть потерь не даетъ выигрыша никому.

Ө. В—ъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля (19 марта), 1888.

Перемѣна царствованія въ германской имперіи.—Общая характеристика эпохи императора Вильгельма I.—Манифестъ къ народу и рескриптъ князю Бисмарку императора Фридриха III.—Паденіе министерства во Франціи.

Перемѣна царствованія, совершившаяся въ Германіи мѣсяць тому назадъ, сопровождалась такими обстоятельствами, которыя могутъ быть названы вполне исключительными. Почти одновременно ожидалась кончина и императора, и его сына, наслѣдника; до послѣдней минуты оставалось неизвѣстнымъ, кто кого переживетъ. Положеніе великой имперіи и отчасти всей Европы ставилось въ зависимость отъ этого мучительнаго вопроса, разрѣшавшагося въ Санъ-Ремо. Наслѣдный принцъ германскій считался погибшимъ въ виду злокачественнаго характера предполагаемой въ немъ болѣзни; всѣ смотрѣли на молодого принца Вильгельма, внука, какъ на дѣйствительнаго, непосредственнаго преемника императора. Самъ престарѣлый монархъ, предвидя неминуемую кончину, заботился о приготовленіи своего внука къ предстоящей ему роли, посвящалъ его въ текуція государственныя дѣла и утвердилъ 17-го (5-го) декабря декретъ, уполномочивавшій его подписывать бумаги вмѣсто императора и заступать его въ официальныхъ случаяхъ. Воинственныя наклонности принца Вильгельма, его полныя симпатіи къ политикѣ князя Бисмарка, его предполагаемыя чувства къ Франціи и къ Россіи, — все это бросало тѣнь на ближайшее будущее и возбуждало тревожныя ожиданія въ Европѣ. Вызывающій тонъ, который звучалъ въ „миролюбивой“ парламентской рѣчи имперскаго канцлера 6-го февраля, казался отголоскомъ и симптомомъ увѣренности оратора въ скоромъ восшествіи принца Вильгельма на престолъ. Канцлеръ, быть можетъ, говорилъ бы совсѣмъ иначе, еслибы онъ чувствовалъ себя обязаннымъ принимать въ расчетъ убѣжденія и взгляды кронпринца, какъ будущаго повелителя Германіи, въ виду ожидавшейся со дня на день перемѣны царствованія. Опасная операція, которой пришлось подвергнуть наслѣднаго принца, 9-го февраля, для предупрежденія немелленной катастрофы, разрушила, повидимому, послѣднія надежды на выздоровленіе больного. Никто не сомнѣвался больше въ печальной судьбѣ этого симпатичнаго, глубоко-просвѣщеннаго и человѣчнаго предста-

вителя династіи Гогенцоллерновъ. Говорили о попыткахъ, имѣвшихъ цѣлью склонить его заранѣе отречься отъ правъ на престолъ для избѣжанія неопредѣленности и колебаній въ случаѣ внезапной смерти императора Вильгельма; говорили также объ энергическомъ противо-дѣйствіи подобнымъ проектамъ со стороны супруги кронпринца, принцессы Викторіи, и о возникшихъ вслѣдствіе этого натанутыхъ отно-шеніяхъ между отцомъ и сыномъ. Какъ бы то ни было, въ прави-тельствственныхъ сферахъ Германіи господствовало предположеніе, что наслѣднику престола не суждено быть императоромъ, и что самъ онъ заявитъ о передачѣ власти принцу Вильгельму, при первомъ извѣстіи о печальномъ событіи въ Берлинѣ. Къ этому рѣшенію должна была побудить его уже необходимость оставаться въ лучшемъ кли-матѣ до начала весны и невозможность возвращенія на родину въ зимнее время. Съ этой точки зрѣнія обсуждалось положеніе дѣлъ въ бѣльшей части европейскихъ газетъ. Всѣми было замѣчено умолчаніе имени новаго императора въ сообщеніи министра Путкаммера прус-ской палатѣ депутатовъ, въ самый день кончины Вильгельма I, 9-го марта; такъ же точно и въ отвѣтныхъ словахъ президента палаты упомянуто было только о „королевской фамиліи“ и объ „отечествѣ“. Очевидно, сами министры не знали еще въ точности, воспользуется ли своими правами наслѣдникъ принцъ. Но кончилось тѣмъ, что больной, почти умиравшій, наслѣдникъ не только занялъ император-скій престолъ, но и выставилъ цѣлую правительственную программу, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ оставить замѣтный слѣдъ въ политической жизни Германіи.

Съ исчезновеніемъ крупной исторической фигуры Вильгельма I заканчивается героическій періодъ національнаго объединенія Гер-маніи подъ главенствомъ Пруссіи—періодъ военныхъ и политическихъ усилій, направленныхъ къ достиженію и поддержанію внѣшняго го-сударственного единства нѣмецкаго народа. Основатель новой нѣмец-кой имперіи дожилъ до того времени, когда достигнутые успѣхи обезпечили ей безспорное первенствующее положеніе въ Европѣ и когда не могло уже быть и рѣчи о какихъ-либо посягательствахъ на германскіе національные интересы. Германія начинала уже стра-дать избыткомъ могущества, и она имѣла полную возможность сокра-тить свои внѣшнія заботы, удѣливъ больше простора мирному вну-треннему развитію. Этотъ поворотъ въ направленіи берлинской поли-тики не могъ совершиться при жизни императора Вильгельма, оли-цетворявшаго собою военную силу націи. Около тридцати лѣтъ по-койный управлялъ Пруссією, сначала въ качествѣ регента, а затѣмъ, съ января 1861 года, въ качествѣ короля; вся его дѣятельность за

это время поглощена была неутомимою и счастливою службою отечеству. Получивъ верховную власть въ критическую эпоху, когда сравнительно небольшое прусское королевство должно было считаться съ разнообразными вліяніями трехъ сильнѣйшихъ сосѣднихъ державъ — Австріи, Россіи и Франціи, — король Вильгельмъ оставилъ своимъ преемникамъ могущественнѣйшую имперію, окруженную союзниками и не имѣющую равносильныхъ враговъ. Исторія этого блестящаго царствованія есть въ то же время новѣйшая исторія Германіи и Европы. Мы не будемъ здѣсь касаться подробностей жизни покойнаго императора, которымъ посвящена особая статья въ настоящей книгѣ журнала; мы постараемся только отвѣтить на вопросъ, который рождается невольно при общемъ взглядѣ на долгую, трудовую жизнь Вильгельма I. Чѣмъ объяснить великіе результаты, достигнутые монархомъ, который при всѣхъ своихъ личныхъ достоинствахъ не обладалъ, однако, гениальностью? Въ чемъ заключаются дѣйствительныя его заслуги, независимо отъ официальнаго участія въ его подвигахъ Бисмарка и Мольтке?

Главной характерной чертой Вильгельма I было безусловное подчиненіе личныхъ и династическихъ мотивовъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ. Онъ никогда не ставилъ своихъ собственныхъ идей и принциповъ впереди потребностей и нуждъ государства; онъ охотно жертвовалъ самыми дорогими своими убѣжденіями и симпатіями, когда это нужно было для пользы страны. Воспитанный въ строгихъ традиціяхъ правительственнаго авторитета и монархическаго консерватизма, онъ былъ врагъ народныхъ вольностей, и въ концѣ сороковыхъ годовъ, будучи еще прусскимъ принцемъ, стоялъ во главѣ реакціонной партіи въ Пруссіи; но это не помѣшало ему самому сдѣлаться потомъ членомъ палаты депутатовъ и явиться въ засѣданіе парламента, для публичнаго выраженія своей рѣшимости вѣрою и правдою служить новому конституціонному порядку, — такъ какъ онъ убѣдился, что безъ полнаго общенія съ народомъ и безъ искренняго удовлетворенія народныхъ желаній немислимо достиженіе серьезныхъ цѣлей въ политикѣ. Позднѣе, сдѣлавшись королемъ, онъ вступилъ въ столкновеніе съ парламентомъ и долго велъ борьбу съ либеральною оппозиціею, — но не потому, что парламентаризмъ былъ противенъ его военной натурѣ и его личнымъ взглядамъ, а потому, что большинство депутатовъ возставало противъ военныхъ проектовъ, которые король признавалъ необходимыми для осуществленія политическихъ задачъ государства. Онъ выбиралъ министровъ и генераловъ не изъ круга людей, пріятныхъ ему лично, а отыскивалъ способнѣйшихъ дѣятелей, наиболѣе

полезныхъ интересамъ страны; онъ пренебрегалъ придворными и газетными льстецами, цѣнилъ окружающихъ не по степени ихъ благонамѣренности и преданности, а исключительно по дарованіямъ, энергіи и искусству, по силѣ патриотизма, по независимости характера и убѣжденій. Онъ приближалъ къ себѣ людей выдающихся и подчинялся ихъ совѣтамъ и указаніямъ, безъ малѣйшаго ущерба для своего самолюбія и личнаго достоинства; онъ съ готовностью выносилъ около себя подавляющій авторитетъ и великую европейскую славу князя Бисмарка, не заботясь нисколько о томъ, что всѣ грандіозныя побѣды и приобрѣтенія прусской политики за послѣднія двадцать-пять лѣтъ приписывались желѣзному канцлеру и его военному сотруднику графу Мольтке. Личныя побужденія исчезали для него, когда дѣло шло о реальныхъ выгодахъ государства. Прямодушный и правдивый по природѣ, онъ долженъ былъ не разъ соглашаться на дипломатическіе компромиссы, которые съ такою необычайною ловкостью устраивались княземъ Бисмаркомъ. Союзникъ Австріи въ 1864 году, онъ допускалъ тайныя приготовленія къ войнѣ, приведшей къ битвѣ при Садовой. Союзникъ Россіи, близкій другъ и родственникъ русской царствующей фамиліи, онъ заключилъ—хотя и съ болью въ сердцѣ, послѣ долгихъ колебаній—секретный союзъ съ Австро-Венгеріею противъ Россіи. Убѣжденный сторонникъ „божественнаго права“ монарховъ, онъ лишилъ престола ганноверскаго короля Георга и сурово отнесся къ его наслѣднику, герцогу Кумберландскому; онъ конфисковалъ въ пользу Пруссіи мелкія германскія княжества, не стѣсняясь формальными правами владѣтелей. Не сочувствуя парламентаризму, онъ уважалъ народное представительство и ввелъ въ имперіи либеральную конституцію на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Онъ никогда не говорилъ: „*non possumus*“, опираясь на какую-либо предвзятую, разъ усвоенную политическую доктрину; онъ всегда сообразовался съ обстоятельствами и неизмѣнно поступалъ такъ, какъ диктовало ему чувство долга относительно страны и народа, независимо отъ чисто-личныхъ идей и симпатій. Онъ былъ дѣйствительнымъ „слугою отечества“ и исполнялъ свою службу съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ, не отвлекаясь никакими посторонними внушеніями и соблазнами. Необычайно скромный въ своихъ привычкахъ и въ образѣ жизни, онъ завоевывалъ сердца своихъ подданныхъ не гордою неприступностью, не напоминаніями о своихъ исключительныхъ верховныхъ правахъ, не отчужденностью отъ общества и народа, не замкнутою жизнью среди аристократическаго двора, а широкою общительностью и привѣтливостью, сердечнымъ вниманіемъ къ быту трудящихся массъ, вели-

кимъ уваженіемъ къ наукѣ и просвѣщенію, постоянною заботливостью объ общихъ интересахъ германской націи. Центральною заботою его жизни было усиленіе военныхъ средствъ Пруссіи и Германіи; но онъ интересовался военнымъ дѣломъ, не въ силу простой династической традиціи, не какъ дилеттантъ, а вслѣдствіе государственной необходимости, какъ солдатъ и полководецъ по призванію, какъ исполнитель обширной политической программы, послѣдовательно и настойчиво проводимой на практикѣ. Онъ всегда зналъ въ точности, чего хотѣлъ, и никогда не упускалъ изъ виду главной цѣли ради второстепенныхъ. Этимъ драгоценнымъ для правителя качествомъ Вильгельма I, въ связи съ его умѣньемъ выдвигать и неуклонно поддерживать такихъ людей, какъ Бисмаркъ и Мольтке, — обязана Пруссія своимъ нынѣшнимъ могуществомъ, а Германія — своимъ политическимъ единствомъ.

Въ своемъ манифестѣ къ народу 12-го марта н. ст., новый императоръ Фридрихъ III, обращаясь къ памяти своего почившаго отца, сказалъ только то, что за нимъ повторитъ и правдивая исторія его великихъ дѣлъ:

„Императоръ покинулъ жизнь, преисполненную славы! Въ лицѣ многолюбимаго отца, котораго я оплакиваю, и о которомъ вмѣстѣ со мною глубоко скорбитъ мой королевскій домъ, вѣрный народъ Пруссіи потерялъ своего увѣчаннаго славою монарха, германскій народъ — основателя своего единства, возрожденная имперія — перваго *германскаго* императора. Его высокое имя неразрывно будетъ связано со всѣмъ величіемъ германскаго отечества, возрожденіе котораго составляетъ лучшую награду за неустанные труды народа и королей Пруссіи. Король Вильгельмъ съ неослабѣвавшей никогда отеческою заботливостью возвелъ прусскую армію на высоту своего призванія, и этимъ онъ положилъ твердое основаніе побѣдамъ нѣмецкаго оружія, одержаннымъ подъ его предводительствомъ, — побѣдамъ, создавшимъ германское единство. Этимъ путемъ онъ обезпечилъ имперіи могущество и положеніе, о которыхъ прежде могло только мечтать нѣмецкое сердце, но надѣяться достигнуть мечты едва ли кто дерзалъ. И то, чего онъ въ горячей самоотверженной борьбѣ добился для своего народа, ему суждено было упрочить и благополучно развить долготѣннею *мирною* работою въ продолженіе обильныхъ трудами годовъ своего правленія. Прочно опираясь на свою собственную силу, Германія стяжала себѣ уваженіе въ сонмѣ народовъ и желаетъ только пользоваться тѣмъ, что она приобрѣла въ *мирномъ* саморазвитіи. Всѣмъ этимъ мы обязаны императору Вильгельму, его никогда не колебавшейся вѣрности долгу, его неустанной дѣятельности, посвященной единственно благу отечества; опорой ему служила самоотверженная преданность, неизмѣнно доказанная прусскимъ народомъ и раздѣлявшаяся всѣми германскими

племенами. На меня теперь перешли всѣ права и обязанности, сопряженные съ короною моего дома, и я намѣренъ вѣрно соблюдать ихъ все время, отведенное волею Божіею моему правленію. Проникнутый величіемъ своей задачи, я всѣ свои стремленія направлю къ тому, чтобы *продолжать дѣло въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было основано*, чтобы сдѣлать Германію опорой мира, чтобы пецись о благоденствіи нѣмецкой земли въ согласіи съ союзными правительствами, а равно и конституціонными учрежденіями имперіи и Пруссіи. Моему вѣрному народу, стоявшему за мой домъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, въ хорошія и въ дурныя времена, я приношу съ собою безусловное довѣріе, ибо я убѣжденъ, что на основѣ неразрывной связи государя и народа, составляющей независимо отъ всѣхъ перемѣнъ въ государственной жизни негнѣнное наслѣдіе дома Гогенцоллерновъ, также вѣрно всегда будетъ покоиться моя корона, какъ и преуспѣяніе страны, управлять которой я нынѣ призванъ, и которой я клянусь быть всегда королемъ справедливымъ и вѣрнымъ какъ въ радости, такъ и въ печали. Богъ да благословитъ меня и да дастъ мнѣ силу на это дѣло, которому отнынѣ посвящена моя жизнь“.

Одновременно съ обращеніемъ „къ народу“, императоръ Фридрихъ III обратился съ рескриптомъ къ князю Бисмарку. Этотъ рескриптъ 12-го марта и заключалъ въ себѣ, такъ сказать, политическое „исповѣданіе вѣры“ новаго главы государства—программу новаго царствованія, которое, тѣмъ не менѣе, какъ связано въ манифестѣ къ народу, должно „продолжать дѣло въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было основано“:

„Любезный князь! Приступая теперь къ управленію, я чувствую потребность обратиться къ вамъ, многолѣтнему, испытанному слугѣ моего въ Бозѣ почивающаго родителя. Вы были вѣрнымъ и мужественнымъ совѣтникомъ, который придавалъ форму цѣлямъ его политики и обезпечивалъ успѣшное ихъ достиженіе. Я и мой домъ пребываемъ обязанными вамъ горячею благодарностью. Вы имѣете поэтому, прежде всего, право знать тѣ основныя воззрѣнія, которыя должны быть руководящими для моего царствованія.

„Конституціонные и правовые порядки имперіи и прусскаго королевства должны прежде всего быть упрочены въ нравахъ народа и въ его уваженіи. Надобно поэтому, по возможности, избѣгать потрясеній, вызываемыхъ частыми перемѣнами въ государственныхъ учрежденіяхъ и законахъ. Разрѣшеніе задачъ имперскаго правительства должно оставлять неприкосновенными твердыя основы, на которыхъ благонадежно покоилось прусское государство.

„Въ имперіи должно уважать конституціонныя права всѣхъ союзныхъ правительствъ также, какъ и права рейхстага, причемъ какъ отъ упомянутыхъ правительствъ, такъ и отъ рейхстага, должно требоваться такое же уваженіе къ правамъ императора. При этомъ не

надо упускать изъ виду, что упомянутыя взаимныя права должны служить лишь подъемомъ общественнаго благосостоянія, являющагося высшимъ закономъ, и что вновь возникающія несомнѣнныя національныя потребности должны быть всегда удовлетворены въ полномъ объемѣ.

„Необходимымъ и вѣрнѣйшимъ ручательствомъ безпрепятственнаго выполненія этихъ задачъ представляется мнѣ сохраненіе въ полной силѣ вооруженнаго могущества страны, заключающагося въ моемъ испытанномъ войскѣ и развивающемся теперь флотѣ, для котораго съ приобрѣтеніемъ за-океанскихъ владѣній возникли новыя серьезныя обязанности. Какъ сухопутная армія, такъ и флотъ должны всегда пребывать на томъ высокомъ уровнѣ подготовки и совершенствѣ организаціи, который создалъ ихъ славу и обезпечиваетъ имъ полную дѣйствительную силу.

„Я рѣшился управлять въ имперіи и въ Пруссіи добросовѣстно соблюдая постановленія имперской и прусской конституцій. Постановленія эти приняты моими предшественниками на престолѣ въ мудромъ сознаніи необходимой въ нихъ потребности и для рѣшенія трудныхъ задачъ общественной и государственной жизни. Чтобы проявить свою силу и благотворное дѣйствіе, постановленія эти должны пользоваться всестороннимъ уваженіемъ.

„Я хочу, чтобы принципъ религіозной терпимости, издавна свято чтившійся въ моемъ домѣ, служилъ и впредь охраной всѣмъ моимъ подданнымъ, къ какому бы религіозному сообществу и вѣроисповѣданію они ни принадлежали. Каждый изъ нихъ одинаково близокъ моему сердцу, такъ какъ всѣ они въ одинаковой степени засвидѣтельствовали полную свою преданность въ дни опасности.

„Раздѣляя воззрѣнія моего августѣйшаго родителя, я буду оказывать горячую поддержку всѣмъ стремленіямъ, способнымъ поднять экономическое благосостояніе различныхъ классовъ общества, примирить противорѣчивые ихъ интересы и по возможности смягчить неизбѣжное зло, не вызывая при этомъ ожиданій, будто вмѣшательство государства могло бы положить конецъ всѣмъ общественнымъ бѣдствіямъ.

„Воспитаніе подростящей молодежи и попеченіе о ней я считаю находящимся въ тѣсной связи съ социальными вопросами. Съ одной стороны, необходимо, чтобы высшее образованіе становилось доступнымъ все болѣе и болѣе широкимъ кружкамъ, а съ другой— надо избѣгать, чтобы, вслѣдствіе полуобразованности, не возникали серьезныя опасности и не возникли требованія къ жизни, которымъ не могутъ удовлетворить производительныя силы народа. Надо избѣгать также, чтобы усиленное стремленіе къ болѣешему знанію не помѣшало выполненію задачи воспитанія. Опасности, возникающія въ наше время отъ быстроэкономическаго движенія для всего общества, вслѣдствіе примѣровъ, подаваемыхъ широкимъ образомъ жизни нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, могутъ быть преодолены лишь силой сопротивленія, которою будетъ обладать поколѣніе, возросшее на здравыхъ основахъ страха Божія и простоты нравовъ.

„Я хочу, чтобы не упускалось никакого случая въ общественной службѣ къ противодѣйствію чрезмѣрной роскоши и мотовству. Каж-

дому проекту финансовыхъ реформъ заранѣе обезпечено безпристрастное мое обсужденіе, если издавна испытанная въ Пруссіи экономія не дозволить обойтись безъ обремененія народа новыми тягостями и не поведетъ къ сокращенію предъявляемыхъ теперь къ нему требованій.

„Самоуправленіе, предоставленное крупнымъ и мелкимъ земскимъ корпораціямъ въ государствѣ, я считаю полезнымъ. Съ другой стороны, я признаю необходимымъ изслѣдовать, не налагаетъ ли слишкомъ тяжкаго бремени на частныхъ лицъ предоставленное этимъ корпораціямъ право обложенія податями, которымъ онѣ пользуются, не принимая должнымъ образомъ въ расчетъ податного обложенія со стороны имперскаго и непосредственнаго правительсва.

„Подобнымъ же образомъ надо обсудить, не будетъ ли возможно произвести упрощенія въ организациі административныхъ учреждений, причѣмъ съ уменьшеніемъ числа служащихъ оказалось бы возможнымъ увеличить имъ содержаніе.

„Если удастся сохранить въ силѣ всѣ корни государственной и общественной жизни, то и мнѣ доставитъ особенное удовольствіе довести до полнаго расцвѣта германское искусство и германскую науку.

„Для осуществленія этихъ моихъ намѣреній я рассчитываю на вашу столь часто уже довазанную преданность и на поддержку долготѣнейшей вашей опытности. Желалъ бы я, чтобы мнѣ было суждено при единодушномъ совмѣстномъ дѣйствіи имперскихъ органовъ, патріотической дѣятельности народнаго представительства и всѣхъ административныхъ властей, а также исполненіемъ довѣрія содѣйствіи всѣхъ классовъ населенія, стяжать Германіи и Пруссіи новую славу на поприщѣ мирнаго развитія. Не заботясь о блескѣ великихъ подвиговъ, о которыхъ гремитъ слава, я буду доволенъ, если о моемъ правленіи можно будетъ сказать, что оно было моему народу благодѣтельно, моей странѣ—полезно, и для имперіи—благословенно“.

Такая политическая программа императора Фридриха Ш не заключаетъ, конечно, въ себѣ ничего новаго для Германіи,—ничего такого, что не было бы уже тамъ осуществлено въ жизни, въ той или другой степени, или чему рѣзко противорѣчила бы въ Германіи дѣйствительность: „конституціонные и правовые порядки, — говорится въ рескриптѣ,—должны, прежде всего, быть упрочены въ нравахъ народа и въ его уваженіи“; необходимо „избѣгать потрясеній, вызываемыхъ частыми перемѣнами въ государственныхъ учрежденіяхъ и законахъ“; необходимо „добросовѣстно соблюдать постановленія конституціи“, и „несомнѣнныя національныя потребности должны быть всегда удовлетворены въ полномъ объемѣ“; „принципъ религіозной терпимости долженъ служить охраной всѣмъ подданнымъ“; „необходимо, чтобы высшее образованіе становилось достояніемъ все болѣе и болѣе широ-

кимъ кружкамъ“; „самоуправленіе, предоставленное крупнымъ и мелкимъ земскимъ корпораціямъ въ государствѣ, слѣдуетъ считать полезнымъ“, и т. д.

Все это въ Германіи считается давно уже аксіомами, и если существуютъ тамъ партіи, то только по отношенію вопроса о болѣе или менѣе широкомъ примѣненіи всѣхъ упомянутыхъ въ рескриптѣ началъ. Дѣйствительно, никакъ нельзя сказать, чтобы и покойный императоръ Вильгельмъ не раздѣлялъ такихъ же убѣжденій въ необходимости не только честно относиться въ „конституціи и правовымъ порядкамъ“, въ свободѣ религіи, общедоступности высшаго образованія,—но и практиковать все это на дѣлѣ; всѣ эти задачи онъ подчинялъ только главной мысли о вооруженномъ могуществѣ страны. Впрочемъ, и его преемникъ также не могъ не заявить, что „необходимымъ и вѣрнѣйшимъ ручательствомъ безпрепятственнаго выполнения всѣхъ внутреннихъ задачъ представляется сохраненіе въ полной силѣ вооруженнаго могущества страны“. Доказательствомъ глубокой искренности и великаго миролюбія покойнаго императора Вильгельма I послужили 18 лѣтъ мирнаго его правленія, послѣ безпримѣрныхъ побѣдъ Германіи; нѣтъ потому причинъ сомнѣваться въ томъ, что и его преемникъ—хотя онъ также обусловливаетъ успѣхи внутреннего преуспѣянія Германіи успѣхами вооруженнаго могущества страны—безъ сомнѣнія, въ свое время остановится тамъ, гдѣ такое „вооруженное могущество“ начнетъ превращаться въ источникъ внутреннего разоренія страны, что обыкновенно вынуждаетъ правительство мало-по-малу со-временемъ отказываться и отъ тѣхъ вѣрныхъ взглядовъ на здравые принципы внутренней политики, столь высоко цѣнимые въ настоящую минуту царственнымъ авторомъ рескрипта 12-го марта.

Въ теченіе того же самаго мѣсяца во Франціи пало министерство Тирара; нельзя, конечно, сравнивать такихъ двухъ перемѣнъ, какія одновременно испытали двѣ сосѣднія страны, уже и потому, что въ Германіи играла главную роль судьба и перемѣнились лица, а не принципы; во Франціи паденіе настоящаго министерства, при обстановкѣ, въ которой оно совершилось, можетъ послужить источникомъ болѣе глубокаго переворота, а при тѣхъ международныхъ отношеніяхъ, какія сложились въ Европѣ, дальнѣйшій ходъ событій во Франціи получить вліяніе и на общій ходъ политическихъ дѣлъ. Министерство Тирара пало подъ ударами той партіи, которой оно имѣло въ виду само нанести рѣшительный, по его мнѣнію, ударъ,—

но тѣмъ только доказало полное свое безсиліе. Едва ли возможно ожидать теперь вполнѣ удачнаго составленія новаго министерства при настоящей палатѣ, гдѣ большинство можетъ состояться только изъ различныхъ партій, преслѣдующихъ самыя противоположныя цѣли — и даже враждебныхъ одна другой. Прошедшее и настоящее генерала Буланжэ не даютъ основанія къ тому, чтобы ожидать въ немъ новаго Наполеона, но нельзя отрицать его пригодности — послужить болѣе или менѣе безсознательнымъ средствомъ для партій враждебныхъ республикѣ, — а слѣдовательно и враждебныхъ европейскому миру.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Республиканскій консерватизмъ.—Франко-германскіе счеты.—Новый франко-русскій журналъ.

На одномъ изъ старыхъ казенныхъ зданій, выходящихъ на площадь Согласія, подъ обычнымъ республиканскимъ девизомъ: „liberté, égalité, fraternité“, вырѣзаны такими же крупными буквами слова: „sous peine d'amende“. Конечно, эти послѣднія слова относятся къ предшествующей надписи: „défense d'afficher“, но оригинальное сопоставленіе невольно бросается въ глаза каждому, и многое объясняетъ въ современной Франціи, съ ея республиканскою формою правленія. Въ современной Франціи принципы свободы и равенства уживаются еще съ административными и судебными порядками, унаслѣдованными отъ имперіи. Республика почти совсѣмъ не коснулась того сложнаго государственнаго механизма, которымъ управляется страна. Сильная сосредоточенность власти, чрезмѣрное обиліе канцелярій и чиновниковъ, господство бумажнаго формализма въ правительственныхъ учрежденіяхъ,—все это остается неприкосновеннымъ при новомъ демократическомъ режимѣ. Граждане приобрѣли свободу въ разныхъ ея видахъ—свободу мнѣній и печати, свободу избирательную и политическую; они пользуются безусловнымъ равенствомъ предъ лицомъ закона; они освободились отъ произвола отдѣльныхъ лицъ, но они подчинены той же системѣ мѣстнаго и центрального управленія, какая существовала при имперіи. Рассказываютъ, что во время революціи 1848 года чиновники различныхъ министерствъ спокойно занимались своимъ дѣломъ и при появленіи новыхъ республиканскихъ начальниковъ почтительно предлагали имъ къ подписи накопившіяся бумаги, какъ будто никакой существенной перемены не произошло. И дѣйствительно, политическія бури касались лишь верхушекъ общественнаго строя и измѣняли внѣшній характеръ власти, но не нарушали внутренняго хода администраціи, съ ея непоколебимыми традиціями и приѣмами.

Смѣлые новаторы въ области соціальныхъ и политическихъ идей, французскіе республиканцы замѣчательно консервативны на практикѣ, въ сферѣ повседневныхъ условій привычекъ управленія. Страсть къ новизнѣ направлена лишь къ перемены лицъ, стоящихъ во главѣ правительства, или къ провозглашенію усовершенствованныхъ фор-

муль политической жизни; но заурядныя особенности административнаго быта не вызываютъ никакихъ реформаторскихъ попытокъ и даже тщательно охраняются при республикѣ. Этотъ природный консерватизмъ французовъ въ будничныхъ вопросахъ управленія сказывается особенно ярко въ образѣ дѣйствій такъ-называемыхъ радикаловъ.

Французскіе радикалы имѣютъ очень мало общаго съ дѣйствительнымъ радикализмомъ; во многихъ случаяхъ они поражаютъ своею пассивною приверженностью къ установившимся фактамъ, хотя и не имѣющимъ никакого смысла при республиканскомъ устройствѣ государства. Имперія имѣла императорскую оперу, которой давалась значительная субсидія отъ казны; республика продолжаетъ изъ года въ годъ назначать крупныя суммы на содержаніе оперной труппы въ Парижѣ. Извѣстный дѣятель радикальной партіи, бывший членъ коммуны 1871 года, главный редакторъ газеты „Radical“, депутатъ Анри Марэ, составилъ недавно подробный докладъ по поводу опернаго бюджета на 1888 годъ: онъ предлагаетъ выдать субсидію въ обычномъ размѣрѣ, немногимъ меньше милліона, причѣмъ не ставитъ даже вопроса объ умѣстности такого расхода, и ни одинъ изъ членовъ крайней лѣвой не усомнился въ правѣ употреблять народныя средства на парижскую оперу, по примѣру прежняго императорскаго правительства. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія республиканской, не могло бы быть и рѣчи о содержаніи оперы на общій счетъ народа: то, что считалось нужнымъ для блеска наполеоновскаго двора, является чѣмъ-то совершенно непонятнымъ при господствѣ демократіи. Почему провинціальныя плательщики податей должны давать средства на доставленіе какихъ-то удовольствій парижанамъ? Одно изъ двухъ: или опера нужна Парижу,—тогда она вполне окупится любителями оперныхъ спектаклей; или она не будетъ достаточно поддержана столичнымъ населеніемъ,—тогда она, очевидно, не отвѣчаетъ дѣйствительной потребности жителей и не имѣетъ права на существованіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, вопросъ объ оперной труппѣ не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ задачамъ и нуждамъ государства. Принуждать все населеніе Франціи участвовать въ расходахъ на театры, служащіе для развлеченія зажиточныхъ классовъ одной лишь столицы,—значитъ явно нарушать самыя элементарныя требованія демократическаго равенства и республиканской справедливости. И однако французскіе радикалы не замѣчаютъ своей крайней непослѣдовательности и смѣло вотируютъ оперный бюджетъ, подобно старымъ консерваторамъ и реакціонерамъ.

Возьмемъ другой примѣръ: при прежнемъ правительствѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ всегда получало въ свое распоряженіе

особыя секретныя суммы, которыя употреблялись для цѣлей политической полиціи, для подкупа газетъ и для поддержки правительственныхъ кандидатовъ во время выборовъ. Республика не имѣетъ надобности ни стѣснять свободу избирателей, ни подкупать газеты, ни выслѣживать дѣятельность оппозиціи посредствомъ тайныхъ политическихъ агентовъ; и однако секретныя фонды ежегодно назначаются республиканскимъ большинствомъ палаты, по требованію министровъ не только умѣренныхъ, но и радикальныхъ. Если часть депутатовъ крайней лѣвой возражаетъ противъ этихъ довольно крупныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ кредитовъ, то мотивомъ возраженій служить не принципиальное отрицаніе секретныхъ затратъ, а недовѣріе къ данному министерству, нежеланіе оставлять въ его рукахъ свободныя и излишнія средства, рѣшимость свергнуть кабинетъ и замѣнить его другимъ, болѣе сочувственнымъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Тирара, Саррѣнъ, принадлежащій къ группѣ „радикальной лѣвой“, обѣщаль прекратить выдачу денежныхъ субсидій газетамъ изъ суммъ секретнаго фонда, и это обѣщаніе считалось важною уступкою со стороны правительства, въ глазахъ передовыхъ республиканцевъ. Никто не задавался вопросомъ: какимъ образомъ могло до сихъ поръ практиковаться расходование народныхъ денегъ на поддержку газетъ, пріятныхъ тому или другому министру, когда высшимъ закономъ республики должно быть свободное общественное мнѣніе? Радикалы просто не рѣшались вычеркивать одну изъ старинныхъ подробностей бюджета, составляющую издавна привилегію администраціи. Тайная полиція, утративъ свои первоначальныя функціи, продолжаетъ, однако, существовать и получаетъ значительныя секретныя суммы, для которыхъ отыскивается соотвѣтственное назначеніе; самый персоналъ агентовъ, ихъ дѣйствія и приемы — остались почти тѣ же, какъ и при имперіи. Иногда республиканцы съ удивленіемъ узнаютъ о таинственныхъ предпріятіяхъ и подвигахъ, въ родѣ экспедиціи въ Лондонъ для насильственнаго отнятія какихъ-то бумагъ у бывшаго полицейскаго дѣятеля, о которомъ извѣстно только одно, что онъ получалъ за свои услуги 24.000 франковъ въ годъ, и что прошлое его болѣе чѣмъ двусмысленно. Когда у Эдуарда Порталиса, редактора „XIX Siècle“, похищены были собранные имъ документы, неудобные будто бы для нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, то свѣдущіе люди тотчасъ же указали на директора тайной полиціи, какъ на виновника похищенія. Радикальная печать стала нападать на этого чиновника, располагающаго по своему усмотрѣнію секретнымъ фондомъ въ 400.000 франковъ; его обвиняли въ анти-республиканскихъ тенденціяхъ и связяхъ, въ неправильномъ образѣ дѣйствій: нападки относились къ

лицу, а не въ учрежденію. Нужно только, чтобы во главѣ тайной полиціи стоялъ надежной республиканецъ и чтобы онъ не употреблялъ своихъ средствъ противъ вѣрныхъ приверженцевъ республики;—даже этого не идутъ требованія радикаловъ. Преобразовать самый институтъ въ духъ демократіи, точно опредѣлить кругъ дѣятельности агентовъ, ограничивъ ее предупрежденіемъ и разслѣдованіемъ преступленій,—объ этомъ не поднимается вопроса въ серьезныхъ радикальныхъ программахъ. Реформа администраціи и ея органовъ была бы дѣломъ слишкомъ скучнымъ и хлопотливымъ; она не даетъ простора возвышеннымъ идеямъ и громкому краснорѣчію,—и она не можетъ заинтересовать и увлечь умы французскихъ республиканцевъ.

Не только радикалы и непримиримые охраняютъ традиціонные порядки, но даже социалисты слѣдуютъ по проторенному пути административнаго воздѣйствія и всемогущества. Социалистъ Басли, представитель рабочаго класса въ парламентѣ, вноситъ предложеніе о томъ, чтобы члены городскихъ общественныхъ собраній получали по двѣ тысячи франковъ жалованья въ городахъ, имѣющихъ больше 40.000 жителей, т.-е., чтобы армія оплачиваемыхъ народомъ чиновниковъ, превышающая уже 600.000 человекъ, увеличилась еще на нѣсколько тысячъ, насчетъ того же не исчерпаемаго народнаго кармана. Социалистъ Басли имѣлъ въ виду облегчить простымъ рабочимъ доступъ въ городскіе совѣты; онъ забывалъ только, что для раздачи новыхъ жалованій потребуются новыя средства, которыя придется брать съ населенія и въ томъ числѣ съ тѣхъ же бѣдняковъ-рабочихъ. На какомъ же основаніи крестьяне, напримѣръ, будутъ изъ своихъ скудныхъ заработковъ давать на содержаніе горожанъ, для того, чтобы послѣдніе могли свободнѣе заниматься обсужденіемъ своихъ собственныхъ городскихъ дѣлъ? Идеаломъ многихъ французскихъ социалистовъ было бы такое состояніе, когда всѣ рабочіе и нуждающіеся получали бы жалованье изъ казны. Этотъ поверхностный, мнимый социализмъ мало чѣмъ отличается отъ столь же поверхностнаго, мнимаго радикализма. Депутатъ Вильсонъ, занимаясь своими сомнительными аферами, считалъ себя тѣмъ не менѣе принадлежащимъ къ партіи радикаловъ; онъ засѣдалъ въ палатѣ въ рядахъ радикальной лѣвой. Точно также, между социалистами есть не мало людей, готовыхъ хлопотать больше о генералахъ Буланжѣ, чѣмъ о дѣйствительныхъ интересахъ рабочаго класса.

Подъ фирмою республики продолжаетъ дѣйствовать прежняя наполеоновская организація. Этимъ объясняются многія странности въ политической жизни Франціи. При системѣ полнаго народнаго самоуправления должны были бы исчезнуть всякіе слѣды антагонизма

между властью и народомъ; откуда же берутся тѣ непримиримыя враждебныя чувства, которыя выражаются нерѣдко въ серьезныхъ столкновенияхъ между населеніемъ и полицейскими силами, какъ это было, напримѣръ, во время президентскаго кризиса въ Парижѣ? Какъ могутъ республиканцы видѣть что-то непріязненное въ агентахъ республиканскаго правительства? Казалось бы, напротивъ, что исполнительные органы республики должны были бы повсюду встрѣчать признаніе и содѣйствіе, какъ наглядные выразители народнаго главенства. Отношенія между народомъ и полиціею, даже при самомъ радикальномъ министерствѣ, сохраняютъ тотъ отгѣнокъ вражды и недовѣрія, который господствовалъ при второй имперіи. Явленіе, имѣвшее когда-то свой логическій смыслъ, поддерживается отчасти силою традиціи, отчасти отсутствіемъ замѣтныхъ переменъ въ устройствѣ и въ способахъ дѣйствія второстепенныхъ властей.

Что республика мало измѣнила внутреннюю жизнь Франціи—въ этомъ легче всего убѣдиться, проведя нѣкоторое время въ провинціи, вдали отъ Парижа. Молодое поколѣніе, выросшее послѣ Седана, почти вездѣ стоитъ за приобретенную свободу; въ средѣ вліятельныхъ землевладѣльцевъ и коммерсантовъ преобладаютъ монархическія симпатіи; въ массѣ крестьянства популярно еще имя Наполеона, съ которымъ связывается представленіе не только о военной славѣ, но и о хорошихъ урожайныхъ годахъ, объ обилии денегъ и о легкихъ заработкахъ. Католическое духовенство занимаетъ могущественное положеніе, которое скорѣе усилилось, чѣмъ ослабло въ послѣдніе годы; богатые, обширные монастыри, отдѣленные отъ окружающаго міра высокими глухими стѣнами, образуютъ настоящее государство въ государствѣ. Религіозные обряды аккуратно исполняются населеніемъ; въ воскресные и праздничные дни всѣ магазины и лавки закрыты безусловно, всякія работы прекращены,—и церкви полны молящихся. Въ провинціи, особенно въ южныхъ и западныхъ департаментахъ, все чаще встрѣчаются тѣ изъ столичныхъ газетъ, восторныхъ почти не видно въ Парижѣ,—клерикальные „Monde“ и „Univers“, негодующіе еще по поводу „безумныхъ“ рѣчей „разныхъ Ренановъ“,—„Moniteur universel“, обѣщающій скорое торжество Орлеановъ, и „Autorité“, разбивающій республику безъ пощады. Клерикальное знамя даетъ вышнее единство консерваторамъ, стремящимся въ разныя стороны. Для большинства людей, склонныхъ къ монархизму, имена графа Парижскаго и принца Виктора не имѣютъ особеннаго вѣса, такъ какъ оба претендента провели свою жизнь за границей и являются какъ бы чужими для французовъ. Реакціонеры и монархисты составляютъ армію безъ авторитетныхъ номинальныхъ вождей; они почерпаютъ свою силу въ религіозныхъ вліяніяхъ, ко-

торыя играютъ во Франціи несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ можно было бы думать на основаніи отзывовъ республиканской печати.

Достаточно провести нѣкоторое время во Франціи и особенно въ Парижѣ, чтобы видѣть невозможность для французовъ отказаться отъ надежды на восстановленіе прежняго политическаго могущества и обаянія въ Европѣ. Все напоминаетъ французамъ о прошлой военной славѣ,—и грандіозные памятники, украшающіе площади Парижа, и историческія названія многихъ улицъ и мостовъ. Ни одна изъ европейскихъ столицъ не наполнена въ такой мѣрѣ свидѣтельствами великихъ побѣдъ: тутъ и набережная Аустерлица, и Avenue d'Iena, и pont d'Alma, и Avenue de Friedland, и Севастопольскій бульваръ, и Тильзитскій переулокъ, и улицы, названныя по именамъ генераловъ—Гоша, Клебера, Макъ-Магона и другихъ. На каждомъ шагу встаетъ это прошлое передъ глазами француза, и никакое миролюбіе не заглушитъ въ немъ естественнаго чувства, вызываемаго невольнымъ сопоставленіемъ минувшаго величія съ скромнымъ настоящимъ. Иностранцу можетъ показаться иногда, что французы слишкомъ много и слишкомъ часто выставляютъ на показъ военные подвиги временъ имперіи; добрая половина этихъ громкихъ названій парижскихъ улицъ могла бы быть замѣнена болѣе демократическими обозначеніями, и эта замѣна соотвѣтствовала бы республиканскому духу нынѣшняго городского управленія Парижа. На колокольнѣ „Notre Dame de Paris“ показываютъ колоколь, взятый изъ русской церкви въ Севастополѣ, въ видѣ военнаго трофея, и церковный сторожъ наглядно убѣждаетъ посѣтителя, что колоколь этотъ звенитъ гораздо хуже висящаго рядомъ французскаго колокола, отлитаго при Людовикѣ XIV. Слова: „la cloche de Sébastopol“—вырѣзаны особенно крупными буквами въ надписи объ осмотрѣ, помѣщенной внизу для свѣденія проходящихъ. Можно находить неумѣстнымъ этотъ элементъ военнаго тщеславія въ городѣ, привлекающемъ къ себѣ массы иностранцевъ, и которому Викторъ Гюго присвоивалъ титулъ „столицы міра“. Но культъ военной славы достался французамъ отъ цѣлаго ряда поколѣній; онъ составляетъ принадлежность тысячелѣтней исторіи народа и не можетъ утратить своей силы въ какія-нибудь десять или двадцать лѣтъ, подѣ влияніемъ тяжелыхъ ударовъ судьбы.

Республиканцы и въ этомъ отношеніи оказываются вѣрными продолжателями монархистовъ, хранителями историческихъ традицій и стремленій. Они дѣлаютъ гораздо больше прежнихъ правительствъ для увеличенія боевой готовности націи. Идея возмездія ярко формулирована республиканскимъ вождемъ Гамбеттою и вошла въ политическое *credo* его послѣдователей. Бонапартисты и орлеанисты

были бы скорѣе склонны примириться съ потерей Эльзаса и Лотарингіи, чѣмъ дѣятели республики, бывшіе нѣкогда противниками постоянныхъ армій. Республиканцы не ставятъ даже вопроса на почву принциповъ; они говорятъ о войнѣ и о возвратѣ утраченныхъ провинцій въ такомъ же смыслѣ, какъ приверженцы стараго военного режима,—причемъ рассчитываютъ исключительно на право силы. Они должны были-бы требовать не обратнаго завоеванія Эльзаса и Лотарингіи, а восстановленія нарушеннаго народнаго права, на которое только и могутъ опираться республиканцы. Они могли бы добиваться того, чтобы судьба отнятыхъ земель рѣшена была согласно желаніямъ заинтересованныхъ населеній, путемъ плебисцита, какъ это происходило въ Ниццѣ и Савойѣ передъ присоединеніемъ ихъ къ Франціи, въ Ломбардіи и Венеціи—передъ отдачею ихъ Италіи въ 1866 году. Справедливость такого требованія признавалась бы очень многими въ Европѣ, даже въ самой Германіи, и элементъ права находился бы несомнѣнно на сторонѣ французской республики. Какъ бы то ни было, республиканцы и радикалы оставляютъ въ сторонѣ свои политическія доктрины, когда дѣло идетъ о международныхъ отношеніяхъ и особенно о счетахъ съ побѣдителями 1870 года.

Изъ разговоровъ, которые мнѣ случалось имѣть съ людьми различныхъ партій (не съ политическими дѣятелями, а съ простыми гражданами), я вынесъ убѣжденіе, что французы не желаютъ войны и боятся ея, что они не чувствуютъ себя готовыми къ борьбѣ въ настоящее время, что они признаютъ во многомъ превосходство Германіи и что на будущее столкновеніе они смотрятъ какъ на нѣчто роковое, неизбѣжное, къ чему готовиться необходимо во всякомъ случаѣ. Если въ печати высказываются нерѣдко болѣе увѣренныя и рѣшительныя сужденія, то это объясняется лишь желаніемъ поддерживать патріотическій духъ въ публикѣ и въ арміи.

Германія имѣетъ три великія преимущества передъ Франціею. Во-первыхъ, у французовъ нѣтъ общепризнанныхъ авторитетныхъ вождей, ни военныхъ, ни политическихъ,—нѣтъ полководцевъ и правителей, которые внушали бы безусловное довѣріе къ своимъ талантамъ и къ своей опытности,—тогда какъ нѣмцы обладаютъ могущественною, крѣпко сосредоточенною военно-политическою организаціею, и имѣютъ, кромѣ Бисмарка и Мольтке, цѣлый рядъ испытанныхъ генераловъ, выдвинутыхъ послѣднею франко-прусскою войною. Нѣмцы твердо увѣрены въ неминувомъ торжествѣ надъ французами, и это чувство проистекаетъ не изъ слѣпотаго шовинизма, а изъ сознанія дѣйствительнаго перевѣса какъ по численности арміи, такъ и по качествамъ ея, по безспорному единству ея духа, по непоколебимой вѣрѣ ея въ начальниковъ и руководителей германскихъ

вооруженныхъ силъ. Французы, разъединенные внутри, наученные поражениями и неудачами 1870 года, не имѣютъ въ себѣ этой спокойной увѣренности, которая составляетъ одно изъ важныхъ условий успѣха на войнѣ. Во-вторыхъ, нѣмцы отлично знаютъ всѣ слабыя и сильныя стороны противника; они старательно слѣдятъ за всѣмъ происходящимъ во Франціи, за ея военными усовершенствованіями и приготовленіями, за ея общественнымъ настроеніемъ, за ея литературою и журналистикой,—между тѣмъ какъ французы по прежнему довольствуются отрывочными и случайными свѣденіями о чужихъ странахъ и народахъ. Нѣтъ такого нѣмецкаго офицера, который не понималъ бы хорошо по-французски и не имѣлъ бы точнаго представленія объ иностранныхъ дѣлахъ и событіяхъ, описываемыхъ изо дня въ день въ массѣ нѣмецкихъ газетъ,—тогда какъ во Франціи трудно встрѣтить человѣка, знакомаго съ нѣмецкимъ или другимъ иноземнымъ языкомъ, и военный классъ не составляетъ исключенія въ этомъ случаѣ, несмотря на слабыя новѣйшія попытки пополнить пробѣлы офицерскаго образованія. Въ-третьихъ, Франція поставлена гораздо менѣе благоприятно, чѣмъ Германія, въ международномъ отношеніи; она окружена врагами и соперниками, которыхъ никакія дипломатическія уступки не превратятъ въ ея друзей,—тогда какъ нѣмецкая имперія обставила себя надежными союзниками и единомышленниками въ разныхъ частяхъ Европы. Французы рассчитываютъ на Россію; они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы заявить ей свои симпатіи,—но едва-ли многіе изъ этихъ патриотовъ отдадутъ себѣ ясный отчетъ объ условіяхъ и значеніи франко-русскаго союза. Очевидно, что Россія и Франція могли бы сохранять только оборонительное положеніе, имѣя противъ себя коалицію трехъ такихъ державъ, какъ Германія, Австрія и Италія, при косвенномъ участіи Англіи; а одной обороны недостаточно для обратнаго завоеванія Эльзаса и Лотарингіи.

Въ недавней статьѣ „Revue des deux Mondes“, подписанной таинственными тремя звѣздочками и принадлежащей перу извѣстнаго публициста Анатоля Леруа-Больѣ, авторъ указываетъ, между прочимъ, на внутреннее состояніе республики, мѣшающее будто бы дѣйствительному сближенію съ Россією. „Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, — замѣчаетъ онъ, — редакторъ одной французской газеты послалъ сотрудника въ Москву, чтобы провѣрить на мѣстѣ, насколько справедливы сообщенія о нравственной портѣ русскаго общественнаго быта; теперь редакторы русскихъ журналовъ могли бы съ тою же цѣлью послать сотрудника во Францію, чтобы убѣдиться въ ея неустройствѣ и въ упадкѣ ея политическихъ нравовъ“. Это замѣчаніе не совсѣмъ вѣрно. Русскій публицистъ, желаю-

щій на мѣстѣ ознакомиться съ французскими дѣлами и съ французскимъ настроеніемъ, будетъ пораженъ вовсе не внутренними неопорядками (которыхъ найдется достаточно въ каждой странѣ), а узкимъ націонализмомъ французовъ, общимъ недостаткомъ серьезности и знаній въ отношеніи всего иностраннаго, господствомъ удивительныхъ иллюзій въ области высшихъ отношеній,—иллюзій, отъ которыхъ не свободенъ даже ученый Леруа-Больё, считающій возможнымъ для Франціи сдѣлать еще что-нибудь для поляковъ и сблизиться съ Австро-Венгеріею, помимо Германіи. Теперь все русское пользуется сочувствіемъ въ Парижѣ; фантастическія сочиненія „изъ русской жизни“, гдѣ фигурируютъ князья, бояре и самовары,—появляются одно за другимъ; основываются специальные журналы для взаимнаго сближенія двухъ великихъ націй,—и сколько нелѣпостей печатается о Россіи по этому поводу!

Съ октября прошлаго года предпринято въ Парижѣ большое ежемѣсячное изданіе, подъ названіемъ „Revue de Paris et de St.-Petersbourg“. Журналъ этотъ имѣетъ весьма солидный и изящный видъ; онъ печатается красиво на веленовой бумагѣ и по объему значительно превышаетъ книжки „Revue des deux Mondes“ и „Nouvelle Revue“. Что же мы видимъ въ этомъ любопытномъ литературно-политическомъ предпріятіи? Главный редакторъ, престарѣлый Arsène Houssaye, и его главный сотрудникъ, извѣстный Альфонсъ Карръ, ничего не говорятъ о Россіи и тѣмъ не поясняютъ страннаго титула, соединяющаго Парижъ съ Петербургомъ. Въмѣсто какой-нибудь опредѣленной программы, мы находимъ лишь старческую критику настоящаго, нападки на республику, жалобы на упадокъ Франціи во всѣхъ отношеніяхъ. Редакція заявляетъ, что журналъ будетъ стоять внѣ партій; но въ дѣйствительности направленіе его—вполнѣ реакціонное, отчасти только смягчаемое участіемъ случайныхъ сотрудниковъ изъ другихъ лагерей, какъ напр. Жюля Симона и Анри Марё. О франко-русской дружбѣ сказано очень мало и весьма смутно въ двухъ статьяхъ первой книги—въ восторженномъ описаніи русской коронаціи и въ небольшой, крайне отрывочной и забавной политической хроникѣ какого-то Аликова. Высказавъ свое мнѣніе о несостоятельности нынѣшняго французскаго режима, хроникеръ неожиданно заключаетъ, что „только двѣ націи достойны управлять Европою (?)—Россія и Франція, потому что обѣ онѣ руководятся рыцарскими чувствами и обѣ заняты больше своимъ великимъ призваніемъ, чѣмъ матеріальными стремленіями“. Въ слѣдующей, ноябрьской книгѣ обращаетъ на себя вниманіе статейка Тиссандё о Франціи и Россіи; она кончается словами: „Парижъ и Петербургъ—не только столицы міра, но и твердыни цивилизаціи“. Къ этому курьезному выводу авторъ

приходитъ послѣ бѣлаго обзора судебъ славянства и Россіи въ отношеніяхъ съ Франціею. Политическая хроника, опять-таки мимоходомъ, безъ всякихъ поясненій, рѣшаетъ въ концѣ, что Россія господствуетъ надъ Европою и надъ міромъ, и что Франція поднимется, какъ одинъ человѣкъ, когда Россія подастъ ей знакъ, что пора „mettre l'Europe à la raison“. Въ декабрьской книгѣ отмѣтимъ только „казачью пѣсню“ Дерузда, гдѣ каждая строфа оканчивается припѣвомъ: „la liberté vit“! Въ политической хроникѣ за январь (по обыкновенію коротенькой, въ 2—3 страницы) осмѣиваются всякіе принципы, отъ которыхъ будто бы страдаетъ Франція, и въ заключеніе, ни съ того, ни съ сего, французамъ предлагается взять за образецъ Россію, гдѣ существуетъ „одинъ только принципъ—послушаніе и самоотверженіе“;—значить, мы гораздо превосходи́те другихъ. Но верхъ нелѣпости—статейка (въ 2 стр.) какого-то Ивана Ріенко, подъ заглавіемъ: „La vie russe“. Упомянувъ о кнутѣ и о „полюмистѣ Щедринѣ“, авторъ заявляетъ, что Франція и Россія сближаются не по родству характеровъ и стремленій, а потому что „les extrêmes se touchent“. Затѣмъ слѣдуетъ быстрый обзоръ русской исторіи, на полустраничкѣ,—перечисленіе войнъ между Россіею и Франціею; оттуда дѣлается скачокъ къ Тургеневу и Толстому, которые оба—къ крайнему нашему удивленію—оказываются старинными писателями, свидѣтелями уничтоженія *вѣча* (!!) и освобожденія женщинъ изъ теремовъ. Это открытіе настолько замѣчательно, что мы не можемъ удержаться отъ приведенія подлинныхъ словъ автора. „Тургеневъ и Толстой,—говоритъ французскій хроникеръ,—принадлежали къ поколѣнію, почти исчезнувшему нынѣ, присутствовавшему при паденіи старыхъ обычаевъ и традицій, въ которыхъ жило общество при Петрѣ Великомъ. Оно (т.-е. поколѣніе Толстого и Тургенева) видѣло, какъ уничтожались вѣча одно за другимъ, какъ открывались терема, изъ которыхъ женщины, подвергнутыя нелѣпому монастырскому режиму, вдругъ выходили на свободу. Но во время Тургенева и Толстого измѣнялись только внѣшніе обычаи; строй жизни оставался прежній. Между тѣмъ реформы послѣдняго полустолѣтія нанесли ударъ древнему порядку вещей (значить, не меньше полувѣка прошло съ того времени, какъ жили и дѣйствовали названные писатели!). Тургеневъ и Толстой были свидѣтелями этого долгаго и насильственного процесса, когда два общества — одно, заключенное въ заплесневѣлыя нравы вѣча, а другое молодое—боролись между собою“ и т. д. И этотъ невѣроятный вздоръ печатается въ большомъ журналѣ, располагающемъ, повидимому, значительными средствами,—журналѣ, специально предназначенномъ для просвѣщенія

французской публики насчетъ Россіи! Такое развязное и самоуверенное невѣжество немислимо ни въ какой другой литературѣ.

Говорятъ, что „Revue de Paris et de St.-Petersbourg“ основана при ближайшемъ участіи извѣстной издательницы „Nouvelle Revue“, г-жи Жюльетты Аданъ. Правда, г-жа Аданъ держится республиканскихъ принциповъ въ „Nouvelle Revue“, и съ ея стороны было бы странно создавать журналъ, нападающій на республику; но въ дѣлахъ внѣшней политики, въ интересахъ международнаго союза, принято руководствоваться лишь соображеніями пользы и цѣлесообразности,—и для сближенія съ Россією считается почему-то болѣе удобнымъ показывать консервативныя тенденціи. Республиканскіе принципы не помѣшали издательницѣ „Nouvelle Revue“ усиленно хлопотать объ устройствѣ памятника Каткову на французской территоріи; она почему-то хотѣла воздвигнуть памятникъ на югѣ, въ По—прелестномъ городѣ, всегда посѣждаемомъ иностранцами и въ томъ числѣ русскими,—и съ этою цѣлью она обращалась къ содѣйствію мѣстной реакціонно-клерикальной газеты „Mémorial des Pyrénées“, но встрѣтила отпоръ въ болѣе трезвыхъ кружкахъ, такъ что предполагаемая подписка не имѣла успѣха. Г-жа Аданъ бывала въ Россіи и имѣетъ знакомства и связи въ русскомъ обществѣ; она имѣла бы полную возможность обставить русскій отдѣлъ журнала болѣе приличнымъ образомъ, и поэтому предположеніе объ ея закулисомъ участіи въ „Revue de Paris et de St.-Petersbourg“ кажется мало-правдоподобнымъ. Во всякомъ случаѣ, вѣмъ бы ни затѣяно изданіе, оно могло легко заручиться содѣйствіемъ компетентныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ Россією, съ ея литературою и жизнью;—такихъ сотрудниковъ очень не трудно было бы найти въ самомъ Парижѣ. Это какъ будто намѣренное уклоненіе отъ самыхъ элементарныхъ заботъ о точности сообщаемыхъ свѣденій, эта крайняя беззаботность насчетъ исторіи и литературы государства, къ которому чувствуются неодолимыя симпатіи, и наконецъ эта рѣшимость просвѣщать читателей какими-то обрывками смутныхъ фразъ и перепутанныхъ фактовъ, — все это черты чисто-французскаго легкомыслія, преобладающаго почти исключительно въ журналистикѣ и въ политикѣ. Въ другихъ сферахъ дѣятельности французы—народъ необычайно практическій, дѣловитый и расчетливый; они легче становятся фантазерами тамъ, гдѣ это не приноситъ непосредственнаго матеріальнаго ущерба.

Нельзя не замѣтить еще, что способъ сближенія Парижа съ Петербургомъ, усвоенный новымъ журналомъ, грѣшитъ явною нелогичностью. Если Франція находится теперь въ періодѣ упадка, если ея республика никуда не годится, и если, напротивъ, Россія процвѣтаетъ во всѣхъ отношеніяхъ, то съ какой стати предлагаютъ намъ всту-

вить въ союзъ съ французами въ настоящее время? Съ точки зрѣнія „Revue“, этотъ союзъ можетъ быть только вреденъ для здороваго россійскаго государства, спокойно пользующагося своими великими преимуществами передъ Франціею. Орлеанисты, заправляющіе журналомъ, не договариваютъ прямо своей мысли; они желали бы дать понять, что среди общаго разложенія и упадка сохранились еще образцы нравственной чистоты и спасительной жизненной энергіи, въ лицѣ орлеанскихъ принцевъ и ихъ приверженцевъ. Такъ какъ претенденты никакихъ выдающихся качествъ не выказали и болъшую часть жизни провели въ чужихъ краяхъ, то способность ихъ къ перевоспитанію французской націи есть чистѣйшая фантазія, на которой немислимо строить какіе-либо международно-политическіе проекты. Прежде чѣмъ пропагандировать идею союза съ Россіею, редація должна была бы выяснитъ себѣ, при какомъ французскомъ режимѣ желательное заключеніе этого союза — при нынѣшнемъ ли республиканскомъ, или при какомъ-либо другомъ, монархическомъ. Если нужно еще ждать пришествія Орлеановъ, — которое можетъ и не состояться на дѣлѣ, — то слѣдовало бы отложить разговоры объ „альянсахъ“, и самый журналъ долженъ бы быть названъ какъ-нибудь иначе, а не „Revue de Paris et de St.-Pétersbourg“.

Въ сущности, новѣйшія французскія сочувствія къ Россіи не производятъ впечатлѣнія чего-то серьезнаго, и чаще вызываютъ улыбку; они столь же поверхностны и мимолетны, какъ былъ неискренъ и поверхностенъ внезапный приливъ симпатій къ французской „республикѣ“ со стороны нашихъ газетныхъ „реакціонеровъ“. Модное нынѣ руссофильство республиканцевъ можетъ оказаться преходящимъ и эфемернымъ; оно можетъ улетучиться быстро подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, подобно тому какъ радикализмъ исчезаетъ въ погонѣ за „Кокардой“, органомъ генерала Буланжé.—Л. С.

Парижъ, 28-го (11-го) марта.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го апрѣля, 1888.

— *Жизнь и труды М. П. Погодина*. Николая Барсукова. Книга первая. Изданіе А. Д. и П. Д. Погодинныхъ. Спб. 1888.

Погодинъ такъ долго дѣйствовалъ въ литературѣ, такъ много работалъ по русской исторіи, занималъ нѣкогда такое оригинальное мѣсто въ нашей журналистикѣ и вообще игралъ такую своеобразную роль въ нашей общественности, что обстоятельная біографія его обѣщаетъ быть весьма интересной. Передъ нами начало, повидимому, весьма обширнаго труда: изъ долгой жизни Погодина (1800—1875) въ вышедшей теперъ книгѣ описано только время его первой молодости—до 1826 года. Біографъ имѣлъ въ распоряженіи чрезвычайно обильный матеріалъ: въ силу формальнаго условія, заключеннаго г. Барсуковымъ со вдовой Погодина (нынѣ также покойной), въ его распоряженіе предоставлены были всѣ бумаги Погодина, переданныя послѣ его смерти въ Московскій Публичный и Румянцовскій Музей, а именно, его дневники, переписка, автографы нѣсколькихъ сочиненій и пр.; массу біографическаго матеріала авторъ извлечетъ, конечно, изъ печатныхъ источниковъ, которыми онъ владѣетъ сполна. Бумаги, поступившія въ распоряженіе біографа, онъ называетъ „громаднымъ Погодинскимъ Архивомъ, обнимающимъ собою три четверти XIX-го столѣтія“, и главное въ этомъ архивѣ есть, во-первыхъ, обширная автобіографическая записка и, во-вторыхъ, дневникъ, весьма подробно веденный Погодинымъ еще съ 1820-хъ годовъ. Обширныя извлеченія изъ этого дневника сдѣланы г. Барсуковымъ уже въ этой первой книгѣ жизнеописанія: дневникъ, веденный почти безъ пропусковъ, составляетъ, разумѣется, драгоцѣнный матеріалъ и чрезвычайно облегчаетъ работу біографа, который такимъ образомъ постоянно имѣетъ передъ глазами своего героя и не имѣетъ сомнѣній ни о внѣшнемъ теченіи его жизни, ни о внутреннемъ ходѣ его развитія.

Въ данномъ случаѣ въ особенности, — потому что Погодинъ заносилъ въ свой дневникъ не только внѣшнія обстоятельства своей жизни, но и свои размышленія, изліянія своего чувства, свои житейскіе планы и мечты: человекъ живого, подвижнаго характера, очень дѣятельный, онъ оставилъ въ своемъ дневникѣ множество данныхъ этого рода, которыя даютъ возможность біографу рассказывать до мельчайшихъ подробностей событія его жизни.

Въ составленіи біографіи большую важность имѣетъ отношеніе самого біографа къ предмету его разсказа: чѣмъ больше это отношеніе одушевлено сочувствіемъ, тѣмъ больше можно ожидать, что въ жизнеописаніи рельефно отразятся особенности описываемаго лица; не бѣда, если біографія подобнаго рода впадетъ иногда въ панегирикъ: — если только не будутъ умалчиваться факты, она представитъ дѣятельность историческаго лица въ томъ самомъ свѣтѣ, въ какомъ она представлялась ему самому, и такимъ образомъ ярче будутъ выдаваться свойства и понятія лица, какъ съ другой стороны для критики тѣмъ замѣтнѣе будутъ отрицательныя черты, оборотная сторона медали. Погодинъ еще памятенъ въ настоящее время: это былъ характеръ сложный и во многомъ былъ, что называется, человекомъ стараго вѣка; его дѣятельность составляла издавна вопросъ спорный. Авторъ настоящей книги относится къ ея объекту съ великимъ сочувствіемъ, вполне раздѣляетъ то настроеніе, какое отличало его героя, и біографія, вѣроятно, съ точностью изобразитъ его идеи. Къ своей задачѣ біографъ приступаетъ не только съ запросами историка литературы, но и съ одушевленіемъ патріота. „Отъ дней моей юности, — говоритъ г. Барсуковъ въ первыхъ строкахъ предисловія, — три мужа, достопамятныя въ лѣтописяхъ русской исторіи, наполнили мою душу и вызывали въ моемъ сердцѣ неударжимое желаніе начертать ихъ жизнеописанія, въ поученіе и разумъ грядущимъ поколѣніямъ“. Эти три мужа были: митрополитъ Филаретъ, „болѣе чѣмъ за полвѣка руководитель религіозной жизни и мысли Россіи и всего православнаго Востока“; князь П. А. Вяземскій, „поэтъ дышущій глубиною чувства и блистающій красотою слова, тонкій мыслитель, прозорливый политикъ, освѣщавшій событія въ ихъ неотразимомъ значеніи для будущаго и, по признанію Гоголя, обладавшій всѣми качествами, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокой историкъ въ значеніи высшемъ“ (?), и наконецъ П. М. Строевъ, положившій труды всей жизни на собраніе памятниковъ нашей древней письменности. „Завѣтная мечта моя, — продолжаетъ г. Барсуковъ, — осуществилась только отчасти: мнѣ удалось представить очеркъ жизни и трудовъ П. М. Строева, ... митрополитъ же Филаретъ и князь Вяземскій остались для меня неприступными идеалами. Зато, какъ бы

въ вознагражденіе за мое доброе, но дерзновенное стремленіе, мнѣ выпала счастливая жребій напомнить соотечественникамъ о жизни и трудахъ М. П. Погодина“.

Въ посвященіи имп. Александру II своей „Древней Русской исторіи до монгольскаго ига“, 1871, Погодинъ говорилъ, что ведетъ свой родъ отъ крѣпостного крестьянства; но отецъ его уже вышелъ изъ крестьянскаго круга. Село, откуда Погодины были родомъ, принадлежало графу П. Г. Чернышову, потомъ за его дочерью перешло къ гр. И. П. Салтыкову, и отецъ Погодина занимался „по письменной части“ въ конторѣ помѣщика, а потомъ управлялъ въ Москвѣ его домами и вотчинной конторой. Въ 1806, сынъ Салтыкова, П. И., за усердную службу Погодина-отца отпустилъ его на волю съ женою и дѣтьми; впослѣдствіи Петръ Моисеевичъ Погодинъ занимался управленіемъ домами и помѣщичьими имѣніями и имѣлъ достатокъ. Такимъ образомъ Погодинъ уже съ дѣтства жилъ въ условіяхъ людей средняго круга, и между знакомыми отца онъ находилъ людей съ извѣстнымъ образованіемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ пищу для рано развившагося интереса къ чтенію и образованію. Послѣ домашняго ученья, которымъ повидимому воспользовался хорошо, Погодинъ поступилъ въ гимназію, потомъ въ университетъ. Счастливыя случаи привели его въ качествѣ домашняго учителя въ домъ князей Трубецкихъ, гдѣ въ молодомъ поколѣніи, особливо женскомъ, онъ встрѣтилъ большое сочувствіе и живые умственные интересы; въ его товарищескомъ кругу нашлось нѣсколько даровитыхъ, мыслящихъ или трудолюбивыхъ людей, бесѣды и споры съ которыми содѣйствовали образованію его научныхъ понятій, литературныхъ вкусовъ и общественныхъ взглядовъ; между этими молодыми людьми былъ, напри- мѣръ, знаменитый впослѣдствіи О. И. Тютчевъ, извѣстный потомъ ученый Кубаревъ и др. Въ то же время Погодинъ завязываетъ отношенія въ московскомъ литературномъ кружкѣ, выбираетъ себѣ ученую карьеру и пишетъ свою магистерскую диссертацию. Вотъ объемъ біографіи, изложенной въ первой книгѣ сочиненія г. Барсукова.

Какъ мы сказали, біографъ исполненъ сочувствія къ своему герою и вполне раздѣляетъ тотъ взглядъ на вещи, которымъ Погодинъ отличался впослѣдствіи: г. Барсуковъ вообще—поклонникъ добрыхъ старыхъ временъ, врагъ всякаго вольнодумства и разныхъ новѣйшихъ затѣй этого послѣдняго рода; въ старину-моль люди жили проще, были благочестивѣе, не задавались либеральными выдумками; авторъ не пропускаетъ случая вольнуть новѣйшее время и противопоставить ему преимущества благочестивой старины, которая иногда въ его разсказѣ, какъ бывало въ воспоминаніяхъ самого Погодина, получаетъ даже нѣсколько идиллическую окраску. Противъ этого вкуса

можно было бы ничего не имѣть, еслибы это изображеніе старины осталось вѣрно дѣйствительности, но къ сожалѣнію при этомъ получается всего чаще прикрашиваніе старины, и факты, ему не отвѣчающіе, или обходятся молчаніемъ, или рисуются не въ надлежащемъ свѣтѣ. Мы опасаемся, что можетъ нѣчто подобное произойти въ жизнеописаніи Погодина. Напримѣръ, авторъ біографіи склоненъ рисовать появленіе либеральныхъ идей въ русскомъ обществѣ какъ нашествіе „духа тьмы“, и для изображенія его пользуется даже словами одного тогдашняго „такъ называемаго“ (по словамъ автора) обскуранта: подразумѣвается само собою, что этотъ духъ тьмы не имѣетъ ничего общаго съ истинно русскими началами благочестиваго консерватизма. Но какъ объяснить, что этотъ духъ, между прочимъ, захватилъ въ тѣ годы и самого героя біографіи, хотя онъ по рожденію вышелъ изъ самой народной среды, въ воспитаніи окруженъ былъ примѣрами стариннаго благомыслія, былъ самъ человѣкъ благочестивый, уважавшій начальство, и пр.? Консервативнымъ историкамъ представляется вообще, что новыя направленія общественной жизни и литературы, отступающія отъ началъ добраго стараго времени и стремящіяся къ либеральнымъ новизнамъ, бывають только прискорбнымъ легкомысліемъ, которое беретъ дурные примѣры въ чужой средѣ, не имѣющей съ нами ничего общаго, и наконецъ переходитъ въ злонамѣренность. Въ такомъ родѣ представляются и нашему автору либеральныя времена двадцатыхъ годовъ: г. Барсуковъ не умалчиваетъ, что и его герой не остался свободенъ отъ мнѣній этого либерализма. Намъ кажется, онъ все-таки не даетъ этому должнаго объясненія. Погодинъ искони былъ страстный патріотъ; онъ съ дѣтства зачитывался патріотическими книжками, изображавшими „величіе Россіянъ“; во время наполеоновскихъ войнъ зачитывался ультрапатріотическимъ „Русскимъ Вѣстникомъ“ Глинки; еще до появленія „Исторіи государства Россійскаго“ былъ величайшимъ поклонникомъ Карамзина; но его молодость не прошла безъ своего рода „бурныхъ стремленій“. Погодинъ развился вообще весьма рано, множество читалъ, еще юношей строилъ самыя широкія литературныя планы; въ его чтеніе входили самыя разнообразныя предметы—поэзія и философія, исторія и мистика; его тревожили вопросы религіозныя, политическіе, между послѣдними и русскіе. Основа его мнѣній въ концѣ концовъ была самая консервативная; въ практической жизни онъ руководился обычными правилами житейскаго благоразумія и вообще весьма успѣшно устраивалъ свои дѣла; но критическая мысль все-таки работала, и въ тогдашнихъ его мнѣніяхъ, записанныхъ въ его дневникѣ, отражалось многое изъ того самаго либерализма 20-хъ годовъ, который осуждали потомъ и онъ самъ, и его біографъ. Эти

мнѣнія не лишены интереса: „Екатерина не великая,—писалъ онъ въ это время,—а очень средняя... Она имѣла нужду въ дворянствѣ, въ его поддержаніи. Она дышала дворянствомъ и за это дала ему все. Она жила не для потомства, для себя единственно“. Но потомъ самъ Погодинъ спрашиваетъ: „Отчего при ней было много хорошаго? Дѣлая что угодно изъ 30 милліоновъ русскихъ головъ, чего нельзя сдѣлать! Притомъ, всѣ отличныя событія ея царствованія что имѣли причину? Горестно, очень горестно размышлять, что многое знаменитое, великое въ здѣшнемъ мѣрѣ дѣлается или по случаю, или отъ причинъ низкихъ. Она была очень, очень умна, но и много пятенъ на себѣ оставила. Карамзинъ! Зачѣмъ ты написалъ ей похвальное слово?“ (стр. 82). У Погодина нашлись и еще болѣе суровыя осужденія противъ Карамзина, передъ которымъ онъ послѣ такъ безусловно преклонялся. Біографъ, упоминая о томъ, какъ либералы двадцатыхъ годовъ оспаривали теорію Карамзина, пользуется извѣстными отзывами князя П. А. Вяземскаго въ статьѣ, принадлежащей не къ лучшимъ произведеніямъ этого писателя. По статьѣ кн. Вяземскаго (выписки изъ нея у г. Барсукова, стр. 79), выходило, что оспаривать мнѣнія Карамзина, значило подкапываться подъ самыя основы русскаго государства,—и къ удивленію оказывается, что въ этихъ подкочкахъ участвовалъ, хотя не печатно, но письменно, самъ Погодинъ! Вотъ, на примѣръ, что онъ писалъ въ своемъ дневникѣ въ январѣ 1821 года: „Думаю о сочиненіи обзорѣнія Россійской Исторіи. Я кончу его только Петромъ. Хвалить Александра грѣшно. Мѣсто Екатерины также не совсѣмъ назначено. Мнѣ и на Карамзина мочи нѣтъ досадно за подносительное письмо къ государю. Неужели онъ не могъ выдумать съ приличіемъ ничего такого, въ чемъ бы не видно было такой грубой, подлой лести? Этому я ему не прощаю. Притомъ, кромѣ лести, связано съ цѣлымъ очень дурно“. Хотя бы Погодинъ впослѣдствіи совершенно измѣнилъ свои мнѣнія, то обстоятельство, что въ 1821 году онъ написалъ, однако, эти строки, могло бы побудить біографа взглянуть проще на дѣло и постараться объяснить его: Погодинъ не принадлежалъ вовсе къ тѣмъ „либералистамъ“, которыхъ нѣкогда такъ строго судилъ Карамзинъ, потомъ князь Вяземскій, а нынѣ г. Барсуковъ; напротивъ, Погодинъ воспитывался въ самыхъ консервативныхъ преданіяхъ, въ тѣ годы да и послѣ съ ненавистью говорилъ о французскомъ воспитаніи въ барскомъ кругу (напр., въ дневникѣ 1821 года: „Поважите вы, подлая, низкія души, вы, глупыя обезьяны, французы въ русской кожѣ! поважите мнѣ исторію другого народа, которая бы сравнялась съ исторіею нашего народа, языкомъ котораго вы стыдитесь говорить, подлецы!“); около этого же времени онъ съ большимъ почтеніемъ говоритъ о „великомъ Николаѣ Михай-

ловичъ“, мечтаетъ о переводѣ русской исторіи Шлёцера, который желалъ преподнести Карамзину и боялся только, чтобы Карамзинъ не умеръ до того времени; наконецъ, въ юности неизмѣнно былъ убѣжденъ, что „монархическое самодержавное правленіе есть самое лучшее для Россіи“ (стр. 68),—и если при всемъ томъ онъ приходилъ къ упомянутымъ сейчасъ мнѣніямъ, надо думать, что для нихъ было основаніе не въ одномъ капризѣ и легкомысліи, но и въ существѣ дѣла, въ настроеніи значительной части общества. Позднѣйшіе панегирики самого Погодина не устраняютъ зерна правды, какое было въ его тогдашнихъ взглядахъ. Г. Барсуковъ полагаетъ, что эти „увлеченія“ онъ достаточно объяснить цитатой изъ апостола Павла о заблужденіяхъ „младенчества“; но трудно назвать младенцемъ парня въ 25 лѣтъ, который притомъ говоритъ съ извѣстными аргументами въ рукахъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Барсуковъ ссылается, какъ мы видѣли, на „духа тьмы“; но позволительно сомнѣваться, чтобы историческая наука считала достаточнымъ указаніе на этого дѣятеля. Между тѣмъ мысли Погодина въ двадцатыхъ годахъ даютъ весьма характерныя черты настроенія того времени, котораго были отраженіемъ.

Относительно приведеннаго выше отзыва Погодина о временахъ императрицы Екатерины, который кажется біографу только „безразсуднымъ, анти-историческимъ увлеченіемъ молодыхъ мыслителей александровскаго времени“, г. Барсуковъ считаетъ возможнымъ опровергать его свидѣтельствомъ „простыхъ, некнижныхъ людей“, жившихъ въ царствованіе Екатерины и прославлявшихъ его: старикамъ свойственно считать лучшимъ время, когда они сами были молоды,—Погодинъ записалъ въ дневникѣ слова одного такого старика, что времена императрицы Екатерины были очень хороши (для кого?), и г. Барсуковъ полагаетъ (мы думаемъ, неосновательно), что „это свидѣтельство самымъ блистательнымъ образомъ обличаетъ всю лживость подобныхъ увлеченій“ (стр. 82—83).

Съ фактической стороны біографія обработана весьма старательно, но авторъ совершенно напрасно вмѣшиваетъ въ нее полемическій элементъ: если уже онъ непременно хотѣлъ изложить свои мысли о тѣхъ или другихъ общественныхъ и политическихъ предметахъ, пусть бы онъ лучше изложилъ ихъ особо и не вмѣшалъ въ біографію постороннихъ обличеній, которыя притомъ мѣшаютъ иногда точному освѣщенію самыхъ фактовъ. Намъ кажется также, что авторъ дѣлаетъ слишкомъ много отступленій въ исторію времени, не имѣющую прямого отношенія къ его герою: изъ этой исторіи въ біографіи умѣстно только необходимое, иначе она можетъ растянуться сверхъ мѣры. Это можно было бы замѣтить и относительно извлеченій

изъ дневника: въ данномъ случаѣ біографу посчастливилось встрѣтить обширный матеріаль въ дневникѣ самого изображаемаго лица, но какъ ни важень подобный матеріаль, задача біографа не есть повтореніе этого дневника: въ выпискахъ дѣйствительно не мало однообразнаго и мелочнаго, что могло бы быть изложено болѣе сжато. Наконецъ, есть не мало ошибокъ типографскихъ, особливо въ именахъ иностранныхъ писателей. Напр., стр. 37 „Исторія Шренка“, читай: Шрека; стр. 53 названы знаменитые нѣкогда классическіе филологи — „Грановій, Руинень, Драконбургій“, читай: Гроновій, Рункенъ, Дракенбургій (не думаемъ, чтобы самъ Погодинъ невѣрно писалъ эти имена); стр. 81 „Домбровскій“ вм. Добровскій; стр. 120 „Штеллингъ“ вм. Штилингъ и т. д.—А. П.

— *Н. В. Ремезовъ*. Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Быль въ сказочной странѣ. Москва, 1887.

У насъ, русскихъ, сильно развита способность забывать—забывать и то, что не мѣшало бы навсегда удержатъ въ памяти. Лѣтъ семь тому назадъ надѣлали много шума такъ-называемыя уфимскія „гищенія“—но теперь едва сохранилось воспоминаніе о нихъ, и подробная ихъ исторія остается ненаписанною. А между тѣмъ она могла бы представить много поучительнаго, много характеристичнаго для нашего общественнаго и административнаго строя. Очерки г. Ремезова ея не замѣняютъ, имъ недостаетъ законченности, послѣдовательности и полноты; но они заключаютъ въ себѣ массу драгоценнаго матеріала, которымъ можетъ воспользоваться будущій историкъ. Главное ихъ достоинство — безусловная откровенность; всѣ дѣйствующія лица названы по имени, мѣсто и время дѣйствія обозначено съ величайшею точностію, рассказъ построенъ, болѣею частью, на документальныхъ доказательствахъ. Пожалѣть можно только о томъ, что одна сторона картины—*скупка* башкирскихъ земель—обратила на себя вниманіе автора въ гораздо болѣею степени, чѣмъ другая—*раздача* земли. Поразительна, во всякомъ случаѣ, распространенность зла, изображаемаго авторомъ. Между „приобрѣтателями“ земель встрѣчаются лица всѣхъ сословій, всѣхъ общественныхъ положеній, начиная съ дочери генераль-губернатора, предсѣдателя губернской земской управы, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдательницы дамскаго отдѣленія уфимскаго комитета о бѣдныхъ — и оканчивая крестьянами и купцами, уфимскими „Колупаевыми и Деруновыми“. Потворствуетъ „приобрѣтенію“ полиція, потворствуютъ мировые по-

средники, потворствуетъ (сначала) и губернская администрація; недостаточно, повидимому, противодѣйствуетъ ему и судъ, въ уфимской губерніи еще не вполне преобразованный. Благодаря сенаторской ревизіи 1880—81 г., самыя явныя злоупотребленія прекратились, раздачѣ и скупкѣ башкирскихъ земель положенъ предѣлъ; но сдѣланное раньше осталось, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, неисправленнымъ и неунитоженнымъ. „Участвовавъ ранѣе въ сенаторской ревизіи,—читаемъ мы у г. Ремезова,—губернаторъ Щепкинъ началъ-было направлять дѣла о покункѣ башкирскихъ земель на законную и справедливую почву, *но это не понравилось дворянству, изъ котораго вмятельные суть скутцики*, и вотъ, на него (т.-е. на губернатора) составляется петиція, а доносовъ, и анонимныхъ, и подписанныхъ, и коллективныхъ, посылалось безъ числа. Результатъ всего этого былъ тотъ, что Щепкина убрали“... Замѣчательно, что въ самый разгаръ „хищенія“ ни къ чему не приводили даже мѣры, направленные къ восстановленію нарушеннаго права. Такъ напри- мѣръ, сенатъ отмѣнилъ однажды цѣлый рядъ неправильныхъ сдѣлокъ и предписалъ обратитъ землю, отобранную отъ покупателей, отчасти на прирѣзку къ надѣламъ припущенниковъ (т.-е. крестьянъ, поселившихся на башкирской землѣ), отчасти на увеличеніе свободныхъ земельныхъ запасовъ. „Такъ и сдѣлали“, говоритъ г. Ремезовъ: „запасы отмежевали,—а потомъ ихъ и роздали на льготныхъ условіяхъ разнымъ генераламъ, которые теперь втридорога перепродаютъ ихъ переселенцамъ“... Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

— *Пора намъ разобратъся.* Голосъ изъ провинціи по поводу проекта реформы мѣстнаго управленія. Записки Съверянина. Часть первая. С.-Петербургъ, 1888.

Въ одномъ изъ прошлогоднихъ Внутреннихъ Обозрѣній нашего журнала (№ 12) говорилось объ обилии „проектовъ“, идущихъ изъ среды поклонниковъ прошедшаго и напоминающихъ какъ нельзя больше щедринскій „Дневникъ провинціала въ Петербургѣ“. Эти „проекты“ имѣютъ одну хорошую сторону: узкостью взглядовъ, эгоистичностью требованій, неумѣлостью аргументаціи они наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ бѣдны и жалки умственные и нравственные силы, которыми располагаетъ у насъ партія регресса. Въ брошюрѣ, длинное заглавіе которой выписано нами выше, ко всѣмъ этимъ чертамъ присоединяется еще удивительная безграмотность, съ которою мы привыкли встрѣчаться развѣ на страницахъ „Гражданина“. Литературнымъ талантомъ не блещутъ и другіе реакціонные

„проекты“, нѣкоторые изъ нихъ,—напр. „Дворянское дѣло“ г. Башкарова — даже поражаютъ его отсутствіемъ; но пальма первенства все-таки принадлежитъ, въ этомъ отношеніи, г. Сѣверянину. Вотъ образцы его языка и слога: „принципы *обезжизнѣютъ*“... „это замѣчаніе не имѣетъ подъ собою никакихъ основаній, кромѣ навѣянныхъ“... „все будетъ отнесено въ высшихъ инстанціяхъ въ параллель невѣроятности къ неопытности, къ ошибкамъ“... „Когда припомнишь монгольское иго, междоусобицу 1612 г. и нашествіе Европы въ 1812 г., наконецъ, что *цѣлыя государства вырочены на нашей гряди и перенесены на нашия плечахъ на берегъ спасенія чрезъ пропасть*, открывавшуюся передъ ними много разъ въ разныхъ видахъ, если послѣ всѣхъ этихъ потрясеній остались мы живы, здоровы, то становится понятнымъ, какъ и почему мы живы и послѣ нашествія на насъ разныхъ доктринъ въ эпоху реформъ“. Подчеркнутыя нами слова указываютъ на то, что съ безграмотностью совмѣстима и крайняя претенціозность. Дѣйствительно, мы находимъ у автора и „зарницу спасенія“, и „безопасное броженіе общества“ (бываетъ, значитъ, броженіе при помощи компаса?), и „мѣрило, созданное западно-европейскимъ отбросомъ“ (?), и мировой сѣздъ, „подвѣшенный къ снату на академическую нитку“, — находимъ и сравненія, по истинѣ единственныя въ своемъ родѣ: „Священникъ освобождаетъ душу отъ житейской тяготы и нравственныхъ путей, а участковый (начальникъ) освобождаетъ тѣло отъ житейскихъ путей, касающихся и права, и крова, и питанія, безъ которыхъ не въ чемъ было бы держаться душѣ, питаемой церковью“... Тотъ же *начальникъ* „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ виду безпомощнаго положенія массы, будетъ представлять собою въ глазахъ ея своего рода повивальную бабу въ разныхъ назрѣвшихъ жизненныхъ вопросахъ!“... Иногда авторъ пишетъ такъ, что его невозможно понять безъ комментариевъ. Что значитъ, наприкладъ, такая фраза: „введеніе новаго элемента въ среду помѣстныхъ дворянъ содѣйствовало бы парализованію семейно-дворянскихъ традицій, доходившихъ иногда до халатности, *хотя нынѣ уже дворянство само собою устраняетъ эти добрыя отношенія, руководствуясь чувствомъ дома*“?... Само собою разумѣется, что когда авторъ, *такъ мыслящій и такъ пишущій*, принимается восхвалять проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, то читателямъ остается только припомнить басню о пустынноикѣ и медвѣдѣ—или воскликнуть: „не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ!“ Чтобы составить себѣ понятіе о силѣ доводовъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу проектируемой реформы, достаточно имѣть въ виду, что соединеніе властей онъ защищаетъ ссылкой на семейные порядки и сравненіемъ участка въ 10—15 тысячъ жителей съ „полу-патріархальной семьей, живущей въ

разныхъ углахъ унаслѣдованнаго отъ предковъ большого дома¹. Собственное измышленіе автора брошюры—это приходскія попечительства, съ „старшиной-судей“ во главѣ. Этотъ „старшина-судья“ разбираетъ и рѣшаетъ „всѣ мелкія недоразумѣнія и неладиды, семейныя (!) и другія, а также принимаетъ мѣры исправительныя по отношенію къ порочнымъ членамъ общества“... Замѣчательно, что даже сочинитель подобныхъ плановъ чувствуетъ неловкость отдачи мѣстнаго управленія *всецѣло* въ руки дворянъ и предлагаетъ, чтобы на каждаго четырехъ земскихъ начальниковъ приходилось по одному, назначенному (все-таки по представленію предводителя дворянства) „изъ другихъ званій образованныхъ людей“.

— *Михаилъ Харузинъ*, „Балтійская конституція“. Историко-юридическій очеркъ. Москва, 1888.

Выше, въ Внутреннемъ Обзорѣніи, наши читатели найдутъ разборъ одной изъ реформъ, предпринимаемыхъ правительствомъ по отношенію къ остзейскому краю—разборъ, остаивающійся исключительно на правитичности и цѣлесообразности преобразования. Юридическая правомѣрность реформъ предполагается, при этомъ, несомнѣнной, въ такой же точно степени и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и правомѣрность всякаго другого, въ установленномъ порядкѣ совершаемаго законодательнаго акта. Не такъ смотритъ на дѣло часть заграничной нѣмецкой печати, выражающая, по всей вѣроятности, мнѣніе не особенно многочисленной, но вліятельной группы прибалтійскаго населенія. Здѣсь выставляется теорія договора, заключеннаго, будто бы, между русскимъ правительствомъ и балтійскими провинціями, въ самый моментъ присоединенія ихъ къ Россіи, и подлежащаго измѣненію не иначе, какъ съ согласія обѣихъ договорившихся сторонъ. Противъ этой теоріи и направлена брошюра г. Харузина. Онъ доказываетъ, прежде всего, что даже при существованіи договора нарушение его со стороны правительства оправдывалось бы: 1) государственною необходимостью, 2) ошибкою, допущенною въ моментъ совершенія договора (напр. относительно національности жителей, которые въ началѣ XVIII-го вѣка сплошь почитались нѣмцами) и 3) наступленіемъ условія, предусмотрѣннаго въ самомъ договорѣ. Такими условіями слѣдуетъ признать оговорки, сдѣланныя въ жалованныхъ грамотахъ Петра Великаго и Екатерины Первой: „однако же Наше и Нашихъ государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда“ и „елико оныя, (т.-е. права и привилегіи) къ нынѣшнему правительству и времени

приличаются“. На самомъ дѣлѣ, однако, никакого *договора* между русскимъ царемъ и балтійскими провинціями заключено не было, и всѣ привилегіи, предоставленны провинціямъ, были даны *односторонними актами* верховной власти. Это основное положеніе г. Харузинъ подтверждаетъ слѣдующими доводами: 1) при сдачѣ городовъ (Риги, Ревеля и др.) капитуляціи, опредѣлявшія условия сдачи, заключались русскими полководцами не съ уполномоченными отъ городовъ или отъ балтійскихъ провинцій, а съ шведскими генералами; 2) мирный договоръ, по которому Швеція уступила Россіи Лифляндію и Эстляндію, не возлагалъ на Россію никакихъ *обязательствъ*, а констатировалъ только ея *объщанія*—объщанія „содержать“ привилегіи, существовавшія при шведскомъ управленіи; 3) о предоставленіи привилегій остзейскіе чины всегда только *просили*, и ихъ просьбы исполнялись правительствомъ по свободной, доброй его волѣ; 4) еслибы договоръ существовалъ, то не было бы никакой надобности подтверждать его при началѣ каждаго новаго царствованія, а между тѣмъ остзейцы о томъ усердно каждый разъ хлопотали; 5) обоюднo-обязательный договоръ могъ быть заключенъ русскимъ правительствомъ только съ законными представителями провинцій—а такихъ представителей у провинцій не было, потому что онѣ никогда не имѣли ничего похожаго на конституціонное устройство. Въ заключеніе авторъ указываетъ на то, что обстоятельства, заставлявшія Петра и его преемниковъ хранить неприкосновенность балтійскихъ (т.-е. по преимуществу нѣмецко-дворянскихъ) привилегій, существенно измѣнились и что дальнѣйшее поддержаніе status quo было бы величайшимъ анахронизмомъ, величайшею несправедливостью по отношенію къ массѣ населенія остзейскаго края.

Аргументація г. Харузина страдаетъ только, въ нашихъ глазахъ, избыткомъ усердія, выражающимся какъ въ недостаточной сдержанности формы, такъ и въ излишнемъ обиліи доказательствъ. Ни въ чемъ неведущими, напримѣръ, кажутся намъ разсужденія о государственной необходимости, какъ объ основаніи къ нарушенію договора. Въ данномъ случаѣ нѣтъ ни договора, ни „государственной необходимости“, которою оправдывались бы экстремныя мѣропріятія—нѣтъ, слѣдовательно, и надобности говорить о взаимномъ отношеніи обонихъ понятій. Рѣшительнымъ доводомъ въ пользу темы, защищаемой г. Харузинымъ, является, въ нашихъ глазахъ, отсутствіе второй договаривающейся стороны—т.-е. отсутствіе, въ моментъ присоединенія и во все послѣдующее время, такого органа или такихъ органовъ, которые могли бы считаться законнымъ или хотя бы естественнымъ представительствомъ провинцій. Дворянство и города испрашивали

привилегіи для себя, только для себя — а никакихъ договоровъ между правительствомъ и отдѣльнымъ сословіемъ заключаемо быть не можетъ. При такомъ положеніи дѣль *объщаніе* хранить привилегіи можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что онѣ не будутъ *нарушаемы*, пока онѣ не отмѣнены — но отнюдь не тотъ, чтобы онѣ не могли быть *отмѣняемы*, въ законодательномъ порядкѣ, когда наступитъ для того время. Въ наличности этого послѣдняго условія едва ли можно сомнѣваться; сословныя привилегіи не имѣютъ больше права на существованіе — и остается только желать, чтобы отрицательное отношеніе къ нимъ восторжествовало не только для остзейскаго края, но и для всей Россіи. — К. К.

— *Москва и Лондонъ*. Историческіе, общественные и экономическіе очерки и изслѣдованія. С. В. Иппо. Москва. 1888. Стр. 480. Цѣна 2 р.

„Многочисленное населеніе Индіи не расположено къ чопорнымъ выходкамъ изъ Лондона и другимъ соотечественникамъ Джона Буля и готово освободиться отъ его господства, еслибы это было осуществимо при помощи Россіи“, тѣмъ болѣе, что „русскій походъ въ Индію все болѣе и болѣе приближается къ развязкѣ, благодаря нашему лучшему пониманію и изученію этой страны съ военной и технической стороны“, и что „у англичанъ (по отношенію къ индійскому населенію) дѣло ведется не такъ дружественно, какъ у нашихъ Иванъ-Ивановичей“. Поэтому Москва, „выдержавшая сильные удары, нанесенные ей разными народами, вышедшими изъ глубины Индіи (?) и сосѣднихъ съ нею мѣстностей“, должна „въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться для Индіи тѣмъ, чѣмъ былъ для нея Лондонъ (*excusez du peu*)“, этотъ прямодушный и практичный врагъ, который откровенно сознается матушкѣ Москвѣ, что съ нею конкурировать не легко, такъ какъ у нея нѣтъ вредныхъ условій, вызываемыхъ существованіемъ „многоголовыхъ парламентовъ“; народъ ея имѣетъ много выдержки и энергіи, содержаніе рабочаго обходится очень дешево (не потому ли, какъ объяснилъ недавно ¹⁾ проф. И. И. Янжуль, что у насъ фабриканты довольно беззаботны по части школь, больницъ для рабочихъ, устройства потребительныхъ обществъ и т. п.?!), почему и „надо надѣть колодки на ея исполинскія ноги, чтобы удержать ее подалеже отъ береговъ Ганга“. Лучшее средство подготовиться къ этому будущему преобладанію — поднятіе и развитіе мо-

¹⁾ См. „Вѣсти. Европы“, 1888, февр., стр. 785: „Фабричный рабочій въ средней Россіи и царствѣ польскомъ“.

сковскаго мануфактурнаго производства (безъ улучшенія, конечно, экономическаго, умственнаго и нравственнаго быта рабочихъ!), которое дало бы намъ возможность завоевать Индію не только въ территориальномъ, но и въ экономическомъ отношеніи. А для поднятія этого производства, какъ вѣрнаго способа къ торжеству Москвы надъ Лондономъ во имя „the Moscow policy of Russia“ въ отличіе отъ „the Russian policy“—есть два очевидныхъ и несомнѣнно цѣлесообразныхъ средства: остановить анти-государственное возрожденіе Польши—и уничтожить черту еврейской осѣдлости. Польская промышленность, противопоставляя Москвѣ Лодзь, Варшаву и Сосновицы, способствуетъ такому возрожденію Польши, на которое она не имѣетъ права ни по своей географіи, ни по своей политической исторіи. Уничтоженіе черты еврейской осѣдлости приведетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ многомилліоннымъ населеніемъ западнаго края и царства польскаго—московскихъ мануфактуристовъ и производителей, и Польша должна будетъ, по всей справедливости, начать платить дань нашей московской промышленности за ту тишину и спокойствіе, которое наше правительство въ ней водворило.

Таковы выводы автора, проходящіе красною нитью посреди довольно живыхъ описаній Сити и цитатъ изъ изреченій англійскихъ государственныхъ людей, подкрѣпляемыхъ ссылками на докладную записку московскихъ купцовъ министру финансовъ и на мало кому вѣдомое сочиненіе г. Н. Градовскаго, котораго г. Иппо называетъ профессоромъ, очевидно смѣшивая съ извѣстнымъ ученымъ А. Д. Градовскимъ. Хитросплетеніе этихъ выводовъ говоритъ само за себя. Можно только замѣтить, что уничтоженіе исключительныхъ законовъ, ограничивающихъ гражданскія права евреевъ, будто бы составляющее задушевное желаніе обитателей Москвы, едва ли можетъ быть достигнуто аргументами, опирающимися на насильственное подавленіе промышленнаго развитія цѣлаго края, на обложеніе населенія этого края „данью въ пользу московскихъ мануфактуристовъ“ и на возбужденіе завоевательныхъ инстинктовъ въ обществѣ, у котораго и безъ того много дѣла по своему внутреннему благоустройству. Вопросъ о чертѣ еврейской осѣдлости есть вопросъ не только юридическій, но и экономическій. Книги, подобныя сочиненію г. Иппо—какъ бы искусно и занимательно ни былъ декорированъ въ нихъ этотъ вопросъ—не могутъ помочь его выясненію и разрѣшенію, оставляя лишь впечатлѣніе проповѣди эгоистическихъ мѣръ и шовинистскихъ вождедѣній. Составляя свою книгу, авторъ, очевидно, забылъ, что въ области печатнаго слова „флагъ не всегда прикрываетъ грузъ“... и „волчій зубъ“ можно узнать, какъ бы онъ ни прикрывался „лисьимъ хвостомъ“.

— *Исторія древняго міра*. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Магистра русской исторіи М. Тумасова. Спб. 1888, 310 стр., съ картою.

Надежды автора, что „знатоки дѣла съумѣютъ оцѣнить по достоинству приложенное къ его труду усердіе“, желаніе его „очерчивать лица и событія съ такою живостью, чтобы они казались учащемся какъ бы проходящими предъ его глазами“, и, изображая критическіе для народа моменты, „призывать къ себѣ на помощь самое могучее и изобразительное слово, которое и вообще должно быть выразительное и по возможности свободное отъ иноземнаго вліянія (?)“—остаются, конечно, въ области надеждъ и благихъ пожеланій. Учебникъ г. Тумасова не отличается ни „изобразительностью“ слова, ни новизною пріемовъ, ни оригинальностью взглядовъ на „памятники, оставленные людьми“, которые онъ подраздѣляетъ на преданія, вещественные памятники и письменные источники. Важнѣйшимъ изъ послѣднихъ онъ считаетъ священныя книги ветхаго заветъа, относя ихъ къ произведеніямъ древне-классической литературы (стр. 5) и въ то же время удостовѣряя, что „какъ изъ священнаго *преданія*, такъ и изъ *другихъ источниковъ* мы узнали, что первоначально люди жили въ раю, наслаждаясь полнымъ блаженствомъ (,) но потомъ (,) вслѣдствіе грѣхопаденія (,) были изгнаны изъ рая, подверглись разнымъ лишеніямъ“ и т. д. Впрочемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ предположеній, въ родѣ утвержденія, что Діогенъ „зимомъ босой бѣгалъ по снѣгу“, учебникъ этотъ даетъ сжатые и освобожденные отъ излишняго груза цифръ и именъ свѣденія, но все же „знатокамъ дѣла“ тутъ нечего и цѣнить.

— *Въ чужихъ краяхъ*. Путешествіе по Монголіи и Китаю. Съ рисунками И. Ф. Кудинова. Москва. 1887. Ц. 2 р. 50 к.

Оканчивая свое предисловіе, авторъ выражаетъ горячее сожалѣніе, что публика наша такъ мало обращаетъ вниманія на предисловія и почти совсѣмъ не читаетъ ихъ. Это сожалѣніе тѣмъ болѣе справедливо, что прочтеніе нѣкоторыхъ предисловій избавляло бы публику отъ дальнѣйшаго, совершенно безплоднаго труда чтенія самого сочиненія. „Во всякой книгѣ—говоритъ г. Кудиновъ—предисловіе есть первая вещь. Она служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія или оправданіемъ и отвѣтомъ на критику,—писалъ Лермонтовъ *передъ* „Герой нашего времени“. Во всемъ *этомъ* (?) звучитъ столько истины, что я невольно повторяю эти слова. И въ самомъ дѣлѣ, для кого мы пишемъ? Для публики, которая къ несчастію или не всегда понимаетъ наши слова, или требуетъ отъ насъ того, чего мы не въ состояніи ей дать... Необходимо

разъяснить публикѣ и критикѣ, въ чемъ дѣло. Что касается лично меня, то я скажу: господа, будьте хоть немного снисходительны и вѣжливы, не ищите въ моемъ сочиненіи плодовъ гениа; во мнѣ нѣтъ его, точно также какъ нѣтъ и *притензій* (?) учить васъ". Съ своей стороны, исполнивъ совѣтъ прочесть предисловіе, мы можемъ посовѣтовать не читать самой книги: кромѣ безсвязнаго и лишеннаго всякаго колорита описанія *чужихъ* краевъ, а также *родной* безграмотности—читатели не найдутъ въ ней ничего. На оборотѣ обложки напечатано, что право перевода книги на иностранныя языки авторъ удерживаетъ за собою. Нѣтъ ли тутъ „притензій“, не находящей себѣ оправданія въ содержаніи книги?—А. К.

Въ теченіе марта мѣсяца были доставлены въ редакцію слѣдующія новыя изданія книгъ и брошюрь:

Александренко, В. Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Т. I. Часть I. Отъ начала XIII ст. до смерти Генриха VIII. Спб. 1888. Стр. 338. Ц. 2 р. 50 коп.

Арсеньевъ, К. К. Критическіе этюды по русской литературѣ. Т. I и II. Спб. 1888. Стр. 350 и 357. Ц. 3 р.

Добролюбовъ, В. А. О положеніи каменноугольной промышленности донецкаго бассейна, и объ отношеніи къ ней ея руководителей и руководимыхъ. Ч. I. Спб. 1888. Стр. 224. Ц. 1 р. 70 к.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы химическаго изслѣдованія продуктовъ горно-заводскаго промысла въ пробирномъ дѣлѣ. Перев. К. Флуга. Спб. 1888. Стр. 198. Ц. 2 р.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. I. Спб. 1888. Стр. 344. Ц. 2 р. 50 к.

Бауриный, А. Добровольный флотъ и его задачи. Спб. 1888. Стр. 37. Ц. 40 к.

Бобылевъ, Д. Курсъ аналитической механики. II: Часть кинетическая. Вып. 1: Механика матеріальной точки. Спб. 1888. Стр. 304. Ц. 2 р. 50 к.

Брандесъ, Г. Иванъ Тургеневъ, характеристика. Перев. съ нѣм. Спб. 1888. Стр. 21. Ц. 15 к.

Бтловодскій, П. За правду. Изъ области сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной дѣятельности. Кіевъ. Стр. 33. Ц. 30 к.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ. Перев. С. Серебренниковъ. Спб. 1888. Стр. 141. Ц. 1 р. 50 к.

Венеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 9. Спб. 1888. Стр. 371—418.

Водозовъ, В. И. Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Спб. 1888. Стр. 512. Ц. 1 р. 50 к.

Гагеръ, Г. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ. Вып. 1. Перев. съ нѣм. и. р. В. Анрепа и А. Пеля. Спб. 1888. Стр. 160. Ц. 1 р.

Глазеръ, Юл. Руководство по уголовному процессу. Т. I (3 вып.). Перев. съ нѣм. А. Лихачева. Спб. 1884—86 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ильинъ, А. А. Сравнительныя таблицы русскихъ метрическихъ и английскихъ мѣръ: длины, поверхностей, объемовъ, вѣса, емкости. Спб. 1888. Стр. 23. Ц. 30 к.

Лейкинъ, Н. А. Сатиръ и Нимфа, или походженіе Трифона Иваныча и Акулины Степановны. Романъ. Спб. 1888. Стр. 463. Ц. 2 р.

Львовъ, И. М. О причинахъ женскихъ болѣзней. Публичн. лекція. Изданіе 2-е. Казань. 1888. Стр. 79. Ц. 30 к.

Манцони, А. Графъ Карманьола, трагедія. Перев. съ итал. Н. Соколова. Спб. 1888. Стр. 142. Ц. 1 р.

Мартиновскій, В. О дѣятельности педагогическаго совѣта тифлисской гимназіи. Тифлисъ. 1887. Стр. 13.

Мачтетъ, Гр. Силуэты. Новые повѣсти и рассказы. М. 1888. Стр. 503. Ц. 2 р.

Моревъ, Д. Д. Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи. Спб. 1888. Стр. 232. Ц. 1 р. 50 к.

Мронювѣцъ, Авг. Сравнительное вліяніе прѣсныхъ и друскенікскихъ минеральныхъ теплыхъ ваннъ на давленіе крови въ лучевой артеріи человѣка и на мышечную силу. Диссертація на степень доктора медицины. Спб. 1888. Стр. 54.

Панаевъ, Ипп. Голосъ равнодушнаго о томъ, что, одно, могло бы избавить человѣка отъ золь, имъ самимъ созданныхъ и создаваемыхъ. Спб. 1888. Стр. 50. Ц. 30 к.

— Еще о сознаниі, какъ условіи бытія. Спб. 1888. Стр. 51. Ц. 30 к.

— Спальня свѣтской женщины. Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ. Спб. 1888. Стр. 43. Ц. 25 к.

— Она будетъ счастлива. Эпизодъ изъ воспоминаній петербургской жизни. Спб. 1888. Стр. 57. Ц. 30 к.

Пихно, Д. И. Желѣзно-дорожные тарифы. Опытъ изслѣдованія дѣйствія желѣзно-дорожной перевозки. Кіевъ. 1888. Стр. 222. Ц. 3 р.

Половъ, М. Ф. Хлѣбъ. Харьковъ. 1888. Стр. 152.

Салиасъ, гр. Е. А. Искра Божья. Повѣсть. Второе юбилейное изданіе, съ портретомъ автора. М. 1888. Стр. 193. Ц. 2 р.

Семевскій, В. И. Василій Ивановичъ Водозовъ. Биограф. очеркъ. 1888. Стр. 169. Ц. 50 к.

Трантъ, П. Первые пособія при отравленіи, съ указаніемъ на противоядія. Спб. 1888. Стр. VIII.

Уманскій, А. Очерки золотопромышленности въ енисейской тайгѣ. Спб. 1888. Стр. 167. Ц. 1 р.

Фейнинъ, Л. А. Путеводитель по Крыму и справочная книга, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ календарныхъ свѣденій, росписаній жел. дорогъ и пароходовъ, подробной карты полуострова и планомъ Севастополя. Съ 10-ю рисунками мѣстностей Крыма. М. 1898. Стр. 146.

Харузинъ, М. Балтійская конституція. Историко-юридич. очеркъ. М. 1888. Стр. 70.

Янжулъ, И. Музей промышленныхъ образцовъ, ихъ организація и значеніе. Спб. 1888. Стр. 16.

— Иллюстрированный каталогъ XVI-й передвижной художественной выставки. Спб. 1888. Ц. 1 р.

— Кавказъ. Справочная книга, составленная старожиломъ. Вып. IV и V. Тифлисъ. 1888. Ц. 20 и 15 к.

— Наши водяные пути сообщенія и ихъ нужды. Киевъ. 1888. Стр. 73.

— Отчетъ о состояніи саратовской городской публичной библиотеки въ 1887. Саратовъ. 1888. Стр. 24.

— Рѣчи, читанныя въ соединенномъ засѣданіи Общ. Любит. Естествознанія и Москов. Матем. Общества, 20 дек. 1887 г., проф. Жуковскимъ, Столѣтовымъ, Пераскимъ и Цингеромъ: „Двухсотлѣтіе памяти Ньютона“ (1687—1887 гг.). М. 1888. Стр. 51. Ц. 50 к.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 64. Спб. 1888. Стр. 601. Ц. 3 р.

— Сенатскій Архивъ. I. Именные указы имп. Павла I. Спб. 1888. Стр. 746, съ указателемъ, 230 стр.

— Incident Daudet-Tourgueneff. Tous documents réunis, ou le juif Pawlowski exploitant un mort. Paris. 1888. Стр. 16. Ц. 30 сент.

НЕКРОЛОГЪ.

В. П. Гаевскій.

† 2-го марта 1888 г.

Въ предыдущей книгѣ журнала, вышедшей 1-го марта, появился рядъ литературныхъ замѣтокъ В. П. Гаевского, которыми дополнялись два его этюда о Пушкинѣ, только-что напечатанные въ декабрьской книгѣ прошедшаго года и январьской—нынѣшняго; а на слѣдующій день—2-го марта—его уже не стало: онъ скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, сведшей его въ могилу въ самомъ началѣ 63-го года жизни (род. въ Петербургѣ 22-го января 1826 г.). Въ 1881 г., въ ту эпоху, когда наша печать была переполнена воспоминаніями о Пушкинѣ, по поводу воздвигнутаго ему памятника въ Москвѣ, въ іюнѣ 1880 года, В. П. Гаевскій помѣстилъ въ нашемъ же журналѣ сообщенныя имъ восемь писемъ Пушкина къ Дельвигу (1823—30 г.) и два письма къ Н. Н. Раевскому о „Борисѣ Годуновѣ“ (январь и февраль 1881 г.), съ примѣчаніями и объясненіями. Такимъ образомъ, В. П. Гаевскій и кончилъ свои литературныя занятія возвращеніемъ къ изслѣдованію того же предмета, который его занялъ впервые, лѣтъ тридцать тому назадъ, въ началѣ 50-хъ годовъ, когда онъ помѣстилъ въ „Современникѣ“

(1854 г.) свои первые этюды о Дельвигѣ, не утратившіе своего значенія и въ настоящее время; эти этюды тогда же обратили вниманіе на себя, а помѣщеніе ихъ въ „Современникѣ“, незадолго основанномъ передъ тѣмъ (1847 г.), сблизило автора съ тѣмъ литературнымъ кругомъ, преданіямъ котораго онъ оставался потомъ вѣрнымъ до конца; если, отвлеченный другими теченіями общественной жизни, онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ судьбахъ литературы, то всегда симпатизировалъ ея извѣстному направленію, какое впервые могло сложиться только во второй половинѣ 50-хъ годовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда сохранялъ близкія личныя отношенія къ лучшимъ и выдающимся представителямъ этого направленія той эпохи. Въ ту же эпоху, конца 50-хъ годовъ, оживленія нашей литературы могло создаться и создано „общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, въ первый разъ выразившее стремленіе къ солидарности между людьми, посвящающими свой трудъ литературѣ и наукѣ, и имѣвшее нѣкогда своею цѣлью послужить вмѣстѣ центромъ для взаимнаго ихъ сближенія. В. П. Гаевскій не могъ не быть въ числѣ основателей такого общества (1859 г.), впоследствии же онъ сдѣлался однимъ изъ преданнѣйшихъ его дѣятелей; повторенное нѣсколько разъ избраніе его предсѣдателемъ общества было громкимъ признаніемъ его несомнѣнныхъ заслугъ, оказанныхъ обществу. О степени его сердечнаго расположенія къ „Литературному фонду“—какъ называютъ это общество—лучше всего свидѣтельствуетъ то, что онъ пожелалъ быть ему полезнымъ и за гробомъ, помѣстивъ, какъ мы слышали, и фондъ въ числѣ своихъ наслѣдниковъ въ духовномъ завѣщаніи.

Въ 1837 г., одиннадцати лѣтъ отъ роду, В. П. Гаевскій былъ отданъ въ только-что открытый тогда пансіонъ при ларинской гимназіи, основанной въ 1836 г., и поступилъ во второй классъ. Въ 1838 г., изъ четвертаго класса, онъ былъ переведенъ въ Александровскій лицей, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1845 году. Служебная карьера его, начатая въ комиссіи прошеній, была непродолжительна; въ концѣ 50-хъ годовъ онъ совсѣмъ оставилъ службу, причиною чего были, какъ полагали тогда, его обширныя литературныя связи и отношенія, которыя у него сложились именно въ эту же самую переходную эпоху конца 50-хъ годовъ. Судебная реформа, осуществленная въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія, опредѣлила его дальнѣйшую, уже общественную дѣятельность: онъ поступилъ въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, въ которомъ и оставался до конца своей жизни. Хотя его имя рѣдко встрѣчалось въ какихъ-нибудь громкихъ судебныхъ процессахъ, которые могли бы доставить громкую же извѣстность его имени, какъ адвоката, но въ средѣ своихъ

сотоварищей онъ, видимо, успѣлъ скоро приобрести симпатію и уваженіе, благодаря чему и былъ не разъ избираемъ въ совѣтъ пріисажныхъ повѣренныхъ.

Участіе В. П. Гаевского въ дѣлахъ русскаго музыкальнаго общества съ 1879 по 1883 г. было, повидимому, не болѣе, какъ случайнымъ эпизодомъ въ его жизни; но и тамъ его дѣятельность оставила по себѣ добрую память, какъ предсѣдательствующаго директора въ трудное время для общества, съ 1881 г. по 1883 г., и какъ сореоователя осуществленію предположенія объ основаніи капітала для сооруженія особаго зданія съ цѣлью помѣщенія музыкальнаго общества и консерваторіи.

Въ самыя послѣдніе годы жизни, В. П. Гаевскому представился случай принять дѣятельное участіе въ изданіяхъ литературнаго фонда и такимъ образомъ примѣнить къ дѣлу свою опытность и разнообразныя свѣденія, а также и матеріалы, которые онъ всегда любилъ собирать; по порученію комитета общества, подъ редакціею В. П. Гаевского, въ 1884 г. вышло въ свѣтъ „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“ (Спб. 1884 г.), съ примѣчаніями редакціи; а въ 1885—86 г. онъ принималъ близкое участіе въ изданіи сочиненій Пушкина, какъ одинъ изъ членовъ комиссіи литературнаго фонда, наблюдавшей надъ этимъ изданіемъ.

Вездѣ и всегда В. П. Гаевскій трудился добросовѣстно и съ любовью; репутація добраго товарища и умнаго, интереснаго собесѣдника установилась за нимъ давно, — и всеобщее сожалѣніе о преждевременной утратѣ его было самое искреннее.—С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го апрѣля 1888.

Петербургскія городскія начальныя училища въ 1877 г.—и теперь.—Характеристическія черты ихъ перваго десятилѣтія въ завѣдываніи города.—Министръ, губернаторъ и писатель передъ судомъ реакціонной прессы. — Отзвѣвъ „Южнаго Края“ по поводу одного невѣроятнаго слуха.

Въ первой половинѣ минувшаго года исполнилось десять лѣтъ со времени перехода городскихъ начальныхъ училищъ въ Петербургѣ изъ вѣденія министерства народнаго просвѣщенія въ вѣденіе города. Городская училищная комиссія составила и напечатала подробный обзоръ этого десятилѣтія, полный самаго живого интереса. Намъ часто случалось говорить о петербургскихъ городскихъ училищахъ, какъ о лучшемъ созданіи столичнаго самоуправленія, искупающемъ многіе его недочеты и недостатки. Ровно восемь лѣтъ тому назадъ ¹⁾ мы обрисовали, въ главныхъ чертахъ, жалкое положеніе тѣхъ *шестнадцати* городскихъ училищъ, которыя были переданы министерствомъ народнаго просвѣщенія—послѣ продолжительныхъ, тринадцатилѣтнихъ переговоровъ — въ завѣдываніе городской думы. Съ тѣхъ поръ учебное дѣло въ Петербургѣ не переставало развиваться и количественно, и качественно; болѣе полного и яркаго контраста, чѣмъ тотъ, который существуетъ между городскими училищами 1877 и 1887 гг., нельзя себѣ и представить. Исчезло, прежде всего, вѣковое пренебреженіе къ женскому образованію. До поступленія начальныхъ школъ въ завѣдываніе города, женскихъ училищъ въ Петербургѣ было только *два* изъ 16, т.-е. 12½%; черезъ десять лѣтъ ихъ было уже *сто-два* изъ 231, т.-е. 44%. Уравненію числа училищъ мужскихъ и женскихъ, первоначально предположенному училищной комиссіей, помѣшало только то обстоятельство, что первыя наполняются скорѣе и легче послѣднихъ; какъ ни широко распространилась въ столичномъ населеніи мысль о необходимости образованія для дѣвочекъ, наплывъ мальчиковъ въ школу все-таки продолжаетъ быть сильнѣе, потому что здѣсь больше бросаются въ глаза практическіе результаты обученія... Исчезла, дальше, вѣковая неподвижность, прямое послѣдствіе мысли, что начальная школа—прихоть, на которую позволительно удѣлять только крохи. Изъ четырнадцати

¹⁾ См. Внутр. Обзорніе въ № 4 „Вѣстн. Европа“ за 1880 г.

мужскихъ училищъ ¹⁾, существовавшихъ въ Петербургѣ въ 1877 г., семь было основано при Екатеринѣ II, четыре — въ первые годы царствованія Александра I-го; въ 1808 г. Петербургъ имѣлъ, такимъ образомъ, *одиннадцать* школъ, т.-е. почти столько же, сколько *семьдесятъ* мѣтъ спустя, при утроившемся населеніи! *Три* школы были открыты въ началѣ тридцатыхъ годовъ—и затѣмъ въ продолженіе *сорока-двухъ* мѣтъ число начальныхъ училищъ оставалось неизмѣннымъ! Это—фактъ по истинѣ поразительный, тѣмъ болѣе, что вторая половина сорокалѣтняго застоя совпадаетъ съ эпохой реформъ, а послѣдняя его четверть—съ зарожденіемъ и быстрымъ ростомъ земской школы. Во многихъ и многихъ захолустныхъ, бѣдныхъ уѣздахъ дѣло начального обученія, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, было поставлено несравненно лучше, чѣмъ въ богатой и многолюдной столицѣ. Картина измѣняется совершенно, какъ только петербургская начальная школа поступаетъ въ руки городской думы. Ежегодно открываются множество новыхъ училищъ (среднимъ числомъ, если не считать послѣднихъ мѣсяцевъ 1877 г., по 23 училища въ годъ), и къ концу десятилѣтія общее ихъ число (231) превосходитъ почти въ *пятнадцать* разъ скромную цифру школъ, переданныхъ городу министерствомъ народнаго просвѣщенія. Старыя школы помѣщались большею частью въ холодныхъ, сырыхъ, тѣсныхъ квартирахъ; теперь помѣщеніе городскихъ училищъ соотвѣтствуетъ главнымъ гигиеническимъ требованіямъ. Мебель въ старыхъ школахъ мѣшала нормальному физическому развитію дѣтей, учебныхъ пособій было до крайности мало; обстановка же городскихъ училищъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, не оставляетъ желать почти ничего лучшаго. Каждая изъ старыхъ школъ ежегодно обходилась казнѣ, среднимъ числомъ, въ 800 рублей (четыре изъ нихъ помѣщались, сверхъ того, въ казенныхъ зданіяхъ); на каждое городское училище ассигнуется болѣе 1.900 рублей въ годъ. Учащіе въ старыхъ школахъ получали нищенское содержаніе и далеко не всегда обладали надлежащей педагогической подготовкой; учащіе въ городскихъ училищахъ пользуются достаточною матеріальною обеспеченностью, и сообразно съ этимъ отъ нихъ требуется высокій образовательный цензъ. Съ 1883 г. къ преподаванію допускаются только такія лица, которыя, окончивъ полный курсъ ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, довершили свое образованіе на высшихъ женскихъ курсахъ, или на курсахъ педагогическихъ (трехлѣтнихъ), или въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ для подготовки народныхъ учителей и учительницъ. Изъ 203 учительницъ, числившихся на службѣ въ городскихъ училищахъ къ

¹⁾ О времени основанія двухъ женскихъ училищъ ничего неизвѣстно.

1-му января 1887 г., не вполне соответствовали этимъ требованіямъ только *четыре*... О результатахъ, достигаемыхъ благодаря такой совокупности благопріятныхъ условий, мы говорили уже не разъ ¹⁾; дѣло обученія и воспитанія въ начальныхъ городскихъ школахъ, по единогласному отзыву всѣхъ лицъ и учреждений близко съ нимъ знакомыхъ, ведется вполне успѣшно.

Если мы спросимъ себя, кому принадлежитъ честь этого успѣха, то намъ придется, прежде всего, отдать справедливость городской думѣ послѣднихъ двухъ выборовъ, не жалѣвшей средствъ для правильной и широкой постановки школьнаго дѣла. Только теперь начинаетъ замѣчаться, къ сожалѣнію, въ средѣ думскаго большинства нынѣшняго состава нѣкоторое охлажденіе къ начальной школѣ. И въ минувшемъ году, и въ настоящемъ, рѣшено открыть только по десяти новыхъ училищъ, вмѣсто 20—25; усилія училищной комиссіи удержать прежній темпъ развитія остаются тщетными. А между тѣмъ школьная потребность столичнаго населенія удовлетворена еще далеко не вполне; ежегодно приходится отказывать многимъ желающимъ учиться, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ городскихъ училищахъ. Нынѣшній составъ гласныхъ (1885-89) остается, съ занимающей насъ точки зрѣнія, значительно позади двухъ предшествующихъ (1877-81 и 1881-85)—но и при немъ, все-таки, движеніе впередъ только замедлилось, но не остановилось...

Дума, какъ одно цѣлое, не могла входить въ подробности школьнаго дѣла; она предоставила веденіе его особой училищной комиссіи, которая и несетъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этой задачи. Вѣрная направленію, данному ей первымъ ея предсѣдателемъ — покойнымъ *Θ. Θ. Эвальдомъ*, имя котораго занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ петербургской городской лѣтописи, — она не перестаетъ работать надъ распространеніемъ и усовершенствованіемъ начальной школы. Должность члена училищной комиссіи — не sine-кура; посѣщеніе двѣнадцати училищъ, завѣдываніе ихъ хозяйственною частью, присутствованіе при испытаніяхъ, при пробныхъ урокахъ — все это требуетъ очень много времени и труда. Нѣкоторые члены комиссіи имѣютъ въ своемъ вѣденіи, сверхъ того, учебныя мастерскія, профессиональныя школы, народныя читальни. Нелегко даже и вообразить себѣ, что сталь бы дѣлать инспекторъ народныхъ училищъ — одинъ на весь Петербургъ и его уѣздъ, — еслибы его сотрудниками по завѣдыванію начальными городскими школами остались одни члены городского училищнаго совѣта (числомъ шесть), обремененные, большею частью, другими занятіями. Училищная комиссія,

¹⁾ См. напр. „Общ. Хронику“ въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1886 г.

вмѣстѣ съ состоящими при ней экспертами по учебной части, составляетъ, очевидно, необходимое звено въ организаціи школьнаго дѣла, разѣ что оно достигло столь обширныхъ размѣровъ. До крайности странное впечатлѣніе производитъ, поэтому, картина противодѣйствія, встрѣченнаго, въ официальныхъ сферахъ, и учрежденіемъ училищной комиссіи, и приглашеніемъ экспертовъ.

Думское постановленіе 15-го іюня 1877 г., въ силу котораго образована училищная комиссія, было обжаловано попечителемъ учебнаго округа, какъ несогласное, будто бы, и съ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ, и съ Высочайшимъ повелѣніемъ объ устройствѣ городского училищнаго совѣта. Жалоба эта была подана прямо въ сенатъ, помимо губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, вслѣдствіе чего сенатъ оставилъ ее безъ разсмотрѣнія; но она и безъ того не имѣла бы никакихъ шансовъ успѣха, потому что ст. 73 городского положенія прямо предоставляетъ думѣ „учреждать особныя исполнительныя комиссіи для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями городского хозяйства и общественнаго управленія“ — а къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія четвертымъ пунктомъ статьи 2-ой городского положенія отнесено участіе въ попеченіи о народномъ образованіи... Въ самомъ началѣ своей дѣятельности комиссія признала необходимымъ заручиться содѣйствіемъ лица, спеціально знакомаго съ педагогическимъ дѣломъ; дума согласилась съ комиссіей и разрѣшила ей пригласить особаго „наблюдателя“ за школами. Это постановленіе думы было также опротестовано градоначальникомъ и перенесено на разсмотрѣніе губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, которое, вопреки мнѣнію директора народныхъ училищъ, не нашло поводовъ къ отиѣнѣ опротестованнаго постановленія, замѣнивъ только наименованіе: „наблюдатель“ наименованіемъ: „экспертъ при городскомъ управленіи по учебной части“. По жалобѣ попечителя учебнаго округа, вопросъ объ „экспертѣ“ доходилъ до сената, который (уже въ 1880 г.) разрѣшилъ его окончательно въ смыслѣ благопріятномъ для городского управленія. По мѣрѣ увеличенія числа училищъ росло и число экспертовъ, которыхъ теперь состоитъ при комиссіи четыре. Занимали или занимаютъ эту должность, между прочимъ, такіе извѣстные педагоги, какъ гг. Вулихъ, Гердъ, Паульсонъ и др. Само собою разумѣется, что работа экспертовъ не могла не принести много пользы учебному дѣлу. Никакихъ пререканій между ними и инспекціей, повидимому, не возникало; опытъ доказалъ съ полною ясностью возможность совмѣстнаго существованія двухъ видовъ надзора, во многомъ различныхъ по характеру и назначенію: одинъ даже могъ помогать другому.

Весьма прискорбно потому ограниченіе, какое испытала, съ тече-

ніемъ времени, дѣятельность экспертовъ. Къ числу обязанностей ихъ отнесено было съ самаго начала руководство собраніями учащихся и чтеніе лекцій по предметамъ, входящимъ въ программу начальныхъ училищъ. Ходатайства комиссіи о разрѣшеніи собраній учителей и учительницъ городскихъ школъ два года (1879—81) оставались безъ всякаго отвѣта; около полугода продолжалась, затѣмъ, переписка о порядкѣ открытій и веденія собраній, такъ что первое изъ нихъ могло состояться только въ февралѣ 1882 г. Болѣе полутора года они продолжались безпрепятственно, причѣмъ обмѣну мыслей между учащими предшествовали иногда лекціи руководителей. Въ декабрѣ 1883 г. устройство собраній было затруднено требованіемъ инспекціи, чтобы предполагаемые доклады учащихся были доставляемы на предварительный ея просмотръ, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ излагались устно. Съ начала учебнаго 1884—85 г. собранія прекратились вовсе, не въ силу какого-либо общаго распоряженія учебнаго вѣдомства, а просто потому, что ни разу не было дано разрѣшенія, безъ котораго собраніе не можетъ состояться. Не было дозволено и устройство образцовыхъ вечернихъ классовъ, проектированныхъ однимъ изъ экспертовъ... Для насъ во всей этой печальной, но довольно обыкновенной исторіи не совсѣмъ ясно только одно: почему, одновременно съ собраніями, прекратились и публичныя чтенія экспертовъ? Трудно предположить, чтобы ихъ также постигло запрещеніе—или равносильное ему отсутствіе разрѣшенія. Конечно, они не могли бы замѣнить собою собраній или бесѣдъ съ активнымъ участіемъ самихъ учащихся—но все-таки они внесли бы въ трудную дѣятельность учащихся существенно-важный для нея элементъ движенія и жизни.

Невеселымъ эпизодомъ въ прошедшемъ городскихъ училищъ являются и недоразумѣнія по поводу назначенія и увольненія учащихся. Когда кто-нибудь изъ учащихся заболѣваетъ, исполненіе его обязанностей возлагается комиссіей или на одну изъ состоящихъ при ней запасныхъ учительницъ, или на одну изъ многочисленныхъ кандидатовъ на званіе учительницы. Въ началѣ 1886 г. со стороны инспекціи было предъявлено требованіе, чтобы на командированіе кандидатки разрѣшеніе инспекціи испрашивалось *каждый разъ особо*. Комиссія нашла, что исполненіе этого требованія замедлило бы командировку кандидатокъ и имѣло бы послѣдствіемъ болѣе или менѣе продолжительные перерывы въ занятіяхъ учащихся. Она продолжала, поэтому, держаться прежней системы, и въ началѣ учебнаго 1886—87 г. представила инспектору цѣлый рядъ кандидатокъ (всего 23), съ просьбою разрѣшить имъ замѣщеніе больныхъ учащихся. Никакого отвѣта на эти представленія комиссія въ продолженіе учебнаго года не получила, такъ что въ распоряженіи ея оставалось, къ концу года, только

три лица, допущенныя инспекціей къ исправленію должности учительницъ—а число больныхъ учащихъ возросло, къ тому же времени, до *шестнадцати*. Тогда комиссія формально постановила остаться при порядкѣ, дѣйствовавшемъ почти десять лѣтъ безъ всякаго протеста со стороны инспекціи, и командировать въ училища, для временныхъ занятій, всѣхъ заявленныхъ инспекціи кандидатовъ, противъ допущенія которыхъ къ преподаванію инспекціею не представлено возраженій... Никакихъ споровъ, казалось бы, не могло возбуждать увольненіе учащихся *по собственному ихъ прошенію*; и оно, однако, послужило поводомъ къ разногласію между комиссіей и инспекціей, утверждавшей, что уволить учащаго можетъ только городской училищный совѣтъ. Практическое значеніе разногласія заключалось въ томъ, что необходимость выжидать согласія училищнаго совѣта, собирающагося только разъ въ мѣсяцъ, замедлила бы назначеніе новаго учащаго и возобновленіе въ школѣ правильныхъ занятій. Что касается до увольнения учащаго *безъ прошенія*, то оно несомнѣнно зависитъ отъ училищнаго совѣта—но комиссія, какъ представительница городского управленія, считаетъ себя въ правѣ прекращать уплату жалованья учащему и принимать мѣры къ выселенію его изъ помѣщенія училища. Къ пользованію этимъ правомъ комиссія и вынуждена была прибѣгнуть, впрочемъ, одинъ только разъ, и хотя правильность ея образа дѣйствій и была подвергнута сомнѣнію, но распоряженія ея не были отиѣнены въ установленномъ порядкѣ. Приведемъ, въ заключеніе, еще одно мѣсто изъ отчета училищной комиссіи: „31-го декабря 1886 г. инспекторъ народныхъ училищъ увѣдомилъ комиссію, что до свѣденія его дошло объ устройствѣ въ нѣкоторыхъ училищахъ на рождественскіе праздники спектаклей, по содержанию своему не соответствующихъ дѣтскому пониманію и возрасту,—и просилъ комиссію сообщить ему, съ чьего разрѣшенія и въ какихъ именно училищахъ устраивались и устраиваются подобные спектакли, и выслать ему подробныя ихъ программы. Такъ какъ *несоответствующихъ дѣтскому пониманію и возрасту спектаклей* въ училищахъ не бываетъ, то комиссія и увѣдомила только о томъ инспектора“... Слѣшимъ замѣтить, что всѣ эти пререванія и столкновения составляютъ единственную не совсѣмъ свѣтлую страницу въ десятилѣтней исторіи петербургскихъ начальныхъ городскихъ училищъ, впрочемъ, никакъ не по винѣ городского общественнаго управленія. Ко многимъ другимъ сторонамъ этого интереснаго отчета мы будемъ еще имѣть случай возвратиться.

Въ нашей реакціонной прессѣ дѣлаются, отъ времени до времени, попытки обобщить и расширить вопросъ о реформѣ мѣстнаго

управленія, перенести его въ сферу высшей политики, въ область принциповъ. По поводу земскихъ начальниковъ или земскихъ учреждений заводится рѣчь объ основныхъ началахъ русскаго государственнаго строя, о парламентаризмѣ, объ отвѣтственности министровъ — но заводится, въ сущности, только для того, чтобы повторить въ сотый разъ старыя обвиненія противъ „либераловъ“, противъ „диктатуры сердца“, противъ всѣхъ тѣхъ, которые осмѣливаются „имѣть свое сужденіе“ и не хотятъ плыть по теченію. Отвѣчать на такія обвиненія отчасти неудобно, отчасти излишне: понятно—почему *неудобно*; а *излишне*—потому, что наша читающая публика достаточно знакома и съ тенденціями, и съ манерой газетныхъ реакціонеровъ. Иногда, однако, они выдвигаютъ на сцену какой-нибудь новый или quasi-новый доводъ, требующій надлежащаго освѣщенія. Таково, напримѣръ, указаніе на „аномалію“, существующую, будто бы, въ нашей государственной организаціи, между тѣмъ какъ ея нѣтъ „даже въ конституціонныхъ монархіяхъ, даже въ французской республикѣ“. „Тамъ вездѣ — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 71)—министры пользуются, въ сферѣ исполненія и направленія ввѣренныхъ имъ дѣлъ, обширною административною властью. На этомъ основаніи, министрамъ предоставленъ тамъ контроль за дѣятельностью подвѣдомыхъ имъ учреждений и должностныхъ лицъ, общее ими руководство къ достиженію предуказанныхъ имъ цѣлей, разрѣшеніе возникающихъ между этими учреждениями и должностными лицами столкновеній и исправленіе допускаемыхъ ими неправильностей. Подобный же порядокъ существуетъ у насъ по вѣдомствамъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго, морского, финансовъ, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ и путей сообщенія. Но министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ не облечены, по дѣламъ ввѣренныхъ имъ вѣдомствъ, подобною властью, а потому и отвѣтственности по нимъ нести не могутъ. Надзоръ за должностными лицами судебного вѣдомства, разрѣшеніе возникающихъ между ними столкновеній и исправленіе допускаемыхъ ими неправильностей возложены не на министра юстиціи, стоящаго во главѣ магистратуры и отвѣтственнаго за нее предъ верховною властью, а на кассаціонные департаменты сената, верховной власти не подчиненные, такъ какъ имъ предоставлено рѣшать дѣла окончательно, руководствуясь, конечно, закономъ, но съ правомъ толковать законъ по собственному усмотрѣнію, безо всякаго уже затѣмъ дальнѣйшаго контроля. То же самое по министерству внутреннихъ дѣлъ. Право самообложенія податями, расходованіе денежныхъ сборовъ, выборы и дѣятельность должностныхъ лицъ земскихъ, городскихъ и крестьянскихъ, неправильныя ихъ распоряже-

ніа и злоупотребленія, наконецъ ихъ специальная полицейская дѣятельность по части санитарной, строительной, а также по части городского и сельскаго благоустройства, всѣ ихъ столкновения и пререканія — все это подчинено контролю не министра внутреннихъ дѣлъ, непосредственно должнствующаго отвѣчать предъ верховною властью за общее направленіе земскихъ, городскихъ и сельскихъ управленій, но выборныхъ же учреждений, отъ министра вовсе не зависимыхъ“.

Нетрудно замѣтить существенно-важные недостатки этой аргументаціи. Она не содержитъ въ себѣ даже попытки мотивировать тезисъ, служащій ея исходной точкой — тезисъ, въ силу котораго административная власть за границей представляется болѣе обширной, чѣмъ въ Россіи. Пускай намъ докажутъ, что французскіе или нѣмецкіе судьи подчинены „руководству“ министра юстиціи и стремятся, подъ его начальствомъ, къ достиженію „предуказанныхъ имъ цѣлей“; пускай намъ докажутъ, что французскіе генеральные и муниципальные совѣты, прусскіе провинціальныя и окружныя сеймы *зависимы* отъ министра внутреннихъ дѣлъ — только тогда явится достаточный поводъ разсуждать о томъ, нормально ли такое „руководство“, желательна ли такая „зависимость“. Вторая отличительная черта приведенной нами тирады — это, выражаясь вѣжливо, неточность положеній, прямо относящихся къ русскимъ порядкамъ. Намъ хотятъ уѣрить, что министру внутреннихъ дѣлъ не принадлежитъ *контроль* надъ крестьянскимъ, городскимъ и земскимъ самоуправленіемъ. Но развѣ право протеста не составляетъ одной изъ формъ контроля? Развѣ контроль и непосредственное внимательство — одно и то же, и о первомъ можетъ быть рѣчь лишь настолько, насколько существуетъ послѣднее? Развѣ есть что-либо несовмѣстное съ понятіемъ о контролѣ въ разрѣшеніи предъявляемыхъ имъ протестовъ третьимъ лицомъ или учрежденіемъ, какимъ является первый департаментъ сената? Скажемъ болѣе: развѣ отношеніе администраціи къ самоуправленію ограничивается у насъ однимъ только контролемъ? Развѣ, на примѣръ, „спеціальная дѣятельность“ городскихъ думъ и земскихъ собраній по части строительной и санитарной, выражающаяся въ изданіи обязательныхъ постановленій, не требуетъ *предварительнаго разрѣшенія* органовъ администраціи, прямо подчиненныхъ министру внутреннихъ дѣлъ? Какимъ образомъ можно утверждать, что дѣятельность должностныхъ лицъ *крестьянскаго* самоуправления подчинена „контролю выборныхъ учреждений, отъ министра внутреннихъ дѣлъ вовсе не зависимыхъ“, когда на самомъ дѣлѣ въ уѣздномъ крестьянскомъ присутствіи членовъ выборныхъ почти столько же,

сколько назначенныхъ ¹⁾, а въ губернскомъ крестьянскомъ присутствіи перевѣсъ рѣшительно принадлежитъ послѣднимъ? На чемъ основано, наконецъ, предположеніе, что отвѣтственность за общее направленіе земскихъ, городскихъ и крестьянскихъ учреждений лежитъ на министрѣ внутреннихъ дѣлъ? Это предположеніе играетъ, въ аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“, роль краеугольнаго камня, на которомъ зиждется все остальное—а между тѣмъ оно виситъ на воздухѣ и не только не доказано, но и не можетъ быть доказано. Органы самоуправленія отвѣчаютъ сами за себя—и формы этой отвѣтственности, законныя и внѣ-законныя, у насъ до такой степени многочисленны и разнообразны, что *миммой* ее считать никакъ нельзя.

Установивъ—мы видѣли какъ—*безвластіе* (!) министерства юстиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ, реакціонная газета сѣтуетъ о томъ, что „энергичныя мѣры“, необходимыя для устраненія этого зла, „проектируются неполно, какъ бы боязливо и встрѣчаютъ самыя неожиданныя препятствія“. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, „нѣтъ ничего проще, какъ установить дисциплину и подобающее положеніе министра юстиціи въ сферѣ судебной службы: починъ этому уже сдѣланъ учрежденіемъ въ составѣ сената высшаго дисциплинарнаго присутствія, и остается только довершить этотъ починъ—назначеніемъ министра юстиціи непосредственно предсѣдателемъ этого присутствія, и замѣной самостоятельнаго рѣшенія дѣлъ присутствіемъ—представленіемъ всѣхъ его заключеній, чрезъ министра юстиціи, на окончательное утвержденіе верховной власти. Но этого рѣшительнаго шага къ упорядоченію значенія министра въ средѣ магистратуры не дѣлается; напротивъ, министерство юстиціи какъ бы становится въ противорѣчіе съ тѣмъ же самымъ принципомъ о необходимости усиленія авторитета правительственной власти, возражая, по существу, противъ проекта о земскихъ начальникахъ, построеннаго на совершенно тѣхъ же началахъ“. Газета надѣется, „что это ненормальное положеніе двухъ органовъ правительственной власти, изъ коихъ одинъ увлекается (!) антиправительственными (!) доктринами и мѣшаетъ (!) другому исполнять свой долгъ предъ верховною властью, вскорѣ прекратится, и Россія всецѣло возвратится на путь строгаго соблюденія и примѣненія своихъ основныхъ законовъ“.

Лучше поздно, чѣмъ никогда: въ концѣ статьи „Московскія Вѣдо-

¹⁾ Хотя почетный мировой судья, входящій въ составъ уѣднаго присутствія, и есть лицо выборное, но приглашеніе его въ присутствіе зависитъ отъ министра юстиціи. Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду, что предводитель дворянства—по меньшей мѣрѣ настолько же чиновникъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, насколько представитель своего сословія.

мости“ исправляютъ одну ошибку, допущенную ими нѣсколько раньше. Учрежденіемъ, отъ котораго зависитъ надзоръ за должностными лицами судебного вѣдомства, являются уже не кассационные департаменты сената, а, какъ и слѣдуетъ быть, высшее дисциплинарное присутствіе. Это далеко не одно и то же; личный составъ дисциплинарнаго присутствія не составляетъ чего-то постоянного, неподвижнаго, а можетъ быть измѣняемъ ежегодно и, слѣдовательно, приспособляемъ къ господствующимъ въ данную минуту взглядамъ. Для нашихъ газетныхъ реакціонеровъ этого мало. Ихъ отличительное свойство—ненасытность; они успокоятся лишь тогда, когда за высшимъ дисциплинарнымъ присутствіемъ останется только совѣщательный голось, а вся власть перейдетъ, de facto, къ министру юстиціи—и притомъ не всякому министру юстиціи, а удобному ретроградной прессѣ. Въ рукахъ министра юстиціи, „увлекающагося анти-правительственными (!) доктринами и мѣшающаго другому министру исполнять свой долгъ передъ верховною властью“, самыя широкія, самыя безграничныя права должны оказаться, съ точки зрѣнія московской газеты, совершенно бесплодными. Итакъ, въ послѣднемъ счетѣ идеаль реакціонной прессы можетъ быть выраженъ слѣдующею формулой: „какъ можно больше произвольной власти—и пользованіе этою властью исключительно въ смыслѣ полнѣйшаго регресса, въ смыслѣ безусловной и систематической ломки всѣхъ реформъ прошедшаго царствованія“.

Если „Московскимъ Вѣдомостямъ“ ничего не стоитъ обвинить министра юстиціи въ „увлеченіи анти-правительственными доктринами“, то нетрудно себѣ представить, насколько она церемонится съ второстепенными агентами администраціи или съ писателями, не принадлежащими всецѣло къ торжествующему лагерю. Какъ ни богаты лѣтописи реакціонной прессы „извѣщеніями“, инсинуаціями всевозможныхъ сортовъ и категорій, все-таки онѣ представляютъ немного страницъ, которыя можно было бы сравнить съ недавней травлей, принятой противъ саратовскаго губернатора, генерала Косича. Содержаніе циркуляровъ, возбудившихъ цѣлую бурю на столбцахъ московской газеты, уже извѣстно нашимъ читателямъ. Они знаютъ изъ письма нашего саратовскаго корреспондента ¹⁾, что добрыя намѣренія генерала Косича такъ и рискуютъ остаться добрыми намѣреніями, что на избранномъ имъ пути нельзя достигнуть крупныхъ результатовъ. Не съ этой стороны, однако, идутъ нападенія „Московскихъ Вѣдомостей“. Онѣ усматриваютъ въ циркулярахъ саратовскаго губернатора доказательство тому, что въ нашихъ административныхъ

¹⁾ См. предыдущую книжку „Вѣстника Европы“.

кругахъ бродить „мысль о нѣкоемъ подобіи или суррогатѣ земскаго собора или *suffrage universel*“ (!). Ихъ смущаетъ неизвѣстность, „какъ далеко можетъ простираться свобода въ заявленіи требуемыхъ циркуляромъ откровенныхъ мнѣній: до указанія ли только на *правовой порядокъ*, какъ на панацею общественныхъ золъ, или же до *чернаго передѣла* и далѣе“. Съ уголовными обвиненіями переплетаются насмѣшки, параллельно съ заподозриваніемъ идетъ вышучиванье; всѣ средства признаются годными, лишь бы только навлечь заслуженную кару на голову автора циркуляровъ... Какъ объяснить это усердіе, не знающее предѣловъ, эту злобу, потерявшую всякое чувство мѣры? Намъ кажется, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ курьезнымъ случаемъ политической мономаніи. Исходя изъ той основной мысли, что прошла пора *словъ* и наступила эпоха *дѣла*, и понимая подъ именемъ дѣла исключительно полицейскую муштровку, московская газета не можетъ перенести равнодушно зрѣлища власти, дѣйствующей не по излюбленному реакціонному рецепту. Представитель власти, въ силу этого рецепта, можетъ только приказывать, запрещать, обуздывать, понуждать, сокращать; онъ отнюдь не долженъ совѣщаться съ подвластнымъ ему населеніемъ, не долженъ прислушиваться къ его голосу, не долженъ слѣдовать его указаніямъ. Все это могло бы быть истолковано какъ сомнѣніе въ собственныхъ силахъ—а лицо, власть имѣющее, ни въ чемъ не должно сомнѣваться, по крайней мѣрѣ гласно и открыто, потому что у него всегда есть готовый способъ разрѣшенія всѣхъ недоумѣній: предписаніе начальства. Быстрота и натискъ, не останавливающіеся даже передъ закономъ—вотъ девизъ современнаго администратора, стоящаго „на высотѣ положенія“ и одобряемаго реакціонной прессой. И этотъ девизъ не остается мертвой буквой; на его почвѣ вырабатывается новый административный типъ, имѣющій уже нѣсколькихъ довольно видныхъ представителей. Понятно, что посреди циркуляровъ, громающихъ земскую медицину и разносящихъ въ пухъ и прахъ городское самоуправленіе, посреди приказовъ, оповѣщающихъ населеніе—какъ о чемъ-то совершенно нормальномъ—о только-что приведенной въ исполненіе явно-противозаконной мѣрѣ, циркуляры генерала Косича должны были прозвучать, въ ушахъ газетныхъ реакціонеровъ, рѣзкимъ диссонансомъ, повтореніе котораго нужно предупредить во что бы то ни стало...

Съ писателемъ можно, конечно, церемониться еще меньше, чѣмъ съ министромъ и губернаторомъ. В. П. Безобразовъ, имя котораго, если мы не ошибаемся, еще не особенно давно появлялось на страницахъ „Русскаго Вѣстника“, позволилъ себѣ написать статью въ защиту земскихъ учреждений—и съ этой минуты очутился „внѣ за-

кона". Вотъ какъ выражаются о немъ, теперь „Московскія Вѣдомости“: „Попробуйте предложить г. Безобразову учредить всероссійскій парламентъ — и посмотрите, какъ у него разыграетъ сердце законсѣлаго доктринаера! Съ какимъ восторгомъ надѣлъ бы онъ, еслибы ему это было предоставлено, это тяжкое, пагубное, но *либеральное* ярмо на Россію, и самъ бы первый пошелъ интриговать на избирательныхъ сѣздахъ и сходкахъ“... „Зная по опыту негодность парламентаризма даже въ такихъ, сравнительно ограниченныхъ, дозахъ, въ которыхъ онъ, въ сожалѣнію, дѣйствуетъ въ нашихъ губерніяхъ и уѣздахъ, г. Безобразовъ тщательно печется объ его принципиальной неприкосновенности, и навѣрное не отдѣлился бы отъ своихъ единомышленниковъ, мечтающихъ dans leur for intérieur отравить изъ принципа этимъ ядомъ всю Россію“... Усиливаясь осмѣять и унижить „законсѣлаго доктринаера“, „Московскія Вѣдомости“ сами попали, однако, въ довольно забавное положеніе. Онѣ ставятъ въ вину г. Безобразову, между прочимъ, предложеніе его сдѣлать участіе въ избирательныхъ сѣздахъ — обязательнымъ для избирателей, участіе въ земскихъ собраніяхъ — обязательнымъ для избранныхъ. Мы также находимъ это предложеніе и непрактичнымъ, и несправедливымъ — только мы не забываемъ, что оно принадлежитъ не одному г. Безобразову. Та же самая мысль, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, усвоена, по крайней мѣрѣ отчасти, официальнымъ проектомъ преобразования земскихъ учреждений¹⁾. Московской газетѣ, столь горячо ратующей за этотъ проектъ, слѣдовало бы быть лучше знакомой съ его содержаніемъ; тогда она, конечно, не сравнила бы г. Безобразова съ Робеспьеромъ и не обвинила бы его — именно по поводу его мысли объ обязательной явкѣ гласныхъ на земскія собранія — въ „*прямолинейномъ деспотизмѣ*, которымъ, начиная съ якобинцевъ, отличаются всѣ *либеральные и умные* доктринаеры“. Въ настоящемъ случаѣ г. Безобразовъ оказался en meilleure compagnie, — въ лучшей компаніи, чѣмъ то предполагалъ слишкомъ стремительный и неразборчивый его противникъ...

Кому принадлежитъ *заслуга* изобрѣтенія или, по крайней мѣрѣ, обновленія и усовершенствованія тѣхъ полемическихъ приемовъ, образцы которыхъ только-что прошли передъ нашими глазами — это слишкомъ хорошо извѣстно; „Московскія Вѣдомости“ не даромъ обѣщали хранить вѣрность преданіямъ М. Н. Каткова. Преклоненіе передъ его памятью доходить, по временамъ, до настоящаго идолопоклонства. Вотъ что мы читаемъ, на примѣръ, въ воспоминаніяхъ одного изъ сотрудниковъ московской газеты: „Какъ Михаилъ Ни-

¹⁾ См. въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы“ статью по поводу земской реформы.

кифоровичъ любилъ Пушкина! Какъ зналъ наизусть его стихотворенія и какъ удивительно читалъ ихъ! Это чтеніе было отголоскомъ внутреннихъ процессовъ, совершавшихся въ читающемъ, какъ скоро его чуткаго уха касался глаголь Пушкинскаго стиха. Я никогда не забуду прозрачныхъ сумерекъ лѣтняго вечера, когда Михаилъ Никифоровичъ, послѣ разговоровъ о Пушкинѣ, внезапно задумался, подошелъ къ окну, остановился передъ нимъ (я увѣренъ, что онъ не видалъ ничего изъ происходившаго на бульварѣ) и потомъ началъ декламировать: Ты царь; живи *одинъ*... Сколько торжественности было въ этомъ *одинъ*, сколько самоотреченія! Отъ великаго до смѣшного—только одинъ шагъ; на автора воспоминаній Катковъ, примѣняющій къ самому себѣ слова Пушкина, произвелъ, очевидно, впечатлѣніе „великаго“—во многихъ другихъ онъ вызоветъ, безъ сомнѣнія, только впечатлѣніе „смѣшного“...

Заключимъ нашу хронику слѣдующей выпиской изъ харьковской газеты „Южный Край“ (№ 2443): „Газетные слухи—это пустяки, и болѣею частью ихъ пропускаешь мимо ушей, но нѣтъ-нѣтъ и выдаться такой слухъ, на которомъ стоить остановить вниманіе. Не потому, чтобы подобный слухъ имѣлъ хотя какую бы то ни было реальную подкладку; напротивъ, именно подобные слухи лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, что бываетъ дымъ рѣшительно безъ огня—а потому, что иной слухъ до того характеренъ, до того типиченъ, что на основаніи его можно понять инья, ходячія въ обществѣ мнѣнія и возрѣнія лучше даже, чѣмъ на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ. Къ такимъ слухамъ принадлежитъ и недавно проскользнувшій въ столичныхъ газетахъ слухъ о тѣхъ мѣрахъ, посредствомъ которыхъ будто бы хотятъ устранить возможность университетскихъ безпорядковъ на будущее время. Между прочимъ сообщается, будто есть такой „проектъ“: въ случаѣ университетскихъ безпорядковъ, ведущихъ за собою закрытіе университета, прекращать производство жалованья профессорамъ на все время, пока университетъ будетъ закрытъ, а по другому варианту—на семестръ, во всякомъ случаѣ. Конечно, это нелѣпость, но вмѣстѣ съ тѣмъ—ужасно характерная сплетня, свидѣтельствующая о степени развитія, образованія и пониманія задачъ государства въ той средѣ, гдѣ она возникла. Въ основаніи ея лежитъ, повидимому, такая мысль: если лишать профессоровъ жалованья въ случаѣ безпорядковъ, то тѣмъ самымъ можно достигнуть того, что профессора всѣми силами будутъ удерживать студентовъ отъ безпорядковъ, потому что вѣдь жалованье—не шутка. Да вѣдь чтобы удерживать студентовъ отъ безумныхъ поступковъ, профессоръ долженъ имѣть подавляющее нравственное вліяніе на нихъ, а какое же нравственное вліяніе онъ можетъ имѣть, если его

будутъ третировать какъ продажную каналью, торгующую своимъ вліяніемъ? Какое нравственное вліяніе онъ можетъ имѣть, если каждый студентъ будетъ знать, что профессоръ „удерживаетъ“ его отъ безпорядковъ единственно съ тѣмъ, чтобы не потерять свое жалованье?“ Въ средѣ, въ которой возникъ упомянутый слухъ—продолжаетъ газета,—нѣтъ ни малѣйшаго даже сознанія, что для государства унижительно относиться къ своимъ чиновникамъ, да еще и высшимъ чиновникамъ, какъ къ лавочнымъ сидѣльцамъ, которыхъ хозяинъ подозрѣваетъ въ плутняхъ, и не желая, по своимъ расчетамъ, прямо прогнать, устраиваетъ разныя хитрыя комбинаціи, чтобы прекратить плутовство; что профессоръ есть лицо, облеченное довѣріемъ власти верховной, и его вѣрноподданнической присягѣ можно только или вѣрить, или не вѣрить, а никакъ не оставлять его, выражаясь языкомъ старинной казуистики, „въ сильномъ подозрѣніи“, да еще съ прибавкой, что если станетъ выражать „чувства преданности“, то получить двугривенный, а если нѣтъ—то не получить; что, наконецъ, чего же стоятъ тѣ люди, къ которымъ можно обращаться съ предложеніемъ коммерческой сдѣлки для поддержанія въ нихъ вѣрности долгу и присягѣ. Да вѣдь всякій человѣкъ, въ которомъ есть хотя искра порядочности, не можетъ иначе принять подобное предложеніе или угрозу, какъ за личную себѣ обиду, какъ за надругательство надъ собой.—Намъ никогда, кажется, не приходилось соглашаться съ „Южнымъ Краемъ“, принадлежащимъ къ совершенно другой литературной группѣ—но на этотъ разъ намъ было бы трудно оспаривать основательность и справедливость высказанныхъ имъ убѣжденій и взглядовъ на подобныя слухи.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1888.

Книга третья. — Мартъ.

	стр.
ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА. — Жизнь и приключенія Никанора Затрапезнаго. — VIII. Тетенъка Анфиса Порфирьевна. — Н. ЩЕДРИНА . . .	5
ПРЕВРАЩЕНІЯ. — Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА . . .	49
БАЙРОНИЗМЪ у ПУШКИНА и ЛЕРМОНТОВА. — Изъ эпохи романтизма. — I. Байронизмъ ПУШКИНА. — В. Д. СПАСОВИЧА . . .	50
НОВОЕ на СТАРОЙ ПОДКЛАДКѢ. — Повѣсть изъ американскаго бѣта. — XXIII-XXXVI. — П. КАШИРИНА . . .	87
СРЕДИ КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ. — Изъ путевныхъ замѣтокъ. — Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА . . .	148
НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА. — Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ. — Съ англійскаго. — Часть первая. — XII-XVII. — А. Э. . . .	180
ПИСЬМА графа С. Р. ВОРОНЦОВА къ сыну, графу М. С. ВОРОНЦОВУ. 1798—1830 г. — А. Г. БРИКНЕРА . . .	232
РУССКІЯ СОЧИНЕНІЯ ШВЕЦЕНКА. — А. Н. ПЫПИНА . . .	246
РЕЛИГИОЗНЫЯ СМУТЫ и ГОНЕНІЯ, отъ V до XVII вѣка. — Гр. П. А. ВАЛУЕВА . . .	287
ХРОНИКА. — По поводу реформы земскихъ учрежденій. — Ближайшія нужды мѣстнаго населенія, соч. бар. П. Л. Корфа. — К. К. АРСЕНЬЕВА. . . .	327
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ. — „Особое мнѣніе“ одного изъ предводителей дворянства о нѣкоторыхъ сторонахъ административной реформы. — Два противоположные вида соединенія властей. — Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1885 годъ. — Практическіе результаты закона 3 мая 1883 г. — Различныя формы борьбы съ расколомъ — Къ вопросу о вѣротерпимости. — Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1886 г. . . .	3 2
ПИСЬМА изъ провинціи. — Саратовъ. — Z. . . .	373
ОТВѢТЪ г-ну Ордину. — Письмо въ редакцію. — Л. МЕХЕЛИНЪ . . .	388
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Австро-германскій договоръ и его значеніе. — Система вооруженнаго мира и ея особенности. — Рѣчь князя Бисмарка. — Дѣятельность германскаго парламента. — Политическое настроеніе Австро-Венгріи. — Англійскія и французскія дѣла. — Балканскія дѣла и правительственное сообщеніе 11-го февраля. . . .	391
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Очерки изъ психологій славянскаго племени: Славянофилы, М. Урсина. — Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Р. Гайма, перев. В. Невѣдомскій. — Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. — Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова. — А. П. — Вопросы и впечатлѣнія (Choses vues). Посмертныя записки Виктора Гюго. Переводъ Ю. Дюпелмейеръ, съ предисловіемъ В. Гольцева. — А. К. . . .	413
ЗАМѢТКИ о ПУШКИНѢ. — I. Записка къ Жуковскому. — II. Новый автографъ „Моей Родословной“. — III. О послѣднихъ минутахъ ПУШКИНА. — IV. Типографскія „проказы“. — В. П. ГАЕВСКАГО . . .	431
Изъ ОВѢЩЕВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Адресъ евангелическаго союза и отвѣтъ, данный союзу г. оберъ-прокуроромъ св. синода. — Вопросъ о вѣротерпимости на почвѣ исторіи и на почвѣ современности. — Новыя наладенія на судъ присяжныхъ, усложненныя вылазками въ область гражданскаго процесса. — Десятилѣтніе практики женщинъ-врачей. — Два слова о реакціонной печати. . . .	445
Библиографическій Листокъ. — Сочиненія К. Н. Батюшкова. — Судебныя рѣчи, А. Ѳ. Кони. — Любовь, О. К. Нотовича. — Приключенія и впечатлѣнія въ Италіи и Египтѣ, Дѣдова. — Въ дѣбряхъ сѣвера, сост. Э. Гранстремъ. — Дѣятелка духа, д-ра Шольца, перев. П. Ковалевскаго. — Брюхо Петербурга, А. Бахтіарова. . . .	

Книга четвертая. — Апрель.

СТР.

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА. — Жизнь и приключения Никанора Затрапезнаго. — Х. — Тетенька-Сластова. — Н. ЩЕДРИНА	461
БАЙРОНЕВЪМЪ У ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА. — Изъ эпохи романтизма. — П. Байронизмъ Лермонтова. — Окончаніе. — В. Д. СПАСОВИЧА.	500
НОВОЕ НА СТАРОЙ ПОДКЛАДКѢ. — Повѣсть изъ американскаго быта. — XXXVII — L. — Окончаніе. — ПАВ. КАШИРИНА	549
У ПЛИТЫ. — Разсказъ. — П. Д. БОБОРЫКИНА.	605
НАКАНУНЪ ПЕРЕВОРОТА. — Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ. — Съ англійскаго. — Часть вторая. — I-V. — А. Э.	639
СИБИРЬ И ИССЛѢДОВАНІЯ ЕЯ. — I. Первые открытія въ Сибири. — II. Восемнадцатый вѣкъ: ученая экспедиція. — А. Н. ПЫЩИНА.	684
РОССИИ И ЕВРОПЫ. — Труды Н. Я. Данилевскаго и Н. Н. Страхова. — V-X. — ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА.	725
РУССКОЕ СУДЕБНОЕ КРАСОУРАЧІЕ. — Судебныя рѣчи. А. Ф. Кош. — К. К. АРСЕНЬЕВА.	768
ХРОНИКА. — Императоръ Вильгельмъ I. — Старая и новая Германія. — I. — Е. И. УТИНА.	812
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРАНИЕ. — Проектируемая полицейская реформа въ остзейскомъ краѣ. — Отношеніе ея къ другимъ преобразованіямъ. — Вопросъ о вотчинной полиціи. — Назначеніе или избраніе чиновъ полиціи? — Положеніе православія на западныхъ окраинахъ Россіи, по даннымъ отчета обер-прокурора св. синода. — По поводу вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ.	846
ЗАМѢТКА. — По поводу сельско-хозяйственнаго кризиса. — Ф. В — Ъ.	863
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРАНИЕ. — Перемена царствованія въ германской имперіи. — Общая характеристика эпохи императора Вильгельма I. — Манифестъ къ народу и рескриптъ князю Бисмарку императора Фридриха III. — Паденіе министерства во Франціи.	876
ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ. — Республиканскій консерватизмъ. — Франко-германскіе счеты. — Новый франко-русскій журналъ. — Л. С.	886
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРАНИЕ. — Жизнь и труды М. П. Погодина Н. Барсукова, кн. I. — А. П. — Очерки изъ жизни дикой Башкиріи, Н. Ремезова. — Пора намъ разобраться. Голосъ Свѣрлянина, ч. I. — Балтійская конституція, М. Харузина. — К. К. — Москва и Лондонъ, С. Б. Иппо. — Исторія древняго міра, М. Тумасова. — Въ чужихъ краяхъ, И. Кудинова. — А. К. — Новые изданія книгъ и брошюръ.	896
НИКРОЛОГЪ. — В. П. Глазскій. — С.	914
ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Петербургскія городскія начальныя училища въ 1877 г. — и теперь. — Характеристическія черты ихъ перваго десятилѣтія въ заведеніи города. — Министръ, губернаторъ и писатель предъ судомъ реакціонной прессы. — Отзывъ „Южнаго Края“ по поводу одного невѣроятнаго слуха	917
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Сборникъ Русскаго историческаго общества, т. 64. — Сенатскій Архивъ, т. I: Именные указы имп. Павла I. — Лекція по русскому уголовному праву, Н. С. Таганцева, вып. 2. — Критическіе этюды по русской литературѣ, К. К. Арсеньева. — Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова.	

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Типографіи М. М. Стасюлевича.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2 лин., 7.

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

К. К. Арсеньева.

Томъ первый: I. Русская общественная жизнь въ сатиры Салтыкова. — II. В. Крестовскій (псевдонимъ).

Томъ второй: I. Н. А. Некрасовъ. — II. А. Н. Майковъ. — III. Я. П. Полонскій. — IV. А. Н. Плещеевъ. — V. И. С. Аксаковъ, какъ поэтъ. — VI. Русскіе поэты новѣйшаго времени: Надсонъ, Минскій, Фругъ, Апухтинъ, Андреевскій, Фофановъ. — VII. Романъ, какъ орудіе регресса: Болеславъ Маркевичъ. — VIII. Молодые русскіе беллетристы: Короленко, Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ, Чеховъ. IX. Валеріанъ Майковъ. — X. Пейзажъ въ современномъ русскомъ романѣ. — XI. Теорія экспериментальнаго романа.

С.-Петербургъ, 1888. Стр. 350 и 357. Ц. 3 руб.

ЗАДАЧИ ЭТИКИ

Ученіе о нравственности при современныхъ условіяхъ знанія.

К. Д. Кавелина.

Съ портретомъ автора и біографическимъ очеркомъ. Второе изданіе.

Спб. 1887 г. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина).

Часть первая. I-V. Введеніе. — VI. На лонѣ природы и сельско-хозяйственныхъ ухищреній. 1) Хозяйственный мужичокъ. 2) Сельскій священникъ. 3) Помѣщикъ. 4) Міробѣды. — VII. Молодые люди: 1) Сережа Ростокинъ. 2) Евгенийъ Люберцевъ. 3) Черезовы, мужъ и жена. 4) Чудиновъ. — VIII. Читатель: 1) Читатель-ненавистникъ. 2) Солидный читатель. 3) Читатель-простецъ. 4) Читатель-другъ. — *Часть вторая.* IX. Дѣвушки: 1) Ангелочекъ. 2) Христова невеста. 3) Сельская учительница. 4) Полковницкая дочь. — X. Въ сферѣ сѣнія: 1) Газетчикъ. 2) Адвокатъ. 3) Земскій дѣятель. 4) Праздношатающійся. — XI. Портной Гришка. — XII. Статливецъ. — XIII. Имарець.

Спб. 1887 г. Цѣна за обѣ части 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

23 СКАЗКИ

М. Е. Салтыкова (Щедрина).

Изданіе второе, съ приложеніемъ „Рождественской сказки“.

Спб. 1887 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Вѣстникъ Европы. — Апрель, 1888.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова.

Томъ второй (окончаніе). XVIII-е столѣтіе. I. Фельдмаршалъ Минихъ. — II. Императрица Анна Ивановна. — III. Императрица Елисавета Петровна.

Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 90 к., съ перес. 2 р. 20 к.

Все изданіе съ пересылкою стоитъ 10 руб.

РОДЪ ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ.

Сочиненіе Александра Барукова.

КНИГА ПЯТАЯ.

Спб. 1888, 4², 471 стр. Цѣна 4 р., съ пер. 5 р.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ.

М. М. Стасюлевича.

Второе изданіе.

Содержаніе перваго тома: По поводу новаго изданія. — Изъ предисловія къ первому изданію: А. Очеркъ общей исторіографіи среднихъ вѣковъ. — Б. Важнѣйшіе сборники средневѣковой исторической литературы. — Введеніе. — I. Общія понятія о наукѣ вообще и объ исторической наукѣ въ особенности. — II. Древній міръ въ эпоху паденія з. р. имперіи (V-й вѣкъ). — III. Новый міръ въ эпоху паденія з. р. имперіи: Варвары и Церковь. — Періодъ первый отъ паденія З. Р. И. до Карла Великаго (VI, VII и VIII столѣт.). — Историческій очеркъ періода. — Германія. — Италия. — Испанія. — Британія. — Галлія. — Алфавитный указатель. — Карта западной Европы.

Спб. 1885 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Содержаніе втораго тома: Предисловіе къ первому изданію. — Второй періодъ: отъ Карла В. до начала крестовыхъ походовъ, IX, X и XI столѣтія. — Историческій очеркъ періода: — I. Вѣкъ Карла Великаго и возстановленіе священной римской имперіи (X-ое столѣтіе). — II. Вѣкъ Григорія VII Гильдебранда и начало борьбы папъ съ императорами (XI-ое столѣтіе). — Алфавитный указатель. — Родословныя таблицы. — Карта св. германской имперіи, ея вассалы и сосѣди въ XI вѣкѣ.

Спб. 1886 г. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

Содержаніе третьяго тома.

Изъ предисловія къ первому изданію. — Введеніе. — Третій періодъ, отъ начала крестовыхъ походовъ до реформации (XII—XV ст.). — Часть первая. Эпоха крестовыхъ походовъ (XII и XIII ст.). — Отдѣлъ первый. Крестовые походы. 1095—1291 г. — I. Первый крестовый походъ и исторія іерусалимскаго королевства до взятія Эдессы. 1095—1147 г. — II. Второй крестовый походъ и исторія Палестины до завоеванія Іерусалима мусульманами. 1147—1187 г. — III. Взятіе Іерусалима Саладиномъ и третій крестовый походъ. 1187—1204. — IV. Четвертый крестовый походъ и взятіе Константинополя латинами. 1204 г. — V. Пятый крестовый походъ и осада Даміетты. 1217—1220 г. — VI. Шестой крестовый походъ и возвращеніе Іерусалима. 1227—1228 г. — VII. Крестовые походы Лудовика IX Св. и завоеваніе Аккона мусульманами. 1248—1291 г. — VIII. Приложенія.

Спб. 1887 г. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Николая Барукова.

КНИГА ПЕРВАЯ: 1773—1826 гг. С.-Петербургъ, 1888. Стр. 344. Ц. 2 р. 50 к.

ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧЪ ВОДОВОЗОВЪ.

Біографическій очеркъ.

В. Н. Семеваго.

Спб. 1888. Стр. 169, съ портретомъ. Цѣна 50 к.

ПЕРЕВОДЫ ВЪ СТИХАХЪ

И ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Н. Водовозова.

Спб. 1888 г. Стр. 512. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЖИЗНЬ И ПОЭЗІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО.

По неизданнымъ источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица.

Содержаніе: Портретъ Жуковскаго и его факсимиле.—Отъ редакціи „Вѣстника Европы“.—Предисловіе къ новому изданію. П. А. Висковатого.—Предисловіе автора.—Первый періодъ: 1783—1815.—Второй періодъ: 1815—1841 г.—Третій періодъ: 1841—1852 г.—Приложеніе: Изъ писемъ Жуковскаго къ К. К. Зейдлицу.

Спб. 1883 г. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ, 1799—1826 гг.

П. Анненкова.

Спб. 1874 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

ВОСПОМНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова.

Отдѣлъ первый. 1849—1868 гг. I. Наканунѣ пятидесятихъ годовъ.—Письма изъ провинціи.—II. Николай Васильевичъ Гоголь въ Римѣ, лѣтомъ 1841 года.—III. Февраль и мартъ въ Парижѣ, 1848 года.—IV. Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Біографическій очеркъ.

Спб. 1877 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Отдѣлъ второй. 1849—1868 гг. I. Старая и новая критика.—II. Замѣтки о русской литературѣ 1848 года.—III. Романы и рассказы изъ простонароднаго быта, въ 1853 г.—IV. Характеристики: И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой.—V. С. Т. Аксаковъ и его „Семейная Хроника“.—VI. Сатира въ комедіи Н. Львова: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“.—VII. Литературный типъ слабого человѣка.—По поводу Тургеневской „Аси“.—VIII. Дѣловой романъ въ нашей литературѣ: „Тысяча душъ“, романъ А. Писемскаго.—IX. Наше общество въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ Тургенева.—X. „Гроза“ Островскаго и критическая буря.—XI. Русская беллетристика въ 1863 году: 1) Помяловскій, 2) Г. Успенскій, 3) Островскій, 4) Н. Щеринъ, 5) гр. Л. Н. Толстой, 6) г-жа Кохановская, 7) Писемскій.—XII. Чаевъ и А. К. Толстой въ 1866 г.: „Дмитрій Самозванецъ“ и „Смерть Іоанна Грознаго“.—XIII. Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева „Дымъ“.—XIV. Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого: „Война и миръ“.—XV. Последнее слово русской исторической драмы: „Царь Ѳедоръ Ивановичъ“, гр. А. К. Толстого.

Спб. 1879 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Отдѣлъ третій. I. Замѣчательное десятилѣтіе.—II. Общественные идеалы А. С. Пушкина (изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта).—III. Н. В. Станкевичъ (біографическій очеркъ).

Спб. 1881 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ РОССИИ ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

Историческіе очерки А. Н. Пыпина.

Издание второе, пересмотрѣнное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Введение.—I. Воспитаніе и характеръ Александра I.—II. Первые годы царствованія.—Планы преобразованія.—III. Сперанскій.—IV. Карамзинъ. Зависка о древней и новой Россіи.—V. Переходное время.—Возбужденіе умовъ послѣ 1812 года.—Переходное время.—Возобновленіе масонскихъ ложъ и ихъ закрытіе.—Ланкастерскія школы и пр.—VI. Движеніе умовъ послѣ 1815 года и послѣдніе годы царствованія.—Приложеніе: 1) Письмо Сперанскаго къ импер. Александру въ январѣ 1833 г. изъ Перми.—2) Литература о двадцатыхъ годахъ.—3) Обзоръ проекта Новосильцова.—4) „Законоположеніе Союза Благоденствія“.—5) Біографическія свѣдѣнія о Н. И. Тургеневѣ.—Указатель.

Спб. 1885 г. Цѣна 4 рубля съ пересылкою.

ПОВѢСТИ, СКАЗКИ и РАЗСКАЗЫ

Кота-Мурлыки.

Томъ первый. I. Слово.—II. Въ потьмахъ.—III. Князь Костя.—IV. Двѣ стѣлянки.—V. Мирра.—VI. Люди и Собаки.—VII. Абу-Гассанъ.

Спб. 1887 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; въ роскошн. перепл. съ перес. 3 р.

Томъ второй: I. Почему міръ не устроенъ.—II. Волька.—III. Къ свѣту.

Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; въ роскошн. перепл. съ перес. 3 р.

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛГАРІИ въ 1877 г.

Евгенія Утина.

I. Передъ войной.—II. До Дуная.—III. На Дунаѣ.—IV. Въ Систовѣ и до Тырнова.—V. Наше гражданское управленіе.—VI. Отъ Тырнова до Казаньина.—VII. Тяжелые дни: Эски-Загры и наше отступленіе.—VIII. Болгары и наши недоразумѣнія.—IX. Побѣда въ Добруджѣ.—X. На пути къ Плевнѣ.—XI. „Третья Плевна“.—XII. Послѣ пораженія.—XIII. Интенданство и поставщики.—XIV. Военно-медицинское управленіе.

Спб. 1879 г. Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкой.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ КУЗЬМЫ ПРУТКОВА.

Съ портретами, fac-simile и біографическими свѣдѣніями.

Второе изданіе.

Спб. 1885 г. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

ОПЫТЪ КОММЕНТАРІЯ КЪ УСТАВУ ГРАЖДАН. СУДОПРОИЗВОДСТВА

К. Н. Анненкова.

Томъ I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1887 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Томъ II. О доказательствахъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1887 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Томъ III. 1) Частныя производства. 2) Сокращенное и 3) Исполнительное производство. Второе изд., исправл. и дополн. Спб. 1887 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.

Томъ IV. 1) Рѣшеніе и 2) Способы его обжалованія. 3) Судебные сроки и 4) Судебныя издержки. Второе изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1888 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Томъ V. Исполненіе рѣшенія. Спб. 1885 г. Цѣна 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Томъ VI. 1) Мировой уставъ. 2) Мировыя сдѣлки и 3) Третейскій судъ. Спб. 1887 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 64. Спб. 1888. Стр. 161. Ц. 3 р.

Настоящій выпускъ посвященъ въ высшей степени любопытнымъ донесеніямъ въ Парижъ французскаго посланника при русскомъ дворѣ Кампредона и агента Мавяна о первыхъ годахъ, послѣдовавшихъ за смертью Петра Вели., 1725—1727 гг. Это было то время, которое опредѣляло дальнѣйшую судьбу государства на многие годы, и тѣ подробности, какія сообщаются въ донесеніяхъ, выдѣляютъ вполне, вслѣдствіе какихъ именно причинъ, за эпохою Петра Вели., почти непосредственно, безъ всякаго подготовленія, послѣдовала эпоха прямо противоположнаго характера, — какъ ночь смѣняетъ день. Уже при Екатеринѣ I началось то движеніе, которое вышло наружу при Аниѣ Ивановичѣ, съ цѣлью произвести реформу „sur le pied à peu près de celui d'Angleterre“ — „ce qui est la marque la plus prochaine de décadence chez les peuples féroces et accoutumés à l'esclavage“, — разсуждаетъ Кампредонъ, раздѣлявшій взгляды иностранцевъ на принимаемые ими нашимъ обществомъ особенности, которыя требуютъ для него особахъ порядковъ, такъ какъ порядки европейскіе могутъ быть губительны ему. Вся любопытная борьба, завлававшая на такой почвѣ, еще при Екатеринѣ I, изложена въ донесеніяхъ со всѣми закаульными подробностями, которыя бросаютъ свѣтъ на всю эпоху, отдѣляющую вѣкъ Петра Великаго отъ вѣка Екатерины II.

Святскій Архивъ. I. Именные указы императора Павла I. Спб. 1888. Стр. 746 и 230.

Цѣль настоящаго изданія состоитъ въ томъ, чтобы восполнить пробѣлы Полнаго Собранія Законовъ невошедшими въ него Высочайшими повелѣніями съ конца 1796 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ издать другіе документы, изъ того же времени, представляющіе интересъ въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ. Настоящій выпускъ ограничивается пока первую задачею, а потому и не можетъ еще представлять историческаго и научнаго интереса: это — длинный рядъ указовъ о производствѣ въ чинахъ, о наградахъ, пенсіяхъ, о возведеніи въ дворянское достоинство, объ отставкахъ и т. п. Притомъ, въ большинствѣ случаевъ, сообщаются одни оглавленія указовъ, какъ, напримѣръ, отъ 21-го сент. 1799: „Именной, данный сенату, о томъ, чтобы начальствующіе въ губерніяхъ не выходили изъ предѣловъ должности своей“; или, отъ 23-го авг. того же года: „Именной, данный сенату, объ отсылкѣ духоборцевъ въ Екатеринбургъ вѣчно къ работѣ рудниковъ“, и мн. друг.

Лекціи по русскому уголовному праву, читанныя Н. С. Таганцевымъ. Часть обшая, выпускъ второй. С.-Петербургъ, 1888. Стр. 381—974.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о первомъ выпускѣ этого полнаго изданія; второй выпускъ обнимаетъ собою ученіе о преступномъ дѣяніи (его составѣ, его виновникѣ, его объектѣ) и о преступной дѣятельности (ея условія, ея развитіе, участвующія въ ней лица). Авторъ дошелъ теперь именно до того пункта,

до котораго доведеть его „Курсъ уголовного права“; слѣдующіе выпуски „Лекцій“ будутъ представлять, поэтому, еще болѣйшій интересъ новизны, чѣмъ два вышедшіе до сихъ поръ.

Критическіе этюды по русской литературѣ. К. К. Арсеньева. Въ двухъ томахъ. Спб. 1888. Стр. 350 и 357. Ц. 3 р.

Настоящее изданіе представляетъ собою сборникъ статей, помѣщавшихся въ нашемъ журналѣ, за послѣднія 10 лѣтъ, 1878—88 гг. Первый томъ, почти весь, посвященъ „сатиры Салтыкова“, неутомимо спровозвавшей русскую общественную жизнь на всѣхъ ея путяхъ, въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ до „Помехонской старинки“, которую М. Е. Салтыковъ открылъ пятое десятилѣтіе своей литературной дѣятельности, какъ бы для того, чтобы еще разъ оглянуться во мракѣ оставляемыхъ нами позади десятилѣтій. „Если бы изъ всѣхъ сочиненій Салтыкова — такъ заключаетъ авторъ — уцѣляли только „Столы“ и „Большое мѣсто“, то и тогда можно было бы сказать, что онъ жилъ и дѣйствовалъ не даромъ“; что его слѣдуетъ отнести къ тѣмъ, кто „пропихиваетъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанія“. Въ томъ же томѣ помѣщенъ хотя и не столь обширный, но полный обзоръ дѣятельности другого, также весьма симпатичнаго писателя, извѣстнаго подъ псевдонимомъ: „В. Крестовскій“. Второй томъ весь состоитъ изъ цѣлага ряда болѣе мелкихъ статей, посвященныхъ Некрасову, А. Н. Майкову, Я. П. Полонскому и Ив. С. Аксакову, какъ поэту, а также другимъ поэтамъ самаго послѣдняго времени; вторая половина этого же тома занята изслѣдованіями въ области нашей беллетристики и преимущественно трудовъ „молодыхъ“ ея представителей. Въ своемъ предисловіи авторъ приходитъ къ тому общему выводу, „что настоящее нашей поэзіи и нашей беллетристики не такъ уже бѣдно и блѣдно, чтобы съ нимъ можно было кончить нѣсколькими пренебрежительными словами; конечно, оно далеко уступаетъ недавнему прошлому — но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы оно заслуживало только порицанія и отрицанія“.

Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова. Спб. 1888. Стр. 512. Ц. 1 р. 50 к.

Въ биографіи В. И. Водовозова, недавно помѣщенной въ нашемъ журналѣ, были приведены весьма небольшіе образцы его какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ стихотвореній, — и они свидѣтельствовали о несомнѣнномъ поэтическомъ дарованіи покойнаго, весьма симпатичномъ и искреннемъ. Настоящій сборникъ еще болѣе поддерживаетъ такое впечатлѣніе. Кромѣ переводовъ изъ древнихъ лирическихъ поэтовъ, ваковы Анакреонъ, Каталдъ, встрѣчаются и обширныя труды — переводы лучшихъ трагедій Софокла, Эврипида и образцы сатиры Горация. Изъ современныхъ поэтовъ Водовозовъ, повидимому, особенно любилъ Гейне; сверхъ многочисленныхъ мелкихъ его стихотвореній, переведена цѣлкомъ и обширная сказка-сатира: „Германія“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1888 г.

(Двадцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разорочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—безъ повышенія годовой цѣны подписки.

НВ.— Съ перваго марта открыта подписка на 2-ую четверть года. — НВ.

Ближние магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычномъ уступкомъ.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжн. магаз. Э. Мелле, на Невск. просп., у Полиц. моста; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20, и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожествѣ подписчика. — 2) *Перемяна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на несправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

APR 12 1963

